

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Годъ тринадцатый.

АПРѢЛЬ.

1882 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Севастополь съ 21-го марта по 28-е августа 1855 г. Воспоминанія А. А. Вязмитинова . . . 1	VIII. Лермонтовъ въ переводѣ французскихъ писателей, 1842—1875 гг. Статья первая. Состав. В. Е. Шульдъ 221
II. Записки сенатора Я. А. Соловьева: крестьянское дѣло въ 1858 г. Глава пятая, I—IV. 105	IX. Россія и Польша въ 1798—1831 гг. Письма Констанюшко въ имп. Павлу и Александру I.— Письмо Александра I-го къ Констанюшко.— А. И. Чернышевъ.— Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ Варшавѣ въ 1816—1828 гг.— Александръ I и сеймы въ Варшавѣ, въ 1820—1825 гг.— Польскіе генералы въ 1828 г.— Кн. П. М. Волконскій.— Гр. А. А. Аракчеевъ, Николай I и гр. Сакенъ 241
III. Записки Сельскаго Священника: «бѣлое духовенство и его интересы». Главы XVII—XXIV. . . . 71	X. Историческіе матеріалы и замѣтки: Указъ царя Алексѣя 1651 г.— Дѣло о стихахъ на генерала Рота.— Императоры Александръ I и Николай I.— Ген.-ад. Дибичъ.— Выговоръ За-кренскому.— Изъ исторіи святи-союза.— Александръ гусаръ, полкъ. Сообщ. А. А. Вязмитиновъ.— В. И. Назимовъ.— П. М. Спелъняковъ. 277
IV. Александръ I и его военные сподвижники: гр. М. С. Воронцовъ, С. Маевскій, Храповицкій, Ермоловъ. Сообщ. Н. С. Маевскій. 195	XI. Библиографическій листокъ [на оберткѣ].
V. Ниязь А. Н. Голицынъ и архимандритъ Фотій, 1822—1825 гг. Сообщ. съ предисловіемъ профессора Н. И. Барсуковъ. 205	
VI. Императоръ Николай Павловичъ и гр. Дибичъ-Забалканскій во время Турецкой войны, Переписка июль—июль 1829 г. 155	
VII. Александръ Ивановичъ Тургеневъ въ его письмахъ. 1841 г. Примѣчанія состав. Н. П. Барсуковъ. 177	

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 г. Рисунокъ профессора А. Шарлеманя. Гравировала Акад. Л. А. Сѣряковъ.—II. Портретъ поэта князя Александра Ивановича Одоевскаго († 1839 г.), гравировала Г. И. Грачевъ, ученикъ Академика Сѣрякова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Еваторинскій павильонъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, № 90—1.

1882.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1882 г.

Архивъ князя Воронцова. Книга XXII. М. 1881. 558 стр. Ц. 3 р.

Весь этотъ томъ занятъ письмами барона Андрея Львовича Николаи къ графамъ С. Р. и А. Р. Воронцовымъ (1796—1819 гг.), сына его, барона Павла Андр. Николаи къ гр. С. Р. Воронцову (1801—1825) и письмами гр. С. Р. Воронцова къ барону А. Л. Николаи (1796—1816).

Баронъ А. Л. Николаи, уроженецъ Страсбурга (предки его переселились сюда изъ Швеции), воспитывался въ тамошнемъ университетѣ, а потомъ поселился въ Парижѣ, гдѣ сошелся съ кружкомъ энциклопедистовъ. Затѣмъ онъ посѣтилъ Францію и Англію съ дѣтьми гетмана Разумовскаго. Последнее обстоятельство содѣйствовало приглашенію его въ качествѣ наставника къ вел. кн. Павлу Петровичу (1769). Ему принадлежитъ, написанное для вел. князя, сочиненіе: «Обозрѣніе политическаго состоянія Европы» (1772). Послѣ этого онъ состоялъ секретаремъ при обѣихъ супругахъ Павла Петровича и сопровождалъ графа и графиню Сѣверныхъ въ ихъ путешествіи по Европѣ. Онъ извѣстенъ также какъ писатель (на нѣмецк. яз., 2-е изд., 2 тома, 1811) и переводчикъ молюеровыхъ «Ученыхъ женщинъ» и «Тартюфа», а объ его художественномъ вкусѣ свидѣльствуетъ устроенное имъ Выборгское помѣстье Монрепо, гдѣ онъ и скончался въ 1820 г. Глюкъ и Метастазіо были его друзьями.

Еще въ 1762 онъ встрѣтился у русскаго посланника въ Вѣнѣ, кня. Д. М. Голицына, съ молодымъ графомъ С. Р. Воронцовымъ и сблизился съ нимъ; но только въ 1795 г., послѣ долгой разлуки, между ними возникаетъ задушевная переписка, (на франц. яз.). Сынъ барона Николаи (воспит. у извѣстнаго писателя Фосса) поступилъ тогда къ Воронцову на службу въ Лондонское посольство и сдружился здѣсь съ будущимъ фельдмаршаломъ, тогда еще молодымъ человекомъ, кня. М. С. Воронцовымъ. Потомъ бар. Пав. А. Николаи служилъ по дипломатической части, и состоялъ до 1817 г. русскимъ посланникомъ въ Дании. Такова связь этихъ отношеній.

Такимъ образомъ интересъ настоящихъ писемъ сосредоточивается на политиче-

скихъ и дипломатическихъ отношеніяхъ съ конца царств. Екатерины II до царств. Александра I включительно и на придворной жизни; отчасти они касаются состоянія академіи наукъ и нѣкоторыхъ литературныхъ явленій; наконецъ частныхъ отношеній. Весьма любопытно объясненіе причины опалы графа Н. П. Панина, постигшей его въ началѣ царств. Александра I (117—119). Въ той же перепискѣ находится не мало извѣстій о современныхъ политическихъ дѣятеляхъ—русскихъ и иностранныхъ.

Историческіе матеріалы. Изъ архива кievскаго губернскаго правленія. В. I. Изд. ред. Кіев. Губ. Вѣд. К. 1882. 211. Ц. 50 к.

Мы не разъ уже указывали на страницахъ библиографическаго листка всю пользу подобныхъ сборниковъ, т. е. перепечатки со столбцевъ губерн. вѣдомостей матеріаловъ, имѣющихъ историческій интересъ. Къ такимъ сборникамъ принадлежитъ и настоящій. Онъ не представляетъ систематическаго цѣлаго, но въ отдѣльности самыя акты заслуживаютъ вниманія со стороны мѣстнаго бытописателя. Вотъ перечень важнѣйшихъ изъ нихъ: дѣло 1752 о гайдамакахъ; поземельные споры монастырей 1752—58, 1778 гг.; контрабанда; пограничныя отношенія съ поляками въ 1789 г.; къ исторіи кievскаго городского хозяйства въ концѣ XVIII столѣтія; перепись евреевъ въ малорос. губерніяхъ 1792 г.; къ характеристикѣ нравовъ 1776—93 гг.; высшая кievская администрація съ 1654—1777 г.; голодъ въ кiev. губ. въ 1799; свѣдѣнія о лицахъ духовнаго званія въ кiev. намѣстничествѣ; къ исторіи кievскаго варенья и т. п. Къ сборнику приложенъ указатель именъ.

В. И.

Н. В. Гербель: Гимназія выспшихъ наукъ и лицей князя Безбородко. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1881 г. 474+CLXXXVIII стр. въ 8 д. л. (десять литографій).

Н. В. Гербель принадлежитъ къ числу нашихъ дѣятельнѣйшихъ переводчиковъ, писателей-библиографовъ и тѣхъ издателей, которымъ за послѣдніе двадцать лѣтъ отечественная литература обязана многими

РУССКАЯ СТАРША

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1882

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

[ТОМЪ XXXIV].

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ОДОЕВСКІЙ

1804 — 1839.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1882 Г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 11 ФЕВРАЛЯ 1882 Г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГOTOВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ КНИГЪ.

Digitized by Google

СЕВАСТОПОЛЬ ОТЪ 21 МАРТА ПО 28 АВГУСТА 1855 Г.

I.

До мартовской въ 1855 г. бомбардировки, болѣе или менѣе уцѣлѣвшія части Севастополя покрывали площадь, равную пространству, занимаемому нѣкоторыми изъ нашихъ губернскихъ городовъ. Сравнены съ поверхностью земли были только тѣ части города и его предмѣстій, гдѣ стояли укрѣпленія: 2-й и 3-й бастионы, Ростиславскій редутъ и проч.; ближайшіе къ укрѣпленіямъ кварталы города были, конечно, въ развалинахъ; но въ сѣверныхъ частяхъ Екатериненской и Морской улицъ и въ прилегавшихъ къ бульвару переулкахъ нѣкоторые дома еще вовсе не были отмѣчены снарядами. На всемъ пространствѣ, между Николаевскимъ фортомъ, рестораномъ Томаса (на Екатериненской улицѣ), библіотекою и базаромъ, едва ли можно было насчитать десятка два ямъ, вырытыхъ разорвавшимися бомбами; всѣ эти мѣста были наполнены жителями: семействами моряковъ, флотскихъ чиновниковъ, и множествомъ бабъ, бойко торговавшихъ на базарѣ и разносившихъ, подъ свистомъ пуль, блины и лепешки. Въ иномъ губернскомъ городѣ нѣтъ столькихъ лавокъ, трактировъ, булочныхъ, сколько ихъ было тогда въ осажденномъ Севастополѣ. Пробоины на крышахъ домовъ, гдѣ помѣщались рестораны Томаса и Шнейдера, тогда еще служили для нихъ предметомъ нѣкотораго тщеславія; а полковые казначеи и квартирмейстеры, изрѣдка прѣзжавшіе съ Сѣверной стороны, съ любопытствомъ спрашивали сторожа библіотеки о бомбѣ, влетѣвшей туда осенью и повредившей модель-корабля „Двѣнадцать Апостоловъ“. Въ хорошую

погоду на бульварѣ было много гуляющихъ, и дамскія платья подметали дорожку, между памятникомъ Казарскому и павильономъ. Проваленныя крыши, вышибленныя балки и простѣнки. закопченныя стѣны попадались тогда только по Екатерининской, за домомъ губернатора, въ части города, къ югу отъ библіотеки, на южномъ концѣ Морской, сзади Ростиславскаго редута и въ Артиллерійской слободѣ. Всѣ эти мѣста были покинуты жителями; улицы здѣсь были пусты, изрыты бомбовыми взрывами и покрыты снарядами и осколками. Въ нѣкоторыхъ болѣе уцѣлѣвшихъ домахъ помѣщались кашевары, и здѣсь воздухъ былъ отравленъ запахомъ отъ отбросковъ провизіи и отъ помой. За разрушеннымъ театромъ на мѣстахъ домовъ оставались лишь кучи щебня и мусора, которыми было покрыто все пространство позади 4-го бастиона и чесменскаго редута. По этимъ развалинамъ бродили иногда матросы, выдирали пробои, гвозди и тащили уцѣлѣвшія двери и доски, для блиндажей и землянокъ.

Корабельная слобода была наполнена семействами матросовъ; даже на западномъ скатѣ Малахова Кургана было еще много домишекъ, и въ нѣкоторыхъ гнѣздились еще неугомонныя матроски, пока ихъ оттуда не выгнали снаряды, громившіе Севастополь на Святой недѣлѣ. Стѣна, окрушавшая доки и примыкавшая къ морскимъ казармамъ, хотя и была повреждена, но еще не походила на рѣшето, а за казармами возвышался пронизанный ядрами куполь принадлежавшей морякамъ церкви.

На Большомъ рейдѣ стояли остатки славнаго черноморскаго флота. Бухта перерѣзывалась линіею кораблей, повернутыхъ бортами къ морю; тутъ были корабли: „Великій князь Константинъ“, „Цариха“, „Храбрый“, „Чесма“ и „Марія“. Шестой изъ уцѣлѣвшихъ кораблей „Ягудиль“, кажется, не былъ въ этой линіи и стоялъ отдѣльно, не могу навѣрно припомнить—гдѣ именно; помнится, что въ теченіи осады онъ разъ или два перемѣнилъ мѣсто. Фрегатъ „Коварна“ и нѣсколько транспортныхъ судовъ стояли близъ сѣвернаго берега бухты, въ одномъ изъ ея заливовъ; недалеко отъ нихъ, помнится, стоялъ и фрегатъ „Кулевча“.

На всѣхъ этихъ судахъ, не смотря на исключительныя обстоятельства, неизмѣнно поддерживались совершенная чистота и щегольской порядокъ; чисто-начисто вымытыя палубы были также безукоризненно свѣжи, какъ воротнички англиканскаго епископа:

на люминаторахъ—ни пылинки; всякая мѣдная скоба была ярво вычищена. Вся эта чистота и свѣжесть, обычная для военныхъ судовъ, бросалась въ глаза теперь, когда все въ Севастополѣ было грязно, неопратно и весь онъ былъ погруженъ въ зловоніе.

Ничего подобнаго этому порядку не было, да и быть не могло, на мелкихъ судахъ черноморскаго флота, корветахъ, шхунахъ и бригахъ, стоявшихъ въ Южной бухтѣ; да щеголеватость здѣсь была и не нужна, такъ какъ, въ сущности, суда эти перестали быть военными, по крайней мѣрѣ на это время: они стояли поперекъ бухты, и положенныя на ихъ борты доски составляли узкое полотно, по которому можно было даже пробѣгать верхомъ. Это было въ то время единственное сообщеніе городской части съ Корабельной слободкой; весною оно прервалось, потому что непріятельскіе снаряды потопили нѣкоторыя изъ этихъ судовъ, и сообщеніе города съ слободкой поддерживалось катерами и шеландами, ходившими отъ Графской пристани къ Павловскому мыску. Впослѣдствіи былъ построенъ плавучій мостъ, изъ бревень, гораздо сѣвернѣе прежняго, отъ низменнаго мыска, отдѣлявшаго входъ въ доки отъ Южной бухты.

Хотя артиллерійская прислуга, на севастопольскихъ укрѣпленіяхъ, и занимавшія ихъ войска несли оцутительныя потери и въ первое полугодіе осады, но до послѣднихъ чиселъ марта батареи еще не представляли картины той непрерывающейся бойни, которая, въ послѣдніе мѣсяцы обороны Севастополя, характеризовала ее. Въ иные дни враги, на перевязочныхъ пунктахъ, дремали и играли въ пикетъ. На батареяхъ текла своеобразная жизнь, нарушаясь кровавыми эпизодами; но кровь тогда представляла лишь пятна на картинѣ, а не фонъ ея, какъ было въ послѣдній періодъ осады. Матросы имѣли еще досугъ добывать изъ разрушенныхъ домовъ бревна и строить изъ нихъ блиндажики; оттуда-же добывались доски, изъ которыхъ около доковъ и за правымъ флангомъ 5-го бастиона какіе-то оборотливые ребята сколачивали гробы; товаръ у этихъ комерсантовъ не залеживался. Изрѣдка матроски приносили на батареи, для продажи, сайки и квась; на 5-мъ и 6-мъ бастионахъ появлялся одинъ длиннородый мѣщанинъ, въ долгополомъ нанковомъ кафтанѣ, съ мѣшкомъ орѣховъ на плечахъ, почти всегда полупьяный; дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, вѣроятно дочь его, носила за нимъ небольшіе мѣдные

вѣсы и часто, отъ страха, плакала. Не знаю—уцѣляла-ли бѣдняжка; съ конца мая ея уже не было видно.

Изрѣдка и въ то время перестрѣлка оживлялась; но обыкновенно она велась вяло, какъ бы лишь для соблюденія формальностей осады и обороны ¹⁾. Штуцера лѣниво трещали; изрѣдка гудѣль пушечный выстрѣлъ съ той или другой батареи; отвѣтный дымъ клубился надъ непріятельской амбразурой, сигнальщикъ кричалъ: „берегись, пупка-а!“—и ядро, визжа, неслоь черезъ гребень бруствера или съ глухимъ звукомъ врѣзывалось въ мерлонъ. По ночамъ пальба усиливалась; ружейные огоньки сверкали по укрѣпленіямъ, орудія перестрѣливались чаще; поминутно огненные полоски бороздили темное небо, красноватя звѣздки быстро возносились на высоту, какъ будто пріостанавливались тамъ на мгновение и потомъ опускались, сначала медленно, а потомъ все съ бѣльшею и бѣльшею скоростью, на какую нибудь батарею; черезъ нѣсколько секундъ вспыхнувшій огонь освѣщаль ея мерлоны и раздавался трескъ лопнувшей бомбы.

До десятыхъ чисель февраля огонь непріятеля былъ сильнѣе противъ Малахова и 4-го бастиона. Но съ постройкою Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ и Камчатскаго люнета этотъ фаворитизмъ перешель къ нимъ. Не то, чтобы уменьшилось количество снарядовъ, падавшихъ на Курганъ и на 4-й бастионъ; непріятель ихъ не обдѣлялъ. Но на вновь построенные редуты снаряды падали въ удесатеренномъ количествѣ, чему обыкновенно подвергаются контръ-апроши. Въ то время, когда на нѣкоторыхъ батареяхъ можно было считать перелетавшіе черезъ нихъ снаряды лишь десятками и когда, въ иные дни, на флангахъ нашей оборонительной линіи вовсе не было слышно жужжанія ядеръ, Селенгинка, Волынка и Камчатка въ такой степени ощущали тяжесть осады, въ какой на другихъ батареяхъ она ощущалась только мѣсяца черезъ три-четыре, въ послѣдній ея періодъ. Селенгинскій и Волынскій редуты построены были наскоро, выдвинуты далеко впередъ и отдѣлялись отъ оборонительной линіи Киленбалкою и пространствомъ, около версты, открытымъ для

¹⁾ Перестрѣлку эту я называю вялою, конечно, лишь по сравненію съ пальбою въ послѣдній періодъ осады Севастополя. Безотносительно-же, пальба была значительна и въ первые шесть мѣсяцевъ. В.

непріятельскаго пушечнаго и штуцернаго огня. Брустверы редутовъ, составленные изъ двухъ-трехъ рядовъ туровъ, насыпанныхъ рыхлыми камнями, были слишкомъ тонки и низки, чтобъ защищать внутренность редутовъ отъ ядеръ; значительно утолстить брустверы, при непрерывно поддерживаемомъ французами разрушительномъ огнѣ, было невозможно: скопленіе значительной массы рабочихъ стоило-бы намъ весьма большихъ жертвъ, а результатъ работъ двухъ-трехъ сотъ человѣкъ былъ ничтоженъ, такъ какъ грунтъ здѣсь состоялъ изъ сплошнаго камня и едва поддавался киркѣ и лому. Все, что намъ удавалось, съ большими усилями, сдѣлать—это не допускать насыпи до разрушенія и по ночамъ исправлять поврежденія, которыя дѣлались непріателемъ днемъ. Въ особенности, редуты терпѣли отъ бомбъ, которыя разносили цѣлыя мерлоны, разщепляли платформы и убивали осколками прислугу при орудіяхъ и людей гарнизона, незащищенныхъ ни однимъ траверзомъ. Врачамъ, дежурившимъ на перевязочномъ пунктѣ, находившемся въ балочкѣ, за Селенгинскимъ и Волинскимъ редутами, работы было много; въ балочку часто залетали снаряды, и это былъ, въ то время, самый опасный изъ перевязочныхъ пунктовъ. Окончивъ здѣсь свое дежурство, врачи смѣнялись съ особенною стремительностью. Отсюда можно было пройти въ городъ по удобной тропинкѣ, шедшей по горкамъ, отвѣсно обрывавшемся у бухты; но мѣсто это было сильно обстрѣливаемо. Другая тропинка, защищенная отъ снарядовъ и пуль, шла внизу, у самой воды; но она была едва намѣчена и совершенно прерывалась тамъ, гдѣ вода подходила къ самымъ прибрежнымъ скаламъ. Тутъ можно было пробраться только по выглядывавшимъ изъ воды камнямъ. Смѣнявшіеся съ дежурства врачи предпочитали этотъ послѣдній путь и дѣлали забавные прыжки, перескакивая съ камня на камень.

На Селенгинскомъ редутѣ я провелъ Страстную недѣлю, встрѣтилъ Пасху и пробылъ всю мартовскую бомбардировку. Въ послѣдніе дни страстной недѣли непріятель менѣе обыкновеннаго беспокоилъ Севастополь, вѣроятно, сберегая снаряды для бомбардированія, подготовляемаго къ 28 марта. На второй день Святой недѣли мы поняли причину сравнительнаго бездѣйствія непріятеля въ предшествовавшіе дни; тогда-же мы думали, что это дѣлается изъ уваженія къ днямъ, которые одинаково должны были-бы

чититься всѣмъ христіанскимъ міромъ, такъ какъ Пасха въ томъ году и у насъ, и на Западѣ приходилась въ одинъ и тотъ-же день.

Ночь, наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія, была темная и холодная. На редутъ должны были быть отслужены утренняя и обѣдняя. У амбразуры бомбовой пушки (комендоръ Фоменчукъ), стоявшей на правомъ фасѣ редута, близъ выхода изъ пороховаго погреба, висѣлъ мѣдный крестикъ и былъ прикрѣпленъ къ туру листъ бумаги (помнится—безъ рамки), на которомъ перомъ и черниломъ кое-какъ нарисованъ былъ ликъ Богоматери. Никогда мнѣ не случилось потомъ встрѣчать подобнаго образа, да ни одинъ изъ нашихъ простолюдиновъ даже и не призналъ-бы его за образъ, такъ какъ онъ лишенъ былъ непремѣннаго атрибута святости: той красочной мази, которою пестрѣютъ образа, разносимые офенями. Какъ ни неумѣло, однако, былъ сдѣланъ на этомъ листѣ бумаги рисунокъ, онъ, все-таки, былъ менѣе неизященъ, нежели *chef-d'oeuvre* холуйскихъ Фіезоле. Этотъ образъ перенесли на передній фасъ редута и прикрѣпили къ туру, немного правѣ капонира; передъ образомъ зажгли восковыя свѣчи, и матросы ставили свѣчки въ теченіи всей ночи. Утренняя и обѣдняя были отслужены при гулѣ непріятельскихъ пушечныхъ выстрѣловъ; церковное пѣніе иногда прорѣзывалось громкимъ предупредительнымъ крикомъ сигнальщика и черезъ молящуюся толпу переносились снаряды. Одна изъ бомбъ начала было опускаться прямо на насъ, но, къ счастью, разорвалась въ воздухѣ, не долетая нѣсколько саженей до редута.

Не помню, молчали-ли въ день Свѣтлаго Воскресенія орудія на другихъ батареяхъ; но Селенгинскій и Волинскій редуты не сдѣлали ни одного выстрѣла. Непріятельскія орудія дѣйствовали слабо, но ружейный огонь былъ гораздо сильнѣй обыкновеннаго. Говорили, что французы, для празднованія Пасхи, были выведены изъ траншей и вмѣсто нихъ тамъ поставлены были турки. Мы не имѣли случая провѣрить этотъ слухъ, но онъ казался намъ правдоподобнымъ, такъ какъ ружейная пальба велась нелѣпо и безцѣльно.

День Свѣтлаго Воскресенія былъ солнечный и безоблачный. Уже съ разсвѣтомъ пули засвистѣли надъ Селенгинскимъ редутомъ, и стрѣльба все учащалась. Большинство нашей орудейной прислуги спало около орудій; нѣкоторые матросы свернулись въ

укромныхъ уголкахъ, другіе-же распростерлись на платформахъ, не ощущая, что черезъ нихъ шагали и наступали имъ на руки и на ноги. Не смотря на отдаленность редутовъ отъ города, изъ экипажей доставлено было матросамъ разговѣнье, передъ обиліемъ котораго большинство ихъ подалось. Только немногіе, сравнительно трезвые и обладавшіе поразительно емкими желудками, сидѣли на лафетахъ и турахъ и продолжали разгавливаться, хотя уже не такъ порывисто, какъ ночью. Прислуга ближайшей къ моему банкету бомбовой пушки представляла различныя стадіи состоянія невмѣняемости. Комендоръ Фоменчукъ лежалъ на платформѣ, просунувъ голову подъ тали орудія. Это былъ старый и бравый матросъ, плотный, рыжеватый и рябой; онъ былъ очень мужественъ, часто грубъ и нѣкогда не упустилъ случая выпить; онъ не находилъ достаточнымъ удовольствіе выпивать ежедневно отпускаяшіеся чарки, а сливалъ ихъ въ бутылъ во всѣ будничные дни недѣли, чтобы потомъ, въ воскресенье, собранною такимъ образомъ водкою напиваться до безчувствія. Эта привычка припасать не на черный, а на красный день была, впрочемъ, не у одного Фоменчука, а у многихъ матросовъ. Не смотря на регулярныя воскресныя и случайныя будничныя выпивки, Фоменчукъ былъ хорошій комендоръ. На той-же платформѣ нѣсколько матросовъ лежало такъ же безпомощно, какъ валяются на морскомъ берегу медузы, послѣ отлива. Двое или трое сидѣли на пушечномъ станкѣ, на „медвѣдкѣ“, какъ они его называли. Опершись о винградъ, стоялъ недавно поступившій въ экипажъ рекрутикъ. Онъ смотрѣлъ средней руки медвѣжонкомъ и не успѣлъ еще усвоить той походки и тѣхъ манеръ, по которымъ можно издали узнать матроса, какъ бы его ни перерядили. Его ротъ былъ плотно набитъ куличемъ, и, глядя на него, я уже не удивлялся аппетиту тѣхъ эскимосовъ и якутовъ, о которыхъ повѣствуютъ Джонъ Россъ и Кохрень. Едва ли можно сомнѣваться, что поглощенная имъ масса пищи частью оставалась непереваренной, когда, на другой день, утромъ, его туловище валялось близъ той же платформы, а оторванная ядромъ голова была унесена куда-то за брустверь.

День Свѣтлаго Воскресенія прошелъ, не отличаясь рѣзко отъ предшествовавшихъ ему дней страстной недѣли. Только меньше бомбъ лопнуло надъ редутомъ, больше пуль пролетѣло надъ

нимъ, да платформы и банкеты пестрѣли красною яичною скорлупою. Къ вечеру тучи покрыли небо и въ сумерки пошелъ мелкій дождь и подулъ холодный вѣтеръ.

Часамъ къ девяти вечера, совершенно промокшіе и ооченѣлые, мы пріютились у дверей пороховаго погреба, чтобъ подъ нависшими надъ входомъ бревнами накатника немного защититься отъ вѣтра. Черезъ двадцать-тридцать минутъ, вода, пропитывавшая мое платье и бѣлье и покрывавшая тѣло, нѣсколько согрѣлась, и мною начала овладѣвать дремота, хотя крупныя, холодныя дождевыя капли, заносимыя подъ навѣсъ вѣтромъ, кропили мнѣ лицо. Немногіе офицеры сидѣли и разговаривали; остальные спали, скорчившихъ и прижавшись плотнѣе къ дверямъ погреба и къ боковымъ откосамъ спуска. Ночь была очень темная, на редутѣ было тихо; только съ ближайшей платформы слышался говоръ протрезвившихся матросовъ. Вдругъ, въ цѣпи, стоявшей впереди Селенгинскаго и Волинскаго редутовъ, раздалось нѣсколько отдѣльныхъ выстрѣловъ, и вслѣдъ за тѣмъ затрещала стрѣльба по всей цѣпи. Со стороны непріятеля къ намъ доносился крикъ, похожій на „ура“; трескъ и сверканье огоньковъ въ нашей цѣпи быстро приближались къ редутамъ. Прислуга послѣшно стала по орудіямъ, и велѣно было зарядить картечью.

Въ цѣпи, зашедшей за фланги редутовъ, раздался условный сигналъ. Изъ амбразуры Волинскаго редута вырвался огонь, грянулъ выстрѣлъ — и редутъ заговорилъ всѣми орудіями передняго и праваго фасовъ. По гребню бруствера бѣгло засверкалъ ружейный огонь, огненною полосою отчетливо обозначая очертанія редута. Съ громомъ и шипѣньемъ выносилась картечь изъ переднихъ амбразуръ нашего редута. На Камчаткѣ загорѣлся фальшфейеръ; лѣвый ея фасъ засверкалъ, фланкируя насъ, и вслѣдъ за тѣмъ загрохотали орудія 4-й оборонительной линіи, отъ Малахова Кургана до 1-го бастіона, включительно. Непріятель отвѣчалъ преимущественно ядрами. Снаряды неслись черезъ насъ по всѣмъ направленіямъ и рикошетировали передъ редутомъ. Наши бомбы взвивались изъ-за Киленбалки, медленно поворачивались въ высотѣ надъ Волянкою и неслись въ Георгіевскую балку. Одна изъ нихъ, брошенная, кажется, со втораго бастіона, начала было опускаться на передній лѣвый уголъ нашего редута; но, къ счастью, она лопнула, не долетая саженой восьми до земли, и

осколки разлетѣлись за валы. Всѣ наши выстрѣлы дѣлались на удачу, безъ наводки, съ приблизительнымъ лишь направлениемъ орудій и подъемомъ клинъевъ, потому что ночь была такъ темна, что человекъ могъ стать на вершину контръ-эскарпа, не будучи замѣченъ съ укрѣпленія; огонь выстрѣловъ освѣщалъ только щеки амбразуръ, да нѣсколько шаговъ за рвомъ: дождь не пропускалъ свѣта далѣе. Не смотря, однако же, на трескъ и грохотъ, мы вскорѣ замѣтили, что слышимый съ непріятельской стороны крикъ не приближался къ намъ, и не открывали ружейнаго огня. Командоръ орудія, стоявшаго правѣе капонира, медлилъ выстрѣломъ. „Не копаться“, крикнулъ ему мичманъ Ф., „стрѣлай!“ Стрѣлки 1-ой карабинерной роты, занимавшіе банкетъ около орудія, думая, что приказаніе это относится къ нимъ и не видя въ темнотѣ приказывавшаго, отерли было огонь, но его тотчасъ же остановили. Минскій батальонъ, занимавшій Волянку, прекратилъ его также. Вскорѣ получено было извѣстіе, по которому орудія на редутахъ замолчали. Оказалось, что цѣпь напрасно поторопилась отступить, такъ какъ французы не показывались изъ своихъ траншей; причина же слышавшагося оттуда сильнаго крика осталась неразъясненною. Орудія Малахова Кургана и 2-го бастіона еще съ полчаса лѣниво перестрѣливались съ осадными батареями. Въ продолженіи всей этой ночи шелъ дождь, и на насъ не осталось ни одной нитки сухой.

Лѣвѣе пороховаго погреба была небольшая землянка, гдѣ ютились отбывшіе свою очередь у орудій матросы и куда они складывали засаленные узлы и тряпки, „наши вещи“, какъ они называли всю эту дрянь. Къ потолку землянки было прикрѣплено нѣсколько ружей, для чего то данныхъ орудейной прислугѣ; тутъ же висѣли суменъ, съ розданной матросамъ на руки провизіей. Въ углу стоялъ боченокъ съ провисшимъ и вонючимъ квасомъ. Изъ землянки несло сыростью и плѣсенью. Въ ненастную погоду приходилось здѣсь укрываться отъ дождя офицерамъ, отбывшимъ свою очередь на банкетѣ и при работахъ. Землянка не представляла, конечно, убѣжища отъ навѣсно падавшихъ снарядовъ; но отъ осколковъ здѣсь было безопасно, и прицѣльно брошенные снаряды не задѣвали крыши, если не были наизлетѣ. Совершенно промокнувъ во время ночной перестрѣлки, я вошелъ въ землянку, легъ въ углу, подложивъ себѣ подъ голову чью-то шинель, и сейчасъ же крѣпко уснулъ.

II.

Мое пробужденіе, на слѣдующій день, совпало съ открытіемъ непріятельской канонады. Это было началомъ того адскаго бомбардированія, которое началось рано утромъ 28-го марта и продолжалось почти двѣ недѣли. Не помню уже, проснулся ли я за нѣсколько минутъ до открытія непріятельскаго огня или былъ разбуженъ первыми залпами. Впрочемъ выраженіе „первые залпы“ вовсе тутъ не подходитъ: никакихъ тамъ ни первыхъ, ни вторыхъ залповъ не было, а во весь день 28-го марта былъ одинъ только залпъ, грянувшій около пяти часовъ утра и грохотавшій до сумерокъ, когда онъ раскатился на сотни отдѣльно различаемыхъ пушечныхъ выстрѣловъ. Въ теченіе же дня не было таковой полусекунды, когда не гремѣло-бы нѣсколько выстрѣловъ, такъ что ни малѣйшаго промежутка между ними не было и вся канонада сливалась въ сплошной ревъ. Уже въ первую минуту канонады невозможно было сосчитать несшихся черезъ редутъ снарядовъ.

„По орудіямъ, по орудіямъ, брандировка!“ кричали ошеломленные командиры.

Очередная прислуга суетилась у орудій. Изъ землянокъ, выкпанныхъ за рвомъ задняго фаса редута, сыпались матросы, набѣгу надѣвая куртки и пальто. Съ ревомъ, визгомъ, шипя, неслись на насъ снаряды. Нѣкоторыя наши батареи уже отвѣчали. Шелъ довольно мелкій, но частый дождь. Онъ ли мѣшалъ наводкѣ непріятельскихъ орудій или непріятельскіе наводчики слишкомъ торопились—но первые, направленные въ насъ, снаряды ложились безвредно для насъ; бомбы большею частію разрывались за редутомъ; ядра неслись черезъ валъ. Редутъ нашъ спѣшно готовился къ отвѣту, банники и гандшпуги работали у орудій; на платформахъ слышалось мѣрное „разъ-два-а... разъ-два-а“—натягивали тали. Черезъ нѣсколько минутъ все было готово.

Дымъ вырвался изъ амбразуры капонира: другой—съ лѣваго угла... третій—и нашъ редутъ задрожалъ и загремѣлъ отвѣтными выстрѣлами. Волынка дымилась; Малаховъ Курганъ и Камчатка, кажется, заговорили раньше насъ; вся линія нашихъ укрѣпленій сверкала и гудѣла. Гребни горъ Сѣверной стороны гуще и гуще

застылались дымомъ; клубами вылеталъ онъ изъ амбразуръ сѣверныхъ батарей, выручавшихъ своихъ товарищей.

Орудіе Фоменчука было фланговое и не было направлено на какую-либо изъ непріятельскихъ батарей; но обстрѣливаемое имъ пространство было усѣяно ложементами. Непріятельскіе ложементы были устроены и на находившейся тутъ каменной ломкѣ. Фоменчукъ зорко наблюдалъ за обстрѣломъ своего орудія и, замѣтивъ на каменной ломкѣ движеніе, сказалъ объ этомъ стоявшему близъ орудія штурманскому прапорщику Л—ву.

— Твое туда наведено?—спросилъ Л—въ.

— Туда.

— Валяй!

— Товсь!—гаркнулъ Фоменчукъ, отскакивая отъ орудія, и дернулъ шнурокъ. Шестидесяти-восьми фунтовая пушка, визжа, отпрыгнула и граната понеслась на каменную ломку. Одинъ матросъ вскочилъ на банкетъ.

— Не донесло, сказалъ онъ. Съ каменной ломки не стрѣляли и она была явственно видна, сквозь легкую пелену дыма.

Л въ самъ навелъ орудіе, но и этотъ выстрѣлъ былъ неудаченъ: ядро высоко взбросило землю, перелетѣвъ черезъ ломку. Третій снарядъ попалъ хорошо, и Фоменчукъ отмѣтилъ мѣломъ на подъемномъ клинѣ.

Наши и непріятельскіе выстрѣлы, трескъ бомбъ и гранатъ—все слилось въ непрерывный ревъ и грохотъ. Промежутковъ между выстрѣлами не было и оглушительная сила этого рева возрастала или понижалась, соразмѣрно съ количествомъ орудій, стрѣлявшихъ одновременно. Только выстрѣлы нашего и Волынскаго редутовъ слышались раздѣльно. Масса чугуна текла надъ нашими головами. Въ воздухѣ и, казалось, въ землѣ слышался какой-то потрясающій стонъ. Дымъ такъ сгустился, что орудія направляли и наводили по замѣткамъ, сдѣланнымъ на платформахъ, и подъемныхъ клиньяхъ, послѣ прежнихъ удачныхъ выстрѣловъ. Густая пелена дыма стлалась надъ бухтою. Огонь непріятеля становился все мѣтче и губительнѣе для насъ; бомбы безпрестанно рвались на редутъ, ядра врывались въ амбразуры, врѣзывались въ брустверь и опрокидывали туры, изъ которыхъ онъ исключительно состоялъ. Къ счастью, намокшія отъ предшествовавшаго дождя мерлоны осыпались не такъ легко. Уже много

прислуги убыло, но подбитыхъ орудій пока еще не было, и комендоры живо отстрѣливались. Какой-то поджарый малый лѣтъ семнадцати, босой и засаленный до-нелзя, какъ бѣшеный метался изъ погреба и въ погребъ, вынося оттуда картузы и гранаты. „Гранату“! кричали ему комендоры: „ядро“, — и онъ мчался изъ погреба, съ гранатой въ своихъ цѣпкихъ рукахъ или съ зарядомъ для ядра, такъ какъ самыя ядра лежали у орудій. Непонятно, какъ онъ въ этомъ хаосѣ ошеломляющихъ звуковъ различалъ, что голосъ, кричащій „ядро“, несся отъ тридцати-шести фунтовой пушки, а гранату требовали къ орудію такого-то вѣса.

Съ капонира лейтенантъ С. уставлялъ телескопъ въ дымъ, клубившійся между нашимъ редутомъ и непріятельскими батареями, и дѣлалъ видъ, что видитъ самыя батареи.

— Отлично, сказалъ онъ, сходя съ банкета, — у французовъ завалено шесть амбразуръ.

Никакихъ амбразуръ онъ, конечно, не видѣлъ и сказалъ это для утѣшенія комендоровъ. Передъ редутомъ видны были только дымовыя тучи, прорѣзывавшіяся огнями тамъ, гдѣ онѣ были менѣе густы.

Вскорѣ изъ порохового погреба дали знать, чтобы комендоры поменьше расходовали разрывныхъ снарядовъ. Порохъ какъ-то успѣли доставить на Селенгинскій редутъ въ достаточномъ количествѣ, но снарядовъ было мало. На Селенгинскій и Волинскій редуты и на люнетъ, стоявшій лѣвѣе послѣдняго, не легко было доставлять снаряды. Ихъ подвозили въ катерахъ къ бухточкѣ, находившейся въ полуверстѣ отъ редутовъ, за саперными блиндажами, и оттуда на рукахъ носили на гору, обстрѣливаемую перекрестно. Бомбы и гранаты доставлялись, кажется, не снаряженными и снаряжались на редутахъ.

Начали стрѣлять только ядрами, но ихъ было немного; выстрѣлы раздавались съ Селенгинскаго редута рѣже и рѣже. По мѣрѣ того, какъ ослабѣвалъ огонь редута, непріятельскіе снаряды ложились все вѣрвѣе и вѣрнѣе. Меньше визга и свиста слышалось надъ головою: ядра уже не неслись черезъ укрѣпленіе, какъ въ первыя минуты бомбардировачія, а врѣзывались въ мерлоны и въ щели амбразуръ, разметывая прутья изорванныхъ туровъ. На внутренней площадкѣ редута сверкали огни и клу-

бился дымъ ежеминутно лопавшихся бомбъ, и осколки, урча и визжа во всѣхъ направленіяхъ, били людей на банкетахъ и платформахъ. Раненыхъ едва успѣвали относить къ перевязочному пункту, убитыхъ стаскивали съ редутовъ, кажется, туда же.

Около полудня принесли изъ ротныхъ кухонь ушаты съ солдатскими щами, и мы вошли въ землянку, чтобъ пообѣдать. Едва мы пообѣдали наскоро, какъ надъ нами раздался трескъ лопнувшихъ брусъевъ, поддерживавшихъ досчатый потолокъ землянки; удушливая пыль наполнила всю ея внутренность и земля обдала насъ съ головы до ногъ. Два унтеръ-офицера, стоявшіе близъ выхода, рухнули на полъ, съ головами, проломленными лопнувшими брусьями; одинъ былъ убитъ на повалъ, другой еще слабо стоналъ. Брошенная прицѣльно и бывшая наизлетъ бомба, сдѣлала по крышѣ землянки рикошетъ; къ счастью, она ударила не въ середину крыши, причеъ, конечно, она обрушилась бы и мы были бы задавлены насыпанною на ней землею; ударъ пришелся къ самому углу землянки, и брусъа хотя лопнули и вогнулись, но нѣкоторые изъ нихъ были только надломлены и удержали потолокъ. Съ землянки бомба вскочила на насыпь пороховаго погребка и скатилась оттуда обезсиленная; трубка ее оказалась погасшею. Совокупный громъ нѣсколькихъ тысячъ орудій пяти націй былъ немощенъ, чтобъ прервать сонъ и прогнать хмѣль какого-то пожилаго матроса, съ утра валявшагося въ землянкѣ. Онъ лежалъ близъ выхода, рядомъ съ трупомъ убитаго унтеръ-офицера, покрывшись шинелью, на которую навалилось съ проломленнаго потолка нѣсколько пудовъ земли. Когда всѣ выбѣгали изъ грозившей рухнуть землянки, то кто-то наступилъ ему на кисть руки и только этимъ пробудилъ его на минуту. Онъ приподнялъ было голову и несказанно удивился, видя всеобщее бѣгство, казавшееся ему безпричиннымъ. „Господи, Боже мой! — то входятъ, то выходятъ“, промычалъ онъ сердито, переворачиваясь на другой бокъ.

Часу во второмъ дни канонада, казалось, начала едва замѣтно ослабѣвать, но на правый фасъ редута, въ началѣ дня менѣе другихъ терпѣвшій отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, теперь снаряды ложились въ большомъ количествѣ. Тросовый щитъ¹⁾, за-

¹⁾ Для защиты орудейной припелуги отъ пуль. въ Севастополѣ амбразуры завѣшивались щитами, сплетенными изъ корабельныхъ веревокъ средней толщины; въ щитахъ оставлялось отверстіе, для дульной части орудія. В.

слонявшій амбразуру, въ которую глядѣло орудіе Фоменчука, былъ истрепанъ ядрами; наконецъ, ядро разбило брусъ, на которомъ висѣлъ этотъ щитъ и открыло орудіе совершенно. Уже много прислуги убыло на этой платформѣ; но орудіе замолчало не отъ невозможности замѣстить убывшихъ, а отъ того, что опасались выпустить послѣдній запасъ снарядовъ. На переднемъ фасѣ многія орудія были подбиты; одно изъ нихъ успѣли замѣнить, но новое тоже молчало, по недостатку снарядовъ. Селенгинскій редутъ былъ сильно избитъ и изуродованъ. Валы его, вообще болѣе похожіе на траншейный брустверъ, теперь стали кучами глины и щебня, изъ которыхъ торчали прутья фашинъ и изорванные туры. Земля осыпалась бы еще болѣе, еслибы не была смочена дождемъ. Нѣкоторыя платформы, у амбразуръ передняго фаса, были разщеплены бомбами; даже брустверъ задняго фаса, состоявшій изъ двухъ рядовъ туровъ, мѣстами былъ опрокинутъ снарядами, перелетѣвшими черезъ передній валъ. Почти всѣ земляночки, вырытыя матросами за редутами, были завалены. Много людей снесли за этотъ день на перевязочный пунктъ, устроенный въ полуразрушенномъ каменномъ домикѣ, близъ берега бухты, въ балочкѣ, за возвышеніемъ, занятымъ Селенгинскимъ и Волинскимъ редутами. Снаряды, перелетая черезъ возвышеніе, часто ложились около этого домика, иногда задѣвая остатки крыши или отваливая часть угла. Помощь, подаваемая здѣсь раненымъ, ограничивалась наложеніемъ на рану пучка коршіи и поспѣшною обвязкою ея бинтомъ. Тщательныхъ перевязокъ здѣсь невозможно было дѣлать, такъ какъ раненыхъ было много и нужно было кончать перевязку поскорѣе, подъ трескомъ разрывавшихся бомбъ, которыя могли перебить людей, толпившихся съ носилками.

Къ вечеру огонь непріятеля значительно ослабѣлъ, но канонада не прерывалась во всю ночь, а съ разсвѣтомъ бомбардированіе загорѣлось съ новою силою.

Едва ли возможно точно опредѣлить: сколько дней продолжалось бомбардированіе, такъ какъ оно не окончилось такъ же рѣзко, какъ началось, а ослабѣвая постепенно, незамѣтно перешло въ такую перестрѣлку, какая обыкновенно велась между нашими и непріятельскими батареями. Не легко также опредѣлить: въ какой день бомбардированіе было наиболѣе сильно. Позднѣйшія разнорѣчія въ опредѣленіи времени наибольшаго напряженія

канонады понятны, таеъ какъ они дѣлались людьми, находившимися на различныхъ пунктахъ нашей оборонительной линіи. Въ одинъ день сильнѣе громили однѣ батареи, а въ слѣдующій затѣмъ—другія. Но рассказы о бомбардированіи Севастополя на Святой недѣлѣ, кажется, сходятся въ опредѣленіи пунктовъ наиболѣе страдавшихъ — это наши контръ-апроши: Селенгинскій и Волинскій редуты и Камчатскій люнетъ. Во всѣ послѣдніе дни марта и въ теченіи первыхъ семи-восьми дней апрѣля внутренность Селенгинки представляла картину постоянной, непрерывавшейся ни на одинъ часъ, бойни; но я не могу съ увѣренностью сказать: который изъ этихъ дней былъ наиболѣе кровавъ; мнѣ кажется, что 28-го марта. Человѣческая рѣчь и всѣ данные человѣку способы выражать его представленія о предметахъ безсильны, чтобы дать хотя отдаленное понятіе о томъ, что происходило въ этотъ день. Понятіе объ этомъ днѣ можетъ быть дано единственно повтореніемъ такого дня. Если когда-нибудь было произведено что-либо, подобное этому хаосу потрясающихъ звуковъ, сопровождаемому гибелью и разрушеніемъ всего окружающаго, то это было произведено стихійными силами. Волею же человѣческою съ сотворенія міра ничего въ подобномъ размѣрѣ произведено не было.

За балочкою, гдѣ былъ перевязочный пунктъ, каменистый берегъ круто подымается надъ бухтою. Въ одномъ мѣстѣ волны подмыли отвѣсный берегъ, мягкій известнякъ осыпался и образовалось углубленіе, съ нависшею надъ нимъ каменною массою и съ полоскою земли у бухты. Только сильный вѣтеръ съ моря нагонялъ въ это углубленіе воду; обыкновенно же между скалою и водою была полоса влажнаго песка, аршина въ три-четыре шириною. Сюда батальоны иногда приходили съ редутовъ на отдыхъ или, правильнѣе говоря, здѣсь они находили защиту отъ снарядовъ; отдыхать же на временно обнажившейся части морскаго дна впору развѣ тюленямъ и сивучамъ. Нависшій утесъ хорошо защищалъ это мѣсто отъ снарядовъ; бомба едва ли могла бы обвалить его, а перелетѣвъ черезъ него, падала въ воду и захлебывалась. Только удара въ самый край утеса, снарядъ могъ бы отвалить глыбу камня и раздавить ею человѣка или двухъ; или бомба, не долетая нѣсколькихъ аршинъ до воды, могла разорваться и послать осколки въ нашу нору, что разъ и случилось. Но, вообще, это

мѣсто было самое безопасное на той сторонѣ Киленбалки, и мы могли оттуда спокойно любоваться бухтою и горами крутаго побережья Сѣверной Стороны, увѣнчанными батареями. Часто бомбы низвергались въ бухту; на мѣстѣ паденія бомбы, столбъ водяной пыли взлеталъ на нѣсколько аршинъ вверхъ и вода минутъ пять-шесть бурлила и кипѣла, какъ Нарзанъ; осколки бомбъ, лопавшихся надъ водою, рикошетировали иногда до середины бухты, вышибая брызги съ гладкой ея поверхности. По временамъ на той или другой изъ батарей Сѣверной стороны влился дымъ, грохотъ выстрѣла несся надъ бухтою и эхо отдавалось отъ прибрежныхъ скалъ. Вечеромъ, когда полетъ бомбъ былъ видѣнъ, любопытно было наблюдать выстрѣлы батареи, стоявшей правѣе Куриной балки: изъ амбразуры сверкнетъ огонь, огненная черта изогнется по небу, на непріятельской батарее вспыхнетъ огонь—и только тогда раздавался запоздавшій звукъ выстрѣла и слышалось шипѣніе отъ полета снаряда, успѣвшаго уже разорваться.

Правѣе этой батареи видѣлся какой-то хуторъ; свѣжо и зелено выглядывалъ онъ изъ балочки, разрушеніе въ то время еще не коснулось его. Когда, залѣпленные грязью и измокшіе, мы приходили съ редутовъ или изъ передовыхъ ложементовъ и ложились на мокрый песокъ—съ завистью смотрѣлъ я на свѣтлые домики хуторка; воображеніе мое рисовало ихъ комнатки сухими и опрятными; тѣмъ свѣтлѣе и уютнѣе воображались мнѣ онѣ, чѣмъ болѣе проникала мою одежду сырость и чѣмъ болѣе я былъ покрытъ грязью. Мечтая о сухой постели и чистомъ бѣльѣ, лежалъ я, положивъ голову на влажный камень. Солдаты подкладывали себѣ подъ головы патронныя сумки, намъ же служили подушками плоскіе куски пропитаннаго сыростью слоистаго камня, въ трещинахъ котораго гнѣздились огромныя сороконожки. Мокрая рубашка прилипла къ зудѣвшему тѣлу и всякое движеніе какимъ нибудь членомъ сопровождалось непріятнымъ ощущеніемъ, отъ соприкосновенія съ намокшимъ бѣльемъ.

Въ томъ мѣстѣ мы оставались иногда часть дня и вечера, удѣляя нѣсколько времени для сна; всѣ же ночи мы проводили на редутахъ или въ передовой цѣпи, въ ложементахъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ сна въ охватывавшей меня сырости, я почти всегда просыпался съ тяжелою головою, со звономъ въ ушахъ и

съ ознобомъ во всемъ тѣмъ. Но часто я жадно ждалъ и такого полуротдыха. Я припоминаю одну томительную ночь, проведенную въ ложементѣхъ, во время которой я ждалъ-не-дождался возвращенія на обычное мѣсто нашего отдыха. Ночь эта была лунная и сухая; перестрѣлка была незначительная. Уже вскорѣ послѣ того, какъ стемнѣло и мы залегли въ ложементы, я почувствовалъ жажду, а у солдатъ, сидѣвшихъ со мною въ одномъ ложементѣ, воды не оказалось. Я надѣялся перетерпѣть до утра, когда наша цѣпь должна была сняться; но послѣ полуночи жажда у меня сдѣлалась нестерпимою; полость рта и горло горѣли. Отбросивъ предосторожности, я обошелъ все ложементы, предлагая солдатамъ полуимперіаль за чарку воды; но все манеры были пусты. Только тотъ, кто самъ когда либо былъ мучимъ жаждою, пойметъ, какъ я провелъ остатокъ ночи. Напрасно я прибѣгалъ къ традиціонному грызенію пули: прикосновеніе свинца не уменьшало жара во рту и языкъ оставался сухъ, какъ трутъ. Къ счастью, апрѣльская ночь не длинна. Едва мы, снявшись съ цѣпи, подошли къ бухтѣ—я не имѣлъ терпѣнія достать чарку или стаканъ, подбѣжалъ къ водѣ, упалъ на колѣни, какъ одинъ изъ воиновъ Гедеона, и жадно началъ пить воду пригоршнями. Только уже послѣ первыхъ глотковъ, я подумалъ о непригодности морской воды, для утоленія жажды. Къ счастью, сильный и продолжительный восточный вѣтеръ отогналъ изъ этой части бухты массу морской воды, и вода, которую я пилъ, была разбавлена такимъ количествомъ прѣсной, нашедшей изъ Черной рѣчки, что была едва лишь горьковата.

По окраинамъ скалы, надъ нашимъ убѣжищемъ, шла дорога съ редутовъ въ Корабельную слободку; дорога эта служила только пѣшеходамъ, орудія же таскали по другой, шедшей около холма, получившаго въ послѣдствіи названіе Забалканской высоты, отъ батареи, построенной тутъ пѣхотнымъ графа Дибича Забалканскаго полкомъ. Непріятельскіе снаряды неслись постоянно вдоль обѣихъ этихъ дорогъ. Однажды, когда мы сидѣли подъ нашею скалою, надъ нами раздался взрывъ бомбы, и что то слетѣло сверху и шлепнулось о прибрежную глину. Солдаты увидѣли, что это былъ мозгъ, поднялись на дорогу и снесли трупъ матроса; отъ его затылка висѣли покрытые волосами клочки кожи, на которой держались куски раздробленнаго черепа. Въ дру-

гой разъ бомба лопнула, не долетая двухъ-трехъ аршинъ до поверхности воды, почти у самаго берега; ворвавшіеся къ намъ осколки ранили легко двухъ солдатъ и одному оторвали обѣ ноги—одну выше колѣна, а другую у самаго живота. Солдатъ упалъ навзничъ; изъ мяса лѣвой его ноги далеко торчала перебитая бедряная кость, а на правомъ бедрѣ влочыя мяса и кожи висѣли какими-то кровавыми тряпками. Какъ-то случайно въ моей памяти заронилаcя фамилія этого солдата—онъ назывался Барановскимъ. Онъ какъ-то нечеловѣчески мычалъ и бессмысленно водилъ помутившимися глазами. Черезъ нѣсколько минутъ онъ умеръ. Много людей умерло передъ моими глазами, но я видѣлъ еще только двѣ фізіономіи, выражавшія столько страданія, сколько его было въ предсмертномъ выраженіи лица этого бѣдняка; одна изъ нихъ была у трупа какого-то солдата, лежавшаго у Павловскаго форта, а другая у комендора Мѣшкова, разорваннаго пополамъ, при разрывѣ орудія на Шварцевомъ редутѣ. Мѣшковъ тоже жилъ еще нѣсколько минутъ. Онъ былъ георгіевскій кавалеръ, боцманматъ, отличный комендоръ и отличался правильнымъ, серьезнымъ и умнымъ лицомъ; послѣднее, впрочемъ, не рѣдкость между матросами. Мѣшковъ заслужилъ лучшую эпитафію, нежели эти строки.

Въ теченіи нашего пребыванія на контръ-апрошныхъ редутахъ, баталіоны поочередно приходили по два или по три раза въ Корабельную слободку и оставались тамъ около сутокъ. Эти сутки, проведенные въ сухомъ и сравнительно-опрятномъ мѣстѣ, были дѣйствительнымъ, освѣжающимъ отдыхомъ. Мартовское бомбардированіе смело съ западнаго склона Малахова Кургана большую часть тѣснившихся тамъ домиковъ и значительно повредило всю Корабельку; но въ началѣ апрѣля она еще имѣла не-совсѣмъ пустынный видъ. Снаряды залетали сюда весьма часто, но какъ то рѣдко было слышно, чтобы они убивали въ домахъ людей. Я видѣлъ только разъ; какъ несли офицера, расплоснутаго влѣтѣвшею въ его комнату бомбою. Вообще такіе случаи были не настолько часты, чтобы выжить изъ Корабельки ея обычное населеніе, состоявшее преимущественно изъ матросскихъ семействъ. По улицамъ слободки бродило много бабъ и ребятъ; были кое-какіе лавчонки, а нѣсколько бывшихъ въ Корабелькѣ трактировъ бывали всегда полнешеньки.

Темна, неопрятна и неприглядна была та комната, которую мы занимали на одной изъ улицъ Слободки. Въ комнатѣ этой, почти лишенной мебели, тѣснилось болѣе десяти офицеровъ и спали мы просто на полу, на разостланныхъ коврахъ. Но послѣ бессонныхъ ночей на редутахъ и послѣ мокраго и рыхлаго прибрежнаго камня, наши требованія относительно спальнаго комфорта не шли далѣе сухаго пола, покрытаго ковромъ. Я не сумѣю дать понятія о томъ что я ощущалъ, снявъ насквозь прогрязенное платье и ослизлую обувь, не снимавшіяся нѣсколько сутокъ, и надѣвъ чистое бѣлье. Какая-то истома чувствовалась въ членахъ, нѣсколько дней и ночей не знавшихъ отдыха; мышцы едва повиновались и слипались отяжелѣвшія вѣки. Суточный отдыхъ въ Корабельной слободкѣ возстановлялъ бодрость организма, примятаго недѣльными лишеніями, едва ли знакомыми и бѣглымъ варнакамъ, прячущимся въ тайгѣ.

На второй недѣлѣ апрѣля на Селенгинскомъ редутѣ, взамѣнъ разваленной бомбою землянки, начали строить новую. Никакихъ матеріаловъ на нее отпущено не было; но Фоменчукъ, завѣдывавшій постройкою, ухитрился добывать гдѣ-то бревны, въ обхватъ толщиною, и строенная имъ землянка вѣрнѣе могла бы быть названа блиндажемъ. Потолокъ былъ сдѣланъ изъ прочнаго накатника, могшаго вынести саженную насыпь, непробиваемую средней величины бомбою. Но намъ не пришлось видѣть архитектурнаго триумфа Фоменчука. 13-го апрѣля мы были въ гарнизонѣ Селенгинскаго редута; вечеромъ смѣнились и пошли въ Корабельную слободку, гдѣ получили приказаніе перейти на укрѣпленія праваго фланга, ограждавшія западную часть Севастополя, то есть собственно городъ. Мы были очень довольны этой перемѣной, потому что войска, занимавшія правофланговья укрѣпленія, терпѣли менѣе лишеній, нежели войска лѣваго фланга; а ужъ съ войсками, находившимися за Килленбалкою, ни тѣ, ни другія, по тяжести службы и по переносимымъ лишеніямъ, и сравниваемы быть не могли. 14-го марта мы переправились черезъ южную бухту.

Я уже говорилъ, что до конца марта сообщеніе Корабельной слободки съ городомъ производилось по мосткамъ, опиравшимся на борты мелкихъ судовъ черноморскаго флота, рядъ которыхъ перерѣзывалъ Южную бухту. Мартовское бомбардированіе уни-

чтожило это сообщеніе, потопивъ нѣкоторыя изъ судовъ. Впослѣдствіи былъ построенъ широкій плавучій мостъ, изъ бревенъ, съ привязанными къ нимъ бочками; онъ былъ наведенъ гораздо сѣвернѣе прежняго. отъ низменнаго мыска. отдѣлявшаго входъ въ доки отъ Южной бухты. На этомъ мыскѣ стоялъ подъемный кранъ и были нагромождены тесанные камни, приготовленные для какого-то, заложеннаго здѣсь, строенія. Но въ половинѣ апрѣля переправа черезъ бухту производилась только на судахъ, казенныхъ и частныхъ, непрерывно сновавшихъ между Графскою пристанью и Павловскимъ мыскомъ.

Уже было темно, когда батальоны опустились къ морскимъ пагаузамъ, около которыхъ, у набережной, стояли назначенныя для переправы шаланды. Переправлялись небольшими частями, очень медленно; переправою завѣдывалъ лейтенантъ князь Кекуатовъ. впослѣдствіи, при самомъ концѣ обороны Севастополя, взлетѣвшій на воздухъ, при взрывѣ непріятельскою ракетой нагруженной порохомъ шеланды ¹⁾). Переправившись черезъ бухту, батальоны расположились на площади, между Николаевскою батареею и домомъ благороднаго собранія.

III.

Взошедъ на графскую пристань, я почувствовалъ почти тоже, что можно чувствовать, попадая изъ глухаго и забытаго захолустья въ оживленный городъ. Да уцѣлѣвшая отъ разрушенія часть западной половины Севастополя и была еще въ то время дѣйствительно городомъ, съ остатками оживленія и торговли, тогда

¹⁾ Могу съ увѣренностью говорить только о томъ, что происходило передъ моими глазами; взрыва же шеланды и гибели кн. Кекуатова я самъ не видѣлъ и потому весьма возможно, что онъ погибъ вовсе не такъ, какъ я говорю со словъ другихъ. При припоминаніи подробностей многомѣсячной севастопольской обороны, возможны еще болѣе грубыя ошибки, такъ какъ, находясь на одномъ изъ пунктовъ длинной оборонительной линіи, иногда можно было и вовсе не узнать о происшедшемъ на другихъ пунктахъ или же услышать рассказы, которые, переходя изъ устъ въ уста, совершенно переплывали фактъ. 15 лѣтъ послѣ окончанія войны, я былъ въ Севастополь, и на плитахъ, опоясывающихъ внутренность кладбищенской церкви, прочелъ имена тѣхъ, кого считалъ въ числѣ уцѣлѣвшихъ; и я нисколько не былъ удивленъ, когда, наоборотъ, у Огюста, на севастопольскихъ обѣдахъ, передо мною пили абсентъ и закусывали пикрою тѣ, которыхъ я предполагалъ истлѣвшими въ глубинѣ братскихъ могилъ.

какъ Корабельная слободка походила на предверье погоста. Смерть, хотя и не въ одинаковой степени, косила по всей подковѣ, охватывавшей какъ городскую часть Севастополя, такъ и Корабельную; но въ первой, рядомъ со смертію, кипѣла и жизнь, тогда какъ въ Корабельной чувствовалось что-то кладбищенское.

Отъ Графской пристани тянулась на югъ лучшая изъ севастопольскихъ улицъ, Екатериненская. Она уцѣлѣла на довольно большомъ протяженіи, потому что только съ южнаго своего конца была поражена снарядами, перелетавшими черезъ 4-й бастионъ и смежныя съ нимъ укрѣпленія; со сторонъ же улицы снаряды на нее не залетали или, по крайней мѣрѣ, залетали рѣдко.

При началѣ Екатериненской улицы, на площади, передъ Графской пристанью, стоялъ домъ благороднаго собранія, гдѣ устроенъ былъ главный перевязочный пунктъ. Саженьяхъ въ шестидесяти отсюда, по лѣвой сторонѣ Екатериненской улицы (если стать лицомъ къ югу) былъ Михайловскій соборъ. Онъ не былъ еще отдѣланъ, и на недоконченной верхней части его купола оставались подмости для кровельщиковъ. Богослуженіе производилось не въ немъ, а въ стоявшей рядомъ большой часовнѣ или церкви, принадлежавшей ли къ собору или самостоятельной—не знаю. Въ часовнѣ всегда было много молящихся: многіе, идя на бастионы, заходили сюда; передъ образами всегда теплились свѣчи, и посреди часовни стоялъ рядъ гробовъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда возвышалась небольшая и некрасивая башня, надъ воротами, ведшими въ арсенальный дворъ. Отъ арсенала до дома севастопольскаго губернатора шли, сколько мнѣ помнится, исключительно частные дома. По мѣрѣ приближенія къ этому дому, строенія все болѣе были повреждены снарядами; но сѣверный конецъ Екатериненской улицы, саженьей на двѣсти отъ Графской пристани, еще вполне уцѣлѣлъ. Конечно, и здѣсь на нѣкоторыхъ домахъ были пробоины; но ихъ было немного, и я не помню, чтобы до начала іюня я хоть разъ видѣлъ здѣсь паденіе бомбы. Во всѣхъ разрушенныхъ и сильно поврежденныхъ частяхъ Севастополя осада вытѣснила всѣ остатки мирной жизни; но на сѣверномъ концѣ Екатериненской улицы и на прилегавшей къ нему сѣти переулковъ, рядомъ съ жизнью осажденнаго города, продолжала течь и та жизнь, которою жили въ Севастополѣ до высадки въ Крымъ французовъ и англичанъ. Въ этомъ уцѣлѣвшемъ уголкѣ

ютились многія семейства моряковъ, севастопольскіе горожане и торговцы. Для нихъ осада была лишь случайностью, на время нарушившею теченіе ихъ обычной жизни, и многимъ изъ нихъ, быть можетъ, не приходило и въ голову, что дни ихъ дорогаго гнѣзда сочтены. Въ сѣверной части Екатериненской улицы торговля, казалось, шла такъ же, какъ и въ мирное время; по крайней мѣрѣ, не видно было запертыхъ и прекратившихъ торговлю лавокъ. У меня въ памяти остались имена купцовъ, но я не помню уже, какимъ именно товаромъ нѣкоторые изъ нихъ торговали. Кажется, нѣкоторые изъ лавокъ нѣсколько отклонились отъ своей специальности и, въ виду разностороннихъ требованій покупателей, къ своему обычному товару подбавили всякой всячины. Я помню лавки Коломейцева и Ветчинкиной; въ большомъ угловомъ домѣ, съ аркадой внизу, помѣщался погребъ южно-бережскихъ вишъ Мальцева; караимъ Мичри торговалъ бакалейными товарами; было нѣсколько караимскихъ бакалейныхъ и табачныхъ лавокъ. Былъ магазинъ офицерскихъ вещей, но едва ли эта торговля была прибыльна, такъ какъ въ Севастополѣ не было и въ поминѣ о соблюденіи формы. Въ противоположность этому, шапочникъ былъ заваленъ заказами. Все это были коренные севастопольскіе торговцы и не высасывали офицерскихъ кармановъ, какъ тѣ паразиты, которые спѣшатъ облѣпить армію, едва она трогается въ военный походъ. Эта саранча не показывалась въ Севастополѣ, потому что и въ наименѣе опасныхъ его мѣстахъ была все-таки вѣроятность паденія снаряда. Она гнѣздилась на Сѣверной сторонѣ, въ Бахчисараѣ и Симферополѣ, гдѣ опасности не было, а ненасытная жажда наживы удовлетворялась легче, потому что тамъ кишмя кишѣли интендантскіе чиновники, начальники конныхъ и воловьихъ транспортовъ, эти кузки и гессенскія мухи русской казны, торовавшие на накраденныя деньги.

Бывшіе на Екатериненской улицѣ рестораны Шнейдера и Томаса могли бы считаться порядочными даже и не въ осажденномъ городѣ. Кормили здѣсь довольно хорошо и, не смотря на затруднительность доставать провизію, брали цѣны, которыя показались бы бессмысленно-малыми разноплеменнымъ рестораторамъ, впивавшимся въ наши карманы во всѣхъ этихъ Зимницахъ, Обиртеникахъ и Горныхъ-Студняхъ.

Другая большая севастопольская улица, Морская, уцѣлѣла

гораздо менѣе. По всему ея протяженію на нее падали снаряды, перелетѣвшіе черезъ 5-й бастионъ и черезъ куртины, соединявшія его съ 4-мъ и 6-мъ бастионами. Морская отдѣлялась отъ Екатериненской продолговатымъ холмомъ. пологіе скаты котораго, спускавшіеся къ этимъ двумъ улицамъ, были застроены; по вершинѣ же возвышенности стлался бульваръ, съ памятникомъ Казарскому. Съ площади передъ Николаевскимъ фортомъ вела на бульваръ широкая каменная лѣстница. Лѣвѣе памятника Казарскому стояла небольшая (кажется четырехъ-орудейная) временная батарея, обращенная къ морю. Далѣе по бульвару, шагахъ во ста отъ памятника, былъ павильонъ и близъ него—сигнальный флагштокъ. По вечерамъ на бульварѣ бывало довольно много гуляющихъ, а въ иные вечера даже и очень много. Недалеко отъ бульвара, на продолженіи той же возвышенности, стояло окруженное садомъ прекрасное зданіе офицерской библіотеки и рядомъ съ нимъ—выведенныя до гзымса стѣны собора св Владиміра. Далѣе начинались городскіе кварталы, которые занимали остальную часть возвышенности, до укрѣпленій, стоявшихъ въ тылу 4-го бастиона. Значительно уцѣлѣвшая вблизи библіотеки, эта часть города представляла постепенный переходъ къ развалинамъ, въ которыя превращены были постройки у Язонскаго редута. Въ средѣ уцѣлѣвшихъ зданій выдавались: католическая церковь и православная Петропавловская церковь, издали похожая на парижскую *Madelaine*. Въ лощинѣ, между Язонскимъ и Чесменскимъ редутами, всѣ дома были въ развалинахъ. Нѣсколько болѣе сохранились постройки за Ростиславскимъ редутомъ и за 6-мъ бастиономъ. Здѣсь, въ нѣкоторыхъ (весьма, впрочемъ, немногихъ) домахъ еще упрямо оставались ихъ обитатели. Я помню, что даже въ половинѣ мая я видѣлъ въ одной изъ уллицекъ, правѣе Ростиславскаго редута, трехъ женщинъ, которыя проживали тутъ въ одномъ изъ домиковъ. Не знаю, удалось ли впоследствии имъ подобру-поздорову убраться отсюда. Вся же часть города, за 7-мъ бастиономъ, хорошо сохранилась, потому что непріятель вовсе не направлялъ своего огня на этотъ бастионъ. Иногда, впрочемъ, и здѣсь падали снаряды, направленные на 6-й бастионъ, съ лѣваго его фланга, и наискось перелетавшіе черезъ него. Я разъ видѣлъ, какъ несли торговку, у которой нога была оторвана осколкомъ бомбы, за-

летѣвшей на базаръ, бывшій въ то время на берегу бухточки, западнѣ Николаевской батареи.

Обыкновенно, каждый изъ вновь прибывшихъ въ Севастополь полковъ вначалѣ не имѣлъ опредѣленнаго пункта на оборонительной линіи, а въ теченіи нѣкотораго времени получалъ случайныя назначенія на работу или въ прикрытіе, на ту или другую батарею, пока ему не находили мѣста и не приписывали къ какому нибудь бастиону. То же самое бывало, если полкъ переходилъ съ лѣваго фланга севастопольской линіи на отдѣленный отъ него южною бухтою правый флангъ или наоборотъ. Переправившись 15-го апрѣля изъ-за Южной бухты, мы ходили на 4-й бастионъ, на работы, посылались въ прикрытіе за Ростиславскій редутъ, занимали передовые траншеи передъ редутомъ Шварца, пока, наконецъ, не были водворены на этомъ послѣднемъ редутѣ.

Траншеи эти были недавно передъ тѣмъ вырыты и еще не вполне окончены. Мы должны были ихъ занять 16-го апрѣля, вечеромъ. Солнце заходило, когда мы черезъ Чесменскій редутъ вышли на батарею Завалипина. Впослѣдствіи мнѣ не только стало ясно взаимное соотношеніе бывшихъ тутъ батарей, но я зналъ на нихъ каждую рытвину и каждый бугорокъ; но я совершенно неспособенъ былъ ориентироваться, когда увидѣлъ ихъ въ первый разъ. Я совершенно терялся при видѣ нагроможденныхъ по всѣмъ направленіямъ траверзовъ, орудій, обращенныхъ въ разныя стороны, тщетно стараясь уяснить себѣ, что составляетъ этотъ лабиринтъ: фасъ ли бастиона, флангъ ли его, куртину ли. Впослѣдствіи я узналъ, что это не составляло ни того, ни другаго, ни третьяго. Учившись фортификаціи у А. З. Теляковского, я не представлялъ себѣ укрѣпленій иначе, какъ такими, какими онѣ изображены на чертежахъ его руководства и на фортификаціонныхъ моделяхъ. Видѣнныя мною крѣпости, въ общихъ чертахъ, не отступали рѣзко отъ этихъ чертежей. Попавъ же на севастопольскіе бастионы, я былъ сбитъ съ толку совершеннымъ несходствомъ всего встрѣченнаго съ моими представленіями объ укрѣпленіяхъ. Батареи, обращенныя въ разныя стороны, выглядывающія одна изъ-за другой, стрѣляющія одна черезъ другую; пространство между ними, перерѣзанное траверсами, вдоль и поперекъ изрытое; блиндажи, виднѣющіеся по всѣмъ направленіямъ,— все это строилось и выкапывалось не по заранѣе начертанному

плану, а разновременно, по указанію опыта и практической необходимости: замѣчалось ли, что по какой-нибудь лощинѣ могъ быть сравнительно легкій, для непріятеля, доступъ къ нашимъ укрѣпленіямъ—строили батарею, начертаніе которой и выбранное для нея мѣсто были внѣ всякой зависимости отъ направленія общей линіи укрѣпленій; рикошетировали ли гдѣ-нибудь на батареѣ непріятельскіе снаряды—насыпали траверзъ; оказывался-ли онъ недостаточнымъ, чтобы предохранить отъ продольныхъ выстрѣловъ—возвышали его или громоздили другой; ложилось ли много снарядовъ въ какой-нибудь узкій проходъ—блиндировали его. Такимъ образомъ составлялась масса насыпей, соотношеніе которыхъ было понятно только бывавшимъ между ними неоднократно и хорошо ознакомившимся съ окружною мѣстностью. На первый же взглядъ все это казалось такимъ лабиринтомъ, что всякая ариаднина нить тамъ перепуталась бы.

Съ батареѣ Завалишина мы прошли на редутъ Шварца и спустились въ ровъ этого укрѣпленія. Изъ рва мы повернули въ проходъ, ведшій въ траншеи. Въ одномъ мѣстѣ проходъ этотъ, на протяженіи нѣсколькихъ саженой, былъ едва углубленъ въ землю, такъ что почти вовсе не прикрывалъ проходившаго тамъ человѣка. Французы не могли не замѣтить нашего прохода по этому мѣсту, и выстрѣлы направлялись сюда изъ всѣхъ ближайшихъ непріятельскихъ траншей. Батальоны приостановились и люди, по одному, перебѣгали въ траншею, что продолжалось довольно долго и, конечно, не могло обойтись безъ потерь. Перебѣжавъ это пространство, мы заняли траншею, изъ которой одна шла параллельно линіи батарей, тянувшихся вправо отъ Шварцева редута, а другая выгибалась впередъ первой. Здѣсь, кромѣ насъ, были владимірцы, углублявшіе траншею. Когда совершенно стемнѣло, перестрѣлка между осадными и нашими батареями усилилась, и непріятель началъ обстрѣливать занимаемая нами траншею изъ мортиръ небольшого калибра. Гранаты ложились очень счастливо для насъ, онѣ падали за траншейный валъ, на гребень его и въ заднюю часть довольно широкой траншеи; въ переднюю же ея часть, наполненную людьми, онѣ не попадали. Къ тому же, между паденіемъ и разрывомъ большей части этихъ гранатъ проходило по нѣсколько секундъ, что давало солдатамъ возможность принять обычныя предосторожности

отъ осколковъ. Еще съ вечера французы сильно обстрѣливали наши траншеи ружейнымъ огнемъ, а ночью огонь этотъ еще усилился. Такъ какъ работы происходили внутри траншей, и владимірцы, защищенные валомъ, не несли потерь отъ ружейнаго огня, то мы могли бы и вовсе не отвѣчать на него или же поддерживать рѣдкій огонь, собственно изъ вѣжливости; но мы увлеклись и отеряли во сверкавшимъ у непріятели огонькамъ черезчуръ живую палъбу. Послѣ полуночи пришелъ къ намъ Лавровъ, который, помнится, былъ здѣсь траншей-майоромъ. Это былъ конно-артиллерійскій офицеръ, прикомандированный къ штабу дѣйствующей арміи, энергическій, добросовѣстный, прикомандированный для принятія на себя наиболѣе трудныхъ и опасныхъ порученій, а не затѣмъ, затѣмъ обыкновенно прикомандировываются тѣ фазаны, которыми кишатъ штабы. Мы радостно встрѣтились съ Лавровымъ, котораго я не видѣлъ съ зимы 1853—1854 годовъ, со времени обложенія Калафата. Эта встрѣча была послѣднею: черезъ день, 18-го мая, генераль-квартирмейстеръ Бутурлинъ сообщилъ мнѣ, что Лавровъ убитъ наповаль въ той траншеѣ, которая состояла въ его вѣдѣніи.

Послѣ его смерти, траншеи эти оставались въ нашихъ рукахъ только два дня. Не помню, какимъ полкомъ мы были смѣнены; въ ночь же съ 20-го на 21-е апрѣля траншеи, заняты батальономъ Углицкаго полка, были атакованы и взяты французами. Рассказывали, что батальонный командиръ (если не ошибаюсь—майоръ Бершовъ) не повѣрилъ опредѣленнымъ извѣщеніямъ, бывшихъ въ секретѣ пластуновъ, о скопленіи большаго числа французовъ въ ихъ передовыхъ траншеяхъ и не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности. Оплошность свою онъ искупилъ отчаянной защитой и смертію; офицеры защищали траншеи молодцами и изъ нихъ было убито, кромѣ батальоннаго командира, пять или шесть. На другой день я видѣлъ ихъ трупы—всѣ были исколоты штыками, а у одного черепъ былъ разможевъ прикладомъ. Этотъ бой въ траншеяхъ поднялъ на ноги всю западную половину Севастополя. Мы быстро собрались и, узнавъ причину тревоги, были убѣждены, что насъ поведутъ отбивать потерянные траншеи. И я не сомнѣваюсь, что мы ихъ и отбили бы, еслибы насъ повели немедленно, пока французы не пересыпали траншейнаго вала на другую сторону; взяли бы, хотя и

съ гораздо большими потерями, и на другой день, когда этот валъ былъ уже переставленъ. Въ то время у насъ еще не было въ привычкѣ терять наши ретраншементы. Каждому изъ насъ казалось несомнѣннымъ, что строить укрѣпленія можно было только при намѣреніи защищать ихъ, а не съ мыслию, что авось непріятель не сдѣлаетъ попытки овладѣть ими. Впослѣдствіи, особенно послѣ 10-го и 11-го мая, мы убѣдились, что въ штабѣ арміи думали иначе.

24-го апрѣля мы подвели итоги за мѣсяцъ пребыванія нашего въ Севастополѣ: изъ четырехбатальоннаго полка перестроеннаго въ двухбатальонный; слѣдовательно, со времени нашего прихода сюда, полкъ потерялъ почти половину своего состава. Девятнадцать двадцатыхъ этой потери понесены были за Киленбалкою.

Весною непріятельскія апроши еще не настолько приблизились къ нашей линіи и наши батареи не подвергались еще такому безостановочному и страшному разрушенію, чтобы на нихъ безпрестанно требовалась такая масса прикрытія и рабочихъ, какъ въ послѣдній періодъ осады. Батальоны, численный составъ которыхъ былъ еще значителенъ, имѣли возможность чередоваться и приходиться на отдыхъ въ городъ. Хотя три-четверти Севастополя были уже разрушены, но недостатка въ помѣщеніи не было. Потомъ, при дальнѣйшемъ разрушеніи города, въ одинаковой мѣрѣ истреблялись и войска, для которыхъ нужно было бы помѣщеніе. Къ концу осады, въ составъ севастопольскаго гарнизона было введено много новыхъ полковъ; но тогда уже непріятельскіе подступы были такъ близко, что всѣ войска были безотлучно или на самыхъ батареяхъ, или вблизи ихъ, въ резервѣ.

Мы втроемъ—графъ Зубовъ, Смагинъ и я—заняли квартиру въ домѣ Орлова или Орловскаго, ниже бульварной батареи. Надъ нами, въ мезонинѣ, жилъ какой-то отставной матросъ, съ женою, разбитною прачкою. Стирка у нея шла неособенно успѣшно, такъ какъ супруги бывали трезвы лишь изрѣдка и ежедневно дрались съ утра до вечера. Прачка пырала своего мужа ножницами въ лицо, а тотъ колотилъ ее утюгомъ по чему ни попало; но какимъ-то чудомъ глаза его оставались не выколотыми, а у нея не были переломаны ни руки, ни ребра.

24-го апрѣля мы стали въ гарнизонъ редута Шварца, и съ этого дня охраняли редутъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, до конца

іюля. Къ концу іюня и въ іюлѣ мы оставались безсмѣнно на редутѣ Шварца, а въ началѣ наши два батальона чередовались: одинъ оставался на редутѣ Шварца, а другой — день проводилъ на отдыхѣ, въ городѣ, а ночь стоялъ въ резервѣ, за Ростиславскимъ редутомъ.

Укрѣпленіе, носившее названіе Шварцева редута, редутомъ, въ сущности, не было: оно не было ни отдѣльнымъ, ни сомкнутымъ. Правый фланкъ редута смыкался съ линіею батарей, шедшихъ отъ 5-го бастиона; лѣвый же примыкалъ къ батареемъ Забудскаго. Фланки эти не были между собою сомкнуты; въ тыльной части редута наискось стояла Завалипина батарея, но пространство между ея эскарпомъ и батареею Забудскаго ничѣмъ не было занято. Часть батареи Забудскаго входила въ самую внутренность редута Шварца и закруглялась здѣсь кольцеобразно, нося названіе Вышки. На Вышкѣ стояли двѣ пудовыя мортиры и небольшая каронада, обращенная во внутренность нашего редута и исключительно предназначенная обдать ее картечью, еслибы непріятель къ намъ ворвался.

Фасы редута Шварца ¹⁾ были вооружены тяжелыми морскими орудіями; въ переднемъ исходящемъ углу была прорѣзана амбразура, для орудія большаго калибра (помнится—шестидесяти-восьмифунтовой пушки). Вправо отъ нея стоялъ пудовый единорогъ. Правый фланкъ редута былъ вооруженъ двѣнадцатифунтовыми пушками, на крѣпостныхъ станкахъ; одна пушка-каронада стояла на уступѣ этого фланга, сдѣланномъ для фланкированія праваго фаса. Внутри редута было нѣсколько маленькихъ кегорновыхъ мортирокъ.

Для охраненія редута вполне было достаточно одного батальона. Сверхъ того, по ночамъ, приходили еще двѣ-три роты, а иногда и цѣлый батальонъ, для исправленія поврежденій, за день сдѣланныхъ непріятельскими снарядами, для углубленія рва и прочихъ работъ. Наши штурцеры, которыхъ было тогда лишь по нѣсколько человекъ въ ротѣ, уходили съ редута на ночь,

¹⁾ Обыкновенно, всѣ стороны редута называются фасами; но редутъ Шварца, не будучи ни отдѣльнымъ, ни сомкнутымъ укрѣпленіемъ, былъ, собственно, выступомъ изъ линіи укрѣпленій; поэтому, его боковыя стороны носили названія фланковъ.

когда мѣткость ихъ стрѣльбы не могла имѣть примѣненія. Для стрѣльбы въ темнотѣ, наугадъ, годились и гладкоствольныя ружья; немногихъ же бывшихъ въ полкахъ хорошихъ стрѣлковъ приходилось приберегать, тѣмъ болѣе, что наиболѣе истребительный непріятельскій огонь бывалъ именно по ночамъ, во время производства у насъ работъ ¹⁾). Поврежденія на редутъ иногда исправлялись нами же, а иногда на работы приходили части другихъ полковъ. При производствѣ работъ, вообще, потери бываютъ значительнѣе, нежели во время нахождения въ гарнизонѣ укрѣпленія. Въ послѣднемъ случаѣ солдаты могутъ замѣтить мѣста, гдѣ особенно часто ложатся снаряды; могутъ пользоваться защитой траверзовъ. При работахъ же, невозможно избѣгать того или другаго мѣста, хотя бы и было замѣчено, что на этихъ мѣстахъ мететь осколками. Чаще всего приходится работать тамъ, гдѣ амбразура или мерлоны сильнѣе повреждены, то есть именно тамъ, куда наиболѣе падаетъ снарядовъ.

Въ одномъ только мѣстѣ опасность уравнивалась какъ для людей, бывшихъ въ гарнизонѣ редута, такъ и для приходившихъ на работы: узкій проходъ, соединявшій редутъ Шварца съ батареей Завалишина былъ продольно поражаемъ ядрами, опускавшимися здѣсь послѣ перелета черезъ брустверь; бомбы же—кромѣ сядившихся прямо въ проходъ—скатывались сюда съ его боковыхъ откосовъ. Все это заставило насъ впослѣдствіи блиндировать этотъ проходъ.

Въ теченіи мая направленный на нашъ редутъ непріятельскій огонь не былъ особенно силенъ; но наши потери, всетаки, не были незначительны; въ иные дни онѣ даже доходили до средней цифры потерь, которыя мы несли на Селенгинскомъ редутѣ. Часто обмѣнъ выстрѣловъ нашего редута и противустоявшихъ ему батарей учащался не по нашему почину и не по почину этихъ батарей, а потому что, вслѣдствіе боя или вылазки, за-

¹⁾ Изъ штуцерниковъ была составлена отдѣльная команда, подъ начальствомъ прапорщика Завадскаго. Изъ числа моихъ севастопольскихъ сослуживцевъ, Завадскій на службѣ до сихъ поръ. Въ послѣднюю турецкую войну мнѣ не удалось съ нимъ встрѣтиться, такъ какъ онъ былъ подъ Плевною, а я въ рущукскомъ отрядѣ. Потомъ я читалъ о выдающемся участіи командующаго имъ батальона въ дѣлѣ подъ Иметли, въ декабрь 1877 г.

вязывавшихся на какомъ-нибудь, иногда отдаленномъ отъ насъ, пунктѣ, орудейная пальба разгоралась по всей линіи. Такъ, между прочимъ, было въ ночь съ 10-го на 11-е мая, когда французы атаквали траншеи, наканунѣ заложенные нами у кладбища, противъ 6-го бастиона. Бѣольшую часть этой ночи намъ пришлось видѣть сверканіе безчисленныхъ огоньковъ, на всемъ пространствѣ впереди 6-го бастиона; неспіеся оттуда клики и немолчная ружейная трескотня не заглушались ни канонадою, разлившеюся по всей линіи, ни громомъ орудій нашего редута. Конечно, никогда другое зрѣлище не можетъ представить такого захватывающаго интереса, какъ видъ боя, но въ ночь на 11-е мая я не чувствовалъ того замиранія сердца, тѣхъ переходовъ отъ горя къ восторгу, которые ощущаешь, слѣдя за перипетіями боя, когда по перемѣщенію линій огня можно видѣть: кто изъ сражающихся одолѣваетъ. Тутъ не было этихъ полосъ огня, показывающихъ относительное положеніе противныхъ сторонъ, а только видно было, въ непроглядной ночной тьмѣ, какое-то хаотическое клокотаніе и сверканіе огней, на всемъ пространствѣ, между нашими верками и французскими осадными батареями. Самое напряженное наблюденіе не могло уяснить хода дѣла. Даже когда оно кончилось, мы все еще не могли съ увѣренностью опредѣлить: за кѣмъ остались спорныя траншеи; мы потому только могли догадываться, что французы отбиты, что огонь съ люнета Шемякина и съ 6-го бастиона былъ довольно рѣдкій, такъ какъ оттуда производилась бы учащенная стрѣльба картечью, еслибы траншеи были заняты непріателемъ. Результаты ночнаго боя сдѣлались намъ вполне извѣстны только утромъ, когда мы были смѣнены. Проходя мимо 6-го бастиона, я взошелъ на деревянные подмости, сдѣланные для сигнальщика, и посмотрѣлъ въ бинокль на лежавшее впереди поле — въ перерѣзывавшихъ его траншеяхъ копошились наши солдаты, и все оно было густо усыяно тѣлами. Съ перваго же взгляда видно было, что труповъ въ красныхъ штанахъ въ полтора раза было болѣе, чѣмъ нашихъ сѣрыхъ труповъ; видѣлось нѣсколько убитыхъ въ черныхъ курткахъ и бѣлыхъ панталонахъ: это наши митросы, ходившіе съ пѣхотою, для указанія мѣстности.

Объ обстоятельствахъ дѣла въ ночь съ 10-го на 11-е мая я

знаю только по рассказамъ его участниковъ; но мнѣ кажется, что обстоятельства эти были переданы мнѣ вѣрно, такъ какъ всѣ эти рассказы, въ общемъ, были совершенно между собою сходны. Да и обстоятельства эти, какъ и весь ходъ дѣла, весьма немногосложны. При производствѣ атаки, французы могли имѣть тотъ или другой планъ; наша же задача сводилась къ единственному пункту: отстоять траншеи и подкрѣплять тѣ части, на которыя наиболѣе напирали. Впрочемъ, не легко было различить, гдѣ была дѣйствительная опасность, такъ какъ ночь была особенно темна. За темнотою, нельзя было опредѣлить числа атакующихъ, но было замѣтно, что они значительно превосходили числомъ наши войска, защищавшія траншеи. Въ составъ атакующихъ французскихъ войскъ вошла гвардія, незадолго передъ тѣмъ прибывшая въ Крымъ, подъ начальствомъ генерала Реньо-Сень-Жанъ-д'Анжели. Темнота была такъ велика, что невозможно было ориентироваться и нѣкоторыя наши части разбились на отдѣльныя кучки солдатъ, вскорѣ потерявшія всякую между собою связь. Тоже было и у французовъ, и нѣкоторые изъ нихъ очутились, сами того не подозревая, въ тылу нашихъ войскъ. Кучки солдатъ, сталкиваясь между собою въ темнотѣ, въ первую минуту не знали: кто передъ ними, свои или непріятельскіе солдаты. Въ этихъ случаяхъ французскихъ гвардейцевъ выдавала ихъ бѣлая амуниція, которая виднѣлась въ темнотѣ, когда они были въ нѣсколькихъ шагахъ; въ то время, когда французы недоумѣвали: кто передъ ними,—наши солдаты давали по нимъ залпъ и бросались на нихъ. Быть можетъ, отчасти тому можно приписать, что у французовъ было больше убитыхъ, чѣмъ у насъ.

Траншеи нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки, причемъ, по заранѣ условеннымъ сигналамъ, то наши, то французскія батареи открывали по нимъ огонь. Кажется, въ этой стрѣльбѣ принимали участіе и суда непріятельскаго флота. Рассказывали даже, что однажды залпъ одного изъ нихъ совпалъ съ направленнымъ въ этотъ же пунктъ картечнымъ залпомъ съ Шемьякина люнета. Это международное привѣтствіе досталось на долю французовъ, занимавшихъ въ ту минуту этотъ пунктъ. Не знаю, дѣйствительно ли это случилось; но подобная ошибка была бы весьма возможна въ такой сумятицѣ. Въ бою 10-го мая участвовали полки: Подольскій, Житомирскій, Минскій, Углицкій и Ор-

ловскій (который въ Севастополѣ называли Эриванскимъ, по фамилии его шефа, Паскевича-Эриванскаго). Всѣ эти полки бились превосходно, но особенно говорили о мужествѣ Орловцевъ. Послѣ одной изъ отбитыхъ атакъ французовъ, углицкіе батальоны зарвались почти до осадныхъ батарей.

Возвратившись въ городъ, я пошелъ, вмѣстѣ съ Смагинымъ, на перевязочный пунктъ, навѣстить раненаго въ ночномъ дѣлѣ знакомаго намъ офицера Орловскаго полка. Зная нервность раненыхъ, мы на цыпочкахъ пробирались между койками, которыя всѣ были заняты; но какъ ни осторожно мы шли—одинъ изъ лежавшихъ офицеровъ раздражительно началъ насъ упрекать въ мучительномъ безпокойствѣ, которое производили въ немъ наши шаги. Тогда я былъ удивленъ этими упреками; но впослѣдствіи, будучи самъ раненъ, я понялъ, какъ мучительно отдается въ нервахъ каждый звукъ, иногда даже незначительный шорохъ.

Въ это утро кто-то объѣзжалъ и, отъ имени главнокомандующаго, поздравлялъ и благодарилъ полки, бывшіе въ ночномъ бою. Чуть ли даже не служили благодарственнаго молебна, съ пѣніемъ „Тебѣ Бога хвалимъ!“ Да во время этого пѣнія и рѣшили уступить траншеи французамъ, если они снова ихъ атакуютъ. Почему рѣшили уступить?—на это трудно было отвѣтить, не зная общаго духа распоряженій, исходившихъ изъ главной квартиры арміи, какъ въ Крыму, такъ и передъ тѣмъ еще на Дунаѣ. Вызвано ли было это рѣшеніе значительностію потерь нашихъ въ послѣднемъ бою?—но вѣдь французы потеряли гораздо больше. Предвидѣлось ли, что они, не останавливаясь передъ значительностію потерь, будутъ упорно домогаться отнятія у насъ траншей, во что бы то ни стало?—но развѣ закладка этихъ траншей была вызвана надеждою, что французы будутъ такъ любезны, что предоставятъ намъ безпрепятственно укрѣпляться тутъ. Какіе же изъ севастопольскихъ передовыхъ верховъ остались не атакованными неприятелемъ? Упорному стремленію французовъ овладѣть нашими траншеями можно было противоставить не менѣе упорную рѣшимость не уступать ихъ. Если, при веденіи правильной осады, атакующій имѣетъ значительное преимущество надъ обороняющимся, то отношенія ихъ совершенно обратны. при атакѣ открытою силою, въ особенности же, когда позиціи обороняющагося могутъ быть сильно обстрѣливаемы съ

его батарей. Наши же траншеи передъ 6-мъ бастіономъ могли быть осыпаемы картечью многихъ нашихъ орудій, огромнаго калибра. Вообще одно изъ двухъ: или владѣніе этими траншеями имѣло для насъ большое значеніе—тогда ихъ ни за что не слѣдовало отдавать; или же онѣ значенія этого не имѣли—въ такомъ случаѣ, не зачѣмъ было ихъ и возводить, въ предвидѣніи, что сохраненіе будетъ намъ дорого стоить. А не предвидѣть этого было нельзя, такъ какъ вразумительные прецеденты представлялись предшествовавшими мѣсяцами осады. Какъ бы то ни было, было рѣшено: занять траншеи однимъ батальономъ, а другой поставить въ резервъ; въ случаѣ нападенія непріятеля, подкрѣпленій туда не посылать, и если непріятель будетъ превосходить силами два нашихъ батальона, то батальонамъ этимъ очистить траншеи, безъ боя. Соответствующія инструкціи были разосланы многимъ начальствовавшимъ лицамъ, вѣроятно и такимъ даже, до которыхъ это вовсе не касалось; забыли только объ одномъ: сообщить объ этомъ рѣшеніи занимавшимъ эти траншеи двумъ батальонамъ Житомирскаго полка, что, конечно, не содѣйствовало благополучію этихъ батальоновъ. Въ слѣдующую же ночь непріятель, въ значительныхъ силахъ, бросился на житомирцовъ, которые, ничего не зная о рѣшеніи преподнести траншею непріятелю и ожидая немедленнаго прибытія подкрѣпленій, начали было отчаянно защищать вѣранный имъ постъ и, конечно, понесли въ этомъ неровномъ бою напрасныя потери. Послѣдняя часть рѣшенія штаба арміи, впрочемъ, осуществилась: траншеи очутились въ рукахъ непріятеля. Хотя судьба, вообще, не баловала этотъ штабъ исполненіемъ его предначертаній; но нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, чтобы такъ-таки ни одно изъ нихъ не исполнилось.

О разсѣянности штаба арміи, забывшаго увѣдомить о своемъ рѣшеніи именно тѣхъ, кому всего необходимѣе было знать о немъ, я говорю, впрочемъ, не какъ о фактѣ, мнѣ лично извѣстномъ, а какъ о всеобщей молвѣ въ севастопольскомъ гарнизонѣ, въ справедливости которой никто не сомнѣвался. Я же всё кампаніи дѣлалъ не иначе, какъ въ строю, и не былъ au courant относительно штабныхъ отправленій; увѣренность же всѣхъ небумажныхъ защитниковъ Севастополя въ справедливости вышеприведенной молвы раздѣлялъ и раздѣляю, такъ какъ ни одна

изъ ея подробностей не противорѣчить общему духу и порядку распоряженій, исходившихъ изъ штаба крымской арміи.

Послѣ 12-го мая жизнь на бастіонахъ потекла по прежнему. Пушечная пальба сильнѣе всего была по ночамъ; съ разсвѣтомъ она значительно уменьшалась и такъ шла до вечера, когда, передъ закатомъ солнца, обыкновенно часа на полтора наступало затишье. Не было никакой особенной причины, чтобы именно въ это время дня пріостанавливалась перестрѣлка; но это какъ то такъ вошло въ обоюдную привычку, что рѣдко случалось, чтобы это предвечернее затишье нарушалось пушечнымъ выстрѣломъ. Въ сумерки пушечная пальба возобновлялась и, постепенно разгораясь, доходила до своего нормального максимума. Ружейный же огонь, наоборотъ, былъ жарче днемъ; но и отъ него потери днемъ были гораздо менѣе значительны, чѣмъ по ночамъ, когда работавшіе часто бывали принуждены всходить на мерлоны и даже работать на эскарпѣ. Днемъ же надъ гребнями бруствера и траншей, конечно, никто не показывался, и стрѣлкамъ, нашимъ и французскимъ, приходилось мѣтить другъ другу въ бойницы. Едва изъ какой нибудь изъ нихъ выпархивалъ дымокъ, какъ туда направлялось пять-шесть выстрѣловъ, въ надеждѣ, что выстрѣлившій изъ этой бойницы не успѣлъ отклонить отъ нея голову. По утрамъ условія перестрѣлки благопріятствовали французамъ, потому что солнце освѣщало наши валы съ тылу и наши бойницы просвѣчивали. Если которая нибудь изъ нихъ переставала съвозить—это былъ признакъ, что она закрыта головою прицѣвливавшегося стрѣлка, и туда летѣло нѣсколько пуль. Въ полдень солнечные лучи падали параллельно направленію нашихъ верковъ и французскихъ траншей, и шансы уравнивались. Къ вечеру солнце освѣщало непріятельскія траншеи сзади, и преимущество было на нашей сторонѣ.

Тѣ ночи, которыя мы проводили не на редутѣ Шварца, мы стояли въ резервѣ за Ростиславскимъ редутомъ, а иногда, гораздо рѣже,—за Чесменскимъ. Улички, находившіяся за послѣднимъ изъ нихъ, были покрыты развалинами, тогда какъ за Ростиславскимъ редутомъ оставались еще нѣкоторые дома, хотя поврежденные значительно, но еще не разрушенные. Дальнѣйшее ихъ разрушеніе продолжалось на нашихъ глазахъ; то тотъ, то другой изъ нихъ разрушался ударомъ снаряда или загорался отъ взрыва

бомбы. Загоравшіеся близъ насъ дома мы старались тушить не для спасенія домовъ, такъ какъ они, все равно, обречены были на погибель; а потому что разгорѣвшійся пожаръ всегда привлекалъ къ себѣ усиленную пальбу непріятеля. Черезъ нѣсколько недѣль все это мѣсто было покрыто лишь остатками стѣнъ и кучами щебня.

Составивъ ружья въ козлы, люди стоявшихъ въ резервѣ батальоновъ ложились спать тутъ же, посреди улицы, подложивъ себѣ подъ голову—кто камень, кто патронную сумку. Однажды, когда Смагинъ, графъ Зубовъ и я спали, положивъ головы на свернутую шинель, приложенную къ стѣнѣ дома,—большой осколокъ лопнувшей невдалекѣ бомбы врѣзался въ стѣну, какъ разъ надъ нашими головами, вершковъ лишь на шесть выше. Если бы кто изъ насъ, пробужденный паденіемъ этой бомбы, немного привсталъ—ему раздробило бы голову. Къ счастью, мы такъ привыкли къ грому выстрѣловъ, что могли не просыпаться даже при близкой пальбѣ изъ тяжелыхъ орудій. И въ этотъ разъ трескъ разорвавшейся бомбы никого изъ насъ не разбудилъ; только утромъ мы увидѣли у нашихъ головъ глубоко врѣзавшійся въ стѣну осколокъ и обсыпавшіе насъ мелкіе куски штукатурки.

Кажется, въ послѣдней половинѣ мая мы были принуждены задѣлать амбразуру, находившуюся на исходящемъ углу нашего редута. Нѣсколько разъ она была разрушаема непріятельскими снарядами и нѣсколько разъ была нами возобновляема; но французы такъ пристрѣлялись къ ней, что каждый разъ, черезъ нѣсколько часовъ послѣ ея возобновленія, она снова была заваливаема. Многихъ жизней стоило намъ ея многократное возобновленіе — и мы должны были, наконецъ, рѣшиться задѣлать ее и насыпать въ этомъ мѣстѣ барбетъ, на который, въ случаѣ штурма, должны были взвиться два горные единорога, для стрѣльбы картечью черезъ банкъ.

25-го мая непріятель открылъ сильную канонаду. Мы понимали, конечно, что онъ не безцѣльно расходуетъ снаряды, а намѣренъ что нибудь предпринять противъ одного изъ пунктовъ лѣваго фланга севастопольскихъ укрѣпленій, такъ какъ непріятельскій огонь былъ направленъ преимущественно противъ этого фланга. Было почти несомнѣнно, что предстояло подвергнуться атакѣ Селенгинскому и Волынскому редутамъ или Камчатскому

люнету, такъ какъ положеніе ихъ обезпечивало за ними эту кандидатуру. На другой день, 26-го, передъ вечеромъ, французы атаковали оба редута и люнетъ. Передъ закатомъ солнца, въ самый разгаръ боя за Киленбалкою, я стоялъ у Ростиславскаго редута. Въ этотъ моментъ Селенгинскій и Волинскій редуты были нами уже окончательно потеряны; бой еще продолжался у Камчатскаго люнета и на такъ называемой Забалканской высотѣ. Наблюдать за боемъ и понять что нибудь въ его ходѣ отъ Ростиславскаго редута было невозможно, и о результатѣ боя я узналъ позже, когда былъ потерянъ нами и Камчатскій люнетъ. Потерянъ онъ былъ нами небезславно, два раза перейдя изъ рукъ въ руки. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о Селенгинскомъ и Волинскомъ редутахъ: французы ими овладѣли почти безъ боя и встрѣтили отпоръ только дальше, на Забалканской батарее, отъ подоспѣвшихъ изъ города батальоновъ. Муромскій же полкъ, которому было ввѣрено охраненіе редутовъ, уступилъ ихъ слишкомъ легко. Въ севастопольскомъ гарнизонѣ очень потомъ обвиняли Муромцевъ въ томъ, что французы, при овладѣніи редутами, почти не встрѣтили отпора. Въ извиненіе Муромцевъ, можно, пожалуй, привести ихъ малочисленность, отдаленность отъ подкрѣпленій. Не раздѣляя безусловно огульнаго обвиненія полка, я, лично, остаюсь при убѣжденіи, что Селенгинка и Волянка достались бы французамъ не такъ дешево, если бы они встрѣтили на редутахъ солдатъ одного изъ полковъ, съ осени охранявшихъ Севастополь, или одного изъ полковъ 3-го корпуса, прибывшихъ туда позже, но съ перваго же шага показавшихъ, что они ни въ чемъ не уступаютъ севастопольскимъ аборигенамъ.

Казалось, удача при овладѣніи нашими контръ-апрошами придала союзникамъ самонадѣянности. Черезъ 10 дней они рѣшились на новую, несравненно болѣе серьезную попытку. Послѣ суточного бомбардированія, непріятель, 6-го іюня, рано утромъ, повелъ атаку на весь лѣвый флангъ нашей линіи. Я не описываю этого штурма, такъ какъ рассказываю исключительно о томъ, чему самъ былъ очевидцемъ; 6-го же іюня я былъ на редутѣ Шварца, который атакованъ не былъ, равно какъ и сосѣдніе съ нимъ укрѣпленія. Часу въ девятомъ утра, по прекращеніи ружейнаго огня, мы видѣли, что штурмъ отбитъ; но о подробностяхъ этого блистательнаго отраженія мы узнали только ве-

черомъ. Въ теченіи всего дня непріятель поддерживалъ сильную канонаду противъ неатакованныхъ укрѣпленій, и гарнизоны этихъ укрѣпленій несли гораздо бѣльшія потери, нежели тѣ войска, которымъ пришлось отбивать штурмъ. Я хорошо помню, что на Шварцевомъ редутѣ мы потеряли въ теченіи этого дня 99 человекъ, а вечеромъ, когда мы перешли на Чесменскій редуть, у насъ, для округленія счета, убили сотаго.

Послѣ штурма, нарушившаго однообразное теченіе нашей жизни, она опять пошла попрежнему. Послѣ 6-го іюня мы потеряли одного за другимъ нѣсколько хорошихъ офицеровъ. 7-го іюня, поздно вечеромъ, Кареевъ, Смагинъ и я ходили, разговаривая, по площадкѣ Шварцева редута. Снаряды изрѣдка падали на нашъ редуть, но больше дѣлали перелетъ и опускались или на Завалишина батарею, или на Чесменскій редуть. Одна бомба, перелетѣвъ черезъ нашъ редуть, разорвалась на одномъ изъ этихъ укрѣпленій и послала къ намъ нѣкоторые изъ своихъ осколковъ; я слышалъ, что хриплый басъ одного изъ нихъ раздается прямо по направленію къ намъ; но такъ какъ это случилось безпрестанно, то я не обратилъ на это вниманія, и мы продолжали идти, лицомъ въ сторону непріятельскихъ траншей. Вдругъ раздался глухой звукъ и шедшій со мною рука объ руку Смагинъ перевернулся и упалъ навзничь. Было очень темно, и я не могъ видѣть, куда его ударилъ проклятый черепокъ. Я ошупалъ Смагину голову—она была суха; грудь—тоже; я поддѣлъ руку подъ спину—и пальцы вошли въ глубокое отверстіе, подъ лопаткой. Смагинъ лежалъ безъ чувствъ. Я зачерпнулъ воды изъ только-что привезенной матросами бочки и брызнулъ ему въ лицо; онъ очнулся и первое почувствованное имъ ощущеніе было чувство холода; боли, онъ, повидимому, не чувствовалъ. Его подняли на носилки и отнесли.

Съ Смагинымъ я сошелся ближе, нежели съ другими офицерами полка, съ которыми мнѣ пришлось быть на севастопольскихъ бастіонахъ, въ послѣдніе пять мѣсяцевъ обороны. Это былъ очень симпатичный и развитой молодой человекъ, и меня очень огорчила его потеря. Нужно, впрочемъ, оговориться, что огорченіе, по поводу чьей либо смерти или тяжелой раны, въ Севастополѣ было весьма слабымъ подобіемъ того чувства, которое, вообще, называется огорченіемъ. Ежеминутное зрѣлище смерти и

увѣчій притупило въ каждомъ изъ насъ способность живо ощущать состраданіе, и на смерть мы смотрѣли равнодушно. Дня черезъ три я навѣстилъ Смагина на Сѣверной сторонѣ; онъ былъ въ памяти и, какъ кажется, не сознавалъ безнадежности своего положенія. Вскорѣ онъ скончался. Возвращаясь съ его похоронъ, я встрѣтилъ близъ 5-го бастіона носилки, за край которыхъ держалась блѣдная рука лежавшаго въ нихъ раненаго. Это былъ молодой, всѣми очень любимый офицеръ, Василій Никитичъ Моховиковъ, раненый въ бокъ осколкомъ гранаты. Онъ прожилъ еще часа четыре, вынося страданія мужественно, несмотря на его почти отроческій возрастъ. Вскорѣ послѣ того еще одинъ хорошій офицеръ, Бѣлаго, находясь ночью въ цѣпи, съ охотниками, былъ убитъ наповаль ядромъ или настильно летѣвшею гранатою. Не помню, до штурма или послѣ него былъ раненъ командиръ нашего редута, М. П. Шварцъ. Послѣ него временно командовалъ редутомъ артиллерійскій офицеръ Проценко, которому матросы очень неохотно подчинялись, какъ не моряку. Потомъ былъ присланъ командовать редутомъ лейтенантъ Дмитрій Спиридоновичъ Ханжогло, который и оставался на редутѣ до конца обороны. Мнѣ помнится, что Дмитрій Спиридоновичъ говорилъ мнѣ, что онъ попалъ въ число черноморскихъ моряковъ случайно; онъ числился, собственно, въ Балтійскомъ флотѣ и былъ въ Крыму, передъ высадкою непріятели, въ отпуску; когда Севастополь осадилъ, онъ остался, при его оборонѣ, а въ Кронштадтѣ написали, что, тамъ, въ этихъ случаяхъ обыкновенно пишется. Формалистомъ Севастополь вообще не былъ, и ужъ никакъ не былъ педантиченъ въ выборѣ своихъ защитниковъ. Я видѣлъ тамъ, въ пѣхотныхъ рядахъ, кавалеристовъ, не имѣвшихъ самыхъ элементарныхъ понятій о пѣхотной службѣ; видѣлъ трагическихъ полковыхъ, ходившихъ на вылазки, и девятилѣтнихъ дѣтей, стрѣлявшихъ изъ мортиръ; видѣлъ одного господина, носившаго какое то неправдоподобное званіе горнаго вѣдомства, и руководившаго фортификаціонными работами, на нѣкоторыхъ батареяхъ.

Одинъ за другимъ потянулись іюньскіе и іюльскіе дни, сухіе и знойные. Каждый изъ нихъ былъ богатъ разнообразными эпизодами; но, въ общемъ, это было однообразное теченіе времени, такъ какъ всѣ эти эпизоды были варьяціями на одну и ту же тему: разрушеніе, гибель и смерть. Степень опасности, при пас-

сивномъ участіи въ оборонѣ и при участіи въ боевыхъ эпизодахъ, почти сравнялась. Заурядъ самыя мирныя функціи человѣческой жизни заканчивались также, какъ можетъ закончиться участіе въ какой нибудь отчаянной вылазкѣ. Часто бомбы накрывали спавшихъ людей; иногда солдаты, несшіе на бастионъ ушатъ со щами, до бастиона не доходили, а прямо съ дороги попадали на Сѣверную сторону, въ братскую могилу. Разъ какъ-то, на Шверцевомъ редутѣ, сидѣвшій близъ меня солдатъ ѣлъ кашницу, изъ своего маленькаго котелка; въ минуту, когда онъ, конечно, менѣе всего думалъ объ опасности, ядро спшибло съ траверза зачѣмъ то лежавшую тамъ небольшую доску; доска хватила солдата въ затылокъ, и онъ, отъ ротной кашницы, моментально перешелъ ко вкушенію райскаго блаженства. Это внезапное измѣненіе тепи застало его врасплохъ; онъ сидѣлъ, откинувшись спиною на туръ, раскинувъ руки, въ одной изъ которыхъ была ложка, и бессмысленно вытаращивъ оловянные глаза. Въ другой разъ, на 3-мъ бастионѣ, я видѣлъ окровавленные остатки за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ разрушеннаго навѣса, подъ которымъ семь офицеровъ какого-то полка собрались было пить чай, но всѣ семеро были убиты осколками разорвавшейся между ними бомбы.

Послѣ штурма 6-го іюня мы перестали чередоваться на редутѣ Шварца, а находились на редутѣ безсмѣнно. Только все ночное время было у насъ занято поправкою сдѣланныхъ днемъ поврежденій и находженіемъ въ цѣпи и секретахъ; бѣольшая же часть дня у насъ не была занята, хотя и къ этому времени едва ли подходило бы названіе свободнаго времени. Мы занимали редутѣ, ежеминутно готовые встрѣтить внезапный натискъ непріятеля; главное же—мы принимали на себя удары сотенъ и тысячь непріятельскихъ снарядовъ. Были дни, когда наши потери были значительнѣе; были дни, когда число убитыхъ и раненыхъ у насъ было меньше; но не было такихъ дней, когда потерь у насъ не было бы вовсе.

Кое какъ коротали мы незанятое, но и не свободное время. Солдаты балагурили и играли въ карты, до того загрязненныя, что бубновую даму не сразу можно было отличить отъ трефовой двойки; отъ налипшей на карты грязи, каждая колода была вершка въ полтора толщиною. Матросы и солдаты находили отраду, воспитывая животныхъ на батареяхъ. На нашемъ редутѣ

общею любимицею была Флора, собаченка М. П. Шварца. Потомъ ее, впрочемъ, съ редута убрали, потому что послѣ одной канонады замѣтили, что она лакомится клочками человѣчьяго мяса и обломками костей, забившихся между прутьями туровъ. На круглой мортирной батарейкѣ, входившей во дворъ нашего редута, было цѣлое семейство кошекъ; въ казематѣ 6-го бастиона былъ котъ, у котораго одна лапа была какъ-то странно отбита: часть кожи осталась неповрежденною и висѣла пустымъ чехломъ, а кости въ этомъ чехлѣ не было. На стѣнкѣ, правѣе 6-го бастиона, часто сидѣлъ павлинъ и непріятный крикъ его былъ слышенъ издали. Выстрѣлы, даже очень близкіе, его нисколько не пугали. Вообще, птицы въ Севастополѣ совершенно освоились съ огнемъ; я часто видѣлъ, какъ, при сильномъ громѣ канонады, стаи воробьевъ беззаботно перепархивали съ мѣста на мѣсто. Болѣе обычнымъ развлеченіемъ для офицеровъ служило участіе въ перестрѣлкѣ съ французами, которую вели наши штуцерники; я перестрѣливался иногда съ французами изъ своего легонькаго штуцера; разъ попробовалъ выстрѣлить изъ казеннаго, да закаялся: такъ отдало, что въ ушахъ зазвенѣло и я свѣта Божія не взвидѣлъ. Лютихскіе штуцера, которыми были вооружены по три (кажется) человѣка въ ротѣ, были хороши, но послѣ пяти-шести выстрѣловъ нарѣзы такъ засаривались пороховою копотью, что, вновь заряжая штуцеръ, приходилось досылать пулю ударами молотка, и, при выстрѣлѣ, сильно отдавало. Съвозъ бойницу, составленную изъ набитыхъ землею мѣшковъ, можно было наблюдать очень ограниченное протяженіе непріятельской траншеи, находившейся отъ насъ съ небольшимъ въ тридцати саженьяхъ; хотя, наблюдать большее протяженіе не было и надобности, но все запрещенное имѣетъ притягательную силу, и мы прибѣгали къ небольшой хитрости, чтобы имѣть возможность смотрѣть черезъ гребень бруствера, выставивъ изъ-за него голову. Надѣвали фуражку на шомполъ и выставляли ее немного изъ-за бруствера, такъ чтобы верхняя ея часть видна была французамъ; немедленно вокругъ нея начиналъ жужжать рой пуль и иногда одна изъ нихъ пронизывала фуражку. Показавъ такъ фуражку нѣсколько разъ, приподнимали ее нѣсколько выше, показавъ французамъ, какъ бы нечаянно, часть шомпола; увидѣвъ, что фуражка не на головѣ, а на шомполѣ, французы переставали въ нее цѣлить и не обра-

щали болѣе на нее вниманія. Тогда фуражку ктонибудь надѣвалъ себѣ на голову и выставивъ изъ-за бруствера голову, по линіи глазъ, смотрѣлъ черезъ гребень. Впослѣдствіи я видѣлъ во французскихъ иллюстрированныхъ журналахъ изображеніе сценъ траншейной жизни, подъ Севастополемъ: французскіе солдаты разставляютъ по гребню траншей, какъ цѣль для русскихъ стрѣлковъ, пустыя бутылки, сдѣланныя изъ лучинокъ вѣтренныя мельницы и картонныхъ генераловъ, дрягающихъ руками и ногами, при дерганіи веревочки. Такихъ штукъ мнѣ не случилось видѣть. Можетъ быть такое обоюдное развлеченіе и практиковалось гдѣнибудь, противъ одной изъ тѣхъ немногихъ севастопольскихъ батарей, на которыхъ я не былъ; но болѣе вѣроятно, что поставщикъ рисунковъ для иллюстрацій измышлялъ эти сцены въ кампѣ, можетъ быть и не заглядывая въ траншеи.

Развлеченія не всегда были безъобидны для обѣихъ сторонъ. Французы, вѣроятно, предпочли бы, чтобы комендоръ бомбическаго орудія, стоявшаго на переднемъ фасѣ нашего редута, комендоръ трехпудовой бомбовой пушки, на батареѣ Азарьева, и комендоръ, въ вѣдѣніи котораго была одна изъ пятипудовыхъ мортиръ, на Чесменскомъ редутѣ,—развлекались какънибудь иначе. Эти комендоры, случайно узнавъ, что каждый изъ нихъ превосходно пристрѣлялся къ средней амбразурѣ стоявшей противъ насъ пятиорудейной непріятельской батареи, рѣшили стрѣлять въ нее не порознь, а вмѣстѣ. Сговорившись, партнеры давали залпъ, и три бомбы врывались въ злополучную амбразуру, растерзывая ея щеки и все въ ней коверкая. Предувѣдомленные о залпѣ, мы заранѣе наводили бинокли на кандидатку и каждый разъ видѣли, какъ и въ самой амбразурѣ и непосредственно за нею клубился дымъ, взвивались пыль и комья земли, летѣли вверхъ обломки платформы и какіе-то клочья.

Такъ какъ штурмъ ожидался только на разсвѣтѣ, то днемъ мы считали возможнымъ иногда отлучаться съ редута и проводить нѣсколько часовъ въ городѣ. Къ концу іюня севастопольскія улицы уже опустѣли; на нихъ, сколько я помню, уже не было ни одной лавки и ни одного ресторана; нѣкоторые изъ жителей перебрались на Сѣверную сторону, а другіе вовсе выбрались изъ Крыма. Немногимъ еще оставшимся въ Севастополѣ торговцамъ и трактирщикамъ данъ былъ пріютъ въ казематахъ Николаев-

скаго форта; видно было, что нѣско́ро сбываются только кое-какіе остатки; трактирные обѣды тоже казались составленными изъ остатковъ. Зной былъ такъ силенъ, что капли воды, выплеснутой на камень, испарялись мгновенно; орудія, накалившись въ продолженіи дня, не остывали вполнѣ до полуночи. Воздухъ и на укрѣпленіяхъ, и въ городѣ былъ испорченъ и удушливъ. Кажется, единственнымъ въ городѣ мѣстомъ, куда не достигло разлитое повсюду зловоніе, была морская офицерская библіотека. Прекрасное зданіе библіотеки было окружено не большимъ, но густоразросшимся садомъ. Видно было, что садикъ когда-то былъ содержанъ хорошо; но во время осады онъ былъ запущенъ, дорожки заросли, клумбы и рабатки уничтожились, росшія близъ входа въ библіотеку группы присовѣ проросли сорною травою. Но, кажется, самая эта запущенность, давъ волю растительности, дѣлала этотъ садикъ особенно свѣжимъ и прохладнымъ оазисомъ, среди накаленной и напитанной міазмами почвы. Не помню, чтобы гдѣнибудь я съ такимъ наслажденіемъ впивалъ воздухъ, какъ въ тѣни акацій библіотечнаго садика.

Книги были вынесены изъ библіотеки, кажется, въ первый періодъ осады; но получалось много газетъ, и изъ нихъ мы узнавали, что дѣлается въ мірѣ, гдѣ жизнь была въ самомъ дѣлѣ жизнію, а не временною отсрочкою смерти, какъ у насъ. Иногда же мы узнавали изъ газетъ о томъ, что дѣлается у насъ же въ Севастополѣ. У меня какъ-то осталось въ памяти, что именно въ библіотекѣ прочелъ я, что пушки Hôtel des Invalides возвѣстили Парижу о рожденіи императорскаго принца, того самаго злополучнаго Люлу, который потомъ наткнулся на зулусскіе ассагаи, ввязавшись въ вовсе его не касавшееся дѣло. Въ одной изъ залъ библіотеки стояла большая модель корабля „Двѣнадцать Апостоловъ“ съ полною оснасткою; тутъ же была раздвижная модель кузова трехдечнаго корабля, по которой можно было ознакомиться съ мельчайшими подробностями внутренняго устройства корабля. По стѣнамъ были расположены модели разныхъ судовъ; на нижнихъ полкахъ размѣщались модели корабельныхъ орудій и небольшое количество чучелъ морскихъ животныхъ. Не могу безъ озлобленія вспомнить, что всѣ эти модели и чучела я видѣлъ потомъ въ Парижѣ, въ морскомъ музеѣ. Я недоумѣвалъ тогда, какъ недоумѣваю и теперь: какъ нужно смотрѣть на ту часть музея

французскаго флота, гдѣ помѣщаются предметы изъ разграбленнаго французами нашего книгохранилища—какъ на собраніе съ бою взятыхъ трофеевъ или какъ на складъ краденныхъ вещей.

Считая наступленіе, со стороны непріятеля, днемъ, мало вѣроятнымъ, мы всё почти проводили въ полной готовности встрѣтить приступъ; кромѣ общихъ средствъ обороны. имѣвшихся на всѣхъ батареяхъ, у насъ припасены были ручныя гранаты, для бросанія въ ровъ, когда онъ наполнился бы штурмующими. Гранаты эти были набраны изъ числа тѣхъ, которыя имѣлись во флотѣ, для abordажей; снаряжены онѣ были, какъ казалось, давно, и было одинаково правдоподобно какъ то, что онѣ вовсе не загорятся, такъ и то, что онѣ перелопаются у насъ въ рукахъ; губительность же ихъ для французовъ казалась менѣе вѣроятною. На эскарпѣ передняго фаса было у насъ подвѣшено тѣло подбитаго огромнаго чугуннаго орудія, съ отбитыми цапфами. Если бы, въ моментъ штурма, обрубить веревки, удерживавшіе это орудіе, то оно скатилось бы внизъ по эскарпу, расплющивая все подъ собою. Весьма удобнымъ снарядомъ, при отраженіи штурмующихъ колонъ, могла быть изобрѣтенная и практиковавшаяся въ Севастополѣ свѣтлая картечь, которую солдаты прозвали „капральствомъ“. Это было десятка полтора маленькихъ гранатъ, которыми заряжали трехъ или пятипудовую мортиру. Нечего и говорить о томъ эффектѣ, который былъ бы произведенъ дождемъ гранатъ, попавшихъ въ непріятельскую колону и терзающихъ ея ряды, разрываясь во всѣхъ направленіяхъ. Но далеко не та польза была отъ этого снаряда, при обыкновенной орудейной перестрѣлкѣ, когда свѣтлою картечью стрѣляли, почти исключительно ради красоты ея полета. Цѣлый букетъ огоньковъ взлеталъ изъ-за нашей батареи и, красиво мерцаая, опускался на непріятельское укрѣпленіе или на траншею. Но лишь одна—двѣ звѣздочки изъ этой плеяды случайно падали въ траншею; остальные бесполезно разрывались на пустомъ пространствѣ. Ненужное расхожденіе гранатъ на эти красивые букеты—было неизвинительно, такъ какъ доставка въ Севастополь каждаго снаряда стоила большаго труда и обходилась чуть не въдесятеро дороже стоимости самаго снаряда. Между тѣмъ, эти же самыя гранаты сдѣлали бы непріятелю много вреда, будь онѣ выпущены изъ кегорновыхъ мортирокъ—собачекъ, какъ ихъ называли матросы. Изъ этихъ маленькихъ

мортирокъ у насъ превосходно пристрѣлялись, и онѣ, несмотря на ихъ игрушечный видъ, были, для французовъ, преехидными штучками. На нашемъ редутѣ „собачки“ были препоручены одному престарѣлому матросу и какому-то десятилѣтнему мальчугану, одинаково засаленнымъ и оборваннымъ. Мальчикъ почти безъ промаха клалъ гранаты въ непріятельскую траншею. Разъ только одна изъ его гранатъ далеко не достигла своего назначенія: вслѣдствіе дурнаго снаряженія, она разорвалась въ моментъ вылета ея изъ mortarки и кое-кого переранила; одному же саперному унтеръ-офицеру осколкомъ этой гранаты снесло верхнюю часть черепа. На этотъ разрывъ никто не обратилъ тогда никакого вниманія, но почему-то совершенно иное впечатлѣніе произвелъ другой, сходный съ этимъ, случай. Вскорѣ послѣ раны Шварца, когда редутомъ временно завѣдывалъ артиллерійскій офицеръ Проценко, за склономъ холма, правѣ нашего редута, послышался шумъ, похожій на шумъ отъ движенія новозокъ. Мы предположили, что непріятель что-нибудь подвозитъ въ траншею, пользуясь мѣстностью, хотя и очень близкою къ нашимъ укрѣпленіямъ, но совершенно отъ насъ скрытою бывшею въ этомъ мѣстѣ понижающеюся волною той самой возвышенности, на которой стоялъ нашъ редутъ. Начали стрѣлять, изъ обращенныхъ въ ту сторону четырехъ орудій, картечью, уменьшенными зарядами, такъ чтобы картечь, пролетѣвъ небольшое разстояніе, начинала опускаться, осыпая отвращенный отъ насъ скатъ возвышенности. Орудія стрѣляли поочередно и стрѣльба, вообще, была рѣдкая. Стоя на банкетѣ, я наблюдалъ, черезъ бойницу, паденіе картечи, судя о немъ по выбиваемой ею изъ земли пыли, показывавшейся изъ-за горки. Пришла очередь дать выстрѣлъ ближайшему ко мнѣ орудію. Едва я приложилъ лицо къ бойницѣ, какъ раздался оглушительный гулъ, не похожій на обыкновенный выстрѣлъ, и чѣмъ-то больно и до крови меня сѣкнуло по правой щекѣ и правой рукѣ. Обернувшись, я увидѣлъ въ чемъ дѣло: весь прилежащій уголь редута былъ засланъ дымомъ, изъ котораго неслись стоны и крикъ; когда дымъ разсѣялся, то открылась кровавая картина, истинный образчикъ картинокъ севастопольскаго жанра. На платформѣ стоялъ исковерканный станокъ орудія и лежала оторванная его дульная часть; вокругъ — растерзанныя тѣла прислуги, которая была истреблена вся, за исклю-

ченіемъ комендора, который не только уцѣлѣлъ, но даже не былъ сшибленъ съ ногъ, только бывшая на немъ рубашка была вся прожжена. На сосѣдней платформѣ лежалъ комендоръ того орудія, Мѣшковъ, перерванный пополамъ отлетѣвшимъ туда огромнымъ кускомъ казенной части орудія. Мѣшковъ упирался руками въ платформу, на которой, извиваясь, лежали его кишки; красное его лицо было искажено мукою; помутившіеся глаза блуждали. Онъ прожилъ еще болѣе четверти часа. Въ спускъ въ гранатный погребокъ, устроенный подъ однимъ изъ мерлоновъ, лежало трое пѣхотныхъ солдатъ, одинъ изъ нихъ былъ убитъ, другой—раненъ, а третій—только ошеломленъ. На противоположномъ концѣ редута корчился отъ боли Ковальчукъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ комендоровъ, контуженный въ животъ перелетѣвшимъ черезъ весь редутъ подъемнымъ винтомъ разорвавшаго орудія ¹⁾. Отчего разорвалась та двѣнадцати-фунтовая пушка—Богъ знаетъ. Пальба была рѣдкая и стрѣляли уменьшенными зарядами. Это былъ одинъ изъ тѣхъ сюрпризовъ, которые бывали съ чугунными орудіями, на которыхъ невозможно было подмѣтить признака предстоящаго разрыва. Во всякомъ случаѣ, въ несчастіи этомъ никого обвинять нельзя, да и число жертвъ этой катастрофы мало превышало число погибавшихъ, иногда, отъ паденія одной бомбы. Но случай этотъ почему-то произвелъ сильное впечатлѣніе на матросовъ и вызвалъ между ними ропотъ. На что они роптали, кого и въ чемъ обвиняли—они, конечно, не знали и сами; но возбужденіе ихъ выказалось въ такой формѣ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ принуждены были арестовать. Разрывъ орудія былъ, безъ сомнѣнія, лишь случайнымъ поводомъ къ проявленію недовольства матросовъ, что ими командовалъ не морякъ.

Разсказанный случай былъ совершенно исключителенъ и вызванъ исключительными обстоятельствами. Вообще же, многомѣсячное, ежеминутное стояніе лицомъ къ лицу со смертію установило въ отношеніяхъ нашихъ къ ней нѣкоторую фамиллярность. Трагизмъ смерти почти вовсе утратился. Какъ-то разъ я сидѣлъ,

¹⁾ Отъ этой контузіи Ковальчукъ выздоровѣлъ, но вскорѣ послѣ выздоровленія былъ разорванъ опустившеюся прямо на него бомбою на такіе мелкие клочки, что ни одного изъ нихъ не оказалось на редутѣ. Только изъ секрета принесли потомъ ногу, заподозрѣнную въ принадлежности къ разлетѣвшемуся тѣлу Ковальчука

съ однимъ ротнымъ командиромъ, М., около траверза. За траверзомъ раздался взрывъ бомбы и крикъ. М. послалъ вблизи стоявшаго унтеръ-офицера узнать, что случилось.

„Ничего, ваше благородіе“, отвѣчалъ онъ, возвратившись: „чрепкомъ только немного у штуцера прикладъ откололо“.

— Да что штуцерь! Человѣкъ-то что?

Унтеръ-офицеръ посмотрѣлъ на насъ недоумѣло. „Человѣкъ... да человѣка, известно, убило“, отвѣчалъ онъ, удивляясь, что насъ могутъ интересовать такіе пустаки.

Со смертію, увѣчемъ и ранами такъ освоились, что для избѣжанія ихъ не дѣлали лишняго шага или лишняго движенія. Въ одномъ мѣстѣ, между Ростиславскимъ редутомъ и 5-мъ бастиономъ, была прорыта траншея, параллельно стѣнкѣ, соединявшей этотъ бастионъ съ 6-мъ. Но по этой траншеѣ, дававшей полное прикрытіе отъ ружейнаго огня, мало кто ходилъ; почти всѣ шли прямой дорогой, осыпаемой пулями, хотя выигрышъ въ разстояніи не превышалъ тутъ тридцати или сорока шаговъ.

Старые севастопольцы рѣдко также брали на себя трудъ ложиться на землю, при близкомъ паденіи бомбы, хотя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, это былъ довольно вѣрный способъ не быть задѣтымъ разлетающимися осколками, которые рѣдко летятъ параллельно землѣ, а обыкновенно отдѣляются отъ нея подъ угломъ, который бываетъ тѣмъ острѣе, чѣмъ менѣе снарядъ углубляется въ землю.

Только одна рана и одна смерть заставила застонать весь Севастополь. 28-го іюня, вечеромъ, командиръ нашего редута, Ханжогло, получилъ записку и сообщилъ намъ о смертельной ранѣ Павла Степановича Нахимова, прося насъ не объявлять пока объ этомъ солдатамъ и матросамъ. Старались, чтобы слухъ объ этомъ несчастіи сколько возможно далѣе не дошелъ до матросовъ, зная, какое подавляющее впечатлѣніе произведетъ на нихъ извѣстіе, что обожаемаго ими Павла Степановича они ужъ не увидятъ. На другой день прошли было утѣшительные слухи, что рана не смертельна и что Нахимову лучше; но 30-го мы узнали, что самаго любимаго и самаго популярнаго на Черноморьи человѣка не стало.

Въ теченіи іюля въ ходѣ севастопольской обороны было какъ-то мало выдающихся случаевъ. Не помню, въ іюль или еще въ

юнкѣ начали вести съ Шварцева редута контръ-минныя галлерей, противъ тѣхъ минныхъ работъ, которыя были открыты, со стороны непріятели. Минныя колодцы находились во рву редута; при устройствѣ ихъ, трудно было пробить камень, аршина въ два или три толщины; но подъ этимъ каменнымъ слоемъ оказалась глина, и галлерей вести было довольно легко. Не помню—кто изъ инженеровъ управлялъ веденіемъ контръ-минныхъ работъ; команда же рабочихъ была въ завѣдываніи поручика Углицкаго егерскаго полка Стениуса ¹⁾).

Во рву нашего редута всегда возились эти рабочіе, вытаскивавшіе землю изъ минныхъ галлерей. Разъ утромъ одинъ изъ нихъ, вылѣзшій изъ своей кротовьей норы, нашелъ валяющуюся во рву ногу, вѣроятно, оторванную и брошенную здѣсь ночью. Минеръ захватилъ ногу съ собою, на редуть.

— „Ребята, чья, вотъ, нога?“

Солдаты подошли, посмотрѣли: сапогъ старый плохенькій, не стоитъ изъ-за него относить ногу въ каземату 5-го бастіона, гдѣ складывали покойниковъ.

— Это не наша; это, должно, четвертой егерской роты.

Я подмѣтилъ, что, изъ всѣхъ принадлежностей ихъ одежды, солдаты относятся съ особенною интимностію именно къ сапогамъ. 11-го или 12-го мая, вечеромъ, я проходилъ мимо Ростиславскаго редута, около котораго были свалены только что подобранные трупы солдатъ, убитыхъ въ ночь съ 10-го на 11-е мая. Пролежавъ цѣлый день на солнечномъ припекѣ, тѣла раздулись; лица почернѣли и почти утратили подобіе человѣческихъ лицъ, глаза были выпучены. Вдругъ одинъ изъ шедшихъ со мною солдатъ остановился, всмотрѣлся въ одного изъ убитыхъ и началъ креститься.

„Да ты его развѣ знаешь?“ спросилъ кто-то.

— Какъ не знать—это углицкій одинъ землячокъ.

„По чемъ же ты его узналъ?“

— Да по сапогамъ.

Повойникъ и узнавшій его солдатъ служили въ разныхъ полкахъ, слѣдовательно лишь изрѣдка имѣли возможность сойтись и

¹⁾ Стениусъ уцѣлѣлъ. Въ семидесятыхъ годахъ я его встрѣтилъ на одной изъ станцій желѣзныхъ дорогъ, въ Финляндіи.

потолковать, между прочимъ, и объ излюбленныхъ сапогахъ. Своего же сослуживца солдатъ прежняго времени безъ труда узналъ бы по одному каблуку.

Чтобы дать отдыхъ нашимъ крайне истомленнымъ батальонамъ, въ двадцатыхъ числахъ іюля ихъ сняли съ редута Шварца и перевели на 7-й бастионъ. Штурма на этотъ бастионъ нельзя было ожидать, и мы могли спать по ночамъ. Не сразу, впрочемъ, мы могли воспользоваться этою возможностью: въ теченіи послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ на редутѣ Шварца, мы совершенно отвыкли отъ ночнаго сна, и въ первые два-три дня нашей новой стоянки мнѣ по ночамъ не спалось, а клонило ко сну днемъ.

На другой или на третій день, по переходѣ нашемъ на 7-й бастионъ, я пошелъ въ городъ и близъ памятника Казарскому увидѣлъ нѣсколько неуклюжихъ сѣрыхъ фигуръ, въ дурно пригнатыхъ на нихъ армякахъ и въ сѣрыхъ шапкахъ, съ крестами. Это были ратники курскаго ополченія. Этотъ суррогатъ войска прибылъ въ Севастополь уже за нѣсколько времени предъ этимъ; но я тутъ въ первый разъ увидѣлъ ратниковъ, такъ какъ въ іюлѣ приходилось безотлучно находиться на редутѣ.

Утромъ 3-го августа блокировавшія нашъ рейдъ французскія суда разцвѣтились флагами, по случаю именинъ Наполеона III. Впечатлѣніе чего-то пошлаго и театральнаго производили эти флаги, которыми былъ иллюминированъ флотъ націи, имѣвшей такое славное прошлое, а теперь не стыдившейся имѣть во главѣ своей авантюриста и пройдоху.

Въ тотъ же день мы сошли съ 7-го бастиона и переправились черезъ Южную бухту на Корабельную сторону. Мы знали, что идемъ туда, чтобы принять участіе въ большомъ дѣлѣ, предполагавшемся на другой день. Говорили, что изъ Севастополя выйдетъ сильная колонна, чтобы обрушиться на флангъ французской позиціи, которую будутъ атаковать наши войска, изъ-за Черной рѣчки; говорили, что честь идти во главѣ этой колонны будетъ предоставлена намъ и Орловскому полку; что колонна эта, по условленному сигналу, не ожидая никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій, вырвется изъ-за Рогатки, между Курганомъ и 2-мъ бастиономъ, и бросится на бывший Камчатскій люнетъ, передѣланный французами въ редутъ и названный ими, кажется, Бран-

сіоновскимъ, и, овладѣвъ имъ, пойдетъ дальше; говорили еще, что редутъ этотъ минированъ и что передовымъ частямъ, которыя ворвались бы въ него, придется вспорхнуть къ ласточкамъ. Не знаю, что изъ рассказываемаго было справедливо и что лишено основанія; очень можетъ быть, что ни намъ, ни Орловцамъ не предназначалось идти впереди, или, наконецъ, что мы и вовсе не должны были идти, а должны были находиться за Рогаткою, на всякій случай; но тогда мы не сомнѣвались ни въ чемъ, что говорилось о предстоявшей вылазкѣ. Настроеніе войскъ было превосходное. Теперь я знаю, что Брансіоновскій редутъ минированъ не былъ; но тогда мы вѣрили, что онъ былъ минированъ и, все-таки, никому не уступили бы чести первымъ взойти на его брустверь. Нужно ли говорить о томъ уныніи и той злобѣ, которыми къ вечеру 4-го августа смѣнился этотъ подъемъ духа. Никакого сигнала мы не дождались, никуда насъ не двинули, никого мы не выручили, а простояли праздно весь день, напряженно вслушиваясь въ перебаты пальбы, доносившейся до насъ съ Черной рѣчки.

Вспоминая теперь объ этомъ несчастномъ днѣ, я съ удивленіемъ думаю объ энтузіазмѣ, охватывавшемъ офицеровъ и солдатъ. Что могло породить такое настроеніе, обусловливаемое надеждою на успѣхъ? Развѣ мы не знали, что всѣ предначертанія штаба арміи неизмѣнно вели къ путаницѣ и заканчивались позорными неудачами? Идя въ бой и зная вперёдъ о предстоящей неудачѣ, можно и должно имѣть рѣшимость исполнить свой долгъ и умереть, если нужно; но проникнуться энтузіазмомъ можно только при большей или меньшей вѣроятности успѣха. А весь предшествовавшій ходъ войны могъ бы намъ показать, что не подъ такимъ предводительствомъ достигается побѣда.

5-го или 6-го августа мы стали на батарею Будищева, на лѣвомъ флангѣ 3-го бастиона, а дней черезъ десять перешли на батарею Жерве, примыкавшую къ Малахову Кургану. Стоянна на батареѣ Жерве намъ стояла нѣсколькихъ хорошихъ офицеровъ. Черезъ полчаса или черезъ часъ послѣ прихода на батарею, былъ убитъ наповалъ отличный ротный командиръ, капитанъ Чубаровъ. Осколкомъ гранаты или ядромъ его ударило въ затылокъ и снесло верхнюю часть черепа; отъ силы толчка, глаза у него выскочили изъ своихъ орбитъ. Чубаровъ получилъ нѣсколько

ранъ подь Альмою; вскорѣ по выздоровленіи, онъ былъ снова слегка раненъ въ плечо, кажется, на батареѣ Завалишина; наконецъ, на батареѣ Жерве съ нимъ покончили.

Разъ вечеромъ, дня черезъ два-три послѣ смерти Чубарова, около траверза, у котораго мы сидѣли, упала бомба и глубоко вошла въ рыхлую землю. Стоявшій возлѣ солдатъ хотѣлъ отскочить, но запнулся и упалъ прямо на землю, засыпавшую бомбу. Бомба разорвалась, взбросила землю, а лежавшаго на ней солдата перебросила черезъ брустверь. Отдѣленный отъ снаряда толстымъ слоемъ земли, солдатъ не былъ раненъ осколками, но, при паденіи, переломалъ себѣ ноги, и лежалъ у подошвы эскарпа, на виду у непріятеля, такъ какъ рва въ этомъ мѣстѣ вовсе не было. Поручикъ Москевичъ перескочилъ черезъ брустверь, чтобы выручить упавшаго туда солдата, но и самъ туда упалъ съ прострѣленною ногою. Затѣмъ, одинъ за другимъ, перескочило туда еще нѣсколько человѣкъ; нѣкоторые изъ нихъ были ранены, такъ какъ непріятельскіе стрѣлки усиленно стрѣляли сюда, но, все таки, всѣхъ раненыхъ удалось перетащить на батарею, и ни одинъ изъ нихъ за брустверомъ не остался.

26 августа, поздно вечеромъ, бомба упала на землянку, въ которой сидѣли наши офицеры: Аристовъ, Кауровъ и Залѣскій, и завалила ее. Аристовъ остался живъ, послѣднихъ же двухъ вынули изъ подь земли мертвыми; Каурова вытащили по частямъ, а Залѣскаго цѣликомъ, но сплюснутаго, какъ шептала. Ихъ даже похоронить не удалось: ихъ положили въ часовнѣ, возлѣ какихъ-то казармъ, и тѣла ихъ сгорѣли, когда, на другой день, изпепелили все, что въ Севастополѣ еще было сгораемаго.

IV.

Глухой пушечный гулъ, особенно густо стоявшій надь Севастополемъ въ двадцатыхъ числахъ августа, утромъ 27-го, внезапно прорѣзался ружейной трескотней, закипѣвшей на Малаховомъ Курганѣ, и почти непосредственно затѣмъ тамъ показались трехцвѣтныя знамена. Въ нѣсколько минутъ потокъ французовъ затопилъ внутренность укрѣпленій Кургана; захваченные врасплохъ, уцѣлѣвшіе отъ бомбардированія остатки гарнизона не могли, конечно, дать связнаго отпора, который задержалъ бы штурмую-

щихъ хоть на четверть часа, и лишь разрозненными кучами тамъ и сямъ отчаянно отбивались, охваченные массами французовъ; кучки нашихъ солдатъ, засѣвъ въ башнѣ и нѣкоторыхъ блиндажахъ, отстрѣливались еще долго послѣ того, какъ остальные клочки гарнизона были выброшены за горжу. Но съ сосѣднихъ съ Курганомъ батарей, въ густомъ дымѣ, клубившемся надъ его валами, не было замѣтно дымковъ отъ ружей послѣднихъ его защитниковъ, и слабый трескъ ихъ выстрѣловъ тонулъ въ хаосѣ звуковъ. Съ батареи Жерве, гдѣ я въ ту минуту находился, видны были только трехцвѣтная знамена, на серединѣ Кургана, и непрерывный рядъ клубочковъ бѣлаго дыма, по всему тыльному брустверу. Пороховой дымъ облегалъ верхній край этого бруствера почти сплошной клубящейся полосой, словно по гребню наложенъ былъ непрерывный рядъ огромныхъ ключевъ ваты. Изъ этой трещащей полосы летѣли рои пуль на батарею Жерве и на Камчатскую стѣнку, составлявшую вторую оборонительную линію, за которой толпились остатки частей, занимавшихъ Малаховъ Курганъ, и сбѣжавшіеся съ Корабельной слободки кашевары, артельщики и тому подобный людъ. Они могли бы и не разлучаться съ своими котлами; но не таковскій то былъ народецъ, чтобы держать въ рукахъ уполовчики, когда сказывалось послѣднее слово великой кровавой эпопеи.

Черезъ нѣсколько минутъ ружейный трескъ закипѣлъ на 3-мъ бастионѣ, но здѣсь атака была менѣе неожиданна, нежели на Курганѣ. На Курганѣ исключительно господствовалъ рѣзкій звукъ ружейной пальбы, на 3-мъ же бастионѣ къ нему присоединялся пушечный гулъ, и ружейные дымки поглотились густыми бѣлыми клубами, вылетающими изъ пушекъ и мортиръ. Любо было видѣть, какъ работала 3-й бастионъ, гудя и клубясь дымомъ, съ каждой секундой все болѣе сгущавшимся. Видно было, что не бездѣйствовало ни одно орудіе. Впослѣдствіи французы подсмѣивались надъ неудачей англичанъ, отбитыхъ отъ 3-го бастиона. Но нужно было видѣть огонь этого бастиона и знать, что не смотря на весь этотъ ураганъ картечи, англичане, все-таки, дошли до рва и ворвались было на бастионъ — чтобы понять восколько не удача англичанъ была славнѣе удачи французовъ на Малаховомъ Курганѣ, откуда успѣли по нимъ сдѣлать едва лишь нѣсколько торопливыхъ пушечныхъ выстрѣловъ.

Впрочемъ, я лишь мелькомъ взглянулъ на отбивавшійся 3-й бастионъ, когда съ нашей батареи сдѣлали нѣсколько анфиладныхъ выстрѣловъ вдоль лѣваго его фаса. Намъ не приходилось наблюдать за обороной другихъ батарей, такъ какъ нужно было отстаивать свою отъ потока французовъ, лившагося съ Малахова Кургана, какъ горящій керосинъ изъ переполненнаго сосуда.

Въ первый штурмъ Севастополя, 6 іюня, французамъ удалось ворваться на батарею Жерве и отсюда они полѣзли было на западный святъ Малахова Кургана и засѣли въ домикахъ, еще бывшихъ тамъ въ то время. Оттуда ихъ выбили штыками. 27 августа случилось наоборотъ: на батарею Жерве даже не было нападенія съ фронта; она атакована съ лѣваго фланга и отчасти съ тыла французами, спустившимися съ Малахова Кургана. Егеря Казанскаго полка, занимавшіе батарею Жерве, быстро перемѣнили фронтъ и очистили ту часть батареи, которая примыкала къ Кургану. Тутъ, конечно, не было произведено той „перемѣны фронта лѣвымъ флангомъ назадъ“, которая такъ красиво изображена на чертежахъ, приложенныхъ къ воинскому уставу; а егеря, просто, кучей, отбѣжали съ той части батареи, надъ которой нависъ Малаховъ Курганъ. Впрочемъ, вовсе не атака французовъ была причиною очищенія лѣваго фланга батареи Жерве: она только совпала съ этимъ очищеніемъ. Оно вполнѣ обусловливалось положеніемъ этой части батареи у подошвы Малахова Кургана, откуда, сверху, могли перестрѣлять, убивая на выборъ, всѣхъ находившихся внизу, съ такимъ же удобствомъ и почти съ такою же безопасностью, какъ стрѣлять фазановъ въ фазанеріи.

Эту часть батареи неминуемо пришлось бы оставить, если бы она и вовсе не была атакована. И, наоборотъ, атака была бы отбита, если бы она была произведена не въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ эскарпа нависшихъ надъ этимъ мѣстомъ укрѣпленій Малахова Кургана, уже занятаго французами. Какъ только егеря, очистивъ пространство, на которомъ безусловно невозможно было держаться, остановились, то прекратилось и стремленіе красноштаннаго потока. Зуавы засѣли за траверзы и блиндажи, за орудія и выступы мерлоновъ. Мѣсто, гдѣ собрался Казанскій полкъ, было тоже вполнѣ командуемо Малаховымъ Курганомъ; но, по сравнительно большому отъ него разстоянію, все-таки, была какая нибудь возможность держаться за траверзами и тому подобными

закрытіями. Хотя насъ и здѣсь осыпали пулями съ Кургана, но это не были выстрѣлы почти въ упоръ, какъ было бы на верхней части батареи. Намъ очень пригодились два довольно длинные траверза, стоявшіе перпендикулярно къ фронту батареи; мы стали за ними, лицомъ къ Кургану и правымъ плечомъ къ нашему брустверу, и открыли огонь по Кургану и по зуавамъ, спустившимся съ него на нашу батарею. Хотя они были нашими ближайшими сосѣдями, но на нихъ мы меньше обращали вниманія, нежели на Курганъ, господствовавшій надъ нашимъ уголкомъ и весьма серьезно на насъ смотрѣвшій амбразурами своего тыльнаго бруствера. Изъ числа орудій, стоявшихъ на заднемъ фасѣ Кургана, болѣе пятнадцати могло стрѣлять на батарею Жерве и мы ежеминутно ожидали, что изъ ихъ амбразуръ хлынетъ на насъ картечь. Достаточно было бы одного картечнаго залпа, чтобы насъ истребить, такъ какъ изъ четырехтысячнаго полка въ это время оставалось менѣе семисотъ человѣкъ. Къ счастью, опасеніе наше не оправдалось. Успѣла ли прислуга, оставляя эти орудія, заклепать ихъ, или по какой нибудь другой причинѣ—но ни одно изъ этихъ орудій не открыло по насъ огня.

Немедленно по сборѣ нашемъ за траверсами, началась жаркая перестрѣлка между нами и атаковавшими насъ зуавами. Хотя они были многочисленнѣе насъ, но перестрѣлка эта кипѣла при довольно равныхъ условіяхъ. Нельзя того же сказать о перестрѣлкѣ съ Курганомъ: онъ командовалъ занятою нами мѣстностію, и пальба оттуда настолько имѣла преимущества передъ нашимъ отвѣтнымъ огнемъ, что почти не стоило и отвѣчать, и лишь немногіе изъ насъ стрѣляли по Кургану. Не смотря на подрѣпленіе зуавовъ стрѣлковымъ баталіономъ (кажется, гвардейскимъ), мы цѣпо держались за занятое нами мѣстечко и хотя двѣ трети изъ насъ полегли на немъ, но остальная треть сошла съ него только вечеромъ,—и не повторившееся нападеніе французовъ заставило насъ оставить это мѣсто, а приказаніе главнокомандующаго оставить всѣ батареи и Севастополь.

Фономъ многочасовой обороны батареи Жерве служила наша горячая перепалка съ французами и постепенное истребленіе нашихъ сгерея огнемъ съ Малахова Кургана. Многочисленные эпизоды испещряли этотъ фонъ, но мало его разнообразили, такъ какъ каждый изъ этихъ эпизодовъ, повторяясь многократно, пе-

реставаль быть выдающимся пятномъ на картинѣ, а становился лишь оттѣнкомъ фона. Часто мы рвались въ штыки, бросались впередъ и оттѣсняли передовыя толпы французовъ. Мы не отдавали себѣ отчета въ цѣли нашихъ атакъ и не спрашивали себя: былъ ли вѣроятно какой нибудь успѣхъ. Мы рвались впередъ, опьяненные пыломъ боя и забывая, что пытаемся овладѣть тѣмъ самымъ мѣстомъ, съ котораго, за полчаса передъ тѣмъ, сошли, по невозможности на немъ держаться. Эта невозможность напоминала о себѣ немедленно, какъ только мы овладѣвали частицею лѣвой половины батареи Жерве: съ Кургана обдавалъ насъ свинцовый дождь, и мы снова бывали принуждены возвратиться за траверзы, оставляя нѣсколько десятковъ труповъ. Для человѣка, неотуманеннаго свалкой, была бы ясна сумасбродность нашихъ порывовъ; но мы не думали о томъ, были ли наши дѣйствія цѣлесообразны или безцѣльны. Одно время мы даже порывались, словивъ бывшихъ противъ насъ зуавовъ, ворваться на Малаховъ Курганъ, и намъ и въ голову не приходило то, что четыремъ или пятистамъ человѣкамъ почти такъ же невозможно выбить оттуда нѣсколько тысячъ французовъ, какъ невозможно спибить фуражкой Исаакіевскій соборъ. Прошло уже двадцать шесть лѣтъ съ послѣдняго штурма Севастополя, но рядъ картинъ изъ защиты батареи Жерве явственно возстаетъ въ моей памяти. Каждый изъ этихъ эпизодовъ, взятый отдѣльно, незначителенъ; но цѣлый рядъ ихъ, въ совокупности, составляетъ общую картину обороны нашей батареи. Главные начальники переранены; инициативу того или другаго движенія взяла на себя кучка удѣлѣвшихъ офицеровъ. Вотъ, возбуждаемые ими, егеря метнулись впередъ и передъ нами мелькаютъ пятки бѣгущихъ отъ насъ зуавовъ. Нѣсколько французскихъ труповъ распласталось по землѣ; тяжело раненый молодой зуавъ лежитъ, подперши лѣвой рукой торсъ и мрачно глядя въ землю; около него лежитъ новехонскій штуцеръ, повидимому въ первый разъ взятый въ дѣло. Подпоручикъ Степановъ, на бѣгу, поднялъ этотъ штуцеръ и на бѣгу же, смѣясь, показалъ его мнѣ, вѣроятно, обращая мое вниманіе на его совершенную новизну. Черезъ нѣсколько минутъ Степановъ лежалъ бездыханный, убитый пулею наповаль. Это былъ развитой молодой человѣкъ съ основательнымъ университетскимъ образованіемъ. Наружностію онъ былъ надѣленъ отнюдь не марсіальною: его блѣд-

ная сухая фигура скорѣе походила на какого нибудь нѣмецкаго школьнаго учителя. Всегда холодный, молчаливый, несообщительный, онъ не былъ любимъ товарищами; его сухость и неохота съ кѣмъ либо сблизаться многихъ заставляла относиться къ нему недружелюбно и даже быть къ нему несправедливыми. Нѣкоторые, напримѣръ, высказывали сомнѣнїе относительно его храбрости. Я же, пробывъ съ нимъ около мѣсяца на Селенгинскомъ редутѣ и три мѣсяца на редутѣ Шварца, считаю его храбрость неподлежащею никакому сомнѣнїю. Онъ не былъ, правда, надѣленъ тою пылкою храбростію, которая обращаетъ на себя вниманіе; но достаточно было видѣть его 27-го августа, чтобы не сомнѣваться въ его мужествѣ. Съ грустью я припоминаю его тощую фигуру, такъ какъ мы съ нимъ близко сошлись въ послѣдніе мѣсяцы севастопольской осады, и я едва ли не былъ тогда единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ онъ переставалъ быть сухимъ и несообщительнымъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ упалъ Степановъ, небольшое пространство между траверзомъ и брустверомъ было сплошь залито кровью. Смѣсь крови съ пылью толстымъ слоемъ покрывавшею землю, образовала какое-то тѣсто. Растоптанное бившимися здѣсь егерями, оно походило на обыкновенную грязь, какава бываетъ на базарныхъ площадяхъ уѣздныхъ городишекъ, но только была буро-краснаго цвѣта. Лицомъ къ землѣ, лежалъ въ этой кровавой грязи молодой офицеръ, Кедровъ, и метался въ предсмертныхъ судорогахъ. Грудь и лѣвая его щека плотно прильнули къ землѣ, и только рука и нога его порывисто двигались. Съ ними двигалась и шашка, судорожно зажатая въ правой рукѣ. Кедровъ только за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ былъ произведенъ въ офицеры. Не знаю экзаменъ или что-то, тамъ, другое ему не давалось; но онъ невѣроятно долго пробылъ юнкеромъ и этотъ юношескій рангъ весьма не пользъ къ его почтенной, украшенной бакенбардами фигурѣ. Онъ былъ человѣкъ до наивности добродушный, очень простой и очень храбрый.

Забавно теперь вспомнить, что наши офицеры тогда между собою толковали: не попытаться ли намъ ворваться на Курганъ. Въ наши слова внимательно вслушивался молодой статный солдатъ. Въ его ясныхъ, красивыхъ глазахъ свѣтилась жадная готовность слѣдовать за нами на самое опасное и самое безразсуд-

ное предприятие. Тогда, впрочемъ, ни намъ, ни ему наше намѣненіе не казалось безразсуднымъ и успѣхъ не казался несбыточнымъ. Это былъ унтеръ-офицеръ Чесновичъ, молодой, красивый, смышленный солдатъ, лучший стрѣлокъ въ полку. Отошедши отъ умиравшаго Кедрова, я увидѣлъ Чесновича, который сидѣлъ у кучи туровъ, перегнувшись напередъ; красивыя черты его лица были искажены страданіемъ; онъ держался обѣими руками за животъ и корчился отъ боли. Пуля ударила его въ животъ и, вѣроятно, изорвала внутренности.

Мнѣ случилось быть во многихъ сраженіяхъ, но никогда я не слышалъ такого полета пуль, какъ на послѣднемъ штурмѣ Севастополя. Какъ бы густо ни летѣли пули, но, обыкновенно, слышится нѣкоторая раздѣльность свиста одной изъ нихъ отъ свиста другой. Здѣсь же слышалось сплошное шипѣніе; казалось, что потокъ пуль какъ бы струится; ощущалось какое-то теченіе свинца. Мы не могли цѣлить въ французовъ, занимавшихъ часть нашей батареи, такъ какъ ни одного изъ нихъ не видно было изъ-за густаго дыма. Мы стрѣляли въ этотъ дымъ, стараясь только дать нашимъ пулямъ направленіе, параллельное землѣ. Мы слишкомъ горячились въ пальбѣ, и часа черезъ полтора начало недоставать патроновъ; у иныхъ оставалось еще по нѣсколько патроновъ, но у большинства сумки были пусты. Началось обычное въ такихъ случаяхъ, безрезультатное бросаніе камней. Камни летѣли съ обѣихъ сторонъ: видно французы также небогаты были зарядами. Мы послали въ Суздальскій полкъ, стоявшій на лѣвомъ флангѣ 3-го бастиона, просить патроновъ. Суздальцы сначала не рѣшались подѣлиться съ нами, въ виду вѣроятности повторенія атаки англичанъ на 4-й бастионъ; по посланному нами унтеръ-офицеру удалось таки какъ-то подѣяться и выманить нѣсколько сотъ патроновъ, которые и были къ намъ принесены въ полахъ солдатскихъ шинелей.

Изъ дыма; опоясывавшаго Малаховъ Курганъ, виднѣлось два знамени. Видны были только развѣвавшіяся полотна знаменъ, а нижнія части древокъ были погружены въ густой дымъ, такъ что нельзя было различить: стояли ли онѣ на одной линіи, около бруствера, или одно изъ нихъ было нѣсколько позади. Я поднялъ съ земли ружье и нѣсколько разъ выстрѣлилъ, цѣлясь настолько ниже полотна одного изъ знаменъ, чтобы попасть въ знаменщика,

совершенно скрытаго дымомъ. Какъ ни старательно я цѣлилъ, конечно, не попалъ, потому что, при стрѣльбѣ изъ нашихъ солдатскихъ ружей того времени, наименьшей опасности подвергался именно тотъ, въ кого цѣлили. О солдатскомъ ружьѣ тогдашніе остроловы говорили, что „изъ него въ десяти шагахъ въ домъ не попадешь“. Впослѣдствіи я узналъ имя человѣка, котораго старался убить. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ войны, я видѣлъ, въ Версали, картину Ивона, изображающую штурмъ Малахова Курганъ. На ней — первый моментъ вторженія французовъ на Курганъ. Русскіе еще не выбиты; часть пѣхоты разстроена; другая ломитъ стѣной на ворвавшихся въ укрѣпленіе зуавовъ; прислуга умираетъ на орудіяхъ, отбиваясь банниками, топорами и гандшпугами: На развалинахъ башни стоитъ Мак-Магонъ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него бравый зуавскій сержантъ (кажется, 3 полка) Ligo или Ligault держитъ развивающееся знамя. Не знаю, оставалось ли это знамя на развалинахъ башни до конца дня или было перенесено на банкетъ тыльнаго бруствера Корниловскаго бастиона. Въ первомъ случаѣ М-г Ligault былъ скрытъ отъ насъ не только дымомъ, но и валомъ. Другаго знамени нѣтъ на этой картинѣ; но его могло и не быть въ тотъ моментъ атаки, который изображенъ Ивономъ: оно могло быть внесено на Курганъ послѣ, или же могло стоять въ пунктѣ укрѣпленія, который не входилъ въ кругъ мѣстности, охваченной картиною. Я только очень хорошо помню, что знаменъ было два, одно нѣсколько больше другаго.

Бой въ жаркое время дня, вдыхаемый дымъ и крикъ возбуждали во мнѣ палящую жажду и изъ пересохшаго моего горла, вмѣсто словъ, выходило хрипѣніе. Шагахъ въ десяти за нами былъ маленькій навѣсъ, подъ которымъ, въ послѣдніе дни осады, ютилось двое или трое офицеровъ. Я вошелъ подъ этотъ навѣсикъ, въ надеждѣ найти тамъ воду; воды не оказалось, но стоялъ самоваръ и на немъ чайникъ. Жадно потянувъ изъ носика тепловатаго чая, я вышелъ изъ подъ навѣса, зарядилъ ружье и хотѣлъ выстрѣлить въ французовъ, стоявшихъ между двумя знаменами, на Курганѣ. Но я еще не успѣлъ взвести курка, какъ меня сильно ударило въ правое бедро; въ верхней части бедра почувствовалась острая боль, а остальная часть ноги онѣмѣла и безсильно повисла. Я пошатнулся, но быстро опустил прикладъ

на землю и оперся на ружье. Почти въ ту-же минуту меня подхватилъ подъ руку юнкеръ де-Прейсъ и, подозвавъ своего брата, повелъ меня съ батареей. Сначала, хотя съ большимъ трудомъ, но я могъ еще передвигать прострѣленной ногой и даже слегка становиться на нее. Мы спустились въ Доковъ оврагъ, по которому тащились раненые солдаты и гдѣ притаились кучки раненыхъ ополченцовъ. Перейдя оврагъ, мы начали подыматься на его противоположный склонъ. Кровь лилась изъ моей раны, до краевъ наполнила голенище высокаго сапога и выливалась изъ этого голенища. Я началъ терять силы; раненая нога передвигалась плохо и почти тащилась, и я почти повисъ на юнкерѣ, поддерживавшемъ меня справа. Повременамъ, нѣсколько освободивъ правую руку, я закрывалъ ею рану, чтобы меньше выливалось изъ нея крови. Потъ покрывалъ мое тѣло; легкая шинель казалась мнѣ невыносимой тяжестью и я хотѣлъ остановиться и сбросить ее. Полусвободной лѣвой рукой я вынулъ изъ кармана бинтъ и корпю и сунулъ ихъ въ карманъ рейтузъ. Этотъ бинтъ и пучекъ корпю я всегда носилъ въ лѣвомъ карманѣ шинели, получивъ ихъ отъ одного изъ товарищей, при отъѣздѣ моемъ въ Севастополь, изъ Александрійскаго гусарскаго полка. Впрочемъ, пока я возился съ перекладываніемъ корпю, мы уже поднялись изъ оврага и были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стѣны, окружавшей доки. Стѣна эта была изрѣшета снарядами, но составляла надежную защиту отъ пуль. Пройдя ворота, я опустился на землю. Подъ защитою стѣны можно было перевязать рану; но корпю и бинта въ рейтузномъ карманѣ не оказалось. Перекладывая несвободной рукой, я ихъ недостаточно глубоко вложилъ въ карманъ, и они выпали. Пришлось корпю замѣнить носовымъ платкомъ, а бинтъ—подтяжками. Впрочемъ, истечение крови само собою значительно уменьшилось: вмѣсто потока густой крови, лившагося за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ изъ обѣихъ ранъ, изъ нихъ слабо струилась теперь жидкая, какъ бы разбавленная лимфой кровь.

Перевязавъ кое какъ раны, меня понесли на перевязочный пунктъ, съ помощью подошедшаго горниста Казанскаго полка. Перевязочный пунктъ былъ въ доброй верстѣ оттуда, въ морскихъ пакгаузахъ, тянувшихся по набережной, до Павловскаго мыска. Передъ входомъ въ каждый изъ пакгаузовъ земля сплошь

была устлана приползшими сюда ранеными. Пронести меня, не наступивъ на нихъ, было невозможно. Меня поставили на ноги; я собралъ послѣднія силы и прошелъ нѣсколько шаговъ, отдѣлявшихъ меня отъ перевязочнаго пункта. Внутренность его мнѣ сразу напомнила двадцать-восьмую пѣснь Дантова ада. Тутъ, правда, не было особенно изувѣченныхъ, такъ какъ всѣ раны были отъ пуль и штыковъ, но въ обширный пакгаузъ, уже заваленный ранеными, все несли и несли прострѣленныхъ и исколотыхъ солдатъ и офицеровъ, русскихъ и французовъ. Не было слышно отдѣльныхъ громкихъ криковъ и стоновъ; но раненыхъ было такое множество, что отъ тихаго стона только нѣкоторыхъ изъ нихъ въ пакгаузѣ, стоямя стоялъ глухой гулъ. Работа медиковъ и фельдшеровъ кипѣла, но это была борьба съ гидрой: едва успѣвали перевязать одного, какъ вновь вносили цѣлый десятокъ. Мнѣ посчастливилось быть перевязаннымъ безъ замедленія, но инымъ приходилось ждать по часу, по два и болѣе. Послѣ перевязки, я оставался на перевязочномъ пунктѣ часа четыре, и все это время лежавшій рядомъ со мною, съ раздробленнымъ бедромъ, унтеръ-офицеръ Владимірскаго полка тщетно умолялъ о перевязкѣ. Несправедливо было бы обвинять медиковъ: они дѣлали все, что могли, и ни минуты не оставались безъ дѣла. Фельдшеръ метался, не переводя духу; особенно старательно и добросовѣстно накладывали перевязки бывшіе тутъ прусскіе молодые фельдшера.

Мимо меня проносятъ полнаго французскаго штабъ-офицера; онъ кричитъ и грузно лежитъ на носилкахъ, какъ мѣшокъ съ отрубями. Вотъ пробирается между ранеными сухощавый солдатъ, съ странной фізіономіей и съ кровавой раной на мѣстѣ лѣвой скулы, совершенно отшибленной пулею. Вправо отъ меня стоитъ, съ обнаженнымъ торсомъ, молодой офицеръ; его сухія губы сжаты и неподвижные глаза свѣтятся лихорадочно; ему вырѣзываютъ пулю, попавшую въ грудь и засѣвшую въ спинѣ.

Страданіе отъ ранъ не заглушало у насъ заботы о томъ, что дѣлается на Малаховомъ Курганѣ: переходить ли онъ въ наши руки или остается въ рукахъ французовъ. У многихъ мысль объ этомъ отгѣсняла далеко назадъ заботу о своемъ личномъ положеніи. Отъ каждаго вновь прибывающаго ждали услышать, что русскіе ворвались въ горжу; при каждомъ пароксизмѣ ружейнаго

треска мы думали, что это наши отбиваютъ Курганъ. Между нами даже распространился было на нѣсколько минутъ слухъ, что русскіе ужъ овладѣли одной половиной Кургана и французы едва держатся на другой.

Со мною былъ въ Севастополѣ старый слуга, бывшій еще камердинеромъ моего отца, Иванъ Лебягинъ. Извѣщенный о томъ, что я раненъ, онъ поспѣшилъ прійти ко мнѣ, и съ этой минуты начались тѣ неусыпныя его попеченія обо мнѣ, къ какимъ способны были только слуги стараго закала. Меня мучила жажда, и я попросилъ Ивана принести мнѣ стаканъ воды. При видѣ воды, со всѣхъ сторонъ слышались просьбы раненыхъ напоить ихъ. Я увидѣлъ, что жажда была общимъ ощущеніемъ всѣхъ раненыхъ. Можетъ быть она возбуждалась потерей крови или усиленіемъ добраться съ батареи на перевязочный пунктъ, или, вообще, возбужденнымъ состояніемъ предшествовавшаго боя. Иванъ носилъ воду раненымъ во все то время, которое я оставался на перевязочномъ пунктѣ.

День началъ склоняться къ вечеру. Раненые все прибывали и прибывали. Трескъ ружейной пальбы заглушался громомъ пушекъ съ нашихъ пароходовъ, стоявшихъ вблизи насъ, въ южной бухтѣ, и стрѣлявшихъ черезъ крыши нашихъ павгаузовъ. Эти выстрѣлы, не знаю вслѣдствіе какихъ акустическихъ условій, раздавались у насъ какимъ-то чудовищнымъ воемъ. Часу въ шестомъ раненыхъ начали переправлять, наконецъ, на Сѣверную сторону. Ихъ, сплошнымъ слоємъ, настлали на палубу парохода „Дунай“ и бывшихъ у него на буксирѣ двухъ шеландѣ. Едва пароходъ вышелъ изъ-за Шавловскаго мыска, какъ раздался выстрѣлъ съ стоявшей надъ Большой бухтой французской батареи (кажется, съ Marie), и граната разорвалась надъ нашей палубой; осколки, къ счастью, никого не задѣли. У берега Сѣверной стороны, пароходъ вошелъ въ небольшую бухту, близъ Михайловскаго форта, и раненыхъ начали сгружать. Матросы положили меня на носилки и понесли на берегъ. Солнце уже заходило, но его косые лучи, попадая мнѣ въ глаза, мучили меня: всякій звукъ и свѣтъ, хотя бы и не сильный, болѣзненно отзывались на потрясенныхъ нервахъ. Я надвинулъ на глаза козырекъ фуражки, чтобы защитить ихъ отъ свѣта. На берегу стояла густая толпа народа, съ любопытствомъ глядѣвшая на кровавый грузъ судовъ. Справа

стояла старушка и съ нею молоденькая дѣвушка, съ хорошевымъ смуглымъ личикомъ, пунцовыми губками и бархатными глазами—одинъ изъ прелестныхъ южно-русскихъ типовъ. Она наклонилась надъ моими носилками, заглянула мнѣ въ глаза и сказала: „бѣдный, такой молодой“. Эти слова участія тронули бы меня во всякую другую минуту; но тогда все меня раздражало, и я, съ досадою, отвернулся.

Меня отнесли въ гауптвахту, стоявшую близь берега, и положили на полъ. Я послалъ въ лагерь, бывший восточнѣе Сѣвернаго укрѣпленія, извѣстить моего товарища по полку графа Платона Александровича Зубова, что я раненъ, и попросить его пріѣхать за мною. Онъ былъ сильно контуженъ въ голову осколкомъ бомбы и, мало по малу оправляясь, жилъ въ лагерѣ. До лагеря было версты три, и прошло довольно много времени, пока посланный туда дошелъ. По комнатѣ, гдѣ я лежалъ на полу, шатались пьяные матросы, едва не наступая на меня. Время тянулось невыносимо долго. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда, наконецъ, раздался топотъ лошадей, и Платонъ Александровичъ пріѣхалъ за мною. Меня перевезли въ его палатку, разбитую на высотѣ, откуда хорошо были видны и бухта и Севастополь. Я попросилъ отстегнуть и опустить полу палатки и сталъ смотрѣть на горделивую агонію, завершавшую трехсотъ-сорока-девятидневную борьбу. Перестрѣлка прекратилась. За бухтой тянулось сплошное пятно пламени, пересѣченное толстыми, расширявшимися кверху, жгутами чернаго дыма. Мѣстами онъ былъ такъ густъ, что стоялъ стѣной, непроницаемой ни для малѣйшаго проблеска огня. Рангоутъ еще незатонувшихъ судовъ чертился яркими полосами. Къ глухому гулу взрыва пороховыхъ погребовъ примѣшивались какіе-то трещащіе звуки; воздухъ раздирался громовымъ трескомъ разрыва многихъ сотенъ бомбъ и гранатъ, лопавшихся въ подожженныхъ бомбовыхъ складахъ. Не знаю, было ли то въ дѣйствительности или это только такъ представлялось моему горячечному воображенію—но мнѣ казалось, что въ воздухѣ слышится какое то клокотаніе. Чувствовалось что-то стихійное въ томъ, что происходило тогда передо мною. Въ умѣ невольно составлялось уподобленіе этого момента событію, случившемуся почти за восемнадцать столѣтій передъ тѣмъ. Впрочемъ, сравненіе не шло дальше нѣкотораго внѣшняго сходства трагизма той и этой ми-

нуты: какъ тогда, такъ и теперь, все гибло и рушилось, земля вздрагивала и окружающая атмосфера трепетала, но народонаселение Помпеи бѣжало, въ паническомъ ужасѣ, пассивно склоняясь передъ неотразимой силой стихіи; здѣсь же люди энергически отбивались отъ враждебной силы и сами разнуздали стихію, въ гордомъ желаніи въ конецъ истребить все, что отстоять было невозможно. Сходство между двумя истребленными городами стало гораздо полнѣе въ послѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи Крымской войны. Посѣтивъ развалины Севастополя, я былъ потомъ въ Помпѣѣ. Тѣ же мертвыя улицы; лишонныя крыши дома, въ окна и двери которыхъ видно синее небо; верхи стѣнъ. поросшіе травой; деревья и кустарникъ среди комнатъ; то же могильное безмолвіе. Только Помпея гораздо менѣе разрушена. И не одинаковыя мысли приходятъ въ голову, когда стоишь на развалинахъ этихъ двухъ городовъ. Въ фактъ разрушенія Помпеи нѣтъ, въ сущности, ничего славнаго: между гибелью и спасеніемъ выбора не было, и она погибла отъ изверженія волкана. какъ многіе десятки голландскихъ мѣстечекъ погибли отъ прорыва морскихъ волнъ черезъ плотины. Въ погибели этихъ забытыхъ мѣстечекъ было ровно столько же трагизма, какъ и въ гибели Помпеи; но самый фактъ ихъ погибели почти никому неизвѣстенъ. Помпея же стала славна, потому что ея гибель, спустя много вѣковъ послѣ того, какъ она совершилась, была прославлена перомъ и кистью.

Въ разрушеніи Севастополя не было ничего фатальнаго; его разрушеніе или сохраненіе зависѣло отъ произвола людей. Онъ уцѣлѣлъ бы вполне, если бы его гарнизонъ поступилъ такъ, какъ поступали въ послѣдствіи гарнизоны всѣхъ этихъ Абевилей и Арасовъ. Онъ уцѣлѣлъ бы на три четверти, если бы защищался столько же, сколько защищался Страсбургъ; но разрушеніе Севастополя было полное, потому что не было примѣра такой обороны, съ тѣхъ поръ какъ понятіе о нападеніи и защитѣ возникло въ умахъ человѣческихъ. Цѣлый годъ его громили враги, стремясь овладѣть имъ, и *coup-de-grâce* нанесенъ ему былъ своими, нежелавшими, чтобы врагамъ досталось что нибудь, исключая пепла и обломковъ. Каждый квадратный дюймъ севастопольской почвы былъ свидѣтелемъ геройскаго подвига и геройской смерти, несхожей съ пассивной гибелью кучи людей, трепетно прижавшихся къ стѣнѣ погреба, въ домѣ Диомеда.

Это пришло мнѣ въ голову, конечно, не тогда, когда я смотрѣлъ на разрушеніе Севастополя. Измученный усталостію, истекши кровью, подавленный горемъ отъ утраты того, что намъ казалось тогда дороже всего на свѣтѣ, я не былъ способенъ даже къ самому элементарному анализу. Сравненіе гибели Севастополя съ гибелью Помпеи мелькнуло въ моихъ мысляхъ, просто, потому что и тамъ и здѣсь были гибель и разрушеніе.

Послѣ полуночи я началъ впадать въ тихій, безсвязный бредъ и заснулъ тревожнымъ сномъ.

На другой день, рано утромъ, Лебагинъ отыскалъ фургонъ, такъ какъ въ коляскѣ нельзя было ѣхать лежа. Въ фургонъ была впряжена пара бойкихъ лошадей, но бойкость ихъ была, на этотъ разъ, излишняя, потому что я могъ подвигаться только медленно, шагъ за шагомъ: самый незначительный толчокъ отдавался въ ранѣ острою болью. Когда меня уложили въ фургонъ, я приказалъ повернуть его такъ, чтобы мнѣ можно было видѣть Севастополь. Я хотѣлъ взглянуть на него въ послѣдній разъ, не зная, удастся ли когда нибудь, въ теченіи моей жизни, его увидѣть. Представившаяся мнѣ картина была однообразна, безъ всякихъ потрясающихъ деталей; но, при видѣ ея, горе и бѣшенство сдавили мнѣ горло и слезы покатались изъ глазъ. Севастополь былъ затопленъ густымъ слоемъ осѣвшаго дыма, изъ котораго виднѣлось только нѣсколько наиболѣе возвышенныхъ точекъ города. Въ теченіи почти года дымъ составлялъ обычную принадлежность картины Севастополя; но то былъ дымъ, оживленно клубившійся надъ баціонами, то сгущаясь отъ выстрѣловъ, то рѣдѣя. А теперь онъ лежалъ неподвижнымъ, мертвымъ пластомъ надъ землею, которую мы такъ долго, такъ яростно и такъ любовно охраняли.

Какъ ни медленно подвигался фургонъ и какъ ни осторожно правилъ вучеръ, но нельзя было избѣжать толчковъ, когда колеса попадали на камешки, во множествѣ разсѣнные по дорогѣ. Толчки эти возбуждали жгучую боль въ моей ранѣ, и я очень завидовалъ раненому полковнику, котораго солдаты несли на носилкахъ, рядомъ съ моимъ фургономъ. Уже смеркалось, когда мы прибыли въ Бахчисарай. Мнѣ нашли помѣщеніе въ верхнемъ этажѣ небольшого домика, съ такой узкой и крутой лѣстницей, что меня внесли по ней съ большимъ трудомъ. Почти двое сутокъ я ничего не ѣлъ и попросилъ теперь тарелку супу. Никогда потомъ

ни одно блюдо у Вефура или Maison Dorée не казалось мнѣ такимъ вкуснымъ, какъ поданный мнѣ въ Бахчисараѣ куриный супъ съ рисомъ. На другой день я пріѣхалъ въ Симферополь и переночевалъ на частной квартирѣ. Оставаться на квартирѣ, не поступая въ госпиталь, было невозможно, потому что штурмъ 27-го августа завалилъ ранеными симферопольскіе госпитали, и медики не имѣли возможности дѣлать перевязки еще на дому. На другое утро послѣ пріѣзда я привазалъ везти себя въ одно изъ отдѣленій госпиталя. Отдѣленія эти назывались по именамъ владѣльцевъ занимаемыхъ ими домовъ или по тому назначенію, которое имѣли прежде эти дома; такъ были: домъ Мейера, Благородный пансіонъ и проч. Особенно хорошо отзывались о первомъ изъ нихъ, находившемся въ рукахъ чрезвычайно добросовѣстнаго и самоотверженно преданнаго своему долгу врача, что было отнюдь не общимъ свойствомъ симферопольскихъ медиковъ. Я безуспѣшно объѣхалъ всѣ госпитальныя отдѣленія: вездѣ не только всѣ койки были заняты, но раненыхъ разложили всюду, гдѣ только была какая нибудь возможность ихъ уложить. Меня нѣсколько возмущало то, что раненый въ сраженіи офицеръ не можетъ найти себѣ пріюта; но дѣлать было нечего—пришлось возвратиться домой. Изъ Благороднаго пансіона привели ко мнѣ фельдшера; я попросилъ его перевязать мнѣ рану и обѣщаль ему дать нѣсколько рублей, какъ только онъ меня своевременно увѣдомить объ открывшемся въ пансіонѣ мѣстѣ. Мнѣ не долго пришлось ждать. Вечеромъ того же дня фельдшеръ пріѣхалъ ко мнѣ, сіяя радостію, и объявилъ, что „капитанъ умеръ“. Мнѣ стыдно теперь подумать, что я тогда не безъ удовольствія услышалъ о смерти бѣднаго капитана.

Было совершенно темно, когда я пріѣхалъ въ Благородный пансіонъ. Меня внесли въ тусклоосвѣщенную залу и попробовали положить на кровать, съ которой только что сняли покойника. На бѣду, покойный, вѣроятно, былъ очень небольшого роста и его кровать оказалась для меня коротка. На нее переложили одного изъ раненыхъ, повороче, а мнѣ предложили занять его койку, не безъ протеста, однакоже, съ его стороны.

На другой день, утромъ, многіе изъ раненыхъ съ замѣтной тревогой ожидали прибытія доктора и начала перевязки. Часовъ въ 9 въ залу вошелъ довольно высокій и толстоватый господинъ

съ жирнымъ и рябымъ улыбающимся лицомъ, обросшимъ густыми черными бакенбардами. Если бы я встрѣтилъ такого господина теперь, то сразу счелъ бы его, по его довольной и сытой улыбкѣ, за средней руки концессионера, но тогда этотъ типъ еще не народился и такими улыбками улыбались провіантскіе чиновники, комиссіонеры, завѣдующіе погонскими ротами офицеры и прочая проказа Крымской арміи. На этотъ разъ, впрочемъ, самодовольная фізіономія принадлежала не кому либо изъ вышенсчисленныхъ дѣятелей, а доктору М., завѣдывавшему Благороднымъ пансіономъ. За докторомъ слѣдовала небольшая, румяная и полная старуха—сестра милосердія. Она тоже, повидимому, была весьма довольна всѣмъ дѣящимся; но въ ея улыбкѣ было гораздо менѣе самодовольства, и къ этому самодовольству примѣшивалось другое выраженіе, которое можно было, пожалуй, считать и за выраженіе добродушія. За сестрой милосердія шли два фельдшера и нѣсколько грязныхъ лазаретныхъ служителей, съ тазами и теплою водою, для промывки ранъ.

Перевязка нѣсколькихъ офицеровъ обошлась безъ стонувъ. Очередь дошла до молодого офицера, раненаго пулей въ пятеку, сбоку. Рана обильно поросла дикимъ мясомъ; пришлось его вырѣзывать, да прихватить и не дикаго. „Мамаша, сядьте около меня“, сказалъ раненый сестрѣ милосердія. Она сѣла и онъ обнялъ ее. Началась операція; офицеръ, поблѣднѣвъ и стиснувъ зубы, молчалъ, но толстая сестра милосердія вопила. Намъ сначала удивило, что раненый уполномочилъ ее кричать, вмѣсто себя; но оказалось, что, отъ боли, онъ судорожно впился пальцами въ ея жирный бокъ, и она кричала своекоштно. Эта сцена намъ развлекла, хотя нѣкоторымъ изъ насъ, въ томъ числѣ и мнѣ, предстояло такое же взрѣзываніе. Перевязавъ еще нѣсколько моихъ сосѣдей, докторъ, все также концессионерно улыбаясь, подошелъ ко мнѣ, осмотрѣлъ мою рану и, для изслѣдованія ея внутренности, запустилъ въ нее не зондъ, а, просто, указательный палецъ, весь, до соединенія его съ пястью руки. На бѣду, пальцы у М. были толщиною съ пистолетную кабуру. Объявивъ, что дюймахъ въ трехъ отъ передняго отверстія раны есть гнойные затеки, докторъ впустилъ туда желобчатый зондъ, ввелъ въ него скальпель и, не торопясь, разрѣзалъ мышцы, дюйма на три въ глубину и почти настолько же въ ширину.

Этому трудно повѣрить—но инструментъ былъ настолько тупъ, что разрѣзываемое имъ мясо издавало какіе-то скрипящіе звуки. Когда окончилось вскрытіе раны, мнѣ сказали, что я очень блѣденъ, и посовѣтовали мнѣ выпить стаканъ воды. Докторъ прибавилъ, что напрасно я дѣлалъ усиліе ничѣмъ не выказать перенесенную мною боль. Но что меня изумило, такъ это дурнота, сдѣлавшаяся у Ивана Лебягина, при видѣ рѣзанія меня тупымъ ножомъ: до тѣхъ поръ я считалъ Ивана способнымъ невозмутимо смотрѣть, какъ сдираютъ кожу съ живаго человѣка. Послѣ перевязки я попросилъ, чтобы меня перемѣстили изъ большой шумной палаты въ болѣе спокойную комнату. Палаты назывались по тому назначенію, которыя имѣли комнаты, до превращенія пансіона въ госпиталь: были классы, по нумерамъ, рекреационная зала и проч.; одна палата носила названіе театра, потому что въ ней были кулисы, вѣроятно оставшіяся тутъ, послѣ устроеннаго воспитанниками любительскаго спектакля. Одну комнату прозвали „уборной“, не потому, впрочемъ, что учитель чистописанія совершалъ тутъ, предъ началомъ классовъ, свой туалетъ. Это была единственная изъ комнатъ, которая называлась не такъ, какъ называли ее аборигены, а получила названіе впоследствии, въ госпитальную эпоху. Комната была названа „уборною“, потому что предназначалась для тяжело раненыхъ, и оттуда, чаще нежели изъ другихъ палатъ, убирали сперва на нѣсколько часовъ, въ погребъ, а потомъ на кладбище. Моя рана не была такъ опасна, и меня помѣстили туда только изъ желанія доставить мнѣ побольше спокойствія; но изъ числа моихъ сосѣдей, сколько мнѣ помнится, только одинъ выздоровѣлъ.

Въ „уборной“ было, всего, три кровати; одну занималъ я, другую—тощій офицеръ, съ какою-то хроническою внутреннею болѣзнію; на третьей лежалъ артиллерійскій поручикъ Б., раненый на послѣднемъ штурмѣ Севастополя. Пѣшая батарея, въ которой служилъ Б., открыла, изъ-за Камчатской стѣнки, картечный огонь по французамъ, занимавшимъ Малаховъ Курганъ, но вскорѣ потеряла большую часть прислуги и лошадей. Пуля попала Б. въ кисть руки и прошла до локтя, разщепивъ локтевую и лучевую кости; ему отняли руку ниже плеча. Его ежедневно навѣщала его невѣста, высокая, стройная брюнетка, съ правильными и красивыми чертами лица. Звали ее Людмилой. Эта симферопольская барышня не грѣшила противъ

одинадцатой заповѣди: „не зѣвай“. Безъ жениха она никогда не бывала; но Севастополь былъ какъ-то особенно безжалостенъ къ избранникамъ ея сердца: уже двое изъ нихъ улеглись на его бастионахъ. Б. былъ третьимъ. Въ теченіи нѣкотораго времени Людмила могла считать удовлетворительнымъ теченіе болѣзни своего жениха; но потомъ силы его начали оставлять; появилась изнурительная лихорадка, а черезъ два-три дня въ ранѣ открылась гангрена. Больной тихо метался и, въ бреду, безпрестанно повторялъ имя свое невѣсты. Но она не могла слышать его стонъ: какъ только онъ впалъ въ безсознательное состояніе—она перестала приходить къ нему. Ея любвеобильное сердце не могло выносить вида страданій умирающаго. Да и недосугъ былъ: нужно же было присматривать ему преемника. Наконецъ, проснувшись разъ ночью, я увидѣлъ, при слабомъ свѣтѣ ночника, что Б. лежитъ неподвижно, черты его восковаго лица застыли, носъ какъ-то заострился. Я разбудилъ спавшаго около моей койки Ивана Лебягина; тотъ, въ свою очередь, прервалъ противоестественное храпѣніе деньщика В. Позвали сонныхъ лазаретныхъ служителей и трупъ вынесли.

Госпитальная жизнь тянулась однообразно. Утромъ являлся упитанный докторъ, съ сестрой милосердія и, со вкусомъ, рассказывалъ ей о выигранныхъ имъ вчера роберахъ; фельдшеръ же въ это время дѣлалъ перевязку. Послѣ обѣда приходила ко мнѣ сестра милосердія, благодушествовала, сидя около меня, пила мой хересъ, рассказывала о своемъ московскомъ житьѣ-бытьѣ и била меня по губамъ. когда я, отъ скуки, говорилъ ей о миниатюрности ея ножки. Ножка ея, дѣйствительно, была замѣчательно мала. Изрѣдка появлялись откуда-то двѣ другія сестры милосердія, считавшіяся помощницами старшей, которую мы звали мамашей. Такъ какъ она сама до страсти любила ничего не дѣлать, то и ея помощницамъ только оставалось ревностно помогать ей въ этой ея спеціальности. Мы знали, что онѣ помѣщались гдѣ-то тутъ-же въ госпиталѣ, но точно опредѣлить ихъ мѣстопробыванія не могли; а еще въ болѣе непроницаемую таинственность была облечена цѣль, съ которою онѣ тутъ гнѣздились. Вечеромъ снова была перевязка, съ столь же малымъ участіемъ доктора. Однажды я спросилъ его: отчего наиболѣе сильную боль я чувствую не въ самой ранѣ, а повыше ея, въ вертлюгѣ. „А очень

болить“? спросилъ, прищуря одинъ глазъ и имяшино улыбаясь, докторъ. Я отвѣчалъ, что очень. „Ну, до свадьбы заживетъ“, сказалъ докторъ, улыбаясь уже совсѣмъ паточно. Приволаанный раною къ кровати, я абсолютно лишонъ былъ возможности побить его за такой отвѣтъ. А такъ какъ было ясно, что, при такомъ безучастіи медика, „до свадьбы не заживетъ“, то послѣ его ухода, я продиктовалъ письмо къ нему, въ которомъ благодарилъ его за самоотверженный уходъ за мною и необычайно старательное лѣченіе, и отправилъ къ нему, вложивъ въ конвертъ двѣсти рублей. На другой день сестра милосердія не получила ровно никакихъ свѣдѣній о выигранныхъ или проигранныхъ докторомъ роберахъ. Вошедши въ „уборную“, онъ быстро подошелъ ко мнѣ, потрясъ меня за руку и сказалъ: „благодарю васъ; но зачѣмъ же: это и безъ того моя обязанность“. Непосредственно затѣмъ онъ прозондировалъ мою рану, досталъ скальпель — и Лебягину снова пришлось волноваться. Обстоятельное изслѣдованіе раны было произведено только теперь. О томъ же, съ какою небрежностію было произведено первое изслѣдованіе, можно заключить изъ того, что куски сукна, вбитые пулей въ рану, были тогда не замѣчены и вышли, съ гноемъ, только черезъ двадцать дней, послѣ того, какъ я былъ раненъ. Я долженъ сказать, что съ этихъ поръ докторъ М. лѣчилъ меня уже въ самомъ дѣлѣ старательно; а такъ какъ онъ былъ не безъ медицинскихъ свѣдѣній, то лѣченіе приняло благоприятный оборотъ. Окончательнымъ излѣченіемъ я обязанъ, впрочемъ, не ему, а доктору С—ту, котораго я зналъ еще на Дунаѣ, какъ свѣдущаго и добросовѣстнаго медика. Онъ смѣнилъ мѣсяца черезъ три М., уличеннаго во многихъ прегрѣшеніяхъ.

Госпитальный столъ, должно быть, былъ очень плохъ. Я имѣлъ свой собственный столъ, приготовлявшійся на кухнѣ смотрителя госпиталя; но Лебягинъ, которому я предоставилъ право получать, вмѣсто меня, госпитальное кушанье, объявилъ, что этой дряни ѣсть не станетъ. Не лучше были и лѣкарства. Еще какаянибудь *tinctura aromatica* или растворъ ляписа были скольконибудь годны; но когда, при наклонности раны къ развитію въ ней гангрены, потребовалось спринцевать рану іодомъ, то самъ же докторъ посоветовалъ взять его въ вольной аптекѣ. Притесненная изъ этой аптеки тинктура іода отличалась отъ казенной и цвѣтомъ и запахомъ; о разницѣ въ дѣйствіи этихъ двухъ несход-

ныхъ жидкостей я уже и не говорю. Всѣ лѣкарства, употреблявшіяся мною внутрь, я тоже бралъ изъ вольной аптеки. А внутрь я довольно таки поглоталъ лѣкарствъ, такъ какъ приходилось бороться съ нѣсколько разъ начинавшеюся у меня лихорадкой, могшею перейти въ тифъ или въ какую-нибудь иную изъ премій, которыми щедро награждаетъ госпиталь. Кромѣ лихорадки, меня беспокоили пролежни, т. е. раны, сдѣлавшіяся отъ постоянного лежанія на одной и той же части тѣла, именно на лѣвомъ боку. Я перелегъ на спину, но вскорѣ и на спинѣ сдѣлались пролежни. Кое какъ удалось помочь подкладываніемъ подушекъ, съ отверстіемъ внутри: эти подушки подлаживались такъ, чтобы пролежни приходились надъ отверстіемъ, слѣдовательно, ни къ чему не прикасались.

Мѣсто умершаго Б. занялъ штабсъ-капитанъ Черниговскаго пѣхотнаго полка Бѣликъ, раненый на послѣднемъ же штурмѣ, на 2-мъ бастионѣ, въ верхнюю часть ноги, причемъ пуля раздробила бедренную кость, на протяженіи двухъ вершковъ. Это раздробленіе было такъ высоко, что отнять ногу было невозможно иначе, какъ посредствомъ вылущиванія. А такъ какъ эта операція лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ ведетъ къ благопріятному исходу, то Бѣлику оставили ногу неотнятою, въ надеждѣ на авось. Мученія Бѣлика были продолжительны и сильны; каждое незначительное движеніе тѣла отзывалось страшною болью въ ранѣ, вызывая движеніе въ раздробленной кости, такъ какъ нога, соединенная съ торсомъ лишь мягкими частями тѣла, оставалась неподвижною, когда двигался корпусъ, и наоборотъ. Между осколками костей завелись черви и раненый сильно кричалъ, когда ихъ выживали оттуда скипидаромъ. Страданія Бѣлика еще увеличились отъ безсовѣстнаго за нимъ ухода. У него былъ грязный, грубый и лѣnivый деньщикъ, типъ одного изъ тѣхъ деньщиковъ прежняго времени, которые были слишкомъ большими негодьями, чтобы отъ нихъ была какая-нибудь польза во фронтѣ, и недостаточно большими негодьями, чтобы быть присужденными къ каторжной работѣ. Посланный съ утра за какою-нибудь бездѣлицей — за пачкой папиросъ, напримѣръ, — деньщикъ Бѣлика пропадалъ иногда до вечера, и въ теченіи этого времени Бѣликъ оставался въ самомъ безпомощномъ положеніи: онъ не могъ пошевелиться, чтобы поправить подушку, не могъ получить глотка воды. Иванъ Лебягинъ иногда помогалъ ему, но Иванъ не всегда

былъ дома: ему часто приходилось сходить или въ аптеку, или за какой-нибудь покупкой. Долго мучился такъ бѣдный Бѣликъ, и о его смерти я узналъ лишь въ своемъ Курскомъ имѣніи, куда я, выздоровѣвъ, уѣхалъ, для окончательнаго поправленія.

Изъ комнаты, сосѣдней съ „уборною“, мнѣ безпрестанно слышались то шансонетки молодаго пѣхотнаго офицера Лунда, то стоны и бредъ пожилаго офицера Курскаго ополченія, который лежалъ въ горячкѣ. Бѣднякъ говорилъ о своемъ домѣ, о женѣ, о дѣтяхъ и испустилъ духъ, не придя къ сознанию, что между нимъ и дорогими его сердцу—вѣчность. Лундъ былъ мнѣ очень полезенъ, потому что писалъ мнѣ, подъ мою диктовку, письма и развлекалъ своею болтовнею. Но комната, въ которой онъ помѣщался, была мнѣ извѣстна только по доносящимся изъ нея звукамъ: о ея видѣ я не имѣлъ понятія.

Вскорѣ, впрочемъ, докторъ С—нъ посвѣтовалъ мнѣ подняться на костыли. Попытка исполнить этотъ совѣтъ сопровождалась немалою вознею. Меня воздвигали, какъ какой-нибудь монолитъ.

На слѣдующій день я предпринялъ экскурсію, для ознакомленія съ сосѣднею комнатою, а потомъ началъ дерзать проходить въ „театръ“. Какъ я уже сказалъ, это была зала, въ которой воспитанники преждепомѣщавшагося тутъ благороднаго пансіона устраивали домашніе спектакли и гдѣ остались декорации какихъ-то садовъ, съ клумбами яркихъ и неправдоподобно крупныхъ тюльпановъ. Спустя съ недѣлю послѣ моего перваго посѣщенія „театра“, я рѣшился побывать на воздухѣ и проѣхаться по Симферополю. Меня усадили въ экипажъ, съ меньшимъ затрудненіемъ, нежели я ожидалъ, и, Боже мой, какъ радостенъ былъ мой первый выѣздъ. День былъ ясный и немного морозный; дома и улицы были облиты солнечнымъ свѣтомъ; я возвратился утомленный; но чувствовалось, что въ меня влился потокъ новыхъ силъ и далъ живительный толчокъ моему дремавшему организму. Недѣли черезъ три я имѣлъ уже возможность, лежа въ экипажѣ и съ почти закрывшеюся раною, выѣхать изъ Симферополя.

С. Макѣево.

А. А. Вязмитиновъ.

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

По поводу соч. г. Елагина „Бѣлое духовенство и его интересы“.

XVII ¹⁾.

Но возвратимся къ книгѣ г. Елагина. Правительство, усиливая надъ нами надзоръ, имѣеть въ виду улучшеніе нравственнаго нашего состоянія, слѣдовательно принести пользу и намъ самимъ и обществу, — цѣль благая, высокая, святая. Но какая же цѣль у г. Елагина позорить насъ? Тутъ цѣль уже не та. Г. Елагинъ, какъ видно изъ всей его книги, проникнуть крѣпостничествомъ до костей. При такомъ душевномъ состояніи онъ слышитъ вдругъ въ народѣ молву объ улучшеніи быта духовенства. Онъ приходитъ въ ужась! Такое смѣшное положеніе его напоминаетъ намъ персидскаго шаха. Послѣ путешествія шаха по Европѣ писали, что онъ, увидѣвши въ Лондонѣ какого-то богатаго лорда, посовѣтовалъ королевѣ отрубить ему голову, какъ человѣку опасному, — что богатые, по его убѣжденію, могутъ возставать на власть, — могутъ не покоряться ей. Такъ и г. Елагинъ боится, какъ персидскій шахъ, что духовенство, выведенное изъ пресмыкающагося состоянія, будетъ не вполне покорно епархіальной власти. И вотъ онъ напрягаетъ всѣ силы души, употребляетъ всѣ средства, чтобы отвратить это. Онъ готовъ однимъ взмахомъ меча снять головы со всего духовенства, какъ желалъ снять съ своихъ сенаторовъ одинъ изъ римскихъ императоровъ. Мы, надѣемся, ни мало не преувеличиваемъ, потому что у него есть ясный намекъ на это, когда онъ говоритъ о какомъ-то римскомъ императорѣ, утопившемъ всѣхъ нищихъ (25). При такихъ низкихъ побужденіяхъ онъ употребляетъ и низкія средства: онъ позоритъ духовенство, какъ только можетъ, и позоритъ все поголовно, какъ будто уже

¹⁾ См. „Русская Старина“ изд. 1882 г., томъ XXXIII, февраль, стр. 365—401; мартъ, стр. 691—716.

и нѣтъ ни одного порядочнаго человѣка во всемъ духовенствѣ. Духовенство представляетъ онъ толпою какихъ-то зараженныхъ, искаженныхъ, изуродованныхъ, прокаженныхъ, на которыхъ нельзя смотрѣть безъ отвращенія. Въ этой массѣ мерзостей онъ видитъ только самую ничтожную, самую маленькую кучку, рельефно отдѣляющуюся отъ массы, какъ непорочныхъ агнцевъ между козлищемъ, какъ представителей благородства, честности неподкупной (86), доброты, безкорыстія, какъ кроткихъ вѣстниковъ небесной истины,—членовъ консисторій. Но и имъ, съ сокрушеніемъ сердечнымъ, какъ Господь Своими апостоламъ на тайной вечери, говорить: вы чисти есте, но не вси, — и «изъ нихъ есть люди дурные»!... Г. Елагинъ употребляетъ все, лишь бы только по прежнему закрѣпить духовенство. Крѣпостничество до того вѣлосъ въ его душу, что онъ жертвуетъ и честью, и совѣстью, и правдой, и историческими фактами, и словомъ Божиимъ, и умственнымъ, и нравственнымъ, и матеріальнымъ состояніемъ всего духовенства, и религіозно-нравственнымъ состояніемъ народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, благосостояніемъ всего отечества,—всѣмъ, лишь бы только повелѣвать понами по всей своей широкой волюшкѣ.

Такъ онъ, усиливаясь доказать, что духовенство должно нищенствовать, приводитъ такой историческій фактъ: «при Константинѣ Великомъ, говоритъ онъ, стали появляться вполнѣ обезпеченные въ средствахъ содержанія священники. Но императору это не нравилось. Въ числѣ его конституцій есть одна, которою воспрещалось выбирать богатыхъ въ духовное званіе» (13). Очень ясно, что примѣръ приведенъ не къ дѣлу: обезпечивать или давать средства къ содержанію бѣднымъ, и принимать въ число духовенства богатыхъ,—двѣ вещи разныя. Это почти тоже, что подать милостыню бѣдному, умирающему съ голоду, и богачу. Но при Константинѣ Великомъ запрещеніе принимать богатыхъ было по такому случаю: когда онъ сдѣлалъ христіанскую религію религіею государственною, то служители церкви были освобождены отъ обязанности нести государственную службу (особенно тяжелую, при частыхъ войнахъ); имущество ихъ освобождено было отъ государственныхъ налоговъ; церкви получили право приобрѣтать недвижимыя имущества отъ поступленія въ клиръ богатыхъ людей, постороннихъ пожертвованій и по духовнымъ завѣщаніямъ, и такимъ образомъ въ церкви собрались огромныя богатства. Кромѣ того, императоръ повелѣлъ выдавать клирикамъ хлѣбную ругу. Богатство церквей привлекло въ клиръ массу бѣдныхъ; изъ-за освобожденія же отъ военной службы бросились туда и богатые, — точно такъ, какъ у насъ нынѣ бросились многіе въ учебныя

заведенія не изъ любви къ образованію и наукѣ, а единственно изъ за льготъ при воинской повинности. Чтобы пресѣчь злоупотребленіе милостями, императоръ ограничилъ, вообще, право поступленія въ клиръ, богатымъ же запретилъ поступать всѣмъ безъ исключенія. При Θεодосіи I былъ изданъ законъ, по которому люди богатые, желавшіе поступить въ клиръ, должны были отказываться отъ своего имущества и передавать его другимъ; тѣ же лица, которымъ имущество передавались, обязывались нести всѣ государственныя обязанности, лежавшія на поступившихъ въ клиръ. И Константинъ, и Θεодосій желали не того, чтобы клирики были бѣдны и нищенствовали, но имъ не хотѣлось только, чтобы государство лишалось дохода. Напротивъ и тотъ, и другой заботились, чтобы клирики были обеспечены вполне. Константинъ узаконилъ напримѣръ, на вѣчныя времена, чтобы во всей имперіи отдѣлялась извѣстная часть государственныхъ доходовъ въ пользу мѣстныхъ церквей и клира. Онъ далъ грамоты начальникамъ провинцій, приказывалъ имъ выдавать дѣвственницамъ, вдовамъ и всѣмъ, посвященнымъ на службу Божию, ежегодное жалованье (хлѣбомъ), назначивъ его количество соразмѣрно скорѣе съ своею щедростію, чѣмъ съ (настоятельною) нуждою. Легко можетъ видѣть всякій, какова была щедрость государя. Такимъ образомъ мысль Константина, почему онъ запретилъ поступать въ клиръ людямъ богатымъ, видна ясно, видна щедрость его къ клиру и видно полное обезпеченіе клира. Всѣ такіе факты г. Елагинъ искажаетъ и говоритъ то, чего не было и быть не могло. Духовенство было обезпечиваемо и въ послѣдующія времена. Много разъ узаконялось и гражданскою, и духовною властію, чтобы никто не смѣлъ строить новыхъ церквей, если не будетъ предварительно отведено для клира земли и не назначено полнаго обезпеченія.

Указывая на первые вѣка христіанства, г. Елагинъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ отечественной церкви. Если въ вопросѣ объ улучшеніи быта духовенства ему понадобилась непременно исторія, то прямѣе и ближе къ дѣлу было бы взглянуть на свою русскую, родную, тѣмъ болѣе, что предки наши, принявши христіанскую вѣру чрезъ грековъ, приняли и всѣ церковныя каноны и многіе обычаи грековъ, и исторія нашей церкви полнѣе исторіи первыхъ вѣковъ. Исторія нашей церкви богата указаніями такого рода. Что духовенству покровительствовали св. Владимиръ и Ярославъ,—это извѣстно всѣмъ и, поэтому, мы упоминать о нихъ не будемъ; но мы находимъ нужнымъ сдѣлать два-три указанія на князей удѣльныхъ, менѣе извѣстныхъ своей политической дѣятельностью.

XVIII.

Соорудивъ на собственные средства каменную церковь во имя св. Іоанна Предтечи на Петрятиномъ дворщѣ, что на Опокахъ, съ придѣломъ во имя Захаріи (1127—1132 гг.), и предназначивъ ей быть соборною, благочестивый Всеволодъ хотѣлъ обезпечить содержаніе какъ самой церкви, такъ и ея причта на будущее время. Съ этою цѣлю онъ, примѣнительно къ уставу св. Владимира, предоставившему духовному вѣдомству наблюденіе за торговыми мѣрами и вѣсами, далъ (окт. 1131—1135 гг.) означенной церкви грамоту и право держать въ притворѣ вѣсы, взвѣшивать на нихъ воскъ и, вѣроятно, нѣкоторые другіе товары и зато брать съ торговцевъ вѣсчія пошлины. Для производства торга отведено было вокругъ церкви св. Іоанна Предтечи определенное пространство земли, гдѣ мѣста отдаваемы были на откупъ и плата за нихъ шла на церковь св. Іоанна. Наконецъ, за право торговать здѣсь, или точнѣе, включиться въ постоянное «купечество Иванское» желавшіе должны были вносить прежнимъ купцамъ известную сумму, изъ которой часть отдѣлялась въ казну той же церкви. Чтобы смотрѣть за правильностью вѣсовъ, собирать разныя подати въ пользу церкви, хранить и употреблять ихъ соотвѣтственно назначенію, князь поставилъ ей трехъ старостъ отъ житыхъ людей, одного тысяцкаго отъ черныхъ и двухъ старостъ отъ купцевъ и велѣлъ «ни во что Иванское» не вмѣшиваться ни посаднику, ни боярамъ новгородскимъ. Изъ доходовъ церкви положено было ежегодное жалованье: священникамъ по осми гривенъ серебра, діакону по четыре гривны серебра, дьячку три гривны серебра, сторожамъ три гривны серебра съ тѣмъ, чтобы священники отправляли службу въ церкви св. Іоанна ежедневно, а въ придѣлѣ св. Захарія на хорахъ по воскресеньямъ, а діаконъ служилъ каждую субботу и каждое воскресенье. Сказавъ, почти вначалѣ грамоты: «даю св. великому Іоанну отъ своего имѣнія великаго на строеніе церкви во вѣки вѣсъ воцанный», князь продолжаетъ: «а въ Торжку даю пудъ воцанный, половина Спасу, а половину св. великому Іоанну на Петрятино дворще». Отсюда можно заключить, говорить высокопресвященный Макарій, что и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Новгорода, были церкви, напр. въ Торжкѣ,—Спасская, которыя пользовались жалованьемъ княжескимъ (Ист. Русск. церк. т. II, стр. 76—78). Изчисливъ всѣ суды церковныя и пошлины за всѣ эти суды въ пользу епископа св. Софіи и причта, Всеволодъ заповѣдуетъ, чтобы въ суды церковныя не вмѣшивались ни дѣти его, ни внучата, ни

намѣстники, ни тиуны и заключаетъ: «своимъ тиунамъ приказываю суда церковнаго необидѣти, а съ суда давати: девять частей князю, а десятую св. Софіи за княжу душу» (тамъ-же). Святославъ новгородскій (1137 г.) подтвердилъ бывшій до него уставъ о десятинахъ: «имати бискупамъ десятину отъ даній и отъ вирь и отъ продажъ, что входитъ въ князь дворъ всего». Высокопреосвященный Макарій говоритъ: «почитая духовный санъ, князья заботились доставлять духовенству средства содержанія. Таковыми средствами служили: 1) судныя пошлыны; 2) вѣсція пошлыны; 3) десятина княжескихъ доходовъ и 4) опредѣленное жалованье (Ист. Рус. ц. Макарія, т. VIII, 292).

Подобныхъ примѣровъ мы могли бы представить множество, но и изъ того, что представлено нами, видно ясно, что правительство наше всегда заботилось объ обеспеченіи духовенства въ средствахъ содержанія. Г. Елагинъ долженъ знать отечественную исторію. Будь въ ней хоть слабый намекъ, что духовенство оставлялось нищенствовать намѣренно,—онъ не преминулъ бы воспользоваться такимъ случаемъ. Не имѣя же его, онъ бросается къ первымъ вѣткамъ христіанства и силится одурачить всѣхъ, искажая факты. Нѣтъ, повторяемъ мы, правительство всегда старалось объ обеспеченіи причтовъ въ содержаніи, и если они не всѣ были обеспечены, то это происходило уже не отъ желанія поставить ихъ въ нищенское состояніе, но отъ недостатка къ тому средствъ.

Но къ чему можетъ послужить въ настоящемъ случаѣ, вообще, исторія? Какое значеніе можетъ имѣть для насъ то, если мы знаемъ, что при Константинѣ или когда-бы то ни было, давалось или не давалось содержаніе причту? Если нынѣ находятъ нужнымъ обезпечить въ содержаніи духовенство и есть къ тому средства, то естественно, что потребности этой нужно удовлетворить. Было бы курьезнымъ, еслибъ и находили нужнымъ, и имѣли къ тому средства и, однакожь, не дѣлали именно потому только, что этого не было при Константинѣ. Мало ли ввелось чего, вообще, у насъ въ жизни, чего не было при нашихъ предкахъ, и мало ли что оставлено нами, что отцы наши считали необходимымъ. Кто обращаетъ вниманіе на времена прошедшія въ подобныхъ случаяхъ? Если брать во вниманіе времена Константина только въ военномъ отношеніи, то намъ пришлось бы измѣнить не только весь строй арміи, но и всѣ новѣйшихъ системъ скорострѣлки, пушки и под. замѣнить ихъ стрѣлами, бойницами и таранами. Мною приведенъ историческій примѣръ изъ отечественной исторіи только потому, что на исторію указываетъ г. Елагинъ; но, въ сущности, ни его и ни мой примѣры не имѣютъ

ровно никакого значенія. Но г. Елагинъ, усиливаясь придать себѣ особенное значеніе, выставляетъ себя несокрушимымъ поборникомъ православія, основывающимъ всѣ доводы свои на словѣ Божіемъ, исторіи, канонахъ и собственной его «совѣсти». Онъ полагаетъ, что если онъ упоминаетъ о словѣ Божіемъ, первыхъ вѣкахъ христіанства и своей «совѣсти», то уже никакое возраженіе невозможно.

«Господь І. Христосъ избралъ Своихъ учениковъ и апостоловъ не изъ среды вельможъ и богачей, Онъ избралъ бѣдныхъ поденщиковъ и рыбаковъ: проповѣдывать евангеліе бѣднымъ должны были такіе же, какъ и они бѣдняки». Неправда! Господь призывалъ всѣхъ: много было званнихъ, но оказалось мало избранныхъ. Извѣстно, напр., что къ Господу приходилъ за наставленіемъ одинъ молодой человѣкъ, надобно полагать строгой жизни, соблюдавшій весь законъ «отъ юности». Но когда Господь сказалъ ему: продай имѣніе и иди вслѣдъ Меня, — онъ отошелъ со скорбію, потому что не хотѣлъ разстаться съ своимъ богатствомъ. Бѣдняки же съ полнымъ вниманіемъ слушали ученіе Господа и ходили за Нимъ всюду, потому что сердце ихъ было свободно отъ всякихъ домашнихъ и мірскихъ заботъ. И опять: не потому Господь избралъ бѣдняковъ, что бѣднымъ должны проповѣдывать только бѣдные; еслибъ было такъ, то кто же долженъ бы былъ проповѣдывать богатымъ? Эти же самыя бѣдняки проповѣдывали не однимъ бѣднымъ, но они проповѣдывали и богатымъ фарисеямъ, и членамъ аѳинскаго ареопага, и вельможамъ, какъ напр. Филиппъ вельможѣ царицы Еѳіопской Кандакїи и под. Совсѣмъ не кстати г. Елагинъ искажаетъ факты. По смыслу г. Елагина выходитъ: священники должны быть бѣдны, потому что должны имѣть дѣло съ бѣднымъ народомъ. Неужели же всѣ наши люди богатые должны быть оставлены безъ просвѣщенія словомъ евангелія? Еслибъ было такъ, то нынѣ всякій богачъ имѣлъ бы право сказать священнику въ отвѣтъ на его назиданія: «священникъ не имѣетъ и права говорить мнѣ; онъ можетъ говорить только бѣднымъ; затѣмъ Господь и апостоловъ избралъ изъ бѣдныхъ людей». Переселилъ г. Елагинъ!

«Не въ домахъ богатыхъ Господь І. Христосъ останавливался, а отыскивалъ бѣдныхъ»... Что ни слово,—ложь. И къ чему все это? Пусть г. Елагинъ потрудится отыскать въ евангеліи ІХ главу Луки. Тамъ говорится: мужъ, нарицаемый Закхей: и сей бѣ старѣй мытаремъ, и той бѣ богатъ... и прїять Его (І. Христа въ домъ свой), радуясь. Тайная даже вечеря была совершена въ домѣ человѣка богатаго, покрайней мѣрѣ такого, который имѣлъ прислугу и, кромѣ своего помѣщенія, хорошую, большую, свободную и убранную хорошо «горницу». Сколько разъ упоминается въ евангеліи о

посѣщеніи Господомъ домовъ богатыхъ фарисеевъ! Опять, по г. Елагину, выходитъ, что священникъ въ домъ богатаго,—ни ногой! Самъ Господь де ходилъ только къ бѣднымъ, тѣмъ болѣе священникъ ходить туда не долженъ. Ну, на что же похоже такъ заговариваться!

«Господь, посылая апостоловъ на проповѣдь, не говорилъ имъ: запасайтесь деньгами, облакайтесь въ богатая одежды, но сказалъ: не берите съ собой ни золота, ни серебра... ни сапогъ, ибо трудящійся достоинъ пропитанія». Апостолы такъ и пошли; но, бывши на проповѣди, говорили: «мы и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ, насъ злословятъ; мы питаемся своими трудами». Послѣ приведенныхъ словъ изъ евангелія и посланій апостола г. Елагинъ восклицаетъ: «можетъ быть указанія и примѣры эти слишкомъ высоки для настоящаго времени. Но мы не имѣемъ право игнорировать ихъ». Этими словами онъ укоряетъ насъ, что мы не слѣдуемъ ни ученію Господню и ни примѣру апостоловъ, а слѣдовательно и не заслуживаемъ состраданія и сочувствія общества и не имѣемъ права просить его помощи. Но отвѣтимъ ему, что онъ не вникъ ни въ порядокъ вещей и ни въ смыслъ того, что говоритъ онъ, иначе онъ и не сказалъ бы этого. Г. Елагину и на умъ не пришло, что приведенными словами Господа и примѣромъ апостоловъ онъ, какъ нельзя лучше, защищаетъ насъ и позоритъ себя, а съ собою вмѣстѣ, и всѣхъ прихожанъ нашихъ. Представляя ли себѣ онъ это? Смотрите: апостолы были всѣ бѣдняки. Господь сказалъ имъ: идите такъ, каковы вы теперь: не заготовляйте ни платья, ни денегъ,—ничего. Вы будете дѣлать свое дѣло,—и вамъ, какъ и всякому обыкновенному работнику, будутъ платить: вы будете питать словомъ Божиимъ душу, слушатели же ваши будутъ питать ваше тѣло,—будутъ давать вамъ все необходимое къ вашему существованію, потому что всякій работникъ долженъ получать плату: «достоинъ бо дѣлатель мзды своея». Апостолы, зная, что такъ и должно быть, пошли, не заботясь о своемъ пропитаніи; они вполне надѣялись, что слушатели ихъ удовлетворятъ всѣмъ ихъ нуждамъ. Такъ. Посмотрите же теперь: кто идетъ въ проповѣдники Слова Божія? Семинаристъ. Приготовительныя школы для проповѣдничества и, вообще, для священнослуженія, открыты для всѣхъ классовъ общества, но идутъ ли въ нихъ дворяне, купцы, чиновники и пр.? Ровно никто. Идутъ дѣти бѣдныхъ священнослужителей—семинаристы. Но взгляните на любого семинариста: у него нѣтъ ни то, чтобы злата и серебра.—у него нѣтъ, какъ говорится, гроша мѣднаго за душой; не то, чтобы имѣлъ онъ «двѣ ризы»,—у него всего одинъ-единный какой нибудь сюртучишка, да и то, пожалуй, съ дырявыми локтями; сапоги-то хоть и есть, а присмотритесь къ нимъ, такъ, пожалуй, что они

безъ подошвъ. Словомъ, любой семинаристъ стѣитъ рыбака-апостола, по бѣдности. Эти-то бѣдняки, безъ денегъ, безъ одежды, безъ сапогъ, и идутъ въ мѣръ проповѣдывать слово Божіе. Кто читалъ мои предъидущія «Записки», тотъ видѣлъ сколько золота и серебра взялъ я съ собою, отправляясь въ приходъ свой. Да, г. Елагинъ, мы идемъ въ свои приходы именно такъ, какъ шли на проповѣдь апостолы! Мы идемъ безъ всего, надѣясь вполне, что прихожане наши дадутъ намъ все необходимое къ нашему существованію. Апостолы, бывши на дѣлѣ своего служенія, вмѣсто любви и обезпеченія въ содержаніи, встрѣтили злобу, гоненія и терпѣли голодъ, жажду, наготу и скитались въ горахъ и вертепахъ. Прошу припомнить изъ моихъ «Записокъ», что перенесъ я по поступленіи въ приходъ свой!..

Мнѣ не дали ни помѣщенія, ни отопленія, ни одежды, ни хлѣба, ни денегъ,—ровно ничего. Мало того: я встрѣтилъ чванство, гордость, притѣсненія, насмѣшки, презрѣніе,—я вполне могъ говорить съ апостоломъ: я сдѣлался позоромъ для міра, я терпѣлъ голодъ, я скитался по сторожкамъ, меня не пускали даже въ гнилыя хохлатскія хаты, мнѣ приходилось, просто, мерзнуть среди улицы. Такова участь всѣхъ насъ, но многихъ еще и хуже. Кто-жъ виновенъ въ томъ, что мы, проповѣдники слова Божія, терпимъ такую нужду? Вы, г. Елагинъ,—прихожане наши. То, что зависѣло отъ насъ, мы сдѣлали: мы вышли къ вамъ безо всего, надѣясь, что вы не откажете намъ въ нашихъ нуждахъ; мы думали, что намъ придется заботиться только о душахъ вашихъ; мы воображали, что мы будемъ между вами просвѣтителями, умиротворителями, руководителями, сочувственниками въ вашихъ радостяхъ и утѣшителями въ скорби; но вы, со дня появленія нашего къ вамъ, отравили нашу душу и притупили самія священныя наши стремленія!.. Скажу о себѣ лично, потому что большинство изъ насъ тоже, что и я. Я шелъ въ священники съ полною преданностью предстоявшему мнѣ дѣлу. Еще до рукоположенія я составилъ себѣ, въ умѣ своемъ, программу моего пастырскаго служенія. Я заранѣе опредѣлилъ что, какъ и когда я долженъ дѣлать. Я шелъ къ будущей своей паствѣ съ безкорыстною, чистою, апостольскою готовностью къ дѣлу. Приѣзжаю въ приходъ зимой.—и не нахожу мѣста, гдѣ я могъ бы остановиться и отогрѣть свои окоченѣвшіе члены: въ селѣ нѣтъ ни постоялаго двора, ни свободной крестьянской избы, нѣтъ уголка и у причта—ровно ни у кого. Я помѣстился въ церк. сторожкѣ; но сторожка была маленькая, старая холодная, покосившаяся, мокрая, темная и гнилая избушка, жить въ которой не было никакой возможности. Намъ съ женой и сторожемъ негдѣ было ни сѣсть, ни лечь, ни стать мало-мало сносно: стѣны заплеснѣв-

шія, полъ мокрый и грязный, и мы кое-какъ пристроились спать на скамейкахъ. Кромѣ чернаго хлѣба (котораго мы съ женой никогда не ѣдали), кислой капуста и пшена, нельзя было найти ничего; нельзя было найти ложки масла (въ постъ) и нельзя было найти свѣчки. Жена моя не вынесла такой жизни и чрезъ недѣлю сильно заболѣла. Вблизи не было ни доктора, ни фельдшера и никакихъ медицинскихъ пособій; ѣхать же за докторомъ, за 40—50 верстъ, я не имѣлъ средствъ. Живеніи моему нуженъ былъ только кусочекъ бѣлаго хлѣба, двѣ-три ложки супу и сухое и свѣтлое помѣщеніе, но мы не могли найти ничего,—и она едва не умерла. Я позвалъ къ себѣ сельскаго старосту и умолялъ его дать мнѣ сносное помѣщеніе; но я не зналъ, что, при этомъ, я долженъ былъ напоить его до-пьяна; я не поилъ, онъ осерчалъ и, потомъ, никакія уже просьбы не могли его тронуть. Послѣ долгихъ просьбъ моихъ и обѣщанія старосты дать мнѣ квартиру, ко мнѣ въ сторожку стали ходить старики чуть ни каждый день. Я долженъ былъ поить ихъ чаемъ и, стоя передъ ними, просить о квартирѣ. Наконецъ крестьяне вынуждаютъ меня на сходы. Долго я просилъ тутъ всѣхъ, почти, по одиночкѣ; долго ломались они надъ мною. Здѣсь вполне высказались и сила прихода, и мое безсиліе. Наконецъ квартиру мнѣ хотя и дали, но въ одной избѣ съ хозяевами. Чрезъ нѣсколько времени ко мнѣ пришелъ староста съ требованьемъ, чтобы я звалъ къ себѣ всѣхъ крестьянъ поздравлять меня съ новосельемъ и поить ихъ виномъ; при этомъ онъ сказалъ мнѣ самымъ внушительнымъ тономъ, что если я не позову и не угощу всѣхъ, то міръ велитъ мнѣ сей же часъ уходить съ этой квартиры и запретитъ всѣмъ остальнымъ крестьянамъ принимать меня. До сихъ поръ я не могу забыть той тоски, того отчаянія, какія овладѣли мною при мысли, что я, пастырь, въ руки котораго даны Богомъ души всѣхъ моихъ прихожанъ, за которыхъ я долженъ буду отвѣтить передъ Богомъ своею собственною душою, долженъ буду вести ихъ къ гибели.—поить ихъ виномъ! Я тосковалъ, метался, я не спалъ ночи. Я раскаивался, зачѣмъ я принялъ на себя обязанности пастыря: я увидѣлъ явно, что выполнить ихъ не могу. Когда пришли ко мнѣ крестьяне, то они заставили меня подносить имъ вино и, въ то же время, выслушивать ихъ внушенія и угрозы.—что если я не буду дѣлать все по ихъ желанію, и не буду сей часъ изъ своихъ рукъ угощать ихъ, то они сей же часъ велѣтъ мнѣ убраться съ квартиры опять въ сторожку. Сколько душевныхъ страданій вынесъ я при этомъ, а еще болѣе проводивши крестьянъ, я не могу и выразить. Я увидѣлъ себя совсѣмъ задавленнымъ, уничтоженнымъ. Я чувствовалъ, что на меня налегла какая-то сила, бороться съ ко-

торой я не могъ. О планахъ моихъ, которые я лелеялъ въ душѣ своей до приѣзда въ приходъ: научить, вразумить, разъяснить, утѣшить,— нечего было думать. Физическая сила налегла на мою душу,— я плакалъ отъ отчаянія. На другой день нѣкоторые изъ крестьянъ пришли ко мнѣ, которыхъ я вчера поилъ, опохмѣлиться. Я опять поилъ ихъ, но уже болѣе съ спокойнымъ духомъ, чѣмъ наканунѣ. Значить переломъ въ душѣ моей уже совершился. Причтъ нашъ состоялъ изъ меня, дьякона и двоихъ дьячковъ. Доходу мы получали около восьми руб. въ мѣсяцъ на штатъ. Изъ нихъ я получалъ 4 р., дьяконъ 2 р., дьячки по 1 р. Жить нечѣмъ было совершенно. При первой же свадьбѣ я настоялъ, по убѣжденію причта, взять съ крестьянина лишній рубль, противу того, что давалъ онъ. До того времени я бралъ однѣ только добровольныя пожертвованія, но тутъ настоялъ. Это, однакоже, такъ возмутило меня, что когда, въ ближайшее воскресенье, говорилъ я въ храмѣ поученіе, то мнѣ такъ и чудилось, что кто-то сзади говорилъ мнѣ: а ты самъ-то кто? Помнишь, какъ ты самъ поилъ виномъ ихъ? Помнишь, какъ ты вынудилъ дать тебѣ лишній рубль? Я говорилъ народу, но совѣсть моя говорила мнѣ самому то, что я говорилъ другимъ. Потомъ? Потомъ: совѣсть говорила одно, нужда—другое и, мало-по-малу, все вошло въ обыкновенную колею, по которой идемъ мы всѣ. Кто же виноватъ теперь въ томъ, если мы теперь не то, чѣмъ бы быть должны? Вы г. Елагинъ,—прихожане. Мы идемъ, насколько есть нашихъ силъ, по примѣру апостоловъ, но вы по примѣру... ну, по крайней мѣрѣ, не по примѣру тѣхъ христіанъ, кои приносили имѣніе свое къ колѣнамъ апостоловъ.

Апостолы, гдѣ приношенія вѣрующихъ были не достаточны, или гдѣ они не хотѣли обременять ихъ, питались трудами рукъ своихъ. Такъ и мы: и пашемъ, и сѣемъ, заводимъ дома, хозяйство.

Представлялъ ли г. Елагинъ, что ему придется защищать насъ? Конечно ему хотѣлось не того, но вышло такъ. Да, часто многое дѣлается противу нашего желанія. И сопутникъ Валаама заговорилъ однажды по человѣчески.

Но хотя г. Елагинъ сказалъ и невпопадъ, однако же видно, что ему хотѣлось высказать намъ укоръ отъ слова Божія,— что Господь заповѣдалъ апостоламъ не заботиться о своемъ матеріальномъ обезпеченіи, но мы заботимся. Въ такомъ случаѣ мы попросимъ г. Елагина припомнить слова Господа слѣдующія: не печитесь душею вашею что ясте, и что піете... воззрите на птицы небесныя... Иди, продай имѣніе твое, раздай все нищимъ и слѣдуй за Мною и под. Кому было сказано это? Всѣмъ послѣдователямъ Его ученія, стало быть всѣмъ христіанамъ. Нелюбостязательность есть общая обязан-

ность всѣхъ послѣдователей ученія Спасителя. Слѣдовательно, укоряя насъ, г. Елагинъ забываетъ о таковой же заповѣди Господней, данной и ему, а это значитъ видѣть сучекъ въ глазу другаго, и не видѣть у самого себя даже того, что побольше сучка.

XIX.

Указаніемъ на жизнь апостоловъ г. Елагинъ требуетъ, чтобы и мы жили по ихъ примѣру: не имѣли ни дома, ни хозяйства, —ничего, и жили исключительно отъ благовѣстія? Но вѣдь объ этомъ и мы говоримъ, въ этомъ вся рѣчь наша. Обезпечьте наше существованіе, — и мы бросимъ всякую заботу обо всемъ, отвлекающемъ насъ отъ существенныхъ нашихъ обязанностей. При настоящихъ же условіяхъ не заводиться домою и хозяйствомъ и не отдавать заботамъ о своемъ существованіи большей части жизни, нѣтъ возможности. Апостолы посылались «въ міръ весь», — во всю вселенную; — заводиться домою, и какимъ бы-то ни было хозяйствомъ имъ не было и возможности, переходя изъ города въ городъ, изъ одной области въ другую. Мы же посылаемся въ одно, определенное мѣсто и на весь свой вѣкъ. Поэтому непременно должны имѣть и постоянное помѣщеніе и обезпеченное содержаніе, — переходить изъ домовъ въ домъ, какъ апостолы, мы не можемъ. У насъ, по деревнямъ, пастухи скота ходятъ по дворамъ и кормятся подворно; нынѣ одинъ пастухъ въ одномъ дому, завтра въ другомъ и т. д., ходятъ только лѣтніе мѣсяцы и одни, безъ женъ и дѣтей, но и то всѣмъ надоѣдаютъ до крайности. Вынесли-ль бы наши прихожане такой мѣны, еслибъ къ нимъ и зиму и лѣто, — весь вѣкъ, — ходили почевать, обѣдать и ужинать: нынѣ священникъ съ женой и дѣтьми, завтра дьяконъ съ женой, ребятишками и стариками, тамъ одинъ дьячекъ съ семьей, а тамъ другой съ семьей, особенно если крестьянину и самому въ своей избеночкѣ и повернуться негдѣ и самому ѣсть нечего? Пустили-ль бы къ себѣ въ домъ люди состоятельные, позволилъ ли бы придти къ себѣ въ домъ самъ г. Елагинъ? Возможно ли такое мыканье по чужимъ домамъ кому-бы-то ни было? Конечно, нѣтъ. Стало быть нужна постоянная осѣдность. Готоваго же дома нѣтъ, слѣдовательно нужно строить свой. Средствъ на постройку нѣтъ, слѣдовательно нужно брать ихъ въ томъ же приходѣ; добровольныхъ пожертвованій недостаетъ и на содержаніе — одежду и хлѣбъ, слѣдовательно отсюда неизбежны вымогательства при требованіяхъ, а отсюда сами собою слѣдуютъ непріязненные отношенія между пастыремъ и пасомыми, или

потворство всѣмъ ихъ слабостямъ, заискиванье ихъ благоволенія и, у людей слабохарактерныхъ, нетрезвая, вмѣстѣ съ прихожанами, жизнь. А такъ какъ священнику и какъ человѣку, вообще, и какъ семьянину нужно многое и кромѣ помѣщенія, то онъ запутывается въ житейскія сѣти еще болѣе,—и болѣе удаляется отъ своихъ существенныхъ обязанностей.

Наконецъ, необходимо брать во вниманіе время и обстоятельства, при которыхъ Спасителемъ предрекались лишенія и гоненія апостоловъ, и время настоящее, въ которомъ живемъ мы. Въ самомъ дѣлѣ, въ высшей степени замѣчательна ссылка г. Елагина на первыя времена христіанства. Апостолы были гонимы отъ іудеевъ и язычниковъ; но между кѣмъ живемъ мы? Представьте же себѣ: мы живемъ между людьми, которые тотчасъ по рожденіи принимаютъ чрезъ насъ св. крещеніе; съ полнымъ убѣжденіемъ считаютъ себя православными христіанами; съ сердечнымъ умиленіемъ слушаютъ наши поученія; слѣдуютъ нашимъ совѣтамъ; открываютъ предъ нами всѣ сокровеннѣйшія свои дѣла и даже помышленія; съ благоговѣніемъ присутствуютъ при совершаемомъ нами богослуженіи; преданные нашему духовному водителству, обращаются къ намъ не иначе, какъ съ словами: «батюшка,»—дѣти наши,—и эти дѣти говорятъ намъ: вы наши отцы, но вы терпите отъ насъ голодь, холодъ, наготу; мы хотимъ, чтобы вы терпѣли отъ насъ побой, злословіе, срамъ; мы желаемъ, чтобы вы были позоромъ для міра, прахомъ, всѣми нами попираемымъ, какъ были прахомъ для міра ваши предѣстники—апостолы! Что остается намъ сказать, послѣ этого? Одно только: что если ужъ обращаться ко временамъ апостольскимъ, то нужно быть послѣдовательнымъ,—обращаться къ нимъ не однимъ намъ, пастырямъ, но и пасомымъ, и обращаться во всемъ. Если же первыхъ проповѣдниковъ евангелія мучили, то вѣдь и участь послѣдователей ихъ ученія,—вѣровавшихъ,—была такая же. Не приняться ли и вамъ другъ друга бить, жечь, топить, душить и т. д.? Вѣдь сказано въ св. писаніи: въ царствіе Божіе входятъ тѣсными вратами; многи скорби праведнику! Конечно этого не пожелаетъ ни одинъ безумный; но мы скажемъ, что не болѣе ума выражаетъ и тотъ, кто настаиваетъ, чтобы пастыри нынѣшняго времени терпѣли то же самое отъ христіанъ, что терпѣли пастыри первыхъ вѣковъ отъ идолопоклонниковъ и іудеевъ. Надобно благодарить Бога, и мы благодаримъ Его, что тѣ горькія времена уже миновали. Не даромъ мы, послѣ каждой литургіи, поемъ многолѣтіе своему Государю Императору, мы молимъ Господа сохранить нашего Отца отечества на многія лѣта за то, что подъ его покровомъ мы имѣемъ возможность тихо и без-

мятежно излить предъ Господомъ чувства души нашей. Наслаждаясь спокойствіемъ, поворотится ли честный языкъ восхвалять времена гоненій, и благородное сердце желать зла другому, не желая, однако же, этого самому себѣ?!

Все идетъ сообразно требованію времени. Напримѣръ, одинъ преемникъ апостольскій, Поликарпъ, епископъ Смирнскій (возьмемъ хоть его) жилъ также, какъ и апостолы; но черезъ полторы тысячи лѣтъ другой апостольскій преемникъ, нашъ русскій, московскій митрополитъ Симонъ (1492 — 1508 гг.) владѣлъ въ пятнадцать уѣздахъ землею и крестьянами. Въ семи изъ этихъ уѣздовъ, по сохранившимся писцовымъ книгамъ, у него находилось: селъ и деревень 531 и 51,750 десятинъ земли. Въ концѣ XVI в. московскій епископъ имѣлъ до семи тысячъ дворовъ крестьянъ. Когда, въ 1478 году, великій князь Иванъ Васильевичъ осадилъ Новгородъ, то новгородцы согласились уступить ему половину волостей владыки и шести богатыхъ монастырей. Великій князь половины волостей владыки не взялъ, а взялъ только десять волостей, всего 320 сохъ, т. е. до 14.400 десятинъ. Сколько же, спрашивается, было десятинъ въ половинѣ владѣній владыки и сколько во всѣхъ волостяхъ? Черезъ нѣсколько времени великій князь взялъ у владыки еще 400 деревень, потомъ 230 десятинъ. Не смотря на такія лишенія, новгородскаго владыку считали самымъ крупнымъ вотчинникомъ между нашими епископами. (Ист. рус. ц. Макарія т. VIII). Непутственное слово Господне одинаково было обязательно какъ епископу смирнскому, такъ московскому и новгородскому. Но какая между ними разница! Однако же, не смотря на страшныя богатства нашихъ владыкъ, никто не говорилъ имъ: не стяжите ни золота, ни серебра, потому что все, — бѣдность однихъ и богатство другихъ, — обуславливалось временемъ, въ которое они жили.

Всѣмъ извѣстны побужденія отшельнической жизни основателей монашества: Пахомія, Антонія, Макарія и др. и нашихъ отечественныхъ подвижниковъ, напр. св. Сергія, и ихъ святая, труженическая жизнь; но въ XVI столѣтіи, черезъ двѣсти лѣтъ послѣ основанія, обитель св. Сергія имѣла владѣній, только пожертвованныхъ князьями и другими лицами на поминъ душъ: волость (на Клязьмѣ, по имени Вохну, въ девять сохъ ¹⁾); селъ 88, при этихъ селахъ малыхъ селъ и деревень 1,080 и земли до 113,040 дес. При нѣкоторыхъ изъ этихъ селъ не показано числа деревень и земли, а сказано только: село такое-то съ деревнями. Кромѣ пожалованныхъ

¹⁾ Соха въ 100 вытей заключала въ себѣ отъ 1,500 до 3,000 десятинъ.

сель и деревень, монастырь имѣлъ много пріобрѣтенныхъ покупкою. Сколько ихъ было, неизвѣстно, но извѣстно, что на покупку ихъ употреблено 16,934 р., что по тогдашнему времени составляло громадную сумму. Кирилловъ Бѣло-озерскій монастырь имѣлъ 15 сель большихъ, 8 малыхъ и 3 приселка. При селахъ имѣлось тяглыхъ дворовъ 892 и земли 43,800 д. Кромѣ того во владѣніи монастыря находилось 94 деревни, что было «за попы, и за слугами, и за кузнецы, и за плотники, и за извошники и 2,490 д. земли. Словомъ: во владѣніи владыкъ и монастырей, во времена Іоанна IV, находилась третья часть всего государства. (Ист. Рус. ц. Макарія т. VIII, 229). Общины отшельниковъ пріобрѣли страшныя богатства; но ставилъ ли ктонибудь въ вину имъ это? Нѣтъ. Было такое время, что въ мѣста, прославленныя святынею, дѣлались большія пожертвованія,—и только. Ставить ли нынѣ кто въ вину нашимъ обителямъ, если онѣ принимаютъ приношенія богомольцевъ и сами дѣлаютъ нѣкоторыя пріобрѣтенія, въ родѣ пристроекъ? Конечно, нѣтъ. Приношеніями въ обители выражается попеченіе жертвователей о своемъ спасеніи и усердіи къ мѣстамъ, прославленнымъ благодатію Божіею. Ниже ли была нравственность святителей и обитателей монастырей, при ихъ громадныхъ богатствахъ? Богатства ихъ не мѣшали многимъ изъ нихъ быть въ высшей степени людьми нравственными и благочестивыми. Вообще же дома епископовъ и монастыри были единственнымъ разсадникомъ просвѣщенія и пристанищемъ тысячъ народа во времена голода и другихъ бѣдствій. Изъ выпѣшнихъ же монастырей многіе находятъ для себя невозможнымъ дать какихънибудь 20—30 р. въ годъ на образованіе специально служителей церкви. Изъ этого и слѣдуетъ, что люди, обезпеченные въ собственномъ содержаніи, могутъ оказывать пользу другимъ и, напротивъ, люди, поставленные въ необходимость заботиться о дневномъ пропитаніи самихъ себя, благотворительности другимъ оказывать не могутъ, при всемъ ихъ къ тому желаніи. Такъ и духовенство, поставленное въ необходимость заботиться о дневномъ своемъ пропитаніи, не можетъ уже посвятить себя всецѣло своему существенному долгу.

Правительство, увидѣвъ, что отъ бѣдности чиновниковъ терпитъ много и общество, и дѣло ихъ службы, улучшило ихъ бытъ, обогатило ихъ,—вывелось уже теперь «земскіе ярыжки»,—и въ судахъ стало болѣе правды, чѣмъ было это до того. Всѣ правительства считаютъ своимъ долгомъ заботиться о благосостояніи государства. Конечно, онѣ не имѣютъ въ виду, при этомъ, одну только матеріальную, животную, сторону человѣка. Онѣ заботятся, вмѣстѣ съ этимъ, и о возвышеніи нравственности. Стало бытъ онѣ находятъ, что возвыше-

ніе матеріальнаго благосостоянія не можетъ развиваться въ ущербъ возвышенія нравственности. Какимъ же образомъ можетъ случиться то, что общественная нравственность не упадетъ, а нравственность духовенства должна пасть; чиновники могутъ хорошо вести свое дѣло только при обезпеченномъ состояніи, а духовенство—только при нищенскомъ?

Самое же главное: апостолы были люди простые, безхитростные: въ доказательство истинности божественнаго ученія они не искали «знаменій», какъ прочіе ихъ соотечественники—іудей, и умъ ихъ не былъ искаженъ еллинскою премудростію. Божественную истину принимали они чистою и непорочною душею и съ сердечнымъ умиленіемъ говорили своему Учителю: куда пойдемъ мы отъ Тебя, Ты глаголы живота имаша! Св. слово евангелія познали они не по учебникамъ, и не розгами возбуждали умиленіе ихъ сердца, какъ возбуждалось оно въ нашихъ школахъ, готовящихся быть проповѣдниками евангелія. Слово истины они слышали непосредственно отъ самаго Господа; они бесѣдовали съ Нимъ лицомъ къ лицу; своими глазами видѣли непостижимую Его любовь къ людямъ при всевозможномъ злословіи, неправдѣ и неблагодарности. Еще во время Своей земной жизни Господь, какъ бы, практиковалъ ихъ въ проповѣдничествѣ и лишеніяхъ, давая примѣръ Собою; Онъ научалъ ихъ самымъ опытомъ, подъ непосредственнымъ Своимъ надзоромъ и водительствою, проповѣдывать евангеліе: Онъ, при Себѣ еще, посылалъ ихъ проповѣдывать людямъ спасеніе, предсказывалъ имъ лишенія и, по возвращеніи къ Нему, спрашивалъ ихъ: еда что лишени бысте? Но они не обращали и вниманія на лишенія и говорили только о плодахъ проповѣди: «нѣтъ, Господи, отвѣчали они, и самыя бѣсы повинутся намъ о имени Твоемъ! Разставаясь съ ними, на послѣдней вечери, Онъ утѣшалъ ихъ въ предстоявшей скорби; говорилъ имъ, что Онъ особенно молился и молится о нихъ Отцу Своему и что Онъ не оставитъ ихъ одинокими сиротами, но что пошлетъ имъ Св. Духа, Который будетъ съ ними неразлучно; будетъ подкрѣплять ихъ души и научить ихъ на всякую истину. Черезъ нѣсколько дней по вознесеніи Господнемъ апостолы видѣли ниществіе на нихъ Св. Духа видимымъ образомъ и тѣмъ могли сами увѣриться вполнѣ, что Духъ Святой низошелъ на нихъ и будетъ пребывать съ ними неразлучно, какіе бы труды, скорби и лишенія ни постигли ихъ. При такомъ только именно состояніи апостолы и могли быть тѣмъ, чѣмъ они были!

XX.

«Въ сознаниі духовенства утвердилась мысль, какъ какой нибудь непреложный догматъ, объ улучшеніи его матеріальнаго быта, и эта мысль сдѣлалась возглавицей... Возглавица эта кладется подъ всякій локоть, и подъ всякую голову» (17). Духовенству вѣняется въ вину то, даже, что оно заботится объ обезпеченіи себя въ содержаніи и желаетъ, чтобъ оно было выведено изъ нищенскаго состоянія. Но представьте: средства къ существованію моему таковы, что, при всей моей бережливости, мнѣ едва достаетъ ихъ на мое содержаніе; но у меня куча дѣтей,—и я вижу: у одного нѣтъ сапоговъ, у другой избились башмачишки, третій съ голыми локтями... Не болитъ у меня сердце, глядя на этихъ несчастныхъ, не въ правѣ желать я, чтобы они были одѣты? У меня разваливается домъ, зимою невыносимый холодъ, лѣтомъ въ крышу льетъ дождь, какъ въ рѣшето; по ночамъ, въ дождь, мнѣ съ женою приходится перетаскивать сонныхъ дѣтей своихъ, какъ кошкѣ котятъ, изъ угла въ уголь, чтобъ дождь не лилъ на нихъ сквозь потолокъ... Не въ правѣ я желать имѣть теплый и сухой уголь? У меня два сына въ училищахъ; они пишутъ мнѣ, что у нихъ нѣтъ ни книгъ, ни хлѣба, ни одежды и хозяйка квартиру требуютъ платы... Не въ правѣ я желать, чтобы, хоть откуда нибудь, Господь послалъ какую нибудь полусотню рублей, чтобы отослать дѣтямъ? То, что говорю я, это не поэзія какая нибудь, нѣтъ, я испыталъ все это на себѣ лично. Нѣкогда у меня учились въ С.-Петербургѣ два сына и два въ Саратовѣ. Въ теченіе мѣсяца, бывало, что нибудь сбережешь, къ концу знаешь, что нужно послать на содержаніе дѣтей во всѣ концы, а денегъ нѣтъ. Что же дѣлать, гдѣ взять ихъ? Тоска не даетъ спать. Продашь одну изъ трехъ коровъ, и отошлешь, думая, при этомъ: а дальше какъ? И скажешь, въ успокоеніе себя: «ну, какъ нибудь Господь поможетъ!» Мысль о содержаніи дѣтей мучила день и ночь. А тамъ смотришь: подходитъ зима, а дровъ купить не на что; пришло лѣто,—и дождь льетъ во всѣ углы. Тутъ, батюшка вы мой, подложишь этотъ «догматъ» подъ всякій локоть!.. Да, «облокотишься», бывало, да и не спишь ночи,—и думаешь: какъ же выдти изъ этого безвыходнаго положенія? Что буду я дѣлать, думаешь, бывало? Чувствуешь въ груди боль до тошноты. Ноетъ сердце, ты не видишь, какъ говорится, точки опоры,—не видишь впереди у себя никакой надежды на лучшее,—доходишь до какого-то одуренія и чувствуешь слабость, усталость во всемъ организмѣ. Въ такомъ состояніи не-

вольно подумаешь: эхъ, еслибъ побольше жалованья! Не мучился бы и я, не терпѣли бы нужды и дѣти... Такое желаніе вовсе не отъ жадности. Нужно испытать, чтобы понять насъ,—испытать на себѣ то, что переносимъ мы въ жизни, тогда уже и судить о насъ. Наше желаніе улучшенія своего состоянія совѣмъ не то, что видимъ мы безпрестанно во многихъ, изъ другихъ сословій. Взгляните, напр., на чиновниковъ,—и не на тѣхъ изъ нихъ, которые получаютъ рубли, но на тѣхъ, которые состояніе свое считаютъ десятками тысячъ: довольствуются ли они своимъ содержаніемъ? Иной, не смотря на то, что имѣетъ собственныя или унаслѣдованныя отъ предковъ «благоприобрѣтенныя» средства, и отъ мѣста, должности получаетъ хорошее жалованье,—все-таки, втирается, на сколько только возможно, чуть ни во всѣ комитеты, акціонерныя и банковыя общества,—нахватываетъ себѣ должностей столько, что смотришь и думаешь: когда человѣкъ успѣваетъ дѣлать дѣло по всѣмъ этимъ мѣстамъ? Присмотришься, и видишь, что за него работаютъ мелкія пташки, а онъ самъ беретъ только деньги. При всемъ этомъ онъ не постыдится взять не легонькій кушъ и подѣмныхъ, переходя съ казенной квартиры на частную, а квартирныхъ само собою. Другой, какъ говорится, дышетъ уже на ладонь, имѣетъ и состояніе и хорошую пенсію и, не смотря, однакоже, на это, все-таки держится за мѣсто, получаютъ жалованье и не брезгаетъ кое какими обрѣзками отъ смѣтныхъ суммъ. Что все это, не жадность? А что продѣлываютъ купцы, заводчики, фабриканты и пр. и пр.?! Взгляните на иного купца: вдоволь всего, можно бы, кажется, быть довольнымъ: и дома, и фабрики, и заводы, и мельницы, и торговныя дѣла, — все идетъ отлично, но, не смотря на это, онъ все-таки вздуетъ васъ, вздуетъ и не поморщится, да еще прибавитъ, въ ваше утѣшеніе, что «это-де только-съ для васъ-съ такое-съ уваженіе-съ; для другаго ни за чтобы-съ!» Иной земець давнымъ-давно спустилъ приданое жены; свое родовое состояніе заложилъ и перезаложилъ чуть ни во всѣхъ банкахъ; втерся всѣми неправдами въ члены управы и, кажется, долженъ бы былъ дорожить своимъ мѣстомъ,—вести дѣла земства, какъ слѣдуетъ; но нѣтъ, во многихъ мѣстахъ, члены управы, почему-то, все-таки стараются провести мысль въ собраніяхъ гласныхъ, чт.бы въ члены ревизіонной комисіи были избраны такія лица, которыя и не знаютъ съ котораго конца приступить къ ревизіи и, вдобавокъ, дадутъ такой короткій срокъ для ревизіи, что и опытный чиновникъ не успѣлъ бы ничего сдѣлать. Разумѣется, тутъ и выйдетъ, что «все обстоитъ благополучно». А какъ посмотришь на иныхъ отцовъ-благодѣтелей,—землевладѣльцевъ и арендаторовъ,—то

не можешь надивиться той изобрѣтательности, съ какой «дерутъ они лыки съ камня», и тому невозможному спокойствію, съ какимъ снимаютъ они послѣднюю шкуру. Не жадность все это? Но г. Елагинъ видитъ жадность только въ духовенствѣ. Но если люди состоятельные не всегда довольны своимъ состояніемъ, то духовенству, брошенному на произволъ судьбы, желать улучшенія своего положенія совершенно естественно. Всѣ стараются о себѣ, и никому не ставится это въ вину; духовенству же запрещается и думать о томъ, чего не забываетъ никто, — не забываетъ и тотъ, кто запрещаетъ думать намъ. Гдѣ же справедливость?

«Мысль объ улучшеніи быта сдѣлалась для духовенства возглаголаніемъ... Не слишкомъ ли уже мелочно сказано? Еслибъ и дѣйствительно духовенство говорило объ этомъ часто, то это значило бы только, по пословицѣ: «у кого что болитъ, тотъ про то и говоритъ». Написалъ же г. Елагинъ цѣлую книгу, испугавшись, чтобы бытъ духовенства въ самомъ дѣлѣ не улучшился! Если у него настолько наболѣло сердце, столько накипѣло на душѣ зла, при одной мысли объ улучшеніи быта ненавистныхъ ему людей, и людей для него постороннихъ, что онъ написалъ цѣлую книгу пасквили, то говорить намъ о себѣ, о собственныхъ нашихъ нуждахъ, о положеніи дѣтей нашихъ — совершенно естественно.

«О чемъ бы духовенство ни писало въ газетахъ и журналахъ, оно непременно сводитъ рѣчь свою на свою приниженность и бѣдность». Г. Елагинъ всѣми силами старается закидать духовенство грязью; для этого: ложь, клевета, подлоги, искаженіе фактовъ и т. под. — его первое оружіе. Нѣтъ, напротивъ, мы скажемъ, духовенство терпѣливо переноситъ свою участь, и молчитъ. Въ защиту свою оно не пишетъ, почти, ничего. Единственный журналъ, гдѣ помѣщаются нѣкоторыя отрывочныя корреспонденціи изъ провинціи, — это журналъ, издаваемый достоуважаемымъ А. И. Поповицкимъ; большинство же статей и въ этомъ журналѣ пишется людьми свѣтскими. Открытъ для меня и журналъ, издаваемый глубокоуважаемымъ Михаиломъ Ивановичемъ Семевскимъ «Русская Старина»; но болѣе этого духовенство не пишетъ ничего. Въ минувшемъ 1881 году, по случаю появленія въ свѣтъ книги г. Елагина, въ нѣкоторыхъ, и духовныхъ и свѣтскихъ, журналахъ были статьи въ защиту духовенства, но онѣ были писаны сотрудниками этихъ журналовъ. «Церковный Вѣстникъ» открылъ особый отдѣлъ, въ которомъ говорить о современномъ состояніи духовенства только въ 1881 году. Здѣсь отвѣчается только на выдающіяся клеветы на духовенство со стороны свѣтской литературы, но и эти замѣтки пишутся, опять-таки, постоянными сотрудниками журнала.

Въ послѣднее время даже были дѣлаемы приглашенія духовенству, чтобы оно заявляло о своей пастырской дѣятельности и тѣмъ отражало клеветы враговъ своихъ; но скромность духовенства настолько велика, что отклика его мы еще не видимъ. Въ нѣсколько часовъ можно перебрать всѣ духовныя журналы лѣтъ за пять,—и можно ручаться, что тамъ не найдется ни одной статьи, гдѣ духовенство жаловалось бы на свою горькую участь. Переберите всѣ свѣтскіе журналы и газеты,—и вы увидите то же самое. Если г. Елагинъ хотѣлъ быть справедливымъ, то онъ обязанъ былъ доказать то, что говоритъ онъ,—онъ обязанъ былъ указать хотя на одну—двѣ статьи такого рода. Но, сказать, не досказать, не доказать и бросить,—обыкновенная его манера. Оттого у него такая и масса обвиненій на духовенство. Веди онъ дѣло честно,—укажи онъ на порокъ, укажи мѣсто и лицо, докажи онъ то, что говоритъ,—тогда у него, мы увѣрены, не было бы и десятой доли того, что сказалъ онъ,—тогда онъ не написалъ бы пасквили множество листовъ. Но онъ хорошо знаетъ, что, говоря о цѣломъ сословіи, раскинутомъ по огромному пространству государства, никто преслѣдовать за клевету судомъ его не будетъ,—и говоритъ все, чѣмъ только надѣется втоптать духовенство въ грязь. Но добросовѣстно ли все это!..

XXI.

«На всякое предложеніе, на всякую добрую мысль, на всякое замѣчаніе,—одинъ отвѣтъ: дайте намъ фактъ, сравняйте насъ, по крайней мѣрѣ, съ мужикомъ». Если г. Елагинъ человѣкъ добросовѣстный, то онъ долженъ былъ бы, скажемъ мы опять, указать на факты,—когда и отъ какого предложенія отказывалось духовенство. Говорить же безъ доказательствъ, голословно, и говорить обо всемъ духовенствѣ,—не честно.

То, чтобы духовенство желало, чтобы оно было сравнено съ мужикомъ,—такихъ желаній нигдѣ не заявлялось; но, дѣйствительно, если провести параллель между духовенствомъ и мужикомъ, то гражданскія права послѣдняго несравненно шире, и позавидовать есть чему. Возьмите, на примѣръ, хоть одно то, что мужика судить мѣръ, гласно, и судъ даетъ ему всѣ способы къ оправданію; насъ же судятъ въ консисторіяхъ нашихъ при закрытыхъ дверяхъ; консисторскій же судъ, по словамъ самого защитника консисторій, г. Елагина, есть судъ самый не надежный. Самъ защитникъ консисторій говоритъ, что «при обширной свободѣ извлекать подходящіе (?) къ дѣламъ за-

коны откуда хочешь, понятное дѣло, возможенъ въ консисторіяхъ всякій произволь (165, 166)». «И дѣйствительно, дѣла рѣшаются, можно сказать, на обумъ (165—172)». Скажите же, Бога ради, какъ же не позавидовать, послѣ этого, мужику! Извѣстно, что судомъ рѣшается, часто, участь человѣка на всю его жизнь, а тутъ сами даже защитники консисторій говорятъ, что дѣла рѣшаются тамъ на обумъ и допускается всякій произволь.... И за то, что мы желаемъ себѣ суда «скораго и праваго», т. е. такого, какой имѣетъ мужикъ, насъ осуждаютъ! Гдѣ же совѣсть!..

«Благородно-мыслящіе (1) изъ мірянъ не могутъ надивиться жалобамъ духовенства на свою бѣдность и многіе изъ нихъ изъ одного этого потеряли уваженіе къ духовенству». Такъ говоритъ г. Елагинъ въ концѣ 17-й страницы; но на 135-й страницѣ онъ говоритъ: «католическихъ пасторовъ въ высшихъ классахъ общества, по большей части, презираютъ. У насъ же, напротивъ, никто не питаетъ къ священникамъ ни вражды, ни презрѣнія». Соединивши оба отзыва его о духовенствѣ, предоставляю самому читателю судить насколько г. Елагинъ точенъ и послѣдователенъ въ своихъ сужденіяхъ и насколько здрава его мысль. Мы же скажемъ, что есть изъ мірянъ уважающіе и неуважающіе, и изъ духовенства есть уважаемые и неуважаемые. То и другое зависитъ отъ личнаго характера той и другой стороны.

«Приступая къ самому дѣлу обезпеченія, правительство потребовало свѣдѣній отъ архіереевъ и духовенства». Отъ кого же, спрашивается, нужно было требовать эти свѣдѣнія? Кто знаетъ мои доходы, источники, откуда получаю ихъ я и способы, которыми могу я увеличить ихъ, кромѣ меня самаго? Кто знаетъ самыя мелочныя и самыя разнообразныя условія жизни духовенства, кромѣ него самаго? Къ кому нужно отнестись за разъясненіемъ этихъ условій, какъ не къ самому духовенству? Правительство такъ и поступило,—обратилось къ самому духовенству. Св. синодъ и всѣ правительственныя лица, по дѣламъ епархіи, сносятся съ епархіальными преосвященными и отчеты по дѣламъ епархіи даетъ св. синоду епархіальный преосвященный. Слѣдовательно и это дѣло, неминуемо, должно было идти черезъ мѣстныхъ преосвященныхъ. Правительство такъ и поступило. Но г. Елагинъ негодуетъ, что оно прошло «мимо консисторій». Дѣло, кажется, ясное, что консисторіи необходимыхъ для правительства свѣдѣній о состояніи духовенства дать не могли. Но г. Елагину не точность свѣдѣній и нужна. Онъ соболѣзнуетъ только консисторскимъ дѣльцамъ, или, какъ выражается онъ, «честнымъ дѣятелямъ въ консисторіяхъ», (которыми допускается «всякій произволь»). Онъ говоритъ, что «консисторскимъ честнымъ дѣятелямъ крайне было «грустно»,

что дѣло это началось помимо ихъ. Да, мы въ этомъ съ нимъ согласны совершенно. Мы вѣримъ совершенно, что было имъ «грустно», и грустно даже очень, что жирный этотъ кусокъ не попалъ имъ въ лапы съ самаго начала. О грусти ихъ, при этомъ дѣлѣ, мы можемъ судить по IX и X ревизіямъ. Что можетъ быть, кажется, проще какъ въ печатный, бланкъ внести имена членовъ причта, ихъ семейства, и подать въ консисторію? Придраться здѣсь, кажись, не къ чему совсѣмъ. Однакоже мы знаемъ хорошо, что въ нѣкоторыхъ консисторіяхъ благочинный, представляя ревизскія сказки своего округа, долженъ былъ дать секретарю по 5 р. со штата, члену по 3 и въ столъ по 1 р. Иначе благочинный, хоть тресни, — отъ него не принимали и бумагъ. Нѣкоторые благочинные и должны были уважать назадь и собирать съ духовенства деньги; а другіе, понатершіеся уже около консисторій еще пріемъ отъ причтовъ, брали по 10 р., изъ которыхъ расплачивались и съ консисторіей, и себя не забывали. По извѣстнымъ намъ консисторіямъ мы можемъ судить, что ни одна тысяча перепала въ руки консисторскихъ дѣльцовъ, если большинство нашихъ консисторій поступало также. И это при безгрѣшныхъ ревизскихъ сказкахъ! Представляемъ же себѣ: что было бы, еслибъ дѣло объ улучшеніи быта духовенства предоставлено было ючисклительно консисторіямъ! «Честные ихъ дѣятели» непремѣнно сталибъ выдавать себя за рѣшителей судебъ, — что отъ нихъ зависить все. Тутъ полились бы цѣлыя рѣки благожеланій, обѣщаній, увѣреній; насудились бы цѣлыя горы самыхъ несбыточныхъ благъ и, вмѣстѣ, опасенія, застрачиванія, угрозы и самая незастѣнчивая ложь. Характеръ дѣльцовъ того времени выразился бы во всей своей силѣ. Желаніе улучшить свое положеніе и страхъ лишиться и послѣдняго куска вынудили бы многихъ продать послѣднюю корову, чтобы склонить на свою сторону людей, въ рукахъ которыхъ вся ихъ участь. Да, «честные дѣятели» нагрѣли бы руки! Не одинъ домикъ прибавился бы тутъ въ городѣ и не одинъ банковый билетикъ уложился бы въ шкатулку. И еще, послѣ такого горя, не было бы «грустно»! И, въ такомъ горѣ, консисторіи, устами защитника своего, г. Елагина, изливають скорбную свою душу: всѣмъ-то мы опостыгѣли! «Насъ ругаютъ среди духовенства, поворять въ свѣтскихъ кругахъ, безчестять въ газетахъ и книгахъ», — мы всегда притчемъ въ народѣ, — но начальство наше вѣрило намъ, — и мы могли дѣлать все по своему «произволу»; теперь же «мы должны убѣдиться, что на поддержку высшей власти нечего болѣе рассчитывать». Теперь всѣ противъ насъ! Такъ, за это недовѣріе и пока власть не отнята еще отъ насъ, покажемъ же себя!.. И, дѣйствительно, самъ г. Елагинъ говорить, что

воображаемое недовѣріе начальства къ консисторіямъ отозвалось «вредными послѣдствіями на всѣхъ епархіальныхъ дѣлахъ».

Хотя мы имѣемъ основанія вполне довѣрять, въ этомъ, г. Елагину, но, тѣмъ не менѣе, если онъ честный и безпристрастный человѣкъ, то обязанъ былъ представить хотя одинъ фактъ незаконныхъ дѣйствій консисторій. Друзья ли мы, враги ли мы,—а факты быть должны.

Такимъ образомъ, г. Елагинъ оказалъ консисторіямъ, за которыя распинается онъ, медвѣзью услугу!.. Съ такимъ защитникомъ можно поздравить! «Честные» люди, но не удовлетворенные въ ихъ желаніяхъ, стали дѣлать гадости: заводить, стало быть, и разводить кляузы, тѣснить духовенство, незаконно рѣшать дѣла,—осуждать невинныхъ и оправдывать виновныхъ, напрасно налагать штрафы (хотя они и, вообще, есть чистый «произволъ»), въ искаженномъ видѣ представлять дѣла преосвященнымъ и под. Словомъ: по г. Елагину, они стали олицетвореннымъ зломъ и для духовенства, и для высшей власти... Хороши же, значить, эти «честные дѣятели», хорошъ и ихъ защитникъ!

«Оказавши недовѣріе консисторіямъ, правительство, въ то же время, не очень любезно поступило и съ архіереями. Отъ нихъ потребовали, правда, отзывы, но обязали (?) ихъ представить отзывы духовенства отъ всѣхъ церквей въ подлинникахъ. Очевидно, не вѣрили даже и архіереямъ. На первый разъ все это мелочи. Но этими мелочами открывалось въ духовномъ вѣдомствѣ новая эра, когда дѣти стали учить своихъ отцовъ, подчиненные стали судить своихъ начальниковъ и лица, самымъ призваніемъ своимъ обязанныя къ строгому повиновенію властямъ, настойчиво стали требовать (!) самоуправленія».

XXII.

Г. Елагинъ находитъ обиднымъ для преосвященныхъ то, что св. синодомъ велѣно было, вмѣстѣ съ своими мнѣніями, представить подлинныя отзывы духовенства? Напротивъ, намъ кажется, что этимъ оказано преосвященнымъ большое вниманіе, избавивши ихъ отъ египетской работы. Представьте: преосвященному представлено 700—800 разнообразнѣйшихъ проектовъ; извольте всѣ ихъ прочесть и привести къ единству! Сколько было бы отнято у него дорогаго времени, силы и здоровья! При другихъ многочисленныхъ дѣлахъ, одинъ онъ сдѣлать это былъ бы не въ состояніи, ему понадобились бы помощники, но коль скоро помощники, то дѣло должнымъ образомъ идти уже не могло. Они должны были бы взять двоихъ или троихъ писцовъ изъ консисторій

и, подъ присмотромъ своего секретаря, поручить имъ это дѣло. Какого результата можно было бы ожидать отъ такой коммисіи, можетъ видѣть всякій. Нѣтъ сомнѣнія, что они переименовали бы, перепутали и обезсмыслили бы только дѣло. Путаница эта, однакоже, лежала бы на совѣсти преосвященныхъ. Но г. Елагину, какъ видѣли мы и прежде, не точность и нужна. Ему досадно лишь именно то, что духовенству дозволено выражать свои мысли. Ему невыносимо не только то, что оно само за себя отвѣчаетъ, но даже и то, что къ нему обращаются за вопросомъ, — что правительство признаетъ за нимъ жизнь, что ему дано право говорить. Право и жизни, и голоса онъ признаетъ исключительно за однимъ только начальствомъ—преосвященными и консисторіями. Такая надменность, такое полное презрѣніе къ низшимъ выражались, и то въ былое, давно минувшее время, только въ американскихъ плантаторахъ къ неграмъ; нынѣ можно найти его, развѣ только у дикихъ африканскихъ народовъ: Дагомеевъ, Абомеевъ и под. Но ужъ никакъ не хотѣлось бы видѣть въ нашемъ дорогомъ отечествѣ... Мы, напротивъ, должны сказать, что если люди хотѣли дѣлать дѣло, безъ всякой предвзятой мысли, то непременно должны были за нужными свѣдѣніями обратиться исключительно къ самому духовенству. Представьте: нужно было правительству знать: а) «какими средствами содержанія пользуется духовенство»? Могутъ ли на такой вопросъ отвѣтить, по каждому приходу, преосвященные или консисторіи?—Можетъ ли, кто-бы то ни было, посторонній отвѣтить: сколько при церкви земли удобной и неудобной; по какой цѣнѣ за десятину и на какую сумму отдается она въ аренду; сколько засѣваетъ самъ причтъ; сколько, среднимъ числомъ, снимается сѣна; гдѣ помѣщается причтъ и каково помѣщеніе; откуда получается отопленіе; побираясь по приходу, причтъ сколько можетъ собрать хлѣба зерномъ, мукой, крупой, печенымъ хлѣбомъ и под., и сколько изъ собраннаго остается за излишествомъ и продается, или насколько прикупается? Нѣтъ, такихъ свѣдѣній ни у кого и быть не можетъ, ихъ дать можетъ только само духовенство. б) «Сколько получается денежнаго дохода»? Опять свѣдѣній и этихъ нѣтъ ни у кого, и отвѣчать на такой вопросъ можетъ само только духовенство. в) «Какія у каждаго члена причта важнѣйшія статьи расхода»? Подобныхъ свѣдѣній ни у кого и быть не можетъ. г) «Что можно было бы сдѣлать для обезпеченія причтовъ въ содержаніи»? Здѣсь необходимо знать мѣстныя условія каждаго прихода, знать же ихъ можетъ только мѣстный причтъ. Что могли отвѣтить на всѣ 4 вопроса преосвященные и консисторіи? Ровно ничего. Правда, они могли отвѣтить на послѣдній вопросъ, но отвѣтить только

кое что, и то въ общихъ чертахъ. Слѣдовательно необходимо было нужно спросить духовенство. Такъ и сдѣлано. Когда на такіе вопросы, на которые никто посторонній не можетъ отвѣтить, отвѣчаетъ само духовенство, то можно вывести изъ этого заключеніе, что «дѣти учать отцовъ, подчиненные стали судить своихъ начальниковъ, что явилась новая эра»? Только г. Елагинъ и могъ вывести такое заключеніе. Есть ли тутъ, хоть тѣнь, самоуправленія? Ни чуть не бывало. «Дѣти стали учить своихъ отцовъ». Мы-то, дѣйствительно, признаемъ преосвященныхъ своими духовными отцами; но г. Елагинъ-то самъ, въ другомъ мѣстѣ, не признаетъ этого: онъ говоритъ: «архіереевъ мы называемъ отцами. Но это почетное названіе, почетный титулъ—не болѣе» (94 л. 2 ст.). Вотъ тутъ и толкуй съ нимъ: то отецъ, а то—не отецъ.

Отвѣчая на сказанные вопросы, могло ли духовенство хоть заикнуться о самоуправленіи? Конечно нѣтъ. Но г. Елагинъ утверждаетъ даже, что духовенство «настойчиво требовало!» Изъ этого «самоуправленія» онъ не можетъ видти, какъ изъ какого нибудь заколдованнаго круга: о чемъ только ни толкуетъ онъ, но уаъ непременно подойдетъ къ нему. Не желая, чтобы духовенство проявляло въ чемъ бы-то ни было жизни, онъ обрекаетъ его на повальное, безиробудное умственное и нравственное усыпленіе. За начальствованіе свое онъ дрожить до болѣзни. Открываете вы ротъ, чтобы отвѣтить, когда спрашиваютъ васъ,—и онъ отскакиваетъ въ испугъ: «ай! ты проглотить меня хочешь!» Спрашиваютъ духовенство о его матеріальномъ положеніи, оно отвѣчаетъ—и онъ: «дѣти учать отцевъ, самоуправленія требуютъ!» Эта злополучная *idée fixe* замучила его. Про насъ хотя и говоритъ онъ, что о чемъ бы мы ни заговорили, непременно сведемъ рѣчь свою на приниженность и бѣдность; но, однако же, въ доказательство свое не привелъ ни одного факта. Но вотъ здѣсь факты на лицо: о чемъ онъ ни толкуетъ, но непременно прикроетъ «самоуправленіемъ». Это «самоуправленіе» прошло его, кажется, до костей и мозговъ. Но пусть укажетъ онъ намъ, хотя на одинъ случай, гдѣ духовенство выказывало бы неповиновеніе власти и гдѣ заявляло бы о самоуправленіи. И пусть онъ знаетъ, что мы не думали никогда, не думаемъ и нынѣ противиться власти нашихъ преосвященныхъ. Напрасно онъ дрожить за то, о чемъ не думаютъ и они сами. Мы глубоко чтимъ ихъ и, надѣемся, въ тысячи разъ болѣе, чѣмъ онъ самъ. Вотъ и доказательства. «Болѣе проникательные изъ архіереевъ, говоритъ г. Елагинъ, и тогда уже понимали, къ чему поведетъ это любезничанье (!) съ духовенствомъ, но, разумѣется, должны были утѣшать себя лишь своими келейными сѣтованіями».

«Болѣе проникательные изъ архіереевъ», но не состоявшіе въ числѣ членовъ св. Синода, видѣли, а іерархи наши и другіе члены Св. Синода, оберъ-прокуроръ и весь составъ Св. Синода, стало быть, всѣ они, люди менѣе проникательные? Мало проникательные дѣлали дѣло, а «болѣе проникательные смотрѣли на нихъ и сѣтовали?» Хорошъ же смыслъ православной церкви г. Елагинъ! Св. Синодъ понять не могъ того, что дѣлаетъ онъ, но люди «болѣе его проникательные» хорошо понимали какія «ужасныя послѣдствія» произойти должны неминуемо, отъ того, если о чемъ нибудь будетъ спрошено само духовенство.

«Духовенство самымъ призваніемъ своимъ обязывается къ строгому повиновенію властямъ»... А прочіе всѣ, спросимъ мы, своимъ призваніемъ обязываются только къ власти?... Нѣтъ, повиноваться властямъ всякій членъ государства обязанъ одинаково. Напротивъ, въ обязанностяхъ приходскаго пастыря лежитъ начало не только повиновенія, но и власти. Къ пастырямъ церкви относятся слова апостола: настоя, запрети. А это само собою предполагаетъ уже власть, хотя, конечно, по религіозно-нравственному отношенію къ паствѣ.

XXIII.

Когда потребовались отъ духовенства свѣдѣнія о его матеріальномъ состояніи, то «понятное дѣло», говоритъ г. Елагинъ, «какъ церковныя причты должны были исполнить это требованіе». Не зная отвѣта духовенства, онъ заранѣе предугадываетъ уже, каковъ будетъ этотъ отвѣтъ. «По свойственной человѣку слабости, оно очевидно должно было уменьшить доходы и увеличить нужды и требовать (!) елико возможно большаго, говоритъ онъ. Предполагая въ духовенствѣ ложь, онъ какъ бы оправдываетъ ее обыкновенною въ людяхъ лживостью: «по свойственной человѣку слабости»... Честности, благородства и правды, онъ не признаетъ уже ни въ комъ. По г. Елагину выходитъ, что кого бы мы ни спросили о его доходахъ и расходахъ, — всѣ солгали бы непременно: всѣмъ «свойственна эта слабость». Но, не говоря уже о всѣхъ людяхъ вообще, скажу лишь о себѣ: честное ли дѣло обзывать всѣхъ пастырей церкви, и всѣхъ поголовно, лжецами, и лжецами предъ правительствомъ, не имѣя на это фактовъ?! Неужто нельзя предполагать правды ни въ одномъ уже пастырѣ церкви? Неужели корысть и безсовѣстность въѣлиси

уже такъ въ насъ, что слова благороднаго, слова честнаго и ждать уже нельзя? Мы не знаемъ всего духовенства Россіи, не можемъ знать и всѣхъ отзывовъ его; быть можетъ были отзывы и несправедливые, но предполагать это во всѣхъ пастыряхъ, безъ исключенія, не можемъ ни въ какомъ случаѣ. Напротивъ, скажемъ мы, наша честность, наше благородство, наше точное исполненіе правительственныхъ распоряженій, наша постоянная и неослабная готовность вспомоществовать правительству хорошо доказаны и самому правительству, и всему міру. Правительству хорошо извѣстно это и оно, въ случаяхъ особенной важности, всегда обращается за нашимъ содѣйствіемъ, и въ надеждахъ своихъ не обманывалось никогда. Такое довѣріе къ намъ правительства составляетъ нашу гордость. Мы никогда не были и не будемъ настолько низки, чтобы не оправдывать такого довѣрія.

Но, спрашивается: откуда г. Елагинъ могъ получить свѣдѣнія, что все духовенство лгало? Что въ свѣдѣніяхъ духовенства доходы уменьшались до того, что гдѣ получалось доходу 1000 р., тамъ писалось 300 и даже 100 р.? Почему онъ знаетъ доходы всѣхъ причтовъ, когда не знаемъ мы самихъ ближайшихъ къ намъ приходовъ? Почему не указалъ, хотя на одинъ причтъ, что тутъ-де доходу получается 1000 р., а показано въ отзывѣ всего 300? Говорить же безъ фактовъ, голословно, — нечестно. Если онъ дорожитъ своею собственною честію, то, избличая цѣлое сословіе въ безчестности, обязанъ былъ доказать и свою собственную честность, — доказать, что онъ не лжець и не клеветникъ. Напротивъ, мы думаемъ, что отзывы духовенства были справедливы, и думаемъ такъ именно потому, что всякій знаетъ, что доходовъ его не отниметъ никто, какъ бы велики они ни были и что еслибъ и увеличились бы оклады жалованья, то не стали же бы дѣлать особыхъ окладовъ по каждой церкви и порознь. Это первое. Второе: не настолько духовенство дико, чтобы совсѣмъ уже не имѣть понятія о финансовомъ состояніи государства того времени. Третье: свѣдѣнія такого рода собирались много уже разъ, — и духовенство потеряло въ осуществленіе улучшенія своего положенія почти всякую вѣру. Кромѣ всего этого: бывший у насъ тогда преосвященный Евѣимій, нынѣ уже скончавшійся, говорилъ всѣмъ прямо, что мы не можемъ ожидать никакого улучшенія и чтобы мы писали отзывы свои, насколько возможно, короче. Я хорошо помню тотъ случай, когда представлялъ я ему отзывъ свой и подвѣдомаго мнѣ духовенства. Преосвященный зачеркнулъ почти все, написалъ самъ строкъ 10--15, велѣлъ переписать, отдалъ назадъ, нечитавши, отзывы и духовенства и велѣлъ придерживаться того, что написалъ

онъ. Отдавая мнѣ бумаги онъ сказалъ: «все равно толку не будетъ, сколько ни ниши. Ужъ лучше писать меньше». Не имѣя вѣры въ осуществленіе дѣла, гдѣ и не было надобности, при всей живости духовенства, по словамъ г. Елагина.

«Въ означеніи расходовъ проявилась такая изобрѣтательность, которой никто не предполагалъ въ духовенствѣ; указывались такія потребности, о которыхъ не думаютъ даже въ богатыхъ дворянскихъ домахъ. Духовенство объясняло, что оно не можетъ жить безъ хорошихъ винъ, безъ воспитанія своихъ дочерей въ столичныхъ женскихъ институтахъ и т. д.». На такую клевету спросимъ прежде: неужели даже въ богатыхъ дворянскихъ домахъ и не думаютъ о хорошихъ винахъ? Кто же пьетъ ихъ, неужели только одни попы? Нѣтъ, г. Елагинъ: если духовенство и пьетъ, такъ только свое,—родное. Въ самыхъ экстренныхъ даже случаяхъ можно встрѣтить у насъ рублевою бутылку хересу мѣстной фабрикаціи, большею же частію и экстренные сходятъ съ рукъ съ 45 копѣчнымъ. Не напелъ, что уже клеветать, — пересолилъ.

«Духовенство не можетъ жить безъ воспитанія своихъ дочерей въ столичныхъ женскихъ институтахъ»... И этого, по крайней мѣрѣ мы, живущіе на низовьяхъ Волги, не заявляли. Это писали вѣроятно Иркутскіе или Енисейскіе, — имъ сподручнѣе отдавать дочерей своихъ въ Петербургъ. Въ самомъ дѣлѣ: можно ли выдумать чтонибудь нелѣпнѣ подобной клеветы? Мы не можемъ даже... Какъ будто матери наши, жены и сестры наши — всѣ воспитывались въ столицѣ, что мы свыклись съ столичнымъ образованіемъ до того, что иначе мы и жить не можемъ. Это совсѣмъ не то, чтобы мы выражали только желаніе дать образованіе,—нѣтъ, мы свыклись уже съ нимъ, безъ него мы жить не можемъ! Особенно дочерямъ нашимъ необходимо столичное образованіе, когда подберутся матушка съ дочкой, да и отправятся — одна коровъ доить, другая свиньямъ да курамъ мѣсить. При нашей жизни, по правдѣ сказать, и того образованія слишкомъ много, какое дается нынѣ въ епархіальныхъ училищахъ. Рѣдкой женѣ священника есть время въ недѣлю разъ взять и книгу въ руки. При нашей жизни не до образованія. И человѣку ни мало не стыдно такъ безцеремонно лгать! Это значитъ: задался человѣкъ мыслию поворить тѣхъ, кого терпѣть онъ не можетъ, — и поворить, не оглядываясь назадъ и не повѣряя себя не черезъ-чуръ ли уже хватилъ, — и говоритъ безъ удержу, не дорожа собственною честию. Странно видѣть въ человѣкѣ такую беззащитность, въ которомъ слѣдовало бы предполагать болѣе такту и солидности; но еще болѣе

кажется страннымъ, и даже непонятнымъ, когда видишь, что безза-
стѣнчивость эта имѣетъ не мало людей, сочувствующихъ себѣ...

Далѣе онъ говоритъ: «одни намѣтили себѣ мукомольныя мель-
ницы, принадлежащія частнымъ лицамъ». Быть не можетъ, ложь!
Духовенство не настолько глупо, чтобы писать это. «Другіе требовали
(ужь и требовали!) отведенія казенныхъ лѣсныхъ дачъ». На 20 стра-
ницѣ своей книги онъ считаетъ такое желаніе духовенства преступ-
леніемъ, но на 175 стр. онъ говоритъ самъ: «способъ обезпеченія
духовенства можетъ выражаться въ отведеніи казенныхъ лѣсныхъ
дачъ». Онъ ставитъ намъ въ вину даже и то, что предлагаетъ самъ.
Это значитъ уже верхъ зла: хорошее ли дѣло, дурное ли, но коль
скоро вышло оно отъ насъ, то значитъ, что оно дурное. А это зна-
читъ опять, что человекъ ищетъ только случая, чтобы поворить насъ.
«Третьи предлагали обязать прихожанъ, чтобы они даромъ обрабо-
тывали ихъ поля, рубили и возили для нихъ дрова». Такъ говоритъ
онъ на 20 страницѣ, но на стран. 173 говоритъ: «духовенство должно
быть обязательно обезпечено (курсивъ въ подлинникѣ) опредѣ-
ленными пособіями отъ прихожанъ. Сюда относятся по преимуществу
нарѣзки земли (отъ казны и прихожанъ)... пособія при обра-
боткѣ полей и т. п.». Здѣсь опять онъ осуждаетъ за желанія та-
кихъ пособій, которыя онъ самъ считаетъ для прихожанъ даже
обязательными.

«О каноническихъ способахъ содержанія, т. е. о приношеніяхъ
прихожанъ за совершеніе требъ, всѣ отозвались болѣе или менѣе
презрительно: онѣ-де унижаютъ духовенство, заставляютъ протягивать
руку, ставятъ духовенство въ зависимость отъ прихожанъ». Г. Елагинъ
безпощадно топчетъ насъ въ грязь: то отступили мы отъ ученія Хри-
ста Спасителя и апостоловъ, то отъ преданій и примѣра пастырей
первыхъ вѣковъ, то отъ каноническихъ правилъ, — и сдѣлались на-
родомъ безпутнѣйшимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Выраженное желаніе
духовенства г. Елагинъ называетъ противнымъ каноническимъ пра-
виламъ. Но ему слѣдовало бы при этомъ указать на такія правила.
Подобныхъ правилъ мы не знаемъ и не знаемъ именно потому, что
ихъ не существуетъ. Если же онъ найдетъ ихъ и докажетъ намъ
наше уклоненіе отъ нихъ, то пусть обратитъ вниманіе и на самаго
себя,—что и онъ, ревностный блюститель отеческихъ преданій и ка-
ноновъ церкви, уклонился отъ нихъ, и болѣе еще, чѣмъ мы сами,
потому что тѣ же самые способы предлагаетъ онъ самъ и находитъ
ихъ даже обязательными для прихожанъ. Мало этого: онъ нахо-
дитъ, что «способъ улучшенія быта духовенства не только можетъ,

но даже долженъ выразиться въ разныхъ мѣропріятіяхъ правительства, какъ-то: въ облегченіи дѣтямъ духовенства поступленія въ разные свѣтскія заведенія для обученія на казенный счетъ или по крайней мѣрѣ безъ взноса платы за обученіе и т. д.». Назвавши въ началѣ книги самый вопросъ объ улучшеніи быта духовенства вопросомъ «несчастливымъ», а способы улучшенія противуканоническими, онъ самъ предлагаетъ теперь то, чего не просило и само духовенство. За направленіе же лучшихъ силъ духовенства въ свѣтскія учебныя заведенія мы имѣемъ право называть г. Елагина даже врагомъ церкви.

XXIV.

Каноническимъ способомъ содерженія г. Елагинъ называетъ содержаніе служителей церкви первыхъ вѣковъ христіанства приношеніями вѣровавшихъ. Отвѣчать на этотъ вопросъ мы уже имѣли случай. Теперь только желали бы слышать, почему этому каноническому способу содержанія служителей церкви должно подлежать одно только приходское духовенство? Въ первыя вѣка христіанства одними приношеніями содержались всѣ. Здѣсь и явна фальшь доказательствъ мнимыми канонами. Содержаніе опредѣленнымъ жалованьемъ отнюдь не есть противуканоническій способъ и жалованьемъ мы пользуемся давнымъ-давно, но только говоримъ, что оно недостаточно для полного содержанія; крайне скудны и чисто добровольныя приношенія. Если въ самыхъ первыхъ христіанахъ встрѣчались такіе люди, которые давали самимъ даже апостоламъ и не давали имъ того, что обѣщали сами добровольно, такъ что вынуждали въ апостолахъ обличенія во лжи, какъ, наприм., ап. Петръ обличалъ Ананію съ женою, то двѣ тысячи лѣтъ должны имѣть свое значеніе и измѣнить многое и, дѣйствительно, измѣнилось многое: теперь не тѣ уже христіане, начиная съ аристократа и кончая мужикомъ. Чисто добровольныхъ приношеній нѣтъ почти совсѣмъ. Если считать добровольными приношеніями плату за требосправленія, то это отнюдь не добровольныя, а нужно назвать: не добровольная, а вынужденная необходимостью. Нельзя назвать добровольною платою даже то, когда даютъ духовенству за приходъ его въ домъ съ крестомъ. Плата такого рода опять вынуждена; не приходи духовенство, и большинство будетъ очень тому радо. Не тѣ и пастыри, что было прежде. Какъ вы ихъ ни осуждайте, какіе законы ни прописывайте имъ, но не за-

бывайте, что они тѣ же люди, съ тѣми же слабостями. И какъ между мірянами есть люди, которые, живя сами со всеѣми удобствами жизни, желаютъ, чтобы духовенство нищенствовало, такыя есть и между самими духовенствомъ. Наприм., мнѣ недавно случилось говорить, въ одной изъ нашихъ столицъ, съ однимъ высокопоставленнымъ духовнымъ лицомъ о положеніи сельскаго духовенства. Онъ получая самъ нѣскольکو (до 4 т.) тысячъ руб., говорилъ мнѣ, что положить жалованье духовенству значить сдѣлать его чиновниками. Это значить, какъ и г. Елагинъ говорить, что было бы противно церковнымъ канонамъ. Получая самъ нѣскольکو тысячъ казеннаго жалованья, прекрасную казенную же квартиру, мужскую прислугу, отопленіе, освященіе, воду, лошадей, экипажи, — себя онъ не считаетъ чиновникомъ; сельскаго же священника съ нѣсколькими сотнями руб.—чиновникомъ. Себя, съ тысячами и барской обстановкой, считаетъ онъ пастыремъ церкви, а насъ, деревенскихъ горемыкъ, чѣмъ-то въ родѣ урядниковъ. Много пишутъ про насъ всякихъ небылицъ; прискорбно видѣть въ свѣтской литературѣ самыя недѣльныя и часто безсмысленныя глумленія; но дѣлается невыносимо, до болѣзни грустно, когда топчуть насъ въ грязь люди, принадлежащія къ нашему же организму, кость отъ костей нашихъ и плоть отъ плоти нашей. Подобныхъ, можетъ быть, людей апостолъ имѣлъ въ виду, когда говорилъ: «отъ насъ, но не наши». Всѣхъ подобныхъ канонистовъ мы попросили бы испытать то, что несемъ мы, тогда, навѣрное, они запѣли бы другую пѣсню, забыли бы и о канонахъ. Разговаривая со мною, отецъ протоіерей сказалъ мнѣ, что одинъ провинціальный священникъ, смотря на его домашнюю обстановку, спросилъ его: «а что, пошли бы вы въ провинцію, не то, чтобы въ село, а въ какойнибудь городъ, хоть въ нашъ N?»—«Нѣтъ, не пошелъ бы». И при этомъ на лицѣ отца протоіеря выразилось полное самодовольство. Что же значить, что люди, желая себѣ всеѣхъ удобствъ жизни, хотять, чтобы другіе, подобныя же имъ, терпѣли нужду и горе?... Я далъ бы объясненіе, но по личному моему уваженію къ отцу протоіерю, не объясняю. Я знаю хорошо, что то, что пишу я, онъ будетъ читать и поэтому предоставляю самому ему и объяснить это. Точно также, что имѣеть цѣлю свѣтская литература писать про насъ самыя недѣльныя небылицы? Исправить наши недостатки? Но одними насмѣшками порока не исправишь. Много въ одно время писалось насмѣшекъ, много ходило разныхъ анекдотовъ про мелкихъ чиновниковъ; иначе и не звали ихъ, какъ земскими ярыжками, держимордами и под. Но исправили-ли ихъ всѣ такого рода насмѣшки?

Ничуть. Но когда улучшили ихъ быть, одряхлѣвшее замѣнилось болѣе лучшимъ, тогда и повѣсти и анекдоты прекратились; измѣнились въ нравственномъ отношеніи и тѣ, про коихъ велись анекдоты. Упомянутый мною столичный отецъ протоіерей говорилъ мнѣ, что «едва ли духовенство будетъ лучше исполнять свои обязанности и лучше вести себя, если и улучшить его положеніе». Но мы и сами не считаемъ единственнымъ и скорымъ способомъ къ поднятію нравственнаго состоянія духовенства, исключительно одно улучшеніе его матеріальнаго положенія. И правительство вовсе не думаетъ, какъ утверждаетъ г. Елагинъ, «что стоить только улучшить вѣншее положеніе духовенства, и тогда церковныя дѣла исправятся сами собою»; но не можемъ не сказать, что духовенство сблизилось бы съ народомъ: оно не стало бы тѣснить прихожанъ и вымогать часто непосильной платы; не стало бы подпавать и, пожалуй, вмѣстѣ пить изъ за какихъ нибудь пяти возовъ дровъ или сѣна; взаимныя отношенія облагородились бы. Конечно, какъ и старья, закоренѣвшія болѣзни не излечиваются тотчасъ, такъ и при улучшеніи быта, духовенство не сдѣлается вдругъ святымъ: и нетрезвость, и притѣсненія проявляться стали бы, но это было бы какъ исключенія. Цѣлые вѣка дока зали уже, что нашъ каноническій способъ содержанія не можетъ возвысить нравственно духовенства и что чрезъ него хулится и самая религія, слѣдовательно, неминуемо долженъ быть измѣненъ самый бытъ служителей церкви, начавши измѣненіе это съ воспитанія и окончивши положеніемъ за штатомъ. Мы увѣрены, мы убѣждены, что и духовенство, и народъ измѣнились бы къ лучшему, если бы была прекращена плата за обязательныя требоисправленія.

«О каноническомъ способѣ содержанія духовенство отнеслось презрительно». Такъ какъ духовенство не можетъ относиться къ добровольнымъ пожертвованіямъ «презрительно», то оно не могло этого и писать, и все это есть не болѣе, какъ измышленіе самаго г. Елагина. Не желая повторять разъ сказаннаго уже мною, прошу припомнить изъ прежнихъ моихъ «Записокъ», въ «Рус. Старинѣ» напечатанныхъ, какое чувство волнуетъ душу священника при сборѣ хлѣбомъ. Чувства этого посторонній никто не пойметъ, вообще же: не столичнымъ судить о сельскомъ духовенствѣ... Имѣйся въ столицѣ надлежащее о насъ понятіе, навѣрное, давно бы измѣнился нашъ бытъ. Но люди, родившіеся въ столицѣ, и не могутъ имѣть надлежащаго о насъ понятія: многіе, ушедшіе въ столицу отъ насъ, дѣлаются тамъ столичными и теряютъ память, самихъ же насъ считаютъ лжецами и— «все обстоитъ благополучно».

«По общему мнѣнію причтовъ надлежало дать имъ жалованья отъ казны не менѣе 500—1000 р. въ годъ на причтъ. Но этого все еще было мало». Изъ 500—1000 р. при тогдашнемъ составѣ причтовъ священникъ получалъ бы 250—500 р., т. е. менѣе всякаго сто- лоначальника, причетникъ же 62 р. 50 к.—125 р., т. е. менѣе сви- нова пастуха. Г. Елагину кажется такое жалованье слишкомъ великимъ, а духовенство выставляетъ онъ неумѣренно жаднымъ, но мы напро- тивъ находимъ его не только не чудовищно-великимъ, чтобы упре- кать насъ въ ненасытности, но даже до того скромнымъ, что за по- добную скромность нужно отнести къ духовенству съ благодарно- стію и уваженіемъ. Въ настоящее время (1882 г.) трудно найти въ работники простаго мужика, даже дурака, для домашнихъ работъ (неговоря уже о молотбѣ, пашнѣ и пр. трудныхъ работахъ), на одни зимніе мѣсяцы, съ хозяйскимъ помѣщеніемъ и продовольствіемъ, за 60 р. Годовому работнику плата, обыкновенно, 10⁰⁰—125 р. и опять съ хозяйскимъ содержаніемъ. Свиной пастухъ получаетъ 60—80 р., конный 200 — 300, за одни лѣтніе мѣсяцы, и опять съ хозяйскимъ продовольствіемъ. Укорять, послѣ этого, духовенство въ ненасытности, если оно выражало желаніе дать жалованья причетнику менѣе даже, чѣмъ дается свиному пастуху, — это и грустно и смѣшно, особенно если сравнить ихъ обязанности, отвѣтственность и образованіе и тѣмъ болѣе, если, по мысли правительства, причетникъ долженъ быть съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ. Всѣмъ извѣстно какого сорта люди поступаютъ въ урядники, однако же не одинъ изъ нихъ не по- лучаетъ менѣе 300 р. Послѣ урядника причетнику, особенно кончив- шему курсъ семинаріи, дать 60—100 р., при собственномъ его содер- жаніи, кажется было бы можно. Всякій видитъ, что 60—100 р. — жалованье нищенское; но духовенство было бы радо и ему, лишь бы только имѣть возможность избѣгнуть каноническаго способа со- держанія, — не таскаться по дворамъ мужиковъ съ мѣшкомъ на пле- чачъ или лукошкомъ въ рукахъ.

«Главнѣе (?) всего требовалось (!) вывести духовенство изъ его забитаго положенія, освободить его отъ деспотизма архіерейской вла- сти, дать ему самоуправленіе (21)». Опять «самоуправленіе»! Въ со- стый разъ отвѣчаемъ, что духовенство не имѣло и случая просить его, и не просило.

«Въ общей сложности всѣ эти отзывы представляли колоссальную лажъ, колоссальную неумѣренность желаній и потому остались безъ послѣдствій. Но духовенство ожидало другаго исхода, оно надѣялось, что все такъ и будетъ, какъ оно писало въ отзывахъ. Вотъ гдѣ пер-

вая причина того неудовольствія противъ властей, которое съ начала шестидесятихъ годовъ стало замѣчаться и развиваться въ духовенствѣ. Возбудили въ немъ желанія, расшевелили въ немъ страсти,—и не дали имъ удовлетворенія. Ошибка очень важная! Всѣ революціи въ мірѣ, всѣ потрясенія въ обществахъ подготавливались именно этимъ способомъ». Сравните то, что говорилъ онъ въ началѣ книги съ тѣмъ, что сказалъ онъ сейчасъ и,—какъ не бейтесь, смыслу вы не доберетесь. Сперва онъ говорилъ: духовенство находилось въ полной власти у епископовъ и, потому, вліяло на прихожанъ, т.-е. прихожане какого-нибудь, напр. Балашева, потому съ уваженіемъ относились къ своему приходскому духовенству, что оно находилось въ полной зависимости отъ преосвященныхъ, — преосвященные вліяли на духовенство, отъ того духовенство вліяло на приходы и пользовалось его уваженіемъ. По освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, печати нужно было возстановить духовенство противъ правительства, для этого было нужно уничтожить вліяніе духовенства на народъ, а для этого нужно было вывести духовенство изъ зависимости отъ преосвященныхъ; для всего же этого необходимо было, чтобы правительство приняло духовенство подъ свое покровительство, — улучшило матеріальный его бытъ и сдѣлало его, такимъ образомъ благодарнымъ къ себѣ. Слѣдовательно, еслибы правительство избавило духовенство отъ консисторскаго «произвола», то этимъ разорвало бы хорошія отношенія его къ прихожанамъ; улучшило его бытъ: прибавило жалованья, дало помѣщеніе и под. — духовенство подняло бы противъ правительства революцію. Облагодѣтельствованное правительствомъ, но оторванное отъ народа и своего ближайшаго начальства, оно неминуемо возстало бы на правительство и революція! Ни правительство и ни духовенство не поняли всей каверзы печати, и поддались ей: правительство запросило духовенство о средствахъ его содержанія и о томъ, что можно было бы сдѣлать къ улучшенію матеріальнаго его положенія; духовенство отвѣтило, но уменьшило свои доходы и увеличило расходы. Поэтому улучшеніе быта не состоялось. Обнадеженное, но неудовлетворенное въ своихъ ожиданіяхъ, духовенство готово теперь къ революціи. Да, скажемъ мы, страшное теперь случиться можетъ дѣло: бросятся поповъ 10 съ пономарями,—и перебьютъ (кадилами?) всѣхъ: и гражданъ, и войско, и всѣхъ кто попадетъ подъ руки,—пропала Россія! Поняли вы, читатель, всю эту нелѣпицу? Нѣтъ? Не поняли ея и мы. Такая путаница недюжинная, а скажемъ словами г. Елагина, «колоссальная», потому что она происходитъ отъ «колоссальной неумѣренности желаній» духовенству зла. Въ своемъ ослѣ-

плени онъ самъ не помнитъ и не понимаетъ, что говорить онъ. Онъ говоритъ, лишь бы очернить духовенство и отвлечь правительство отъ оказанія ему пособія. Въ такомъ усердіи онъ до того пересаливаетъ, что теряется охота читать его книгу. Каверзы печати не разгадалъ никто — ни правительство, ни духовенство, — никто, одного только г. Елагина Богъ наградилъ такимъ тонкимъ чутьемъ,—одинъ только онъ разгадалъ,—да ужъ и разгадалъ!.. Какъ «на бобахъ развелъ», всю подноготную наружу вывелъ! Да, кто ни брался разбирать его книгу, никто, кромѣ г. Старова, не имѣлъ терпѣнія довести своей критики до конца,—путаница отбивала всякую охоту.

Сельскій Священникъ.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Я. А. СОЛОВЬЕВА О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ДѢЛѢ.

ГЛАВА ПЯТАЯ ¹⁾

Лѣто 1858 года въ Петербургѣ и губерніяхъ.

I.

Образованіе комисіи при Главномъ Комитетѣ для разсмотрѣнія проектовъ губернскихъ комитетовъ.—Постановленіе о вызовѣ двухъ членовъ отъ каждаго комитета для представленія правительству нужныхъ объясненій.—Отъѣздъ изъ Петербурга членовъ Главнаго Комитета.

Окончивъ рѣчь о генераль-губернаторахъ, возвращаюсь назадъ къ лѣту 1858 года. По указаніямъ реакціонной партіи были утверждена программа занятій губернскихъ комитетовъ и одобрены начала уѣзднаго и волостнаго управленія, а также состоялось высочайшее повелѣніе о временныхъ генераль-губернаторахъ. Ободренная такимъ успѣхомъ партія эта не желала выпустить дѣль изъ своихъ рукъ и захотѣла облечь въ форму постоянного учрежденія то, что состоялось случайно. Она вознамѣрилась бывшія у Ланскаго вечернія совѣщательныя собранія о программѣ и началахъ уѣзднаго управленія обратить въ постоянную опеку надъ Ланскимъ, который выставлялся предъ государемъ какъ человѣкъ слабохарактерный, подверженный всѣмъ возможнымъ вреднымъ вліяніямъ.

Вслѣдствіе сего, состоялось высочайшее повелѣніе ²⁾: „для

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVII, февраль, стр. 319—362; изд. 1881 г., томъ XXX, мартъ, стр. 211—264; апрѣль, стр. 721—756; томъ XXXI, май, стр. 1—32; изд. 1882 г., томъ XXXIII, январь, стр. 227—258.

²⁾ Положеніе Главнаго Комитета, утвержденное 15 іюля 1858 г.

предварительнаго разсмотрѣнія поступающихъ изъ губернскихъ комитетовъ проектовъ положеній объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, образовать при Главномъ Комитетѣ особую комисію“. По этому же высочайшему повелѣнію въ составъ этой комисіи вошли тѣ же самыя лица, которыя участвовали въ весеннихъ совѣщаніяхъ, т.-е. Ланской, графъ Панинъ, Муравьевъ и Ростовцовъ. Управление дѣлами возложено было на С. М. Жуковскаго, „подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и надзоромъ государственнаго секретаря“. Такимъ образомъ въ комисіи, которая учреждалась для разсмотрѣнія проектовъ крестьянскихъ положеній, единственнымъ представителемъ министерства внутреннихъ дѣлъ былъ самъ министръ; а все веденіе и производство дѣлъ сосредоточивались въ государственной канцеляріи. Левшинъ вовсе былъ устраненъ; онъ ропталъ на то, что его не пускали въ главный комитетъ; исключеніе его изъ комисіи для него еще болѣе было обидно. О моемъ участіи въ дѣлопроизводствѣ, что допущено было потомъ, въ то время не могло быть и рѣчи.

Всѣмъ этимъ устройствомъ дѣла орудовалъ Ростовцовъ при сильномъ содѣйствіи Буткова; оба они въ то время ¹⁾ принадлежали къ реакціонной партіи. Но, кажется, кромѣ дѣла, тутъ примѣшивались личные виды обоихъ этихъ лицъ; по слухамъ, тогда ходившимъ въ обществѣ, оба они хотѣли занять мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ. Въ такомъ случаѣ ихъ личный интересъ состоялъ въ томъ, чтобы доказывать неспособность министра и его товарища. Если опубликованныя недавно оправданія Ростовцова въ этомъ обвиненіи искренни, то онъ сочувствовалъ Буткову въ его домогательствѣ министерскаго портфѣля.

Тѣмъ же положеніемъ Главнаго Комитета 15 іюля 1858 года предоставлялось каждому губернскому комитету избрать и прислать въ Петербургъ двухъ членовъ „для представленія правительству всѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть при окончательномъ разсмотрѣніи губернскихъ проектовъ“. Комисіи при главномъ комитетѣ, также какъ и сему послѣднему, предоставлялось право приглашать въ свои засѣданія членовъ, которые будутъ избраны губернскими комитетами.

¹⁾ Послѣ этихъ словъ въ подлинникѣ зачеркнуто: „душой и всѣми мышленіями...“

Такимъ образомъ (въ подлинникѣ послѣ этихъ словъ зачеркнуто: „упрочивалась опека надъ Ланскимъ и“...) обезпечивался ходъ дѣла въ извѣстномъ направленіи. Реакціонная партія вполне была убѣждена, что она въ членахъ губернскихъ комитетахъ, которые пріѣдутъ въ Петербургъ, найдетъ себѣ неизмѣнныхъ и единодушныхъ союзниковъ ¹⁾. Она вправѣ была ожидать этого; въ то время невозможно было предполагать, чтобы большинство въ комитетахъ выбрало людей, вполне сочувствующихъ освобожденію крестьянъ и притомъ съ землей; не было никакого повода думать, чтобы меньшинство, образовавшееся потомъ почти въ каждомъ комитетѣ и стоявшее за освобожденіе крестьянъ съ землей ²⁾, взяло верхъ и изъ меньшинства сдѣлалось большинствомъ. Для полнаго обезпеченія успѣха представители охранительной партіи всѣми зависящими отъ нихъ средствами старались доказать, что всѣ люди,—къ какому классу они не принадлежали бы,—которые выдаютъ себя за поборниковъ крестьянскаго дѣла, ни о чемъ болѣе не думаютъ какъ о ниспроверженіи сначала дворянства, а потомъ правительства, словомъ мечтаютъ о революціи и демократической республикѣ ³⁾.

¹⁾ Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Впослѣдствіи мы увидимъ, что депутаты раздѣлились на группы самыхъ разнообразныхъ мнѣній и многие изъ нихъ вовсе не желали того, чего желали петербургскіе защитники помещичьихъ интересовъ“.

Х. С.

²⁾ Послѣ этихъ словъ въ подлинникѣ зачеркнуто: „получило силу и пришло къ правительственной прогрессивной партіи“.

³⁾ Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Выше не одинъ разъ было упомянуто о Земскомъ отдѣлѣ; упомянуто было также, что онъ составлялъ часть центрального статистическаго комитета, почему онъ получилъ названіе „отдѣла“; другой части присвоено было наименованіе „статистическаго отдѣла“. Происхожденіе этого учрежденія объясняется слѣдующими обстоятельствами. По занятіи должности товарища министра, А. И. Левшинъ получилъ въ свое непосредственное завѣдываніе бывшее до того времени при министерствѣ статистическое отдѣленіе. При появленіи крестьянскаго вопроса всѣ предварительныя работы министр поручалъ своему товарищу, не приурочивая ихъ ни къ одному изъ департаментовъ министерства. Отсюда родилась у Левшина мысль устроить для непосредственнаго своего завѣдыванія особое учрежденіе: для статистическихъ работъ и „для предварительнаго обсужденія и обработки всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся земско-хозяйственнаго устройства въ Имперіи“. Оба отдѣла имѣли единственную связь въ общемъ имъ обоимъ предсѣдателѣ; но каждый изъ нихъ имѣлъ особое коллегіальное присутствіе, которое для Земскаго Отдѣла состояло изъ предсѣдателя—това-

Послѣ ряда высочайшихъ повелѣній, въ реакціонномъ направленіи состоявшихся весной и въ началѣ лѣта 1858 года, наступило глухое время перерыва законодательныхъ работъ. Главный Комитетъ, какъ и впослѣдствіи, хотя не закрывалъ своихъ засѣданій, но занимался исключительно разсмотрѣніемъ представленій министерства внутреннихъ дѣлъ по текущимъ дѣламъ. Главные охранительные дѣятели одни раньше, другіе позже уѣхали изъ Петербурга. Ростовцовъ за границу, Муравьевъ въ губерніи, Бутковъ тоже уѣхалъ въ Москву и въ Нижній-Новгородъ на короткое время ¹⁾. Ростовцовъ отправился за границу для поправле-

рища министра и трехъ членовъ, изъ которыхъ одинъ, — „непремѣнный“, долженъ былъ „завѣдывать всѣмъ ходомъ дѣлъ и перепиской“. Директоры департаментовъ могли участвовать въ засѣданіяхъ земскаго отдѣла не иначе, какъ по особому каждый приглашенію. Представленіе въ Государственный Совѣтъ объ учрежденіи центрального статистическаго комитета было сдѣлано осенью 1857 года до выхода перваго рескрипта. По этому представленію, какъ было упомянуто выше, Земскій Отдѣлъ учреждался „для предварительнаго обсужденія и обработки всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся земско-хозяйственнаго устройства въ Имперіи“. Не смотря на то, что штатъ Земскаго Отдѣла разсматривался въ Государственномъ Совѣтѣ тогда, когда послѣдовало уже разрѣшеніе на открытіе въ нѣсколькихъ губерніяхъ особыхъ комитетовъ „по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ“, туманное опредѣленіе основной (?) цѣли новаго учрежденія не было исправлено. Штатъ Земскаго Отдѣла былъ утвержденъ 4 марта 1858 года и опубликованъ 27 того же мѣсяца. Я былъ утвержденъ не премѣннымъ членомъ 31 марта; а вслѣдъ за мной дѣлопроизводитель и секретарь отдѣла. Въ этомъ составѣ Земскій Отдѣлъ на дѣлѣ существовалъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ и производилъ дѣла по общему департаментскому порядку остальныхъ частей министерства, не встрѣчая никакой помехи въ проектированномъ штатомъ коллегіальномъ присутствіи. Поэтому сіе послѣднее не только не собиралось, но даже не было образовано Съ выходомъ рескриптовъ крестьянское дѣло перешло изъ области гадательныхъ предположеній въ сферу полной дѣйствительности. Надо было привести въ исполненіе постановленія главнаго комитета, изъ которыхъ наиболѣе важныя предварительно обсуждались въ особыхъ совѣщаніяхъ трехъ министровъ и генераль-адъютанта Ростовцова, которыя въ половинѣ 1858 года обратились въ постоянную при Главномъ Комитетѣ комиссію. О коллегіальномъ присутствіи Земскаго Отдѣла какъ бы забыли и вспомнили не прежде конца 1858 года; въ своемъ мѣстѣ я упомяну какъ объ образованіи присутствія Земскаго Отдѣла, такъ и о кратковременной его дѣятельности“. Я. С.

¹⁾ Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „они уѣхали: частію для подкрѣпленія силъ, частію для собранія свѣдѣній, готовясь на предстоящую борьбу во время законодательныхъ работъ зимой. Но какъ тѣ, которые уѣхали, такъ и тѣ, которыя остались, торжествовали побѣду и нисколько не сомнѣвались въ успѣхѣ ихъ плановъ“.

Я. С.

нія здоровья и для приготовленія себя къ земскимъ работамъ по крестьянскому дѣлу. Муравьевъ и Бутковъ, оба необыкновенно болтливые, въ разговорахъ съ помѣщиками позволяли себѣ чуть не явную пропаганду мыслей, направленныхъ противъ предпринятой правительствомъ реформы. Главная ихъ цѣль состояла внушить помѣщикамъ, что нѣтъ никакой надобности торопиться дѣломъ, съ тѣмъ, чтобы замедленіемъ дѣла, выиграть время, необходимое для осуществленій плановъ партіи, противной освобожденію крестьянъ. Вообще какъ уѣхавшіе, такъ и оставшіеся въ Петербургѣ члены большинства главнаго комитета торжествовали побѣду и нисколько не сомнѣвались въ успѣхѣ ихъ предположеній.

Время было тяжелое; надежды на благопріятный исходъ дѣла было мало.

Государь оставлялъ Петербургъ въ теченіи лѣта 1858 года два раза. Въ первый разъ въ іюнѣ, на короткій срокъ, а потомъ въ первой половинѣ августа на болѣе продолжительное время. Примиреніе Государя съ С. С. Ланскимъ, послѣ неудовольствія по поводу записки министра о временныхъ генераль-губернаторахъ, произошло наканунѣ или въ день втораго царскаго отъѣзда, когда Государь, вмѣстѣ съ Императрицей, пріѣхалъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, съ тѣмъ чтобы отсюда прямо отправиться по Николаевской желѣзной дорогѣ во внутреннія губерніи.

Еще прежде Государя уѣхалъ за границу на продолжительное время Великій Князь Константинъ Николаевичъ, — одинъ изъ ревностныхъ защитниковъ освобожденія крестьянъ. Сторонники крѣпостнаго права успѣли охладить отношенія Государя къ Великому Князю и уменьшить довѣріе къ его мнѣніямъ. Уѣзжая за границу, онъ (Великій Князь) сказалъ Ланскому, упоминая объ образованной при Главномъ Комитетѣ особой комисіи:

— Ну, Сергѣй Степановичъ, на этой тройкѣ (Панинъ, Муравьевъ и Ростовцовъ) вы далеко не уѣдете.

II.

Поѣздка А. И. Левшина по губерніямъ.—Я остаюсь единственнымъ сотрудникомъ С. С. Ланскаго въ крестьянскомъ дѣлѣ.—Мое прошедшее.

А. И. Левшинъ былъ командированъ по высочайшему повелѣнію въ губерніи для поправленія хода дѣла на мѣстахъ. О послѣдствіяхъ его поѣздки я буду говорить потомъ. За его отъѣздомъ, я остался единственнымъ сотрудникомъ С. С. Ланскаго по крестьянскому дѣлу. Но прежде чѣмъ я начну разсказъ о дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ по земскому отдѣлу въ это время, я по неволѣ долженъ сказать нѣсколько словъ о себѣ, чтобы разяснить на сколько моя предварительная подготовка къ дѣлу, мои личныя отношенія къ людямъ и къ обществу и мое положеніе въ министерствѣ могли быть полезны крестьянскому дѣлу. Конечно, не мнѣ судить о томъ: въ какой степени я сумѣлъ, устраняя препятствія, пользоваться благопріятными для дѣла обстоятельствами.

Дѣтство я провелъ въ деревнѣ среди помѣщичьго быта. Самыя мои любимыя дѣтскія прогулки были лѣтомъ въ полѣ, а осенью и зимой на гумнѣ, т. е. туда, гдѣ производились сельскія работы. По выходѣ изъ Петербургскаго университета (въ 1841 г.) я два года жилъ въ деревнѣ, наблюдая среднее помѣщичье хозяйство въ имѣніяхъ моихъ родныхъ и отчасти хозяйничая: сначала въ симбирскомъ имѣніи моей матери, а потомъ въ собственной моей самарской деревнѣ. Затѣмъ я началъ службу въ министерствѣ государственныхъ имуществъ по кадастру: сначала чиновникомъ въ Воронежской губерніи, потомъ здѣсь въ Петербургѣ помощникомъ правителя дѣлъ центральной кадастровой комисіи, послѣ того членомъ Московской губернской комисіи и наконецъ начальникомъ кадастровыхъ работъ въ трехъ губерніяхъ: Смоленской, Владимірской и Самарской. Вся служба моя по кадастру продолжалась немного менѣе 15-ти лѣтъ. Во время моего пребыванія въ губерніяхъ, по службѣ я былъ хорошо знакомъ съ весьма многими помѣщиками, а разъѣзжая по уѣздамъ, зналъ почти всѣхъ, если не лично, то по слухамъ.

Пробывъ въ Воронежской губерніи два лѣта и зиму (1843—1844 гг.), я вполне освоился съ сущностію и характеромъ када-

стровыхъ работъ. По прибытіи въ Петербургъ, на меня возложено было дѣлопроизводство въ образованной изъ высшихъ кадастровыхъ чиновъ особой комисіи для составленія инструкціи по этому предмету. Послѣ одного или двухъ засѣданій, проведенныхъ въ общихъ разсужденіяхъ, не оставившихъ никакихъ послѣдствій, я приступилъ прямо къ составленію проекта инструкціи, который по порядку параграфовъ докладывалъ въ комисіи, приготовляя ихъ постепенно отъ одного засѣданія къ другому. Предсѣдатель комисіи (А. П. Заблоцкій), въ первое время спрашивалъ меня откуда я заимствовалъ тотъ или другой параграфъ, я ему отвѣчалъ: „изъ моихъ собственныхъ наблюденій“. Потомъ онъ уже меня болѣе не спрашивалъ и поддерживалъ меня въ проведеніи одного параграфа за другимъ. Инструкція, такимъ образомъ составленная, быстро прошла въ комисіи, была утверждена министромъ и дана въ руководство кадастровымъ чиновникамъ.

Четырехлѣтняя моя служба (1844—1848) въ Петербургѣ въ центральномъ кадастровомъ управленіи дала мнѣ средства изучить какъ хозяйственныя условія разныхъ губерній по работамъ всѣхъ комисій, такъ и недостатки принятой системы оцѣнокъ.

Все это было мною изложено въ нѣсколькихъ запискахъ, представленныхъ директору департамента сельскаго хозяйства, (А. И. Левшину).

Изъ этихъ записокъ особенно была полна о движеніи хлѣбной торговли и среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ. Она была напечатана и разослана въ комисіи.

Бывши членомъ Московской кадастровой комисіи и завѣдывавши работами въ Московскомъ уѣздѣ (1848—1849), я имѣлъ возможность изучить всѣ промышленныя занятія крестьянъ Московской губерніи, потому что всѣ крестьяне, которые встрѣчались въ то время въ Московской губерніи, шли отъ Москвы какъ изъ центра радіусамп.

Въ то же время я могъ опредѣлить отношеніе кустарной промышленности къ земледѣльческимъ занятіямъ подстоличныхъ жителей. Я представилъ предсѣдателю комисіи сельско-промышленное описаніе Московскаго уѣзда.

Въ трехъ губерніяхъ: Смоленской (1850—53), Владимірской (1853—56) и Самарской (1856—57), въ которыхъ я былъ начальникомъ кадастровыхъ работъ, я начиналъ мои занятія объ-

ѣздомъ волостей государственныхъ крестьянъ. По окончаніи объѣзда, я излагалъ въ особомъ „Обзорѣ“ хозяйственныя и промышленныя условія губерніи, какъ основанія будущихъ кадастровыхъ работъ. Обзоры эти представлялись мною въ министерство и два послѣдніе изъ нихъ (Владимірской и Самарской губерній) были напечатаны въ „Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ“ въ 1854 и 1857 годахъ.

Составленная мной „Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи“ (Москва, 1855 г.) была напечатана на казенный счетъ и удостоилась двухъ премій: отъ академіи наукъ и географическаго общества.

Описанія Владимірской губерніи я не успѣлъ окончить, вслѣдствіе перехода моего къ другимъ занятіямъ: сначала по поѣздкѣ съ М. Н. Муравьевымъ, а потомъ по службѣ крестьянскому дѣлу. Но введеніе къ этому труду было мною напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ“. 1857 года, подъ названіемъ, если память мнѣ не измѣняетъ: „Памятники и преданія Владимірской губерніи“. Историческая часть была совершенно готова и переписана; она была въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ, которыя интересовались моимъ трудомъ, и гдѣ-то пропала такъ, что я не могу отыскать ее. Черновой рукописи у меня не осталось. Статистическіе же матеріалы въ неразработанномъ видѣ помѣщены частію въ особомъ изданіи министерства государственныхъ имуществъ „Хозяйственно-статистическіе матеріалы“, частію, если я не ошибаюсь, въ одномъ изъ изданій географическаго общества въ концѣ пятидесятихъ или въ началѣ шестидесятихъ годовъ.

Но, кромѣ этихъ учено-литературныхъ трудовъ, которые были послѣдствіями моей служебной дѣятельности, начиная съ 1846 года, помѣщались статьи въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Кромѣ моей полемики съ Ивановымъ въ „Экономическомъ указателѣ“ 1857 г. и ряда статей „О поземельномъ владѣніи въ Россіи“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1858 г., о чемъ было уже упомянуто выше; здѣсь я укажу только на нѣкоторыя: „Объ оброчныхъ работникахъ и единицъ хозяйственныхъ счетовъ“—въ „Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ“ 1847 года; „Объ однодворцахъ“—въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1849 или 1850 г., и о полемикѣ съ покойнымъ В. И. Далемъ о грамотности между крестьянами въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“

1857 года; онъ писалъ противъ распространенія грамотности, я ему возражалъ.

Статья объ однодворцахъ касалась преимущественно историческаго происхожденія этого класса сельскихъ обывателей. Въ статьѣ же объ оброчныхъ работникахъ, я первый разъ печатно высказался противъ крѣпостнаго права, на столько на сколько это было возможно въ 1847 году. Это было изобличеніе одного сельско-хозяйственнаго писателя изъ степныхъ помѣщиковъ, который въ двухъ журнальныхъ статьяхъ лицемѣрно доказывалъ, что онъ открылъ секретъ крѣпостныхъ работниковъ обратить какъ бы въ вольно-наемныхъ. Изобличивъ это, я обрисовалъ распредѣленіе работъ въ хорошо устроенныхъ помѣщичьихъ хозяйствахъ, и затѣмъ присовокупилъ:

„Вотъ каковъ идеаль хорошо устроеннаго помѣщичьяго имѣнія. Но крестьянину остается только одно опасеніе; но опасеніе очень важное, которое въ состояніи парализировать его стремленія къ увеличенію богатства и такимъ образомъ уничтожить всѣ выгоды, о которыхъ мы сказали выше; опасеніе это заключается въ томъ, что съ перемѣной помѣщика можетъ уничтожиться правильный порядокъ, введенный обычаемъ и разумѣтся сознаниемъ обоюдныхъ выгодъ владѣльца и крестьянина, но не имѣющій прочнаго основанія“.

Въ мѣстахъ, исключенныхъ цензурою, къ сожалѣнію у меня не сохранившихся, я гораздо сильнѣе выражался противъ крѣпостнаго права; между прочимъ я доказывалъ, что при крѣпостномъ правѣ не были свободны не только крестьяне, но и сами помѣщики, которыхъ крѣпостное противодѣйствіе и несовершенство работъ связывало при всякомъ начинаніи какого либо улучшенія въ хозяйствѣ. Спустя десять лѣтъ, именно въ 1857 году, наканунѣ общаго движенія по крестьянскому вопросу, можно было гораздо свободнѣе высказываться за освобожденіе крестьянъ: я воспользовался этимъ въ моей полемикѣ съ Ивановымъ. Онъ, возражая мнѣ, между прочимъ писалъ, что въ установленіи крѣпостнаго права виновны не помѣщики, а историческое развитіе всего законодательства, которое постепенно устроило крѣпостныя отношенія между крестьянами и землевладѣльцами, вкоренившіяся въ обычаи народа. „Измѣнить ихъ дѣло правительства“, но и для него встрѣтятся затрудненія; согласіе же землевладѣль-

певъ въ этомъ дѣлѣ „безсильно“. Далѣе Ивановъ выражалъ, отъ лица „благомыслящихъ помѣщиковъ“, желаніе измѣненія этихъ отношеній, вмѣстѣ съ опасеніями неизвѣстнаго будущаго.

Отвѣтъ мой состоялъ въ слѣдующемъ: „Никто не будетъ спорить противъ того, что настоящія крестьянскія отношенія образовались исторически; но исторія же требуетъ измѣненія этихъ отношеній, когда онѣ исполнили свое историческое значеніе. Мы не понимаемъ выраженія „вкоренились въ обычаи народа“. Какъ можетъ вкорениться то, что съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе признается неправильнымъ и препятствующимъ нравственному и матеріальному развитію народа. Если подъ этимъ нужно разумѣть одну трудность дѣла, то тѣмъ менѣе можно ограничиваться однѣми только желаніями, трусливыми опасеніями потрясеній и болѣе чѣмъ скромнымъ сознаніемъ своего безсилія. Все это не облегчаетъ, а затрудняетъ рѣшенія дѣйствительно весьма сложнаго вопроса. Конечно, при такомъ направленіи, это рѣшеніе дѣлается еще болѣе труднымъ для правительства, которому, вмѣсто горячаго сочувствія къ общему патріотическому дѣлу, представляютъ сознаніе своего безсилія и опасеніе потрясеній... Горько было бы думать, что, для каждаго шага впередъ, Россія постоянно будетъ нуждаться въ такихъ энергическихъ поудительныхъ мѣрахъ, какія принималъ Петръ Великій...“.

„Но къ счастью настоящее положеніе не таково. Мы постоянно слышимъ и видимъ и въ отдѣльныхъ фактахъ, чему служатъ доказательствомъ приведенныя самимъ г. Ивановымъ улучшенія въ его имѣніи, и въ мѣрахъ, представленныхъ дворянскими собраніями разныхъ губерній, и въ возникающемъ общемъ направленіи, что сословіе землевладѣльцевъ не можетъ уже ограничиться однѣми желаніями и опасеніями. Развѣ это не большой шагъ впередъ, если вспомнить, что еще такъ недавно нельзя было даже заикнуться о возможности измѣненій крестьянскихъ отношеній подъ опасеніемъ прослыть чловѣкомъ неблагомыслящимъ. Отношенія эти признавались нормальными, ими гордились, и серьезно надѣялись на распространеніе ихъ на остальные сельскія сословія“.

„Но если настоящее направленіе лучше прошедшаго, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы нельзя было бы желать еще лучшаго. Постоянное движеніе впередъ должно быть девизомъ всякаго народа, который хочетъ жить и имѣть свою самостоятельную исто-

рію. Костность ведетъ за собой разложеніе, чего конечно не желаетъ ни одинъ русскій“.

Въ шести статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1858 года,—„О поземельномъ владѣніи въ Россіи“ я явился защитникомъ освобожденія крестьянъ съ землей. Первая моя статья была написана до выхода рескриптовъ, но помѣщена въ январьской книжкѣ названнаго журнала, слѣдовательно послѣ появленія первыхъ двухъ рескриптовъ; а послѣдняя статья въ сентябрьской книжкѣ, слѣдовательно всѣ онѣ показывались въ печати въ неблагопріятное для крестьянскаго вопроса время, въ цензурномъ отношеніи, также какъ и во всемъ остальномъ. Этотъ трудъ былъ начатъ мной по поводу возникшей въ нашей журналистикѣ въ 1857 году полемики объ общинномъ владѣніи. Противники общиннаго владѣнія противопоставляли ему: одни—личную мелкую поземельную собственность; другіе фермерское хозяйство, ссылаясь на наши прибалтійскія губерніи и Англію. Слѣдовательно эти послѣдніе защищали крупную поземельную собственность. Такимъ образомъ вопросъ самъ собой сводился на освобожденіе крестьянъ съ землей или безъ земли.

Чтобъ обрисовать характеръ моего взгляда на крестьянское дѣло въ то время, я сдѣлаю нѣсколько выписовъ изъ моихъ статей.

Изложивъ пагубный для государства ходъ крестьянскаго дѣла въ прежней Польшѣ, я прибавилъ:

„Въ 1795 году Польша пала и своимъ паденіемъ обязана дворянству, точно также какъ во Франціи это же сословіе было причиной революціи. Въ той и другой странѣ никто болѣе не пострадалъ отъ этихъ государственныхъ катастрофъ, какъ само же дворянство; оно само себя принесло въ очистительную жертву за свое легкомысліе, упрямство и недалновидность. Дворянство въ этомъ случаѣ было похоже на опаснаго, но слабодушнаго больного, который въ свѣтлыя минуты сознаетъ необходимость операціи, но каждый разъ, при видѣ хирургическихъ инструментовъ, откладываетъ операцію, утѣшая себя мыслию, что еще рано, болѣзнь не такъ еще опасна, чтобы рѣшиться на послѣднее средство; до времени можно еще прибѣгнуть къ микстурамъ и примочкамъ, но болѣзнь развивается все болѣе и болѣе, зараза проникаетъ во весь организмъ и операція уже не поможетъ: больной умираетъ, проклиная свою нерѣшительность. Такъ было съ дво-

рянствомъ во Франціи и въ Польшѣ. Счастливы тѣ государства, гдѣ въ эпоху жизненныхъ государственныхъ переворотовъ правительство до того сильно, что свое могущество можетъ противопоставить пагубнымъ притязаніямъ дворянства. Такъ было въ Пруссіи. Еще болѣе счастлива та страна, гдѣ само дворянство понимаетъ свое положеніе и настоящія свои выгоды, и идетъ объ руку съ правительствомъ въ дѣлѣ преобразованій, спасительныхъ болѣе для самаго дворянства, чѣмъ для народа. Кровавый періодъ пройдетъ, народъ пойдетъ далѣе по пути усовершенствованія, а дворянство, если не погибнетъ, то потеряетъ много и матеріальныхъ выгодъ, и нравственнаго значенія. Ни одно дворянство лучше англійскаго не понимало своего положенія и своего значенія. Будемъ уповать на Провидѣніе, что грядущая исторія нашего отечества покажетъ, что есть правительство и дворянство, которыя не уступятъ въ этомъ отношеніи ни прусскому правительству, ни англійскому дворянству“.

Въ послѣдней моей шестой статьѣ, дѣлая окончательный выводъ и заключеніе изъ предыдущаго изложенія, я поставилъ нѣсколько вопросовъ. Отвѣчая на эти вопросы, я совершенно отвергалъ систему фермерства, а общинное владѣніе признавалъ за переходную форму, которая тѣмъ или другимъ путемъ должна перейти въ личную поземельную собственность.

Между вопросами, о которыхъ я сейчасъ упомянулъ, между прочимъ былъ слѣдующій: „какого способа землевладѣнія держаться при предстоящемъ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ?“ Вотъ что я отвѣчалъ на этотъ вопросъ:

„Способа, указаннаго высочайшими рескриптами; не изыскивать средствъ уклоняться отъ указанныхъ началъ, а стараться прежде всего обезпечить прочную осѣдлость крестьянъ предоставленіемъ имъ усадебныхъ земель въ собственность, съ предоставленіемъ въ то же время каждому отдѣльному домохозяину въ потомственное владѣніе земли, на которой онъ живетъ... Затѣмъ отвести большее или меньшее количество земли сначала въ общественное пользованіе. Въ этомъ случаѣ, мы полагаемъ, что всего удобнѣе держаться настоящихъ надѣловъ, съ отступленіями отъ нихъ въ извѣстныхъ только случаяхъ. Впослѣдствіи или въ то же время предоставить крестьянину пріобрѣтать слѣдующую ему часть въ общинной землѣ въ собствен-

ность, съ отводомъ къ одному мѣсту“. Нѣсколько далѣе, я продолжалъ: „изъ предъидущаго изложенія и изъ многочисленныхъ примѣровъ, которые мы привели, можно видѣть, что въ такомъ государствѣ, какъ Россія, исключительно дробной собственности существовать не можетъ; а исключительное распредѣленіе всей массы поземельной собственности между казной и крупными землевладѣльцами можетъ привести къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Слѣдовательно дробное личное владѣніе должно существовать рядомъ съ крупной собственностію“... Потомъ я привелъ статистическія данныя изъ кадастровыхъ работъ по Владимірской губерніи, изъ которыхъ оказывалось, что, не смотря на сильное промышленное развитіе, главный доходъ владимірскихъ государственныхъ крестьянъ заключается въ земледѣльческихъ произведеніяхъ. Опершись на эти данныя, я, между прочимъ, сказалъ: „Вотъ почему мы такъ сильно боимся не только совершенной безземельности, но и чрезмѣрно малаго надѣла крестьянъ землей. А въ послѣднемъ случаѣ, по моему мнѣнію, обѣдненіе крестьянъ будетъ неизбежно... Но при этомъ, повторяемъ еще разъ, нельзя обольщать себя мыслию, что мы совершенно избѣгнемъ безземельности... Но надо всѣми средствами стараться двинуть впередъ развитіе народнаго богатства, останавливать чрезмѣрное распространеніе безземельности. Думаемъ, что посредствомъ развитія личнаго землевладѣнія, безъ прекращенія общиннаго пользованія землями, можно будетъ достигнуть этой двойной цѣли. Для избѣжанія недоразумѣній, здѣсь слѣдуетъ прибавить, что общинное владѣніе мы не смѣшиваемъ съ общиннымъ устройствомъ самихъ крестьянъ: послѣднее можетъ быть безъ перваго“....

Въ самомъ концѣ послѣдней статьи „о поземельномъ владѣніи“ я самъ указалъ на несовершенство моего труда, и тутъ же присовокупилъ: „можетъ быть мы ошибаемся, но думаемъ, что трудъ нашъ и въ настоящемъ его видѣ не будетъ совершенно бесполезенъ... Во всякомъ случаѣ, у насъ была единственная цѣль помочь, сколько позволяютъ наши силы, патриотическому дѣлу правительства и всѣхъ сословій: спокойному и правильному развитію общаго благосостоянія, съ соблюденіемъ истинныхъ интересовъ cadaго сословія и cadaго отдѣльнаго лица“.

Излагая факты и данныя и дѣлая собственные свои выводы и заключенія, я ничего не сказалъ о выкупѣ всей земли, по весьма

простой причинѣ, потому что тогдашними цензурными правилами, какъ я упомянулъ выше, вовсе запрещено было писать о выкупѣ. Впрочемъ и въ такомъ случаѣ, были бы инныя комбинаціи, но выводы были бы тѣ же, т. е. предоставленіе крестьянамъ всей находившейся въ ихъ пользованіи земли въ собственность, съ открытіемъ возможности выхода изъ общества съ причитающеюся частью общиннаго надѣла.

Мои литературные труды, въ особенности успѣхъ „Статистики Смоленской губерніи“, выдвигали меня нѣсколько изъ ряда обыкновенныхъ чиновниковъ. Этому также способствовало то обстоятельство, что я въ это время былъ уже дѣйствительнымъ членомъ географическаго общества и трехъ обществъ сельскаго хозяйства (Юрьевскаго, Московскаго и вольно-экономическаго), а также членомъ-корреспондентомъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ. Мое небольшое родовое имѣніе, увеличивая мои матеріальныя средства, давало мнѣ въ то же время нѣкоторую самостоятельность.

Что касается до положенія моего въ обществѣ и до моихъ связей, то я долженъ сказать отдѣльно о моихъ отношеніяхъ: въ губерніяхъ, въ которыхъ я былъ по службѣ, и въ Петербургѣ. Во всѣхъ трехъ губернскихъ городахъ (Смоленскѣ, Владимірѣ и Самарѣ) я былъ знакомъ со всѣмъ губернскимъ обществомъ и со многими помѣщиками; а съ лицами, составлявшими интеллигентныя кружки въ этихъ губерніяхъ, я былъ въ самыхъ лучшихъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Губернскія мои знакомства значительно увеличились при поѣздкѣ моей съ М. Н. Муравьевымъ по десяти губерніямъ. Мои служебныя занятія не затрогивали ни чьихъ интересовъ, и потому у меня не только не было враговъ, но, напротивъ, весьма много людей, расположенныхъ ко мнѣ. Всѣ мои петербургскія знакомства приобрѣтены были университетскимъ товариществомъ, службой въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и моимъ сотрудничествомъ въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ; но я въ теченіи почти десяти лѣтъ не жилъ въ Петербургѣ постоянно и потому хотя и зналъ нѣсколько отдѣльныхъ личностей, однако не принадлежалъ вполне къ вліятельнымъ кружкамъ, какъ литературнымъ, такъ и административной интеллигенціи. Словомъ, всѣ мои связи были личныя, мной самимъ приобрѣтенныя; но изъ всѣхъ этихъ связей не было ни одной, опи-

раясь на которую могъ бы рассчитывать на какую либо личную протекцію помимо служебныхъ отношеній.

Вотъ въ краткомъ очеркѣ мое прошедшее до поступления моего на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ по крестьянскому дѣлу.

Лицо, съ которымъ я долженъ былъ имѣть непосредственныя служебныя сношенія, былъ предсѣдатель земскаго отдѣла и товарищъ министра Л. И. Левшинъ. Мои отношенія къ нему въ министерствѣ государственныхъ имуществъ были отношенія подчиненнаго къ начальнику, т. е. формальныя и холодныя. Таковы были его отношенія ко всѣмъ его подчиненнымъ; онъ никогда не вносилъ въ эти отношенія ничего искренняго, задушевнаго, никогда не увлекался и не допускалъ увлеченій. Онъ постоянно былъ учтивъ и вѣжливъ; но постоянно холоденъ. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ я болѣе приблизился къ нему; поэтому отношенія мои къ нему сдѣлались свободнѣе, но въ сущности также холодны какъ и прежде. Во взглядѣ на дѣло, мы оба были согласны въ томъ, что оно не такъ идетъ, какъ бы слѣдовало, но въ вопросѣ ¹⁾ о коренныхъ началахъ будущаго устройства крестьянъ мы были разныхъ понятій, хотя онъ положительно не опровергалъ моего мнѣнія, но одобрить его вполне онъ не могъ. Кромѣ того, его служебныя неудовольствія на министра и Главный Комитетъ сдѣлали его равнодушнымъ къ дѣлу. Изъ этого выходило то, что онъ, не соглашаясь со мной въ какомъ либо случаѣ, но не противопоставляя моему мнѣнію своего ясно формулированнаго, предоставлялъ мнѣ докладывать министру дѣла такъ, какъ я ихъ понималъ, и во время моихъ докладовъ, при которыхъ онъ присутствовалъ, или дѣлалъ нерѣшительныя заключенія, или вовсе ничего не говорилъ. Такимъ образомъ, не устраняясь совсѣмъ отъ дѣла, онъ не препятствовалъ тому направленію, съ которымъ онъ не былъ согласенъ. Не смотря на все это, ничего враждебнаго въ нашихъ отношеніяхъ не было.

Чѣмъ болѣе Левшинъ по собственному своему желанію устранялся отъ дѣла, тѣмъ болѣе это обстоятельство сближало меня

¹⁾ Послѣ словъ: „но въ вопросѣ“ зачеркнуто: „о томъ, какъ бы должно было его вести (мы не сходились), онъ не давалъ (яснаго) положительнаго отвѣта“.

съ министромъ. Подозрѣнія его о моихъ отношеніяхъ къ Муравьеву, о чемъ я уже упоминалъ, отчасти разсѣялись моимъ личнымъ объясненіемъ, а главное—изложеніемъ моихъ мнѣній при докладахъ, такъ что во времени отъѣзда Левшина, я приобрѣлъ довѣріе Ланскаго, которое вполнѣ укрѣпилось въ теченіи лѣта 1858 года.

По крестьянскому дѣлу у него не было отъ меня секретовъ; онъ передавалъ мнѣ, что слышалъ отъ государя, что происходило въ главномъ комитетѣ, словомъ дѣлилъ со мной радости и горе. Послѣ Муравьева, служба съ С. С. Ланскимъ была для меня, по личнымъ отношеніямъ, особенно мила и пріятна. При докладахъ моихъ, онъ не только не умѣрялъ моего рвенія и рѣшимости, но напротивъ нерѣдко самъ усиливалъ представленія въ Главный Комитетъ и рѣшался на личные всеподданнѣйшіе доклады весьма важнаго содержанія. Но бѣда заключалась въ томъ, что, внеся какое либо представленіе, въ случаѣ несогласія съ нимъ его сочленовъ, онъ не могъ отстаивать своего мнѣнія и самъ отказывался отъ внесеннаго имъ представленія, тогда вина падала на меня: вполнѣ ответственность эту я раздѣлялъ съ Н. А. Милютинымъ, когда онъ сдѣлался товарищемъ министра.

Въ противоположномъ лагерѣ мои дѣйствія были уже замѣчены по поводу составленнаго мною проекта программы для губернскихъ комитетовъ. Мнѣніе о моей „неблагонадежности“ еще болѣе утвердилось съ появленіемъ моихъ послѣднихъ статей „О поземельномъ владѣніи въ Россіи“. Статьи мои были замѣчены. Моя энергическая защита крестьянской поземельной собственности, съ указаніемъ на примѣры пагубнаго ¹⁾ направленія дворянства въ Польшѣ и во Франціи, не понравилась представителямъ охранительной партіи, потому что они въ то время имѣли полную надежду на безземельное освобожденіе крестьянъ. Государственный секретарь Бутковъ, который былъ всегда самымъ вѣрнымъ и притомъ самымъ громкимъ отголоскомъ господствующаго въ высшихъ сферахъ направленія, началъ заявлять: что человеку, занимавшемуся по своей должности крестьянскимъ дѣломъ, неприлично печатно высказывать свои мнѣнія по этому предмету,

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: „Противодѣйствія со стороны дворянства“.

которыя могутъ быть несогласны съ правительственнымъ направлениемъ дѣла. Я защищался тѣмъ, что началъ писать статьи о поземельномъ владѣніи прежде, чѣмъ принялъ должность по крестьянскому дѣлу, а необходимость окончить разъ начатый трудъ вытекала изъ нравственнаго обязательства, принятаго авторомъ относительно редакціи журнала и публики.

Вотъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ можно судить насколько я могъ быть полезенъ для крестьянскаго дѣла, оставшись единственнымъ сотрудникомъ по этому дѣлу министра внутреннихъ дѣлъ, въ то время, когда на министерство внутреннихъ дѣлъ нападали со всѣхъ сторонъ ¹⁾. Несмотря на все это, ни С. С. Ланской, ободренный государемъ при его отъѣздѣ изъ Петербурга, ни земскій отдѣлъ не теряли присутствія духа и дѣлали для дѣла, что могли.

Бодрость эта имѣла въ своемъ основаніи не фанатическое прирастіе къ дѣлу, безъ всякой надежды на успѣхъ. Правда, какъ я замѣтилъ выше, надежды на благопріятный исходъ дѣла было мало, но положеніе крестьянскаго вопроса нельзя было назвать безнадежнымъ. Далеко не всѣ составныя части нашего общества (и государства) были противъ крестьянскаго вопроса ²⁾.

III.

Литература и журналистика. — Прогрессивная часть петербургской администраціи. — Препятствія и затрудненія, возбужденныя противниками освобожденія крестьянъ.

Въ предыдущихъ главахъ моего разсказа я не одинъ разъ имѣлъ уже случай указывать на тѣ общественные элементы въ столицахъ и губерніяхъ, которые не сочувствовали освобожденію крестьянъ ³⁾. Здѣсь у мѣста разсказать о движеніи въ литератур-

¹⁾ Послѣ этого зачеркнуто: „когда, какъ я выше упомянулъ, надежды на благопріятный исходъ крестьянскаго дѣла было мало“.

²⁾ Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Всѣ интеллигентные здоровые элементы были за него. Свѣжія силы были за него и прогрессивное разрѣшеніе поставленнаго на очередь вопроса“.

Я. С.

³⁾ Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Особенно подробно я разсказалъ о томъ благопріятномъ вліяніи на ходъ дѣла, которое оказали люди прогрессивнаго направленія при подачѣ адресовъ и выборѣ членовъ въ губернскіе

ныхъ сферахъ въ пользу крестьянскаго вопроса послѣ выхода рескриптовъ.

Представители литературы встрѣтили появленіе первыхъ рескриптовъ большимъ обѣдомъ, бывшимъ 28-го декабря 1857 года, въ Москвѣ, въ залахъ купеческаго собранія¹⁾. На обѣдѣ присутствовало до 180 человѣкъ; большинство состояло изъ литераторовъ. Самыя восторженныя рѣчи были произнесены Катковымъ, Станкевичемъ, Павловымъ (Н. Ф.), Погодинымъ, Бабстомъ, К. Д. Кавелинымъ, (который пріѣхалъ для этого изъ Петербурга) и Кокоревымъ. Большая часть изъ этихъ рѣчей оканчивалась тостами за здоровье Государя.

Можетъ быть никогда похвалы и пожеланія, провозглашаемыя подданными своему самодержавному государю, не были такъ искренни, безкорыстны и проникнуты теплымъ душевнымъ чувствомъ, какъ при настоящемъ случаѣ. Первая рѣчь оканчивалась, между прочимъ, словами: „Да почиетъ благословеніе Божіе на царѣ нашемъ и на всѣхъ его начинаніяхъ! Да царствуетъ онъ долго, и долго да будетъ источникомъ свѣта и блага для нашей родины!...“ Въ концѣ другой изъ произнесенныхъ рѣчей былъ провозглашенъ тостъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Про-

комитеты. Мипистерство внутреннихъ дѣлъ, дѣйствуя въ пользу дѣйствительнаго освобожденія крестьянъ, могло разсчитывать на благопріятное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, могло разсчитывать на сочувствіе и нравственную поддержку: литературы и журналистики, интеллигентной части петербургской администраціи и тѣхъ губернскихъ кружковъ дворянъ-помѣщиковъ, изъ которыхъ впоследствии образовались меньшинства въ губернскихъ комитетахъ. Голось, раздавшійся за освобожденіе крестьянъ, раздавшійся съ высоты престола, не былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, подобно тому, какъ это было въ два предыдущія царствованія. Люди, сочувствующіе освобожденію крестьянъ, не стремились къ ниспроверженію монархическаго правленія, какъ это случилось въ промежутокъ между двумя предыдущими царствованіями, напротивъ были убѣждены, что одна только самодержавная власть монарха можетъ совершить это трудное дѣло безъ политическихъ потрясеній. Эти люди не думали также объ уничтоженіи дворянства; напротивъ они полагали, что освобожденіе крестьянъ, произведенное самими дворнями, возвыситъ ихъ въ глазахъ народа и поставитъ ихъ въ главу дѣйствительнаго прогрессивнаго движенія впередъ, путь къ которому указывало правительство“.

¹⁾ Подробности объ этомъ обѣдѣ и произнесенныхъ на немъ рѣчахъ можно найти въ „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія въ Россіи“ и въ № 24 „Русскаго Вѣстника“ 1857 года. Я. С.

возгласимъ же, господа, отъ чистаго сердца, „многія лѣта“, и еще разъ поднимемъ бовалы во славу тому, кто призываетъ свою вѣрную Россію на подвигъ правды и добра“. Нельзя не привести окончаніе еще одной изъ рѣчей, состоявшее въ слѣдующемъ: „Наступило время для всѣхъ гражданъ великаго государства отозваться честнымъ трудомъ и до послѣдняго вздоха содѣйствовать благимъ начинаніямъ державнаго освободителя народнаго труда“. Всѣ тосты за здоровье государя покрывались восторженными, долго неумолкавшими, клкками ура, а самыя рѣчи безпрестанно прерывались громкими рукоплесканіями.

Въ этомъ обществѣ не было обнаружено ни малѣйшей тѣни враждебнаго настроенія: ни къ дворянству, ни къ совѣтникамъ государя; напротивъ, были провозглашены тосты и въ честь дворянства, и въ честь тѣхъ людей, которые будутъ содѣйствовать государю въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Въ одной изъ сказанныхъ рѣчей, между прочимъ, было сказано объ участіи въ дѣлѣ дворянства: „задача указана и поставлена въ разумныхъ предѣлахъ. Просвѣщеннѣйшему сословію, стоявшему выше другихъ, интересы котораго существенно зависятъ отъ того или другаго рѣшенія задачи, предоставлена въ немъ самая дѣятельная роль. Въ этомъ, милостивые государи, скрывается глубокое нравственное начало, составляющее вѣрный залогъ мирнаго успѣха“.

Кокоревъ, какъ принадлежавшій къ купеческому сословію, въ своей рѣчи призывалъ къ содѣйствію въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса купечество денежными пожертвованіями.

Сочувствіе свое къ крестьянскому дѣлу, наша литература обнаружила не однимъ торжествомъ, бывшимъ въ Москвѣ 28-го декабря 1857 г.; но положительнымъ содѣйствіемъ къ правильному разрѣшенію поднятаго правительствомъ вопроса. Почти всѣ наши періодическія изданія начали помѣщать статьи по крестьянскому вопросу. Одно названіе этихъ статей показываетъ ихъ направленіе, такъ напримѣръ: „Нѣсколько словъ о необходимости земельной собственности для крестьянъ“, „О возможности выкупа крестьянскихъ участковъ безъ пособія отъ правительства“ и т. п. Появившееся съ 1858 года въ Москвѣ новое ежемѣсячное изданіе („Сельское благоустройство“?), исключительно посвященное крестьянскому дѣлу, не отставало въ своемъ направленіи отъ другихъ періодическихъ изданій, т. е. не только выражало сочув-

ствіе освобожденію крестьянъ, но признавало, что освобожденіе крестьянъ должно послѣдовать съ землей.

Какъ противодѣйствіе этому господствующему въ нашей журналистикѣ либеральному направленію, охранительная партія озаботилась создать собственный свой органъ, который появился, въ апрѣлѣ 1858 г., въ Москвѣ подъ названіемъ „Журналъ землевладѣльцевъ“. Все направленіе журнала можно охарактеризировать, выписавъ одну фразу изъ первой его книжки: „Не освобожденіе крестьянъ или уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, какъ не правильно выражаются иностранные писатели, а за ними и нѣкоторые русскіе литераторы, указано высочайшей волей, а прочное и притомъ постепенное улучшеніе ихъ быта...“ Замѣчательно, что этотъ журналъ былъ единственнымъ представителемъ крайняго помѣщичьяго направленія по крестьянскому вопросу въ нашей литературѣ ¹⁾.

Я указалъ на сочувствіе литературы освобожденію крестьянъ, не какъ на поддержку, на которую можно было бы опереться; но единственно въ доказательство того, что мысль объ освобожденіи крестьянъ, и притомъ не иначе какъ съ землей, созрѣла и осуществленіе ея было такой государственной потребностью, которая сознавалась всѣми мыслящими людьми. Литература была только выраженіемъ этого сознанія. Кромѣ того, нельзя не замѣтить, что интеллигентная часть нашего общества состояла почти исключительно изъ дворянъ, къ числу которыхъ принадлежало и большинство литераторовъ и журналистовъ; притомъ большая часть интеллигентныхъ людей были въ то же время помѣщики, владѣвшіе, наравнѣ съ другими, крѣпостными крестьянами. Въ этомъ заключается новое доказательство того, о чемъ не одинъ разъ я упоминалъ въ предыдущемъ моемъ разсказѣ, что оппозиціонное большинство помѣстнаго дворянства представляло далеко не сплош-

¹⁾ Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Но голоса нашей журналистики того и другаго направленія скоро затихли. Вообще строгость цензурныхъ правилъ и въ особенности запрещеніе говорить о выкупѣ земли сдѣлали невозможнымъ прогрессивное направленіе; поэтому общія ежемѣсячныя изданія перестали помѣщать на своихъ страницахъ статьи по крестьянскому вопросу, а спеціальныя, какъ напримѣръ „Сельское благоустройство“, вовсе прекратили свое существованіе. Та же участь постигла „Журналъ землевладѣльцевъ“, но отъ другой причины, что весьма замѣчательно, отъ недостатка подписчиковъ.“

ную единодушную массу. Большинство это и его представители чувствовали подъ собой нетвердую почву. Этимъ объясняется то крайнее раздраженіе, которое они обнаруживали при защитѣ своей точки зрѣнія на дѣло, и тѣ крутыя мѣры, которыя по совѣту сильныхъ представителей большинства принимало иногда правительство: и противъ отдѣльныхъ личностей, и противъ общаго направленія, явно благоприятнаго полному и вполнѣ обезпеченному освобожденію крестьянъ.

Подобныя принятія правительствомъ мѣры сдѣлали то, что голоса нашей журналистики, раздавшіеся столь единодушно въ пользу освобожденія крестьянъ, принуждены были вскорѣ замолкнуть. Запретительныя мѣры противъ литературы начались по поводу напечатанной въ январьской и апрѣльской книжкахъ „Современника“ (1858 г.) той записки профессора К. Д. Кавелина объ освобожденіи крестьянъ, которая по рукамъ ходила въ рукописи до выхода первыхъ рескриптовъ.

Авторъ изданныхъ въ Берлинѣ „Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостнаго права“ говоритъ, что дѣло это подняли Бутковъ или г. Тимашевъ, „а можетъ быть оба вмѣстѣ“. Но кому принадлежитъ починъ въ этомъ преслѣдованіи—не важно; а важно то, что охранительная партія въ это время до такой степени была сильна, что смогла заставить замолчать людей, сочувствующихъ освобожденію крестьянъ и не желавшихъ ничего болѣе того, что черезъ три года было сдѣлано для крестьянъ самимъ правительствомъ. Изслѣдованіе дѣла было поручено шефу жандармовъ князю Долгорукову. Дѣло доложено было въ совѣтъ министровъ; послѣдствіемъ доклада былъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, по цензурному управленію, слѣдующаго содержанія:

„Въ апрѣльской книжкѣ журнала: „Современникъ“ напечатана статья о новыхъ условіяхъ сельскаго быта. Не говоря уже о нѣкоторыхъ неумѣстныхъ выраженіяхъ и сужденіяхъ автора сей статьи о столь важномъ государственномъ вопросѣ, въ ней главная мысль состоитъ въ томъ, что помѣщичьи крестьяне должны, вопреки главнымъ началамъ, установленнымъ высочайшими рескриптами касательно устройства быта крестьянъ, при освобожденіи ихъ изъ крѣпостнаго состоянія, получить въ полную собственность землю, которою они нынѣ пользуются. Находя такое направленіе статей о помѣщичьихъ крестьянахъ противнымъ высочайше установленнымъ для

цензуры ихъ правиламъ, я покорнѣйше прошу сдѣлать распоряженіе о недопущеніи къ печати статей вышеозначеннаго содержанія и вообще о строгомъ соблюденіи предписанныхъ правилъ“.

Авторъ статьи К. Д. Кавелинъ, вслѣдствіе переданнаго ему неблагопріятнаго о немъ отзыва государя, самъ отказался отъ занимаемаго имъ мѣста наставника при покойномъ наслѣдникѣ, а предсѣдатель цензурнаго комитета, попечитель петербургскаго учебнаго округа князь Щербатовъ получилъ, по высочайшему повелѣнію, выговоръ за пропускъ статьи. Подробности этого дѣла можно найти въ „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія въ Россіи“.

Вслѣдъ за симъ въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу составленъ былъ другой циркуляръ, который также былъ сообщенъ министромъ народнаго просвѣщенія по цензурному управленію. „Въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ“, говорилось въ циркулярѣ, начали появляться статьи, относящіяся до предпринятаго улучшенія и устройства крестьянскаго быта, гдѣ предполагаются не тѣ начала, кои указаны правительствомъ; излагается необходимость освободить крестьянъ вполнѣ отъ всякой зависимости помѣщиковъ и даже отъ полицейской ихъ власти; помѣщаются противъ дворянъ и помѣщиковъ рѣзкія сужденія, и наконецъ, стараются доказать право собственности крестьянъ на помѣщичью землю и на приобрѣтеніе усадебъ въ собственность безъ выкупа. Въ нѣкоторыхъ литературныхъ статьяхъ начали помѣщаться весьма неприличныя разсказы о случаяхъ злоупотребленія помѣщичьей власти. Такое направленіе печатаемыхъ нынѣ статей можетъ возбудить крестьянъ противъ помѣщиковъ, оскорбить самихъ дворянъ и вселить въ умы крестьянъ такія надежды, кои вполнѣ едва ли могутъ осуществиться. Кромѣ того, дошло до высочайшаго свѣдѣнія его императорскаго величества, что цензура, разрѣшая къ печатанію статьи, написанныя въ видахъ пользы крестьянскаго сословія, запрещаетъ всѣ тѣ статьи, кои пишутся въ пользу помѣщиковъ“.

Трудно было бы подтвердить положительными фактами нѣкоторыя изъ тѣхъ обвиненій, которыя ввозились на литературу и на цензурное вѣдомство. Но эти преувеличенія необходимы были для достиженія цѣли. Затѣмъ въ министерскомъ циркулярѣ говорилось: „Государь императоръ, признавая необходимымъ, чтобы,

при настоящемъ положеніи крестьянскаго вопроса, не были рѣшительно допускаемы къ печатанію такія статьи, въ какой бы формѣ онѣ ни были, кои могутъ волновать умы: и помѣщиковъ, и крестьянъ, разсѣвая между сими послѣдними нелѣпыя толки и сужденія, изволилъ высочайше повелѣть: ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ духа и смысла правилъ, указанныхъ уже по сему предмету его императорскимъ величествомъ въ минувшемъ январѣ. Его величеству угодно, чтобы съ изданіемъ нынѣ особой программы для занятій дворянскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, цензура дозволяла въ печатанію только тѣ чисто ученныя теоретическія, историческія и статистическія сочиненія и статьи, гдѣ обсуждаются исключительно предметы сельскаго хозяйства и благоустройства, которыя не противны духу и направленію означенной программы и которыя отнюдь не вдаются въ сужденія о предметахъ будущаго устройства крестьянъ въ окончательномъ періодѣ предпринятаго правительствомъ преобразованія. вмѣстѣ съ тѣмъ его императорское величество изволилъ признавать необходимымъ, чтобы цензура, разрѣшая печатаніе статей, написанныхъ въ пользу крестьянскаго сословія, не препятствовала печатанію статей, написанныхъ въ пользу помѣщиковъ, запрещая критику главныхъ началъ, въ высочайшихъ рескриптахъ и въ означенной выше программѣ указанныхъ, и вообще сочиненія, кои могутъ возбуждать одно сословіе противъ другаго, но всегда обращая строгое вниманіе на духъ и благонамѣренность сочиненія. Сверхъ того, государю императору благоугодно, чтобы въ отдѣльныхъ листахъ, продаваемыхъ нынѣ на улицахъ и перекресткахъ, не было вовсе допускаемо сужденій и статей вообще до крестьянскаго вопроса относящихся, и чтобы обращено было особое строгое вниманіе на отдѣльныя книжки, издаваемыя для простаго народа, дабы въ нихъ не было допускаемо не только ничего несогласнаго съ постановленными для устройства крѣпостнаго состоянія началами, но и ничего такого, что могло бы давать поводъ, хотя и намеками, къ превратнымъ толкованіямъ“.

Весьма понятно, что послѣ этихъ двухъ циркуляровъ общія ежемѣсячныя изданія перестали помѣщать на своихъ страницахъ статьи по крестьянскому вопросу, а начавшееся издаваться собственно для этого вопроса „Сельское Благоустройство“ вовсе пре-

кратило свое существованіе. Но замѣчательно то, что несмотря на видимое покровительство, выраженное въ приведенныхъ циркулярахъ направленію дѣла въ пользу помѣщиковъ, „Журналъ землевладѣльцевъ“ также прекратилъ свое существованіе, потому что, по малому числу подписчиковъ, дальнѣйшее продолженіе изданія сдѣлалось невозможнымъ. Хотя этотъ журналъ служилъ отголоскомъ значительнаго большинства помѣщиковъ, но богатые изъ нихъ читали только иностранныя книги, а не богатые, жившіе въ деревняхъ, вовсе ничего не читали.

Но если литература и представители ея, — литераторы, профессора и ученые не могли въ то время, при всемъ ихъ желаніи, помочь практическому осуществленію дѣла, то другой элементъ тогдашняго русскаго общества могъ служить надежнымъ союзникомъ для министерства внутреннихъ дѣлъ въ его борьбѣ съ противоположнымъ направленіемъ. Этотъ элементъ состоялъ изъ людей, которые, съ европейскимъ образованіемъ, были проникнуты истиннымъ патріотизмомъ, и которые были убѣждены, что всѣ наши неудачи въ послѣдніе два года царствованія императора Николая происходятъ отъ нашего внутренняго неустройства, а корень этого неустройства заключается въ крѣпостномъ правѣ. Явленіемъ этихъ людей въ составѣ нашего общества мы были обязаны нашимъ университетамъ и отчасти нѣкоторымъ, впрочемъ весьма немногимъ, другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Главный контингентъ нашей тогдашней интеллигенціи состоялъ изъ людей, начавшихъ, послѣ университетской скамьи, свою самостоятельную жизнь въ концѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ ¹⁾. Одной изъ главныхъ причинъ этого явленія слѣдуетъ признать, что въ тридцатыхъ годахъ бѣольшая часть университетскихъ кафедръ была замѣщена профессорами изъ молодыхъ людей, возвратившихся изъ-за границы, куда они были отправлены для изученія наукъ, по распоряженіямъ частію графа Сперанскаго, частію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія графа Уварова ²⁾. Появленіе мно-

¹⁾ Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „со времени особеннаго оживленія нашей журналистики и литературы, въ которыхъ многіе изъ нихъ приняли непосредственное участіе“.

²⁾ Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Къ людямъ сороковыхъ годовъ принадлежать многіе изъ нашихъ писателей“.

гихъ самостоятельныхъ талантовъ, оживленіе литературы и журналистики, борьба между славянофилами и западниками, которые, расходясь во взглядахъ, въ одинаковой степени были проникнуты любовью къ своему отечеству,—довершили то, начало чему было положено университетскимъ образованіемъ. Имена: Гоголя, Тургенева, Бѣлинскаго, Грановскаго, Кавелина, Гончарова, Григоровича, Некрасова, Аксаковыхъ и многихъ другихъ ученыхъ, писателей и журналистовъ не пройдутъ безслѣдно въ исторіи освобожденія крестьянъ.

Люди сороковыхъ годовъ съ пріобрѣтенными ими понятіями изъ университетскихъ лекцій, изъ чтенія произведеній иностранныхъ и отечественной литературы и изъ взаимнаго обмѣна мыслей, разсѣялись по всей землѣ русской. Эти люди безъ всякихъ явныхъ и тайныхъ обществъ образовали сътъ тѣхъ интеллигентныхъ кружковъ, которая покрыла собой всѣ коренныя русскія губерніи. Бѣольшая часть этихъ людей ноступила въ гражданскую службу и ко времени освобожденія крестьянъ, нѣкоторые изъ нихъ заняли вліятельныя административныя мѣста, какъ въ губернской, такъ и въ центральной служебной іерархіи.

Я имѣлъ уже случай указать какую пользу принесли крестьянскому дѣлу губернскіе интеллигентные кружки при представленіи адресовъ (объ открытіи дворянскихъ комитетовъ) и при выборѣ членовъ въ комитеты. Едва ли не большинство той прогрессивной партіи ¹⁾, которая группировалась въ географическомъ обществѣ и около Великаго Князя Константина Николаевича и Великой Княгини Елены Павловны, состояло изъ людей сороковыхъ годовъ. Объ этой партіи, я уже упоминалъ выше. Она состояла преимущественно изъ лицъ, служившихъ въ министерствахъ: морскомъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, и въ то время занимавшихъ уже болѣе или менѣе видныя мѣста. Личности этой партіи, которая болѣе другихъ (выдвигались впередъ) пользовались расположеніемъ двухъ великокняжескихъ дворовъ, были: А. В. Головинъ, кн. Д. А. Оболенскій, Д. П. Хрущевъ, Н. А. Милютинъ, шуринъ послѣд-

¹⁾ Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „состоящей изъ второстепенныхъ (въ то время) административныхъ дѣателей петербургской администраціи, о которой я уже упоминалъ“..

няго А. А. Абаза—тогда только что назначенный гофмейстеромъ великой княгини Елены Павловны, М. Х. Рейтернъ и нѣкоторые другіе. Всѣ эти люди, хотя и не составляли тѣсно соменутаго кружка, но всѣ были знакомы другъ съ другомъ; каждый изъ нихъ, сверхъ того, имѣлъ своихъ пріятелей и знакомыхъ, а нѣкоторые изъ нихъ—находившихся подъ ихъ нравственнымъ вліяніемъ подчиненныхъ по службѣ. Такимъ образомъ кругъ служащихъ людей либеральнаго направленія былъ весьма обширенъ; при томъ многіе изъ этого круга принимали участіе въ литературныхъ трудахъ, а нѣкоторые литераторы и ученые были въ близкихъ отношеніяхъ съ служащими либеральнымъ міромъ. Наконецъ нѣкоторые изъ названныхъ лицъ и ихъ литературныхъ пріятелей вращались въ самыхъ высшихъ сферахъ Петербургскаго общества, не исключая гостинныхъ Императрицы. Все это значительно могло умѣрять тѣ опасенія за крестьянское дѣло, которыя невольно возбуждались при видѣ могущества представителей оппозиціонной партіи.

Успѣху дѣла или, лучше сказать, неуспѣху неблагоприятнаго для него направленія, много могла способствовать та непопулярность, которую имѣли въ либеральномъ кругу личности триумвирата, составлявшаго опеку надъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Всѣ трое: Муравьевъ, Панинъ и Ростовцовъ, по своимъ понятіямъ и поступкамъ, возбуждали общее противъ себя неудовольствіе всѣхъ прогрессивныхъ людей; кромѣ того, каждый изъ нихъ имѣлъ не мало личныхъ непримиримыхъ враговъ, за сдѣланныя имъ личныя болѣе или менѣе сильныя непріятности.

Говоря о моемъ прошедшемъ, я упомянулъ, что, отчасти по моему продолжительному отсутствію изъ Петербурга, а еще болѣе по совершенному неимѣнію связей, (я) не принадлежалъ къ вліятельнымъ кружкамъ Петербургской интеллигенціи, хотя лично со многими изъ либеральныхъ людей я былъ очень хорошо знакомъ. Положеніе, занятое мной въ крестьянскомъ дѣлѣ, открыло мнѣ доступъ въ прогрессивный кругъ Петербургской администраціи. Двое изъ лицъ, принадлежащихъ къ этому кругу, прежде всѣхъ оказали готовность къ сближенію со мной: Д. П. Хрущовъ, который зналъ меня по службѣ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, и еще болѣе Н. А. Милютинъ, который узналъ меня по службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, хотя земскій от-

дѣлъ съ хозяйственнымъ департаментомъ, котораго онъ былъ директоромъ, никакихъ служебныхъ отношеній не имѣлъ. Скоро я сблизился съ Милютиннымъ до такой степени, что бывалъ у него не менѣе одного раза въ недѣлю ¹⁾, оставаясь почти всегда съ обѣда до поздняго вечера. У Хруцова, но еще болѣе у Н. А. Милютина, я познакомился со всѣми вліятельными лицами прогрессивной партіи, которыхъ я поименовалъ выше, и съ нѣкоторыми другими; а также встрѣтилъ и тѣхъ лицъ, съ которыми былъ знакомъ прежде. Я дорожилъ знакомствомъ съ Милютиннымъ, какъ съ человѣкомъ ума, выходящаго изъ разряда обыкновенныхъ, и необыкновенно симпатичнаго. Постояннымъ сочувствіемъ ко всѣмъ моимъ дѣйствіямъ по крестьянскому дѣлу, онъ поддерживалъ мою бодрость. Я дорожилъ его знакомствомъ и для пользы самаго дѣла. Всѣ подробности борьбы министерства внутреннихъ дѣлъ за крестьянское дѣло съ людьми противоположной партіи черезъ меня дѣлались извѣстными при двухъ великокняжескихъ дворахъ, сочувствующихъ дѣлу освобожденія крестьянъ. Съ другой стороны, отъ нихъ я узнавалъ иногда о настроеніи умовъ въ высшихъ законодательныхъ сферахъ.

Слухи о моей дѣятельности по крестьянскому дѣлу дошли до великой княгини Елены Павловны. Она, подѣ предлогомъ желанія выслушать мое мнѣніе объ устройствѣ ея Карловскаго имѣнія, крестьянъ которыхъ она хотѣла освободить для примѣра другимъ, пригласила меня къ себѣ. Я пробылъ у нея часа два вечеромъ въ присутствіи другихъ приглашенныхъ трехъ или четырехъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ Н. А. Милютинъ и его шурина Александръ Агѣевичъ Абаза.

Во все время говорилъ я одинъ, отвѣчая на вопросы, дѣланные мнѣ великой княгиней. Главная тема разговора была какъ устроить бытъ Карловскихъ крестьянъ. Эта тема дала мнѣ возможность вполнѣ высказать мой взглядъ на крестьянское дѣло и въ числѣ другихъ невѣрныхъ взглядовъ опровергнуть способъ опредѣленія размѣра крестьянскихъ повинностей хлѣбомъ. Всѣми моими объясненіями остались довольны какъ великая княгиня, такъ и всѣ присутствовавшіе.

¹⁾ Далѣе зачеркнуто: „а иногда и чаще, почти всегда“.

Связи мои съ Петербургской прогрессивной партіей выводили меня изъ того одиночества, въ которомъ я находился въ первое время моего поступленія въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Эти же связи укрѣпили довѣріе С. С. Ланскаго къ моему направленію и къ моимъ способностямъ. Черезъ это я становился бодрѣе, самостоятельнѣе и рѣшительнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, слѣдовательно полезнѣе для дѣла.

Здѣсь я считаю умѣстнымъ упомянуть о моемъ знакомствѣ съ человѣкомъ, который хотя и находился въ болѣе скромномъ положеніи, но который своею теплой преданностію крестьянскому дѣлу принесъ и до сихъ поръ приноситъ (1875 г.) такъ много пользы крестьянскому дѣлу. Я хочу сказать о С. М. Жуковскомъ, — тогда управляющимъ дѣлами Главнаго Комитета. Его преданность къ дѣлу никогда не была заподозрѣна, не смотря на то, что въ началѣ дѣла онъ примыкалъ, по своимъ служебнымъ отношеніямъ, къ ряду ретроградной партіи. Знакомство наше скоро перешло въ пріязнь и самыя дружескія отношенія, которыя весьма были полезны для дѣла.

Вотъ тѣ отношенія, въ которыхъ я находился съ Н. А. Милютинимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлался членомъ редакціонныхъ комиссій и товарищемъ министра; поэтому я никакъ не могу согласиться съ отзывомъ, высказаннымъ въ Запискахъ его жены, что будто бы въ то время Николай Алексѣевичъ „старался, сколько можно, въ дружескихъ бесѣдахъ разъяснять недоумѣнія Левшина и Соловьева и устранять ихъ колебанія“. Такой отзывъ совершенно несогласенъ ни съ свойствомъ моихъ отношеній къ Ник. Алек., ни съ характеромъ моей дѣятельности по крестьянскому дѣлу.

IV.

Мѣры министерства внутреннихъ дѣлъ. — Записка о всѣхъ случаяхъ неповиновенія крестьянъ съ 24-го ноября 1857 по 1-е юля 1853 г. — Мѣры противъ удаленія крестьянъ изъ имѣній и измѣненія крестьянскихъ надѣловъ. — Дѣло Кошанскаго. — Отзывы объ этомъ дѣлѣ А. И. Левшина и Д. И. Гаврилова. — Мѣры противъ ссылки крѣпостныхъ людей въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ. — Мѣры противъ переселенія крестьянъ на другія мѣста. — Запрещеніе пріема рекрутъ отъ мелкопомѣстныхъ. — Общіе выводы и соображенія.

Каникулярное затишье, съ отсутствіемъ лихорадочной дѣятельности, господствовавшей во время выхода первыхъ рескриптовъ, программъ и началъ уѣздныхъ учрежденій, дало возможность мини-

стерству внутреннихъ дѣлъ оглядѣться, распознать своихъ друзей и враговъ, сообразить свои силы и взять починъ въ дальнѣйшей своей дѣятельности, по крайней мѣрѣ на то время, на которое оставили министерство въ покоѣ. Послѣдствіями такихъ размышлений были слѣдующіе выводы: земскій отдѣлъ имѣлъ за себя: слабую почти безмолвную по неволѣ журналистику, болѣе сильную въ общественномъ отношеніи, но также не сильную въ крестьянскомъ дѣлѣ прогрессивную часть петербургской администраціи и ревностныхъ, но немногочисленныхъ и сильныхъ только своимъ развитіемъ, союзниковъ въ губерніяхъ. Враги того направленія, котораго держался земскій отдѣлъ, были сильные: на верху своимъ государственнымъ значеніемъ, а внизу своей многочисленностію ¹⁾.

При такомъ положеніи дѣла и его защитниковъ невозможно было думать о какихъ либо мѣрахъ къ дальнѣйшему правильному развитію крестьянскаго вопроса. Возможны были на первый разъ только: отрицательная дѣятельность, оборонительныя мѣры, устраненіе тѣхъ затрудненій и препятствій, которыми противная партія хотѣла загородить путь къ дальнѣйшему развитію предпринимаго преобразованія, словомъ очищать дорогу, по которой должно было слѣдовать дѣло къ окончательной своей развязкѣ. Кромѣ того на обязанности министерства лежала возможная поддержка тѣхъ дѣятелей по крестьянскому вопросу въ губерніяхъ, которые обнаруживали сочувствіе къ дѣлу освобожденія крестьянъ ²⁾.

Всѣ дѣйствія противной освобожденію крестьянъ партіи клонились къ тѣмъ двумъ цѣлямъ, которыхъ она старалась достигнуть при составленіи программы, т. е. или остановить вовсе начатое преобразованіе, или, если это окажется невозможнымъ, то

¹⁾ Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Но министерство внутреннихъ дѣлъ, опираясь на интеллигентныя силы народа, поддерживало зародышъ того свѣжаго и здороваго начала, которому предстояла будущность; а враги министерства защищали отжившій свой вѣкъ и носившій въ самомъ себѣ зародышъ стараго порядка. На стогонѣ крестьянскаго дѣла были всѣ свѣжіе, разумные и развитые элементы нашего общества; противъ него: дряхлыя или неразвитыя массы нашего дворянства“.

²⁾ Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Дѣйствія противной освобожденію крестьянъ партіи можно было раздѣлить на двѣ категоріи: во первыхъ, онѣ были направлены къ тому, чтобы не только поколебать въ Государѣ убѣжденіе въ пользѣ предпринятой нынѣ реформы, но даже (убѣдить) во вредѣ ея; во вторыхъ...“

Я. С.

обратить его въ пользу не крестьянъ, а сословныхъ интересовъ дворянства.

Для достиженія первой цѣли, противники освобожденія крестьянъ не переставали стращать Государя крестьянскими волненіями, могущими обратиться во всеобщій крестьянскій бунтъ, подобный пугачевщинѣ, а также развитіемъ крайняго радикализма, грозившаго такой же всеобщей революціей, какова была первая французская. Защитники узкихъ сословныхъ интересовъ этимъ не довольствовались: они предсказывали всѣ гибельныя послѣдствія освобожденія крестьянъ въ экономическомъ и финансовомъ отношеніяхъ.

Для достиженія второй изъ двухъ указанныхъ цѣлей прежде всего старались: или застращать, или вовсе устранить изъ губернскихъ комитетовъ тѣхъ прогрессивныхъ членовъ, которые съ самаго открытія комитетовъ начали обнаруживать явное сочувствіе къ предпринятой реформѣ. Это представлялось тѣмъ удобнѣе, что такіе члены были во всѣхъ комитетахъ—въ болѣе или менѣе многочисленномъ меньшинствѣ. Такая попытка прежде всего обнаружилась въ одномъ изъ первыхъ открытыхъ комитетовъ,—нижегородскомъ.

Съ тою же цѣлю обращенія крестьянскаго дѣла не въ пользу крестьянъ, а въ пользу дворянъ, нѣкоторые помѣщики, убѣдившись, что чѣмъ менѣе будетъ у нихъ крѣпостныхъ и чѣмъ меньше будетъ количество крестьянскихъ земель, тѣмъ для нихъ, помѣщиковъ, будетъ выгоднѣе, стали всѣми способами избавляться отъ крѣпостныхъ людей: или уменьшать ихъ надѣлы или обмѣнивать хорошія крестьянскія земли на дурныя.

Министерству внутреннихъ дѣлъ—по земскому отдѣлу—предстояло устранить всѣ тѣ неблагопріятныя послѣдствія для дѣла, которыя могли возникнуть изъ указанныхъ явленій и фактовъ.

Прежде всего необходимо было устранить возбуждаемыя въ Государѣ, и частными слухами и секретными по тайной полиціи донесеніями, невѣрно составленными и преувеличенно докладываемыми, опасенія волненій между крестьянами. Съ этою цѣлю съ самаго начала дѣла Ланской каждую пятницу докладывалъ Государю о всѣхъ случаяхъ неповиновенія властямъ и вообще безпорядковъ, о которыхъ получены были свѣдѣнія въ теченіи недѣли. С. С. Ланской сказывалъ мнѣ, что ему нельзя было показаться ни въ государственномъ совѣтѣ, ни въ комитетѣ министровъ, безъ

того, чтобы его не атаковали вопросами въ родѣ слѣдующихъ: правда ли, что въ такой-то губерніи начинается волненіе крестьянъ? или: правда ли, что въ такомъ-то уѣздѣ крестьяне отказались работать на помѣщиковъ? или еще: правда ли, что въ такихъ-то имѣніяхъ ни исправникъ, ни губернаторъ ничего не могли сдѣлать съ возмущившимися крестьянами? и т. п. Изъ самыхъ вопросовъ видно, что все, что только похоже было на неповиновеніе и безпорядокъ, преувеличивалось въ частныхъ извѣстіяхъ изъ губерній; а переходя изъ усть въ уста въ Петербургъ, возводилось до громаднхъ размѣровъ. Иногда же изобрѣтались извѣстія о возмущеніяхъ вовсе безъ всякаго повода.

Частью для разъясненія, частью для уничтоженія всѣхъ этихъ преувеличенныхъ, вымышленныхъ и нерѣдко недобросовѣстныхъ слуховъ, еженедѣльные записки были необыкновенно полезны. Онѣ усповоительно дѣйствовали на Государя, поддерживая въ немъ бодрость духа ¹⁾. Записки эти, по докладѣ государю, представлялись въ главный комитетъ; такимъ образомъ оппозиціонное большинство теряло почву для противодѣйствія дѣлу посредствомъ словныхъ разсказовъ о возмущеніяхъ.

Но министерство внутреннихъ дѣлъ этимъ не ограничилось. По истеченіи нѣкотораго времени, оно представило въ общемъ очеркѣ свѣдѣнія о всѣхъ случаяхъ неповиновенія крестьянъ со времени опубликованія мѣръ къ устройству крестьянскаго быта (24-го ноября 1857) по 1-е іюля 1858 г. Въ моихъ бумагахъ сохранился черновой экземпляръ этого очерка, писанный моею рукой. Этотъ докладъ сначала былъ представленъ государю, а потомъ въ главный комитетъ.

Впрочемъ докладъ этотъ составлялся не столько для государя, которому всѣ факты были извѣстны изъ еженедѣльныхъ записокъ, сколько для главнаго комитета, ибо, хотя до свѣдѣнія главнаго комитета и доводились еженедѣльные доклады о безпорядкахъ, но въ этомъ нельзя было положиться на память большинства членовъ. Они очень часто повторяли то, что было уже опровергнуто. Цѣль общаго очерка всѣхъ происшествій въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, со времени опубликованія перваго рескрипта, было

¹⁾ Далѣе въ полнѣннѣе зачеркнуто: „Оставлять эти слухи безъ фактическихъ опроверженій было невозможно“.

обезоруженіе непріятеля, т. е. отнятіе у него возможности вредить дѣлу распространеніемъ невѣрныхъ слуховъ. Можетъ быть я заслужу упрекъ въ повтореніи нѣкоторыхъ фактовъ, о которыхъ упоминалъ уже выше, но тѣмъ не менѣе я приведу буквально содержаніе упомянутой записки, написанной подъ вліяніемъ всѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилось тогда крестьянское дѣло. Вотъ содержаніе этого представленія:

„Высочайшій рескриптъ на имя виленскаго генералъ-губернатора, послѣдовавшій 20-го ноября 1857 года, и дополнительное къ нему отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ отъ 21-го ноября за № 36, объ открытіи дворянскихъ комитетовъ по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ въ трехъ литовскихъ губерніяхъ, были сообщены циркулярно отъ 24-го того же ноября начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства. Съ этихъ поръ можно считать, что предпріятыя правительствомъ мѣры объ устройствѣ крестьянскаго быта сдѣлались извѣстны въ народѣ, сначала въ неясныхъ слухахъ, но вслѣдъ затѣмъ, посредствомъ напечатанія въ газетахъ, мѣры эти получили совершенную гласность“.

„Немедленно послѣ этого, вслѣдствіе сдѣланнаго распоряженія, стали поступать изъ губерній свѣдѣнія о толкахъ между крѣпостными людьми о свободѣ. Изъ нѣкоторыхъ губерній получены были донесенія, что крестьяне ожидаютъ объявленія о свободѣ къ новому году. Такое ожиданіе едва ли не было общее по всей Россіи, такъ что церкви на новый годъ были особенно полны крестьянами, которые ожидали чтенія въ этотъ день манифеста о свободѣ. Между крестьянами также начинался показываться опасный слухъ, что помѣщики скрываютъ полученный будто-бы указъ о свободѣ“.

„На помѣщиковъ предпріятыя правительствомъ мѣры произвели панический страхъ. Изъ всѣхъ губерній получались донесенія отъ губернскихъ предводителей дворянства, наполненные мрачными ожиданиями будущихъ народныхъ возмущеній. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ предводителей писалъ:

„Вообще замѣтно въ народѣ напряженное ожиданіе. Неизвѣстно, что насъ ожидаетъ въ будущемъ, тѣмъ болѣе, что войскъ, кромѣ двухъ баталіоновъ, во всей губерніи нѣтъ. Всѣ распущенныя изъ полковъ солдаты разсыпаны по деревнямъ и при пер-

„вѣтъ случаѣ стануть во главѣ всякаго безпорядка. На земскую „полицію рассчитывать невозможно“.

„Начальники губерній также доносили о тревожномъ настроеніи умовъ и о принимаемыхъ ими мѣрахъ, вслѣдствіе сдѣланнаго со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ общаго распоряженія, въ сохраненію общественнаго спокойствія. Одинъ изъ нихъ (симбирскій) по ходатайству предводителей дворянства, но вопреки существующимъ узаконеніямъ, призналъ необходимымъ распорядиться о командированіи, въ случаѣ надобности, военныхъ командъ по требованію предводителей и исправниковъ. Хотя, впрочемъ, кромѣ этого случая ни однимъ изъ начальниковъ губерній не было выражено положительныхъ опасеній на счетъ нарушенія общественнаго спокойствія; однако въ первое время министерство внутр. д. не имѣло вполнѣ успокоительныхъ донесеній“.

„Послѣдствія показали, что всѣ опасенія не оправдались; общественный порядокъ былъ сохраненъ, но не столько принятіемъ полицейскихъ мѣръ, сколько гласностію, которая дана была крестьянскому вопросу. Гласность эта разсѣяла неосновательныя ожиданія манифеста о свободѣ, породила въ крестьянахъ надежду на будущее улучшеніе своего быта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и терпѣніе. Но что еще важнѣе—со времени обнародованія принятыхъ мѣръ опасный слухъ, что помѣщики скрываютъ указъ о свободѣ, совершенно прекратился“.

„Вскорѣ потомъ начали поступать отъ начальниковъ губерній благоприятныя донесенія. Такъ одинъ изъ генералъ-губернаторовъ доносилъ: „Я твердо убѣжденъ, что крестьяне, ожидая и „предвидя измѣненіе своего положенія въ лучшему, никогда не „посагнуть на какія либо преступныя дѣйствія“.

„Въ то же время другой главный начальникъ губерній писалъ: „Неблагодѣтельные толки начинаютъ затихать, встревоженные „умы видимо успокоиваются“. Донесенія же, полученныя во второй половинѣ января (1858 г.), единогласно свидѣтельствовали, что полное спокойствіе между крестьянами ничѣмъ не нарушается. Начальникъ одной изъ губерній въ то время сообщалъ, что помѣщичьи крестьяне тише и покойнѣе, чѣмъ когда либо“.

„Нельзя было заблуждаться въ томъ, что въ основаніи общественнаго спокойствія лежала возбужденная надежда, что помѣщики всѣхъ губерній пслѣдуютъ примѣру литовскаго и петер-

бургскаго дворянства. Не во всѣхъ концахъ Россіи ясно было понято это обстоятельство. Изъ нѣкоторыхъ губерній стали поступать представленія, что крестьяне не подготовлены къ измѣненію настоящаго ихъ устройства; что помѣщики много потеряютъ; что предпринятая правительствомъ мѣры заключаютъ въ себѣ нарушеніе права собственности; что крестьяне не поймутъ видовъ правительства и что потому надо опасаться вредныхъ послѣдствій и безпорядковъ между крестьянами, отъ скорой перемѣны настоящаго ихъ устройства. Почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предполагалось ожидать результатовъ предпринимаемыхъ мѣръ въ губерніяхъ, по которымъ уже состоялись высочайшіе рескрипты. Въ другихъ представители дворянства выражались не ясно, но видимо желали отдалить осуществленіе мысли правительства; были и такія губернія, въ которыхъ обнародованныя правительствомъ мѣры приняты были къ свѣдѣнію. Министерство внутреннихъ дѣлъ, въ видахъ сохраненія общественнаго спокойствія, въ видахъ пользы самаго дворянства и наконецъ въ видахъ благопріятнаго рѣшенія жизненнаго для всего государства вопроса, сочло своей обязанностію ближе ознакомить предводителей дворянства такихъ губерній съ положеніемъ вопроса о крѣпостномъ состояніи“.

„Послѣ гласности, которой весьма много способствовало сдѣланное въ самомъ началѣ распоряженіе о печатаніи высочайшихъ рескриптовъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, пояснительные отвѣты министерства внутреннихъ дѣлъ на представленія губернскихъ предводителей были вторымъ средствомъ къ сохраненію общественнаго спокойствія. Изъ нихъ дворяне поняли, что не въ послѣдности, а въ медлительности изъявленія желанія на открытіе дворянскихъ комитетовъ заключается опасность. Посему къ 1-му іюля (1858 г.) не осталось ни одного дворянства губерній, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, которое не изъявило бы желанія на открытіе губернскаго комитета. Въ еженедѣльныхъ запискахъ, начиная съ 27-го декабря 1857 года, доводились до свѣдѣнія государя императора отзывы губернаторовъ и губернскихъ предводителей дворянства по предмету устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ; причемъ всеподданнѣйше докладывалось, что отзывы эти единогласно свидѣтельствуютъ о повсемѣстномъ сохраненіи общественнаго спокойствія. Между тѣмъ начали распространяться

слухи о важныхъ беспорядкахъ: то въ той, то въ другой губерніи. Это побудило министра внутреннихъ дѣлъ не ограничиваться общими представленіями; но еженедѣльно докладывать его величеству о всѣхъ частныхъ случаяхъ неповиновенія крестьянъ, хотя бы они заключались въ непослушаніи, оказанномъ однимъ или двумя крестьянами, и при томъ не помѣщику, а управляющему или даже старостѣ. Изъ этихъ свѣдѣній, начиная съ 1-го марта по 1-е іюля 1858 г., оказывается слѣдующее“:

„Случаи неповиновенія, въ числѣ 70, обнаруживались, въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ, въ 26 губерніяхъ. Изъ нихъ болѣе, чѣмъ по 5 случаевъ, въ двухъ только губерніяхъ: Оренбургской 7 и въ Костромской 13“.

„Всѣ вообще случаи ограничивались предѣлами одного имѣнія, кромѣ трехъ: въ Нижегородской губерніи, въ Землѣ Войска Донскаго и въ Эстляндіи, о которыхъ будетъ сказано ниже. Изъ остальныхъ 67 большая часть заключалась въ уклоненіи отъ исполненія повинностей, очень часто вслѣдствіе подстрекательства людей неблагонамѣренныхъ. Весьма незначительное число приходится на всѣ остальные поводы. Изъ нихъ: 6 случаевъ неповиновенія вслѣдствіе переселенія крестьянъ на другія мѣста, 5 по поводу разныхъ недоразумѣній: при отысканіи свободы путемъ законнымъ, при введѣніи во владѣніе, производствѣ слѣдствій о дурномъ управленіи и т. п. Только въ трехъ случаяхъ беспорядки сопровождалась волненіями. Въ двухъ крестьяне прибили управляющихъ, которые, какъ кажется, сами не были правы, а въ третьемъ самовольно смѣнили бурмистра, которымъ были недовольны. Кромѣ нѣсколькихъ случаевъ, всѣ неповиновенія произошли въ имѣніяхъ, въ которыхъ не было помѣщиковъ. Во многихъ случаяхъ крестьяне сами просили прощеніе. Во многихъ для этого достаточно было одного внушенія со стороны мѣстнаго полицейскаго начальства. Изъ остальныхъ, кромѣ нѣсколькихъ, всѣ прекращены полицейскими мѣрами. Въ 9 только потребовалось содѣйствіе военной команды. Весьма ограниченное число случаевъ, въ которыхъ признано необходимымъ назначить формальное слѣдствіе съ преданіемъ виновныхъ суду. Въ нѣсколькихъ изъ нихъ было признано, что поводомъ къ беспорядкамъ были: или притѣсненіе крестьянъ, или недостатокъ земли, или неумѣстныя распоряженія, или наконецъ дурное управленіе“.

„Изъ всѣхъ частныхъ случаевъ одинъ могъ обратить на себя нѣкоторое вниманіе: Ковенской губерніи, въ маіоратномъ имѣніи князя Васильчикова, Тоурогень, гдѣ крестьяне въ числѣ 300 или 400 человекъ пришли къ владѣльцу, объявили ему, что не желаютъ болѣе исправлять барщины и требовали перевода ихъ на оброкъ, по примѣру другихъ государственныхъ крестьянъ, къ сословію которыхъ они принадлежатъ по правамъ своего состоянія. По прибытіи губернатора и военной команды и по названіи подстрекателей, остальные крестьяне въ числѣ 500, упавъ на колѣни, просили помилованія“.

„Изъ трехъ случаевъ неповиновенія, не ограничившихся предѣлами имѣнія, въ Донецкомъ округѣ войска Донскаго; поводомъ къ оному послужили распространившіеся минувшей весной между крестьянами слухи о свободѣ въ искаженномъ видѣ. Вслѣдствіе этого оказалось неповиновеніе вдругъ въ нѣсколькихъ имѣніяхъ и тогда же были приняты мѣры къ возстановленію порядка и превращенію ложныхъ слуховъ“.

„Въ Нижегородской губерніи, Сергачскаго уѣзда, въ мартѣ мѣсяцѣ (1858 г.), болѣе чѣмъ въ 20-ти помѣщичьихъ имѣніяхъ одновременно обнаружались беспорядки и неповиновеніе. По полученіи о семъ донесенія, начальникъ губерніи немедленно отправилъ въ означенный уѣздъ благонадежнаго штабъ-офицера, предписавъ командирамъ двухъ квартирующихъ въ губерніи резервныхъ батальоновъ командировать въ его распоряженіе военныя команды. Усмиреніе крестьянъ произведено безъ особенно строгихъ мѣръ. Отъ 19 мая губернаторъ донесъ, что изъ послѣдняго имѣнія, въ которомъ оставалась военная команда, она выведена, и затѣмъ спокойствіе повсемѣстно водворено“.

„Въ Эстляндіи въ двухъ имѣніяхъ, Зюдъ-Горріенскаго дистрикта, крестьяне отказались исполнять повинности свои по прежнимъ контрактамъ и требовали немедленнаго введенія, по примѣру одного изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, правилъ вновь утвержденнаго положенія, болѣе для крестьянъ выгоднаго. Для усмиренія послана была военная команда изъ 60 человекъ, которая расположилась на ближайшей мызѣ. 2 іюня (1858 г.) толпа въ 1000 или 1500 человекъ, болѣею частію изъ крестьянъ, напала внезапно на эту команду, избива капитана и ранила маіора и 12 нижнихъ чиновъ. Потомъ крестьяне, разграбивъ винный и хлѣбный мага-

зины, сожгли самую мызу. Послѣ чего разошлись и съ тѣхъ поръ никакого нарушенія порядка между крестьянами не было. Виновные въ буйствахъ арестованы и преданы военному суду“.

Изъ 70 случаевъ неповиновенія крестьянъ почти 10% было по поводу переселенія крестьянъ на другое мѣсто. Но кромѣ того министерству были извѣстны случаи переселеній, въ которыхъ крестьяне подчинялись волѣ помѣщиковъ. Наконецъ, имѣлись свѣдѣнія о приготовительныхъ со стороны нѣкоторыхъ помѣщиковъ мѣрахъ: съ одной стороны къ уменьшенію числа крестьянъ, которыхъ они обязаны будутъ надѣлать землей, съ другой или къ уменьшенію крестьянскихъ надѣловъ, или къ представленію имъ худшихъ земель противъ тѣхъ, которыми они пользовались. По крѣпостному праву помѣщики имѣли къ тому всѣ средства. Средства эти слѣдующія: ссылка въ Сибирь на поселенія, отдача въ рекруты, обращеніе крестьянъ въ дворовые люди, увольненіе на волю безъ земли, продажа для переселенія въ другія мѣста, переселеніе въ одною и томъ же имѣніи съ лучшихъ земель на худшія, а также просто уменьшеніе крестьянскихъ надѣловъ. Наконецъ самый легкій способъ къ обезземеленію крестьянъ состоялъ въ обращеніи ихъ въ дворовые люди.

Въ то время, когда крѣпостное состояніе еще существовало, трудно было дѣйствовать противъ этихъ злоупотребленій помѣщичьей власти. Съ юридической точки зрѣнія даже нельзя было назвать такія дѣйствія злоупотребленіями. Между прочимъ правительство не могло оставаться равнодушнымъ при видѣ того, что почти наканунѣ освобожденія, крестьяне лишаются той земли, которая, на основаніи обнародованныхъ началъ, должна была поступить въ ихъ надѣлъ. Кромѣ того распространеніе такихъ случаевъ въ разныхъ губерніяхъ могло бы произвести именно тѣ общія волненія, о которыхъ такъ усердно распускали слухи люди, предвидѣвшіе или желавшіе предвидѣть въ послѣдствіяхъ крестьянскаго преобразованія всевозможныя бѣдствія. Вскорѣ послѣ выхода первыхъ рескриптовъ были приняты нѣкоторыя мѣры противъ обезземеленія крестьянъ. Рядъ этихъ мѣръ начался съ запрещенія, имяннымъ высочайшимъ указамъ (2 марта 1858), даннымъ правительствующему сенату, дальнѣйшаго со времени подачи

ревизскихъ сказокъ, по производившейся тогда десятой народной переписи, перечисленія крестьянъ въ дворовые люди ¹⁾).

Вслѣдъ за симъ одинъ губернаторъ донесъ объ усиленіи представленія мелкопомѣстными владѣльцами, имѣющими менѣе 21 души, своихъ крѣпостныхъ людей въ рекруты. Они не были обязаны поставлять рекрутъ натурой, а если отдавали своихъ людей въ рекруты, то получали за каждаго отданнаго ими челоуѣва по 300 р. Согласно представленія о томъ министра внутреннихъ дѣлъ, Главный Комитетъ положилъ: вмѣнить въ обязанность рекрутскимъ присутствіямъ, чтобы при представленіи мелкопомѣстными владѣльцами своихъ людей въ рекруты, „обращено было самое строгое вниманіе на ростъ ихъ, тѣлосложеніе, физическія силы и здоровье, и при малѣйшемъ какомъ либо замѣченномъ недостаткѣ ихъ сложенія отказывать въ приемѣ людей на службу“.

Это распоряженіе конечно было сообщено начальникамъ губерній конфиденціально (20 марта 1858). Одновременно съ этимъ, по положенію главнаго комитета и также негласно, было предложено министромъ юстиціи гражданскимъ палатамъ и уѣзднымъ судамъ, при представленіи владѣльцами къ утвержденію отпускныхъ, на волю даваемыхъ ими своимъ крѣпостнымъ людямъ, предварительно утвержденія, отбирать показанія отъ увольняемыхъ, что они согласны воспользоваться свободой. Въ то же время министръ внутреннихъ дѣлъ писалъ губернскимъ предводителямъ, разумѣется съ высочайшаго разрѣшенія и по положенію главнаго комитета, хотя объ этомъ не было сказано въ циркулярѣ, чтобы они „внушали помѣщикамъ, безъ официальной огласки, что для собственной ихъ пользы весьма желательно, дабы усадебная осѣдлость крестьянъ оставалась въ теперешнемъ положеніи“.

Изъ всѣхъ этихъ мѣръ только одна о необращеніи крестьянъ

¹⁾ Въ подлинникѣ дагѣе зачеркнуто: „Впрочемъ этотъ законъ представлялъ и удобство для помѣщиковъ: дѣйствіе запрещенія начиналось съ подачи ревизскихъ сказокъ, а въ то время производилась ревизія, слѣдственно помѣщикъ могъ показать въ сказкахъ дворовымъ того, кого хотѣлъ. Можетъ быть это имѣли въ виду охранители, исключивъ изъ петербургскаго дополнительнаго къ рескрипту отношенія все, что говорилось о дворовыхъ въ виленскомъ отношеніи. Но если они имѣли это въ виду, то къ чести помѣщиковъ слѣдуетъ прибавить, что сіи послѣдніе не воспользовались представленною имъ возможностью обезземелить часть крестьянъ посредствомъ записи ихъ въ дворовые при подачѣ сказокъ“.

въ дворовые была облечена въ форму положительнаго закона; всѣ остальные, имѣя видъ административныхъ, не совсѣмъ согласныхъ съ законами, распоряженій, ограничивались совѣтами и конфиденціальными указаціями. Это было въ реакціонный періодъ крестьянскаго дѣла, — тогда болѣе ничего нельзя было сдѣлать.

Но страсти, подстрегаемая сочувствіемъ изъ Петербурга, начпали разгораться, а личные интересы стали проявляться не въ однѣхъ только словахъ, но обнаруживаться на самомъ дѣлѣ.

Изъ числа случаевъ желанія помѣщиковъ избавиться отъ обязанности надѣленія крестьянъ землей слѣдуетъ упомянуть, какъ объ особенно крупномъ фактѣ, надѣлавшемъ въ свое время много шума, о дѣлѣ помѣщика Владимірской губерніи Кошанскаго. Кошанскій — извѣстный во время оно по своимъ темнымъ дѣламъ оберъ-секретарь сената, уволенный отъ службы по высочайшему повелѣнію покойнаго государя за свои продѣлки. Это нисколько не помѣшало ему нѣсколько трехлѣтій сряду быть избираемымъ уѣзднымъ предводителемъ судогодскими дворянами. Онъ былъ предводителемъ и въ 1858 году.

Послѣ выхода первыхъ рескриптовъ, Кошанскій сослалъ всѣхъ крестьянъ одной изъ своихъ деревень въ Сибирь, и то мѣсто, гдѣ была эта деревня, запахалъ и засѣялъ хлѣбомъ. Это дѣло было не у меня (т. е. не въ земскомъ отдѣлѣ), а въ департаментѣ полиціи исполнительной, поэтому я всѣхъ подробностей не помню. Но помню, что на основаніи состоявшагося по личному докладу министра внутреннихъ дѣлъ, высочайшаго повелѣнія: крестьяне были возвращены съ дороги въ Сибирь, водворены на старыхъ мѣстахъ на счетъ Кошанскаго, а поступокъ его былъ отданъ на судъ дворянства. Если бы это шло чрезъ главный комитетъ, то безъ всякаго сомнѣнія не состоялось бы такого энергическаго распоряженія. До какой степени это было непріятно, по принципу, и повсемѣстному дворянству и высшимъ защитникамъ крѣпостныхъ правъ и преимуществъ, у меня остались слѣды въ сохранившейся перепискѣ. А. И. Левшинъ, который обольщалъ себя мыслию, что крестьянское дѣло могло сопровождаться единственно только мягкими и пріятными для дворянства мѣрами, не одобрялъ энергическихъ мѣръ, и потому, самъ не замѣчая, сдѣлался отголоскомъ партіи, не сочувствующей начатому преобразованію. О дѣлѣ Кошанскаго онъ писалъ ко мнѣ изъ Москвы: „дѣло Кошанскаго

сдѣлало въ дворянствѣ и даже въ лицахъ, окружающихъ государя, дурной эффектъ. Не лицо Кошанскаго важно,—онъ давно извѣстный бездѣльникъ; но чего же хотятъ еще отъ дворянства. Онъ уже наказанъ, опубликованъ, имѣніе отобрано, что же можетъ еще сдѣлать съ нимъ дворянство? Неужели сослать самого въ Сибирь или отрубить голову?“ На эти вопросы прямой отвѣтъ: дворянству слѣдовало бы исключить его изъ своей среды. Левшинъ далѣе продолжалъ: „ко мнѣ во Владимірѣ, многіе обращались съ этими вопросами... но я отказывался отъ всякихъ отвѣтовъ. Между тѣмъ одинъ изъ приближенныхъ къ государю сказалъ мнѣ: „видно вашему министру нечего докладывать государю, что онъ безъ разбора и безъ разслѣдованія все несетъ къ нему и ставитъ его въ такое фальшивое положеніе“. Этотъ приближенный, по всей вѣроятности, былъ шефъ жандармовъ князь В. А. Долгоруковъ. Коноводы крѣпостной партіи среди владимірскаго дворянства не могли не знать, что состоявшееся высочайшее повелѣніе о Кошанскомъ осуждается лицами, близко стоящими къ государю, и даже товарищемъ самаго министра внутреннихъ дѣлъ. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ владимірскихъ дворянъ слышали эти недобрительные отзывы изъ устъ самихъ этихъ лицъ. Черезъ три недѣли, по отъѣздѣ государя изъ Владиміра, было открыто тамъ (16 сентября) губернское дворянское собраніе, какъ для суда надъ Кошанскимъ, такъ и для выбора членовъ въ комитетъ по устройству быта крестьянъ.

Объ этомъ собраніи сообщалъ мнѣ Д. П. Гавриловъ, выписки изъ писемъ котораго я уже приводилъ и который участвовалъ въ этомъ собраніи какъ владимірскій дворянинъ. „Грустно сообщать—писалъ Гавриловъ—о всѣхъ возмутительныхъ несообразностяхъ, которыя произносились съ крикомъ и угрозами и подавались въ видѣ мнѣній. Волнуемая страстями масса потеряла способность соображать и сохранила только чувство злобы къ правительству и затаеннаго страха ясно высказать эту злобу. Окончательнымъ результатомъ была совершенная разногласица, которую помощію какихъ-то темныхъ маневровъ, коноводы такъ называемой дворянской партіи свели къ мнимому большинству, кажется 76 голосовъ противъ 74, требующему предварительнаго изслѣдованія поступковъ Кошанскаго“.

Такое постановленіе видимо было подсказано, потому что оно

выражаетъ ходатайство дворянства исправить ошибку министра, который, „безъ разбора и разслѣдованія все несетъ государю и ставитъ его въ фальшивое положеніе“, какъ выражалось одно изъ высвостоявшихъ лицъ въ разговорѣ съ товарищемъ министра о дѣлѣ Кошанскаго.

Случай этотъ былъ не единственный. Объ усиленіи ссылки въ Сибирь въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ имѣлись свѣдѣнія изъ трехъ губерній: Владимірской, Рязанской и Казанской. Число сосланныхъ своими помѣщиками крѣпостныхъ людей съ начала года по сентябрь (1858 г.) было:

По Владимірской губ.—109 ¹⁾ человекъ, по Рязанской губ.—96 человекъ, по Казанской губерніи свѣдѣній объ общемъ числѣ не было доставлено; но губернаторъ доносилъ, что однимъ помѣщикомъ отправлено въ Сибирь одновременно 7 крестьянскихъ семействъ, въ числѣ 33 человекъ.

Сообщая приведенныя числовыя данныя, каждый изъ трехъ губернаторовъ высказывалъ свое мнѣніе по этому предмету.

Владимірскій губернаторъ (Тиличевъ) доносилъ, что ссылка крестьянъ въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ производитъ непріятное впечатлѣніе на низшіе классы народа, особенно на помѣщичьихъ крестьянъ, тѣмъ болѣе, что въ большей части случаевъ причины ссылки были конечно не столько „нестерпимое поведеніе“ (законный терминъ), сколько личный произволъ и неудовольствіе помѣщика, а иногда и расчетъ. Общія слухи обвиняли нѣкоторыхъ изъ этихъ владѣльцевъ въ намѣреніи, черезъ удаленіе людей, очистить и присвоить себѣ ихъ усадебную осѣдность.

Рязанскій губернаторъ (Муравьевъ—сынъ М. Н. Муравьева) писалъ, что по собраннымъ секретно свѣдѣніямъ, оказалось, что вина ссылаемыхъ не во всѣхъ случаяхъ соответствовала строгости наказанія. Жестокость наказанія увеличивалась тѣмъ, что помѣщики строго держались закона, позволяющаго оставлять въ имѣніяхъ дѣтей: мужскаго пола свыше 5-ти, а женскаго 10-ти лѣтъ. Это обстоятельство, по отзыву Муравьева, доводило ссылаемыхъ до крайняго отчаянія.

Казанскій губернаторъ (Козляиновъ) въ своему представле-

¹⁾ Не помню навѣрное, но должно быть, что въ этомъ числѣ были крестьяне Кошанскаго. Я. С.

нію по частному случаю присовокуплялъ, что столь часто повторяющіеся случаи, кажется, можно отнести къ желанію помѣщиковъ избавиться отъ крестьянъ, съ цѣлью удержать за собою ихъ усадебную землю, да и вообще имѣть возможность надѣлить меньшее число крестьянъ землей.

Правительство не могло не обратитъ вниманія на полученныя свѣдѣнія. Оно не могло не принять въ соображеніе, что приведенныя цифры относились только къ тремъ губерніямъ и при томъ за 7 первыхъ мѣсяцевъ 1858 года, а всѣхъ губерній, въ которыхъ были крѣпостные люди, въ это время было 46, не считая Сибири и Закавказскаго края. Предварительно принятія какихъ либо мѣръ въ законодательномъ порядкѣ, министерство внутреннихъ дѣлъ сочло нужнымъ циркулярно предложить начальникамъ губерній о строгомъ соблюденіи существующихъ законовъ съ указаніемъ при этомъ на существующія въ законѣ, хотя и не значительныя, ограниченія помѣщичьей власти относительно удаленія своихъ крѣпостныхъ людей въ Сибирь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ министръ, согласно моему докладу, поручилъ мнѣ приступить къ подробному разсмотрѣнію, какъ существующихъ въ то время постановленій и происхожденія ихъ, такъ и тѣхъ ограниченій къ этому отношенію помѣщичьей власти, которыя дѣлались и предполагались въ теченіи двухъ прошедшихъ царствованій.

Начало закона объ удаленіи въ Сибирь за дурное поведеніе, по волѣ помѣщиковъ и по приговорамъ обществъ, положено въ 1760 году, въ видахъ заселенія „тамошняго края“.

Въ 1811 году мѣра эта вовсе была отмѣнена и въ состоявшемся по этому случаю рескриптѣ было сказано, что ссылка есть наказаніе, по суду опредѣляемое, и что слѣдовательно ни помѣщики, ни мірскія общества не могутъ присуждать къ ней по своему усмотрѣнію. По одному частному случаю, она была возобновлена въ 1822 году. Ограниченіе было только сдѣлано при введеніи инвентарныхъ положеній въ западныхъ губерніяхъ въ 1849 и 1853 годахъ, состоящее въ томъ, что уѣздные предводители дворянства обязаны были предварительно удостовѣряться въ причинахъ, побуждающихъ помѣщиковъ къ ссылкѣ крестьянъ. Покойный государь Николай Павловичъ два раза въ началѣ и концѣ своего царствованія, въ 1828 и въ 1854 году, выражалъ намѣреніе ограничить власть помѣщиковъ относительно ссылки крѣ-

постныхъ людей. Но первый разъ высочайшее повелѣніе осталось вовсе безъ послѣдствій; а во второй государственный совѣтъ положительно призналъ ограниченіе власти помѣщиковъ мѣрой неудобной, такъ какъ, по мнѣнію его, мѣра эта потрясла бы довѣріе и уваженіе крестьянъ къ владѣльцамъ и повела бы къ нарушенію общественнаго спокойствія и безопасности.

Когда моя работа была подготовлена, тогда предварительно внесенія дѣла въ Главный Комитетъ, мы просили заключенія тогдашняго министра юстиціи, нынѣ уже (1874 году) покойнаго графа Панина, который по своему обыкновенію, далъ прекуръезное консервативное мнѣніе. Графъ Панинъ отозвался, что онъ полагалъ бы, не отмѣняя общаго закона, предоставить губернаторамъ, въ случаѣ удаленія кѣмъ либо изъ помѣщиковъ болѣе одного семейства на 20 душъ крестьянъ, требовать отъ владѣльца объясненія и при неудовлетворительномъ отзывѣ представлять о томъ министру внутреннихъ дѣлъ. По этому разсчету выходило бы, что помѣщикъ, владѣвшій 1000 душами, могъ сослать безпрепятственно 50 семействъ, т. е. полагая по самому умѣренному разсчету на семейство 3 души, 150 душъ, слѣдовательно по всей Россіи на 10 милліоновъ душъ могло быть сослано въ Сибирь 1½ милліона. Конечно министерство внутреннихъ дѣлъ не могло согласиться на допущеніе такого переселенія народа изъ Европы въ Азію. Но главный комитетъ не принялъ и нашего предположенія, чтобы тогда же прекратить произвольное удаленіе крестьянъ въ Сибирь и допускать его не иначе, какъ съ утвержденія губернскаго правленія. Главный комитетъ ограничился предоставленіемъ губернаторамъ права, если они признаютъ нужнымъ, производить негласное дознаніе о причинахъ ссылки. Если при этомъ оказалось бы, что помѣщикъ употребляетъ во зло свою власть, то губернаторъ обязывался представить о такомъ случаѣ министру внутреннихъ дѣлъ, остановивъ переселеніе крестьянъ въ Сибирь. Это распоряженіе было сообщено губернаторамъ въ концѣ года (6-го декабря 1858 г.).

Но, кромѣ удаленія въ Сибирь, могло быть: перенесеніе усадебъ съ однихъ мѣстъ на другія въ одномъ и томъ же имѣніи, переселеніе изъ одного имѣнія или въ другое, или на незаселенную землю, принадлежащую одному помѣщику, а также крестьяне могли быть переуступлены для переселенія однимъ помѣщикомъ

другому. Подробныхъ свѣдѣній о частныхъ случаяхъ переселеній въ моихъ бумагахъ не сохранилось, потому что дѣла о подобныхъ отдѣльныхъ случаяхъ производились въ то время бѣльшей частію въ департаментѣ полиціи исполнительной, хотя въ наиболѣе важныхъ случаяхъ всегда по соглашенію съ земскимъ отдѣломъ. Съ тогдашнимъ директоромъ упомянутаго департамента С. Р. Ждановымъ я жилъ всегда въ мирѣ и согласіи. Онъ оказывалъ полное содѣйствіе крестьянскому дѣлу и очень былъ радъ, когда земскій отдѣлъ что нибудь дѣлалъ вмѣсто его департамента.

Но выше было упомянуто, что 10 процентовъ всѣхъ случаевъ неповиновенія относилось въ переселенію крестьянъ съ однѣхъ мѣстъ на другія.

Изъ этого было видно, что простаго совѣта, даннаго въ мартѣ (1858 г.) мѣсяцѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ помѣщикамъ черезъ губернскихъ предводителей дворянства, оказалось недостаточно. Поэтому, въ концѣ года, открылась необходимость издать положительныя правила относительно переселенія крестьянъ. По высочайше утвержденному положенію главнаго комитета, было предложено (10-го декабря) губернаторамъ, чтобы они допускали переселеніе не иначе какъ по удостовѣренію, что въ томъ мѣстѣ, куда переселяются крестьяне, находится достаточное для нихъ количество угодій и приготовлены необходимыя для крестьянъ помѣщенія, все нужное для ихъ водворенія и надлежащее количество хлѣба для посѣва и для продовольствія до будущаго урожая. Вмѣстѣ съ тѣмъ и на основаніи того же высочайше утвержденаго положенія главнаго комитета сдѣлано было распоряженіе по министерству юстиціи о порядкѣ совершенія актовъ на приобрѣтеніе людей безъ земли и на отчужденіе земли отдѣльно отъ крестьянъ.

При строгомъ исполненіи этихъ двухъ циркуляровъ всякое отдаленное переселеніе дѣлалось невозможнымъ. Исполненіе требованія о заготовленіи для крестьянъ помѣщеній и хлѣба для посѣва и продовольствія стоило бы громаднхъ суммъ. Обыкновенно переселенные крестьяне: сначала помѣщались кое-какъ въ устраиваемыхъ ими самими землянкахъ или шалашахъ и затѣмъ сами мало по малу строили для себя избы; питались тоже кое-какъ.

Установленныя же вышеупомянутымъ циркуляромъ министра юстиціи формальности, при совершеніи купчихъ крѣпостей, дѣ-

дали почти невозможнымъ, какъ приобрѣтеніе крестьянъ безъ земли, такъ и продажу земли отдѣльно отъ крестьянъ.

Точно также оказалось недостаточною мѣра, принятая въ началѣ года въ видахъ ограниченія приѣма рекрутъ отъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. Въ концѣ года (5-го ноября), признано было необходимымъ: приѣмъ людей въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ отъ тѣхъ помѣщиковъ, которые по закону не обязаны были отправлять рекрутскую повинность натурой, (воспретить).

Кромѣ всѣхъ исчисленныхъ способовъ обезземеленія крестьянъ открылся еще одинъ: заложить заселенную землю, но безъ крестьянъ. По просрочкѣ закладной, земля подлежала публичной продажѣ; а крестьяне, лишенные земли, оставались собственностію ихъ прежняго владѣльца. По положенію главнаго комитета, состоялось (1-го мая 1859 г.) высочайшее повелѣніе, чтобы, при совершеніи закладныхъ на землю, отдѣльно отъ поселенныхъ на ней крестьянъ, допускались подобныя закладныя въ такомъ только случаѣ, когда, кромѣ закладываемой земли, при имѣніи оставалось не менѣе 4¹/₂ десятинъ на душу.

При разсмотрѣніи изложенныхъ распоряженій правительства, ограничивающихъ произволъ помѣщиковъ, нельзя не замѣтить, что усилія министерства внутреннихъ дѣлъ къ болѣе правильному направленію дѣла не остались безъ существенныхъ послѣдствій. Слабыя въ началѣ 1858 года мѣры все болѣе и болѣе усиливаются, такъ что къ концу года у помѣщиковъ были отняты почти всѣ способы къ обезземеленію крестьянъ ¹⁾.

¹⁾ Въ подлинникѣ зачеркнуто: „Слабость мѣръ противъ обезземеленія въ началѣ 1858 г. и большая рѣшительность ихъ впоследствии, объясняется слѣдующими соображеніями. Въ началѣ 1858 г. какъ министерство внутреннихъ дѣлъ, такъ и лица, сочувствующія крестьянскому дѣлу, въ составѣ Главнаго Комитета и его канцеляріи, были подавлены ретрограднымъ большинствомъ Комитета. Изъ предъидущаго изложенія ясно было видно, что министерство, вопреки основнымъ началамъ своего учрежденія, въ большей части состоявшихся въ началѣ года постановленій и сдѣланныхъ распоряженій лишено было существеннаго своего права—иниціативы въ дѣлахъ своего вѣдомства. Въ теченіи гѣта министерство успѣло собраться съ силами, сообразить планъ своихъ дѣйствій и заготовить матеріалы для предстоящихъ ему представлений въ Главный Комитетъ: у земскаго отдѣла было уже прошедшее, не превышавшее, впрочемъ, нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ накопленіе и матеріаловъ, и опытности. Но министерство внутреннихъ дѣлъ

Вникая въ подробности законодательныхъ и административныхъ мѣръ, предпринятыхъ для предупрежденія обезземеленія крестьянъ, нельзя не признать, что самая важная изъ нихъ состояла въ запрещеніи дальнѣйшаго перечисленія изъ крестьянъ въ дворовые. Это отчасти видно изъ того, что несмотря на указъ 2-го марта, составители программы пытались допустить это перечисленіе при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Такое обращеніе надѣленныхъ земель крестьянъ въ безземельныхъ дворовыхъ могло дѣлаться въ умѣренныхъ размѣрахъ одновременно и повсемѣстно въ предѣлахъ каждаго имѣнія, не возбуждая никакой огласки; въ общемъ итогѣ обезземельныхъ такимъ образомъ крестьянъ могло бы оказаться значительное число. Этотъ способъ тѣмъ болѣе былъ опасенъ, что онъ не требовалъ со стороны помѣщиковъ никакихъ издержекъ и никакихъ хлопотъ.

Ссылка въ Сибирь для достаточныхъ помѣщиковъ и отдача въ рекруты для мелкопомѣстныхъ представляли опасность не столько по размѣру распространенія этихъ способовъ обезземеленія, сколько по тяжелымъ послѣдствіямъ для лицъ, подверженныхъ ссылкѣ и отдачи въ рекруты, и раздражающей формѣ уголовныхъ наказаній безъ всякаго суда. Ни ссылка въ Сибирь, ни отдача въ рекруты не могли принять большихъ размѣровъ; предоставленіе людей въ распоряженіе правительства требовало издержекъ; а рекрутъ изъ крестьянъ мелкопомѣстныхъ имѣній не могло быть отдано много, потому что всѣхъ ихъ насчитывалось не бо-

одно не въ состояніи было ничего сдѣлать. Самая главная его опора состояла въ твердомъ намѣреніи Государя совершить на началахъ, безобидныхъ для обѣихъ сторонъ, предпринятое имъ великое дѣло и возвращеніе довѣрія Государя къ министру, которое едва не успѣли поколебать. То и другое выразилось въ нижегородскомъ дѣлѣ, о которомъ сейчасъ будетъ сказано, и въ особенности въ словахъ, сказанныхъ С. С. Ланскому Государемъ, по возвращеніи его въ Петербургъ. Слова эти будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ. О союзникахъ министерства внутреннихъ дѣлъ изъ числа членовъ императорской фамиліи, высшаго и еще болѣе интеллигентнаго петербургскаго общества, также какъ и литературы, было сказано выше. Здѣсь слѣдуетъ только упомянуть, что все здоровое меньшинство: сначала въ дворянскихъ собраніяхъ, а потомъ въ комитетахъ, сочувствовало направленію и дѣятельности министерства и съ своей стороны оказывало полезное ему содѣйствіе, въ замѣнъ чего пользовалось постоянной поддержкой министерства въ столкновеніяхъ съ большинствомъ. Затѣмъ въ направленіи самаго Главнаго Комитета произошелъ крутой поворотъ къ лучшему, о чемъ подробно будетъ объяснено ниже". Я. С.

лѣе 200 или 300 тысячъ душъ. Но оба эти способа въ основаніи своемъ имѣли столько возмутительнаго, что они легко могли возбудить народное негодованіе и дѣйствительно возбуждали, и затѣмъ повести за собой волненія между крестьянами, которыя пришлось бы усмирять крутыми мѣрами.

Отпуска массами на волю не могло быть, потому что большая часть имѣній была заложена, а въ случаяхъ залога требовалось, чтобы за каждую увольняемую душу вносилась сумма, въ какой она были заложены. Отдѣльные случаи увольнения могли соединяться съ требованіемъ отъ увольняемыхъ, если они имѣли деньги, выкупа; но такихъ случаевъ не могло быть много. Большая часть изъ значительныхъ помѣщиковъ на это не рѣшились бы, какъ и вообще на увольненіе массами; а у другихъ владѣльцевъ мало было богатыхъ крѣпостныхъ людей. Во всякомъ случаѣ нельзя было оставлять этого способа обезземеленія во всей его силѣ наканунѣ уничтоженія крѣпостнаго состоянія.

Особеннаго вниманія правительства потребовало переселеніе въ разныхъ видахъ, изъ которыхъ самое возмутительное—продажа крестьянъ безъ земли для переселенія. Я помню одинъ случай продажи нѣсколько сотъ душъ изъ центральныхъ губерній въ одну изъ степныхъ. Этотъ случай и былъ, сколько я помню, поводомъ къ составленію правилъ для переселенія и къ обстановкѣ разными формальностями совершенія купчихъ крѣпостей. Но большихъ размѣровъ переселенія также не могли принять, какъ потому, что противъ этого возставало общественное мнѣніе, такъ и потому, что каждое переселеніе требовало много хлопотъ, издержекъ и безпокойствъ. Даже переселенія внутри имѣнія были весьма рѣдки; но онѣ часто сопровождались крайне несправедливыми дѣйствіями, съ отнятіемъ у крестьянъ хорошихъ земель и предоставленіемъ имъ дурныхъ.

Въ заключеніе, я не могу не прибавить, что правительство обязано было принять всѣ изложенныя мѣры для загражденія помѣщикамъ возможности обезземеленія крестьянъ; обязано было какъ по чувству справедливости, такъ и въ видахъ внутренней политики, изъ боязни, чтобы отдѣльныя, хотя бы и рѣдкія, но тѣмъ не менѣе произвольныя и несправедливыя дѣйствія помѣщиковъ не взволновали крестьянъ. Что же касается до опасенія, чтобы тотъ или другой способъ или всѣ вмѣстѣ стали примѣняться помѣщи-

ками съ систематическимъ постоянствомъ, то подобное опасеніе не могло имѣть мѣста.—по слѣдующимъ причинамъ.

Самыя главныя изъ этихъ причинъ заключались въ томъ, что между русскимъ помѣщикомъ и его крѣпостными не прекращались общечеловѣческія отношенія. Помѣщикъ всегда помнилъ, что крестьянинъ челоѣкъ, а съ дворовыми, сверхъ того, его связывали семейныя преданія. Между русскими дворянами и крѣпостными не было таковаго громаднаго разстоянія, какое существовало и отчасти даже теперь существуетъ между польскимъ помѣщикомъ и крестьяниномъ; хотя бы послѣдній былъ и полякъ и католикъ, это нисколько не мѣшало польскому шляхтичу называть крестьянина „быдломъ“ (скотомъ), а крестьянинъ обязанъ былъ кланяться своему пану до земли и цѣловать его руку, которая протягивалась и протягивается до сихъ поръ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Человѣческія отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ и вообще высшаго класса къ низшимъ—самое лучшее свойство русскаго дворянина, которымъ онъ можетъ гордиться не только передъ польскими и остзейскими своими собратьями, но и передъ высшими классами всей западной Европы; у насъ никогда не существовало тѣхъ унижительныхъ, разорительныхъ для крестьянъ и возмущающихъ душу феодальныхъ правъ, о которыхъ я имѣлъ случай выше упомянуть.

Къ несчастію двѣ другія причины, хотя весьма полезныя для крестьянскаго дѣла, произвели въ нашей исторіи, до сихъ поръ производятъ и долго еще будутъ производить много золь и служить препятствіемъ къ нашему дальнѣйшему развитію, какъ служили прежде и служатъ теперь.

Во всей нашей жизни до сихъ поръ отражается какая-то неуѣлость пользоваться тѣми правами, какія мы имѣемъ. Мы или вовсе не пользуемся тѣмъ, что намъ даровано или что мы приобрѣли, или выходимъ изъ предѣловъ нашихъ правъ, нарушая коренныя юридическія основанія. Русскій челоѣкъ пойдетъ въ огонь, рѣшится на самый крайній поступокъ; но рѣдко выдержитъ до конца, когда онъ долженъ постепенно, мало по малу, подвигаться къ предначначенной цѣли. Онъ готовъ принять участіе въ славкомъ дѣлѣ, требующемъ энергіи и самоотверженія, но весьма мало способенъ выдерживать хотя и не опасную, однако, постоянную и мелочную борьбу съ интригами и разнаго рода препят-

ствіями обыденной жизни. У русскаго человѣка не достаетъ терпѣнія быть всегда на сторожѣ противъ своихъ враговъ: или онъ сдѣлается жертвою своего добродушія и довѣрчивости или, выведенный изъ терпѣнія, дастъ оружіе своимъ врагамъ какимъ нибудь неосторожнымъ своимъ поступкомъ. Большею частію онъ скоро устааетъ, уклоняется отъ дѣятельной жизни и покоряется обстоятельствамъ, съ которыми не могъ сладить. Обыкновенно при этомъ онъ успокаивается тѣмъ, что виноваты въ его недѣятельности не онъ, а другіе. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что русскій человѣкъ до сихъ поръ былъ почти неспособенъ жертвовать своимъ самолюбіемъ общему дѣлу. Всѣ эти явленія нашей политической незрѣлости привыкли сваливать на правительство и исторію, какъ будто бы свойства правительства не есть самое вѣрное отраженіе свойствъ самаго народа, какъ будто бы не народъ, а что-то постороннее создаетъ исторію.

Опасеніе обезземеленія крестьянъ въ большихъ размѣрахъ не могло имѣть мѣсто по третьей также немаловажной причинѣ—постояннаго безденежья нашихъ помѣщиковъ. Недѣятельность вслѣдствіе этой причины увеличивалась недостаточностію предпріимчивости. Надо было хлопотать: наводить справки, брать свидѣтельство,—ничего такъ не боялся прежній помѣщикъ, какъ соприсношенія съ бумажнымъ производствомъ. Отсутствіе денежныхъ средствъ лишало его помощи въ этомъ случаѣ другихъ; притомъ тогда не было такого множества адвокатовъ, хотя и былистряпчіе по дѣламъ, но ихъ было немного и они умѣли писать только просьбы по извѣстной формѣ, но не умѣли вести дѣла по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ. Кромѣ того, на такія дѣла, какъ переселенія, начиная съ Сибири до переноса усадьбъ на другое мѣсто въ томъ же имѣніи, требовались болѣе или менѣе значительныя суммы денегъ, или по крайней мѣрѣ пріостановленіе, болѣе или менѣе замѣтное, барщинскихъ работъ. Во всякомъ случаѣ, необходимы были временныя жертвы, которыхъ помѣщики: или не могли или не рѣшались сдѣлать, хотя бы впослѣдствіи эти жертвы были вознаграждены съ избыткомъ.

Оградивъ по возможности крѣпостныхъ людей отъ обезземеленія и отъ крайне произвольнаго проявленія помѣщичьей власти, правительство озаботилось облегчить для нихъ нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ узаконеній. Такъ съ 1848 года крѣпостные люди

получили право покупать недвижимую собственность на свое имя, и вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшено было помѣщикамъ безпошлинно выдавать купчія крѣпости крестьянамъ на тѣ имущества, которыя приобрѣтены были ими послѣдними прежде на имена помѣщиковъ; но на это назначенъ былъ 10-лѣтній срокъ. По случаю истеченія этого срока, онъ былъ продолженъ на неопредѣленное время. Облегчены были формальности приписки въ обществамъ государственныхъ крестьянъ для лицъ, обязанныхъ избрать родъ жизни, изъ которыхъ большая часть были вольноотпущенные. При чемъ предоставлялось имъ водворяться въ казенныхъ селеніяхъ, въ которыхъ были излишнія земли, не испрашивая пріемнаго приговора обществъ. Послѣдняя мѣра, впрочемъ, имѣла и полицейскую цѣль—уменьшить число бродячаго населенія.

Я. А. Соловьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ И ГР. ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ.

ПЕРЕПИСКА 1828—1830 гг. ¹⁾.

1829 г.

Дибичъ — императору Николаю.

Лагерь при Энжикіой, близъ Шумлы, 25-го іюня.

(Перев. съ франц.). Имѣю честь представить при семь два ключа отъ воротъ Силистріи, бунчукъ паши Хаджи-Ахмета сераскира и 16 знаменъ, сданныхъ гарнизономъ. Везетъ ихъ поручикъ Черноморскаго казачьяго войска, Майборода — молодой человекъ очень способный и весьма храбрый. Генер. Красовскій проситъ его себѣ въ адъютанты, съ переводомъ въ гвардію. Такъ какъ я полагаю, что не благовидно имѣть казачьихъ офицеровъ адъютантами, то В. В., можетъ быть, соизволите оставить его, на время кампаніи, при генер. Красовскомъ, гдѣ онъ можетъ служить съ пользою.

Я не имѣю сообщить В. В.—ву ничего новаго, кромѣ лишь того, что вышедшій вчера изъ Шумлы болгаринъ рассказывалъ, будто пришедшіе туда 8 или 9 полковъ прибыли изъ Бургаса и Айдоса. Это было бы въ высшей степени выгодно для нашихъ операцій за Балканами; и оно довольно близко согласуется съ извѣстіями отъ генер. Понсета, который — по показаніямъ же болгаръ — тоже говоритъ, что число полевыхъ войскъ и гарнизоновъ значительно уменьшилось. Болгаринъ, вышедшій изъ Шумлы, рассказываетъ, будто онъ самъ сопровождалъ прибывшихъ туда 4 полка, которые изъ Бургаса шли черезъ Айдосъ,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 95—110, 511—526, 765—780; т. XXVIII, стр. 409—428; т. XXIX, стр. 891—934. Изд. 1881 г., томъ XXX, стр. 105—130; томъ XXXII, стр. 287—302, 705—720.

потомъ черезъ неизвѣстное ему мѣстечко, а затѣмъ черезъ Чаликовакъ и Эскистамбулъ, и что полки эти были безъ пушекъ, но имѣли обозы. Постараюсь, на сколько возможно, разъяснить это показаніе. Въ Адрианополѣ, по всѣмъ слухамъ, не собрано большаго числа войскъ.

30-го числа, передовыя войска Рота начнутъ движеніе. Я останусь съ Паленомъ, вѣроятно, до 4-го числа. Если Богъ намъ поможетъ и намъ удастся скрыть свое движеніе въ продолженіи двухъ дней, то надѣюсь, что самыя большія затрудненія будутъ преодолены между 8-мъ и 10-мъ іюля.

Благоволите, Государь.....

Лагерь при Энжикіой, близъ Шумлы, 26-го іюня.

(Перев. съ франц.). Фельдъегеръ Непорожневъ привезетъ В. И. В.—у ключи Силистріи и 38 знаменъ, которыя доставлены были мнѣ ген.-маіоромъ Бергомъ, тотчасъ послѣ сдачи крѣпости. Генер. Красовскій хотѣлъ на слѣдующій день прислать мнѣ бунчуки и 16 остальныхъ знаменъ; но такъ какъ пребываніе пашей въ крѣпости замедлилось, а знаковъ власти у нихъ не отнимаютъ, пока они заняты сдачею всѣхъ военныхъ вещей и пр., то я не хотѣлъ задерживать отсылки ключей. Надѣюсь однако, черезъ нѣсколько дней, вслѣдъ за этимъ фельдъегеремъ послать другаго, который доставитъ и точную опись всему, что находится въ Силистріи.

Плѣнные, которыхъ 8,000, будутъ отосланы въ Фальчи; паши просились ѣхать въ Одессу,—куда они и будутъ посланы, если В. В. не дадите инаго приказанія. Генер. Красовскій счелъ возможнымъ разрѣшить: находящихся въ числѣ военно-плѣнныхъ, турецкихъ раненыхъ (которыхъ около 1,000 чел.) отправить въ Русукукъ, гдѣ они болѣе стѣснять гарнизонъ, нежели помогутъ ему.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ затрудненій, постоянно встрѣчающихся при принятіи турецкихъ крѣпостей, выступленіе Красовскаго, къ несчастію, сильно замедлилось и онъ доноситъ мнѣ, что не въ состояніи будетъ выступить съ послѣднею колонною ранѣе 29-го числа, т. е. цѣлою недѣлею позже, чѣмъ я надѣялся. Согласно сему, я начерталъ себѣ слѣдующія предположенія для перехода черезъ Балканы.

Гарнизонъ Силистріи составятъ: 1-я бригада 4-й и 3-я бригада 8-й дивизій, баталіоны: саперный и 3-й пионерный, и три казачьи полка. На первое время, комендантомъ останется тамъ полковникъ кн. Волконскій, а самая крѣпость будетъ въ вѣдѣніи генер. Киселева, такъ какъ принадлежитъ гораздо болѣе театру воен. дѣйствій Дунайскаго отряда, нежели Балканскаго.

Движеніе арміи произведено будетъ слѣдующимъ образомъ: какъ только прибѣдетъ 3-я гусарская дивизія, 29-го числа—генер. Ротъ двинется съ 16-ю пѣх. дивизіею по направленію къ Дѣвно, сдѣлавъ первый переходъ ночью; тамъ (въ Дѣвно) онъ соберетъ полки 7-й дивизіи, которая, вмѣстѣ съ 16-ю пѣхотною и 4-ю уланскою, составитъ 6-й армейскій корпусъ и лѣвое крыло арміи. По прибытіи перваго эшелона пѣхоты 3-го корпуса, генер. Ридигеръ двинется—тоже, ночью—черезъ Марковчи къ Праводамъ и составитъ, съ 18-ю дивизіею, егерями 19-й дивизіи и тремя казачьими полками, правое крыло. Послѣ прибытія генер. Красовскаго, генер. Паленъ, оставивъ ему еще одну гусарскую бригаду, пойдетъ ночью въ Енибазаръ и составитъ резервъ, который, на первый случай, будетъ имѣть возможность поддержать каждый пунктъ, гдѣ въ этомъ встрѣтится необходимость; при резервѣ этомъ буду находиться и я.—Красовскій съ 5-ю пѣхот. бригадами 3-го корпуса и 5-ю кавалерійскими бригадами (3-мя гусарскими и 2-мя бугскими уланскими) останется на позиціи передъ Шумлюю, одинъ или два дня, въ продолженіи которыхъ генер. Ротъ овладѣетъ проходомъ Дервишъ-Кіюй, а генер. Ридигеръ—проходомъ Кіюприкіюй, сильно обстрѣлявъ съ фронта турецкіе окопы (въ которыхъ не болѣе какъ по 200 или 300 чел.) и затѣмъ обойдя ихъ съ фланговъ.

Если въ этотъ день великій визирь не предприметъ никакого движенія, то гр. Паленъ въ тотъ же вечеръ и на другой день перейдетъ въ Дѣвно, и даже до Гассансакляра; въ ту же ночь генер. Красовскій перейдетъ къ Енибазару, на позицію у Янускіюй.—Генер. Ридигеръ, устроивъ прочное мостовое прикрытіе у Кіюприкіюй, оставитъ тамъ егерей 19-й дивизіи, а самъ двинется черезъ Дервишъ-Кіюй, на дорогу въ Айваджикъ. Генер. Ротъ наступаетъ по возможности быстро, вдоль морскаго берега, и можетъ около 8-го іюля прибыть въ окрестности Монастырь-Кіюя, къ южному подножію Балкановъ, гдѣ онъ приготовитъ укрѣпленія, или же овладѣетъ Мисемвриюю, съ помощію флота, который прибѣдетъ туда на тѣхъ же дняхъ.

Если бы, сверхъ всякаго ожиданія, великій визирь послѣдовалъ за генер. Красовскимъ, то я, съ 2-мъ корпусомъ, двинуся на помощь послѣднему; если же, напротивъ того, и визирь, съ своей стороны, поспѣшитъ перейти Балканы, дабы предупредить насъ по крайней мѣрѣ въ Айдосѣ,—тогда 2-й корпусъ слѣдуетъ, не останавливаясь, за колоннами Рота и Ридигера, и я могу буду собрать за Балканами 40 т. чел., изъ коихъ 28 т. пѣхоты. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, Красовскій двинется къ Шумлѣ, дабы, если возможно, тревожить визиря, при его движеніи черезъ Эски-Стамбулъ, или чтобы

принудить его оставить въ Шумлѣ значительныя силы, для обороны обширныхъ верковъ этой крѣпости. Таковы мои общія соображенія; но обстоятельства могутъ заставитьъ сдѣлать въ нихъ значительныя перемѣны.

Отъ первоначальнаго моего желанія—сдѣлать высадку въ окрестностяхъ Бургаса, я отказался по тремъ причинамъ. Первая—есть слабость флота, вслѣдствіе большаго числа больныхъ, и опасеніе—неоднократно удалять его, при подобныхъ обстоятельствахъ, отъ строгаго наблюденія за турецкимъ флотомъ. Вторая причина есть опасеніе, что подобная экспедиція, которую нельзя совершить иначе, какъ съ обширными подготовленіями, возбудила бы полное вниманіе непріятели. Наконецъ, третью причиною является опасность посадки войскъ на суда по близости отъ города, гдѣ свирѣпствуетъ заразная болѣзнь.

По донесеніямъ перебѣжчиковъ, должно полагать, что великій визирь получилъ изъ Константинополя 9 полковъ регулярной пѣхоты; но полки эти не сильнаго состава и плохо обучены. Прибытіе этихъ полковъ въ Шумлу, вмѣсто того, чтобы они были употреблены на усиленіе Айдоса, подаетъ мнѣ надежду, что остановка моя передъ Шумлою обманула Рещида и что онъ думалъ, будто я, по прибытіи Красовскаго, повторю прошлогоднюю блокаду. Постараюсь, насколько возможно, утвердить его въ этомъ мнѣніи.

Заразительная болѣзнь все еще продолжается съ большою силою въ Варнѣ и Козлуджи; въ другихъ портахъ и въ княжествахъ она менѣе сильна. Въ самой арміи были лишь рѣдкіе случаи заболѣваній, но и они, благодаря Бога, не сообщались другимъ.

Съ этимъ же курьеромъ, В. И. В. получите мое представленіе о Бутурлинѣ. Мнѣ весьма жаль его лишиться; онъ, за все это время, обнаружилъ много усердія и честности. Онъ проситъ меня, какъ милости, уволить его отъ должности генераль-квартирмейстера, чувствуя, что физическія силы не дозволяютъ ему исполнять оную такъ, какъ онъ того желалъ бы и какъ польза службы требуетъ. Убѣдившись въ совершенно разстроенномъ состояніи его здоровья, которое не допускаетъ его даже, въ дурную погоду, ѣздить верхомъ, я—согласно желанію Толля—возложилъ на Берга его прежнюю должность, и осмѣливаюсь просить на это утвержденія В. В.—ва, въ виду примѣрнаго усердія, дѣятельности и отличнаго мужества, выказанныхъ имъ при всѣхъ встрѣчавшихся случаяхъ. Осмѣливаюсь испрашивать, какъ особой милости, назначенія Бутурлина въ сенатъ; примѣръ подобнаго назначенія представляетъ генераль Павелъ Нейдгардтъ.

Графы Толль и Паленъ повергаютъ себя къ стопамъ В. В—ва. Я же осмѣливаюсь просить васъ повергнуть къ стопамъ Ея В—ва Императрицы мои искреннія поздравленія съ днемъ ея рожденія и благоволить....

Императоръ Николай—гр. Дибичу.

Бобруйскъ, 3-го (15-го) іюля ¹⁾.

Курьеръ вашъ, любезный другъ, прибылъ ко мнѣ вчера вечеромъ, послѣ полуночи. Очень радъ узнать, что вы уже готовились начать ваше обширное движеніе и молю Бога, что бы благословилъ ваши старанія. Весьма одобряю распоряженія ваши, которыя—на сколько можно судить отсюда—кажутся мнѣ весьма разумными. Я полагаю даже, что если не встрѣтятся препятствій болѣе важныхъ, чѣмъ тѣ, которыя вамъ доселѣ извѣстны, то Роту можно будетъ прибыть къ Мисемвриі даже ранѣе 8-го числа. Но сомнѣваюсь, чтобы вы могли опредѣлить время прибытія флота, потому что, къ несчастію, вѣтры не состоятъ подъ нашимъ начальствомъ. Я не понимаю, для чего вы составили гарнизонъ Силистріи изъ двухъ бригадъ, взятыхъ изъ 4-й и 8-й дивизій; этимъ, обѣ дивизіи разстраиваются; между тѣмъ какъ у васъ есть для сего 1-я бригада 11-й дивизіи. Любопытно знать, что будетъ дѣлать визирь; трудно даже сказать, чтобы ему лучше всего сдѣлать.

Я крайне опечаленъ распространеніемъ и опустошеніями чумы. Ради Бога, обратите все ваше вниманіе на то, чтобы съ болѣзнію этою обращались какъ съ настоящею чумою, потому что это она и есть. Старайтесь имѣть какъ можно менѣе сношеній съ Варною, пока эта язва не минуетъ, и устройте по крайней мѣрѣ такъ, чтобы она не проникла въ тѣ морскіе порты, которыми, какъ я надѣюсь, вы овладѣете и которые, тогда, могутъ замѣнить Варну. Я посылаю Лобанова, чтобы осмотрѣлъ всѣ зачумленные мѣста и донесъ, какъ мнѣ, такъ и вамъ; онъ уѣзжаетъ завтра. Здѣсь я остался вполне доволенъ крѣпостными работами, равно какъ четырьмя полками 3-й дивизіи и двумя піонерными баталіонами. Выѣзжаю завтра, чтобы переночевать въ Могилевѣ, выѣхать отсюда 5-го числа и 7-го быть въ Старой Русѣ.

Мой поклонъ Толлю и Палену. Остаюсь весь вашъ, душою и сердцемъ. Богъ да поможетъ вамъ. Н.

¹⁾ Отвѣтъ на письмо Дибича, отъ 26-го іюня. (Перев. съ франц.)

Bobrouysk. le 3 (15) Juillet.

Votre courrier m'est arrivé hier soir, mon cher amis, à minuit passé. Je suis fort charmé d'apprendre que vous étiez sur le point de commencer votre grande opération, et je demande à Dieu de bénir vos efforts. J'approuve parfaitement vos dispositions qui, si on en juge d'ici, me paraissent fort sages; je crois même que, s'il n'y a pas de plus grands obstacles que ceux qui vous sont connus jusqu'ici, Rott pourra arriver même plutôt que le 8, devant Missémvrie. Mais, ce dont je doute, c'est que vous puissiez préciser l'arrivée de la flotte, car malheureusement les vents ne sont pas sous nos ordres. Je ne comprends pas, pourquoi vous avez formé la garnison de Silistrie de 2 brigades des 4 et 8; cela dérange deux divisions; tandis que vous avez la 1-re brigade de la 11-me division pour cet effet. Je suis curieux de savoir ce que fera le Wizir; il est même difficile à dire, ce qu'il aura de mieux à faire.

Je suis désolé des ravages et de l'étendue de la peste. Au nom de Dieu, portez toute votre attention à ce qu'on ne traite pas la chose autrement que comme la peste véritable; car c'est elle. Tachez d'être le moins possible en communication avec Warna, tant que ce fléau n'est pas passé, et faites du moins que ça ne gagne pas les ports de mer, que j'espère que vous prendrez et qui, alors, pourront remplacer Warna. J'envoie Lobanof faire la revue de tous les points pestiférés et m'en faire, ainsi qu'à vous, le rapport; il part demain. Je suis parfaitement satisfait ici des travaux de la place et des 4 régiments de la 3-me division, ainsi que des 2 bataillons pionniers. Je pars demain, pour coucher à Mohilef et en repartir le 5, pour être le 7 soir à Staraya Roussa.

Mille choses à Toll et Pahlen. Tout à vous, mon cher ami, de coeur et d'âme; et que Dieu vous seconde. N.

Гр. Дибичъ—императору Николаю.

Лагерь при Энжикіой, близь Шумлы, 5-го іюля ¹⁾).

(Перев. съ франц.). 2-го числа я получилъ письмо, которое В. В. удостоили написать мнѣ изъ Козельца, равно какъ и новыя милости, которыми вамъ благоугодно было меня оснпять. Всемогуцій, благословляя труды храбрыхъ войскъ вашихъ, да подасть мнѣ случай доказать В. В.—ву мою глубокую благодарность, — и да будетъ Черниговскій полкъ (какъ я на то надѣюсь) навсегда проникнуть тѣми чувствами, которыя заслужили ему Ваше одобреніе, Государь, а мнѣ — честь сдѣлаться шефомъ старѣйшаго полка, который счумѣлъ уже заслужить похвалу безсмертнаго Петра Великаго, въ день полтавской битвы.

¹⁾ Отвѣтъ на письмо Государя, отъ 26-го іюня 1829 г.

Осмѣливаюсь въ то же время просить В. В., дозволить мнѣ носить и мундиръ гвардейскаго генеральнаго штаба; воспоминанія о времени, въ которое я его носилъ, мнѣ слишкомъ дороги, такъ что не могу не принести Вамъ этой просьбы.

Изъ послѣдняго письма моего В. В. уже видѣли тѣ распоряженія, какія я сдѣлалъ для перехода черезъ Балканы. До сихъ поръ я ничего въ нихъ не измѣнилъ, исключая лишь, что остался на сегодняшній день здѣсь, вмѣстѣ съ Красовскимъ, и что оба корпуса вмѣстѣ совершатъ, въ эту ночь, переходъ къ Енибазару, откуда я, съ корпусомъ Палена, выступлю еще завтра вечеромъ въ Дѣвно,—если визирь не послѣдуетъ за нами въ значительныхъ силахъ. Измѣненіе это я сдѣлалъ потому, что, по всѣмъ донесеніямъ, непріятель привлекъ къ себѣ всѣ регулярныя войска, бывшія на побережьѣ Чернаго моря и на Камчикѣ и, значить, генералы Ротъ и Ридигеръ не могутъ встрѣтить сильнаго сопротивленія на этихъ пунктахъ.

30-го іюня мы имѣли здѣсь довольно хорошее кавалерійское дѣло, въ которомъ полки 1-й, 2-й и 4-й Бугскіе и два казацкія, подъ личнымъ начальствомъ генер. Ридигера, неоднократно отбивали турецкую конницу (силою въ 3—4 т. коней), хотѣвшую поддержать своихъ фуражировъ, и принудили ее отступить за укрѣпленія. Самъ визирь находился при этомъ дѣлѣ и лишился въ ономъ одного изъ офицеровъ своей свиты, а также одного кавалерійскаго бимъ-баши и болѣе 100 чел. убитыми. Мы взяли 60 чел. плѣнныхъ. Бугскіе полки и казаки, предводимые храбрымъ старикомъ Жировымъ, показали себя самымъ блистательнымъ образомъ. Я этому тѣмъ болѣе радъ, что на уланы хотѣли набросить тѣнь сомнѣнія за предшествовавшія дѣла, и что они дѣйствительно заслуживали упрека въ небрежности, особенно относительно содержанія лошадей. Задавъ сильный нагоняй виновнымъ, я, въ то же время, старался не дать упасть духу полковъ; это мнѣ удалось, и теперь сами порицатели не могутъ довольно нахвалиться и войсками и начальниками. Подъ генер. Рейтерномъ убита лошадь; генер. Акинфіевъ (который дѣйствительно болѣнь и уже получилъ отпускъ) отличался во главѣ своей бригады, а замѣститель его, Пѣшковъ, помогалъ ему отъ всей души и сердца; генер. Сиверсъ, какъ и всегда, высказывалъ примѣрное и неизмѣнное усердіе.

Присылка резервовъ идетъ теперь вполне удовлетворительно. Если обстоятельства, (которыхъ нельзя предвидѣть при нынѣшнемъ, столь рѣшительномъ положеніи), того потребуютъ, то В. В. разрешите мнѣ нѣкоторыя дивизіи усиливать, сравнительно съ другими. В. В. можете быть увѣрены, что я, будучи изъ принципа врагомъ

всякихъ переустройствъ, сдѣлаю изъ нихъ лишь такія, какія окажутся необходимыми; но Вы, конечно, уполномочите меня на это, такъ какъ разстояніе, отдѣляющее меня отъ Васъ, громадно и, вслѣдствіе сего, всякое замедленіе можетъ имѣть важнѣйшія послѣдствія.

Уповаю, что Богъ намъ поможетъ и что резервы безвредно пройдутъ черезъ зараженныя мѣстности. Болѣзнь эта, которая къ несчастію усиливается на всѣхъ складочныхъ пунктахъ, каковы: Варна, Базарджикъ, Кистенджи и Бабадагъ, и которая, хотя въ слабомъ видѣ, показала и въ Сизеболѣ, страшно угрожаетъ всѣмъ нашимъ запаснымъ средствамъ, которыя столь удачно были приготовлены. Въ случаѣ, если бы она причинила намъ потери въ самой арміи, то относительно зимнихъ квартиръ явятся такія затрудненія, которыя я даже не могу надлежащимъ образомъ себѣ представить, прежде чѣмъ не увижу средствъ для перехода черезъ Балканы и не ознакомлюсь съ духомъ населенія Румелии, а также—пока не обнаружится, какого рода впечатлѣніе произведетъ переходъ черезъ Балканы на непріятеля, который, судя по всѣмъ даннымъ, уже утомленъ обороною, ведшеюся упорнѣе, чѣмъ когда либо. О всемъ этомъ я надѣюсь сообщить В. И. В.—въ болѣе подробныя свѣдѣнія только тогда, когда, по переходѣ черезъ горы, буду готовить средства для дальнѣйшаго похода.

Я очень радъ, что В. И. В. имѣли причины быть довольнымъ польскими провинціями, и въ Царствѣ и въ Имперіи, равно какъ смограми, произведенными въ Тульчѣ, Кіевѣ и Козельцѣ. Зная усердіе, которымъ одушевлены войска, смѣю надѣяться, что Вы останетесь довольны и въ Бобруйскѣ, и въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ.

Еще до полученія письма В. В.—ва, я уже просилъ е. выс.—во вел. князя Михаила Павловича позволить удержать здѣсь гвардейскихъ офицеровъ, до слѣдующаго приказанія. Разрѣшите, Государь, оставить здѣсь еще на нѣкоторое время этихъ отличныхъ офицеровъ и храбраго Шильдера.

Если великій визирь не оставитъ весьма многочисленнаго гарнизона въ Шумлѣ, то, поведя энергическую осаду, мы, можетъ быть, успѣемъ овладѣть этою крѣпостью, важною особенно по общему о ней мнѣнію и нужною намъ на тотъ случай, если бы—при несчастіи—третья кампанія заставила насъ менѣе разсчитывать на наше морское преобладаніе. Съ другой стороны, можетъ быть и Киселевъ, по прибытіи резервовъ, получить возможность осадить Журжево, занявъ острова противъ этой крѣпости и противъ Рушуга,—и въ этомъ случаѣ намъ могутъ еще понадобится опытные инженеры и артиллеристы.

Надѣюсь, что корпуса Рота и Ридигера сегодня перейдутъ Камчикъ и льщу себя надеждою, что дня черезъ три или четыре великій вопросъ о переходѣ Балкановъ долженъ разрѣшиться, — или же произойдетъ второе сраженіе съ визиремъ.

Насколько я исполненъ надеждъ въ отношеніи военныхъ событій, настолько же опечаленъ страшнымъ дѣйствиємъ заразы, въ усиленной прогрессіи распространяющейся, особенно въ Варѣ, Праводахъ и Кистенджи. Насколько возможно стараюсь не упустить ни одного человѣческаго средства для того, что бы остановить ее; но на одну лишь милость Божію державу надѣяться.

Графы Толль и Паленъ повергають къ стопамъ В. В.—ва свою искреннѣйшую благодарность за августѣйшее о нихъ памятованіе. Я весьма счастливъ, что имѣю такихъ помощниковъ, примѣръ которыхъ оказываетъ самое благотворное дѣйствіе. — Благоволите Государь...

Лагерь при Дервишь-Авоуѣ, 9 іюля.

(Перев. съ франц.). Строки эти имѣю счастье писать В. В.—ву на лѣвомъ берегу Камчика въ тотъ самый моментъ, когда аванпосты генер. Рота уже достигли вершинъ главнаго Балканскаго хребта, по прямой дорогѣ изъ Асиро въ Монастырь-Кіюй.

Постоянные дожди оказали большую пользу травѣ и нашему рогатому скоту, но за то такъ испортили дороги между Праводами и Камчикомъ, что колонны наши не могли въ точности исполнить предписанные имъ на всякій день переходы; однако это маловажное замедленіе не воспрепятствовало имъ въ достиженіи желаемыхъ результатовъ, которыми, надѣюсь, В. В. будете довольны.

Трофеи, прибрѣтенные генералами Ротомъ и Ридигеромъ, 6 и 7 числа, состоятъ изъ 10 пушекъ (полевыхъ), 14 знаменъ, болѣе 300 плѣнныхъ, множества аммуниціи и другихъ вещей. Вопреки всѣмъ затрудненіямъ и не смотря на то, что непріятельскіе окопы были весьма значительны и очень хорошо расположены, — все это прибрѣтено съ потерею около 300 чел. убитыми и ранеными. Большая часть этой потери понесена была передъ переправою, при изготовленіи мостовъ и пр.; потому что окопы турецкіе, при всей ихъ силѣ, взяты были почти безъ урона, бѣгомъ, въ штыки. При этомъ, окопы у Дервишь-Кіюя взяты были уланами 4-й дивизіи (подобно тому, какъ сдѣлали гусары подъ Шумлюю, 31 мая).

Непріятель, защищавшій побережье Камчика, отъ Кіюприкіюя до устья, подъ начальствомъ пашей: Али и Юсуфа (въ числѣ 10—12 т.

человѣкъ, между которыми было 3 полка регулярной пѣхоты), бѣжалъ въ величайшемъ безпорядкѣ и болѣе нигдѣ не держится. Только благодаря крайнему утомленію нашей пѣхоты, ему удалось спасти 4 или 6 пушекъ; но съ 7-го числа онъ ихъ болѣе не употреблялъ въ дѣло.

Такъ какъ 7-го числа великій визирь находился въ Шумлѣ и такъ какъ у Абдерахмана-паши нѣтъ значительныхъ силъ, то все это подаетъ мнѣ надежду, что, при помощи Божіей, я въ состояніи буду, избѣжавъ большихъ потерь, увѣдомить съ слѣдующимъ курьеромъ о переходѣ черезъ пресловутыя Балканы, о которыхъ столько кричали туркофилы и которымъ счастливое состояніе Оттоманской имперіи, въ теченіи пяти столѣтій, доставило исполинскую репутацію.

В. В—ву, надѣюсь, приятно будетъ тоже узнать, что, благодаря быстротѣ нашихъ дѣйствій, греки и болгары, живущіе въ селеніяхъ той части Балкановъ, которая уже занята нашими войсками, остались на мѣстѣ, приняли побѣдителей съ величайшею радостію и въ церквахъ своихъ принесли благодареніе Богу за ихъ счастливое прибытіе. Я отдалъ самыя положительныя приказанія, что бы щадили все, имъ принадлежащее, и платили наличными деньгами за все, что они готовы продавать намъ.

Послѣднія извѣстія о заразѣ нѣсколько менѣе страшны, за исключеніемъ лишь Праводъ, гдѣ она свирѣпствуетъ хуже чѣмъ, когда либо. Это побудило меня отдать приказаніе: разрушить и сжечь названное мѣстечко, которое, конечно, оказало намъ большія услуги, но которое стало менѣе важнымъ съ тѣхъ поръ, какъ мы заняли отличное расположеніе у Кіопрікоя.

Желая заявить гр. Толлю новое доказательство моей дружбы и благодарности, я посылаю къ В. В—ву одного изъ его адъютантовъ, Крузенштерна — отличнаго офицера. Толль и Палень повергаютъ себя къ стопамъ В. В—ва. — Осмѣливаюсь просить Васъ, Государь, повергнуть къ стопамъ Ея В—ва Императрицы выраженіе моей глубокой преданности — такъ какъ я надѣюсь, что Ея В. уже прибыла въ Петербургъ.

Р. S. Только что получилъ письмо отъ адмирала Грейга, который вчера хотѣлъ прибыть въ Мисемврійскій заливъ.

Императоръ Николай — гр. Дибичу.

Александрія, близь Петергофа, 19 іюля ¹).

Вы легко поймете, любезный другъ, съ какимъ крайнимъ удовольствіемъ я принялъ Крузенштерна, привезшаго счастливую вѣсть объ отлично исполненномъ первомъ шагѣ къ рѣшительному моменту кампаніи. Честь вамъ и слава за распоряженія, а храбрымъ вашимъ войскамъ за исполненіе. Да благословитъ Господь наше оружіе и да поможетъ намъ, какъ можно быстрѣе, достигнуть столь желаемаго результата. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ вчера изъ Константинополя, положительно извѣстно, что вслѣдствіе донесенія визиря о переговорахъ его съ Фонтонемъ, какое-то важное лицо послано въ его главную квартиру. Можетъ быть вамъ, въ настоящую минуту, болѣе извѣстно объ этомъ, нежели намъ.

Я едва лишь успѣлъ выѣхать изъ Нарвы, какъ получилъ отъ Паскевича извѣстіе о совершенномъ уничтоженіи двухъ турецкихъ армій, которыя были ему противопоставлены, и о взятіи въ плѣнъ начальствующаго одною изъ нихъ; такъ что, по прибытіи въ Петербургъ, мы начали съ того, что отслужили молебень.—Крузенштернъ прибылъ вчера вечеромъ, въ ту минуту, какъ я надѣвалъ шарфъ, чтобы ѣхать на смотръ въ Красное Село. Вы легко можете себѣ представить восторгъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю узнать, на что рѣшится визирь; я все полагаю, что онъ, не будучи въ состояніи предупредить васъ въ Айдошѣ, сдѣлаетъ все возможное, что бы вымѣстить это на Красовскомъ, или же—встанетъ между вами и имъ. Надо быть на сторожѣ, особенно, если показаніе дезертира, объ ожидаемыхъ подкрѣпленіяхъ, справедливо. Впрочемъ мнѣ кажется, что у Красовскаго довольно силъ и, особенно — артиллеріи; такъ что онъ можетъ не опасаться этой атаки.

Чума, появившаяся вездѣ, особенно же въ Праводахъ, есть вещь ужасная; дай Богъ, что бы она не добралась до дѣйствующей арміи! Надо удвоить бдительность. Надѣюсь, что вслѣдствіе вашихъ предосторожностей, резервамъ удастся отъ нея уйдти; первые ихъ отдѣлы, должно быть, уже присоединились къ вамъ. Вчера послано приказаніе о доставкѣ вамъ еще 11 т. чел. пѣхоты; это уже послѣдніе въ нынѣшнемъ году. Вы сами ужъ рѣшите — увѣдомивъ о семъ Витта, — желаете ли вы получить на каждый полкъ по 2 эскадрона, которые совершенно готовы.

Здѣсь я всѣмъ очень доволенъ и дѣла идутъ хорошо.—Само со-

¹ Отвѣтъ на письмо Дибича, отъ 9 іюля. (Перев. съ франц.).

бою разумѣется, любезный другъ, что вы сохраняете вашъ прежній мундиръ, совмѣстно съ Черниговскимъ; я даже не понимаю вашихъ сомнѣній въ этомъ случаѣ. Кланяйтесь Толлю и Палену. Желаю, что бы вы вскорѣ извѣстили меня объ окончаніи того, что такъ хорошо начато вами.—Жена моя вамъ кланяется; она весьма счастлива, что опять съ дѣтьми, и устраивается на своей прелестной дачѣ.

Прощайте, любезный другъ; Богъ да наставляетъ и хранитъ васъ. Вашъ навсегда Н.

Alexandrie, près de Peterhof, ce 19 Juillet.

Vous vous direz aisément, mon cher ami, avec quel plaisir extrême j'ai reçu Krousenstern avec l'heureuse nouvelle de l'excellent premier pas vers le moment décisif de la campagne. Honneur vous soit rendu pour la disposition et à vos braves troupes pour l'exécution. Que Dieu digne bénir nos armes et nous fasse arriver le plus tôt possible au résultat tant désiré. D'après des nouvelles, arrivées hier de Constantinople, il est positif, qu'à la suite du rapport du Wizir sur les pourparlers avec Fonton, un personnage a été expédié pour son quartier général. Peut être, en savez vous plus que nous, dans ce moment.

C'est à peine après avoir quitté Narva, que j'ai reçu de Paskevitch la nouvelle de l'entière destruction des deux armées turques qui lui étaient opposées, et la prise de l'un de deux commandants; ce qui a fait que nous avons débutés à Pétérsbourg par un Tedeum. Krousenstern est arrivé hier soir, au moment où je mettais l'écharpe, pour aller passer la revue des troupes à Красное Село. Vous pouvez aisément vous figurer l'enthousiasme.

Je suis impatient de savoir, quel parti va prendre le Wizir; je suppose toujours que, ne pouvant plus vous devancer à Aydos, il fera son possible pour s'en venger sur Красовскій, ou en se mettant entre vous et lui; il faut être sur ses gardes, surtout si le dire du déserteur sur les renforts attendus est vrai. Au reste, il me paraît que Красовскій est assez fort, et surtout en artillerie, pour ne pas craindre cette attaque.

La peste partout, surtout à Праводн—est une chose désolante; plaise au Ciel qu'elle ne parvienne pas jusqu'à l'armée active; il faut redoubler d'attention. J'espère que, vu vos précautions, les réserves pourront y échapper; les premiers doivent vous avoir joint. L'ordre est parti hier pour vous faire arriver encore 11 m. h. d'infanterie; ce sont les derniers de cette année. Vous déciderez vous même, en informant Witt, si vous voulez 2 escadrons par régiment, qui sont tout prêts.

Je suis fort content de tout ici, et cela marche bien. Il s'entend de soi même, mon cher ami, que vous conservez votre ancien uniforme à côté de celui de Черниговъ; je ne comprends même pas votre doute dessus. Mille choses à Toll et Pahlen. Puissiez vous bientôt me donner la nouvelle de la fin de ce que vous avez si bien commencé. Ma femme vous dit mille choses; elle est fort heureuse de se retrouver avec les enfants et s'établie dans ce délicieuse campagne.

Adieu, mon cher ami; que Dieu vous guide et vous conserve. A vous pour la vie N.

Гр. Дибичъ - Императору Николаю.

Лагерь при Энжикіой, близъ Мисемвріи, 12 іюля.

(Перев. съ франц.). Всевышній благословилъ усилія храбрыхъ и несравненныхъ войскъ, начальствомъ надъ коими В. В. меня удостоили. Балканы, сльвіція непреодолимыми въ теченіи столькихъ вѣковъ, перейдены были ими (войсками) въ 3 дня и побѣдоносныя знамена В. И. В.—ва развѣваются на стѣнахъ Мисемвріи, Ахіоло и Бургаса, въ виду населенія, принимающаго нашихъ храбрецовъ, какъ своихъ избавителей и братьевъ.

Взятіе этихъ трехъ укрѣпленныхъ городовъ было послѣдствіемъ нѣсколькихъ дѣлъ, выдержанныхъ войсками 6-го и 7-го корпусовъ (10 и 11 числа), при дебушированіи изъ Балкановъ и преслѣдованіи непріятеля. Генералы Ротъ и Ридигеръ выполнили сдѣланныя мною распоряженія съ такою энергією и быстротою, которыя не оставляли желать ничего лучшаго.

14 полевыхъ пушекъ, около 40 орудій, взятыхъ на батареяхъ, устроенныхъ для защиты городовъ, 21 знамя и почти 3 т. чел. плѣнныхъ суть трофеи этихъ славныхъ дней, равно какъ почти оконченный, но не вооруженный корветъ, захваченный нашими егерями на верфи, около Мисемвріи. Между плѣнными находится и мисемврійскій комендантъ, двухъ-бунчужный паша Османъ. Наша потеря ничтожна; войска же трехъ-бунчужнаго паши Абдурахмана, который начальствовалъ на всемъ прибрежьи моря и на низовьяхъ Камчика, разстроены почти въ конецъ.—Бургасъ былъ взятъ храбрыми уланами, подъ начальствомъ Набеля, при преслѣдованіи гарнизона, предпринявшаго вылазку противъ нашихъ войскъ. Ахіоло заняты безпрепятственно нашими отважными товарищами, моряками.—По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ Красовскаго, великій визирь, 9-го числа, находился еще въ Шумлѣ.

Къ несчастію, до прибытія моихъ обозовъ, (которые лишь весьма медленно слѣдуютъ за нами, по горамъ), я нахожусь въ невозможности удалиться отъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ уже собрано почти на цѣлый мѣсяцъ провіанта и фуража. Надѣюсь, однако, занять Айдосъ и двинуться туда со всѣми силами, какъ только придутъ первыя обозы; тогда авангардъ будетъ выдвинутъ къ Карнабаду.

Вчера, на Мисемврійскомъ рейдѣ, на кораблѣ Парижъ, за обѣдомъ у адмирала Грейга, мы праздновали день тезоименитства ея и выс—ства вел. княжны Ольги. В. В. можете судить сколь я былъ счастливъ, находясь, въ сей благословенный Богомъ день, среди столькихъ

воспоминаній и въ кругу нашихъ храбрыхъ, отличныхъ товарищей-моряковъ. Я познакомился тамъ съ безстрашнымъ Козарскимъ. Всѣ они воспламенены одинаковымъ усердіемъ; но турецкому флоту, по видимому, нѣтъ охоты дать имъ случай показать себя въ рѣшительномъ дѣлѣ.

Такъ какъ генералы Ротъ и Ридигеръ выказали себя съ отличнѣйшей стороны на Камчикѣ и въ славныхъ дѣлахъ за Балканами, то осмѣливаюсь просить В. В., что бы Вы благоволили почтить ихъ какимъ либо воспоминаніемъ о сихъ дняхъ. По моему мнѣнію, первому, за взятіе Мисемврии—бриллиантовая шпага, а второму—орденъ св. Александра Невскаго съ алмазами, были бы прекрасными наградами; но впрочемъ, воля В. В.—ва сдѣлаетъ наилучшій выборъ. Осмѣливаюсь также просить для главнаго моего помощника, графа Толля, за Силистрію и за все, что имъ было сдѣлано со времени сраженія подъ Кулевчею,—орденъ св. Владимира 1-й степени, котораго онъ вполне заслуживаетъ по своему усердію, дѣятельности и прямодушію.

Депеши эти имѣю счастье послать съ полковникомъ Лачиновымъ, который, при исполненіи различныхъ порученій, возлагаемыхъ на него зимою, а также въ продолженіе кампаніи, являлъ доказательства величайшаго усердія и отличныхъ способностей и мужества, — также какъ и товарищъ его, Зуровъ. Я направляю Лачинова моремъ, черезъ Одессу, надѣясь, что такимъ образомъ онъ избѣгнетъ карантина; потому что у насъ здѣсь, слава Богу, не было ни одного случая заразной болѣзни, ни въ арміи, ни среди обывателей. Въ Сизе-полѣ болѣзнь тоже начинаетъ исчезать, и умершихъ было весьма мало. Въ Варнѣ, гдѣ смертность была громадная, болѣзнь стала нѣсколько уменьшаться; но Трубецкой, который только что пріѣхалъ, привезъ мнѣ весьма печальныя извѣстія объ Исакчѣ и Бабадагѣ, гдѣ полный недостатокъ въ лѣкаряхъ и госпитальныхъ офицерахъ, (которые всѣ перемерли), имѣлъ, по видимому, самыя грустныя послѣдствія. Во всѣ эти мѣста посланъ уже двойной комплектъ названныхъ чиновъ; но всего этого, по видимому, недостаточно. — Пишу еще генералу Кузьмину; но у него тоже нѣтъ средствъ и почти вовсе не имѣется войскъ; а я не могу, его усиливать, не рискуя заразить посланнаго туда войска, подобно тому, какъ случилось съ Низовскимъ полкомъ, въ Варнѣ; къ тому же, я терплю недостатокъ и въ медикахъ, и въ чиновникахъ карантинныхъ и комисаріатскихъ.

Такъ какъ 1-я бригада 11-й дивизіи не можетъ быть вся выведена изъ Букарешта, по причинѣ чумы и опасенія занести ее въ Силистрію, то я вынужденъ былъ оставить въ названной крѣпости

3-ю бригаду 8-й дивизіи; потому что, до окончательнаго исправленія верковъ, я считаю четырехъ баталіоновъ недостаточнымъ для занятія этой обширной крѣпости, такъ какъ между нею и Рущукомъ ничего нѣтъ, а пока Красовскій въ Енибазарѣ, то и на дорогѣ въ Шумлу, кромѣ казаковъ, ничего не имѣется.

Графы Толль и Паленъ повергають къ стопамъ В. В.—ва свою благодарность за память о нихъ. У послѣдняго была рожа на ногѣ; впрочемъ, ему лучше, и болѣзнь не препятствуетъ ему быть всегда верхомъ, впереди своихъ войскъ.

Айдосъ, 18 іюля.

(Перев. съ франц.). Отправивъ полковника Лачинова, я самъ, 13-го іюля, двинулся по направленію къ Айдосу, для поддержанія авангарда генерала Ридигера, на случай, если бы турки, которыхъ надо было ожидать изъ Шумлы, соединились у вышеназваннаго пункта съ остатками войскъ Абдурахмана-паши. Дѣйствительно, Ибрагимъ-паша (Тульчинскій), посланный великимъ визиремъ, съ 9-ю полками регулярной пѣхоты, 1500 регулярныхъ и такимъ же числомъ иррегулярныхъ всадниковъ, выступилъ 8-го числа изъ Шумлы, по направленію на Кюприкиой, но узнавъ о взятіи этого пункта и о нашихъ успѣхахъ на Камчикѣ, онъ остановился на дорогѣ въ Айдосъ и двинулся къ этому мѣстечку, когда свѣдалъ о пораженіи Абдурахмана-паши и покореніи крѣпостей у Бургасскаго залива. Такъ какъ войска ссраскира разбѣжались по всѣмъ направленіямъ, то и у Ибрагима былъ отрядъ силою около 10 т., при трехъ пушкахъ; его пѣхота была составлена изъ тѣхъ полковъ, на которыхъ великій визирь еще надѣялся, потому что они прибыли послѣ Кулевчи. Генералъ Ридигеръ имѣлъ лишь 8 весьма слабыхъ баталіоновъ Уфимскаго, Пермскаго, 36-го и 37-го егерскихъ полковъ, 20 орудій, 2-ю бригаду 4-й уланской дивизіи и два слабые казачьи полка, предводимые храбрыми генералами: Шереметьевымъ и Жировымъ. Все это, вмѣстѣ, составляло едва 4 т. человекъ; тѣмъ не менѣе, генералъ Ридигеръ не задумался повести атаку. Конница турецкая напрасно старалась своими атаками, еще довольно эвергичными, остановить наше движеніе: она была отброшена картечью. Тогда егеря 36-го и 37-го полковъ бросились на городъ, окруженный плохимъ рвомъ и едва лишь начатыми укрѣпленіями, но сильный своими домами и каменными стѣнами садовъ. Турецкая пѣхота вотще старалась противиться егерямъ: она была опрокинута штыками и, сильно обстрѣливаемая артиллерією, начала отступленіе, которое превратилось въ бѣгство, вслѣдствіе рѣшительной атаки уланъ и казаковъ. Болѣе 1000 уби-

тыхъ осталось на мѣстѣ, въ плѣнъ взято 300 чел.; остальные въ разстройствѣ бѣжали къ Карнабаду, горною тропкою, по которой кавалерія не могла ихъ болѣе преслѣдовать и гдѣ сильно утомленная пѣхота не могла уже настигнуть ихъ. Трофеями этого славнаго дѣла были: 3 непріятельскія пушки, изъ коихъ одна подбитая, и четвертая пушка—русская, оставшаяся въ городѣ (вѣроятно, изъ лагеря прежняго великаго визиря, потому что эта пушка та самая, которая взята была у принца Евгенія, въ дѣлѣ 18 сентября); кромѣ того, много зарядныхъ ящиковъ (между ними—и принадлежавшій помянутой пушкѣ, а равно, патронный ящикъ Азовскаго полка, взятый тоже 18 сентября); 4 знамени, множество оружія и другихъ предметовъ, между прочимъ, около 500 боченковъ съ порохомъ. Бѣглецы бросали даже шинели свои, коихъ подобрано болѣе 3000; я велѣлъ взять ихъ для зимнихъ госпиталей.—Послѣ этой послѣдней неудачи, непріятель болѣе нигдѣ не держится. Карнабадъ занятъ безъ выстрѣла, утромъ 15-го числа, и жители говорятъ, будто турки уже оставили Ямболъ, куда они бѣжали, слѣдуя по обычной дорогѣ изъ Карнабада въ Адрианополь. По показаніямъ большинства плѣнныхъ, великій визирь, съ 15 т. человекъ, находится въ Шумлѣ. Генераль Красовскій доноситъ то же самое; другіе же плѣнные и дезертиры полагаютъ, что онъ, никогнито, отправился по дорогѣ въ Адрианополь и что Шумлу начали очищать. — Первое показаніе кажется болѣе достовѣрнымъ.

Ген. Красовскій пишетъ мнѣ, что, согласно приказаніямъ, которыя я оставилъ ему на различные случаи, онъ 15-го числа опять подвигнется къ Шумлѣ и, если убѣдится, что она занята такимъ числомъ войскъ, которое не превосходитъ его силъ, то выплетъ мнѣ, кромѣ 2-й гусарской дивизіи, которая уже на походѣ, еще 2-ю Бугскую бригаду; съ прибытіемъ же его пѣхотныхъ резервовъ, онъ поведетъ противъ крѣпости правильную атаку, употребляя на это двѣ осадныя роты, изъ оставшихся въ Силистріи. Умоляю В. В. оставить мнѣ, на этотъ случай, Шильдера и гвардейскихъ офицеровъ. Первый своею смѣлостію, а послѣдніе отличнимъ исполненіемъ службы значительно ускорятъ ходъ этого предпріятія. Тогда я надѣюсь (если будутъ дѣйствовать согласно плану, въ коемъ мы согласились съ Красовскимъ и Шильдеромъ, во время рекогносцировки 3-го числа, передъ моимъ отъѣздомъ), что черезъ 3 или, самое большое—4 недѣли по прибытіи осадной артиллеріи, Шумла, при помощи Божій, будетъ наша. Это я предпочелъ бы овладѣнію Журжею,—для чего у Киселева нѣтъ достаточныхъ силъ; да и флотиліи нельзя пройти между сею крѣпостію и Рущукомъ, потому что оба острова сильно заняты

турками. Напротивъ того, если Красовскому удастся взять Шумлу, то я тотчасъ же прикажу совершенно уничтожить ея укрѣпленія, и тогда буду имѣть возможность подкрѣпить Киселева всею 8-ю дивизією; а это сдѣлаетъ для него возможнымъ и овладѣніе островомъ и осаду Журжи, которая (осада) безъ особенныхъ неудобствъ можетъ продолжаться до осени, такъ какъ будетъ вестись на нашей сторонѣ Дуная и прикрываться островами. Оставивъ, при этомъ, егерскую бригаду 11-й дивизіи и 1-ю Бугскую бригаду, въ видѣ летучаго отряда, между Енибазаромъ и Силистрією, я буду имѣть возможность притянуть къ себѣ остатокъ корпуса Красовскаго и, съ 7-ю пѣхотными и 3½ кавалерійскими дивизіями (оставивъ 10-ю въ Варнѣ и Базарджикѣ, а 12-ю въ приморскихъ крѣпостяхъ и портахъ) приблизиться, еще въ сентябрѣ, къ Мраморному морю и подать руку нашимъ флотамъ, какъ на Средиземномъ, такъ и на Черномъ моряхъ; такимъ образомъ организована будетъ обширная блокада Константинополя, которой онъ не въ состояніи будетъ выдержать цѣлую зиму, и въ которой—разъ, что мы обладаемъ Дарданеллами,—никто не въ состояніи будетъ намъ воспрепятствовать.

Между тѣмъ, я дѣлаю всё приготовленія для нашихъ операцій противъ Адрианополя. Благодаря стараніямъ гр. Воронцова, я имѣю теперь, въ портахъ Бургасскаго залива, болѣе чѣмъ на мѣсяць продовольствія, и хорошо снабженъ всѣмъ, благодаря усердію, съ какимъ дѣло это велось въ арміи. Въ настоящее время, 2000 верблюдовъ будутъ переносить намъ все нужное, на томъ небольшомъ пространствѣ, которымъ мы отдѣлены отъ моря; черезъ 3 дня, десятидневный запасъ продовольствія, заключающійся въ подвижныхъ магазинахъ, уже перейдетъ черезъ Балканы; а до 5-го августа придутъ еще подвижные магазины, съ запасами на 20 дней. Это составитъ, вмѣстѣ съ полковыми обозами (даже и по прибытіи резервовъ), по крайней мѣрѣ на 45 дней продовольствія для войскъ; а по мѣрѣ того, какъ запасъ сей будетъ расходоваться, перевозочныхъ средствъ будетъ достаточно для новыхъ подвозовъ изъ портовъ. За сѣмъ, мы еще отняли у турокъ нѣсколько рогатаго скота и, сверхъ того, 12 т. барановъ, которые очень хороши во время жаровъ. Какъ только придутъ послѣдніе резервы (что будетъ, какъ надѣюсь, по маршруту, около 10-го августа), я начну мое рѣшительное движеніе, сосредоточиваясь заблаговременно у Карабунара, куда 2-й корпусъ переходить уже сегодня, выдвинувъ авангардъ къ Факи.

Главное движеніе мое—если обстоятельства не измѣнятся—направлено будетъ на Кирклиссу; это, я надѣюсь, заставитъ непріятеля (который, вѣроятно, по привычкѣ своей, будетъ укрѣпляться въ Адриа-

нополѣ и стараться привлечь туда всѣ остатки войскъ и даже, можетъ быть, султанскую гвардію), оставить сей городъ, дабы предупредить насъ въ Люле-Бургасѣ. Если же бы онъ, напротивъ того, остался въ Адрианополѣ, то надѣюсь, при помощи Божіей, успѣть отрѣзать ему путь къ его столицѣ.

Если бы, ранѣе сего, кто нибудь прибылъ ко мнѣ для переговоровъ о мирѣ, то я прійму его, согласно высочайшей волѣ В. В.—ва, назначивъ мѣстомъ для переговоровъ — Бургасъ или Ахіоло; но это ни мало не остановитъ моего движенія, — развѣ бы предложили мнѣ условіемъ дарованія перемирія (никакъ не долѣе какъ на одинъ мѣсяцъ и, самое большое, до 25-го августа)—очищеніе Шумлы и Журжева. Этимъ я выигралъ бы, относительно количества войскъ и стратегической силы, болѣе, нежели потерялъ бы во времени; такъ какъ я ни въ какомъ случаѣ не могу начать энергическаго движенія ранѣе 10-го августа.

Что касается самыхъ переговоровъ, то я буду соображаться съ полученными инструкціями; только полагаю, что слѣдуетъ возвысить сумму требуемаго вознагражденія до 15-ти милліоновъ голландскихъ червонцевъ, — имѣя въ виду спуститься потомъ до предписанной цифры, по мѣрѣ увеличенія ихъ сговорчивости относительно другихъ пунктовъ, особенно-же самаго труднаго (какъ я думаю), т. е. греческаго вопроса.

Полагаю впрочемъ, что получу отъ гр. Нессельроде еще нѣкоторыя инструкціи, когда В. И. В. возвратитесь въ Петербургъ. Между тѣмъ, я написалъ графу Фридриху Палену (въ отвѣтъ на письмо, которое онъ мнѣ послалъ послѣ своего пребыванія въ Тульчинѣ), что считалъ бы полезнымъ, еслибъ онъ пріѣхалъ въ Ахіоло или Бургасъ, дабы быть поближе ко мнѣ.

Я стараюсь, по мѣрѣ возможности, устроить здѣшніе, мѣстные порядки. Христіанскіе обыватели всѣ остаются на мѣстахъ жительства, но находятся въ величайшей нищетѣ. Турки, за немногими исключеніями, всѣ уходятъ. Я призналъ самымъ простымъ и самымъ вѣрнымъ средствомъ, возложить управленіе на епископовъ и прочія духовныя власти, придавъ имъ русскихъ, военныхъ и гражданскихъ, депутатовъ и нѣсколькихъ почетныхъ лицъ изъ мѣстныхъ жителей.

Санитарное положеніе па южной сторонѣ Балкановъ совершенно удовлетворительно. Кажется то же, что и въ Болгаріи, благодаря Бога, зараза начинаетъ ослабѣвать; но опустошенія, ею причиненныя, ужасны, и затрудненія, которыя встрѣтятся при очищеніи городовъ и находящихся въ нихъ громаднхъ складовъ, будутъ еще крайне велики.

Въ войскахъ, благодаря Бога, болѣзни не увеличиваются; но карантинны весьма затрудняютъ насъ въ отношеніи прибытія впаздоровѣвшихъ людей, и я опасаясь, какъ бы вынужденный отдыхъ, который мы теперь будемъ имѣть, не увеличилъ числа больныхъ. Постараюсь воспрепятствовать этому, насколько будетъ возможно.

Графы Толль и Паленъ крайне тронуты Вашимъ августѣйшимъ вниманіемъ и просятъ меня повергнуть къ стопамъ Вашимъ заявленіе ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ.

Во время послѣднихъ дѣйствій, я имѣлъ основаніе быть то же вполне довольнымъ генералами: Ротомъ и Ридигеромъ; къ послѣднему окончательно вернулась его предпріимчивость, заслужившая ему столь блистательную репутацію во время войнъ съ французами.

Всѣ, впрочемъ, несутъ службу съ усердіемъ и самоотверженіемъ, и духъ войскъ вездѣ таковъ, что я не могу отдать имъ достаточной справедливости передъ В. В.—мъ и не могу не благодарить Бога.

Императоръ Николай—гр. Дибичу.

Александрія, близъ Петергофа, 4-го августа ¹⁾.

Любезный другъ, какъ мнѣ отрадно имѣть возможность сказать вамъ: спасибо Забалканскій! Названіе это принадлежитъ вамъ по праву, и я даровалъ его вамъ отъ всего сердца. Но, прежде всего, да будетъ тысячекратно благословенъ Господь, за Его, столь явное вамъ содѣйствіе! Признаемъ Его покровительство во всякомъ, счастливомъ для насъ событіи!—Затѣмъ, примите полную мою благодарность за ваше движеніе, столь же счастливо, сколь искусно соображенное и отлично выполненное храбрыми помощниками вашими.

Вы правы, говоря, что теперь время убѣдиться, сколь вѣрно судили тѣ, которые утверждали, что было бы полнѣйшею ошибкою—упорствовать въ овладѣніи Шумлою, между тѣмъ какъ настоящимъ пунктомъ для атаки и дальнѣйшаго движенія представлялись Балканы. Доказательства налице. Побѣда подъ Кулевчею положила основаніе всему, и вы пожинаете ея плоды. Жалѣю, что резервы не могли прибыть къ вамъ равнѣе, дабы доставить вамъ возможность идти дальше, не имѣя надобности останавливаться; но не возможно было равнѣе прислать ихъ вамъ. Въ виду того, что вамъ нельзя было идти сейчасъ же къ Адрианополю,—мысль ваша кажется мнѣ весьма вѣрною. Вы сдѣлаете съ Адрианополемъ тоже, что и съ Шумлою и двинетесь прямо на Кирклису. Это принудитъ (турокъ) оставить Адрианополь, дабы прикрыть столицу; если же они не перестанутъ собирать тамъ новую армію, (притягивая туда все, что

¹⁾ Отвѣтъ на письмо Дибича, отъ 18-го іюля. (Перев. съ франц.)

имѣютъ на сѣверѣ и въ Виддинѣ), то, вѣроятно, постараются дать вамъ сраженіе, которое—какъ я надѣюсь,—будетъ, при помощи Божіей, второю Кулевчею; а результатомъ этого явится то, что вамъ представится возможность подать свою правую руку Гейдену. Я пошлю ему приказаніе: идти къ Рикорду и быть готовымъ поддержать васъ, какъ только крейсера васъ замѣтятъ. Условный сигналъ слѣдующій: вы поднимите Кейзеръ-флагъ или Гюйсъ на какомъ либо видномъ пунктѣ побережья; какъ только онъ будетъ замѣченъ съ нашихъ судовъ, онъ вступитъ въ сообщеніе съ вами. Любезный другъ, какъ все это необычайно и мало согласно съ моими желаніями и моими намѣреніями!—и какъ, помимо нашей воли, оно можетъ повести къ такому результату, который я предвидѣлъ и котораго искренно желалъ избѣжать! Но да будетъ воля Божія!—Онъ знаетъ, какъ вывести насъ изъ этого и все устроить къ лучшему.—Лачинова еще здѣсь нѣтъ, и ваше письмо отъ 18-го прибыло четырьмя днями ранѣе письма отъ 12-го, которое онъ везъ. Мы оставались 11 дней безъ извѣстій и безпокоились; когда же письмо отъ 18-го числа прибыло, мы не могли понять, что сдѣлалось съ Лачиновымъ и думали, что онъ пропалъ. Первое извѣстіе о невѣроятныхъ результатахъ перехода (черезъ Балканы) мы почерпнули изъ письма Воронцова къ Бугакову и, если бы не официальный рапортъ Головна Воронцову, мы сочли бы это за басню! Я полагаю, что когда вы получите это письмо, то уже будете имѣть двѣ бригады 12-й дивизіи и двѣ батареи. Намѣреніе ваше, употребить ихъ въ качествѣ гарнизоновъ въ крѣпостяхъ—превосходно. Такимъ образомъ, 3 дивизіи 4-го корпуса будутъ содержать гарнизоны въ завоеванной странѣ, а остальная часть войска будетъ свободна и можетъ оставаться въ своемъ настоящемъ составѣ,—что я считаю почти необходимымъ. Измѣненія, которыя вы намѣрены сдѣлать въ порядкѣ укомплектованія войскъ, совершенно отъ васъ зависятъ.—Чума не перестаетъ сокрушать меня, и я умоляю васъ усугубить старанія, чтобы она, по крайней мѣрѣ, не пробралась за Балканы и въ Бургасскій заливъ. Увы! въ Одессѣ намъ пришлось уже принять карантинныя мѣры, такъ какъ тамъ обнаружались признаки чумы. Это ужасно!—и этимъ мы конечно обязаны ложнымъ донесеніямъ доктора Витта.

Вполнѣ одобряю также ваше намѣреніе предпринять осаду Шумлы и льщу себя надеждою, что вамъ удастся овладѣть ею. Прошу васъ, однако, постоянно обращать вниманіе на правое крыло ваше, дабы никакой отрядъ не явился внезапною угрозою вашему флангу, или помѣхою вашимъ сообщеніямъ. Я считаю вѣроятнымъ, что турки постараются собрать все, что можно съ сѣвера, для сформированія новой арміи, — если только не пошлютъ (этихъ войскъ) на помощь

Шумлѣ. Во всякомъ случаѣ, если бы число войскъ, стоящихъ противъ Гейсмара, значительно уменьшилось, то я полезнымъ считалъ бы разрѣшить ему сдѣлать сильную демонстрацію на ту сторону Дуная, однако не подвергаясь риску и не увлекаясь слишкомъ далеко.—Очень досадно, что храбрые моряки наши не могутъ себя показать! Нельзя ли теперь Грейгу сдѣлать, по крайней мѣрѣ, попытку противъ Иніады или Мидіи, чтобы извлечь пользу изъ отваги и усердія своихъ молодцовъ?

Орловъ уѣхалъ и везетъ вамъ остальные инструкціи на случай переговоровъ. Повидимому, совершенно вѣрно, что въ Шумлу поѣхалъ уполномоченный.

Въ политикѣ—ничего новаго; наши отношенія со всѣми хороши, съ Франціею же превосходны. Въ Ирландіи серьезныя безпорядки,—болѣе серьезные, нежели полагаютъ. Хозревъ-Мирза здѣсь, и только что уѣхалъ въ Петербургъ; представляетъ зрѣлище любопытное и необычайное.

Поклонъ мой всѣмъ товарищамъ, а Толлю и Палену въ особенности; благодарите всѣхъ ихъ, а равно и храбрыя войска за примѣрную и славную службу. Мнѣ ли ее не знать!

Благодарность и дружбу заявляетъ вамъ, любезный другъ, и на всю жизнь, васъ любящій Н.

Жена моя пишетъ вамъ сама.

Alexandrie, près de Peterhof, le 4 Aout.

Mon cher ami, avec quelle joie je puis vous dire: спасибо Забалканскій; ce nom vous revient de droit et je vous l'ai donné de bien bon coeur. Mais avant tout: que le bon Dieu soit mille et mille fois béni de ce qu'il vous aye secondé d'une manière si visible; reconnaissons Sa protection dans tout ce qui nous arrive d'heureux.—Ensuite, recevez toute ma reconnaissance pour votre mouvement, aussi heureusement qu'habillement combiné, et parfaitement exécuté par vos braves aides.

Vous avez raison de dire que l'on doit se convaincre maintenant, combien avaient raison ceux qui soutenaient qu'il était complètement faux de s'acharner à prendre Schoumla, tandis que le vrai point à attaquer et à pénétrer était celui des Balkans. La preuve est là. La victoire de Koulevtcha a mis la base de tout, et vous en cueillez les fruits. Je regrette que les réserves n'aient pu vous joindre plutôt, pour vous donner la possibilité de pousser plus loin, sans devoir vous arrêter; mais il était impossible de vous les faire arriver plutôt. Votre idée, maintenant que vous n'avez pu aller de suite à Andrinople, me paraît fort juste; vous traiterez Andrinople comme Schoumla et vous vous porterez directement à Kirkliissa; cela forcera, ou à abandonner Andrinople, pour couvrir la capitale, ou—s'ils persistaient à y rassembler une nouvelle armée, en attirant tout ce qu'ils ont à Widdin et dans le Nord,—il est probable qu'ils chercheront à vous donner une bataille, qui, avec l'aide de Dieu, sera, j'espère, une seconde Koulevtcha; et puis, comme résultat, vous serez de même de donner la main droite à Heyden. Je lui ai envoyé l'ordre de se porter vers Ricord et de se tenir prêt, sitôt que les

croiseurs vous auront vu, à venir vous appuyer. Le signal convenu est que vous ferez arborer le Ке й з е р ь - ф л а г ь, или Г ю й с ь sur un point voyant de la côte; sitôt qu'il sera aperçu d'un de nos bâtimens, l'on se mettra en communication avec vous.—Cher ami, que tout cela est extraordinaire et peu conforme à mes désirs et à mes intentions; combien cela peut pousser les choses, malgré nous, vers un résultat que j'ai prévu et que j'ai si sincèrement désiré éviter!—Mais que la volonté de Dieu soit faite, et Il saura nous en tirer et tout arranger pour le mieux.—Лачиновъ n'est pas encore ici et votre lettre du 18 est arrivée quatre jours avant celle du 12, qu'il portait. Nous avons été onze jours sans nouvelles et non sans inquiétudes, et quand la lettre du 18 est arrivée, nous n'avons pas pu comprendre ce qu'était devenu Лачиновъ, et l'avons cru perdu. C'est une lettre de Woronzof à Boulgakof qui nous a donné la première nouvelle des incroyables résultats du passage, et, si ce n'avait pas été Golovin qui en faisait officiellement le rapport à Woronzof, nous l'aurions traité de fable! Je suppose qu'à la réception de cette lettre vous aurez déjà deux brigades de la 12 div. et deux batteries d'arrivées; et votre idée, d'en faire les garnisons des places, est parfaite. Ainsi, les 3 divisions du 4-me corps feront les garnisons du pays conquis, et le reste de la troupe est libre et peut rester dans sa véritable composition,—ce que je trouve presque indispensable. Le revirement dans le complètement des troupes, que vous voulez faire, est tout-à-fait à votre volonté.—C'est toujours la peste qui me désole, et je vous supplie de redoubler de soins pour que, du moins, elle ne passe pas les Balcans et dans le golfe de Bourgas. Hélas! nous sommes dans les mesures de quarantaine, des indices de peste s'y étant fait voir. C'est affreux, et c'est bien grâce aux faux rapports de Witt le medicin, que nous sommes redevables.—J'approuve parfaitement aussi votre projet de faire un siège de Schoumla; et je me flatte, que vous parviendrez à l'avoir. Mais je vous prie de faire toujours attention à votre droite, pour être bien sûr qu'aucun corps ne vienne subitement vous menacer en flanc, ni gêner en communication. Je crois qu'il est probable que les Turcs tacheront de réunir tout ce qu'ils peuvent tirer du Nord, pour en former une nouvelle armée, — à moins qu'ils ne l'envoient au secours de Schoumla. En tout cas, s'ils diminuent considérablement contre Geismar, il serait utile, je crois, de l'autoriser de faire une forte démonstration de l'autre côté du Danube, sans toute-fois, ni se compromettre, ni pousser trop loin. Il est bien facheux que nos braves marins ne peuvent pas se montrer! Greig ne pourrait-il pas maintenant tenter du moins un coup sur Iniade, ou Midia, pour utiliser la bravoure et le zèle de ses braves?

Orlof est parti et vous porte le reste des instructions, pour le cas des négociations; il paraît certain, qu'un plénipotentiaire est parti pour Schoumla.

Rien de nouveau en politique; nous sommes bien partout; avec la France—à merveille. Il y a des troubles sérieux en Irlande, et plus que l'on ne pense. Hozrew Mirza est ici et vient de partir pour Pétersbourg: spectacle curieux et extraordinaire.

Mille choses à Toll et Pahlen en particulier, et à tous les camarades, et remerciez les tous, ainsi que la brave troupe, pour leur service exemplaire et glorieux; que n'en sais-je!

Reconnaissance et amitié vous sont voués pour la vie, mon cher ami, par votre affectionné N.

Ma femme vous écrit elle même.

[Продолженіе слѣдуетъ].

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ

1827—1845 гг.

ХII ¹⁾.

Парижъ, 1841 г., февраля 17 (5).

Наконецъ вы ²⁾ откликнулись! я получилъ письмо ваше отъ 13-го января и всегда получаю, кажется, исправно журналы, вами доставляемые. За все приношу мою искреннюю благодарность, но жалѣю, что я переставалъ вѣрить вашей доброй памяти—и самъ не писалъ къ вамъ, хотя въ письмахъ къ другимъ, напр. въ послѣднемъ 80 страничномъ, съ разными приложеніями, упоминалъ о васъ и указывалъ вамъ на книжку: «Histoire de l'hérésie constitutionnelle, qui soumet la religion au magistrat», par Boyer, изъявляя желаніе, чтобы вы взялись написать на оную историческое возраженіе. Въ ней правда, кажется, смѣшана съ клеветою и обо всемъ и обо всѣхъ идетъ дѣло: «Отъ Сестренцевича до Симашки!» Помнится, я читалъ то же самое и въ нѣмецкой газетѣ. Постараюсь, вмѣстѣ съ симъ послать вамъ эту книгу. Болѣе не могу: едва позволяютъ укладывать въ пакетъ двѣ или три книги, да и то не всегда: эту повезетъ М. Ваганте. Въ многочисленныхъ и многотомныхъ письмахъ моихъ къ московской пріятельницѣ (65) отъ 16 до 80 страницъ каждое!—вы бы могли выбрать для себя многое; но переставъ писать на имя кн. Вяземскаго, коего горе и меня задѣло, и ему не до моихъ похвощеній (66) (72). Я не зналъ къ кому обратиться, и рѣшился пи-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1881 г. томъ XXXI (іюнь), стр. 187—206; томъ XXXII, октябрь, ст. 33—343.

²⁾ Константинъ Степановичъ Сербиновичъ, къ которому писаны эти письма.

сать къ московской, всегда вѣрной дружбѣ. Около 200 страницъ уже отправилъ въ нихъ все житье-бытье мое въ Парижѣ и въ Германіи. Ловите его на полетѣ. Постарайтесь достать копію или оригиналь сихъ писемъ, или отъ Екатерины Алекс. Свербеевой, чрезъ А. Я. Булгакова, или отъ Ал. Ильинишны Нефедевой, также чрезъ него: но къ тому времени они обветшаютъ! Новое сдѣлается старымъ. Я даю отчетъ въ лекціяхъ Мицкевича, Ленормана, Озапана, въ проповѣдяхъ Кера, Лакордера (уже Доминиканца) и въ книгахъ о религіи и о философіи: бѣгло, но указываю на многое: Sapienti sat! Только и прошу васъ: «духа не умерщвляйте»—а только въ слогѣ поправляйте.

Благодарю васъ за ваши хлопоты о предисловіи и совершенно апробую ваше мнѣніе и раздѣляю ваши опасенія. Я просилъ о предварительномъ разсмотрѣніи мною чрезъ кн. А. Н. для того, что читалъ въ Петербургѣ первый проэктъ А. Хр. Востокова,—мнѣ весьма не понравившійся. Я боялся и боюсь, чтобы его не тиснули въ этомъ видѣ или съ незначущими исправленіями, когда должно все передѣлать; должно также назвать меня, согласно смыслу отношенія К. А. Н., не въ предисловіи только, а въ титулѣ актовъ, мною собранныхъ, дабы Тургеневскіе оставались Тургеневскими, такъ какъ они особо и напечатаны будутъ. Мнѣ нельзя было не оградить себя предварительнымъ разсмотрѣніемъ, зная расположеніе ко мнѣ Ув. ¹⁾ съ нѣкотораго времени.—Для чего напр. не напечатать первыхъ двухъ томовъ, уже приготовленныхъ, не ожидая отъ Востокова послѣдующихъ? Тогда бы и предисловіе вошло въ первые два тома. Если вы и князь Шихматовъ за меня и сохраните свою ко мнѣ пріязнь, то я не опасаясь за изданіе; но время летитъ!.. и мы съ нимъ. Вы правы, обвиняя себя: если бы вы откликнулись прежде и успокоили меня на счетъ изданія—я бы не обратился о просмотрѣніи къ князю, но во всякомъ случаѣ желалъ бы, чтобы оно воспослѣдовало, ибо полагаю, что мой голосъ въ моемъ дѣлѣ былъ бы не лишній ²⁾. Котошихина я и по сію пору не получалъ, ни 2-й и слѣдующихъ тетрадей медалей, ни другихъ изданій археографической комисіи, на 6 экзempl. коихъ я имѣю право; (и Котошихина 6 экзempl.) а мнѣ бы все это нужно было и для себя и для раздачи въ здѣшнія и нѣмецкія бібліотеки.—Я опять нашелъ новую рукопись о Россіи (въ 1772 и 73 годахъ) и примѣчательную и переписываю оную для Государя (67); но за сіи на-

¹⁾ Уварова.

²⁾ (м. примѣч. 64.

ходки въ бібліотекахъ, ихъ нужно отблагодарить печатными рѣдкостями. Мухановъ (Павелъ) по моимъ слѣдамъ доискивается здѣсь и находитъ многое, уже мною прежде найденное, но чего я списать не успѣлъ (68). Я опять болѣе занимаюсь духовными явленіями въ литературѣ и въ обществѣ, чѣмъ другими. Одна исторія Россіи еще занимаетъ меня, по моей обязанности: иначе бы весь предался религіи, но не той, которая и здѣсь мнѣ не нравится: т. е. народной. Лакордеръ своею послѣднею проповѣдью—не изумилъ, но огорчилъ меня. Это трибунъ, а не христіанскій проповѣдникъ; а въ книгахъ своихъ, напр. въ жизни Св. Доминика святоша, какъ Ф. въ жизни Св. Сергія (69). Желалъ бы видѣть нашъ катехизисъ на нѣмецкомъ Фишера; но болѣе бы желалъ, чтобы христіане, какъ Нееандеръ, Толукъ—просмотрѣли его. Я не имѣю довѣренности къ нашимъ духовнымъ: они мѣняютъ катехизисы съ перемѣною министровъ и оберъ-прокуроровъ; я вѣрю возможности искренней перемѣны въ мнѣніяхъ, въ мнимыхъ убѣжденіяхъ; но вдругъ въ цѣломъ Синодѣ—это подозрительно и не для такого опытнаго въ сихъ перемѣнахъ, какъ бывшій директоръ департамента быть долженъ (70). Чѣмъ болѣе старѣюсь и размышляю, тѣмъ болѣе прилѣпляюсь къ христіанскому ученію, и тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что въ церковникахъ мало вѣры, и что для нихъ она не цѣль, а средство. Радуюсь Алеутскому архіерею—но пожалуйста оставьте его въ прежней его дѣятельности и «духа его не угашайте» вашими камилавками и шапками (71). Не издали-ли чего Чигиринскій (72) и возвращень-ли онъ академической дѣятельности?—Издатели «Москвитянина» хотѣли переслать мнѣ его: не напишете-ли къ нимъ, чтобы они переслали его черезъ васъ? а вы по прежнему какъ доселѣ; но похлопочите, чтобы скорѣе выслали изъ канцеляріи гр. Несельроде. Б. М. Ѳедоровъ—ни слова ни о себѣ, ни о взятыхъ имъ выпискахъ о Петрѣ I, кои обѣщалъ доставить. Попеняйте ему.

Я пробуду здѣсь до конца мая, вѣроятно, а потомъ куда?—еще не знаю; хочется быть осенью въ Москвѣ, но кого назначать градоначальникомъ (73). Желалъ-бы получить и «Журналъ Государственныхъ Имуществъ» и испросилъ бы его у Государя, чрезъ князя А. Н., когда испрашивалъ другіе, но онъ еще не выходилъ; «Внутреннихъ Дѣлъ»—очень плохъ и Цынскаго отчеты не замѣняютъ всего того, что могъ бы порядочный редакторъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ сообщать намъ. Фонъ Поль не отличился въ семъ отношеніи. Вашъ журналъ остается лучшимъ и любопытнѣйшимъ для меня; послѣдняя книжка была ноября 1840 г. Посылаю къ князю А. Н. новую книгу: «La Connaissance de J. C. ou le dogme

de l'incarnation envisagé comme la raison dernière et suprême de tout ce qui est, — par l'Abbé Combalot. 1841. 8. По сію пору зналъ я автора по проповѣдямъ его: книгу хвалятъ.

Если бы случаи чаще представлялись, то посылалъ бы многое и о многомъ, особливо къ вамъ, намекая на многое и указывая любопытное въ явленіяхъ духовной здѣшней литературы. Въ письмѣ, сегодня посылаемомъ, описываю проповѣдь Лакордера въ соборѣ Notre Dame, гдѣ полвѣка не слышны были монахи. Доминиканецъ воскрешаетъ или хочетъ воскресить прошедшее, но льститъ массамъ et fait de la nationalité au lieu de faire de la religion. Увѣряетъ французовъ, что они спасли христіанство въ Европѣ—и отъ кого же? отъ Арія, Магомета и Лютера! между тѣмъ какъ реформація

Verse des torrens de lumières
Par ces obscurs blasphémateurs!

Я описалъ также и новое чтеніе Шатобріановыхъ заграничныхъ Записокъ въ салонѣ Рекамье: я прошу князя А. Н. прочесть сіе письмо, если ему угодно, прежде нежели отправить въ Москву, а вы бы могли достать его, чрезъ Гаврила Степановича Попова; но и возвратить немедленно. Пишу нѣ-скоро и даже не перечитываю написаннаго, щадя глаза и время. Я постараюсь приложить и проповѣдь Лакордера, отрывками въ l'Univers напечатанную. Вотъ католическій журналъ, изъ коего вы бы могли узнавать и оглашать многое.

Здѣсь продавали бібліотеку графа Бутурлина (74); я перекупилъ два рѣдкіе фоліанта, изд. Альдовъ, весьма хорошо сохранные «Origenis Homiliae 1503 г. и Chorſolani in S. Augustini», 1481 г. Обѣ книги рѣдкія и примѣчательныя. Я желалъ сохранить для Россіи памятникъ ея бібліомана, собравшаго двѣ славныя бібліотеки: одну въ Москвѣ, сожженную французами или Растопчинимъ,—какъ угодно; другую во Флоренціи, коей двѣ трети уже здѣсь продано; третья скоро будетъ продаваться. Такъ какъ купленія мною рѣдкости духовнаго содержанія, то я и желаю подарить ихъ Духовной Академіи, но если, паче чаянія, онѣ уже находятся у насъ, то я бы не хотѣлъ обременять курьеровъ двумя фоліантами, да и трудно пересылать ихъ. Нельзя-ли о нихъ справиться?

18-го февраля.

Здѣсь все идетъ споръ о проповѣди Лакордера, коей слабый очеркъ посылаю къ князю А. Н. Талантъ проповѣдника не извиняетъ въ немъ фанатизма, въ разныхъ видахъ онаго; въ ультрамонтанизмѣ, и въ треклятой народности, которая вездѣ и всегда ведетъ къ распрямъ, а не къ братству, Христомъ проповѣдуемому.

Примѣчанія:

65) Екатерина Александровна Свербѣева, рожденная княжна Щербатова.

66) Въ 1840 году у князя П. А. Вяземскаго скончалась дочь княжна Надежда Петровна (род. 1822 г.) и погребена въ Баденъ-Баденѣ. Жуковский въ письмѣ своемъ къ Великому Князю Константину Николаевичу (отъ 10-го декабря 1840 г.) между прочимъ писалъ: „Я получилъ изъ Бадена отъ княгини Вяземской увѣдомленіе о смерти ея дочери и долженъ былъ взять на себя тяжкую обязанность объявить объ этомъ несчастіи отцу умершей. Все это самымъ грустнымъ образомъ заняло меня во весь вчерашній день („Русск. Арх.“ 1867, стр. 1389). Въ 1843 году Фарнгагенъ фонъ-Энзе вспоминалъ о ней: „Я сохраняю въ сердцѣ моемъ трогательное и нѣжное воспоминаніе о вашей прелестной и чистой Надинѣ. Она такъ мирно наслаждалась начатками жизни“ (ibid. 1866, стр. 508). Въ 1850 году Жуковский посѣтилъ ея могилу: „Въ Баденѣ есть мѣсто, которое составляетъ часть твоего семейнаго дома; туда я ходилъ съ женой и дѣтми; на крестъ повѣсили вѣнчикъ изъ весеннихъ цвѣтвъ. Посылаю тебѣ съ этого гроба въ отвѣтъ: „воистину воскресе!“ отвѣтъ, который ухо не слыхало, но который, конечно, былъ мнѣ сказанъ“ (ibid. 1868, стр. 440). Въ 1878 году скончался въ Баденѣ Баденѣ и князь П. А. Вяземскій, тогда прахъ его дочери вмѣстѣ и съ его смертными останками былъ перевезенъ въ Петербургъ и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

67) Не разумѣется ли здѣсь рукопись Собатье де-Кабро: „Catherine II, sa cour et la Russie en 1772“, изданная С. А. Соболевскимъ въ Берлинѣ въ 1862 году?

68) покойный предсѣдатель археографической комисіи Павелъ Александровичъ Мухановъ (род. 1798 † 1871 г.) Биографическія свѣдѣнія о немъ см. „Русская Старина“ 1872, V, стр. 335—345.

69) Намъ совершенно непонятны тѣ рѣзкіе и въ высшей степени несправедливые отзывы, встрѣчающіеся въ этихъ письмахъ А. И. Тургенева о знаменитомъ и приснопамятномъ святителѣ нашей церкви Филаретѣ, митрополитѣ Московскомъ, со смертію котораго, по справедливому и краснорѣчивому слову И. С. Аксакова, „упразднилась сила великая, нравственная, общественная, сила созданная не извнѣ, но рожденная мощью личнаго духа, возросшая на церковной народной почвѣ. Обрушилась громада славы, которую красовалась церковь и утѣшался народъ... Смежилось неуспяющее око мысли. Прервалось полустолѣтнее назиданіе всѣмъ русскимъ людямъ... Смолкло художественное важное слово...“. Еще болѣе непонятно, что эти отзывы дѣлаются въ письмахъ къ такому лицу какъ К. С. Сербиновичу, который, какъ извѣстно, всегда трепеталъ предъ Московскимъ Владыкою. Да къ тому же, по неложному свидѣтельству ближайшаго друга А. И. Тургенева, князя П. А. Вяземскаго, и самъ Тургеневъ съ митрополитомъ Филаретомъ былъ „въ близкихъ отношеніяхъ и по сочувствію, и уваженію къ нему, а равно и по прежнему служенію своему при князѣ А. Н. Голицына“. („Русск. Арх.“ 1875 т. I, стр. 62).

Въ 1834 году, митрополитъ Филаретъ написалъ „Нѣкоторыя черты житія преподобнаго Сергія Радонежскаго послѣ смерти, т. е. нѣкоторыя сказа-

ніа о его явленіяхъ и чудодѣйствіяхъ, читанныя на всеобщей въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ, на канунѣ Сергіева дня іюля 4-го (Напеч. въ „Христ. Читеніа“ 1836 г. ч. 58).

70) Тургеневъ былъ директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ въ то время, когда Министромъ Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ дѣлъ былъ князь А. Н. Голицынъ. Это было время распространенія библейскихъ обществъ и рядомъ съ ними масонскихъ ученій.

71) Рѣчь идетъ о покойномъ митрополитѣ Московскомъ Иннокентіи. Объ апостольской дѣятельности его на крайнемъ Востокѣ мы, между прочимъ, находимъ любопытныя свѣдѣнія въ извѣстномъ путешествіи („Фрегатъ Паллада“) нашего знаменитаго писателя И. А. Гончарова. „Не нужно напоминать вамъ“, пишетъ авторъ, „дѣла архипастыря, котсрый много лѣтъ подвизался на пользу подвластныхъ намъ американскихъ племенъ, обращая ихъ въ Христіанскую вѣру. Вамъ извѣстенъ онъ, какъ авторъ книги „Записки объ Уналашынскомъ отдѣлѣ Алеутскихъ острововъ“. Авторъ въ предисловіи скромно называетъ записки „Матеріалами“; но прочта эти „матеріалы“, не пожелаешь никакой другой исторіи молодаго и малоизвѣстнаго края. Книга эта еще замѣчательна тѣмъ, что написана прекраснымъ, легкимъ и живымъ языкомъ.... Я случайно былъ въ комитетѣ, который собирается въ тишинѣ архипастырской кельи, занимаясь переводомъ Евангелія“ („Фрег. Пал.“ II, стр. 618—620).

72) 1-го марта 1841 года, Иннокентій, изъ Чигиринскихъ епископовъ, былъ назначенъ епископомъ Вологодскимъ („Письма о Кіевѣ“, стр. 29).

73) Въ Москвѣ главнокомандующимъ въ это время былъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, который скончался только 27-го марта 1844. Пребываніе его за границей, для излѣченія болѣзни, въ 1841 году вѣроятно дало поводъ А. И. Тургеневу думать, что князь оставляетъ свой постъ.

74) Графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ (род. 1763 † 1829). Съ 1793 г. поселившись въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, на берегу Яузы, онъ сталъ собирать бібліотеку, которая погибла въ 1812 году. Въ 1817 году поселившись во Флоренціи, гдѣ купилъ себѣ палаццо Николіни, онъ сталъ неутомимо собирать вторую бібліотеку, которая не уступала первой. Графъ Д. П. Бутурлинъ открылъ путь въ церковной іерархіи челоуѣку, прослаившемуся впоследствии глубокой ученостью: это Евгенію, митрополиту Кіевскому, который въ молодости своей былъ домашнимъ учителемъ старшаго сына графа Бутурлина („Русск. Арх.“ 1867, стр. 377, 379, 381).

Н. П. Барсуковъ.

ХІІІ.

19 февраля.

Вчера на аукціонѣ книжномъ, послѣ покойнаго Штанфера, умнаго и ученаго швейцарца и писателя, накупилъ я 71 книгу—за бездѣлицу. Онъ былъ бібліотекарскимъ секретаремъ здѣсь и писалъ о религіи и о философіи. Много рѣдкихъ брошюръ нѣмецкихъ, времени Канта, Фихте, Шелинга, купилъ я. Кстати, Шелингъ переѣзжаетъ изъ Мюнхена въ Берлинъ профессоромъ. Это для меня

большая радость, ибо не нужно будетъ забиваться въ Мюнхенъ и другъ-мудрецъ на пути въ Берлинъ.

Обнимаю васъ мысленно и сердечно: передайте поклонны Б. М. Ѳедорову, и прочимъ; и сердечное почтеніе вашей сожительницѣ.

Спросите у Б. М. есть ли надежда, чтобы Эйхгофъ, авторъ квартанта о лингвистикѣ и книги, гдѣ и о русской литературѣ — поступилъ въ корреспонденты русской академіи?

Книгу для васъ посылаю на имя кн. А. Н., но въ особомъ пакетѣ. Б. Мих. знаетъ это дѣло и книгу Эйхгофа и хлопоталъ о немъ.

XIV.

Парижъ, 1841 г. іюля 14 (2) (день взятія Бастиліи).

На сихъ дняхъ получилъ я письмо ваше, любезнѣйшій Константинъ Степановичъ, отъ 28 мая, съ приложеніемъ книгъ и журналовъ. Приношу вамъ чувствительнѣйшую благодарность за всѣ ваши хлопоты объ изданіи римскихъ рукописей и увѣренъ, что предисловіе, вами написанное, будетъ отвѣчать всѣмъ требованіямъ критики и справедливости. Очень желаю поскорѣе получить оное и взглянуть хотя на первый томъ моего Историческаго Сборника ¹⁾; но гдѣ я получу его? Черезъ двѣ недѣли, если здоровье Клары (75) нашей позволитъ, отправляюсь я въ Германію, — вѣроятно, опять въ Киссингенъ, гдѣ пробуду весь августъ нов. ст. и оттуда желаю пуститься прямо въ Москву, слѣдовательно, вѣроятно чрезъ Богемію и Краковъ, если это кратчайшій путь, а можетъ быть и чрезъ Берлинъ, если тамъ будетъ Шелингъ: въ началѣ или въ половинѣ октября надѣюсь быть въ Москвѣ. Вотъ планъ мой; состоится-ли? Богу извѣстно. — Очень бы желалъ получить предисловіе съ заглавіемъ до отъѣзда изъ Киссингена.

Благодарю очень за доставленіе катехизиса; экземпляръ для Толука и Неандера беру съ собою и пошлю имъ изъ Германіи. Очень бы желалъ выслать вамъ кое-что отсюда, но лѣтомъ оказіи рѣдки. Читаете-ли вы ультра-католическій журналъ «l'Univers»? Онъ опять на васъ горько жалуется за обращеніе силою уже не одной Уніи. Не могу, не только по чувствамъ сердца и христіанской политики, но по расчетамъ мірской мудрости, не просить васъ, если хотя малѣйшее основаніе есть къ подобнымъ обвиненіямъ, не подавать, сколько возможно, повода къ нимъ. Не подражайте тѣмъ, кои съ нами такъ поступали. Я съ омерзеніемъ читаю «l'Univers» и духъ

¹⁾ См. примѣч. 65-е.

оного мнѣ совершенно противенъ. Я не вѣрю ему; и надѣюсь, что и жалобы его—только клеветы.

Все что вы мнѣ пишете о несчастіяхъ, постигшихъ Б. М. Оедрова, неожиданно поразило меня. Одна бѣда тяжеле другой и всѣ въ одно время! Но потеря сына ни съ чѣмъ сравниться не можетъ. Я постигаю сердцемъ его положеніе. Не лишился-ли онъ какихъ матеріальныхъ выгодъ и съ Шишковымъ ¹⁾? Что у него осталось послѣ него у княгини Юсуповой, кромѣ таланта и терпѣнія? Чѣмъ онъ занимается? Очень бы желалъ подробнѣе знать о его положеніи.

Графиня Ростопчина прислала мнѣ свои сочиненія. Вашъ журналъ знакомить меня и съ другими новинками; въ другихъ нахожу кое-что изъ выписокъ моихъ изъ московскихъ и другихъ архивовъ. Откуда сообщено — не знаю! Много публикуется, что давно мною представлено правительству. Одно собраніе римскимъ рукописей, вами издаваемое, нѣсколько утѣшаетъ меня. Я бы просилъ васъ, по отпечатаніи 1 тома, довести о семъ до свѣдѣнія кн. А. Н. немедленно, дабы онъ—а не другой кто, какъ первый виновникъ, могъ представить его государю; вы бы могли, отъ моего имени, переговорить предварительно о семъ съ княземъ. Не поскучайте хлопотать, чтобы и послѣдующіе томы слѣдовали одинъ за другимъ въ печатаніи, по крайней мѣрѣ 2-й. Я бы желалъ передать 6 экземпляровъ, кои слѣдуютъ мнѣ отъ Археографической Коммисіи, въ слѣдствіе объявленнаго повелѣнія, поскорѣе тѣмъ архивамъ и библіотекамъ, кои снабжали меня другими рукописями; по сію пору я давалъ имъ русскія книги, но теперь могу указать имъ и на латинскіе памятники русской исторіи.

Не худо отправить 1-й томъ въ двухъ или трехъ экземплярахъ прямо въ Парижъ на мое имя, при первой оказіи, хотя бы они пришли и послѣ меня.

На сихъ дняхъ я объѣхалъ Нормандію, и въ письмѣ моемъ въ Москву описалъ, что видѣлъ. Жаръ и грусть воротили меня сюда.

Я отыскалъ здѣсь экземпляръ церковной археологіи *Sans*, запрещенной нынѣшнимъ папою, хотя имъ же напечатанной и мнѣ подаренной. Надѣюсь привести эти два фоліанта съ собою и подарить духовной академіи за рѣдкость. Отъ Жуковскаго я получилъ милое, премилое письмо, изъ Дюссельдорфа, послѣ свадьбы (76). Онъ достоинъ своего святаго счастья — всею жизнію и душою своею: но надолго-ли оно? Завтра иду смотрѣть картину Ингра, Цесаревичемъ

¹⁾ Скончался въ 1841 году.

заказанную и опишу вамъ ее, если успѣю; впрочемъ Jules Janin уже потѣшилъ васъ ею въ «Дебатахъ».

Примѣчательнѣйшее для насъ русскія явленіе въ нѣмецкой словесности, книжка покойнаго Бадера (77), въ семь году вышедшая о греческомъ и католическомъ католицизмѣ. Вы увидите съ какою глубокою ученостію онъ заступаетъ за ученіе нашей церкви противъ католической — и самъ католикъ! Въ ней напечаталъ онъ письмо Шевырева о русской церкви, но вѣроятно не спросяъ его. Не худо познакомить русскую и католическую публику съ сею новѣйшею книгою покойника. Онъ часто опровергаетъ въ ней Шмита (Исторія Греко-Россійской церкви), о коей я прошлаго года писалъ къ вамъ. Я привезу ее съ собою.

Хотѣлъ я писать здѣсь, но ноги разбиты, спросите отъ чего у Б. Вяз.

Пишите сюда.

Его Высокородію. Константину Степановичу Сербиновичу.

Примѣчанія.

75) Въ 1833 году, Н. И. Тургеневъ женился, въ Женевѣ, на дочери Пиемонтскаго изгнанника генерала Виараса. (Свербеевъ. „Русск. Арх.“ 1871, стр. 1965).

76) Въ 1841 году Жуковский женился на дочери своего стараго друга Рейтерна, Елизаветѣ Алексѣевнѣ.

77) Въ 1835 году, Иннокентій писалъ къ Максимовичу: „А что съ нашимъ Бадеромъ? Живъ ли онъ, и каково поживаетъ? Мнѣ пришло на мысль отправить его къ г. Сербиновичу“. Максимовичъ въ поясненіяхъ своихъ къ этимъ строкамъ говоритъ: „У Иннокентія въ Кіевской духовной академіи переведено было нѣсколько философскихъ сочиненій съ нѣмецкаго языка. Переводъ изъ Бадера, болѣе другихъ германскихъ мыслителей любимаго Иннокентіемъ, онъ поручалъ мнѣ прочесть, желая знать мое мнѣніе о „языкѣ перевода“ („Письма о Кіевѣ“, стр. 52—53). Иное мнѣніе объ этомъ мыслителѣ имѣлъ Ю. Э. Самаринъ: „Прочелъ я книгу Бадера. Ужасно безтолково написана, а очень интересна. О его философскомъ воззрѣніи сказать ничего нельзя, потому что оно еще вполне и въ ясности не высказано. Что же касается до фактовъ, то нѣкоторые очень для насъ важны. Напрасно только думаютъ, что наша церковь нашла въ немъ союзника; онъ почти столько же ея врагъ, сколько и католиковъ“ („Русск. Арх.“ 1830, I, стр. 294).

Н. П. Барсуковъ.

XV.

Парижъ 1841 г., 25 (13) сентября.

Два мѣсяца тому назадъ я писалъ къ вамъ, любезнѣйшій Константинъ Степановичъ, и благодарилъ васъ за обѣщанное предисловіе, прося доставить оное какъ можно скорѣе, хотя отдѣльно отъ печатаемой 1-й части Собранія русскихъ грамотъ ¹⁾. Съ тѣхъ поръ я пролежалъ около двухъ мѣсяцевъ на дачѣ съ больными ногами и ни отъ кого не получилъ ничего съ прѣхавшимъ сюда посломъ Барантомъ; не знаю даже получены-ли мои письма и пакеты съ Сов. Пос. С. Реггіег посланные, ибо было и къ вамъ письмо.

Я собираюсь въ путь, хотя на первый случай только въ Берлинъ, но чувствую еще слабость въ ногахъ и, опасаясь зимняго пути и для ногъ и для глазъ, не знаю еще выѣду-ли отсюда, доѣду-ли до Берлина или до Москвы и Петербурга? Желалъ бы получить здѣсь или въ Берлинѣ хотя предисловіе или и одинъ экземпляръ 1-й части; въ Берлинѣ безпрепятственно и оказія и курьеры. Передайте пакеты въ министерство иностранныхъ дѣлъ—для скорѣйшаго туда или сюда отправленія. 6 экземпляровъ слѣдуетъ мнѣ всего, что печатается археографическою комиссією, на основаніи высочайшаго повелѣнія.

Я надѣюсь, что для представленія въ нѣкоторые архивы и библиотеки, изъ коихъ я многое заимствовалъ, напр. въ Стокгольмѣ, мнѣ прикинуть собственнаго моего Собранія два или три экземпляра сверхъ прочихъ. Какъ вы думаете? Нужно ли для того принять какія либо мѣры или и сама комиссія разрѣшить сію выдачу. Нужно послать и въ Римъ, откуда акты сіи большею частію взяты.

Предполагая быть въ Россіи, я хотѣлъ тамъ заготовить всё сіи отправленія, испрося на сіе разрѣшенія отъ князя А. Н.; но теперь хотѣлъ бы все это здѣсь или въ Германіи исполнить, т. е. тамъ, гдѣ буду лечиться.

Недавно получилъ я еще три части вашего журнала: право это лучшій въ Россіи и его и здѣсь читаю съ удовольствіемъ и пользою. Напр. импровизаціи Вердера на счетъ Шелинга (78). Но не въ «Отечественныхъ-ли Запискахъ» я читалъ? Порядочно не помню. Я и не зналъ, хотя оба мои пріятели; у перваго слушалъ лекціи прошлаго года; второй приглашаетъ меня прѣхать осенью и зимой въ Берлинъ, гдѣ онъ откроетъ курсъ свой. Посылая журналъ какъ бы, кажется, вамъ не приложить нѣсколько строкъ не печатныхъ? Вя-

¹⁾ См. Примѣч. 64

земскій въ горѣ ¹⁾, Жуковскій въ Дюссельдорфѣ. Петербургъ онѣмѣлъ для меня; а вотъ уже годъ безъ недѣли какъ я въ Парижѣ! Здѣшняя умственная жизнь какъ-то не живить, не одушевляетъ меня; меня что-то влечетъ въ Германію, къ свѣжимъ ея источникамъ глубокаго и всеобъемлющаго вѣдѣнія; но дальніе переѣзды уже не такъ легки для меня какъ прежде!

На сихъ дняхъ отправилъ я къ князю А. Н. чрезъ гаврскій пароходъ снова 9 № рѣдкихъ и любопытныхъ рукописей и двѣ или четыре примѣчательныя книги. Рукописи не подлежатъ гласности, по времени и по натурѣ своей: одна изъ печатныхъ книгъ—для васъ любопытна, хотя только на 6 страничкахъ, старинными готическими буквами на латинскомъ, и кажется, о Флорентинскомъ соборѣ: «Egges atrocissimorum Ruthenorum». Другая, въ двухъ фоліантахъ, также рѣдкость и по части церковной археологіи.

Я живу книгами, и рѣдко, рѣдко и къ немногимъ заглядываю въ общество: прикованный почти на два мѣсяца къ постели и на дачѣ, я прочелъ цѣлую бібліотеку, и большею частію духовно-философскихъ книгъ—истинно-христіанскихъ. Журналы не развлекали меня.

Я просилъ васъ также въ послѣднемъ письмѣ увѣдомить меня о Б. М. Ѳеодоровѣ и о его положеніи. Очень огорченъ его горемъ, но видя на данномъ имъ мнѣ экземплярѣ бібліи — съ какимъ вниманіемъ онъ читалъ ее, отмѣчая ежедневно прочтенное имъ—я надѣюсь, что онъ христіански перенесетъ горе свое.

Возродится-ли Русская Академія? Попадетъ-ли въ нее наконецъ Павскій, единственный у насъ Гримъ и Джонсонъ въ одно время? Для чего не сдѣлать его президентомъ? Для чего не отдать справедливость достойному? Санъ протоіерея—есть духовный—всегда долженъ первенствовать, если съ нимъ соединены и истинныя заслуги: никто не можетъ оскорбиться такимъ назначеніемъ. Почести гражданскія — ничто для приносящаго безкровную жертву. Онъ принесъ бы честь и пользу Академіи и въ его избраніи почтила бы себя Академія и правительство. Никто еще для исторіи языка славянскаго и для его фізіологіи столько не сдѣлалъ ни въ Вѣнѣ и Прагѣ, ни у насъ. Онъ, какъ Лютеръ, и перевелъ біблію и языкъ свой обогатилъ и объяснилъ (79).

Что дѣлаетъ Чигиринскій епископъ? Употребляете ли вы его по ученой части или талантъ его все еще подъ спудомъ? Недавно въ нѣмецкой книгѣ—о Скифахъ, прочелъ я переводъ указа импе-

¹⁾ См. Примѣч. 66.

²⁾ См. примѣч. 72.

ратора Александра о Духоборцахъ и объ обращеніи съ ними! Онъ данъ былъ, помнится, на основаніи донесеній посланнаго для нихъ добродѣтельнаго Лопухина, (Ив. Влад.). Извѣстенъ ли вамъ этотъ указъ? Извѣстенъ-ли онъ министру Внутреннихъ Дѣлъ? Онъ останется честию вѣка, Россіи, и Александра, и прекраснѣйшимъ подвигомъ благодѣтельной жизни Московскаго сенатора—мартиниста. Sapienti sat (80).

28-го (16-го) сентября. Надѣюсь выѣхать послѣ завтра—до Берлина. Пишите туда.

Его Высокородію. Константину Степановичу Сербиновичу, Въ С.-Петербургѣ. Г. Правителю Канцеляріи Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода.

Примѣчанія:

78) Здѣсь разумѣется письмо М. Н. Каткова къ А. А. Краевскому, изъ Берлина отъ 21 мая 1841 года, въ которомъ описывается „вдохновенное торжество науки“, котораго героемъ былъ профессоръ логики и метафизики въ Берлинскомъ университетѣ Карлъ Вердеръ.—„У нѣмецкихъ студентовъ, пишетъ Катковъ, существуютъ прекрасный обычай: изъявлять чувства любви и признательности профессору серенадами, которыя скрѣпляютъ и животворятъ духовный союзъ между ими“. Это торжество происходило наканунѣ того дня, въ который Вердеръ долженъ былъ заключить курсъ своихъ лекцій. Заключительная лекція его была новымъ торжествомъ. „Отведя всѣ несправедливыя и придирчивыя возраженія Шеллинга, вотъ какими словами заключилъ Вердеръ эту послѣднюю лекцію: „Но Шеллингъ прибудетъ къ намъ, онъ будетъ здѣсь скоро, будетъ здѣсь и останется съ нами. Кто не захотѣлъ бы радоваться этому, тотъ доказалъ бы, что не только философія чужда ему, но что и вообще не дано ему органа для великаго и возвышеннаго“ и проч. („Отеч. Зап.“ 1841 т. XVI, смѣсь, стр. 111—116).

79) Подробныя свѣдѣнія о Павскомъ находятся въ изслѣдованіи профессора Н. И. Барсова См. „Русская Старина“ 1880 г. т. XXVII, стр. 111—128; 269—288; 495—510; 705—730; т. XXVIII, стр. 105—124; 219—232

80) Въ 1801 году, И. В. Лопухинъ вмѣстѣ съ Ю. А. Нелединскимъ-Мелецкимъ ревизовалъ Слободско-Украинскую (нынѣ Харьковскую) губернію. Здѣсь Лопухинъ обратилъ особенное вниманіе на положеніе Духоборцевъ и наблюденія свои надъ ними сообщилъ Императору Александру I въ двухъ донесеніяхъ (отъ 12 ноября и 3 декабря 1801 года). „На канунѣ выѣзда изъ Харькова“, пишетъ Лопухинъ, „по обыкновенію своему проснувшись рано по утру, нашелъ я въ своей предсальной дожидаващаго меня почтмейстера, который вручилъ мнѣ по эстафетѣ, полученный отъ Императора рескриптъ. Готовъ уже будучи прочитать себѣ неудовольствіе, долго не распечатывалъ я его, и распечаталъ гораздо послѣ. Но вотъ какой это былъ рескриптъ“... (отъ 27 ноября 1801 г.). Вѣроятно объ этомъ рескриптѣ упоминаетъ Тургеневъ въ своемъ письмѣ. Въ этомъ рескриптѣ между прочимъ сказано: „Примите истинную мою благодарность за поступокъ вашъ въ дѣлѣ Духоборцевъ... Я вразумляю губернатора, какимъ образомъ должно распорядиться ему, назначенное при возвращеніи сихъ Духоборцевъ, увѣщаніе и, находя, между тѣмъ, что прежде предприятаго тамошнимъ правительствомъ

народнаго просвѣщенія ихъ умовъ, пристойнѣе и нужнѣе бы было помыслить о ихъ пропитаніи и водвореніи, и что прежде настоятельныхъ вопросовъ о ихъ обязанностяхъ къ правительству, должно бы было дать имъ почувствовать, что правительство сіе въ разоренномъ ихъ положеніи готово простереть имъ руку помощи и покровительства“. По этому поводу Лопухинъ замѣчаетъ: „До восхищенія пріятеиъ былъ, конечно, сей рескриптъ, коего слова должны неизгладимыми буквами начертаться въ славнѣйшихъ дѣяніяхъ чело-вѣколюбія и просвѣщенія“ („Записки“ И. В. Лопухина, т. II, стр. 92—104).

Н. П. Барсуковъ.

XVI.

Парижъ, 1842 г. февраля 26 (14).

Я съ новою къ вамъ просьбою, хотя и по старому дѣлу: изъ перваго тома напечатанныхъ актовъ усмотрѣлъ я на XI стр., что въ числѣ не вошедшихъ въ собраніе актовъ, находится и посланіе Краковскаго епископа Матвѣя къ св. Бернардію, епископу Клермонскому. Актъ сей былъ въ числѣ Альбертрандіевыхъ (81). Я занимаюсь особенно житіемъ св. Бернарда и собираю все, что принадлежитъ до него и до его времени. Хотя издатели и полагаютъ, что сей актъ незначителенъ, но я бы желалъ вполнѣ имѣть оный и прошу васъ приказать переписать его, съ дипломатическою точностію, на мой счетъ и при первомъ случаѣ прислать ко мнѣ; я приму это за большое одолженіе. Не смѣю просить о доставленіи и другихъ актовъ, не входящихъ въ печать, но мною доставленныхъ въ Археографическую Коммисію; но конечно для меня желательно было бы имѣть полное собраніе, про себя и для моихъ историческихъ трудовъ, коими теперь, на досугѣ, болѣе прежняго занимаюсь.

Я еще, кромѣ 4-хъ экзempl. I тома, ничего не получалъ, и ни одной, кромѣ 1 тетради, медалей и пр. также и другихъ книгъ Археогр. Ком., о коихъ вы писали къ князю П. А. Вяземскому, и кои должны быть теперь еще въ канцеляріи кн. А. Н. или тамъ, куда она поступила. Примите на себя трудъ справиться о посланныхъ вами печатныхъ актахъ и увѣдомить меня и о томъ, отъ кого буду я получать продолженіе оныхъ. Акты римскіе нужны мнѣ поскорѣе для того, чтобы до отъѣзда моего изъ Парижа, въ началѣ мая нов. ст. я могъ передать нѣкоторые экзemplары въ здѣшнія бібліотеки. Жалѣю, что нѣтъ okazji или курьеровъ для пересылки къ вамъ нѣкоторыхъ книгъ, особливо по части духовно-церковной.

Я посылаю теперь въ Москву гравюру со стариннаго образа русскаго Св. Николая Чудотворца и самъ привезу туда мѣдный образъ, вычеканенный вѣроятно давно уже и врядъ ли не по шведской монетѣ. Я обозначилъ его слегка въ письмѣ къ князю Вяземскому.

Первый найдете вы въ первой тетради—livraison, описанія здѣшняго музея въ Hôtel Clugny, de Somerart, на который подписались Государь и великій князь Михаилъ Павловичъ; но эта драгоценность не рѣдкость въ Россіи. Я видѣлъ оригиналъ, хорошо сохранившійся, въ музеѣ.

Сейчасъ приносятъ ко мнѣ новый романъ: «Nastasia ou le faubourg St. Germain Moscovite, par Paul de Julvécourt (82) (женатъ на Всеволожской) въ двухъ раскидисто напечатанныхъ in 8°. Я сообщаю лекціи Мицкевича сколько запоминаю ихъ и успѣваю записывать; но вы могли бы читать ихъ на польскомъ въ журналѣ «Дневникъ», здѣсь выходящемъ, хотя врядъ ли нѣкоторыя изъ моихъ отгѣтокъ не полюбятъ печатныхъ: во всякомъ случаѣ вѣрнѣе и слѣдовательно безпристрастнѣе. Совѣтую прочесть въ Université Catholique издаваемый Bonetti, статьи Бернара о Россіи, особенно о Московскихъ и Кіевскихъ древностяхъ церковныхъ, въ книжкахъ 1839 года. Онъ много видѣлъ и читалъ даже—Cyrtae Kioyum Гербинія! Онъ занимается исторіей восточной церкви, а между тѣмъ готовитъ въ «Revue de deux mondes» статью о Болгарахъ (о славянахъ вообще уже вышла). Вообще l'Univ. Cathol. хотя и враждуетъ Россійской церкви, но въ немъ много замѣчательныхъ статей о другихъ предметахъ и лекціи Бельгійскихъ католическихъ профессоровъ.

Я началъ снова слушать нѣкоторыя лекціи и снова перестану терять время, и собираюсь написать письмо министру Вильменю о несовершенствахъ здѣшнихъ академическихъ кафедръ: Шаль, Chevalier и даже Lepotmand—не достойны своего званія, особливо первый, и обо всѣхъ другихъ, такъ какъ и о нихъ, можно сказать то, что Шиллеръ о нѣкоторыхъ юныхъ писателяхъ своего времени:

Was wir heute gelernt—
Wollen wir morgen schon lehren!

Читали-ли вы въ католическихъ журналахъ повѣсть о чудесномъ обращеніи въ Римѣ, молитвою въ тотъ же день умершаго Лафероне, одного богатаго и молодаго еврея Ратисбона, коего братъ, обращенный Ботенемъ за 12 лѣтъ предъ симъ, здѣсь аббатомъ и проповѣдуетъ и написалъ исторію Св. Бернара? Здѣсь только объ этомъ чудѣ и рѣчи въ Сен-Жерменскихъ салонахъ, а Ботень и въ церкви проповѣдывалъ о семъ и сообщилъ намъ подробныя извѣстія о чудѣ. Книга Муравьева: Правда всел. церкви, какъ слышу, очень слаба возраженіями и одинъ православный, прочитавъ ее, сказалъ: «Dieu, délivre nous de nos amis!» Текстъ его болѣе противъ насъ, чѣмъ за насъ. Опасаюсь, чтобы авторъ не имѣлъ участіи Стурдзы

и разговора православнаго съ Римляниномъ, Филарета, кои вызвали возраженія іезуита Розавена (83). Не пигмеи, т. е. не полученные, а гиганты должны вступать въ подобный бой.

Не забывайте меня. Простите, вѣрьте моей сердечной привязанности. Тургеневъ.

1 Марта.

Его Превосходительству Константину Степановичу Сербиновичу.

Примѣчанія:

81) Ученый аббатъ Альбертранди, по волѣ Польскаго короля Станислава Августа, составилъ для историка Нарушевича сборникъ выписокъ изъ Ватиканской и другихъ Римскихъ библиотекъ на Латинскомъ, Италіанскомъ и Польскомъ языкахъ. Экземпляръ этого сборника подаренъ былъ королемъ тогдашнему Россійскому посланнику въ Варшавѣ Я. И. Булгакову, отъ котораго онъ въ послѣдствіи достался А. И. Тургеневу. Карамзинъ пользовался этими выписками („Historica Russiae Monumenta“ т. I стр. V).

82) Дочь извѣстнаго путешественника Николая Сергѣевича Всеволожскаго была за мужемъ за Жюльекуромъ.

83) Вскорѣ по воссоединеніи Уніи, въ 1839 году, А. Н. Муравьевъ написалъ „Правду Вселенской церкви о Римской касседрѣ“. Книга эта, по свидѣтельству самаго А. Н. Муравьева, „послужила, будто бы, къ утвержденію въ догматахъ Римскихъ одного отступника нашего. Это было напечатано даже во французскомъ журналѣ „Ami de la religion“, и бывший митрополитъ всѣхъ Римскихъ церквей въ Россіи Головинскій самодовольно указалъ мнѣ на этотъ листокъ. Я отвѣчалъ ему: „что и самъ весьма доволенъ, если приношу такимъ образомъ двойную пользу обѣимъ церквамъ, однимъ и тѣмъ же словомъ утверждая и своихъ и его единовѣрцевъ“ (Муравьевъ. „Письмо о Православіи“. Киевъ 1871, стр. V—VI).

Изъ сочиненій Стурдзы здѣсь разумѣется: „Исслѣдованіе о ученіи и духѣ Православной церкви“. Оно явилось въ Веймарѣ на французскомъ языкѣ и издано на счетъ самаго Императора Александра I. Это сочиненіе вызвало также рѣзкій отзывъ Филарета архіепископа Черниговскаго: „сочинитель принялъ на себя философствовать о св. Церкви и ея таинствахъ, тогда какъ ни дарованія его, ни образованность не давали ему на то право. И отъ того вышло, что ни одно сочиненіе не надѣлало столько вреда православной церкви въ мѣстѣ запада, какъ размышленія не призваннаго философа-богослова“ („Обзоръ“ т. II, стр. 193).

„Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о Православіи Восточной Греко-Россійской Церкви“ были написаны митрополитомъ Филаретомъ по случаю совращенія іезуитомъ Розавеномъ молодаго князя Голицына, племянника министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына.

Іезуитъ Розавенъ былъ преподавателемъ философіи въ С.-Петербургскомъ іезуитскомъ благородномъ пансіонѣ и игралъ большую роль въ послѣдніе годы пребыванія іезуитовъ въ Россіи. Онъ писалъ опроверженія на всѣ сочиненія, являвшіяся въ русской и французской литературахъ, направленныя противъ ученія Латинской Церкви. Умеръ, кажется, въ Римѣ, только въ 1851 году.

Н. П. Барсуковъ.

XVII.

Парижъ. 1842 г. апрѣля 21 (9).

Графъ St. Priest, перъ Франціи, пишетъ сегодня къ графу Протасову (84) и проситъ о выдачѣ свидѣтельства о рожденіи уже умершаго сына его, въ коемъ онъ имѣетъ скорую нужду. Примите на себя трудъ похлопотать о семъ и, если возможно, увѣдомьте меня поскорѣе, о дѣйстви, которое будетъ имѣть просьба его. Я останусь въ Парижѣ до 20 (8) мая, а можетъ быть нѣсколько позже, ибо опять ушибъ ту же ногу и на томъ же мѣстѣ: сижу и читаю, но скоро опять начну слушать проповѣди и лекціи, а сегодня ѣду слушать рѣчи Токевиля и Моля въ Академіи.

Я давно не получалъ отъ васъ ни слова, хотя не разъ писалъ къ вамъ чрезъ кн. Вяземскаго. По сію пору не получалъ 6 экзempl. грамотъ, ни 2-хъ тетрадей о медаляхъ, ни другихъ изданій Археограф. Комисіи; а мнѣ должно все это роздать здѣсь въ библіотеки. Что дѣлается со 2-мъ томомъ Римскихъ рукописей ¹⁾? Пожалуйста сберитесь съ силами и отвѣчайте на всѣ мои запросы. Въ Германіи, т. е. въ Кисингенѣ, гдѣ проведу іюнь, а потомъ въ Берлинѣ—мнѣ уже нельзя будетъ исполнить того, что бы должно было, относительно разсылки книгъ, кои бы хотѣлъ взять и съ собою, для Швеціи и Германіи; въ 1—не буду, но могу переслать отсюда.

Журналъ вашъ получаю, читаю и другихъ имъ поучаю. «Современника» болѣе года уже не получалъ. NB—издателю (85). «Отечественныя Записки» вѣрно доходятъ. Не получилъ отъ васъ также извѣстія о пакетахъ, чрезъ васъ посланныхъ, князю Вяземскому. Онъ выздоровѣлъ и слѣдовательно вы ему всѣ отправили, но и отъ него еще не было ни слова. Впрочемъ я увѣренъ, когда окрѣпится, то напишетъ ко мнѣ обо всемъ. Дайте знать ему, пославъ сіе письмо, что за пять дней предъ симъ послалъ я ему пакетъ съ письмомъ на 27 стран. и съ разными стихами; и другой съ книгами: Joubert, двѣ части, Les nouvelles à la main, Guêpes, Peinture и еще кое-что. Все отдано Рахмановой, которая уѣхала 16-го апрѣля отсюда, и на его имя. Прошу и его поскорѣе откликнуться. Скажите ему, что и отъ Жуковскаго получилъ еще два письма, что онъ уже перевелъ 1½ пѣсни Одиссеи, коей новый переводъ Барета ему

¹⁾ См. примѣч. 64.

сегодня посылаю. Сбираюсь къ нему заѣхать въ концѣ мая; кончина М. Орл. ¹⁾ меня поразила. Къ чему палаты и досугъ московскій? Я очень образумился на счетъ жизни земной: совѣтую и всѣмъ тоже. Передо мною много новаго, церковно-духовнаго: Ботень, Port Royal, который и къ вамъ послалъ, но всего лучше проповѣди Равильяна, и его, въ воскресенье, начатя поученія, или катехизаціи; онъ убѣдительно поучаетъ и обличаетъ слушателей въ невѣжествѣ: это главное. Стеченіе большое и всѣ возвращаются умиленные и наставленные; я не ожидалъ такого успѣха и такой силы отъ іезуита, привыкшаго къ confessions. Но всѣхъ лучше для меня Duranlou, на кафедрѣ священной элоквенціи, въ Сорбонѣ. Жаль, что въ Union Catholique первая лекція его была такъ сокращена и высушена, что едва о содержаніи оной судить можно — нѣтъ порыва, коимъ онъ вознесся, въ окончаніи оной, къ высшимъ созерпаніямъ божественныхъ истинъ. У меня выпалъ карандашъ изъ рукъ и я внималъ съ благоговѣніемъ и съ восторгомъ. Онъ не общалъ прежними своими сочиненіями—такого оратора—профессора. Читали-ли вы: «Ami de la religion» глупо-гнусную статью о канонизаціи Митрофана (86); я сообщу ее въ первомъ письмѣ къ Вяземскому, которое уже началъ, но пошлю съ оказіей. Лекціи Ампера—лучшія въ Collège de France, я ихъ почти всѣ переписалъ. Мицкевичъ переродился или возродился: безпристрастіе къ Польшѣ и къ Россіи неимовѣрное; часто онъ еще кривотолкъ, но по убѣжденію, а не по ненависти; увлекается воображеніемъ и мистическимъ взоромъ на исторію, но много—Wahrheit въ его Dichtung. Одна изъ лекцій его любопытна по его идеѣ о Россіи и о ея представителѣ; но это поэзія не безъ историческаго основанія. Въ Додаткѣ помѣщаются извлеченія изъ его лекцій. Всѣ эти таланты процвѣтають и блекнуть здѣсь—теряя скоро запахъ свой.

Повторяю вамъ просьбу: пишите скорѣе, и другую: дайте знать Г. С. Попову или кому другому, что я не получалъ отъ князя (А. Н. Голицына) послѣдняго его отвѣта на послѣднія письма мои и на запросы, по коимъ необходимо разрѣшить меня, хотя отрицательно. Знаю, что о Шамполіонѣ посланъ уже отсюда отвѣтъ гр. Нессельроде и удовлетворительный. Но о моихъ рукописяхъ, въ окт. посланныхъ, желаю знать, гдѣ онѣ? о пребываніи въ Парижѣ, т. е. о подтвержденіи прежняго права и пр. и пр. Объ

¹⁾ Михаила Федоровича Орлова.

этомъ не имѣлъ отвѣта: могу ли я надѣяться, что получу? Если нѣтъ, то такъ и быть! Нельзя-ли спросить Попова?

Поклонитесь Б. М. Федорову. Обнимаю васъ всѣхъ сердцемъ и прошу не забывать меня.

Его Превосходительству Константину Степановичу Сербиновичу.

Примѣчанія:

84) Графъ Протасовъ былъ въ то время оберъ-п. окуроромъ Святейшаго Синода.

85) Издателемъ „Современника“ въ то время былъ П. А. Плетневъ.

86) Нетлѣнные мощи святителя Воронежскаго Митрофана были открыты 6 августа 1832 года.

Н. П. Барсуковъ.

ВРЕМЯ И СПОДВИЖНИКИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Материалы изъ бумагъ С. И. Маевского.

Нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, въ бытность еще наслѣдникомъ престола, благоугодно было почтить память отца моего помѣщеніемъ его портрета и шпаги въ дежурной комнатѣ, и архива его въ библиотекѣ л.-г. Егерскаго полка. Такая высокая честь возлагала на меня нравственную обязанность издать этотъ архивъ, тѣмъ болѣе, что содержаніе его должно быть не безъ интереса для публики. Часть его, автобіографія, подъ именемъ: „Мой вѣкъ, или исторія генерала Маевского“ была напечатана въ журналѣ „Русская Старина“ изд. 1873 г., и была принята весьма благосклонно, благодаря наблюдательности и искренности автора, который, будучи ближайшимъ помощникомъ гр. Аракчеева и удостоенный милостей и довѣрія императора Александра I-го, могъ знать, да и дѣйствительно зналъ сущую правду о военныхъ поселеніяхъ.

Гомѣщаемъ нѣсколько документовъ изъ переписки покойнаго генерала, заключающихъ въ себѣ первыя либеральныя вѣянія въ сѣдѣ нашей побѣдоносной арміи, и подробности о выдающихся событіяхъ конца царствованія Александра II-го и его кончинѣ

Н. С. Маевскій.

I.

Графъ М. С. Воронцовъ.

Наша побѣдоносная армія, возвращаясь изъ подъ стѣнъ Гарижа, принесла оттуда много новаго, въ томъ числѣ и идей. Передовые ея люди, во главѣ которыхъ можно назвать князя М. С. Воронцова, тогда еще графа, желали уже тогда отмѣны тѣлесныхъ наказаній и развитія солдата посредствомъ школы и возбужденія въ немъ честолюбія. Какъ всегда бываетъ при первомъ проявленіи либеральныхъ идей, старовѣры, составляющіе сплошную массу, большинство всѣхъ противъ нѣсколькихъ единицъ, усиливаютъ свои мѣры и приемы и думая возстановить ихъ значеніе и достоинство въ общественномъ мнѣніи, лишь губятъ ихъ окончательно. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ: почти вся масса начальствующихъ лицъ въ арміи напрягала

всѣ успія, чтобы доказать, что всѣми своими успѣхами, самою своею непобѣдимостью, русская армія обязана лишь тѣлеснымъ наказаніямъ, злоупотребленіе которыми превосходило всякое вѣроятіе. Солдаты того времени, вспоминая о своей службѣ и сравнивая ее съ настоящею, говорили: „служили мы тогда, когда изъ десятирехъ девять убивали, а десятого на племя оставляли“.

Такъ выдвигались и быстро повышались по службѣ Шварцы съ братіей, приходившіе въ ужасъ отъ того, что не могутъ отучить русскаго солдата отъ скверной привычки дышать. И считались они примѣрными служаками, образцовыми фронтовиками, не имѣя за собою рѣшительно ничего, кромѣ самой злой, самой кровожадной жестокости. Какъ графъ Воронцовъ былъ главою либераловъ, такъ главою этихъ живодеровъ былъ слишкомъ извѣстный, грустной памяти, генераль Ротъ, о которомъ много интересныхъ свѣдѣній сообщено въ „Русской Старинѣ“, между прочимъ о похоронной процессіи съ его гробомъ, направленной мимо его окоя и по которой ему, не смотря на всѣ розыски, не удалось найти ни одного виноватаго.

Между тѣмъ обстоятельства слагались далеко не въ пользу старовѣровъ: опытъ Наполеоновскихъ войнъ убѣдилъ до очевидности всѣхъ, что старая прусская система тактики, недопускавшая ничего, кромѣ колонны и развернутаго фронта, нигде не годится, что время ея прошло окончательно и что въ современныхъ войнахъ рѣшительное значеніе должно принадлежать рассыпному строю и меткому ружейному огню. Приходилось поэтому пзмѣнять все обученіе арміи съ самаго основанія, потому что при новыхъ требованіяхъ солдатъ машина, автоматъ становится бесполезнымъ; ему необходимо было приобрести: ловкость, развязность, смѣлость, сметку и крайнюю подвижность, а, конечно, эти качества внушаются ужъ никакъ не ужасомъ отъ палокъ и розогъ.

Въ то время дисциплина въ арміи была крайне слаба, или, лучше сказать, отсутствовала вовсе: буйство и неповиновеніе офицеровъ были таковы, что часто служебныя столкновенія начальника съ подчиненными кончались дуэлью. Этотъ анахроническій видъ самосуда процвѣталъ такъ, что числомъ дуэлей гордились, какъ боевыми отличіями. Напротивъ, нижніе чины находились въ полной крѣпостной зависимости отъ своихъ начальниковъ, которые могли ихъ истязать, грабить и морить голодомъ, сколько это имъ вздумается. Строевое обученіе велось также отдѣльными начальниками по личному усмотрѣнію и вкусу, потому что общаго строеваго устава не было. Можно поэтому вообразить, какъ разношерста была армія и какъ громадна была самостоятельность, или, лучше сказать, полный произволъ частныхъ начальниковъ. О томъ, какъ подвизался Ротъ, можно судить по письму графа Воронцова къ моему отцу отъ 15-го апрѣля 1820 г.: „Любезный Сергій Ивановичъ! Крайнее было для меня удовольствіе узнать, что вы оба съ Дунаевымъ (бывшимъ впоследствии таганрогскимъ градоначальникомъ) произведены въ генералы; радуюсь также, что Богъ васъ избавилъ отъ Рота. Я не такъ счастливъ, и буду въ одномъ корпусѣ съ нимъ; но такъ какъ я прииму корпусъ не прежде какъ чрезъ 15 мѣсяцевъ или полтора года, то бѣда эта, по крайней мѣрѣ, еще отдаленная“. Принимая въ соображеніе, что графъ Воронцовъ, скорѣе англійскій лордъ, чѣмъ русскій большой баринъ, былъ совершеннѣйшій джентльменъ и самый изящный царедворецъ, который и на словахъ употреблялъ лишь самыя мягкія, самыя безобидныя

выраженія, можно себѣ представить, чѣмъ была въ дѣйствительности эта, грустной памяти, армейская знаменитость, о которой даже онъ, осторожный Воронцовъ, писалъ такимъ образомъ.

Въ то время, въ 1815-мъ г., изданъ былъ строевой уставъ, о которомъ отецъ мой говорилъ, что „онъ былъ принятъ арміею съ тѣмъ благоговѣніемъ, съ которымъ неофиты принимаютъ таинства“. Образчикомъ могъ служить и самъ составитель архива, который не только выучилъ уставъ наизусть, но еще неоднократно переписалъ его, чтобы лучше затвердить и усвоить. Но знаніе и умѣніе двѣ вещи разныя, а умѣніе существовало лишь въ польскихъ и литовскихъ войскахъ, которыхъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ лично обучалъ по новому уставу и безцеремонно гналъ прочь съ плаца всѣхъ постороннихъ. Телько случайно, снова попавъ въ милость къ великому князю, отецъ мой удостоился чести присутствовать на его ученьяхъ и усвоить себѣ всю суть фронтовой мудрости.

Поэтому новое обученіе привилось не сразу всей арміи, а распространялось понемногу; произволъ частныхъ начальниковъ оставался по прежнему громаденъ и, благодаря этому обстоятельству, оба противуположныя теченія выказывались съ особою рѣзкостью. Фанатики истязаній, имѣя во главѣ Рота, свирѣпствовали съ сугубою яростью, тогда какъ гр. Воронцовъ желалъ уничтожить совсѣмъ въ своемъ корпусѣ всякое тѣлесное наказаніе. Въ этомъ корпусѣ находился и 13-й егерскій полкъ, шефомъ котораго съ начала 1814 г. былъ назначенъ составитель архива, полковникъ С. И. Маевскій. Въ своихъ воспоминаніяхъ, изданныхъ „Русскою Стариной“, онъ описываетъ ученье стрѣлковъ въ своемъ полку такъ, что у него около мѣста, съ котораго стрѣляли, ставили два ведра: одно съ водкою, другое съ водою. Стрѣлявшій ставился между ними и, если попадалъ въ цѣль, то пилъ водку, если же давалъ промахъ—воду, при громкомъ хохотѣ товарищей. Конечно, въ педагогическомъ отношеніи этотъ приѣмъ оставляетъ еще желать весьма многого, но онъ былъ уже большимъ шагомъ впередъ отъ розогъ и палокъ.

Гр. Воронцовъ не довольствовался однимъ приказаніемъ; онъ разъяснял ихъ командирамъ частей не только лично при свиданіи, но и письменно. Вотъ образецъ такого письма: „Ландсгуль, 16 (28) іюня 1815 г. Любезный Сергій Ивановичъ! давно не писалъ къ вамъ, ибо надѣялся васъ видѣть здѣсь, гдѣ по прежнему плану намъ должно было стоять нѣсколько дней, но теперь переменя и мы идемъ, не дожидаясь васъ, до Нассау.

„Посылаю къ вамъ по экземпляру моихъ правилъ, выданныхъ въ дивизию. Въ разсужденіи перваго изъ нихъ я увѣренъ, что вы одного со мною мнѣнія и что знаете, какъ легко вести русскаго солдата амбіціею. Но многіе изъ нашихъ господъ не вѣрятъ и другихъ хотятъ увѣрить, что это затѣи новыя и вредныя и что безъ палокъ ничего не будетъ хорошаго. На меня уже многіе изъ старыхъ мудрецовъ нашихъ нападаютъ, да я думаю, что и вашъ дивизионный, можетъ быть, въ томъ же числѣ, почему я бы и не хотѣлъ, чтобы этотъ листъ дошелъ до него и посылаю оный къ вамъ для любопытства и для вашего мнѣнія“.

Уже одна эта выписка служитъ иллюстраціею новыхъ вѣяній и служебныхъ отношеній той эпохи; я могъ бы этимъ и ограничиться, но перепису это любопытное письмо до конца, изъ котораго видно будетъ, какъ мало въ ту пору были знакомы съ строевыми уставами, отчего чуть не у cadaго полка существовалъ свой собственный. „Теперь у меня есть къ вамъ просьба: насъ

все пугаютъ смотромъ государя; у насъ плохо знаютъ мелкія штуки парадныя, какъ то: какъ держать шпаги, гдѣ стоять утерь-офицерамъ во взводахъ и полувзводахъ, гдѣ стоять барабанщикамъ и прочее. Не можете ли вы мнѣ прислать на 3 или 4 дня офицера, который все это твердо узналъ въ Варшавѣ и могъ полкамъ бы это показать. Вы бы меня весьма тѣмъ одолжили; тѣмъ скорѣе пришлете его, тѣмъ лучше. Прощайте, любезный Сергѣй Ивановичъ, вѣрьте истинной моею къ вамъ привязанности“.

II

Генераль М. Е. Храповицкій.

Главнымъ двигателемъ всякаго дѣла, если только оно дѣйствительно было либеральнымъ, былъ всегда самъ Александръ I. Можно себѣ представить, какъ горячо онъ принималъ къ сердцу обученіе стрѣльбѣ и достиженіе возможной ея мѣткости, какъ бы угадывая, что этой части обученія суждено сдѣлаться краеугольнымъ камнемъ и будущихъ войнъ, и будущаго положенія русскаго солдата. О томъ, какъ это обученіе велось въ гвардіи, подъ личнымъ надзоромъ самого государя, видѣе будетъ изъ писемъ къ моему отцу, тогда уже бригадному генералу, его начальника дивизіи, Матвѣя Евграфовича Храповицкаго, будущаго генералъ-адъютанта императора Николая Павловича. При Александрѣ I-мъ онъ командовалъ Измайловскимъ полкомъ, былъ человекомъ очень добрымъ и ревностнымъ служакой, а, какъ онъ смотрѣлъ на службу, лучше всего рисуетъ собственноручное, довольно неграмотное письмо его отъ 15-го марта 1822 года.

„Милостивый государь, Сергѣй Ивановичъ! Уничженіе паче гордости, говоритъ русская пословица; зачѣмъ приписывать мнѣ то, что ревностная служба ваша вамъ доставила, и я увѣренъ, что предстоящій смотръ докажетъ справедливость моего заключенія на счетъ вашей части. Не видавъ 1-й бригады давно, но сердечно радуюсь, что вы идете за 2-ю, а не предъ оной, ибо это будетъ десертъ, особенно зная, сколько приготавливалось вещей для украшенія полковъ, а теперь надѣюсь, что приготовленія сіи еще пріумножатся. Вы умѣете подстрекнуть вашихъ подчиненныхъ, а они щекотливы и на семъ я основываю мою надежду. Одно, ради Бога, чтобы приготовили болѣе людей къ смотру, а для сихъ—денегъ на хорошія щи и добрую кашину, которую надобно варить во все время слѣдованья на смотръ, дабы поддержать людей; а подъ симъ предлогомъ мы ихъ болѣе будемъ имѣть вмѣстѣ, не распространяясь по дурнымъ по урожаю квартирамъ и на каждой дневѣ можно будетъ сдѣлать такую проволочку, которая будетъ весьма полезна. Я говорю сіе съ опыта: я велъ гвардейскій отрядъ изъ Москвы, имѣя приказаніе непременно перещеголять оставшихся въ Петербургѣ. Мы не оставили ни одного больнаго, не было умершихъ, а про бѣглыхъ мы и понятія не имѣли и мы сдѣлали 24000 руб. экономіи на 6 баталіоновъ“.

Относительно цѣльной стрѣльбы, вотъ что писалъ генераль Храповицкій отъ 18-го октября, должно быть, того же 1822 года: „Я полагаю удобнѣе будетъ заниматься цѣльною стрѣльбою изъ избъ, какъ на сіе даже и воля г-на главнокомандующаго была; то ц. икажите, чтобы непременно было исполняемо. Я былъ здѣсь въ Петербургѣ свидѣтелемъ ст. влнвія въ цѣль: 1-я дивизія

(рѣчь идетъ о гвардіи) была безъ ранцевъ; 2-я, какъ слѣдовало, весь корпусъ поголовно; и въ общемъ счетѣ третья пуля попала въ черныя и бѣлыя полосы; судите, сколько мы отъ гвардіи назадъ!.... ибо у насъ и застрѣльщики хуже стрѣляютъ. Я п. ошу васъ о семъ разсказать нашимъ полковымъ командирамъ. А гвардейскіе егеря—только третья пуля мимо“.

Генералъ Маевскій отвѣчалъ: „Пальба, пока что, идетъ на открытомъ воздухѣ, а когда похолоднѣетъ, то попробуемъ стрѣлять изъ избъ; но для сего надо строить свои, а граждане не дадутъ; примѣромъ сему служить временный дивизіонный лазаретъ. Не спорю, что въ гвардіи стрѣляютъ хорошо; я поручусь вамъ и за своихъ; надобно только ввести пальбу въ одну моду съ церемоніальнымъ маршемъ, а иначе она всегда будетъ въ настоящемъ печальномъ положеніи и никто подвинуть ее не въ состояніи“.

Но замѣчаній стараго боеваго солдата не послушали: церемоніальный маршъ, входя все болѣе и болѣе въ моду, заглушилъ обученіе ст. вѣлбъ и одиночную выправку; обращали вниманіе только на стройнѣя, красивыя движенія массаи и одновременно шло прогрессивное пониженіе умственнаго уровня. Такъ пришли мы къ севастопольскому погрому.

III.

Александръ I въ Таганрогѣ.

Кромѣ выше приведенныхъ писемъ, имѣющихъ служебный отпечатокъ, мы помѣщаемъ и выдержку изъ совершенно частной переписки генерала Маевского съ задумевнымъ другомъ его, тогдашнимъ таганрогскимъ градоначальникомъ, Александромъ Ивановичемъ Дунаевымъ. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ имѣютъ несомнѣнный историческій интересъ, какъ свидѣтельство очевидца о пребываніи императорской четы въ Таганрогѣ, послѣднихъ дней жизни и кончины Александра I; другія имѣютъ интересъ минуты.

12-го сентября 1825 г.

„Сейчасъ пріѣхалъ ко мнѣ Василій Алексѣевичъ Сысоевъ ¹⁾; онъ въ б) верстахъ живетъ отъ меня и, узнавши что я пишу къ тебѣ письмо, проситъ меня побранить тебя за молчаніе, но я сказалъ ему, чтобы онъ бранилъ самъ, а я сдѣлать этого никакъ не смѣю.

Мы 13-го ч. ожидаемъ царя, а 23-го—царицу и теперь въ Таганрогѣ моемъ столько хлопотъ, сколько и отъ сотворенія міра въ немъ не бывало; между тѣмъ я долженъ тебѣ сказать, любезный другъ, что занятій у меня во всякое время больше, чѣмъ могутъ имѣть два губернатора вмѣстѣ и я каждый день, исключая праздниковъ, и то не всегда, занимаюсь отъ 7 ч. утра до 3 по полудни, ибо, кромѣ трехъ городовъ ²⁾ и трехъ деревень, кои составляютъ мою команду, я и начальникъ таможеннаго округа, а здѣсь дѣлъ по таможнѣи карантину бездна. Однако же я надѣюсь скоро разбогатѣть свободными часами и буду тебѣ писать, но только, чуръ, не браниться“.

¹⁾ Тогдашній наказной атаманъ Черноморскаго войска, жившій въ Египетѣ-нодарѣ. Письмо его и къ нему А. П. Ермолова см. въ концѣ.

²⁾ Т. е. Таганрогъ, Мариуполь и Нахичевань.

Н. М.

14-го октября 1825 г.

„Теперь нѣсколько словъ о моей должности; правда, что я занимаюсь 18 ч. въ сутки, подобно тебѣ, но охотно согласился бы заниматься и 20 часовъ дѣломъ по порядку службы, нежели разбирать просителей, смотрѣть на бѣдствія, ими терпимыя, и нерѣдко встрѣчаться съ затрудненіями рѣшать тяжбу двухъ бѣднѣйшихъ семействъ, злую судьбою поссоренныхъ. Согласись теперь, другъ мой, что мои занятія безпрестанны, скучны и утомительны, а еще болѣе теперь, ибо пребываніемъ Государя всѣ рѣшенія весьма ускоряются. Совсѣмъ тѣмъ, сколько ни тягостна теперешняя должность моя, я остаюсь съ избыткомъ награжденъ милостивою благосклонностію государя.

Два раза государь удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ; моя жена представлялась нхъ величествамъ; нѣсколько разъ я и жена моя были приглашены къ столу государя и каждое воскресенье бываемъ въ придворной церкви у обѣдни. А такія милости монарха поощряютъ меня на службу и заставляютъ не щадить и самой моей жизни, чтобы только содѣлаться достойнымъ всѣхъ порученій монарха.

О милостяхъ графа (т. е. М. С. Воронцова) говорить тебѣ нечего: овъ любить меня, какъ друга; кн. Волконскій, генер. Дибичъ и Лонгиновъ отлично ко мнѣ расположены. Государь доволенъ климатомъ, полюбилъ городъ и городской садъ и на улучшение его отпущено мнѣ изъ кабинета 11 т. рубл. единовременно, а для ежегоднаго содержанія его опредѣлено по 6 т. рубл. въ годъ. Не знаю, что будетъ дальше, на придворномъ паркетѣ сколько, а до апрѣля мѣсяца еще далеко.

Я имѣю счастье видѣть царя каждый день и каждый день удостоиваюсь принимать его благодарность за чистоту и устройство въ городѣ. Я не боюсь со стороны моей чести, безкорыстія и неутомимой дѣятельности моей; но боюсь клеветы и зависти.

Теперь я пишу тебѣ по случаю отсутствія государя императора: 11-го числа царь отъѣхалъ чрезъ Новочеркасскъ въ Азовъ и 15-го будетъ въ Таганрогъ; 20-го выѣзжаетъ въ Крымъ и 4-го ноября опять въ Таганрогъ на всю зиму. Мы ожидаемъ графа Аракчеева и Чернышева; буду писать тебѣ еще при досугѣ“.

19-го ноября 1825 г.

„Прежде, нежели ты получишь письмо сіе, я думаю ты уже узнаешь о нещастіи, постигшемъ наше отечество; ты знаешь, кого мы лишились и какой цѣны стоить наша утрата. Неумолимая смерть 14 дней сряду томила и похитила у насъ обоготворяемаго всѣми монарха нашего и, наконецъ, 19-го числа въ 10 часовъ дня на 50-й минутѣ съ жестокимъ усиленіемъ и въ жестокой нашей общей горести, ангельская душа монарха отлетѣла въ вѣчность. Не буду говорить тебѣ объ отчаяніи окружавшихъ его, о рыданіи жителей всего города Таганрога, ты самъ можешь легко вообразить себѣ по слуху только— путь, по которому благочестивѣйшій монархъ нашъ приближался ко гробу. 5-го числа въ 9 часовъ вечера императоръ изволилъ вѣхать въ Таганрогъ; городъ былъ освѣщенъ и государь отъ самой заставы до дворца изволилъ

ѣхать шагомъ; у дворца я встрѣтилъ государя, подавъ рапортъ; онъ взялъ меня за руку и ввелъ къ себѣ въ кабинетъ. Здѣсь онъ весьма милостиво сообщилъ мнѣ свои замѣчанія о Мариуполѣ и сказалъ мнѣ, что онъ немного не здоровъ и приказалъ мнѣ оставить его до 7-го числа. Государь не хотѣлъ принимать лекарства, а 7-го числа ему сдѣлалось хуже, лихорадка его перешла въ горячку, но лекарства все никакихъ не принималъ, кромѣ наружныхъ; 12-го числа приобщился святыхъ таинъ, въ городѣ начались молебны о здравіи царя и отъ сего времени ему съ каждымъ днемъ дѣлалось тяжелѣе, а 19-го числа въ присутствіи императрицы онъ переселился изъ здѣшняго ничтожнаго міра въ лучшій.

Помолись, любезнѣйшій другъ, за ангельскую душу монарха и пролей слезы въ дань сердечнаго твоего сокрушенія. О другъ мой! дѣлаго вѣба нашего не достанетъ достойно оплакать монарха, монарха, который былъ не только отцемъ, но и истиннымъ другомъ подданныхъ своихъ. Но горестъ наша не возвратитъ намъ драгоцѣннаго нашего монарха, и такъ, утѣшився мыслію, что тамъ, за предѣлами гроба, увидимъ и обнимемъ колѣна обожаемаго монарха нашего, монарха, который, царствуя, находилъ единственное щастіе свое въ благополучіи подданныхъ; оставимъ же всѣ печальныя и бесполезныя воспоминанія сіи; душа моя разстроена, сердце растерзано и вздохи не вмѣщаются въ груди моей; но мы всѣ умремъ. Прости. Твой вѣчный другъ, А. Дунаевъ.

Р. С. Мы ожидаемъ великихъ князей; это будетъ послѣдняя картина для Таганрога; скажи о прежнемъ временщикѣ ¹⁾, что ты знаешь“.

12-го декабря 1825 года.

„Наконецъ, любезнѣйшій другъ, Сергѣй Ивановичъ, драгоцѣнные останки обожаемаго нами монарха перенесены изъ дворца въ греческій Іерусалимскій монастырь 11 декабря. Нашъ ангелъ, наша императрица, до сихъ поръ не видитъ еще никакихъ утѣшеній изъ Петербурга, но около 17-го числа сего мѣсяца мы ожидаемъ пріѣзда графини Строгоновой; она женщина умная и пылкая, кажется, щастіе носить имя друга императрицы.

Въ Таганрогѣ новостей никакихъ нѣтъ и для твоего любопытства посылаю къ тебѣ печатный листокъ, изъ котораго ты увидишь весь порядокъ нашего церемоніала, при выноскѣ тѣла императора бывшій“.

4-го марта 1826 г

„Давно, очень давно, какъ я не писалъ къ тебѣ, любезнѣйшій другъ Сергѣй Ивановичъ; не забвеніе, не лѣнь и не недосупъ тому виною, но положеніе, тѣснѣвшее душу мою и раздражавшее сердце мое, заставляло меня не приниматься за перо.

Послѣ всеобщаго нещастія, поразившаго любезное отечество, я стремился

¹⁾ Т е. графъ А р а к ч е е в ъ, подъ начальствомъ котораго служилъ въ это время генералъ Маевскій, бывшій тогда отряднымъ командиромъ Старорусскаго военнаго поселенія. Н. М.

въ тому только, чтобы пребываніе императрицы въ Таганрогъ было спокойно. Вскорѣ послѣ того, моя жена заболѣла воспалительною горячкою; таганрогскіе медики принялись, было, за работу, но въ первые три дня, вмѣсто облегченія, болѣзнь усилилась. Благодѣтельная мать наша царица узнала о болѣзни моей жены и въ ту же минуту удостоила приказаніемъ своего лейбъ-медика принять надзоръ за болящею. Отъ сего времени ея величество каждое утро и вечеръ присылала узнать о положеніи здоровья моей жены. Какая безпримѣрная, какая неслыханная добродѣтель великой нашей монархини, заботы ея о подданныхъ поставляютъ ее выше царя-человѣка.

Цѣлые 15 дней я не выходилъ отъ отчаянія къ слабой надеждѣ и, благодаря Бога и попеченіямъ монархини, здоровье друга моего восстановилось и она начинала уже оставлять постель, когда всѣ дѣти мои, одинъ подлѣ другаго, начали хворать горячкою. Обстоятельство сіе, обременяя меня новыми беспокойствами, продлило и самую болѣзнь жены моей. Между тѣмъ лейбъ-медикъ по приказанію императрицы, употреблялъ всѣ способы и искусство свое увѣнчалъ желаннымъ успѣхомъ; теперь у насъ въ домѣ все по прежнему и сегодня жена моя получила позволеніе привести личную благодарность монархинѣ

Описавъ тебѣ и причины крушенія моего сердца, я скажу нѣсколько словъ о моей должности, которую я теперь довольно постигнулъ и которую я теперь нахожу довольно пріятною и спокойною; нѣтъ лестныхъ надеждъ и выгодъ, но для человѣка съ такими умѣренными желаніями, какъ я, уголокъ этотъ имѣеть свои прелести: уединеніе, которое я всегда любилъ, здѣсь свободно наслаждаться имъ можно. Совсѣмъ тѣмъ, я служу здѣсь только до тѣхъ поръ, пока графъ (Воронцовъ) будетъ служить; въ противномъ случаѣ не останусь и минуты.

14-го числа нынѣшняго мѣсяца ея величество императрица изволятъ оставить Таганрогъ и будетъ пребываніе свое имѣть въ Калугѣ, а въ маѣ мѣсяцѣ посѣтитъ подмосковную князя Петра Михайловича (Волконскаго), гдѣ изволятъ остаться до коронаціи. Вотъ тебѣ, другъ мой, всѣ наши новости, печали и радости; пиши ко мнѣ, будь здоровъ и люби твоего вѣрнаго и вѣчнаго друга, А. Дунаева“.

19-го мая 1826 г.

„...Блаженной памяти императрица Елизавета Алексѣевна, оставляя Таганрогъ 22-го апрѣля (1826 г.) весьма въ лестныхъ выраженіяхъ изволила изъявлять мнѣ лично свою благодарность за службу и пожаловала мнѣ золотую табакерку, осыпанную брилліантами съ своимъ вензелемъ. Нынче я удостоился получить отъ государя императора орденъ св. Анны I-го класса; впоследствии мои дѣла обѣщаютъ существеннѣйшаго награжденія...“

3-го сентября 1826 г.

„...Мнѣ надо знать, видѣть и счесть что на корабляхъ пришло и ушло; слѣдствіемъ-то сего я долженъ быть три мѣсяца сряду почти по 10 часовъ въ день въ присутствіи на биржѣ и слѣдствіемъ-то сего я въ нынѣшнюю навигацію открылъ утаваемой отъ правительства пошлины миліонъ триста тысячъ. Обстоятельство сіе доведено уже до свѣдѣнія императора и я надѣюсь, что безкорыстіе мое не обойдется безъ должнаго вознагражденія, ибо таможня

сія въ продолженіи 20 лѣтъ похитила болѣе 40 милліоновъ государственныхъ доходовъ, а на берегъ таганрогскій ежегодно вывозили контрабанды на 900,000 рублей. Нынче все мною обрѣзано, прекращено и все предъ правительствомъ приведено въ извѣстность и при всѣхъ сихъ моихъ дѣйствіяхъ я не сдѣлалъ ни одного человѣка несчастнымъ: я открылъ всѣ бывшія злоупотребленія, открылъ мѣста, участвовавшія въ этомъ, но не обвинилъ ни одного лица тѣхъ мѣстъ и симъ средствомъ достигъ желаемой мною цѣли. Вотъ, другъ мой, какіе труды занимали меня въ нынѣшнее лѣто“.

IV.

Наказной атаманъ Сысоевъ.

20-го сентября 1823 г. Г. Екатеринодаръ.

„Любезный другъ Сергій Ивановичъ! Много прошло времени, какъ я не имѣю удовольствія читать твои строки и не понимаю, что за гордость въ тебя вселилась; хотя и я нѣсколько неправъ, однако же все не такъ, какъ ты: вольно тебѣ молчать на два письма мои, въ семь году отправленные и отказываться отъ пріятной для меня переписки — Я бы теперь имѣлъ право рассчитывать съ тобою иначе, но извѣстившись отъ Александра Ивановича (Дунаева), что ты, занимаясь своими поселенными легіонами, вступишь на поприще ораторское и сочинишь огромные прожекты, и сей разъ прощаю тебя, а далѣе, хотя бы чрезъ сіе ремесло сдѣлался и Платономъ, поступи посвовски. Да правда ли, что ты не отказался-бы, какъ увѣряетъ А. И., рыцарствовать на одномъ со мною полѣ. Если это не бездѣлка, то, пожалуй, не мудрено тебѣ сдѣлаться и Катономъ, особенно при теперешнихъ военныхъ съ Персією обстоятельствахъ, но всего вѣроятнѣе, по крайней мѣрѣ можно было бы ближе 6 лѣтъ поздравить тебя генераль-лейтенантомъ, котораго по расчоту Александры (sic) ты долженъ ожидать. Онъ и мнѣ предрѣкъ, будто бы я близокъ къ нему, но фортуна еще не успѣла открыть мнѣ тайны сей, потому что теперь она отозвана въ столицу и тамъ задержана на заставѣ, какъ слышно, до тѣхъ поръ, пока отдадутъ ей всѣ визиты. Я думаю, она скоро будетъ путешествовать моремъ прямо въ Таганрогъ съ хорошими для нашего безпристрастнаго корабельнаго надзирателя вѣстями. Смотри, не упустя случая побесѣдовать, вниши нѣсколько словъ и за меня.

Шутки въ сторону, и я тебѣ, другъ мой, признаюсь откровенно, что мое непреоборимое желаніе было и есть потрусить за бороду персидскаго шаха; но бѣда, Алексій Петровичъ (Ермоловъ) отказалъ мнѣ невозможностью послѣдовать туда, которую ты увидишь изъ прилагаемаго здѣсь его письма. Персіяне много выиграли, что видно въ выпискѣ, у сего слѣдующей, а теперь, слухи носятя, что много и стѣснены.

Новости сія я пересылаю изъ Черноморіи, куда я завлеченъ силою высочайшей воли для командованія здѣшнимъ войскомъ. Моя обязанность охранять границы отъ забубанцевъ, которые теперь еще не бунтуютъ.

Теперь, я думаю, ты понялъ что я въ столичномъ городѣ Екатеринодарѣ; слѣдовательно оправдаешь себя предо мною своимъ длиннымъ повѣствованіемъ о всѣхъ вашихъ и доходящихъ до васъ свѣдѣніяхъ по разнымъ предметамъ.

Желаю тебѣ здоровья, счастья и долгоденствія, пребуду навсегда твоимъ — всепокорнѣйшимъ слугою — Василій Сысоевъ I-й“.

V.

А. П. Ермоловъ — В. А. Сысоеву.

26-го августа 1826 года. Тифлисъ.

„Прошу славнаго атамана войска Черноморскаго, почтеннаго Василѣя Алексѣевича, поспѣшить прислать сюда два конныхъ полка черноморскихъ казаковъ и хорошихъ между ними стрѣлковъ, каковыя были въ послѣднюю войну съ французами въ полку Плахова.

Пришли ихъ прямѣйшимъ трактомъ, на прямикъ чрезъ Кабарду. Тамъ хорошіе подножныя корма и всякаго рода приволья. Внуши имъ, что они здѣсь нужны и чтобы шли поспѣшно.

Жаль мнѣ, любезный, старый мой сослуживецъ, - что нельзя взять тебя отъ твоего мѣста, ибо ты имѣешь его по собственному выбору государя. Если бы зависѣло отъ моего произвола, конечно, на Дону никому не далъ бы я предпочтенія, ибо опыты лучшія удостовѣренія, а мы лѣтъ 20 знакомы и служивали вмѣстѣ.

Лучше бы тебѣ быть здѣсь, а къ Черноморцамъ другаго. По моему мнѣнію приличествовало бы Екиму Екимовичу. Ты можешь написать къ барону Дибичу и, быть можетъ, не откажутъ. Я радъ буду душевно.

Скажи генералу Удому, когда будетъ проходить, чтобы пошелъ скорѣе. Поспѣшите выслать своихъ. Прощай. Душевно любящій, Ермоловъ“.

Сообщ. Н. С. Маевскій.

КНЯЗЬ А. Н. ГОЛИЦЫНЪ И АРХИМАНДРИТЬ ФОТІИ

въ 1822—1825 гг. ¹⁾.

IX ²⁾.

С.-Петербургъ. Воскресенье.

Отче Фотіе! Увѣдомьте меня о графини Орловой, здѣсь ли она или уѣхала въ Павловское. Если здѣсь, то нельзя ли къ ней завтра часовъ въ двѣнадцать—если нѣтъ, то я просилъ бы ваше высокопреподобіе ко мнѣ завтра на Каменный островъ въ семь часовъ пополудни. Вы мнѣ сказывали, что вы были у графа Чернышева на Каменномъ островѣ, то къ нему съ моста налѣво, а ко мнѣ направо, въ оранжерею дворцовой; я живу подлѣ мраморныхъ воротъ, которыя ведутъ къ дворцу. Я имѣю жажду васъ видѣть и получить благословеніе, прошу меня увѣдомить. Если впрочемъ завтра вамъ не время, я могу другой день выбрать и съ вами сплшусь.

Р. С. Я сейчасъ изъ Царскаго Села пріѣхалъ.

X ³⁾.

Царское село.

Высокопреподобный отче Фотіе. Прошу сегодня, яко въ день вашего ангела, благословенія и молитвъ за меня грѣшнаго у Престола благодати. Да Спаситель нашъ сладчайшій омоетъ грѣхи мои кровію Своею безцѣнною.

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ изд. 1882 г., т. XXXIII, мартъ, стр. 765—780.

²⁾ Письмо не датировано, но несомнѣнно относится къ 1822 г. и повидимому слѣдуетъ въ хронологическомъ порядкѣ непосредственно за предъидущимъ.

³⁾ Время написанія письма въ рукописи не обозначено, но судя по упомянанію въ письмѣ о томъ, что оно писано въ день ангела Фотія, нужно думать, что оно относится къ 9 августа. Въ 1-й рук. это письмо значителъ подъ № 8.

Н. Б.

Молитвы ваши должны быть доходны, ибо онѣ идутъ изъ чистаго и жаркаго сердца, любовію пылающаго ко Господу и да возжетъ Господь нашь Іисусъ христъ искру сей любви и въ моемъ искаженномъ сердцѣ, заросшемъ плевелами и загроможденномъ суетами міра и проч.

Поручая себя любви вашей ко мнѣ грѣшному и въ ожиданіи дня успенія пресвятыя Богородицы, чтобъ присутствовать и тѣломъ, и душею, и духомъ при священнослуженіи, вами совершаемомъ и при жертвоприношеніи божественнаго Агнца, вами приносимаго за всѣхъ и вся. Хорошо бы сей день проводить у дщери вашей духовной, которой я писалъ и сіе предлагалъ. Цалую вашу руку, пребуду на всегда всѣмъ сердцемъ во Господѣ вамъ преданнымъ. Бнязь Александръ Голицынъ.

ХІ.

Преподобный отецъ Фотій, коего духъ мой возлюбилъ при первомъ воззрѣніи, и съ тѣхъ поръ истинно ни къ кому не имѣлъ я такого влеченія, какъ къ вамъ. Я не могу привыкнутьъ къ мысли, что такъ скоро долженъ съ вами буду разстаться; но я надѣюсь, что Господь васъ привлечетъ сюда какимъ ни есть дѣломъ ¹⁾.

Увѣдомьте меня писали ли вы къ графини, она при мнѣ васъ просила, чтобъ вы не уѣзжали ее не увѣдомя, а она удобно можетъ уѣхать изъ Павловска на сіи дни; ибо императрица говѣеть, и думаю, что никого не принимаетъ, у ней же, т. е. императрицы, братъ умеръ. Какой будетъ отвѣтъ, прошу меня увѣдомить—я нахожу у графини самой лучшей способъ съ вами видѣться долго и ловко. Намъ же много бы нужно поговорить. Я прошу васъ о томъ сокровищѣ, или огражденіи для всякаго къ царствію, которое вы желаете, но боитесь мнѣ прочесть: аще и смущусь, то съ помощію молитвъ и любви вашей надѣюсь отъ Господа получить исправленіе и очищеніе чрезъ истину, которую вы мнѣ передадите. Смущеніе такое во мнѣ можетъ быть произойдетъ отъ самолюбія, но его-то и надобно искоренять, и какъ дикое мясо вырѣзывать, хотя бы и за живое задѣтъ, у врача небснаго много есть чѣмъ залѣчать сію боль.

Духъ вашъ глаголетъ, что скорби и хулы многи васъ ожидаютъ, хотя вамъ какъ герою Христову оныя и обычно, но тѣмъ, кто васъ любитъ, тѣмъ будетъ сіе крестомъ большимъ. Господь пошлетъ вамъ силы побѣдить сіи искушенія и пошлетъ вамъ еще болѣе полноты Своея благодати, а мы, пп-

¹⁾ Письмо это не датировано. Вѣроятно здѣсь намекается на близкій отъѣздъ Фотія въ Юрьевъ монастырь, куда онъ былъ назначенъ архимандритомъ. Если такъ, то письмо относится къ августу 1822 г. Н. Б.

таючіеся отъ крупницъ, падающихъ съ трапезы, воспользуемся вашимъ презыбткомъ, и да возгорится въ сердцахъ нашихъ искра любви ко Господу, чтобъ совсѣмъ Ему предаться, чтобъ Онъ нами завладѣлъ и творилъ бы въ насъ волю Свою святую. О, какъ бы я желалъ свою собственную волю Ему такъ отдать, чтобъ она была бы не моя, а Его и совсѣмъ бы поглощена была въ Его волѣ. Но всѣ эти желанія временами, а тамъ поглядишь, то опять принимаюсь за своеволіе.

Итакъ, я надѣюсь, что ежели графиня пріѣдетъ, то въ среду съ 12 часовъ полудня (пробуду) у нее до тѣхъ поръ, пока вы меня прогоните; ежели же у меня, то прошу на Каменный островъ васъ въ 6 часовъ пополудни въ среду. Прошу благословенія, молитвъ и цѣлованія вашего, а я цѣлую вашу руку, пребываю навсегда вамъ преданный слуга.

P. S. Письмо, мною вамъ возвращенное, вы пишете, что не могли переписать за немощью; да я не съ тѣмъ къ вамъ послалъ, чтобъ вы сами переписали, а ежели можно, то вѣрному человѣку, кто у васъ обыкновенно переписываетъ, но ежели нельзя сего, то прошу миѣ возвратить оное, я уже разберу съ помощію Божіей.

Вамъ довольно другихъ тягостей нести, а я не хотѣлъ бы васъ отягощать понапрасно, такое длинное письмо переписывать.

Кн. А. Голицынъ.

XII ¹⁾.

30 августа, въ 12 часу вечера.

Послѣ моей вечерней молитвы пишу къ тебѣ, преподобный отче Фотіе! чтобъ сказать нѣчто отъ тѣхъ чувствъ, кои изліялись изъ моего сердца въ сей вечерней молитвѣ предъ Сладчайшимъ Иисусомъ Господомъ нашимъ.

Я Его благодарилъ за все то, что Онъ послалъ миѣ чрезъ тебя. Какъ любовно ты меня принялъ, накормилъ меня хлѣбомъ святымъ, научилъ меня, украсилъ выю мою знаменіемъ креста изъ злата чиста, удѣлилъ миѣ ризы Спасительной для облегченія меня недостойнаго, главу мою елеемъ помазалъ, облобызалъ ее, благословилъ и псалмопѣніемъ наградилъ меня.

Миръ Господень рекъ миѣ и онъ подѣйствовалъ внутри меня и Христа посреди насъ призывалъ и въ писаніи твоёмъ всѣ дѣйствія сіи запечатлѣлъ любовью, которое я прочелъ по возвращеніи моемъ изъ лавры. Благодарю еще за все, что миѣ сдѣлалъ, какъ сегодня, такъ во все время здѣшняго пребыванія съ начала нашего знакомства. Грустно миѣ, когда помышляю, что намѣреніе твое на годъ въ обитель отправиться; но воля Господня, когда призоветъ, то не воспротивишься—да будетъ Его воля, и въ отсутствіи об-

¹⁾ Въ 1-й кук. № 9.

щеніе можно духовно имѣть въ Господѣ и я надѣюсь, что не забудете меня никогда, и что я имѣю крестъ за меня памятникомъ на васъ. Прошу благословенія и писанія, когда что на сердце придетъ. Пробывая на всегда всемъ сердцемъ во Господѣ вамъ преданнымъ слугою князь Александръ Голицынъ.

Р. С. Помышляю я о тѣхъ цвѣтахъ розовыхъ, кои велѣли вы мнѣ отдать царю; скажите мнѣ отъ васъ ли я долженъ ихъ дать и что сказать, ибо я вида какую молитву надъ ними произнесли и какъ мнѣ отдали, такъ что важность ихъ назначенія я принялъ символомъ великимъ я къ вамъ о томъ писалъ—то я боюсь, что отдавъ царю, онъ ихъ можетъ недовольно уважить, то и прошу наставленія. Я вамъ надобѣ: все къ вамъ пишу, но ежели недосужно, то изъ обители напишите отвѣтъ.

·XIII¹⁾.

Высокопреподобный отче Фотіе, благослови. Приѣхалъ изъ Царскаго Села вмѣсто того, чтобъ писать по взятой пріятной сердцу моему привычкѣ къ графинѣ, когда бы увидѣться съ прелюбезнымъ отцемъ Фотіемъ; надобно было писать, чтобъ узнать здѣсь ли вы или уже уѣхали и только что я написалъ къ митрополиту о семъ, то скоро получилъ и отъ графини присылку двухъ горшковъ цвѣтовъ отъ васъ. И по отъѣздѣ вашемъ получилъ награжденіе цвѣтами, надѣюсь, что и царствіе Божіе процвѣтетъ такъ во мнѣ молитвами вашими и плоды поростутъ. Сегодня же въ день св. Захарія и св. Елизаветы²⁾ получилъ отъ васъ писаніе драгоцѣнное, буду молить Господа, да поможетъ мнѣ въ пути, Имъ назначенномъ мнѣ. Толкованіе о имени моемъ важно, и по званію моему какой отвѣтъ должно отдать! но надежда моя единственно на Господа нашего Иисуса Христа. Онъ меня не оставитъ бѣднаго и слабаго слугу, подкрѣпитъ Своєю силою и Своимъ богатствомъ. Увѣдомьте меня, ежели можно, о явленіи благодати на мнѣ грѣшномъ во время ли пребыванія вашего въ Петербургѣ? или уже по приѣздѣ въ Юрьевъ монастырь и ежели здѣсь, то во снѣ или въ моемъ присутствіи. Ежели ли же не нужно мнѣ сего знать, то простите мой вопросъ. Я только вамъ скажу, что послѣднее наше свиданіе у графини было мнѣ чрезвычайно примѣчательно по всему, а особливо по чтенію житія Аркадія и Іоанна, кое останется навсегда въ моемъ сердцѣ. Во время же нашей послѣдней бесѣды у графини примѣчательное происшествіе было въ моей домовой церкви, которую, какъ я вамъ сказывалъ, передѣлываютъ, и

¹⁾ Въ 1-й рукоп. № 10.

²⁾ Изъ этихъ словъ видно, что письмо писано 5 сентября. Въ рукописи письмо не имѣетъ даты. Н. В.

окошки были отворены; мой камердинеръ случился въ домъ въ сей день: вдругъ влетѣли три голубя и летали въ олтарѣ только, а не въ церкви; мнѣ жаль, что ихъ не оставили, но мальчикъ, увидѣвъ сіе, захотѣлъ ихъ ловить, и они улетѣли. Увѣдомьте каково здоровье ваше и какъ вы нашли монастырь. При семъ посылаю по желанію вашему псалтырь. Благодарю за порученную тайну, коя для меня одного останется. Поручая себя молитвамъ вашимъ, надѣюсь, что Христосъ посредѣ насъ есть и будетъ. Аминь. Покорнѣйшій слуга вашего высокопреподобія князь Александръ Голицынъ.

Р. С. Слово въ великій четвертокъ, которое вы мнѣ дали въ Александровъ день, къмъ было говорено? благословеніе крестомъ и прочее, что происходило въ Александровъ день между вами и мною, такія имѣло послѣдствія, что не только миръ я ощущалъ въ себѣ, но и чистота помысловъ продолжалась нѣсколько дней; однимъ словомъ дѣйствительно я ощутилъ благословеніе Господне рукою вашею. Да Господь воздастъ вамъ по своей великой милости; мнѣ нечѣмъ васъ возблагодарить,—кромѣ того, что въ сердцѣ моемъ вы жить будете навсегда. Аминь.

XIV).

17 сентября. С.-Петербургъ.

Высокопреподобне отче Фотіе! въ сей день празднованія Софін, Вѣры, Надежды и Любви пожелалось мнѣ бесѣдовать съ вами и попросить благословенія вашего. Во время пребыванія вашего здѣсь желалъ я, чтобъ жертва безкровная Спасителя нашего вами была принесена въ храмъ, находящемся подъ однимъ кровомъ съ моимъ жилищемъ; но никакъ не могъ онъ быть оконченъ, и надежда моя остается впредь на любовь вашу ко мнѣ, что не откажетесь совершить сію жертву, когда Господь благословитъ вамъ сюда пріѣхать. Мнѣ обѣщали кончить работы въ церкви къ 1-му сентября, но никакъ не могли прежде 12-го числа, и такъ я въ сей день переѣхалъ въ мой домъ къ всенощной, а на другой въ праздникъ обновленія храма обновленъ и наружный мой храмъ. Прошу васъ помолиться о мнѣ грѣшномъ, да вѣра моя оживится,—надежда моя да не усомнится, что любовь Спасителя за насъ умершаго такъ водворится въ мое бѣдное сердце, что и внутренній мой храмъ обновится и украсится изъ единого милосердія Господа. Сего желаетъ душа моя и сердце вопіеть о семъ иногда, а я желалъ бы всегда. Послѣ освященія церкви, я прочелъ въ четин миссиіи описаніе обновленія храма въ той день празднуемое и мнѣ было чтеніе сіе утѣшительно. Также мнѣ примѣчательны были слова священника моего по окончаніи литургіи,

1) Въ 1-й рукоп. № 11.

давая мнѣ просфору онъ сказалъ: благословить тя Господь отъ Сіона и узриши благая Іерусалима—слова, которыя и ваше высокопреподобіе мнѣ говорили, а потомъ онъ сказалъ что-то о Корнилѣ сотникѣ, но я не разслушалъ,—потомъ 14-ое число, день воздвиженія Честнаго Креста. Графиня Орлова слушала у меня божественную литургію, а послѣ я у ней объѣдалъ и она хотѣла васъ увѣдомить, какъ мы провели время. Истинно мы съ вами соединены были духомъ въ Господѣ и все время провели въ чтеніи и разговорѣ о васъ съ воспоминаніями. Благодарю за сообщеніе открывшееся вамъ кафизмъ, 12 въ присланномъ отъ меня псалтырѣ, прошу Господа, да начертаетъ онъ слова оныя въ сердцѣ моемъ, какъ вы то желаете. Вы мнѣ позволили вопрошать васъ о всемъ, то и прошу васъ изъяснить мнѣ нѣкоторые стихи въ главѣ 5-ой посланія 1-го святаго Іоанна Богослова стихъ 8 и 9, какъ оной принимать. Засимъ поручая себя молитвамъ вашимъ, пребуду навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и сердечною преданностью вашего высокопреподобія покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

Р. С. Съ митрополитомъ я имѣлъ разговоръ, нахожу, что онъ предобрый,—и между нами сказать, вы ему о семъ не пишете: онъ имѣлъ на сердцѣ нѣкую тягость по дѣламъ его службы и по объясненію моему съ нимъ съ Божіею помощію я его успокоилъ нѣсколько, а надѣюсь, что со всемъ чрезъ нѣкоторое время.

XV ¹⁾.

2 октября. С. Петербургъ.

Высокопреподобный отче Фотіе! Многолюбезно-назидательныя писанія ваши обрадовали сердце мое къ вамъ, влекомое самимъ Господомъ—я не имѣю время довольно и боюсь васъ отвлекать отъ должности, а можетъ и отъ духовнаго вашего занятія; безъ того я хотя бы ежедневно могъ писать, судя по желанію сообщаться съ вами.

Вы пишете о трехъ голубяхъ истинно ли то было? я увѣряю въ томъ, ибо мой камердинеръ человѣкъ христіанскихъ правды и ни за что не солжетъ; желаніе ваше по сему случаю принимаю за благословеніе и при помощи молитвъ вашихъ надѣюсь на Того, Кто всемогущъ, милосердъ къ грѣшникамъ и никого не презираетъ, кто просить у Него сихъ крылъ голубиныхъ. Сердце чисто созижди во мнѣ, Господи и духъ правъ обнови во утробѣ моей,—тогда, какъ бы ни тяжелъ я былъ подъ бременемъ грѣховнымъ, то крикъ Имъ данныя подымутъ и понесутъ, а кровь Его безцѣнная

¹⁾ Въ 1-й рукоп. № 12.

омоеть нечистоту мою. Вы же мнѣ выпросите ризу спасенія, чтобъ въ чертогъ пустили и на брачной вечери накормили. Ваши молитвы конечно то дѣлають, что я къ вамъ пишу теперь и орошаясь слезами жажду такъ спасенія, что все бы, кажется, бросилъ, чтобъ полетѣть на крылахъ сихъ,—но много еще нужно Господу меня обрабатывать,—бѣденъ бо и неключимъ несказанно на духовномъ поприщѣ. Молитесь за меня, Христа ради, Господь васъ вознаградитъ за то....

Недаромъ мнѣ хотѣлось къ вамъ писать въ день Софіи, какое драгоценное письмо отъ васъ получилъ въ отвѣтъ; желаю отъ всего сердца, чтобъ выполнилось по оному со мною. Сія Софія ко мнѣ милостива и давно ищетъ меня сблизить съ дочерьми своими, но я не имѣю довольно постоянства и вѣрности, хотя полюбилъ ихъ. Постепенность, которую вы научаете въ сихъ трехъ дочеряхъ прекрасна и какъ за любовь прежде вѣры не должно браться, надо мной сдѣлало большое дѣйствіе. Сонъ вашъ о служеніи въ церкви подъ кровомъ моимъ да сбудется на яву! когда Господу то угодно будетъ—готовъ ждать сего съ терпѣніемъ, ибо онъ все устрояетъ въ свое время, только желаю, что ежели подлинно вы совершать будете, когда божественныя тайны въ моемъ явномъ храмѣ, чтобъ успѣли и меня напитать тѣмъ, чѣмъ вы спѣшили себя причастить, чтобъ не обратилось все въ огонь (любви). Весь сонъ чрезвычайно примѣчательнъ. Но что меня порадовало въ слѣдъ за онымъ: вы посылаете мнѣ миръ и молитѣ Господа, да дастъ Онъ вамъ совершить въ моей внутренней церкви служеніе слова и дѣла Божія, тайну любви совершать и вечерю тайною меня питать, и что Христосъ посреди насъ есть и будетъ; а я всему сему реку отъ полноты сердца: Аминь. Аминь. Аминь.

О государѣ мы имѣемъ извѣстія отъ 14-го и когда получимъ послѣ 15-го или 17-го не примину васъ увѣдомить; а частныя извѣстія отъ 16-го, гдѣ говорить, что государь слава Богу здоровъ. Извѣстія объ отъѣздѣ изъ Вѣны еще нѣтъ, только все считаютъ, что ни въ Римъ, ни въ Неаполь не поѣдетъ, а только въ Верону для конгресса, которой городъ итальянскій подъ владѣніемъ Австрійскимъ.

11-го числа сего мѣсяца ѣду въ Гатчино къ императрицѣ Маріи Теодоровнѣ, она меня звала на освященіе церкви въ госпиталѣ, и думаю тамъ дня три проживу.

Графинѣ Орловой читалъ я ваше письмо о Софіи и трехъ ея дочеряхъ; она была въ восхищеніи и покуда я читалъ, она восклицала: ахъ, отецъ! отецъ!—какъ онъ милъ, и такъ какъ вы желали, чтобъ она съ сего письма имѣла копію, то и выпросила у меня тотчасъ. Какая у ней прекрасная душа! да поможетъ ей Господь продолжать свой путь къ горнему Иерусалиму и имѣя такихъ путеводителей куда она не дойдетъ.

Много я васъ беспокою длиннымъ своимъ письмомъ, но истинно хотѣ-

лось съ вами побесѣдовать и чувствую сладость, хотя по заочно записаться съ вами. Поручая себя молитвамъ вашимъ, и прошу благословенія, пребуду навсегда съ совершеннымъ почтеніемъ и любовію во Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ.

Вашего высокопреподобія преданный всѣмъ сердцемъ князь Александръ Голицынъ.

P. S. Вчерашній день праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы для меня примѣчательнъ. Въ сей день въ 1812 году, когда французы еще владѣли Москвою, освящался храмъ подъ кровомъ моимъ находящійся и посвящался Святой Троицѣ.

Вчера минуло сему 10 лѣтъ, какъ я имѣю счастье жить подъ однимъ кровомъ съ жертвенникомъ, гдѣ приносится безкровная жертва Спасителя и за меня грѣшнаго, умершаго, какъ и за весь міръ. Я возблагодарилъ Господа отъ всея души и духа моего и просилъ, да проникнетъ Онъ въ мой внутренній храмъ и да созиждется тамъ стѣны Иерусалимскія для принесенія въ жертву Ему благоугодную всесожженіе воли моея и да царствуетъ на мѣсто ея воля святая Его во вѣки. Аминь.

XVI ¹⁾.

17 октября С. Петербургъ.

Высокопреподобный отецъ Фотій. Хотя давно не имѣю ни строчки отъ васъ и думаю, что надобѣлъ вамъ моими письмами; но истинно не могу оставить себя, чтобъ не писать къ вамъ, хотя короткое письмо. Я бы желалъ знать причину сего молчанія и тогда бы былъ спокоенъ; ежели оное происходитъ не отъ неудовольствія какого на меня, то я ожидалъ бы съ терпѣніемъ. Иногда думаю я не чувствуетъ ли духомъ отецъ Фотій, что я не въ порядкѣ. Молюсь, прошу, и недоумѣваю.

Ежели же сіе происходитъ отъ духовнаго вашего расположенія, требующаго нѣкотораго покоя внутренняго и отдаленія отъ наружной дѣятельности, то не только терпѣливо ожидалъ бы того времени, когда Господь благословитъ васъ на переписку со мною; но и благодарилъ Господа, что вы съ Нимъ бесѣдуете и Имъ исполняетесь и когда наполнитеесь, то и намъ прольется то, что черезъ край!—Были бы сосуды наши готовы для принятія и чисты, и просты.

И такъ, хотя два слова для успокоенія многолюбящаго васъ и просящаго благословенія грѣшнаго.

P. S. Графиню я просилъ и увѣренъ, что вы уже имѣете свѣденіе, что государь слава Богу здоровъ,—последнее извѣстіе отъ 1-го октября съ дороги въ Верону; въ декабрѣ будетъ назадъ, а я пишу отъ него совсѣмъ не получаю.

¹⁾ Въ 1-й рукоп. № 13.

XVII ¹⁾.

31 октября. С. Петербургъ.

Отче Фотіе! Послѣ молчанія вашего получены мной письма отъ васъ, въ томъ числѣ и послѣднее отъ 26 октября, такъ какъ и писаніе ваше къ графини Орловой отъ того же числа совершенно меня успокоили. Я вижу что то было искушеніе, ибо молчаніе сіе не долженъ бы я ни въ какомъ случаѣ относить къ перемѣнѣ вашей ко мнѣ, ибо слуги Божіи и любящій Его какъ вы не перемѣняются, какъ мірскіе люди, которые по прихотямъ или видамъ собственныхъ интересовъ сводятъ знакомства и ихъ разрываютъ и правду сказать, я не въ васъ сомнѣвался, но казалось мнѣ, что аки бы я можетъ не въ порядкѣ и что вы чувствуя по духу оное, не хотите со мной сообщаться и тутъ ошибочное было мое разсужденіе, ибо я увѣренъ, что въ семь послѣднейхъ случаѣхъ любовь ваша ко мнѣ во Господѣ еще бо лѣе побудила бы васъ ко мнѣ писать. Однимъ словомъ, то было частью искушенія, а частью натуральная любовь моя къ вамъ, но недостаточно была очищена въ то время любовью о Господѣ, которая умѣряетъ порывы сердца нашего не порядочные, успокоиваетъ сердце наше и просвѣщаетъ свѣтомъ своимъ. Итакъ, я по милости Божіей, успокоенъ и увѣренъ въ васъ болѣе, чѣмъ въ себѣ, ибо ежели Господь меня не поддержитъ, то я могу къ вамъ перемѣниться, а о васъ я увѣренъ, что вы уже утверждены во Господѣ, и ежели бы я перемѣнился, то вы выведете меня изъ заблужденія. На вопросъ вашъ: хочу ли я, чтобъ вы писали два раза въ недѣлю и что воды достаточно въ монастырѣ вашемъ будетъ, чтобъ меня поить, развѣ время не достанетъ, скажу вамъ, что я не желалъ теперъ, чтобъ вы непременно всякую почту писали, а прошу писать тогда только, когда у васъ будетъ побужденіе. Воды, конечно, у васъ много, но и сосудовъ для принятія оной у васъ много же; слѣдовательно, я думаю, что полезнѣе для меня тогда отъ васъ оную получать, когда вы въ сердцѣ почувствуете, что надобно меня напоить,—а я буду просить Господа, чтобъ Онъ всегда, когда нужно, тогда бы мнѣ посылалъ черезъ васъ, а ежели угодно Ему заставить меня и пождать, то чтобъ послалъ терпѣніе. Все что о слезахъ вы мнѣ писали очень было мнѣ усладительно, такъ какъ и о водѣ возлитой на жертву и сожегшей оную; о! коли бы сія вода возлитая на жертвенникъ сердца моего сожгла бы ветхаго человѣка моего и обновила меня въ нову тварь; надѣюсь на Господа, на молитвы святыхъ Его,—Онъ спасетъ меня благодатію Своею для славы Своея и изъ любви неизрѣченныя:

¹⁾ Въ 1-й рукоп. № 14.

Ему все возможно, хотя мнѣ и трудно сіе кажется. Я молю Его: да умножить вѣру мою и сдѣлаеть ее живою, да надежду мою сдѣлаеть несомнѣнною, а любовь мою да очиститъ и да поглотитъ Своею любовію. Совѣтъ данный голубямъ и гнѣзды да вьютъ тамъ, гдѣ Богу угодно будетъ и насколько времени передамъ имъ во всей чистотѣ. За молитву вашу о мнѣ грѣшномъ благодарю и слѣдствіе оной запечатлѣваю въ сердце моемъ. Теперь ¹⁾ расскажу вамъ одно происшествіе, которое мнѣ чувствительно и умилительно было. Я не знаю извѣстно ли вамъ, что бурята, народъ идолопоклонническій, у насъ въ Сибири, нѣсколько лѣтъ тому назадъ услышавъ, что библейское общество переводитъ священное писаніе на разные языки, собрало чрезъ родоначальника своего 12,000 рублей и прислало къ намъ оныя, чтобъ мы перевели на ихъ языкъ слово Божіе и имъ доставили. Мы не знали какъ къ сему приступить, что у нихъ за языкъ и кому поручить. Наконецъ прислали они къ намъ двухъ бурятъ, чтобъ ихъ научить по русски и потомъ, чтобъ они перевели имъ біблію. Бурята сія успѣли въ русскомъ языкѣ и одинъ изъ нихъ отправился во-своиа и Иркутскимъ преосвященнымъ окрестить. Оставался здѣсь другой чрезвычайно хорошаго сердца человекъ. Онъ перевелъ Евангелиста Матвѣя и началъ чувствовать отдаленіе къ идоламъ, которые онъ привезъ, потомъ перевелъ св. Іоанна и уже четвертый годъ, что онъ сердцемъ началъ любить Спасителя, крещеніе же не могъ получить по разнымъ препятствіямъ, какъ вдругъ открылась въ немъ пресильная чахотка и докторъ объявилъ, что онъ двухъ недѣль не проживетъ. Я тотчасъ написалъ къ преосвященнѣйшему митрополиту, описавъ все, что съ нимъ происходило, учить его и время уже не доставало, да и выученъ уже онъ былъ Господомъ. Митрополитъ назначилъ священника, чтобъ его крестить въ постелѣ, ибо онъ слабъ былъ, что не могъ встать; съ онымъ я былъ отцемъ крестнымъ его, и когда я къ нему вошелъ, спросилъ: какое имя хочеть? онъ отвѣчалъ мнѣ, чтобъ я ему выбралъ имя, втакъ я предложилъ ему Іоанна, на что онъ охотно согласился. По окрещеніи былъ онъ приобщенъ Святыхъ тайнъ и въ четвертый день послѣ того онъ скончался. Я былъ у него наканунѣ и принесть ему крестъ деревянный, освященный на гробъ Господнемъ и лежавшій 40 дней на Голгофѣ. Я ему объ этомъ рассказавъ, отдалъ; онъ схватилъ крестъ и не выпускалъ изъ рукъ, державъ его крѣпко до самой кончины. Я спросилъ: радъ ли ты, что сподобилъ тебя Господь принять въ Свою церковь? онъ слабымъ голосомъ отвѣчалъ: я таю сердцемъ. Чудное сіе было зрѣлище на одрѣ смертномъ, лежащій идолопоклонникъ—отрекающійся отъ идоловъ, а на

¹⁾ Эта часть письма (до конца) напечатана въ Чтеніяхъ Москов. Общ. И. и Древностей 1868 г. книга III.

стѣи у него образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, коему онъ поклонялся и вѣровалъ,—благовѣщенія образъ и 4 Евангелиста. Помолитесь о душѣ сего новокрещеннаго Іоанна, да приметъ Господь его въ обители Его вѣчной.

Прощайте, отецъ преподобный и будьте увѣрены, что у меня въ сердцѣ впечатлились ваши слова: что Христосъ посреди насъ есть и будетъ. Аминь. Аминь. Аминь.

Кн. А. Голицынъ.

XVIII ¹⁾.

21 ноября. С. Петербургъ.

Преподобне отче Фотіе! Давно не писалъ я къ вамъ, были недосуги да и пребываніе у васъ чада вашего духовнаго и многолюбознаго ²⁾ остановило меня писать къ вамъ, не хотя мѣшать вашимъ бесѣдамъ духовнымъ. Я увѣренъ, что и графиня рада была, что я не отвлекалъ васъ и не отнималъ время для нее драгоцѣннаго, такъ какъ она на долгое время разстается. Между тѣмъ получилъ отвѣтъ вашъ отъ 16 ноября на послѣднее мое письмо о смерти крестившагося бурята. Какъ письмо ваше для меня важно и точка ваша зрѣнія на смерть примѣчательна, буду помнить послѣднія моя четыре: судъ, смерть, адъ и царствіе небесное молитвами вашими; я прочиталъ со вниманіемъ ваше письмо и вѣрно, что такъ бываетъ, какъ вы пишете, но такъ какъ всякъ человѣкъ идя къ одной цѣли, но всякъ разными способами, которые составляютъ его путь, то я обратился на свою жизнь прошедшую и какими способами Господь привлекалъ меня къ себѣ и что внутри сердца моего теперь происходитъ относительно кончины дней моихъ временной сей жизни. Всѣ сіи размышленія захотѣлъ я кратко исторически вамъ описать, какъ со мною происходило до нынѣ. Въ молодости первой, когда я пустился въ міръ, какъ конь необузданный, я былъ здоровъ, веселъ, любилъ міръ для своего сластолюбія и только цѣлю имѣлъ себя какъ бы день провести въ новыхъ утѣхахъ и сластяхъ, когда о кончинѣ своей я не помышлялъ, истинно думая, что такъ до онаго долго, что почти считалъ, что оное никогда не будетъ; хотя я выдавалъ всякій день и молодежь меня умиращицкихъ;—ослѣпленіе! ничто иное. Наконецъ я началъ находить, что я счастья совершеннаго не нашелъ и желалъ богатства и чести. Потомъ разныя со мной были перемѣны, о которыхъ отчасти я вамъ рассказывалъ, какъ Господь меня сталъ привлекать и наконецъ сердце мое по благодати Его возлюбило и тутъ начался пожертвованія лю-

¹⁾ Въ 1-й рукоп. № 15.

²⁾ Рѣчь идетъ о посѣщеніи Фотія въ Сквородъ монастырѣ графини Орловой.

бимыхъ вещей, ибо безъ того я не могъ бы оставить все то, что мнѣ было мило въ мірѣ, ежели-бы Господь Своими милостями не привлекалъ меня искать въ духовныхъ наслажденіяхъ то, что надобно было оставлять изъ мірскихъ наслажденій. Въ семъ состояніи я боялся умереть, думая, что долгая жизнь лучше очистить душу и спастися удобнѣе, имѣя долгое время прель собою. Потомъ пришла эпоха искушеній разныхъ, какъ въ духовныхъ вещахъ, такъ и плетскихъ и большія борьбы съ сильными лицами. Я вамъ тоже о семъ говорилъ и наконецъ вамъ извѣстно, что въ теченіи нынѣшняго года мнѣ очень тяжело было отъ разныхъ состояній людей; теперь вѣсколько успокоивается сія буря съ окончаніемъ сего года, и въ сіи тяжкія времена я вамъ по истинѣ скажу чувство, которое я въ себѣ ощущалъ,—я все желалъ удалиться отъ дѣлъ и Господу сіе не угодно; что я по всему видѣлъ и такъ я предался Его воли, но въ отношеніи къ смерти я дивлюсь чувству моему—знаю и чувствую: я великій грѣшникъ и знаю, что грѣшникамъ смерть люта,—но совѣмъ тѣмъ надежда моя столь велика на Спасителя, что я увѣренъ, что онъ спасетъ меня непременно, и какъ Онъ всемогущъ, можетъ въ одно мгновеніе переобразить меня духомъ Своимъ, то я не только боялся, но были со мною времена въ нынѣшнемъ году, что я желалъ умереть, только бы на сіе воля была Господня. Сіе случалось со мною и въ бесѣдахъ съ вами бывшихъ иногда, когда вы о царствіи или любви Божіей говорили,—въ дни причащенія и въ другія умилятельныя минуты—я не знаю, когда на опытъ поставленъ буду Господомъ, когда придетъ смерть; какъ-то я ее приму; но о семъ непрестанно молюсь и васъ прошу молитвами своими не оставить о послѣднихъ дняхъ моихъ, чтобъ Господь далъ мнѣ христіанскую кончину, чтобъ я съ радостію сему вѣстнику сказалъ: отверзи мнѣ дверь во имя Іисуса Христа въ царствіи Его. Но боюсь я смерти для другихъ, признаюсь и прошу о тѣхъ, коихъ я считаю, что полезны для дѣла Божія, но все съ тѣмъ, что ежели на то воля Божія.

А вы пишете въ послѣднемъ вашемъ письмѣ, что Господу никто не нуженъ такъ, чтобъ замѣнить его не было кѣмъ.

Конечно правда, но я себѣ позволяю молиться за слугъ Божіихъ; Господь сдѣлаетъ только то, что должно, а простить, что я къ Нему прибѣгаю, какъ къ отцу Царю и Богу, и сказываю ему, что сердце мое желаетъ не для меня одного, но для дѣла Божія, моею души или ближнихъ моихъ.

Вы говорите: время бѣжить и Фотій не коснитъ туда же идти, куда твой Іоаннъ пошелъ и вы думаете, что я не стану молить о вашей жизни для вертограда Господня, но Его святая воля конечно; однако бывають случаи, что и грѣшная молитва иногда доходитъ къ Господу въ соединеніи съ другими святыми душами, кои молитву сію возносятъ и она умножается, хотя на каплю, массу молитвъ сихъ. Господь милосердъ; Онъ васъ оставитъ

въ сей юдоли плачевной, чтобъ многихъ утѣшить, исцѣлти и руку подать помощи утопающимъ въ мирѣ семь. Полно уже говорить о смерти, я прошу меня увѣдомить графиня Орлова не забыла ли вамъ сказать, что мнѣ отъ роду 49-й годъ истекаетъ, что всякія семь лѣтъ бываетъ въ жизни перемѣна въ человѣкѣ физическая или духовная, а сей годъ 7-ю семь и какъ вы знаете довольно былъ тяжелъ, то я желаю и прошу Господа сподобить меня причаститься святыхъ и животворящихъ таинъ 8-го будущаго декабря — день моего рожденія и въ который я вступаю въ 50-й годъ; я просилъ графиню, и она обѣщала мнѣ не забыть вамъ разказать все вышеписанное и просить васъ, чтобъ вы въ сей день соединились со мной въ духѣ и принесли обо мнѣ моленіе къ Спасителю нашему Господу Иисусу Христу, да благословитъ онъ меня быть Ему вѣрнымъ да умножитъ Онъ мою вѣру и сдѣлаетъ ее живою, да умножитъ надежду и сдѣлаетъ ее не сомнѣвною, да умножитъ мою молитву, любовь и сдѣлаетъ ее чистѣйшую, — да созиждетъ во мнѣ сердце чисто и смиренно и да будетъ воля Его святая во мнѣ царствовать во вѣки вѣковъ. Аминь.

Прошу васъ 8-го декабря, ежели Господь пошлетъ вамъ молитву о мнѣ грѣшномъ, написать мнѣ въ сей день, хотя бы былъ не почтовый, вы пошлете его въ свое время, но я желаю, чтобъ имѣть отъ того дня вашу бесѣду къ сердцу моему, которое васъ въ Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ любить безмѣрно. Прошу благословенія вашего, пребывая навсегда вашему высокопреподобию преданный душевно слуга князь Александръ Голицынъ.

Р. S. Я увѣренъ, что вы желаете знать о государѣ, итакъ я васъ увѣдомляю, что онъ слава Богу здоровъ, и отъ него имѣю письмо отъ 28 октября, о возвращеніи однако ничего не пишетъ. Надо ожидать, что съ первымъ курьеромъ не узнаемъ ли что; мы все надѣемся, что въ декабрѣ.

Я обращаюсь еще къ предмету, о которомъ въ письмѣ моемъ писалъ, то есть о людяхъ, кои слабы здоровьемъ и о коихъ я молюсь. Владыко Серафимъ въ томъ числѣ по человѣческому соображенію, кажется теперь его жизнь нужна, какже за него не молиться, а Господь сдѣлаетъ по волѣ Своей, но не можетъ Ему быть противна молитва таковая, когда предавая въ Его волю и себя и тѣхъ, коихъ любимъ, просимъ о нихъ. Я истинно Серафима митрополита люблю во Господѣ — также прошу васъ помолиться за Василія Михайловича Попова, онъ все очень болѣнъ, у него ¹⁾ мокроты вынулись въ руки и всѣ покрыты ранами были, теперь оттягиваютъ шпанскими мухами на другое мѣсто выше локтя, чтобъ сдѣлать фонтенель; — нѣсколько дней ему получше, худо спалъ ночи и аппетиту нѣтъ; помолитесь за него, Христа ради, душа его прекрасная, любящая Господа,

¹⁾ Слово не разбрано.

и у меня нѣтъ человѣка способнѣе по дѣламъ до духовности касающимся, когда нужно, что написать, и какъ онъ трудолюбивъ. Письмо ваше о смерти по желанію вашему самъ сишу и пошлю графинѣ,—еще желаю узнать благословите ли вы мнѣ писать въ письмахъ графинѣ, называя ее сестрою о Господѣ,—я думаю вы видѣли мое къ ней писаніе изъ Гатчины брата Іоанна къ Аркадію,—но мнѣ какъ-то трудно къ ней писать церемоніально: ваше сіятельство и проч.; но я желаю, чтобъ вы сіе рѣшили и увѣдомили ее и меня. ежели же вы найдете, что сіе не нужно, то чтобъ между нами осталось. Знакомство мое съ нею было совсѣмъ не мірское: я ее зналъ давно и признаюсь, что я не искалъ съ нею сблизиться, особливо, когда была она и я помоложе; всѣ бы сказали, что ищутъ ей быть женихомъ,—нынѣ же знакомство мое было точно духовное и такъ чистосердечное, что я какъ бы вѣкъ съ нею въ связи родственной былъ и истинно люблю ее какъ сестру. Прощайте отецъ Фотій, преподобнѣйшій и прелюбезнѣйшій; вы мнѣ сказали, какъ обыкновенно въ вашихъ письмахъ: Христосъ посреди насъ есть и будетъ, а я вамъ отъ всего сердца отвѣчаю: Аминь. Аминь. Аминь.

XIX ¹⁾.

1 декабря. С. Петербургъ.

Приношу мое сердечное благодареніе высокопреподобный отче Фотій! за продолженіе посланія вашего о смерти. Добро помнить с нею и ваше поученіе глубоко впечатлѣлось во мнѣ; молитесь Господа, да поможетъ мнѣ Онъ премилосердный искупитель созрѣть къ жизни вѣчной и да (будетъ) смерть мнѣ въ радость и вратами къ тихому пристанищу послѣ суеты міра сего.

Въ письмѣ послѣднемъ вашемъ примѣчательнѣе мнѣ былъ сонъ вашъ съ 22-го на 23 число ноября, какъ существо сна, такъ и самое число, ибо 22 число по утру въ молитвѣ моей утренней часу въ 7-мъ утра, когда я углубился въ оной и сердечно молился, вдругъ пришло мнѣ чувство спросить у васъ: знаете ли вы по гречески говорить. Въ ту минуту я совсѣмъ и не думалъ о васъ, ибо вамъ я долженъ сказать, что я по окончаніи молитвы своей приношу молитву о васъ, известную вамъ съ тремя земными поклонами, но въ то время я еще за васъ не молился, какъ получилъ сіе чувство,—то во исполненіе онаго прошу написать мнѣ знаете ли вы греческій языкъ?

Вслѣдствіе онаго и другое было чувство, которое кажется должно теперь помолчать; время и Господь укажетъ какой развязки быть.

За симъ прося благословенія и низко кланяясь, лобызая руку вашу, пребывая навсегда васъ сердечно любящій князь Александръ Голицынъ.

¹⁾ Въ 1-й рукоп. № 16.

XX ¹⁾.

10 декабря. С. Петербургъ.

Благодареніе Господу за вся, яже посылаетъ по милости своей и за писаніе ваше, преподобный отче Фотіе! начинающееся сими словами: святое святымъ!... получа оное, я ощутилъ въ сердцѣ своемъ многое!.. чувствовалъ я, что оно писано живымъ духомъ и сколь я не достоинъ и грѣшенъ. Однако надѣясь на неизрѣченное милосердіе Божіе, отвѣчалъ вамъ въ сердцѣ моемъ: Единъ Святъ, Единъ Господь Іисусъ Христосъ,—а Онъ за меня умеръ, чтобъ меня искупить, очистить и освятить, итакъ прибѣгнувъ къ нему просилъ помилованія и надѣялся, что не отвергнетъ Онъ меня обаяннаго. Теперь вамъ разкажу, что со мною происходило, ибо я замѣчалъ, что всякій разъ, какъ я причащаюсь святымъ тайнамъ, дѣйствія бывають со мною различныя: по большей части чувствую умиленіе, слезы, иногда радость, а иногда болѣзнь въ главѣ и всемъ тѣлѣ до причащенія, а потомъ облегченіе тотчасъ. какъ удостоиваюсь принять тѣло и кровь Господню, нынѣ-же вотъ что случилось: по обыкновенію на канунѣ исповѣдывался я и по милости Божіей довольно чувствуя грѣховность мою вообще, но нечашно, и во исповѣданіи моемъ болѣе чувствовалъ я болѣзнь грѣха вообще и просилъ врача душъ и тѣлесъ нашихъ, чтобъ онъ далъ мнѣ отвращеніе отъ всякаго грѣха и исцѣлилъ,—потомъ принялся я за чтеніе всѣхъ тѣхъ словъ Ефрема Сиріна, которыя вы мнѣ назначили для чтенія 7-го декабря и нашелъ ихъ совершенно сообразными съ душевною моею нуждою и благодарю васъ за сей совѣтъ, читалъ я до 12 часовъ пополуночи, потомъ помолясь легъ спать,—8-ое декабря—вставъ, чувствовалъ я какую-то тягость тѣлесную, а въ сердцѣ расположеніе къ молитвѣ; итакъ во время приготовленія и чтенія правила погружался я точно глубоко въ сердцѣ моемъ, но не чувствовалъ того трезвѣнія духа, которое люблю я имѣть—искушеніе ли то было отъ врага или отъ плоти, я не знаю, но грустно мнѣ было, что казалось мнѣ, я не съ тѣмъ чувствомъ умиленія приступалъ къ Божественной Вечери, какъ бы я желалъ. Наконецъ, приступивъ къ причащенію чувствовалъ свое недостойнство и немного слезы показались на глазахъ; но по причащеніи ощутилъ большой миръ и тишину внутри меня—радости явной не ощущалъ, но хорошо мнѣ было и покойно. Возвратясь въ свою комнату, благодарилъ я Господа и минута смущенія прошла, отчего я такъ мало плавалъ при семъ дѣйствіи и потомъ не такъ радовался, какъ прежде,—боялся не прогнѣвалъ ли чѣмъ Господа. Но тотчасъ сіе прошло и

¹⁾ Въ 1-й рукоп № 17.

я, предавъ все въ Его святую волю, просилъ Его да дастъ мнѣ вкусить Его почаше и видѣть сколько Онъ благъ, и коимъ образомъ Ему угодно. Сію тишину я и до сихъ поръ по милости Божіей нѣсколько чувствую и увѣренъ, что ваши молитвы не оставляли меня въ сіи дни, какъ и всегда; во въ Николинъ день что-то я ощущалъ васъ къ себѣ очень близкимъ. Въ воображеніи моемъ образъ вашъ мнѣ ясно обозначался въ сей день и какъ бы въ той шапочкѣ, въ которой я иногда васъ видалъ, въ малой, совсѣмъ по головѣ сдѣланной, въ которой я васъ два раза видѣлъ только. Годъ 49-й моей жизни, благодареніе Господу, прошелъ, онъ мнѣ тяжелъ былъ, потому что не дѣлалъ я по части народнаго просвѣщенія, для служенія Господу было не удачно;—духъ міра бралъ верхъ, разумъ хотѣлъ сидѣть на престолѣ, на которомъ я хотѣлъ, чтобъ царствовалъ Христосъ—вездѣ неудачи, гоненія христіанъ,—между христіанами раздѣленіе вмѣсто согласія, котораго мнѣ желалось. Но съ лѣта нынѣшняго началась перемѣна и я чувствовалъ какъ бы облегченіе, и что Господь молитву услышалъ тѣхъ, кои за меня оную приносили изъ чистыхъ своихъ сердець. Но мнѣ нужно было потерпѣть нѣсколько, ибо Господь всегда меня привлекалъ къ себѣ милостями, а пора была посмотрѣть, вѣренъ ли буду при гоненіяхъ. Все спасеніе мое было въ теченіи сего года, что я исполняю волю Господню! Помолитесь, да пошлетъ Онъ мнѣ въ теченіе нынѣшняго года благодать свою для узнанія Его воли въ служеніи моемъ и для спасенія души моея. Потомъ получилъ я писаніе ваше отъ 7-го декабря, въ коемъ отвѣчаете мнѣ о греческомъ языкѣ; будьте увѣрены, что я никакихъ предположеній не имѣлъ, а на молитвѣ стоя, вдругъ приходитъ мнѣ чувство о васъ, и умѣете ли вы по гречески говорить. Я не знаю къ чему это, но я къ вамъ просто написалъ, что со мною случилось. Я не знаю, что Господу изъ васъ угодно сдѣлать, да продлитъ Господь вѣкъ вашъ и да сохранитъ ту связь духовную, которую я почувствовалъ при первомъ свиданіи моемъ съ вами въ храмѣ новоосвящаемомъ и посвященномъ Святому Духу ¹⁾. Предположеній же моихъ собственныхъ я не смѣю дѣлать, особливо о орудіяхъ Божіихъ и ежели бы что представилось, то вамъ сообщилъ бы. По порученію вашему писаніе о смерти ²⁾ я переписалъ своею рукою и на нынѣшней почтѣ къ графинѣ Орловой посылаю, а продолженіе онаго писанія не успѣлъ списать и пошлю послѣ сестрѣ моей о Господѣ.

¹⁾ Первое знакомство Голицына съ Фотіемъ произошло при освященіи Духовской церкви въ Александро-Невской заврѣ въ маѣ 1822 года.

²⁾ Обширный трактатъ Фотія, доселѣ остающійся въ рукописяхъ (между прочимъ въ одной изъ тѣхъ, изъ которыхъ мы заимствуемъ настоящія письма). Это самое крупное и наиболѣе замѣчательное изъ всѣхъ сочиненій Фотія. О немъ упоминаетъ кн. А. Н. Голицынъ выше въ письмѣ XIX-мъ.

О государѣ мы имѣемъ пріятное извѣстіе, что онъ въ первыхъ числахъ января будетъ въ Петербургѣ, не забывая въ Вѣну, и что онъ слава Богу здоровъ.

Поручая себя молитвамъ вашимъ и прося благословенія, емь сердечно васъ любящій князь Александръ Голицынъ.

Р. С. Пишете вы, что не рѣдко меня видите въ ночи и что объ одномъ случаѣ постараетесь написать; напишите, я желаю сердечно онаго.

Вы пишете: помню ли слова ваши? Все помню и подаянія за царя ежедневныя исполняются и прочія порученія. Самъ я не всякій день имѣю время выходить пѣшкомъ, то у меня есть вѣрный человекъ, любящій нищую братію: онъ сіе исполняетъ и поручаетъ молиться за царя. Я же сверхъ того, когда выхожу, то съ своей стороны дѣлаю. Въ день моего рожденія три горшка цвѣтовъ мнѣ присланы отъ неизвѣстнаго; я подумалъ: не отъ васъ ли кому поручено? впрочемъ не знаю; — два горшка бѣлыхъ и одинъ красныхъ цвѣтовъ; кто бы то ни былъ — благодарю за воспоминаніе. Прощайте, Христось посреди насъ. . . Слава Богу.

Р. С. Хотя я помню ваши слова, какъ я выше написалъ, но чтобъ вѣрнѣе знать, прошу мнѣ написать, что вы мнѣ говорили объ искушеніяхъ.

Вы мнѣ совѣтовали взывать: сердце чисто созижди во мнѣ Боже и проч. . . отъ тайныхъ моихъ очисти мя — грѣхъ юности моея и проч., потомъ загнутые листы въ малой псалтырѣ, которую вы мнѣ дали.

XXI ¹⁾.

25 декабря. С. Петербургъ.

Въ послѣднемъ посланіи вашемъ, высокопреподобный отецъ Фотій, отъ 8-го декабря, не могли вы мнѣ ничего написать какъ: Христось посреди насъ есть и будетъ; чего же больше? сіе есть едино на потребу, — благодареніе Господу и вамъ, что въ день моего рожденія вамъ ничего не послано въ сердце, какъ «Христось посреди насъ есть и будетъ», и сіе чувство вы имѣли въ радости. Благодареніе Господу за ваше писаніе, за ваше слово, за ваше желаніе, за ваше цѣлованіе.

Во взаимность вамъ сердце мое речеть вамъ «аминь» на писаніе ваше, и речеть оно сіе въ день рождества Спасителя нашего и Господа, царя царей и Господа Господей, сладчайшаго Иисуса Христа, милосерднаго Икупителя, — речеть: да будетъ по глаголу и молитвамъ вашимъ: Христось посреди насъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь, — слава въ вышнихъ Богу и на

¹⁾ Въ 1-й рук. № 18.

земли миръ. О! жагаетъ мое сердце сего мира, которое воспѣли ангели и которое дается только симъ Словомъ, воплотившимся и рождшимся въ яслѣхъ для нашего спасенія. Радость я ощущала большую и истинно какъ бы сердце играло вчера, какъ на всенощной стали пѣть радостными гласы то, что поется въ славу рождества Богочеловѣка, и, наконецъ, пришедъ къ себѣ не могъ я лечь до полунощи, въ сей часъ помолился я и поклонился я сему смиреннорождшемуся Младенцу, а сердце мое въ радостномъ чувствѣ соединилось съ вами и съ отсутствующимъ царемъ нашимъ. Какъ желалъ я ему, чтобъ сей Божественный Младенецъ въ немъ воцарился бы и царствовалъ чрезъ него надъ нами и надъ всѣми языками для славы Божіей и спасенія чловѣковъ.

Сегодня же по обычаю вставши въ 6-ть часовъ и помолясь первымъ долгомъ и влеченіемъ сердца побужденъ былъ къ вамъ писать и просить благословенія вашего. Я увѣренъ, что въ сей день вы совершаете безкровную жертву на олтарѣ Божіемъ; то и я не буду забыть. Крестъ вашъ мнѣ то свидѣтельствуетъ—и можетъ частица за меня вынута будетъ и руками вашими ввернется въ кровь Спасителя по окончаніи литургіи и омоетъ меня грѣшнаго и окаяннаго раба неключимаго.

Пріятно мнѣ писать къ вамъ всегда, а въ такіе дни ощущаю я особенное удовольствіе и ощущая радость сего великаго дня, представляю себѣ, что же чувствуетъ сердце столь пламенно-любящее Спасителя, какъ ваше: я истинно желалъ бы любить Его единаго, но сіе есть особая благодать отъ Господа и нужна чистота сердца особенная. Господи! сердце чисто созижди во мнѣ и Духъ правый обнови во утробѣ моей. Аминь.

Поручая себя молитвамъ, пребываю сердечно любящій во Господѣ васъ. Князь Александръ Голицынъ.

С. Петербургъ, въ день Рождества Спасителя нашего Господа Иисуса Христа.

P. S. Радъ я былъ, что случаемъ подписки на искупленіе грековъ вы меня еще возлюбили; а что вы спрашиваете: можете ли вы отъ себя вещами жертвовать! конечно, можете, и всѣ къ тому приглашаются; да благословить Господь сей сборъ для избавленія единовѣрцевъ отъ плѣна, гдѣ ихъ турчать желаютъ.

Сообщ. Н. И. Варсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛЕРМОНТОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ:

1842—1875.

Матеріаловъ для библиографіи переводовъ, на иностранныя языки, сочиненій Лермонтова, не особенно много. Вотъ что имѣется по этому предмету, по настоящее время: 1) Въ *Catalogue de la section des Russica*, 2 vol. 1873 ¹⁾; въ первомъ томѣ, на стр. 718—719, подъ рубрикой Лермонтова, съ № 642—662, 21 заглавіе и три ссылки на другія рубрики, и кромѣ того нѣсколько книгъ приобрѣтено публичной библиотекой послѣ 1873 г.; 2) Въ каталогахъ книгопродавцевъ Базунова и Исакова, составленныхъ В. И. Межовымъ 75 заглавій переводовъ и статей періодическихъ изданій, содержащихъ рецензіи на переводы; 3) Въ справочномъ словарѣ, Г. Н. Геннади т. II, стр. 235—238, до 37 заглавій переводовъ и статей; 4) Въ весьма подробной русской библиографіи о Лермонтовѣ, составленной П. А. Ефремовымъ, приложенной къ изданію сочиненій Лермонтова 1873 г. (т. I, стр. 382—394), единственная до сего времени, указывается лишь на 8 статей и замѣтокъ о переводахъ, въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ; собственно о переводахъ на стр. 392, упомянуто только общими словами; 5) Въ *Catalogue général de la littérature Française*, O. Lorenz, VI vol. 1867—1877, въ III и VI том. только 6 заглавій подъ именемъ Лермонтова. Вотъ и все—причемъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что заглавія книгъ въ *Catalogue des Russica*, въ библиографіяхъ В. И. Межова и Г. Н. Геннади повторяются и они только незначительно по-

¹⁾ Пора бы напечатать дополненіе къ этому каталогу: за восемь лѣтъ матеріала должно быть понакопилось.

полняютъ другъ друга. Составивъ очеркъ: «Пушкинъ въ переводѣ французскихъ писателей» (Древн. и Нов. Россія 1880 г.) мы признавали полезнымъ составленіе подобнаго же очерка и о Лермонтовѣ, и въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ производили розысканія по библиографіи переводовъ сочиненій Лермонтова, и въ настоящее время имѣемъ до 140 заглавій переводовъ и статей; эта значительная коллекція дала намъ возможность составить предлагаемый очеркъ; признавая собранные матеріалы достаточными, мы не можемъ однако ручаться въ томъ, что въ него попало все, но во всякомъ случаѣ позволяемъ себѣ надѣяться, что пропусковъ немного; о переводахъ сочиненій Лермонтова, на французскій языкъ, у насъ ничего не напечатано, кромѣ нѣсколькихъ рецензій, разбросанныхъ въ журналахъ, то и полагаемъ, что таковой очеркъ не лишень будетъ интереса. Предлагаемый очеркъ раздѣленъ на четыре главы: въ первой перечислены переводы мелкихъ стихотвореній; во второй — поэмъ; въ третьей — прозы, т. е. «Героя нашего времени»; въ четвертой — биографическія и критическія статьи.

При сравненіи переводовъ, мы держались послѣдняго изданія сочиненій Лермонтова 1880 г., вышедшаго подъ редакціей П. А. Ефремова, и всѣ ссылки на это изданіе обозначены (т. стр.) т. е. томъ такой-то, страница такая-то: для отличія ссылокъ на французскіе переводы — (ч. стр.) т. е. часть и страница такая-то, или если переводъ въ одной книгѣ, то просто (стр.).

Нѣкоторыя изъ французскихъ изданій содержатъ матеріалы по двумъ или по тремъ отдѣламъ настоящаго очерка, а потому полное заглавіе книги изложено только при первомъ упоминаніи, а далѣе — при повтореніи — приводится только сокращенное заглавіе книги.

Въ концѣ очерка приложенъ алфавитный, нумерованный указатель всѣхъ заглавій книгъ, и другой, алфавитный же, именъ переводчиковъ, причемъ возлѣ именъ переводчиковъ сдѣлана ссылка на номера перваго списка, т. е. заглавій книгъ и періодическихъ изданій, въ которые помѣщены были переводы или статьи; для отличія періодическія изданія нумерованы римскими цифрами.

Лермонтову болѣе посчастливило, чѣмъ Пушкину, въ отношеніи переводовъ и статей о немъ; о второмъ поэтѣ переводчики, за немногими исключеніями, писали вирши или передѣлывали его произведенія по своему, такъ что они дѣлались почти неузнаваемы. Между переводами твореній Лермонтова, попадаетея очень не много плохихъ, а большею частью точные и изящно написанные — но по французскому обычаю, а иногда и по требованіямъ французскаго стихосложенія, съ добавленіями отъ себя переводчиковъ; — что же касается

до статей о Лермонтовѣ, то они большею частью, очень сочувственны и толково написаны. Мы не можемъ здѣсь не отмѣтить довольно страннаго явленія: до конца пятидесятихъ годовъ наша литература, въ писаніяхъ своихъ о Лермонтовѣ, ограничивалась болѣе или менѣе заурядными или тенденціозными рецензіями его сочиненій и не было ни одной сколько нибудь основательной объ немъ статьи, за исключеніемъ конечно двухъ изъ ряду вонъ выходящихъ оцѣнокъ таланта Лермонтова, написанныхъ Бѣлинскимъ въ 1840 и 1841 г. (въ «Отечеств. Зап.»); но эти двѣ статьи собственно только разборы: «Героя нашего времени» и стихотвореній изданія 1840 г. Съ конца пятидесятихъ годовъ начинаютъ появляться біографическія замѣтки и кое-что въ родѣ оцѣнки поэта (изд. сочиненій 1860 г.) и только въ 1873 году къ изданію сочиненій, подъ редакціей П. А. Ефремова, приложено вполне обстоятельное изслѣдованіе о нашемъ поэтѣ А. Н. Пыпина, которое и по настоящее время остается самой капитальной и единственной достойной оцѣнкой незабвеннаго поэта. Между тѣмъ во французской публицистикѣ мы находимъ, что уже въ 1845 г. явилась въ «Иллюстраціи» хотя и незначительная по объему, но талантливо написанная характеристика поэта; А. Дюма, въ своихъ впечатлѣніяхъ на Кавказѣ, много пишетъ о Лермонтовѣ и приводитъ краткую біографію, написанную графиней Раstopчиной; за тѣмъ въ 1855 году въ *Revue des deux mondes* помѣщено весьма обстоятельное изслѣдованіе г. Сенъ-Рене Тайландье, въ которой, за недостаткомъ біографическихъ свѣдѣній, авторъ старается, и мѣстами удачно, обрисовать личность поэта, выводами изъ его произведеній; въ 1861 г. въ *Revue Britannique* помѣщено другое изслѣдованіе о Лермонтовѣ, г. Ксаверія Мармье; и наконецъ г. Пеланъ изъ Анжера, въ предисловіи къ своимъ переводамъ изъ Лермонтова, помѣстилъ не лишнюю достоинствъ біографію и характеристику поэта. Другая еще странность о Лермонтовѣ; никого кажется изъ нашихъ поэтовъ не называли подражателемъ другихъ поэтовъ, особенно свои, менѣе иностранные писатели, какъ Лермонтова, (даже Бенедиктова, Шевыревъ, въ Москвитянинѣ), а между тѣмъ Лермонтовъ (кромѣ юношескихъ произведеній) былъ вездѣ Лермонтовъ. Бѣлинскій въ 1841 году заключилъ свою рецензію стихотвореній М. Ю. Лермонтова изданія 1840 г. слѣдующими словами: «И мы видимъ уже начало истиннаго (не шуточнаго) примиренія всѣхъ вкусовъ и всѣхъ литературныхъ партій надъ сочиненіями Лермонтова,—и уже недалеко то время, когда имя его въ литературѣ сдѣлается народнымъ именемъ, и гармоническіе звуки его поэзіи будутъ слышны въ повседневнои разговорѣ толпы, между толками ея о житейскихъ заботахъ...» Бѣлин-

скій только ошибся во времени, и недалекое отошло до шестидесятихъ годовъ, когда русская литература стала болѣе серьезно заниматься Лермонтовымъ, — но со взглядами иностранцевъ на Лермонтова мы до сего времени очень мало знакомы (кромя развѣ Ф. Боденштедта и еще Фарнгагена фонъ-Энзе), и вотъ главная цѣль, кромя библиографической, побудившая насъ взяться за предлагаемый трудъ.

В. К. Шульцъ.

1882 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Переводы стихотвореній Лермонтова.

1) «Отечественныя Записки» 1842 г. Т. XXV, отдѣлъ библиографическихъ и журнальныхъ извѣстій (хроника), на стр. 61, 62, помѣщено извѣстие, что въ скоромъ времени должна выйти книга: *Morceaux choisis de la poésie Russe, traduits par M. M.*, (избранныя пьесы изъ русской поэзи), причемъ приведены три образца переводовъ: Пушкина — «Эхо», Жуковского — «Море» и стихотвореніе Лермонтова: Последнее Новоселье.

Рецензентъ «Отечественныхъ Записокъ» говоритъ, что переводы замѣчательно хороши и передаютъ вѣрно и характеристически звуки и образы русскихъ поэтовъ на французскій языкъ; что весьма рѣдко, прибавимъ мы, вслѣдствіе чего и рѣшаемся привести цѣликомъ переводъ М. М.—Последняго Новоселья (Т. I, стр. 208).

Le dernier domicile.

Tandis que maintenant la France applaudissante
S'empresse à la rencontre des cendres du héros,
Expiré dans les fers au milieu des tourmentes,
Sous le verrou de ses bourreaux —
Tandis que l'univers de louanges fragiles
Applaudit a cet acte d'un repentir tardif,
Qu'en oubliant le passé, la foule imbécile
S'ennorgueillit contente d'elle même—pensif,
Plein d'indignation, et triste à la fois,
Voyant la vanité dorée de ces festins,
Que je voudrais lui dire — à ce peuple roi:
Tu es un peuple misérable et vain!
Oh! tu es misérable et vain, car emporté
Par ton doute puéril, ta sottе raillerie,
Tu as pétri dans la fange la gloire, la beauté,

Le génie, la foi, le bien de ta patrie!
 Tu te fis de la gloire un hochet bon à tout,
 De la liberté une hache du bourreau —
 Et en frappais aveugle, en abattant partout
 Les croyances de tes pères, sur leurs propres tombeaux!
 Tu périssais... et voila qu'il parut,
 Portant au large front la marque du doigt divin,
 Et d'une voix unanime comme chef étant élu

Il absorba votre destin...

Il vous a relevés, vous, qui alliez choir
 Et le monde étonné, ébahi, admirait
 L'auréole éclatante de force et de gloire
 Dont il vous entourait!

Impassible, rendant la gloire enviense,
 Père de ses vieux soldats — il était seul partout,
 Sous les murs de Vienne, dans l'Egypte sablonneuse
 Et dans les neiges de Moscou...

Et vous, que faisiez vous, pendant qu'il combattait
 Qu'il périssait superbe, ferme et résolu?
 Vous tachiez d'ébranler le joug qui vous pesait
 Et que vous mêmes aviez voulu!

Dans les derniers combats, au milieu des détresses,
 Sans comprendre la honte dans vos coeurs follets
 Vous le trahites, comme une maîtresse,

Vous le vendites — comme des valets!

Jetant de lui même du haut de sa grandeur
 Sa couronne brisée et au destin soumis —
 Il confia son fils aimé à votre honneur —

Et vous vendites ce fils aux ennemis.

Alors on enleva aux soldats sanglottans
 Le héros détroné, on leva la voile
 Et seul sur un rocher aride et écumant

Il s'éteignit en étoile!

Il s'éteignit par la soif de vengeance rongé —
 Et comme un soldat couvert du manteau militaire,
 Il fut enterré dans un sol étranger

Par des mains mercenaires!

* * *

Des années s'écoulèrent, et le peuple folâtre
 S'écrie: rendez nous les cendres du héros!
 Ce n'est qu'au milieu d'une ville qui l'idolâtre
 Qu'il dormira en plein repos!
 Et il revint dans son pays aimé
 Et comme autrefois la foule bourdonne autour...
 Et descend avec pompe son corps embaumé
 Dans un sépulcre tout d'or et de velours,
 Et emportant ailleurs son extase nonchalante,
 Riant aux grands éclats et content de soi

Le peuple imbécile qui le tremblait (?) ¹⁾ vivant
 Foule en passant son corps froid.
 Et je m'indigne à l'idée que les hommes stupides
 Ont troublé le saint calme de l'illustre martyr
 Qui n'attendait tant d'années sur son rocher aride
 Qu'un dernier lit pour s'endormir.
 Et si son ombre errante, quittant les sphères sublimes
 S'arrête sur la ville pour voir son cercueil —
 Oh! quelle colère légitime
 Viendra gonfler tout son orgueil!
 Oh! comme il regrettera les tropiques brûlans,
 Et son île lointaine, et sa prison cruelle —
 Où l'océan — comme lui indomptable et grand
 Était placé en sentinelle.

Дѣйствительно переводъ, по возможности и на сколько позволяетъ французскій языкъ и стихъ, близокъ къ подлиннику, но есть мѣста, переданныя очень слабо, впрочемъ общее впечатлѣніе удовлетворительное. Г. Геннади въ статьѣ: Переводы сочиненій Пушкина («Библиографическія Записки» 1859 г. № 2, столб. 54 и 55), приводя извѣстіе объ этихъ переводахъ изъ «Отечественныхъ Записокъ», прибавляетъ отъ себя, что имя переводчика ему неизвѣстно, и что онъ не помнитъ появлялась-ли брошюра подъ упомянутымъ заглавіемъ; подозреваетъ однако, что подъ буквами М. М. скрыто имя г-жи Moreau de la Meltiéra,—и тутъ-же приводитъ переводъ Пушкинскаго стихотворенія: «Эхо».

2) Les poètes Russes, traduits en vers Français, par le prince Edim Mestschersky, Paris 1846, Amyot, 2 тома, въ 8 д. л., I — стран. XCVI и 287, II — стран. 399. Русскіе поэты, переведенныя французскими стихами княземъ Э. Мещерскимъ. Посмертное изданіе.

Сначала краткое предисловіе, въ которомъ исчислены сочиненія и переводы князя Мещерскаго, потомъ напечатаны стихотворенія французскихъ литераторовъ въ честь и въ память князя Мещерскаго; далѣе приводится текстъ рѣчи, произнесенной княземъ Мещерскимъ, въ Марсельскомъ Атенеѣ, въ засѣданіи 30 іюня 1830 года; засимъ на 14 страницахъ краткія замѣтки (notices) о 43 русскихъ поэтахъ, по нѣсколько строкъ на каждого; наконецъ въ обоихъ томахъ помѣщены переводы 49 русскихъ поэтовъ, начиная съ Ломоносова, послѣдними стихотворенія Теплякова; въ числѣ ихъ одно стихотвореніе Лермонтова, (ч. II, стр. 235—238) Le poète d'aujourd'hui. Поэту (т. I, стр. 156).

¹⁾ Полагаемъ такъ: qui tremblait, lui vivant.

Не совсѣмъ удачно сдѣланъ переводъ, въ особенности вторая часть стихотворенія слаба и растянута собственными вставками переводчика; напр.

Онъ взятъ за Терекомъ отважнымъ казакомъ,
 На хладномъ трупѣ господина,
 И долго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,
 Въ походной лавкѣ армянина.

Mais au bord du Terek un Kasak l'enleva
 Sur le froid cadavre du maître;
 Après un long duel ou le Tscherkess trouva
 Le bras Russe bien dur peut-être,
 Puis un armenien, un vil marchand forain
 Cota d'un regard apathique
 Le taux commercial de ce fer souverain
 Et le jeta dans sa boutique (стр. 236).

Первая строфа, начала второй части стихотворенія, вовсе не дала князю Мещерскому:

Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ-ли ты, поэтъ,
 Свое утратилъ назначенье,
 На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
 Внималъ въ нѣмомъ благоговѣннѣ?
 Ainsi, poète, ainsi dans ce siècle énérvé
 Tu manques à ta destinée,
 Echangeant contre l'or le bandeau réservé
 A la tête découronnée.

Первые два стиха и половина третьяго переведены вѣрно, но вторая половина третьяго и четвертый стихъ такая бессмыслица, что даже и обратно перевести трудно, но на всякой случай вотъ ихъ буквальный переводъ: Промѣнялъ на золото завѣсу предоставленную (сбереженную) для развѣнчанной главы.

Въ концѣ второй части книги есть примѣчаніе издателя переводовъ князя Мещерскаго, въ которомъ объясняется, что такъ какъ князь Мещерскій не нашелъ удобнымъ помѣстить въ своей книгѣ, въ числѣ русскихъ поэтовъ, знаменитаго баснописца Крылова, то этотъ пробѣлъ пополненъ и помѣщены двѣ лучшія басни Крылова въ переводѣ г.г. А. Суме (Soumet) и Э. Дешанъ; кромѣ того прибавлены переводы того же г. Э. Дешанъ, трехъ стихотвореній Мятлева и прекрасное и любопытное лирическое стихотвореніе Лермонтова:—Le vaisseau fantôme (ч. 2 стр. 387—391). Воздушный корабль (т. I, стр. 189).

Переводъ, на сколько позволяетъ французскій языкъ, довольно вѣрный, но по требованію французскаго языка явились нѣкоторыя измѣненія въ расположеніи строфъ и стиховъ; у Лермонтова 18 строфъ, по четыре стиха каждая, въ переводѣ только 17 строфъ—7 и 8 строфы: «Изъ гроба тогда императоръ» и т. д. слиты въ одну; въ 12 строфахъ сохранено четырестишіе; 6 и 7 строфы, имѣютъ по шести стиховъ, 8, 11 и 16 строфы—по 5 стиховъ.

Вотъ для примѣра довольно удачно переведенныя первыя двѣ строфы:

По синимъ волнамъ океана.
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ, и т. д.

Sitôt qu'au firmament scintillent les étoiles ¹⁾,
On aperçoit de loin voguer à pleines voiles,
Sur les flots bleu de l'Océan,
Un navire aux longs mâts, que nul vent ne balance,
Dont tous les agrès font silence,
Et dont chaque canon béant,
Sans un seul artilleur de garde,
Pointé vers l'horizon, reste morne et regarde.

Переводъ Г. Дешанъ перепечатанъ нѣсколько разъ.

3) Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1852 г. 1 ноября № 246 въ фельетонѣ разсматривается переводъ стихотворенія Лермонтова Боденштедтомъ и какъ образецъ приведенъ небольшой отрывокъ изъ «Хаджи-Абрека» по русски и по нѣмецки; тутъ же, какъ образецъ хорошаго перевода стихотворенія Лермонтова на французскій языкъ, напечатанъ «Воздушный Корабль» въ переводѣ г. Эмиля Дешанъ ²⁾, причемъ фельетонистъ замѣчаетъ, что хотя переводъ очень близокъ къ подлиннику и хорошо написанъ и даже превосходитъ переводъ «Хаджи-Абрека» Боденштедта, но что французскій переводчикъ, какъ видно, не могъ не прибавить своего и приводитъ за симъ слѣдующую заключительную строфу сочиненія г. Дешанъ:

Ainsi, lorsque son corps frémit sous les barreaux
Du sépulcre Anglais qui l'enferme,
L'ame visible du héros
Doit errer, pour un temps dont Dieu connaît le terme,

¹⁾ Вариантъ: Le firmament reluit de toutes ses étoiles. — Quel est là bas, là bas voguant à pleines voiles.

²⁾ Г. Эмиль Дешанъ, кромѣ стихотворенія Лермонтова „Воздушный корабль“, перевелъ еще съ русскаго, одну басню Крылова: „Осель и соловей“ и три стихотворенія Мятлева (напечатанныя въ книгѣ князя Мещерскаго: Les poètes Russes) и одно стихотвореніе графини Раstopчиной (см. Собраніе сочиненій Эмиль Дешанъ, ч. 2, стр. 182, 183). В. III.

Cherchant ses vieux soldats, son fils, ses généraux,
 Jusqu'à ce que, monté pour ne plus redescendre,
 Purifié de pleurs, en pleurs, Napoléon.
 De ses aïeux, César, Charlemagne, Alexandre
 Aille habiter en paix l'éternel Panthéon!

т. е.: и такъ, въ то время когда его трупъ содрагается подъ запоромъ англійской могилы, его замкнувшей, видимая душа героя должна скитаться, на время, срокъ которому извѣстенъ Богу, отыскивая своихъ старыхъ солдатъ, своего сына, своихъ генераловъ, до тѣхъ поръ пока, поднявшись, чтобы болѣе не опускаться, очищенный отъ плача до плача, Наполеонъ, къ своимъ предкамъ, Кесарю, Карлу Великому и Александру, поселится въ мирѣ въ ихъ вѣчномъ Пантеонѣ.

Въ перепечаткѣ этого стихотворенія въ книгѣ князя Мещерскаго «Les poètes Russes», этой заключительной строфы нѣтъ; равнымъ образомъ и въ перепечаткѣ этого же перевода въ статьѣ о Лермонтовѣ г. Сень-Рене Тайландѣ въ «Revue des deux mondes» 1855 г. 1-го февраля, а также и въ книгѣ Allemagne et Russie, въ которую вошла эта статья изъ Revue des deux mondes, и въ брошюрѣ г. Froust de Fontpertuis: Etudes de littérature étrangère, — 1859 г.; наконецъ переводъ этого стихотворенія вошелъ въ полное собраніе сочиненій Эмиля Дешанъ ч. 2, Poésies стр. 121—123, съ заключительною строфою, прибавленною г. Дешанъ. Oeuvres complètes de Emile Deschamps, Paris 1872, A. Lemerre éditeur in 8°, 6 vol.

Въ переводахъ стихотворенія «Воздушный Корабль», помѣщенныхъ въ книгѣ князя Мещерскаго, въ статьѣ г. Сень-Рене Тайландѣ и въ полномъ собраніи сочиненій г. Э. Дешанъ, есть разница, — нѣсколько стиховъ передѣланы, но эти поправки въ общемъ особаго значенія не имѣютъ. Мы выше въ выноскѣ указали, для примѣра, на одинъ изъ такихъ вариантовъ.

Такимъ образомъ нами только не опредѣлено гдѣ напечатанъ впервые переводъ стихотворенія «Воздушный Корабль» г. Дешанъ, и откуда заимствовалъ фельетонистъ «С.-Петербургскихъ вѣдомостей» 1852 г., № 246, свою перепечатку, такъ какъ кромѣ 2 тома полного собранія сочиненій Э. Дешана, нигдѣ не оказалось вышеприведенной дополнительной строфы.

4) Въ Пантеонѣ 1853 г. № 3, отдѣлъ IV, общественная жизнь, «Петербургскій вѣстникъ», стран. 60—62, помѣщенъ, рядомъ съ подлинникомъ, другой переводъ стихотворенія «Воздушный Корабль» г. Перро, или лучше сказать сдѣланный, по заявленію Пантеона, учениками г. Перро, подъ его руководствомъ. «Хотя и тутъ не обходится безъ промаховъ, сказано въ Пантеонѣ, напр. вся 6-я строфа,

и попадаютъ нѣсколько слабыхъ стиховъ, какъ напр. послѣдній стихъ заключительной строфы, не передающій мысли подлинника, но мы предпочитаемъ этотъ переводъ переводу г. Дешанъ. Нельзя не присоединиться къ этому заключенію, такъ какъ большею частію переводъ замѣчательно близокъ къ подлиннику и сохраненъ размѣръ стиховъ Лермонтова; вотъ этотъ переводъ:

Le vaisseau fantôme.

Aux pâles reflets des étoiles
Sur les flots de l'Océan bleu
Un vaisseau vogue à toutes voiles,
Il vogue à la garde de Dieu.

Les flammes aux * * * mâts sont muettes,
Les mâts sont immobiles, morts,
Et les canons passent leurs têtes
En silence par les sabords.

On n'entend point le * * * capitaine
On ne voit point les matelots;
Sans crainte il dresse son antenne
A travers les vents et les flots.

Sur la mer une île se * * * hausse
Un roc sur les flots en fureur:
Dans cet île est une fosse
Et dans la fosse un empereur.

Là, sans les honneurs * * * de la guerre,
Les ennemis qu'il à vaincu,
L'ont mis sous une lourde pierre
Pour qu'il ne se relevât plus.

A l'heure où ce roi sans royaume
Mourut de la plus triste mort,
A minuit le vaisseau fantôme
Tous les ans s'approche du bord.

Lors s'éveillant avec la brise
L'Empereur surgit du tombeau:
Il porte sa capote grise,
Il porte son petit chapeau.

Les bras croisés sur la poitrine
Et le front penché tristement,
Sur le gouvernail il s'incline,
Et s'éloigne rapidement.

* * *

Il gouverne droit sur la France.
C'est là qu'est son trône éclatant,
Son héritier, son espérance,
Sa vieille garde qui l'attend.

Il marche tout droit à la grève
Il appelle ses grenadiers,
D'une voix menaçante et brève
Il appelle leurs officiers.

Mais ses grenadiers intrépides
Dorment sous les vagues du Rhin
Sous les sables des Pyramides
Et sous les neiges du Kremlin.

Ses généraux n'ont pu l'entendre:
Les uns sont morts dans les combats,
D'autres ont survécu pour vendre
Leurs sabres et leurs vieux soldats.

Il marche à grands pas sur la côte
Du pied il frappe le gravier
Il appelle encore à voix haute
Il appelle son héritier.

Son fils, sa dernière espérance,
Son dernier rêve dans ses fers,
A lui, Napoléon, la France,
Mais à l'enfant—roi l'univers.

Mais son fils à la fleur de l'âge
S'est endormi dans un lin-cueil,
Et, l'attendant sur le rivage,
L'Empereur reste longtemps seul.

Il reste seul, jusqu'à l'aurore,
Il respire péniblement;
Sur le sable qui les dévore
Ses larmes tombent lentement.

Puis remontant sur son navire,
Le front retombant sur son sein,
Lentement de bord il revire
Et part en agitant la main.

Въ этомъ переводѣ также только 17 строфъ, пропущена десятая строфа. Въ Пантеонѣ 1853 г. № 1, IV отдѣлъ общественная жизнь, «Петербургскій Вѣстникъ», стран. 60, объяснено: что Jules-Joseph Pergault—лекторъ французской словесности въ императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, а прежде былъ лекторомъ той же словесности въ Ярославскомъ Демидовскомъ лицѣѣ.

Г. Перро много писалъ и переводилъ съ русскаго, но сколько намъ извѣстно ничего не печаталъ.

5) «Revue des deux mondes», т. VI, 1 Avril 1854, въ статьѣ г. Сургіен Роберт: La poésie slave au XIX siècle, помѣщенъ плохой переводъ прозой небольшого отрывка изъ «Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова», (Т. I, стр. 88).

6) «L'Athenaeum Français» 1855, 30 Juin, № 26, стр. 546, въ статьѣ г. Сазонова по поводу книги: Le Décaméron Russe par M. P. Douhaige, кромѣ разбора этой книги, помѣщенъ и краткій очеркъ современной русской литературы, причемъ г. Сазоновымъ переведены: одно стихотвореніе Пушкина («Три ключа») и два стихотворенія Лермонтова:

1) Les sons mystérieux.

Есть рѣчи—значенье (Т. I, стр. 204).

2) Le Poète.

Поэту (Т. I, стр. 156).

Первое стихотвореніе переведено чѣмъ-то въ родѣ бѣлыхъ стиховъ, второе прозой и вѣрнѣе перваго, которое частью приводимъ для образца:

Les sons mystérieux.

Il y a des paroles: le sens en est
Obscure ou vulgaire;
Mais les entendre sans être ému
Cela est impossible.

* * *

Le son en est plein
De l'ardeur du désir,
Des larmes de la séparation,
Du frémissement de la rencontre и т. д.

Сазоновъ перевелъ стихотвореніе подстрочно, но не избѣгъ ошибокъ, напр. слово ничтожность означаетъ insignifiance, nullité, а не vulgaire, т. е. простой, низкій, (вслѣдствіе трудности перевода этого слова, у насъ вошло въ употребленіе переводить его вулгарность). Вторая и третья строфы переданы не совсѣмъ вѣрно. Второе стихотвореніе переведено хотя и прозой, но и въ немъ встрѣчаются неточности, напр. 1-я строфа 4-й стихъ: Наслѣдье браннаго востока — переведено: Tradition des guerriers de l'orient. т. е. Преданіе воиновъ востока, вмѣсто: L'héritage guerrier de l'Orient; въ 5-мъ стихѣ слово наѣздникъ переведено chevalier, вмѣсто cavalier, и т. д.

7) «Revue des deux mondes», 1855, 1 Février, стр. 502—534: Poètes et romanciers de la Russie: Le poète du Caucase, Michel Lermontoff, par Saint-René Taillandier, т. е. Поэты и романисты Россіи:

Поэтъ Кавказа, Михаилъ Лермонтовъ. Статья эта вошла также (стр. 269—324) въ особый сборникъ изданный г. Тайландье, подъ заглавiемъ: *Allemagne et Russie, études historiques et littéraires*, par M. Saint-René Taillandier, Paris 1856, Michel Lévy frères стр. 391.

Въ статьѣ этой, кромѣ вышеупомянутаго перевода, въ стихахъ г. Дешана, стихотворенiя «Воздушный корабль», съ нѣкоторыми измѣненiями въ редакци, противу первоначальной, помѣщенной въ книгѣ князя Мещерскаго, переведены прозой слѣдующiя стихотворенiя Лермонтова:

1) Совершенно фантастически написанный якобы переводъ стихотворенiя «На смерть Пушкина» (т. I, стр. 81). Это какая-то компиляцiя, со многими прибавками переводчика, но энергично написана; переводъ изъ Боденштедта съ неточнаго списка.

2) Сокращенно и болѣе нежели своими словами переложенiе «Дары Терека». (Т. I, стр. 149).

3) Хорошiй переводъ «Казачьей колыбельной пѣсни» (т. I, стр. 182) съ незначительными прикрасами переводчика.

4) Сокращенный переводъ стихотворенiя «Родина» (т. I, стр. 207) съ дополненiями переводчика.

5) Краткiй пересказъ въ извлеченiи «Послѣдняго Новоселья».

6) Полный переводъ: «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова» (т. I, стр. 88).

Переводъ прекрасный и вѣрный, но съ небольшими пропусками; болѣе значительные слѣдующiе: въ I главѣ четыре стиха:

Когда всходитъ мѣсяць—звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется—
Та стремглавъ на землю падаетъ... (стр. 90).

И во второй главѣ, два стиха:

Злаго пса-ворчуна зубастаго
На желѣзную цѣпь привязываетъ. (стр. 93).

Мѣстами есть еще незначительныя сокращенiя. Слѣдуетъ однако объяснить, что г. Тайландье переводилъ съ нѣмецкаго перевода сочиненiй Лермонтова, г. Ф. Боденштедта 1852 года.

8) *Le prisonnier du Caucase*, poème traduit du Russe de Pouchkine, par Eugène de Porry, Marseille 1858, брошюра въ 16 д. л. 46 стр.; «Кавказской плѣнникъ», поэма переведенная съ русскаго изъ Пушкина, Евгениемъ де Порри. Въ концѣ брошюры (стр. 33—46) приложение (appendice): *Le chant d'une mère cosaque, romance composée par le poète Russe Lermontof, élève de Pouchkine*, т. е. пѣсня «Казачкой матери», романсъ, сочиненный русскимъ поэтомъ Лермон-

товымъ, воспитанникомъ Пушкина, все это длинное заглавіе означаетъ просто: «Казачья колибельная пѣсня» (т. I, стр. 182). У Лермонтова въ пѣснѣ шесть строфъ, у г. де Порри восемь; переводъ сдѣланъ стихами, но совершенно произвольный и г. де Порри прибавилъ отъ себя двѣ строфы. Вотъ какъ напр. г. де Порри перевелъ вторую строфу, всего болѣе близко передающую мысль поэта:

По камнямъ струится Терекъ,
Плещеть мутный валъ;
Злой чечень ползеть на берегъ,
Точить свой кинжалъ;
Но отецъ твой — старый воннь,
Заваленъ въ бою;
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.

Le Circassien, près du rivage,
Nous lance un farouche regard;
Chamil, brandissant un poignard,
Excite sa horde sauvage!...
Au doux murmure de mon chant
Endors-toi, gracieux enfant.

т. е. черкесъ, возлѣ берега, бросаетъ на насъ грозный (дикій) взглядъ, Шамиль, размахивая кинжаломъ, возбуждаетъ свою дику орду, подъ сладкій шепотъ моей пѣсни, усни милое дитя. Что же въ этомъ французскомъ переводѣ осталось Лермонтова?

9) *Etudes de littérature étrangère*, par Adalbert Froust de Fontperuis, chef de division à la prefecture de la Haute-Loire. Au Puys. 1859, chez Jaquet-Chauve, стр. 29 и 117, Очерки иностранной литературы г. А. Фруутъ де Фонпертюи 1859.

Въ этой весьма плохой книжонкѣ, въ концѣ перепечатанъ переводъ стихотворенія «Воздушный корабль», изъ книги г. Сень-Рене Тайландье *Allemagne et Russie*, причемъ г. Фруутъ приписываетъ этотъ переводъ г. Тайландье, между тѣмъ какъ послѣдній въ своей статьѣ заявляетъ, что переводъ сдѣланъ Эмилемъ Дешанъ и благодарить его за сообщеніе.

10) *Le Démon, légende Orientale*, par Lermontow, traduction de T. Anossov; Paris, 1860, въ 8. д. л. стр. 79. «Демонъ», восточная легенда, Лермонтова, переводъ Т. Аносовой, на стр. 79, переводъ стихами: *Dédicace*, т. е. Посвященіе къ поэмѣ Демонъ (Я кончилъ — и въ груди невольное сомнѣніе — Т. II, стр. 255, 256) довольно посредственный переводъ.

11) «*Revue Britannique*» 1861. Septembre № 9, стр. 33—52. Статья: *Littérature Russe*. Michel Lermontoff, т. е. Русская литература, Михаилъ Лермонтовъ, подписано X. M. (Xavier Marmier) изъ *National*

Review. Статья эта перепечатана въ сборникѣ разныхъ статей г. Мармье, изданномъ въ 1862 году подѣ заглавіемъ: *Voyages et Littérature, par X. Marquier, Paris, Morizot*, въ 8 д. л. стр. 414, т. е. Путешествія и литература. Статья о Лермонтовѣ на стран. 364—392, пропущена въ оглавленіи книги.

Мармье перевелъ стихами три стихотворенія Лермонтова:

- 1) Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю, (т. I, стр. 253).
- 2) Они любили другъ друга, такъ долго и нѣжно (изъ Гейне, т. I, стр. 247).
- 3) Благодарность, (т. I, стр. 194). *Actions de grâces*.

Вотъ что Мармье говоритъ по поводу выбора имъ для перевода этихъ трехъ стихотвореній: Мы попробуемъ перевести, въ строгой ихъ сжатости, три изъ его маленькихъ лирическихъ пьесъ, показывающихъ, въ нѣсколькихъ строфахъ, сколько было холодной скорби въ этомъ обманутомъ духѣ, въ этомъ сердцѣ изгнанника.

Въ переводѣ перваго стихотворенія, пожалуй, что общая мысль поэта проведена, но въ частности въ первыхъ двухъ строфахъ все переиначено, и далеко нето, что выразилъ Лермонтовъ, за то третья строфа передана болѣе удачно:

*De celle qui charma les jours que je regrette
Je cherche danx tes traits les doux traits tant aimés,
Dans ta voix les accents de cette voix muette
Et dans tes yeux, ses yeux à tout jamais fermés. (Стр. 39).*

Я говорю съ подругой юныхъ дней,
Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія,
Въ устахъ живыхъ—уста давнѣшнія,
Въ глазахъ—огонь угаснувшихъ очей.

Второе восьмистишіе Лермонтова изъ Гейне передѣлано въ четыре французскихъ куплетца, причемъ совершенно не понята основная мысль поэта, и оттого стихотвореніе утратило данное ему поэтомъ значеніе. Сами по себѣ французскіе куплетцы—вышли не дурные.

Третье стихотвореніе какъ переводъ на французскій языкъ рѣдкость,—русское восьмистишіе переведено на французскій языкъ, такимъ же числомъ французскихъ стиховъ; при этомъ любопытно однако сравнить то, что г. Мармье, вѣроятно, при всемъ своемъ желаніи, не могъ вмѣстить въ свой переводъ, и то, что имъ отъ себя прибавлено. Пропущенное подчеркнуто въ подлинникѣ, въ переводѣ же подчеркнуто то, что г. Мармье прибавилъ отъ себя.

*Actions de grâces
Je te rends grâces, ô Seigneur!
Du tableau varié d'un monde plein de charmes,
Du feu des passions et du vide du coeur
Du poison des baisers, de l'âcreté des larmes,*

* * *

De la haine qui tue et de l'amour qui ment,
De mes rêves trompeurs perdus dans les espaces
De tout enfin mon Dieu? Puissé-je seulement
Ne pas longtemps te rendre grâces!

Благодарность.

За все, за все тебя благодарю я;
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За мечь враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растроченной въ пустынѣ,
За все, чѣмъ я обмануть въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ.

Такимъ образомъ изъ восьми стиховъ только четыре съ половиною переданы вѣрно, остальные три съ половиною замѣнены четырьмя съ половиною стиховъ сочиненія г. Мармье.

12) Impressions de voyage.—Le Caucase,—par Alexandre Dumas, Paris, Michel Lévy frères, 3 vol, 8 д. л. I—стр. 308, II—стр. 303, III—стр. 292.—Путевыя впечатлѣнія, А Дюма (отца), Кавказъ.

Говорить подробно о Путевыхъ впечатлѣнїяхъ на Кавказѣ А. Дюма-отца нѣтъ особенной надобности; онѣ въ томъ же родѣ, какъ и всѣ другія его, такъ называемыя, путевыя впечатлѣнїя по разнымъ странамъ; онѣ всѣмъ и каждому читающему французскую беллетристику болѣе или менѣе извѣстны; изящно, весело и остроумно написанныя, эти дорожныя записки испещрены описанїями профѣжаемыхъ мѣстностей, разсказами о разныхъ историческихъ событїяхъ выхваченныхъ отовсюду, безъ разбора, въ которыхъ истина до того смѣшана съ вымысломъ, что безъ всякаго сомнѣнїя читателю, незнакомому съ дѣломъ, трудно разобратъся въ этой путаницѣ, и даже самому несвѣдущему читателю иногда невольно должно придти въ голову: «экъ его куда занесло!» Читаются эти путевыя впечатлѣнїя легко, наблюдательности много, и могъ бы кажется А. Дюма, при его несомнѣнномъ и громадномъ талантѣ, написать что нибудь дѣльное; пропустите сквозь сито эти три тома о Кавказѣ, и останется почти ничего или очень мало;—за то собственное я не забыто, и это я играетъ въ этихъ книгахъ большую роль.

Проѣзжая Кавказъ, такъ очаровательно и многообразно воспѣтый Лермонтовымъ, конечно Дюма не могъ о немъ забыть, и, дѣйствительно, онъ часто о немъ вспоминаетъ, и между прочимъ перевелъ восемь его лирическихъ стихотворенїй (ч. 2, стр. 259—267). При поэтическомъ дарованїи Дюма переводы вышли не только очень изящныя, но и основныя мысли поэта большею частью удачно схвачены, но, къ сожалѣнїю, А. Дюма не могъ избѣжать соблазна улуч-

шенія Лермонтова, дополняя своими фантазіями поэтическія произведенія нашего поэта. Вотъ способъ, который Дюма, какъ онъ самъ рассказываетъ, употреблялъ, для полученія хорошихъ переводовъ; поймаешь онъ кого нибудь, на пароходъ на Волгѣ, или въ городахъ, гдѣ останавливался по дорогѣ, который хорошо владѣетъ французскимъ языкомъ, онъ тотчасъ проситъ сдѣлать ему подстрочный, слово въ слово, переводъ стихотворенія, а затѣмъ принимается самъ за работу и передѣлываетъ подстрочный переводъ на французскіе стихи; когда они готовы, онъ прочитываетъ ихъ переводившему и окончательно исправляетъ по сдѣланнымъ замѣчаніямъ и переводъ готовъ. Въ виду того, что переводы Дюма хороши, мы приводимъ ихъ вполнѣ, и тѣмъ болѣе, что сочиненіе Дюма о Кавказѣ не имѣетъ свободнаго обращенія въ нашей книжной торговлѣ.

А. Дюма перевелъ слѣдующія восемь стихотвореній Лермонтова, всѣ во второй части путевыхъ впечатлѣній:

1. La pensée	стр. 259, 260.	— Дума. (Т. I стр. 108).
2. La dispute	" 261—264.	— Споръ. (Т. I стр. 243).
3. Le rocher qui pleure	" 264, 265.	— Утесъ. (Т. I стр. 246)
4. Les nuages	" 265.	— Тучи. (Т. I стр. 195).
5. Le blessé	" 266.	— Незвѣстное.
6. Boutade	" 266.	— Моя мольба. (Т. II стр. 95).
7. Gornaia-Verchina	" 266.	— Изъ Гете (Т. I стр. 194).
8. Les mercis	" 267.	— Благодарность. (Т. I стр. 194).

1) «Начнемъ, говоритъ А. Дюма, съ пьесы, оваглавленной *La pensée*, жалоба, въ которой Лермонтовъ оцѣниваетъ, можетъ быть, нѣсколько мизантропически свое поколѣніе:

La Pensée.

Où que, des yeux, je suis tristement sur sa route
Ce siècle, à l'avenir ou vide ou ténébreux;
Sous le poids écrasant du savoir et du doute
Il vieillit inactif et cependant fiévreux.

* * *

Nous pourrions, éclairés des fautes de nos pères,
Nous faire des radeaux de nos vaisseaux brisés;
Mais, comme un repas pris aux fêtes étrangères,
La vie est insipide à nos palais blasés.

* * *

Athlètes énervés avant d'entrer en lutte,
Le bien comme le mal nous trouve indifférents
Nous voyons s'accomplir les grandeurs et les chutes
Sans plaindre les proscrits, sans hair les tyrans.

* * *

C'est ainsi qu'un fruit maigre éclos dans une serre,
 Pour les yeux sans attraits, pour le goût sans saveur,
 Rongé secrètement d'un invisible ulcère,
 Meurt de viellasse, alors qu'il devrait être en fleur.

* * *

Nous avons, par les longs frottement de l'étude,
 Usé le velouté de nos illusions,
 Et notre coeur a pris cette triste habitude
 De se moquer de tout, même des passions.

* * *

Notre main touche à peine à la coupe remplie
 Où la bonté des dieux versa la volupté,
 Qu'un impuissant désir, changeant le vin en lie,
 En place de l'amour boit la satiété.

* * *

La poésie est morte et l'art est un fantôme;
 Admirer est stupide, et, si dans notre coeur
 D'enthousiasme encor vit un dernier atome,
 Vite il faut l'étouffer sous un rire moqueur.

* * *

Jusqu'au bout de nos dents ce rire monte à peine;
 Nos pleurs sont desséchés avant d'atteindre aux yeux;
 Nous ne connaissons plus ni l'amour ni la haine,
 Robustes sentiments morts avec nos aïeux.

* * *

Nous craignons d'imprimer nos traces dans l'histoire,
 Nous raillons ces grands noms qui laissaient un grand deuil,
 Et nous hâtons nos pas vers un tombeau sans gloire.
 En jetant sur la vie un dédaigneux coup d'oeil.

* * *

En foule taciturne et bientôt effacé,
 Nous traversons le monde, où nous n'avons planté
 Ni travail fructueux, ni fertile pensée,
 Qui fasse une moisson pour la postérité.

* * *

Mais aussi dans la tombe, inutile refuge,
 Nous fuirons l'avenir... Sévère historien,
 Il nous condamnera comme poète et juge;
 Il nous méprisera comme homme et citoyen.

Отдѣлите то, что слѣдуетъ приписать слабости перевода, замѣ-
 чаетъ Дюма, и окажется, что ни Байронъ, ни А. де Мюссе ничего
 столь горькаго не написали

Сообщ В. Е. Шухъцъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

РОССІЯ И ПОЛЬША

въ 1814—1831 гг.

Костюшко.—Александръ I.—Цесаревичъ Константинъ.—Николай I.

ГЕНЕРАЛЪ КОСТЮШКО ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ ¹⁾.

Парижъ, 4-го августа 1798 г.

[Переводъ]. Ваше Величество. Пользуюсь первыми минутами свободы, которую я вкушаю подъ охраною законовъ величайшей и великодушнѣйшей націи въ мірѣ, чтобы возвратить вамъ подарокъ, который мнимая доброта ваша и вѣроломное поведеніе вашихъ министровъ заставили меня принять. Будьте увѣрены В. В., что я согласился на это единственно изъ глубокой привязанности къ моимъ соотечественникамъ, къ товарищамъ моимъ по несчастью и въ надеждѣ, что мнѣ удастся быть можетъ послужить еще моей родинѣ. Да, съ удовольствіемъ говорю и повторяю вамъ, государь, мнѣ показалось, что вы были тронуты моимъ отчаяннымъ положеніемъ; но министры ваши и приверженцы ихъ поступили со мною совершенно противно вашему желанію; поэтому если бы они посмѣли приписать лично моей волѣ тотъ поступокъ, который они вынудили меня сдѣлать, то я обнаружу передъ вами и передъ всѣми людьми, дорожащими честью, ихъ насиліе, жестокость и коварство, и ихъ однихъ, государь, придется вамъ винить въ этомъ случаѣ въ томъ, что злодѣянія ихъ будутъ обнаружены. Примите В. В. и пр. I. Костюшко.

¹⁾ Письмо это помѣщаемъ въ настоящей серіи документовъ только по нѣкоторой связи его съ послѣдующими письмами Костюшко къ преемнику Павла I, — императору Александру I.

Ред.

Sire. Je profite des premiers instants de la liberté dont je jouis sous les loix protectrices de la plus grande et la plus généreuse nation pour vous renvoyer le présent que l'apparence de votre bonté et la conduite atroce de vos ministres m'ont forcé d'accepter. Si je m'y suis preté, Sire, ne l'attribuez qu'à la force irrésistible de l'attachement que je porte à mes compatriotes, compagnons de mes malheurs et à l'espoir de servir encore peut-être ma patrie. Oui, je vous le répète, sire, et j'aime à vous le déclarer, votre coeur m'a paru touché de ma situation désastreuse; mais vos ministres et leurs satellites n'ont pas agi à mon égard conformément à vos vœux; aussi s'ils osaient attribuer à la détermination de ma volonté libre une démarche, qu'ils m'ont contraint de faire, je dévoilerais devant vous et devant tous les hommes qui connaissent le prix de l'honneur, leurs violences et leur perfidie, et c'est à eux seuls, sire, que vous devez vous en prendre de la publication de leur forfait.

Agrééz, Sire, etc. I. K.

ГЕНЕРАЛЬ КОСТЮШКО—АЛЕКСАНДРУ I.

Бервиль, близъ Фонтенебло, 9-го апрѣля 1814 г.

[Переводъ]. Государь! Я осмѣливаюсь обратиться изъ моего скромнаго убѣжища съ просьбою къ великому монарху, великому полководцу и въ особенности къ защитнику всего человѣчества, качество, единственное въ своемъ родѣ; ибо мнѣ извѣстно все величіе его души. Да, государь, мнѣ хорошо знакома ваша доброта, ваша щедрость и великодушіе. Я прошу у васъ трехъ милостей, первую: даровать полякамъ всеобщую амнистію, безо всякихъ ограниченій, такъ чтобы крестьяне, разсѣянные за границей, считались свободными, если они возвратятся къ своимъ очагамъ. Вторую: чтобы Ваше Величество провозгласили себя королемъ польскимъ съ свободной конституціей, подходящей къ англійской конституціи; учредили бы въ Польшѣ народную школу для крестьянъ, гдѣ воспитанники содержались бы на счетъ правительства, и уничтожили бы по прошествіи десяти лѣтъ крѣпостное право, съ надѣломъ крестьянъ землею. Если мои просьбы будутъ уважены, то, не смотря на свою болѣзнь, я отправлюсь лично съ тѣмъ, чтобы повергнуться къ стопамъ В. В., поблагодарить Васъ и чтобы первому воздать Вамъ должный почетъ, какъ моему монарху. Если бы мои ничтожныя способности могли еще принести малѣйшую пользу, то я не медля отправился бы отсюда съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ моимъ соотече-

ственникамъ, и съ честью и преданностью служить моей родинѣ и моему монарху.

Третья просьба моя, государь, хотя имѣетъ вполнѣ частный характеръ, но тѣмъ не менѣ весьма живо интересуется меня; вотъ уже 14 лѣтъ, какъ я живу въ почтенномъ домѣ г. Цельтнера, родомъ швейцарца, бывшаго нѣкогда швейцарскимъ посломъ во Франціи. Я многимъ обязанъ ему, но мы оба бѣдны, а онъ обремененъ многочисленной семьей; поэтому я убѣдительно прошу дать ему приличное мѣсто (place honorable) при новомъ французскомъ правительствѣ, или въ Польшѣ; онъ человекъ образованный и я ручаюсь за его неподкупную честность.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ имѣю честь быть В. В. покорнѣйшій слуга Костюшко.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I—КОСТЮШЕВЪ.

Парижъ, 3-го мая 1814 г.

[Переводъ]. Съ особымъ удовольствіемъ, генераль, отвѣчаю на ваше письмо. Самыя сокровенныя желанія мои исполнились и съ помощью Всевышняго я надѣюсь осуществить возрожденіе храброй и почтенной націи, къ которой вы принадлежите.

Я далъ въ этомъ торжественную клятву и благосостояніе польскаго народа всегда было предметомъ моихъ заботъ. Однѣ лишь политическія обстоятельства послужили преградой къ осуществленію моихъ намѣреній. Нынѣ препятствія эти уже не существуютъ, онѣ устранены страшною, но въ то же время и славною двухлѣтнею войною. Пройдетъ еще нѣсколько времени и при мудромъ управленіи поляки будутъ снова имѣть отечество и имя, и мнѣ будетъ отрадно доказать имъ, что человекъ, котораго они считаютъ своимъ врагомъ, забывъ прошедшее, осуществить всѣ ихъ желанія.

Какъ отрадно было бы мнѣ, генераль, имѣть васъ помощникомъ при этихъ благотворныхъ трудахъ. Ваше имя, вашъ характеръ, ваши способности будутъ мнѣ лучшею поддержкою. Примите, генераль, увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи. Александръ.

ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТЪ ЧЕРНЫШЕВЪ—АЛЕКСАНДРУ I.

Вѣна, 4-го (16) апрѣля 1815 г.

[Переводъ съ франц.]. Государь! Намъ предстоитъ новая война, которая вовлечетъ въ большія издержки, какъ бы блистателенъ ни былъ ея исходъ; не буду говорить о потерѣ людей, такъ какъ всѣ они потчутъ за счастье умереть за такое дѣло, важность котораго понята

и прочувствована всѣми; но сомнѣнія, могуція легко возникнуть въ томъ случаѣ, если англичане захотятъ или будутъ въ состояніи принести, какъ въ прошломъ, большія денежныя жертвы, новый титулъ, который Ваше Императорское Величество собираетесь принять, и, наконецъ, дальнѣйшее отсутствіе Ваше изъ Россіи, настоятельно требуемое событіями, — вотъ пункты, которые Вашему Величеству чрезвычайно необходимо выяснить Вашимъ подданнымъ, чтобы они не оставались въ неизвѣстности, парализующей всегда болѣе или менѣе дѣйствія народа. Привыкши, государь, дѣйствовать во всемъ, касающемся службы, съ усердіемъ, вслѣдствіе котораго я могъ бы подъ часть казаться слишкомъ смѣлымъ, если бы меня не поощряла къ тому благосклонная снисходительность Вашего Величества, я осмѣливаюсь изложить предъ Вами нѣкоторыя мысли, касающіяся главнымъ образомъ того новаго положенія, въ какомъ будетъ находиться обширная имперія Вашего Величества.

Пруссія, менѣе истощенная войною, нежели Россія, приобрѣта по постановленіямъ конгресса землю, составлявшую давно уже мечту всякаго пруссака, выказываетъ въ настоящее время такую же энергію, какъ въ то время, когда дѣло шло о ея освобожденіи. Положеніе Россіи въ этомъ отношеніи не столь благопріятное: Вашему Императорскому Величеству не безъизвѣстны предразсудки, существовавшіе всегда у насъ относительно образованія польскаго королевства, и приобрѣтеніе большей части Варшавскаго герцогства, приобрѣтеніе въ сущности весьма важное, можетъ далеко не имѣть подобнаго значенія въ глазахъ многихъ русскихъ людей. Пруссія не была жертвою погрома, не имѣющаго себѣ подобнаго въ исторіи, и представляетъ сверхъ того на ограниченномъ пространствѣ массу народонаселенія и частныхъ владѣній.

Пруссія, въ которой администрація опирается на прочныхъ началахъ, выработанныхъ сто лѣтъ тому назадъ, не столь нуждается для своего существованія въ непосредственномъ присутствіи ея монарха; въ Россіи же вся энергія и сила государства обусловливается волею и дарованіемъ ея правителя. Изъ этого сравненія вытекаетъ, государь, что если отъ Россіи желаютъ такой же энергіи въ 1815 г., какую она проявила въ 1812 г., то, по моему мнѣнію, необходимо, чтобы Ваше Величество, не теряя времени, обнародовали въ ней ваши великодушныя намѣренія, которыя могутъ вызвать сочувствіе народа и главное, государь, разсѣять всякое опасеніе въ томъ, что конституція, даруемая Вашимъ Величествомъ Польшѣ, является какъ бы знакомъ предпочтенія; — подобнаго же опасенія со стороны народа, который такъ дорожитъ отеческимъ расположеніемъ своего монарха

и при томъ монарха, столь горячо любимаго имъ, можетъ само по себѣ вызвать нѣчто въ родѣ разочарованія. Когда этотъ вопросъ будетъ разъясненъ достаточно яснымъ и утѣшительнымъ образомъ, прежде нежели его успѣютъ исказить толки, дошедшіе до общества косвеннымъ путемъ, было бы также не бесполезно, государь, успокоить вашихъ подданныхъ относительно продолжительнаго отсутствія Вашего Императорскаго Величества и касательно продленія того способа управленія, которое не можетъ быть продолжительно и не лишено злоупотребленій, потому что управленіе это временное. Тогда, государь, Россія будетъ стремиться къ одной цѣли съ вашими войсками и военная слава не истомитъ ее, такъ какъ она не будетъ имѣть ни малѣйшаго повода къ боязни и будетъ видѣть цѣль и награду за приносимыя ею жертвы.

Такъ какъ время Вашего Императорскаго Величества драгоценнѣе теперь, чѣмъ когда либо, то я не буду вдаваться въ дальнѣйшія подробности касательно необходимости всѣхъ этихъ мѣръ, внушаемыхъ самыми важными соображеніями, и я ограничусь принесеніемъ В. В. глубочайшей признательности моей за все могущее способствовать выполненію Вашихъ великодушныхъ и благодѣтельныхъ плановъ для всѣхъ вообще и для каждаго въ частности. Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія, государь, честь имѣю быть В. И. В. вѣрноподданный А. Чернышевъ.

КОСТЮШКО—АЛЕКСАНДРУ I.

Вѣна. 13-го іюня 1815 г.

[Переводъ]. Государь, князь Чарториискій сообщилъ мнѣ о всѣхъ благодѣніяхъ, которыя Ваше Императорское и Королевское Величество приготавливаете для польскаго народа. Никакія слова не могутъ выразить моей благодарности и удивленія; одна лишь забота тревожить меня еще, отравляя мою радость: я уроженецъ Литвы, государь, и мнѣ остается жить не долго, а между тѣмъ будущее моей родины и многихъ частей моего отечества покрыто еще мракомъ неизвѣстности. Я не забылъ тѣхъ великодушныхъ обѣщаній, которыя Ваше Императорское и Королевское Величество соблаговолили лично высказать по этому поводу мнѣ и нѣкоторымъ изъ моихъ соотечественниковъ, и я никогда не осмѣлюсь усомниться въ дѣйствительности этихъ священныхъ словъ, но мысль, напуганная столь продолжительными несчастіями, жаждетъ постоянно быть вновь успокоенной.

Повинуясь моему личному чувству, я готовъ посвятить остатокъ дней моихъ службъ Вашего Императорскаго и Королевскаго Величества; однако, государь, будьте моимъ руководителемъ въ этомъ рѣшительномъ для меня шагѣ и соблаговолите своимъ благосклоннымъ отвѣтомъ извѣстить меня, одобряете ли вы мое рѣшеніе; это слово съ вашей стороны осуществить единственное теперь желаніе мое и я могу тогда сойти въ могилу съ утѣшительнымъ убѣжденіемъ, что всѣ ваши польскіе подданные будутъ пользоваться вашими благодѣяніями. Подобная увѣренность, сознаюсь, чрезвычайно увеличила бы мои силы и мою энергію къ дѣлу. Я не осмѣлюсь никогда, государь, торопить выполненіе вашихъ великихъ предначертаній; я свято буду хранить эти мысли въ тайнѣ и лишь съ именнаго разрѣшенія В. В. воспользуюсь этой священной тайной.

Тутъ я буду ожидать вашихъ повелѣній, въ отвѣтъ на мою покорнѣйшую просьбу; она будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ единственной и послѣдней просьбою, которую я осмѣливаюсь еще повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго и Королевскаго Величества съ такимъ непоколебимымъ довѣріемъ, которое можетъ сравняться лишь съ великодушіемъ и несравненной добротою Вашего Величества.

І. Костюшко.

КОСТЮШКО—АЛЕКСАНДРУ І.

[Переводъ]. Прежде чѣмъ возвратиться въ деревню, позвольте мнѣ, государь, повергнуть къ стопамъ Вашего Величества всю признательность, на какую способно человѣческое сердце, за Ваши великодушныя и великія намѣренія относительно моей родины. Если я могу вступить въ свое отечество съ именемъ поляка, то я отдамъ себя въ полное распоряженіе Вашего Величества, и никто не превзойдетъ всѣхъ насъ въ преданности и вѣрности нашему монарху. Наши желанія, государь, выгодны для обѣихъ націй, и для ихъ взаимной безопасности; одинъ и тотъ же духъ побуждалъ бы ихъ любить нашего общаго монарха, ибо тамъ, гдѣ существуетъ равенство, исчезаетъ всякій личный интересъ и всѣ стремятся лишь любить монарха и жить въ мирѣ. Иначе Польша будетъ постояннымъ источникомъ раздора и сосѣднія державы всегда найдутъ въ ней почву для возбужденія волненій.

ЗАМѢТКА ГЕНЕРАЛА КОСТЮШКО.

Безъ числа.

[Переводъ]. Королевство Польское начиналось бы отъ Двины и до Двѣпра, имѣло бы либеральную конституцію, подобно англійской, съ обеспеченной свободой собственности и вѣроиспозѣданія. Слѣдуетъ позаботиться о начальномъ образованіи крестьянъ и черезъ 20 лѣтъ уничтожить крѣпостное право съ надѣломъ крестьянъ землею. Въ арміи сохранить голубой съ малиновымъ мундиръ и бывшіе національные эпюлеты. Всѣ гражданскія должности замѣстить поляками.

ГЕНЕРАЛЬ КОСТЮШКО—АЛЕКСАНДРУ I.

Berville près de Fontainebleau. 9 Avril 1814. .

Sire. Si de mon obscure retraite j'ose adresser ma prière à un grand monarque, grand capitaine et surtout protecteur de l'humanité entière, chose unique! c'est que je connais sa grande âme. Oui, Sire, votre bonté, votre générosité et votre magnanimité m'est bien connue.

Je vous demande trois grâces, la première est d'accorder une amnistie générale aux Polonais sans aucune restriction, et que les paysans dispersés dans les pays étrangers soient regardés libres s'ils rentrent dans leurs foyers. La seconde que V. M. se proclame Roi de Pologne avec une constitution libre approchant de celle d'Angleterre, d'y établir une école d'instruction pour les paysans dont l'entretien des élèves aux dépens du gouvernement, d'abolir leur servitude au bout de dix ans et qu'ils jouissent de leurs possessions en propriété. Si mes prières sont exaucées j'irai personnellement quoique malade, me jeter aux pieds de V. M. pour La remercier et Lui rendre hommage le premier comme à mon souverain. Si mes faibles talents pouvaient encore être de quelque utilité, je partirais à l'instant pour joindre mes concitoyens, servir ma patrie et mon Souverain avec honneur et fidélité.

Ma troisième prière, Sire, quoique particulière, interesse beaucoup mon coeur et ma sensibilité; j'habite depuis 14 ans dans la maison respectable de Mr. Zeltner, Suisse de nation, jadis Ambassadeur de son pays en France. Je lui dois mille obligations, mais nous sommes pauvres tous les deux et il a une nombreuse famille,

je reclame pour lui une place honorable soit dans le nouveau gouvernement français, soit en Pologne; il est instruit et je réponde de sa probité à toute épreuve.

Je suis avec un profond respect de V. M. le plus soumis serviteur J. K.

АЛЕКСАНДРЪ I—КОСТЮШКЪ.

Paris, le 3 Mai 1814.

J'éprouve une grande satisfaction général à répondre à Votre lettre. Mes vœux les plus chers sont accomplis, avec l'aide du Tout-Puissant, j'espère réaliser la régénération de la brave et respectable nation à laquelle Vous appartenez. J'en ai pris l'engagement solennel et de tout temps son bien être a occupé mes pensées. Les circonstances politiques seules ont mis des entraves à l'exécution de mes desseins. Ces obstacles n'existent plus. Deux années d'une lutte terrible mais glorieuse, les ont aplanis. Un peu de temps encore avec une marche sage, et les Polonais recouvreront leur patrie, leur nom et j'aurai la jouissance de les convaincre qu'oubliant le passé, celui qu'ils croyaient leur ennemi, sera celui qui réalisera leurs vœux.

Combien il me sera satisfaisant, général, de Vous voir mon aide dans ces travaux salutaires; votre nom, votre caractère, vos talents seront mes meilleurs appuis. Recevez, général, l'assurance de toute mon estime. Alexandre.

КОСТЮШКС—АЛЕКСАНДРУ I.

Вѣна, 13-го іюня 1815 г.

Sire, le Prince Czartoryski m'a développé tous les bienfaits que V. M. I. et R. prépare pour la nation Polonoise. Les expressions ne peuvent répondre aux sentiments de reconnaissance et d'admiration; une seule inquiétude trouble encore mon cœur et ma joie. Je suis né Lithuanien, Sire, et je n'ai que peu d'années à vivre, néanmoins le voile d'un avenir incertain couvre encore les destinées de ma contrée natale et de tant d'autres parties de ma patrie. Je n'oublie point les magnanimes promesses que V. M. I. et R. a daigné me faire verbalement à cet egard, ainsi qu'à plusieurs de mes compatriotes, mon cœur ne me permettra jamais de douter de

l'effet de ces paroles sacrées, mais la pensée intimidée par de si longs malheurs ne cesse à chaque fois de désirer à être de nouveau rassurée.

N'écoutant que l'impulsion de mes sentiments, je suis venu devouer le reste de mon existence au service de V. M. I. et R., toutefois, Sire, soyez mon arbitre dans cette conjoncture décisive pour ma conscience, et par un seul mot de bienveillante réponse, daignez dire que Vous approuvez ma détermination; ce mot remplira l'unique vœu qui me reste à former, celui de descendre au tombeau avec la consolante certitude que tous vos sujets Polonais seront appelés à bénir vos bienfaits. Cette certitude, je l'avoue, augmenterait à l'infini mes efforts et l'énergie de mon zèle. Je n'oserais jamais, Sire, presser l'exécution de Vos grands projets; j'en garderai saintement la pensée pour ma propre conscience et ce ne serait que sur une autorisation expresse que je ferais usage de ce dépôt sacré.

J'attendrais ici Vos ordres sur mon humble prière, c'est la seule, c'est la dernière que j'ose encore mettre aux pieds de V. M. I. et R. avec un sentiment de confiance inébranlable qui ne peut être mesuré que par Votre magnanimité et par Votre incomparable bonté. I. K.

КОСТЮШКО—АЛЕКСАНДРУ I.

Avant que de retourner à la campagne, permettez moi, Sire, de mettre aux pieds de V. M. toute ma reconnaissance dont le cœur humain est susceptible, pour les intentions si généreuses, grandes et sublimes en faveur de mon pays. Si je peux entrer dans ma patrie avec le nom Polonais, je serai aux ordres de V. M. et personne ne pourra nous surpasser tous en fidélité, attachement et dévouement pour Notre Souverain. Les vœux que nous formons, Sire, sont avantageux pour les deux nations et leur sûreté réciproque, le même esprit nous animerait alors de chérir notre commun Souverain, car où il y a égalité, tout intérêt cesse, hormis celui de l'aimer et de vivre en paix. Autrement la Pologne sera une source intarissable de discorde, et les Puissances voisines y trouveront à leur volonté, un aliment prêt à fomentier des factions.

ЗАМѢТКА КОСТЮШКИ.

Note sans date.

Depuis Dwina et Dniéper commencerait le Royaume de Pologne avec une constitution libérale comme celle de l'Angleterre—il aurait une liberté, une sûreté personnelle de la propriété et du

culte. On etablira une instruction primaire pour les paysans et dans 20 ans on abolirait l'asservissement et ils jouiront de leurs possessions en propriété. A l'armée l'uniforme bleu et cramoisi sera conservé avec les epaulettes ci devant nationales. Tous les postes civils seront occupés par les nationaux.

Обытія въ Варшавѣ въ 1816 г.

Разсказъ Эрдберга.

Могилевъ, 21-го мая 1816 г.

[Переводъ съ нѣмецкаго.] Въ половинѣ марта, на парадѣ, великій князь [цесаревичъ Константинъ] приказалъ двумъ офицерамъ 3-го полка взять оружіе и стать въ ряды. Офицеры исполнили это приказаніе безъ малѣйшаго признака неудовольствія и промаршировали два раза вокругъ Саксонской площади; вслѣдъ за тѣмъ великій князь приказалъ имъ отдать оружіе и занять свои прежнія мѣста.

Тотчасъ послѣ парада общество офицеровъ 3-го полка объявило, что они не могутъ служить съ этими двумя офицерами, считая ихъ разжалованными, такъ какъ подобнаго случая никогда еще не бывало въ войскѣ.

Принявъ это рѣшеніе, офицеры ожидали, что генералы войдутъ объ этомъ съ представленіемъ къ великому князю, съ тѣмъ, чтобы побудить его загладить свой необдуманнѣйшій поступокъ. Но прождавъ напрасно подобнаго заявленія, капитанъ Виличко (Wilizek), адъютантъ генерала Красинскаго, явился въ совѣтъ, въ которомъ засѣдали генералы и сталъ упрекать ихъ въ томъ, что они думаютъ лишь о своихъ собственныхъ выгодахъ, отнюдь не заботясь объ интересахъ своего отечества и своихъ подчиненныхъ, что они держатъ себя противъ русскихъ съ такимъ же малодушіемъ и покорностью, какую они выказали и въ своихъ отношеніяхъ къ французамъ, и что будучи лишь капитаномъ онъ считаетъ однако своимъ долгомъ дѣйствовать такъ, какъ подобало бы дѣйствовать генераламъ, если бы они были честными людьми. Генералъ Красинскій, возмущенный этими неприличными выраженіями, арестовалъ капитана Виличко, присудивъ его къ домашнему аресту. Лишь только разнеслась объ этомъ вѣсть, какъ многіе офицеры собрались къ своему «защитнику», какъ они называли Виличко, и тутъ они дали другъ другу слово умереть за родину и за товарища, если съ ними не перемѣнятъ обращенія.

Въ теченіи трехъ дней лишили себя жизни два брата Трембинскіе, Германъ и Бржезинскій. За ними послѣдовалъ Виличко, написавшій предварительно великому князю и генералу Красинскому. Я читалъ копию съ обѣихъ писемъ, но не могу вполне ручаться, что онѣ были доставлены (*kaup aber nicht dafür bürgen, dass sie nicht wären*), хотя послѣдствія доказали все ихъ значеніе.

Письмо, написанное къ великому князю, было приблизительно слѣдующаго содержанія: «Если бы я послѣдовалъ первому внушенію моего чувства, то я сошелъ бы въ могилу не одинъ. Но такъ какъ ни одинъ полякъ не запятналъ еще себя преступленіемъ противъ членовъ семейства своего монарха, то я оставилъ эту мысль, чтобы не сдѣлать родину мою еще несчастнѣе. Я считаю долгомъ предупредить васъ, чтобы вы не доводили моихъ соотечественниковъ до отчаянія, которое легко можетъ довести кого либо изъ нихъ до преступленія, отъ коего я отказался по зрѣломъ обсужденіи. Всякій полякъ дорожитъ честью болѣе жизни и не переноситъ оскорбленія ея. Нѣсколько товарищей уже лишили себя жизни; я слѣдую за ними и увѣряю васъ, что многіе еще послѣдуютъ моему примѣру. Разрѣшите перевезти мое тѣло въ имѣнье генерала Красинскаго, который не откажетъ мнѣ въ мѣстѣ для погребенія». Почти такого же содержанія было и письмо къ генералу Красинскому, лишь съ нѣкоторыми дополненіями, касающимися семейныхъ обстоятельствъ. По приказанію генерала Красинскаго, тѣло капитана Виличко было набальзамировано и отвезено въ его помѣстье. Послѣ него застрѣлились еще два офицера.

Эти самоубійства, слѣдовавшія одно за другимъ, чрезвычайно встревожили великаго князя. Онъ навелъ точныя справки и тогда узналъ наконецъ настоящую причину, которую онъ едва ли подозревалъ. Желая успокоить встревоженные умы, онъ поручилъ своему генералъ-адъютанту, генералу Тулинскому, извиниться въ присутствіи всего полка въ его опрометчивости передъ тѣми двумя офицерами, которые должны были встать подъ ружье. Когда онъ спросилъ ихъ, довольны ли они этимъ, то одинъ изъ нихъ по фамиліи Шудкій (*Szucki*) отвѣчалъ, что это теперь дѣло общества офицеровъ, а не ихъ. Тогда генералъ обратился къ обществу офицеровъ, которые разумѣется были успокоены этимъ и единогласно согласились считать этотъ фактъ несовершившимся. Затѣмъ генералъ Тулинскій обратился снова къ Шудкому съ вопросомъ удовлетворенъ ли онъ теперь? «Нѣтъ! отвѣчалъ тотъ; общество офицеровъ разумѣется должно быть удовлетворено объясненіемъ великаго князя, такъ какъ онъ своимъ заявленіемъ смыкаетъ оскорбленіе, нанесенное имъ офицерскому

званію. Но для моеѣ личной чести этого мало и я прошу для себя лично удовлетворенія». Взволнованный генеральъ искричалъ: «ужъ не хотите ли выйти на поединокъ съ великимъ княземъ?»—«Да, разумѣется», отвѣчалъ Шуцкій.—«Вы арестованы, сказалъ генераль, г. адъютантъ, примите отъ него шпагу, онъ подвергается домашнему аресту».

— «И такъ и мой часъ насталь, и я послѣдую за моими честными товарищами, но къ сожалѣнію умру не удовлетвореннымъ», сказалъ Шуцкій.—Когда онъ былъ уведень, офицеры обступили генерала Тулинскаго, говоря, что по ихъ мнѣнію генераль или не понялъ великаго князя, или зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ порученіи, задавъ капитану Шуцкому такіе вопросы, которые весьма естественно вызвали съ его стороны подобныя отвѣты.

Чтобы предотвратить самоубійство со стороны Шуцкаго, къ нему былъ приставленъ офицеръ. Въ великій четвергъ (по старому стилю) офицеръ этотъ на минуту задремалъ. Шуцкій воспользовался этимъ и, снявъ съ себя галстухъ, повѣсилъ на немъ. Шумъ, произведенный имъ, разбудилъ офицера, который позвалъ на помощь, освободилъ его отъ петли и, по приказанію полковаго командира, препроводилъ его на гауптвахту.

Получивъ это извѣстіе, великій князь, въ сопровожденіи генерала Курутты, поспѣшилъ на гауптвахту, приказалъ позвать всѣхъ офицеровъ 3-го полка и обратился къ Шуцкому съ слѣдующими словами:

— «Вы объявили, что желаете стрѣляться со мною; генераль Тулинскій арестовалъ васъ, исполнивъ тѣмъ самымъ мое порученіе совершенно иначе, чѣмъ я того желалъ. Я явился сюда съ тѣмъ, чтобы исполнить ваше желаніе; смотрите на меня не какъ на брата вашего монарха, и генерала, а какъ на товарища, который очень сожалѣеть, что оскорбилъ такого хорошаго офицера. Всѣ мои дѣла приведены въ порядокъ и генералу Куруттѣ поручено на случай моей смерти распорядиться всѣмъ тѣмъ, что я желалъ бы еще устроить».

Шуцкій, тронутый снисхожденіемъ великаго князя, сталъ увѣрять его, что онъ теперь болѣе, нежели удовлетворенъ и что милость, оказанная ему великимъ княземъ, составляетъ для него полное удовлетвореніе. Но такъ какъ великій князь непремѣнно хотѣлъ поединка, то противъ этого возстали наконецъ самъ Шуцкій и всѣ офицеры.

«Ну, если вы этимъ удовлетворены, то обнимите же меня, сказалъ великій князь, и докажите тѣмъ, что вы мнѣ другъ; только обнимаетесь по русскому обычаю, поцѣловавшись въ губы», что и было исполнено. «Но въ доказательство того, что вы мой другъ, вы

должны не оставлять службы, чтобы я имѣлъ случай доказать вамъ мое расположеніе».

— «Я не могу этого обѣщать, сказалъ Шуцкій, ибо семейныя обстоятельства вынуждаютъ меня выйти въ отставку; но я прослужу еще годъ, чтобы доказать вашему высочеству, что я не имѣю никакихъ заднихъ мыслей».

Не довольствуясь удовлетвореніемъ, даннымъ имъ въ присутствіи всѣхъ офицеровъ, великій князь явился на слѣдующій день на полковой смотръ, еще разъ попросилъ у Шуцкаго извиненія и обнялъ его передъ всѣмъ полкомъ.

За четыре дня до этого событія, именно въ первый день католической пасхи, псвѣсился одинъ полякъ-фельдфебель. Русскіе, проходившіе мимо, посмѣялись надъ нимъ, назвавъ его за это дуракомъ. Слова эти услышали въ свою очередь поляки и такъ какъ они были выпивши, то дѣло дошло до драки; обѣ партіи были подкрѣплены земляками, накопецъ потекла кровь. Одинъ подполковникъ-полякъ пришелъ съ баталіономъ на помощь своимъ и съ обѣихъ сторонъ было убито нѣсколько человекъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, великій князь поспѣшилъ на мѣсто происшествія и своимъ присутствіемъ остановилъ драку, оставшуюся безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Подполковникъ былъ арестованъ.

Своимъ поступкомъ съ капитаномъ Шуцкимъ великій князь заслужилъ въ высшей степени любовь всѣхъ поляковъ. Между ними возстановилось совершенное спокойствіе и всякій старается доказать чѣмъ-нибудь великому князю свою преданность. Въ то время, какъ я уѣхалъ, генералъ Тулинскій утратилъ уже свое значеніе, чѣмъ поляки, повидимому, были весьма довольны.

Событіе, описанное мною здѣсь, было предметомъ городскихъ толковъ и многіе офицеры 3-го полка увѣрили меня, что все это произошло именно такъ, какъ я здѣсь описалъ. Фопъ-Эрдбергъ (v. Erdberg).

ЗАПИСКА О ВТОРОМЪ ПОЛЬСКОМЪ СЕЙМѢ 1820 г.

Варшава, 1-го (13) октября 1820 г.

[Переводъ съ франц.]. Рѣчь Его Императорскаго и Королевскаго Величества воодушевила, такъ сказать, всѣхъ слушателей. Лишь только Его Величество оставилъ залу сейма, какъ со всѣхъ сторонъ слышались упрёки членамъ палаты земскихъ депутатовъ, ибо извѣстно, что они вотировали за отміну проектовъ, представленныхъ этой палатѣ.

Одни говорили: «Видите, Его Величество не одобряетъ дѣйствиі палаты». Другіе: «Ну что, не говорили ли мы, что надобно узнать въ точности, каковы намѣренія короля?» Наконецъ иные говорили: «Кажется, намъ придется долго дожидаться третьяго сейма».

Въ рѣчи Его Величества, полной громкихъ фразъ (*grandes phrases*), замѣтили, между прочимъ, слѣдующія слова: «Предоставляю рѣшить вашей совѣсти и вашимъ соотечественникамъ, оправдали ли вы довѣріе, возложенное на васъ».

Говорили о приемѣ, оказавшемъ наканунѣ Его Императорскимъ и Королевскимъ Величествомъ депутаціи отъ палаты депутатовъ. Говорятъ, что Е. В. выразилъ свое неудовольствіе по поводу дѣйствиі палаты, высказавъ, что онъ даровалъ либеральную конституцію и право свободной подачи голосовъ не для того, чтобы они старались уменьшить его власть.

Повторяли и другія фразы, а именно, что Его Величеству извѣстно, что не какія-либо дурныя намѣренія, а скорѣе слабость характера была причиною того, что бѣльшая часть членовъ палаты поддались вліянію нѣкоторыхъ господъ, желавшихъ отличиться и заслужить рукоплесканія публики (*de la galerie*).

Вообще всѣ недовольны и поражены результатомъ сейма.

ПРОЕКТЪ АДРЕСА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО, СОБСТВЕННОРУЧНО ПИСАННЫЙ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ I.

(Относится, вѣроятно, къ сейму 1825 г.).

[Переводъ]. Государь, представители Вашего польскаго королевства, движимые неизмѣнной преданностью ихъ къ особѣ В. В. и къ своему отечеству, взвѣсивъ по возможности зрѣло всѣ неудобства, выяснившіяся во время послѣднихъ двухъ сеймовъ, осмѣливаются покорнѣйше просить Ваше Величество дозволить имъ почтительнѣйше представить на Ваше усмотрѣніе нѣкоторыя соображенія о полезныхъ измѣненіяхъ, какія слѣдовало бы сдѣлать въ конституціонной хартіи, а равно и въ органическихъ уставахъ (*statuts organiques*), коими они обязаны великодушію Вашего Величества.

Они осмѣливаются, государь, предложить Вамъ эти измѣненія съ единственной цѣлью устранить изъ этого труда, на которомъ, благодаря благодареніямъ Вашимъ, основаны драгоцѣнныя для ихъ отечества льготы, все, что могло бы поощрить развитіе того демагогическаго духа, который сталъ въ наше время самымъ дѣятельнымъ оружіемъ въ рукахъ недоброжелателей. Они вполне убѣждены, что

осмѣлившись представить Вашему Величеству эти предложенія, они дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ какъ граждане, по истинѣ преданные отечеству и его правамъ, такъ какъ они умоляютъ Васъ, государь, вычеркнуть изъ его уставовъ все то, что могло бы поколебать ихъ прочность, замѣнивъ ихъ въ то же время такими постановленіями, которыя не только подтверждаютъ либеральные принципы, послужившіе основаніемъ хартіи и органическимъ статутамъ, но будутъ также имѣть цѣлью упрочить еще болѣе общественное спокойствіе, а слѣдовательно, и благосостояніе народа.

Если Ваше Величество, ввѣсивъ все сказанное со свойственною Вамъ мудростью, найдете причины, побудившія насъ почтительнѣйше представить эти предложенія на усмотрѣніе Ваше, достойными Вашего одобренія, то Вамъ одному, государь, какъ законодателю Польши, подобаеъ придать имъ силу закона, провозгласивъ ихъ съ высоты Вашего престола.

О ПРАВИЛАХЪ ЗАСѢДАНІЙ СЕЙМА, ВЪ ДЕВЯТИ СТАТЬЯХЪ.

[Собственноручная записка императора Александра I].

[Переводъ]. 1) Пренія должны происходить съ тою же торжественностью, какая соблюдается въ судахъ.

2) Личности строго воспрещаются.

3) Также всякія колкости, брань и шумъ.

4) Надзоръ за соблюденіемъ вышеупомянутыхъ статей возлагается на президента сената и на маршала сейма.

5) Всякій членъ, отклонившійся въ своей рѣчи отъ этихъ правилъ, будетъ немедленно прерванъ и призванъ къ порядку председателемъ той палаты, къ которой онъ принадлежитъ.

6) Членъ, подвергшійся замѣчанію три раза, лишается слова на все время засѣданія.

7) Членъ, подвергшійся замѣчанію въ трехъ засѣданіяхъ, исключается изъ членовъ и долженъ быть замѣщенъ по представленію, сдѣланному въ обычной формѣ и по новому выбору въ палатѣ, какъ это дѣлается въ случаѣ смерти кого либо изъ членовъ.

8) Члены, выключенные изъ какой либо палаты, не могутъ быть избраны вновь, исключая того случая, если поступать впослѣдствіи на государственную службу и своимъ усердіемъ докажутъ свое искреннее сожалѣніе за свой опрометчивый поступокъ.

9) Для того, чтобы они могли быть избраны вновь, правительство должно дать имъ разрѣшеніе явиться въ числѣ кандидатовъ на выборы въ воеводства

ЗАПИСКА О ВТОРОМЪ ПОЛЬСКОМЪ СЕЙМЪ 1820 г.

Варшава, 1 (13) октября 1820 г.

Le discours de S. M. l'Empereur et Roi a électrisé pour ainsi dire tous les auditeurs. A peine S. M. a-t-elle quitté la salle de la diète, que commencèrent les reproches de toutes parts aux Membres de la chambre des Nonces que l'on connaît qu'ils ont voté pour le rejet des projets qui furent présentés à cette chambre.

Les uns disaient: „He bien, voyez Vous que S. M. désapprouve le procédé de la chambre“. D'autres: „He bien, n'avons nous pas dit qu'il faut bien nous assurer quelle est l'intention du Roi?“ Enfin on disait: „Il paraît que nous attendrons longtemps la troisièms diète.“

On a remarqué dans le discours de S. M. plein de grandes phrases entre autre celle: „Je laisse à juger à votre conscience et à vos concitoyens si vous avez répondu à la confiance mise en vous“.

On a répété la manière avec laquelle a été reçu hier par S. M. l'Emp. et Roi la députation de la chambre des nonces. On a dit que S. M. a témoigné son mécontentement sur les procédés de la chambre, que s'il a donné la constitution libérale et le droit de votes librement que ce n'est point pour qu'on cherche à resserrer son pouvoir.

On a aussi répété d'autres phrases, notamment celle que S. M. sait bien que ce n'est point par mauvaise intention, mais par une faiblesse de caractère qu'une grande partie des membres de la chambre s'est laissé guider et conduire par quelques messieurs qui voulaient se distinguer et se faire applaudir par la galèrie.

Tout le monde en général est mécontent et consterné par le résultat de cette Diète.

ПРОЕКТЪ АДРЕСА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО, СОБСТВЕННОРУЧНО ПИСАННЫЙ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ I-мъ.

(Относится, вѣроятно, къ сейму 1825 года).

Sire. Les Représentants de Votre Royaume de Pologne animés par leur inaltérable dévouement à la personne de V. M. ainsi que par leur attachement inviolable à leur Patrie, après avoir murement pesé les différents inconvénients qui se sont fait sentir pen-

dant la durée des deux dernières diètes, osent dans leur soumission demander la permission de V. M. de lui soumettre très respectueusement quelques idées d'amendements salutaires à faire dans la charte constitutionnelle, ainsi que dans les statuts organiques, ouvrage qu'ils doivent à la magnanimité de V. M.

Ils osent vous les proposer, Sire, dans le but unique, d'écartier de cet ouvrage, sur lequel reposent graces à vos bienfaits les précieuses libertés de leur Patrie—tout ce qui pourrait encourager cet esprit démagogique, devenu de nos jours l'instrument le plus actif des malveillants. Ils portent dans leur coeur la conviction, qu'en osant soumettre à V. M. ces propositions, ils agissent en Citoyens vraiment attachés à leur Patrie et à ses libertés, puisqu'ils vous supplient, Sire, d'effacer de ses institutions tout ce qui peut en miner la stabilité, et le remplacer en même temps par des reglements qui loin de refuser les principes liberaux qui ont servi de base à la charte et aux statuts organiques n'ont d'autre but que d'assurer davantage la tranquillité publique, et conséquemment le bien être national.

Si V. M. après avoir pesé dans sa sagesse trouve les raisons qui nous ont porté à lui soumettre humblement ces propositions dignes de sa sanction, c'est à Vous seul, Sire, qu'il appartient comme au législateur de la Pologne de leur donner force de lois en les promulgant du haut de Son trone.

О ПРАВИЛАХЪ ЗАСЪДАНІЙ СЕЙМА, ВЪ ДЕВЯТИ СТАТЬЯХЪ.

Собственноручная записка императора Александра I-го.

- 1) Les discussions doivent porter la gravité des Tribunaux judiciaires.
- 2) Toute personnalité est sévèrement défendue.
- 3) Toute aigreur ou diatribe, tout bruit ou tapage.
- 4) Le Président du Senat et le Maréchal de la Diète sont chargés de l'exécution des articles ci dessus.
- 5) Tout membre qui s'en écarterait dans son discours, sera sur le champ interrompu dans son discours et rappelé à l'ordre par celui qui préside la chambre à laquelle il se trouve appartenir.
- 6) Un membre qui aura été trois fois repris perd la parole pour le reste de la séance.
- 7) Un membre qui aura été repris dans trois séances cesse

d'être membre et doit être remplacé par une présentation d'après les règles ordinaires et dans la chambre par une nouvelle élection, comme cela se pratique dans les cas de morts.

8) Ceux qui seront exclus de l'une des chambres ne peuvent plus être réélus, à moins qu'ayant été employés par le Gouvernement dans quelque place administrative ils lui aient donné des preuves de zèle et de regrets de s'être mis dans le cas précité.

9) Pour qu'ils puissent être réélus il faut que le Gouvernement leur donne une autorisation de pouvoir se présenter au nombre des candidats dans les élections des Palatinats.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ 1816—1828 гг.

ЦЕСАРЕВИЧЪ—ГЕНЕРАЛУ СИПЯГИНУ.

Варшава, 27-го февраля 1816 г.

Николай Мартьяновичъ. Получивъ извѣщеніе ваше, что Г. И. приказать изволилъ прислать сюда трехъ подпрапорщиковъ х.-гв. Литовскаго полка для узнанія порядку военной службы, я съ трепетомъ ихъ ожидаю и выведу весь Варшавскій гарнизонъ, чтобы пальницъ лицомъ передъ ними, ибо не смѣю и помыслить этого, чтобы ихъ здѣсь выучить, а развѣ у нихъ будемъ учиться, такъ какъ они были подъ мудрымъ начальствомъ и обучены у совершенныхъ знатоковъ е. с. графа Милорадовича и его превосходительства генерала Потемкина

На увѣдомленіе ваше, что у васъ приготавливаются большіе парады и что надѣетесь, что моя старуха конная гвардія не отстанетъ отъ прочихъ, скажу по пословицѣ, что я тащуся на кауромъ за милостію, и такъ далѣе.

Бога ради избавьте по дальше меня отъ вашего комитета сочиненія воинскаго устава. Я отъ двухъ вещей бѣжалъ сюда изъ Петербурга за полторы тысячи верстъ: 1-й въ Мраморномъ дворцѣ пріемнаго зала и знаменной комнаты, а 2-е вашего комитета; боюсь поклоновъ и шарканіевъ и сочиненіе устава такъ, что если мнѣ сюда объ немъ будете писать, то я дальше еще за полторы тысячи верстъ убѣгу.

Будьте здоровы, сего вамъ желаетъ съ дружбою истинно васъ уважающій

Константинъ.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ — г.-л. КУРУТЪ.

Мыза Стрѣльна, 11-го іюля 1816 г.

Дмитрій Дмитріевичъ! Скажу вамъ, что я слава Богу здоровъ, былъ вчера въ Царскомъ Селѣ у Г. И. и пробивъ съ 7 часовъ вечера до 11, все съ Государемъ гуляли по саду и обо многомъ толковали; и вы, хотя весьма коротко знаете царскосельскій садъ, но право не узнали бы его теперь, такъ государь изволилъ его нынѣ хорошо отдѣлать. Государь изволилъ быть такъ милостивъ и ласковъ со мною, что я не могу даже нахвалиться, свѣше моихъ заслугъ...

Я нашель конную гвардію такъ и сякъ довольно изрядную и при первой съ нею встрѣчи на смотру арестоваль нѣсколько офицеровъ; она стала для меня совсѣмъ какъ новая, даже почти никого изъ людей не знаю, которые ѣздятъ на флангахъ и большей части офицеровъ. Лошади въ конной гвардіи содержаны хорошо и въ конюшняхъ весьма чисто, сѣдлаютъ худо, но надѣюсь поправить и на дняхъ начну заниматься старухою, чтобы въ петергофскіе праздники не ударить мнѣ съ нею лицомъ въ грязь. Та бѣда, что столько разныхъ приказаній въ перемѣнахъ отъ имени Г. И., что во всемъ перепутываютъ; напротивъ сего государь самъ изволилъ мнѣ сказать, что многого совсѣмъ не приказывалъ; государю только угодно, чтобы кавалерія строилась изъ густыхъ колонъ какъ пѣхота, а тутъ было совсѣмъ кавалерію хотѣли обратить въ пѣхоту..... Въ Стрѣльнѣ я нашель все въ порядкѣ и чистотѣ.... Ожидая вашихъ эстафетовъ, что то будетъ отъ васъ новинкаго, считаю излишнимъ вамъ повторить увѣреніе въ моемъ къ вамъ дружескомъ, искреннемъ всегда душевномъ расположеніи, въ чемъ вы вѣрно сами не можете ни мало сомнѣваться, желаю только вамъ здоровья и всякаго благополучія.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ — ГЕНЕРАЛУ СИПЯГИНУ.

Варшава, 3-го марта 1818 г.

Николай Мартыановичъ. Письмо ваше минувшаго февраля отъ 20-го числа съ внѣшней эстафетой я получилъ, за которое васъ весьма благодарю, увѣдомляя васъ, что Е. И. В. изволилъ къ намъ прибыть точно въ назначенной день, какъ я къ вамъ писалъ, но только весьма поздно: въ половинѣ пятого часа уже утра на 1 число марта и мы всю ту ночь не спали; а я по увѣдомленію посланнаго отъ меня на встрѣчу фельдъегеря о скоромъ прибытіи Е. И. В., со

второго часа ночи поѣхалъ въ замокъ и тамъ дожидалъ ежеминутно Г. И.—Е. И. В. особенно весьма милостиво изволилъ меня принять и князь Петръ Михайловичъ Волконскій пересказывалъ мнѣ, что Е. И. В. во время путешествія своего сюда, въѣзжая еще въ расположеніе отдѣльнаго Литовскаго корпуса 27-й пѣхотной дивизіи, изволилъ сказать: «вотъ уже видны войска, подъ начальствомъ брата находящіяся». Я въ полной мѣрѣ чувствую сію милость Е. И. В., но при семъ случаѣ скажу: это значитъ по ногамъ какъ бы бичикомъ подхлестывать для того, чтобъ болѣе еще подпрыгивать ¹⁾. Я таковой милостивый отзывъ ко мнѣ Е. И. В. съ благоговѣніемъ приѣмлю, и готовъ сколько моихъ силъ достанетъ трудиться.

На другой день прибытія сюда Е. И. В., т. е. 1-го числа марта, разводъ былъ л.-гв. Литовскаго полка 1-го баталіона и польскихъ войскъ 2-го пѣхотнаго полка обѣихъ баталіоновъ. Е. И. В. симъ разводомъ изволилъ быть весьма довольнымъ, изволилъ объявить благодарность и изволилъ сказать: «вотъ я такого шагу не могу о спору еще добиться». Послѣ развода были представлены Г. И. всѣ военные генералы, штабъ и оберъ-офицеры. 2-го марта былъ разводъ л.-гв. польскаго гренадерскаго полка 1-го баталіона и обонихъ баталіоновъ польскаго-же 6-го пѣхотнаго полка. Г. И. изволилъ быть разводомъ весьма доволенъ и также изволилъ объявить благодарность.

Сколько могъ собрать вамъ на первый разъ новостей нашихъ. вотъ онѣ всѣ тутъ, а что будетъ далѣе, я васъ буду увѣдомлять, а затѣмъ весь къ вамъ всегда съ дружбою расположен. Константинъ.

Варшава, 10-го марта 1818 г.

Николай Мартыановичъ! Письмо ваше ко мнѣ отъ 27-го февраля съ послѣднимъ эстафетомъ я получилъ, за которое вамъ весьма благодаренъ.

Высочайшее присутствіе здѣсь Г. И. насъ день ото дня восхищаетъ, и нѣтъ дня, въ который бы Е. И. В. не изволилъ изъяслять своего удовольствія... но особенно... еще вамъ скажу, что въ минувшую пятницу, по католическому закону страстной недѣли, разводъ былъ безъ барабановъ и музыки; шли по взводно и по рядамъ скорымъ и тихимъ шагомъ весьма хорошо, а объ кавалерійскомъ взводѣ

¹⁾ Подобныя выраженія часто встрѣчаются въ перепискѣ Цесаревича Константина Павловича, напр. письмо его къ Новосильцеву:

Стрѣльна, 11-го іюля 1816 г.

„Государь изволить особенною своею ко мнѣ ласкою какъ будто бичемъ погонять, чтобы я болѣе еще старался хлопотать“.

(„Рус. Старина“, 1872 г. томъ V).

польскаго гвардейскаго конно-егерскаго полка Е. И. В. изволилъ сказать: «C'est l'idéal de la cavalerie».

Весьма бы желалъ и впредь сообщать вамъ такія же пріятныя новости—въ полной мѣрѣ будучи увѣренъ, что вы принимаете въ оныхъ участіе—если бы мы были такъ счастливы, чтобы и далѣе все такъ было хорошо; но по крайней мѣрѣ по сіе время Богъ милуетъ и худаго еще ничего не случилось.

Всегда съ истинною дружбою къ вамъ расположенный Константинъ.

ГРАФЪ АРАКЧЕЕВЪ—ЦЕСАРЕВИЧУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ.

Грузино, 15-го октября 1820 г.

В. и. в—ство всемилостивѣйшій государь! Позвольте обезпокоить в. и. в. симъ моимъ письмомъ, дабы изъявить чувства моей безпредѣльной и душевной благодарности за всѣ Ваши, оказанныя мнѣ, милости во время моего пребыванія въ Варшавѣ, которыя останутся во всю мою жизнь въ душѣ моей незабвенны.

Я ежедневно молю Бога о сохраненіи Вашего здоровья, которое нужно для нашего отечества, ибо в. и. в—ство, всемилостивѣйшему нашему Государю Императору усердною Вашєю службою, дѣлается первѣйшимъ Его помощникомъ, такъ что всякій изъ насъ вѣрноподданный долженъ у Васъ оному учиться и перенимать.

По дозволенію в. и. в—ства, осмѣливаюсь послать книгу, содержащую въ себѣ рисунки мундировъ бывшихъ въ арміи во время блаженныя памяти покойнаго Императора Павла Петровича, Вашего Родителя и моего милостиваго отца и благодѣтеля.

Я всегда почитаю себя счастливымъ, когда в. и. в—ство осчастлививаетъ меня какими Вашими приказаніями, которыя я съ душевнымъ удовольствіемъ исполняю. В. и. в—ства вѣрноподданный графъ Аракчеевъ.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ—ГРАФУ АРАКЧЕЕВУ.

Варшава, 7-го (19) ноября 1820 г.

Спѣшу принести в. с. искреннюю мою благодарность за почтенное письмо ваше отъ 15-го октября, которое сегодня имѣлъ честь получить; равномѣрно и за чувства в. с. ко мнѣ, будучи увѣрены, что я ихъ въ полной мѣрѣ принимаю и цѣнить умѣю. Лестное мнѣніе в. с. на образъ служенія моего, пріемлю особеннымъ знакомъ вашей ко мнѣ дружбы. Исполнять свой долгъ съ преданностію къ Вы-

сочайшей особѣ Вс—го нашего Г. И., есть для меня священною обязанностію, отъ которой никогда и ни въ какомъ случаѣ не отступлю, покуда силы мои позволяютъ. Благодарность и преданность моя къ нему останется со мною по гробъ. В. с. чувства сіи понимать изволите, доказавъ во многихъ случаяхъ оныя, а потому излагаю ихъ предъ вами съ чистосердечностію. Снисхожденіе в. с. къ трудамъ моимъ, въ здѣшнемъ краю, приѣмлю какъ новый опытъ вашего усердія ко мнѣ. Книгу-рисунокъ имѣлъ я честь при письмѣ в. с. получить, за которую весьма благодарю и въ скоромъ времени возираю. У насъ, слава Богу, все мирно и служба идетъ по старому. Рекрутскій наборъ начался, а съ онымъ новыя труды и работа; дай Богъ успѣху!—въ отставку вышло до 3,000 человекъ

Позвольте старому вашему подчиненному въ концѣ письма его просить в. с. принять увѣреніе его въ истинномъ къ вамъ почтеніи, уваженіи и дружбѣ, съ которою останусь навсегда в. с. усерднѣйшій Константинъ Цесаревичъ.

Варшава, 1-го (13) февраля 1821 г.

Графъ Алексѣй Андреевичъ! Съ послѣднимъ фельдъегеремъ изъ Лейбаха, имѣлъ я честь получить почтенное письмо в. с., пущенное изъ С.-Петербурга отъ 31-го прошлаго декабря, за которое, равномѣрно какъ и за печатныя копіи высочайшихъ рескриптовъ покойнаго Государя Императора, спѣшу принести в. с. искреннюю мою благодарность и признательность. Читалъ я сіи рескрипты съ любопытствомъ, и чтеніе сіе перенесло меня за 20 лѣтъ назадъ, представляя тѣ времена какъ бы настоящими ¹⁾. Позвольте мнѣ в. с. просить васъ принять отъ меня взаимное поздравленіе съ наступившимъ Новымъ Годомъ и пожелать вамъ отъ души всѣхъ счастлихъ и благополучій, оставаясь увѣренъ, что в. с. не сумнѣваетесь въ моемъ къ вамъ расположеніи и въ искренности моихъ желаній.

У насъ здѣсь слава Всевышнему все спокойно и благополучно. Усердіе въ войскѣ и стараніе угодить Государю всеобщее. Что же касается до политическихъ мыслей большаго свѣта, объ томъ я умалчиваю; в. с., поживъ съ нами, его видѣли сами. Дай Боже мнѣ обманутся; но мѣры нужны самыя дѣятельныя, чтобъ прекратить зло въ самомъ его началѣ и корнѣ. Въ протчемъ мнѣ сдается, что сіе

¹⁾ Рескрипты императора Павла Петровича къ Алексѣю Андреевичу Аракчееву напечатаны въ „Русской Старинѣ“ изд. 1833 г. т. VII, стр. 477—490. Это перепечатка весьма рѣдкой б-ошюры, изданной самимъ Аракчеевымъ въ 1821 году въ іюнѣ мѣсяцѣ.

зараженіе умовъ есть генеральное и замѣчено не только здѣсь, но и повсюду. Прошу в. с. принять въ концѣ письма сего увѣреніе искренняго моего къ вамъ почтенія и уваженія, съ которымъ есть навсегда вашъ усерднѣйшій Константинъ Цесаревичъ.

Варшава, 11-го февраля 1821 г

Графъ Алексѣй Андреевичъ! Видя изъ письма в. с. къ г.-л. Куртѣ, что вамъ угодно имѣть такой же станокъ для литографіи, какой изволили видѣть въ Главномъ Штабѣ Е. И. В. отъ меня доставленный, я, находя всякій случай, въ которомъ могу сдѣлать удобное в. с., для меня пріятнымъ, приказалъ сдѣлать здѣсь точно таковой же станокъ, который по изготовленіи и будетъ немедленно отправленъ къ в. с. Пользуясь симъ случаемъ, прошу в. с. принять увѣреніе всегдашняго моего къ вамъ особеннаго почтенія и уваженія.

ГРАФЪ АРАКЧЕЕВЪ—ЦЕСАРЕВИЧУ КОНСТАНТИНУ.

С.-Петербургу, 31-го января 1822 г

В. И. В! Милостивый Вашъ подарокъ, литографической станокъ, мною полученъ, и онъ на всю мою жизнь будетъ мнѣ напоминать милостивое Ваше вниманіе къ старому слугѣ покойнаго Вашего родителя. Примите сію истинную благодарность отъ вѣрнопреданнаго вашего высочества преданнаго. В—го и. вы—ства вѣрноподданный графъ Аракчеевъ.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ — ОЕДОРУ ПЕТРОВИЧУ ОПОЧИНИНУ.

Варшава, 6-го февраля 1825 г.

По слухамъ, какъ здѣсь носится, будетъ у насъ собраніе вкупѣ князей Людстихъ (т. е. Сеймъ), а какъ вы хотѣли оной видѣть и общались для того приѣхать, то потому неужгодно ли вамъ будетъ пожаловать сюда, чтобы по совершеніи вмѣстѣ на страстной недѣлѣ христіанскихъ требъ, ожидать совокупно и нашествіе князей здѣсь Людстихъ—на что, во ожиданіи вашего увѣдомленія, емь всегда съ дружбою къ вамъ расположенной.

Константинъ.

князь волконскій—цесаревичу константину павловичу.

Парижъ, 24-го мая (5 іюня) 1825 г.

В. и. выс—тво! По возвращеніи моемъ изъ Реймса имѣлъ счастье получить въ одно время три всемилостивѣйшіе рескрипта в. и. выс—тва, одинъ отъ 17-го марта съ приложеніемъ правилъ о движеніяхъ фушштатскаго баталіона, другіе два отъ 23-го и 29-го апрѣля съ журналами о происходящемъ въ Варшавѣ по военной части.

Упадая къ стопамъ в. и. выс—тва, не нахожу словъ къ изъясненію моей наичувствительнѣйшей благодарности за такую отличную милость, и воспоминаніе обо мнѣ во время столь многочисленныхъ занятій Вашихъ, особенно во время Высочайшаго присутствія Е. И. Величества въ Варшавѣ. Сей новый опытъ всемилостивѣйшаго благоволенія в. и. выс—тва никогда не изгладится изъ памяти моей, и всячески буду стараться заслужить оный.

Усмотрѣвъ изъ журнала, что ея свѣтлость княгиня Ловичская получила орденъ св. Екатерины 1-й степени, осмѣливаюсь принести всеусерднѣйшее мое поздравленіе, какъ в. и. выс—тву, такъ и ея сіятельству.

Касательно изъясненныхъ Высочайшихъ Е. И. В. благоволеній за отличное устройство предводительствуемыхъ в. и. выс—твомъ войскъ, я напередъ былъ увѣренъ, что Г. И. изволить быть оными совершенно доволенъ, потому что нѣтъ нигдѣ подобной точности во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ сихъ войскахъ, доведеніе коихъ до таковой степени совершенства единственно принадлежитъ, безъ всякой лести, трудамъ неусыпнымъ и искусству в. и. высочества.

Позвольте при семъ случаѣ донести в. и. выс—тву, вкратцѣ о происходившемъ въ Реймсѣ.

16-го (28) мая Е. В. король французскій имѣлъ триумфальный въѣздъ въ Реймсъ въ богатой бронзовой каретѣ, заложеной 8-ю лошадьми, предшествуемый пятью отрядами изъ пяти ротъ гренадеровъ, и послѣдуемый эскадронами гвардіи кирасировъ, конныхъ гренадеровъ, конныхъ егерей, гусаровъ, улановъ и *gendarmierie d'élite*, каждаго по одному эскадрону. Пѣхота разставлена была шпалеромъ отъ триумфальныхъ воротъ по улицамъ до собора, и состояла изъ 16-ти баталіоновъ гвардейскихъ и линейныхъ полковъ, по одному баталіону изъ каждаго полка. Въ кавалеріи было не по 16, но только по 9 рядовъ, а въ пѣхотѣ: въ гвардіи не по 36, но по 20, въ линейныхъ полкахъ не по 29, но по 19 и 18 рядовъ во взводѣ. Вой-

ска гвардейскія были одѣты чисто и довольно ровно, линейныя же посредственно, а болѣе худо. Во время марша вообще всѣ равнялись весьма дурно, взводы находили одинъ на другой и останавливались. Въ гусарахъ послѣдніе скакали въ карьеръ, чтобы догнать переднихъ. Въ артиллеріи орудія, лафеты, принадлежность и упряжь не были вычищены, и даже грязны.

Первой батарее орудія были поставлены столь близко къ шоссе, что лошади кареты Е. В. испугались выстрѣловъ и несли весьма долго, такъ что съ трудомъ могли удержать эскортомъ лошадей; другая карета, ѣхавшая въ слѣдъ за королевскою, была опрокинута, и сидѣвшіе въ оной камеръ юнкеры Duc de Damas, Duc d'Aumont, генералъ Curial и гофмаршалъ графъ Коссэ—были всѣ ушиблены, Damas и Curial довольно опасно.

Е. В., пересѣвъ подъ городомъ въ парадную карету, изволилъ пріѣхать прямо въ соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ духовенствомъ и слушалъ вечерню. Соборъ былъ убранъ волюкоѣбно и съ большимъ вкусомъ въ готическомъ видѣ. Посреди церкви поставленъ былъ на возвышеніи тронъ подъ триумфальной аркою въ греческомъ вкусѣ.

17 го (29) по утру, въ 7 часовъ съ половиною, король изволилъ придти съ церемоніей въ соборъ. Потомъ началась служба муропомазанія и коронованія, послѣ того обѣдня. Церемонія была великолѣпна, съ большимъ порядкомъ, и продолжалась до половины двѣнадцатаго часа. По возвращеніи изъ собора король изволилъ кушать на тронѣ, въ той же залѣ за другими столами обѣдали всѣхъ дворовъ послы, депутація перовъ и нижней камеры, имѣя всѣ шляпы на головахъ.

18-го (30) по утру, въ 10 часовъ, было поздравленіе королю отъ дипломатическаго корпуса и разныхъ сословій королевства. По полудни, въ часъ, была вечерняя въ соборѣ, послѣ которой былъ пріемъ кавалеровъ ордена св. Духа.

19-го (1 іюня) по утру король изволилъ ѣздить верхомъ въ перковъ св. Реми и въ лагерь, гдѣ былъ смотръ войскамъ, кои проходили церемониальнымъ маршемъ, потомъ Е. В. ѣздилъ на загородное гулянье, гдѣ подносили были королю разныя произведенія фабрикъ, находящихся въ Шампаніи.

20-го (2) Е. В. возвратился ночевать въ Компьенъ, откуда изволилъ прибыть въ Парижъ 25-го (6) и будетъ имѣть триумфальный въѣздъ прямо въ Notre Dame.

Потомъ начнутся разныя празднества и будутъ продолжаться до 23-го іюня, послѣ коихъ я надѣюсь отсюда отправиться, и остановлюсь нѣсколько времени у водъ въ Бадъ-Баденѣ. Потомъ надѣюсь имѣть счастье въ Варшавѣ лично принести в. и. выс.—тву мою наи-

чувствительнѣйшую благодарность за всѣ Ваши милости ко мнѣ, въ числѣ коихъ осмѣливаюсь испрашивать еще одну, позвольте мнѣ остановиться въ Варшавѣ во дворцѣ въ прежнихъ комнатахъ, или въ другихъ какихъ угодно будетъ мнѣ назначить.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ имѣю счастье быть в. и. высочества, всепреданнѣйшій слуга князь Петръ Волконской.

ГРАФЪ АРАКЧЕЕВЪ—ЦЕСАРЕВИЧУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ.

С.-Петербургъ. 9-го апрѣля 1826 г.

В. и. выс—тво, всем. г—рь цесаревичъ. Получа при письмѣ вашемъ отъ 25-го марта воинскаго устава пѣшей артиллерійской службы второй томъ съ планами къ оному принадлежащими, я изъ онаго увидѣлъ, что в. и. выс—ство помните обо мнѣ, убитомъ старикѣ, бывшемъ вѣрною слугѣ родителя и Августѣйшему брату вашему.

Я принимаю сію вашу милость продолженіемъ ко мнѣ милостей моего отца и Благодѣтеля въ Бозѣ почивающаго Благословеннаго Александра Павловича, который находясь нынѣ, по праведной своей жизни у престола Славы Божіей, упросилъ Господа Бога вложить сію милостивую мысль в. им. выс—тву, чѣмъ самымъ облегчили хотя нѣсколько страждущую мою душу, находящуюся нынѣ въ такомъ положеніи, что ни днемъ ни ночью не имѣетъ покою.

Всѣ пользующіе меня врачи, единогласно объявили мнѣ одно средство испытать Карльсбатскія воды, куда я въ первыхъ числахъ наступающаго мая намѣренъ отправиться.

Продолжайте, всемилостивѣйшій г—рь, ко мнѣ несчастному вашу милость, которую я нѣкогда при жизни моего отца и Благодѣтеля Александра Павловича пользовался отъ в. и. выс—тва.

Съ глубочайшимъ душевнымъ высокопочитаніемъ останусь до конца моей жизни, в. и. выс—тва вѣрноподанный слуга графъ Аракчеевъ¹⁾.

¹⁾ 9-го же апрѣля графъ Аракчеевъ во всеподданнѣйшемъ письмѣ испрашивалъ заграничный отпускъ. Письмо это было напечатано въ Чт. въ Импер. Общ. Ист. и Др. Рос. 1871 г. Въ немъ графъ Аракчеевъ доносилъ Государю, что онъ оставляетъ наличныхъ денегъ въ военныхъ поселеніяхъ болѣе 32 миллионъ рублей. Словами: „Всемирный Судія, грядущее время и потомство изречетъ всему справедливый приговоръ“, оканчиваетъ графъ свое оправдательное посланіе.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ — ГРАФУ АРАКЧЕЕВУ.

Варшава, 23 го апрѣля 1826 г.

Я имѣлъ честь получить почтеннѣйшее письмо в. с. отъ 9-го сего апрѣля и обращаясь съ истинною моею за оное благодарностію и за изъявленные чувства ко мнѣ, въ которыхъ я никогда не сомнѣвался, съ моей же стороны скажу, что мы оба съ вами служили блаженной памяти Государю батюшкѣ и Государю Императору Александру Павловичу Благодѣтелямъ нашимъ и пользовались милостию и довѣренностію ихъ, и оба уже такъ стары, чтобы могли перемѣниться, слѣдовательно остается только просить васъ быть въ полной мѣрѣ увѣренными во всегдѣшнемъ моемъ къ вамъ особенномъ почтеніи и уваженіи.

Отмѣтка Государя Императора Николая Павловича: «Покорнѣйше благодарить».

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ—ГЕН.-АД. БАР. ДИВИЧУ.

Varsovie le 19 Juin (1 Juillet) 1826.

Mon cher Général, conformément au contenu de Votre lettre du 5 Juin, j'adresse à S. M. I. & R., mes notes sur les Généraux de l'armée Royale Polonaise. Ces notes rédigées dans la forme de celles que Vous avez vues dans le temps, sont entièrement neuves et analogues à l'opinion que depuis 12 ans j'ai été à portée de recueillir sur le compte de chacun d'eux; les anciennes étaient pour la plupart devenues sans application par les mutations et changements survenus dans l'intervalle.—J'inclus ici ce travail et vous prie de le présenter à S. M. I. & R.

Croyez, mon cher général, à l'ancien et invariable attachement que je vous porte. Constantin.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ—ГЕН.-АДЪЮТ. БАРОНУ ДИВИЧУ.

Варшава, 19-го іюня (1-го іюля) 1826 г.

[Переводъ]. Любезный генералъ, согласно содержанію письма вашего отъ 5-го іюня, я представляю его императорскому и королевскому величеству мои замѣтки о генералахъ польской королевской арміи. Замѣтки эти составлены по образцу тѣхъ, которыя вы нѣкогда видѣли; онѣ составлены заново по тѣмъ мнѣніямъ, какія я

составилъ себѣ въ послѣдніе 12-ть лѣтъ, о каждомъ изъ нихъ; прежнія замѣтки сдѣланы по болѣе части непримѣнны вслѣдствіе тѣхъ перемѣнъ и измѣненій, какія произошли въ этотъ промежутокъ времени. Прилагаю при семъ этотъ отчетъ и прошу васъ представить оный его императорскому и королевскому величеству.

Будьте увѣрены, любезный генералъ, въ моемъ всегдашнемъ расположеніи къ вамъ. Константинъ.

Примѣчаніе: На верху отмѣтка императора Николая: «Покорнѣйше благодарить».

ЗАМѢТКИ О ГЕНЕРАЛАХЪ ВСѢХЪ ЧИНОВЪ, СЛУЖАЩИХЪ ВЪ ПОЛЬСКО-КОРОЛЕВСКОЙ АРМІИ, ПО ПОРЯДКУ СПИСКА.

19-го іюня (1-го іюля) 1826 г.

[Переводъ съ французскаго]. Заіончекъ, генералъ отъ инфантеріи, намѣстникъ королевства. Старикъ достойный и почтенный во всѣхъ отношеніяхъ; онъ старъ и разбитъ и вѣроятно не проживетъ долго; смерть его была бы настоящей потерей для государства и его трудно было бы замѣнить; человекъ преданный, онъ имѣлъ одну мысль исполнить волю покойнаго императора.

Роженецкій, дивизионный генералъ, начальникъ кавалеріи. Ревностный, умный, весьма способный, строгій на службѣ, добросовѣстный исполнитель даваемыхъ ему приказаній. Онъ создалъ и поддерживаетъ польскую кавалерію и жандармовъ. Сверхъ того человекъ весьма умный, свѣдущій и незамѣнимый по части свѣдѣній, доставляемыхъ высшей полицейской властью, которая неоднократно доводилась мною до свѣдѣнія покойнаго императора, и всегда оказывались согласными съ строжайшей правдою. Свѣдѣнія, доставленные имъ, открыли глаза покойнаго императора на демагогическіе проiski въ Швейцаріи и Германіи. Я воспользовался бы его услугами на войнѣ съ большимъ довѣріемъ ¹⁾.

¹⁾ Разсказывалъ намъ покойный членъ Государ. Совѣта П. А. Мухановъ, близко знавшій Рожнецкаго, что тотъ весьма экономно относился къ передаваемымъ ему отъ правительства деньгамъ на оплату сыщиковъ. Имъ, Рожнецкимъ, установлена была такса за извѣстнаго рода сообщенія: при чемъ за тѣ извѣстія, о которыхъ у него уже были нѣкоторыя свѣдѣнія, платилось скудно. Является бывало еврей-шпіонъ и докладываетъ Рожнецкому по видимому совершенное новое свѣдѣніе; но у генерала за замаскированнымъ отверстіемъ сидѣлъ обыкновенно въ сосѣдней комнатѣ—секретарь, который моментально записывалъ показаніе шпіона и тотъ, при получкѣ въ тотъ же день гонорара, — узнавалъ, что онъ, шпегъ, имѣетъ право только на гонораръ низшей таксы, такъ какъ извѣстіе его не оказывалось совершенно свѣжимъ, первого, по новизнѣ своей, достоинства.

Красинскій, Исидоръ, дивизионный генералъ, командующій второй пѣхотной дивизіей.

Не отличается особенными способностями и познаніями; человекъ честный и прекрасный дивизионный командиръ; весьма ревностный къ службѣ, всегда старающійся быть исполнительнымъ; при хорошемъ начальникѣ штаба онъ будетъ хорошъ по службѣ. Чрезвычайно храбрый на войнѣ, дѣйствуя всегда съ отвагою, онъ всегда на мѣстѣ и исполняетъ въ точности данныя ему приказанія.

Гауке, дивизионный генералъ, начальникъ артиллеріи и инженернаго корпуса, исполняющій должность военного министра и главный квартирмейстеръ. Моя правая рука во всѣхъ отношеніяхъ; преданный, честный, умный, строгій и заботящійся лишь о пользѣ службы. Онъ заслужилъ во всѣхъ отношеніяхъ уваженіе Его Величества, покойнаго императора. Служа постоянно при штабахъ, онъ былъ всегда по службѣ на хорошемъ счету. Покойный государь самъ, безъ всякаго посторонняго намека, обратилъ на него вниманіе, рассчитывая замѣстить имъ намѣстника, въ случаѣ кончины послѣдняго.

Красинскій, Вакентій, графъ, дивизионный генералъ, командующій резервнымъ корпусомъ. Умный, свѣдущій; весьма усердный, очень хорошъ на войнѣ; его услугами часто пользовался Наполеонъ; онъ весьма способенъ къ маневрамъ, и скоро усваиваетъ ихъ планъ и общій планъ. Впрочемъ онъ мотъ, подъ часъ довольно сумасбродный, чрезвычайно кичится званіемъ корпуснаго командира; сумѣлъ заслужить довѣріе подчиненныхъ. Изъ генераловъ, я не желалъ бы имѣть лучше его.

Потоцкій, Станиславъ, дивизионный генералъ, начальникъ 1-й пѣхотной дивизіи. Прекрасный офицеръ, въ военное и въ мирное время; онъ заботится много о своихъ солдатахъ и хорошо знаетъ свою дивизию. Человекъ способный, старательный, ревностный, но, къ несчастію, подчиняется женѣ, которая держитъ его въ рукахъ и много позволяетъ себѣ. Самъ же онъ порядочный болтунъ; впрочемъ годенъ на всякую должность.

Аксамитовскій, бригадный генералъ, состоящій по арміи Половина тѣла отнята у него параличемъ; это человекъ ничтожный, пользующійся относительно честности весьма сомнительной репутаціей. Онъ никогда не служилъ при мнѣ.

Бѣганскій (Biegansky) бригадный генералъ. Начальникъ комисаріата. Отличается по службѣ большою честностью; знакомъ со своей частью до малѣйшихъ подробностей.

Жолтовскій, бригадный генералъ, начальникъ 1-й бригады и 2-й пѣхотной дивизіи. Не отличается особеннымъ умомъ и позна-

ніями, прекрасный фронтальной офицеръ и весьма храбрый на войнѣ, въ которой онъ безпрестанно участвовалъ. Порядокъ въ его бригадѣ не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Коссецкій, бригадный генералъ, *conseiller secrétaire d'Etat*. Служилъ весьма недолго подъ непосредственнымъ моимъ начальствомъ, при новомъ управленіи; однако и до мнѣ доходили всегда лестные отзывы о его военныхъ заслугахъ. Что же касается исполненія имъ обязанностей по государственному совѣту, при намѣстникѣ, то въ этомъ отношеніи объ немъ долженъ представить вашему императорскому и королевскому величеству отчетъ самъ намѣстникъ.

Грабовскій, Степанъ, графъ, бригадный генералъ, министръ. статсъ-секретарь. Я былъ постоянно доведенъ этимъ генераломъ, когда онъ служилъ подъ моимъ начальствомъ въ качествѣ начальника бригады и затѣмъ въ чинѣ статскаго совѣтника былъ директоромъ военной комисіи. Трудно представить себѣ въ чловѣкѣ соединеніе болѣе драгоцѣнныхъ качествъ. Въ настоящее время ваше императорское и королевское величество имѣете возможность сами оцѣнить его по заслугамъ. Покойный императоръ, которому я предложилъ назначить его на мѣсто графа Соболевскаго, часто высказывалъ мнѣ свое удовольствіе по поводу этого выбора.

Вейсенгофъ, бригадный генералъ, начальникъ уланской дивизіи. Чловѣкъ умный, съ познаніями, прекрасный офицеръ. Дивизія его находилась всегда въ такомъ порядкѣ, который не оставялъ желать ничего лучшаго. Весьма храбрый на войнѣ и прекрасный офицеръ въ мирное время, онъ отлично знаетъ свою дивизію. Онъ вездѣ на своемъ мѣстѣ.

Сѣравскій (*Sierawski*), бригадный генералъ, состоитъ по арміи. Хорошій честный чловѣкъ, но слабый характеромъ, что вынудило меня лишить командованія надъ отдѣльными частями, которыя ввѣрялись ему. На войнѣ онъ дѣйствовалъ удачно. Его можно употреблять въ военное время для формированья резервовъ; на эту должность онъ былъ предназначенъ покойнымъ императоромъ.

Раутенштраухъ, бригадный генералъ, дежурный генералъ. *Conseiller d'Etat*, главный директоръ военной комисіи. Соединяетъ въ себѣ всѣ качества и познанія, которыя дѣлаютъ военнаго чловѣка пригоднымъ къ канцелярской и къ фронтальной службѣ. Генералъ этотъ способенъ обнять всю сущность дѣла и въ тоже время въ состояніи войти въ мельчайшія его подробности; поэтому въ какой бы части его не употребили, нѣтъ той должности, въ которой онъ не могъ бы служить съ отличіемъ. Политика, администрація, ничто

не чуждо ему. Словомъ. это человѣкъ замѣчательно способный и безупречнаго характера.

Круковецкій, бригадный генералъ, начальникъ 2-й бригады 1-й пѣхотной дивизіи. Человѣкъ въ высшей степени вѣтренный во всѣхъ отношеніяхъ. Прекрасный фронтовой и военный офицеръ, весьма способный. Онъ въ состояніи забыться каждую минуту, если ему дана будетъ воля; его необходимо держать въ рукахъ и не спускать ему ни малѣйшей бездѣлицы. Онъ можетъ быть весьма полезенъ, если его будутъ держать строго; но при малѣйшемъ снисхожденіи онъ можетъ сдѣлаться вреднымъ; человѣкъ хвастливый, пускается съ офицерами во всевозможные неумѣстные разговоры. Вспыльчивъ до крайности, онъ не помнитъ себя во время гнѣва; охотникъ до ссоръ; и такъ повторяю, что его можетъ сдержать лишь боязнь строгаго взысканія, если вмѣстѣ съ тѣмъ съ нимъ обращаются съ величайшимъ хладнокровіемъ. Бригада его, одна изъ лучшихъ въ арміи, содержится въ такомъ порядкѣ, который не оставляетъ ничего желать, тѣмъ болѣе, что ему содѣйствуютъ въ этомъ случаѣ полковые командиры.

Клицкій, бригадный генералъ, начальникъ дивизіи конныхъ егерей. Дивизія его содержится въ порядкѣ, заслуживающемъ величайшей похвалы. Прекрасный офицеръ въ военное и въ мирное время. Покойный принцъ Евгений Богарне обязанъ ему большей частью своей славы во время войны 1812 г. Это человѣкъ вполне достойный, храбрый и благородный, но, къ несчастью, болѣзненный. Ему можно поставить въ упрекъ лишь слишкомъ большую снисходительность къ подчиненнымъ, доходящую иногда до слабости; это происходитъ оттого, что онъ считаетъ людей такими, какими они должны быть, а не такими, каковы они есть. Онъ превосходитъ на маневрахъ и замѣчательно уменъ.

Курнатовскій, бригадный генералъ, начальникъ 2-й бригады конно-гвардейской дивизіи. Это олицетворенное усердіе, честность, преданность, желаніе сдѣлать все какъ можно лучше, однимъ словомъ, служба со мною двѣнадцать лѣтъ, онъ былъ всегда одинаково хорошъ по службѣ. Заслуживъ похвалу или получивъ выговоръ за какую нибудь оплошность по службѣ, случившуюся въ ввѣренной ему части, онъ никогда не терялъ отъ этого энергіи, а напротивъ дѣйствовалъ по видимому еще съ большимъ усердіемъ. Одаренный рѣдкимъ духомъ субординаціи, онъ сумѣлъ заслужить любовь и уваженіе своихъ начальниковъ и подчиненныхъ. Бригада его содержится въ полнѣйшемъ порядкѣ и Гродненскій гвардейскій гусарскій полкъ, принадлежащій къ этой бригадѣ, обязанъ ему своимъ положеніемъ.

Цыхотскій (Cichoski) бригадный генералъ, начальникъ 3-й бригады 1-й пѣхотной дивизіи, человѣкъ храбрый, достойный и честный; онъ получилъ весьма серьезную рану въ голову, вслѣдствіе чего почти совсѣмъ оглохъ. Это генералъ весьма усердный, искренно желающій исполнять свои обязанности какъ можно лучше, но не одаренъ особенными способностями. Бригада его содержится въ примѣрномъ порядкѣ и можетъ считаться одною изъ лучшихъ въ арміи.

Пшебендовскій, (Przebendowski) бригадный генералъ, начальникъ 1-й бригады 1-й конно-егерской дивизіи. Порядочный хвастунъ и болтунъ; хорошъ на войнѣ, знаетъ службу довольно хорошо, усерденъ, но не особенно способенъ отъ природы. Бригада его находится въ довольно удовлетворительномъ порядкѣ.

Ределъ, бригадный генералъ, начальникъ пѣшей артиллеріи. Прекрасный офицеръ, выказавшій себя съ хорошей стороны во время войны. Хорошо знаетъ свою часть, очень старателенъ, жаждетъ всегда исполнить все какъ можно лучше; ничего не упускаетъ изъ вида. Такъ какъ онъ хворалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то онъ не могъ тогда проявить такой дѣятельности, какъ послѣ своего выздоровленія. Обѣ бригады пѣшей артиллеріи, состоящія подъ его командой, находятся въ прекрасномъ положеніи.

Маллетскій (Malletski), бригадный генералъ, начальникъ инженеровъ. Человѣкъ съ большими достоинствами по своей части, рѣдкаго ума, примѣрной честности; это настоящій подарокъ, сдѣланный Польшѣ покойнымъ императоромъ французовъ; видно, что это былъ его выборъ; кромѣ того онъ замѣчательнъ спокойнымъ характеромъ и невозмутимымъ хладнокровіемъ; никогда не вмѣшивается въ дѣла, не касающіяся его части.

Потоцкій, Антонъ, бригадный генералъ, начальникъ 2-й бригады дивизіи конныхъ егерей. Не отличается ни способностями, ни умомъ; впрочемъ онъ исполняетъ свои обязанности, не заслуживая замѣчаній. Бригада его въ прекрасномъ состояніи, такъ какъ ему дѣятельно помогаютъ полковые командиры.

Жимирскій (Zymirski) бригадный генералъ; начальникъ 1-й бригады гвардейской пѣхотной дивизіи. Лучшій изъ моихъ пѣхотныхъ офицеровъ. Въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, которыя онъ служитъ подъ моимъ начальствомъ, онъ былъ моею правой рукою въ исполненіи всѣхъ приказаній, отданныхъ ему мною; его строгость и разборчивость въ дѣйствіяхъ могутъ назваться примѣрными. Его полкъ, а равно и саперы содержатся въ совершенномъ порядкѣ, точно также какъ и его бригада. Онъ одаренъ рѣдкимъ умомъ и способностью;

заслужилъ уваженіе начальства и подчиненныхъ и можетъ служить примѣромъ умѣнья поддерживать дисциплину среди офицеровъ.

Новицкій, бригадный генералъ, главный секретарь военной комисіи. Весьма свѣдущій по своей части; работаетъ хорошо, но вмѣстѣ съ тѣмъ настоящая кумушка въ мужскомъ платьѣ.

Блумеръ, бригадный генералъ, начальникъ 2-й бригады 2-ой пѣхотной дивизіи. Прекрасный офицеръ въ военное и мирное время. При Тарутинѣ, бывши въ чинѣ полковника, онъ спасъ остатки арміи¹⁾, явившись съ прикрытіемъ и остановивъ преслѣдованіе. Человѣкъ весьма честный, надежный; онъ назначался мною неоднократно въ весьма трудныхъ и щекотливыхъ случаяхъ въ судъ, на слѣдствія и въ военные совѣты и всегда дѣйствовалъ честно, осмотрительно и искусно, не щадя никого, не исключая самого себя, всегда равнодушный къ тому, что называютъ обыкновенно общественнымъ мнѣніемъ. Генералъ этотъ пользуется полнымъ моимъ довѣріемъ; порядокъ, въ какомъ содержится его бригада, не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Гельгудъ (Gielgud) бригадный генералъ, начальникъ 1-й бригады 1-ой пѣхотной дивизіи. Весьма старательный, но не особенно опытный, онъ никогда не участвовалъ въ сраженіяхъ, такъ какъ въ самомъ началѣ своей службы, въ концѣ 1812 и началѣ 1813 гг., ему пришлось сидѣть въ Модлинѣ. Весьма усердный и всегда старается быть исправнымъ. Его бригада одна изъ лучшихъ въ арміи.

Сухоржевскій (Suchorzewski) бригадный генералъ. Начальникъ 1-й бригады уланской дивизіи. Превосходнѣйшій офицеръ въ военное и мирное время, много разъ участвовалъ въ сраженіяхъ и всегда съ отличіемъ. Этотъ кавалерійскій офицеръ заботится о пользѣ службы, не упуская и малѣйшихъ подробностей; это олицетворенное усердіе и желаніе быть всегда исправнымъ. Бригада его безспорно лучшая во всей кавалеріи.

Принцъ Адамъ Виртембергскій, бригадный генералъ, начальникъ 2-й бригады уланской дивизіи. Олицетворенное усердіе, старательность и преданность; всегда при исполненіи своихъ обязанностей и отличный въ бою. Рѣдкій примѣръ, чтобы Германскій принцъ, не тщеславяся своимъ родомъ и званіемъ, служилъ бы какъ послѣдній разночинецъ, какъ будто отъ этого зависитъ его состояніе. Бригада его въ наилучшемъ порядкѣ.

Моравскій, бригадный генералъ, начальникъ 3-й бригады 2-ой пѣхотной дивизіи. Весьма старательный, усердный, старающійся всегда быть исправнымъ, съ честью участвовавшій въ войнѣ, немного

¹⁾ Конечно французской „великой“ арміи.

«РУССКАЯ СТАРШИНА». ТОМЪ XXXIV, 1882 Г., АПРѢЛЬ.

неопытенъ для маневровъ; вообще человекъ вполне благородный, надежный и честный; онъ годенъ на всякое дѣло. Бригада его очень хороша.

Бонтанъ (Bontemps) бригадный генералъ, начальникъ матеріальной части артиллеріи (comand. le matériel d'artillerie). Чрезвычайно умный и проникательный офицеръ; хорошо знакомый съ научной, теоретической и практической частью артиллеріи, смѣло рѣшающій всякіе вопросы. Съ этими военными качествами онъ соединяетъ чрезвычайную обходительность и доступность. Онъ былъ избранъ покойнымъ императоромъ французомъ, пославшимъ его въ Польшу. По артиллеріи это моя правая рука. Онъ всегда умѣлъ заслужить величайшее довѣріе начальства.

Даревскій. бригадный генералъ, главный директоръ военной комисіи. Весьма честный человекъ, чрезвычайно умный и дѣятельный; онъ часто бывалъ въ дѣлѣ и также нерѣдко занималъ канцелярскія должности, всюду заслуживъ полное одобреніе своего начальства.

«Константинъ».

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ — ГЕН.-АДЪЮТ. БАР. РОЗЕНУ.

12-го апрѣля 1828 г.

..... «Объ образованныхъ такъ называемыхъ офицерахъ не могу умолчать, чтобы не сказать со всею откровенностію мое заключеніе, что я гораздо лучше желаю имѣть подъ своимъ начальствомъ, какъ говорится, черныхъ офицеровъ, нежели мнимо-образованныхъ бунтовщиковъ, чему служатъ явнымъ доказательствомъ бывшія извѣстныя происшествія въ 1825 и 1826 годахъ и 14-е декабря, ибо исключая немногихъ, нѣтъ почти полка 1-й и 2-й арміи, гдѣ бы не оказались возмутители и въ самой гвардіи, не говоря уже о прежней исторіи Семеновскаго полка; въ одномъ кавалергардскомъ полку нашлось 13 бунтовщиковъ, бывшихъ 14-го декабря во фронтѣ; какъ напротивъ того, несмотря на то, что 8-я артиллерійская бригада, гдѣ оказалось большое число возмутителей, расположена была въ срединѣ 25-й дивизіи, но Литовскій корпусъ остался чистъ и неприкосновенъ ни къ какому нареканію, тогда какъ прочіе посрамили своими дѣяніями Россійскую армію; ежели же случилось происшествіе въ Литовскомъ піонерномъ баталіонѣ, то сіе произошло отъ пришельцовъ изъ 2-й арміи образованныхъ гг. Игельстрома, Вегелина и прочихъ собратій, которые по близкому расположенію успѣли вовлечь въ свои пагубныя дѣяніи и двухъ неопытныхъ офицеровъ изъ Гренадерскихъ полковъ. Впрочемъ даже сами извѣстные графъ Мошинскій и Швейковскій отозвались, да и Бестужевъ-Рюминъ показалъ,

что они опасались дотронуться до Литовскаго корпуса, зная какой существуетъ въ ономъ духъ, въ чемъ конечно я долженъ отдать полную справедливость не только однимъ гг. начальникамъ частей, которые успѣли сохранить между своими подчиненными надлежащій порядокъ, но и всѣмъ гг. офицерамъ за ихъ приверженность и вѣрность своему Государю. Къ сему еще присовокупляю, что когда я прежде имѣлъ подъ своимъ начальствомъ конную гвардію, у меня по большей части были, какъ говорится, черные офицеры и все было въ порядкѣ; а послѣ меня, когда явились въ оной мнимообразованные, то и тамъ трое попались въ число бунтовщиковъ. Слѣдовательно, что полезнѣе для правительства имѣть ли такихъ офицеровъ, какъ Литовскаго корпуса, или нынѣшняго образованія вольнодумцевъ?

Примѣчаніе. Поводомъ этой profession de foi цесаревича Константина Павловича послужило письмо ген.-адъют. бар. Розена графу Курутѣ, (отъ 6 го апрѣля 1828 г.), въ которомъ между прочимъ сказано, что „теперь весьма мало добромыслящей и хорошей старинной шляхты отдають своихъ дѣтей въ службу, а поступають въ оную по большей части токмо такіе, которые не находятъ иного способа въ пропитанію, слѣдственно безъ малѣйшаго образованія, частью безграмотные даже на природномъ языкѣ своемъ, а нѣкоторые и съ дурными качествами; сіи послѣдніе, получивъ первый офицерскій чинъ, вынуждаются полковыми командирами, а иногда товарищами своими, преждевременно оставить службу, а прочіе дослужа до поручиковъ, передъ производствомъ въ штабъ-капитаны, чувствуя свои неспособности, а также часто вынужденные начальствомъ выходить въ отставку и переводятся въ гарнизонъ“.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ — КНЯЗЮ П. М. ВОЛЕОНСКОМУ.

Варшава, 20-го апрѣля 1828 г.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій князь Петръ Михайловичъ. Я имѣлъ удовольствіе получить письмо в. с. отъ 11-го сего апрѣля, при которомъ препроводили ко мнѣ маршруты Е. И. В. Государыни Императрицы Александры Θεодоровны въ Одессу, за доставленіе котораго весьма васъ благодарю, присовокупляя къ сему, что увидѣвъ сію голубую книжку, такую точно какъ бывало вы ко мнѣ присылали о путешествіяхъ блаженной памяти нашего общаго съ вами благодѣтеля Г. И. Александра Павловича, я не могъ безъ сокрушенія сердца равнодушно о семъ вспоминать.

За поздравленіе меня съ наступающимъ днемъ рожденія остаюсь вамъ также весьма благодарнымъ, и мы оба съ женою въ вполной мѣрѣ умѣемъ цѣнить искренность вашу къ намъ, въ которой съ нашей стороны просимъ быть совершенно удостовѣренны.

И затѣмъ почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ примите повтореніе увѣренія совершеннаго моего къ вамъ особеннаго почтенія, уваженія и дружбы.

НИКОЛАЙ I — ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГРАФУ САКЕНУ.

Москва, 29-го октября 1831 г.

[Переводъ.] Любезный фельдмаршалъ! Миновало время тяжелыхъ испытаній и критическая эпоха въ нашей исторіи замѣнилась безсмертнымъ воспоминаніемъ о новой славѣ, заслуженной нашими храбрыми войсками. Хотя въ виду вашихъ преклонныхъ лѣтъ, любезный фельдмаршалъ, вы не были призваны на поле брани пожать новые лавры, но за то своими мудрыми распоряженіями, своею неусыпною дѣятельностью, вы сумѣли подавить возмущеніе, угрожавшее большою опасностью арьергарду нашей арміи; съ такою же заботливостью отнеслись вы и ко всѣмъ прочимъ, ввѣреннымъ вамъ дѣламъ.

Поэтому васъ вѣроятно не удивить, что не имѣя возможности высказать вамъ все это лично, я желаю по крайней мѣрѣ письменно высказать вамъ мою искреннюю и живѣйшую признательность; примите ее во имя отечества, которому мы оба служимъ и которому вы оказали въ этомъ случаѣ одну изъ немаловажныхъ услугъ, ознаменовавшихъ вашу многолѣтнюю, славную карьеру.

Будьте увѣрены въ искренности чувствъ, побудившихъ меня написать вамъ эти строки, и въ неизмѣнномъ уваженіи и расположеніи, съ какимъ пребываю къ вамъ благсклонный Николай.

Москва, 29-го октября 1831 г.

Mon cher Maréchal! Une époque de peinibles épreuves. une époque critique vient de passer; elle est remplacée par des souvenirs immortels d'une nouvelle gloire, acquise par nos braves armées.

Si votre age, mon cher Maréchal, ne vous a pas appelé sur les champs de bataille, pour cueillir de nouveaux lauriers, vos sages dispositions et votre constante activité a su arrêter le feu de la rebellion, qui menaçait si gravement les derrières de notre armée; partout, dans tout ce qui fut confié à vos soins, vous avez su porter la même sollicitude.

Vous ne serez donc point surpris, si privé du plaisir de vous le dire de vive voix, je le fais par écrit dans ce moment; je désire vous persuader de ma vive et sincère reconnaissance; recevez la, au nom de la patrie, que nous servons et à laquelle le service présement rendu, n'est pas le moindre de votre longue et glorieuse carrière.

Croyez à la sincérité du motif, qui me dicte ces lignes, ainsi qu'à l'inaltérable estime et amitié, que vous porte

Votre sincèrement affectonné Nicolas.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

СПИСОКЪ СЪ УКАЗА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

18-го мая 1651 года.

Извѣстно, что князь А. С. Меншиковъ весьма заботливо собиралъ и въ большомъ порядкѣ хранилъ въ подлинникахъ и въ копіяхъ множество драгоценныхъ историческихъ документовъ; было не мало и такъ называемыхъ курьезовъ; къ числу ихъ принадлежить печатаемый здѣсь списокъ яко бы съ указа царя Алексѣя. Онъ уже былъ напечатанъ (по другой копіи и съ большими вариантами) въ „Русской Старинѣ“ изд. 1-71 г. томъ III, стр. 393, но мы его помѣщаемъ вновь какъ потому, что покойный кн. Меншиковъ придавалъ ему значеніе документа достовѣрнаго, такъ и потому, чтобы вызвать отзывъ знатоковъ нашей старины—не встрѣчалъ-ли кто этотъ указъ въ списокѣ XVII-го вѣка?

Ред.

Учали на Москву приходить разные Еретики и Нѣмцы, и просити нашея царскія службы, и мы собра Архіепископы, Архiereи, Архимандриты и Іереи на думу, и положили со думными людьми ихъ б...киныхъ дѣтищъ, нѣмцовъ, на воеводство не посылать, и къ воеводствамъ не опредѣлять; а быти имъ б...инимъ дѣтищамъ, нѣмцамъ, точію въ Москвѣ и записываться по черной сотнѣ и въ службу нашу царскую и ступати по нуждѣ въ ратную.

Дѣло о стихахъ на генерала Рета.

I.

Всеподд. рапортъ цесаревича Константина Павловича.

Варшава. 6-го января 1824 г.

Когда высочайшимъ В. И. В. приказомъ, отданнымъ въ 26-й день сентября прошлаго 1823 года, командующій 3-мъ пѣх. кор. г. л. Ротъ 1 утвержденъ былъ командиромъ онаго корпуса, въ то время данъ былъ для него въ г. Житомирѣ балъ и на оной вышли тамъ стихи, которые получилъ я чрезъ имѣющіеся у меня средства

Сія стихи, по дерзкому и злому ихъ смыслу, какъ заслуживаютъ, чтобы на нихъ обращено было особенное вниманіе, то осмѣливаюсь всеподд. представить оныя на высочайшее В. И. В. благоизволеніе.

О баль достойный поношенья!
 Безчестіе гусарь, ихъ вѣчно униженье,
 Кому дается онъ? чей вензель весь въ огняхъ?
 Тоголь, кто васъ ругалъ еще на этихъ дняхъ?
 Кто дѣйствиі вашихъ всѣхъ былъ мстительный содѣтель,
 Кому по слуху лишь знакома добродѣтель,
 Кто имя славное дивизиі помрачилъ.
 Того-ли наконецъ, кто князя васъ лишилъ;
 Безхарактерные!... и вы ему забыли
 И трауръ горестной на радость премѣнили.

II.

Стихи эти подняли цѣлую бурю, закричѣли перья въ Петербургѣ, Могилевѣ и Варшавѣ.

18-го января 1824 года и. д. нач. гл. ш. г. а. бар. Дибичъ обратился съ нижеслѣдующимъ рапортомъ къ цесаревичу Константину Павловичу.

«Г. И. съ признательнѣйшею благодарностію читалъ рапортъ в. и. высочества, при которомъ изволили доставить Е. В. появившіеся въ г. Житомирѣ насквильные стихи на счетъ г. л. Рота».

«По сему случаю нынѣ же объявлено главнокомандующему 1-ю арміею высочайшее повелѣніе, о порученіи военной полиціи узнать секретнымъ образомъ, кто былъ сочинителемъ означенныхъ стиховъ. Но не менѣе того Г. И. желаетъ, дабы ваше имп. высочество и съ своей стороны взяли возможныя мѣры для открытія секретнымъ образомъ сочинителя сихъ стиховъ».

III.

РАПОРТЪ ГЕН.-АД. БАР. ДИБИЧА—ГР. САКЕНУ.

18-го января 1824.

До свѣдѣнія Г. И. дошло, что въ г. Житомирѣ во время бала, который данъ былъ по случаю утвержденія г. л. Рота корпуснымъ командиромъ, появились стихи... которые по своему содержанію показываютъ дерзость и злобу сочинителя въ высокой степені.

Е. И. В. угодно, чтобы в с. поручили военному ген.-полицейстеру стараться всевозможными способами узнать секретнымъ образомъ, кто былъ сочинителемъ сихъ стиховъ.

IV.

Графъ Сакенъ — ген.-ад. бар. Дибичу.

17-го февраля 1824 г.

... «Военный ген. полицм. отправилъ жандармскаго полка поручика Полонскаго въ Житомиръ для скрытнаго развѣдыванія о сочинителѣ извѣстныхъ вамъ стиховъ, причеъъ я поручилъ г. л. Роту, доставить ему всевозможныя къ тому пособія».

«Изъ отзввовъ, полученныхъ отъ г. л. Рота и поручика Полонскаго видно, что упоминаемый... балъ, дѣйствительно данъ былъ офицерами 3-й гусарской дивизіи только не въ Житомирѣ, а въ Бердичевѣ; но о существованіи тѣхъ стиховъ, ни въ Житомирѣ, ни въ расположеніи дивизіи, совершенно никакихъ нѣтъ слуховъ и самъ г. л. Ротъ, до полученія моего предписанія, свѣдѣнія о томъ не имѣлъ. За симъ поручикъ Полонскій и самъ возвратился нынѣ въ Могилевъ, безъ всякаго въ развѣдываніи своемъ успѣха».

Нижеслѣдующій рапортъ цесаревича г. а. Дибичу отъ 2-го апрѣля 1824 г. прекратилъ наконецъ все это «дѣло»:

... «Во исполненіе Высочайшей Е. И. В. воли, я поручилъ командиру 25-й пѣхотной дивизіи г. м. Гогелю 2, употребить всемѣрное стараніе къ открытію секретнѣйшимъ образомъ упомянутаго сочинителя, и нынѣ получилъ отъ него донесеніе, что при самыхъ дѣятельнѣйшихъ мѣрахъ, принятыхъ посредствомъ партикулярныхъ людей и нарочно посланнаго чиновника, достовѣрное открытіе сочинителя совершенно невозможно, тѣмъ болѣе, что по случаю нахождения въ Бердичевѣ адъютанта генераль-полиціймейстера 1-й арміи генерала отъ инфантеріи Эртеля, присланнаго также для узнанія о семъ, принята самая строгая осторожность. Кромѣ того, говорятъ, что г. л. Ротъ просилъ начальство о прекращеніи по сему предмету дальнѣйшихъ розысканій».

Резолюція императора Николая по поводу обиды, нанесенной г.-м. К—лю ¹⁾.

Въ 1826 году командиръ резервной батавейной № 5 роты 12-й артиллерійской бригады подполковникъ Гинцель находился подъ судомъ за дерзость противъ г.-м. К.....ля, заключающуюся въ томъ, что во время объясненій по службѣ съ этимъ генераломъ послѣ слова его «молчать», сказалъ: «видно васъ, г. К.....ель, мало по р... били».

¹⁾ Впослѣдствіи графа и главноуправляющаго путями сообщенія.

Аудиторіатскій департаментъ, представляя на Высочайшее благоусмотрѣніе такой, въ высшей степени неприличный поступокъ сего офицера, равно долговременную, отличную и безпорочную, до означеннаго случая, службу его, бытность въ походахъ и сраженіяхъ и полученныя имъ на войнѣ раны, полагалъ: Гинцеля, по лишеніи всѣхъ чиновъ и орденовъ, написать въ рядовые до выслуги.

По этому дѣлу послѣдовала нижеслѣдующая собственноручная резолюція императора Николая I:

«Подполковника Гинцеля посадить на два года въ крѣпость и въ уваженіе прежней хорошей службы и полученныхъ ранъ, вмѣсто разжалованья, отставить отъ службы».

Николай.

Марта 23 дня 1826 года.

Примѣръ сочувственнаго отношенія императора Александра I-го къ нуждамъ своихъ сослуживцевъ.

Графъ Дибичъ — графу Аракчееву.

С.-Петербургъ, 6-го ноября 1827 г.

Г.-м. Берхманъ, извѣщая, что въ 1824 году блаженный памяти Г. И. Александръ Павловичъ всемилостивѣйше соизволилъ ему пожаловать на уплату долговъ 49,000 р., что монаршее соизволеніе о семъ объявлено Е. В. изустно г.-м. Паткулю и что онъ Берхманъ въ счетъ оныхъ получилъ въ 1824 г. чрезъ сего же генерала только 15,000 р., — просить о выдачѣ ему достальныхъ 34,000 р. въ довершеніе изліянной на него милости въ Божѣ почивающимъ Г. И.

Г.-м. Паткуль въ удостовѣреніе сего представилъ мнѣ записку слѣдующаго содержанія: «1824 года въ ноябрѣ мѣсяцѣ блаженный памяти Г. И. изволивъ потребовать его г.-м. Паткуля къ себѣ, спрашивалъ о причинѣ просимаго г.-м. Берхманомъ увольненія отъ службы; на что онъ отвѣчалъ, что полагаетъ причиною разстроенное его состояніе; посему Е. В. угодно было приказать ему г.-м. Паткулю подробно отъ него узнать, и что если сія только причина, то Государь радъ ему помочь. Г.-м. Берхманъ показавъ въ то время долгу по разнымъ мѣстамъ наиболѣе его гѣснившія 49,000 р., о чемъ онъ Паткуль имѣлъ счастье доложить Г. И. и Е. В. угодно было сію сумму уплатить въ три срока, а именно: первый въ ономъ же 1824 году въ декабрѣ мѣсяцѣ, на основаніи чего и доставлено къ нему г.-м. Паткулю въ Царское Село чрезъ камердинера Федорова 15,000

рублей для врученія г.-м. Берхману, съ тѣмъ, что достальная вы-
дача 34,000 р. послѣдуетъ въ 1825 и 1826 годахъ въ декабрѣ мѣ-
сяцѣ, о каковомъ Высочайшемъ назначеніи извѣстенъ былъ и г. ге-
нераль графъ Аракчеевъ; притомъ Е. В. угодно было, чтобы сіе оста-
валось въ тайнѣ».

Прежде доклада Г. И., я имѣю честь обстоятельство сіе довести
до свѣдѣнія в. с. и покорнѣйше прошу васъ, м. г., почтить меня
по оному вашимъ отзывомъ, пребывая затѣмъ и пр.

Графъ Аракчеевъ отвѣчалъ 11-го ноября: «Пожалованное покой-
нымъ Г. И. Александромъ Благословеннымъ вспоможеніе г. м. Берх-
ману мнѣ извѣстно было изъ разговоровъ покойнаго Г. И. объ ономъ
со мною, о чемъ и ч. увѣдомить в. с.».

Графъ Дивичъ и его сношенія какъ начальника главнаго штаба
Е. И. В. съ Александромъ I и Николаемъ I.

Въ бытность съ 1823 года генераль-адъютанта барона, а впло-
слѣдствіи графа И. И. Дибича начальникомъ главнаго штаба, онъ
постоянно представлялъ, по разнымъ текущимъ вопросамъ службы;
краткія всеподданнѣйшія докладныя записки, на обыкновенномъ ли-
стѣ почтовой бумаги, загнутомъ на половину; съ боку Г. И. писалъ
собственноручно карандашемъ резолюціи, и отсылалъ обратно своему
«Major Général», какъ тогда величали Дибича. Такимъ образомъ на-
чальникъ Главнаго Штаба находился, независимо отъ частныхъ лич-
ныхъ докладовъ, въ ежедневныхъ непрерывающихся письменныхъ со-
общеніяхъ съ Государемъ.

Содержаніе докладныхъ записокъ самое разнообразное; онѣ каса-
ются представляющихся, разводовъ, высочайшихъ приказовъ, отпра-
вленія фельдъегерей, приглашеній къ высочайшему обѣденному столу.
Многія изъ этихъ записокъ не лишены историческаго интереса; на
ряду же съ таковыми встрѣчается также напр. донесеніе о томъ,
что придворный истопникъ Павелъ Соболевъ, ловя рыбу, утонулъ
(1824 г.). Кромѣ того, Государь лично отъ себя передавалъ графу
Дибичу, въ короткихъ записочкахъ, различныя приказанія по военной
части (по гарнизонной службѣ, формѣ одежды и пр.) и сообщалъ о
предстоящихъ поѣздкахъ, работахъ и пр. ¹⁾.

¹⁾ Приведемъ для примѣра двѣ записочки императора Николая:

1) „Вели, любезный Иванъ Ивановичъ, прислать сейчасъ инвалида изъ
поселеній, что поля красить, къ Вилямову. Матушка объ томъ мнѣ пишетъ“.

2) „И ѣду завтра въ 7 часовъ въ Кронштадтъ на цѣлый день; если у

ЗАПИСКИ И ПОВЕЛѢНІЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

«Генераль-адъютанту князю Меншикову состоять по министерству иностранныхъ дѣлъ».

Апр. 1823.

Къ приказу 6-го декабря 1823 г.

«Приготовьте приказъ сего вечера о поступленіи корпуса офицеровъ гвардіи Семеновскаго полку по прежнему на правахъ старой гвардіи. и пришлите его ко мнѣ, какъ скоро готовъ будетъ, дабы можно было завтра отдать его».

Всепоподаннѣйшія записки г.-а. бар. Дибича.

«Не угодно-ли будетъ В. И. В. назначить пароль на 6-е ноября?».

Высочайшая резолюція:

— «Пароль Таганрогъ».

7-го ноября 1825 г.

«Завтрашняго числа по случаю табельнаго праздника тезоименитства Е. И. В. Михаила Павловича, разводъ назначенъ въ шарфахъ и бѣлыхъ панталонахъ».

«Г.-а. Чернышевъ, прибывшій сего числа изъ Новочеркаска, испрашиваетъ позволеніе можетъ ли быть завтра къ обѣднѣ во дворецъ, равно и супруга его, безъ вторичнаго представленія».

— «Могутъ» ¹⁾.

3-го марта 1826 г.

«Полученное отъ генерала графа Аракчеева письмо имѣю честь представить при семъ В. И. В., испрашивая высочайше повелѣніе на счетъ позволенія быть ему въ Чесмѣ!» ²⁾.

— «Можно позволить и я прикажу».

тебя есть готовая работа, то я тебя возьму съ собой; а чтобъ тебѣ не терять времени, то можешь взять съ собой кого хочешь, съ тѣмъ, чтобъ работать на яхтѣ, покуда я буду свое дѣло дѣлать».

¹⁾ Это была послѣдняя резолюція императора Александра I. Первое письмо г. а. Дибича, посланное въ Варшаву къ начальнику штаба цесаревича генералу Курутѣ, о болѣзни Государя, помѣчено 12-мъ ноябремъ 1825 г.

²⁾ Въ день прибытія гѣла императора Александра I изъ Царскаго Села.

29 го августа 1826 г.

«Г.-а. Бенкендорфъ спрашиваетъ меня, для увѣдомленій чужестранцевъ, изволите ли В. В. быть завтра къ разводу? Я осмѣливаюсь спросить о семъ высочайшее повелѣніе».

— «Я не буду завтра къ разводу, дабы не праздновать въ первый разъ тотъ день, въ который я разстался на всегда съ государемъ».

«Я не желаю, чтобы завтра ко мнѣ прѣѣзжали съ поздравленіями».

Записка императора Николая — г.-а. Дивичу.

8-го сентября 1827 года.

«Богъ даровалъ мнѣ сына Константина, любезный Иванъ Ивановичъ. Вели ввести его въ сегодняшний приказъ такъ: назачается: Е. И. В. Великій Князь Константинъ Николаевичъ въ Л.-Г. Измайловскій полкъ».

Всеподданнѣйшая записка графа Дивича.

3 го фев; аля 1828 г.

«По случаю усилившагося у меня кашля, докторъ меня пользующій желаетъ, чтобы я завтра не выѣзжалъ и по сему воспользуюсь все милостивѣйшимъ позволеніемъ на завтрашній день; надѣюсь, что послѣ завтра мнѣ столько будетъ легче, чтобы быть съ утреннимъ докладомъ».

— «Настоятельно прошу любезный Иванъ Ивановичъ сидѣть дома, доколь не выздоровишь совершенно».

Изъ военно-медицинскихъ нравовъ 1828 года.

Рапортъ князю А. С. Меншикову отъ комисіи военного суда, учрежденнаго въ крѣпости Анапѣ.

23-го октября 1828 г. № 52.

Комисія сія отъ 17-го прошедшаго сентября за № 34 рапортомъ испрашивала вашего предписанія, дѣйствительно ли подсудимый въ сей комисіи Таманскаго гарнизоннаго полка младшій фельдшеръ Иванъ Васильевъ жаловался в. св. на г. лѣкаря Шпрингера, въ

истязаніи его, Васильева, какъ въ лагеряхъ и въ самомъ дѣйствіи противъ непріятеля ежедневно наказаніемъ палками, розгами и рукою по щекамъ и оглушивалъ по ухамъ, на защищеніи его какое было учинено распоряженіе, каковаго не имѣя до нынѣ въ полученіи, осмѣливается почтениѣйше ожидать въ непродолжительномъ времени.

Резолюція князя А. С. Меншикова: «получено въ Николаевѣ¹⁾ 12-го ноября 1828 г. Отвѣчать комисіи, что перваго отношенія я не получилъ, что фельдшеръ Васильевъ на ш.-л. Шпрингера жалобы не приносилъ, а ежели бы и принесъ, то былъ бы за прошеніе не по командѣ тогда же наказанъ».

Высочайшій выговоръ г.-а. Закревскому 1828 года.

5-го августа 1828 г.

Графъ Дибичъ представилъ всеподданнѣйшую записку объ отзывѣ, послѣдовавшемъ къ графу П. А. Толстому²⁾ со стороны министра внутреннихъ дѣлъ ген. ад. Закревскаго, что онъ не принимаетъ сношеній съ нимъ помощника начальника штаба, по военнымъ поселеніямъ, а требуетъ, чтобы въ этомъ случаѣ былъ соблюдаемъ порядокъ, начертанный въ общемъ учрежденіи министерствъ, по которому министры сносятся съ одними только главноначальствующими лицами, а не съ подчиненными ихъ.

Для скорѣйшаго теченія дѣлъ, графъ Дибичъ, съ своей стороны, полагалъ сношенія по главному штабу военныхъ поселеній оставить и на будущее время, въ томъ самомъ порядкѣ, который введенъ былъ на основаніи высочайше утвержденной 23-го апрѣля 1819 г. записки графа Аракчеева, относительно сношеній со всѣми министрами.

Императоръ Николай на этомъ докладѣ написалъ слѣдующую собственноручную резолюцію:

— «Поручить графу Толстому, призвавъ къ себѣ, объявить ему, что я съ удивленіемъ и съ крайнимъ неудовольствіемъ узналъ странную прихоть³⁾ его, и что я подтверждаю и впредь не отступать отъ данныхъ главному штабу правилъ.

20-го августа 1828 г.

Одесса.

¹⁾ Кн. Меншиковъ лѣчился въ Николаевѣ отъ раны, полученной имъ при осадѣ кр. Варны.

²⁾ Графъ Толстой во время отсутствія императора Николая въ Турцію былъ назначенъ въ С.-Петербургѣ главнокомандующимъ.

³⁾ Три раза подчеркнуто Государемъ

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ.

Въ предписаніи генераль-губернатора Восточной Сибири на имя Иркутскаго гражданскаго губернатора отъ перваго сентября 1826 г. за № 842, относительно женъ государственныхъ преступниковъ, сужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, между прочимъ изложено слѣдующее:

По необдуманной рѣшимости могли послѣдовать за ними ихъ жены, не знающія существующихъ о ссыльно-каторжныхъ постановленій.

Высочайшая резолюція: «Все справедливо, но всѣ выраженія необходимости и проч. перемѣнить на неизвѣстность мѣстныхъ обстоятельствъ».

Прикажете внушить крѣпостнымъ людямъ, которые придутъ съ женами осужденныхъ, что соединеніе съ мужьями лишаетъ ихъ права имѣть при себѣ крѣпостныхъ слугъ и что могутъ они просить о возвращеніи ихъ изъ Сибири.

Высочайшая резолюція: «Это совершенно воспрепятствуетъ; бунтовать людей не должно, достаточно объявить женамъ, что по положенію онѣ не могутъ брать съ собой людей своихъ какъ съ добровольнаго ихъ согласія».

Изъ исторіи священнаго союза.

1830.

Изъ всѣхъ членовъ священнаго союза, одна Россія съ невозмутимымъ самоотверженіемъ стояла 40 лѣтъ на стражѣ ненарушимости легитимизма и словомъ, и дѣломъ. Помѣщенное ниже предписаніе графа Чернышева 1830 г. служить тому доказательствомъ. Едва ли архивы: австрійскій или прусскій того времени могутъ выступить съ подобнымъ документомъ:

ГРАФЪ ЧЕРНЫШЕВЪ — КРОНШТАДТСКОМУ ВОЕННОМУ ГУБЕРНАТОРУ
ВИЦЕ-АДМИРАЛУ РОЖНОВУ.

Слб. 5-го августа 1830 г.

По случаю возникшаго во Франціи мятежа и перемѣны существовавшаго правительства, Г. И. высочайше повелѣть соизволилъ, ни подъ какимъ видомъ не дозволить кораблямъ сей націи, плавающимъ подъ флагомъ трехъ цвѣтнымъ, а не бѣлымъ, входа въ Кронштадтскій портъ, но если бы они усиливались войти въ оный, то останавливать ихъ дѣйствіемъ оружія.

Е. И. В. равноѣрно благоугодно, чтобы всякій корабль французскій изъ остающихся нынѣ въ кронштадтскомъ портѣ, который бы переимѣнилъ бѣлый флагъ на трехъ цвѣтный, немедленно былъ высланъ въ море.

Сообщая в. пр. высочайшую волю сію къ непремѣнному и строгому исполненію, и. ч. присовокупить, что я вмѣстѣ съ симъ увѣдомляю объ оной г. начальника морскаго штаба Е. И. В.

7-го августа 1830 г. вице-адмиралъ Рожновъ отвѣчалъ: «Я надежація къ строгому исполненію на брандвахты какъ дальней, такъ и внутренней вѣрвеннаго мнѣ порта, командирамъ предписаніе даль, и увѣдомилъ Кронштадтскую таможеню».

Екатерина II и крестьяне.

(Поправка къ книгѣ „Графъ Киселевъ“.)

Помѣщаемъ здѣсь одну существенную поправку въ прекрасномъ во всѣхъ отношеніяхъ трудѣ А. П. Заблоцкаго-Десятковскаго „Графъ Киселевъ и его время“. Излагая вкратцѣ исторію крестьянскаго вопроса въ Россіи и коснувшись заботъ императрицы Екатерины II, авторъ говоритъ: „Указъ 1790 г., 2-го марта, былъ данъ на имя генералъ губернатора Кашкина, относился къ раздѣленію государственныхъ крестьянъ на волости, и, какъ историческій памятникъ, важенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ есть ссылки на предположенія самой государыни о сельскомъ устройствѣ. Въ чемъ состояли эти „предположенія“, равно какъ и „высочайшіе экономическіе пункты“, на которыхъ было основано учрежденіе 1787 г. („Учрежденіе сельскаго порядка въ казенныхъ селеніяхъ екатеринславскаго намѣстничества“), намъ неизвѣстно“ и т. д. (т. II, 31). Между тѣмъ, свѣдѣнія объ этомъ, а равно и самый проектъ сельскаго положенія Екатерины, воплотившійся въ высочайшимъ экономическимъ пунктамъ, который притомъ въ свое время былъ сообщенъ графомъ Нессельроде на разсмотрѣніе графу Киселеву, напечатаны были еще въ 1877 г. В. И. Вешняковымъ въ „Сборникѣ русскаго историческаго общества“, т. XX (стр. 447—499).

В. И.

Александрійскій гусарскій полкъ.

1829 г.

Въ весьма интeресныхъ Запискахъ принца Евгенія Виртембергскаго, окончаніе которыхъ помѣщено въ „Русской Старинѣ“ изд. 1881 г., сентябрь, говорится о взятіи, подъ Шумлюю, редутовъ спѣшными гусарами. Авторъ говоритъ, что это были гусары Александровскаго полка и что командовали въ этомъ дѣлѣ Ностицъ или Мадатовъ. Александровскіе гусарскаго полка нѣтъ въ нашей арміи, а есть Александрійскій, который взятіе редутовъ, подъ Шумлюю, считаетъ однимъ изъ славнѣйшихъ эпизодовъ своей славной исторіи.

Отрядомъ, въ составъ котораго входилъ въ этотъ день (31-го мая 1829 г.) Александрійскій полкъ, командовалъ князь Мадатовъ

А. А. Вязмитиновъ.

В. И. Назимовъ.

Въ февральской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1882 г. напечатано письмо покойнаго Владимира Ивановича Назимова, бывшаго въ 1850-мъ г. попечителемъ Московскаго учебнаго округа къ бывшему министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову о разрѣшеніи изданія „Русской Бесѣды“, въ 1855 году, доставленное М. Н. Похвисневымъ.

Въ качествѣ постоянного читателя „Русской Старины“, а также въ качествѣ человѣка, который очень хорошо помнитъ бывшаго своего начальника, т. е. Владимира Ивановича Назимова, я позволяю себѣ сказать, что есть еще люди, которые скажутъ, что Владиміръ Ивановичъ самъ не только не могъ написать ничего подобнаго, но даже очень часто говорилъ такія вещи, которыя, не въ осужденіе ему будь сказано, не отличали въ немъ той правильности теченія мысли, которая видна въ напечатанномъ письмѣ. Ясно, что это письмо было только подписано Владиміромъ Ивановичемъ. Спрашивается: для чего же прямо не сказать: кто же написалъ это письмо? для исторіи гораздо важнѣе это, чѣмъ то, — что письмо подписано В. И. Назимовымъ?

Сколько мнѣ помнится, М. Н. Похвисневъ былъ въ 1855 г. правителемъ канцеляріи г. Назимова. Если это письмо написалъ онъ самъ и подалъ его подписать его превосходительству В. И. Назимову, то для чего же скрываться? для чего же приписывать Назимову то, что ясно не могло быть имъ написано? Девизъ „Русской Старины“ истинна, она дороже всего, и вотъ почему я написать этотъ запросъ.

Н. Щеховской.

1882 г. 10 февраля.

Смоленской губерніи г. Красный.

Отвѣтъ редакціи. Письмо В. И. Назимова мы напечатали со списка, рукою писаря переписаннаго, но съ поправками самого В. И. Назимова. Навѣрное можемъ сказать, что этотъ весьма интересный документъ составленъ бывшимъ въ 1855 г. правителемъ канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа, М. Н. Похвисневымъ, но по порученію В. И. Назимова и имъ просмотрѣнъ и подписанъ. Многие изъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей не сами составляютъ тѣ акты, подъ которыми являются ихъ подписи; но слѣдуетъ ли изъ этого, что документы эти принадлежать не ихъ почину, не вытекаютъ изъ ихъ мысли и не согласны съ ихъ собственными убѣжденіями и взглядами? В. И. Назимовъ совершенно правильно и ясно, хотя и не вполне литературно, излагалъ свои мысли по русски; вообще же это былъ человѣкъ съ умомъ прямымъ и положительнымъ, притомъ одинъ изъ честнѣйшихъ, добрѣйшихъ и гуманнѣйшихъ людей своего времени. Эти черты въ его характерѣ высоко цѣнили покойный императоръ Александръ II; прекрасный качествомъ Назимова отдавали справедливость — Гоголь, Грановскій, Погодинъ, Соловьевъ и многие другіе. Затѣмъ мы ни на минуту не сомнѣваемся, что добрыя мысли, которыми полно заинтересовавшее г. Щеховскаго письмо, вполне принадлежали тому лицу, которое письмо это подписало, т. е. Владиміру Ивановичу Назимову.

Ред.

И. М. Синельниковъ ¹⁾.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 годъ, кн. 1, стр. 79 а (бучнаго указателя въ запискамъ Порошина заявлено недоумѣніе Н. П. Барсукова: какой это былъ „Синельниковъ“, о которомъ (въ его время), „говорили вездѣ крайне дурно“.

По мѣрѣ имѣющихся подъ рукою достовѣрныхъ свѣдѣній постараюсь сообщить Н. П. Барсукову о Синельниковѣ слѣдующее.

Иванъ Максимовичъ Синельниковъ сталъ извѣстнымъ на югѣ Россіи съ 1778 года, когда генералъ Александръ Васильевичъ Суворовъ занимался выводомъ христіанъ изъ Крыма къ Азовскому морю. Синельниковъ занимался перевозкою и продовольствіемъ переселенцевъ, за которыя былъ рекомендованъ Суворовымъ графу Г. А. Потемкину ²⁾, а имъ былъ въ 1783 году повышенъ чиномъ бригадира, съ порученіемъ надзора за соляными и питейными сборами, собираемыми на устройство Таврической области. Въ 1785 году, съ производствомъ въ чинъ генералъ-маіора, опредѣленъ, по ходатайству Потемкина, правителемъ Екатеринославской губерніи, которую Синельниковъ привелъ въ желанное устройство, причемъ приобрѣлъ общественное расположеніе. Ему же давались порученія: по устройству черноморскаго флота и по продовольствію арміи, осаждавшей Очаковъ. Зависть и клевета шли отъ недовольныхъ подрядчиковъ, безсовестно обиравшихъ казну ³⁾. Отправясь въ очаковскую армію съ отчетами къ фельдмаршалу, когда онъ обозрѣвалъ очаковскія укрѣпленія, сопровождавшій Синельниковъ 23-го іюля былъ убитъ пушечнымъ ядромъ. Тѣло его было перевезено въ Херсонъ, и погребено въ оградѣ крѣпостной церкви Св. Екатерины, совмѣстно съ прочими убитыми при очаковской осадѣ и другихъ мѣстахъ ⁴⁾. По распоряженію свѣтлѣйшаго Г. А. Потемкина-Таврическаго, смѣнь убиеннаго поставилъ надъ могилою каменный обелискъ, доселѣ существующій. Ивановъ Максимовичемъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, отъ Екатеринослава въ 19-ти верстахъ, основано большое село Синельниково.

Н. Н. Мурзакевичъ.

Одесса.

¹⁾ См. его письма въ томъ Записокъ одесскаго общества исторіи и древностей, т. IX, стр. 260—282.

²⁾ Архивъ князя Воронцова, М. 18, т. XXIV, стр. 295, № 23. Главнымъ сборщикомъ при соляныхъ Перекопскихъ озерахъ былъ надворный совѣтникъ Свербзевъ. Записокъ т. IX, стр. 266.

³⁾ Отзывъ князя Потемкина Фалъеву: «Кологени (въ Бессарабіи) 3-го іюня 1790 г. Лучше въ десятеро заплачу, нежели отдамъ жида такому поставщику. Пора отстать отъ мошенниковъ-подрядчиковъ, кои истощили суммы, и все недостатками подчивали. Черезъ нихъ разворовано много». Записокъ т. II, стр. 673.

⁴⁾ Генералъ-маіоровъ барона Меллеръ-Закомельскаго, Ивана Максимовича Синельникова, князя Сергія Абрамовича Волконскаго, полковниковъ: Петра Семеновича Максимовича, Ивана Петровича Горича-Большаго, Николая Ивановича Корсакова (строителя Херсонской крѣпости), Дмитрія Петровича Мартынова. Убитаго при Киліи генерала-артиллеріи барона Ивана Ивановича Меллеръ-Закомельскаго; умершихъ въ Молдавіи — принца Александра Виртембергъ-Штудгардскаго (брата императрицы Маріи Феодоровны), молдавскаго господаря Эммануила Россети. Записокъ т. IX, стр. 393 и 394.

Н. М.

превосходными трудами, заслуживающими виднаго мѣста въ библіотекѣ каждаго просвѣщеннаго русскаго человѣка. Н. В. Гербель подарилъ читающей публикѣ изданія стихотвореній Шевченки, «Слова о полку Игоревѣ» въ переложеніи на русскій языкъ, собр. сочиненій Е. П. Гребенки, сборники: «Повзія славянъ», «Русскіе поэты», полныя собранія переведенныхъ на русскій языкъ сочиненій: Шекспира, Шиллера, Гёте, Байрона и Гюгана. Говоримъ, что Н. В. Гербель «подарилъ» эти изданія публикѣ потому, что при ихъ изыщонной внѣшности онѣ, по своей стоимости, доступны даже людямъ и небогатаго состоянія. Второе изданіе сборника Н. В. Гербеля, посвященнаго исторіи лица князя Безбородко въ Нѣжинѣ—безукоризненно изыщонное по внѣшности, помимо исторіи этого высшаго учебнаго заведенія южной Россіи, заключаетъ въ себѣ біографіи его основателей, почитателей, профессоровъ и бывшихъ воспитанниковъ, составившихъ себѣ имя на литературномъ и иныхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Изъ русскихъ писателей, бывшихъ питомцевъ лица, кромѣ незабвеннаго Гоголя, читатель найдетъ въ сборникѣ біографіи: А. С. Афанасьева-Чужбинскаго, К. М. Базили, Е. П. Гребенки, Н. В. Кукольника, В. И. Любичъ-Романовича, Н. Я. Макарова, Н. Я. Прокоповича, П. Г. Рѣдкина (нынѣ членъ Государ. Совѣта), Н. М. Семеновскаго и др. Представителемъ инженернаго искусства является Д. И. Журавскій; наконецъ и самъ составитель сборника Н. В. Гербель, по всей справедливости, заслуживаетъ мѣсто въ ряду талантливыхъ одноклассниковъ, дѣтей одной alma mater, какъ за свои предъидущіе литературные и издательскіе труды, такъ и за добросовѣстное, безукоризненно полное составленіе исторіи лица. Второй отдѣлъ книги составленъ почти исключительно имъ однимъ и заключаетъ въ себѣ: 1) списки сочиненій литераторовъ бывшихъ лицестовъ; 2) шуточныя произведенія нѣжинскихъ студентовъ,—3 и 4) списки студентамъ и должностнымъ лицамъ. Къ книгѣ, кромѣ вида нѣжинскаго лица, приложены порядочно литографированныя (Брокгаузомъ) портреты: Алексан-

дра и Ильи Безбородко, графа А. Г. Кушелева-Безбородко, Н. В. Гербеля, Н. В. Гоголя, Е. П. Гребенки, Д. И. Журавскаго, Н. В. Кукольника и П. Г. Рѣдкина.

Häusser. Исторія реформаціи. Подъ редакцію Виктора Михайловскаго. Изданіе Н. И. Мамонтова. Москва и Петербургъ 1882 г. LXXXIII+274 стр. въ 8 д. л. Цѣна 5 р., съ пересылкою 5 р. 50 коп.

Предметъ труда Гейссера—великій нравственный переворотъ въ бытіи человѣчества, стоившій Западной Европѣ, въ теченіе двухъ вѣковъ, потоковъ крови—никогда не утратить интереса въ глазахъ каждаго мыслящаго человѣка. Почтенному труду Гейссера редакторъ перевода предпослалъ обстоятельный очеркъ дѣятельности предшественниковъ Лютера и первыхъ попытокъ къ сверженію папскаго ига, отъ временъ Филиппа Красиваго, короля Французскаго (1302), до Иглавскаго сейма (1436).

Самая исторія Гейссера, раздѣленная на тринадцать главъ повѣствуетъ о возрожденіи и постепенномъ распространеніи реформаціи въ Германіи, Швеціи, Даніи и Англіи; затѣмъ о кальвинизмѣ и важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ XVI и XVII вѣковъ, тѣсно связаннымъ съ движеніемъ религіознымъ (возстаніе Нидерландовъ при Филиппѣ II, религіозныя войны во Франціи, тридцатилѣтняя война, революція въ Англіи и протекторатъ Кромвеля). Почтенный трудъ Гейссера принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ явленій въ современной исторической литературѣ и переводъ ея можно назвать, по всей справедливости, цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую словесность. Пріятно было-бы думать, что чтеніе исторіи Гейссера побудитъ кого-либо изъ нашихъ ученыхъ въ дополненіе ея составить исторію религіозныхъ движеній въ Россіи, напр. со времени появленія ереси «стригольниковъ». Матеріаловъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ настолько накопилось въ печати и сырого, и обработаннаго, что автору не предстояло-бы особенно трудныхъ, приготовительныхъ работъ и изысканій, а между тѣмъ, какаѣ благодарная почва для историка, какое широкое поприще для мыслителя.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1882 г.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за двѣнадцать книгъ, четыре большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей,

ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, Большая Садовая, подлѣ Публичной Библиотеки, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова**, д. № 12. Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, статьи, обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ. — III. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр. — IV. Очерки и статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники. — V. Библиографическіе отзывы о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе рассказы, преданія и замѣтки. — Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная русская словесность. — VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 17 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн., съ порт. и Зал. Порошина 8 руб.

Издатель-редакторъ **М. И. Семеновскій**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Годъ тринадцатый.

М А Й.

1882 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки Густава фонъ-Шtrand-мана. Переводъ съ нѣмец. рукописи. Сообщ. Н. К. фонъ-Шtrandманъ. 1769—1771 гг. 289	IX. Записки генер.-лейтенанта В. Д. Кренке: первые годы С.-Петербургскаго окружнаго интендантства, 1861—1864 гг. Гл. I—II. 499
II. Императрица Марія Теодоровна, супруга Императора Павла † 1828 г. Матеріалы къ ея жизнеописанію. 319	X. Князь Александръ Арнадіевичъ Суворовъ въ воспоминаніяхъ профессора Н. Е. Андреевскаго (окончаніе). 525
III. Записки сенатора Я. А. Соловьева: крестьянское дѣло въ 1857—1859 гг. Глава пятая (продолженіе). V—VI. 389	XI. Замѣтки: Д. И. Завалишинъ.—Кн. А. И. Одоевскій. 563
IV. Князь А. Н. Голицынъ и архимандритъ Фотій, 1822—1825 гг. Сообщ. Н. И. Барсовъ. . . 427	XII. Памяти Ѳ. Ѳ. Звальда: вопросъ оначальныхъ училищахъ въ С.-Петербургской Думѣ. Рѣчи гласныхъ М. П. Семевскаго, Н. В. Латкина, В. И. Лихачева 543
V. Александръ Ивановичъ Тургеневъ, примѣчанія состав. Н. И. Барсуковъ. (Окончаніе) 443	XIII. Василій Ивановичъ Семевскій: Рѣчь его въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ при защитѣ диссертациі на званіе магистра русской исторіи, 17-го февраля 1882 г. 565
VI. Александръ Николаевичъ Поповъ † 16 ноября 1877 г. 463	XIV. Библиографическій листокъ [на оберткѣ].
VII. Воспоминанія и замѣтки А. Ф. Фролова (декабриста) 465	
VIII. Лермонтовъ въ переводѣ французскихъ писателей, 1842—1875 гг. Статья первая (продолженіе). Состав. В. К. Шульцъ. 483	

ПРЕДЛОЖЕНІЕ: Портретъ Михаила Александровича Бестужева, род. 1800 † 1871 г. Гравировалъ Г. И. Грачевъ, ученикъ Академика Л. А. Сѣрякова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Бватерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Марининскимъ мостами, № 90—1.

1882.

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1882 г.

М. Н. Петровъ. Изъ всемірной исторіи очерки. Изданіе 2-е. просмотрѣнное и дополненное. Харьковъ, 1882.—437 стр. въ 8 д. л. Цѣна 2 руб. 50 к. съ пересылкою 2 р. 75 коп.

Появленіе книги профессора М. Н. Петрова вторымъ изданіемъ свидѣтельствуетъ о ея успѣхѣ. Историческія личности, о которыхъ рассказываетъ авторъ, какъ о представителяхъ главнѣйшихъ эпохъ въ жизни народовъ—постоянно возбуждаютъ живѣйшее любопытство въ каждомъ любознательномъ читателѣ. Изъ одиннадцати очерковъ нѣтъ ни одного, который не привлекъ бы его вниманія; въ этомъ легко убѣдиться изъ ихъ перечня. 1) Евангеліе въ исторіи; 2) Германікъ—сцены по Тациту; 3) Мохаммедъ—происхожденіе ислама; 4) Ульрихъ фонъ Лихтенштейнъ—рыцарское служеніе женщинъ въ средніе вѣка; 5) Жанна д'Аркъ—историко-психологическій опытъ; 6) Людовикъ XI—общейсторическая характеристика; 7) Савонарола; 8) Томасъ Мюнцеръ—великая крестьянская война; 9) Эразмъ Роттердамскій—начальная эпоха гуманизма; 10) Филиппъ II—паденіе арагонской конституціи; 11) Петръ Великій—юбилейная рѣчь. Въ послѣдней строгій критикъ найдетъ можетъ быть избытокъ риторики и нѣкоторую страстность, не совѣмъ умѣстную при оцѣнкѣ историческаго дѣятели. Возгласы Феофана Прокоповича и Ломоносова—очень эффектные, и для своего времени приличные—не совѣмъ умѣстны въ нашъ вѣкъ даже и въ рѣчахъ юбилейныхъ.

И. Иванюковъ. Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи. Спб. 1882.—404 стр. въ 8 д. л. Цѣна 3 руб. съ пересылкою 3 руб. 50 коп.

Отдѣльное изданіе сочиненія, печатавшагося въ «Отечественныхъ Запискахъ». Нельзя не отнести сочувственно къ его появленію, такъ какъ великая эра освобожденія крестьянъ, сдѣлавшая нынѣ достояніемъ исторіи, требующая тщательной и всесторонней обработки, только что начинаеть запасаться своею литературою, покуда еще небогатою. Изъ оглавленія книги г. Иванюкова явствуетъ, что онъ слѣдитъ, шагъ за шагомъ, за развитіемъ

великой идеи освобожденія, отъ перваго момента озаренія ею разума и сердца покойнаго Императора Александра II до народоустройства манифеста 19 февраля 1861 г.

Матеріалы для родословія Леонтьевыхъ и Петрово-Соловьевыхъ. Казань. 1881. 47 страницъ безъ оборота въ 8 д. л. и родословная таблица.

При бѣдности отечественной генеалогической литературы—«всякое даяніе благо»—а это изящное изданіе довольно цѣнная лепта. Составителю брошюры Дмитрію Николаевичу Леонтьеву послужила, въ числѣ другихъ матеріаловъ, и «Русская Родословная книга», изданная нашею редакціею. На изданіе свое составитель смотритъ, какъ на корректуру, прося у «сородичей» сообщенія документовъ и свѣдѣній для дополненій. Плотная, проклееная бумага даетъ возможность вписывать таковыя въ самый печатный текстъ. Надо надѣяться, что воззваніе г. Леонтьева не останется безъ отвѣта, а примѣръ его найдетъ подражателей въ средѣ представителей нашихъ старинныхъ дворянскихъ фамилій.

Ф. Орловъ. Очеркъ исторіи С.-Петербургскаго Гренадерскаго короля Фридриха Вильгельма III полка [1726—1880]. Спб. 1881. XII+VI+809 стр. въ 6. 8 д. л.

Составитель представляетъ полную исторію полка—отъ Петра I до 1880 г. Въ приложеніи списки шефовъ, командировъ полка, боевой его формуляръ (съ 1736 по 1878), роспись знаменъ и знаковъ отличій, штаты, перемены въ обмундированіи, мѣсть квартированій; именные списки офицеровъ, заслужившихъ особенныя отличія, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ и нынѣ состоящихъ на службѣ. Хотя авторъ и называетъ свой добросовѣстный, съ любовью исполненный трудъ только «поильною лептою», но книга составлена вполне обстоятельно и хорошо. Лѣтописи полка «молодой гвардіи», не менѣе «старой»—обилуютъ замѣчательными страницами, которыя, безусловно, должны войти въ составъ исторіи нашего доблестнаго воинства. Изданіе изящно.

Историческіе матеріалы. Изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ I-й. Издалъ редакторъ неофициальной части Кіевскихъ губернскихъ

МИХАИЛЬ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ БЕСТУЖЕВЪ

† 21 ЮНЯ 1871 Г. ВЪ МОСКВѢ.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1882 Г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 23 ФЕВРАЛЯ 1882 Г.

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ЗАПИСКИ ГУСТАВА ФОНЪ-ШТРАНДМАНА

1742—1803.

Переводъ съ нѣмецкой подлинной рукописи.

Генераль-отъ-инфантеріи Густавъ Эрнестъ фонъ-Штрандманъ оставилъ по себѣ весьма обширный собственноручно имъ писанный дневникъ, обнимающій періодъ времени съ января 1769 по октябрь мѣсяцъ 1800 года.

Содержаніемъ этого дневника служатъ современные автору походы, военныя кампаніи, описанія разныхъ мѣстностей и городовъ, нравовъ и обычаевъ и характеристики лицъ, съ которыми автору приходилось имѣть служебныя, общественныя или дружескія отношенія, и, кромѣ описанія походовъ на Азовъ, подъ Бендеры, къ Очакову и Крымъ, дневникъ генерала фонъ-Штрандмана интересенъ еще и потому, что занимаетъ въ себѣ подробный, обстоятельнѣйшій рассказъ объ управленіи Сибирскимъ краемъ въ царствованія императрицы Екатерины II и императора Павла I.

Внукъ Густава Эрнеста фонъ-Штрандмана—свиты его императорскаго величества генераль-маіоръ Николай Карловичъ фонъ-Штрандманъ привелъ въ настоящее время дневникъ въ систематическій порядокъ и, приступая къ его печатанію, находитъ не лишнимъ сообщить объ авторѣ онаго нѣсколько біографическихъ свѣдѣній.

Густавъ Эрнестъ фонъ-Штрандманъ изъ дворянъ Лифляндской губ., родился 2-го декабря 1742 году, въ селѣ Сертусѣ. Получивъ первоначальное домашнее воспитаніе, поступилъ 15-го марта 1757 г. въ Шляхетный сухопутный кадетскій корпусъ; въ 1761 г. 10-го апрѣля произведенъ въ капраны и въ томъ же году 18-го мая въ подпрапорщики. Въ 1762 году 6-го марта выпущенъ изъ корпуса капитаномъ въ Вологодскій пѣхотный полкъ, при чемъ былъ удостоенъ нижеслѣдующаго именнаго патента императрицы Екатерины II на пергаментѣ

„Божією милостією мы, Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская и прочая, и прочая. и прочая.

„Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что Шляхетнаго сухопутнаго кадетскаго корпуса подпрапорщикъ Густавъ Эрнестъ Штрандманъ, тысяща семь сотъ шестьдесятъ втораго года марта шестаго дня, въ штабъ къ генераль-фельдмаршалу въ флигель-адъютанты чина капитанскаго пожалованъ, а послѣ того капитаномъ переименованъ, но на тотъ чинъ патента ему по нынѣ было не дано, того ради мы симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣвая всѣмъ нашимъ подданнымъ поминутаго капитана надлежащимъ образомъ признавать и почитать: напротивъ чего и мы надѣемся, что онъ въ семь ему всемилостивѣйше пожалованномъ чинѣ, такъ вѣрно и прилежно поступать будетъ, какъ то вѣрному и доброму офицеру надлежитъ. Во свидѣтельство того мы сіе нашей государственной военной коллегією подписать и государственною печатью укрѣпить повелѣли“.

„Данъ въ Санктъ-Петербургѣ лѣта 1766 ноября 29-го дня.

Въ 1763, 1764 и 1765 годахъ капитанъ фонъ-Штрандманъ находился въ Польшѣ, а со 2 го января 1769 года начинается его дневникъ.

Н. К. Ш.

1769 г.

Маршрутъ нашего вологодскаго полка, какъ онъ шелъ въ Азовъ въ 1769 году, а именно въ ту войну съ Турціей, которая началась за годъ предъ тѣмъ, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ извѣстій о тѣхъ мѣстностяхъ и селеніяхъ, чрезъ которыя полкъ проходилъ.

Нашъ полкъ выступилъ 2-го января, имѣя приказаніе направиться въ крѣпость Дмитровъ-Ростовскій. Я служилъ во 2-й гренадерской ротѣ этого полка, въ чинѣ капитана. Въ нашемъ полку, сверхъ усиленнаго комплекта солдатъ, находилось еще 200 человекъ сверхъ-комплектныхъ. Полковой штабъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: полковника Началина, поручика Григорія Дѣденева, премьеръ-маіора Врангеля и секундъ-маіора Дмитрія Жеребцова. Такъ какъ я немного замѣшкаться, то мнѣ пришлось выѣхать 15-го числа этого мѣсяца вмѣстѣ съ нашими капитанами Боксъ и Юрвицкимъ. Мы проѣхали чрезъ города Тулу, Дѣдилово, Богородскъ и догнали полкъ въ Ефремовѣ. Эти три послѣднія селенія, официально изображающія собою города, въ дѣйствительности являлись самыми скверными деревнями, какія я когда либо видѣлъ. По недостатку бревенъ, всѣ дома построены изъ плетеныхъ прутьевъ, обмазаны глиной, при томъ они низки, малы и крыты соломой. Недостатокъ лѣсовъ, на 100 слишкомъ верстъ въ окружности, столь великъ, что жители не могутъ

топить печей даже хворостомъ и постоянно употребляютъ для этого солому. Не смотря на непривлекательность и не совсѣмъ опрятную жизнь, всѣ крестьяне отъ Тулы до Воронежа весьма зажиточны. Земля въ этой мѣстности, пожалуй, самая плодородная по всей Россіи и черна какъ уголь. Исключая нѣсколькихъ горъ, тутъ ѣдешь почти постоянно по полямъ, которыя такъ гладки и велики, что и конца имъ не видно. Извѣстно, что главное богатство крестьянина состоитъ въ скотѣ, лошадахъ и зерновыхъ хлѣбахъ; а потому можно сказать, что всѣ здѣшніе крестьяне въ этомъ отношеніи очень богаты.

Отъ Москвы до Ефремова двѣсти слишкомъ верстъ. Съ Ефремова мы пошли съ нашимъ полкомъ вправо, чтобы не проходить по такъ называемой Ефремовской степи, простирающейся на 45 верстъ, такъ какъ съ 18-го января до 1-го февраля непрерывно стояли ужасные морозы. Это совершенно гладкая, безлѣсная и даже безкустарная степь, и не будь здѣсь большая дорога обозначена съ обѣихъ сторонъ прутьями или турами, сплетенными изъ соломы и разставленными другъ отъ друга на разстояніи отъ 8 до 10 сажень, то путешественникъ хоть не ѣзди, потому что даже при самой ничтожной мятели, большая дорога исчезаетъ.

26-го января прибыли мы въ г. Елецъ, который находится въ 380 верстахъ отъ Москвы. Этотъ городъ, какъ почти всѣ русскіе города, выстроенъ дурно. Здѣсь догналъ свой полкъ нашъ командиръ, ирѣхавшій изъ Москвы съ нѣсколькими офицерами. Фуражъ въ Елецѣ былъ необыкновенно дешевъ, четверикъ овса стоилъ на рынкѣ 5 коп., сѣно дороже, а именно 4 или 5 коп. за пудъ. Вообще мы нашли, что крестьяне продавали четверикъ овса за ту же цѣну, какъ и за пудъ сѣна.

Отъ Елеца до Воронежа 130 верстъ. Здѣсь разселены однодворцы, почти тѣ же крестьяне, но съ тою разницею, что они владѣютъ родовыми землями, а иногда даже и крѣпостными. Эти однодворцы, наполняющіе собою Воронежскую губернію, отличные люди, очень спокойнаго и гостепріимнаго нрава, но очень лѣнны. Послѣдній наборъ, въ старыя полки, состоялъ только изъ крестьянъ этихъ мѣстностей и изъ однодворцевъ. Въ прежніе времена однодворцы, почти на половину, были, собственно говоря, дворяне, пользовавшіеся, наравнѣ съ остальными русскими дворянами, одинаковыми правами и привилегіями, которыя они почему-то утратили въ предшествовавшія царствованія, такъ что нынѣ должны платить подушныя подати, наравнѣ съ остальными крестьянами.

1-го февраля прибыли мы съ нашимъ полкомъ въ Воронежъ. Губернаторомъ здѣсь былъ Алексѣй Михаиловичъ Масловъ, генераль-

лейтенантъ и кавалеръ св. Анны. Городъ лежитъ на рѣкѣ Воронежѣ, довольно великъ и посредственно выстроенъ; много каменныхъ домовъ, больше чѣмъ въ Новгородѣ; кромѣ того тутъ есть не мало богатыхъ купцовъ, которые живутъ настолько замкнуто, что даже днемъ не выходятъ изъ своихъ домовъ. Самый городъ весь построенъ на горахъ; берега рѣки круты и высоки. Въ лавкахъ, за исключеніемъ хорошаго вина, можно получить все, что угодно. Полевая войска здѣсь не стоятъ, по крайней мѣрѣ жители удостовѣряли меня, что уже болѣе двадцати лѣтъ не видали такого рода войскъ. А между тѣмъ полкъ могъ бы здѣсь расквартироваться съ большимъ удобствомъ. Четверть ржи мы покупали за 1 р. 40 коп., что, по сравненію съ прежними цѣнами, необыкновенно дорого, и это потому, что устройство большихъ продовольственныхъ магазиновъ въ Бахмутѣ и Изюмѣ, для потребностей нынѣшней войны, сильно подняло цѣны на всѣ подобные продукты.

3-го февраля полкъ выступилъ изъ Воронежа. Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ менѣе было снѣгу, который кое-гдѣ еще держался, только вслѣдствіе постоянныхъ морозовъ. Изрѣдка встрѣчались лѣса, исключительно дубовые. Березовыхъ деревьевъ здѣсь совсѣмъ не видать, по крайней мѣрѣ, жители увѣряли, что береза у нихъ вовсе не водится. За то мы видѣли повсюду большое селитренное производство, эксплуатируемое казною.

6-го прибыли въ Рыбинъ ¹⁾, первый казакій городъ, населенный преимущественно казаками же. Постройки въ немъ лучше, чѣмъ въ другихъ небольшихъ городахъ, по крайней мѣрѣ нѣтъ курныхъ хатъ и попадается не мало каменныхъ домовъ, построенныхъ довольно правильно. Рыбинское купечество богато и ведетъ оживленную торговлю съ жителями пограничныхъ крѣпостей.

8-го мы продолжали походъ и, пройдя 45 верстъ степью, дошли до деревни Ерошевки. На всемъ пути не было ни одного селенія. На полпути людямъ дали вареной капусты и хлѣба, который нашъ полковникъ велѣлъ привезти изъ сосѣднихъ деревень. Эта дорога была очень холмиста. Въ Ерошевкѣ есть церковь и 95 домовъ, населенныхъ исключительно казаками.

10-го февраля сдѣлали семидесяти-верстный переходъ черезъ большую степь до большаго казаккаго села Новобѣлаго. Полкъ выступилъ въ 3 часа утра и тѣмъ не менѣе не могъ прибыть въ назван-

¹⁾ Городъ Рыбинъ находится въ Украинѣ; далѣе въ 10-ти верстахъ граница Украины и начинается земля казаковъ, причисленныхъ къ Бѣлгородской губерніи

ное село раньше 7 часовъ вечера; а такъ какъ въ этотъ же день выпалъ сильный снѣгъ, отчего скверная дорога сдѣлалась еще хуже, то наши люди необычайно страдали. Приблизительно на полпути находился небольшой скотный дворъ съ хуторомъ изъ трехъ хатъ. Подобныхъ хуторовъ не мало разсѣяно въ этой степи, и всѣ они имѣютъ между собою сношенія, въ случаѣ если покажется волкъ или какой-нибудь другой хищный звѣрь; тогда хозяева сгоняютъ со степи къ хуторамъ свои конскіе табуны, кромѣ жеребцовъ, которые нападаютъ на звѣря и топчутъ его до смерти копытами. Здѣсь можно увидѣть верблюдовъ, мѣстнаго приплода, которыхъ очень много у калмыковъ.

17-го прошли мы двадцать верстъ до Митякины, лежащей при впаденіи въ Донецъ рѣчки Деркулъ. Мы шли по этой послѣдней рѣкѣ отъ Новаго Деркула. Донецъ имѣетъ здѣсь отъ 6 до 8 сажень ширины и лѣтомъ, говорятъ, до того мелокъ, что по немъ могутъ плавать только плоты или паромы. Здѣсь нагнали свой первый баталіонъ и застали два казачьихъ полка.

18-го прошли чрезъ Гундорово въ Каменскій.

19-го до Калитвенской станціи, а 20-го прошли мы 33 версты до Калитвы, отсюда полковникъ пошелъ впередъ съ нѣсколькими офицерами въ крѣпость святаго Дмитрія. Калитва лежитъ на рѣкѣ Донцѣ, чрезъ который мы переправились за день передъ тѣмъ и на берегахъ котораго видѣли множество калмыцкихъ кибитокъ. Большая часть поселившихся здѣсь калмыковъ жила прежде на Дону. Но такъ какъ они въ предъидущую войну совершили много грабежей и убійствъ, оправдываясь тѣмъ, что это сдѣлали не они, а враги, то въ предупрежденіе такихъ поступковъ, ихъ поселили сѣвернѣе въ землѣ донскихъ казаковъ.

21-го мы вновь переправлялись два раза чрезъ Донецъ, и въ послѣдній разъ съ трудомъ, такъ какъ по срединѣ его были большія полыньи. Вообще эта рѣка образуетъ много изгибовъ, и наконецъ поворачиваетъ вдѣво и впадаетъ въ Донъ. Мы въ этотъ день совершили усиленный переходъ въ 60 верстъ и притомъ чрезъ совершенно голую степь. Приблизительно на полпути нашли мы развалившуюся землянку, гдѣ живутъ два казака, завѣдывающіе почтой. Снѣгу становилось замѣтно менѣе. Нигдѣ не было видно ни одного дерева, развѣ только подлѣ Донца, по берегамъ котораго растетъ непрерывный дубовый лѣсъ. Селеніе, куда мы прибыли, называлось Кунжючекъ.

23-го прибылъ въ Раздоръ генералъ-лейтенантъ Вернесь, который долженъ былъ командовать нами въ Дмитріѣ и въ тотъ же день пошелъ далѣе.

25-го пришли мы въ Черкасскъ. Это резиденція атамана донскихъ казаковъ, котораго зовутъ Данилой Степановичемъ Ефремовымъ. Городъ, какъ и всѣ украинскіе города, дурно выстроень, лежитъ на Дону и совсѣмъ не укрѣплень, если не считать небольшой редутъ съ нѣсколькими орудіями, который находится въ нѣкоторомъ разстояніи у рѣки.

Только въ это военное время приказалъ господинъ Ефремовъ, который дѣйствительный бригадиръ при арміи, окружить городъ крѣпкими палисадами и помѣстить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пушки. Раньше, чѣмъ мы дошли до Черкасса, осмотрѣлъ я отстоящую отъ него на пять верстъ крѣпость Св. Анны, которая лежитъ недалеко отъ Дона въ очень низкой и потому нездоровой мѣстности. Это правильный шестиугольникъ, имѣющій четыре равелина, съ сухимъ ровомъ, крытыми путями и гласисомъ. Бастіоны, фланги и куртины до сихъ поръ въ довольно хорошемъ состояніи. Впрочемъ, крѣпость совершенно пуста, такъ какъ всѣ ея постройки были перенесены въ Св. Дмитрія.

26-го прибыли мы, наконецъ, благополучно въ крѣпость Св. Дмитрія Ростовскаго. Она лежитъ совсѣмъ у Дона и состоитъ изъ 12-ти бастіоновъ, которые соединены вмѣсто куртинъ палисадами и помѣщены такимъ образомъ, что линія палисадъ образуетъ прямой уголъ. Нѣсколько недѣль послѣ нашего прихода начали сооружать вокругъ крѣпости настоящій ровъ, крытый путь и гласисъ, что должно было быть окончено въ этомъ году, такъ какъ этою работою ежедневно занимались 3,000 человекъ.

По обѣимъ сторонамъ крѣпости, на берегу, на разстояніи пушечнаго выстрѣла, выстроены большія предмѣстья, въ одномъ изъ которыхъ, по направленію къ Азову, былъ помѣщенъ весь нашъ полкъ. Въ крѣпости нѣсколько хорошихъ казармъ, выстроенныхъ для штабныхъ офицеровъ, гдѣ и былъ расквартированъ весь нашъ штабъ. Командиромъ былъ генералъ-маіоръ Потаповъ. Остальные дома очень дурны и на весь городъ существуетъ нѣсколько лавокъ. Во всей этой мѣстности, на сто верстъ кругомъ, нельзя найти дровъ ¹⁾, которые поэтому здѣсь очень дороги. За небольшую вязанку, и то съ трудомъ добываемую, платили мы отъ рубля до 1 р. 20 коп. Вслѣдствіе недостатка дровъ для варки и топки употребляютъ тростякъ въ палецъ толщиною и три аршина вышиною, который растетъ на берегу Дона; все же вязанка его стоила отъ 20 до 24 коп. Зато рыба очень

¹⁾ Лѣсъ можно найти уже въ Таганрогѣ, а именно за 100 верстъ отсюда, также за 60 верстъ отъ Дмитрія по дорогѣ въ Бахмутъ. Г. III.

дешева. Лучшаго осетра, въ которомъ нашли болѣе 20 фун. икры, покупали мы за 1 р. или 1 р. 20 коп.; стерлядь, болѣе чѣмъ въ полтора аршина, за 5 до 8 коп., и 1 фун. икры—за 3 до 4 коп. Кромѣ того, ловятъ одну рыбу, называемую таранью, и вытаскиваютъ ее за одинъ разъ въ количествѣ болѣе 20,000 штукъ, приче́мъ стоимость одной тысячи отъ 10 до 15 коп. Тарань вредна для здоровья, причиняя по большей части лихорадку. Вдоль Дона, въ этой мѣстности, встрѣчается много хуторовъ и загоновъ для скота, пустынное поле, которое тянется на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ.

Только 20-го марта у насъ была отличная погода и такъ тепло, что днемъ можно было оставлять окна открытыми впродолженіи нѣсколькихъ часовъ, что и побудило генерала Вернеса приказать намъ выступить въ лагери 4-го апрѣля; хотя это было очень рано, но мы не чувствовали ни малѣйшаго неудобства. Съ 1-го апрѣля трава уже настолько выросла, что можно было пасти лошадей.

Такъ какъ были получены извѣстія о нападеніи татаръ около Бахмута, вслѣдствіе чего и мы могли ожидать ихъ посѣщенія даже и въ предмѣстьѣ, въ верстѣ отъ крѣпости, гдѣ насъ расквартировали, то кромѣ обычныхъ пикетовъ, роты должны были выходить по очереди въ караулъ на поле, что и продолжалось до 25-го марта, когда были получены извѣстія успокоительныя.

10-го въ нашемъ лагерѣ съ большимъ торжествомъ освѣщали вновь полученныя знамена. Полковникъ, преклонивъ колѣно, принималъ ихъ въ церкви, одно за другимъ, отъ генерала Вернеса и передавалъ штабъ-офицерамъ, которые, въ свою очередь тоже преклонивъ колѣна, вручали ихъ прапорщикамъ, а тѣ—знаменщикамъ (юнкерамъ). Старшій капитанъ, стоявшій предъ папертью съ гренадерскою ротою, принималъ знамена изъ церкви и относилъ ихъ къ полку, который былъ выстроенъ для парада съ должной церемоніей.

11-го апрѣля выступили мы изъ Дмитрія и пройдя въ теченіи дня около 12 верстъ остановились на ночлегъ на берегу Донца,—такъ называется рукавъ Дона, впадающій въ Азовскій заливъ.

12-го перешли съ трудомъ чрезъ Донецъ, и потому не могли сдѣлать болѣе 14 верстъ.

13-го дана дневка и совершена переправа полковаго обоза чрезъ Донъ, а 14-го переправились и мы.

Для переправы имѣлось только одно судно, а рѣка необычайно разлилась, и потому нашъ полкъ дошелъ до указанного ему лагеря подъ Азовымъ только послѣ полудня. Лагерь былъ расположенъ на Кубанской сторонѣ, совѣтъмъ подлѣ гласиса, имѣя правый флангъ на высотѣ до 40 сажень вышины, находящейся у берега Дона, а лѣвый

флангъ, т. е. моя гренадерская рота, находился въ 20 шагахъ отъ старыхъ земляныхъ укрѣпленій. Такъ какъ на мѣстѣ нашего лагеря нѣкогда стоялъ старый турецкій городъ, то мѣстность была очень кочковата и не ровна.

Азовъ слишкомъ извѣстенъ въ историческомъ отношеніи, и потому нѣтъ надобности распространяться о его прежнихъ владѣтеляхъ. Я только замѣчу, что эта крѣпость была взята въ 1736 году по приказанію генерала Ласси, и взорвана въ 1739 г. по условію Бѣлградскаго мира, послѣ чего Азовъ сдѣланъ пограничнымъ городомъ между Россіей и Турціей. По этому же трактату былъ покинутъ русскими и Таганрогъ, съ тѣмъ неперемѣннымъ условіемъ, чтобы обоими городами впредь не владѣло ни то, ни другое государство.

Азовъ пострадалъ болѣе Таганрога; въ немъ не нашли мы цѣлымъ ни одного верка, ни одного полевого укрѣпленія; бѣльшая часть рововъ была засыпана землею; вслѣдствіе взрывавшихся снарядовъ, крытый путь и гласисъ изрыты минами. Хорошія стѣны, защищавшія городъ по берегу Дона, совершенно въ развалинахъ; каменные дома разрушены; однимъ словомъ, видъ этой крѣпости, которую я увидѣлъ въ первый разъ въ мартѣ, былъ ужасенъ.

Уже въ мартѣ мѣсяцѣ былъ посланъ баталіонъ Ростовскаго полка, состоявшій изъ 500 человекъ, подъ командою маіора Ильина, для занятія этой крѣпости. И когда прибыли сюда рабочіе, назначенные въ числѣ 3,000 человекъ, то они принялись за дѣло съ большимъ усердіемъ. Сперва назначили работникамъ уроки по общему распісанію; но развитіе болѣзней, сократившихъ въ нѣсколько недѣль число рабочихъ до половины, заставило уменьшить уроки; а затѣмъ состоялся указъ, чтобы вмѣсто трехъ коп. поденной платы имъ выдавать по пяти копѣекъ. Изъ этихъ бѣдныхъ крестьянъ, уходя за которыми во время ихъ болѣзни былъ очень плохъ, умерло болѣе 500 человекъ. и случалось такъ, что въ день умирало отъ 12 до 13 человекъ. Господствующими видами болѣзней были кровавый поносъ и злокачественная горячка. Въ нашемъ полку умерло до сентября мѣсяца 150 солдатъ и подпоручикъ Тенишевъ изъ первой мушкатерской роты.

Мы нашли въ цвѣту уже всѣ плодовыя деревья, изъ которыхъ многія въ дикомъ состояніи растутъ около Азова, и въ концѣ мая у насъ были уже спѣлыя вишни. Здѣсь одолѣвали насъ не только знойные дни, стоявшіе до сентября, но и отвратительныя змѣи, которыхъ убивали ежедневно сотнями. Особенный зной стоялъ въ іюль, и я замѣтилъ, что самая жаркая пора дня продолжалась отъ часу до шести пополудни. Отъ 10 часовъ утра до 2-хъ пополудни здѣсь

нерѣдко налетали сильныя вихри, которые могли бы благодѣтельнымъ образомъ освѣжить людей, если бы не были уже слишкомъ сильны; часто бывали у насъ и сильныя грозы, которыя по большей части приходили съ Азовскаго залива, и часто сопровождались необычайно крупнымъ градомъ.

Генералъ-лейтенантъ Вернесь, стоявшій лагеремъ на нашемъ правомъ флангѣ, получилъ извѣстіе, что турецкій флотъ плыветъ къ Азову и Таганрогу, и поэтому рѣшили устроить батарею на Каланчѣ, одномъ изъ широкихъ рукавовъ Дона. Я былъ командированъ туда съ 50 работниками, двумя каменщиками и нѣсколькими солдатами, чтобъ на заранѣе избранномъ мѣстѣ построить редутъ на семь орудій. Укрѣпленіе было окончено къ 10 іюня, когда и отправили къ нему команду и пушки.

14-го іюня прибыли къ Азову построенныя въ Воронежѣ два паррома и пять большихъ лодокъ; изъ числа назначенныхъ сюда семи паромовъ и 60 лодокъ, пять паромовъ сѣли на мель въ 100 верстахъ отсюда, вслѣдствіе мелководья. На каждомъ паромѣ было по 44 пушки, изъ которыхъ половина 24-фунтовыя, а остальные 18-фунтовыя, а на каждой лодкѣ по 8-ми фалконетовъ и по одной 3-фунтовой пушкѣ, стоявшей на носу. Одинъ паромъ стоялъ на Каланчѣ, не далеко отъ моего редута, а другой подлѣ Азова. Три лодки были распределены для сторожевой службы въ различныхъ мѣстахъ при устьѣ Дона. Вицъ-адмиралъ и кавалеръ св. Анны Алексѣй Наумовичъ Синявинъ, начальникъ назначенной сюда флотиліи, прибылъ и выбралъ своей главной квартирой Дмитрій-Ростовскій. Три казачьихъ полка, въ которыхъ было по 500 человекъ, были размѣщены по Кубанскому берегу на протяженіи 12-ти верствъ, по рѣкѣ Качальникъ, откуда эти посты должны были ежедневно высылать большіе и малые патрули. Малые посылаются отъ одного форпоста къ другому, большіе же, состоявшіе изъ старшины и шести казаковъ, доходили до рѣки Ейское, находящейся въ 150 верстахъ отсюда. На движеніе такихъ патрулей туда и обратно полагалось четыре дня, и такъ какъ каждый день непременно выступалъ новый патруль, то свѣдѣнія изъ этого района шли безостановочно. Первый патруль шелъ по Азовскому заливу до Ейска, затѣмъ 20 или 30 верствъ вдоль по этой рѣкѣ и возвращался домой уже прямо черезъ степь. Другой патруль, выступавшій на слѣдующій день, шелъ сначала черезъ степь къ Ейскому, затѣмъ къ устью этой рѣки и возвращался по берегу Азовскаго залива. Кромѣ того, для увѣренности, что патрули исполняютъ свое назначеніе и осматриваютъ мѣстность у Ейска, каждый изъ нихъ долженъ былъ взять въ извѣстномъ мѣстѣ палочку, оставленную тамъ

предшествовавшимъ патрулемъ и положить на то же мѣсто новую палочку для слѣдующаго патруля. По возвращеніи, патруль предъявлялъ палочку полковому командиру.

Изъ настоящихъ Донскихъ казаковъ, здѣсь находилось только два полка, именно люди атамана Ефремова; третій же полкъ, стоявшій обыкновенно въ Ростовѣ и сформированный въ прошлую войну, послѣ взятія Азова, состоялъ изъ Азовскихъ казаковъ.

23-го апрѣля генеральсь-адъютантъ капитанъ Дистерловъ отправился съ 60 казаками за 150 верстъ до Ейска и возвратился 1 мая, ничего не сдѣлавъ и не видавъ ни одного непріятеля, но за то привелъ своему генералу дикаго жеребца.

22-го іюня былъ вновь посланъ эсаулъ Бѣляевъ съ сотнею казаковъ по Кубани. Онъ дошелъ до перваго непріятельскаго города Анапы, который лежитъ на рѣкѣ Кубань приблизительно въ разстояніи 200 верстъ отъ Азова, и такъ какъ турки открыли по нимъ артиллерійскій огонь стоявшихъ на морѣ судовъ, то Бѣляевъ принужденъ былъ отступить.

Въ среднихъ числахъ августа мѣсяца получили мы извѣстіе, что непріятельскій флотъ, который долженъ былъ спустить десантъ въ Азовъ и Таганрогъ, дѣйствительно прибылъ въ Кафу, но что десантный отрядъ взбунтовался, убилъ своего командира, все бросилъ и разошелся.

Между тѣмъ, работы около Азова продолжались съ тою же успѣшностью, такъ что гласисъ и палисады были совсѣмъ уже готовы въ срединѣ сентября; всѣ бастіоны находились въ отличномъ состояніи, а изъ четырехъ рavelиновъ были уже выстроены три. Вологодскій полкъ съ однимъ знаменемъ занималъ караулы въ крѣпости, гдѣ было поставлено болѣе 110 орудій различнаго калибра. Вообще для Азова и Таганрога предполагалось 300 орудій.

Въ октябрѣ всѣ крѣпостныя сооруженія были приведены въ довольно хорошее состояніе и все вообще было приспособлено къ сильной оборонѣ.

2-го октября прибылъ курьеръ отъ графа Румянцева, который привезъ приказъ о моемъ повышеніи. Я былъ назначенъ секунд-маіоромъ въ Елецкій полкъ, и потому, приведя все въ порядокъ по моей части, уѣхалъ верхомъ въ Ростовъ.

Не могу пройти молчаніемъ слѣдующаго явленія, замѣчательнаго въ Азовѣ. Во время сильныхъ ночныхъ грозъ на остріяхъ у часовыхъ, стоявшихъ по высокимъ бастіонамъ, замѣтенъ былъ огонь, который, не вредя штыкамъ, оставался на нихъ часто въ продолженіи цѣлаго часа. Когда ружье уклоняли отъ вертикальнаго положенія, то этотъ

огонь погасаль скорѣе, а если часовые держали ружье такъ, что концы штыковъ были обращены къ землѣ, то огня на нихъ никогда не появлялось. Но всего любопытнѣе то, что ничего подобнаго не замѣчали часовые, ни въ Ростовѣ, ни въ Таганрогѣ, хотя эти города находятся отъ Азова всего на разстояніи 30 верстъ.

15-го октября поѣхаль я въ Ростовъ и направился прямо чрезъ степь въ Бахмутъ, сдѣлавъ по 20-е число, день прибытія моего въ Бахмутъ, всего 230 верстъ; на всемъ этомъ пути не было ни деревень, ни хуторовъ, за исключеніемъ Гусарской слободы, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчались землянки, покинутыя жителями, бѣжавшими изъ боязни нападенія татаръ.

Во все продолженіе моего пути, стояли необычайные морозы. Изъ Ростова до Бахмута есть еще другая дорога, проложенная по заселенной мѣстности, а именно чрезъ хутора Донскихъ казаковъ, но эта дорога въ 500 слишкомъ верстъ и потому я рѣшился выбрать хотя и менѣе удобный, за то кратчайшій путь.

Въ Бахмутѣ узналъ я, что вся вторая армія уже возвращается на зимнія квартиры и здѣсь же встрѣтилъ генераль-лейтенанта Берга и генераль-маіора Романиуса. Первый, сдѣлавъ со своимъ корпусомъ неудачную попытку вторженія въ Крымъ, расположился уже на зимнихъ квартирахъ въ Бахмутѣ.

4-го ноября выѣхаль я изъ Бахмута съ премьер-маіоромъ Врангелемъ, который былъ переведенъ въ Черниговскій полкъ, и 15-го прибыли мы въ деревню Тарановку ¹⁾, гдѣ долженъ былъ расквартироваться Елецкій полкъ, еще не прибывшій на мѣсто.

18-го маіору Вранголю продолжалъ свой путь въ Полтаву.

Елецкій полкъ ²⁾, прибывшій нѣсколько дней спустя, расположился на зимнихъ квартирахъ, которыя, противъ нашего ожиданія, оказались покойны и хотя, согласно различнымъ извѣстіямъ, у насъ опасались сильнаго вторженія татаръ, тѣмъ не менѣе все прошло благополучно. Графъ Панинъ, расположившійся съ нѣсколькими полками въ Харьковѣ, въ виду этого ожидаемаго вторженія, принялъ такія разумныя мѣры, далъ такое отличное положеніе своему кордону (пограничной стражѣ) внѣ боевой линіи и расположилъ всѣ полки такъ, что татары не смѣли насъ тревожить. По его генеральному приказу всѣ деревни, на случай нападенія, были укрѣплены

¹⁾ Тарановка лежитъ въ 50 верстахъ отъ Харькова въ 25 отъ Алексѣевской крѣпости и въ 120 верстахъ отъ Полтавы.

²⁾ Полковникомъ Елецкаго полка былъ Корретъ, подполковникомъ Пуссонъ и премьер-маіоромъ Бельвицъ; всѣ три женаты. Г. III.

рвами и палисадами, а чтобы имѣть вѣрныя и быстрыя свѣдѣнія о вторженіи непріятеля, около деревень и посреди ихъ были сооружены на возвышенностяхъ маяки (или соломенные вышки отъ 8 до 10 аршинъ вышиною) такъ, чтобы съ одной были видны другія. Доказательствомъ тому, что форпосты были хорошо расположены, можетъ служить слѣдующее: въ ноябрѣ мѣсяцѣ вторглась въ мѣстность около Бахмута небольшая шайка татаръ въ 500 человекъ. Отрядъ изъ 200 казаковъ, которые были поставлены приблизительно въ 70-ти верстахъ впереди линіи нашего расположенія, замѣтивъ, пустился въ погоню, сдѣлалъ внезапное нападеніе, совершенно разбилъ татаръ и освободилъ четырехъ плѣнныхъ русскихъ крестьянъ, да кромѣ того взялъ съ бою 150 лошадей. Вообще кордонъ форпостовъ былъ раздѣленъ на множество треугольниковъ; въ каждомъ изъ нихъ одинъ уголъ или форпостъ заходилъ впередъ за линію направленія на 40, 50 или 60 верстъ. Громадная польза, достигаемая при такомъ расположеніи форпостовъ, состояла въ томъ, что въ какомъ бы мѣстѣ ни прорвался непріятель, на него всегда можно было напасть съ фланга или тыла.

1770 г.

25-го февраля 1770 года, послѣ того, какъ графъ возвратилъ мнѣ мое шестимѣсячное старшинство, былъ я переведенъ въ Воронежскій полкъ премьер-маіоромъ, гдѣ полковникомъ былъ Жербининъ, переведенный въ январѣ изъ гвардіи; подполковникомъ Михельсонъ, который служилъ со мною въ Вологодскомъ полку, а секунд-маіоромъ Елагинъ. Воронежскій полкъ стоялъ тогда въ Харьковѣ.

Мое же старшинство, какъ премьер-маіора, получилъ я 1-го января 1770 года.

4-го марта получилъ я отъ генерала Рененкампа приказъ переправить чрезъ Днѣпръ у Кременчуга тяжелый обозъ пяти полковъ, а именно Ростовскихъ карабинеръ, Сумскихъ гусаръ, затѣмъ Воронежскаго, 2-го Гренадерскаго и Черниговскаго, и принять надъ этими обозами команду въ томъ мѣстѣ, гдѣ они 5-го будутъ снаряжены своими полками.

Выѣхавъ 5-го числа изъ Харькова, я пріѣхалъ 20-го въ Кременчугъ; Днѣпръ былъ въ полномъ разливѣ, который широко, со всѣхъ сторонъ, подступилъ къ городу и окружилъ его. Поэтому надо было переправляться чрезъ рѣку за версту до ея нормальнаго берега и плыть на разстояніи 6-ти верстъ. Для этой цѣли доставлены были

сначала 15, а потомъ 18 судовъ, которые поддерживали сообщеніе все время пока строился мостъ. Такимъ способомъ переправились полки Брянскихъ, Курскихъ, Ратскихъ, Ямбургскихъ и половина полка Ростовскихъ карабинеръ; хотя суда были очень большія, но во время бури на нихъ нельзя было переправляться. Графъ, прибывшій 7-го съ различными волонтерами (добровольцами), переѣхалъ 9-го въ лодкѣ.

Наконецъ, 11-го къ вечеру, былъ оконченъ столь ожидаемый и желаемый мостъ, стоившій, какъ говорятъ, болѣе 8,000 рублей и состоявшій изъ 190 трехсаженныхъ плотовъ, закрѣпленныхъ якорями.

Всѣ войска и обозы, переходя чрезъ рѣку, имѣли видъ потока.

13-го перешелъ я по мосту съ тяжелымъ обозомъ восьми полковъ, такъ какъ къ прежнему прибавился обозъ еще четырехъ полковъ. Въ этотъ день была сильная буря; однако я перешелъ счастливо. Рендеву (rendez-vous) всѣхъ полковъ долженъ былъ быть въ Выскѣ, лежащемъ въ 120 верстахъ отъ Кременчуга.

14-го мая вышелъ я изъ Крюкова, деревни, лежащей у Днѣпровскаго моста, и 20-го достигъ Млеки. Такъ какъ крѣпость св. Елизаветы находится только въ четырехъ верстахъ влѣво отъ этого послѣдняго селенія, то я поѣхалъ туда верхомъ и осмотрѣлъ ее. Крѣпость слабо защищена, вокругъ сухой ровъ; она лежитъ на возвышенности и служитъ обсерваціоннымъ пунктомъ лежащему внизу въ равнинѣ предмѣстью, которое также отчасти защищено небольшими земляными укрѣпленіями противъ внезапнаго нападенія.

23-го прибылъ къ Выскѣ, гдѣ встрѣтился съ графомъ и нѣсколькими полками. Обозы различныхъ полковъ были отосланы въ свои полки, такъ что съ 25-го числа я продолжалъ свой путь въ Добренки только съ обозами нашего Черниговскаго полка и резервныхъ ротъ.

28-го прибылъ въ Добренки. Деревня эта, какъ и всѣ поселенія, начиная отъ Елизаветво (Елизаветграда) населена молдаванами, бѣжавшими въ прошломъ году въ числѣ 3,000 семействъ изъ Молдавіи въ Россію и разселенными правительствомъ въ этой мѣстности; она лежитъ на рѣчкѣ Сѣдневкѣ, отдѣляющей Польшу отъ нашей новой Сербіи и впадающей около Орла въ Бугъ.

1-го іюня выступилъ я изъ Добренки съ находившимся подъ моею командой тяжелымъ обозомъ и прибылъ на слѣдующій день въ Орель, отстоящій отъ Добренки на 40 верстъ. Эта населенная прежде деревня лежитъ на Бугѣ при впаденіи въ него Сѣдневки. При сліяніи обѣихъ этихъ рѣкъ (изъ которыхъ Бугъ шириною въ 37 сажень) начали съ большою поспѣшностью сооружать шанецъ Екатерину.

7-го прибылъ графъ Панинъ съ арміей и занялъ позицію на

Бугъ. Армія эта состояла изъ слѣдующихъ пѣхотныхъ полковъ: 2-го гренадерскаго, Черниговскаго, Воронежскаго, Владимірскаго, Брянскаго, Бѣлевскаго, Курскаго, Ратскаго, Тамбовскаго, затѣмъ изъ отряда егерей въ 1,200 человекъ; кавалерійскихъ: Ямбургскаго, Ростовскаго, Псковскаго карабинерныхъ, Борисоглѣбскихъ драгунъ, Сумскихъ, Изюмскихъ и Черныхъ гусаръ, изъ нѣсколькихъ егерскихъ и казачьихъ полковъ. Въ тотъ же день прибыли сюда 5,000 запорожскихъ казаковъ, которые тотчасъ переправились черезъ выстроенный на Бугѣ понтонный мостъ и съ 16 маленькими пушками были посланы подъ команду Прозоровскаго на Очаковскую сторону. Съ нимъ пошелъ и Борисоглѣбскій драгунскій полкъ.

8-го числа я, по приказанію графа, вновь явился въ полкъ.

Въ тотъ же день выступила армія; выстроившись въ 3 колонны, она дефилировала черезъ Бугъ по понтонамъ и расположилась лагеремъ на турецкой границѣ, въ 8 верстахъ отъ этой рѣки, постоянно маневрируя и стрѣляя.

11-го армія переправилась черезъ рѣчку Кодину, слѣдовательно вошли въ Польшу и расположились лагеремъ при опустошенномъ польскомъ селеніи; тутъ со всѣхъ полковъ была собрана особая команда для укрѣпленія лагеря.

На слѣдующій день мы узнали, что на командированный впередъ отрядъ изъ егерей и конницы напали татары. Съ нашей стороны было убито 15 гусаръ и недоставало много лошадей, а именно 24, которыхъ графъ Панинъ велѣлъ раздѣлить между потерѣвшими офицерами и нижними чинами. Полковникъ Браунъ чуть не былъ взятъ въ плѣнъ.

13-го и 14-го продолжалось дальнѣйшее движеніе арміи и съ 18-го числа всѣ полки уже имѣли при себѣ провіанту на три мѣсяца, для чего у каждаго пѣхотнаго полка имѣлось 145 повозокъ, 540 быковъ и 40 лошадей. Кавалерія же получила все въ уменьшенной на половину пропорціи, противъ пѣхоты.

Со втораго перехода полковникъ Фелькерзамъ пошелъ со своимъ отрядомъ егерей влѣво отъ Буга на Балту, для наблюденій за непріателемъ съ Очаковской стороны, а вправо къ Днѣстру, приблизительно параллельно съ нами, двинулся генералъ Елемптъ съ 5 пѣхотными и 2 кавалерійскими полками.

22-го мы достигли Балты, куда прибылъ и генералъ Елемптъ съ 3 пѣхотными полками, а именно: Орловскимъ, Козловскимъ и Сѣвскимъ, и съ 17 двѣнадцати-фунтовыми орудіями. Для прикрытія осадной артиллеріи, которая слѣдовала за нимъ и пошла по другой дорогѣ вправо, былъ откомандированъ Елецкій полкъ, а для при-

крытія нашего тяжелаго обоза—Тамбовскій. Стародубскій полкъ генераль Елемптъ послалъ къ генераль-маіору Бурніану, который въ прошлую зиму построилъ мостъ чрезъ Днѣстръ въ Сорокахъ, и съ которымъ намъ приказано было соединиться не слѣша. Полковникъ Фелькерзамъ подвинулся съ находившимся подъ его командою отрядомъ егерей въ Илью, куда были отряжены для его подкрѣпленія нѣсколько гренадерскихъ ротъ и эскадроновъ резервнаго корпуса.

24-го пришли мы въ Бѣрзу и узнали, что князь Прозоровскій находится недалеко отъ Очакова и что часть его запорожцевъ привели въ безпорядокъ непріятельскій пикетъ. взявъ при этомъ въ плѣнъ 3-хъ человекъ и 5,000 овецъ.

26-го числа пришли въ Дубово. гдѣ 28-го отпраздновали этотъ праздничный день молебствіемъ и троекратнымъ бѣглымъ огнемъ по всей арміи—послѣ чего мы выступили и, пройдя 16 верстъ, достигли до Днѣстра, при впаденіи въ него Ягорлыка.

Отъ Буга до Днѣстра армія не шла ни разу болѣе чѣмъ въ четыре колонны, а при встрѣчавшихся длинныхъ дефиляхъ и въ двѣ колонны. Эти колонны въ пѣхотѣ постоянно образовывали длинныя карре, причемъ каждая шла слѣдующимъ образомъ: сперва гусары, а за ними карабинеры по полу-эскадронамъ; затѣмъ оставшія гренадерскія роты и ежедневные пикеты отъ пѣхотныхъ полковъ, предъ которыми находилось по орудію отъ каждаго пѣхотнаго полка, бывшаго въ составѣ колонны, затѣмъ часть полевой артиллеріи, а за нею длинное карре пѣхоты, имѣя во главѣ своей только два взвода. Обозы шли внутри карре, имѣя съ обѣихъ сторонъ около себя полевую и полковую артиллерію. Тѣ же обозы, которые не умѣщались въ карре, шли позади его и прикрывались пѣхотнымъ арріергардомъ. Впрочемъ, во время похода насъ постоянно прикрывали спереди и съ фланговъ большія части казаковъ, шедшія въ разстояніи одной или двухъ верстъ отъ колонны.

28-го іюня вечеромъ были посланы на ту сторону Днѣстра 300 казаковъ, чтобы развѣдать, нѣтъ ли вблизи непріятеля; а 29-го, послѣ утренней зори, вторая рота скрытно перешла по наведенному ночью повтоіному мосту, въ 90 сажень въ ширину. Въ тотъ же день переправился прибывшій изъ Владычика генераль Сорицъ съ полками Черныхъ и Желтыхъ гусаръ. Гусарскій развѣздъ былъ посланъ въ Бендеры и такъ какъ командовавшій имъ поручикъ не встрѣтилъ (врага) до самаго города, то и разрядилъ пистолетъ о стѣну.

30-го утромъ прибылъ тяжелый обозъ, осадная артиллерія, отряженная къ намъ изъ Кіева, и полки Староспольскій, Тамбовскій и Елецкій. Эта артиллерія состояла изъ 18-ти и 24-хъ фунтовыхъ,

14-ти и 18-ти фунтовыхъ пушекъ, изъ 8-ми и 5-ти пудовыхъ и 20-ти полупудовыхъ мортиръ.

1-го іюля, въ то время, какъ полки переходили чрезъ Днѣстръ, генераль-маіоръ Каменскій получилъ приказаніе оставаться со слѣдующими полками по сю сторону рѣки, для того чтобы, идя по берегу Днѣстра, параллельно арміи, приблизиться къ крѣпости Бендеръ. Для этой цѣли были предназначены пѣхотные полки: Воронежскій и Бѣлевскій, а изъ кавалерійскихъ: Ямбургскій, Изюмскій, четыре Донскихъ казачьихъ и 2 эскадрона Желтыхъ гусаръ. Съ этимъ отрядомъ прошли мы 1 іюля 5 верстъ внизъ по теченію Днѣстра, а 2-го числа присоединился къ намъ отрядъ артиллеріи, именно 4-ре 12-ти фунтова пушки, 4-ре 20-ти фунтова и 4-е 5-ти пудова мортиры. Армія на той сторонѣ Днѣстра подвинулась впередъ.

4-го прошли мы 13 верстъ и соединились съ отрядомъ егерей и 4-мя ротами гренадеръ, которымъ отрядомъ командовалъ полковникъ Фелькерзамъ.

Оставшаяся гренадерская рота нашего и таковая же Бѣлевскаго полковъ присоединились къ этимъ 4-мъ гренадерскимъ ротамъ и подъ командою подполковника Репнина, дошли 6-го до рѣчки Ташлыка.

6-го же были посланы впередъ 3 маленькіе отряда по 50 и 60 человекъ и когда они увидѣли непріятельскій авангардъ, то для подкрѣпленія ихъ былъ отраженъ гусарскій маіоръ Дедевиттъ съ казачьимъ полкомъ, который на другой день атаковалъ непріятельскую конницу, состоявшую изъ 1,000 чел., обратилъ ее въ полнѣйшее бѣгство и преслѣдовалъ до мѣста, лежащаго въ двухъ верстахъ отъ Бендеръ, причемъ у непріятеля убито 40 и взято въ плѣнъ 9 чел. Въ дѣлахъ особенно отличились гусарскій поручикъ Виркевичъ, пѣхотный поручикъ Валувьевъ (Валуевъ?) волонтеръ и прапорщикъ гвардіи Нолькенъ, и сержантъ Воронежскаго полка Пыкичевъ; послѣдній былъ произведенъ въ прапорщики. У насъ былъ убитъ одинъ кавакъ и 3 ранены.

9-го, пройдя 15 верстъ, расположились лагеремъ такъ, что Днѣстръ пришелся у насъ въ тылу. Здѣсь узнали, что армія одержала побѣду надъ непріятельскимъ авангардомъ: посланный впередъ отрядъ, подъ командою генераль-маіора Щербатова, напалъ на 4.000 турокъ, разбилъ ихъ и прогналъ за рѣку Быкъ. 200 турокъ было убито, около 50 взято въ плѣнъ. Съ нашей стороны убиты Ростовскаго карабинернаго полка поручикъ и 6 солдатъ, да 20 человекъ ранено.

13-го прошли мы 25 верстъ для того, чтобы избѣжать Тиника и заняли прекрасную позицію на возвышенности, съ которой увидѣли Бендеры. Днѣстръ остался вправо отъ насъ. На слѣдующій день въ

два часа пополудни умеръ въ нашемъ полку сверхкомплектный премьер-маіоръ Мосгеймсъ (сынъ знаменитаго ученаго протестанскаго теолога и историка съ 1694—1755 г.). Армія графа Панина стояла противъ насъ на другомъ берегу, и 14 перешла чрезъ Бугъ.

15-го мы прошли 15 верстъ и уже были отъ Бендеръ въ разстояніи пушечнаго выстрѣла, когда по насъ открыли артиллерійскій огонь изъ крѣпости. Къ счастью ядра не попадали. Точно также армія дошла до Бендеръ и расположилась лагеремъ на большой возвышенности. Во время ея похода произошла большая стычка нашей кавалеріи съ 3 или 4 тысячами непріятельскихъ всадниковъ. Но при помощи нашихъ резервныхъ гренадерскихъ ротъ турки были отбиты послѣ трехчасоваго боя. Съ непріятельской стороны было убито до 150 человекъ, съ нашей же около 12. Въ тотъ же день графъ отпустилъ всѣхъ плѣнныхъ турокъ, которые возвратились въ крѣпость и принесли съ собою письмо отъ графа къ коменданту съ извѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной 6-го іюня надъ турками румянцевскою арміею. Поэтому 16-го, по случаю этой побѣды, былъ отслуженъ молебенъ, сопровождаемый выстрѣлами изъ всѣхъ пушекъ и троекратнымъ бѣглымъ огнемъ. Какъ этотъ, такъ и слѣдующіе дни были употреблены на укрѣпленіе нашего лагеря на обѣихъ берегахъ. Въ арміи графа лагерь былъ раздѣленъ на нѣсколько квартиръ, которыя на случай нападенія съ фронта были укрѣплены редутами, а сзади волчьими ямами.

19-го отправились съ нашей стороны на рекогносцировку партіи казаковъ, возвратились 20-го и привели намъ около 500 штукъ рогатаго скота, который былъ раздѣленъ между частями нашего отряда. Пожитки, находимые въ опустошенныхъ деревняхъ, согласно изданному за нѣсколько времени передъ тѣмъ строгому приказу графа Панина, велѣно было сжигать, равно какъ не брать у непріятели ни платья, ни какихъ либо вещей и ничего не снимать съ мертвыхъ, вслѣдствіе свирѣпствовавшей въ Бендерахъ чумы.

20-го я былъ командированъ въ качествѣ дежурнаго маіора къ нашимъ батареямъ. Онѣ находились на обѣихъ берегахъ и были окончены 21-го. Траншея на другомъ берегу была начата за нѣсколько дней передъ тѣмъ и первая параллель окончена около этого же времени.

21-го въ 3 часа пополудни, по данному сигналу, открыли огонь со всѣхъ батарей и стрѣляли особенно изъ бомбардъ. Съ нашей стороны болѣе всего бросали ночью бомбы въ городъ. Непріятели тоже отвѣчали намъ и постоянно палили изъ пушекъ и бомбардъ.

22-го у насъ опять праздновали вышеописаннымъ образомъ одержанную графомъ Румянцевымъ надъ турками блестящую побѣду, послѣ которой намъ досталось 135 пушекъ и весь лагерь.

24-го турки сдѣлали было вылазку и напали на наши апроши, вторая параллель которой была уже окончена, но были отбиты и потеряли 50 человѣкъ; на слѣдующій день графъ отдалъ строгій приказъ впредь безъ всякаго различія примѣрно наказывать всѣхъ тѣхъ, которые оставляютъ свой постъ. Поручикъ Орловскаго полка, который отбилъ турокъ, былъ произведенъ въ капитаны, а солдаты получили по 25 коп.

Два дня спустя турки вновь попытались потревожить ночной вылазкой нашихъ рабочихъ, но командированныя для прикрытія послѣднихъ гренадерскія роты оборонялись на этотъ разъ лучше, чѣмъ прежде, и быстро прогнали непріятеля.

Въ то время, какъ по окончаніи второй параллели, начата была третья, и всѣ батареи помѣщены во вторую, прибыли въ нашъ лагерь депутаты отъ Буджакскихъ татаръ съ письмомъ отъ своихъ правителей, въ которомъ тѣ извѣщали, что они съ двумя ордами, состоящими изъ 4,000 годныхъ для войны людей, отдаются подъ покровительство русской императрицы. Къ несчастію для татаръ, нашъ генераль Каменскій уже послалъ кавалерійскій отрядъ въ 1000 человѣкъ, чтобы напасть на ихъ ближайшее селеніе, находившееся отъ насъ въ 60 или 80 верстахъ. Вышеупомянутый маіоръ Дедевитнъ былъ опять назначенъ командиромъ этого отряда. Онъ и нѣсколько добровольцевъ, а именно ротмистръ Шредеръ, гвардейскій поручикъ Нолькенъ и другіе исполнили данное имъ порученіе такъ хорошо, что изрубили около 1,500 сопротивлявшихся татаръ и опустошили ихъ деревни и кибитки. Казаки совершали при этомъ самыя отвратительныя жестокости и умерщвляли всѣхъ встрѣчныхъ, не исключая дѣтей и женщинъ. На возвратномъ пути они дорогого заплатились за всѣ звѣрства, которыя совершили безъ вѣдома командировъ: ибо татары, живущіе на большомъ пространствѣ кругомъ, напали на нихъ въ числѣ 8,000 человѣкъ и гнали ихъ 15 верстъ. При этомъ нашъ отрядъ потерялъ 48 карабинеровъ, 55 гусаръ, 180 казаковъ и всю добычу, состоявшую изъ 1,000 лошадей, 10,000 штукъ скота и 130 верблюдовъ.

31-го я былъ отряженъ съ 4-ми гренадерскими ротами, а именно 2-мя Воронежскими и 2-мя Бѣлевскими, на другую сторону, къ корпусу, которымъ командовалъ полковникъ Нейманъ. Сперва я былъ помѣ-

понецъ на лѣвомъ флангѣ, а чрезъ 2 дня переведенъ къ резервнымъ ротамъ, въ квартиры графа Панина.

Въ то время какъ, около 1 августа, у насъ были заняты окончаніемъ третьей параллели, турки съ 2,000 человекъ сдѣлали необыкновенно яростную вылазку и напали на войско, прикрывавшее эту траншею. Начальникомъ траншеи былъ въ этотъ день генераль-маіоръ Лебель, имѣвшій подъ командою 6 гренадерскихъ ротъ и одинъ пѣхотный полкъ. Турки начали одновременно на правый зигзагъ за третью параллелью, на средину и на лѣвый зигзагъ. Здѣсь они встрѣтили надлежащій отпоръ со стороны двухъ Владимірскихъ гренадерскихъ ротъ, командуемыхъ секунд-маіоромъ Шепелевымъ. Однако же они прорвали центръ и правый флангъ, и перебили множество народу, такъ что изъ 3 ротъ 2-го гренадерскаго полка осталось всего 100 человекъ. 9-я рота потеряла всѣхъ офицеровъ, между прочимъ и храбраго капитана Вебера. Въ этой ротѣ осталось всего 19 человекъ. Между тѣмъ на поле битвы поспѣшили всѣ резервныя роты. Генераль Лебель, соединивъ часть этихъ ротъ съ оставшимися у него войскомъ, повелъ ихъ впередъ и отгѣснилъ турокъ до прикрытаго пути, гдѣ вдругъ остановился, по своей неосторожности, и былъ смертельно раненъ; умеръ онъ чрезъ два часа. Полковникъ Цеймарнъ, подполковникъ Меллинъ, который командовалъ тамъ же, какъ и я, баталіономъ гренадеръ, маіоръ Жеребцовъ и много офицеровъ резервнаго корпуса были ранены. Я со своими 4 ротами не попалъ въ бой; ибо когда я пришелъ въ предмѣстье и хотѣлъ присоединиться къ остальнымъ гренадерскимъ ротамъ, то замѣтилъ, что онѣ уже отгѣснили непріятели за прикрытый путь и возвращались назадъ, поэтому и я отошелъ съ ними ко 2-й параллели. Мы потеряли въ этомъ несчастномъ бою, кромѣ одного генерала и многихъ офицеровъ, еще 200 солдатъ, которые были убиты турками самымъ звѣрскимъ образомъ. Вообще въ это несчастное утро были убиты: 1 генераль, 1 капитанъ, 4 субалтерн-офицера, 180 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ; ранено: 3 штабныхъ офицера, 4 капитана, 8 субалтерн-офицеровъ и 472 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, изъ которыхъ многіе умерли на другой день. Причинами этого грустнаго событія было во первыхъ то, что командовавшій въ центрѣ и на правомъ флангѣ штабъ-офицеръ не сдѣлалъ ни какихъ распоряженій для защиты; во вторыхъ, что фланги нашей третьей параллели еще не были прикрыты редутами или маленькими укрытыми пушками; и наконецъ въ особенности то, что офицеры, командовавшіе на правомъ флангѣ, почти всѣ убиты или ранены, были столь не догадливы, что оста-

лись ожидать непріятеля у праваго зигзага, гдѣ и были перебиты большая часть нашихъ, вмѣсто того, чтобы выбѣжать впередъ встрѣтить атакующаго предъ зигзагомъ въ сомкнутомъ фронтѣ. Эта громадная потеря послужила намъ въ пользу: въ слѣдующія двѣ ночи турки вновь дѣлали вылазки, но были отбиты, благодаря хорошей диспозиціи. Послѣ вышеизложеннаго несчастія, я былъ оставленъ со своими 4 ротами въ третьей параллели, и вечеромъ, когда мы смѣнялись вновь прибывшимъ прикрытіемъ, турки сдѣлали новую вылазку, но были отбиты. Трупы, частью русскіе, частью турецкіе, оставленные между третьей параллелью и прикрытымъ путемъ города, лежали не зарытыми до 3 августа. Непрерывный огонь, особенно ружейный, мѣшалъ и намъ, и непріятелямъ исполнить свое намѣреніе. Наконецъ турки осмѣлились выйти среди бѣлаго дня и похоронили своихъ мертвыхъ. Наши тоже воспользовались этимъ случаемъ, и, выйдя изъ траншей, стали хоронить своихъ убитыхъ. Вышедшіе турки даже начали говорить съ нашими по русски и тогда, чрезъ присланнаго отъ нихъ валаха, мы уговорились съ пашей, что будемъ взаимно подавать трубный сигналъ для прекращенія перестрѣлки, на время уборки и похоронъ убитыхъ.

4-го и 5-го ночью турки сдѣлали три вылазки, но были отбиты. Между тѣмъ у насъ начали сооружать большую батарею въ третьей параллели и работу продолжали даже днемъ, не смотря на большую потерю въ людяхъ. Начатая въ третьей параллели мина подвинулась на 5 сажень, и такъ какъ отъ двухъ плѣнныхъ турокъ мы узнали, что непріятель уже пять дней подводитъ подъ насъ мину, въ направленіи отъ прикрытаго пути къ срединѣ нашей третьей параллели, для взрыва нашей брешь-батареи, то сейчасъ же и съ нашей стороны начали подводить контр-мину. Поставленные на флангахъ третьей параллели полковые 8-ми фунтовые единороги и размѣщенные въ различныхъ пунктахъ траншеи гранатныя мортиры, которыя въ числѣ 40, цѣлую ночь метали гранаты въ прикрытый путь, оказывали отличное дѣйствіе при вылазкахъ непріятеля.

6-го утромъ былъ раненъ въ голову храбрый премьер-маіоръ Колтборнъ, датскій волонтеръ. Съ начала осады у насъ было убито и ранено болѣе 1,500 человекъ.

7-го явился я въ траншею и былъ смѣненъ 9-го утромъ. Генералъ Каменскій, добровольно принявшій на себя обязанность траншейнаго начальника, съ маіорами Паленаръ, Бухвостовымъ и Цисеровымъ, безсмѣнно, по собственной охотѣ, пребывавшими въ траншеяхъ, сдѣлалъ нѣсколько вполне сообразныхъ распоряженій и

приготовленій. По его приказанію, прибывшая изъ лагеря смѣна проходила первую ночь во второй, а вторую въ третьей параллели. Это прикрытіе состояло ежедневно изъ 10 ротъ гренадеровъ и 12 ротъ мушкатеровъ, которыя находились подъ командою траншейнаго генерала, двухъ полковниковъ, двухъ подполковниковъ и 4 маіоровъ. Число работниковъ не всегда было одинаково: иногда 700, 800, 1000, а иногда и 1500 человекъ.

9-го утромъ были ввезены на брешъ-батарею 13 большихъ пушекъ, съ 10-го—18 на лѣвомъ флангѣ третьей параллели помѣщена еще батарея изъ 3 большихъ пушекъ, и съ 9-го же непріятель сильно началъ палить съ противоположныхъ бастіоновъ.

Съ 7-го до 11-го не было вылазокъ. Однако 100 непріятельскихъ пѣхотинцевъ, переправясь въ лодкахъ, пытались напасть на наши батареи, но были отбиты съ большимъ урономъ.

9-го привели съ форпостовъ перехваченнаго турка, котораго паша отправилъ съ письмомъ къ визирю. Въ этомъ письмѣ онъ извѣщалъ визиря, что если не будетъ поддержанъ его арміею, то крѣпость, которая уже цѣлый годъ осаждается русскими, должна будетъ наконѣцъ сдаться; при этомъ пересылалась и копія съ письма, которое графъ написалъ бендерскому пашѣ ¹⁾).

10-го перебѣжали къ намъ два турка, которые рассказали, что у нихъ убили помощника пашы со всею его свитою, за предложеніе сдать крѣпость и за одно перебили всѣхъ христіанъ до 200 человекъ.

Съ 10-го до 15-го не произошло ничего важнаго, за исключеніемъ развѣ того, что изъ трехъ мѣстъ третьей параллели, ради предосторожности, мы начали подводить наши собственныя мины съ сапами. Эти три сапы направлялись сообразно съ продолженіемъ нашихъ минъ, подвигавшихся въ каждыя сутки впередъ приблизительно на двѣ сажени. На лѣвомъ флангѣ большой брешъ-батареи устроили еще одну батарею изъ 5 большихъ пушекъ, которая начала дѣйствовать съ 12-го. Между тѣмъ непріятель не переставалъ стрѣлять изъ ружей съ прикрытаго пути и въ особенности бомбардировать нашу третью параллель, такъ что мы каждую ночь насчитывали отъ 120 до 130 бомбъ. Мы теряли много людей: не проходило сутокъ, чтобъ въ нашей арміи не было убито и ранено 40, 50 и болѣе человекъ. И такъ какъ во второй и третьей параллеляхъ находились

¹⁾ Въ этомъ письмѣ графъ извѣщалъ пашу, что такъ какъ армія визиря разбита, то ему нечего надѣяться на подкрѣпленіе. 1'. III.

44 роты, для прикрытія рабочихъ, то солдаты проводили 4 или 5 ночей по очереди, то на караулѣ, то въ траншеѣ, то на работѣ и затѣмъ только одну ночь спали дома. Нашимъ гренадерскимъ ротамъ было нѣсколько легче; тѣмъ не менѣе и онѣ проводили двѣ ночи въ траншеѣ и одну дома. Словомъ сказать, трудъ и усталость были чрезвычайно велики.

Съ 12-го до 18-го не произошло ничего важнаго. Мое мѣсто съ полковникомъ Вассерманомъ находилось на правомъ крылѣ второй параллели въ редутѣ.

18-го утромъ, за часъ до смѣны, непріятель взорвалъ мины, надъ которыми онъ трудился столько времени. Но такъ какъ обѣ онѣ были подведены невѣрно, а именно одна въ нѣсколькихъ саженяхъ предъ лѣвымъ зигзагомъ, а другая между лѣвой и средней сапою, ближе къ 3 параллели, то взрывъ не причинилъ никакого вреда, кромѣ того, что кто-то былъ легко контуженъ, комкомъ земли. Начиная съ 14-го часто перепадали дожди, и въ траншеяхъ сдѣлалось такъ грязно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грязь доходила до колѣнъ. Для предотвращенія этого неудобства, пришлось прокладывать особые рвы. Съ 29-го погода вновь стала лучше; между тѣмъ наши три мины подвигались все болѣе впередъ, такъ что 29-го были уже подъ прикрытымъ путемъ и въ ней заряжены всѣ три камеры. Непріятель, узнавъ о нашихъ минахъ, старался уничтожить ихъ множествомъ контрминъ, которыя и взорвалъ 29-го, около 8-ми часовъ утра; съ минутой спустя сдѣлалъ сильное нападеніе на выходящія изъ третьей параллели зигзаги, разрушилъ туры, и атаковалъ поставленныя на зигзагахъ роты. Все это дѣло продолжалось менѣе получаса, такъ какъ турки, потерявъ 200 человекъ, были отбиты. Особенно отличились въ этомъ дѣлѣ наша 2-я Воронежская рота и Брянскіе гренадеры. У насъ убито 46 человекъ и ранено 76. Одинъ инженеръ-капитанъ, одинъ прапорщикъ и много рядовыхъ были засыпаны непріятельскою миною, которая къ счастью достигла только не большой части средняго зигзага. Между убитыми турками находился янычарскій ага, сабля котораго, украшенная брилліантами, была вручена графу Панину. Въ этомъ дѣлѣ между прочимъ убиты маіоръ Сонцовъ и поручикъ нашей 2-й гренадерской роты Глазовъ—оба весьма храбрые офицеры, и потому о нихъ очень сожалѣли. Въ числѣ особенно отличившихся находился инженеръ-сержантъ Евксевинъ, который въ одномъ зигзагѣ командовалъ гренадерами, и отбилъ непріятеля отъ своего угла. За это онъ произведенъ въ прапорщики.

1-го сентября была окончена наша лѣвая мина, и такъ какъ

опасались, чтобы непріятель не нашелъ ее, пока будутъ подводиться двѣ другія, то ночью ее взорвали, вслѣдствіе чего часть гласиса и оконечность плац-дарма съ нѣсколькими палисадами взлетѣли на воздухъ. Не смотря на прямое приказаніе графа непремѣнно отозвать на зарѣ отряженныя (на Antomirn der Mine) двѣ гренадерскія роты, въ случаѣ если ложементъ не будетъ оконченъ,—траншейный генералъ Олсуфіевъ имѣлъ неосторожность, по требованію инженернаго генерала Гербеля, но только не отозвать ихъ, но и послать среди бѣлаго дня подкрѣпленіе изъ 6 ротъ, которыя должны были стрѣлять по гребню гласиса безъ прикрытія; эта несчастная перестрѣлка продолжалась до восьми часовъ и стоила намъ потери множества гренадеръ. Подполковникъ и оберъ-квартирмейстеръ Роячковъ, который командовалъ двумя гренадерскими ротами у нашей взорванной мины, умеръ чрезъ два дня отъ ранъ. Кромѣ того были убиты инженеръ капитанъ Батениковъ, капитанъ Курскихъ гренадеръ Потуловъ, два поручика и около 60 гренадеръ, ранено-же много офицеровъ и болѣе 200 солдатъ. Я не могу умолчать еще объ одной глупости. Генералъ Гербель приказалъ свезти на гласисъ двѣ пушки, и такъ какъ ихъ невозможно было увезти назадъ, то и пришлось ихъ оставить въ пользу непріятеля.

3-го взорвана наша правая мина, дѣйствіе которой было сильнѣе, чѣмъ лѣвой.

Обѣ эти мины были устроены одинаково, и состояли каждая изъ трехъ камеръ, при зарядѣ на каждую камеру въ 1,200 фун. пороха. Непріятель тотчасъ бросился на мѣсто взрыва, такъ что офицеръ, который былъ посланъ къ минѣ съ 20-ю унтеръ-офицерами, тотчасъ отступилъ. Рѣшили, что неблагоразумно приказывать гренадерамъ вытѣснить непріятеля и дѣло это поручили артиллеріи, которая на слѣдующій день совершенно снесла эту мину и вполне разрушила ложементъ турокъ. Между тѣмъ мы продолжали наши сапы въ трехъ мѣстахъ, чтобы съ обѣихъ концовъ дойти до (Antomirn) минъ, и хотя намъ это стоило большихъ потерь, все-же работали день и ночь до 10-го сентября, когда наконецъ были окончены сапы.

9-го открыли непріятельскую галлерею и старались ее разрушить, чего и достигли 10-го; находясь въ этотъ день въ траншеѣ, я былъ свидѣтелемъ сильнаго нападена, сдѣланнаго турками на нашихъ рабочихъ на зарѣ 11-го числа. Они упорно и сильно принимались атаковать насъ пять разъ, но въ концѣ концовъ были благополучно отбиты. Воронежскій гренадеръ захватилъ при этомъ турецкое знамя; графъ подарилъ ему 20 рублей. У насъ были убиты

2 офицера и 27 солдатъ, а 63 ранены. Турки, говорятъ, потеряли болѣе 400 чел.

12-го получили мы извѣстіе, что генераль Прозоровскій разбилъ отрядъ турокъ, выступившихъ изъ Очакова, причемъ у нихъ легло 5,000 человекъ и взято въ плѣнъ 90. По случаю этой побѣды, а въ особенности по случаю побѣды, одержанной нашимъ флотомъ въ Архипелагѣ, у насъ въ лагерѣ устроился праздникъ, сопровождавшійся стрѣльбою изъ ружей и тяжелыхъ орудій.

15-го все уже было устроено къ тому, чтобы взорвать послѣднюю мину, заряженную 400 пудами пороха, овладѣть прикрытымъ путемъ и расположиться вокругъ него. Для этого были отряжены на правую сторону полковникъ Васерманъ съ 8 гренадерскими ротами, въ средину передъ миной полковникъ Миллеръ съ 6 гренадерскими ротами, а на лѣвую сторону полковникъ Корфъ съ 8-ю гренадерскими ротами. Кромѣ того были отряжены въ резервъ полковникъ карабинеровъ Панинъ съ 8 ротами мушкатеръ, полковникъ Протасовъ съ такимъ же числомъ мушкатерскихъ ротъ и на каждомъ флангѣ по 260 егерей.

Всѣмъ было приказано, какъ только овладѣютъ прикрытымъ путемъ и найдутъ возможнымъ перейти черезъ главный сухой ровъ, тотчасъ взяться за штурмовыя лѣстницы (которыхъ было изготовлено большое количество) и начать штурмъ. Веденіе правой атаки было поручено генералу Каменскому, лѣвую велъ генераль-майоръ Пушкинъ, а среднюю — бывший въ этотъ день траншейнымъ генераломъ Ст. Маркъ.

Въ 10 часовъ вечера съ ужаснымъ трескомъ былъ взорванъ «Globe de compression» и гренадерскія роты, ожидавшія этого сигнала во второй параллели, въ то же мгновеніе бросились на прикрытый путь и колоди всѣхъ, кто имъ попадался. Гренадерскія роты, отряженныя къ средней атакѣ, непрерывнымъ огнемъ, обращеннымъ на главный валъ, защищали ложементъ, устраиваемый предъ прикрытымъ путемъ, а именно на гребнѣ гласиса, для чего были отряжены 510 рабочихъ. Мы не встрѣтили сопротивленія на прикрытомъ пути, куда были принесены лѣстницы и поставлены въ ровъ, глубиною въ 3 сажени. Непрiятель старался непрерывнымъ огнемъ препятствовать намъ лѣзть по лѣстницамъ, но это ни къ чему не вело; храбрость нашихъ гренадеръ, а въ особенности ихъ отчаянное ожесточеніе противъ непрiятеля, помогли имъ перейти черезъ ровъ, въ центрѣ атаки, слѣдовательно приблизительно передъ нашей миной. Ихъ шествіе было похоже на теченіе потока, и по этому каналу всѣ проникли въ

крѣпость, такъ что наши войска были въ ней уже около часа пополуночи. Такъ какъ онѣ сильно пострадали и въ особенности порѣдѣлъ отрядъ, состоявшій подъ командою подполковника Репнина (въ этотъ день находился въ траншеѣ), который однимъ изъ первыхъ взшелъ на валъ, то были отражены въ крѣпость съ 4 гренадерскими ротами и маіоръ Бухвостовъ съ 4 ротами мушкатеровъ, чтобы отнять у турокъ послѣдніе бастионы. Кромѣ того отряды, остававшіеся въ лагерѣ, подъ командою генералъ-лейтенантовъ Ренненкампа и Елемпта, отправились въ 8 часовъ къ первой и второй параллели, чтобы въ случаѣ нужды подкрѣпить остальное войско. Такъ какъ крѣпостныя ворота еще не были взорваны, то я проникъ въ крѣпость по лѣстницамъ и по приказанію генерала Каменскаго пошелъ атаковать послѣдній изъ оставшихся у турокъ бастионовъ. Это былъ крайній бастионъ съ правой стороны у рѣки. Наступленіе мое не мало задерживалъ непрерывный огонь турокъ изъ оконъ и дверей домовъ, такъ что когда около 100 турокъ яростно напали на гренадеръ, они въ величайшемъ безпорядкѣ отступили приблизительно на 200 шаговъ. Но наконецъ мнѣ удалось опять ихъ выстроить, люди начали стрѣлять и подвигались впередъ, подъ защитою огня одной пушки, которую мы нашли въ крѣпости. Такимъ образомъ, мои гренадеры привели въ безпорядокъ турокъ, защищавшихся еще на улицахъ и взяли съ боя вышеупомянутый бастионъ. Оставивъ тамъ часть своего отряда, я съ остальною частію бросился за убѣгавшимъ непріателемъ, который спѣшилъ укрыться въ замкѣ. Тутъ вновь начался ружейный огонь. Между отступавшими въ замокъ были сераскирь, ага-янчаръ, и много пашей; турки стрѣляли черезъ гребень стѣны и перебили у меня много народу. Тѣ-же, что собрались предъ замковымъ рвомъ, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, были перебиты, за исключеніемъ нѣсколькихъ чловѣкъ, которыхъ я съ трудомъ спасъ отъ ярости рядовыхъ. Наконецъ, въ 9 часовъ, турки выставили въ замкѣ бѣлый флагъ, бросали оружіе черезъ стѣну и просили позволенія сдаться на капитуляцію. Я запретилъ нашимъ стрѣлять и самъ пошелъ въ замокъ, чтобы переговорить съ сераскиромъ. Послѣ получаса переговоровъ, веденныхъ мною чрезъ посредство Мустафы-паши, который хорошо говорилъ по нѣмецки, я выбралъ нѣсколько депутатовъ и отправилъ ихъ къ генералу Каменскому, который тотчасъ прибылъ сюда самъ и принудилъ непріателя къ быстрой капитуляціи. Турки требовали свободнаго пропуска за Дунай; но на это Каменскій не согла-

сился; послѣ этого они были окончательно обезоружены и посланы къ графу.

Въ то время какъ наши войска были заняты въ городѣ, сотня турецкой конницы сдѣлала вылазку и старалась спастись бѣгствомъ въ Бѣлгородъ; но они были настигнуты нашею легкою кавалеріей и почти всѣ перебиты, такъ что нѣсколько дней вся дорога на протяженіи 30 верстъ была усыяна турецкими голыми трупами.

Около 9 часовъ перестрѣлка прекратилась повсюду. Во время штурма, нѣкоторыя изъ нашихъ бомбъ попали въ турецкіе пороховые погреба и произвели сильный взрывъ и пожаръ, который въ первое время послѣ штурма намъ некогда было потушить, и потому онъ принялъ такіе размѣры, что на слѣдующую ночь взлетѣлъ на воздухъ еще пороховой погребъ, вслѣдствіе чего не только погибло 37 солдатъ и около 400 турокъ, но сгорѣлъ еще и весь городъ, такъ что кромѣ замка, въ Бендерахъ не осталось ни одного дома. Вслѣдствіе неосторожности нашихъ солдатъ загорѣлось и предместье. Однимъ словомъ, этотъ старый и прекрасный городъ, который много разъ видѣлъ непріятеля у своихъ стѣнъ, въ три дня превратился въ пепель. Несчастные жители, спасавшіеся въ погребахъ, вышли наконецъ оттуда и сдались, но все-же многіе изъ нихъ сгорѣли. Имущество и всѣ пожитки обывателей достались рядовымъ, а казнѣ тяжелыя орудія, аммуниція и 50,000 пудовъ сухарей. Въ крѣпости найдено было 250 пушекъ различнаго калибра, 25 мортиръ, кромѣ того громадное количество пороку съ аммуниціею. Мы взяли въ плѣнъ около 8,000 турокъ, способныхъ носить оружіе, а съ женщинами и дѣтьми за 14,000. Всѣ эти плѣнные были отправлены въ Кіевъ. Во время штурма турки потеряли 4,500 человекъ отъ ужаснаго артиллерійскаго и ружейнаго огня, продолжавшагося на валу 5 часовъ и затѣмъ еще въ городѣ 7 часовъ. Наши потери были слѣдующія: убито 5 штабъ-офицеровъ, а именно полковникъ Тамбовскаго полка Миллеръ, подполковникъ Сазоновъ, премьер-маіоры Бальвицъ и Симбулатовъ и секунд-маіоръ Федотовъ. Баронъ Штейнъ, кавалеръ нѣмецкаго ордена, служившій у насъ волонтеромъ, замѣчательно умный и храбрый, остался тоже на полѣ сраженія. Кромѣ того были убиты 19 оберъ-офицеровъ и 686 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Ранено 98 штабъ-и оберъ-офицеровъ, между ними полковникъ Вассерманъ, полковникъ Корфъ ¹⁾, бригадиръ

¹⁾ Умеръ 27-го отъ своей раны. Ему прострѣлили обѣ щеки и языкъ

Ларионовъ, отставной полковникъ и волонтеръ Алдуевскій, подполковники Михельсонъ и Репнинъ; 1,154 унтеръ-офицера и рядовыхъ тяжело ранены, а 715 легко. И такъ всего раненныхъ и убитыхъ было 2,555 человекъ. Изъ тяжело раненныхъ скорѣ многіе умерли.

Впрочемъ, по точному исчисленію, во время двухмѣсячной упорной осады въ нашей арміи было убитыхъ и раненныхъ болѣе 4,000 человекъ; между ними 234 убитыхъ и раненныхъ штабъ-и оберъ-офицеровъ.

Послѣ взятія крѣпости Бендеръ, войскамъ было приказано снести параллели и зигзаги и сравнять ихъ съ землею. Полковникъ Корретъ, со своимъ Елецкимъ полкомъ и Тамбовскимъ, пополненными изъ другихъ полковъ, остался въ крѣпости, такъ какъ былъ назначенъ ея комендантомъ. Начали готовиться къ возвращенію на зимнія квартиры. Но мы не должны были возвращаться до взятія крѣпости Аккермана или Бѣлгорода. Бригадиръ Игельштремъ, отдѣлившись отъ первой арміи, уже двѣ недѣли осаждалъ ее. Между тѣмъ турки упорно оборонялись. Для того, чтобы принудить ихъ скорѣе къ сдачѣ, приказано было генералъ-маіору Каменскому идти подъ Бѣлгородъ съ полками Воронежскимъ, Бѣлевскимъ, баталіономъ Староспольскаго полка и 2 полками пикинеровъ. Резервныя гренадерскія роты были отпущены къ своимъ полкамъ и поэтому я явился въ свой полкъ.

22-го выступили мы изъ Бендеръ и 26-го числа, на походѣ, казакъ привезъ намъ приказъ отъ генерала Каменскаго, не идти далѣе, а на слѣдующій день выступить въ обратный путь, такъ какъ крѣпость Аккерманъ уже сдалась бригадиру Игельштрему. Мы были уже почти въ виду Бѣлгорода, не далѣе какъ въ 20 верстахъ, но никого изъ насъ туда не отпускали, не смотря на многія просьбы.

Мы выступили въ обратный путь 27-го, а 2-го октября благополучно вернулись къ Бендерамъ, гдѣ нашли крѣпостную сторожевую башню въ самомъ лучшемъ состояніи. Во время нашего отсутствія графъ Панинъ велѣлъ поправить мѣста, поврежденныя бомбардировками.

8-го октября всѣ войска выступили на зимнія квартиры. Мы слышали, что отъ первой арміи были отряжены въ Браиловъ 8 пѣхотныхъ полковъ, для осады этой крѣпости, а потому и часть осадной артиллеріи была послана изъ Бендеръ подъ Браиловъ.

11-го пришли мы въ Балту, гдѣ оставленъ маіоръ Муфель, съ частью своего егерскаго отряда, 4 пѣхотными ротами, 3 казачьими

полками и 8 орудіями, для поддержанія непрерывнаго сообщенія между Бендерами и Екатерининскимъ шанцемъ. Ему же надлежало постоянно высылать партіи по направленію къ Очакову, который лежитъ приблизительно въ 100 верстахъ отъ Балты. Провіантъ подвозился къ Муфелю съ Буга, а фуражъ изъ ближайшихъ къ границѣ польскихъ деревень, верстъ за 10, за 15. Шли нѣсколько дней форсированнымъ маршемъ, а 17-го прибыли на лѣвый берегъ Буга, противъ Екатерининскаго шанца. Съ тѣхъ поръ какъ мы выступили изъ Бендеръ, стояли довольно ясные дни. Лошади сильно страдали отъ недостатка крѣпкаго корма, такъ что во время этого перехода пало нѣсколько сотенъ. Турецкіе плѣнныя, сопровождаемые особымъ отрядомъ, находились постоянно въ нѣсколькихъ переходахъ впереди насъ. Они шли въ Переяславль. Бендерскій сераскиръ былъ довѣренъ наблюденію полковника и бывшаго волонтера Нащокина, который долженъ былъ отвезти его въ Петербургъ.

Екатерининскій шанецъ лежитъ, какъ я уже сказала, подлѣ существовавшаго нѣкогда села Орла. Мы нашли его въ довольно хорошемъ состояніи для обороны. Онъ представляетъ правильный шестиугольникъ, который довольно выгодно расположенъ на Бугѣ, служа наблюдательнымъ пунктомъ для всей окружной мѣстности. Въ 50 верстахъ лежитъ на Бугѣ другой шанецъ. Обѣ эти маленькія крѣпости хотя довольно сильны, но не могутъ вмѣстить въ себѣ болѣе 6,000 человекъ.

Отъ Буга армія шла уже по дивизіямъ, и 19-го наша дивизія, выступивъ подъ командою генерала Елампта, пришла 22-го въ Гусарское село. Такимъ образомъ наша лагерная жизнь продолжалась съ 16-го апрѣля по 22 октября.

2-го ноября прибыли въ Кременчугъ и 6-го—мы благополучно прибыли въ Голту на зимнія квартиры.

Пока мы стояли на зимнихъ квартирахъ, командуящій нашей арміей графъ Панинъ вышелъ въ отставку, отчасти изъ недовольства на то, что его не произвели въ фельдмаршалы, какъ графа Румянцева, отчасти изъ досады, что государыня и кригсколлегія не утвердили всѣхъ производствъ и награжденій георгиевскими крестами офицеровъ, которыхъ онъ представлялъ, уменьшивъ ихъ на 35 изъ ста, отчасти же вслѣдствіе недуговъ, и особенно подагры, которою онъ страдалъ. Извѣстно, что всѣ дѣльные офицеры сожалѣли объ отставкѣ графа Панина. Онъ былъ истиннымъ другомъ честныхъ офицеровъ и, по свойственному ему безкорыстію и великодушію, щедро награждалъ малѣйшія заслуги своихъ подчиненныхъ, иногда даже и болѣе того,

чѣмъ они заслуживали. Но такъ какъ, ни въ какой арміи, всѣ офицеры заразъ не могутъ быть произведены, то нѣкоторыхъ изъ нихъ графъ Панинъ представлялъ къ орденамъ, и эти-то представленія его на половину не были утверждены, что и послужило въ средѣ офицеровъ причиною нѣкотораго недовольства графомъ Панинымъ. Замѣчательно, что хотя графъ Панинъ былъ гораздо снисходительнѣе съ солдатами, чѣмъ графъ Румянцовъ, но его любили гораздо менѣе послѣдняго, можно сказать, даже вовсе не любили и все это только потому, что онъ никогда не разговаривалъ съ нижними чинами. Не дѣлалъ же онъ этого по своему суровому и сдержанному характеру, стараясь пріобрѣсти любовь солдатъ и вообще всѣхъ людей только справедливостью и честностью, и считая всякое другое средство къ пріобрѣтенію любви бесполезнымъ и даже подлымъ. Хотя его свѣдѣнія въ военномъ искусствѣ и фортификаціи были ограничены, все же онъ зналъ эти науки гораздо лучше всѣхъ остальныхъ генераловъ, находившихся подъ его командою. За то онъ былъ необыкновенно прилеженъ, добръ, предприимчивъ, справедливъ и крайне безкорыстенъ и что самое главное—честный человекъ; во время всей кампаніи, насколько я знаю, онъ не сдѣлалъ ни одного человѣка несчастнымъ, и я всегда буду вспоминать о немъ съ уваженіемъ и благодарностью. Самый счастливый и важный для меня день, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, заключался въ томъ, что 24-го я получилъ Георгія 4 степени, который былъ врученъ мнѣ собственноручно графомъ Панинымъ, съ приложеніемъ нижеслѣдующаго рескрипта государыни на мое имя.

„Нашему премьерь-маіору Штрандману“.

„Отличное мужество, оказанное вами при штурмованіи Бендерской крѣпости, на которую первые вы были вступившими по лѣстницамъ на мѣста побитыхъ и раненыхъ, и храбрость, съ которою предводительствовали ваши команды отнимая у непріятеля бастіоны, батареи и улицы, учиняютъ васъ достойнымъ къ полученію отличной чести и нашей монаршей милости по узаконенному отъ насъ статуту военнаго ордена Святаго Великомученика и побѣдоносца Георгія; а потому мы васъ въ четвертый классъ сего ордена всемплощивѣйше жалуемъ и знакъ онаго здѣсь включая повелѣваемъ вамъ на себя возложить и носить въ петлицѣ по установленію нашему“.

„Сія ваша заслуга увѣряетъ насъ, что вы снѣ монаршимъ поощреніемъ навпаче почтитесь и впредь ратнымъ образомъ усугублять ваши военныя достоинства. Данъ въ Санктпетербургѣ ноября 1-го дня 1770 года“ „Екатерина“.

Одновременно получилъ я изъ крѣпостно-коммисіи и орденскій статутъ. Вообще, Георгія получили 36 человекъ; генераль-маіоръ Камен-

скій и генераль-маіоръ графъ Пушкинъ 3-й степени, а 3 капитана 4-ой степени ¹⁾).

18-го прибылъ въ Полтаву нашъ новый главнокомандующій генераль-аншефъ князь Долгорукій, съ женою и двумя дочерьми, и принялъ армию отъ генераль-лейтенанта Берга, который послѣ отставки генерала Панина 4 недѣли командовалъ арміей.

[Продолженіе слѣдуетъ]

Сообщ. Н. К. фонъ-Шtrandманъ.

¹⁾ Каждую треть мы аккуратно получали нашу пенсію.

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ТЕОДОРОВНА,

МАТЕРІАЛЫ КЪ ЕЯ ЖИЗНЕОПИСАНІЮ.

Собственноручныя ея замѣтки ¹⁾.

21-го января 1827 г.

1.

Je donne à mon très cher Fils, l'Empereur Nicolas:

Le ducat qui se trouve dans ma bourse, avec l'inscription: „Wohl dem der an seinen Kindern Freude erlebt“. Je le tiens de ma mère, qui l'avait reçu de la sienne. Il était destiné à son frère Alexandre: mon Testament exprimait ce qui suit: „Je le donne à mon fils, comme un témoignage de ma tendresse et de ma reconnaissance du bonheur qu'il répand sur mes jours et de celui que j'éprouve de le voir au comble de la gloire, tant par ses triomphes militaires que moraux. L'année 1812 en m'occupant de mon testament, je formai le vœu, exprimé en ces mots: Je demande à Dieu de voir se développer tous les jours de plus en plus toutes les bonnes et grandes qualités qui se trouvent dans l'âme de mon fils; de lui faire supporter l'épreuve du malheur avec dignité et fermeté, de le voir se sentir fort avec Dieu, triompher de ses ennemis et élever sa nation au comble de la gloire, de l'en voir aimé et béni et de l'entendre proclamer le Libérateur des peuples opprimés. Le Ciel a exaucé mes vœux et accompli mon presentiment. J'espère dans la bonté divine qu'elle daignera de même accomplir ceux qui me restent à former, de voir l'Empereur atteindre de plus en plus le but de son travail, celui de faire régner la justice et l'amour du bien dans toutes les parties de l'administration, de voir

¹⁾ Печатаемый здѣсь документъ, драгоценный для жизнеописанія и характеристики прекрасной личности Императрицы Маріи Теодоровны († 1828 г.), полученъ нами въ копіи отъ покойнаго Николая Андреевича Шторха.

Ред.

son peuple dans la prospérité et l'abondance, et aussi heureux que son cœur le désire, et qu'enfin le beau surnom de „Благословенный“ que son peuple lui a donné passe de siècle en siècle. Voilà la bénédiction attachée à ce ducat, qui lui sera précieux sous ce rapport, et il le gardera comme pièce de famille.

Dieu veuille porter sur la tête sacrée de mon fils Nicolas toutes les bénédictions que je donnais à son frère; qu'il achève l'œuvre commencé par l'Empereur Alexandre, et que le bonheur, la prospérité, la moralité de son peuple soit l'objet constant de ses soins, de ses veilles et alors aussi il sera le Béni de Dieu, comme il l'est journellement par moi et le Bien-aimé de ses peuples.

La croix en agathe arborisé, qui se trouve à côté de mon lit, avec les cheveux de feu ma digne et respectable mère.

Une bague avec le chiffre et les cheveux de feu l'Empereur son Père.

Le portrait de feu l'Empereur son Père, qui est toujours sur ma table, afin qu'il l'ait aussi toujours près de lui.

Une boîte de nacre de perles, héritage de feu la Reine Mère de Prusse et qui se trouve à Pawlowsk. Je désire qu'il la conserve comme pièce de famille à l'hermitage.

L'étui de mathématique en or, qui m'a constamment servi, que je tiens de feu l'Empereur Paul et que ce souvenir lui rendra cher.

Le grand dessin d'Anne, la Sainte Famille de Battoni.

Ma table à écrire debout, qui est dans mon grand cabinet en ville et dont je me servais fréquemment.

Un des serre-papiers de malachite qui sont sur ma table.

Je désirerais que mon Fils conserve l'encrier d'argent, dont je me sers tous les jours, qui a été fourni par le garde-meuble.

Le portrait de feu l'Impératrice Cathérine, le premier que j'ai reçu.

Le portrait de feu l'Empereur Paul, le premier que j'ai reçu.

Le portrait de Pierre le Grand, qui se trouve dans mon cabinet de toilette en ville.

Le portrait de feu l'Empereur Paul, comme enfant, tenant l'estampe de Pierre le Grand.

La bague avec le portrait en camée de Pierre le Grand.

Les portraits de mon Père et de ma Mère, qui se trouvent dans mon cabinet de toilette en ville.

Les bustes de mes parents, qui se trouvent dans mon grand cabinet en ville, pour Gatchina.

Toute la collection de miniatures, qui est dans le cabinet de toilette en ville.

Le portrait dessiné du général Lambsdorff.

Une petite bague noire avec l'oeil de la Providence et l'inscription: «Veille sur mon sort».

Le portrait de l'Empereur Alexandre, peint par Isabey, qui est toujours attaché à ma table.

Celui de sa soeur Olga, commencé à l'huile et qui n'a pu être achevé à cause de sa mort.

Toute ma collection de portraits peints par Isabey, à l'exception de celui de l'Empereur Alexandre, que je donne à Constantin, l'Empereur Nicolas recevant celui qui est sur ma table.

Le buste de Sa femme.

Le portrait du Prince Guillaume d'Orange, qui est dans le cabinet de toilette en ville.

Le grand tableau représentant ses deux frères aînés, comme enfants, Alexandre coupant le noeud gordien et Constantin tenant l'étendard de la foi. Ce tableau est à Gatchina.

Un étui de mathématiques en argent, dont je me suis toujours servie.

Une montre d'or qui se trouve sur ma table dans mon cabinet de travail, qui m'ayant été donnée par feu mon cher Alexandre, ne me quittait jamais.

Les beaux dessins d'Anne, l'assomption de la S-te Vierge et la S-te Cécile, qui se trouvent à Gatchina.

Les quatre Robert, le grand Vernet, le Luca Giordano, qui sont à Pawlowsk, de même que le Duc qui s'y trouve dans mon petit cabinet, doivent retourner à Gatchina où ils appartiennent.

Tous les portraits de famille qui se trouvent dans mon cabinet de toilette en ville, et dont je n'ai pas autrement disposé, restent à Nicolas, et s'il y a les doubles, il donnera ceux-ci à Michel.

Ma Bibliothèque de Gatchina formée par moi.

Des boutons de chemise avec des devises, donnés à feu l'Empereur Paul.

Des boutons de chemise avec mes cheveux, qui ont appartenu à feu l'Empereur Son Père.

Un souvenir avec flacons. Je le tiens de ma Mère et m'en suis beaucoup servie. Ma pouvre Benkendorff, à laquelle il était destiné, n'existait plus, je le donne à mon cher Nicolas.

Le portrait de sa femme en camée.

L'étui à cure-dent, qui a servi de premier joujou à l'Empereur Alexandre, ainsi qu'à ses frères et soeurs.

Un anneau que je tiens de feu mes Parents, avec l'inscription: „Je te bénis“.

son peuple dans la prospérité et l'abondance, et aussi heureux que son cœur le désire, et qu'enfin le beau surnom de „Благословенный“ que son peuple lui a donné passe de siècle en siècle. Voilà la bénédiction attachée à ce ducat, qui lui sera précieux sous ce rapport, et il le gardera comme pièce de famille.

Dieu veuille porter sur la tête sacrée de mon fils Nicolas toutes les bénédictions que je donnais à son frère; qu'il achève l'oeuvre commencé par l'Empereur Alexandre, et que le bonheur, la prospérité, la moralité de son peuple soit l'objet constant de ses soins, de ses veilles et alors aussi il sera le Béni de Dieu, comme il l'est journellement par moi et le Bien-aimé de ses peuples.

La croix en agathe arborisé, qui se trouve à côté de mon lit, avec les cheveux de feu ma digne et respectable mère.

Une bague avec le chiffre et les cheveux de feu l'Empereur son Père.

Le portrait de feu l'Empereur son Père, qui est toujours sur ma table, afin qu'il l'ait aussi toujours près de lui.

Une boîte de nacre de perles, héritage de feu la Reine Mère de Prusse et qui se trouve à Pawlowsk. Je désire qu'il la conserve comme pièce de famille à l'hermitage.

L'étui de mathématique en or. qui m'a constamment servi, que je tiens de feu l'Empereur Paul et que ce souvenir lui rendra cher.

Le grand dessin d'Anne, la Sainte Famille de Battoni.

Ma table à écrire debout, qui est dans mon grand cabinet en ville et dont je me servais fréquemment.

Un des serre-papiers de malachite qui sont sur ma table.

Je désirerais que mon Fils conserve l'encrier d'argent, dont je me sers tous les jours. qui a été fourni par le garde-meuble.

Le portrait de feu l'Impératrice Cathérine, le premier que j'ai reçu.

Le portrait de feu l'Empereur Paul, le premier que j'ai reçu.

Le portrait de Pierre le Grand, qui se trouve dans mon cabinet de toilette en ville.

Le portrait de feu l'Empereur Paul, comme enfant, tenant l'estampe de Pierre le Grand.

La bague avec le portrait en camée de Pierre le Grand.

Les portraits de mon Père et de ma Mère, qui se trouvent dans mon cabinet de toilette en ville.

Les bustes de mes parents, qui se trouvent dans mon grand cabinet en ville, pour Gatchina.

Toute la collection de miniatures, qui est dans le cabinet de toilette en ville.

Le portrait dessiné du général Lambsdorff,

Une petite bague noire avec l'oeil de la Providence et l'inscription: «Veille sur mon sort».

Le portrait de l'Empereur Alexandre, peint par Isabey, qui est toujours attaché à ma table.

Celui de sa soeur Olga, commencé à l'huile et qui n'a pu être achevé à cause de sa mort.

Toute ma collection de portraits peints par Isabey, à l'exception de celui de l'Empereur Alexandre, que je donne à Constantin, l'Empereur Nicolas recevant celui qui est sur ma table.

Le buste de Sa femme.

Le portrait du Prince Guillaume d'Orange, qui est dans le cabinet de toilette en ville.

Le grand tableau représentant ses deux frères aînés, comme enfants, Alexandre coupant le noeud gordien et Constantin tenant l'étendard de la foi. Ce tableau est à Gatchina.

Un étui de mathématiques en argent, dont je me suis toujours servie.

Une montre d'or qui se trouve sur ma table dans mon cabinet de travail, qui m'ayant été donnée par feu mon cher Alexandre, ne me quittait jamais.

Les beaux dessins d'Anne, l'assomption de la S-te Vierge et la S-te Cécile, qui se trouvent à Gatchina.

Les quatre Robert, le grand Vernet, le Luca Giordano, qui sont à Pawlowsk, de même que le Duc qui s'y trouve dans mon petit cabinet, doivent retourner à Gatchina où ils appartiennent.

Tous les portraits de famille qui se trouvent dans mon cabinet de toilette en ville, et dont je n'ai pas autrement disposé, restent à Nicolas, et s'il y a les doubles, il donnera ceux-ci à Michel.

Ma Bibliothèque de Gatchina formée par moi.

Des boutons de chemise avec des devises, donnés à feu l'Empereur Paul.

Des boutons de chemise avec mes cheveux, qui ont appartenu à feu l'Empereur Son Père.

Un souvenir avec flacons. Je le tiens de ma Mère et m'en suis beaucoup servie. Ma pouvre Benkendorff, à laquelle il était destiné, n'existant plus, je le donne à mon cher Nicolas.

Le portrait de sa femme en camée.

L'étui à cure-dent, qui a servi de premier joujou à l'Empereur Alexandre, ainsi qu'à ses frères et soeurs.

Un anneau que je tiens de feu mes Parents, avec l'inscription: „Je te bénis“.

Une bonbonnière de verre bleu en forme de globe, avec l'inscription: „Le monde est Votre captif“, pour l'hermitage comme pièce de famille, me venant par ma Mère de l'héritage de feu la Reine-Mère.

Le cachet de feu l'Empereur Alexandre.

La boîte en miniatures, représentant l'arrivée de feu la Grande-Duchesse Nathalie, pour l'hermitage.

2.

Je donne à ma chère Belle-Fille l'Impératrice Alexandrine:

Ma plaque et ma croix de l'Ordre de S-te Cathérine.

La belle pierre de rubis-talais que je tiens des bontés de feu l'Empereur Paul, pour rester toujours à la couronne comme legs que je lui fais, mais à l'usage de l'Impératrice, tout comme

Mes belles boucles d'oreilles en diamants qui resteront également après Elle à la Couronne, comme legs que je lui fais.

Une caisse à ouvrage, parfaitement travaillée en ivoire, qui se trouve à Pawlowsk.

Un étui d'aiguilles à tambour en jaspe blanc.

Le médaillon de feu l'Empereur Paul sur un fond noir.

La petite boîte de bois pétrifié de feu ma Soeur l'Archiduchesse, qui se trouve à Pawlowsk.

Le portrait de feu l'Empereur Alexandre, gravé par moi.

Un anneau avec un diamant en coeur, avec l'inscription: „Un seul me suffit“, que je tiens de ma Mère.

Une cassette à écrire avec des ustensiles en nacre de perles et or.

Mes deux belles bagues de diamants bleue et rose, achetées de mes propres fonds pour son usage; après son décès elles retombent à la couronne, comme un legs que je lui fais.

La belle aigue-marine que je tiens de mon fils Alexandre et qui après son décès retournera aussi à la couronne, comme legs que je lui fais.

Le portrait de feu la Reine de Prusse, la Mère, que j'ai dans ma cassette.

Un bracelet en or et malachite et une chaîne de Venise que je tiens du Roi, son Père, après le décès de feu la Reine.

Un bracelet en or avec des cheveux du général Lambsdorf.

Mon petit breguet, que j'ai de mes fils et qu'Alexandre aimait beaucoup.

Un anneau avec l'oeil de la Providence en turquoise, que j'ai con-

stamment porté, réuni à présent à deux autres, qui ont aussi leur destination.

Une bonbonnière d'ambre avec trois pièces d'ambre, dont l'une avec une araignée.

Un médaillon carré avec les cheveux de feu la Grande-Duchesse Alexandrine et l'inscription: «Souvenir de ma chère Fille Alex. Pawl.».

Des ciseaux, aiguilles à enfiler, étui et médaillons avec des cheveux, le tout en or, reçu de feu la Reine de Prusse.

Des bracelets en or avec deux mains jointes, reçus de mes fils.

Un étui carré en nacre de perles.

Une chaîne et médaillon en fer, portrait de feu la Reine de Prusse.

Un flacon dans un étui de corne de cerf, qui m'a beaucoup servi.

Ma bible allemande, dans laquelle je lis tous les jours, le soir.

Mes deux livres allemands, reliés en noir, qui me servent de préparation pour la communion, l'un écrit de ma main, l'autre que je tiens de ma Mère. Elle partagera avec mes filles Marie, Anne et Hélène mes autres livres de dévotion, et si mes fils en désirent, ils en choisiront aussi.

Une cassette que j'ai de ma petite-fille Alexandrine de Meklenbourg.

Une cassette ornée de médaillon de fonte avec les portraits en bas-relief de la famille de Prusse.

Les portraits de mes petits-enfants de Weimar, placés sur un serre-papiers.

Les portraits de mes arrière-petits enfants de Meklenbourg.

Le support de ma montre en nacre de perles, qui est sur ma table.

Un éventail en écaille, côté d'or.

Le serré-papiers avec le portrait de mon petit-fils Alexandre, son fils.

Mon album avec la vue de Krasnoé-Selo.

Mon beau bracelet en pierres de couleurs doubles, formant les noms de mes enfants, pour passer ensuite à la couronne, comme legs que je lui fais.

3.

Je donne à leur fils, mon Petit-fils Alexandre:

Le second diamant de mon collier, comme bague de promesse pour sa promise future, pour servir toujours à cet usage pour l'aîné de sa famille.

(Приписка): Je donne à mon petit-fils Alexandre la S-te Cécile que je tiens de l'amitié de son père depuis le 14 Octobre 1827. Je dé-

sire qu'il en fasse cadeau en mon nom à Son Epouse le lendemain de ses noces et que ce soit un effet qui passe toujours à l'aîné de la famille pour la même occasion.

La bouilloire de vermeil avec sa table et ses tasses, qui se trouve à Pawlowsk.

L'étui de mathématique fait à Toula, qui est dans mon cabinet.

Un cachet à manche de nacre avec canif et plume.

(Приписка): Je donne le troisième grand diamant de mon collier au petit Constantin comme bague de promesse pour sa promise future, pour servir toujours à cet usage pour l'aîné de sa famille.

Une des montres de feu l'Emp. Alexandre qui se trouve sur ma table dans mon cabinet vert.

Le buste du Roi son Grand-père qui se trouve à Pawlowsk.

Je donne à ma petite-fille Marie:

Un ceulant de topaze.

Une garniture de turquoises.

Une aiguière en vermeil qui se trouve à Pawlowsk dans ma chambre à coucher.

Les marques de l'Ordre de S-te Cathérine de feu la Grande-Duchesse Alexandrine.

Un collier avec des perles et boucles d'oreilles à la chinoise achetés à Weimar.

Des boucles-d'oreille en brillant.

Un des serre-papiers de ma table.

Une épingle de chrysolithe.

Un bracelet, des boucles d'oreille et huit épingles en perles de Finlande, reçus de l'Empereur Alexandre et avec de petites turquoises, ainsi qu'une boîte avec des perles de Finlande.

Un portefeuille jaune à soufflet avec une mosaïque.

Je donne à ma petite-fille Olga:

Un bracelet avec les cheveux de son frère et son nom en pierres de couleur.

(Приписка): Je donne à ma petite fille Olga le bracelet avec le portrait d'Odine, que je tiens de Sa Mère.

Un coulant d'une topaze d'orient jaune.

Des boucles d'oreille en brillant, à tire-bouchon.

Un collier ou chaîne en camées et cornalines.

Une paire de bracelets en turquoises et or tressé.

Un bracelet de trois turquoises et chaînettes en turquoises, qui me vient de ses parents.

Une large ceinture en turquoises, brillant et or tressé, avec inscription: «Souvenir d'amitié», en pierres de couleur, que j'ai de ses parents.

Un éventail en émeraudes, turquoises, brillant et or.

Les marques de l'Ordre de S-te Cathérine de feu la Grande-Duchesse Hélène.

Un collier en perles avec un petit fermoir en chaton.

Une épingle avec une perle que j'ai de Sa Mère.

Je donne à ma petite-fille Alexandrine:

(Приписка): Je donne à ma petite-fille Alexandrine le bracelet avec le portrait d'Olga que je tiens de Sa Mère.

Un coulant et des boucles d'oreille d'aigue marines.

Une S-te Cécile en turquoises que l'Impératrice, Sa Mère, m'a donnée pour ma fête.

Un collier et boucles d'oreille de chrysoprases.

Des boucles d'oreille de trois poires en brillants.

Une chrysoprase.

Un serpent en collier.

Un bracelet en grenats, perles et or, de Sa Mère.

Une épingle avec une petite pensée en émail.

Les sept cachets à devises, arrangés en forme de roue.

4

Je donne à mon cher fils, le Grand-Duc Constantin, comme souvenir:

L'image qui est à côté de mon lit et qui appartenait à son Père.

(Приписка): Je donne encore à mon cher Constantin la toilette de feu notre cher Alexandre. Après son décès elle retournera à mon fils Nicolas pour rester toujours à l'aîné de la famille.

L'anneau avec les cheveux de feu l'Empereur son Père qu'on ôtera de mon doigt après ma mort et que je donne à mon cher fils Constantin, comme une dernière bénédiction et comme un des objets les plus précieux pour moi. Il le transmettra après sa mort à l'aîné de ses frères.

Le portrait en émail de feu l'Empereur son Père, qui est à côté de mon lit, pour le placer toujours à côté du mien dans son appartement.

La bague bleue avec le camée de feu mon mari.

La plus grande pierre de mon collier en diamants, pour orner un de ses sabres. Elle restera comme fidéicommiss, qui à son décès revient à son frère Nicolas, pour la couronne.

Un buste de feu l'Empereur Alexandre en bronze dorée, dernier cadeau qu'il m'a fait après son départ pour Taganrog et qu'il m'a fait remettre par l'Impératrice Elisabeth.

Le portrait en pied de feu l'Empereur Alexandre qui est toujours à côté de ma table.

(Приписка): L'épée de feu l'Empereur Alexandre, qui après son décès doit revenir à Gatchina pour y être placée à côté de celle de Pierre le Grand.

Ajouté cet article ce 27 Novembre 1827.

La montre que feu l'Empereur Alexandre portait toujours et que j'ai prise après la mort de l'Impératrice, posée sur ma table à écrire.

L'album vert que j'ai de feu ma chère Cathérine, avec le plan de l'intérieur du château de Stoutgardt et des notes sur mon séjour écrites de Sa main.

Ma table à écrire debout, qui est à Pawlowsk.

Les tableaux sur porcelaine représentant la bataille de Culm et l'entrée de Paris.

Un serre-papiers en bois, en forme de livre.

Le dessin d'Anne du S-t. Jean de Morillas.

Deux vases de porcelaine, pris de Pawlowsk.

La table en mosaïque que l'Empereur Nicolas m'a donnée qui est à Pawlowsk.

Un portrait en émail de feu l'Empereur Paul, qui m'accompagne toujours dans mes voyages.

Un petit portrait de feu mon cher Alexandre, que j'ai placé à côté de mon lit et qui m'accompagne partout.

Une lorgnette en or et nacre de perles.

Le tableau en miniature de notre chère Catherine représentée dans son cabinet, qui est dans mon petit cabinet en ville, de même que:

Le dessin de son cabinet qui est à Gatchina.

Le lit de feu l'Empereur Son Père, qui se trouve partout où je suis, de même que son habit, ses bottes, son linge, son épée, sa canne, son chapeau et l'image peint par moi et placée à Pawlow k à côté de son lit. Il rec'amera tous ces objets de mon valet de chambre Grimm. Après son décès cela retourne à Gatchina.

La cassette noire sur laquelle j'écris tous les jours.

La lorgnette de feu l'Empereur Alexandre.

Un étui de mathématique de feu l'Empereur Paul, dont je le prie de se servir souvent.

Une écritoire de Moscou }
Une sonnette de Moscou } qui sont dans mon Cabinet à Pawlowsk.

Je donne à ma chère Belle-Fille, Son Epouse, la Princesse de Lowiez:

Une paire de boucles d'oreille en diamants, à deux perles.

Un portrait du Grand-Duc Constantin.

Une cassette en moiré métallique à odeur.

Une montre en perles, en coquille.

Un bon déjeuner de Pawlowsk.

5.

Je donne à mon cher Fils le Grand-Duc Michel:

Ma plaque et ma croix de l'Ordre de S-te André en diamants, que j'ai de feu l'Empereur Paul et que je le prie de conserver toujours dans sa famille.

(П р и н ц и с к а): Je donne à mon cher Michel une montre d'or de la toilette de feu l'Emp. qui est attachée à une girandole de ma toilette.

Ma Bibliothèque de Pawlowsk et ma collection d'estampes et d'empreintes de camées, qui se trouvent à Pawlowsk restent à Michel de même que le médaillon.

Un portrait de feu l'Empereur Son Père, en miniature.

Le portrait de feu l'Empereur Alexandre en fouraschka, qui est à Gatchina.

Un étui à cure-dent de feu son Père.

Le portrait de feu l'Empereur Paul, peint en ourlet.

Un ruban de montre avec des camées en papier, de feu son Père.

Mon petit cachet avec le chiffre M. dont je me sers habituellement et qui pourra lui servir également; il se trouve à ma montre. Les autres cachets avec mon chiffre sont à partager entre lui, ma fille Marie et mes petites-filles Marie Nicolaewna et Marie Michailowna.

Un des serre-papiers en malachite, qui sont sur ma table.

6.

Je donne à ma chère Belle-Fille, la Grande-Duchesse Hélène:

La croix de l'Ordre de S-te Cathérine, retournée après la mort de ma Mère et que feu l'Empereur Paul avait eu la bonté de me dire, que je devais conserver, qui doit toujours rester à la femme de l'aîné de la Maison.

Mon grand bouquet de diamants qui doit toujours rester à la famille comme legs.

Une lorgnette en or et en chrysoprase.

Un éventail en ivoire.

Le portrait du Grand-Duc Michel, qui se trouve dans mon cabinet en ville.

Celui du feu Roi, mon frère et son Grand-Père qui s'y trouve de même.

Celui de la Reine actuelle de Wurtemberg.

La cassette qui est à côté de ma table en ville, où je mets mes lettres.

Le portrait des mes petites-filles de Wurtemberg.

7.

Je donne à leur fille, ma Petite-Fille Marie Michailowna:

Un coulant d'une jacinthe:

Un collier en serpent.

Un bracelet en or et émail de sa Mère.

Une croix en perles.

Une boucle de ceinture en perles.

De petites boucles-d'oreille en perles d'Ecosse.

Un flacon que j'ai de ma fille Cathérine avec bouchon en or et turquoises.

(Приписка): Je donne à ma Petite-fille Cathérine Michailowna.

Un bracelet en turquoise, perles et brillants, que j'ai reçu de sa Mère, de même qu'un bracelet du cornaline et me propose de faire l'acquisition d'un fermoir pour Elle.

Une paire de boucles d'oreille longues en malachites.

Je donne à ma Petite-Fille Elisabeth Michailowna.

Mon second coulant de jacinthe entouré de diamants.

Une montre en turquoises et perles, reçue de Son Père.

Un de mes plus jolies portefeuilles et cassettes à ouvrage, à choix.

Une cassette à odeur que m'a donnée la Reine de Wurtemberg.

Un portefeuille rouge à soufflet, avec un dessin représentant l'amour.

8.

Je donne à mon Petit-fils Paul de Meklembourg, fils de ma fille, la Grande-Duchesse Hélène, comme souvenir:

Une bague d'une émeraude, montée maintenant en coulant, mais qu'on remettra en bague.

Une bombonnière de verre avec une gerbe en cire, reçue d'Hélène.

Une paire de vases en porcelaine, à prendre de Pawlowsk.

Je donne à ma Petite-fille Alexandrine, son Epouse, le beau camée représentant Ariadne, entouré de diamants.

Un des dessins de feu ma chère Hélène, qui se trouvent à Pawlowsk et

Six épis en aigue-marines.

Je donne à mon arrière-petit-fils Frédéric-François:

Une bague avec mon portrait qu'on fera faire.

(Приписка): Ajoutés ces articles ce 27 Novemb. 1827.

Je donne à mon arrière-petite-fille Louise-Marie:

Un fermoir en turquoises et brillants.

Je donne à ma Petite-fille Marie de Meklembourg Princesse de Saxe-Hildburghausen, comme souvenir:

Le bracelet à cheveux de ma fille Hélène avec un fermoir en chaton.

Le collier de cheveux, composé de ceux de son Père, de sa Mère, d'Alexandrine et de Joseph, avec leurs chiffres et l'entourage en diamants.

Je lui donne ma plus belle pelisse.

Un coulant de topaze et diamants.

Je donne à Son mari, le Prince George de Hildburghausen, comme souvenir:

Une bague avec mon portrait qu'on fera faire.

Je donne à leur fils, mon arrière petit-fils:

Une bague avec mon portrait qu'on fera faire.

Mon Petit-fils Paul et ma Petite-Fille Marie recevront encore chacun un des portraits de leur défunte Mère, qui se trouve dans mon cabinet de toilette en ville, de même que chacun une copie de mon portrait peint par Kugelchen. La part qui leur revient du produit de mes diamants, leur est assurée par mon testament.

9.

Je donne à ma chère Fille la Grande-Duchesse Marie, comme souvenir, outre la part qui lui revient en diamants.

(Приписка): Je donne à ma chère Fille Marie la Bible de feu l'Empereur: Notre Ange y a tracé de Sa main les passages qui l'ont frappé davantage.

27 Nov. 1827.

Le médaillon avec le portrait de feu l'Empereur, Son Père, gravé par moi, que je porte tous les jours, de même que la chaîne en cheveux de tous mes Enfants et de feu l'Empereur Paul.

Un anneau avec les cheveux de feu mon cher Empereur, entouré de diamants. Ces deux cadeaux lui seront chers.

Un anneau avec une péridot, que je porte constamment, depuis que j'en ai fait l'acquisition à Weimar, parce que la pierre fait la lettre initiale du nom de feu l'Empereur Paul: réuni à une petite tête donnée par Anne et un oeil de la Providence, dont la destination est séparée.

Des boucles d'oreille en or avec des cheveux de feu l'Empereur Paul.

Mon bracelet avec les cheveux et les lettres initiales de tous mes petits-enfants et avec l'oeil de la Providence: je la lui donne comme pièce d'affection.

Le bracelet que je me suis fait faire après le voyage, avec l'oeil de la Providence, les initiales des noms de mes petits-enfants en pierres de couleur, une pensée avec la lettre A, chiffre de feu notre cher Ange, l'année 1818 et une germandrée. Elle le portera comme souvenir de l'époque heureuse où je me suis trouvée chez elle, bonheur que je dois à la tendresse du meilleur des fils.

L'album avec les écrits de ma Mère.

Mon beau rubis, acheté de mes fonds en 1806.

Ma belle améthyste.

Une petite toilette de voyage en argent que j'affectionne beaucoup, parce que je l'ai apportée avec moi en Russie et qui m'a accompagnée de nouveau dans les pays étrangers.

Un ducat qui m'a été envoyé par ma Mère avec l'inscription: «Wohl dem der an seinen Kindern Freude erlebt». C'est un homme de Montbeliard qui le lui a apporté après la naissance de feu ma fille Olga. Je le donne à ma bien chère Marie, qui dans toutes les épreuves de sa vie, s'est toujours montrée digne de tout mon amour et a captivé l'estime générale. Je me plats à lui répéter encore à cette occasion la douce assurance de tout mon amour, de tout mon contentement, de toute ma tendresse. Je suis fâchée de n'avoir que deux de ces ducats; j'aurais désiré pouvoir en donner à chacun de mes enfants; tous m'étant également chers et toutes mes bénédictions reposant sur eux.

Ma cassette verte dont je me sers journellement pendant 40 ans et qui par ce souvenir lui sera chère.

Un porte-crayon noir avec pointe et bouton en or et brillants.

Une boîte à cure-dents de bois de sandale, que j'ai de feu ma Mère.

Une bague noire avec l'inscription: «à la plus aimée» entourée de diamant; que je tiens de ma Mère.

Un anneau en émail bleu clair avec l'inscription: «Unis pour jamais».
Sept anneaux réunis par trois brillants.

Un anneau de marcassite, que j'ai porté depuis mon enfance jusqu'à ce qu'il fut rompu. Je l'avais reçu de feu Madame de Borck, ma gouvernante.

Le médaillon gravé avec les portraits de ses frères.

Une corbeille en or qui se trouve à Pawlowsk.

Une petite boîte d'agate avec un dé en or et un bec en diamants, comme pièce de famille, qui mē vient de l'héritage de feu la Reine-Mère de Prusse.

Les portraits de mes quatre défuntés filles, qui se trouvent à côté de mon lit.

Ma table à écrire qui se trouve dans mon petit cabinet et qui me sert souvent.

Un bracelet en or avec le portrait de feu l'Empereur Paul, gravé sur un saphir, que je porte tous les jours, lorsque je ne suis pas habillée.

Mes boucles d'oreille de nuit en tout petits diamants, que je tiens de feu ma Mère et que j'ai beaucoup porté comme enfant.

Le portrait de ses frères, entouré de philigrane, qui se trouve à côté de mon lit.

Un éventail en écaille qui me vient d'Alexandrine.

Une bague avec le portrait de feu l'Impératrice Cathérine.

Un bracelet de pierres de couleur, formant le nom de George et de Cathérine.

Un bracelet en or avec les cheveux de notre bonne Princesse Lieven.

Une chaîne de cheveux de ma chère Alexandrine et bracelet de même.

Mes tout premiers anneaux d'oreille.

Une petite boîte à fond d'agate ou de jaspe de ma Mère, qui nous a servi de joujou à nous tous.

Un porte-crayon plat en or de feu son Père.

Un flacon entouré de paille, qui m'a toujours servi et que je tiens de ma Mère.

Une bréloque donnée par ma Mère le jour de notre séparation. Elle y a tracé quelques mots.

Un bracelet avec les cheveux de ma Mère.

Un éventail qui me vient de ma Mère, qui a écrit sur une de ses côtes.

Un médaillon avec les cheveux de ma Mère, un coeur avec son chiffre et l'inscription: «Ich lebe, traure nicht» et de l'autre côté: «Tod ist Leben, Trennung und Vereinigung, Unglück und Glück».

Une bague avec des cheveux et un cœur en perles, avec la devise: «il est à toi». Bague qui a appartenu à ma Mère et que je donne à Marie et lui répète la devise.

La collection de cristaux à aigrettes de l'Onéga.

Le portrait de la Princesse Lieven par Benner.

Une bague à fond bleu, entouré de brillants, et l'inscription: «à la plus aimée», que je tiens de feu mon cher Empereur Paul et dont j'ai fait un fermoir pour un bracelet de perles.

Un éventail en or, avec le nom de Marie en diamants, légué par feu l'Impératrice d'Autriche.

Un éventail à côtes d'ivoire et or.

Un camée de Pierre I, entouré de petits diamants.

Un flacon dans un étui de chagrin vert que j'ai de feu ma Mère.

Le livre ou album avec une reliure faite de tableaux en bas-relief de fonte, que j'ai de la Landgrave de Hombourg.

Ma tasse dont je me suis toujours servie.

Un éventail côté en or avec des pensées, que la Grande-Duchesse de Hesse m'a donné à Francfort au nom du Grand-Duc son époux.

Je donne encore à Marie un étui avec deux cuillères en vermeil, qui ont appartenu à feu notre Ange.

Je donne à ses Enfants, mes petites-filles de Weimar:

Mes deux éventails en pierres de couleur.

Mes pelleteries seront partagées entre elles.

Je donne en particulier à ma petite-fille Marie de Weimar:

Une bague avec la silhouette de sa mère, entourée de roses.

Une jacinthe, montée avec deux ancras en diamant.

Un bracelet de cheveux et de quatre pierres de couleur, formant les noms de Charles, Marie, George et Cathérine.

Un bracelet avec le portrait de mon fils l'Empereur Alexandre, gravé en intaglio sur une améthyste, que je tiens de Marie.

La montre à boussole avec le chiffre M. que je tiens de ma Mère.

Les boucles d'oreille à deux perles.

Une chaîne en anneaux, tressée d'or.

Un petit portefeuille en nacre de perles.

Une montre à turquoises.

Un éventail à côtes d'ivoire et d'or.

Une ceinture en or tressé avec une améthyste, que j'ai de sa mère.

A son promis le Prince Charles de Russie:

Une bague avec mon portrait qu'on fera faire.

Je donne en particulier à ma petite fille Auguste de Weimar:

Le grand coulant de jacinthe.

Le bracelet avec le portrait de sa mère.

Un coeur en philigrane avec diamants et perles.

Des boucles d'oreille en topaze jacinthe, entourés de diamants.

Une croix de topaze et brillant et une opale, reçue de sa mère.

Un médaillon en lozange avec une cornaline, reçu de même de sa mère.

Un éventail à côtes d'ivoire, garnies en perles avec deux diamants.

Une de mes cassetes d'ouvrage.

Un de mes jolis portefeuilles.

Je donne à mon petit-fils Charles de Weimar:

La bague avec trois opales.

Le portrait de sa mère avec le voile blanc, que j'aime beaucoup.

Le portrait de son grand-père le Grand-Duc de Weimar, à cheval.

Deux beaux vases de porcelaine avec les peintures de Schiffler qui sont à Pawlowsk.

Je donne à mon cher beau-fils, le Grand-Duc héréditaire de Saxe-Weimar, comme souvenir d'affection:

Une bague d'une aiguemarine jaune.

Deux grands vases de verre bleu, qui se trouvent dans mon cabinet de toilette à Pawlowsk.

Un de mes jolis portefeuilles, et

Un serre-papiers d'une de mes tables.

10.

Je donne aux enfants de ma fille Cathérine, à mes chers petit-fils d'Oldenbourg:

A l'aîné Alexandre:

Une bague d'un rubis violet.

Le portrait de sa mère, peint par Kiprensky.

Une bonbonnière d'or émaillée avec des arbres.

Un serre-papiers de jaspe blanc.

Au cadet Pierre:

Une bague d'une topaze orientale, entourée de diamants et montée en corbeille.

Le portrait de son Père, peint par Kiprensky.

Un petit portefeuille en malachite avec le portrait de George.

Je donne à ma chère petite-fille Marie de Wurtemberg:

Une agraffe de peridot, entourée de diamants.

Une petite bague double à émail, qui s'ouvre, avec les cheveux de sa Mère.

Un éventail que sa Mère m'avait donnée pour mon dernier jour de nom, en pierres de couleur, travaillée à Stoufgardt.

Un anneau que Cathérine m'avait donné avec les cheveux des deux petites.

Le portrait en miniature de sa Mère, qui est dans ma cassette.

Un miroir de toilette donné par sa Mère.

Les deux portraits de mon beau-fils, le Roi de Wurtemberg et de ma nièce Cathérine de Montfort, comme enfants, qui sont à Gatchina.

Un petit nécessaire à bronze dorée.

Une garniture de coraux, cadeau de Cathérine.

Un collier et boucles d'oreille en cornaline blanche.

Une épingle en forme de plume avec les cheveux de sa Mère et de ses tantes.

Je donne à ma chère petite-fille Sophie de Wurtemberg:

Un coulant de chrysolite.

Un nécessaire en nacre de perles fait à Stoufgardt, que j'ai reçu de sa Mère.

Une corbeille avec 4 flacons pour des odeurs, donnée par sa Mère.

Un portrait de son Père, comme enfant, qui se trouve dans mon cabinet en ville.

Un attache avec les lettres N. C. L. S., que je tiens de feu ma Mère.

Un anneau avec les noms de ses parents en pierres de couleur.

Un cachet en forme de roue avec le nom de sa Mère en pierre de couleurs.

Je donne à mon cher beau-fils, le Roi de Wurtemberg:

Une bague avec les cheveux de feu mes Parents et l'inscription: «Papa, Maman».

Un des dessins de feu ma Mère. Les autres dessins d'Elle sont à partager entre mes enfants.

Un grand vase de porcelaine rose qui se trouve à Pawlowsk.

Une bague avec la silhouette du feu Roi, mon frère.

Un portrait de la Reine, son épouse, qui se trouve dans mon cabinet.

Un couvert de vermeil, couvert de feu ma bonne Mère, qui m'a été envoyé après sa mort. Je le donne à mon beau-fils pour l'usage de sa femme, mais il restera toujours à la Maison.

Le portrait du Roi, son père, en miniature.

Un des serre-papiers, qui se trouvent sur une de mes tables.

11.

Je donne à ma chère Fille Anne, comme souvenir, outre la part qui lui revient en diamants:

Une bague avec le portrait de son Père en camée.

Ma grande chrysolite, entourée de diamants.

Le bracelet en pierres de couleur simples, formant les noms de mes enfants.

Un médaillon entouré de diamants, avec un camée en papier, ouvrage de feu l'Impératrice Cathérine (maintenant sans diamants, qui sont à remettre et entourent présentement un grenat).

Un médaillon avec une turquoise, mise à présent dans un collier.

Deux bracelets en fils de petites perles, avec les portraits de ses deux frères aînés.

Le médaillon avec le portrait de feu l'Impératrice que j'ai gravé, auquel on peut adopter des diamants à volonté.

Un bracelet en rubis, turquoises et or, avec les cheveux du Prince Frédéric-Henri d'Orange, que j'ai d'Elle.

Un bracelet en rubis, turquoises et or, avec les cheveux des jeunes Princes aînés, ses enfants.

Un bracelet en turquoises et or et les lettres (G.) (A.) (G. A.) (A.) (F. H.) que je tiens d'Elle et de Guillaume.

Un médaillon avec le portrait en cire de feu l'Empereur Paul, fait d'après la pierre, que j'ai gravée.

Un médaillon avec la pâte du portrait de mon fils l'Empereur Alexandre, gravé par moi.

Le premier portrait du Prince d'Orange qu'elle a reçu et qui est dans ma cassette.

Un bracelet en germandrées de turquoises et médaillon avec les cheveux de ses enfants.

La bague avec le portrait de ma Fille Olga, servant de bracelet.

Les portraits de ses frères Nicolas et Michel et le sien, réunis dans un tableau qui se trouve dans mon cabinet. •

Les deux dessins de mes fils Nicolas et Michel, qui sont dans mon cabinet lilas à Gatchina.

Un anneau avec les cheveux de ma Mère et de mes deux Tantes.

Un petit anneau en or, avec l'inscription sur fond noir: «unis pour jamais», que j'ai encore apporté avec moi.

Un anneau avec un soupir d'une améthyste claire.

Une bague avec les cheveux de mes Parents et les quatre lettres

A. F. T. S. Amitié, Fidélité, Tendresse et Souvenir, arrangé présentement en bracelet.

Un éventail en côtes de nacre et or.

Ma table à écrire, qui est dans mon grand cabinet en ville.

Une épingle avec le portrait en camée de feu l'Empereur Paul sur fond bleu, maintenant en bracelet.

Un parasol avec une lorgnette, monté en or et orné de pierres de couleur, qui me vient de la Reine des Pays-bas.

Je donne à mes chers Petits-Fils:

A l'aîné, Guillaume:

Une bague d'une agathe, entourée de diamants, que j'ai reçu de feu l'Empereur Paul.

Deux vases de porcelaine de la fabrique d'ici, à prendre à Pawlowsk.

Une petite statue en bronze de feu l'Empereur Alexandre, qui se trouve dans mes chambres à Gatchina.

Au second, Alexandre:

Les bustes de son Père et de sa Mère, qui se trouvent dans ma chambre de toilette.

Deux vases de porcelaines de la fabrique d'ici, à prendre de Pawlowsk.

Un de mes portefeuilles ou caisse à mettre les lettres.

Au troisième, Frédéric-Henri.

Un des portraits de sa Mère.

Une petite statue en bronze de feu l'Empereur, qui se trouve dans mon cabinet à Gatchina.

Un petit étui de mathématique, fait à Kolpina, qui est sur ma table.

Je donne à ma chère Petite-fille Sophie-Marie.

Une chaîne d'améthystes taillés en grains.

Un bracelet d'or et turquoises.

Un coulant de chrysolithe.

Une montre en perles que j'ai de sa Mère.

Je donne à mon cher Beau-fils, le Prince Guillaume d'Orange, à ce frère chéri de mon Alexandre, au meilleur et au plus tendre des fils que je chéris avec tout l'abandon de la tendresse maternelle:

La bague avec le portrait de feu l'Empereur Alexandre, gravé sur un saphir, que je porte constamment.

L'anneau avec la médaille et l'inscription: «l'Ange est au Ciel», que je porte constamment.

La garniture de cheminée en malachite, qui se trouve dans mon cabinet arrondi à Pawlowsk.

Une pendule en malachite qui est à Pawlowsk.

Un cure-dent en or, qui me vient de ma Mère.

Comme souvenir d'affection, on lui fera faire un anneau avec mes cheveux, comme aussi au Grand-Duc héréditaire de Saxe-Weimar, au roi de Wurtemberg et au cher archiduc Joseph.

12.

Je donne à Nicolas, Constantin et Michel les trois dessins faits par feu mon cher Empereur Paul, du temps de son enfance; c'est un don qui leur sera précieux, de même deux dessins de ma Mère, l'un à Marie et l'autre à la Grande-Duchesse Hélène.

Je donne outre cela à chacune de mes deux filles, Marie et Anne, un des grands portraits de feu l'Empereur, leur Père, qui se trouvent dans mon cabinet de toilette.

Je donne mes voiles de dentelles et mes dentelles non portées, à mes deux filles, ma belle robe de dentelles à traîne, à ma petite-fille de Saxe-Hildbourghausen et les deux robes rondes à mes deux petites-filles Marie et Auguste de Weimar. Mes filles partageront mes plumes de héron.

Chacun de mes enfants se choisira un de mes dessins ou un des tableaux peints par moi, qui sont à Pawlowsk et se partageront mes cachets particuliers et ceux de feu mon mari.

13.

Je donne à ma chère Belle-sœur, la Reine douairière de Wurtemberg:

Le buste en marbre du feu Roi, mon frère, qui est à Pawlowsk.

Une bague avec des cheveux, reçue de mon frère.

Une autre bague reçue de mon frère, avec les cheveux de ses enfants.

Un médaillon en camée, représentat une gloire avec entourage de diamants.

Un joli déjeuner de Pawlowsk.

14.

Je donne à ma nièce Cathérine, qui m'intéresse d'autant plus dans ce moment, qu'elle est malheureuse:

Un coulant de grénat, qu'on entourera de diamants, afin qu'il soit de la valeur de dix mille roubles.

Un des portraits de son Père.

15.

Je donne à mes frères, mes belles-sœurs, mes neveux et nièces, comme souvenir d'affection:

1. A ma Belle-sœur Louise.

Un fermoir d'une jacinthe.

Un portefeuille blanc brodé en or avec le portrait de feu mon frère Louis.

Une cassette noire pour l'ouvrage.

Un joli déjeuner d'une de mes Maisons de Pawlowsk.

Un de mes portefeuilles.

Le portrait de la Reine, sa fille, qui est dans mon cabinet.

A ses filles, mes nièces:

A l'aînée, l'Archiduchesse Marie:

Un collier de petites perles avec un médaillon de jade, entouré de diamants.

Un tracelet que j'ai de sa Mère.

Le portrait en miniature de sa Mère.

A la Seconde, la Princesse Amélie de Saxe-Hildbourghausen:

Un fermoir d'une chrysoprase, entouré de diamants.

A la troisième, Pauline, Reine du Wurtemberg:

Un fermoir d'une aigue-marine.

A la quatrième, Elisabeth:

Un coulant d'une aigue-marine de Sitérie.

A ses deux fils Adam et Alexandre:

Deux bagues en pierres de couleur.

2. A ma Belle-sœur Eugène:

Mes bracelets en or, perles et diamants à porter autour du bras, que j'ai fait faire de l'héritage qui m'est revenu de feu ma Mère: après sa mort ils passeront à sa petite fille, future épouse de son petit-fils, pour rester comme fidéicommiss pour l'aîné de sa branche.

Une périsse de zibéline.

Le portrait de mon neveu Eugène.

Une chaîne de diverses agathes, reçue de ma Mère.

A son fils, mon Neveu Eugène:

Une bague d'un rubis rond.

Une bague avec mon portrait, toute simple qu'on fera faire.

Les portraits de mon Père et de ma Mère, enrichis de diamants et grenats, qui se trouvent à côté de mon lit.

Une vieille montre de ma Mère.

Un médaillon avec le portrait de mon Père et le chiffre F. E. en diamants entouré de cheveux.

Un souvenir avec des cheveux et le chiffre F. A. reçu de mon frère Ferdinand.

Une bague avec la silhouette de mon Père, qui a appartenu à Maman.

Une bague avec les cheveux de mon frère Ferdinand.

Une bague avec le portrait de ma Mère, entourée de brillants sur un fond de verre bleu.

Une cassette avec les portraits de toute sa famille.

A sa fille, ma petite-Nièce Marie:

Un collier en or avec un médaillon oval d'une cornaline, entourée de perles et d'émail bleu.

Des boucles-d'oreilles en cristaux à aigrettes de l'Onéga.

Un petit coulant à deux perles:

A son fils mon petit-Neveu Eugène:

Une bague avec mes cheveux, entourée de diamants, à faire.

A sa Soeur, ma Nièce de Hohenlohe-Ochringen:

Un coulant d'aigue-marine et une boucle de ceinture en turquoises et brillants.

3. A mon frère Guillaume:

Une bague avec mon portrait, qu'on fera faire pour lui.

Une bague d'un oeil de chat.

Une bonbonnière de corne, de feu ma Mère.

Une bague de feu ma Mère, avec le chiffre A. F.

Une petite cuillère en or avec un manche de nacre de perles, de feu ma Mère.

Un médaillon avec le portrait de feu ma Mère.

Une lorgnette avec deux chiffres F. et A.

Un médaillon avec les cheveux de ma soeur Elisabeth.

Une bague à l'antique.

4. A mon frère Ferdinand:

Une bague avec mon portrait qu'on fera faire pour lui.

Une bague avec un bouquet de germandrées que je tiens de ma Mère.

Une bague avec le chiffre F. sur un fond bleu qu'il m'a donné.

Une bague avec l'inscription: «par le plus tendre», que je tiens également de lui.

Un talisman avec une inscription grecque, que j'ai aussi reçu de lui, de même qu'une bague avec son chiffre, entouré de perles.

Deux badines avec son chiffre en diamants.

Une breloque en forme de petit coffre, qui a appartenu à feu ma Mère.

Un petit médaillon avec des cheveux et l'inscription sur fond bleu: «Souvenir d'amitié», qui a appartenu à feue ma Mère.

Une bague à l'antique.

A ma belle-soeur, son épouse:

Un anneau avec des cheveux, un diamant en coeur et l'inscription «Souvenir du bien-aimé», anneau de feue ma Mère, qu'elle avait reçu de mon frère Ferdinand.

Une boucle de ceinture en émeraudes et brillants.

5. A mon frère Alexandre:

Une bague avec mon portrait qu'on fera faire pour lui.

Le portrait de mon frère Charles.

Une bague avec les cheveux de mon frère Charles.

Une bague d'une cornaline.

Une grande bague avec le portrait en silhouette de mon Père.

Un anneau avec le chiffre du frère, de feue ma Mère G. P. W. et avec l'inscription sur émail bleu: «pour son souvenir», qu'Elle m'a donné encore à Treptow.

Une cassolette d'argent avec le chiffre D. qui a appartenu à feue ma Mère.

Une boîte avec le portrait de mon frère Guillaume.

Un portefeuille en maroquin avec le portrait de mon frère Ferdinand.

Une paire de vases de Pawlowsk.

Une bague à l'antique.

A sa fille, ma nièce Marie:

Des boucles-d'oreilles de rubis balais.

Un bracelet avec mon portrait, qu'on fera faire.

Une garniture de coquillages gravés.

Une tasse de vermeil qui se trouve dans ma chambre à coucher à Pawlowsk.

Un bracelet en or et fermoir en opal.

Mr. de Nowossiltzoff remettra à ma nièce le titre des épargnes que j'ai faites pour son trousseau, si Elle ne se marie pas avant ma mort: il se forme depuis la mort de sa Mère.

Un coulant de turquoises.

A mes neveux Alexandre et Ernest:

Des bagues avec mon chiffre et mes cheveux.

6. A mon Frère Henri:

Une bague avec mon portrait, qu'on fera faire pour lui.

Une bague avec le nom de Louise et une chaîne d'or de feu ma Mère.

Une bonbonnière d'ivoire avec un oiseau, qui a appartenu à feu ma Mère.

Deux couteaux à manche de nacre dans un étui vert, qui ont appartenu à feu ma Mère.

Une bague à l'antique.

16.

Je lègue à mon cher beau fils, l'Archiduc Joseph, que j'ai toujours aimé et chéri comme mon propre enfant et qui n'a cessé de me donner des preuves de son attachement filial et des sentiments qu'il conserve pour ma chère défunte fille, en témoignage de mon affection:

Une bague carrée d'un rubis.

Un portrait de moi, copié d'après celui de Kugelchen.

Une table avec l'ouvrage d'Alexandrine, qui est à Pawlowsk.

Un des beaux déjeûners en porcelaine qui se trouve dans ma chambre à coucher à Pawlowsk.

Une chaîne des cheveux de ma chère Alexandrine.

Une boîte de cure-dents en lapis que je tiens d'Elle.

Une bonbonnière en verre avec le dessous en cire, ouvrage d'Alexandrine.

Deux beaux vases de Pawlowsk.

Un portrait d'Alexandrine avec son enfant sur les bras, qui s'élançe au Ciel.

Un de mes serre-papiers sur une de mes tables à écrire.

Un de mes jolis portefeuilles.

17.

Je lègue à mon cher beau-frère, le Grand-Duc de Holstein:

Une bague d'un diamant jaune.

Un anneau avec les cheveux de feu sa femme et l'inscription: «Nous la pleurerons toujours».

J'ai porté presque constamment jusqu'à l'user un anneau, composé de trois anneaux avec les cheveux de mes soeurs Frédérique, Elisabeth

et de mon frère Charles. On les séparera et donnera les anneaux avec les cheveux de mes soeurs Frédérique et Elisabeth à mon beau-frère de Holstein, parceque les deux soeurs s'aimaient tendrement et celui avec les cheveux de mon frère Charles à mon frère Alexandre.

Un anneau avec de petits diamants et germandrées.

Un anneau avec l'inscription: «Lien de la constance».

Un anneau d'or avec de petites rosettes au milieu, qui a appartenu à feue ma Mère.

Le tableau avec les portraits de mes neveux, ses fils, comme enfants, qui est à Gatchina.

Une copie de mon portrait, peint par Kugelchen.

Le portrait de mon neveu Auguste, peint par Kiprensky.

Les portraits de mes petits-fils Alexandre et Pierre d'Oldenburg, dessinés par Kiprensky.

Un médaillon avec les cheveux de ma soeur Erédérique et la devise: «Sacrée à l'amitié».

Un porte-feuille avec le portrait de Cathérine.

Un anneau avec l'inscription sur émail noir: «Sie blühete kurz, sie wird wieder blühen», qui a appartenu à ma Mère, qui l'a beaucoup porté.

Un serre-papiers en marbre avec un lévrier en bronze.

Une paire de vases de Pawlowsk.

Je donne à son fils, mon neveu Auguste, comme souvenir d'affection:

Une bague avec les cheveux de son Père et de feue sa Mère que je tiens d'eux.

Une bague avec mon portrait, à faire.

Un anneau avec les cheveux de mon petit-fils Pierre d'Oldenburg, couverts d'un diamant.

Un anneau en or qu'on ouvre, avec émail noir étoilé.

Une boîte à cure-dents en or, que je tiens de son Père.

Un médaillon avec les cheveux de sa Mère.

A ma nièce, son épouse:

Ses boucles-d'oreilles en turquoises et brillants.

Un éventail de ma Soeur, sur lequel elle a écrit, de même que le Duc.

18.

Je donne à ma cousine, la Princesse Radziwill:

Un médaillon entouré de perles avec des cheveux et une peinture où on voit le chiffre F. L. M. qui me vient de ma tante.

Une bague avec le portrait de son père, mon oncle Ferdinand.

Une bague avec les cheveux de ma tante de Hesse.

Un médaillon en filigrane avec une tête de Méduse.

Un beau déjeuner en porcelaine de ma chambre à coucher de Pawlowsk.

Un anneau avec des cheveux et le chiffre P., anneau de feuë ma Mère, avec les cheveux de ma tante de Hesse.

Un médaillon avec les cheveux de mon oncle et de ma tante.

Un souvenir émaillé avec le chiffre A. A. qui me vient de ma grande tante, la vieille Duchesse de Brunswic.

Un fermoir en chrysolithe, entouré de diamants.

Je donne à ma nièce Elise Radziwil:

Une boucle de ceinture en chrysolithe.

19.

Je lègue à notre digne et chère Princesse de Lieven, comme souvenir de mes sentiments pour elle:

Mon portrait peint par Kugelchen.

Un solitaire de mon collier.

Un anneau en émail avec l'inscription: «L'amitié vous le donne».

Le médaillon de mes enfants.

Un flacon d'or émaillé en rouge.

Un couteau en or avec manche de nacre.

Une canne avec le portrait intaglio de feuë l'Impératrice Cathérine.

Un étui d'ivoire chinois.

Une boîte en agathe, ovale.

Un serre-papiers.

Tous les bustes en plâtre de mes enfants, qui se trouvent dans mon grand cabinet.

Une tasse de vermeil.

20.

Je donne à ma bonne amie Mademoiselle de Nélidoff:

Un bracelet avec mes cheveux, qu'on fera faire, avec un fermoir en diamants, à prendre de mes chats.

Un autre bracelet avec mon portrait qu'on fera faire aussi.

Un des serre-papiers qui se trouvent sur ma table.

Un médaillon carré en or, entouré de perles fines, dans lequel on mettra de mes cheveux.

Un anneau large avec des cheveux et l'inscription: «qu'il te rappelle un ami», de mon frère Ferdinand.

Un anneau avec l'inscription: «Souvenir d'amitié».

Un souvenir avec des médaillons, d'un côté des pensées, de l'autre le chiffre F. A. formé avec des roses, que je tiens de mon frère Ferdinand.

Un camée, tête de Jupiter.

Le chiffre de feu l'Empereur Alexandre A. I. sur un médaillon émaillé avec une chaîne surmonté d'un casque et de l'autre côté l'inscription: „Государь и Отечество“.

Un collier en camées de fer.

Un souvenir, venant de la Duchesse de la Valière.

Une bonbonnière avec le dessus en ivoire et l'inscription: «Sacrés à l'amitié».

Un anneau large à émail bleu avec un rosier et l'inscription: «L'épine souvent est un charme de plus».

Un souvenir en laque chinois.

Une lorgnette en or et émail bleu, que j'ai beaucoup porté.

21.

Je lègue aux enfants de feu mon amie Benkendorff:

A chacune de filles un bracelet avec mon portrait qu'on fera faire.

En outre: à l'aînée la Princesse Dorothée Liowen:

Un médaillon en cheveux, entouré de perles avec des bouquets, qui me vient de sa mère.

Une bague avec un coeur et l'inscription: «fidèle» et

Une bague, une F. en brillants, toutes deux de sa mère.

A la cadette, Marie de Schewitch:

Une bague avec une gerbe de cheveux.

Un petit anneau en perles et améthystes, tous deux cadeaux de sa mère.

Au fils Alexandre:

Une bréloque en forme de vase, avec un F. dans l'intérieur, reçue de feu sa mère.

Une bonbonnière avec les cheveux de sa défunte mère.

Un anneau avec le nom de Tille dans cinq coeurs.

Au fils Constantin:

Une bague en cornaline, entouré de diamants, que sa mère a porté j squ'au jour de sa mort.

Une bonbonnière d'ivoire avec une silhouette.

Une boîte d'ivoire doublée d'écaille avec un médaillon, reçue de sa défunte mère.

22.

(Article rayé, de legs à M-lle Divoff):

(Приписка): J'ai eu le malheur de perdre M-lle Divoff ce printemps le 11. Févr.

Un petit portefeuille en maroquin rouge avec un médaillon en devise en rebus: L. C. ma et une pensée à donner à M-lle de Nélidoff.

(Приписка): Deux bracelets entourés de perles avec des dessins et inscriptions à donner à M-me Kotchetoff.

et à Mad-me Kotchetoff:

Un bracelet avec mon chiffre, entouré de diamants, à faire, et mes chevaux de selle.

(Mademoiselle de Lounine rayée) Princesse Radziwill, Dalhein l'aînée (Tchihatcheff rayée) recevront des fermoirs, comme toutes les autres dames qui pourraient se trouver auprès de moi à ma mort.

(Приписка): Mademoiselle de Lounine et Tchihatcheff se marient; la Tchihatcheff a déjà reçue mon cadeau et la Lounine le recevra.

«27 Novembre 1827».

23.

Je lègue de même comme témoignage de ma sincère affection à Madame de Plestchéieff:

Un bracelet avec mon portrait entouré de diamants, à faire.

Un anneau avec mes cheveux et l'inscription: „Amitié“, à faire.

Un anneau large émaillé avec l'inscription: „à moi“.

Je donne à Madame de Hoven, un bracelet avec mon chiffre, à faire.

24.

Je lègue à ma chère Communauté ma plus belle image.

Le beau buste en marbre que j'ai de feu notre cher Empereur Alexandre, qui se trouve dans mon cabinet.

Ses livres qui se trouvent toujours dans les armoires de ma Bibliothèque du Palais d'hiver, composés la plupart de Dictionnaires.

Toute ma collection de musique.

Ma Harpe.

Un clavecin de Pawlowsk, s'entend le meilleur.

Je lègue à ma bonne, digne, respectable Adlerberg, dont je suis des plus contente:

Un bracelet avec mon portrait, à faire.

Un souvenir en or.

Une de mes cassettes, qui se trouvent sur ma table, soit ici, soit à Gatchina.

25.

Je lègue à chacun des Instituts suivants: de S-te Cathérine à Pétersbourg et à Moscou, d'Alexandre, de Harkoff et des Orphelines militaires, une de mes images et une copie de mon portrait peint par Kugelchen; mes soies, canevas et dessins de broderies sont à partager entre la Communauté, les deux Instituts de S-te Cathérine et celui d'Alexandre.

Je donne de même une de mes images à chacune des deux Ecoles de filles de soldats.

Je donne à Madame Krempien, comme témoignages d'affection et de contentement de son service, un bracelet avec mon chiffre, à faire. J'espère que j'aurai à me louer du choix que j'en ai fait.

A Madame de Pewtsoff, supérieure de l'institut de S-te Cathérine de Moscou, un bracelet avec mon chiffre, à faire. J'espère que j'aurai à me louer du choix que j'en ai fait.

A Madame Mélar, Inspectrice de l'Institut d'Alexandre à Moscou, une bague avec mon chiffre, à faire.

A Madame la Générale Stawitzky, Directrice de l'Institut des Orphelines militaires, un bracelet avec mon chiffre, à faire.

A Madame de Litinsky, Directrice de l'Institut de Harkoff, une bague avec mon chiffre, à faire.

A Madame Naymanovsky, Directrice de l'Institut Marie, un bracelet avec une malachite, à faire.

26.

Je donne à chacune des Maisons des Enfants trouvés, une de mes images et mon portrait, ainsi qu'une image à chacun des hôpitaux des pauvres, à celui de Paul à Moscou, à l'hôpital Galitzin, aux deux Ecoles de Commerce, aux deux Maison des veuves.

Je donne à mon Institut Marie une de mes images et une copie de mon portrait, peint par Kugelchen; je lègue à l'Institut des sourds-muets une image et mon tour.

27.

On prendra de ma garde-robe mes habits riches pour les partager entre les églises de la forteresse, des Instituts d'ici et à Moscou, des hôpitaux des pauvres d'ici et à Moscou, de ceux de Paul et de Galitzin.

28.

Je lègue à Madame de Graevnitz, comme à ma pensionnaire, mon élève et veuve d'un homme qui m'a si bien servi, un médaillon avec mon chiffre, à faire.

29.

Je donne à notre bon, digne général Comte de Lambsdorff, comme souvenir d'amitié et de reconnaissance, un des solitaires de mon collier, mon portrait peint à l'huile, l'anneau en or que mes fils m'ont donné et que j'ai toujours porté pendant leur absence; ma canne avec le pommeau en or et chiffre, que j'ai depuis plus de 30 ans et qui sous ce rapport lui fera plaisir; un souvenir en nacre et or; une canne toute d'ambre.

30.

Je donne à mon bon vieux Nélédinsky, secrétaire d'état de feu l'Empereur Paul: une boîte avec mon portrait et avec l'inscription „Souvenir d'amitié“; une boîte avec les 6 portraits de mes enfants, dessinés par moi; j'avais donné cette boîte à feu l'Impératrice Cathérine et l'ai redemandée après sa mort; un portefeuille de maroquin rouge avec un portrait de feu l'Empereur Paul, en miniature; le bas-relief, portrait du C-te Panin, qui est à Pawlowsk; un anneau d'or avec les cheveux du C-te Panin, son chiffre et la date de sa mort, du 31 Mars 1783; une canne que j'avais de ce bon vieillard.

31.

Le général Klinger, ayant été spécialement chargé de l'administration économique de la Communauté et de l'Institut de S-te Cathérine, je ne saurais assez reconnaître tout le zèle avec lequel il l'a soigné et je me fais un plaisir de lui laisser un souvenir de la justice, que je lui rends, en lui léguant une boîte avec mon portrait, à faire, et une somme de dix mille roubles, qu'il a si généreusement payée à l'Institut de S-te Cathérine, pour réparer l'erreur d'un employé.

Au général Arséniéff, qui soigne l'Institut des orphelines militaire et qui a la complaisance de s'occuper de celui de Marie, une boîte avec mon chiffre, à faire.

A Mr. de Wilson, qui non seulement rend des services si essentiels à la fabrique d'Alexandrowsk, mais qui s'est rendu utile et à Pawlowsk et à Gatchina: une boîte avec mon chiffre, à faire.

32.

Je donne à Mr. de Toutolmin, comme souvenir de reconnaissance des sentiments d'attachement qu'il m'a toujours témoigné: une bague avec mon portrait qu'on fera faire et le portrait du C-te Panin qui se trouve dans ma chambre.

33.

Je donne à Mr. Suthoff, Directeur de mon Institut des sages-femmes, une belle bague et le remercie de son zèle.

34.

Je donne au général Frédérici une boîte avec mon portrait. Je suis persuadée que mon fils Michel en sera tout aussi content que je le suis, ne pouvant assez me louer de son zèle.

Je donne au bon Rittmeister, en souvenir de ses longs et fidèles services, une boîte avec mon chiffre Je donne au colonel Stenger une boîte avec mon chiffre, en le remerciant de son zèle et le recommandant aux bontés de l'Empereur.

35.

En témoignant ma sincère reconnaissance au grand-écuyer Mr. de Mouchanoff de tout son zèle et de ses services, je me fais un plaisir de lui en laisser un souvenir et lui donne une belle boîte avec mon portrait.

36.

Je donne à mon vieux Albedyl, en le remerciant de ses soins, une belle boîte avec mon portrait et mes cheveux, de même qu'une boîte à portrait au Prince Gagarin et une boîte à portrait au Prince Nicolas Dolgorouky, en les remerciant de leur zèle, dont je ne puis que me louer infiniment.

(Приписка): Je donne de même une boîte avec mon portrait au C-te Wielhorsky, attaché de même à ma personne depuis ce printemps.
27 Novembre 1827.

Au Kammerfourier Kryloff, qui est un vieux serviteur, une belle bague.

Aux écuyers Wassilieff et Wolkoff, des bagues et les recommande aux bontés de l'Empereur comme de bien bons sujets.

Quoique notre Cour n'ait pas été séparée, je prie l'Empereur, mon très cher Fils, de vouloir bien gratifier les personnes qui ont été employés à mon service pour la table et l'office, de même que la livrée des chambres de parade de mon côté et l'écurie.

37.

Je donne comme souvenir:

A Mr. de Willamow une belle boîte avec mon portrait, à faire; une montre entourée de perles que j'ai beaucoup portée; une bonbonnière à émail bleu; un cachet en bréloque; un couteau à deux lames et manche de vermeil; une médaille à cadre noir, avec l'effigie de feu l'Empereur Alexandre; un médaillon avec un dessin allégorique à la plume; un porte-crayon en or; une canne à pommeau d'ambre; une bonbonnière avec un dessin au crayon.

A M-r de Novossiltzoff, une boîte avec mon portrait, à faire; une bague d'un grenat, un couteau à deux lames et manche de nacre; un souvenir d'ivoire; un porte-crayon d'or avec une plume; un crayon en or dont je me sers toujours et qu'il m'a donné; un cachet en bréloque et une canne à pommeau d'ambre.

A M-r de Meyendorff, qui ne fait que d'entrer chez moi, une bague avec mon chiffre.

38.

Je donne à Mr. Rühl une boîte avec mon chiffre; un étui à cure-dents en or, orné de germandrées; une montre qui a toujours été sur ma table de toilette; un étui rouge avec un nécessaire.

39.

Je donne à M-r de Storch une boîte avec mon chiffre en diamants; à M-r Adelung une boîte avec mon chiffre en or; à mon bibliothécaire Uttecht une gratification de trois mille cinq cent roubles; à Anton Iwanoff, une gratification de mille cinq cent roubles.

40.

Je donne à Mr. le général d'Ouchakoff, qui a toujours eu la complaisance de monter à cheval avec moi, une belle boîte avec mon portrait.

41.

Je donne à Monsieur le Prince Serge Galitzin, qui s'est toujours chargé de distribuer mes aumônes, une belle boîte avec mon portrait et le remercie de son attachement, lui recommandant avec confiance les Instituts et la Maison des Enfants trouvés.

42.

Je donne les portraits du Prince Alexandre Kourakin à Mademoiselle de Nélidoff et à M-r de Toutolmin; celui du grand chambellan Prince Galitzin à l'hôpital Paul à Moscou, celui du Prince Dmitri Galitzin à l'hôpital Galitzin à Moscou; celui de M-r de Zagraesky à M-me son épouse.

Je lègue à mes valets de chambre, femmes de chambre etc. etc. les objets ci dessous marqués:

Aux valets de chambre:

à Schalin: une bague; un étui rond en porte-crayon.

à Grimm: une bague; un étui d'ambre en forme de noix; une boîte à cure-dent d'écaille; une bonbonnière d'ambre en forme d'oeuf; une petite montre toute en or; un anneau avec l'effigie de feu l'Empereur Alexandre en petite médaille; une montre d'or avec le chiffre en caractères russes II. M.

à Matwey Pétrouff: Une bague; un couteau à une lame et manche de nacre; une bonbonnière de corne avec ornement en or; une bonbonnière en verre et ivoire; une montre toute en or, avec une aiguille en serpent; une chaîne de montre émaillée avec un petit cachet.

à Keyser: une bague.

à Jaroslawtsoff: une bague.

à Safonoff: une bague.

au vieux Prehn: une bague.

Aux femmes de chambre:

à la Pilnikoff: Des boucles d'oreilles d'or en cerceaux; un anneau d'or avec cinq petites rosettes sur émail bleu et blanc; plusieurs chaînes de montre et bracelets en grains de différentes espèces; une chaîne de Venise; un médaillon d'or pour y mettre des cheveux avec le chiffre M. F. en émail bleu; des boucles d'oreilles en cheveux en forme de petits globes; une petite breloque en forme de coeur avec l'inscription: „Je t'aime“; des ciseaux à manche d'or; un grand médaillon d'une aventurine; un médaillon en cornaline avec un crucifix gravé en relief; une chaîne d'or avec des lozanges; mon lavoir d'argent doré, une bague.

à la Jacowleff: Des boucles d'oreilles de cornaline; un anneau avec un petit intaglio; une bonbonnière d'ivoire et verre avec un dessin; une petite breloque en médaillon avec un dessin; un petit étui et nécessaire en forme de noix; une branche de cerises émaillées avec une montre dans l'une; une chaîne avec un carquois; trois épis en or; des chandeliers d'argent achetés par moi, en forme de sphinx; deux chaînes d'or; ma jatte d'argent dorée pour la bouche; une bague.

à la Brisgaloff aînée: Une petite breloque à crochet; des ciseaux à manche d'or; des boucles d'oreilles en cornaline; une agraffe de ceinture en or; une bague.

à la Brisgaloff cadette: Un médaillon avec l'image de S-te Nicandre; des boucles d'oreilles en serpent; un petit flacon d'or émaillé; une bague.

à la Tchernicheff: Un anneau avec un flacon en cornaline; un anneau avec une turquoise; une bague.

à la Iwanoff: Une petite breloque en urne pour odeur; un anneau avec une turquoise, une bague.

à la Jaroslawtzeff: Une petite boîte à odeur d'agate; une bague.

Aux quatre femmes de chambre:

Pilnikoff, Jakowleff, les deux Brisgaloffs: quatre navettes, 4 peignes en or, perles, camées et cornaline; à toutes les six une garniture de Wedgewood, à partager entre elles, quatre boucles d'oreilles en grenats et trois en perles noires.

A ma Kammerfrau Madame Kennedi.

Un étui rond en nacre et or; un médaillon avec un ouvrage en ivoire dans un étui de velours vert; un anneau avec une turquoise; une petite boîte à odeur et une sonnette d'argent doré; une bague.

Aux filles de garde-robe:

à la Strotzky: Une épingle avec un médaillon bleu et acier; une bague.

à la Cristopoff: une épingle avec une flèche en or; une bague.

Toute la garniture noire de composition à partager entre:

la Ditz, et une bague.

la Konowaloff, de même.

la Woronoff, de même.

Daria Wassiliewa et Victoroff.

Au fourrier de mes chambres, Alexeieff, une bague.

Signé: Marie.

St. Pétersbourg, ce 21 Janvier 1827.

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ТЕОДОРОВНА.

21-го января 1827 г

I.

(Переводъ). Возлюбленному сыну моему императору Николаю оставляю: червонецъ, лежащій въ моемъ кошелькѣ, съ надписью: «Wohl dem der an seinen Kindern Freude erlebt». Я получила его отъ моей матери, которой въ свою очередь онъ достался отъ ея матери. Червонецъ этотъ предназначался его брату Александру и въ моемъ завѣщаніи говорилось слѣдующее: «Оставляю его моему сыну въ знакъ моей любви, въ благодарность за счастье, доставляемое имъ мнѣ, и въ знакъ моей радости, что онъ достигнулъ высшей степени славы какъ своими военными побѣдами, такъ и своимъ нравственнымъ превосходствомъ». Въ 1812 г., когда я писала свое завѣщаніе, то въ немъ было высказано слѣдующее пожеланіе: «Молю Господа Бога, чтобы съ каждымъ днемъ крѣпли и развивались Имъ высокія и прекрасныя качества, коими Онъ надѣлилъ моего сына; чтобы Онъ даровалъ ему силу съ твердостью и достоинствомъ перенести ниспосланное ему испытаніе и горе; чтобы онъ, надѣясь на Божью помощь, не падалъ духомъ, побѣдилъ бы своихъ враговъ и прославилъ бы свою державу, такъ что народъ любилъ бы и благословлялъ его, называя своего государя Освободителемъ угнетенныхъ народовъ. Господь услышалъ мою мольбу и предчувствіе мое сбылось. Надѣясь также на милосердіе Божье, что онъ исполнитъ и теперешнюю молитву мою, даруетъ императору силу привести его трудъ къ желаемой цѣли, чтобы во всѣхъ частяхъ администраціи водворилось правосудіе и любовь къ добру, чтобы народъ его благоденствовалъ и былъ бы такъ счастливъ, какъ того желаетъ его монархъ, и чтобы наконецъ прекрасное прозвище «Благословенный», данное ему народомъ, осталось за нимъ во вѣки. Вотъ пожеланія, связанныя съ этимъ червонцемъ, который

поэтому долженъ быть для него дорогъ и который онъ долженъ беречь какъ семейную вещь».

Дай Богъ, чтобы на священную особу императора Николая перешли всѣ тѣ благословія, которыя я ниспосылала на его брата, дай Богъ ему окончить дѣло, начатое императоромъ Александромъ, и чтобы онъ неуспынно заботился о счастіи, благоденствіи и нравственности своего народа, тогда онъ будетъ благословенъ Господомъ точно также, какъ и я благословляю его ежедневно, и будетъ любимъ своимъ народомъ.

Агатовый крестъ съ изображеніемъ деревъ, съ волосами почтенной и уважаемой покойной матери моей, висящій возлѣ моей кровати.

Кольцо съ вензелемъ и волосами покойнаго отца его, императора Павла.

Портретъ покойнаго отца его, императора Павла, стоящій постоянно на моемъ столѣ; я желала бы, чтобы онъ находился также всегда возлѣ него.

Перломутровый ящикъ, доставшійся мнѣ въ наслѣдство отъ вдовствующей королевы Прусской и находящійся въ Павловскѣ. Я желаю, чтобы ящикъ этотъ, какъ вещь семейная, хранился въ эрмитажѣ.

Золотую готовальню, бывшую у меня постоянно въ употребленіи и полученную мною отъ покойнаго императора Павла; надѣюсь, что эта память будетъ ему дорога.

Большой рисунокъ Анны: Святое семейство Баттони.

Мое бюро, стоящее въ моемъ большомъ кабинетѣ въ городѣ, на которомъ я часто писала.

Одинъ изъ малахитовыхъ прессъ-папье, стоящихъ на моемъ столѣ.

Я желала бы, чтобы серебряная чернильница, употребляемая мною ежедневно и взятая изъ кладовой, осталась у моего сына.

Первый полученный мною портретъ покойной императрицы Екатерины.

Первый полученный мною портретъ покойнаго императора Павла.

Портретъ Петра Великаго, находящійся въ моей уборной въ городѣ.

Портретъ покойнаго императора Павла въ дѣтскомъ возрастѣ съ эстампомъ Петра Великаго.

Кольцо съ камнемъ, на которомъ вырѣзанъ портретъ Петра Великаго.

Портреты моего отца и матери, находящіеся въ моей уборной въ городѣ.

Бюсты моихъ родителей, стоящіе въ моемъ большомъ кабинетѣ въ городѣ; прошу отправить ихъ въ Гатчино.

Всю коллекцію миниатюръ, находящуюся въ моей уборной въ городѣ.

Писанный портретъ генерала Ламсдорфа.

Маленькое черное кольцо съ всевидящимъ окомъ и надписью: «Veille sur mon sort».

Портретъ императора Александра, писанный Изабеемъ (Isabeu), находящійся постоянно на моемъ столѣ.

Портретъ сестры его Ольги, начатый масляными красками и неоконченный за ея смертью.

Всю мою коллекцію портретовъ, писанныхъ Изабеемъ, за исключеніемъ портрета императора Александра, который я оставляю Константину, такъ какъ императоръ Николай получить портретъ, стоящій на моемъ столѣ.

Бюстъ его супруги.

Портретъ принца Вильгельма Оранскаго, находящійся въ моей уборной въ городѣ.

Большую картину, изображающую его старшихъ братьевъ дѣтми; Александръ разрубаеъ Гордіевъ узелъ, а Константинъ держитъ знамя вѣры. Картина эта находится въ Гатчинѣ.

Серебряная готовальня, которую я постоянно употребляла.

Золотые часы, находящіеся на столѣ въ моей уборной; они были подарены мнѣ возлюбленнымъ моимъ покойнымъ Александромъ и я никогда не разставалась съ ними.

Прекрасные рисунки Анны: Успѣніе Пресвятой Богородицы и смерть св. Сидиліи, находящіеся въ Гатчино.

Четыре картины Робера, большая картина Верне и Луки Джіордано, находящіеся въ Павловскѣ, равно какъ и картина ле-Дюка, висящая тамъ же въ моемъ маленькомъ кабинетѣ, должны быть возвращены въ Гатчино, которой онѣ принадлежать.

Всѣ фамильные портреты, находящіеся въ моей уборной въ городѣ, которые я не предназначаю никому особенно, остаются Николаю, а копіи съ нихъ, если таковыя имѣются, прошу его отдать Михаилу.

Мою гатчинскую бібліотеку, составленную мною.

Запонки къ рубашкѣ, съ девизами, подаренныя покойному императору Павлу.

Запонки къ рубашкѣ, съ моими волосами, принадлежавшія покойному отцу его императору Павлу.

Сувениръ съ флаконами (un souvenir avec flacons). Я получила его отъ моей матери и много употребляла его. Такъ какъ моя бѣд-

ная Бенкендорфъ, которой онъ предназначался, умерла, то я оставляю его моему дорогому Николаю.

Каме съ портретомъ его жены.

Футляръ съ зубочисткой, бывшій первой игрушкой императора Александра и его братьевъ и сестеръ.

Кольцо съ надписью «Je te bénis», полученное мною отъ покойныхъ моихъ родителей.

Голубую стеклянную бомбоньерку, въ видѣ глобуса, съ надписью: «Le monde est Votre cartif»; ее слѣдуетъ хранить въ эрмитажѣ, какъ семейную вещицу, полученную мною отъ матери по наслѣдству отъ вдовствующей королевы.

Печать покойнаго императора Александра.

Ящикъ съ миниатюрами, изображающими приѣздъ покойной великой княгини Наталіи; онъ долженъ храниться въ эрмитажѣ.

II.

Возлюбленной невѣсткѣ моей, императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, оставляю:

Мою орденскую звѣзду и крестъ св. Екатерины.

Прекрасный баласъ (блѣдный рубинъ), полученный мною отъ покойнаго императора Павла, я завѣщаю казнѣ, но предоставляю императрицѣ право пользоваться имъ, равно какъ и моими

Прекрасными брилліантовыми сережками, которыя послѣ нея перейдутъ, по моему завѣщанію, къ казнѣ.

Прекрасной работы шкатулку изъ слоновой кости, находящуюся въ Павловскѣ.

Игольникъ съ тамбуромъ изъ бѣлой яшмы.

Медаліонъ покойнаго императора Павла на черномъ фонѣ.

Маленькую шкатулку изъ окаменѣлаго дерева, принадлежавшую покойной сестрѣ моей, эрцгерцогинѣ, и находящуюся въ Павловскѣ.

Портретъ покойнаго императора Александра, гравированный мною.

Кольцо съ сердцемъ изъ брилліантовъ съ надписью: «Un seul me suffit», полученное мною отъ матери.

Шкатулка для письменныхъ приборовъ съ перламутровыми и золотыми принадлежностями.

Мои два прекрасные кольца, голубое и розовое, съ брилліантами, купленные мною на собственные деньги для ея употребленія; по смерти ея онѣ перейдутъ, по моему завѣщанію, въ казну.

Прелестный аквамаринъ, полученный мною отъ моего сына Але-

ксандра и который послѣ ея смерти поступить также, по моему завѣщанію, въ казну.

Портретъ покойной вдовствующей королевы прусской, лежащій въ моей шкатулкѣ.

Золотой браслетъ съ малахитомъ и венеціанскую цѣпочку, полученную мною отъ отца ея, короля Пруссаго, послѣ кончины покойной королевы.

Золотой браслетъ съ волосами генерала Ламсдорфа.

Мой маленькій брегетъ, подаренный мнѣ сыновьями, который очень нравился Александру.

Кольцо съ всевидящимъ окомъ изъ бирюзы, которое я постоянно носила; оно соединено въ настоящее время съ двумя другими кольцами, которыя также имѣютъ свое назначеніе.

Бомбоньерку изъ янтаря, съ тремя кусками янтаря; одинъ изъ нихъ съ паукомъ.

Четыреугольный медальонъ съ волосами покойной великой княгини Александры Павловны и съ надписью: «Souvenir de ma chère fille Alex. Pawl.».

Золотыя ножницы, продѣвалки, игольникъ и медальоны съ волосами, полученные отъ покойной королевы прусской.

Золотыя браслеты съ двумя сложенными руками, полученные мною отъ сыновей.

Четыреугольный перламутровый игольникъ.

Желѣзная цѣпь и медальонъ съ портретомъ покойной королевы прусской.

Флаконъ въ футлярѣ, сдѣланномъ изъ оленьяго рога, который я часто употребляла.

Мою нѣмецкую библію, которую я читаю каждый вечеръ.

Мои двѣ нѣмецкія книги въ черномъ переплетѣ, которыя я читаю, приготовляясь къ причастію; одна изъ нихъ написана моею рукою, а другую я получила отъ матери.

Прочія мои молитвенныя книги прошу ея раздѣлить съ моими дочерьми Маріей, Анною и Еленой; нѣкоторыя изъ нихъ могутъ взять, по желанію, мои сыновья.

Шкатулку, подаренную мнѣ моею внучкою Александрою Мекленбургскою.

Шкатулку, украшенную чугунными медальонами, съ барельефными изображеніями пруссаго королевскаго семейства.

Портреты моихъ внучатъ, принцевъ Веймарскихъ, оправленные въ пресъ-папье.

Портреты моихъ правнучатъ гер. Мекленбургскихъ.

Перламутровая подставка подъ часы, стоящая на моемъ столѣ.
Черепашковъ вѣеръ, въ золотой оправѣ.

Пресъ-папье съ портретомъ его сына, а моего внука Александра.
Мой альбомъ съ видомъ Краснаго Села.

Мой прекрасный браслетъ съ двумя цвѣтными камнями, изображающими имена моихъ дѣтей; браслетъ этотъ долженъ перейти впоследствии, по моему завѣщанію, въ казну.

III.

Сыну ихъ, моему внуку Александру, оставляю:

Второй бриліантъ изъ моего ожерелья для кольца, въ подарокъ его будущей невѣстѣ, съ тѣмъ чтобы оно переходило всегда къ старшему въ его родѣ, для употребленія въ подобномъ же случаѣ.

Противъ этого мѣста, рукою императрицы Маріи Теодоровны, написано: „оставляю внуку моему Александру образъ св. Сициліи (la St. Sicile), подаренный мнѣ его отцомъ 14-го октября 1827 г. Я желаю, чтобы онъ подарилъ его отъ моего имени своей супругѣ на другой день ихъ свадьбы и чтобы онъ переходилъ всегда къ старшему въ его родѣ и употреблялся въ подобныхъ же случаяхъ“.

Перламутровый самоваръ съ принадлежащими къ нему столомъ и чашками, находящіеся въ Павловскѣ.

Готовальню тульской работы, находящуюся въ моемъ кабинетѣ.

Печать съ перламутровой ручкой, съ перочиннымъ ножикомъ и перомъ.

Замѣтка на полѣ, рукою императрицы Маріи Теодоровны: „Третій большой бриліантъ изъ моего ожерелья оставляю Константину на кольцо, въ подарокъ его будущей невѣстѣ, и желаю, чтобы оно переходило къ старшему въ его родѣ и употреблялось въ подобныхъ случаяхъ“.

„Одни изъ часовъ покойнаго императора Александра, находящіеся на столѣ въ моемъ зеленомъ кабинетѣ“.

Бюстъ дѣда его, короля Прусскаго, находящійся въ Павловскѣ.

Внучкѣ моей Маріи оставляю:

Топазовую привѣску къ ожерелью.

Бирюзовый уборъ.

Кружку изъ гіацинта, находящуюся въ моей спальнѣ въ Павловскѣ.

Орденскіе знаки св. Екатерины, принадлежавшіе покойной великой княжнѣ Александрѣ.

Жемчужное ожерелье и серьги въ китайскомъ вкусѣ, купленныя въ Веймарѣ.

Бриллиантовья серьги.

Одинъ изъ прессы-папье съ моего стола.

Булавку изъ хризолита.

Браслетъ, серьги и восемь булавокъ изъ финляндскаго жемчуга съ небольшими бирюзовыми камнями, полученные отъ императора Александра, и ящичекъ съ финляндскимъ жемчугомъ.

Желтый портфель (un portefeuille à soufflet) съ мозаичнымъ украшеніемъ.

Оставляю моей внучкѣ Ольгѣ:

Браслетъ съ волосами ея брата и съ изображеніемъ его имени, сдѣланнымъ изъ цвѣтныхъ камней.

Приписка на полѣ собственною рукою императрицы Маріи Ѳеодоровны:
„Оставляю внучкѣ моей Ольгѣ браслетъ съ изображеніемъ Одина, подаренный мнѣ ея матерью“.

Привѣску къ ожерелью изъ восточнаго жолтаго топаза.

Бриллиантовья серьги грушевидной формы (à tire-bouchon).

Ожерелье или цѣпь изъ каме и сердолика.

Два браслета изъ золотой проволоки (or tressé) и бирюзы.

Браслетъ съ тремя бирюзами и бирюзовыми цѣпочками, полученный мною отъ ея родителей.

Широкій поясъ изъ золотой проволоки съ бирюзой и бриллиантами и съ надписью: «Souvenir d'amitié», сдѣланною изъ цвѣтныхъ камней; поясъ этотъ я получила отъ ея родителей.

Золотой вѣеръ съ изумрудами, бирюзой и бриллиантами.

Орденскіе знаки св. Екатерины, покойной великой княгини Елены Павловны.

Жемчужное ожерелье съ оправленнымъ бриллиантомъ въ видѣ большаго фермуара.

Булавку съ жемчужиной, подаренную мнѣ ея матерью.

Внучкѣ моей Александрѣ оставляю:

Привѣску къ ожерелью и серьги изъ аквамарина.

Приписка на полѣ собственною рукою императрицы:

„Оставляю внучкѣ моей Александрѣ браслетъ съ портретомъ Ольги, подаренный мнѣ ея матерью“.

Образъ св. Сициліи съ бирюзой, подаренный мнѣ въ день ангела матерью ея, императрицею Александрою Ѳеодоровною.

Ожерелье и серьги изъ хризопраза.

Бриллиантовые серьги въ видѣ трехъ грушъ.
 Хризопразъ.
 Ожерелье въ видѣ змѣи.
 Золотой браслетъ ея матери съ гранатами и жемчугомъ.
 Булавки съ аютиными глазками изъ эмали.
 Семь печатей съ девизами, связанныя въ видѣ колеса.

IV.

Возлюбленному сыну моему, великому князю Константину, оставляю на память:

Образъ, принадлежавшій его отцу и висящій возлѣ моей кровати.

Цѣпчикъ этого мѣста рукою императрицы на полѣ приписано: „Оставляю еще любезному моему Константину туалетъ нашего любезнаго покойнаго Александра. Послѣ его смерти онъ долженъ перейти къ моему сыну Николаю и передаваться всегда по наслѣдству старшему въ его родѣ“.

Кольцо съ волосами покойнаго отца его, императора Павла, которое снимуть съ моей руки послѣ моей смерти и которое я дарю любезному сыну моему Константину въ знакъ моего послѣдняго благословенія и какъ одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ для меня предметовъ. Прошу его оставить это кольцо послѣ смерти старшему изъ его братьевъ.

Портретъ покойнаго отца его, императора Павла, сдѣланный изъ эмали и висящій возлѣ моей кровати; я желаю, чтобы этотъ портретъ всегда висѣлъ въ его комнатѣ рядомъ съ мной.

Голубое кольцо съ камнемъ, изображающимъ покойнаго мужа моего.

Самый большой камень изъ моего бриллиантоваго ожерелья, для украшенія одной изъ его сабель. Онъ будетъ принадлежать ему по сдѣланному мною временному завѣщанію, а послѣ его смерти долженъ перейти къ его брату Николаю въ казну.

Бронзовый вызолоченный бюстъ покойнаго императора Александра; это былъ его послѣдній подарокъ, сдѣланный мнѣ послѣ отъѣзда его въ Таганрогъ и переданный мнѣ императрицею Елизаветою.

Портретъ, во весь ростъ, покойнаго императора Александра, висящій всегда возлѣ моей постели.

Саблю покойнаго императора Александра, которая послѣ его смерти должна быть перевезена въ Гатчино и повѣшена тамъ рядомъ съ саблей Петра Великаго.

„27 ноября 1827 г.“

Часы, которые постоянно носил покойный императоръ Александръ и которые я взяла послѣ смерти императрицы; они лежатъ на моемъ письменномъ столѣ.

Зеленый альбомъ, подаренный мнѣ моею любезною Катей, съ планомъ внутренности Штутгартскаго дворца и съ замѣтками о моемъ пребываніи тамъ, написанными ея рукою.

Мое бюро, находящееся въ Павловскѣ.

Картины, писанныя на фарфорѣ и изображающія битву при Кульмѣ и вступленіе въ Парижъ.

Деревянное пресъ-папье въ видѣ книги.

Рисунокъ Анны, изображающій св. Іоанна, съ картины Мурилло (le dessin d'Anne du St. Jean de Morillas).

Двѣ фарфоровыя вазы, взятая изъ Павловска.

Мозаичный столъ, подаренный мнѣ императоромъ Николаемъ и находящійся въ Павловскѣ.

Эмалевый портретъ покойнаго императора Павла, который я всегда беру съ собою въ дорогу.

Небольшой портретъ моего дорогаго покойнаго Александра, висящій возлѣ моей кровати и который я всюду вожу съ собою.

Золотую лорнетку съ перламутромъ.

Миниатюрный портретъ нашей дорогой Екатерины, изображенной въ ея кабинетѣ и висящій въ моемъ маленькомъ городскомъ кабинетѣ, равно какъ и рисунокъ ея кабинета въ Гатчинѣ.

Постель покойнаго отца его, императора Павла, которую я всюду вожу съ собою, а равно его одежду, сапоги, бѣлье, его шпагу, трость, шляпу и его портретъ, написанный мною и висящій возлѣ его кровати въ Павловскѣ.

Всѣ эти вещи передастъ ему мой камердинеръ Гримъ. Послѣ его смерти всѣ эти вещи должны быть возвращены въ Гатчино.

Черную шкатулку, на которой я пишу всякій день.

Лорнетка покойнаго императора Александра; готовальня покойнаго императора Павла, которую я прошу его употреблять часто.

Чернильницу, купленную въ Москвѣ, } находящіяся въ моемъ ка-
Сонетку изъ Москвы, } бинетѣ въ Павловскѣ.

Супругъ его, моею любезною невѣсткѣ, княгинѣ Ловичъ оставляю Бриллиантовыя серьги съ двумя жемчужинами.

Портретъ великаго князя Константина.

Ящикъ изъ металлической объери для духовъ.

Часы съ жемчугомъ. (Une montre en perles, en coquille).

Хорошій приборъ для завтрака изъ Павловска.

V.

Любезному сыну моему, великому князю Михаилу оставляю:

Мой орденскій знакъ и брилліантовый крестъ Андрея Первозваннаго, полученные мною отъ покойнаго императора Павла; эти двѣ вещи прошу его сохранить въ своемъ семействѣ.

Противъ этого мѣста на полѣ, рукою императрицы написано: „Оставляю любезному сыну моему Михаилу золотые часы съ туалета покойнаго императора, привязанные къ одной изъ жирандолей моего туалета“.

Моя павловская бібліотека и моя колекція эстамповъ и отпечатковъ съ камней, находящіеся въ Павловскѣ я оставляю Михаилу вмѣстѣ съ медаліономъ.

Миніатюрный портретъ покойнаго отца его, императора Павла.

Портретъ покойнаго императора Александра въ фуражкѣ, находящійся въ Гатчинѣ.

Футляръ съ зубочисткою его покойнаго отца.

Портретъ покойнаго императора Павла, писанный en ourlet.

Цѣпочку къ часамъ съ бумажными камнями, принадлежавшую его отцу.

Мою маленькую печать съ вензелемъ М., которую я часто употребляю и которая пригодится и ему; она виситъ при моихъ часахъ. Остальныя печати съ моимъ вензелемъ прошу раздѣлить между нимъ, моею дочерью Марією и моими внуками Марією Николаевной и Марією Михайловной.

Одинъ изъ малахитовыхъ пресъ-папье, находящихся на моемъ столѣ.

VI.

Любезной невѣсткѣ моей, великой княгинѣ Еленѣ, оставляю:

Орденскій крестъ св. Екатерины, возвращенный послѣ смерти моей матери, который императоръ Павелъ соблаговолилъ подарить мнѣ; я желаю, чтобы этотъ крестъ всегда переходилъ къ супругѣ старшаго члена ихъ дома.

Мой большой брилліантовый букетъ, согласно моему завѣщанію, долженъ всегда оставаться въ ихъ семействѣ.

Золотой лорнетъ съ хризопразомъ.

Вѣеръ изъ слоновой кости.

Портретъ великаго князя Михаила, висящій въ моемъ кабинетѣ въ городѣ.

Портретъ покойнаго короля моего брата и его дѣда, находящійся тамъ же.

Портретъ нынѣ царствующей королевы Виртембергской.

Шкатулку, стоящую возлѣ моего стола въ городѣ, въ которую я прячу мои письма.

Портретъ моихъ внучекъ принц. Виртембергскихъ.

VII.

Дочери ихъ, моей внучкѣ, Маріи Михайловнѣ оставляю:

Привѣску къ ожерелью съ гіацинтомъ (*un colant d'une jacinthe*).

Ожерелье въ видѣ змѣи.

Золотой браслетъ съ эмалью, полученный отъ ея матери.

Крестъ съ жемчугомъ.

Пряжку къ поясу съ жемчугомъ.

Маленькія серьги изъ шотландскаго жемчуга.

Флаконтъ, подаренный мнѣ моей дочерью Екатериною, съ золотою пробкою, украшеною бирюзюю.

Противъ этого мѣста на полѣ, рукою императрицы, написано: „Внучкѣ моей Екатеринѣ Михайловнѣ оставляю: Браслетъ съ бирюзюю, жемчугомъ и брилліантами, подаренный мнѣ ея матерью, и сердоликовый браслетъ. Кромѣ того я думаю пріобрѣсти для нея фермуаръ.

Продолговатыя серьги изъ малахита“.

Внучкѣ моей Елизаветѣ Михайловнѣ оставляю:

Мою вторую привѣску къ ожерелью съ гіацинтомъ (*soulant de jacinthe*), осыпанную брилліантами.

Часы съ бирюзюю и жемчугомъ, полученные отъ ея отца.

Одинъ изъ самыхъ красивыхъ моихъ портфелей и рабочихъ шкапулокъ, по выбору.

Шкатулку для духовъ, подаренную мнѣ королевой Виртембергской.

Красный портфель (*porte-feuille à soufflet*) съ рисункомъ изображающимъ амура.

VIII.

Внуку моему принцу Павлу Мекленбургскому, сыну дочери моей великой княгини Елены Павловны, оставляю на память:

Кольцо съ изумрудомъ, который отдѣланъ въ настоящее время въ видѣ привѣски, но который я прошу вставить въ кольцо.

Стеклянную бомбоньерку, съ изображеніемъ снопа, сдѣланную изъ воска, подаренную мнѣ Еленой.

Двѣ фарфоровыя вазы изъ Павловска.

Супругѣ его, моей внучкѣ Александрѣ, оставляю прекрасный камень, изображающій Ариадну, осыпанный брилліантами.

Одинъ изъ рисунковъ моей любезной покойной Елены, находящійся въ Павловскѣ и

Шесть колосьевъ изъ аквамарина.

Правнуку моему, Фридриху-Франциску оставляю:

Перстень съ моимъ портретомъ, который прошу заказать.

„27 ноября 1827 г.“.

Правнучкѣ моей, Луизѣ-Маріи оставляю:

Фермуаръ съ бирюзой и брилліантами.

Внучкѣ моей Маріи Мекленбургской, принцессѣ Саксенъ-Гильдбурггаузенъ, оставляю на память:

Браслетъ съ волосами моей дочери Елены и съ оправленнымъ алмазомъ въ видѣ фермуара.

Волосное ожерелье изъ волосъ ея отца, матери, Александры и Иосифа, съ ихъ вензелями, осыпанный брилліантами.

Оставляю ей мою лучшую шубу.

Привѣску къ ожерелью изъ топаза и брилліантовъ.

Супругу ея, принцу Георгію Гильдбурггаузенъ, оставляю на память:

Перстень съ моимъ портретомъ, который прошу заказать.

Сыну ихъ, моему внуку, оставляю:

Кольцо съ моимъ портретомъ, которое прошу заказать.

Кромѣ того мой внукъ Павелъ и внучка моя Марія получаютъ портреты ихъ покойной матери, висящіе въ моей уборной въ городѣ, а равно каждый изъ нихъ получить копію съ моего портрета, писаннаго Кюгельхеномъ.

Деньги, приходящіеся имъ отъ продажи моихъ брилліантовъ, обезпечены за ними моимъ завѣщаніемъ.

IX.

Любозной дочери моей, великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, кромѣ брилліантовъ, приходящихся ей, оставляю на память:

Противъ этого мѣста на полѣ, рукою императрицы, написано: „Оставляю любезной дочери моей Маріи библію покойнаго императора. Нашъ ангель отмѣчалъ въ ней собственноручно тѣ мѣста, которыя болѣе всего поразили его. „27 нояб. 1827“.

Медаліонъ съ портретомъ покойнаго отца ея, императора Павла, гравированный мною, который я ношу ежедневно, а равно и цѣпочку изъ волосъ всѣхъ моихъ дѣтей и покойнаго императора Павла.

Кольцо, осыпанное брилліантами, съ волосами любезнаго моего покойнаго императора. Надѣюсь, что оба эти подарка будутъ ей дороги.

Кольцо съ желто-зеленымъ изумрудомъ, которое я постоянно ношу съ тѣхъ поръ, какъ купила его въ Веймарѣ, такъ какъ камень изображаетъ вензель покойнаго императора Павла, въ соединеніи съ маленькой головкой, подаренной Анной и всевидящимъ окомъ, которыя имѣютъ иное назначеніе.

Золотыя серьги съ волосами покойнаго императора Павла.

Мой браслетъ съ волосами и съ вензелями всѣхъ моихъ внучатъ и съ всевидящимъ окомъ; эту вещь я дарю ей въ знакъ моего особаго расположенія.

Браслетъ, заказанный мною послѣ поѣздки, съ всевидящимъ окомъ, съ вензелями моихъ внучатъ, сдѣланными изъ цвѣтныхъ камней, съ Аютиными глазками, съ буквою А, изображающею вензель незабвеннаго ангела нашего, съ вырѣзаннымъ на ней 1818 г. и съ дубровникомъ (*une germandrée*). Она будетъ носить его въ память того счастливаго времени, когда я была у нея, обязанная этимъ счастіемъ любви лучшаго изъ сыновей.

Альбомъ, писанный рукою моей матери.

Мой прелестный рубинъ, купленный въ 1806 г. на мои собственные деньги.

Мой прекраснѣйшій аметистъ.

Небольшой серебряный дорожный несесерь для туалета, который я очень люблю, такъ какъ я привезла его съ собою въ Россію и ѣздилъ съ нимъ впоследствии не разъ за границу.

Червонецъ, присланный мнѣ матерью, съ надписью: „Wohl dem der an seinen Kindern Freude erlebt“. Червонецъ этотъ принесъ ей одинъ человѣкъ изъ Монбельяра послѣ рожденія покойной дочери моей Ольги. Я дарю его моей любезной Маріи, оказавшейся во всѣхъ

случаяхъ жизни достойной моей любви и заслужившей всеобщее уваженіе, и пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы высказать ей еще разъ какъ я люблю ее и какъ я довольна ею. Я очень сожалѣю, что у меня есть только два такіе червонца; я бы желала дать, по одному, каждому изъ моихъ дѣтей, такъ какъ всѣ они одинаково дороги для меня и всѣхъ ихъ я одинаково благословляю.

Мою зеленую шкатулку, которую я употребляю ежедневно вотъ уже 40 лѣтъ и которая по этой памяти будетъ ей дорога.

Черный рейсфедеръ, съ золотымъ наконечникомъ и пуговкою, осыпанный брилліантами.

Шкатулочка съ зубочистками изъ сандалнаго дерева, полученная мною отъ покойной матери моей.

Черное кольцо съ надписью: „à la plus aimée“, осыпанное брилліантами, полученное мною отъ матери моей.

Кольцо со свѣтло-голубой эмалью и съ надписью „Unis pour jamais“.

Семь колець, связанныхъ тремя брилліантами.

Кольцо изъ марказита, которое я носила съ дѣтства до сихъ поръ, пока оно не сломалось. Я получила его въ подарокъ отъ моей покойной гувернантки, г-жи Боркъ.

Медаліонъ съ гравированными портретами ея братьевъ.

Золотую корзинку, находящуюся въ Павловскѣ.

Небольшой агатовый ящичекъ съ золотымъ наперсткомъ и брилліантами (un bec en diaments); это фамильная вещьца, полученная мною по наслѣдству отъ покойной вдовствующей королевы прусской.

Портреты четырехъ покойныхъ дочерей моихъ, висящіе возлѣ моей кровати.

Мой письменный столъ, стоящій въ моемъ маленькомъ кабинетѣ, на которомъ я часто занимаюсь.

Золотой браслетъ съ портретомъ покойнаго императора Павла, гравированнымъ на сафирѣ; я ношу его каждый день, когда я не въ парадномъ туалетѣ.

Мои ночныя серьги съ маленькими брилліантами, подаренныя мнѣ матерью и которыя я часто носила въ дѣтствѣ.

Портретъ ея братьевъ, въ филиграновой рамкѣ, висящій возлѣ моей кровати.

Черепеховый вѣеръ, подаренный мнѣ Александрю.

Кольцо съ портретомъ покойной императрицы Екатерины.

Браслетъ съ цвѣтными каменьями, изображающими имена Георга и Екатерины.

Золотой браслетъ съ волосами нашей доброй княгини Ливенъ.

Волосыная цѣпочка изъ волосъ моей дорогой Александры и такой же браслетъ.

Первыя мои серьги.

Маленькій ящичекъ съ агатовымъ или яшмовымъ дномъ, принадлежавшій моей матери и служившій намъ всѣмъ игрушкою.

Плоскій золотой рейсфедеръ ея покойнаго отца.

Флаконъ въ соломенномъ переплетѣ, который я получила отъ матери и постоянно употребляла.

Брелокъ, подаренный моей матерью въ день нашей разлуки. На немъ начертано ея рукою нѣсколько словъ.

Браслетъ съ волосами моей матери.

Вѣеръ, подаренный мнѣ матерью; на ребрѣ его написано ея рукою нѣсколько словъ.

Медальонъ съ волосами моей матери; сердце съ ея вензелемъ и съ надписью: „Ich lebe, traure nicht“, а съ другой стороны: „Tod ist „Leben, Trennung und Vereinigung, Unglück und Glück“.

Кольцо съ волосами и сердце съ жемчугомъ и девизомъ: «il est à toi». Кольцо это принадлежало моей матери и я дарю его Маріи, повторяя этотъ девизъ.

Коллекція кристалловъ (cristaux à aigrettes), привезенныхъ съ Онеги.

Портретъ княгини Ливенъ, писанный Беннеромъ.

Кольцо съ голубымъ фономъ, осыпанное бриллиантами, съ надписью: „à la plus aimée“, полученное мною отъ любезнаго моего покойнаго императора Павла; я сдѣлала изъ него фѣрманъ къ браслету съ жемчугомъ.

Золотой вѣеръ съ именемъ „Марія“, сдѣланнымъ изъ бриллиантовъ, оставленный мнѣ по завѣщанію покойною императрицею Австрійскою.

Вѣеръ съ отдѣлкою изъ слоновой кости и золота.

Каме съ портретомъ Петра I, осыпанный розами.

Флаконъ въ зеленомъ шагреновомъ футлярѣ, полученный мною отъ покойной матери мозѣй.

Книгу или альбомъ въ переплетѣ, сдѣланномъ изъ барельефныхъ чугуновыхъ картинъ, полученную мною отъ ландграфини Гамбургской.

Мою чашку, изъ которой я постоянно пила.

Вѣеръ въ золотой оправѣ съ анютиными глазками, подаренный мнѣ въ Франкфуртѣ великой герцогиней Гессенской, отъ имени супруга ея великаго герцога Гессенскаго.

Оставляю также Маріи футляръ съ двумя перламутровыми ложками, принадлежавшими покойному нашему ангелу.

Дѣтямъ ея, моимъ внучкамъ, принцессамъ Веймарскимъ оставляю:
 Мои два вѣера изъ цвѣтныхъ камней.
 Прошу подѣлить имъ мои мѣховыя вещи.

Моей внучкѣ Маріи Веймарской оставляю особенно:
 Кольцо съ силуетомъ ея матери, осыпанное розами.
 Гиацинтъ (une jacinthe), оправленный съ двумя брилліантовыми
 якорями.

Волосной браслетъ съ четырьмя цвѣтными камнями, изображаю-
 щими имена Карла, Маріи, Георга и Екатерины.

Браслетъ съ портретомъ сына моего, императора Александра,
 гравированнымъ (gravé en intaglio) на аметистѣ, и подаренный мнѣ
 Маріей.

Часы съ компасомъ и вензелемъ М., полученные мною отъ матери.
 Серьги съ двумя жемчужинами.

Цѣпочку, составленную изъ колець, сплетенныхъ изъ золотой
 проволоки.

Маленькій перламутровый портфель.

Часы съ бирюзою.

Вѣерь, оправленный слоновой костью и золотомъ.

Золотой поясъ (en or tressé) съ аметистомъ, полученный мною отъ
 матери.

Жениху ея, принцу Карлу Прусскому:

Перстень съ моимъ портретомъ, который прошу заказать.

Внучкѣ моей Августинѣ Веймарской оставляю:

Большую привѣску къ ожерелью (grand coulant de jacinthe).

Браслетъ съ портретомъ ея матери.

Сердце изъ филиграна съ брилліантами и жемчугомъ.

Серьги съ топазомъ (en topaze jacinthe), осыпанныя брилліантами.

Крестъ съ топазомъ, брилліантами и опаломъ, подаренный ея
 матерью.

Медаліонъ, составленный изъ косоугольниковъ, съ сердоликомъ,
 полученный также отъ ея матери.

Вѣерь, оправленный въ слоновую кость съ жемчугомъ и двумя
 брилліантами.

Одну изъ моихъ рабочихъ шкатулокъ.

Одинъ изъ моихъ хорошенькихъ портфелей.

Внуку моему Карлу Веймарскому оставляю:

Перстень съ тремя опалами.

Портретъ его матери въ бѣломъ вуалѣ, который я очень люблю.
Портретъ дѣда его, великаго герцога Веймарскаго, верхомъ.

Двѣ прекрасныя фарфоровыя вазы, росписанныя Шиффлеромъ и находящіяся въ Павловскѣ.

Любезному зятю моему, наслѣдному герцогу Саксенъ-Веймарскому, оставляю въ знакъ моего расположенія на память:

Перстень съ желтымъ аквамаринномъ.

Двѣ большія вазы изъ голубаго стекла, находящіяся въ моей уборной въ Павловскѣ.

Одинъ изъ моихъ красивыхъ портфелей и
Прессъ-папье съ одного изъ моихъ столовъ.

X.

Дѣтямъ моей дочери Екатерины, моимъ любезнымъ внучатамъ
принцамъ Ольденбургскимъ, оставляю:

Старшему, Александру:

Перстень съ рубиномъ лиловой воды.

Портретъ его матери, писанный Кипренскимъ.

Золотую бомбоньерку съ эмалью, изображающею деревья.

Прессъ-папье изъ бѣлой яшмы.

Младшему, Петру:

Перстень съ восточнымъ топазомъ, осыпанный брилліантами,
опрavenный (en corbeille).

Портретъ его отца, писанный Кипренскимъ.

Небольшой малахитовый портфель съ портретомъ Георгія.

Любезной внучкѣ моей, принцессѣ Маріи Виртембергской:

Аграфъ съ желтозеленымъ изумрудомъ, осыпанный брилліантами.

Маленькое двойное кольцо съ эмалью, съ медаліономъ, въ кото-
ромъ находятся волосы ея матери.

Вѣеръ изъ цвѣтныхъ камней, подаренный мнѣ ея матерью въ
мои послѣднія именины.

Кольцо, подаренное мнѣ Екатериной, съ волосами обѣихъ малютокъ.

Миніатюрный портретъ ея матери, лежащій у меня въ шкатулкѣ.

Туалетное зеркало, подаренное ея матерью.

Портреты моего зятя, короля Виртембергскаго, и моей племян-
ницы Екатерины Монфоръ, дѣтьми; оба портрета находятся въ
Гатчинѣ.

Небольшой бронзовый вызолоченный нессесеръ
Кораловый уборъ, подаренный Екатериною.
Ожерелье и серьги изъ бѣлаго сердолика.
Булавка въ видѣ пера, съ волосами ея матери и тетокъ.

Любезной внучкѣ моей принцессѣ Софiи Виртембергской оставляю:
Привѣску къ ожерелью съ хризолитомъ.
Перламутровый нессесеръ штутгардской работы, подаренный мнѣ матерью.

Корзину съ 4 флаконами для духовъ, подарокъ ея матери.
Портретъ ея отца, ребенкомъ, висящiй въ моемъ кабинетѣ въ городѣ.
Ожерелье (un attache) съ вензелями N. C. I. J., подаренное мнѣ покойной матерью моей.

Кольцо съ цвѣтными камнями, изображающими имена ея родителей.
Печать въ видѣ колеса, съ именемъ ея матери, сдѣланнымъ изъ цвѣтныхъ камней.

Любезному зятю моему, королю Виртембергскому, оставляю:
Кольцо съ волосами покойныхъ родителей моихъ и съ надписью:
„Papa, maman“.

Одинъ изъ рисунковъ покойной матери моей. Прочiе ея рисунки прошу подѣлать моимъ дѣтямъ.

Большую вазу изъ розоваго фарфора, находящуюся въ Павловскѣ.
Кольцо съ силуэтомъ покойнаго брата моего, короля Виртембергскаго.

Портретъ супруги его, королевы Виртембергской, находящiйся въ моемъ кабинетѣ.

Серебряный вызолоченный приборъ, принадлежавшiй моей покойной матери, присланный мнѣ послѣ ея смерти. Дарю его моему зятю съ тѣмъ, чтобы его употребляла его супруга, но чтобы онъ оставался всегда въ его родѣ.

Миниатюрный портретъ отца его, короля Виртембергскаго.

Одинъ изъ пресъ-папье съ одного изъ моихъ столовъ.

XI.

Любезной дочери моей Аннѣ, кромѣ приходящихся на ея долю брилліантовъ, оставляю:

Кольцо, съ портретомъ ея отца, въ видѣ каме.

Мой большой хризолитъ, осыпанный брилліантами.

Браслетъ съ простыми цвѣтными камнями, изображающими имена моихъ дѣтей.

Медаліонъ, осыпанный бриліантами, съ бумажнымъ каме, работы покойной императрицы Екатерины (въ настоящее время онъ безъ бриліантовъ, которые оправлены теперь съ гранатомъ и которые слѣдуетъ снова вставить).

Медаліонъ съ бирюзой, вставленною теперь въ ожерелье.

Два браслета изъ нитокъ мелкаго жемчуга, съ портретами ея двухъ старшихъ братьевъ.

Медаліонъ съ портретомъ покойной императрицы, гравированнымъ мною, который можно, по желанію, украсить бриліантами.

Золотой браслетъ съ рубиномъ и бирюзой и съ волосами принца Фридриха-Генриха Оранскаго, подаренный мнѣ ею.

Золотой браслетъ съ рубиномъ и бирюзой, съ волосами ея дѣтей, старшихъ принцевъ.

Золотой браслетъ съ бирюзой и съ буквами (G. A.) (G. A.) (A.) (F. H.) подаренный мнѣ ею и Вильгельмомъ.

Медаліонъ съ портретомъ покойнаго императора Павла, сдѣланнымъ изъ воска по камню, гравированному мною.

Медаліонъ съ оттискомъ (avec la râte) портрета сына моего, императора Александра, гравированнаго мною.

Первый портретъ принца Оранскаго, полученный ею и находящійся въ моей шкатулкѣ.

Браслетъ съ цвѣткомъ изъ бирюзы и съ медаліономъ, съ волосами ея дѣтей.

Кольцо съ портретомъ дочери моей Ольги, служащее браслетомъ.

Портреты ея братьевъ Николая и Михаила и ея собственный портретъ, составляющіе одну картину, висящую въ моемъ кабинетѣ.

Два рисунка моихъ сыновей Николая и Михаила, находящіеся въ моемъ лиловомъ кабинетѣ въ Гатчино.

Кольцо съ волосами моей матери и моихъ двухъ тетокъ.

Небольшое золотое кольцо, съ надписью на черномъ фонѣ: «*unis pour jamais*», привезенное мною съ собой въ Россію.

Кольцо съ свѣтлымъ аметистомъ (avec un soupir d'une améthyste claire).

Кольцо съ волосами моихъ родителей и съ четырьмя буквами: A. F. T. S. Amitié, Fidelité, Tendre-se et Souvenir (дружба, вѣрность, любовь и память); оно оправлено въ настоящее время въ браслетъ.

Вѣеръ въ оправѣ изъ золота и слоновой кости.

Мой письменный столъ, стоящій въ моемъ большомъ кабинетѣ въ городѣ.

Булавка съ портретомъ покойнаго императора Павла, сдѣланнымъ

въ видѣ каме на голубомъ фонѣ; она оправлена въ настоящее время въ браслетъ.

Зонтикъ съ лорнеткой, оправленной въ золото и украшенной цвѣтными камнями; онъ подаренъ мнѣ королевою Нидерландской.

Любезнымъ внучатамъ моимъ оставляю:

Старшему, Вильгельму:

Кольцо съ агатомъ, осыпанное брилліантами и подаренное мнѣ покойнымъ императоромъ Павломъ.

Двѣ фарфоровыя вазы здѣшной фабрики, находящіяся въ Павловскѣ.

Маленькую бронзовую статую покойнаго императора Александра, находящуюся въ моихъ комнатахъ въ Гатчино.

Второму, Александру:

Бюсты его отца и матери, находящіяся въ моей уборной.

Двѣ фарфоровыя вазы здѣшной фабрики, находящіяся въ Павловскѣ.

Одинъ изъ моихъ портфелей или ящичковъ для писемъ.

Третьему, Фридриху-Генриху:

Одинъ изъ портретовъ его матери.

Небольшую бронзовую статую покойнаго императора, находящуюся въ моемъ кабинетѣ въ Гатчино.

Небольшую готовальню, сдѣланную въ Колпино и стоящую на моемъ столѣ.

Любезной внучкѣ моей Софій-Маріи оставляю:

Цѣпочку изъ аметистовыхъ бусъ.

Золотую браслетку съ бирюзой.

Привѣску къ ожерелью изъ хризолита.

Часы съ жемчугомъ, подаренные мнѣ ея матерью.

Оставляю любезному зятю моему принцу Вильгельму Оранскому, любимому брату Александра, лучшему и преданнѣйшему сыну, котораго я люблю со всею искренностью материнской любви:

Кольцо съ портретомъ покойнаго императора Александра, гравированнымъ на сафирѣ, которое я ношу постоянно.

Кольцо съ медалью и надписью: „l'Ange est au Ciel“, которое я ношу постоянно.

Малахитовый уборъ къ камину, находящійся въ моемъ кругломъ кабинетѣ въ Павловскѣ.

Малахитовые стѣнные часы, находящіяся въ Павловскѣ.

Золотую зубочистку, подаренную мнѣ матерью.

На память отъ любящей его матери прошу сдѣлать ему кольцо

съ моими волосами, равно какъ и наследному герцогу Саксенъ-Веймарскому, королю Виртембергскому и любезному моему эрцгерцогу Иосифу.

XII.

Николаю, Константину и Михаилу оставляю три рисунка, сдѣланные въ дѣтствѣ покойнымъ императоромъ Павломъ; надѣюсь, что они будутъ дорожить этимъ подаркомъ; также оставляю два рисунка моей матери, одинъ—Маріи, а другой великой княжнѣ Еленѣ.

Кромѣ того обѣимъ дочерямъ моимъ, Маріи и Аннѣ, оставляю по большому портрету покойнаго отца ихъ, императора Павла, висящіе въ моей уборной.

Оставляю моимъ двумъ дочерямъ мои кружевные вуали и неносенныя кружева; внучкѣ моей принцессѣ Саксенъ-Гильдбурггаузенъ—мое прекрасное кружевное платье со шлейфомъ, а два короткія платья моимъ внучкамъ Маріи и Августѣ Веймарскимъ. Прошу дочерей моихъ подѣлать между собою мои перья цапли.

Предоставляю каждому изъ моихъ дѣтей выбрать себѣ одинъ изъ моихъ рисунковъ или картину, писанную мною. изъ тѣхъ, которыя находятся въ Павловскѣ; а также предоставляю имъ подѣлать между собою мои печати и собственныя печати покойнаго мужа моего.

XIII.

Любезной невѣсткѣ, вдовствующей королевѣ Виртембергской, оставляю:

Мраморный бюстъ покойнаго брата моего, короля Виртембергскаго, находящійся въ Павловскѣ.

Кольцо съ волосами, подаренное мнѣ братомъ.

Другое кольцо, подаренное мнѣ также братомъ, съ волосами его дѣтей.

Медаліонъ въ видѣ камеи, изображающей славу, осыпанный бриллиантами.

Красивый приборъ для завтрака изъ Павловска.

XIV.

Племянницѣ моей Екатеринѣ, которую я интересуюсь въ настоящее время въ особенности, такъ какъ она несчастлива, оставляю:

Привѣску къ ожерелью съ гранатами, которую прошу осыпать бриллиантами такъ, чтобы цѣнность ея доходила до десяти тысячъ рублей.

Одинъ изъ портретовъ ея отца.

XV.

Моимъ братьямъ, невѣсткамъ, племянникамъ и племянницамъ оставляю на память:

1. Моей невѣсткѣ Луизѣ:

Фермуаръ съ гиадинтомъ.

Бѣлый портфель, шитый золотомъ, съ портретомъ покойнаго брата моего Людовика.

Черную рабочую шкатулку.

Красивый приборъ для завтрака изъ одного изъ моихъ Павловскихъ домиковъ.

Одинъ изъ моихъ портфелей.

Портретъ дочери ея, королевы, висящій въ моемъ кабинетѣ.

Дочерямъ ея, моимъ племянницамъ:

Старшей, эрцгерцогинѣ Маріи:

Ожерелье изъ мелкаго жемчуга съ медаліономъ изъ нефрита, осыпаннымъ бриліантами.

Браслетъ, подаренный мнѣ ея матерью.

Миніатюрный портретъ ея матери.

Второй, принцессѣ Амаліи Саксенъ-Гильдбурггаузенъ:

Фермуаръ съ хризопразомъ, осыпанный бриліантами.

Третьей, Полинѣ, королевѣ Виртембергской:

Фермуаръ съ аквамариномъ.

Четвертой, Елизаветѣ:

Привѣску къ ожерелью изъ сибирскаго аквамарина.

Двумъ сыновьямъ ея Адаму и Александру:

Два перстня съ цвѣтными камнями.

2. Невѣсткѣ моей Евгеніи.

Мои золотыя браслеты, съ жемчугомъ и бриліантами, которые носятя выше локтя и сдѣланные изъ золотыхъ вещей, полученныхъ мною въ наслѣдство послѣ покойной матери; послѣ ея смерти они перейдутъ къ ея внучкѣ, будущей супругѣ ея внука, и должны переходить всегда къ старшему въ ея родѣ.

Соболью шубу.

Портретъ племянника моего Евгенія.

Цѣпочку съ разными агатами, полученную мною отъ матери.

Сыну ея, моему племяннику Евгенію:

Перстень съ круглымъ рубиномъ.

Совершенно простое кольцо съ моимъ портретомъ, которое я прошу заказать.

Портреты моего отца и матери, украшенные бриліантами и гранатами, висящіе возлѣ моей кровати.

Старые часы моей матери.

Медаліонъ съ портретомъ моего отца и вензелемъ F. E. изъ бриліантовъ, окруженнымъ волосами.

Записную книжку (un souvenir) съ волосами и вензелемъ F. A., подаренную мнѣ моимъ братомъ Фердинандомъ.

Кольцо съ силуэтомъ моего отца, принадлежавшее мамашѣ.

Кольцо съ волосами моего брата Фердинанда.

Кольцо съ портретомъ моей матери, на голубомъ стеклянномъ фонѣ, осыпанное бриліантами.

Шкатулку съ портретами всей ея семьи.

Дочери ея, моей внучкѣ Маріи:

Золотое ожерелье съ овальнымъ медаліономъ, съ сердоликомъ, окруженнымъ жемчугомъ и голубою эмалью.

Серьги изъ Онежскаго хрусталя (en cristaux à aigrettes de l'Onéga).

Небольшую подвѣску къ ожерелью съ двумя жемчужинами.

Сыну ея, моему двоюродному внуку Евгенію:

Кольцо съ моими волосами, осыпанное бриліантами; оно еще не сдѣлано.

Сестрѣ ея, моей племянницѣ принцессѣ Гогенлоге-Охрингенъ:

Привѣску къ ожерелью съ аквамариномъ и пряжку къ поясу съ бирюзою и бриліантами.

3. Брату моему Вильгельму.

Кольцо съ моимъ портретомъ, которое прошу заказать для него.

Кольцо съ кошачьимъ глазомъ.

Роговую бомбоньерку моей покойной матери.

Кольцо моей покойной матери съ вензелемъ A. F.

Маленькую золотую ложку съ перламутровой ручкою, принадлежавшую моей покойной матери.

Медаліонъ съ портретомъ моей покойной матери.

Лорнетку съ двумя вензелями F. и A.

Медаліонъ съ волосами сестры моей Елизаветы.

Кольцо въ старинномъ вкусѣ.

4. Брату моему Фердинанду.

Перстень съ моимъ портретомъ, который я прошу заказать для него.
Кольцо съ букетомъ (un bouquet de germandrées), подаренное мнѣ матерью.

Кольцо съ вензелемъ F. на голубомъ фонѣ, подаренное мнѣ имъ.

Кольцо съ надписью: «*par le plus tendre*», полученное также отъ него.

Талисманъ съ греческой надписью, полученный также отъ него, равно какъ и кольцо съ его вензелемъ, осыпанное жемчугомъ.

Двѣ тросточки съ его вензелемъ изъ брилліантовъ.

Брелокъ въ видѣ сундучка, принадлежавшій моей покойной матери.

Небольшой медальонъ съ волосами и съ надписью, сдѣланной на голубомъ фонѣ: «*Souvenir d'amitié*» принадлежавшій моей покойной матери.

Кольцо въ старинномъ вкусѣ.

Супругъ его, моей невѣсткѣ:

Кольцо съ волосами, брилліантовымъ сердечкомъ и съ надписью: «*Souvenir du bien-aimé*», полученное моей покойной матерью отъ моего брата Фердинанда.

Поясную пряжку съ изумрудомъ и брилліантами.

5) Брату моему Александру:

Кольцо съ моимъ портретомъ, которое я прошу заказать для него.

Портретъ моего брата Карла.

Кольцо съ волосами моего брата Карла.

Сердоликовое кольцо.

Большое кольцо съ силуэтомъ моего отца.

Кольцо съ вензелемъ брата покойной матери моей и съ надписью на голубой эмали: «*pour son souvenir*», подаренное мнѣ матерью еще въ Трептовѣ.

Серебряную курильницу съ вензелемъ Д., принадлежавшую покойной моей матери.

Шкатулку съ портретомъ брата моего Вильгельма.

Сафьяновый портфель съ портретомъ моего брата Фердинанда.

Двѣ вазы изъ Павловска.

Кольцо въ старинномъ вкусѣ.

Дочери его, моей племянницѣ Маріи:

Серьги съ блѣднымъ рубиномъ.

Браслетъ съ моимъ портретомъ, который прошу заказать.

Уборъ изъ пестрыхъ раковинъ.

Золотую вызолоченную чашку, находящуюся въ моей спальнѣ въ Павловскѣ.

Золотой браслетъ и фермуаръ съ опаломъ.

Г. Новосильцевъ сообщить моей племянницѣ цифру сбереженій, сдѣланныхъ мною для ея приданого, если она не выйдетъ замужъ до моей смерти; я начала откладывать эти деньги со смерти ея любезной матери.

Привѣску къ ожерелью съ бирюзою.

Моимъ племянникамъ Александру и Эрнесту:

Кольцо съ моимъ вензелемъ и моими волосами.

6) Моему брату Генриху:

Кольцо съ моимъ портретомъ, которое прошу заказать для него.

Кольцо съ именемъ Луизы и золотую цѣпочку моей покойной матери.

Бомбоньерку изъ слоновой кости съ птицей, принадлежавшую моей покойной матери.

Два ножа съ перламутровыми ручками въ зеленомъ футлярѣ, принадлежавшіе моей покойной матери.

Кольцо въ старинномъ вкусѣ.

XVI.

Любезному зятю моему, эрцгерцогу Юсифу, котораго я всегда любила какъ моего собственнаго сына и который постоянно доказывалъ свою сыновнюю преданность и свою любовь къ моей покойной дочери, оставляю на память въ знакъ моей любви:

Кольцо съ рубиномъ.

Мой портретъ, копія съ портрета, писаннаго Кугельхеномъ.

Столъ съ работою Александры, находящійся въ Павловскѣ.

Одинъ изъ красивыхъ фарфоровыхъ приборовъ для завтрака, находящійся въ моей спальнѣ въ Павловскѣ.

Цѣпочка изъ волосъ моей любезной Александры

Ящичекъ для зубочистки изъ лазурика, подаренный ею.

Стеклянную бомбоньерку съ восковымъ дномъ, работы Александры

Двѣ прекрасныя вазы изъ Павловска.

Портретъ Александры съ ребенкомъ на рукахъ, стремящимся къ небу.

Одинъ изъ пресъ-папье съ одного изъ моихъ письменныхъ столовъ.

Одинъ изъ моихъ красивыхъ портфелей.

XVII.

Любезному зятю моему, великому герцогу Голштейнскому, оставляю:
Кольцо съ брилiантомъ желтой воды.

Перстень съ волосами его покойной жены и съ надписью: «Nous
la pleurons toujours».

Я носила постоянно, до снося, одно кольцо, состоящее изъ трехъ
отдѣльныхъ колецъ, связанныхъ вмѣстѣ съ волосами сестеръ моихъ
Фредерики, Елизаветы и брата моего Карла. Прошу ихъ раздѣлить
отдать кольца съ волосами моихъ сестеръ Фредерики и Елиза-
веты зятю моему герцогу Голштейнскому, такъ какъ сестры были
чрезвычайно дружны, а кольцо съ волосами моего брата Карла брату
моему Александру.

Перстень съ мелкими брилiантами и съ цвѣткомъ (germandrée).
Кольцо съ надписью: «Lien de la constance».

Золотое кольцо съ мелкими розами, принадлежавшее моей по-
койной матери.

Картину съ портретами сыновей его, моихъ племянниковъ, дѣтьми;
она находится въ Гатчинѣ.

Копiю съ моего портрета, писаннаго Кугельхеномъ.

Портретъ племянника моего Августа, писанный Кипренскимъ.

Портреты моихъ внуковъ принцевъ Александра и Петра Ольден-
бургскихъ, писанные Кипренскимъ. Медалiонъ съ волосами моей
сестры Фредерики и съ девизомъ: «Sacree à l'amitié».

Портфель съ портретомъ Екатерины.

Кольцо съ надписью на черной эмали: «Sie blühet kurz, sie wird
wieder blühen», принадлежавшее моей матери, которая часто носила его.

Мраморное прессъ-папье съ бронзовой левреткой.

Двѣ вазы изъ Павловска.

Сыну его, моему племяннику Августу, оставляю на память:

Кольцо съ волосами ея отца и покойной его матери, полученное
мною отъ нихъ.

Кольцо съ моимъ портретомъ, которое нужно сдѣлать.

Кольцо съ волосами моего внука, принца Петра Ольденбургскаго,
прикрытыми брилiантами.

Золотое кольцо съ медалiономъ и съ черной эмалью звѣздами.

Золотую шкатулочку для зубочистки, подаренную его отцомъ.

Медалiонъ съ волосами его матери.

Супругъ его, моей племянницѣ, оставляю:
 Серьги съ бирюзкою и бриліантами.
 Вѣеръ моей сестры, на которомъ есть надписи ея рукою и рукою ле-Дюкъ.

XVIII.

Двоюродной сестрѣ моей, княгинѣ Радзивиль оставляю:
 Медаліонъ, осыпанный жемчугомъ, съ волосами и съ рисункомъ, на которомъ выдѣляется вензель F. L. M., подаренный мнѣ теткою.
 Кольцо съ портретомъ отца ея, моего дяди Фердинанда.
 Кольцо съ волосами моей тетки принцессы Гессенской.
 Медаліонъ изъ филиграна съ головою Медузы.
 Прекрасный фарфоровый приборъ для завтрака изъ моей спальни въ Павловскѣ.
 Кольцо съ волосами и съ вензелемъ P., принадлежавшее моей матери; въ немъ волосы моей тетки принц. Гессенской.
 Медаліонъ съ волосами моего дяди и моей тетки.
 Эмалированная записная книжка съ вензелемъ A. A., подаренная мнѣ моей двоюродной бабушкой (grand'tante), старой герцогиней Брауншвейгской.
 Фермуаръ съ хризолитомъ, осыпанный бриліантами.
 Племянницѣ моей Елизаветѣ Радзивиль оставляю:
 Пряжку къ поясу съ хризолитомъ.

XIX.

Достоинной и любимой нашей княгинѣ Ливенъ оставляю въ память моего расположенія къ ней:
 Мой портретъ, писанный Кугельхеномъ.
 Солитеръ изъ моего ожерелья.
 Кольцо съ эмалью и съ надписью: «L'amitié vous le donne».
 Медаліонъ моихъ дѣтей.
 Золотой флаконъ съ красной эмалью.
 Золотой ножъ съ перламутровой ручкой.
 Тросточку съ портретомъ покойной императрицы Екатерины.
 Ларчикъ изъ слоновой кости китайской работы.
 Овальную шкатулку изъ агата.
 Пресъ-папье.
 Всѣ гипсовые бюсты моихъ дѣтей, стоящіе въ моемъ большомъ кабинетѣ.
 Серебряную вызолоченную чашку.

XX.

Другу моему, М-ше Нелидовой, оставляю:

Браслетъ съ волосами, который прошу заказать съ бриліантовымъ фермуаромъ; бриліанты взять изъ моихъ.

Другой браслетъ съ моимъ портретомъ, который также нужно будетъ заказать.

Одинъ изъ пресъ-папье съ моего стола.

Четыреугольный золотой медаліонъ, осыпанный мелкимъ жемчугомъ, въ который прошу вставить мои волосы.

Широкое кольцо съ волосами и съ надписью: «qu'il te rappelle un ami», подаренное мнѣ моимъ братомъ Фердинандомъ.

Кольцо съ надписью: «souvenir d'amitié».

Записную книжку съ медаліонами; съ одной стороны Анютинны глазки, а съ другой вензель F. A., составленный изъ розъ; книжка эта подарена мнѣ братомъ Фердинандомъ.

Каме съ головою Юпитера.

Вензель покойнаго императора Александра «A. I.» на эмалированномъ медаліонѣ съ пѣпочкою; надъ нимъ каска, а съ другой стороны надпись: «Государь и Отечество».

Ожерелье изъ желѣзныхъ каме.

Сувениръ, подаренный герцогиней Ля-Вальеръ.

Бомбоньерку съ крышкой изъ слоновой кости и съ надписью: «sacrés à l'amitié».

Широкое кольцо съ голубой эмалью, и на ней розовый кустикъ съ надписью: «L'épine souvent est un charme de plus».

Сувениръ изъ китайской красной камеди.

Золотую лорнетку съ голубой эмалью, которую я часто носила.

XXI.

Дѣтямъ моего покойнаго друга г-жи Бенкендорфъ оставляю:

Каждой дочери браслетъ съ моимъ портретомъ, который я прошу заказать.

Кромѣ того, старшей, княгинѣ Доротеѣ Ливень:

Медаліонъ съ волосами, осыпанный жемчугомъ съ букетами, полученный мною отъ ея матери.

Кольцо съ сердцемъ и съ надписью: «fidèle» и кольцо съ F. изъ бриліантовъ, оба подаренныя ея матерью.

Младшей, Маріи Шевичъ:

Кольцо съ снопомъ, сдѣланнымъ изъ волосъ.

Небольшое кольцо съ жемчугомъ и аметистами, оба подаренныя ей матерью.

Сыну Александру:

Брелокъ въ видѣ вазы, съ буквою F. внутри, полученный отъ его покойной матери.

Бомбоньерку съ волосами его покойной матери.

Кольцо съ именемъ «Tille» въ пяти сердцахъ.

Сыну Константину:

Кольцо съ сердоликомъ, осыпанное брилліантами, которое мать его носила до смерти.

Бомбоньерка слоновой кости съ силуэтомъ.

Шкатулочку изъ слоновой кости съ черепахой внутри и съ медаліономъ, полученную отъ его покойной матери.

XXII.

(Зачеркнута статья о вещахъ, завѣшанныхъ M-lle Дивовой).

Противъ этого мѣста на полѣ, рукою императрицы, написано: «Я имѣла несчастье лишиться M-lle Дивовой весною 11 февр. сего (т. е. 1827) года».

Небольшой портфель, изъ краснаго сафьяна съ медаліономъ, съ девизомъ и ребусомъ: L. C. та и съ аютиными глазками.

Тутъ на полѣ приписка: „отдать M-lle Нелидовой“.

Два браслета, осыпанные жемчугомъ съ рисунками и надписями.

Приписка на полѣ: „отдать г-жѣ Кочетовой“.

и г-жѣ Кочетовой:

Браслетъ съ моимъ вензелемъ, осыпанный брилліантами, который придется заказать, и моихъ верховыхъ лошадей.

(M-lle Лунина зачеркнута) княгиня Радзивиль, Дальгейнъ (Чихачева зачеркнута) получать фермуары, точно также какъ и всѣ прочія дамы, которыя будутъ находиться при мнѣ въ то время, какъ я умру.

Приписка на полѣ, рукою императрицы: „M-lle Лунина и Чихачева выходить за мужъ; Чихачева получила уже отъ меня подарокъ, а Лунина также получить слѣдующее ей“.

„27 ноября 1827 г.“

XXIII.

Въ знакъ моего искренняго расположенія оставляю также г-жѣ Плещеевой:

Браслетъ съ моимъ портретомъ, осыпанный бриліантами, который нужно заказать.

Кольцо съ моими волосами и съ надписью «Amitié»; его также нужно заказать.

Широкое кольцо съ эмалью и съ надписью: «à moi».

Г-жѣ Говенъ оставляю браслетъ съ моимъ вензелемъ, который также нужно заказать.

XXIV.

Дорогой моей общинѣ (Смольному институту) завѣщаю мой лучшій образъ. Прекрасный мраморный бюстъ нашего любезнаго покойнаго императора Александра, стоящій въ моемъ кабинетѣ.

Книги, находящіяся всегда въ шкапахъ моей бібліотеки въ зимнемъ дворцѣ, и состоящія по большей части изъ лексиконовъ.

Всю мою коллекцію нотъ.

Мую арфу.

Фортепіаны изъ Павловска, разумѣется лучшія.

Моей доброй, достойной и почтенной Адлербергъ, которую я весьма довольна, оставляю:

Браслетъ съ моимъ портретомъ, который нужно заказать.

Золотой сувениръ.

Одну изъ моихъ шкатулочекъ, стоящихъ на моемъ столѣ здѣсь или въ Гатчинѣ.

XXV.

Каждому изъ нижепоименованныхъ институтовъ:

Св. Екатерины въ Петербургѣ и Москвѣ, Александровскому, Харьковскому и Сиротскому (des orphelines militaires) оставляю: одинъ изъ моихъ образовъ и копию съ моего портрета, писаннаго Кугельхеномъ; мои шелка, канву и рисунки для вышиванья, прошу подѣлать общинѣ, обоимъ Екатерининскимъ и Александровскому институту.

Оставляю также по образу обѣимъ школамъ солдатскихъ дѣтей.

Г-жѣ Кремпиной, въ знакъ моего расположенія и въ признатель-

ность за ея хорошую службу оставляю браслетъ съ моимъ вензелемъ, который нужно будетъ заказать.

Г-жѣ Пѣвцовой, начальницѣ Московскаго Екатерининскаго института, браслетъ съ моимъ вензелемъ, который придется заказать. Надѣюсь, что я останусь довольна моимъ выборомъ.

Г-жѣ Мелартъ, инспектрисѣ московскаго Александровскаго института, оставляю кольцо съ моимъ вензелемъ; его придется заказать.

Генеральшѣ Ставицкой, директрисѣ Сиротскаго института, браслетъ съ моимъ вензелемъ; его также нужно заказать.

Г-жѣ Литинской, директрисѣ Харьковскаго института, кольцо съ моимъ вензелемъ, которое нужно заказать.

Г-жѣ Наймановской, директрисѣ Маріинскаго института, браслетъ съ малахитомъ, который прошу заказать.

XXVI.

Каждому изъ воспитательныхъ домовъ оставляю одинъ изъ моихъ образовъ и мой портретъ, а равно по образу каждой изъ городскихъ больницъ (à chacun des hopitaux des pauvres), Павловскому госпиталю въ Москвѣ, Голицынскому госпиталю, обѣимъ коммерческимъ школамъ и обоимъ вдовьимъ домамъ.

Моему Маріинскому институту оставляю одинъ изъ моихъ образовъ и копію съ моего портрета, писаннаго Кугельхеномъ; институту глухо-нѣмыхъ завѣщаю образъ и мой токарный станокъ.

XXVII.

Самыя дорогія платья изъ моего гардероба прошу раздѣлить между церквами: крѣпостной, здѣшнихъ и московскихъ институтовъ, здѣшнихъ и московскихъ городскихъ больницъ, Павловскаго и Голицынскаго госпиталей.

XXVIII.

Г-жѣ Гревеницъ, какъ моей пансіонеркѣ, моей воспитанницѣ и вдовѣ челоуѣка, служившаго мнѣ такъ прекрасно, оставляю медальонъ съ моимъ вензелемъ, который нужно будетъ заказать.

XXIX.

Нашему доброму, достойному генералу графу Ламсдорфу оставляю, въ знакъ моего расположенія и моей признательности, одинъ изъ солитеровъ изъ моего ожерелья, мой портретъ, писанный масляными красками, золотое кольцо, подаренное мнѣ сыновьями, которое я всегда носила во время ихъ отсутствія; мою трость съ золотымъ набалдашникомъ и съ вензелемъ, которая находится у меня болѣе 30 лѣтъ и поэтому будетъ ему пріятнымъ подаркомъ; записную книжку въ золотой оправѣ съ перламутромъ; тросточку изъ цѣлаго янтара.

XXX.

Моему доброму старичку Нелединскому, статсъ-секретарю покойнаго императора Павла, оставляю: шкатулку съ моимъ портретомъ и съ надписью: «Souvenir d'amitié»; шкатулку съ 6 портретами моихъ дѣтей, писанными мною; эта шкатулка была подарена мною покойной императрицѣ Екатеринѣ, но послѣ смерти государыни я потребовала ее обратно; красный сафьянный портфель съ миниатюрнымъ портретомъ покойнаго императора Павла; барельефъ съ портретомъ гр. Панина, находящійся въ Павловскѣ; золотой перстень съ волосами гр. Панина, его вензелемъ и съ вырѣзаннымъ на немъ числомъ его кончины, 31 марта 1783 г.; трость, подаренную мнѣ этимъ добрымъ старичкомъ.

XXXI.

Не могу достаточно нахвалиться усердіемъ генерала Клингера, которому было ввѣрено главное завѣдываніе хозяйственной частью въ общинѣ и въ Екатерининскомъ институтѣ и поэтому съ особеннымъ удовольствіемъ завѣщаю ему, въ знакъ моего благоволенія, шкатулку съ моимъ портретомъ, которую прошу заказать, и десять тысячъ рублей, которые онъ внесъ такъ великодушно въ кассу Екатерининскаго института, чтобы загладить промахъ, сдѣланный однимъ изъ чиновниковъ.

Генералу Арсеньеву, завѣдующему дѣлами Сиротскаго института и такъ обязательно взявшему на себя и дѣла по Маріинскому институту, оставляю шкатулку съ моимъ вензелемъ, которую нужно заказать.

Г. Вильсону, оказавшему столь важныя услуги не только Александровскому заводу, но бывшему не разъ полевымъ также въ Павловскѣ и въ Гатчинѣ, оставляю шкатулку съ моимъ вензелемъ, которую прошу заказать.

XXXII.

Г. Тутолмину, въ знакъ моей признательности за его всегдашнюю преданность, оставляю: перстень съ моимъ портретомъ, который нужно будетъ заказать, и портретъ гр. Панина, висящій въ моей комнатѣ.

XXXIII.

Г. Сутгофу, директору моего повивальнаго института, оставляю красивый перстень и благодарю его за усердную службу.

XXXIV.

Генералу Фредерици оставляю шкатулку съ моимъ портретомъ. Я убѣждена, что сынъ мой Михаилъ будетъ также доволенъ имъ, какъ и я; я же не могу достаточно нахвалиться его усердіемъ.

Доброму Ритмейстеру, на память его многолѣтней и вѣрной службы, оставляю шкатулку съ моимъ вензелемъ. Полковнику Штенгеру оставляю шкатулку съ моимъ вензелемъ; благодарю его за усердную службу и прошу императора не оставить его своими милостями.

XXXV.

Въ знакъ моей искренней признательности за усердную службу и заслугу оберъ-штабмейстера Муханова, съ особеннымъ удовольствіемъ оставляю ему на память прекрасную шкатулку съ моимъ портретомъ.

XXXVI.

Старику Албедилю, въ признательность за его попеченія, оставляю прекрасную шкатулку съ моимъ портретомъ и волосами; также оставляю шкатулку съ портретомъ князю Гагарину и шкатулку съ портретомъ князю Николаю Долгорукову и благодарю ихъ за усердную службу, которой я не могу достаточно нахвалиться.

Противъ этого мѣста на полѣ, рукою императрицы написано: «Оставляю также шкатулку съ моимъ портретомъ гр. Вѣлгорскому, состоящему при мнѣ съ весны. Этотъ пунктъ прибавленъ 27 ноября 1827 г.»

Камеръ-фурьеру Крылову, служившему мнѣ много лѣтъ, оставляю прекрасный перстень.

Штабмейстерамъ [Петру] Васильеву и Волкову оставляю перстни и прошу императора не оставить ихъ своими милостями, какъ прекрасныхъ людей.

Хотя нашъ дворъ не былъ раздѣленъ, но я прошу любезнаго сына моего, императора Николая, наградить лицъ, служившихъ мнѣ при столѣ и въ буфетной, а равно и лакеевъ, состоявшихъ при моихъ парадныхъ комнатахъ и при конюшнѣ.

XXXVII.

Оставляю на память:

Г. Виламову прекрасную шкатулку съ моимъ портретомъ, которую прошу заказать; часы, осыпанные жемчугомъ, которые я часто носила; бомбоньерку съ голубой эмалью; печать въ видѣ брелоки; ножъ съ двумя лезвиями и серебряной вызолоченной ручкой; медаль въ черной рамкѣ, съ изображеніемъ головы покойнаго императора Александра; медаліонъ съ аллегорическимъ рисункомъ, сдѣланнымъ перомъ; золотой рейсъ-федеръ; трость съ янтарнымъ набалдашникомъ; бомбоньерку съ рисункомъ, сдѣланнымъ карандашемъ.

Г. Новосильцову: шкатулку съ моимъ портретомъ, которую прошу заказать; кольцо съ гранатомъ, ножъ съ двумя лезвиями и перламутровой ручкой; записную книжку изъ слоновой кости; золотой рейс-федеръ съ перомъ; золотой карандашъ, подаренный имъ, который я постоянно употребляю; печать въ видѣ брелока и трость съ янтарнымъ набалдашникомъ.

Г. Мейендорфу, поступившему ко мнѣ недавно, кольцо съ моимъ вензелемъ.

XXXVIII.

Г. Рюлю оставляю шкатулку съ моимъ вензелемъ; золотой футляръ для зубочистки, украшенный цвѣткомъ (de germandrées); часы, лежавшіе постоянно на моемъ туалетѣ; красный футляръ съ несесеромъ.

XXXIX.

Г. Шторху оставляю шкатулку съ моимъ вензелемъ изъ бриллиантовъ; г. Аделунгу шкатулку съ моимъ золотымъ вензелемъ; моему бібліотекарю Утрехту вознагражденіе въ размѣрѣ 3500 рублей; Антону Иванову вознагражденіе въ размѣрѣ 1500 рублей.

XL.

Генералу Ушакову, который весьма обязательно ѣздилъ постоянно со мною верхомъ, оставляю прекрасную шкатулку съ моимъ портретомъ.

XLI.

Князю Сергѣю Голицыну, раздававшему постоянно милостыню отъ моего имени, оставляю прекрасную шкатулку съ моимъ портретомъ; благодарю его за преданность и съ совершеннымъ довѣріемъ поручаю ему позаботиться объ институтахъ и о воспитательномъ домѣ

XIII.

Портреты князя Александра Куракина оставляю M-elle Нелидовой и Тутолмину; портретъ оберъ-камергера князя Голицына Павловскому госпиталю въ Москвѣ; портретъ князя Дмитрія Голицына голицынскому госпиталю въ Москвѣ; портретъ Загряжскаго—его супругѣ.

Моиѣ лакеямъ, горничнымъ и пр. завѣщаю слѣдующія вещи:

Лакеямъ:

Шалину: кольцо; круглый футляръ съ рейсфедеромъ.

Гриму: кольцо; янтарный футляръ въ видѣ орѣха; черепаховый ящичекъ для зубочистки; янтарную бомбоньерку въ видѣ яйца; маленькіе золотые часы; кольцо съ изображеніемъ головы покойнаго императора Александра. въ видѣ небольшой медали; золотые часы съ вензелемъ русскими буквами П. М.

Матвею Петрову: кольцо; ножъ съ перламутровымъ лезвіемъ и черенкомъ; роговую бомбоньерку съ золотыми украшеніями; стеклянную бомбоньерку съ слоновой костью; золотые часы съ змѣевидной стрѣлкой; цѣпочку къ часамъ съ эмалью и съ маленькой печатью.

Кейзеру: кольцо.

Ярославцеву: кольцо.

Сафонову: кольцо.

Старому Прену: кольцо.

Горничнымъ:

Пильниковой—золотыя серьги въ видѣ обручей; золотое кольцо съ пятью розами на голубой бѣлой эмали; нѣсколько цѣпочекъ къ часамъ и браслеты изъ различныхъ бусъ; венеціанскую цѣпочку; золотой медаліонъ для волосъ съ вензелемъ М. Ф. изъ голубой эмали; вожсяныя серьги въ видѣ маленькихъ шариковъ; небольшой брелокъ въ видѣ сердца съ надписью: «Je t'aime»; ножницы съ золотой ручкой; большой медаліонъ съ авантуриномъ, медаліонъ съ сердоликомъ, съ выпуклымъ рѣзнымъ распятіемъ; золотую цѣпочку, составленную изъ косоугольныхъ; мой серебряный вызолоченный умывальникъ; кольцо.

Яковлевой: сердоликовыя серьги; кольцо; (un anneau avec un petit intaglio); бомбоньерку изъ слоновой кости и стекла съ рисункомъ; небольшой брелокъ въ видѣ медаліона съ рисункомъ; маленькій футляръ и несесерь въ видѣ орѣха; вѣтку вишень изъ эмали съ часами въ одной изъ нихъ; цѣпочку съ колчаномъ; три золотыхъ колоса; серебряные подсвѣчники, купленные мною, въ видѣ сфинкса; двѣ золотыя цѣпочки; мою серебряную полоскательницу для зубовъ; кольцо.

Старшей Брызгаловой: маленькій брелокъ съ крючкомъ; ножницы съ золотой ручкой; сердоликовыя серьги, золотую пряжку къ поясу; кольцо.

Младшей Брызгаловой: медальонъ съ образомъ св. Никандры; серьги въ видѣ змѣи; маленькій золотой флаконъ съ эмалью; кольцо.

Чернышевой: кольцо съ флакономъ изъ сердолика; кольцо съ бирюзю; кольцо.

Ивановой: маленькій брелокъ въ видѣ урны для духовъ; кольцо съ бирюзю; кольцо.

Ярославцевой: маленькій агатовый ящичекъ для духовъ; кольцо.

Четыремъ горничнымъ:

Пильниковой, Яковлевой, обѣимъ Брызгаловымъ—4 ладанницы (navette), 4 золотыя гребня съ жемчугомъ, камеемъ и сердоликомъ; всѣмъ шестерымъ раздѣлить уборъ (garniture de Wedgewood), четыре пары серегъ съ гранатами и три пары съ чернымъ жемчугомъ.

Моей камеръ-фрау, г-жѣ Кеннеди:

Круглый золотой футляръ съ перламутромъ; медальонъ съ отдѣлкой изъ слоновой кости въ зеленомъ бархатномъ футлярѣ; кольцо съ бирюзю; маленькій ящичекъ для духовъ и серебряную выволоченную сонетку; кольцо.

Дѣвицамъ, смотрѣвшимъ за моимъ гардеробомъ:

Строцкой: булавку съ медальономъ голубаго и стальнаго цвѣта, кольцо.

Кристоповой: золотую булавку со стрѣлою; кольцо.

Весь черный уборъ изъ композиціи прошу раздѣлить между:

Дицъ, которой дать еще кольцо.

Коноваловой—тоже.

Вороновой—тоже.

Дарѣ Васильевой и Викторовой.

Моему камеръ-фурьеру Алексѣеву—кольцо.

Марія.

С.-Петербургъ 21 января 1827 г.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Я. А. СОЛОВЬЕВА О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ДѢЛѢ.

ГЛАВА ПЯТАЯ ¹⁾.

[Продолженіе].

Записка подь литерою А о несвоевременности освобожденія крестьянъ и о гибельныхъ послѣдствіяхъ этой реформы.—Нижегородское дѣло.—Случай съ Серно-Соловьевичемъ.

Кромѣ частныхъ дѣйствій, направленныхъ въ ущербъ интересамъ крестьянскаго дѣла, кромѣ агитаціи, по поводу того или другаго распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ, противники освобожденія крестьянъ не теряли еще надежды остановить весь ходъ дѣла; ничѣмъ инымъ нельзя объяснить появленія одной записки представленной Государю лѣтомъ 1858 года. Шефъ жандармовъ препроводилъ эту записку министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, съ тѣмъ, чтобы первымъ изъ нихъ эта записка была внесена на обсужденіе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Въ моихъ бумагахъ сохранился черновой, составленный мной, разборъ этой записки и копія отношенія къ государственному секретарю (отъ 28-го іюля 1858 г.), подписанная Ланскимъ и скрѣпленная мною. Въ означенной запискѣ, помѣченной лит. А, неизвѣстный мнѣ до сихъ поръ (1875 г.) авторъ доказывалъ несвоевременность освобожденія крестьянъ. Я приведу какъ содержаніе записки и разборъ ее, такъ и заключеніе министра внутреннихъ дѣлъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVII, февраль, стр. 319—362; изд. 1881 г., томъ XXX, мартъ, стр. 211—264; апрѣль, стр. 721—756; томъ XXXI, май, стр. 1—32; изд. 1882 г., томъ XXXIII, январь, стр. 227—258; мартъ, стр. 561—596.

Записка эта начинается главнымъ вопросомъ: Чего слѣдуетъ желать отъ предпринятаго устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ? Затѣмъ вопросъ этотъ тутъ же подраздѣлялся на три слѣдующіе:

- 1) Умноженія ли народнаго богатства?
- 2) Упроченія ли благосостоянія рабочаго класса? и
- 3) Ограниченія ли злоупотребленія помѣщичьей власти?

Разбирая каждый изъ этихъ вопросовъ порознь, авторъ доказывалъ въ заключеніи, что предпринятая мѣра не поведетъ къ положительному и благопріятному рѣшенію ни одного изъ нихъ. Напротивъ того, что мѣра эта опасна для государства и, по мнѣнію составителя записки, въ ней „таится глубоко задуманный планъ демократической революціи въ Россіи“.

Такое заключеніе опиралось на слѣдующихъ данныхъ: а) на сравненіи помѣщичьихъ крестьянъ съ государственными, б) на низкой степени развитія вообще русскихъ крестьянъ и в) на примѣрахъ иностранныхъ государствъ.

„Для бѣльшей части русскихъ крестьянъ,—сказано было въ запискѣ,—свобода не есть еще нравственное достоинство человека, а возможность ничего не дѣлать, ничего не платить, никому не повиноваться, удовлетворять своимъ наклонностямъ, однимъ словомъ тоже самое, что для дѣтей: для нихъ полная свобода было бы бросить книги, прогнать учителей, и прекрасныя свойства души скоро бы исказились отъ страстей, ничѣмъ не обуздываемыхъ“.

Сравненіе помѣщичьихъ и удѣльныхъ крестьянъ съ государственными укрѣпляло автора въ этомъ мнѣніи.

По мнѣнію его, положеніе помѣщичьихъ крестьянъ было несравненно лучше государственныхъ, а удѣльныхъ крестьянъ онъ считалъ самыми счастливыми въ мірѣ.

„Казенный крестьянинъ“,—разсуждалъ авторъ,—„пользуется теоретическимъ благоденствіемъ, а удѣльный практическимъ. Первый проклинаетъ свое положеніе, а второй благословляетъ. Въ удѣльныхъ имѣніяхъ, для поддержанія благоденствія, должно прибѣгать къ мѣрамъ строгости, въ чемъ убѣждаютъ стѣны самихъ приказовъ, обитыхъ объявленіями о сдѣланныхъ крестьянамъ частныхъ наказаніяхъ. Несчастное же начальство государственныхъ крестьянъ, лишенное всякой возможности противиться злу, не-

сеть невинно лишь укорины худаго управленія“. Нравственность помѣщичьихъ крестьянъ выше чѣмъ государственныхъ. По отчету министра внутреннихъ дѣлъ, за 1856 годъ, въ сословіи помѣщичьихъ крестьянъ, въ числѣ 20 милліоновъ обоего пола, было 5,724 преступленія; между тѣмъ, какъ у государственныхъ крестьянъ, въ числѣ 18 милліоновъ, 8,430 преступныхъ случаевъ. Въ запискѣ приведено, что, кромѣ обезпеченія собственнаго благосостоянія, помѣщичьи крестьяне производятъ, посредствомъ обязательнаго труда, 288,750,000 рублей серебромъ ежегодной прибыли государству. „Въ этотъ счетъ не входитъ заводская и фабричная промышленность помѣщиковъ, которую трудно опредѣлить и которая простирается на нѣсколько милліоновъ. По увѣренію нашихъ экономистовъ, трудъ государственныхъ крестьянъ, какъ свободный, долженъ бы приносить вдвое противъ труда обязательнаго, а именно 411,750,000 р. с. ежегодной государственной прибыли; между тѣмъ, какъ они, въ общей сложности губерній, какъ земледѣльческіе производители, едва обезпечиваютъ собственное свое существованіе, и тѣмъ доставляютъ государству, по выводамъ тѣхъ же экономистовъ, чистаго ежегоднаго убытка 411,750,000 руб. сер., распорядясь бесплодно и безсмысленно 73,084,120 десятинами государственной земли“. По тому же отчету министерства внутреннихъ дѣлъ за 1856 годъ, изъ общей суммы податной недоимки: на государственныхъ крестьянахъ числилось двѣ трети(?) (6,161,000 р. с.), а на помѣщичьихъ одна только четверть, (2,360,000 р. с.). вмѣстѣ съ этимъ составитель записки указывалъ на примѣры другихъ Европейскихъ государствъ. По его мнѣнію, Англія для насъ въ настоящемъ дѣлѣ можетъ служить самымъ лучшимъ образцомъ. Тамъ крѣпостное состояніе уничтожилось само собой. „Рабочій классъ, не имѣя никакой поземельной собственности, по необходимости вынужденъ къ двойному производительному труду, прѣтому Англія увеличила свои богатства“. Между тѣмъ какъ Франція, руководимая книжнымъ ученіемъ, при поспѣшномъ рыцарскомъ отреченіи дворянства отъ своихъ правъ, переходила изъ одной революціи въ другую. Авторъ указываетъ также на Пруссію, Австрію и наши Остзейскія провинціи, гдѣ освобожденіе крестьянъ производилось постепенно въ теченіи продолжительнаго времени и противопоставлялъ имъ нѣкоторыя изъ австрійскихъ владѣній, именно Галицію и Венгрію, гдѣ, по его

мнѣнію, это дѣло началось позднѣе, окончено произвольно и поспѣшно, помѣщики и крестьяне одинаково раззорены“.

Послѣ этого краткаго изложенія содержанія записки подлито А, въ представленіи министра внутреннихъ дѣлъ подробно были разобраны основанія приведенныхъ выводовъ. Я привожу этотъ разборъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ представленъ.

„То, что составитель записки говоритъ о низкомъ образованіи крестьянъ, которые поэтому не въ состояніи воспользоваться свободой, говорилось вездѣ при освобожденіи крестьянъ, но нигдѣ не оправдалось на дѣлѣ. Вездѣ, напротивъ того, крестьяне, съ упроченіемъ своего быта, изъ лѣнливыхъ сдѣлались прилежными, изъ людей, готовыхъ къ нарушенію общественнаго порядка, сдѣлались самыми преданными тому правительству, которое чрезъ освобожденіе крестьянъ обеспечивало прочное государственное устройство. Самый антагонизмъ, неизбѣжно существующій между крестьянами и ихъ господами, замѣнился взаимнымъ довѣріемъ двухъ сословій, гдѣ это довѣріе не было поколеблено ошибочными распоряженіями при самомъ освобожденіи крестьянъ. Сравненіе крѣпостныхъ съ дѣтьми никогда не можетъ имѣть мѣста. При воспитаніи первыхъ, родителей руководятъ любовь и самоотверженіе. При надзорѣ за крѣпостными можетъ быть челоуѣколюбіе, но не можетъ быть безкорыстной любви и тѣмъ болѣе самоотверженія, потому что въ основѣ помѣщичьихъ отношеній къ крѣпостнымъ лежитъ матеріальная выгода первыхъ. Дѣти, по достиженіи извѣстнаго возраста, видятъ конецъ своего воспитанія, на которое родители тратили деньги, не требуя отъ нихъ за то вознагражденія. Крѣпостные умираютъ крѣпостными, постоянно работая въ пользу помѣщиковъ. Наконецъ, пока существуетъ крѣпостное состояніе, народное образованіе невозможно. Не говоря уже о другихъ причинахъ, для развитаго челоуѣка крѣпостное право невыносимо, и потому заботиться объ образованіи крестьянъ безъ освобожденія ихъ значитъ вести государство къ неизбѣжной революціи“.

„Сравненіе помѣщичьихъ крестьянъ съ удѣльными и государственными собственно относится до министра государственныхъ имуществъ и президента департамента удѣловъ, на заключеніе котораго ¹⁾ препровождена копія съ настоящей записки. Здѣсь

¹⁾ Т. е. Муравьева: въ лицѣ его были соединены тогда обѣ должности

можно только упомянуть о неѣрности цифръ, приведенныхъ въ запискѣ. Во первыхъ, въ число 288,750,000 авторъ включилъ: 60 милліоновъ, сумму, на которую отправляется за границу разнаго рода земледѣльческихъ произведеній. Въ числѣ этихъ произведеній: хлѣбъ, ленъ, пенька, льняное и конопляное сѣмя, масло изъ этого сѣмени, сало, кожи и т. п., отпускаются, не одними помѣщиками, но и государственными крестьянами, и едва ли по нѣкоторымъ статьямъ послѣдними не болѣе, чѣмъ первыми. Всѣмъ извѣстно, что крестьяне Вологодской, Ярославской, Владимірской и даже бѣдной Псковской губерніи готовятъ льняныя произведенія для отправленія въ чужіе края. Разведеніе пеньки, для той же цѣли, въ значительной степени распространено между государственными крестьянами Орловской, Черниговской, Калужской, Смоленской и другихъ губерній. Сало и кожи доставляются для чужихъ краевъ также, между прочимъ, государственными крестьянами степныхъ губерній. Въ этихъ же губерніяхъ нѣсколько крестьянъ снимаютъ огромныя пространства оброчныхъ земель для выдѣлыванія на нихъ хлѣба на продажу какъ внутреннюю, такъ и заграничную. Они же работаютъ на хлѣбныхъ запашкахъ купцовъ. Изъ нихъ наконецъ вышла большая часть купцовъ, ведущихъ торгъ этими произведеніями“.

„Въ подтвержденіе своихъ доводовъ, авторъ указываетъ на примѣръ Англіи, Франціи, Пруссіи и Австріи. Англія служитъ для него доказательствомъ, что крестьяне могутъ освободиться постепенно и незамѣтно, однимъ только естественнымъ ходомъ историческихъ событій; а освобожденіе ихъ безъ земли приучитъ ихъ къ труду. Франція, по его мнѣнію, увлеклась теоріями и впала въ революцію.—Въ Пруссіи и Австріи освобожденіе происходило постепенно, начиная съ прошедшаго столѣтія, а въ Венгріи и въ Галиціи, гдѣ освобожденіе производилось поспѣшно, и крестьяне и помѣщики раззорены“.

„Въ Англіи, при господствующей тамъ гласности, ничего не маскируется. Сами лорды и государственные люди Англіи въ сильныхъ выраженіяхъ, въ присутствіи государственныхъ палатъ, указываютъ на неправильное развитіе народнаго богатства, отъ котораго они не ожидаютъ ничего хорошаго. Въ 1844 году лордъ Джонъ Россель говорилъ въ палатѣ депутатовъ: „Народное недовольтвіе, какъ въ земледѣльческихъ, такъ и въ промышленныхъ

округахъ, признается всѣми за несомнѣнный фактъ. При тщательномъ разсмотрѣннн вопроса, нельзя не признать, что довольство въ рабочемъ классѣ народа возрастаетъ не въ той степени, какъ въ другихъ сословіяхъ.—Лордъ Станлей не ограничился этимъ: онъ указалъ на причину зла въ одномъ изъ засѣданій палаты лордовъ. Вотъ его собственныя слова:

„Опасность для страны въ настоящее время заключается въ сосредоточеніи поземельной собственности въ однѣхъ рукахъ, соединенной съ чрезмѣрной неуравнительностію въ ея распредѣленіи“.

„Реформа въ законахъ о хлѣбной торговлѣ уменьшила зло и спасла Англiю отъ революціи, но не прекратила его. Описывая могущество и силу въ настоящее время Англiи, сами англичане прибавляютъ въ этому:

„Все это факты; но не менѣе фактъ и то, что рядомъ съ этими великими и благотворными перемѣнами постоянно разростается громада самаго отвратительнаго нищенства, далеко превосходящая все то, о чемъ дошли до насъ достовѣрныя извѣстія отъ прежняго времени“. Поэтому нельзя не повѣрить одному новѣйшему французскому ученому, который, путешествуя по Англiи, замѣтилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ демократическое и почти революціонное направленіе. Англійскіе путешественники единогласно свидѣтельствуютъ, что положеніе рабочаго класса на материкѣ несравненно лучше, нежели не только въ Ирландіи, но даже въ Англiи и Шотландіи. Они при этомъ сами дѣлаютъ вопросъ: „Отчего бѣднымъ классамъ народа въ Англiи жить хуже, чѣмъ на материкѣ?“ И сами же отвѣчаютъ на него: „Мы размножили“, пишутъ англійскіе путешественники,—„число лицъ, зависящихъ отъ задѣльной платы, отъ найма; государства Европы размножили классъ людей, зависящихъ отъ производительности собственныхъ крестьянскихъ участковъ“.

Въ настоящее время общій голосъ слышится изъ Англiи, „что глубокое всеобщее опасеніе объемлетъ съ нѣкоторыхъ поръ всю Англiю и что ни распространеніе торговли, ни усовершенствованіе мануфактурной системы не избавятъ англичанъ отъ самыхъ зловѣщихъ опасеній, какія только могутъ угрожать обветшалому и крайне искусственному общественному быту“.

„Послѣ этого, кажется, Англiя не можетъ служить образцомъ въ дѣлѣ устройства крестьянскаго быта. Не можетъ служить

также и Франція, не по своей поспѣшности, не по рыцарскимъ чувствамъ французскаго дворянства, какъ говоритъ составитель записки, а по своей медленности, по своимъ притѣсненіямъ крестьянскаго сословія и, наконецъ, по своей безразсудной упрямой привязанности къ возмутительнымъ феодальнымъ правамъ. Трудно отыскать начало личнаго освобожденія крестьянъ во Франціи, оно совершилось тамъ давно. Крестьянамъ уступлена была и земля; но дворяне сохранили за собой неправильное вознагражденіе за землю, временное или непрерывное, и множество феодальныхъ обременительныхъ и унижительныхъ для крестьянъ повинностей. Всякое радостное событіе въ дворянскомъ семействѣ подавало поводъ къ сбору съ свободныхъ лицъ, живущихъ на прежде бывшихъ господскихъ земляхъ. Дворяне удерживали за собой право молоть хлѣбъ, бить скотъ, содержать племенныхъ быковъ, выжимать виноградъ, и за все это собирали деньги. Извѣстная часть урожая поступала также въ пользу владѣльца. Дворяне же собирали пошлину за мѣру при продажѣ хлѣба, и за проѣздъ по извѣстнымъ дорогамъ. Но однимъ изъ наибольшихъ бѣдствій, которыя тяготѣли на земледѣльческомъ классѣ, было право охоты, исключительно принадлежавшее дворянамъ. Кореннымъ правиломъ признавалось, что крестьяне не имѣютъ права: „присвоить себѣ звѣря въ лѣсу, рыбу въ водѣ, птицу въ воздухѣ“. Крестьяне не только не имѣли права убивать дичь для своей нищизни; но подъ страхомъ жестокаго наказанія, они лишены были права защищать свои поля, огороды, сады и виноградники отъ нападенія птицъ и звѣрей. Они не имѣли права жаловаться на уничтоженіе результатовъ своихъ трудовъ дворянскими охотами. Страсть дворянъ къ разведенію кроликовъ и голубей, противъ которой ничего не могли сдѣлать королевскія повелѣнія, довершали бѣдствія народа. Но этого мало. Дворяне не только угнетали, но и унижали народъ. Они оставляли за собой такъ называемыя почетныя повинности. Тамъ, напримѣръ, въ однѣхъ мѣстахъ крестьяне обязаны были въ извѣстное время пѣть подъ окнами господина забавныя пѣсни, въ другихъ цѣловать замѣкъ господскаго дома, получать пощечины и т. п.“

„Составитель записки упоминаетъ, что дворянство во Франціи уничтожило себя въ знаменитую ночь пожертвованій (*la nuit des sacrifices*), въ которую, въ 1789 году, были отмѣнены всѣ дво-

рянскія феодальныя привилегіи. Другія повинности крестьянамъ предоставлялось выкупить. Но пожертвованія эти были уже позднія; въ это время во многихъ мѣстахъ Франціи вспыхнуло уже возмущеніе во всей своей силѣ. То, что могло принести несомнѣнную пользу въ началѣ столѣтія, сдѣлалось бесполезнымъ въ концѣ“.

„Если Англія и Франція дѣйствительно не могутъ служить для насъ образцомъ въ дѣлѣ устройства крестьянскаго быта, то объ эти страны должны послужить для насъ примѣромъ чего намъ надобно остерегаться. Но Австрія и Пруссія могутъ служить для насъ и тѣмъ, и другимъ. Правда, что законы объ ограниченіи крѣпостнаго права и въ томъ и другомъ изъ этихъ государствъ начали издаваться во второй половинѣ прошедшаго столѣтія; но они оставались мертвой буквой, такъ что дѣйствительное освобожденіе началось: въ Пруссіи съ 1808, а въ Австріи съ 1848 года. Неполный успѣхъ освобожденія въ Австріи, и преимущественно въ Галиціи и Венгріи, произошелъ отъ того, что тамъ правительство и дворянство слишкомъ медлили дѣломъ освобожденія крестьянъ и довели его до революціи. Въ Галиціи и Венгріи, сверхъ того, были національныя и политическія причины, породившія особенное нерасположеніе крестьянъ къ прежнимъ своимъ господамъ,—нерасположеніе, которое до сихъ поръ не прекращается. Въ Венгріи, хотя крестьяне сдѣлались лично свободными съ 1791 года, но лишены были права, наравнѣ со всѣми не дворянами, пріобрѣтать недвижимую собственность. Право это они пріобрѣли не прежде 1836 года“.

Препровождая къ государственному секретарю записку подъ литерой А и сдѣланныя мной замѣчанія на нее, министръ внутреннихъ дѣлъ писалъ:

„Составитель записки объявляетъ себя противникомъ предпринятой нынѣ мѣры устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ. Происхожденіе ея онъ приписываетъ тайному глубоко задуманному плану демократической революціи въ Россіи. Прекращеніе крѣпостной зависимости онъ считаетъ бесполезнымъ для крестьянъ и вреднымъ для государства, указывая на низкую степень развитія русскаго крестьянина, сравнивая помѣщичьихъ крестьянъ съ государственными и ссылаясь на примѣры иностранныхъ государствъ, и потому онъ совѣтуетъ какъ можно болѣе за-

медлить ходъ дѣла и, вмѣсто прочнаго устройства быта крестьянъ, приготовить только свѣдѣнія для инвентарей“.

„Я нахожу не нужнымъ опровергать мнѣніе, что принятая нынѣ мѣра устройства крестьянскаго быта есть слѣдствіе задуманнаго плана демократической революціи въ Россіи. Всѣмъ извѣстно, что мысль объ освобожденіи крестьянъ не оставляла двухъ покойныхъ императоровъ. Благости и мудрости нынѣ царствующаго государя императора Россія обязана, что этому великому государственному дѣлу положено прочное основаніе. Своевременность настоящихъ мѣропріятій не подлежитъ никакому сомнѣнію. Этого требуетъ человѣколюбіе, необходимость развитія матеріальныхъ и нравственныхъ силъ государства и польза самаго дворянскаго сословія. А потому слѣдуетъ не замедлять хода дѣла, а твердо и неуклонно идти по пути, указанному священной волей его величества. Препятствія, которыя неизбежны въ такомъ трудномъ дѣлѣ, должны не ослаблять, а усиливать твердость правительства“.

„Всѣ примѣры, которые составитель записки приводитъ какъ изъ русскаго быта, такъ и изъ жизни иностранныхъ государствъ, искажены и превратно перетолкованы. Примѣры иностранныхъ государствъ указываютъ намъ, что вездѣ, гдѣ крестьянскій вопросъ не былъ остановленъ въ своемъ развитіи, онъ разрѣшался спокойно и приводилъ къ усиленію государственнаго могущества и народнаго благосостоянія“.

„Потому я полагалъ бы полученную мною отъ генераль-адъютанта Долгорукова записку подъ лит. А оставить безъ всякихъ послѣдствій“.

Она дѣйствительно и осталась безъ всякихъ послѣдствій; едва ли она была рассмотрѣна въ главномъ комитетѣ, по крайней мѣрѣ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ не было никакихъ слѣдовъ этого рассмотрѣнія. Ланской, прежде внесенія своего мнѣнія въ главный комитетъ, докладывалъ о немъ предварительно Государю, какъ онъ это дѣлалъ иногда, также какъ и всѣ вообще министры.

Трудно повѣрить, чтобы такая записка, какъ подъ лит. А, требовала серьезнаго и подробнаго опроверженія. Но въ это время невниманіе къ подобному заявленію съ нашей стороны было бы

принято за слабость, за наше поражение; въ то время много было людей, которые думали или хотѣли думать, а главное хотѣли заставить другихъ думать, что въ этой запискѣ изложены были неопровержимые доводы, а самая записка преисполнена ученостію и верхъ литературнаго искусства. Въ настоящее время, нѣтъ никакой существенной надобности опровергать приведенныя въ запискѣ лит. А свѣдѣнія и сдѣланные изъ нихъ выводы; но я не могу удержаться, чтобы не противопоставить имъ современныя же, но болѣе достовѣрныя данныя о государственныхъ и удѣльныхъ крестьянахъ, сообщенныя мнѣ моими тогдашними корреспондентами изъ Владиміра и Самары.

По мнѣнію составителя записки, положеніе помѣщичьихъ крестьянъ было несравненно лучше государственныхъ. Выше было приведено, что владимірскіе помѣщики были другаго мнѣнія: одно изъ владимірскихъ уѣздныхъ дворянскихъ собраній внесло въ свой протоколъ заявленіе, что помѣщичьи крестьяне завидуютъ казеннымъ, потому что положеніе послѣднихъ гораздо лучше первыхъ.

Удѣльныхъ крестьянъ авторъ считаетъ самыми счастливыми въ мірѣ. По его отзыву „государственный крестьянинъ провозглашаетъ свое положеніе, а удѣльный благословляетъ“. Въ какой степени это было справедливо—можно видѣть изъ слѣдующей выписки изъ письма ко мнѣ изъ Самары (Протопопова ¹⁾, отъ 5-го сентября 1858 г.): „Не могу умолчать объ интересномъ здѣсь событіи. Удѣльные крестьяне, узнавъ, что имъ разрѣшается свободный переходъ въ другія сословія, составили повсемѣстно разговоры о причисленіи ихъ цѣлыми селеніями въ государственные крестьяне. Они согласны остаться на тѣхъ же мѣстахъ, при тѣхъ же обробахъ, но желаютъ только начальство имѣть не въ „приказахъ“, а въ „сельскихъ и волостныхъ правленіяхъ“, и даже быть подъ оруженными начальниками и палатами, а не подъ приказами и конторами. Если же остаться на этихъ условіяхъ имъ здѣсь нельзя, то пусть переселятъ ихъ куда-нибудь, только бы имъ поступить на новомъ мѣстѣ въ государственные крестьяне.

¹⁾ Отъ того самаго, который писалъ мнѣ изъ Смоленска.

Монжось (управляющій удѣльной конторой) поскакалъ на мѣсто, но что сдѣлаетъ—неизвѣстно“.

Другой мой корреспондентъ (Наржимской ¹⁾) въ письмѣ черезъ два мѣсяца позже (12-го ноября) писалъ: „Надняхъ разнесся здѣсь слухъ, что Монжось уволенъ отъ службы по случаю изъясненія желанія многими отдѣльными лицами и даже цѣлыми селеніями удѣльныхъ крестьянъ перейти въ государственные крестьяне, что весьма не понравилось Михаилу Николаевичу“ (Муравьеву, президенту департамента удѣловъ и министру государственныхъ имуществъ). Эти извѣстія краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе всѣхъ возможныхъ опроверженій.

То большинство, отголоскомъ котораго была и записка подъ лит. А и послѣдствіями вліянія котораго были правительственныя мѣры первой половины 1858 года, и то меньшинство, которое сочувствовало дѣлу и представителемъ котораго въ правительственныхъ сферахъ было одно министерство внутреннихъ дѣлъ, проявились вполнѣ въ губернскихъ комитетахъ. Но въ описываемое теперь время, т. е. лѣтомъ 1858 года, губернская комитетская дѣятельность была въ самомъ началѣ. Большая часть комитетовъ не была еще открыта, а въ открытыхъ подвинулись въ своихъ работахъ только три первые: петербургскій, нижегородскій и московскій. Я не упоминаю здѣсь о комитетахъ западныхъ губерній; характеръ ихъ дѣятельности былъ тотъ же самый, какой обнаружило западное дворянство при отзывѣхъ его на призывъ правительства. Изъ трехъ же первыхъ упомянутыхъ великорусскихъ комитетовъ: въ двухъ не замедлили проявиться два противоположныя направленія и первое крупное столкновеніе большинства и меньшинства обнаружилось въ нижегородскомъ комитетѣ, вмѣстѣ съ покушеніемъ большинства допустить явное отступленіе отъ коренныхъ началъ освобожденія крестьянъ, обнаруженныхъ вмѣстѣ съ рескриптами. Послѣднее стремленіе про-

¹⁾ Наржимской началъ службу у меня по кадастру и по переходѣ моемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, по моей рекомендаціи, назначенъ старшимъ совѣтникомъ палаты государственныхъ имуществъ въ Самарѣ. Потомъ былъ дѣлопроизводителемъ земскаго отдѣла, вице-директоромъ и директоромъ въ министерствѣ финансовъ. Сильно скомпрометированный въ послѣднее польское возстаніе, онъ лишился мѣста и теперь, 1875 г., членъ совѣта министерства финансовъ.

явилось и въ московскомъ комитетѣ; но объ этомъ я скажу при описаніи путешествія Государя по губерніямъ, а теперь перейду къ нижегородскому случаю. Извѣстіе объ этомъ послѣднемъ случаѣ было получено нами незадолго до отъѣзда Государя изъ Петербурга, слѣдовательно, въ то тяжелое, безпомощное для министерства внутреннихъ дѣлъ время, которое началось со времени изданія программы, предположенія о генераль-губернаторахъ и опубликованія началъ уѣздныхъ учреждений. Въ нижегородскомъ комитетѣ по устройству крестьянскаго быта возникъ вопросъ о выкупѣ личности крѣпостныхъ людей. Большинство, руководимое однимъ изъ своихъ сочленовъ, — бывшимъ секретаремъ дворянства, Пятовымъ, было за личный выкупъ; меньшинство, въ которому принадлежалъ предсѣдатель комитета губернской предводитель Болтинъ, было противъ. Меньшинство, не желая присутствовать при постановленіи, которое оно считало незаконнымъ, отказалось принять участіе въ этомъ рѣшеніи и удалилось изъ засѣданія. По выходѣ изъ засѣданія Болтина, комитетъ остался безъ предсѣдателя. Большинство самопроизвольно поручило предсѣдательство Пятову и начало продолжать занятія комитета. Губернаторъ (Александръ Николаевичъ Муравьевъ) прислалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ своего адъютанта съ подробнымъ описаніемъ случившагося, испрашивая разрѣшеніе, какъ онъ долженъ поступить. Минута была рѣшительная. С. С. Ланской, несмотря на свою обычную храбрость, колебался: доложить ли прямо Государю, непосредственно, испрашивая высочайшее повелѣніе, или вести дѣло чрезъ Главный Комитетъ.

Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ рѣшился на первое. Въ заготовленномъ мной, по его распоряженію, всеподданнѣйшемъ докладѣ, онъ испрашивалъ: 1) отстранить всякое сужденіе о выкупѣ личности; 2) всѣ постановленія комитета подъ предсѣдательствомъ Пятова считать недѣйствительными; 3) членамъ, участвующимъ въ этихъ постановленіяхъ, сдѣлать выговоръ, а Пятова вовсе исключить изъ членовъ комитета, пригласивъ на его мѣсто кандидата, и 4) предписать губернатору вновь открыть комитетъ въ законномъ его составѣ.

Несмотря на выбранную нами дорогу, мы могли не достигъ цѣли: государь могъ приказать внести этотъ самый докладъ въ главный комитетъ и тогда Богъ знаетъ, чтобы изъ этого вышло

Все это дѣло оставалось въ строжайшемъ секретѣ между Сергѣемъ Степановичемъ и мной, изъ опасенія, чтобъ насъ не предупредила противная сторона, представивъ государю дѣло въ превратномъ видѣ. Я съ замираніемъ сердца ожидалъ послѣдствій доклада. Царская фамилія въ это время жила въ Петергофѣ, день доклада Ланскаго приходился наканунѣ 27-го іюля (1858 г.), — дня рожденія императрицы. Государь оставилъ Ланскаго на 27-е іюля; императрица въ то время особенно была къ нему милостива. Какъ бы то ни было, но С. С., по возвращеніи изъ Петергофа, съ величайшимъ торжествомъ передалъ мнѣ докладъ, съ собственноручной резолюціей государя объ утвержденіи, съ тѣмъ, чтобы самый докладъ съ резолюціей былъ сообщенъ въ главный комитетъ „для свѣдѣнія“. Я помню, что, ѣхавши съ дачи министра въ городъ, я заѣхалъ по дорогѣ къ Н. А. Милютину, который встрѣтилъ меня словами: „Вѣрно что-нибудь хорошее случилось, вы имѣете такой веселый видъ?“ Вообще я всю жизнь свою не умѣлъ и до сихъ поръ (1875 г.) не умѣю скрывать свои внутреннія ощущенія, поэтому во все время крестьянскаго дѣла, люди, часто видѣвшіе меня, узнавали о благопріятномъ или неблагопріятномъ положеніи дѣла по выраженію моего лица.

Это высочайшее повелѣніе имѣло громадную важность; раздраженіе и злоба ретроградной партіи равнялись степени этой важности.

Негодованіе это тѣмъ было сильнѣе, чѣмъ неожиданнѣе былъ нанесенный ударъ. Коноводы реакціонной партіи считали министерство (министра?) внутреннихъ дѣлъ погибшимъ; они никакъ не воображали, чтобы министръ рѣшился на что-нибудь безъ ихъ разрѣшенія. А еслибы и рѣшился войти съ всеподданнѣйшимъ докладомъ непосредственно отъ себя, то государь приказалъ бы передать этотъ докладъ въ главный комитетъ.

Вскорѣ послѣ высочайшаго повелѣнія по нижегородскому дѣлу, М. Н. Муравьевъ уѣзжалъ изъ Петербурга въ обычную свою поѣздку по губерніямъ. Такъ какъ онъ любилъ всѣ многолюдные приемы, то обыкновенно у него бывали прощальные выходы, на которые собирались высшіе чиновники въ мундирахъ. Я, какъ служившій, кромѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, и въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, отправился на этотъ выходъ. Онъ, обойдя всѣхъ, ко мнѣ подошелъ къ послѣднему и, по его

раздражительной натурѣ, не могъ удержаться, чтобы не сказать мнѣ, съ нѣкоторой злобой, проглядывавшей и во взглядѣ и въ тонѣ голоса: „вы“, (т. е. министерство внутреннихъ дѣлъ), „испросили высочайшее повелѣніе по нижегородскому дѣлу“? Послѣ утвердительнаго съ моей стороны отвѣта, онъ продолжалъ: „Мнѣ кажется, что нижегородскій губернаторъ“ (его родной братъ) „въ этомъ дѣлѣ былъ неправъ“. Не понимая въ чемъ можно было признать неправымъ губернатора, который дѣйствовалъ въ смыслѣ обнародованныхъ правительствомъ началъ крестьянскаго дѣла, я тѣмъ не менѣе признавалъ неудобнымъ спорить съ Муравьевымъ объ этомъ и потому отвѣтилъ ему: Министерство внутреннихъ дѣлъ находило, что по существу предмета губернаторъ правъ; если-же онъ и не совсѣмъ правъ въ подробностяхъ, то заслуживаетъ полного снисхожденія по его горячей любви къ крестьянскому дѣлу. - Муравьевъ, кажется, принявъ мой отвѣтъ за намекъ на его двусмысленную дѣятельность, чего у меня и въ помышленіи не было; онъ отошелъ отъ меня, съ видимымъ озлобленіемъ, не сказавъ ни слова.

Растерявшійся А. И. Левшинъ, едва ли вполнѣ сознавая самъ, сдѣлался отголоскомъ оппозиціонной правительству партіи. Онъ мнѣ писалъ: „Дѣлу нижегородскому данъ былъ въ министерствѣ ходъ слишкомъ поспѣшный, и потому онъ привелъ къ мѣрамъ неправильнымъ. Хотѣли ударить по лошади, а попали по оглоблямъ. Подробности увидите изъ неофициальнаго доклада, мной вчера отданнаго министру¹⁾). Онъ хотѣлъ поддержать Муравьева, но это такая личность, которая, подобно всѣмъ Муравьевымъ, сама себя поддерживаетъ болѣе, чѣмъ должно. Счастливымъ себя считаю, что словесными дипломатическими докладами мнѣ удалось въ государѣ уменьшить предубѣжденіе противъ членовъ нижегородскаго комитета, несправедливо обиженныхъ“.

Муравьевъ (М. Н.) не сказалъ мнѣ въ чемъ онъ считалъ своего брата неправымъ, содержанія доклада, о которомъ мнѣ писалъ Левшинъ, я не помню, но едва ли ошибусь, если скажу, что главный обвинительный пунктъ противъ А. Н. Муравьева заключался въ его произвольныхъ дѣйствіяхъ; скорѣе обвине-

¹⁾ Письмо было изъ Москвы, гдѣ былъ Государь, куда пріѣзжалъ изъ Петербурга и С. С. Ланской.

ніе состояло въ томъ, что вмѣсто того, чтобы устроить дѣло на мѣстѣ, онъ донесъ о немъ въ Петербургъ. Вѣроятно, поддерживая председателя и меньшинство, губернаторъ не разрѣшалъ обсужденія вопроса о выкупѣ личности. Отъ этого произошелъ расколъ ¹⁾. Консервативная партія—вѣроятно говорила, что губернаторъ долженъ былъ допустить разногласіе, и потомъ, не вмѣшиваясь въ ходъ занятій комитета, согласиться съ меньшинствомъ и протестовать противъ постановленія большинства.

Изъ этого вытекаетъ прямое обвиненіе министерства внутреннихъ дѣлъ, которое вмѣсто того, чтобы направить дѣло на законный путь, одобрило дѣйствія губернатора и испросило репрессивныя мѣры съ стѣсненіемъ свободы выраженія мнѣній ²⁾. Но главная причина различія взглядовъ на нижегородское дѣло представителей консервативной партіи съ министерствомъ внутрен-

¹⁾ Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Произвольныя дѣйствія его, вѣроятно, заключались въ томъ, что онъ объявилъ комитету, что онъ не допустить обсужденія въ комитетѣ вопроса о выкупѣ личности, и когда председатель и меньшинство, согласные съ губернаторомъ, уклонились отъ засѣданій комитета, онъ безъ сомнѣнія требовалъ прекращенія занятій комитета до разрѣшенія возникшаго недоразумѣнія въ Петербургѣ“.

²⁾ Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „При нормальномъ положеніи вещей все это такъ; но это бываетъ, какъ намъ показываетъ исторія, при политическихъ переворотахъ, въ которыхъ, конечно, принадлежитъ наше крестьянское дѣло. При борьбѣ партій, которыя борются во имя двухъ противоположныхъ началъ: стараго обрезаемаго на смерть и новаго еще не созданнаго, но (находящагося уже въ зародышѣ) уже провозглашеннаго въ видѣ неполныхъ началъ, одна партія не хочетъ признавать того, что будетъ и не желаетъ, чтобы оно было, и потому опирается на старые законы; другая сторона, опираясь на начала новой жизни, не хочетъ, чтобы эти новыя начала развивались по правиламъ стараго отживающаго свой вѣкъ порядка. При такой дилеммѣ всякій юристъ станетъ въ безвыходное затрудненіе; а на практикѣ выходитъ такъ: кто сильнѣе, энергичнѣе, рѣшительнѣе и искуснѣе, тотъ и одерживаетъ верхъ. Были публицисты-радикалы, которые пытались революціонныя движенія подчинить юридической законности, а наше крестьянское дѣло и послѣдующія за нимъ реформы справедливо называютъ мирной революціей, — революціей сверху, а не снизу, — но попытки, учиненныя путемъ публицистики, такъ и остались ни къмъ непризнанными попытками. Теперь наше правительство весьма гуманно возбудило вопросъ о смягченіи ужасовъ войны положительными правилами; но ему возражаютъ: съ одной стороны, что надо хлопотать не о созданіи правилъ для зла, а о прекращеніи самаго зла; а съ другой, что война, при нынѣшнемъ развитіи общества, есть неизбежное зло, которое нельзя подчинить никакимъ законамъ, потому что она есть зло, но зло неминуемое“.....

Я. С.

нихъ дѣлъ состояла въ слѣдующемъ. Изъ исторіи изложенія петербургскаго дополнительнаго отношенія и программы было видно, что консерваторы старались вопросъ о выкупѣ личности сдѣлать открытымъ и потому они не желали, чтобы онъ подвергся формальному обсужденію въ губернскихъ комитетахъ; затѣмъ они были увѣрены, что дѣло будетъ внесено въ главный комитетъ, гдѣ они могли обдѣлать такъ, какъ признали бы для себя удобнымъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ понимало планы консерваторовъ, и потому, признавая вопросъ рѣшеннымъ окончательно, оно поторопилось рѣшительнымъ ударомъ прекратить всѣ колебанія относительно выкупа личности,—одного изъ самыхъ главныхъ вопросовъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Я выше уже говорилъ, что трудностію разрѣшенія этого вопроса хотѣли запутать и остановить дальнѣйшее движеніе дѣла.

Но если губернаторъ отступилъ отъ законнаго порядка, то, съ своей стороны, большинство дѣйствовало неправильно и съ тѣмъ отсутствіемъ политическаго такта, которымъ постоянно отличалось оппозиціонное большинство въ крестьянскомъ дѣлѣ. Во-первыхъ, оно своею нетерпимостію раздражило несогласное съ нимъ меньшинство и тѣмъ не удержало его въ составѣ комитета; во-вторыхъ, совершенно незаконно, въ формѣ революціоннаго протеста, выбрало предсѣдателя, тогда какъ, по закону, въ случаѣ отсутствія губернскаго предводителя, исполняетъ всѣ его обязанности предводитель уѣзда губернскаго города; въ-третьихъ, несмотря на протестъ представителя власти, сдѣлало постановленіе о выкупѣ личности. Взамѣнъ всего этого, если уже большинство не сумѣло или не могло удержать предсѣдателя и меньшинство въ составѣ комитета, ему слѣдовало бы, не позволяя себѣ неправильнаго выбора предсѣдателя и не касаясь вовсе спорнаго вопроса по существу, ходатайствовать о возстановленіи нарушенныхъ губернаторомъ: и общихъ правъ коллегіальнаго учрежденія, и свободы выраженія мнѣній. Словомъ, оппозиція сдѣлала ошибку; странно было бы, еслибы правительство стало хлопотать объ исправленіи этой ошибки, а не воспользовалось ею для того, чтобы направить дѣло по той дорогѣ, по которой оно желало его вести, чего не желала допустить ожесточенная противъ правительства оппозиція. Правительство то и сдѣлало; и оно было совершенно право и съ исторической, и съ нравственной стороны. Тутъ не было употреблено никакого

приема второй французской имперіи. Губернаторъ дѣйствовалъ совершенно свободно: онъ не имѣлъ никакихъ указаній на этотъ случай и министерство узнало о немъ какъ о совершившемся фактѣ. Вообще подобные приемы никогда не употреблялись по крестьянскому дѣлу.

Ошибка Левшина заключалась въ томъ, что онъ совершенно неправильно взглянулъ на характеръ крестьянскаго дѣла. Напрасно авторъ изданныхъ въ Берлинѣ „Матеріаловъ“ по крестьянскому дѣлу отыскиваетъ причину оппозиціоннаго направленія Левшина въ его раздраженіи противъ Ланскаго. Левшинъ дѣйствовалъ по убѣжденію, хотя и ложному. Онъ ¹⁾ чистосердечно былъ убѣжденъ, что крестьянское дѣло могло быть рѣшено самимъ дворянствомъ, что дворянству при этомъ не слѣдовало бы дѣлать непріятностей, а обращаться къ нему съ одними только любезностями. Конечно, можно было бы вести дѣло и такъ; но изъ этого не вышло бы освобожденія крестьянъ; но онъ (былъ не безпристрастенъ), сросшись съ помѣщичьимъ бытомъ и самъ богатый помѣщикъ, былъ небезпристрастенъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, и потому не могъ этого понять. Когда онъ увидалъ, что министерство, къ которому онъ принадлежитъ и въ которомъ онъ думалъ быть руководителемъ начатаго преобразованія, принимаетъ энергическія и рѣшительныя мѣры и что большинство дворянства (раздражается) негодуетъ на подобный способъ дѣйствія, онъ еще болѣе убѣдился въ своемъ мнѣніи, что слѣдовало бы дѣйствовать совершенно иначе. Онъ протеръ свою любезность къ дворянству до того, что разбирая въ Нижнемъ-Новгородѣ споры между большинствомъ и меньшинствомъ губернскаго комитета, онъ высказался за трехдневную барщину; между тѣмъ, какъ былъ уже составленъ журналъ комитета о двухдневной работѣ. Услыхавъ такое мнѣніе товарища министра, комитетъ перерѣшилъ свое прежнее постановленіе, сославшись на мнѣніе, по этому предмету, товарища министра.

Но такъ дѣйствовать было невозможно; при такомъ способѣ дѣйствія нельзя было довести дѣла до безпристрастнаго разрѣшенія, а можетъ быть и до какого бы то ни было конца. Крестья-

¹⁾ Послѣ этого слова въ подлинникѣ зачеркнуто: „воспитанникъ воронцовской школы, послѣдователь круглыхъ фразъ и мягкихъ формъ“... Я. С.

янское дѣло затрогивало не только матеріальные интересы дворянства, но его политическія права, его общественное положеніе какъ самаго привилегированнаго сословія, его бытъ, его всё привычки, словомъ производило радикальный переворотъ во всей дворянской обстановкѣ. Странно было бы думать, чтобы большинство дворянства не только согласилось, но и само наложило на себя руки. Нельзя было думать не только объ этомъ, но даже о томъ, чтобы дворянство уступило требованіямъ правительства безъ борьбы. Надо благословлять Бога, что борьба эта была не такъ сильна, чтобы помѣшать возможно безпристрастному окончанію дѣла. Сила противной крестьянскому дѣлу партіи была бы гораздо значительнѣе и могла бы совершенно опрокинуть дѣло, если бы оно началось не при самодержавной власти (во время полного его значенія). Она одна только могла миролюбиво справиться съ владѣльцами крѣпостныхъ людей; противоположный примѣръ мы видѣли недавно въ Америкѣ, гдѣ уничтоженіе рабства повело за собой междусобную войну. Самодержавному правительству нужно было имѣть только нравственную опору. Оно имѣло эту опору: и въ общественномъ мнѣніи Европы, и въ собственныхъ своихъ интеллигентныхъ сферахъ и, что главное, въ меньшинствѣ самаго дворянства, которое правительство обязано было поддерживать всѣми зависящими отъ него способами противъ большинства, которое преслѣдовало своихъ членовъ, сочувствующихъ крестьянскому дѣлу, какъ людей, измѣнившихъ интересамъ своего сословія.

Словомъ, съ выходомъ перваго рескрипта, началась положительная борьба стараго порядка съ провозглашенными новыми началами. Явились двѣ стороны: консерваторовъ и прогресистовъ. Правительство не могло не быть на сторонѣ послѣднихъ, такъ какъ оно само было причиной возникшей борьбы. Слѣдовательно оно волей неволей должно было считать консервативное большинство дворянства непріятельскимъ лагеремъ. Поэтому миролюбивыя уступки должны были уступить мѣсто мѣрамъ энергическимъ и рѣшительнымъ. Всякая уступка была бы признана за слабость; а если она при томъ касалась существа дѣла, то нанесла бы вредъ самому дѣлу. За малыми уступками потребовались бы большія; если бы онѣ были дѣлаемы, то можно бы испортить и даже остановить все дѣло; если же послѣ малыхъ уступокъ по-

слѣдоваль бы отказъ въ большихъ, то раздраженіе было бы гораздо сильнѣе и дѣйствительнѣе. Сильнѣе потому, что начали бы упрекать правительство въ измѣненіи направленія; дѣйствительнѣе потому, что правительство, дѣлая уступки, потеряло бы свою обаятельную силу.

Вотъ въ чемъ состояла программа дѣйствій министерства внутреннихъ дѣлъ; напрасно его обвиняютъ въ какомъ-то систематическомъ преслѣдованіи дворянства, въ желаніи его разорить, въ злорадствѣ во всякимъ бѣдствіямъ помѣщиковъ и т. п. Что касается до меня лично, то я дѣйствовалъ всегда по глубокому убѣжденію, что освобожденіе крестьянъ необходимо, чтобы поднять нравственный и умственный уровень высшаго сословія, которое осуждалось на застой крѣпостнымъ состояніемъ. Крѣпостное состояніе связывало дворянъ по рукамъ и по ногамъ, и тѣмъ лишало его возможности идти безпрепятственно къ дальнѣйшему своему развитію. Я былъ глубоко убѣжденъ, что дальнѣйшее существованіе крѣпостнаго права повело бы за собой разложеніе всего государственнаго и общественнаго нашего строя. Машина была слишкомъ стара и испорчена; сознаніе въ ея непригодности было общее; средствъ и матеріаловъ къ ея исправленію не было. Тѣ, которые употреблялись при Екатеринѣ, Александрѣ I и Николаѣ, уже не годились, а новыхъ, кромѣ освобожденія крестьянъ, нельзя было придумать. Этимъ объясняется неуспѣхъ крѣпостной оппозиціи. Я очень благодаренъ нѣкоторымъ личностямъ изъ противоположнаго лагеря, которыя, не раздѣлая исповѣдуемыхъ мной началъ, видѣли во мнѣ человѣка, дѣйствующаго по чистосердечному убѣжденію и чуждаго преслѣдованію личныхъ своихъ интересовъ; другіе же, болѣе ожесточенные, (считали меня за) заблуждающагося фанатика.

Но какъ бы то ни было, министерство въ нижегородскомъ дѣлѣ дѣйствовало согласно своей программѣ. Воспользовавшись ошибкой противной крестьянскому дѣлу стороны, оно хотѣло показать крѣпостному большинству, что правительство его не боится, что оно не допуститъ коренныхъ отступленій отъ обнародованныхъ началъ, хотя бы эти отступленія поддерживались большинствомъ, и что оно не намѣрено дѣлать уступокъ оппозиціонному большинству, а будетъ опираться на свою власть и на сочувствующее видамъ правительства меньшинство помѣщиковъ. Все это

было достигнуто: большинство получило выговоръ; представитель его (Пятовъ) былъ исключенъ изъ членовъ комитета; правда, онъ былъ возвращенъ, но не по праву, а по всемилостивѣйшему прощению, нарушенное начало было восстановлено. Въ этомъ заключалась польза дѣла въ дисциплинарномъ отношеніи; члены комитета должны были убѣдиться, что, несмотря на подстрекательство ихъ людьми высокопоставленными и на общающую поддержку, они за нарушенія (законовъ) отвѣчаютъ и передъ закономъ и предъ властію. Съ другой стороны послѣдствія всеподданнѣйшаго доклада по нижегородскому дѣлу убѣдили какъ самое министерство внутреннихъ дѣлъ, такъ и вообще людей, сочувствующихъ крестьянскому дѣлу; что надежда крѣпостниковъ на обратный поворотъ дѣла существовала въ ихъ собственномъ воображеніи; но что государь остается твердымъ въ принятомъ имъ намѣреніи, что онъ, вслѣдъ за симъ, во время своего путешествія по губерніямъ, доказалъ еще съ большей ясностію.

Все это ободрило и оживило упадающій духъ защитниковъ освобожденія.

Но, кромѣ этой, такъ сказать формальной стороны, нижегородское дѣло принесло громадную пользу по существу предмета. Вопросъ о выкупѣ личности былъ спорнымъ пунктомъ: защитники освобожденія были убѣждены, что онъ былъ рѣшенъ отрицательно при изданіи перваго рескрипта; противники желали думать, что подобнаго рѣшенія не было. Поэтому представители реакціоннаго направленія, при изданіи послѣдующихъ рескриптовъ и при составленіи программы, старались включить, какъ необходимое условіе освобожденія, выкупъ личности. Черезъ это, смотря по ходу дѣла, они надѣялись достигнуть одного изъ двухъ: или затормозить дѣло, отложивъ окончательное разрѣшеніе его на неопредѣленное время, или включить въ условіе освобожденія выкупъ личности, сдѣлать невозможнымъ, по финансовымъ расчетамъ, не только выкупъ всѣхъ угодій, но даже и усадебной осѣлости. Во второмъ случаѣ послѣдствія подобнаго освобожденія крестьянъ могли бы быть слѣдующія: помѣщики, получивши деньги за личный выкупъ крестьянъ, были бы освобождены отъ всѣхъ обязанностей, которыя возложены были на нихъ крѣпостнымъ правомъ, а на дѣлѣ сохранили бы всѣ существенныя права, которыми они пользовались при крѣпостномъ состояніи. Взамѣнъ этого, крестьяне,

будучи лично свободны, поставлены были бы въ худшее положеніе, чѣмъ прежде. Словомъ, совершилось бы остзейское освобожденіе, съ денежнымъ вознагражденіемъ владѣльцевъ, котораго не получили нѣмецкіе помѣщики. Нижегородское высочайшее повелѣніе разрушило всѣ иллюзіи о безземельномъ освобожденіи, съ денежнымъ вознагражденіемъ, и окончательно уничтожило искусно придуманный планъ къ достиженію этой цѣли, который проводился съ послѣдовательностію и постоянствомъ ¹⁾.

Объяснено было, съ утвержденія главнаго комитета и государя, что такое рѣшеніе, устанавливавшее личный выкупъ, не можетъ быть допущено, какъ отвергнутое въ другихъ комитетахъ.

Если были фанатики въ реакціонной партіи, въ родѣ Пятова и многихъ другихъ, то явились такія же личности и между людьми прогрессивнаго направленія. Я хочу рассказать объ одномъ случаѣ, бывшемъ также лѣтомъ 1858 г., до отъѣзда государя изъ Петербурга. Этотъ случай я привожу не потому, что онъ имѣетъ какую либо важность, а какъ доказательство, что государь и не думалъ отступать отъ началъ предпринятаго имъ преобразованія и отдавать дѣло въ руки реакціонной партіи.

Въ государственной канцеляріи служилъ и занимался крестьян-

¹⁾ Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Окончательное рѣшеніе вопроса о личномъ выкупѣ дало министерству возможность сообщить во всѣ губерніи, гдѣ возникалъ этотъ вопросъ впоследствии, высочайшее повелѣніе, состоявшееся по нижегородской губерніи.

„Это обыкновенно дѣлалось въ формѣ предписанія, отъ министра къ губернатору, въ которомъ говорилось: „Изъ представленной вами превосходительствомъ отчетной вѣдомости о занятіяхъ комитета по устройству дѣла крестьянъ оказывается, что комитетъ опредѣлилъ войти въ разсмотрѣніе вопроса о личномъ выкупѣ. Посему считаю долгомъ просить васъ обратить вниманіе комитета, что нѣкоторые члены одного губернскаго комитета по дали особое мнѣніе о выкупѣ личности крѣпостныхъ людей; но его императорское величество соизволилъ повелѣть: „это мнѣніе отвергнуть, ибо въ немъ выразилось явное побужденіе къ превратному толкованію высочайше одобренныхъ началъ устройства быта крестьянъ“.

„Подобныя разъясненія даны были начальникамъ нѣкоторыхъ губерній, какихъ именно—у меня не сохранилось свѣдѣній,—извѣстно только, что всѣ предложенія послѣдовали въ ноябрѣ и декабрѣ 1858 г. Въ это же время обнаружилась въ одномъ изъ комитетовъ,—также не помню въ какомъ,—попытка большинства членовъ „къ выкупу усадебной осѣдлости присоединить выкупъ крѣпостнаго права“.

янскимъ дѣломъ по главному комитету одинъ молодой человѣкъ Серно-Соловьевичъ,—человѣкъ не безъ способностей, но не установившійся энтузіастъ. Онъ пришелъ въ негодованіе отъ всѣхъ искаженій дѣла, которыя дѣлались Муравьевымъ и компаніей. Онъ составилъ записку, въ которой высказывалъ мысль, что члены главнаго комитета весьма мало сочувствуютъ крестьянскому дѣлу. Съ этой запиской онъ отправился въ Царское Село, гдѣ жилъ тогда государь, и дождавшись выхода его изъ дворца, лично подалъ ему свою записку. Государь написалъ на ней одобрителный отзывъ и поручилъ князю Орлову благодарить составителя. Князь Орловъ призвалъ къ себѣ Серно-Соловьевича и, объявляя ему высочайшее повелѣніе, обнялъ его; но тѣмъ не менѣе онъ не могъ уже служить въ государственной канцеляріи. Ланской взялъ его къ себѣ и помѣстилъ у меня въ земскомъ отдѣлѣ. Изъ земскаго отдѣла онъ былъ командированъ въ Калугу, гдѣ былъ секретаремъ комитета по устройству быта крестьянъ. По возвращеніи изъ Калуги онъ недолго оставался на службѣ. Выходя въ отставку, онъ объявилъ мнѣ, что не можетъ продолжать службу, видя повсюду реакціонное направленіе. Потомъ онъ, кажется, былъ замѣшанъ въ какомъ-то политическомъ дѣлѣ, эмигрировалъ и умеръ за границей. Сколько силъ у насъ разстрачивается отъ недостатка выдержки и отъ чрезмѣрнаго развитія самолюбія и самонадѣянности!

Нижегородское дѣло было видимой гранью, съ которой пассивное положеніе министерства внутреннихъ дѣлъ обращается въ активное, оборонительное его положеніе въ наступательное. Рядъ мѣръ, распоряженій и законодательныхъ работъ, которыя большей частію послѣдовали по почину министерства внутреннихъ дѣлъ и утверждены согласно его предположеніямъ, составить предметъ послѣдующаго изложенія, а теперь я перейду къ путешествію государя по губерніямъ.

VI.

Путешествіе Государя по губерніямъ и рѣчи его къ дворянамъ.—Вологда.—Тверь.—Ярославль—Кострома—Нижній Новгородъ.—Владимірѣ.—Москва.—Смоленскъ.—Минскъ.—Вильна.—Ковна.—Послѣдствія путешествія Государя. Милостивое расположеніе Государя къ С. С. Ланскому.

Два высочайшія повелѣнія, одно по Нижегородской губерніи о невыкупѣ личности и другое по Владимірской о дѣлѣ Кошанскаго, могли быть приписаны докладамъ министра внутреннихъ дѣлъ. Слѣдовательно реакціонная партія могла надѣяться, что съ устраненіемъ Ланскаго, чего она такъ усердно добивалась, измѣнится и направленіе дѣла. Но, послѣ путешествія государя, она должна была убѣдиться, что если Ланской остается на мѣстѣ, то единственно потому, что онъ сочувствовалъ намѣреніямъ государя и помогалъ, а не противодѣйствовалъ ему.

Государь въ началѣ лѣта сдѣлалъ кратковременную поѣздку въ Вологду; а потомъ осенью онъ посѣтилъ 10 губерній, не считая тѣхъ, по которымъ онъ или только проѣзжалъ, но не останавливался, или хотя и останавливался, но которыхъ крестьянское дѣло не касалось, т. е. губерній Царства Польскаго.

Въ это второе свое путешествіе онъ выѣхалъ изъ Петербурга 10-го августа и возвратился въ Царское Село 20-го сентября 1858 г.

Въ путешествіи по губерніямъ: Тверской, Московской, Костромской, Ярославской, Нижегородской и Владимірской ему сопутствовала императрица. Изъ Москвы государь проѣхалъ чрезъ Смоленскъ, Минскъ, Вильну и Ковну въ Варшаву, откуда возвратился прямо въ Царское Село.

Хотя государь вездѣ смотрѣлъ войска, но видимо главная цѣль его путешествія было крестьянское дѣло. Вѣроятно онъ желалъ на мѣстѣ убѣдиться въ степени тѣхъ трудностей, которыя приближенные къ нему люди представляли непреодолимыми, а Муравьевъ и Бутковъ, въ то же лѣто ѣздившіе по Россіи, распространяли слухи, что крестьянское дѣло не можетъ скоро рѣшиться, и тѣмъ подстрекали губернскіе комитеты къ недѣятельности. Государь не могъ не видѣть противодѣйствія со стороны лицъ, его окружающихъ; Муравьеву и Буткову онъ сдѣлалъ личное внушеніе. При такомъ положеніи дѣла весьма естественно,

что онъ лично хотѣлъ передать дворянству свой взглядъ на дѣло, обнадежить помѣщиковъ, что онъ значительныхъ жертвъ отъ нихъ не требуетъ и одинъ разъ навсегда вселить въ нихъ убѣжденіе, что скорое окончаніе крестьянскаго дѣла рѣшено имъ безвозвратно. Путешествіе императрицы во время поѣздки по кореннымъ русскимъ губерніямъ, съ посѣщеніемъ не только московскихъ святынь, по Троице-Сергіевской лавры, Ростова, Ипатьевскаго монастыря—царственной колыбели дома Романовыхъ—и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ, чтимыхъ въ народѣ, придавали этому путешествію видъ богомолья и напоминали походы по монастырямъ прежнихъ царей. Вѣроятно императрица желала, чтобы государь вмѣстѣ съ ней побывалъ у Троицы для того, чтобы испросить въ началѣ столь важнаго и труднаго дѣла благословеніе Божія у гроба преподобнаго Сергія, къ помощи котораго такъ часто прибѣгали первые цари изъ дома Романовыхъ.

Всѣ слова, съ которыми государь обращался къ дворянамъ, были проникнуты милостивыми выраженіями довѣрія къ дворянству и желанія показать, что онъ не одинъ, а вмѣстѣ съ ними, освобождаетъ крестьянъ. Но въ то же время онъ съ твердостью указывалъ, что не отступить отъ принятыхъ имъ началъ устройства крестьянскаго быта.

Въ Вологду государь пріѣхалъ 15-го іюня. Онъ сначала сказалъ одному губернскому предводителю (Бочрикову?):

— „Вологодское дворянство всегда отличалось своей преданностью къ престолу, а потому я вполне увѣренъ, что и въ настоящее время, въ общемъ дѣлѣ, оно по мѣрѣ силъ будетъ способствовать исполненію моихъ назначеній“.

Затѣмъ, при общемъ представленіи, Государь обратился къ дворянамъ съ тѣми же словами, какія онъ сказалъ губернскому предводителю, прибавивъ къ нимъ:

— „Господа, я надѣюсь, что вы совершенно сочувствуете моимъ желаніямъ и будете способствовать общей пользѣ по крестьянскому дѣлу и затѣмъ улучшите бытъ крестьянъ вашихъ, нераздѣльно съ общей выгодой“.

На другой день (11-го августа) пріѣзда Государя въ Тверь, когда представлялись ему дворяне, онъ сказалъ имъ:

— „Господа. Я очень счастливъ, что имѣю случай выразить мою благодарность тверскому дворянству, которое уже неоднократно

доказало мнѣ свою преданность и готовность, вмѣстѣ съ другими губерніями, всегда содѣйствовать общему благу. Вы это доказали во время послѣдней войны, при составленіи ополченія, и мнѣ памятны жертвы дворянъ. Теперь я вамъ поручилъ дѣло, важное для меня и для васъ,—дѣло крестьянъ. Надѣюсь, что вы оправдаете мое довѣріе. Лицамъ, изъ среды вашей избраннымъ, поручено заняться этимъ важнымъ дѣломъ; обсудите его, обдумайте зрѣло, изыщите средства, какъ лучше устроить новое положеніе для крестьянъ, устройте, примѣняясь къ мѣстности, такъ чтобы было безобидно для нихъ и для васъ, на тѣхъ главныхъ основаніяхъ, которыя указаны въ моихъ рескриптахъ. Вы знаете, какъ ваше благосостояніе мнѣ близко къ сердцу; надѣюсь, что вамъ также дороги интересы вашихъ крестьянъ, поэтому я увѣренъ, что вы будете стараться устроить такъ, чтобы было безобидно для васъ и для нихъ. Я увѣренъ, что могу быть покоенъ: вы меня поддержите и въ настоящемъ дѣлѣ. Когда ваши занятія кончатся, тогда положенія комитета поступятъ чрезъ министерство на мое утвержденіе. Я уже приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ для присутствія и общаго обсужденія въ Петербургѣ, при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній, въ главномъ комитетѣ. Въ дѣйствіяхъ намъ разойтись нельзя;—наша цѣль одна—общая польза Россіи. Я оставляю васъ въ полной увѣренности, что вы оправдаете мои ожиданія и мое къ вамъ довѣріе,—убѣжденъ, что вы мнѣ будете содѣйствовать, но не препятствовать“.

По дорогѣ изъ Твери въ Ярославль государь, вмѣстѣ съ императрицею, проѣхалъ мимо Москвы на Сергіевскій посадъ, куда императрица прибыла прежде государя за полсутки и тамъ ночевала.

Въ Ростовѣ они обѣдали, а вечеромъ 13-го августа пріѣхали въ Ярославль, гдѣ также представлялись государю дворяне и гдѣ онъ также произнесъ рѣчь къ дворянамъ; но слова его, кажется, не были записаны, по крайней мѣрѣ списка ихъ у меня не оказалось.

Августа 15-го государь и императрица прибыли въ Кострому. Ипатіевскій монастырь съ святыней чудотворной иконы Федоровской Божей матери,—сопутствуемые которой московскіе послы

упросили юнаго Михаила Феодоровича принять московской престоль, — должно быть произвели на Государя сильное впечатлѣніе. Рѣчь его къ Костромскимъ дворянамъ, хотя была короче, но задумевнѣе Тверской. Въ Тверской онъ сказалъ, что благосостояніе дворянъ близко его сердцу, а здѣсь весь крестьянскій вопросъ онъ назвалъ „близкимъ его сердцу“. Государь, обращаясь къ костромскимъ дворянамъ, произнесъ:

— „Господа. Костромская губернія, по историческимъ воспоминаніямъ, близка семьѣ моей и мы считаемъ ее родной; поэтому-то мнѣ особенно пріятно находиться среди васъ, послѣ прошествія 20 лѣтъ. Вчерашній пріемъ тронулъ меня. Благодарю васъ за готовность, съ какою вы встрѣтили желаніе мое улучшить бытъ крестьянъ. Этотъ близкій сердцу моему вопросъ слишкомъ важенъ для будущности Россіи. Надѣюсь, что вы въ этомъ, такъ сказать, жизненномъ вопросѣ оправдаете вполне мои ожиданія, примѣненіемъ главныхъ началъ, выраженныхъ въ моихъ рескриптахъ, къ мѣстнымъ условіямъ; покончите его, при помощи Божіей, безъ обиды какъ для себя, такъ и для крестьянъ. Для объясненій вашихъ выводовъ, я позволяю вамъ избрать изъ среды себя двухъ депутатовъ, которые должны будутъ, по окончаніи работъ комитета здѣсь на мѣстѣ, прибыть въ Петербургъ, для окончательнаго пересмотра предположеній вашихъ. Надѣюсь, что вы оправдаете мое къ вамъ довѣріе. Еще благодарю васъ, господа, за оказанное вами усердіе въ прошедшую войну, за службу вашу и за ваши жертвованія“.

Я помню, что костромская рѣчь произвела особенно пріятное впечатлѣніе на насъ, защитниковъ освобожденія крестьянъ съ землей.

Въ Нижній-Новгородъ и государь, и императрица пріѣхали 18-го августа и пробыли здѣсь четыре дня. Это было время нижегородской ярмарки. Прошло только три недѣли со времени воспослѣдованія высочайшаго повелѣнія объ уничтоженіи постановленія о выкупѣ, личности неправильно образовавшагося нижегородскаго комитета и объ открытіи его вновь, въ законномъ составѣ, съ удаленіемъ вовсе изъ комитета Пятова. Этотъ случай, какъ я сказалъ, произвелъ страшное волненіе какъ во всей реакціонной партіи, такъ и въ ея предводителяхъ, изъ которыхъ нѣкоторые были вмѣстѣ съ государемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Тамъ же

былъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ А. И. Левшинъ, которъ писалъ мнѣ въ томъ же письмѣ, мѣста изъ котораго я приводилъ уже выше, что онъ, „считаетъ себя счастливымъ, что словесными дипломатическими докладами ему удалось въ государѣ уменьшить предубѣжденіе противъ членовъ нижегородскаго комитета, несправедливо обиженных“. По странно складывающимся у насъ обстоятельствамъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, которому поручено было крестьянское дѣло, является орудіемъ и отголоскомъ враждующей этому дѣлу партіи.

Дипломатическіе ли доклады Левшина или собственныя соображенія самаго Государя, но какъ бы то ни было, онъ въ своей рѣчи въ нижегородскимъ дворянамъ весьма слабо коснулся пререканій, бывшихъ въ нижегородскомъ комитетѣ, и вовсе не упомянулъ о неправильномъ постановленіи о выкупѣ личности, сказавъ только, чтобы они не отступали отъ началъ, изложенныхъ въ рескриптѣ. Но крѣпостная партія желала достигнуть не того. Она желала: получить разрѣшеніе о выкупѣ личности, хотѣла возвращенія Пятова и смѣны губернатора Муравьева. Она достигла только одного, возвращенія въ комитетъ Пятова. Слова Государя въ Нижнемъ-Новгородѣ состояли въ слѣдующемъ:

— „Господа. Я радъ, что могу лично благодарить васъ за усердіе, которымъ нижегородское дворянство всегда отличалось. Гдѣ отечество призывало, тамъ оно было изъ первыхъ. И въ минувшую тяжкую войну, вы откликнулись первыми и поступали добросовѣстно; ополченіе ваше было изъ лучшихъ. И нынѣ благодарю васъ за то, что вы первые отозвались на мой призывъ въ важномъ дѣлѣ улучшенія крестьянскаго быта ¹⁾. Поэтому самому я хотѣлъ васъ отличить и принялъ депутатовъ вашихъ генерала: Шереметева и Потемкина. Я поручилъ имъ благодарить васъ и передать вамъ мои виды и желанія; не сомнѣваюсь, что они это исполнили. Вы знаете цѣль мою,—общее благо; ваше дѣло согласить въ этомъ важномъ дѣлѣ частныя выгоды свои съ общей пользой. Но я слышу съ сожалѣніемъ, что между вами возникли личности, а личности всякое дѣло портятъ; это жаль, устраните ихъ; я

¹⁾ Нижегородскій рескриптъ былъ третій, (первый—Вплескскій, второй—Петербургскій); Государь вѣроятно хотѣлъ сказать: первые изъ внутреннихъ губерній.

надѣюсь на васъ, надѣюсь, что ихъ болѣе не будетъ и тогда общее дѣло это пойдетъ. Я знаю, что вы трудились усердно, что уже многое вами сдѣлано; идите впередъ. Сегодня оканчивается срокъ вашихъ занятій, но знаю, что трудъ вашъ еще не готовъ. Я согласенъ продлить этотъ срокъ до 1-го октября; но къ октябрю вы окончите, въ этомъ я не сомнѣваюсь, не такъ ли господа? Я полагаюсь на васъ, я вѣрю вамъ, вы меня не обманете.... Путь указанъ, не отступайте отъ началъ, изложенныхъ въ моемъ рескриптѣ и въ данной вамъ программѣ. Трудъ вашъ будетъ разсмотрѣнъ въ главномъ комитетѣ, но я дозволилъ вамъ представить его чрезъ двухъ избранныхъ вами членовъ, которымъ вы поручите объяснить выводы свои въ той мѣрѣ, какъ это будетъ согласоваться съ общимъ благомъ. Господа, дѣлайте такъ, чтобъ было бы вамъ хорошо и другимъ не худо; думайте о себѣ, думайте и о другихъ. Я вамъ вѣрю и надѣюсь, что вы оправдаете мое въ вамъ довѣріе. Исполнивъ и окончивъ трудъ этотъ добросовѣстно, вы мнѣ еще разъ докажете вашу любовь и преданность, и то безкорыстное стремленіе свое къ общему благу, которымъ нижегородцы всегда отличались. Считаю себя счастливымъ, что послѣ 21 года послѣдняго моего здѣсь пребыванія, опять нахожусь нынѣ посреди васъ“.

Надо думать, что Государь въ своей рѣчи смягчилъ непріятныя воспоминанія о послѣднемъ времени въ виду той заслуги, которую оказало нижегородское дворянство въ самомъ началѣ крестьянскаго дѣла. Оно первое, безъ всякихъ настояній свыше, отозвалось на призывъ государя къ освобожденію крестьянъ. Заслуга его въ этомъ случаѣ несомнѣнная.

Государь, по докладу Ланскаго, разрѣшилъ напечатать произнесенныя имъ рѣчи въ Твери, Костромѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Слова эти прочитала вся Россія. Вліяніе ихъ было громадное. Государь во всеуслышаніе всей Россіи говорилъ, что крестьянское дѣло близко его сердцу, что онъ убѣжденъ, что дворяне будутъ ему содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ, а не препятствовать; что онъ увѣренъ, что они его не обманутъ и что не будутъ отступать отъ началъ, изложенныхъ въ рескриптахъ.

Въ предводителяхъ реакціонной партіи слова государя должны были сильно поколебать вѣру въ свою силу, въ которую они

такъ крѣпко вѣрили во время работъ по составленію программы и началъ уѣзднаго управленія.

Такимъ образомъ все, что прежде приписывалось докладамъ министра внутреннихъ дѣлъ, вся Россія слышала изъ устъ самаго Государя. Вся Россія узнала, что не вслѣдствіе министерскаго доклада послѣдовали высочайшія повелѣнія объ освобожденіи крестьянъ, а вслѣдствіе предварительныхъ высочайшихъ повелѣній составлялись доклады министра. Предводители крѣпостной партіи должны были окончательно отказаться отъ мысли остановить дѣло; у нихъ хотя и оставалась надежда испортить дѣло, но не въ той уже степени, какъ прежде.

На мысль крѣпостниковъ слова Государя имѣли отрезвляющее дѣйствіе. Они убѣдились, что освобожденіе крестьянъ рѣшено уже окончательно; слѣдовательно, открытое упорное противодѣйствіе невозможно. Изъ этихъ массъ начали выдѣляться люди, хотя въ душѣ не сочувствующіе дѣлу, но честолюбивые, также какъ люди, хотя сочувствующіе, но робкіе. Слова Государя и тѣмъ и другимъ указали дорогу, по которой они должны идти.

Не менѣе важно значеніе государевыхъ рѣчей для защитниковъ освобожденія крестьянъ съ землей, которыхъ крѣпостники всѣми силами старались выставить людьми опасными и причислять къ несуществующему сонму революціонеровъ, съ тѣмъ, чтобы, при малѣйшей съ ихъ стороны неосторожности, устранить отъ дѣла, а если представится возможность, то сослать или посадить въ крѣпость.

Слова Государя подняли упдающій духъ людей истинно либеральныхъ въ крестьянскомъ дѣлѣ. Люди либеральные, но робкіе, и люди, хотя и не либеральные, но честолюбивые, о которыхъ я сейчасъ упомянулъ, примкнули къ защитникамъ освобожденія и тѣмъ увеличили ряды эманципаторовъ. Съ этого времени можно считать начало образованія той партіи, которая помогла Государю совершить предпринятое имъ преобразование.

Изъ Нижняго-Новгорода Государь прибылъ во Владиміръ. Здѣсь было дѣло Кошанскаго, по которому только лишь состоялось высочайшее повелѣніе, такъ неприятно подѣйствовавшее на крѣпостную партію. Государь вспомнилъ это дѣло въ своей рѣчи

къ владимірсимъ дворянамъ, прибавивъ при этомъ: „надѣюсь, что вы оправдаете мое довѣріе, что слова мои не останутся втунѣ“. Слова эти не понравились большинству дворянъ, ни лицамъ, окружающимъ Государя, что способствовало той поднявшейся бурѣ, о которой я рассказалъ выше.

Изъ Владиміра государь и императрица прибыли въ Москву 25-го августа и оставались тамъ до 31-го включительно, слѣдовательно въ Москвѣ праздновались и день коронаціи, и 30-е августа.

На Москву, какъ не разъ упоминалось мной, было обращено вниманіе всей Россіи; отъ нея ожидали обороны дворянскихъ правъ и матеріальныхъ интересовъ. На ея силу надѣялись.

Въ члены тамошняго комитета наше крупное землевладѣніе, защищавшее освобожденіе крестьянъ,—по примѣру Англіи,—безъ земли, выслало такихъ своихъ представителей, каковы были князь А. С. Меншиковъ и графъ С. Г. Строгоновъ. Оба они не могли равнодушно говорить ни объ освобожденіи крестьянъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно предполагалось, ни о лицахъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Этимъ ревностнымъ защитникамъ англійскихъ началъ тогда и въ голову еще не приходило, чтобы дѣло могло разрѣшиться предоставленіемъ крестьянамъ земли въ собственности. Странная судьба нашихъ защитниковъ иностранныхъ порядковъ! Наши аристократы приходили въ негодованіе за то, что Государь не послушался ихъ и не освободилъ крестьянъ на основаніи англійскихъ началъ, а нашъ Государь, во время пребыванія его въ минувшемъ (1874) году въ Лондонѣ, былъ предметомъ самыхъ торжественныхъ и самыхъ популярныхъ овацій именно за то, что онъ освободилъ крестьянъ съ землей.

Московскій комитетъ открывалъ походъ противъ усадебной осѣдлости и въ одномъ изъ своихъ журналовъ постановилъ считать подъ „усадебной осѣдлостію“ однѣ только крестьянскія строенія. Государь принялъ московское дворянство въ послѣдній день пребыванія своего въ Москвѣ. При этомъ приемѣ онъ сказалъ довольно длинную, глубоко прочувствованную и энергическую рѣчь слѣдующаго содержанія:

— „Мнѣ, господа, пріятно, когда я имѣю возможность благодарить дворянство, но противъ совѣсти говорить не въ моемъ ха-

рактёръ. Я всегда говорю правду и, къ сожалѣнiю, благодарить васъ теперь не могу. Вы помните, когда я, два года тому назадъ, въ этой самой комнатѣ говорилъ вамъ о томъ, что рано или поздно надобно приступить къ измѣненiю крѣпостнаго права и что надобно, чтобы оно началось лучше сверху, нежели снизу. Мои слова были перетолкованы. Послѣ того, я объ этомъ долго думалъ, и, помолясь Богу, рѣшился приступить къ дѣлу. Когда вслѣдствiе вызова петербургской и литовскихъ губернiй, даны мной рескрипты, я, признаюсь, ожидалъ, что московское дворянство первое отзовется, но отозвалось нижегородское, а Московская губернiя—не первая, не вторая, даже и не третья. Это мнѣ было прискорбно, потому что я горжусь тѣмъ, что родился въ Москвѣ, всегда ее любилъ, когда былъ наслѣдникомъ, люблю ее теперь, какъ родную. Я далъ вамъ начала и отъ нихъ никакъ не отступлю (здѣсь государь повторилъ главныя основанiя, изложенныя въ рескриптахъ). Я люблю дворянство, считаю его первой опорой престола. Я желаю общаго блага, но не желаю, чтобы оно было бы въ ущербъ вамъ; всегда готовъ стоять за васъ, но вы, для своей же пользы, должны стараться, чтобы вышло благо для крестьянъ. Помните, что на Московскую губернiю смотритъ вся Россiя. Я готовъ всегда сдѣлать для васъ все, что могу, дайте же мнѣ возможность стоять за васъ. Понимаете ли, господа? Я слышалъ, что комитетъ много уже сдѣлалъ, я читалъ извлеченiя изъ его занятiй, многое мнѣ кажется хорошо, одно я замѣтилъ, что написано объ усадьбахъ. Я подъ усадебной осѣдлостiю понимаю не однѣ строенiя, но и всю землю. Еще разъ повторяю, господа, дѣлайте такъ, чтобы я могъ за васъ стоять. Этимъ вы оправдаете мою къ вамъ довѣренность“.

Рѣчь эта, какъ и слѣдовало ожидать, произвела на московскихъ дворянъ сильное впечатлѣнiе. Едва ли не сейчасъ, послѣ этой рѣчи, князь А. С. Меншиковъ и графъ С. Г. Строгоновъ оставили московскiй комитетъ, по крайней мѣрѣ, въ спискѣ членовъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ, приложенномъ къ „Сборнику правительственныхъ распоряженiй по крестьянскому дѣлу“, внесены по Серпуховскому и Клинскому уѣздамъ другiя лица съ отмѣткой: „на мѣсто генераль-адъютантовъ графа Строгонова и князя Менши-

кова". Нѣтъ никакого сомнѣнія, что слова Государя произвели немалое впечатлѣніе и на московскаго генераль-губернатора графа Закревскаго, который, какъ носились слухи, совѣтовалъ московскому дворянству не торопиться представленіемъ адреса. Рѣчь эта была записана безъ всякаго измѣненія, сейчасъ послѣ ея произнесенія, но она долго, мѣсяць или два, не доходила до Петербурга. Вѣроятно графъ Закревскій не желалъ ея гласности¹⁾; но замѣчательно, что министръ внутреннихъ дѣлъ, не получая текста словъ государя ни отъ генераль-губернатора, ни отъ губернатора, получилъ ея отъ одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ той партіи, противъ которой были направлены слова государя—отъ князя А. С. Меншикова. С. С. Ланской, смѣясь, рассказывалъ мнѣ это странное стеченіе обстоятельствъ.

Сейчасъ по полученіи, Ланской переписалъ московскую рѣчь Государя своей рукой на листъ почтовой бумаги и не дождавшись личного доклада (государь жилъ въ это время въ Гатчинѣ), отправилъ къ нему, испрашивая разрѣшенія о напечатаніи въ газетахъ. Государь, сдѣлавъ двѣ или три незначительныя поправки, возвратилъ свою рѣчь министру съ разрѣшеніемъ о напечатаніи. Утвержденный Государемъ списокъ его рѣчи немедленно былъ присланъ ко мнѣ для исполненія послѣдовавшаго разрѣшенія о напечатаніи. Въ этомъ списокѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Государь говорилъ что онъ разумѣетъ подъ усадебной осѣдлостію, было написано: „не однѣ строенія, но и всю землю“, тогда какъ о выкупѣ всей земли не позволялось даже разсуждать. Прочитавъ это, я изумился, но понялъ, что Государь хотѣлъ сказать: и всю „усадебную землю“. Я сію же минуту отправился къ Ланскому изъ города на дачу; объяснилъ ему въ чемъ дѣло, и онъ тутъ же своей рукой сверху строки прибавилъ прилагательное, пропущенное Государемъ.

Изъ этого образчика моей дѣятельности можно видѣть: какъ справедливы столь усердно распространяемыя изъ противнаго лагеря подозрѣнія противъ меня, что будто бы я имѣю затаенную демократическую злобу къ помѣщикамъ и къ дворянству вообще.

¹⁾ И. В. Селивановъ въ своихъ Запискахъ напечаталъ эту рѣчь въ „Русской Старинѣ“ изд. 1831 г. томъ XXX (августъ) стр. 545.

Съ формальной стороны, я былъ бы совершенно правъ: въ моихъ рукахъ былъ текстъ рѣчи, переписанный рукой министра, собственноручно исправленный Государемъ и разрѣшенный имъ къ напечатанію. Можно себѣ представить: какой бы поднялся шумъ, если бы слова Государя показались бы въ томъ видѣ, въ какомъ я ихъ получилъ. Онѣ могли бы дойти и до крестьянъ и могли бы имѣть весьма неблагоприятныя послѣдствія. Слова эти какъ будто были пророческими о томъ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, которое въ настоящее время (въ 1875 г.) почти осуществилось; нынѣ болѣе трехъ четвертей крестьянскаго населенія сдѣлалось собственниками той земли, на которой они жили и которую они воздѣлывали.

Если прежде напечатанныя и прежде прочитанныя всей Россіей слова, сказанныя Государемъ въ Твери, Костромѣ и Нижнемъ-Новгородѣ, имѣли огромное вліяніе на ходъ крестьянскаго дѣла, то московская рѣчь укрѣпила это вліяніе, поразивъ оппозицію въ самомъ ея корнѣ, а главное—отнявъ всякую надежду на успѣхъ попытокъ къ безземельному освобожденію крестьянъ. Сверхъ того, изъ московской рѣчи враги освобожденія увидѣли, что они ведутъ борьбу ни съ Ланскимъ, ни съ демократами-эманципаторами — съ подобными противниками они конечно справились бы; они ясно могли понять, что Государь самъ стоитъ во главѣ начавшагося движенія. Люди благоразумные, оставшись при своихъ отживавшихъ вѣкъ понятіяхъ, признали борьбу съ такимъ противникомъ не по силамъ. Не мало людей послѣдовали примѣру князя Меншикова и графа Строгонова. Остались въ числѣ явно дѣйствовавшихъ лицъ одни только фанатики въ родѣ Безобразовыхъ, Бланковъ, Минина (?), князя Гагарина (воронежскаго), Шидловскаго и другихъ, съ которыми мы встрѣтимся еще не разъ.

Это было вторымъ важнымъ шагомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ: первымъ было устраненіе выкупа личности. До какой степени важно значеніе московской рѣчи, можно видѣть изъ частнаго письма Ю. О. Самарина къ Н. А. Милютину: „Сдѣлайте милость, писалъ Самаринъ до напечатанія рѣчи въ газетахъ, внушите вашему министру, чтобы онъ хотя конфиденціально сообщилъ нашему губернскому предводителю копію съ рѣчи, произнесенной Государемъ въ Москвѣ; они считаютъ ее подложной,

вѣрять всякимъ ложнымъ слухамъ и не хотѣть убѣдиться въ твердомъ намѣреніи правительства“.

Изъ Москвы Государь доѣхалъ вмѣстѣ съ императрицею до Бородина, на поляхъ котораго сооруженъ Тучковой, рожденной Нарыпкиной, въ память убитаго подъ Бородинымъ ея мужа, женскій монастырь. Изъ Бородина Государь отправился одинъ и посетилъ Смоленскъ, Минскъ, Вильну и Ковну.

Въ Смоленскъ онъ прибылъ 2 сентября; при приѣмѣ на другой день онъ обратился къ смоленскимъ дворянамъ съ слѣдующими словами:

— „Мнѣ пріятно, господа, находиться среди васъ и лично благодарить дворянство смоленское за преданность престолу и отечеству, которую оно неоднократно доказывало какъ прежде, такъ и въ 1812 году, и въ послѣднюю войну. Мнѣ пріятно благодарить васъ за готовность, выраженную вами въ крестьянскомъ дѣлѣ. Мои предмѣстники, и въ особенности покойный родитель мой, всегда оказывали вниманіе смоленскому дворянству: вы имѣете документъ его благоволенія къ вамъ, который былъ писанъ за нѣсколько дней до его смерти; можно сказать онъ и на смертномъ одрѣ думалъ о васъ (говоря это, Государь казался разстроганъ и на глазахъ его были слезы). Одна изъ вашихъ дамъ поднесла матери моей образъ для благословенія меня, когда я имѣлъ честь командовать войсками, защищавшими столицу. Этотъ образъ всегда при мнѣ, и служить, такъ сказать, новой связью, которая еще вѣрнѣе соединяетъ меня съ вами. Теперь вы собраны по крестьянскому дѣлу. Это необходимо для благосостоянія вашего, крестьянъ вашихъ и всей Россіи. Займитесь имъ дѣльно и на указанныхъ въ моемъ рескриптѣ началахъ, обдѣляйте это дѣло такъ, чтобы оно было безобидно для васъ и для крестьянъ вашихъ. Я увѣренъ: вы не обманете моихъ ожиданій и оправдаете мою къ вамъ довѣренность“.

Въ рѣчи смоленскому дворянству, Государь видимо хотѣлъ смягчить жесткость, хотя и вполне справедливую, въ обращеніи его къ московскимъ дворянамъ, — на случай, если бы недруги крестьянскаго дѣла, которыхъ было такъ много, стали распространять мнѣніе, что жесткость эта относится не къ однимъ московскимъ, а ко всѣмъ дворянамъ.

Ласковое обращеніе его съ дворянами сѣверо-западныхъ губерній, о чемъ я сейчасъ буду говорить, основывалось на двухъ причинахъ. Во первыхъ, въ то время Государь, и едва ли не всѣ его окружающіе, думали, что наша политика относительно западныхъ губерній должна быть измѣнена, и вмѣсто строгихъ мѣръ прошедшаго царствованія правительство должно руководиться снисходительностію, кротостію и признаніемъ за поляками нѣкоторыхъ національныхъ правъ. Общественное мнѣніе того времени было также за это направленіе. Въ то время никому въ голову не приходило, что въ западныхъ губерніяхъ большинство населенія русское. Во вторыхъ, поляки-помѣщики желали поддержать это направленіе не для того, чтобы дойти до примиренія, а для того, чтобы показать какъ они цѣнятъ слова Государя, что если они прежде возмущались и составляли заговоры, то виной этого были не они, а само правительство. Они не щадили издержекъ на приготовленія къ приѣму Государя; въ числѣ проявленій ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ была великолѣпная охота, устроенная около Вильны. Такова всегдашняя политика поляковъ, такова она и теперь (1875 г.); дай Богъ, чтобы мы вновь не были увлечены обаятельной ея силой во вредъ нашимъ кореннымъ интересамъ и во вредъ народныхъ массъ, преданныхъ правительству.

У меня не сохранилось того, что говорилъ Государь въ Минскѣ, гдѣ онъ былъ 4 и 5 сентября. Въ моей памяти сохранился только одинъ эпизодъ изъ его пребыванія въ Минскѣ. Въ числѣ членовъ минскаго комитета, между прочими, былъ выбранъ русскій помѣщикъ М. И. Пущинъ (впослѣдствіи бобруйскій комендантъ—нынѣ умершій). Государь это замѣтилъ и гдѣ-то, разговаривая съ нимъ однимъ, сказалъ ему, что это дѣлаетъ ему честь. На это Пущинъ отвѣчалъ: „нѣтъ, Государь, они (т. е. помѣщики-поляки) выбрали меня, потому что я былъ декабристомъ“.

Въ Вильнѣ Государь пробылъ 6 и 7 сентября. Собравшимся туда дворянамъ онъ сказалъ:

— „Господа, очень радъ, что лично могу благодарить васъ за живое участіе, которое вы принимали во время послѣдней войны, а равно и за радушіе, оказанное вами моей гвардіи. Но это для васъ не ново. Я самъ былъ свидѣтелемъ въ 1849 году, какъ вы принимали гвардію. Благодарю васъ за сердечный радушный

пріемъ. Весьма радъ видѣть васъ собравшимися здѣсь и быть между вами. Благодарю васъ за участіе, принимаемое вами въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ. Вы первые показали примѣръ и вся имперія за вами послѣдовала. Я увѣренъ, что вы отвѣтите ожиданіямъ правительства и будете всегда и во всемъ помогать мнѣ. Еще разъ благодарю васъ за пріемъ и повторяю, что мнѣ пріятно видѣть себя окруженнымъ вами. Я надѣюсь на васъ“.

Изъ Ковны, куда Государь пріѣхалъ 8 и выѣхалъ 9 сентября, ко мнѣ писалъ о пребываніи тамъ Государя ковенскій губернаторъ Хоминскій (съ 1862 г. до сихъ поръ, т. е. до 1875, вологодскій), полякъ—виленскій помѣщикъ,—назначенный губернаторомъ по господствовавшему тогда неправильному мнѣнію, что въ губерніи западныя и въ Царство Польское слѣдуетъ назначать губернаторами преданныхъ правительству поляковъ. Хоминскій дѣйствительно и можетъ быть искренно былъ преданъ правительству; но онъ не могъ оставаться преданнымъ среди поляковъ помѣщиковъ и самъ просилъ о переводѣ. Вскорѣ послѣ отъѣзда государя Хоминскій сообщилъ мнѣ: „здѣшній комитетъ послѣ отказа по первому предложенію (комитетъ просилъ о выкупѣ части земельнаго надѣла) опустилъ руки и упалъ духомъ, но пребываніе Государя всѣхъ оживило и какъ ни противна всѣмъ усадьба, члены комитета и дворянство тронуты до глубины души ласковымъ пріемомъ Государя, исполняютъ его волю и дѣло подвигается. Въ особенности нынѣ съ утра до вечера члены толкуютъ и пишутъ и къ 15-му будущаго ноября окончатъ, вѣжеться, навѣрно“.

Резюмируя въ краткихъ словахъ послѣдствія путешествія Государя по губерніямъ, нельзя не замѣтить, что послѣдствія эти были благопріятны для крестьянскаго дѣла въ тройномъ отношеніи. Во первыхъ, дѣло выиграно по существу безповоротнымъ рѣшеніемъ о невыкупѣ личности и о томъ, что слѣдуетъ считать усадебной осѣдлостію; такое рѣшеніе значительно подвинуло дѣло о выкупѣ не одной усадебной земли, но и всѣхъ вообще угодій. Во вторыхъ, число защитниковъ освобожденія увеличилось, и противная партія ослабѣла какъ потому, что число лицъ, принадлежавшихъ къ ней, уменьшилось, такъ и потому, что тѣ, которые остались: или уклонялись выходить на сцену, или хотя

и дѣйствовали, но безъ вѣры на успѣхъ. Энергія оставалась за одними только фанатиками, но и тѣ должны были значительно умѣрить свои требованія. Въ третьихъ, поѣздка Государя произвела на него самое благопріятное для крестьянскаго дѣла вліяніе. Онъ не могъ не убѣдиться, что дворянская оппозиція не такъ сильна и упорна, какъ ее старались ему представить; что среди дворянства есть горячіе поборники освобожденія, и что наконецъ преданность массъ къ нему и благодарность какъ къ Царю-Освободителю не имѣетъ предѣловъ. Очевидцы путешествія Государя рассказывали, что энтузіазмъ народа, при видѣ Государя, былъ громадный повсемѣстно.

Проявленіе укрѣпившагося въ Государѣ направленія въ крестьянскомъ дѣлѣ не заставило себя дожидаться.

Единственнымъ сочувствующимъ дѣлу непосредственнымъ сотрудникомъ государя въ то время былъ С. С. Ланской; по его личнымъ докладамъ разрѣшились дѣла нижегородское и владимірское; онъ же докладывалъ Государю въ Москвѣ о работахъ московскаго комитета и о неправильномъ толкованіи понятія объ усадебной осѣдлости. Незадолго до втораго отъѣзда Государя изъ Петербурга, Ланской едва не потерялъ свое министерское мѣсто по вопросу объ учрежденіи временныхъ генераль-губернаторствъ; по возвращеніи же Государя изъ путешествія, при первомъ свиданіи его съ Ланскимъ, Государь сказалъ Ланскому:

— „Мы съ вами начали крестьянское дѣло и пойдемъ до конца рука объ руку“.

Это передавалъ мнѣ самъ Сергѣй Степановичъ, возвратившись отъ Государя въ самомъ счастливомъ расположеніи духа ¹⁾.

Я. А. Соловьевъ.

¹⁾ Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Повсемѣстное открытіе губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу было явленіемъ у насъ до тѣхъ поръ небывалымъ. Дворянскія собранія занимались только выборами, которые не требовали словесныхъ обсужденій; другіе предметы занятій этихъ собраній составляли незначительныя исключенія и касались только нуждъ мѣстнаго дворянства. Съ открытіемъ губернскихъ комитетовъ въ первый разъ на обсужденіе выбранныхъ коллегіальныхъ собраній передавался вопросъ государственной важности. Надо было учиться говорить, учиться молчать и слушать, когда другіе говорили; надо было защищать свое собственное мнѣніе, доказывая его, а не требуя безпремѣннаго (?) принятія; надо было, опровергая

чужія мнѣнія, не оскорблять нагласно самолюбій и протівупоставлять чужимъ мыслямъ свои собственные, ясно выраженные; нельзя было не помнить, что защищая свѣ и собственные права на свободу выраженія мнѣній, слѣдовало уважать тѣ же самыя права другихъ; наконецъ, необходимо было учиться письменно излагать свои мнѣнія. Все это для Россіи, до тѣхъ поръ не говорящей и не пишущей, трудно было усвоить при первомъ приступѣ къ работѣ по такому дѣлу, которое затрогивало матеріальные интересы, разрушало вѣковыя преданія и привычки, уничтожало политическія права того самаго сословія, представителямъ котораго столь жгучій вопросъ отданъ былъ на обсужденіе. При такомъ положеніи дѣла страсти не могли не разыграться; а при неопытности членовъ, при неумѣнн руководить дебатами со стороны предсѣдателей, губернскихъ предводителей дворянства, избравшихся въ эту должность не по уму, не по способностямъ, очень часто единственно по ихъ недостаточному состоянію, и при недостаткѣ писаннаго и еще важнѣе обычнаго укоренившагося времени регламента засѣданій.—выступившія наружу страсти и самолюбіе не встрѣчали для себя ни препонъ къ крайнему ихъ проявленію, ни началъ, направляющихъ ихъ къ цѣли скорѣйшаго разрѣшенія я заданной задачи.

Выше я подробно указала какъ послѣдовательность представленія адресовъ, такъ и открытія губернскихъ комитетовъ. Изъ приведенныхъ мной свѣдѣній видно, что въ первую половину 1858 г. было открыто 8 комитетовъ, а во вторую 35, въ томъ числѣ одна общая коммисія; затѣмъ въ первые мѣсяцы слѣдующаго года (до 19 апрѣля) открыли свои дѣйствія остальные 5 комитетовъ, въ томъ числѣ одна общая коммисія. Поэтому вторая половина 1858 года и начало 1859 года отличались особенной почти повсемѣстной дѣятельностію по крестьянскому дѣлу въ губерніяхъ. Въ 48 губернскихъ комитетахъ и коммисіяхъ участвовали до 1377 человекъ. Немудрено, что при такомъ многолюдствѣ, при разнообразіи умственныхъ и нравственныхъ качествъ, при разной степени образованія, при неодинаковомъ общественномъ положеніи и при возбуждающемъ страсти самомъ свойствѣ дѣла, пререканія, столкновенія и недоразумѣнія были неизбѣжны.

Съ легкой руки нижегородскаго комитета, пререканія, болѣе или менѣе серьезныя, обнаружились въ комитетахъ: казанскомъ, симбирскомъ, самарскомъ, саратовскомъ, тамбовскомъ, рязанскомъ, тульскомъ, калужскомъ и другихъ. Возникшія въ комитетахъ пререканія стали переходить въ тѣ дворянскія собранія⁴, очередной срокъ созыва. . .

Я. А. Соловьевъ.

КНЯЗЬ А. Н. ГОЛИЦЫНЪ И АРХИМАНДРИТЪ ФОТІЙ

въ 1822—1825 гг. ¹⁾.

XXII ²⁾.

1-го января. С. Петербургъ.

Долгомъ сердца моего считаю, высокопреподобнѣйшій отецъ Фотій, въ первый день года просить благословенія вашего.

Я молю Господа да продолжитъ онъ жизнь вашу для пользы церкви и душъ ищущихъ спасенія; а себѣ же продолженіе вашего расположенія ко мнѣ, въ которомъ не сомнѣваюсь. Христосъ посреди насъ есть и будетъ,—слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ. Поручаю себя молитвамъ вашимъ, емь навсегда преданный сердцемъ къ вамъ князь Александръ Голицынъ.

XXIII ³⁾.

9 генваря. С. Петербургъ.

Написалъ къ вамъ, высокопреподобный отецъ Фотій, поздравленіе, имѣлъ радость послѣ получить и отъ васъ письмо съ благословеніемъ на новое лѣто, съ желаніями для моего прохожденія въ отечество наше небесное. Да приведетъ Господь меня къ сему тихому пристанищу во время имъ назначенное, ибо помня часъ смертный по вашему указанію, хотя иногда и хотѣлось бы отойти ко Господу, но помышляя какъ туда надобно придти и какую одежду имѣть, чтобъ быть приняту на брачный пиръ агнца; тогда предавалъ (себя) совершенно въ волю Божию и надѣясь на Спасителя, который столь ко мнѣ милосердъ,—что вѣрно спасетъ меня и сердце (чистое)

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ изд. 1882 г., т. XXXIII, мартъ, стр. 765—780; т. XXXIV, апрѣль, стр. 205—220.

²⁾ Въ 1-й рук. № 19.

³⁾ Въ 1-й рукоп. № 20.

созидеть во мнѣ и Духомъ святымъ обновить меня во время благопотребно,—надѣюсь на молитвы Пречистой Богородицы и всѣхъ святыхъ и безплотныхъ силъ, представительство Ангела моего Хранителя въ теченіи жизни моей и въ часъ смерти, что Господь не возьметъ прежде чѣмъ не спасетъ, надѣясь и на молитвы ваши и прошу еще молиться за меня, чтобъ Господь меня взялъ, когда готово сердце мое принять будетъ Господа и облечься въ него въ ризу спасенія,—еслии то будетъ сегодня, то я желаю умереть, еслии 50 лѣтъ не будетъ, то готовъ ждать онаго 50 лѣтъ; хотя 50 лѣтъ жить еще было бы мнѣ тягостно по теперешнему состоянію души моей. Услыши Господи желанія ваши для меня на новый годъ, хотя бы половину того исполнить Богъ привелъ, радъ бы я былъ; я охотно вамъ пишу о происшествіяхъ благочестивыхъ, здѣсь случающихся. За день до новаго года скончалась въ Петербургѣ штатсъ-дама Нарышкина Марія Алексѣевна, жена Александра Львовича; смерть ея была примѣчательна. Въ семь домѣ о смерти и поминать не смѣли—богатство, пышность и роскошь всякаго рода царствовала—усопшая занемогла еще въ августѣ мѣсяцѣ и предузнавъ, что болѣзнь ея къ смерти, 23-го сентября написала объ ономъ и оное (писаніе) распечатано по ея смерти; бывъ всегда не терпѣлива, переносила съ терпѣвіемъ сію болѣзнь, которая наконецъ сдѣлалась мучительна, но со страданіями Господь послалъ ей такое терпѣвіе, что всѣ окружающіе ее не узнавали; наконецъ въ послѣдніе дни ея жизни исповѣдывалась она предъ священникомъ, такъ что онъ вышелъ отъ нее весь въ слезахъ сказавъ, что онъ не видывалъ такого покаянія и по причащеніи она безпрестанно говорила о ничтожности здѣшней жизни и о блаженствѣ, съ которымъ она идетъ въ вѣчность, однимъ словомъ, куда она была въ памяти ничего болѣе не дѣлала, какъ молилась, проповѣдывала окружающимъ ея постель: мужу, дѣтямъ, роднымъ, также и слугамъ своимъ какъ угождать Богу должно; всѣхъ благословила и каждому отрывала свои къ нему внутреннія расположенія, прося и прощенія. Сія кончина многихъ удивила, ибо по ея знатности и дворъ и весь Петербургъ могъ узнать, что перемѣна такая въ ней сдѣлалась, и я слышалъ отъ многихъ, что нѣсколько обратились на помышленіе о своемъ спасеніи.

Государя мы ждемъ скоро, я отъ него получилъ письмо отъ 25-го декабря, а 1-го января онъ долженъ быть въ Варшаву. Онъ, слава Богу, здоровъ и сюда будетъ къ половинѣ нынѣшняго мѣсяца. Да благословитъ Господь его пріѣздъ сюда, помолитесь за всѣ его начинанія для блага общаго.

Получилъ я письмо отъ чады вашей духовной; она охотно приняла мое братство и благодарила очень за списанное мною письмо ваше ко мнѣ о смерти. Совѣстится, что меня сіе затруднило и просить, что тѣ письма, конхъ вы хотите, чтобъ я далъ ей списокъ, чтобъ ей посылать въ оригиналъ,

а что она сама спишетъ и возвратитъ мнѣ оригиналъ. Какъ вы думаете, такъ я и сдѣлаю, ибо теперь надобно къ ней или послать, или списать о волѣ Божіей, которое вы хотѣли, чтобъ она имѣла копию. Я буду ждать по сему обстоятельству вашего отвѣта. Въ разсужденіи сна вашего съ 17-го на 18-ое число мнѣ оный примѣчательнъ. ибо когда я вамъ писалъ о моемъ чувствѣ, котораго сей сонъ есть послѣдствіемъ,—то чувство сіе пришло мнѣ въ сердце, когда совершенно въ него олубился и былъ въ молитвѣ молчанія. Я ни о чемъ не думалъ, а весь былъ собранъ въ себя, вдругъ чувствую: отецъ Фотій или чтобъ вѣрнѣе сказать: Фотій умѣетъ по гречески, я такъ далеко былъ отъ сей мысли въ ту минуту, какъ и отъ всего,—я видѣлъ себя, яко грѣшникъ предстоящій предъ Спасителемъ, хотя милосерднымъ, но и правосуднымъ судьбою.

Теперь вы видите, что въ Синодѣ вамъ дѣлается чрезъ архіереевъ тоже испытаніе, которое и азъ грѣшный вамъ сдѣлалъ, и можетъ быть я въ отношеніи къ вамъ былъ какъ ослица пророчествовавшая, но у Господа всякій можетъ быть орудіемъ и камни заговорятъ. коли твари умолкнутъ. Въ семъ происшествіи я вспомнилъ, что въ писаніи священномъ сказано о Пресвятой Богородицѣ, что она видя исполненіе пророчествъ древнихъ о ней и Мессіи, отъ нея рождемся, слагала всѣ происшествія и глаголы въ сердцѣ своемъ пречистомъ и ожидала воли Божіей; то я осмѣливаюсь и къ вамъ приложить оное. Слагайте преподобнѣйшій отецъ все сіе въ сердцѣ вашемъ и Господь развьетъ все въ свое время и укажетъ вамъ волю Свою, которая да будетъ препрославлена во вѣки вѣковъ. Аминь.

За симъ поручая себя святымъ вашимъ молитвамъ и испрашивая благословенія пребуду навсегда преданнымъ сердечно слугою князь Александръ Голицынъ.

XXIV ¹⁾.

16 Генваря. С. Петербургъ.

Высокопреподобный отче Фотіе. Благодарю васъ сердечно за присланное слово, произнесенное въ день Богоявленія Господня; вы спрашиваете какъ оно мнѣ покажется, я думаю, что отвѣтъ вы должны знать напередъ, ибо увѣрены сколько я люблю читать и слушать ваше проповѣданіе и вкушать хлѣбцы ваши духовные. Письма ваши всѣ для меня суть хлѣбомъ духовнымъ и пищею сытною для духа и души моей, и аппетитъ къ сей пицци не только не проходитъ, но всякій разъ по принятіи оной и по подтвержденіи ея получаю опять гладъ къ ней и жажду къ источнику жизни, ко-

¹⁾ Въ 1-й бук. № 21.

торый почерпаете вы столь глубоко, что нельзя не просить васъ, ибо почерпала у меня еще нѣтъ такого, какъ у васъ и сила нѣтъ тянуть изъ кладезя воду, а пить ее хочется. Надѣясь, что пивши оную почаше Господь пошлетъ силу побольше и неключимость моя излѣчится. О коль сладко и нужно брашно и питіе духовное, а мы все ищемъ питать себя міромъ и плотью, и кровь свою утучнять: Господи, избави меня отъ суеты человѣческія и подаждь мнѣ помощь, да спасуся. Надѣюсь, люблю и прошу всѣхъ молитвенниковъ да мнѣ помогутъ.

Какое письмо ваше отъ 31-го декабря!!! Какія желанія, и какія благословенія и какія предостереженія вы мнѣ посылаете для Новаго года и какъ пламенно писано сіе письмо, какое желаніе и пареніе ваше къ лѣту Христову вѣчному. Вы пишете между прочимъ, чтобъ блюсти змія, который ищетъ уязвить въ пятю; точно, ваша правда, что недоволюсь блюдусь, но не отъ самонадѣянія, а истинно въ надеждѣ на Ангела моего Хранителя и на самаго Господа нашего Спасителя Иисуса Христа. Но буду Его-же молить, чтобъ далъ мнѣ опасенія больше въ сіи времена столь обманчивыя, и гдѣ сатана, кажется, дѣлаетъ послѣднія усилія, чтобъ сохранить свои вліянія надъ людьми; сатана старъ сталъ и ухищренія его чась отъ часу тоньше, но Господь милостивъ и правосуденъ, побѣдитъ его и воцарится на вѣки. Дай-то Господи, что хотя бы зародышъ во мнѣ былъ вѣры; когда Онъ придетъ, чтобъ не быть отвергнуту; хочется спастись. Поручая себя молитвамъ вашимъ и прося благословенія; навсегда пребуду вамъ преданный сердцемъ вашего высокопреподобія покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

P. S. Государя мы ждемъ послѣ-завтра, но наугадъ, ибо онъ не писалъ, когда будетъ; помолитесь о его пріѣздѣ, да будетъ онъ благословенъ и да грядетъ во имя Господне и да благословитъ онъ Господа и да прославить имя Его въ царствѣ своемъ.

XXV ¹⁾.

23 Генваря. С. Петербургъ

Высокопреподобный отецъ Фотій. Писаніе ваше отъ 14 января имѣлъ удовольствіе получить, въ коемъ пишете мнѣ о старцѣ Зосимѣ, я его знаю и онъ меня любитъ. Въ первый разъ, что онъ со мной познакомился, желалъ онъ въ моей домашней церкви предъ престоломъ обѣщать мнѣ любовь и союзъ. Онъ человѣкъ очень любовный ко Господу и потому и къ ближнему; постараюсь не задержать его, но когда дѣло идетъ о имѣніи и деньгахъ, то не отъ меня одного зависитъ: вопервыхъ, отъ доклада государю, потомъ велятъ сноситься съ министромъ финансовъ, который не скоро

¹⁾ Въ 1-й рукоп. № 22.

отвѣчаетъ, особливо о деньгахъ,—итакъ съ моей стороны будьте увѣрены, что я съ помощію Божіей буду все дѣлать, чтобы скорѣе его отправить. Со старцемъ Василіскомъ я знакомъ черезъ Зосиму, онъ за меня молится и всегда обо мнѣ помнитъ. Слава Господу Богу, что вы знаете въ мірѣ рабовъ Божіихъ, о! да умножатся они, и ежели бы возможно, чтобы всѣ пожелали рабами быть такого великаго Господа, каковъ есть нашъ Господь, куда какъ-бы счастливы были всѣ, но счастья такого общаго видно надобно не на сей землѣ искать, а на земли новой и подъ небомъ новымъ—только бы способнымъ сдѣлаться къ оному.

Въ числѣ архипастырей въ семъ самомъ писаніи вы поименовываετε тѣхъ же самыхъ, о коихъ прежде писали мнѣ записочку, я желаю спросить васъ о Евгеніи Кіевскомъ ¹⁾, знаете ли вы его лично или по чьимъ словамъ? Я вамъ откровенно скажу, что я въ немъ нахожу какую-то холдность къ пастыѣ его, когда онъ былъ въ другихъ епархіяхъ,—я говорю о душахъ и о спасеніи вѣрнной паствы; потому всѣ ученые свѣтскіе его очень любятъ и въ его здѣсь пребываніе безпрестанно онъ съ ними былъ, а нѣкоторые изъ нихъ вольнодумцы. Самъ его я видѣлъ не часто, хотя я съ своей стороны и былъ у него и нѣсколько разъ; видѣ его находилъ почтеннымъ, въ разговорахъ основателемъ, а говорилъ болѣе объ устройствѣ и экономіи епаршеской, но не распространялся со мною о духовныхъ матеріяхъ и былъ со мною генерально скрытенъ. Въ Кіевѣ теперь онъ дѣйствуетъ хорошо въ отношеніи приведенія въ порядокъ разстройства лавры, которая при Серапионѣ ²⁾ была въ жалкомъ положеніи. Вотъ я вамъ сказалъ, что мнѣ въ немъ казалось; я бы желалъ знать коротко ли вы его знаете и ежели имѣете вѣрныя объ немъ свѣдѣнія, я очень радъ буду ошибиться, ибо я много не желаю, какъ отыскивать людей для служенія церкви Господней. Ничего нѣтъ сего важнѣе, что хочешь устройвай и пиши, ежели нѣтъ исполнителей боящихся Бога и любящихъ Его, ничего добра не будетъ.

Получилъ картины и прошу васъ узнать, ежели можно, откуда онѣ, въ Новгородѣ ли напечатаны, или присланы откуда. Цензура гражданская должна и за печатными картинами смотрѣть, но она не разумѣетъ, что противно св. писанію нарисовано. Впрочемъ я вамъ скажу какъ сіе дѣлается, иногда могутъ быть и умыслы невѣрующихъ, но въ примѣръ я возьму изображеніе тайной вечери. Оригиналъ сей картины, кажется, въ Миланѣ славнымъ живописцемъ написанъ на стѣнѣ въ одномъ Римскаго исповѣда-

¹⁾ Знаменитый ученый іерархъ Евгеній Болховитиновъ, въ то время Кіевскій митрополитъ.

²⁾ Предшественникъ Евгенія по Кіевской митрополіи (1803—1822), по фамиліи Александровскій.

нѣя монастырѣ, съ сѣй картины и списывали и печатали, какъ произведе-
ніе славнаго художника и не смотрѣли на несогласность изображенія со
священнымъ писаніемъ и я видѣлъ сіе изображеніе списанное во многихъ
нашихъ церквахъ и въ разныхъ домахъ и сіе изображеніе не нынѣшняго
времени, а очень давнишнее. Я понимаю, что для васъ, яко живочувствую-
щему святыню Господню, ничто не можетъ быть равнодушно, что не въ
истинѣ; но въ мірѣ такъ отделились отъ истины, что сего не чувствуютъ
и остановить сего трудно, ибо тотчасъ скажутъ, что правительство нѣсколь-
ко сотъ лѣтъ терпѣло сіи картины и даже есть въ церквахъ, то какое пра-
во я имѣю сіе запретить.

Я видѣлъ въ сѣй картинѣ все, что на столѣ изображено вы помарали,
ибо тутъ именно того нѣтъ, что необходимо нужно для тайной вечери—хлѣ-
ба и чаши, а поставлено все то, что къ ней не принадлежитъ, а принад-
лежитъ къ ужину, послѣ котораго тайна началась.

Ревность дома Господня снѣдаетъ васъ, преподобный, и она конечно
производитъ и произведетъ плоды.

Государь пріѣхалъ 21-го числа сего мѣсяца, слава Богу въ вождедѣн-
номъ здравіи и я нашелъ его ко мнѣ не премѣнившимся, милостивъ и лю-
безенъ. Я видѣлъ его въ минуту его пріѣзда во дворецъ и при встрѣчѣ,
когда онъ меня цаловалъ, я противъ своего обыкновенія, чтобъ спросить о
здоровьѣ, или тому подобное сказалъ ему: «да благословить Господь при-
шествіе ваше», итакъ какъ я недолго съ нимъ могъ быть, то и не успѣлъ
еще привѣтствіе ваше ему сказать, но при первомъ случаѣ, ежели Господу
то угодно будетъ.

Митрополитъ Серафимъ вчера, т. е. на другой день пріѣзда госу-
дарева у него былъ послѣ обѣда, но я еще не видалъ митрополита; а о
вашемъ монастырѣ попечемся при помощи Божіей съ владыкою и надѣюсь,
что Господь благословитъ.

Хочу я спросить у васъ объ одномъ дѣлѣ, ежели вы объ ономъ неиз-
вѣстны, то, какъ членъ консисторіи Новгородской, можете справиться: не
было-ли тамъ дѣла о тѣлѣ Корнилія Шаганскаго, бывшаго келейни-
комъ у Святаго Александра Свирскаго, моего патрона; сказываютъ,
что его гробъ запечатанъ въ лодейнопольскомъ уѣздѣ, а отъ него были чу-
деса. Впрочемъ, ежели правда, что запечатанъ, то, конечно, было какое
нибудь слѣдствіе и производство по консисторіи.

Прощайте, благословите и помолитесь, да Христось посреди насъ здѣсь,
какъ Онъ между вами и мною во вѣки вѣковъ. Аминь.

Вашего высокопреподобія покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга князь
Александръ Голицынъ.

P. S. Вы знайте и впередъ, что я безтолковъ, когда надобно отгадать
и я не знаю отчего считалъ, что вы писали про мужчину,—а женщина сія,

о которой пишете, никогда не могла быть со мною въ гармоніи; я чувствовалъ какую-то къ ней сухость, а притомъ и рѣзкость ея мнѣ была не къ сердцу—я не находилъ въ ней любви, которая единственно меня притягиваетъ; мое сердце столь долго было холодно, ибо я себя единственно любилъ, хотя и теперь еще много, но Спаситель искру зажегъ, пронзилъ меня къ нему любовію и прошу Его и всѣхъ о мнѣ молящихся, чтобы любовь моя была къ Нему пламенная и вѣра живая, а надежда несомнѣнная.

Вы просите, вы молитесь мнѣ сего у Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа царя нашего премилосерднаго,—да святится Имя Его во вѣки вѣковъ. Аминь.

XXVI ¹⁾.

26 Января.

Высокопреподобный отецъ Фотій. Желая содѣйствовать къ улучшенію дохода вашей обители я вчера говорилъ съ преосвященнымъ митрополитомъ Серафимомъ, какимъ образомъ лучше къ сему приступить. Онъ велѣлъ мнѣ къ вамъ написать, чтобы вы къ нему отнеслись формально, изяснивъ нужды монастыря столь знатнаго, не имѣющаго угодія и прочее, и просите его о помощи; такъ какъ мельницъ и рыбныхъ ловель въ Новгородской губерніи получить невозможно, просите ежегоднаго вспоможенія денежнаго, тогда митрополитъ ко мнѣ напишетъ, а я доложу государю и ежели Господу угодно будетъ, то земной царь не откажетъ. Желаю хотя крайнимъ и послѣднимъ быть орудіемъ для спокойствія будущаго братіи обители вашей.

Митрополитъ былъ у государя на другой день его пріѣзда, очень доволенъ былъ пріемомъ его величества; я былъ тому радъ, ибо истинно уважаю добрую душу нашего архипастыря; мнѣ кажется и онъ продолжаетъ ко мнѣ быть благорасположеннымъ. Чадо ваше духовное, а моя сестра о Господѣ писала ко мнѣ и довольна была получа копію моею рукою писанную вашего ко мнѣ писанія о смерти, только желаетъ, чтобы вамъ Богъ продлилъ жизнь и чтобы смерть васъ не касалась,—и я присовокуплю: развѣ не довольно того, что вы умираете всякій день разными образы; въ сей смерти вы найдете жизнь и сообщите, ежели Господу угодно и другимъ по мѣрѣ и возможности принимающихъ.

Вы мнѣ еще не отвѣчали: можно ли мнѣ посылать оригинальныя ваши письма къ графинѣ Орловой съ тѣмъ, чтобы она, списавъ, мнѣ возвращала и то только тѣ, которыя вы напишете, что ей можно послать? Напримѣръ, письмо, начинающееся: «Святая святыхъ», писанное предъ моимъ

¹⁾ Въ 1-й рукоп. № 23.

причащеніемъ, оно не велико, ежели позволите, я бы могъ его и списать для нее—удивительное сіе писаніе и меня оно восхитило. Оканчивая мое письмо, хочу вамъ сказать, что у меня сдѣлалось какое-то особенное чувство къ моему Ангелу Хранителю, и именно отъ словъ священнаго писанія, гдѣ сказано, что Ангели хранители дѣтей видятъ выну лице Божіе. Сіи слова только разъ мнѣ читанныя, вдругъ меня потрясли, я подумалъ о себѣ какъ я далекъ отъ того, чтобъ быть предъ Господомъ какъ дѣтя и какъ, и сколько я своего Ангела Хранителя преогорчаю; итакъ я сталъ его просить, чтобъ онъ меня простилъ и чтобъ помогъ мнѣ спастись и быть чище сердцемъ, приблизилъ меня къ дѣтскому состоянію, такъ онъ мнѣ милъ сталъ, я вообразилъ: какая его красота должна быть, чистота и атмосфера моя должна быть ему противна, ибо нечиста. Я вамъ пишу то, что во мнѣ происходитъ, простите мнѣ и благословите благословеніемъ Господнимъ, да спасусь и да исполню Его святую волю вашего высокопреподобія преданный сердцемъ Александръ Голицынъ.

Я вамъ пишу не дождавшись почты, ежели что отъ васъ получу, то на будущей почтѣ буду отвѣчать.

XXVІІ').

2 Февраля. С. Петербургъ.

Высокопреподобне отче Фотіе! Да подерѣпитъ васъ Господь во всѣхъ испытаніяхъ, кои вы прошли съ 21 января, и по письму вашему послѣднему вижу, что истинно подерѣпляетъ сильною Своею мышцею: не смѣю изслѣдовать въ премудрости Божіей для конхъ причинъ съ вами послѣдовали таковыя потери, но въ томъ я увѣренъ, что Господь васъ любитъ и что все сіе происшествіе для человѣчества можетъ и вашего тяжелое, а для любящихъ васъ и очень трогающія поведутъ васъ къ какому нибудь высшему воспитанію. Господь богатъ въ милостяхъ Своихъ и пошлетъ вамъ сторицею. Жертва потери отца вознаградится Отцемъ Небеснымъ и ежели захочетъ Онъ, то конечно можетъ сказать вамъ тѣмъ способомъ, коимъ Онъ одинъ знаетъ: сыне мой. Всѣмъ позволилъ онъ призывать Его въ молитвѣ: Отче нашъ, но рѣдкимъ можетъ онъ отвѣтствовать на оную: сыне мой... Сего счастья желаетъ вамъ любящее васъ мое сердце. Да усладитъ Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ всю горечь, которую врагъ хотѣлъ вамъ дать вкусить, но не успѣлъ—я не удивляюсь его столь сильному на васъ наступленію и помню какъ рѣчи ваши въ столицѣ, такъ и въ писаніи.

') Въ 1-й рукоп. № 24.

Видно въ вашей внутренней крѣпости часовне не дреманымъ окошъ стоять на стражѣ, что врагъ дѣлаеть нападенія на наружное достояніе. Для меня примѣчательно постепенныя извѣстія о бѣдахъ, кои къ вамъ приходили и подобились испытаніямъ Іова,—я не знаю извѣстны ли вы, что въ тотъ день, какъ съ вами все сіе происходило, т. е. 21 января государь возвратился и сего числа прибылъ въ зимній дворецъ около полудня и кажется ровно въ 12 часовъ. Какъ мнѣ удостовѣрительно, что вы въ мирѣ! когда вы мнѣ препосылаете оной чрезъ послѣднее писаніе ваше и какъ любовно и разнообразно мнѣ оной желаете. Да сохранитъ Господь сей миръ во мнѣ и съ вами и со всеми любящими Господа благословеніемъ и молитвами вашими.

Увѣдомьте меня каково здоровье ваше, не простудились ли вы, такъ какъ все сіе время холодно, а немного простудился и кашляю.

Поручая себя молитвамъ вашимъ и испрашивая благословенія есмь вашему высокопреподобію преданный всеиъ сердцемъ во Господѣ слуга князь Александръ Голицынъ.

Р. С. Поздравляю васъ съ сегодняшнимъ праздникомъ; вѣрно вы совершаете божественную литургію, и меня надѣюсь не забудете.

XXVIII ¹⁾.

С. Петербургъ. 2 Марта.

Высокопреподобный отче Фотіе! давно не наслаждался я чтеніемъ вашего писанія; надѣюсь можетъ быть съ сегодняшнею почтою получу; но увѣренъ будучи, что вы уже въ Юрьевѣ, спѣшу начать нашу переписку столь для меня назидательную и по сердцу моему необходимую; желаю очень знать нѣсколько о вашемъ путешествіи и какъ здоровье ваше послѣ дороги, думаю, трудной и испорченной погодой. Я по милости Божіей слава Богу здоровъ и готовлюсь первую недѣлю поста говѣть; на дѣло сіе прошу молитвъ вашихъ и благословенія, чтобъ Господь сподобилъ меня не осужденно причаститься Божественнаго тѣла и крови Его Святой,—да оживлюсь и предамся всеиъ Его воли. Хочется спастись, а худо подвигаюсь впередъ,—путь далекъ для неключимыхъ рабовъ. Прибѣгаю къ вамъ, да молитвы ваши послужатъ мнѣ крыльями перелетѣть то, что лѣнюсь пройти путемъ. Сегодня канунъ важному для меня дню: годъ минетъ завтра, что я тонулъ на Невѣ, ежели помните, я вамъ рассказывалъ, что ледъ проломлялся два раза подо мной и уже по поясъ былъ въ водѣ. Ежели живъ буду завтра, то намѣренъ въ своей церкви отслужить божественную литургію и отпѣть

¹⁾ Въ 1-й рукоп. № 25.

молебень благодарный Спасителю и поблагодарить моего Ангела Хранителя. Не помню писалъ ли къ вамъ о чувствѣ, которое я имѣлъ къ Ангелу Хранителю, ежели нѣтъ, то напишите и я вамъ на первой почтѣ сообщу; для меня примѣчательно.

Поручаю еще себя молитвамъ вашимъ, а особливо въ субботу первой недѣли поста часовъ въ 9-ть утра, пребывая съ чувствами, кои вамъ извѣстны. Преданный слуга князь Александръ Голицынъ.

XXIX ¹⁾.

С. Петербургъ. 6 Марта.

Высокопреподобный отче Фотіе! изъ письма вашего видѣлъ, что и въ Москвѣ любовь ваша ко мнѣ не оставалась въ бездѣйствіи; за все сіе воздаю Господу нашему Иисусу Христу, ибо Онъ въ васъ меня любитъ и любить прямо Божески изъ милосердія, потому что я невольный рабъ и великій грѣшникъ. Сколько Онъ долготерпѣливъ и многомилостивъ съ тѣхъ поръ, какъ Онъ меня призываетъ, давно бы я долженъ бѣжать, летѣть къ Нему, а я ползу и не знаю подвигаюсь ли. На Него надѣюсь—Ему вѣрю, Его люблю не столько сколько желаю, но молюсь и ожидаю.

Чудное писаніе ваше послѣднее изъ Юрьева: вы мнѣ велите прочесть писаніе ваше отъ 24 сентября, удивило меня какъ вы помните, что тогда писано, ибо пишете не перечитывая. Конечно Господь вамъ сіе указалъ и подлинно чудесно, какое сновидѣніе въ ономъ писано. Когда я получилъ сіе письмо, я что-то принялъ оное въ духовномъ все смыслѣ, но по совершеніи видно, что тутъ предсказанъ былъ огонь и вещественный, подъ коимъ Господь и таинственно дѣйствовалъ. Вы видѣли, что совершали двѣ литургіи, что подлинно и было. Но въ видѣніи показано было, что вы одни служили и даже безъ діакона—и тутъ вы стояли на клиросѣ одни и можете вы истинно совершали литургію предъ Господомъ и призывали Святаго Духа и святымъ тайнамъ приобщались, хотя явно служилъ іеромонахъ. Я осмѣливаюсь такъ толковать ваше видѣніе и при томъ Господь испытуетъ любовь вашу къ Нему, хотя дозволялъ врагу пакости дѣять наружно какъ надъ ювомъ, но внутри васъ не зналъ онъ, что происходитъ, діаволъ радовался, что помѣшалъ вамъ совершить литургію, ибо вы какъ пѣвецъ стояли внѣ алтаря, но Господь Иисусъ Христосъ есть тотъ алтарь, на которомъ (приносить) всесоженія и жертвы никто помѣшать не можетъ. Въ сей часъ искушенія огненного мнѣ кажется, что служеніе наружное въ алтарѣ соединилось со служеніемъ внутренняго вашего храма и любовь ваша ко Господу

¹⁾ Въ 1-й рукоп. № 26.

пылала сильнѣе пламени наружнаго, а молитвы и пѣнія ваши составили дѣйствицу видѣнную Іаковомъ, по коей ангели сходили въ васъ и выходили изъ васъ ко Господу. Все письмо 24 сентября меня проникло разными образами, описаніе Софіи и дщери ея мнѣ было утѣшительно прочесть—бракъ съ сими дщерями и примѣчательно мнѣ, что бракъ съ Вѣрою прежде Любви совѣтуете—сравненіе съ Лією, которая не столь красива, но отъ которой Христосъ рождается. Какое богатство благодати во всемъ начертаніи семъ и да поможетъ мнѣ Господь болѣе и болѣе вкусктъ плодовъ ученія сей любобильной матери Софіи, чтобъ ею быть обручену симъ единственнымъ невѣстамъ. Нѣсколько дѣтъ назадъ одна страдальца, теперь уже умершая, мнѣ подарила кольцо, которое я давно ношу, на которомъ написано: Вѣра, надежда и любовь.

Въ семъ же письмѣ отвѣчаете на желаніе мое совершить божественную литургію въ храмѣ моемъ, однимъ словомъ, я пораженъ былъ чтеніемъ симъ, благодареніе Господу и въ Немъ васъ.

Прибавлю еще о милосердіи Божиемъ ко мнѣ—кажется вы извѣстны, что прошлаго года я тонулъ на Невѣ 3-го марта: ледъ подо мною два раза проломился и я былъ въ водѣ по поясъ. Нынѣ 3-го марта я просилъ моего священника отслужить въ сей день благодарственный молебенъ Спасителю послѣ литургіи. По утру вставъ въ 6 часовъ по обыкновенію пошелъ молиться Богу, въ сей молитвѣ благодаря за спасеніе меня отъ внезапной смерти, хваля Господа изчисляя свои грѣхи предъ Нимъ особливо, одинъ грѣхъ богохуленія, именно на лицо Спасителя, которое я произнесъ и на св. Богослова Іоанна тому дѣтъ 20 назадъ, въ коемъ я каялся священнику и былъ разрѣшенъ; но сей грѣхъ мнѣ представился въ сію минуту молитвы какъ сравненіе моего богохульства съ милосердіемъ и долготерпѣніемъ Божиимъ, и наконецъ, хотя и разрѣшенъ я былъ, но желалъ, чтобъ кровію Спасителя сіе дѣйствіе мое какъ бы изглажено было изъ дѣлъ жизни моей; помолясь, пришелъ въ свой кабинетъ, гдѣ обыкновенно всякое утро читаю сряду по главѣ священнаго писанія и въ то утро слѣдовало мнѣ читать XII главу святаго Матвѣя, и когда я пришелъ къ стиху 31 и 32 я пораженъ былъ разрѣшеніемъ сихъ стиховъ и, падъ на колѣна, благодарилъ Господа и просилъ Его, чтобъ Онъ сердце мое очистилъ и грѣхъ юности моей не помянулъ.

Поспѣшаю вамъ передать, что со мною случилось и еще повторяю просьбу о молитвѣ вашей въ будущую субботу приготовляясь къ причащенію, чтобъ Господь принялъ меня за Свою трапезу не яко Іуду; но яко разбойника исповѣдующа да помянетъ меня въ царствѣ своемъ Божественномъ нынѣ, присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. Благослови! усерднаго своего слугу Александра Голицына.

P. S. Прошлаго года тонулъ я 3-го марта, а 6-го прошла тогда Нева—но сегодня еще и признаковъ нѣтъ.

XXX ¹⁾.

С. Петербургъ. 14 Марта.

Въ письмѣ вашемъ, высокопреподобный отецъ Фотій, 8-го марта вы мнѣ отвѣчаете на мое письмо послѣднее, въ которомъ я перечитавъ письмо ваше 24 сентября о видѣніи вашемъ сожженія огнемъ даровъ святыхъ, приносимыхъ вами на Божественной литургіи, написалъ какъ мнѣ на сердцѣ пришло истолковать сіе видѣніе и по волѣ вашей вамъ сообщилъ и въ концѣ письма помѣстилъ, что я недоволенъ собою, будучи званъ Господомъ столько лѣтъ, а я не бѣгу, не лечу, а ползу. Признаюсь вамъ, что я сіе письмо написавъ, не перечиталъ, для того такъ написано; но видно таково мое состояніе духовное и что вамъ далъ поводъ написать мнѣ прекрасное посланіе, чтобъ не летать и не бѣгать, а брести или полсти смиренно, притомъ и духъ священнаго писанія книгъ ветхаго завѣта и новаго съ нихъ цѣлю изложили кратко и глубоко.

Моя же мысль была другое объяснить, я разумѣлъ время, а не дѣйствіе, ибо Господь давно зоветъ, а я ползу, то есть медлю совѣсть ему отдаться, къ Нему обратиться и чтобъ воля Его святая во мнѣ дѣйствовала, но я не такъ объяснилъ, а сіе нужно было я вижу, чтобъ проновѣдъ услышать, а не летаніемъ въ мудрованіяхъ,—лѣстницу же Іакова не помню какъ я ее помѣстилъ, но желаніе мое было отнести ее къ вашему видѣнію и къ тому, что вы оди стояли на клиросѣ, а служеніе въ храмѣ сердца вашего исполнялось, то и сія лѣстница казалось мнѣ въ храмѣ сей низводила ангеловъ.

Какъ-бы то ни было письмо ваше мнѣ очень назидательно было, хотя вы мнѣ ничего не сказали о идеѣ немоществованія въ разсужденіи сна нашего о огнѣ. Теперь вамъ скажу, что вы получили отъ меня съ снѣмъ вмѣстѣ официальное письмо съ посылкою въ Юрьевъ монастырь креста перламутромъ украшеннаго и очень большаго. Государь императоръ получилъ сей крестъ въ даръ отъ одного архимандрита Парфенія молдавской націи и бывшаго нѣкогда въ Нижегородской епархіи настоятелемъ монастыря и потомъ по отставкѣ ходившаго въ Іерусалимъ на поклоненіе, и сей крестъ онъ оттуда привезъ вмѣстѣ съ образомъ, перламутровымъ также. Его величество по принятіи сего креста самъ своимъ собственнымъ движеніемъ сказалъ: пошли сей крестъ въ тотъ монастырь, гдѣ архимандритъ Фотій, и скажи ему отъ меня, что хотя во снѣ онъ видѣлъ, что я къ нему не такъ ласковъ, (говорилъ императоръ) но наяву не таковъ и посылаю къ

¹⁾ Въ 1-й рукоп. № 27.

нему крестъ въ знакъ онаго. Я порадовался, что государь такъ продолжаетъ къ вамъ быть расположенъ и мнѣ показалось примѣчательно, что превеликій крестъ посылается государю, а онъ посылаетъ его въ вашъ монастырь какъ-бы для того, чтобъ молитвами вашими помогли оной ему нести, ежели угодно Господу, возложить оной на милого сердцу нашему царя. Я увѣренъ, что вы много за него молитесь и Господь услышитъ васъ. Крестъ къ вамъ посылаемый длиненъ и для того какъ онъ складной, то и разложенъ на части, которыя нужно будетъ, я думаю, клеємъ утвердить, фигуру его на другой сторонѣ я напишу, чтобъ удобнѣе его собрать. Митрополита я увѣдомилъ, что къ вамъ послалъ крестъ, но вамъ должно будетъ формально репортовать ему, какъ вы то и сами знаете. Получилъ я нисѣмо отъ чада вашего милого изъ Москвы, а моей о Господѣ сестры, предоброе писаніе! какое смиреніе и чистота души и какъ довольна вашимъ пребываніемъ въ Москвѣ,—виѣ себя отъ радости. Надобно бы ей нынѣшнимъ лѣтомъ сюда прѣѣхать; ежели то Господу угодно будетъ, и вамъ тогда бы можно сюда побывать. Я покрайней мѣрѣ желалъ бы сего для себя, ибо лѣтомъ дворъ за городомъ и я половину недѣли здѣсь живя, свободнѣе могъ бы съ вами видѣться, чѣмъ зимой или осенью. Да будетъ во всемъ воля Божія, а я пишу только сердечное свое желаніе.

Московская ваша поѣздка конечно для многихъ была тамъ полезна, но и сатана, которому сіе не нравилось съ того много козней надѣлалъ пустыхъ лжи, которыми хотѣлъ и меня можетъ поколебать, но Господь ко мнѣ милостивъ и показалъ что то было вражіе наущеніе. Я не пишу что, ибо пересказы только дѣлаютъ продолженіе сихъ козней, что врагу можешь еще къ чему послужить, а я такія пустыя слухи всегда мимо ушей пускаю, чтобъ внутрь меня не входили.

Поручая себя молитвамъ вашимъ и прося благословенія пребуду на всегда вашъ вѣрный слуга и братъ о Господѣ князь Александръ Голицыиъ.

XXXI ¹⁾.

24—27 Марта. С. Петербургъ.

Высокопреподобне отче Фотіе, моли Бога о мнѣ грѣшномъ. Въ сей день чувствую нужду сообщеніе съ вами имѣть духомъ и оттого и на письмѣ излагаю мои чувства, хотя сегодня и не могу послать на почту. Сей день заря великаго таинственнаго дня, дня воплощенія Господня и спасенія нашего исполняетъ сердце мое радостью и любовью къ зачатію младенца Иисуса въ чревѣ прблагословенной Дѣвы Маріи, и влечетъ излить сію радость въ сердце того, кто преисполненъ будучи вѣры живой, любитъ Господа

¹⁾ Въ 1-й рук. № 28.

всѣмъ сердцемъ своимъ, умирая міру и плоти—да! къ вамъ влекусь сегодня писать, надѣясь, что и вы въ такой день вспомните о мнѣ; помолитесь и поручите меня Покрову Пресвятыя Богородицы и собору Архангела Гавріила да вліаніемъ сихъ безплотныхъ силъ сердце мое приготовится къ принятію дѣйствія Духа Святаго. Сердце чисто созижди во мнѣ Боже и Духъ правъ обнови во утробѣ моей! Но сколько смертей еще нужно проходить, чтобы сердце такъ очистилось, чтобы Духъ святой зачалъ во мнѣ новую тварь. Ветхій человѣкъ еще жить хочетъ, а мнѣ сильно хочется ему смерти; но что мнѣ невозможно, Богу все возможно и для того надѣюсь и терплю свои недостатки, предавая ихъ врачу душъ нашихъ, тотъ да уврачууетъ ихъ и здравымъ меня сдѣлаетъ.

Получилъ я письмо ваше въ отвѣтъ на мое о московскихъ вѣстяхъ. Истинно благо вамъ, что міръ много лжи на васъ возмалоалъ, и такія лжи, что кто немного васъ бы зналъ тотчасъ удостовѣрлся бы, что тутъ клевета. Я же не только повѣрить и усумниться, но тотчасъ отвергъ какія совсѣмъ нелѣпое ¹⁾ ибо сердце мое, что мнѣ сказала съ первой минуты свиданія моего съ вами въ олтарѣ новоосвященнаго Храма Святому Духу, то я въ продолженіе всего времени до нынѣ вижу подтвержденіе въ дѣлѣ, словѣ и писаніи вашемъ—только я увѣряю васъ помстивъ, что не отъ духовныхъ лицъ я получилъ сіе извѣстіе, а отъ мірскихъ. Впрочемъ оставимъ сіи сплетни и болѣе не буду уже о нихъ говорить.

О времени же нынѣшнемъ, что пишете мнѣ, очень примѣчательно, но только я съ вами въ томъ не соглашусь, что вы пишете такъ: о. Фотій, что ты живешь во времена лютыя, трудныя къ спасенію и прочее, но я скажу: слава Господу, что такіе люди живутъ въ сіи времена для тѣхъ, кои ищутъ спасеніе; молитвы ихъ нужны, имъ трудно, но они сими спасаются и другимъ помогаютъ спастися, облегчаютъ, утѣшаютъ, кресты безъ того слабымъ неудобъ носимы бы были.

То что вы мнѣ поручаете царю сказать, я отодрагъ отъ письма вашего, чтобы ему показать при случаѣ. Онъ знаетъ объ вашемъ пожарѣ въ самое то время, какъ оный случился ²⁾; царица мать—не знаю, ибо она со мною объ васъ давно не говорила.

То что вы мнѣ пишете о зломъ намѣреніи противъ васъ въ Петербургѣ меня очень огорчило; кажется въ лаврѣ должно было положиться, что подобнаго не можетъ случиться; я очень содрогнулся, но Государь не выдастъ

¹⁾ Фраза, очевидно, испорчена переписчикомъ. Смыслъ ея ясенъ.

²⁾ Рѣчь идетъ о пожарѣ, бывшемъ въ Юрьевскомъ монастырѣ, послѣ котораго Фотій получилъ обильныя приношенія на возстановленіе обители.

васъ, я въ томъ увѣренъ. Какое я предоброе и любезное письмо получилъ отъ сестры своея духовной изъ Москвы и какъ она описываетъ мнѣ свое счастье во время пребыванія вашего въ домъ ея. Засимъ поручая себя молитвамъ вашимъ и прося благословенія пребуду навсегда преданный во Христѣ Иисусѣ всѣмъ сердцемъ вашъ вѣрный слуга князь Александръ Голицынъ. С. Петербургъ, день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы 1823 года.

Р. S. Такъ какъ мое письмо писано было въ день благовѣщенія, то сегодня посылая оное на почту, еще слова два скажу—благословенія прошу и вамъ пожелаю да Господь возвеселитъ сердце ваше превозблудящею благодатью такъ, чтобъ потоки живыя воды и до меня и до всѣхъ тѣхъ, коимъ жагда бываетъ пить оныя чрезъ потокъ вашъ болѣе и болѣе проливались.

Духъ времени такъ мнѣ тяжелъ, ежели-бы не было прохлады временемъ отъ потоковъ воды живыя чрезъ избранныхъ Божіихъ посылаемыхъ, то задохнуться можно. Истину рѣдко встрѣчаешь, а по большей части ея личину и борьба страшная отъ чадъ тьмы съ чадами ищущими свѣта и желающими угождать Господу.

Гоненіе вездѣ на все то, гдѣ живая вѣра открывается, хотя бы въ загдахъ только; врагъ не хочетъ, чтобъ сердца обращались къ Господу, чтобы тамъ созидались стѣны Іерусалимскія, боится онъ сего строенія и поклоненія Иисусу Христу духомъ и истиною.

Сердце чисто созижди во мнѣ и Духъ правый обнови во утробѣ моей. Поручаю себя молитвамъ вашимъ и цалую вашу руку.

XXXII.

Высокопреподобный отче Фотіе, успокоился я и усладился получа ваши письма, два вдругъ, а одно послѣ; истинно было мнѣ какъ искушеніе, и молчаніе ваше мнѣ было тяжело въ отношеніи томъ, какъ я къ вамъ писалъ. Съ другой стороны боялся требовать отъ васъ частаго писанія, чтобы не утрудить васъ. Дѣлъ много явныхъ по монастырю, а потомъ занятіе въ духъ и разумомъ, мнѣ казалось, что перешны я не долженъ отъ васъ ожидать, когда и словомъ и на письмѣ ниѣю отъ васъ удостовѣреніе, что Христосъ посреди насъ есть и будетъ. Но сердце мое жажду ниѣло какую-то бесѣдовать съ вами на письмѣ.

И какія ¹⁾ отъ васъ я получилъ о волѣ Божіей! Какое помазаніе! и хотя и не чистъ мой сосудъ, но капля канутая въ Юрьевѣ принята онымъ, и надѣюсь, что молитвами вашими сія капля, полученная изъ источника

¹⁾ Т. е. письма.

воды живыя, увеличится и наполнить и очистить сосудъ мой. Сердце чисто созижди во мнѣ Боже и духъ правъ обнови во утробѣ моей. Чаду вашему духовному читалъ я ваши письма, и мы радовались и уязвлялись любовію, какъ тотъ младенецъ братъ вашъ, о которомъ вы писали, когда мать ваша кормила его отъ сосцевъ своихъ. Графиня меня утѣшала, когда я печаленъ былъ, не получая долго вашихъ писемъ и увѣряла меня, что отъ дѣла или причинъ до меня не касающихся было сіе молчаніе, а когда увидѣла сіи три письма, то и позавидовала не много, покуда не увидѣла, что и объ ней было написано, и ей вѣдно удѣлать. Я люблю съ нею перечитывать ваши посланія, и мы восхищаемся вмѣстѣ. Она очень желаетъ ѣхать и разными препятствіями останавливаютъ ее; скоро надѣется выѣхать и я надѣюсь, что когда она будетъ у васъ, то вѣрно я забыть не буду, и въ духѣ буду вамъ соприсутственъ. Послѣднія извѣстія о Государѣ получены 14 октября съ пути его въ Верону, всякій день ждемъ уже изъ Вероны; по послѣднимъ извѣстіямъ императрицы, конъ получили, здоровъ. Позвольте попросить вашихъ молитвъ о Василии Михайловичѣ Поповѣ ¹⁾: онъ очень боленъ, хотя вчера ему немного было лучше. Лишайныя мокроты въ рукахъ и на ладони раны, притомъ слабость и немного меланхоли. Истинно мнѣ жаль сего человѣка, правая онъ моя рука; на него положиться можно, сердце имѣетъ простое, Господа любить, а такихъ людей при способностяхъ къ дѣлу трудно въ нынѣшнемъ вѣкѣ найти. Помолитесь, Христа ради, да сохранить Господь Его жизнь для дѣла его Святаго, ежели только сіе не противно воли Господней. Да будетъ Его Святая воля во всемъ какъ въ насъ, такъ и виѣ насъ, и да будетъ благословенно имя Отца, Сына и Святаго Духа и препрославлено по всей земли какъ на небеси, аминь. Благослови владыко! искреннаго любящаго васъ. . . .

P. S. О нуждахъ Юрьева монастыря поговорю съ митрополитомъ, по надобно оставить до возвращенія государя ²⁾.

Сообщ. Н. И. Варсоѣвъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія при Голицынѣ, ближайшій сотрудникъ его по переводу и изданію мистическихъ сочиненій.

²⁾ Изъ содержанія письма видно, что оно писано въ 1823 г. На монастырь Юрьевскій Голицынъ выхлопоталъ вполсѣдствіи отъ казны 4.000 р. ежегодно. Сопоставляя содержаніе этого письма съ письмомъ XXXIII-мъ, нужно думать, что оно писано между 27 марта и 6 апрѣля 1823 г.

Н. В.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ

1827—1845 гг.

XVIII ¹⁾.

Москва. 1842 г. августа 26 го.

Я получилъ, наконецъ, любезнѣйшій Константинъ Степановичъ, милое письмо ваше отъ 22-го августа и спѣшу благодарить васъ отъ всего сердца, за всѣ ваши дружескія хлопоты. Я увѣренъ былъ, что съ вашей стороны не было ни малѣйшаго нерадѣнія въ доставленіи мнѣ того, что слѣдовало послать ко мнѣ; но какъ могли затеряться на пути отъ Фонтанки въ почтамтъ такія кипы книгъ! Если 18-го сентября 1841 г. все сіе отправлено было, какъ вами сказано, къ почтъ-директору, то какъ-же не отыскаться имъ?—За 6 недѣль предъ симъ, я получилъ въ Берлинѣ нѣсколько старыхъ писемъ и журналовъ—Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ и Современникъ за 1841 и 1842 годы, но ни одного тома, ни 3-го тома полнаго собранія русскихъ лѣтписей, ни 1, 2 и 3 тома актовъ историческихъ, ни 1 тома актовъ, на языкахъ иностранныхъ, ни 2 и 3 русскихъ медалей, ни указателя къ юридическ. актамъ! Гдѣ же все это осталось?

Вчера князь А. Н. сказалъ мнѣ, что бы я оставилъ розысканіе о семъ до пріѣзда сюда Г. С. Попова, но на всякій случай заготовилъ у сего отношеніе къ Ѳ. И. Прянишникову, которое прошу васъ, если заблагоразсудите, ему доставить, запечатать и подписавъ на его имя.

Если же книги отыщутся, то благоволите хранить ихъ у себя, а

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1831 г. томъ XXXI (іюнь), стр. 187—206; томъ XXXII, (октябрь), стр. 337—350. Изд 1832 г., т. XXXIV, (апрѣль), стр. 177—194.

я напишу куда и какъ ихъ отправить. Многія слѣдуютъ въ Парижъ и въ Германію, напр. къ Гумбольдту въ Берлинъ, и пр. и для сего не нужно будетъ ихъ присылать сюда. Я сдѣлаю имъ разсильную роспись и, списавшись съ канцеляріею министерства иностранныхъ дѣлъ, увѣдомлю васъ что куда послать. Но для сего нужно прежде все отыскать и сдѣлать реэстръ отысканному.

Вчера получилъ я рескриптъ отъ короля прусскаго съ благодарностію за доставленіе ему 1-го тома Римскихъ актовъ: печатается-ли 2-й?

Здѣсь я ежедневно у кн. А. Н., а иногда и два раза въ день. Ему, кажется, не лучше, но онъ не перестаетъ надѣяться; дождется государя и отправится въ Крымъ.

Пересылайте впредь журналъ просвѣщенія сюда. Не знаю когда удастся побывать въ Петербургъ?

Читали-ли: *De l'église Romaine en Russie*? Пожалуйста еще разъ похлопочите объ отысканіи книгъ.

Весь вашъ на вѣки—Тургеневъ.

Въ письмахъ моихъ къ кн. Вяземскому я упомянулъ раза два о недѣлостяхъ Полеваго, на меня направленныхъ: если заблагоразсудите отвѣчать лжецу-самохвалу, то можете взять сіи письма отъ г. Плетнева, коему они даны были, съ другими, кн. Вяземскимъ. Право—безстыдная такая ложь* и досадно такое равнодушіе журналистовъ къ клеветѣ товарища на добросовѣстнаго сборника! (87).

Кто же писалъ отвѣтъ Полевому? Я ничего не читалъ. Нельзя-ли прислать?

Поздравляю съ новой духовной Академіей! (88). Присылайте ваши церковныя новинки: хотя «Могила», на кот. возвращается.

Его Прев-ству Константину Степановичу Сербиновичу, г. директору канцеляріи г. Оберъ-Прокурора Св. Правит. Синода.—На Шукшиномъ дворѣ, въ С.-Петербургѣ.

Примѣч. 87. Рецензія эта была помѣщена въ «Русск. Вѣстн.» 1842 г., т. V, критика, стр. 109—113; въ ней мы, между прочимъ, читаемъ: «осмѣлился сказать, мы имѣли честь внушить почтенному А. И. Тургеневу первоначальную мысль его обширнаго предпріятія, и даже составили ему планъ, по которому совершилъ онъ подвигъ, принесшій ему столько чести и извѣстности. Намъ остается въ награду сознание полезнаго дѣла, которое успѣлъ онъ совершить; мысль, что тутъ, какъ говорить пчела Дмитріева, «и моего, хоть капля, меду есть»: награда достаточная».

88. Казанская духовная академія первоначально была открыта въ 1797 году и существовала до 1818 года. Въ этомъ году она была обращена въ семинарію. Въ 1842 году послѣдовало открытіе нынѣшней Казанской духовной академіи (Благоуѣщенскій. «Истор. старой Казанск. дух. акад. Казань. 1876 г., стр. 5).

Н. П. Варсуковъ.

XIX.

Москва, 1842 г. декабря 14.

Письмо ваше, отъ 7 дек., любезнѣйшій Константинъ Степановичъ, глубоко меня тронуло, хотя я и издавна привыкъ къ доказательствамъ вашего ко мнѣ дружескаго расположенія. Я конечно неупотреблю онаго во зло, для того только, чтобы не отвлекъ васъ отъ полезной для другихъ дѣятельности; но теперь для приведенія къ концу дѣла о книгахъ, бывшихъ въ почтамтѣ, и для оправданія моего, почему я настаивалъ о числѣ ящичковъ и содержащихся въ оныхъ книгахъ, я препровождаю къ вамъ не только копію съ письма ко мнѣ, въ сентябрѣ писаннаго Ѳед. Иван., но и пакетъ, въ коемъ оно, вмѣстѣ съ двумя тюками было прислано, въ доказательство, что послано было не 4, а два тюка, и что всего было 8, кои остановлены, вѣроятно, въ слѣдствіе письма моего къ Ѳедору Ивановичу въ томъ же сентябрѣ. Прилагаю еще разъ и копію съ реэстра доставленныхъ отъ министерства просвѣщенія книгъ и реэстръ тѣмъ, кои я получилъ въ означенныхъ двухъ тюкахъ. Прикажите сравнить присланное и полученное съ недостающимъ.

Обдумавъ куда и что послать изъ сихъ книгъ и какія изъ оныхъ оставить въ Петербургѣ для препровожденія сюда или для принятія мною лично въ С.-Петербургѣ, я васъ увѣдомлю, а между тѣмъ прошу хранить то, что уже у васъ находится, или снова получено будетъ, какъ напр. экземпляры 2-го тома моихъ актовъ, одинъ экзempl. коихъ однакоже во всякомъ случаѣ прошу прислать сюда, немедленно по выходѣ онаго.

Отчеты св. синода получили и благодарилъ васъ, и чрезъ васъ и графа. Надеждою впредь получать акты археогр. комисіи очень обрадованъ. Когда буду собираться въ чужіе края, то устройю, сколько могу, отправленіе пакетовъ въ чужіе края.

Копію съ письма епископа Краковскаго къ св. Бернарду съ нетерпѣніемъ ожидаю: оно не длинно и находится, кажется, въ спискахъ Альбертрандія. Я писалъ вамъ о семъ подробно.

Съ любопытствомъ также ожидаю статьи Б. М. Ѳедорова о Петрѣ I, изъ моихъ актовъ составленной (89); но не знаю изъ тѣхъ-ли только бумагъ Б. М. составилъ оную, которыя я ему въ 1840 г. отдалъ, или и изъ другихъ, составленныхъ мною и, кажется, оставшихся у гр. Нессельроде или въ Археогр. комисію препровожденныхъ. Сихъ послѣднихъ о Петрѣ I было очень много и въ нихъ новаго также очень много и доселѣ неизвѣстнаго о Петрѣ I. Я самъ

сбирался издавать ихъ. Попросите Бор. Мих. увѣдомить меня поскорѣе, какими бумагами онъ занимался и упомянуть въ статьѣ, откуда онъ получилъ онныя.

Кто сообщилъ свѣдѣніе о путешествіи моемъ въ календарь 1843 года? Я очень за это благодаренъ, хотя еще и не читалъ сей статьи въ календарѣ (90).

Sémeur—присылать непременно буду. Желалъ бы его и теперь уже получать и вамъ доставлять; но въ Парижѣ нѣтъ у меня корреспондента, который бы могъ исполнить это порученіе;—кота я и писалъ и пишу еще разъ о высылкѣ ко мнѣ «Сѣятеля»—если и здѣсь получу, то доставлю, и выберу изъ нѣкоторыхъ старыхъ васъ и вашего (лучшаго въ Россіи) журнала достойное.

Поблагодарите Фед. Иван. Прянишниковъ за новое предложеніе пересылать ко мнѣ что можно; я желалъ бы не обременять его старыми хлопотами, но право не знаю какъ иначе выручить все; что было препровождено ко мнѣ. Принимаю впрочемъ съ искреннимъ чувствомъ признательности его обязательное предложеніе.

Будетъ ли отвѣтъ безъ и м я н н о м у эксъ-статскому совѣтнику и кавалеру трехъ орденовъ?—Получили-ли три новыя книги о Россіи, изъ коихъ одна уже вышла въ Юрьевѣ, другія выходили и уже оглашены были въ Аугсбургской газетѣ: «Slavinisme»,—Mystères de la Russie и пр. и пр.—Читали-ли la Russie et la France?

Слѣдите-ли вы статьи, печатаемая въ Аугсбургской газетѣ? Это лучший Европейскій отголосокъ, хотя и не всегда въ одинъ голосъ съ нами. Нѣтъ важнаго вопроса, политическаго, философскаго, религіознаго или просто литературнаго, на который бы не откликнулась эта газета: съ нею и съ «Сѣятелемъ» можно не умереть съ духовнаго голода.

Простите, любезнѣйшій Константинъ Степановичъ, люблю васъ по прежнему и благодарю васъ за прежнее, настоящее и за будущее отъ всего сердца. Весъ вашъ—А. Тургеневъ.

Примѣч. 89. Въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1843 (№ 1, 3) и 1844. (№ 1) было напечатано Б. М. Федоровымъ «Обозрѣніе извѣстій о Россіи въ вѣкъ Петра Великаго и въ царств. Екатерины I», извлеченныхъ тайн. сов. А. И. Тургеневымъ изъ разныхъ актовъ и донесеній французскихъ посланниковъ и агентовъ при Русскомъ Дворѣ.—

Примѣч. 90. Въ Академическомъ «Мѣсяцесловѣ на 1843» былъ помѣщенъ Хронологическій «Обзоръ важнѣйшихъ путешествій, совершенныхъ въ Россіи или изъ Россіи», предпринятыхъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ», тамъ на стр. 226 сказано и объ археографическихъ путешествіяхъ А. И. Тургенева по Западной Европѣ.

Н. П. Варужовъ.

XX.

Парижъ, 1843 г. сентября (октября) 5.

Я писалъ къ вамъ недѣли три назадъ о полученіи 6-ти пакетовъ съ книгами археогр. ком. и съ журналами, и просилъ о продолженіи отправленія оныхъ.—Съ тѣхъ поръ все хвораю и проживаю половину недѣли на дачѣ: отъ того и не могъ еще ничего сообщить вамъ изъ книжныхъ новинокъ, да и оказаніи рѣдки и берутъ только пакеты съ письмами и рѣдко съ брошюрами.

Вчера узналъ я, что въ началѣ прошлаго года, графъ Нессельроде сообщилъ нашему посланнику въ Гагѣ барону Мальтицу о высочайшемъ повелѣніи снести съ голландскимъ правительствомъ о позволеніи списать въ Гагскомъ архивѣ всѣ тѣ акты, коихъ реэстръ за три года предъ симъ сообщилъ я кн. А. Н. Голицыну, для представленія государю императору; и что не только разрѣшеніе короля нидерландскаго на сіе послѣдовало, на что всѣ сіи копии тамъ уже сдѣланы и доставлены нашей миссіи въ Гагѣ; что гр. Нессельроде поручилъ секретарямъ сей миссіи гг. Беку и барону Николаи, перевести сіи документы на русскій, и что уже они представили. 1-й около 700 страницъ русскаго перевода, 2-й около 250 стр. въ министерство иностранныхъ дѣлъ; и продолжаютъ оба заниматься переводомъ остальныхъ бумагъ, коихъ огромныя массы! переводчикъ увѣрялъ меня, что онъ еще не дошелъ и до Петра I; но что и въ бумагахъ, относящихся до царствованія Михаила Ѳеодоровича, много любопытнаго и примѣчательнаго напр. до мира при Столбовѣ и пр.

Переводчики надѣются въ теченіе одного года кончить главный трудъ свой; но я полагаю, что не худо было бы, если бы археогр. коммисія вытребовала нынѣ же отъ гр. Блудова или отъ гр. Нессельроде присланные уже изъ Гаги переводы и, просмотрѣвъ оныя, приступила къ печатанію, ибо судя по каталогу и по словамъ одного изъ переводчиковъ, бумаги сіи имѣютъ важное историческое достоинство. У насъ же мало документовъ изъ Голландіи.

Моя бы выгода была въ томъ, что сіе дѣло не залежалось бы въ Петербургѣ, и я прошу васъ заранѣе упомянуть о семъ, тамъ гдѣ нужно будетъ, дабы моя поѣздка, нарочно для сего въ Голландію предпринятая, не осталась безъ пользы для исторіи русской; а то Полевой и о ней скажетъ, что я по его указанію попалъ въ Гагскій архивъ (91).

Ожидаю вашего письма, журналовъ и археографическихъ изданій. Не могу писать болѣе, ибо сидѣть трудно, чѣмъ ходить для меня.

Поклонъ Борису Михайловичу и дружеское привѣтствіе всѣмъ вашимъ. На вѣкъ вамъ преданный А. Тургеневъ.

Его превосходительству Константину Степановичу Сербиновичу.

Примѣчаніе 91. Часть этихъ документовъ издана самимъ А. Х. Беккомъ въ 1878 году, въ „Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“ (т. XXIV).
Н. П. Барсуковъ.

XXI.

К. С. Сербиновичу.

Парижъ, 1844 г. 25 Марта.

Вчера получилъ я три пакета съ русскимъ курьеромъ, въ первомъ—нѣсколько №№ вашего журнала (до генварьскаго включительно), который уже почти весь просмотрѣлъ; второй—съ двумя экземплярами медалей Александра и Николая; и третій—съ «Журналомъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ». Какъ ни досадно было, что ни строчки отъ васъ, но не менѣе благодарность за постоянную вашу память обо мнѣ для меня утѣшительна и радуетъ мое сердце. Благодарю и за 5 экзмп. выписокъ Б. М., и его за трудъ; надѣюсь и остальные экземпляры также получить: будетъ ли продолженіе? Въ замѣвъ посылаю статью въ архи-римскомъ журналѣ «Univ. Cath.» о 1-й части и два № «Святителя» о 2-й (а первый вы уже имѣете). Католику можно бы отвѣчать, но это ваше православное дѣло.

Здѣсь пренія между унив. и иезуитами—во всей силѣ. У меня много книгъ и книжекъ о семъ предметѣ, и особенно Genin и Montalambert, и Равиньянъ примѣчательны; но послать ничего невозможно, отъ меня ничего не принимаютъ, потому что посылать можно только на имя министра, а я ни съ однимъ не знакомъ. Если вы выхлопочете, чтобы я могъ подписать пакетъ для васъ на имя кого изъ министровъ или оберъ-прокурора, я полагаю, что и онъ въ сей же категоріи, то я приплю къ вамъ многое. Многое бы годилось вамъ для журнала, напр.: изъ книги «Les Jésuites et l'université» par Genin, 1844 г. 8°. Хотя послѣдняя глава о нравственности иезуитской такъ пахабна, что и въ «Charivari» бы не годилась. Я только заглядываю въ эти пренія, но читаю совсѣмъ иное, а именно: Шеллинга (92) и библию! Вчера минуло полгода, какъ я здѣсь и все еще боленъ, едва переступаю въ комнатѣ и никого не вижу, кромѣ посѣщающихъ меня. Нѣсколько легче стало, но боль въ боку и въ ногѣ продолжается. Вотъ уже 7 шпанскихъ мухъ...

Желалъ бы въ маѣ хотя столько оправиться, чтобы ѣхать къ

водамъ, или жить въ Франкфуртѣ съ Жуковскимъ! Но и это еще въ рукѣ Божіей!

Я писалъ къ вамъ, чрезъ Булгакова, нѣсколько строкъ, желая знать, чего могу ожидать—изъ прежде посланныхъ мнѣ актовъ Археогр. Ком. и проч. не залежалось ли многое въ канцеляріи вице-канцлера?

Поблагодарите Старчевскаго за статью, но я бы желалъ кое-что оговорить въ примѣчаніи: нѣкоторые изъ актовъ на англійскомъ языкѣ приобрѣтены не мною, а списаны другомъ моимъ, покойнымъ Андрѣемъ Сергѣевичемъ Кайсаровымъ, бывшимъ штабс-капитаномъ и профессоромъ русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ. Мы нѣкогда путешествовали вмѣстѣ, учились вмѣстѣ въ Геттингенскомъ университетѣ, объѣхали славянскія земли—и разстались: онъ остался въ чужихъ краяхъ, въ Англии отыскивалъ русскую старину и списалъ нѣсколько актовъ, кои мнѣ достались, а я передалъ ихъ вамъ. Желалъ бы передать и еще кое-что изъ его бумагъ, относящихся до славянскихъ древностей. Я желалъ бы, чтобы хоть въ примѣчаніи сказано было, что я воспользовался и его собраніемъ, впрочемъ не многочисленнымъ, но—*suum cuique*. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ славянофиловъ и мы вмѣстѣ учились у Шлецера, работали для сего «Нестора», вмѣстѣ жили и собирали рукописи славянскія и книги—въ Карловцѣ—(въ Сармїи Славянской) у митрополита всего Славяно-Сербскаго и Валахійскаго народа—главы всего православнаго духовенства въ Венгріи—Стефана Стратиміровича отъ Кульпикъ (*von Kulpin*), коему Шлецеръ посвятилъ одну часть своего Нестора: онъ же издалъ и славянскую мѣологію на нѣмецкомъ, которую нѣмецъ Алгеръ перевелъ и напечаталъ на русскомъ. Пожалуйста упомяните о немъ и оправдайте меня въ завладѣніи чужаго труда.

Андрей Кайсаровъ, коего опредѣлили, послѣ Глинки и до Воейкова, профессоромъ Русской словесности въ Дерптѣ, въ 1812 г. закипѣлъ патріотизмомъ, пожелалъ издавать русскіе бюллетени при главной квартирѣ, и призванъ туда кн. Смоленскимъ, съ тяжелыми летучими станками, но—тогда было не до пера, а до меча, и экс-штабс-капитанъ-профессоръ явился къ брату своему Николаю Кайсарову (нынѣ генералъ-отъ-инфантеріи) въ отрядъ—и при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ—пороховый ящикъ взорвало и онъ влетѣлъ съ нимъ на воздухъ. Онъ же авторъ латинской диссертациі «*pro gradu doctoris* въ Геттингенѣ», *De manumittendis per Russiam servis*, которую я поднесъ, чрезъ Н. Н. Новосильцова, Императору Александру и получилъ, для Кайсарова, брилліантовый

перстень за поднесенную диссертацию. Вотъ вамъ черты для біографіи Кайсарова. Бросьте нѣсколько цвѣтковъ—на могилу его! Ахъ! нѣтъ—онъ взлетѣлъ на воздухъ; но авось—съ нимъ и не вся ученая и патріотическая жизнь его.

При первой оказіи пришлю къ вамъ переведенную недавно брошюру Бадера (послѣднее его сочиненіе) *sur le Catholicisme d'Orient et d'Occident*, гдѣ и письмо Шевырева перепечатано. Вы должны бы были познакомить съ нею и русскую духовную публику: она вся въ пользу нашей церкви, хотя писана католикомъ, но не папистомъ. Я посылаю ее сегодня въ Москву, чрезъ кн. П. А. Вяземскаго; взгляните, но отошлите: вамъ пришлю другую. Другаго экземпляра въ Парижѣ нѣтъ, ибо она напечатана въ Нейшателѣ; я велѣлъ выписать. Многое выпущено изъ нѣмецкаго оригинала; но главное—и для французовъ, и для безпристрастныхъ—сохранено. Переводъ хорошъ и съ предисловіемъ.

На дняхъ выйдетъ опроверженіе Кюстина (94) русскимъ, но только въ отвѣтъ на Кюстиновы бредни о нашей церкви и на Польшу; пришлите, если выдетъ. Я доставилъ автору вашъ рапортъ объ Уніи, изъ коего онъ почерпнетъ главные факты; и еще одному—долженъ доставить о томъ же,—для опроверженія книги Шмита о греческой церкви! Но вы пишете по русски, а сей послѣдній не читаетъ по русски; я указалъ ему на нѣмецкій переводъ вашего рапорта въ *Allgemeine Zeitung v. Augsburg*.

Пожалуйста переводите и присылайте все, что имѣете—о церкви нашей. Нельзя же вступаться за то, чего не знаешь; а кто насъ знаетъ здѣсь? и кто въ этомъ виноватъ? Если бы я не прикованъ былъ къ постелѣ—и пишу лежа—я бы ратоборствовалъ теперь иначе въ центрѣ всѣхъ животрепещущихъ вопросовъ и состязаній—церковно-учебно-духовно-политическихъ. Совѣтывалъ бы вамъ изъ рукописей Шелинга (*Die Philosophie der Offenbarung*) перевести отрывокъ о 3-хъ церквахъ: Петра, Іакова, Павла, и Іоанна въ Паулусѣ—который бездѣльнически отчасти перепечаталъ Шелинга,—неполно и не совсѣмъ вѣрно изложено ученіе Шелинга, хотя понятіе о немъ имѣть и изъ Паулуса—не-христя можно.

Поклонитесь Б. М. Ѳедорову и облобызайте другъ друга за меня, а у милой хозяйшки поцѣлуйте ручку. Въ тѣхъ ли же клѣткахъ вы живете? Никто ко мнѣ не пишетъ—обрадуйте грамоткою.

К. С. Сербиновичу.

Изъ книги *Jepin* вы бы подробно могли узнать о положеніи здѣшняго духовенства и особенно объ отношеніяхъ его къ епархіальному

начальству и архіереевъ къ папѣ. Ультрамонтанизмъ изображенъ во всей его наготѣ, требованія приходскаго священства во многомъ справедливы, вліяніе іезуитовъ и вообще монашескихъ орденовъ, здѣсь возникающихъ, доказано фактами и университетъ,—хоть не совсѣмъ правъ, но дѣйствуетъ согласно съ пользою низшаго духовенства, ибо опасается сопротивленія епископовъ, кои держатъ въ рабствѣ своихъ приходскихъ. Jenin—хотя и профессоръ въ Страсбургѣ, но редакторъ республиканскаго журнала: «le National». Онъ все кадитъ и Вильменю, и самъ онъ не очень мнѣ нравится—духомъ своимъ; но дѣло его правое, и онъ пугаетъ ультрамонтанизмомъ не по пустому: «Non falsis terraribus implet». Въ концѣ онъ уже упоминаетъ и о книгахъ: Монталамбера, Равиньяка и пр. Сей послѣдній началъ свои конференціи въ Notre-Dame, за два воскресенья. Буду высылать ихъ въ Москву, l'Univers ихъ печатаетъ. Я переписалъ всего Лакордера, всего 8 конференцій.—Вы видѣли въ «Святелѣ» замѣчанія, какъ доминиканецъ перемѣнилъ всю систему свою—отъ Ліона до Парижа: о немъ можно à la lettre сказать: «за умъ взялся»; ибо прежде и здѣсь и въ Ліонѣ—разуму и мѣста не было въ его психологическихъ теоріяхъ, а теперь—иное дѣло!—Равиньянъ, en qualité de Jésuite, est plus conséquent. Онъ началъ съ разума въ первой конференціи.

Не можете-ли вы увѣдомить меня обстоятельнѣе о книгѣ или о бумагахъ Лейбница, кои печатаетъ какой-то профессоръ, почерпнувъ оныя изъ Московскаго архива. Я видѣлъ это въ вашемъ журналѣ, въ числѣ готовящихся книгъ. Меня это очень интересуеть, ибо я списалъ или мнѣ подарилъ Малиновскій большую тетрадь бумагъ Лейбница, переписанныхъ въ Московскомъ архивѣ. Я давалъ ихъ просматривать Гумбольду и профессору Галскому—Эрдману, издателю и биографу Лейбница. Я бы самъ желалъ издать то, что имѣю: все у меня изъ рукъ выбираютъ (95); да и издатели Котошихина не упомянули, что я, вмѣстѣ съ Соловьевымъ, нашель его, а представилъ о немъ и прежде его, Государю, и по моему представленію Котошихина и напечатать велѣно немедленно ¹⁾). Получилъ и 1-ю проповѣдь Равиньяна, но долженъ послать въ Москву.

Князю Виземскому.

5-го марта, утро.

Я отдалъ вчера письмо и особый пакетъ съ письмами и брошюрами на твое имя кн. Кочубею (чрезъ кн. Волконскаго), а такъ какъ онъ ѣдетъ завтра, то вотъ и еще письмо, съ книжкою и съ

¹⁾ См. примѣч. 56.

«Святелемъ» два №, для К. С. Сербиновича; отошли ему вмѣсто d'André—Раневаль, а Андре въ Туринъ; а l'Univers, съ конференцію Равиньяна въ Москву.

Примѣчанія. 92) Въ бытность свою въ Москвѣ въ 1842 году, А. И. Тургеневъ говорилъ юнымъ Московскимъ философамъ, что „всѣ порядочные люди приняли сторону Шеллинга и что Гегель похороненъ“ („Русск. Арх.“ 1880 т. II, стр. 283).

93) Старчевскій написалъ рецензію на „Historica Russiae Monumenta“ („Журн. Мин. Нар. Просв.“ ч. XLI, VI, стр. 16).

94) Въ 1843 году, была издана въ Парижѣ и напечатана въ Брюсселѣ, въ четырехъ частяхъ извѣстная книга маркиза де Кюстина подъ заглавіемъ: „La Russie en 1839“. Эпиграфомъ для своей книги авторъ избралъ слѣдующія слова изъ поученія Владиміра Мономаха: „Чтите гостя, откуда же къ вамъ придетъ, или простъ, или добръ, или голъ, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ: ты бо мимоходячи прославить челоуѣка по всѣмъ землямъ, либо добрымъ, либо злымъ“. Жуковскій писалъ къ Булгакову: „читалъ ли ты собаку Кюстина? Вѣрно читалъ“. („Русск. Арх.“ 1868, стр. 1447).

95) Въ 1843 году Посселятъ издалъ книгу подъ заглавіемъ „Peter der Grosse und Leibnitz. Dorgat und Moscau“. 8o.

Н. П. Варсуковъ.

XXII.

Champrosay. 1844 г. Октября 1-го (13-го).

Я нашелъ въ Парижѣ и письмо ваше, любезнѣйшій Константинъ Степановичъ, и пакетъ съ выходами (96) и съ двумя № вашего наставительнаго и любопытнаго журнала; о письмѣ я зналъ, но не читалъ его прежде; иначе бы давно поблагодарилъ васъ за сердечное изъявленіе сокровенныхъ чувствъ вашихъ и за бесѣду о высшихъ благахъ міра сего, коихъ мы, для нашего возрожденія духовнаго и душевнаго, безпрестанно лишаемся, да—лучшихъ и истинныхъ удостоимся, хотя и не здѣсь...

Жаль, что я не могъ отвѣчать вамъ на это письмо изъ моихъ Вильбадскихъ, Гейдельбергскихъ и Кисингенскихъ уединеній: сердце тогда было на просторѣ и билось согласно съ вашими; полно грустію и тоскою—по другому мірѣ и по отшедшихъ въ него: и здѣсь тоже, да уже не такъ!...

Я писалъ къ вамъ нѣсколько словъ изъ Гейдельберга, съ попутчикомъ, коего поручалъ вамъ, и изъ Франкфурта съ гр. Протасовымъ, съ коимъ говорилъ о васъ какъ думалъ и чувствовалъ: съ тѣхъ поръ я здѣсь,—лѣчусь по предписанію Хеліуса, но не съ большимъ успѣхомъ; боль едва-ли уменьшилась, сила ходить слабо

возвращается, приближеніе сырой осени и зимы страшить меня; одна надежда на нѣмецкихъ докторовъ и на богемскія или нѣмецкія воды будущимъ лѣтомъ снова оживляетъ меня. Надѣялся послать къ вамъ двѣ или три книжки, самъ былъ въ посольствѣ, но приняли только пакетъ съ письмами и съ № Sémour, коего опять рекомѣндую и вамъ—свыше просвѣщенному, и другому граждански просвѣщенному министерству. Почти въ каждомъ № статья полезная или любопытная и всегда ученіе (doctrine) здравое; также всѣ главные европейскіе вопросы, qui palpitent de l'interêt du moment et même de l'avenir; въ немъ объясняется изъ высшей религіозной—христіанской точки зрѣнія. Я посылаю его въ Москву, но только когда оказіи случаются, а вамъ бы должно было, для собственнаго чтенія, и для редакціи журнала, получать его благовременно и аккуратно. Устройте это: если нельзя, то я хотя изрѣдка буду высылать вамъ примѣчательнѣйшія статьи онаго. Grandpierre (проповѣдникъ христіанскій du culte non-salarié, протестантъ) издалъ толкованіе на Pentateuque: хвалятъ очень.

Vinet, Лозанскій Вильмень, и проповѣдникъ, лекціи (литографированныя) о литературѣ французской, 19-го столѣтія,—большею частію о Шатобрианѣ и М-мѣ Stahl; перваго строго, но справедливо разбираетъ; о самихъ повѣйшихъ литературныхъ явленіяхъ, такъ какъ и о Наполеонской эпохѣ—кратко, хотя и дѣльно важнѣйшее; хотя и не новое явленіе два новыя изданія Паскаля: Кузенья и Famlet: послѣднее въ двухъ частяхъ съ портретомъ, и лучшее; но и Кузенья нуженъ для полнаго взгляда на Паскаля, въ его ресторированной формѣ! Не должно упускать изъ вида и перваго, стариннаго Портроялевскаго изданія. Этихъ 3-хъ достаточно.

M-me la princesse Belgioso, отпѣтающая красавица, sans peur, mais non sans reproches—осмѣлившаяся издать книгу въ 4-хъ частяхъ, о развитіи догмата католическаго, недавно издала другую: переводъ Вико (Канта Италіи), съ примѣчательнымъ предисловіемъ, въ коемъ помѣстила и его біографію. Хотя послѣднее выбрано и изъ аутобіографіи самаго Вико, но увѣряетъ, что и M-me Belgioso дополнила ее любопытными указаніями и объясненіями. Ея поступокъ съ историкомъ слѣпцомъ Тьеремъ (Тъери), лучше книгъ ея, и она можетъ съ болѣею справедливостію нежели Вольтеръ, сказать о себѣ: «J'ai fait un peu de bien, c'est mon meilleur ouvrage». Тьерсъ (Тъери) недавно овдовѣлъ, и лишился въ женѣ ангела-хранителя и секретаря и чтеца своего: Belgioso навяла дачу и предложила ему жить подлѣ нея и ухаживаетъ за нимъ безкорыстно: en tout bien et etc. «Honni soit qui mal y pense».

Я читаю «Москвитянина» и очень доволенъ статью Стурдзы: О Христіанской философіи. Такъ бы и профессора ваши должны писать и не умничать ни въ слогѣ, ни въ полумысляхъ своихъ, конхъ одна темнота напоминаетъ худшую сторону нѣмецкихъ школъ, на кои они нападаютъ ихъ же оружіемъ, и морочатъ насъ своею терминологіею, подъ кою скрываются или пошлыя истины, или клевета на Европу, или просто—безтолочъ! Sapienti sat. Но и въ нихъ замѣченъ прогрессъ, (ихъ же выраженіе). Эксъ-профессоръ Погодинъ, фаворитъ вашего добраго графа П. (Протасова), уже не рассказываетъ намъ за какую цѣну купилъ онъ панталоны у носячаго въ Парижѣ (97)! И на Европу замѣтилъ я менѣе нападковъ въ «Москвитянинѣ», даже и у тѣхъ, кои сами научились писать у европейцевъ.

Впрочемъ я съ благодарностію читаю здѣсь Москвитянина, въ немъ много любопытныхъ статей, хотя все еще, какъ говаривалъ балагуръ Нарышкинъ объ умномъ и просвѣщенномъ въ его время архимандритѣ—послѣ московскій митрополитѣ—Платонѣ: «умень, умень, а всё и отъ него тѣшкой пахнетъ». Отъ «Москвитянина» также иногда несетъ козымъ болотомъ, но за все спасибо и большое; я право сердечно люблю издателей, напр.: Шевырева, хотя иногда и швыряю въ нихъ камнями, но надѣюсь не попадая и безвредно.

Я теперь не въ Парижѣ и не имѣю здѣсь вашей записки о книгахъ, высланныхъ и еще у васъ хранящихся; желалъ бы имѣть два или три экзempl. моихъ актовъ римскихъ, и по одному всего, что вновь выходитъ; остальное сберегите подъ моимъ адресомъ, или отошлите сестрицѣ Нефед. въ Москву, для храненія. Если выздоровлю, хотя слегка, то приѣду лѣтомъ въ Россію. Скажите Б. М. Ѳедорову мой сердечный поклонъ и что его выписки о Петрѣ I и пр. Русскіе здѣсь просятъ у меня. Вы только 5 экз. 4-й тетрадки прислали: нельзя ли болѣе, да хотя по 1-й и первыхъ; будетъ ли 5-я?

Поцѣлуйте ручки нѣжно и почтительно у вашего милаго ангела. Поблагодарите издателей Археограф. Ком., а болѣе себя самихъ.

Весь вашъ на вѣки А. Тургеневъ.

Я былъ два раза въ L'asneul—и спорилъ съ послушникомъ Иваномъ-Ксаверіемъ; но объ этомъ болѣе послѣ (98); не онъ во всемъ виноватъ, а мы, т. е. вы, я, Фил. ¹⁾ Мур. (Муравьевъ) и весь латаргизмъ нашего православія: опять: sapienti sat. Дайте волю думать и вѣрить (не дѣйствуя въ отношеніи къ другимъ) и вы со-

¹⁾ См. примѣч. 69.

храните многихъ отступниковъ: образуются, просвѣтятся и останутся въ лонѣ матери-церкви, или христіанства: sapienti sat.

Отвѣчайте на статью въ Дебатахъ 11-го окт. (3-го дня) о попѣ Домбровскомъ, высѣченномъ кнутомъ 150 ударами! и на 147-мъ умершемъ! Она возбудила здѣсь негодованіе въ лучшихъ умахъ и въ добрыхъ сердцахъ: я едва успокоилъ Рекамье и Шатобриана, объяснивъ имъ, что и при милосердой монархинѣ Елисаветѣ Петровнѣ, уничтожившей смертную казнь—не болѣе 101 удара за смертоубійство, а что нынѣ гораздо менѣе, что священство совсѣмъ не подвержено тѣлесному наказанію, наравнѣ съ дворянствомъ, что эта статья явная клевета, и проч. Изъ учтивости повѣрили мнѣ, но не совсѣмъ. Огласите истину, или объясните фактъ; мы не вправѣ пренебрегать и клеветою, особливо когда дѣйствуемъ на умы самыя непристрастныя. Чѣмъ опровергать былъ и небылицу Кюстина ¹⁾, лучше бы уничтожать такіе поклёпы, опровергать словомъ и дѣломъ.

Поклонитесь отъ меня графу. Познакомьте нашу или вашу публику съ превосходной книгой Шлейермахера (изъ его „Litterarischer Nachlass“) Die christliche Sitte Jonaz—омъ, изданіе 1843 г. 706 страницъ текста и 192 стр. Beilage.

Это сокровищница и для православія, міра христіанскаго. Изъ сей книги (конца нѣтъ).

Примѣч. 96. «Выходы государей царей и великихъ князей Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича», изданные въ 1844 году, въ Москвѣ П. М. Строевымъ.

97. Черезъ Шевырева, Погодинъ пользовался расположеніемъ графа Протасова. Въ 1844 году, Погодинъ оставилъ университетъ и въ томъ же году издалъ свой «Дорожный Дневникъ», въ которомъ дѣйствительно, между прочимъ, мы находимъ и подобныя свѣдѣнія: Въ Парижѣ «сюртуки теперь почти куртки съ короткими рукавами, извольте же нарядиться такимъ шуткомъ. Да совѣстно будетъ вспомнить о своихъ студентахъ (II, стр. 12) «Надѣваю короткій сюртучекъ и пускаюсь во вся тяжкая! Ха, ха, ха! что сказали бы мои Московскіе пріатели, услышавъ это рѣшеніе!» (II, стр. 24—25) «Купилъ на бульварѣ лѣтнее платье, и съ поспѣшностью, которая всегда обходится мнѣ дорого: мнѣ сперва скучно было примѣривать много, потомъ совѣстно не купить примѣривши, наконецъ стыдно подать слишкомъ малую цѣну въ сравненіи съ запрошенной. Скучно, совѣстно и стыдно, и того: я купилъ дурное платье, не вѣру и дорого. Бульварные продавцы, какъ узналъ я послѣ, родные братья нашимъ площаднымъ, не смотря на свою цивилизацію» (II, стр. 117—118).

98. Рѣчь идетъ о князѣ Иванѣ Сергѣевичѣ Гагаринѣ, поступившемъ въ Орденъ Іезуитовъ. Въ одномъ письмѣ его мы читаемъ: „Въ 1843 году я

¹⁾ См. примѣч. 94.

оставилъ свѣтъ и поступилъ въ новиціатъ ордена іезуитовъ въ Ахеоланскую обитель, гдѣ и оставался до сентября 1845 года. Въ Ахеоланской обители меня навѣстили А. И. Тургеневъ, мы долго съ нимъ разговаривали про былое время“ („Русск. Арх.“ 1865, стр. 1034). «Русская Литература», пишетъ И. С. Аксаковъ, «обязана вѣчною благодарностью князю И. С. Гагарину: онъ не только первый умѣлъ оцѣнить поэтическій даръ Тютчева, но и обратилъ его въ дѣйствительное достояніе Россіи. Безъ его усилій, безъ его посредства, едва ли бы когда эти перлы Русской поэзіи увидѣли свѣтъ въ Русской печати; онъ первый познакомилъ съ ними князя Виземскаго и Жуковскаго, а впоследствии и Пушкина» (ibid. 1879. II, стр. 118).

Н. П. Варсузовъ.

Въ сентябрѣ 1878 г. мы имѣли удовольствіе посѣтить И. С. Гагарина въ Парижѣ, на Севрской улицѣ, въ іезуитскомъ монастырѣ. Мы встрѣтили въ немъ весьма живаго, умнаго старика, весьма живо интересующагося всѣмъ, что относится до Россіи. вмѣстѣ съ достопочтеннымъ русскимъ ученымъ Мартыновымъ (также братомъ іезуитскаго орлена) онъ основалъ Кирило-Меоодіевскій музей—особый отдѣлъ славяно-русскихъ книгъ въ громаднѣйшей библиотекѣ отцевъ іезуитовъ.

Ред.

XXIII.

Парижъ. 1844 г. 8-го ноября (окт.).

Вы знаете, что Жуковскій переводитъ Одиссею—и уже 10-ю пѣснь кончилъ; вы можете полагать, что переводъ хорошъ, а я смѣю увѣрить васъ, что онъ превосходный и едва ли не лучше Фосова; о другихъ и говорить нечего!—Этотъ переводъ намѣренъ онъ издать въ двухъ изданіяхъ: одно, съ греческимъ текстомъ для юношества и для училищъ, другое—безъ текста, для всей публики; въ первомъ будутъ нѣкоторые стихи выпущены *et roue sause*. Этотъ переводъ долженъ служить наслѣдствомъ для дѣтей его, вѣрнымъ кускомъ хлѣба—потомству Жуковскаго.

Желая обезпечить вѣрное и выгодное изданіе Одиссеи, я полагалъ бы, что свѣтское и духовное народное просвѣщеніе можетъ принять переводъ сей, какъ книгу классическую и ввести ее въ духовныя и гражданскія училища, и конечно Жуковскаго переводъ Одиссеи болѣе этого заслуживаетъ, чѣмъ бесполезная Русская Исторія Погодина, обогатившая автора разборомъ по училищамъ (99). Спрашиваю васъ: какимъ средствомъ можно упрочить Жуковскому эту надежду или исполненіе оной? Графъ Протасовъ любитъ и уважаетъ самъ Жуковскаго. Посовѣтуйтесь съ нимъ и провѣдайте въ министерствѣ просвѣщенія, какъ это тамъ дѣлается и увѣдомьте меня или самаго Жуковскаго поскорѣе, хотя дѣло и не къ спѣху.

Я все хвораю, но менѣе страдаю. Отъ васъ ни слова, а получилъ

только царскіе выходы ¹⁾ и два № журнала просвѣщенія; нѣтъ-ли новыхъ изданій Археогр. Ком? Читаю много. Послать ничего нельзя; едва укладываю брошюры для Москвы и то окоротивъ ихъ въ три погребеля.

Имѣете-ли англійскаго Б ю ст и н а? Revelations of Russia? Совѣтую выписать и отвѣтъ въ статьѣ «New 4-ly and foreign Review». — Любопытно, — послать не смѣю и не могу, первой особенно.

Для чего вы ни слова о брошюрѣ Стурдзы на франц. Pensées religieuses и пр., въ Яссахъ напечатанной.

Обнимаю васъ дружески и прошу не забывать меня въ молитвахъ да и въ письмахъ вашихъ, и поклониться гр. Протасову. — Весь вашъ А. Т.

Борису Михайловичу усердный поклонъ. Будеть-ли 5-я тетрадка выписокъ изъ моихъ бумагъ?

Да пожалуйста пришлите хотя два экз. еще Римскихъ актовъ моихъ; они у васъ залежались или въ канцеляріи гр. Нессельроде.

Его прев-ству Константину Степановичу Сербиновичу.

Примѣч. 99. „Начертаніе Русской Исторіи для гимназій“. М. 1835 г. Этотъ учебникъ Погодинъ написалъ по порученію графа С. С. Уварова и по свидѣтельству самаго автора, „долженъ былъ его представить въ скорѣйшемъ времени. Вслѣдствіи чего онъ могъ обработать согласно съ своимъ планомъ только древнѣйшую часть, предполагая продолжать исправленіе по частямъ при всякомъ новомъ изданіи. Во второмъ изданіи, которое послѣдовало чрезъ годъ, онъ обработалъ литературу Русской Исторіи. Дальнѣйшее исправленіе остановилось вслѣдствіе принятія для гимназическаго курса Исторіи Устрялова.“ (Биогр. Слов. Моск. Универс., II. стр. 253).

Н. П. Барсуковъ.

XXIV.

К. С. Сербиновичу.

Москва. 19 сентября.

Письмо и записку вашу получилъ, любезный К. С., и буду отвѣчать послѣ подробно. Теперь же прошу приказать навѣдаться, какіе остались для меня пакеты непосланными въ канцеляріи Нессельроде и когда послѣдніе посланы. Я писалъ въ Парижъ, чтобы меня увѣдомили какіе именно тамъ томы и какихъ именно изданій, и напишу къ вамъ какіе у меня здѣсь. Кажется нѣкоторыхъ частей не достаетъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ.

¹⁾ См. примѣч. 96.

Могу-ли надѣяться получить два или три экзмп. моихъ римскихъ актовъ: всё просятъ въ Германіи, даже Д-ръ Шенлейнъ, для Бамбуга, а достать нельзя. Кошкина также у меня нѣтъ. Кто позволилъ Языкову напечатать (100) Лирія? Это моя собственность и копія не была дана ему въ собственность.

Нельзя-ли выслать сюда то, что хранится у Нессельроде, но конечно лучше бы было, если бы послали прямо въ Парижъ à Paris № 14 Rue neuve du Luxembourg.

Жаль, что мы не видались здѣсь и что вы не присутствовали при открытіи памятника К. Не можете-ли вы доставить мнѣ рисунокъ съ онаго? Я только знаю его по слухамъ, и описанія не читалъ нигдѣ, и желалъ бы имѣть понятіе объ идеѣ памятника, о барельефахъ. Были-ли рисунки—(101)?

Весь вашъ—Тургеневъ.

Нѣтъ-ли чего новаго по церковно-духовной части, и журнала про свѣщенія давно не получаю.—

На оборотѣ: князю П. А. Виземскому.

Примѣч. 100. Записки Дюка Лирийскаго были изданы Д. И. Языковымъ въ 1845 году. Этимъ опредѣляется и время написанія письма А. И. Тургенева. Французская рукопись, съ которой Языковъ сдѣлалъ свой переводъ, принадлежит теперь К. Н. Бестужеву-Рюмину: это тетрадь въ 4-ку въ 164 нумерованныхъ страницъ, писанная почеркомъ 20-хъ годовъ текущаго столѣтія, по опредѣленію Д. А. Корсакова. («Воцареніе императрицы Анны Іоанновны» Каз. 1880, стр. XXXIV).

Примѣч. 101. Рѣчь идетъ о памятникѣ Карамзину, который былъ открытъ въ Симбирскѣ въ 1845 году. По вызову Симбирскаго дворянства М. П. Погодинъ написалъ похвальное слово Карамзину, которое произнесено было ораторомъ при открытіи памятника. На это же событіе Н. М. Языковъ написалъ стихотвореніе и посвятилъ его А. И. Тургеневу. Слѣдующіе стихи изъ него вспомнились И. С. Аксакову при открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ:

.... Слава времени, когда—

И мирный гражданинъ, подвижникъ незабвенный

На полѣ книжнаго труда,

Вѣнчанный славою, и гордый воевода,

Герой счастливый на войнѣ,—

Стоитъ торжественно передъ лицомъ народа

Уже на ровной вышинѣ!

Подробности объ открытіи памятника Карамзину находятся въ письмѣ М. П. Погодина къ М. А. Дмитріеву («Москв.» 1845. № 9).

Н. П. Барсуковъ.

XXV.

Москва, 1845. 13 октября.

Податель сего Александръ Николаевичъ Поповъ, известный, вѣроятно, и вамъ, нѣкоторыми прекрасными статьями о философіи, о русской исторіи, и проч., отправляется на службу въ Петербургъ. Зная васъ и по тѣмъ, кои любятъ и почитаютъ васъ, и по издавію журнала Просвѣщенія, онъ желаетъ лично съ вами познакомиться. Я и самъ намѣренъ былъ ему предложить тоже, ибо увѣренъ, что вамъ и рѣдко образованный умъ г. Попова, и благородный характеръ его, и необыкновенныя знанія его, будутъ находкою для вашего досуга, какъ и для самой дѣятельности въ высшемъ кругу нашей словесности учебной и ученой. Мнѣ случалось называть его здѣсь вторымъ Сербиновичемъ, и когда вы узнаете покороче г. Попова, вы убѣдитесь, что и эта похвала не была слишкомъ преувеличенною, но заслуженною (102).

На сихъ дняхъ г. Поповъ читалъ намъ превосходную книгу— статью свою о Шлецерѣ; причитавшись и наслушавшись здѣсь, да и во многихъ Петербургскихъ журналахъ и книжкахъ, русскаго слова, я чистосердечно убѣдился, что никто изъ нашихъ молодыхъ писателей такъ правильно и отчетливо, такъ хорошо не пишетъ. Съ изученіемъ великаго историка-критика, его вліянія на тогдашній германскій міръ и на всю сѣверную и особенно русскую исторію, г. Поповъ соединяетъ ясный, свѣтлый умъ, здравое сужденіе, образованное начитанностію классическихъ авторовъ и новѣйшихъ лучшихъ критиковъ въ исторіи. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ появленія въ свѣтъ этой превосходной диссертациі и увѣренъ, что и въ Германіи, въ отечествѣ Шлецера, и у его удѣлѣвшихъ немногихъ учениковъ и у многочисленныхъ почитателей, она найдетъ одобрителей, и останется, и послѣ панегирика біографическаго Герена о Шлецерѣ, однимъ изъ блестящихъ и не скоро увядаемыхъ цвѣтковъ на гробѣ свѣтоносца во тьмѣ нашей древней отечественной исторіи (103). Вы раздѣлите со мною сіе мнѣніе о трудѣ г. Попова, когда прочтете его и мнѣніе мое объ авторѣ, когда съ нимъ познакомитесь. Постарайтесь только побѣдить его скромность; онъ добрый Москвичъ—разумѣю подъ нимъ и русскаго—и ѣдетъ въ Петербургъ съ сжатымъ сердцемъ; но люди, ему подобныя, при необыкновенныхъ способностяхъ и трудолюбіи, находятъ—если не счастье, то миръ свѣтлой души и подъ чужимъ небомъ. Отогрѣйте его въ вашемъ гостепріимномъ и свѣтозарномъ пріютѣ.

Я писалъ къ вамъ прежде чрезъ кн. Вяземскаго и поручилъ

на сихъ дняхъ старому моему сослуживцу стат. сов. Ивану Петровигу Черныяеву, отправляющемуся отъ сюда, послѣ завтра, въ Петербургъ, побывать у васъ и съ позволенія вашего сдѣлать опись содержанію пакетовъ у васъ, для меня хранящихся,—(я уже имѣю записку вашу о нихъ)—и распечатать тѣ пакеты, кои отданы въ канцелярію гр. Нессельроде—на что даю ему особенную довѣренность, и по исчисленіи всего, что въ нихъ находится, увѣдомить о томъ меня, и прислать реэстръ, по коему бы я могъ отмѣтить то, что нужно оставить въ Петербургѣ, для отправленія на мое имя за границу и что прислать сюда. Онъ, чрезъ сына своего, служащаго при Синявинѣ, въ Азіатскомъ Департаментѣ, похлопочетъ и о скорѣйшемъ отправленіи тѣхъ изъ пакетовъ, кои, по отмѣткѣ моей, возвратить онъ въ канцелярію гр. Нессельроде.

Пожалуйста не откажитесь приказать показать ему мои книги, у васъ оставшіяся, и позвольте ему быть моимъ у васъ представителемъ и хлопотуномъ по сему дѣлу. Да не забудьте дополнить чего недостаетъ; всего нужнѣе для меня—Римскіе акты, ибо вездѣ ихъ требуютъ, а нигдѣ нѣтъ. И журнала вашего давно не получалъ.

Что дѣлаетъ нашъ добрый Борисъ Михайловичъ Федоровъ? Не откликнется ли онъ на мой дружескій привѣтъ письмомъ о себѣ, о Русской Словесности, о его участіи въ оной, о его планахъ и пр.?—Познакомьте и его съ Поповымъ.

Я все страдаю и едва передвигаю ноги отъ задышки и ревматизма; но желалъ бы, по дѣламъ, заглянуть и въ Петербургъ, до отъѣзда къ водамъ, откуда, неизлѣченный, возвратился. Страшусь вашего холода и не столько нравственно-сердечнаго, сколько физическаго. Напомните обо мнѣ всѣмъ вашимъ милымъ ближнимъ.

Андрей Карамзинъ былъ опасно боленъ и еще продолжается нервическая слабость, его изнуряющая; 4-го дня пріѣхалъ къ нему братъ Александръ изъ деревни и охраняетъ его братними о немъ попеченіями. Ему нуженъ покой; бываю у него почти ежедневно, но видѣлъ въ болѣзнь только два раза; посѣтители вредны ему; ему нуженъ покой совершенный.

Что дѣлаетъ наша церковная словесность? Нѣтъ-ли новаго отчета? новыхъ конспектовъ по богословію? Поклонитесь отъ меня графу Н. А. и скажите ему, что полезно бы было опровергнуть поклепы, на васъ высказанные въ журналахъ—о Ковно и проч.—А иначе скажутъ, хотя не совсѣмъ справедливо:

«А Васька слушаетъ—да ѣсть!»

Обнимаю васъ мысленно и прошу, принять увѣреніе въ искреннемъ, старинномъ почитаніи и привязанности—Тургеневъ.

Читали-ли «Диссертацию Соловьева», ¹⁾ вступившаго здѣсь на кафедру Погодина, объ отношеніяхъ Москвы къ Новгороду? Примѣчательное явленіе въ нашей безотраднѣйшей литературѣ, хотя автора и упрекають въ излишнемъ молчаніи о Карамзинѣ. О семъ трудѣ нужно бы вамъ упомянуть въ вашемъ критическомъ обзорѣ русскихъ произведеній. Жаль, что 300 экзempl., авторомъ напечатанныхъ, уже разошлись; но у васъ все подъ рукою.—Говорили-ли въ журналѣ о новой церкви въ Германіи? «Novus ab integro nascitur ordo!» хотя и нѣтъ еще Меланхтона, а только Лютерчики, какъ прыщи по всему германскому тѣлу; но чѣмъ слабѣе орудія, тѣмъ сильнѣе проявляется необходимость—и spontanéité цѣли, къ которой стремятся: «сила Божія въ немощахъ совершится». Плевеи рационализма отдѣлятся отъ зерна горчишна и отъ питательнаго прозябенія.—И созрѣетъ плодъ во время свое; даже и на Гегелевой и Штрауссовой почвѣ: духъ идѣже хочетъ—дышать.

Его Прев-ству Константину Степановичу Сербиновичу, г. директору канцеляріи г. оберъ-прокурора св. синода въ Спб.

Примѣчаніе 102. Александръ Николаевичъ Поповъ скончался въ Петербургѣ 16 ноября 1877 г. Смерть застала его надъ большимъ трудомъ о „12-мъ годѣ“, которому онъ преданъ въ послѣдніе годы своей жизни. Рядъ обширныхъ очерковъ изъ этого превосходнаго и въ высшей степени интереснаго труда былъ имъ напечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ“ и въ „Русской Старинѣ“ изд. 1877 года томы XVIII, XIX и XX.

103. Сочиненіе А. Н. Попова подъ заглавіемъ: „Шлецеръ разсужденіе о Русской Исторіографіи“ было напечатано въ „Московскомъ Сборникѣ“ на 1847 годъ (стр. 397—483) тогда, когда А. И. Тургенева уже не было въ живыхъ. Въ августѣ 1845 г., онъ пріѣхалъ въ Москву и былъ по обыкновенію очень веселъ и шутивъ, являлся во всѣхъ собраніяхъ. 30 ноября въ пятницу былъ на балѣ у князя А. Г. Щербатова; 1 декабря въ субботу слушалъ первую публичную лекцію Т. Н. Гранновскаго; 2-го, въ воскресенье, провелъ полдня въ пересыльномъ замкѣ на Воробьевыхъ горахъ; и наконецъ въ день смерти въ понедѣльникъ, 3-го декабря, все утро писалъ письма въ Парижъ, отвезъ ихъ въ почтамтъ, а въ шестомъ часу послѣ обѣда скончался въ тѣсномъ, загроможденномъ портфелями и книгами мезонинѣ небольшого дома двоюродной сестры своей А. И. Нефедьевой. Погребеніе совершалось 7-го декабря въ приходской церкви Св. Власія. Высокопреосвященный Филаретъ митрополитъ Московскій отдалъ ему послѣдній долгъ. „Съ какою глубокою думою во взорахъ“, пишетъ очевидецъ Погодинъ, „нашъ досточтимый Архипастыръ бросилъ послѣднюю горсть земли на закрывшіяся вѣжды“. „Моск. Вѣдом.“. 1845 № 148. Жуковскій горько оплакивалъ кончину А. И. Тургенева: „Вотъ и еще одинъ дорогой товарищъ жизни меня оставилъ, и онъ изъ всѣхъ былъ самый давнишій. По старшинству дѣтъ надлежало бы мнѣ пойти впе-

¹⁾ Сергія Михайловича.

редъ", (Русск. Арх. " 1868, стр. 1456). Когда Булгаковъ доставилъ Жуковскому статью Погодина о Тургеневѣ, то Жуковский писалъ: „Благодарю тебя, мой милый, за доставленіе статьи Погодина. Въ ней есть хорошее, потому что она написана съ доброжелательствомъ и убѣжденіемъ. Но она, какъ все, что пишетъ Погодинъ, алиповата. Въ Погодинѣ нѣтъ никакого такту. Я бы желалъ, чтобы Вяземскій написалъ о нашемъ добромъ отшедшемъ. Погодинъ не умѣлъ описать ума его: на это у него нѣтъ чутья. Никто кромѣ Вяземскаго не можетъ его выразить вѣрно и сходно“ („Сочиненія Жуковскаго“ Изд. 1878 г. VI, стр. 566).

Это желаніе друга своего князь П. А. Вяземскій исполнилъ только въ 1875 году и въ „Русскомъ Архивѣ“ (стр. 57—71) начерталъ намъ чудный образъ Тургенева, въ которомъ, по желанію Жуковскаго, „неуловимая физиогномія ума Тургенева и весь чистый фимиамъ его души сбережены вполнѣ для его любившихъ, для современниковъ и для потомства“ („Жуковский. VI, стр. 566).—

Н. П. Барсуковъ.

18 декабря 1880 г.

С. Петербургъ

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ПОПОВЪ.

† 16-го ноября 1877 г.

Восторженный отзывъ А. И. Тургенева (см. выше, стр. 459) объ А. Н. Поповѣ вполне справедливъ. Это былъ замѣчательный ученый и писатель-историкъ. Съ обширною начитанностію онъ соединялъ замѣчательное трудолюбіе; впрочемъ говорилъ еще лучше, нежели писалъ: бесѣда его была поистинѣ увлекательна. Мы знали А. Н. съ 1860 года, часто встрѣчая его у общаго съ нимъ друга нашего А. Ѳ. Гильфердинга, столь безвременно скончавшагося въ 1872 г.

Съ самаго начала изданія «Русской Старины» А. Н. Поповъ относился къ этому журналу съ большимъ сочувствіемъ. Самая программа журнала и первое объявленіе объ этомъ изданіи были написаны нами въ ноябрѣ 1869 года, по совѣщаніи съ А. Н. Поповымъ. Лучшія главы изъ блестящаго во всѣхъ отношеніяхъ труда Попова о 1812 годѣ напечатаны имъ въ «Русской Старинѣ».

Съ глубокою скорбію вспоминаю я о моемъ послѣднемъ свиданіи съ А. Н. Возвратившись изъ деревни въ октябрѣ 1877 г., я въ концѣ этого мѣсяца пошелъ къ нему провести вечеръ. А. Н. много лѣтъ жилъ на Николаевской улицѣ, домъ Губина, въ полнѣйшемъ уединеніи съ своимъ камердинеромъ. А. Н. отдыхалъ, по обычаю, на диванѣ; слуга его разбудилъ и онъ, вскочивъ, съ пріятливою улыбкою встрѣтилъ меня и сѣлъ за свой письменный столъ. Я усѣлся противъ, предвкушая удовольствіе продолжительной и, какъ всегда, интересной его бесѣды. Къ величайшему моему изумленію, А. Н. молчалъ, улыбка исчезла съ его губъ, лицо подернулось глубокою скорбію и выраженіемъ тяжкаго страданія. Я, ничего не подозревая, заводилъ рѣчь то о томъ, то о другомъ, но предо мной сидѣла безгласная фигура со сложенными на груди руками, съ глазами, полными жизни, но совершенно безмолвная. Нѣсколько минутъ я объяснялъ себѣ молчаніе А. Н. тѣмъ, что онъ былъ внезапно разбуженъ отъ глубокаго послѣобѣденнаго сна. Но прошла четверть часа, показавшаяся мнѣ цѣлымъ часомъ, а я не слышалъ отъ хозяина еще ни одного слова. Человѣкъ принесъ, какъ теперь помню, послѣдній № «Нивы». А. Н. съ самою серьезною миною обратился къ журналу и сталъ разрѣзать ножомъ свернутые листы; послѣ новыхъ вопросовъ, онъ откинулся внезапно на спинку кресель и проговорилъ какимъ-то удушливымъ голосомъ: «вотъ что мнѣ нужно!»—и указалъ рукой на лежащій на столѣ ножъ и на свое горло. Тутъ

только мгновенно я понялъ, что предо мною сидитъ пораженный тяжкимъ недугомъ человекъ. Я отодвинулъ ножъ, сталъ успокаивать А. Н. и, выйдя, подъ какимъ-то предлогомъ, въ сосѣднюю комнату, узналъ отъ его камердинера, что съ А. Н. «вотъ уже недѣля какъ что-то неладно». Его поразили ударъ, почти отнявшій языкъ.

Достоинъ вниманія, что приближеніе удара А. Н. самъ предчувствовалъ, сказавши однажды, не задолго до болѣзни, А. Θ. Бычкову: «странное дѣло, я чувствую, что все болѣе и болѣе теряю способность мыслить и говорить; голова видимо отказывается служить мнѣ».

На другой день послѣ моего посѣщенія, больной слегъ окончательно, а затѣмъ приѣхала къ нему, послѣ многихъ лѣтъ разлуки, его жена, при которой онъ и скончался 16-го ноября 1877 г., послѣ двухъ недѣль совершенно безсознательнаго состоянія.

Тогда же нами были выпущены въ свѣтъ отдѣльные оттиски его прекраснаго труда подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

На память отъ А. Н. Попова.
† 16-го ноября 1877 года.

Отечественная война.

1812 г.

Отъ Малоярославца до Березны.

Историческое изслѣдованіе

Александра Николаевича Попова.

Оттиски изъ „Русской Старины“.

Спб. 8 д. 269 стр.

Все количество этого отдѣльнаго изданія было доставлено нами вдовѣ покойнаго и мы недоумѣваемъ: какъ это изданіе цѣликомъ, и въ томъ же ноябрѣ мѣсяцѣ, могло попасть на толкучій рынокъ въ Петербургѣ? Любопытно бы знать — болѣе ли посчастливилось обширному собранію рукописей покойнаго? гдѣ и у кого онѣ? берегутъ-ли ихъ и явятся-ли онѣ въ свѣтъ? А ихъ было много, и А. Н. Поповъ всегда съ удовольствіемъ показывалъ намъ толстыя тетради, уже приготовленныя имъ частью вчернѣ, частью уже въ перебѣланныя, различныхъ монографій, преимущественно изъ эпохи Александра Павловича.

Искренно желаемъ, чтобы равнодушіе или неуваженіе къ памяти писателя и ученаго не истребили-бы плоды трудовъ А. Н. Попова, — писателя, вызывавшаго къ своему уму и дарованіямъ—еще въ 1845 году—восторженныя похвалы столь замѣчательнаго человекъ, какимъ былъ Александръ Ивановичъ Тургеневъ.

Ред.

ВОСПОМИНАНІЯ АЛЕКСАНДРА ФИЛИПОВИЧА ФРОЛОВА

ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ Д. И. ЗАВАЛИШИНА.

Слѣдуя постоянному, руководящему насъ многіе годы, правилу при изданіи „Русской Старины“,—правилу сохраненія самаго строгаго безпристрастія, мы даемъ мѣсто на страницахъ нашего журнала статьѣ Александра Филипповича Фролова (декабриста), статьѣ, вызванной Записками Д. И. Завалишина.

Будущій историкъ занятія и заселенія Амура и Амурскаго края, а равно изслѣдователь устройства и быта крайне интересной артели декабристовъ, людей весьма просвѣщенныхъ, сложившейся въ Читинскомъ и Петровскомъ острогахъ, взвѣсятъ рассказы и свидѣтельства тѣхъ и другихъ лицъ, и сумѣетъ разобраться въ противорѣчивыхъ показаніяхъ лицъ, слишкомъ много на себѣ вынесшихъ, чтобы быть въ состояніи вполне безпристрастно и спокойно говорить о событіяхъ, въ коихъ они сами принимали живое, непосредственное участіе, и о лицахъ, съ которыми они были въ самыхъ близкиихъ отношеніяхъ.

Въ общемъ тонѣ А. Ф. Фролова слышится упрекъ редакціи „Русской Старины“ за помѣщеніе статей Д. И. Завалишина. Но упрекъ этотъ несправедливъ. По общему свидѣтельству самихъ же декабристовъ, многократно появившихся въ ихъ печатныхъ запискахъ, на страницахъ „Русской Старины“, Д. И. Завалишинъ человекъ слишкомъ не дюжинный даже въ ихъ просвѣщенномъ кругу; затѣмъ г. Завалишинъ, послѣ высылки изъ Читы въ Москву, ознаменовалъ себя многолѣтнимъ участіемъ въ различныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ Москвы и въ особенности въ святомъ дѣлѣ основанія, упроченія и развитія школъ въ этомъ городѣ. Короче сказать, мы имѣли и имѣемъ основаніе выслушать этого общественнаго дѣятеля и человека несомнѣнно съ весьма обширнымъ образованіемъ, дѣятеля много работавшаго, а въ весьма важномъ вопросѣ объ Амурѣ оказавшаго своими разоблаченіями и пользу государству. Не надо забывать также и того, что дѣятельность эта была среди условій не только неблагопріятныхъ, но просто опасныхъ для Дмитрія Ирипарховича Завалишина.

За вѣсѣмъ тѣмъ, давая мѣсто на страницахъ „Русской Старины“ сказаніямъ Д. И. Завалишина, мы отнюдь не брали и не беремъ на себя защиту того, что имъ сказано.

Ред.

30

I.

Въ 9-й и 10-й книгахъ «Русской Старины» изд. 1881 года появились двѣ статьи Д. И. Завалишина подъ заглавіемъ, одна: объ Амурскомъ дѣлѣ; другая: о Декабристахъ въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ.

Обѣ статьи писаны въ видѣ обвинительнаго акта, не безпристрастнаго противъ лицъ, память которыхъ многіе чтутъ и которая не мнѣ одному дорога, но и всѣмъ тѣмъ, которые ихъ уважали и любили.

Всѣ, кого знаемъ, прочитавши эти статьи, были того убѣжденія, что нельзя оставить ихъ безъ возраженія; но товарищи мои признали этотъ трудъ бесполезнымъ на томъ основаніи, что опроверженіе П. Н. Свистуновымъ статьи г. Максимова въ 1870 году не помѣшало автору, по истеченіи 11 лѣтъ, выставить снова всѣ опровергнутые факты съ придачею новыхъ свѣдѣній, столь же неправдоподобныхъ. Не смотря на это, я, питая глубокое уваженіе къ памяти умершихъ товарищей моихъ и съ признательностью вспоминая прожитую свою молодость среди людей честныхъ и добрыхъ, рѣшился, сколько Богъ дастъ силы, выступить поборникомъ правды противъ сильнаго и искуснаго противника, хотя и предвижу, что навлеку на себя такой же гнѣвъ, какъ и первый его возражатель. Но въ мои лѣта, когда готовишься покинуть здѣшній міръ, людская злоба не смущаетъ.

Не предрѣшая вопроса о дѣйствительности передаваемыхъ фактовъ и о правдивости всего повѣствуемаго, замѣчу только, что вѣроятно всякаго читателя поразитъ безпощадное осужденіе всѣхъ упоминаемыхъ авторомъ лицъ при снисхожденіи къ самому себѣ, не надѣлившись притомъ кого-либо единымъ словомъ ни похвалы, ни признательности, не говорю уже дружбы или любви; а гдѣ нѣтъ любви къ ближнему, тамъ не бываетъ ни правды, ни справедливости, въ чемъ сознается самъ авторъ, почитающій себя христіаниномъ.

Начну съ разбора статьи объ Амурскомъ дѣлѣ.

II.

Не пользуясь достаточнымъ количествомъ свѣдѣній о принятыхъ администраціею мѣрахъ для заселенія Амурскаго края, равно и о встрѣтившихся затрудненіяхъ и препятствіяхъ при такой трудной задачѣ, какъ колонизація дикаго и отдаленнаго края, не имѣя при томъ возможности судить о цѣлесообразности и крайней необходимости

распоряженій главныхъ дѣателей, предоставляю болѣе свѣдущимъ людямъ защиту столь жестоко обвиняемой администраціи; а потому ограничусь изслѣдованіемъ того, въ какой мѣрѣ выставленныя обвиненія подтверждаются доказательствами и насколько передаваемые факты согласуются между собою и съ извѣстными мнѣ данными.

Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ колоссальномъ предпріятіи, не имѣющемъ прецедента и требующемъ неотложнаго осуществленія, при отсутствіи всякаго опыта въ дѣлѣ небываломъ, логично слѣдуетъ допустить неизбежныя ошибки, промахи, недоразумѣнія, перечисляя которые, авторъ приписываетъ ихъ не только отсутствію предусмотрительности и сообразительности со стороны главнаго начальника края, но и преслѣдованію имъ личныхъ цѣлей. Бѣдствія, постигшія, по словамъ автора, и Забайкальское населеніе, и войско, и Амурскихъ переселенцевъ, выставлены въ ужасающихъ размѣрахъ и описаны самыми мрачными красками. Но ни одно изъ гибельныхъ послѣдствій необдуманнхъ мѣропріятій не подтверждается приложенными якобы документами, на которые неотступно ссылается авторъ. Я назвалъ принятыя мѣры необдуманными; но, по мнѣнію автора, ихъ слѣдуетъ считать въ высшей мѣрѣ преступными, потому что, по его увѣренію, онѣ принимаемы были изъ личныхъ видовъ, что повторяется имъ при всякой выставляемой неудачѣ. Спрашивается, въ правѣ-ли мы обвинять кого-бы то ни было въ такомъ гнусномъ побужденіи, особенно когда описываются бѣдствія, постигшія нѣсколько десятковъ тысячъ людей? Не грѣшно ли вторгаться въ тайникъ чужой совѣсти, доступный лишь одному Сердцевѣдцу? Для осужденія предъ общественнымъ мнѣніемъ главнаго дѣателя въ Амурской экспедиціи и въ заселеніи приобрѣтеннаго края, не достаточно ли было приписать всѣ неудачи его неосмотрительности, не посягая на его честь и нравственное достоинство. Всѣ выставленные факты ни какими документами не подтверждаются...

При разборѣ нескончаемой вереницы упрековъ, обращенныхъ къ главному начальнику края, ясно обнаруживается задача, какую поставилъ себѣ авторъ: во что бы то ни было и безъ всякаго основанія осуждать его, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда не отъ него исходили принятыя административныя мѣры. Такъ на стр. 80 указано на переселеніе крестьянъ изъ Россіи въ Тобольскую и Томскую губерніи, при чемъ замѣчается, что «не подумали ни малѣйшей части изъ нихъ направить въ Забайкальскій край»; а на 93 стр. осуждается призваніе крестьянъ изъ Россіи на Амуръ, которые, истощивъ всѣ средства на пути, съ самаго Красноярска стали побираться милостынею.

Ставится въ укоръ начальнику края (80) взятіе въ рекруты трехъ тысячъ хлѣбопашцевъ въ промежутокъ съ 1853—1856, т. е. во время Крымской войны. Спрашивается, могло-ли Иркутское начальство ослушаться предписанія, исходящаго отъ высшей власти?

(Стр. 84) Н. Н. Муравьевъ, «по враждѣ будто бы къ министру финансовъ Вронченко», (указаніе на побужденіе не голословное ли обвиненіе?) взялся доставить до ста пудовъ золота вмѣсто добываемыхъ дотолѣ 28 пуд., и съ Нерчинскихъ рудниковъ перевелъ ссыльно-каторжныхъ на Карійскіе рудники, гдѣ за три первые года добыто въ средней сложности по 70 пуд., а на Шахтаминскомъ золотомъ приискѣ добыто болѣе 100 пудовъ.

Осуждаемая мѣра доставила казнѣ значительную прибыль, хотя авторъ распространяется на счетъ убытковъ, понесенныхъ ссыльно-каторжными, (при томъ неизбѣжныхъ при всякомъ переселеніи), съ намѣреніемъ уменьшить заслугу Муравьева, равно и о томъ, что золотые прииски много повредили сельскому хозяйству въ Сибири.

Извѣстно, что съ открытія золотыхъ приисковъ въ 1830-хъ годахъ стали пустѣть дѣльныя деревни въ Сибири. Несомнѣнно, что золотой промыселъ, обогатившій десятокъ другой капиталистовъ, ознакомилъ Сибирь съ голодомъ, о которомъ прежде и слуха не было; но немисливо ставить это въ укоръ Н. Н. Муравьеву.

Онъ же виноватъ въ томъ, что не довольствовался для Амурской экспедиціи двумя гарнизонными баталіонами, составлявшими всю вооруженную силу на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ верстъ. Не имѣя возможности получить войско изъ Россіи, по неволѣ пришлось ему составить его изъ рекрутъ, собранныхъ на мѣстѣ; а что предпринятое приобрѣтеніе при-амурскаго края не нуждалось въ войскѣ, и что оно было сформировано изъ пустого тщеславія, для доставленія Н. Н. Муравьеву званія корпуснаго командира (стр. 84) — на это требуются доказательства, которыхъ въ документахъ не нахожу.

При томъ, нельзя пройти молчаніемъ рѣзкое противорѣчіе, обнаруживающееся между многими высказываемыми упреками: то войско формируется изъ пустого тщеславія, слѣдовательно безъ настоящей нужды, то, при угрожавшей впоследствии опасности столкновенія съ Китаемъ, Забайкальскій край и Амуръ и Приморская область оказались въ беззащитномъ положеніи по недостатку войска (стр. 100).

Авторъ ставитъ также въ вину Николаю Николаевичу Муравьеву несогласіе его или нерѣшимость на завоеваніе южныхъ портовъ, которые г. Невельской считалъ необходимымъ приобрѣтеніемъ. Можно предполагать, что Н. Н. Муравьевъ отклонялъ новый захватъ Нижне-Уссурийскаго края, или по неимѣнію на то наличныхъ средствъ,

или по отсутствію разрѣшенія вышшаго правительства, для котораго враждебные замыслы противъ Китая кабинетовъ англійскаго и французскаго не были тайной, и вѣроятно уже тогда предвидѣлся, вслѣдствію превосходства европейскаго оружія надъ азіятскимъ, счастливый исходъ кампаніи, доставившій намъ однимъ дипломатическимъ путемъ уступку южныхъ портовъ безъ боя и безъ затратъ.

Приобрѣтеніе Нижнеуссурійскаго края, выставленное какъ настоящая потребность, послужило поводомъ къ новому обвиненію Н. Н. Муравьева. Пришлось ему бросить Николаевскъ на устьѣ Амура и перевести морскія учрежденія и мѣстопробываніе военнаго губернатора въ Владивостокъ (стр. 97). Но была ли возможность избѣгнуть этого перемѣненія? Мы ее не видимъ, и авторъ на нее не указываетъ. При распространеніи всякаго владѣнія естественно передвигается мѣстопробываніе правителя. Неоспоримость такой банальной аксіомы не разъ подтвердилась въ исторіи русскаго государства.

Совершилось столь вождедѣльное занятіе нами южныхъ портовъ, помимо участія Н. Н. Муравьева. До того винили его въ бездѣйствіи, въ безпечности, а по приобрѣтеніи Уссурійскаго края, онъ оказался опять виноватымъ въ томъ, что занятіе этихъ портовъ никакой не доставило пользы краю, а обращеніе ихъ въ *porto franco* для поощренія торговли причинило лишь вредъ всему Забайкальскому краю (страница 99).

О достовѣрности выставленныхъ фактовъ къ осужденію Н. Н. Муравьева доказательствъ, къ сожалѣнію, никакихъ не представлено, хотя извѣстно намъ, что многіе изъ нихъ опровергнуты были въ появившейся въ 1858 году статьѣ Ромапова; но предположивъ даже, что всѣ эти факты достовѣрны и даже, что они истекаютъ изъ ошибочныхъ и необдуманыхъ распоряженій главнаго правителя, необходимо, говорю,—выставить въ параллель имъ тѣ мѣропріятія, какія слѣдовало бы принять, равно и удобоисполнимость ихъ.

При этомъ сопоставленіи, неопровержимо выяснилась бы виновность правителя, и этотъ способъ доказательства не затруднилъ бы автора, судя по тому, что дѣльные и благіе совѣты, подаваемые имъ, о которыхъ онъ такъ часто упоминаетъ, заключали въ себѣ именно то цѣлесообразное направленіе, отъ котораго уклонились распорядители. Къ сожалѣнію, ни одного изъ такихъ полезныхъ совѣтовъ не сообщаетъ авторъ читателю, а стоило бы ему только высказать одно изъ тѣхъ предостереженій, отъ него исходившихъ, какими пренебрегли властимѣющіе въ ущербъ и всему краю, и затѣянному предпріятію, чтобы убѣдить читателя въ виновности главнаго распорядителя Амур-

скаго края. Ему не понадобилось бы тогда прибѣгать къ странному способу обвиненія—приписывать всѣ ошибки правителя преступному преслѣдованію личныхъ цѣлей.

Когда Д. И. Завалишинъ говоритъ, будто, М. С. Корсакову (стр. 90): «Михаиль Семеновичъ, что вы надѣлали, зачѣмъ вы обманули людей?» и т. д., тутъ бы слѣдовало прибавить: «мой совѣтъ, которому вы не послѣдовали, заключался въ томъ-то»; а о совѣтѣ не упоминается, а порицается лишь неисправимо совершившійся фактъ. Такого рода соотрудничество въ амурскомъ дѣлѣ доступно было всякому забайкальскому жителю и свидѣтельствуется лишь о благодушіи и снисходительности губернатора въ сношеніяхъ своихъ съ поселенцемъ, находившимся подъ его надзоромъ

На стр. 95 читаемъ: «допустить, чтобъ и это такъ продолжалось (гибельныя пудачи) было нельзя. и вотъ почему, когда всѣ увѣщанія остались тщетными, Д. И. Завалишинъ рѣшился раскрыть въ печати настоящее положеніе дѣлъ на Амурѣ».

Дальше говорится (ст. 97): «М. С. Корсаковъ происками своими и навѣтами добился удаленія Д. И. Завалишина изъ Читы въ Россію, чѣмъ лишилъ себя полезнаго совѣтника и честнаго дѣятеля».

При ограниченіи свободы устнаго и печатнаго слова, искони введенномъ у насъ повсюду, нельзя не дивиться кротости и благодушію правителя, облеченнаго обширною властію, при тяжелой отвѣтственности передъ высшимъ правительствомъ, дозволившаго простому поселенцу осуждать безпощадно изустно и печатно всѣ его мѣропріятія и тѣмъ подрывать его авторитетъ во всемъ ввѣренномъ ему краѣ. Ни одинъ ни генераль-губернаторъ, ни даже губернаторъ, не допустилъ бы того и далеко не выказалъ бы такого долготерпѣнія, какъ М. С. Корсаковъ.

На той же страницѣ говорится: «послѣ поданнаго Д. И. З. при-мѣра, начали и другіе доставлять объ Амурѣ правдивыя свѣдѣнія, хотя и не подверглись тѣмъ прискорбнымъ послѣдствіямъ, которымъ подвергся онъ».

Изъ этихъ словъ слѣдуетъ заключить, что едва ли за статьи его удалили изъ Сибири, тѣмъ болѣе, что этой мѣрой не отнималась у него возможность печатать статьи объ Амурѣ съ 1858 до 1881 года въ продолженіи 23 лѣтъ, чѣмъ онъ и пользуется по сію пору. Къ тому же первая статья Д. И. Завалишина появилась въ «Морскомъ Сборникѣ» въ 1858 году, а онъ былъ высланъ изъ Сибири въ Россію въ 1864 г. Наконецъ, почему же возвращеніе изъ ссылки на родину считается авторомъ прискорбнымъ послѣдствіемъ, тогда какъ милостивый манифестъ великодушнаго Царя-Освободителя, провозгласившаго

амнистію въ 1856 году, былъ встрѣченъ съ радостью и съ чувствомъ признательности и любви всѣми сосланными декабристами. Г. Завалишинъ не оставлялъ въ Сибири ни жены, ни дѣтей, а въ Россіи ожидала его родная сестра, почтенная Екатерина Иринарховна, о коей сестры Н. А. и М. А. Бестужевыхъ отзываются съ величайшею похвалою, сказывая, что она, не сходясь съ братомъ ни въ возрѣніяхъ, ни въ чувствахъ, съ прискорбіемъ вынуждена была разстаться съ нимъ.

Обратимся къ разбору писемъ, выставленныхъ въ качествѣ документовъ и помѣщенныхъ Д. И. Завалишинимъ въ октябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1881 года.

III

Изъ насчитанныхъ мною болѣе 50-ти писемъ—8 только касаются амурскаго вопроса (стр. 388). Г. Тиль, находившійся при ревизорѣ сенаторѣ Толстомъ—благодарить за сообщенныя свѣдѣнія о краѣ и по разрѣшенію амурскаго вопроса (стр. 389). Г. Стадлеръ сообщаетъ, что генералъ-губернаторъ благодарить за свѣдѣнія касательно закупки хлѣба (ст. 396). Читинскій губ., уволенный отъ должности по распоряженію ген.-губернатора, въ письмѣ къ сестрѣ автора осуждаетъ дѣйствія Н. Н. Муравьева и порицаетъ его личность. Свидѣтельство его нельзя считать безпристрастнымъ. Онъ напоминаетъ о запискѣ, посланной авторомъ сенатору Толстому о приобрѣтеніи устьевъ Амура, а вслѣдъ затѣмъ посланной ген.-губернатору (стр. 399). Полковникъ Савичъ проклинаетъ житье на Амурѣ и неодобрительно отзывается о начальствѣ (стр. 412). М. А. Бестужевъ сообщаетъ о бесѣдѣ, состоявшейся у ген.-губернатора, въ которой М. А. Б. отстаивалъ необходимость приобрѣтенія южныхъ портовъ, на которое не рѣшался еще ген.-губернаторъ (стр. 417). Ген.-адъютантъ Сколковъ, лично ознакомившись съ положеніемъ края, убѣждается въ справедливости сказаннаго о немъ авторомъ статей. Письмо это свидѣтельствуется о томъ, что г. Сколковъ нашелъ положеніе края неудовлетворительнымъ, но нисколько не подтверждаетъ рѣзкихъ обвиненій авторомъ Н. Н. Муравьева.

Кромѣ писемъ, указывается на свидѣтельство г. Сгибнева въ статьѣ, помѣщенной имъ въ «Древней и Новой Россіи», содержаніе коей не сообщается (стр. 301).

Выставлено также личное мнѣніе какого-то англичанина Равенштейна, которое нельзя нисколько признать документомъ.

29 писемъ не имѣютъ никакого отношенія къ Амурскому вопросу.

Чтобъ убѣдиться, какъ мало представляетъ интереса для читателей содержаніе ихъ, стоитъ взять любое изъ нихъ на выдержку.

Такой-то проситъ объ отводѣ мѣста для постройки лавки или дома (стр. 391). Нерчинскій исправникъ пишетъ: «Ген.-губернаторъ очень доволенъ вами (стр. 389). Совѣтникъ Щаповъ проситъ возвращенія своей записки о лѣсахъ (стр. 391). Жена градоначальника Ребиндера проситъ прислать врача, чтобы помочь мужу, котораго разбили лошади по выѣздѣ изъ Читы (393). Калугина благодаритъ за предложеніе принять на его попеченіе двухъ сиротъ (393). Дѣло похвальное, но какъ не вспомнилъ авторъ евангельскаго стиха: «Егда убо твориши милостыню, не воструби предъ собою, яко же лицемѣры творять». Е. А. Бестужева благодаритъ за гостепримство, оказанное брату ея Михаилу. Есть письма, содержаніе коихъ вовсе не выставлено. Значится только: «Мой добрый Дмитрій Ирнарховичъ» (394). Въ другомъ: «Будьте мнѣ благодарителемъ» (394). Два письма М. К. Кюхельбекера и Ив. Ив. Пущина (394): удивляются нерасположенію къ нему ген.-губернатора послѣ похвальнаго его отзыва о немъ. Ө. Н. Львовъ, удаленный изъ Иркутска ген.-губернаторомъ, осуждаетъ направленіе, данное дѣлу о дуэли (404). Ө. В. Чижовъ предлагаетъ автору вознагражденіе за помѣщенный статьи въ его журналѣ (407). Адмиралъ Матюшкинъ отсылаетъ ему статью, непринятую къ напечатанію въ «Морскомъ Сборникѣ» (408). Поэтъ В. К. Кюхельбекеръ осмѣяетъ автора комплиментами (388).

Изъ шестнадцати хвалебныхъ писемъ, по случаю напечатанныхъ статей объ Амурѣ, надо замѣтить 6 писемъ генерала П. К. Менъкова, издателя «Русскаго Инвалида» и «Военнаго Сборника». Въ нихъ говорится о запискѣ г. Будагосскаго, поданной военному министру о состояніи Амурскаго края, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ г. Завалишинимъ. Записка сообщена была Корсакову для прочтенія и отвѣта. Надо полагать, что министръ призналъ оправдательное поясненіе Корсакова удовлетворительнымъ и что записка, составленная Будагосскимъ, не повредила Корсакову во мнѣніи ни министра, ни высшаго правительства, сохранившихъ за нимъ управленіе обширнаго края.

Ни одного изъ этихъ писемъ нельзя признать документомъ, подтверждающимъ выставленные факты, осуждающіе графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго и М. С. Корсакова, заслужившихъ общее уваженіе и любовь многихъ.

Затѣмъ слѣдуютъ поясненія автора, приложенныя къ письмамъ (387): Уѣздный учитель Мордвиновъ пользовался его наставленіями

и находился подъ вліяніемъ его примѣра (389). Командиръ казачьяго баталіона получалъ отъ автора наставленія, какъ онъ долженъ дѣйствовать для пользы службы и проч. (390). Н. А. Бестужевъ убѣжденъ былъ, что никакія личныя отношенія не могутъ заставить Д. И. Завалишина уклониться отъ справедливости (391). «Онъ безвозмездно исправлялъ должность офицера генеральнаго штаба по съемкамъ и составленію карты путей сообщенія, по составленію плана города; землемѣра по разпланировкѣ города и отвода земель; архитектора по постройкѣ казенныхъ зданій; медика, по надзору за тифозными госпиталями, по пособію жителямъ собственными лекарствами; совѣтника, мирового посредника, учителя и проч.» (392). Военный губернаторъ во время своихъ отлучекъ поручалъ Д. И. Завалишину главный надзоръ и распоряженіе по управленію; ему предоставлено было получать всѣ бумаги и письма, адресованныя въ руки губернатора; ему же оставлялись и всѣ важныя дѣла для высылки куда потребуется» (393). «Всѣ, кто имѣлъ какую нужду въ помощи, въ содѣйствіи, въ ходатайствѣ обращались къ автору» (397). «Корсаковъ, замѣнившій Запольскаго, просилъ Завалишина оказывать ему такое же содѣйствіе, какъ и его предшественнику, и не исполнилъ распоряженія ген.-губернатора о перемѣщеніи автора изъ Читы въ Минусинскъ» (400). Былъ ли ему признателенъ г. Завалишинъ? Авторъ сознаетъ, «что подковникъ Савичъ былъ въ правѣ назвать предпринятое имъ раскрытіе правды святымъ дѣломъ и подвигомъ». На страницѣ 418 значится: «покойный митрополитъ Филаретъ и архіепископъ Леонидъ совѣтовались съ г. Завалишинымъ по сибирскимъ и другимъ дѣламъ, какъ имѣются тому письменныя свидѣтельства». Жаль, что онѣ не приложены къ документамъ.

Возвращаясь къ письмамъ съ похвальными отзывами, слѣдуетъ приписать эти похвалы разнороднымъ причинамъ. О дальней восточной окраинѣ много интересовалась читающая публика и жадно и безъ разбора глотала доходявшія до нея оттуда вѣсти, что подтверждается письмами двухъ журнальныхъ редакторовъ. Къ тому же рѣзкая и страстная критика, особенно касательно дѣйствій высокопоставленнаго лица, приходится людямъ болѣе по сердцу, чѣмъ докучливый панегирикъ; цѣнилось также и литературное достоинство статей; но злорадность, высказывающееся во многихъ похвальныхъ отзывахъ, наводитъ на мысль, что обличительныя статьи автора одобрялись не безпристрастными читателями. Извѣстно, что липу, пользующемуся широкою властью, трудно избѣгнуть недовольства и вражды, тѣмъ болѣе, что графъ Амурскій строго преслѣдовалъ лихоимство и казнокрадство, закоренѣлыя у насъ язвы, также и недобросовѣстной испол-

неніе должности, не разбирая мелкій ли чиновникъ или губернаторъ признавался ненадежнымъ. Если къ этому прибавить, что онъ пользовался довѣріемъ и особой милостью императора Николая и быстро достигъ високаго поста, то безошибочно предположить можно, что онъ тѣмъ возбудилъ и недоброжелательство и зависть тѣхъ, которыхъ опередилъ на служебномъ ристалищѣ. Не мало также одобрителей доставила автору кажущаяся отвага, съ которою простой поселенецъ выступаетъ поборникомъ правды въ состязаніе съ могучимъ правителемъ края. Но кто имѣлъ случай удостовѣриться въ рѣдкой терпимости, добродушіи и мягкосердіи того правителя, тотъ особеннаго подвига не признаетъ въ этой борьбѣ.

Обратимся къ разсказу самаго автора. Графъ Амурскій приказалъ будто перевезти его на поселеніе въ Минусинскій округъ, прозванный Сибирской Италією, и мѣстный губернаторъ предписаніе оставилъ безъ исполненія. Тутъ слѣдуетъ заключить одно изъ двухъ: или со стороны ген.-губернатора было лишь угрожающее предостереженіе, или ходатайство Корсакова объ оставленіи автора въ Читѣ было уважено генералъ губернаторомъ.

Такъ ли поступаютъ у насъ обыкновенно ген.-губернаторы? На примѣръ кн. П. Д. Горчаковъ выслалъ почтеннаго и уважаемаго (барона) В. И. Штейнгейля изъ губернскаго города Тобольска, гдѣ онъ обзавелся хозяйствомъ, въ жалкій уѣздный городъ Тару за то только, что дошло до его свѣдѣнія, будто В. И. Штейнгейль, уступивъ просьбѣ губернатора Ладженскаго, неопровержимо отстаивалъ мнѣніе губернатора по какому-то уголовному дѣлу, не согласное со взглядомъ по этому предмету, изложеннымъ заранѣе княземъ Горчаковымъ.

IV.

Многіе изъ нашихъ товарищей, не знавшіе лично графа Амурскаго, столько о немъ слышали лестныхъ отзывовъ отъ генерала *Θ. Д. Казимирскаго*, высоко цѣнившаго какъ умственныя, такъ и душевныя его качества, равно отъ нашихъ товарищей, долго прожившихъ въ Иркутскѣ, также и отъ поселенцевъ нашихъ города Ялуторовска, гдѣ онъ проѣздомъ въ Петербургъ и обратно всегда нѣсколько часовъ останавливался и съ ними бесѣдовалъ; знаютъ его какъ умнаго и очень добраго человѣка.

Ялуторовскую колонію составляли тогда: *М. И. Муравьевъ-Апостолъ*, *И. Д. Якушкинъ*, *Ив. Ив. Пущинъ*, *Е. П. Оболенскій*, *Н. В. Басаргинъ* и *В. К. Тизенгаузенъ*.

Николай Николаевичъ останавливался всегда у И. И. Пущина и просилъ оповѣстить своихъ товарищей о его прибытіи, желая въ кругу ихъ провести нѣсколько досужныхъ часовъ. Тутъ онъ разъ отозвался съ похвалою о Д. И. Завалишинѣ, свѣдѣніями коего о забайкальскомъ краѣ пришлось ему воспользоваться. Причина, заставившая впослѣдствіи гр. Муравьева-Амурскаго не довѣрять болѣе г. Завалишину, безъ сомнѣнія, послѣднему извѣстна.

Чтобъ убѣдиться насколько обхожденіе съ политическими ссыльными было гуманнѣе и мягче въ восточной Сибири, чѣмъ въ западной, стоитъ вспомнить о горькой судьбѣ, доставшейся въ удѣлѣ Достоевскому и Дурову, сосланнымъ въ Омскъ по дѣлу Петрашевскаго, гдѣ они много лѣтъ несказанно томились въ арестантской ротѣ, прозванной «мертвымъ домомъ» въ повѣсти страдальца-поэта, когда въ то же время Петрашевскій съ товарищами жили на свободѣ въ Иркутскѣ.

Як. Дм. Казимирскій рассказывалъ въ Ялуторовскѣ, что онъ сидѣлъ у ген.-губернатора, когда доложили о прибытіи въ Иркутскъ Петрашевскаго съ товарищами. Николай Николаевичъ тотчасъ же просилъ генерала Казимирскаго навѣстить ихъ и освѣдомиться не нуждаются ли они въ чемъ. Они объявили, что ни въ чемъ не нуждаются; но когда Як. Дм. сталъ настаивать и, замѣтивъ, что продолжительное заключеніе и затѣмъ слѣдованіе ихъ по этапамъ вдоль всей Сибири подвергли ихъ многимъ лишеніямъ, спросилъ ихъ не пожелаютъ ли они чего?—Ник. Александр. Спѣшневъ († 1882 г.) поблагодаривъ его за милостивое къ нимъ вниманіе, признался, что бутылка лафиту доставила бы ему большое удовольствіе. Узнавъ объ этомъ, Николай Николаевичъ приказалъ немедленно отвести имъ нѣсколько сохранившихся у него бутылокъ этого вина. М. А. Бестужевъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ о доносѣ губернатора Пятницкаго на Н. Н. Муравьева по случаю дружескихъ отношеній его къ декабристамъ. Пятницкій думалъ ему мстить за то, что Н. Н., по весьма уважительнымъ причинамъ, удалилъ его отъ управленія губерніею, чему подвергся также и г. Зоринъ, котораго для пользы службы не пощадилъ, хотя послѣдній былъ ему товарищемъ по Пажескому корпусу. Государь показалъ доносъ Н. Н. Муравьеву, потребовавъ у него объясненія. Н. Н., засвидѣтельствовавъ о безупречномъ поведеніи декабристовъ, доложилъ царю, что онъ считалъ, по совѣсти, долгомъ облегчить тягостное ихъ положеніе; на что государь сказалъ ему: «спасибо, ты меня понялъ». И когда затѣмъ государь повелѣлъ выключить г. Пятницкаго изъ службы за злостный доносъ, Николай Николаевичъ вымолилъ у царя сохраненіе за нимъ права на полученіе пенсіи.

Въ тѣхъ же Запискахъ М. А. Бестужева («Рус. Стар.» 1881 г.)

мы видимъ, что онъ, братъ его Николай и другіе декабристы, съ разрѣшенія ген.-губернатора, свободно разъѣзжали по всей Восточной Сибири и проживали по долгу то въ Иркутскѣ, то въ Кяхтѣ, то въ другихъ городахъ, тогда какъ въ Западной Сибири М. И. Муравьевъ-Апостолъ годъ цѣлый не могъ выпросить дозволенія съѣздить въ Тобольскъ, для излеченія отъ болѣзни. Удалось наконецъ г. Толстому, адъютанту князя, бывшему случайно очевидцемъ страшнаго приступа мучительнаго недуга, разжалобить ген.-губернатора и добиться его согласія на поѣздку М. И. Муравьева въ Тобольскъ. При этомъ нельзя сказать, чтобъ князь П. Д. Горчаковъ былъ злой человѣкъ; но онъ, какъ истый чиновникъ, берегъ себя и страшился всякой отвѣтственности. Разъ, двѣ изъ нашихъ дамъ Н. Д. Фонъ Визина и Ж. А. Муравьева, проживавшія въ Тобольскѣ, вздумали провѣдать товарищей нашихъ въ Ялуторовскѣ. Узнавъ объ этой отлучкѣ, ген.-губернаторъ счелъ долгомъ извѣстить о ней III-е отдѣленіе, изъ котораго послѣдовало строгое внушеніе путешественникамъ.

Всѣ эти факты привожу въ доказательство тому, какъ мало оправдывается ненависть противъ Н. Н. Муравьева, высказавшаяся въ разбираемой статьѣ. Да позволить мнѣ Д. И. Завалишинъ, глубоко изучившій библію при переводѣ ея на русскій языкъ, напомнить ему слова св. Іоанна евангелиста: «Всякъ ненавидяй брата своего челоуѣкоубійца есть». Посл. I, гл. 3, стр. 15.

При чтеніи разбираемой статьи безпощадно и такъ опрометчиво порицаются всѣ распоряженія, касающіяся приобрѣтенія и заселенія при-Амурскаго края, при томъ же нисколько не знакомящей читателя ни съ ходомъ этого историческаго событія, ни съ представившимися препятствіями, ни съ бывшими на лицо средствами для преодоленія ихъ, ни съ планомъ, какого слѣдовало бы держаться, для избѣжанія описываемыхъ неудачъ,—естественно возникаетъ вопросъ: что могло побудить автора къ составленію такого страннаго обвинительнаго акта противъ лицъ, или удалившихся отъ общественнаго поприща, или сошедшихъ уже въ могилу, тѣмъ болѣе, что объ этомъ предметѣ, по его же увѣренію (стр. 405), «писано имъ было огромное число статей для поясненія Амурскаго дѣла», такъ что настоящая статья ни что иное, какъ извлеченіе изъ предъидущихъ и не сообщаетъ ничего новаго. Автора побудило, будто бы, къ печатанію этой статьи (стр. 75) желаніе ознакомить публику съ неизвѣстными ей важными документами и доставить при томъ нѣкоторыя указанія, полезныя для настоящаго времени. Но, ни документовъ не оказалось на лицо, какъ мы въ томъ убѣдились, ни указаній полезныхъ не отыскали въ огульномъ осужденіи всего совершившагося предпріятія.

И такъ, что же могло побудить автора къ напечатанію статьи? Неужели одна злоба противъ человѣка, который не только не причинилъ ему зла, но которому онъ многимъ обязанъ. Еслибъ графъ Амурскій не отозвался бы съ похвалою о немъ Читинскому губернатору г. Запольскому, при открытіи новой области и не посовѣтовалъ бы ему сблизиться съ авторомъ, чтобы воспользоваться свѣдѣніями старожила о вѣряемомъ ему краѣ, ему не пришлось бы разыгрывать такую видную административную роль въ губерніи, столь льстившую его самолюбію. Когда бы г. Завалишинъ не сталъ пріобрѣтѣннымъ довѣріемъ кичиться и высказывать передъ всѣми какою силою пользуется у губернатора и тѣмъ не возбудилъ бы неудовольствія мѣстныхъ чиновниковъ, жалобы коихъ дошли до Иркутска, а келейно бы употребилъ вліяніе свое на пользу края, тогда и г. Запольскій сохранилъ бы свое мѣсто и его не подумали бы удалить изъ Читы. Со смѣною г. Запольскаго и назначеніемъ вмѣсто его М. С. Корсакова, прекратилась административная дѣятельность г. Завалишина и вмѣстѣ съ тѣмъ почеть, какимъ онъ пользовался между читинскими обывателями, и вотъ чего онъ не можетъ простить графу Амурскому, даже по истеченіи тридцати лѣтъ, находясь самъ въ преклонныхъ лѣтахъ и какъ бы на порогѣ загробной жизни. Грустное явленіе, да вразумить и помилуетъ его Господь! Для графа же Амурскаго, сошедшаго въ могилу, пробилъ часъ вѣчности; все земное уже чуждо ему, до него не достигаетъ ни злоба, ни слава мірская, но земное его поприще не пройдетъ безслѣдно. Противъ его враговъ за него заступится признательное потомство, чему порукой служить открытая нынѣ подписка на сооруженіе памятника въ городѣ Благовѣщенскѣ, въ ознаменованіе оказанной имъ великой заслуги отечеству.

V.

Перейду къ разбору статьи Д. И. Завалишина подъ заглавіемъ: «Декабристы въ Читѣ и Петровскомъ».

Пока общество, мечтая о благѣ отечества и не щадя себя, стремилось къ недостигаемой его цѣли, подвергаясь при томъ всѣмъ случайностямъ опаснаго и тернистаго пути, тутъ была еще своя доля поэзіи, какъ и во всякомъ отважномъ, хотя и неразумномъ порывѣ юношеской души; но, съ опущеніемъ занавѣса, послѣ завершившейся кровавой драмы, наступилъ періодъ обыденной прозы. Тюрьма положила конецъ всему прошлому и открыла для насъ новую жизнь. Пришлось учиться терпѣнію, распознать свою немощь, отогнать отъ себя всѣ

призраки, волнующіе душу, и принятыя за какой либо трудъ, способный оказать пользу или самому себѣ, или кому либо изъ ближнихъ. Многіе, признавъ суету мірскую, обратились къ изученію божественнаго откровенія, сдѣлались истинными христіанами, откинувъ всякую гордыню и со смиреніемъ и любовію покорились волѣ Божіей, пославшей испытаніе имъ на благо.

Не одного также читателя возмутило порицаніе (?) авторомъ товарищей по заключенію, съ которыми онъ провелъ 12 лѣтъ и на которыхъ старается набросить тѣнь (?), вопреки вышедшихъ въ свѣтъ записокъ нѣкоторыхъ союзниковъ. Не такъ бы слѣдовало отнестись къ обществу, которому авторъ многимъ обязанъ и, кажется, кромѣ благодарности не долженъ бы питать другого чувства. Наконецъ поразить всякаго исчисленіе громаднхъ умственныхъ его трудовъ: изученіе 13 языковъ ¹⁾, кромѣ латинскаго и греческаго, и даже еврейскаго со всѣми его нарѣчіями ²⁾, переводъ библіи съ еврейскаго, изученіе въ подлинникахъ отцовъ церкви и греческихъ богослужебныхъ книгъ. При чемъ авторъ не оставляетъ занятій высшей математикой, астрономіей, механикой и проч.; считаетъ своею обязанностію не ослабно заниматься для приобрѣтенія все большихъ и большихъ знаній по всѣмъ частямъ. Мало того, успѣваетъ еще удѣлять время на дѣла общественныя: онъ созидаетъ, онъ руководитъ, онъ направляетъ, онъ наблюдаетъ и проч.

Все это не могло не привести нѣкоторыхъ къ сомнѣнію, а въ болѣе опытныхъ возбудило подозрѣніе въ возможности и дѣйствительности повѣствуемыхъ авторомъ чудесъ. Но для тѣхъ, кто провелъ съ нимъ многіе годы подъ одной кровлей каземата и имѣлъ случай ближе изучить его характеръ, многое, необъяснимое въ разсказѣ о такихъ гигантскихъ подвигахъ, становится яснымъ и логично послѣдовательнымъ.

Чтобы дать и читателю ключъ къ пониманію и оцѣнкѣ всего чудеснаго, постараюсь познакомить его съ авторомъ и его нравственною личностію. Матеріаломъ для этого послужатъ официальные документы, записки товарищей, личныя заявленія живыхъ и наконецъ мои собственныя девятилѣтнія наблюденія.

Еще ребенкомъ Д. И. Завалишинъ, читая Священное писаніе, имѣлъ таинственныя откровенія, назначавшія его для возстановленія

¹⁾ Записки барона А. Е. Розена (стр. 231). Свѣдѣнія заимствованы конечно на иѣру.

²⁾ Письмо П. А. Муханова „Русск. Стар.“ 1881 г. кн. X. стр. 426.

истины ¹⁾. Въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ авторъ кончаетъ курсъ 16-ти лѣтнимъ юношей; изъ этого можно заключить, что природа щедро наградила его способностями и счастливою памятью. Объ успѣшномъ окончаніи курса свидѣтельствуеетъ заявленіе автора, что его пригласили для чтенія лекцій въ высшемъ классѣ только что оставленнаго корпуса, по весьма серьезнымъ предметамъ: высшей математикѣ, астрономіи, механикѣ и теоріи высшаго морскаго искусства ²⁾.

Это заявленіе впрочемъ нѣсколько сомнительно. Товарищъ автора А. П. Бѣляевъ, окончившій курсъ Морского корпуса годомъ позже, — лекцій его не слушалъ. Слѣдовательно въ 1820 году авторъ не могъ быть преподавателемъ, а крейсеръ подъ начальствомъ капитана Лазарева (впослѣдствіи знаменитаго адмирала и творца Черноморскаго флота) въ этомъ же году ушелъ въ кругосвѣтное плаваніе. Въ числѣ другихъ способныхъ офицеровъ назначенъ былъ на этотъ крейсеръ и мичманъ Завалишинъ.

Бывшія въ малолѣтствѣ таинственныя откровенія, успѣхи въ школѣ и очень ранніе по службѣ, вскружили голову молодому человѣку, развѣвъ до послѣдней степени самонадѣянность, и безъ того свойственную этому возрасту. Несбыточныя фантазіи возникаютъ одна за другой въ его воспаленномъ воображеніи. Онъ не довольствуется скромной ролью наблюдателя и не пользуется путешествіемъ для приобрѣтенія положительныхъ знаній. Свои фантазіи онъ приводитъ въ исполненіе, замисливъ учредить орденъ: «Возстановленія».

«Сперва, говоритъ онъ, я полагалъ цѣлю одно торжество истинъ вѣры; послѣ, бывъ въ Англіи и Калифорніи, присоединилъ къ сему и виды политическіе, хотѣлъ произвести въ Испаніи контръ-революцію безъ войны; хотѣлъ также, для основанія республиканскихъ правительствъ внѣ Европы, стараться вывезти изъ сей части свѣта тѣхъ людей безпокойнаго ума, которые желаютъ переменъ и смятеній ³⁾».

Судьба послѣднихъ двухъ скромныхъ проектовъ молодого мичмана неизвѣстна. Статуты же таинственнаго Вселенскаго Ордена возстановленія были написаны на подобіе Мальтійскихъ и авторъ просилъ разрѣшенія по начальству представить ихъ лично Императору Александру I. Разрѣшеніе прибыть въ Петербургъ слѣдовало. Этотъ первый успѣхъ осуществленія замысловъ и былъ причиною гибели автора. Изъ Охотска, черезъ Сибирь, молодой мичманъ спѣшитъ въ

¹⁾ Донесеніе Слѣд. Комм. 1826 г., Собственноручное показаніе Д. И. Завалишина, стр. 34.

²⁾ Въ числѣ документовъ письма не находимъ.

³⁾ Донесеніе Слѣдственной Коммисіи. Собственноручное показаніе Д. И. Завалишина. Я. Ф.

Петербургъ съ своимъ проектомъ, долженствующимъ переработать челоѣчество. Поднесенъ проектъ Александру I, который выслушиваетъ его, хвалитъ составителя за усердіе, но плана не принимаетъ, «что меня крайне огорчило»¹⁾. Этотъ первый ударъ самолюбію былъ причиною крутого поворота его на опасный путь.

Зная о существованіи тайныхъ противуправительственныхъ обществъ, молодой огорченный мичманъ начинаетъ искать сближенія съ членами ихъ. Передѣлываетъ статуты своего не принятаго Государемъ ордена въ духѣ противоположномъ и выдаетъ ихъ какъ уставъ существующаго «Ордена Возстановленія», членами котораго состоятъ, по его словамъ, важнѣйшіе люди разныхъ государствъ, стремящіеся къ преобразованію всѣхъ правительствъ въ Европѣ и Америкѣ. Говоритъ противуправительственныя рѣчи и пишетъ стихи на Государя. Употребляетъ всѣ усилія, чтобы наwerbenъ рыцарей въ свой орденъ, но увлекаетъ только двухъ братьевъ А. П. и П. П. Бѣляевыхъ. Собственноручное показаніе его имѣетъ нѣсколько другой характеръ, почему я его и выпишу изъ донесенія слѣдственной комисіи 1826 г. Это тѣмъ болѣе необходимо, что показанія писались въ казематѣ, куда даставлялись вопросные пункты, бумага и письменныя принадлежности. Полное одиночество и возможность писать отвѣты неопредѣленное время позволяли писать строго обдумавши (?) отвѣтъ и взвѣсивши каждое слово (?). Вотъ какъ говоритъ Д. И. Завалишинъ: «Вскорѣ затѣмъ, (т. е. по представленіи плана ордена Александру I), имѣвъ несчастіе войти въ связь съ симъ коварнымъ злодѣемъ Рыдѣвскимъ, я узналъ, что есть тайное общество, враждебное правительству, и рѣшился было донести о томъ, но Государь былъ въ Варшавѣ, а я, по глупой гордости, хотѣлъ все открыть ему безъ посредниковъ. Между тѣмъ старался извѣдать болѣе о тайномъ обществѣ черезъ другихъ, и для сего дозволилъ себѣ несогласныя съ моими чувствами и видами слова, обратившія нинѣ къ моей гибели. Я говорилъ, что орденъ Возстановленія существуетъ, показывалъ статуты, не тѣ, которые представлялъ покойному Государю, а другіе и въ другомъ духѣ, мною же нарочно для сего сочиненныя. Но, обманывая другихъ, самъ сдѣлался жертвою обмана; мой собственный образъ мыслей началъ измѣняться, сердце тускнѣло, а я не замѣчалъ въ немъ пятенъ, наконецъ сталъ увѣрять себя и повѣрилъ, что намѣренія Рыдѣвава могли быть чистыя, что во всякомъ случаѣ позорно быть доносителемъ».

За 14-мъ декабря слѣдуютъ аресты. Въ концѣ 20-хъ чиселъ им-

¹⁾ Собственноручное показаніе Д. И. Завалишина. Дон. Слѣд. Комм. Я. Ф.

ператоръ Николай захотѣлъ осмотрѣть Морской музей, которымъ завѣдывалъ капитанъ лейтенантъ Н. А. Бестужевъ, въ то время уже заключенный въ Петропавловскую крѣпость. Нужно было назначить кого либо изъ офицеровъ, который бы сумѣлъ дать Государю нужныя объясненія. Выборъ палъ на лейтенанта Д. И. Завалишина, какъ человѣка знающаго и бойкаго. Отвѣтами онъ очень понравился Государю, который, оставляя музей, приказалъ обратить на него вниманіе и имѣть въ виду какъ надежнаго офицера. Всѣ товарищи и сослуживцы уже поздравляли его съ блестящей карьерой и флигель-адъютантскими вензелями въ ближайшемъ будущемъ. Но судьба рѣшила иначе; черезъ нѣсколько дней, а можетъ быть и часовъ, тяжелая дверь каземата отдѣлила его навсегда отъ карьеры и почестей. Рассказывая объ этомъ дорогою въ Сибирь, Д. И. Завалишинъ съ горечью прибавилъ: «и съ этой высоты такъ низко пасть!», при чемъ онъ указалъ на свои ноги, закованныя въ кандалы.

Во время производства слѣдствія положеніе Д. И. Завалишина оказалось весьма неловкимъ. Выдавая себя передъ комиссіей и въ своихъ письменныхъ показаніяхъ приверженцемъ правительства, дѣйствовавшимъ въ его интересахъ, очными ставками изобличался въ самомъ крайнемъ республиканскомъ направленіи.

Въ Читинскомъ казематѣ собрались наконецъ всѣ осужденные и разговорами о слѣдствіи, допросахъ и очныхъ ставкахъ выяснили все дѣло. Степень участія и роль cadaго при допросахъ сдѣлались извѣстны. Д. И. Завалишинъ, имѣвшій объ обществѣ только смутное понятіе, долженъ былъ стать особнякомъ и въ началѣ, понятно, что нѣкоторые его остерегались. Лучшимъ доказательствомъ не принадлежности его къ обществу и очень малаго знакомства съ членами, а тѣмъ болѣе съ К. Э. Рылѣвымъ, служить то, что послѣ 14-го не только члены, но и имѣвшіе какое либо съ ними сношеніе — были арестованы, а Д. И. Завалишинъ оставался на свободѣ и едва не попалъ въ флигель-адъютанты и только случайное неосторожное показаніе одного изъ морскихъ офицеровъ Дивова привело его передъ слѣдственною комиссіею, гдѣ раскрылась его дѣятельность, какъ основателя особаго тайнаго общества. Цѣль, съ которою были передѣланы статуты ордена, не могла, конечно, внушить довѣрія къ нему.

Да иначе и быть не могло. Въ средѣ людей, быть можетъ слишкомъ увлекшихся, но горячо любившихъ свое отечество, преслѣдовавшихъ лишь одну цѣль — общее благо, людей, гордившихся своими цѣпями и судьбой, онъ не могъ, не долженъ былъ чувствовать себя въ своемъ кругу. Цѣпи для него были позорны, положеніе свое онъ

называетъ паденіемъ. Но, несчастіе уравниваетъ всѣхъ. Поэтому къ его положенію относились снисходительно и съ сожалѣніемъ. Его не чуждались, но онъ себя внутренно сознавалъ чужимъ среди насъ. Этимъ-то снисхожденіемъ и сознаниемъ нравственнаго превосходства товарищей онъ тяготился цѣлые 12 лѣтъ. Это естественно должно было развить въ немъ озлобленіе.....

А. Ф. Фроловъ.

ЛЕРМОНТОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ:

1842—1875.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

II ¹⁾.

«Вотъ стихотвореніе совершенно въ другомъ родѣ, говоритъ Дюма, и затѣмъ объясняетъ заключающуюся въ стихотвореніи «Споръ» аллегорію и заключаетъ слѣдующими словами: здѣсь поэтъ нашелъ возможнымъ быть одновременно насмѣшливымъ и великимъ (возвышеннымъ); насмѣшливость и величіе—два качества, почти всегда несомѣстныя». — Переводъ хорошъ, мысль поэта проведена вѣрно, отъ начала до конца, но довольно много прибавлено своего переводчикомъ, а кое что и пропущено.

Мы не помѣщаемъ здѣсь текста этого перевода, такъ какъ онъ уже былъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» 1871 г. т. IV стр. 697—699, по рукописи, сообщенной редакціи княземъ А. А. Суворовымъ-Рымникскимъ, и мы о ней подробно поговоримъ ниже.

3) Въ послѣдующихъ трехъ или четырехъ стихотвореніяхъ, говоритъ Дюма, поэтъ будетъ только меланхоличенъ; всѣ онѣ написаны незадолго до его смерти. Графиня Ростопчина намъ рассказывала, что онъ имѣлъ о смерти предчувствіе; это предчувствіе его мы будемъ находить почти въ каждомъ стихотвореніи.

Le rocher qui pleure.

*Un nuage dormait sur le sein d'un rocher.
Le soir, il avait pris sa poitrine pour gîte;
Le vent en fut jaloux et vint l'en arracher.
„Adieu, dit le nuage, il faut que je te quitte,*

* * *

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1882 г., томъ XXXIV. апрѣль, стр. 223—240.

„J'aurais voulu pourtant demeurer près de toi,
Mais nul de son destin ici-bas n'est le maître!
Adieu, mon bon rocher, j'ense souvent à moi,
Qui ne repasserai jamais ici peut-être...“

* * *

Sans sourire et sans pleurs, jusque-là dans les cieux
L'égoïste géant levait son crâne aride;
Mais, de ce jour, on vit sous son front soucieux
Une larme briller dans le creux d'une ride.

Въ этомъ переводѣ Дюма сфантазировалъ, прибавилъ отъ себя всю вторую строфу (у Лермонтова двѣ строфы, по четыре стиха каждая) и измѣнилъ по своему два послѣднихъ стиха первой строфы, — такимъ образомъ стихотвореніе совершенно утратило основную мысль поэта.

4) Les nuages.

Nuages qui, voguant sous le ciel solitaire,
Dans les steppes d'azur passez silencieux;
Ainsi que moi, qui suis un proscrit de la terre,
Etes-vous les proscrits des cieux?

* * *

Qui vous chasse du nord? Vers le sud qui vous mène?
Est-ce l'orgueil d'un Dieu, la colère d'un roi?
Coupables, d'un forfait subissez-vous la peine?
Etes-vous martyrs comme moi?

* * *

Non; vous êtes partis un jour de la prairie,
Ouvrant votre aile blanche à l'élément subtil,
Et, libres dans les cieux, n'ayant pas de patrie,
Vous n'avez pas non plus d'exil.

Это одинъ изъ лучшихъ переводовъ А. Дюма и очень близокъ къ подлиннику.

6) B o u t a d e.

Dieu nous garde, dans sa pitié,
Des moustiques et des vestales,
D'une trop fidèle amitié,
Et des vielles sentimentales.

Переводъ этой бездѣлки тоже довольно вѣренъ.

7) Gornaia-Verchina.

La montagne s'endort dans le ciel obscurci,
Les vallons sont muets et trempés de rosée,
La poussière s'éteint sur la route embrasée,
La feuille est immobile et le vent adouci.
— Attends encore un peu, tu dormiras aussi.

Стихи эти такъ популярны въ Россіи, говорятъ Дюма, что находится на всѣхъ фортепянахъ, и что вѣроятно не найдется молодой дѣвушки или молодого человѣка, который не зналъ бы ихъ наизусть. Эти стихи, какъ кажется, воспоминаніе Гете или Гейне.

Согласно послѣднему стиху, поэтъ на самомъ дѣлѣ скоро уснулъ; но какъ будто эта желанная смерть не шла къ нему довольно скоро, иногда онъ ее вызывалъ, подобно древнимъ рыцарямъ, которые, уставши отъ бездѣйствія, трубили въ рогъ, вызывая противника. Вотъ одинъ изъ этихъ вызововъ, подъ заглавіемъ *Les mercis*, но ее можно назвать *les Zlasphèmes* (богохульство).

8) *Les mercis.*

Eh bien, soit, je te rends grâce pour toute chose,
 O Dieu! qu'en mon erreur je tremble d'accuser:
 Pour l'impure limaçon qui rampe sur la rose,
 Pour le poison amer qui coule du baiser;
 Je te rends grâce aussi pour la trempe de l'arme
 Dont l'assassin dans l'ombre atteint son ennemi;
 Je te rends grâce encore pour la sanglante larme
 Que tire de nos yeux l'abandon d'un ami;
 Grâce, enfin, pour la vie, énigmatique aurore
 Que le monde maudit de Werther à Didon;
 Mais tâche que ma voix n'ait pas longtemps encore
 A te remercier de ce terrible don! —

Желаніе богохульника исполнилось: восемь дней спустя онъ былъ убитъ, и нашли это стихотвореніе, между другими бумагами, на его столѣ, послѣ его смерти.

Какъ трагично это заключеніе Дюма—но какъ оно невѣрно: стихотвореніе «Благодарность» написано въ 1840 году, а роковая дуэль произошла 1841 года. И что за переводъ—Лермонтова остались только первый, седьмой и восьмой стихъ—остальное все чисто сочиненіе Дюма,—у Лермонтова восемь стиховъ, у Дюма двѣнадцать.—И зачѣмъ Дюма позволилъ себѣ такую клевету на русскаго поэта; стихотвореніе это, дѣйствительно, что-то въ родѣ вызова смерти, преисполнено горечи и меланхоліи, но богохульства въ немъ и тѣни нѣтъ, но Дюма нуженъ былъ эффектъ и онъ сочинилъ свою трагическую, но совершенно невѣрную, развязку.—И что за вздоръ Дюма втиснулъ въ свой такъ называемый переводъ; вмѣсто высоко-поэтическихъ словъ поэта, къ чему тутъ Вертеръ и Дидона, улитка и роза и т. д. и т. д.

У Дюма есть еще переводъ и восьмага стихотворенія, но не смотря на самый тщательный просмотръ полнаго собранія сочиненій Лер-

монтова изд. 1880 г., подлинникъ нами не найденъ; равно нѣтъ его и въ числѣ восемнадцати стихотвореній переводовъ Боденштедта, подлинники которыхъ утрачены, и которыя обратно переведены на русскій языкъ гг. Г. С. Чириковымъ и П. А. Висковатовымъ («Русская Старина» 1873 г. т. 7, стр. 394—402; 1879 г. т. 26, стр. 353—358). Вотъ что по поводу этого стихотворенія говоритъ Дюма: мы списали изъ альбома слѣдующее стихотвореніе, которое не находится въ сочиненіяхъ Лермонтова. Можетъ быть оно было въ числѣ отправленныхъ имъ, въ послѣдній разъ, сочиненій, которыя были затеряны курьеромъ ¹⁾.

5) *Le blessé.*

Voyez vous ce blessé qui se tord sur la terre?
 Il va mourir ici, près du bois solitaire,
 Sans que de sa souffrance un seul coeur ait pitié;
 Mais ce qui doublement fait saigner la blessure,
 Ce qui lui fait au coeur la plus âpre morsure,
 C'est qu'en se souvenant, il se sent oublié.

Въ этомъ стихотвореніи какъ будто вѣсть Лермонтовымъ, въ особенноти заключительный стихъ, но можно ли ручаться за Дюма, или же можетъ быть онъ такъ его передѣлалъ, что оно неизвѣстно, въ родѣ того, что онъ сдѣлалъ съ стихотвореніемъ «Благодарность». Вотъ подстрочный буквальный переводъ его: Видите ли этого раненаго, который корчится на землѣ; онъ умретъ здѣсь, вовлѣ уединеннаго лѣса, безъ того, чтобы къ его мученіямъ какое либо сердце имѣло состраданіе; но что вдвойнѣ усиливаетъ истеченіе крови изъ его раны, что производитъ въ его сердцѣ самое горькое страданіе (укушеніе), это то, что помня, онъ чувствуетъ себя забытымъ.— Предоставляемъ на судъ болѣе свѣдущихъ рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли это стихотвореніе Лермонтова—но при этомъ слѣдуетъ упомянуть, что всѣ переводы—стихотвореній Пушкина и Лермонтова—Дюма сдѣланы съ подлинниковъ. Какимъ способомъ онъ переводилъ—уже нами объяснено выше.

13) *Impressions de Voyage en Russie par Alexandre Dumas, 1865 Michel Lèvy frères, 4 vol въ 8 д. л. 4 ч.—1 ч. стр. 304; 2 ч. стр. 340; 3 ч. стр. 309; 4 ч. стр. 271.* Путевныя впечатлѣнія въ Россіи, А. Дюма.

Въ третьей части Дюма перевелъ слѣдующія три стихотворенія:

1. *Le sommet des montagnes* стр. 212. — Изъ Гете; Горныя вершины (Т. I, стр. 194).
2. *La pensée.* " 213. — Дума (Т. I, стр. 108).
3. *Les dons du Terek.* " 242. — Дары Терека (Т. I, стр. 149).

¹⁾ Это свѣдѣніе заимствовано Дюма изъ біографическаго очерка жизни Лермонтова, составленнаго графиней Ростопчиной. (См. въ концѣ біографическія статьи). В. III.

О переводѣ первыхъ двухъ стихотвореній нами уже сказано было выше: онѣ перепечатаны: первое—слово въ слово, а второе съ двумя незначительными редакціонными поправками. Вотъ переводъ третьяго:
Les dons du Terek.

Les dons du Terek.

Mugissant, furieux, sauvage,
Roulant ses rochers de granit,
Le Terek descend tout en nage
Des monts où l'aigle fait son nid.
Sa sueur jaillit en écume;
Mais quand sur la plaine qui fume,
Il s'est, rusé Circassien,
Répandu comme une onde honnête,
Présentant son humble requête
Il dit au vieux lac Caspien:

* * *
„O vieillard! partage ton onde
Et reçois mon flot éperdu.
Assez longtemps j'ai, par le monde
Erré comme un enfant perdu.
Il est temps qu'enfin je me range
Il que d'existence je change.
Près du mont Kasbek je suis né;
Je viens des cimes inconnues,
Enfant allaité par les nues,
A l'orage prédestiné!

* * *
„J'ai grandi, faisant, dans ma course,
Autant que je l'ai pu, le mal.
A peine sortant de ma source,
J'ai dévasté le Darial.
En rocs arrachés à leur base,
Je t'amène tout le Caucase...“
Mais, bercé du bruit de ses flots,
Occupé de quelque merveille,
Le vieillard fit la sourde oreille;
Et Terek reprit en ces mots:

* * *
„Je comprends, tu ris de l'audace
Que j'ai d'offrir si peu... Pardon,
Laissons mes rochers à leur place;
Je veux te faire un plus beau don:
C'est le plus brave des Tcherkesses.
La mort, arrêtant ses prouesses,
A pris le hardi cavalier

Au moment où, dans sa colère,
Pour mieux frapper son adversaire,
Il se dressait sur l'étrier.

* * *

• Il a son harnais de bataille
Qui vaut à lui seul un trésor,
Une riche cotte de maille,
Des brassards damasquinés d'or;
Ses cartouches pleines de poudre,
Dont chacune lançait la foudre,
Sont d'argent pur de Téhéran;
Son Kandjia est une flamme,
Et porte gravé sur sa lame
Un verset entier du Coran.

* * *

• Son oeil semble, ouvert et farouche,
En face regarder la mort;
Un sang vermeil rougit sa bouche
Sous sa moustache qu'elle mord.
Sa tresse, humide de rosée,
Descend de sa tête rasée
Sous son papak de laine noir. .“
Mais Caspis sur la mer se penche,
Muet, mirant sa barbe blanche
Dans son gigantesque miroir.

* * *

Terek alors: « Ecoute, père,
Je vais te faire un don sans prix,
Et, cette fois enfin, j'espère,
Tu seras content, vieux Caspis!
J'ai soustrait aux regards du monde:
Et je t'apporte, sur mon onde,
Le corps plein de suavité
D'une Cosaque jeune et belle,
Qui, pour la mort, garda, rebelle,
La fleur de sa virginité.

* * *

„Sa chevelure déroulée
A les tons du blé qui mûrit;
Son épaule pâle est hâlée;
Sa bouche tristement sourit;
De même qu'un nuage voile
Parfois la splendeur de l'étoile,
Sur son front la pâleur descend,
Et, de son cou sur sa poitrine,
Comme une larme purpurine,
Coule un faible filet de sang! .“

* * *

Le fleuve se tait. Froide et blanche,
 Alors, sur le flot mugissant,
 La Cosaque, aux yeux de pervenche,
 Apparaît en se balançant.
 Sa natte tombe écheveïée
 Sur sa gorge à demi voilée,
 Réseau d'or sur un marbre pur,
 Où la mort, artiste suprême,
 De sa main décharnée et blême,
 Des veines dessina l'azur!

* * *

En la voyant, Caspis sur l'onde
 Se dresse le front ruisselant,
 Et sous son arcade profonde
 Son oeil s'allume étincelant.
 Il étend les deux bras vers elle,
 Et, sur sa poitrine immortelle,
 Presse le suave contour,
 L'entraîne dans l'humide espace...
 Et la vague sur tous deux passe
 Avec un murmure d'amour!

Эта поэзія, говорить Дюма, очевидно для насъ что-то странное и незнакомое; она содержитъ въ себѣ что-то дикое, трудно проникающее въ наши города; она удивила въ Россіи и имѣла тамъ большой успѣхъ. Мой переводъ занялъ часть ночи. По мѣрѣ того какъ княгиня перелагала на французскій языкъ, я перелагалъ въ стихи.

У Лермонтова стихотвореніе раздѣлено на неравномѣрныя строфы, по числу стиховъ; семь—по четыре, одно въ восемь, два по двѣнадцати и одно въ шестнадцать стиховъ,—всего одиннадцать строфъ и семьдесятъ шесть стиховъ.—У Дюма десять строфъ, по десяти стиховъ въ каждой, т. е. всего сто стиховъ.—Переводъ очень вѣренъ и Дюма передалъ вполне мысль поэта, однако конецъ стихотворенія, т. е. послѣдніе строфы утратили на французскомъ языкѣ много своего поражающаго величія, которое, какъ ни талантливъ былъ Дюма, но онъ не въ силахъ былъ передать на своемъ бѣдномъ и не поэтическомъ языкѣ.

Вотъ все, что Дюма перевелъ изъ Лермонтова; остается только сожалѣть, что онъ не взялся за переводъ поэмы—Демонъ; его переводы какъ изъ Пушкина, такъ и изъ Лермонтова—все же хороши, и если онъ иногда фантазируетъ и прибавляетъ своего, конечно, для украшенія, но за то передаетъ въ прекрасной поэтической формѣ и благозвучными стихами. Мы оставляемъ для отдѣла біографическихъ статей очеркъ характеристики Лермонтова, написанный Дюма, и переводъ біографіи поэта, сообщенный Дюма графиней Ростопчиной.

14) Chefs-d'oeuvres poétiques de Lermontoff, le poète du Caucase, traduits du Russe, en vers Français, par P. Pelan d'Angers, Paris 1866, Armand Le Chevalier, I v. въ 8 д. л. стр. XXVIII и 197. Образцовыя поэтическія произведенія Лермонтова, поэта Кавказа, переведенныя съ русскаго французскими стихами, П. Пеланъ изъ Анжера и т. д.

Оглавленіе: Посвященіе (Е. И. В. принцу П. Г. Ольденбургскому). Предисловіе.—Mater Dolorosa (стихи г. Пеланъ по случаю кончины Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича). — Демонъ. — Хаджи Абрекъ. — Мцыри. — Ангель смерти. — Переводъ десяти мелкихъ стихотвореній. — Объясненіе неизвѣстныхъ словъ.

Въ предисловіи краткая біографія Лермонтова, нѣсколько выписокъ, для характеристики поэта, изъ Боденштедта, Бѣлинскаго и Сень-Рене Таландье.—Вотъ что говоритъ г. Пеланъ: въ концѣ XVIII вѣка является новая философская система: во всемъ сомнѣваются. Байронъ ее закрѣпилъ. — Россія, послушная воспитанница запада, принимаетъ эту систему. Жуковский первый понялъ, какое пагубное вліяніе эти идеи должны были имѣть на слабые умы.—Чтобы отвратить грозу, онъ пожелалъ сопоставить этой философій средніе вѣка, вызванныя имъ изъ могилы. Но эти баллады не могли служить отвѣтомъ на поднятый вопросъ; средніе вѣка съ его турнирами, замками и рыцарями разбойниками сдѣлались невозможными. Пушкинъ также былъ вовлеченъ въ этотъ міръ тоски и печали, отъ котораго отлетѣли вѣра и надежда, но онъ скоро освободился отъ байроновскаго вліянія, и сталъ бороться съ философій съ глубокою вѣрою истаго русскаго. Лермонтовъ, подобно Пушкину, сначала вдохновлялся поэзіей Байрона и заплатилъ свою дань этой грустной музѣ, каждая нота которой изливалась рыданіями. Чтобы въ томъ убѣдиться, стоитъ только прочесть стихотвореніе: «И скучно и грустно». Но пребываніе на Кавказѣ повліяло на талантъ Лермонтова.—Далѣе г. Пеланъ объясняетъ какое вліяніе имѣла на поэта кавказская природа и переходитъ къ описанію поэмы Демонъ, выписывая притомъ нѣкоторыя мѣста изъ разбора этой поэмы г. Вапро и изъ статьи г. Сень-Рене Таландье. При этомъ г. Пеланъ объясняетъ, что чтеніе статьи послѣдняго писателя: «Поэтъ Кавказа» вдохнуло въ него желаніе переводить Лермонтова, за что онъ искренно благодаренъ г. Таландье. За симъ г. Пеланъ переводитъ прозой два изъ посвященій къ поэмѣ Демонъ: 1) Я кончилъ—и въ груди невольное сомнѣніе (т. II, стр. 255); и 2) Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли (т. I, стр. 198). Оба перевода замѣчательны своею вѣрностію и подстрочною точностію.—Далѣе г. Пеланъ кратко

разбираетъ переведенныя имъ стихотворенія и поэмы, при чемъ со-знается, что поэма «Ангель смерти» далась ему при переводѣ всего труднѣе, такъ какъ текстъ иногда теменъ и трудно уловима мысль поэта.

Кончая предисловіе, г. Пеланъ говоритъ: взявшись за эту труд-ную работу,—я говорю трудную, такъ какъ Лермонтовъ считается даже русскими литераторами почти неперевожимымъ—я хотѣлъ уплатить Россіи *le pain et le sel* (хлѣбъ-соль) великодушнаго госте-пріимства—и уже Россія наградила меня за мои труды.

Г. Пеланъ былъ, какъ думать надо, преподавателемъ француз-скаго языка въ московскомъ екатерининскомъ институтѣ. Въ 1865 г., при посѣщеніи института принцемъ Ольденбургскимъ, онъ былъ представленъ начальницею института Е. В., при чемъ она доложила, что г. Пеланъ имѣетъ рукопись переводовъ въ стихахъ избранныхъ сочиненій Лермонтова, но потерявъ послѣ банкротства банкира плоды пятнадцати-лѣтнихъ трудовъ, онъ не имѣетъ средствъ издать свои переводы.—Принцъ исходатайствовалъ у Е. В. Государыни Импе-ратрицы пособие, которое дало возможность г. Пелану напечатать свою рукопись. Переводамъ предшествуетъ элегія, какъ самъ г. Пе-ланъ называетъ свое сочиненіе, написанная по случаю кончины на-слѣдника цесаревича и озаглавленная: *Mater Dolorosa, prière a la Vierge- Marie*, затѣмъ идутъ переводы поэмъ, о которыхъ будетъ сказано въ послѣдующей главѣ, а въ заключеніе: *Pièces diverses*, т. е. различ-ныя стихотворенія; всѣхъ ихъ десять:

1. Le rameau de Palestine.	стр. 169.	Вѣтка Палестины.	Т. I, стр. 83.
2. L'ange.	" 173.	Ангель.	" " " 1.
3. La voile.	" 175.	Парусъ.	" " " 74.
4. Prière.	" 177.	Молитва.	" " " 105.
5. * * *	" 179.	Когда волнуется жел- тѣющая нива.	" " " 106.
6. La prière.	" 181.	Молитва.	" " " 146.
7. Ennui et tristesse.	" 183.	И скучно и грустно.	" " " 192.
8. A un enfant.	" 185.	Ребенку.	" " " 192.
9. Les dons du Terek.	" 189.	Дары Терека.	" " " 149.
10. Les trois palmiers.	" 193.	Три пальмы.	" " " 147.

На послѣдней страницѣ книги (*Glossaire*) объясненіе нѣкоторыхъ названій мѣстностей и словъ; напр. Терекъ, Казбекъ, Дарьялъ, аулъ, сакля, башлыкъ и проч.

Изъ приведеннаго списка видно что, г. Пеланъ перевелъ немного изъ мелкихъ стихотвореній Лермонтова, но за то выбралъ почти все лучшее и перевелъ—хорошо, трудно было бы желать лучшаго и дан-ное ему пособие послужило къ ознакомленію читающей Франціи дѣй-

ствительно съ твореніями Лермонтова. Ни одинъ изъ переводчиковъ Пушкина и Лермонтова не дошелъ даже и близко до такого совершенства въ точности. Переводы не сдѣланы слово въ слово, даже мѣстами есть и незначительные пропуски, попадаются двѣ-три ошибки, но вездѣ мысль поэта вѣрно схвачена и вѣрно проведена. Въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ измѣненъ размѣръ стиха, но французскій языкъ рѣдко позволяетъ сохранять размѣры русскаго стиха. Слабѣ всѣхъ переведены: Ребенку и Дары Терека; эти стихотворенія и не легко переводить, особенно второе, остальные почти безукоризненны. Можемъ указать лишь на слѣдующія неточности: «Вѣтка Палестины», въ четвертой строфѣ пропущенъ или, лучше сказать, не помѣстился четвертый стихъ: Широколиственной главой.—Стихотвореніе 2—«Ангель», строфа третья:

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ.

Переведено:

Il portait radieux dans ses bras caressants,
Une jeune âme au monde—à la douleur et aux larmes.

Не совсѣмъ точно передана мысль поэта: душу младую, для міра печали и слезъ, вѣрнѣе было бы: Une jeune âme, pour le monde de douleur et de larmes. Стихотвореніе 4, «Молитва»,—вторая строфа:

Но я вручить хочу дѣву невинную,
Теплой заступницѣ міра холоднаго.

Confier une vierge innocente à la Mère
D'un monde tout de glace,—à toi, à toi tout amour.

Переводъ совсѣмъ не вѣренъ и не передаетъ мысли поэта о заступницѣ міра холоднаго.

Такимъ образомъ въ переводѣ восьми стихотвореній, только три замѣчанія, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе; мы подробно не станемъ разбирать «Дары Терека» и «Ребенку», хотя и эти переводы не дурно сдѣланы, но въ нихъ, такъ сказать, ступшено слишкомъ много стиховъ и попадаются ошибки въ родѣ слѣдующей: трупъ казачки молодой (Дары Терека) переведено: fière enfant du Greben... c'est une jeune femme, т. е. гордое дитя Гребенское... это молодая женщина; въ переводѣ не видно, чтобы это былъ трупъ и т. д. Но въ мірѣ совершенства нѣтъ, а тѣмъ болѣе въ переводахъ, да еще стихами, а все же нельзя отказать г. Пеланъ въ мастерской передачѣ, на сколько возможно, прелестныхъ стихотвореній Лермонтова. Не возможно привезти здѣсь всѣ переводы г. Пелана, а потому ограничимся четырьмя цѣльными стихотвореніями, и хотя по одной или по двѣ строфы изъ остальныхъ:

La voile.

Une voile apparaît et blanche et solitaire
 Sur la mer azurée, en un lointain brumeux.
 Que va-t-elle chercher vers la rive étrangère?
 Qu'a-t-elle abandonné sur le sol des aieux?

* * *

Le vent siffle,—le flot vient jouer autour d'Elle,
 Et le mât, en criant, s'incline avec lenteur...
 Mais ce n'est pas, hélas! le bonheur qu'Elle appelle;
 La vague, en s'éloignant, ne fuit pas le bonheur!...

* * *

Sous Elle un flot d'azur; — dans le ciel sans nuage
 Un rayon de soleil qui vient dorer les eaux:
 Mais Elle — frémissant — soupire après l'orage,
 Comme si dans l'orage existait le repos!...

La prière.

Aux jours de désespoir où la vie est amère,
 Où l'on succombe à la douleur,
 Il est une divine, une seule prière
 Qu'alors je répète par coeur.

* * *

Il existe une force et sainte et bienfaisante
 Dans ses accents religieux,
 Et puis en eux respire une beauté puissante
 Un charme tout mystérieux.

* * *

Il semble qu'un fardeau se soulève de l'âme;
 Le doute au loin s'est envolé;
 La foi dans notre coeur fait rayonner sa flamme,
 On pleure — et l'on est consolé...

Ennui et tristesse.

Tristesse, ennui! — personne, et personne à qui tendre
 La main, lorsque dans l'âme éclôt un sombre jour!
 Désirer!... A quoi bon? Pour vainement attendre!
 Et nos jours — les meilleurs — s'envolent sans retour.

* * *

Aimer!... Qui?... Pour un temps ça ne vaut pas la peine,
 Et l'amour éternel est un rêve insensé...
 Veut-on descendre en soi! — Le passé, — chose vaine...
 La joie et les douleurs, tout y dort effacé...

* * *

Qu'est-ce les passions?...—Leur douce maladie
 Disparaît tôt ou tard, quand parle la raison.
 Et lorsque froidement on regarde la vie,
 La vie est quelque chose et stupide et bouffon.

Quand je vois les épis mollement onduler,
 Et la verte forêt s'agiter sous la brise,
 Et la prune vermeille a mes yeux se voiler
 Sous l'ombre qui la favorise;

* * *

Lorsque le soir, ou bien aux rayons du matin,
 L'humble muguet couvert de perles odorantes
 D'un salut amical penche sur mon chemin
 Ses blanches corolles tremblantes;

* * *

Lorsque la source—au fond du ravin ténébreux
 Serpente et, m'emplissant de vagues rêveries,
 Semble me raconter un fait mystérieux
 Qu'on raconte dans sa patrie;

* * *

Le calme alors succède au trouble de mon cœur,
 De mon front soucieux disparaît l'ombre noire,
 Je crois qu'il est encore ici-bas du bonheur:
 Mon Dieu m'apparaît dans sa gloire.

L'ange (последняя строфа).

Elle languit longtemps, la jeune âme, ici-bas,
 D'un étrange désir sans cesse poursuivie:
 Nos chants décolorés ne lui remplaçaient pas
 Des célestes accords la sublime harmonie.

Prière (последняя строфа).

Dans les bruits du matin ou la nuit en silence,
 Quand pour elle viendra le moment des adieux,
 Fais descendre d'en haut vers son lit de souffrance
 Ton ange le plus pur pour la conduire aux cieux.

A un enfant (конецъ стихотворенія).

Oh! rappelle-toi bien, t'a-t-elle appris, enfant.
 A prier pour quelqu'un? et soudain pâissant,
 Sa voix murmurait-elle un nom à ton oreille,
 Un nom que dans ton coeur nul écho ne réveille
 Et qui dort maintenant dans un oubli profond?
 Ne t'en souviens jamais!... Qu'est-ce un nom? Un vain son.
 Oh! puisse-t-il pour toi rester toujours mystère!
 Si tu l'apprends un jour par un hasard contraire,
 Songe au temps où ta mère aidait tes faibles pas;
 Et ce nom, mon enfant, ah! ne le maudit pas!

Les dons du Térék (последнія двѣ строфы)

„Seul dans la Stanitsa, près du fleuve écumant,
 „Un guerrier du Grében ne pleure pas sur elle:
 „Il a pris son cheval et, s'élançant en selle,
 „Il a courru dans l'ombre affronter le poignard
 „Du Tchetchène ennemi,—farouche montagnard“.
 Le Térék frémissant rentre dans le silence...
 Et soudain apparaît, au loin, sur l'onde immense
 — La tresse ruisselante, — éclatant de blancheur
 Un front qui sur les flots balance sa pâleur.

* * *

Splendide de grandeur, forte comme l'orage,
 Alors la mer se lève. — Une teinte sauvage
 Rougit le sombre azur qui colore ses yeux;
 Elle bondit de joie, et son sein amoureux
 Avec un doux murmure, une étreinte puissante,
 Reçoit en s'entr'ouvrant, la vague mugissante.

Les trois palmiers (последняя строфа).

Alentour aujourd'hui tout est morne et sauvage...
 La source n'entend plus murmurer le feuillage;
 Plus d'ombre: le Prophète est sourd à ses accents;
 Les sables sur ses bords groupent leurs flots brûlants,
 Et,—sombre misanthrope,—avec des cris de joie
 Près d'elle le milan vient déchirer sa proie.

Для полнаго безпристрастія въ выборѣ отрывковъ изъ шести стихотвореній, мы помѣстили заключительныя строфы каждаго изъ нихъ.

15) Въ «Русской Старинѣ» 1871, т. IV, № 12, стран. 697—699, былъ помѣщенъ переводъ А. Дюма стихотворенія «Споръ»; рукопись была сообщена редакціи княземъ А. А. Суворовымъ-Рымникскимъ, найденной въ бумагахъ владимірскаго помѣщика Николая Викторовича Шимановскаго. Переводъ стихотворенія посвященъ А. П. Ермолову, при которомъ г. Шимановскій, въ одно время съ княземъ А. А. Суворовымъ, служилъ на Кавказѣ; при переводѣ было слѣдующее письмо: *Mon général. Voulez vous permettre a un poëte Français, qui entend depuis deux mois tous les échos du Caucase répéter votre nom. de vous envoyer des vers de Lermontoff, traduits par lui, ou se trouve votre glorieux nom. Depuis que le canon de Borodino a fait connaître à la France le nom de Yermoloff, j'ai toujours eu le plus grand respect et la plus profonde admiration pour ce nom.*

Переводъ письма. Генераль.—Дозволите-ли французскому поэту, который вотъ уже два мѣсяца слышитъ какъ каждое эхо Кавказа повторяетъ ваше имя, послать вамъ стихи Лермонтова, имъ переведенныя, въ которыхъ упоминается ваше славное имя. Съ тѣхъ поръ какъ пушки Бородина ознакомили Францію съ именемъ Ермолова, я всегда имѣлъ самое высокое уваженіе и самое глубокое почитаніе къ этому имени.—

Мы вторично упоминаемъ объ этомъ переводѣ, такъ какъ, при сравненіи, оказалась нѣкоторая разница между поднесеннымъ А. П. Ермолову и напечатаннымъ въ путевыхъ впечатлѣніяхъ на Кавказѣ. Во первыхъ, разныя заглавія—въ «Старинѣ»: *Causerie entre deux montagnes*, т. е. Бесѣда между двумя горами; въ путевыхъ впечатлѣніяхъ вѣрное заглавіе: *La dispute* (Споръ.). 2-ое Въ «Старинѣ» стихотвореніе напечатано сплошь; въ *le Caucase* оно раздѣлено на 21 строфу по четыре стиха въ каждой, у Лермонтова же на пять строфъ; Дюма отдѣлилъ чертой первую отъ второй и вторую отъ третьей строфы подлинника, а остальные, слилъ въ одну, и 3-ья сдѣлана нѣсколько редакціонныхъ исправленій,—но при этомъ оказывается, что въ «Русской Старинѣ» вкрались нѣкоторыя неточности, происшедшія вѣроятно отъ неразборчивости почерка оригинала, а можетъ быть отъ неисправной корректуры.

16) *Oeuvres complètes de Emile Deschamps*, Paris 1872, Alphonse Lemerre, въ 8 д. л. 6 vol. Первые два: *Poésie* (поэзія). Вторые два: *Prose* (проза) и два послѣднія: *Théâtre* (театръ). Полныя сочиненія Эмиля Дешанъ.

Во второмъ томѣ и второй части поэзіи, на стран. 121—123, помѣщенъ переводъ стихотворенія «Воздушный корабль» съ дополнительной строфой сочиненія Э. Дешанъ, о которомъ говорено выше при разсмотрѣніи книги князя Мещерскаго: *Les poètes Russes*.

17). *Histoire de la littérature contemporaine en Russie*, par C. Courrière, Paris 1875, Charpentier, въ 8 д. л. 1 vol. стр. VIII и 442. Исторія современной литературы въ Россіи, г. Курьеръ. Во второй части: *Littérature moderne* (новая литература) въ первомъ періодѣ: *Chapitre III*, стр. 132—139. *Lermontoff (1815—1841) ses poésies, ses romans.*—Глава III. Лермонтовъ (1815—1841) его поэзія, его романы.

Объ этой книгѣ нами подробно сказано въ статьѣ: Пушкинъ въ переводѣ французскихъ писателей. («Древняя и Новая Россія» 1880 г. № 12). Въ главѣ о Лермонтовѣ переведено одно стихотвореніе подстроично, прозой (стр. 136, 137) «Дума»: Печально я гляжу на наше поколѣніе, (т. I стр. 108); переводъ сдѣланъ довольно небрежно и мѣстами мысли поэта не вѣрно поняты; напр. совсѣмъ пропущенъ въ третьей строфѣ пятый стихъ: И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно, а также въ 4-ой строфѣ часть пятого стиха: съ строгостью судьбы и гражданина. А вотъ какія невѣрности находятся въ переводѣ: въ первой строфѣ: Его грядущее—иль пусто, иль темно, переведено: *tout est vide ou fatigué!* т. е. все пусто или уставши! въ 3-ей строфѣ: Невѣриемъ осмѣянныхъ страстей, переведено: *sous le masque de l'incrédulité*, т. е. подъ маской невѣрія и т. д. Переводъ сдѣланъ прозой, а потому можно бы, кажется, безъ пропусковъ и передѣлокъ, отъ которыхъ теряется общій смыслъ стихотворенія, а «Дума» такого рода вещь, въ которой каждое слово на мѣстѣ.

Всѣ намъ извѣстные переводы мелкихъ стихотвореній Лермонтова, впрочемъ ихъ не особенно много, большею частію сдѣланы стихами и удовлетворительно, особенно если сравнивать ихъ съ переводами, сдѣланными съ твореній Пушкина.

Переведены.	Стихами.	Прозой.	Отрывки.
Дары Терека	2	1	—
Воздушный Корабль	2	—	—
Благодарность	2	—	—
Поэту	1	1	—
Дума	1	1	—
Казачья колыбельная пѣсня	1	1	—
Послѣднее Новоселье	1	—	1
Посвященіе къ поэмѣ Демонъ: И кончилиъ и въ груди невольное сомнѣніе	1	1	—

	Стихами.	Прозой.	Отрывки.
Пѣсни про царя Ивана Васильевича и т. д.	—	1	1
По одному переводу, стихами: Нѣтъ, не тебѣ такъ пылкоя люблю.—Они любили другъ друга —Споръ.—Утѣсь —Тучи.—Моя мольба.—Изъ Гете.—Вѣтвь Палестины —Ангель.—Парусь.—Молитва (Въ минуту жизни трудную).—Когда волнуется желтѣющая нива.—Молитва (Я, Матерь Божія).—И скучно и грустно.—Ребенку.—Три Пальмы.—Неизвѣстное . .	17	—	—
Прозой: На смерть Пушкина.—Есть рѣчи —значенье.—Родина.—Посвященіе къ поэмѣ Демонъ: Тебѣ Кавказъ, суровый царь земли .	—	4	—
30 стихотвореній.—Всего . . .	28	10	2

Переводчики:

Г. Аносова 1. Э. Дешанъ 1. А. Дюма 9. Курьеръ 1. М. М. 1. Мармье 3. Князь Мещерскій 1. Пеланъ изъ Анжера 12. Перо 1. Порри 1. Роберъ 1. Сазоновъ 2. Сень-Рене-Таландьё 6. Всего 40 переводовъ.

В. К. Шульцъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ИНТЕНДАНТСТВА

ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ВОЕННОМЪ ОКРУГѢ

1864—1866.

Я былъ первымъ интендантомъ петербургскаго военного округа; я предназначался въ главные интенданты, называвшагося тогда генераль-интендантомъ; случайно попалъ, временно, въ окружные интенданты; упорно боролся со старымъ режимомъ, и вмѣсто назначенія главнымъ интендантомъ, былъ поставленъ, на скромную, сравнительно, должность—начальника пѣхотной дивизіи.

Въ предлагаемой статьѣ интересъ представляетъ не лицо дѣйствовавшее, но сочетаніе разныхъ обстоятельствъ, разныхъ вліяній и побужденій....

В. Д. Еренко.

I.

Какъ я попалъ въ интенданты.

I.

30 лѣтъ служилъ я въ саперахъ, отъ прапорщика до генерала, прошелъ всѣ офицерскія должности, былъ обучающимъ нижнихъ чиновъ въ классахъ, былъ въ образцовомъ пѣхотномъ полку, завѣдывалъ фронтовою учебною командою, былъ баталіоннымъ адъютантомъ и казначеемъ, завѣдывалъ юнкерскою командой, командовалъ ротой, баталіономъ и достигъ высшей должности бригаднаго командира, на которой успѣлъ уже заслужить довѣріе своихъ подчиненныхъ, какъ весною 1864 года былъ оторванъ

отъ своей специальности, Дмитріемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ, на совершенно чуждое мнѣ интендантское поприще.

До того времени я представлялся Д. А. Милютину, какъ военному министру, два раза, при прїѣздѣ изъ Кіева, осенью 1861 и весною 1862 года; оба раза представленіе было минутное; при одномъ изъ этихъ представленій ген. Милютинъ напомнилъ мнѣ, что и прежде встрѣчался со мной у бывшаго военнаго министра кн. Долгорукова, когда я былъ у Долгорукова съ докладомъ по дѣламъ Выборга въ 1855 году, но признаюсь, я смутно помнилъ ту встрѣчу съ ген. Милютинымъ.

1-го іюня 1862 года, совершенно неожиданно получилъ я отъ ген. Милютина циркулярное письмо, отъ 14-го мая, № 4412, слѣдующаго содержанія:

„М. г. В. Д.! Я имѣлъ счастье всеподданнѣйше доводить до свѣдѣнія государя императора соображенія мои о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ по военной части, вызываемыхъ недостатками настоящей нашей административной организаціи.

„Одобривъ, въ главныхъ чертахъ, мои предположенія, его величество высочайше повелѣть соизволилъ: неотлагательно приступить къ составленію подробныхъ соображеній, заключающихъ въ себѣ развитіе, изложенныхъ въ предварительныхъ моихъ предположеніяхъ, главныхъ началъ.

„Существенно важный недостатокъ нашей военной администраціи заключается въ крайнемъ сосредоточеніи управленія въ министерствѣ и недостаточности мѣстнаго административнаго надзора.

„Единственнымъ средствомъ къ устраненію этого недостатка представляется устройство мѣстныхъ военныхъ управленій, на подобіе существующихъ уже на Кавказѣ, въ Оренбургскомъ краѣ и Сибири, съ тѣмъ, чтъ бы и остальное пространство имперіи раздѣлить на нѣсколько военныхъ округовъ, въ управленіяхъ которыхъ, вмѣстѣ съ лежащимъ нынѣ на глакомандующихъ и корпусныхъ командирахъ высшимъ командованіемъ войскамъ, соединить и высшій мѣстный надзоръ по разнымъ отраслямъ военной администраціи. На обязанности же министерства останется при семъ преимущественно только общее направленіе дѣйствій къ единству и закону.

„Въ этомъ смыслѣ составлена прилагаемая при семъ программа главныхъ основаній введенія у насъ окружной системы военнаго управленія. Препровождая эту программу къ вашему превосходительству, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, въ особое мнѣ одолженіе, доставить соображенія ваши по сему предмету, буде возможно, не позже 1-го августа сего (1862) года.

„При этомъ покорнѣйше прошу васъ не ограничиваясь одними замѣчаніями на изложенное въ этой программѣ, сообщить мнѣ и собственныя ваши соображенія, касательно приведенія въ исполненіе главныхъ основаній предполагаемаго административнаго устройства.

„Высказанныя такимъ образомъ съ разныхъ сторонъ замѣчанія послужатъ военному министерству матеріаломъ для составленія проекта объ устрой-

ствѣ военно-окружныхъ управленій, на твердыхъ и всесторонне обсу-
женныхъ основаніяхъ.

„Примите, милостивый государь, увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи
и преданности Д. Милютинъ“.

Письмо это сильно польстило моему самолюбію. Д. А. Ми-
лютинъ былъ высоко чтимъ въ войскахъ, всѣ военные радовались
назначенію военнымъ министромъ такого молодого, образованнаго
и энергичнаго человѣка, на мѣсто слѣпаго старика Сухозанета;
признаюсь откровенно, самолюбію моему льстило и то обстоятель-
ство, что изъ 12 генераловъ, тогда въ Кіевѣ находившихся, я
одинъ получилъ такое письмо. Конечно, г. Милютинъ тогда очень
мало зналъ меня и я былъ ему рекомендованъ тогдашнимъ ди-
ректоромъ канцеляріи военнаго министерства Константиномъ Пет-
ровичемъ ф. Кауфманомъ; въ этомъ убѣждало меня и то, что
вслѣдъ за письмомъ отъ г. Милютина, я получилъ письмо отъ
Кауфмана съ препровожденіемъ огромнаго тома трудовъ коми-
тета генерала Лауница объ улучшеніи хозяйства въ войскахъ
вообще и о продовольствіи войскъ въ особенности, при чемъ
Кауфманъ просилъ замѣчанія на труды комитета Лауница, вмѣ-
стѣ съ замѣчаніями на программу устройства военно-окружныхъ
управленій, выслать прямо на имя военнаго министра.

Задача, данная мнѣ, была слишкомъ сложна и слишкомъ
серьозна; въ 1-му августа я никакъ не могъ съ нею справиться,
тѣмъ болѣе, что при лагерномъ сборѣ бригады, я всецѣло посвя-
щаль себя саперной службѣ и только съ окончанія лагеря, съ
половины сентября, усердно занялся даннымъ мнѣ порученіемъ.
2-го ноября представилъ г. Милютину свои замѣчанія, которыя
составили нѣсколько тетрадей, слишкомъ на 20 писарскихъ ли-
стовъ, и былъ удивленъ необыкновенно скорымъ отвѣтомъ. Отъ
25-го ноября Кауфманъ писалъ мнѣ, что получивъ отъ Д. А.
Милютина записочку по предмету замѣчаній моихъ о доволь-
ствіи войскъ и по предположенію моему объ устройствѣ инже-
нерныхъ войскъ, считаетъ за лучшее препроводить эту записочку
въ оригиналъ, съ увѣренностью, что она доставитъ мнѣ большое
удовольствіе, потому что оцѣнка труда такимъ человѣкомъ, какъ
Д. А. Милютинъ, каждому должна быть лестна и пріятна.

Записочка г. Милютина, на кусочкѣ сипенькой бумажкѣ, за-
ключалась въ слѣдующемъ:

„Искренно благодаренъ генераль-маіору Кренке за его дѣльныя мнѣнія. Замѣчанія на проектъ о довольствіи войскъ, заслуживаютъ особаго вниманія; многія изъ нихъ весьма замѣчательны. Прошу передать эту записку Кренке дежурному генералу.

„Предположенія объ устройствѣ саперныхъ войскъ весьма нравятся мнѣ; полагалъ бы предварительно представить для прочтенія Е. И. В. Великому Князю Николаю Николаевичу, а потомъ предъявить комитету объ организаціи войскъ.

„Прошу васъ, Константинъ Петровичъ, передать г. м. Кренке полную мою благодарность. Д. Милютинъ“.

Замѣчанія мои должно быть дѣйствительно хорошо зарекомендовали меня въ глазахъ г. Милютина, потому что въ слѣдъ за тѣмъ Кауфманъ писалъ мнѣ, что имѣется въ виду поставить меня во главѣ одного изъ учрежденій военнаго министерства и это устроилось бы очень легко, еслибы я согласился на первое время принять второстепенную должность и было бы лучше всего, еслибы я эту же зиму, (съ 1862 на 1863 годъ,) побывалъ въ Петербургѣ, тогда все выяснилось бы.

Хотя Кауфманъ и зналъ, что по нѣкоторымъ особымъ причинамъ, я желалъ перебраться въ Петербургъ; но все таки, на такое неопредѣленное предложеніе, я могъ отвѣчать только уклончиво; уклонился я и отъ пріѣзда въ Петербургъ; а когда въ февраль 1863 года, Великій Князь и военный министръ вызывали меня въ Петербургъ, для присутствованія въ особомъ комитетѣ, учрежденномъ при военномъ министерствѣ, то кievское начальство, въ виду начавшагося польскаго движенія, не отпустило меня, и вообще 1863-й годъ, по случаю польскаго мятежа, былъ потерянъ для реформъ Д. А. Милютина; онѣ оживились въ самомъ началѣ 1864 года.

Какъ ни нравились ген. Милютину мои предположенія о довольствіи войскъ, но они не привились; творецъ положенія объ интендантствѣ, старый комиссаріатскій чиновникъ Федоръ Герасимовичъ Устряловъ, отстоялъ свои комиссаріатскіе порядки. Д. А. Милютинъ былъ безсиленъ въ борьбѣ съ Устряловымъ по предмету комиссаріатской отчетности, а мнѣніе Устрялова не согласовалось съ моимъ: я предполагалъ упростить отчетность въ войскахъ и въ управленіяхъ, а Устряловъ отстаивалъ старинныя, сложныя комиссаріатскія табели.

Изъ множества предложеній моихъ о хозяйствѣ въ войскахъ, приведу одно, которое болѣе нравилось Милютину и о непринятіи котораго, я болѣе всего сожалѣлъ. Я писалъ въ замѣчанъяхъ своихъ 2-го октября 1862 года:

По вещевому довольствію войскъ полагаю бы оставить срочную систему, но на такихъ основаніяхъ, чтобы войска не обязаны были составлять и представлять въ интендантство требованія на вещи, именно:

Привести въ положительную норму штаты войскъ, комисариатскій годъ сравнять съ человѣческимъ годомъ, т. е. считать съ 1-го января, а не съ 1-го іюля.

Положимъ, что въ отдѣльной командѣ, по штату, положено 1.200 человѣкъ.

Положимъ, что сроки вещей останутся тѣ же, какъ нынѣ состоятъ, т. е. мундиръ на 2 года, шинель на 3 года, сапоговъ 2 пары въ годъ, 3 рубахи въ годъ, ременная аммуниція на 10 лѣтъ и т. д.

Тогда въ эту команду окружное интендантство ежегодно отпускаетъ: мундировъ 600; шинелей 400; сапоговъ 2,400 паръ; рубахъ 3,600; ременной аммуниціи 120 и т. д.

Расчетъ долженъ быть сдѣланъ на каждую отдѣльную команду и на каждаго человѣка, или на единицу, т. е. на одного человѣка въ годъ нужно: $\frac{1}{2}$ мундира, $\frac{1}{3}$ шинели, 2 пары сапоговъ, 3 рубахи, $\frac{1}{10}$ аммуниціи и т. д.

Вещевое довольствіе вносить въ бюджетъ военного министерства и отпускать въ войска, всегда по штатному числу людей, а расчетъ съ войсками вести только по числу людей, по мѣсячнымъ рапортамъ.

Положимъ, что въ январѣ былъ сверхъ комплектъ или + 2, а въ февралѣ недоставало до штата 5 чел. или — 5, что въ мартѣ — 1, въ апрѣлѣ + 6, въ маѣ — 9 и т. д. и что по среднему годовому счету людей, въ командѣ, состоящей изъ 1,200 чел., оказывается — 7, тогда эта команда должна показывать къ зачету всѣхъ вещей на 7 единицъ, или на 7 человѣкъ.

Командующіе войсками въ округахъ, начальники дивизій и лица, имъ соотвѣтствующія, должны наблюдать, чтобы въ войскахъ никогда не было людей сверхъ комплекта, и если предвидится прибыль людей по рекрутскому набору, или по другимъ случаямъ, то благовременно увольнять во временный или безсрочный отпускъ, людей, старшихъ сроковъ службъ.

Зачетныя вещи, ежегодно освѣжаемыя, хранить или при самыхъ войскахъ, когда они имѣютъ постоянныя квартиры, или въ окружныхъ складахъ, если войска подвижныя.

Такимъ образомъ, отъ некомплекта людей въ мирное время, безъ всякихъ особыхъ расходовъ для казны, можетъ образоваться запасъ вещей на случай приведенія войскъ на военное положеніе.

Повѣрка полковаго хозяйства по вещевому довольствію будетъ заключаться въ повѣркѣ мѣсячныхъ рапортовъ или въ повѣркѣ счета людей; затѣмъ въ повѣркѣ количества зачетныхъ вещей и въ удостовѣреніи освѣжаются ли онѣ.

Должно быть узаконено, что всѣ предметы одежды нижнихъ чиновъ обращаются въ ихъ личную собственность: для состоящихъ на службѣ, по минованіи полного срока, назначеннаго для носки вещей, а для нижнихъ чиновъ, убывающихъ изъ командъ по какому бы то ни было случаю, предметы одежды обращаются въ ихъ собственность, по минованіи $\frac{3}{4}$ срока носки. При этомъ долженъ быть приложенъ списокъ всѣмъ предметамъ одежды, съ обозначеніемъ сроковъ, напримѣръ:

П р е д м е т ы .	Полные сроки для со- стоящих на службѣ.	Сокращенные сроки для убывающихъ по какому бы то ни было случаю.
Мундиръ съ суконными шароварами	2 года	1½ года.
Лѣтнія шаровары.	1 годъ	9 мѣсяцевъ. .
Шинель	3 года	2¼ года.
	и т. д.	

Съ принятіемъ этой мѣры уже не нужно будетъ составлять арматурные списки на нижнихъ чиновъ, переводимыхъ изъ одной штатной команды въ другую; полковая табель не будетъ измѣняться отъ переводовъ нижнихъ чиновъ и обмундированіе рекрутъ не составитъ особаго отдѣла интендантскаго довольствія. Когда штаты войскъ будутъ приведены въ положительную норму, то интендантство должно отпусать въ полки и въ отдѣльныя команды всѣ предметы довольствія по штатному числу войскъ и для интендантства уже будетъ все давно, на кого сошется мундиръ, на рекрута или на стараго солдата, на Петра или на Павла.

По прибытіи въ полкъ рекруты тотчасъ получаютъ готовую обмундировку изъ числа остающейся одежды отъ убылыхъ, у которыхъ одежда не выслужила срока и этой одеждой въ полку всегда будетъ болѣе того, чѣмъ можетъ поступить рекрутъ, потому что убывающій солдатъ беретъ одежду съ собою только тогда, когда она прослужила $\frac{3}{4}$ срока. Постройка же новой одежды на рекрутъ пойдетъ обычнымъ порядкомъ, какъ и на старослужащихъ.

Это положеніе было развито многими подробностями, которыя здѣсь не привожу.

Главное основаніе представленія моего по предмету организациі инженерныхъ войскъ заключалось въ придаіи бѣльшаго значенія саперной ротѣ, чтобы саперная рота не стояла на одной параллели съ пѣхотною ротою, чтобы командиры саперныхъ ротъ были уравнены съ командирами артиллерійскихъ батарей. И это положеніе, заручившись одобреніемъ Д. А. Милютина, я отстаивалъ бы, если бы могъ лично явиться въ комитетъ по организациі войскъ, въ февралѣ 1863 года.

II.

Польскій мятежъ не уменьшилъ моихъ занятій по командованію саперной бригадой; время, утраченное на поѣздки въ уѣзды, наверстывалось въ слѣдующіе дни усиленнымъ трудомъ. Къ зимѣ на 1864 годъ я почти забылъ о предложеніи мнѣ какаго то неопредѣленнаго поста въ министерствѣ и со 2-го января, по обычаю, объѣзжалъ бригаду, производя поголовный, полугодовой экзаменъ въ грамотѣ. 19-го января возвратился въ Кіевъ, довольный успѣхами во всѣхъ саперныхъ школахъ и засталъ пись-

мо К. П. Кауфмана отъ 9-го января, въ которомъ ген. Кауфманъ говорилъ:

„Департаменты комисариатскій и провiантскій будутъ слиты въ одно учрежденiе, подъ названiемъ главнаго интендантскаго управленiя; ни одинъ изъ нынѣшнихъ директоровъ департаментовъ, Устряловъ и генералъ Данзасъ, по многимъ соображенiямъ, не можетъ быть начальникомъ новаго учрежденiя или генералъ-интендантомъ военнаго министерства и военный министръ предлагаетъ вамъ этотъ постъ. Но чтобы вы могли сказать послѣднее слово по этому предмету, необходимо высказать подробно предположенiе Дмитрiя Алексѣевича: тайный совѣтникъ Устряловъ есть составитель всѣхъ положенiй объ округахъ; онъ основательно знаетъ комисариатскую часть и во многомъ знакомъ и съ провiантскою частью, а потому Д. А. желаетъ, чтобы Устряловъ и самъ оба учрежденiя въ одно, чтобы онъ и далъ ходъ новому дѣлу, другими словами, Милютинъ полагаетъ назначить на первое время Устрялова генералъ-интендантомъ, но только на нѣсколько мѣсяцевъ, а васъ назначить помощникомъ къ Устрялову. Но чтобы вы были гарантированы, что не засидитесь въ званiи помощника, долженъ вамъ сказать, что военный министръ, по многимъ причинамъ, не признаетъ Устрялова соответствующимъ званiю генералъ-интенданта, и что при самомъ назначенiи его на эту должность, ему будетъ объявлено, что его назначаютъ только временно, на нѣсколько мѣсяцевъ, и что вы предназначаетесь на эту должность, и это не будетъ сдѣлано секретно, напротивъ: этому придана будетъ огласка. Д. А. убѣжденъ, что Устряловъ на первое время необходимъ; онъ, хотя и подъ личнымъ руководствомъ Милютина, но всетаки онъ, Устряловъ, написалъ всѣ положенiя объ окружной системѣ; онъ знаетъ всѣ толки, всѣ мнѣнiя, всѣ пренiя по этому предмету, да и вамъ будетъ полезно на первое время присматриваться къ дѣлу. До полученiя вашего отвѣта Устрялову ничего не будетъ сообщено объ этой комбинацiи и понятно, что до окончательнаго рѣшенiя дѣла, все это должно оставаться въ тайнѣ; самое рѣшенiе вѣроятно послѣдуетъ къ маю, и въ случаѣ вашего согласiя, къ 1-му мая вамъ придется проститься съ Кiевомъ“.

Не торопился я отвѣтомъ, и помнится, что коротко отвѣчалъ по телеграфу: „принимаю предложенiе на условленныхъ гарантiяхъ“. Сильно тосковалъ я при мысли, что скоро долженъ буду разстаться съ своими милыми саперами. Не разстался бы я съ ними и никогда бы не далъ согласiе на такое все таки неопредѣленное назначенiе, если бы не особыя обстоятельства, о которыхъ еще не настало время говорить.

Въ концѣ января я получилъ, въ секретномъ конвертѣ отъ военнаго министра, копію со всеподданнѣйшаго отчета о дѣйствiяхъ военнаго министерства за 1863 годъ. Тогда, не знаю почему, это писалось секретно, не знаю какъ нынѣ это дѣлается. Въ томъ отчетѣ между прочимъ говорилось о подготовительныхъ работахъ къ предстоящей реформѣ по хозяйству войскъ. По по-

воду этого отчета, я чрезъ ген. Кауфмана представилъ министру записку слѣдующаго содержанія:

„Реформы въ хозяйствѣ войскъ должны дѣлаться по указаніямъ, по видамъ высшихъ административныхъ учреждений въ государствѣ. Но когда эти указанія даны, или выяснились, то исполненіе должно начинаться съ нисшихъ, исполнительныхъ инстанцій. Интенданство можно раздѣлить на 3 отдѣла, или инстанціи: высшая—главное интендантское управленіе; среднія—окружныя интендантства и нисшія—хозяйство въ войскахъ, въ госпиталяхъ, провіантскіе магазины и вещеые склады.

„Полагаю, что реформа должна начинаться съ нисшихъ инстанцій, дѣйствуя здѣсь по видамъ высшаго управленія. Подробности въ высшемъ управленіи должны основываться на удобопримѣнимости этихъ подробностей въ нисшихъ инстанціяхъ, иначе трудъ будетъ только канцелярный, мало полезный для дѣла.

„Прежде всего должно быть обращено вниманіе на хозяйство войскъ и на упрощеніе отчетности по хозяйству войскъ. Это необходимо, во первыхъ потому, что чѣмъ проще отчетность, тѣмъ болѣе обращается вниманіе на самое дѣло, тѣмъ виднѣе злоупотребленія, тѣмъ легче фактическій контроль; во вторыхъ, хозяйствомъ войскъ часто завѣдуютъ молодые, совершенно неопытные люди; они люди и честные и съ самыми благими намѣреніями, но мало знакомые не только съ военнымъ хозяйствомъ, но и съ порядкомъ службы и съ жизнью войскъ; и въ третьихъ, военная отчетность должна примѣняться къ жизни войскъ, какъ къ осѣдой, такъ и къ подвижной, походной, она должна вся, безусловно умѣщаться въ денежномъ ящикѣ. Затѣмъ необходимо устроить отчетность и уменьшить письменныя занятія смотрителей провіантскихъ магазиновъ и вещевыхъ складовъ. Хозяйство госпиталей должно быть согласовано съ хозяйствомъ войскъ.

„Окружныя интенданства, какъ органы, или отдѣлы главнаго интендантскаго управленія, должны вмѣщать въ себя всѣ подвижные имъ нисшія инстанціи.

„Повторяю, администрація пойдетъ правильно тогда только, когда исполнительныя инстанціи будутъ просто организованы; когда отъ нихъ будетъ требуемо только возможное. Часто случалось, что то, что выше считалось очень простымъ, возможнымъ,

на дѣлѣ выходило неисполнимымъ, не примѣнимымъ. Оттого то многіе изъ нашихъ законоположеній оставались мертвою буквою.

„Интендантство должно постоянно имѣть въ виду, что оно существуетъ для арміи, а не армія для интендантства. Интендантство должно какъ бы душою слиться съ арміей, должно пользоваться и должно заслужить неограниченное довѣріе арміи. Эти условія особенно необходимы въ то время, когда дѣлается реформа въ хозяйствѣ арміи и я боюсь, чтобы первое обаяніе не было потеряно, когда во главѣ учрежденія станетъ чиновникъ, а не военный генераль.

„Лично готовъ подчиниться тому, кому будетъ указано и свято исполню свой долгъ; но позволилъ себѣ высказать эти слова только потому, что всею душой желаю блага для арміи и для казны и желаю, чтобы новое учрежденіе на дѣлѣ оправдало общія ожиданія отъ него“.

При многихъ, впоследствии, личныхъ бесѣдахъ со мной, ни г. Милютинъ, ни г. Кауфманъ, ни разу не сказали ни одного слова, по поводу этой записки.

Рѣшившись идти на интендантскую службу, я очень серьезно относился къ ней и въ началѣ февраля писалъ ген. Кауфману, что февраль, мартъ и апрѣль самые льготные мѣсяцы для командира саперной бригады, и я желалъ бы воспользоваться ими, чтобы хоть нѣсколько подготовить себя къ интендантской службѣ; законы и постановленія по комиссаріатской и провіантской частямъ, конечно, могу перечитать, но мнѣ хотѣлось бы по ближе ознакомиться съ внутреннимъ бытомъ этихъ вѣдомствъ и лучшимъ средствомъ для того признаю ревизію Кіевской комиссаріатской комисіи съ подвѣдомыми ей заведеніями и всѣхъ Кіевскихъ провіантскихъ учрежденій. И вотъ 20-го февраля командующій войсками Кіевского округа генераль-адъютантъ Анненковъ сообщилъ мнѣ, что военный министръ поручилъ мнѣ ревизовать Кіевскую комиссаріатскую комисію съ подвѣдомыми ей заведеніями и всѣ Кіевскія провіантскія учрежденія. Ревизія продолжалась два мѣсяца, съ 21-го февраля по 21-е апрѣля; она не принесла никакой пользы комиссаріатскому или провіантскому дѣлу, но была очень и очень полезна лично для меня. Бумаги по ревизіи у меня были въ больпомъ порядкѣ; они составили особое дѣло, кто то въ Петербургѣ очень интересовался прочесть

это дѣло и я рѣшительно не помню кому я далъ его для прочтенія, но оно не возвращено мнѣ.

Кое что помню изъ донесеній своихъ по этой ревизіи: хвалилъ тогдашняго управляющаго кievской комиссаріатской комиссіи генераль-маіора Брискорна; находилъ, что онъ былъ полнымъ хозяиномъ своего дѣла. Говорилъ, что дѣлопроизводство по кievской комиссаріатской комиссіи далеко въ лучшемъ порядкѣ, чѣмъ въ кievскомъ провіантскомъ вѣдомствѣ.

Что комиссаріатскіе склады или сорты содержатся въ порядкѣ; что я не имѣлъ возможности повѣрить наличность вещей по отчетности, но и при самой строгой повѣрѣ качества вещей, не много пришлось бы забраковать холста, сукна и сапожнаго товара; много изъ этихъ предметовъ было далеко выше образцовъ.

Что случайно встрѣтивъ прибывшій изъ Петербурга комиссаріатскій транспортъ, я повѣрилъ дѣйствительный вѣсъ тюковъ съ поазаннымъ по накладной и оказалось, что вѣсъ по накладной, сколько помнится, на 150 пудовъ превышалъ дѣйствительный вѣсъ тюковъ и это было въ сырую погоду, когда обявочныя рогожи и веревки были совершенно мокры и, слѣдовательно, лишняго вѣса по накладной показано было не на 150 пудовъ, а можетъ быть на 200 пудовъ.

Что вся мука до того сыра, что подвергается страшному горѣнію; она очень крупнаго помола и съ хростомъ, или съ пескомъ.

Что заготовленіе провіантскихъ мѣшковъ и отчетность по этому предмету дѣло темное.

Что заготовительныя провіантскія цѣны на муку, крупу и фуражъ значительно выше существующихъ торговыхъ цѣнъ.

Что и войска показываютъ цѣны на фуражъ значительно выше торговыхъ цѣнъ. По этому пункту бывшій провіантскій департаментъ сдѣлалъ замѣчаніе, что и самъ ревизоръ, по званію командира саперной бригады, показывалъ цѣны не ниже цѣнъ другихъ войскъ.

21 апрѣля я вновь получилъ письмо военнаго министра, отъ 11 апрѣля 1864 г., такого содержанія:

„М. г. В. Д.! Во вѣренномъ мнѣ министерствѣ, согласно указаніямъ его императорскаго величества, составленъ проектъ положенія о военно-окружныхъ управленіяхъ.

„Въ настоящее время разсмотрѣніе сего проекта приближается къ окончанію, и я надѣюсь, что къ 1 му числу будущаго мая мѣсяца оно будетъ внесено на обсужденіе военнаго совѣта.

„Признавая чрезвычайно важнымъ, при окончательномъ разсмотрѣніи сего проекта, имѣть въ виду сужденіе о немъ тѣхъ лицъ, которымъ вполне извѣстны условія и требованія военной администраціи, я имѣю честь препроводить при семъ къ вашему превосходительству проектъ сего положенія, съ покорнѣйшею просьбою доставить ваши, по оному, замѣчанія, если вы таковыя признаете нужнымъ сдѣлать къ вышеозначенному сроку.

„Примите увѣреніе въ почтеніи и преданности. Д. Милютинъ“.

Выставляю числа отправки и полученія письма для согласованія со срокомъ, къ которому требовался отвѣтъ. Возможно ли,

въ нѣсколько дней пересмотрѣть внимательно всѣ томы положеній и написать свои замѣчанія человѣку, не стоящему близко къ дѣлу. Ясно, что эти письма разсылались только для того, чтобы имѣть право сказать, что всѣ положенія по военно-окружной системѣ были всесторонне рассмотрѣны и обсужены.

Полтора года назадъ я представилъ много замѣчаній на программу положенія о военно-окружныхъ управленіяхъ; теперь представилъ еще болѣе замѣчаній на проекты положеній, но они не вошли въ самое положеніе; думаю, что та же участь послѣдовала и съ замѣчаніями другихъ лицъ изъ арміи, можетъ быть и потому, что всѣ замѣчанія запоздали къ сроку.

Изъ замѣчаній своихъ приведу нѣсколько, о непринятіи которыхъ и теперь сожалею:

Членами военно-окружныхъ совѣтовъ состоятъ только начальники военно-окружныхъ отдѣловъ, т. е. окружные начальники штаба, артиллеріи, инженеровъ, мѣстныхъ войскъ; интендантъ, медицинскій инспекторъ; я предлагалъ ввести еще фронтной элементъ, назначать по очереди, одного или двухъ начальниковъ дивизій или другихъ генераловъ изъ фронта, находящихся въ томъ городѣ, гдѣ собирается совѣтъ. Члены совѣта заблаговременно извѣщаются о предметахъ совѣщанія и каждому члену должно быть предоставлено право брать съ собою одного изъ подчиненныхъ ему лицъ, не ниже штабъ-офицерскаго чина, специалиста по тому предмету, который подлежитъ обсужденію и этотъ штабъ-офицеръ долженъ имѣть право голоса наравнѣ со всѣми членами совѣта. Эта мѣра принесетъ дѣйствительную пользу совѣщаніямъ и дастъ возможность главному начальнику въ округѣ знакомиться съ дѣльнѣйшими штабъ-офицерами.

Высочайшіе приказы, приказы военнаго министра, циркуляры главнаго штаба и другихъ главныхъ управленій, объявляемые въ военной газетѣ, должны быть исполняемы, какъ бы объявленные въ приказѣ по полку или по отдѣльной командѣ.

Положительнымъ закономъ должно опредѣлить какія срочныя донесенія кому и когда, войска обязаны представлять и затѣмъ ни одинъ начальникъ, даже главный начальникъ въ округѣ, не имѣетъ права обременять войска новыми срочными донесеніями.

На начальника госпиталя возложены такія многосложныя обязанности, что для добросовѣстнаго исполненія ихъ, онъ долженъ жить въ госпиталѣ, долженъ вникать и глубоко вникать во весь процессъ госпитальной жизни и имѣть физической возможности исполнять это, занимая въ то же время другую должность, наприм., быть губернскимъ воинскимъ начальникомъ, командиромъ полка и проч. Госпитали не должны быть отчуждаемы отъ арміи, напротивъ, они должны слиться съ арміей и лучшее средство для того поставить начальника госпиталя на права командира полка или отдѣльнаго начальника, чтобы всѣ медики и всѣ госпитальные чины были подчинены начальнику госпиталя, какъ полковые медики. Всѣ помощники начальника госпиталя должны быть военные офицеры и для производства въ штабъ-офи-

перы, должны возвращаться въ строй, командовать ротами. Начальникомъ госпиталя долженъ быть назначаемъ только штабъ-офицеръ изъ строя; послѣ командованія госпиталемъ онъ опять можетъ служить въ строю и командовать полкомъ. Начальникъ большаго госпиталя, по производствѣ въ генералы, долженъ получать мѣсто въ арміи наравнѣ съ полковымъ командиромъ, производимымъ въ генералы. Тогда въ мирное время будутъ подготавливаться кандидаты для командованія госпиталемъ въ военное время. Въ военное время пополнить некомплектъ строевыхъ офицеровъ гораздо легче, чѣмъ набрать хорошихъ начальниковъ госпиталей.

Также говорилъ и о формированіи госпитальной прислуги.

27 апрѣля 1864 года состоялся высочайшій приказъ объ отчисленіи меня отъ командованія Саперной бригадой съ зачисленіемъ по инженерному корпусу и съ назначеніемъ состоять при военномъ министрѣ.

III.

14 мая 1864 г. я съ семействомъ переѣхалъ въ Петербургъ; 15 мая былъ у г. Кауфмана; онъ подтвердилъ мнѣ то, что писалъ 9 января, сказавъ, что г. Милютинъ, для приданія гласности о предстоящемъ мнѣ назначеніи, письменно заявилъ о томъ, что Устряловъ будетъ генераль-интендантомъ только временно, не долѣе какъ до 17 апрѣля 1865 года и этотъ документъ хранится въ дѣлахъ министерства. При этомъ Кауфманъ сказалъ, что слитіе департаментовъ комиссаріатскаго и провіантскаго въ главное интендантское управленіе послѣдуетъ не ранѣе августа мѣсяца, тогда будутъ объявлены и всѣ назначенія.

У ген. Кауфмана тогда былъ заведенъ модный приемъ; онъ принималъ всѣхъ по очереди, по тому порядку, какъ каждый являлся въ приемную, не отличая генерала отъ унтеръ-офицера, уволеннаго съ чиномъ 14 класса; и я былъ поставленъ въ общую очередь всѣхъ просителей и прождалъ въ приемной своей очереди съ 10 до 11¹/₂ часовъ.

16 мая представлялся военному министру. Д. А. Милютинъ былъ очень занятъ, повидимому куда-то торопился, но по обычаю былъ простъ, любезенъ, очарователенъ, только мнѣ не понравились слова его, которыми онъ просилъ меня поближе сойтись съ Устряловымъ. Зачѣмъ было это говорить, если сближеніе возможно, то оно сдѣлалось бы само собой, или г. Милютинъ предвидѣлъ, что сближеніе будетъ невозможнымъ.

Тяжело, очень тяжело было для меня первое представленіе Устрялову, 17 мая 1864 г.; можетъ быть было и малодушно съ моей стороны, но говорю правду, самолюбіе мое страдало, какъ строеваго генерала, обязаннаго представляться чиновнику, своему будущему начальнику. До этого представленія я никогда не видѣлъ Устрялова; но въ Кіевѣ, черезъ генерала Брискорна, собралъ уже много свѣдѣній о продѣлкахъ Устрялова на его длинномъ комиссаріатскомъ поприщѣ; я хорошо зналъ, что Устряловъ, собираясь быть генералъ-интендантомъ, еще не кончилъ поставку сапожнаго товара; что онъ былъ поставщикъ подъ чужою фирмой и было много nepозволительныхъ сдѣловъ съ Болховскими кожевенными заводчиками. Не знаю, слышали ли объ этомъ г. Милютинъ и г. Кауфманъ, но я имъ не говорилъ, чтобы не подумали, что я подкапываюсь подъ Устрялова. При первой встрѣчѣ Устряловъ показался мнѣ типомъ старой комиссаріатской крысы. Приведу буквально первый разговоръ мой съ Устряловымъ; этотъ разговоръ имѣлъ значеніе, какъ скоро обнаружится.

„Имѣю честь рекомендоваться генералъ-маіору Кренке“.

— „Ахъ! Викторъ Даниловичъ!“ — говоритъ Устряловъ — какъ я радъ, что наконецъ-то Богъ привелъ намъ свидѣться; я давно такъ много слышалъ о васъ, со всѣхъ, со всѣхъ сторонъ“ — и мы усѣлись на диванѣ.

Я говорю: „Вамъ, Федоръ Герасимовичъ, хорошо извѣстны, какъ и мнѣ, всѣ комбинаціи о предстоящихъ назначеніяхъ и потому полагаю лучше всего прямо приступить къ дѣлу“.

— „Да, конечно“, протяжно говоритъ Устряловъ — „лучше всего сразу высказаться откровенно, чтобы послѣ не было недоразумѣній“.

И продолжаю: „Съ августа мѣсяца я долженъ буду поступить къ вамъ въ школу; у васъ будетъ ученикъ если и не способный, то очень усердный, ретивый. Полагаю, что вашъ личный интересъ долженъ состоять въ томъ, чтобы я скорѣе и основательнѣе освоился съ дѣломъ и потому прямо говорю, что приму временное званіе вашего помощника только съ тѣмъ условіемъ, чтобы я вель дѣла главнаго интендантскаго управленія, чтобы всѣ дѣла исходили отъ меня одного, чтобы ни одинъ чиновникъ не смѣлъ обращаться прямо къ вамъ помимо меня, а я уже буду

вамъ докладывать и въ подлежащихъ случаяхъ спрашивать вашего разрѣшенія“.

Устряловъ, какъ бы приподнимаясь съ дивана, говоритъ:

— „Все это такъ ново для меня, что я вдругъ ничего не могу сказать, но вѣдь время еще есть, мы еще увидимся, постараюсь все устроить такъ, чтобы всѣ были довольны“. И я отвлаялся.

18 мая, въ понедѣльникъ, въ пріемный день, представлялся я Великому Князю Николаю Николаевичу. Его Высочество сказалъ мнѣ большую любезность:

— „Ты меня поддѣлъ въ располхъ; я рѣшительно не знаю кого назначить въ Кіевъ вмѣсто тебя; но какъ тебя назначаютъ на такой высокой постъ, гдѣ дѣйствительно долженъ быть такой энергическій человекъ, какъ ты, то съ моей стороны было бы преступленіемъ задерживать тебя; но мнѣ всетаки очень прискорбно, что ты ужъ не со мной въ инженерномъ корпусѣ“.

Наконецъ 20 мая представлялся Государю въ Царскомъ Селѣ и Государь сказалъ мнѣ: „Надѣюсь, что и на новомъ поприщѣ ты будешь также хорошо вести дѣло, какъ было до сего времени“.

Къ 6 іюня устроившись окончательно въ квартирѣ, я серьезно думалъ о предстоящемъ мнѣ дѣлѣ. Я желалъ вполне удовлетворить всѣмъ потребностямъ арміи; я готовился давать отчетъ въ ежегодномъ расходованіи ста милліоновъ русскихъ денегъ и отчетъ не только офиціальныи или служебный, но отчетъ передъ своею совѣстью и гласный передъ Россіей.

Пользуясь свободнымъ временемъ до августа, для лучшаго ознакомленія съ дѣломъ и чинами комисаріатскаго и провіантскаго вѣдомствъ, я, черезъ посредство К. П. Кауфмана, просилъ разрѣшенія ревизовать С.-Петербургскую комисаріатскую комиссію и провіантскія учрежденія въ С.-Петербургской и Псковской губерніяхъ. Но наученный опытомъ перваго представленія г. Кауфману, прежде чѣмъ идти къ нему, запискою спросилъ, когда могу видѣть его. Записочками дѣйствовалъ и Д. А. Милютинъ...

Военный министръ отъ 9 іюня предписалъ мнѣ ревизовать эти учрежденія и 11 іюня я приступилъ къ дѣлу.

Управляющимъ Петербургскою комисаріатскою комиссіею былъ генералъ-маіоръ Мазараки; можетъ быть я и ошибаюсь,

но мнѣ казалось, что онъ легко относился къ своимъ обязанностямъ и дѣла комиссаріатскаго вовсе не понималъ; онъ почиталъ Устрялова всемогущимъ, съ какимъ-то благоговѣніемъ произносилъ имя Устрялова. Въ разговорѣ со мной Мазараки путался и невольно проговаривался; напримѣръ онъ проговорился, что Устряловъ приказалъ ему со вниманіемъ слушать всѣ мои замѣчанія, особенно о сапожномъ товарѣ и обо всемъ слышанномъ въ тотъ же день доводить до свѣдѣнія его, Устрялова. Тогдшній оберъ-провіантмейстеръ Петербургской и Псковской губерній полковникъ Устиновъ былъ любезный, свѣтскій человѣкъ, но дѣла также не понималъ, не вникалъ и очень мало зналъ, что творилось у него въ дистанціи.

Когда ревизія была въ полномъ ходу, К. П. Кауфманъ зашелъ ко мнѣ, около 25 іюня и не заставъ меня дома, оставилъ записочку, что ему очень нужно видѣться со мной; я отправился къ нему и узналъ интересныя вещи: Устряловъ заявилъ г. Милютину, что не можетъ принять на себя званіе генераль-интенданта, если я буду его помощникомъ; Устряловъ выразился оригинально: „Кренке и не смотреть такъ, чтобы ему быть помощникомъ; онъ можетъ дѣйствовать только самостоятельно“. Тогда г. Милютинъ придумалъ такую комбинацію: нисколько не отступая отъ перваго предположенія, чтобы я въ скоромъ времени былъ генераль-интендантомъ, предложить мнѣ временно должность Петербургскаго окружнаго интенданта; г. Милютинъ уже говорилъ объ этомъ съ Великимъ Княземъ и Его Высочество отозвался, что такимъ назначеніемъ онъ лично очень доволенъ, но не знаетъ, приметъ ли Кренке это мѣсто, не будетъ ли Кренке оскорбленъ?

К. П. Кауфманъ при этомъ сказалъ: „Я съ своей стороны ничего не говорю, ни за, ни противъ, рѣшайте сами, но рѣшайте скорѣе. потому что Дмитрій Алексѣевичъ просилъ дать ему отвѣтъ сегодня же“.

Я просилъ Константина Петровича передать г. Милютину мой отвѣтъ, по возможности буквально: ни на должность помощника генераль-интенданта, ни на должность окружнаго интенданта, я ни за что не промѣнялъ бы своего мѣста командира Саперной бригады и если бы по какимъ либо обстоятельствамъ не могъ бы командовать бригадою, то скорѣе вышелъ бы въ отставку, нежели безусловно принялъ бы одну изъ этихъ должно-

стей, и если рѣшился занять временно должность помощника, то только потому, что слишкомъ серьезно смотрю на званіе генераль-интенданта и хотѣлъ принять это званіе съ увѣренностью, что буду на своемъ мѣстѣ, что съ перваго же дня буду дѣйствовать самостоятельно. Но въ сущности, отвѣтственная должность интенданта мнѣ болѣе по сердцу, чѣмъ безцвѣтная должность помощника, кто бы ни былъ генераль-интендантъ, не говоря уже объ Устряловѣ,—и потому принимаю должность окружнаго интенданта, если только это не означаетъ отвода, или уклоненія отъ того назначенія, для котораго я оторванъ отъ саперной службы.

К. П. Кауфманъ обѣщаль буквально передать мои слова г. Милютину, а относительно послѣдняго замѣчанія моего сказалъ, что перемѣны во взглядѣ министра на назначеніе меня генераль-интендантомъ нѣтъ и быть не можетъ, и въ довазательство привелъ послѣднее рѣшеніе г. Милютина, чтобы квартира, заготовляемая для генераль-интенданта, была отдана мнѣ, а не Устрялову.

Казалось, что все обстояло благополучно, но еще до приказа о назначеніи меня окружнымъ интендантомъ, слышалъ я три отзыва:

Великій Князь, при представленіи ему, кажется 27 іюля. громко сказалъ, что очень радъ, что я опять буду служить при немъ и шопотомъ прибавилъ: „боюсь только, чтобы тебя не надули“.

Около того же времени встрѣтился со мной генераль Леонтьевъ, тогда директоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба, съ которымъ я былъ друженъ и съ которымъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, велъ откровенную бесѣду. Леонтьевъ спросилъ меня: правда ли, что Устряловъ сказалъ г. Милютину, что вы не годитесь въ помощники, что вы слишкомъ самостоятельны въ своихъ дѣйствіяхъ? я отвѣчалъ, что это правда. Леонтьевъ говорить: „ну, теперь убѣждаюсь, что Устряловъ умный человекъ; онъ разгадалъ Д. А. Милютину и васъ поразилъ въ самое сердце; повѣрьте мнѣ, что вы не будете генераль-интендантомъ, я хорошо знаю г. Милютину; Д. А. Милютинъ не выносить (?) самостоятельныхъ людей“.

Кажется во дворцѣ же Великаго Князя, 27 іюля, г. Кауфманъ сказалъ мнѣ, что нѣсколько дней собирался предупредить меня, чтобы я не рассчитывалъ на казенную квартиру. Устряловъ, узнавъ

что мнѣ готовится квартира, сталъ просить квартиру и для себя; г. Милютинъ, не желая дать квартиру Устрялову, призналъ, что и мнѣ неудобно дать квартиру до назначенія генераль-интендантомъ.

Тогда уже отъ друзей и близкихъ знакомыхъ стали доходить до меня городскіе толки обо мнѣ, но это были только цвѣтки тѣхъ толковъ, которые посыпались нѣсколько позже. Не придавая имъ никакого значенія, я усердно занимался ревизіей; она продолжалась съ 11 іюня по 6 августа; я хорошо ознакомился съ дѣлопроизводствомъ Петербургской комиссаріатской комиссіи и Петербургскаго оберъ-провіантмейстера; осмотрѣлъ всѣ комиссаріатскіе склады, всѣ 7 петербургскіе провіантскіе магазины два загородныхъ, Красносельскій и Петергофскій и 5 псковскихъ: во Псковѣ, Островѣ, Опочкѣ, Новоржевѣ и Порховѣ. Ревизією этою я убѣдился, что нравственная сторона комиссаріатскихъ и провіантскихъ чиновъ стояла очень низко,—и въ Петербургѣ ниже, чѣмъ въ Кіевѣ, только наружная оболочка въ Петербургѣ была благовиднѣе.

О результатѣ ревизіи, 9 августа, донесъ министру, и уже отъ Устрялова, отъ 1 сентября, получилъ бумагу, въ которой говорилось, что министръ, по прочтеніи записокъ моихъ о ревизіи упраздненныхъ С.-Петербургской комиссаріатской комиссіи и провіантскихъ дистанцій Петербургской и Псковской, положилъ слѣдующую резолюцію: „Генераль-маіору Кренке пунѣ самому предстоитъ исправить тѣ недостатки, которые обнаружилъ онъ своею ревизією. Но предположенія о нововведеніяхъ и перемѣнахъ въ существующихъ постановленіяхъ, должны быть ведены особымъ порядкомъ, независимо отъ ревизіи“.

Съ послѣдними словами этой резолюціи не могу согласиться; мнѣ кажется, что ревизоръ, указывая недостатки или опущенія, долженъ сказать и мнѣніе свое о средствахъ къ исправленію ихъ и къ предупрежденію на будущее время. Все донесеніе мое о результатѣ ревизіи было очень коротко и г. Милютинъ долженъ бы былъ обратить вниманіе на нѣкоторыя существенныя мои замѣчанія, наприм.:

Въ разныхъ отдѣлахъ комиссаріатской комиссіи было ровно сто огромныхъ шнуровыхъ книгъ, цѣликомъ перешедшихъ и въ интендантство; во всѣхъ этихъ 100 книгахъ было 5226 графъ и столько же было книгъ бухгалтерскихъ, съ тѣми же 5226 гра-

фами, но только графы въ бухгалтерскихъ книгахъ были расположены не въ одинаковомъ порядкѣ со шнуровыми книгами.

Это вѣроятно было сдѣлано умышленно Устряловымъ или его предшественниками, чтобы затруднить контроль или ревизію, и въ этомъ отношеніи Устряловъ достигъ цѣли; я дѣйствительно былъ крайне затрудненъ сличеніемъ бухгалтерскихъ книгъ со шнуровыми.

Или, я говорилъ, что госпитали страшно обременены срочными донесеніями. Одинъ С.-Петербургскій № 1 госпиталь, ежемѣсячно представлялъ въ комиссію срочныхъ донесеній на 240 листахъ и такія же донесенія представлялись въ комиссаріатскій департаментъ. Прямымъ слѣдствіемъ такой переписки было то, что срочныя донесенія большею частью не просматривались и выборка изъ нихъ необходимыхъ свѣдѣній была очень затруднительна. Въ доказательство приводилъ фактъ: въ 1863 году, при приведеніи госпитальныхъ кадровъ на военное положеніе, департаменту необходимы были точныя свѣдѣнія о состояніи кадровъ и имѣя у себя всѣ данныя, онъ, вмѣсто выборки ихъ изъ послѣднихъ госпитальныхъ мѣсячныхъ рапортовъ, потребовалъ эти свѣдѣнія отъ комиссіи; а комиссія, въ свою очередь, поступила по примѣру департамента и вновь потребовала свѣдѣнія отъ госпиталей.

При ревизіи склада съ сапожнымъ товаромъ, чиновникъ Петербургской комиссіи, надв. сов. Ив. Григ. Бѣлопольскій просилъ моей защиты и разсказалъ интересную исторію: онъ былъ командированъ принимать сапожный товаръ отъ Болховскихъ кожевенныхъ заводчиковъ, подряда Устрялова; товаръ былъ очень плохъ; Бѣлопольскій, не рѣшившись принять его, привезъ въ комиссію нѣсколько штукъ того товара, чтобы узнать какую денежную накладку потребуютъ за такой товаръ; въ складѣ назначили огромную накладку; Бѣлопольскій передалъ объ этомъ Болховскимъ заводчикамъ, заводчики несогласились дать такую большую накладку и сообщили о томъ Устрялову. Бѣлопольскій получилъ письмо отъ чиновника департамента, въ которомъ, именемъ Устрялова, грозятъ ему судомъ, или удаленіемъ отъ службы, если онъ позволитъ себѣ такія страшныя вымогательства отъ заводчиковъ. Бѣлопольскій отвѣчалъ, что онъ объявилъ только ту накладку, которую съ него требуютъ въ складѣ. Ему предписываютъ при-

нимать снисходительно, но Бѣлопольскій не рѣшился на свой страхъ принять такого дурнаго товара. Тогда Устряловъ формальнымъ предписаніемъ на имя Мазараки, объявилъ Бѣлопольскому, чтобы въ теченіи кажется двухнедѣльнаго срока подалъ въ отставку, иначе будетъ уволенъ безъ прошенія. Бѣлопольскій, обремененный большимъ семействомъ, жилъ службою и понятно, былъ въ отчаянномъ положеніи отъ такого рѣшенія Устрялова. Бѣлопольскаго я близко не зналъ, но по наружности онъ вселялъ къ себѣ полное довѣріе, да и факты были на лицо. Я послалъ Устрялову частное письмо, въ которомъ говорилъ, что какъ ревизоръ, имѣю право войти во всѣ подробности дѣла Бѣлопольскаго, но не хочу касаться этихъ дрызгъ въ умирающемъ вѣдомствѣ и только требую, чтобы Бѣлопольскій былъ оставленъ на службѣ. Устряловъ исполнилъ.

Мнѣ извѣстно было, что въ то время между г. Кауфманомъ и г. Милютинымъ существовали такія отношенія, что все сказанное одному, по крайней мѣрѣ по интендантской части, было извѣстно и другому. Въ одной изъ бесѣдъ съ г. Кауфманомъ я спрашивалъ: хорошо ли извѣстны ему и г. Милютину Устряловскія комисаріатскія продѣлки? К. П. Кауфманъ отвѣчалъ: „трудно ручаться, чтобы мы ужъ все знали, но знаемъ очень много“. На запросъ мой, какъ они смотрятъ на прошлое Устрялова, въ виду предстоящаго ему будущаго? г. Кауфманъ отвѣчалъ, что Устрялову уже не разъ намекалось о томъ, и онъ при каждомъ удобномъ случаѣ заявлялъ, что составляя положеніе объ интендантскомъ вѣдомствѣ, онъ навсегда забудетъ, что самъ былъ и никогда уже болѣе не будетъ комисаріатскимъ чиновникомъ. И я умолчалъ о случаѣ съ Бѣлопольскимъ, по своему исключительному положенію, не желалъ бросить тѣнь, что подкапываюсь подъ Устрялова.

II.

Я — окружный интендантъ.

I.

Высочайшимъ приказомъ, въ 10-й день августа 1864 года, я назначенъ интендантомъ петербургскаго военного округа; начались обычныя представленія и формированіе интендантскаго управленія.

При представленіяхъ замѣчательны были слова великаго князя

Николаевича и великой княгини Александры Петровны. Его высочество сказалъ:

— Ты поймешь, что я для тебя только согласился имѣть временнаго интенданта, на нѣсколько мѣсяцевъ, но, однако, имѣй въ виду, что Устряловъ уже интригуетъ противъ тебя.

Ея высочество, съ особою теплотою и задушевностью, сказала: „не могу безъ сокрушенія смотрѣть на васъ, зачѣмъ вы пошли въ этотъ омутъ, оставивъ милую саперную службу“.

Я отвѣчалъ: „если меня признали способнымъ занять одинъ изъ важнѣйшихъ постовъ по государственному хозяйству и если я самъ сознаю въ себѣ силы для того, то отказаться было бы даже не по-русски“.

Ея высочество на это сказала: „да, но на этихъ постахъ, чѣмъ честиѣ и энергичнѣе человекъ, тѣмъ болѣе бываетъ интригъ противъ него и ему мѣшаютъ сдѣлать то, что онъ желалъ бы сдѣлать“.

Представленіе Устрялову было очень удачно, я не засталъ его дома.

Военный министръ при этомъ представленіи просилъ только скорѣе открыть дѣйствіе интендантства; великій князь желалъ того же и я очень желалъ, для примѣра другимъ округамъ, чтобы петербургское интендантство скорѣе сформировалось; но все-таки ранѣе 15-го сентября 1864 г. не могъ открыть дѣйствій интендантства.

Съ ходатайствомъ о зачисленіи въ интендантство новыхъ лицъ, уже по моему избранію, я могъ войти только послѣ 10-го августа; этихъ лицъ было 21, приказы о зачисленіи ихъ въ интендантство, стали выходить съ 29-го августа и послѣдній приказъ, о назначеніи полковника Губина, нынѣшняго окружнаго интенданта, главнымъ смотрителемъ интендантскаго склада, послѣдовалъ только 8-го сентября. Прежде чѣмъ открыть дѣйствіе интендантства, надобно же было новымъ лицамъ принять интендантскій складъ, принять дѣла, казначею провѣрить денежныя суммы по сложнымъ и многочисленнымъ документамъ; всѣ лица, назначенныя въ интендантство, работали усердно; чиновники, оставленные въ интендантствѣ изъ прежней комиссаріатской комисіи, желали показать, что они достойны сдѣланнаго имъ предпочтенія предъ бывшими ихъ товарищами; ретивы были и вновь назначенныя лица.

При формированіи интенданства, я часто вспоминалъ слова

великой княгини, что попалъ въ омутъ. Буду говорить какъ было дѣло.

При петербургской комиссаріатской комисіи состояло очень много сверхштатныхъ чиновъ; они приняты были на службу въ 1863 году, въ виду предполагавшагося приведенія арміи на военное положеніе и оставались такъ до упраздненія комиссаріатской комисіи; почти всѣ они поступили изъ отставки; многіе изъ нихъ нѣсколько разъ были увольняемы изъ комиссаріата и вновь зачисляемы. При учрежденіи интендантства послѣдовало такое распоряженіе: всѣ чины комиссаріатскаго и провіантскаго вѣдомствъ, которые не могутъ быть назначены въ интендантство, тотчасъ должны быть отчислены за штатъ на общемъ основаніи; тѣхъ же чиновъ, о которыхъ еще не выяснились взгляды, будутъ ли они оставлены въ интендантствѣ или нѣтъ, или которые на нѣкоторое время могутъ быть полезны — оставить временно при интендантствѣ и увольнять постепенно, съ тѣмъ, чтобы по возможности, къ 1-му января 1865 года, въ интендантствѣ не было сверхкомплекта.

Съ чиновниками бывшаго провіантскаго вѣдомства не было никакихъ затрудненій; всѣ смотрители провіантскихъ магазиновъ оставлены временно на своихъ мѣстахъ, а чиновники, состоявшіе при управленіи петербургскаго оберъ-провіантмейстера полковника Устинова, по случаю назначенія Устинова интендантомъ финляндскаго округа— всѣ и поступили къ нему въ Финляндію. Но съ чинами комиссаріатскими было много хлопотъ.

Всѣхъ чиновниковъ при петербургской комиссаріатской комисіи, за исключеніемъ госпитальныхъ, совершенно отошедшихъ отъ интендантства, было 153; изъ нихъ 33 зачислены въ интендантство и 69 признаны безусловно не могущими поступить въ интендантство и предназначены къ немедленному отчисленію за штатъ; затѣмъ участь остальныхъ 51 человѣка не могла быть вдругъ рѣшена.

По первому штату въ интендантствѣ съ интендантскимъ складомъ должно было состоять 74 чиновника; въ то число поступило: изъ бывшей комисіи 33 и вновь избрано мною 21, всего 54, недоставало 20 человѣкъ. Этыхъ-то 20 человѣкъ и предполагалось выбрать изъ оставшихся 51 человѣка.

Тотчасъ составлены были списки: 33 чел., зачисленнымъ въ интендантство; 69 чел., подлежащимъ немедленному увольненію и

51 чел., которыхъ участь еще не рѣшена. Эти списки объявлены были во всеобщее свѣдѣніе.

И вотъ началось мое мученіе отъ 69 и 51 чел. Они просто осаждали меня съ ранняго утра до поздняго вечера; не смотря на билетикъ, прибитый у дверей моихъ, что принимаю по служебнымъ дѣламъ съ 8 до 9^{1/2} часовъ утра, эти чиновники и жены ихъ, узнавъ, что я рано встаю, являлись ко мнѣ въ 7, въ 6 и даже въ 5 часовъ утра. Они не были просителями, въ полномъ смыслѣ этого слова, желающими лично устроиться, нѣтъ, они являлись обличителями минувшихъ злоупотребленій и преступныхъ дѣлъ; у нихъ большею частью выражалась досада на предпочтеніе, сдѣланное другимъ передъ ними; я не помню фамилій ихъ, да онѣ меня и не интересовали; не все могъ записывать, что каждый говорилъ; въ общемъ было возмутительно, но въ частности было много интереснаго. Напримѣръ:

Одинъ говорилъ: Я ничего не прошу для себя, я найду себѣ хлѣбъ и безъ службы, но мнѣ обидно, ваше превосходительство, что я попалъ въ списокъ 69-ти, а NN въ списокъ 51-го; я признаю, я былъ виноватъ; дѣйствительно, будучи комиссаромъ госпиталя, я, принявъ изъ комиссіи большую партію новой оловянной посуды, переѣмнилъ ее у подрядчика на бракъ, за значительную денежную накладку; но вѣдь объ этомъ зналъ только одинъ NN, а дошло ли до вашего превосходительства, что этотъ NN, когда его назначили сопровождать большой транспортъ съ сапожнымъ товаромъ, заключилъ съ подрядчикомъ вотъ какую сдѣлочку: 6 возовъ съ самымъ лучшимъ товаромъ оставилъ на постояломъ дворѣ, а взялъ тамъ подготовленные 6 такихъ же возовъ съ бракованнымъ товаромъ.

Одинъ говорилъ: Меня зачислили въ списокъ 69-ти, пусть такъ; я былъ мошенникъ, дѣйствительно я былъ командированъ для присутствованія при сожженіи бѣлья послѣ холерныхъ больныхъ и вмѣсто показанныхъ тысячъ сожженныхъ штукъ, сожгли нѣсколько сотенъ рванаго бѣлья, а все остальное зачислили въ тотъ же госпиталь вмѣсто новаго бѣлья; но вѣдь управляющій комиссіей, зная, что я бѣдный человекъ, командуя меня, самъ сказалъ, что даетъ мнѣ такую командировку, на которой я могу поправить свои дѣла; а вотъ MM, попавшій въ списокъ 51-го, честнымъ словомъ заявлялъ въ комиссіи, что взялъ съ подряд-

чиба только по $\frac{1}{4}$ коп. съ каждой подошвы и подметки, а я знаю навѣрное, что онъ взялъ по $\frac{1}{2}$ коп.

Одинъ говорилъ: Я знаю, что меня обвинили передъ нашимъ превосходительствомъ въ томъ, что я бралъ большую накладку съ холста, отъ 75 в. до 1 рубля на 1,000 аршинъ; но что же мнѣ было дѣлать, когда главный смотритель далъ мнѣ мѣсто сортоваго только съ условіемъ, чтобы я отъ каждой тысячи аршинъ платилъ бы ему лично по 25 коп.

Одинъ съ отчаяніемъ говорилъ: ваше превосходительство, я навѣрное знаю, что меня очернилъ РР, попавшій въ списокъ 33-хъ; а знаете ли, ваше превосходительство, что онъ еще недавно нѣсколько тысячъ старыхъ роговъ спустилъ за новыя?

Одна жена говорила: насъ обидѣли, ваше превосходительство, мы бѣдные люди, за что же зачислили насъ въ какіе-то 69, и мать моя всегда говорила мужу, что онъ не умѣетъ наживать деньги, вотъ въ какомъ платьишкѣ я хожу, ей-Богу нѣтъ лучше; а вотъ жена ДД, который, говорятъ, попалъ въ 51, посмотрите въ какихъ бархатахъ щеголяетъ! откуда это берется, жалованье они получали не больше нашего.

Одна жена выражала страшное огорченіе, что въ ея имянины не на что было приготовить пирога; а вотъ такой-то СС, попавшій въ списокъ 33, въ имянины жены устроилъ пиръ рублей въ 200.

Одна жена явилась утромъ часовъ въ 6, въ бальномъ платьѣ, совершенно декольте. На запросъ мой, что означаетъ такой нарядъ, она отвѣчала, что совершенно обносилась, хотѣла продать это платье, чтобы купить простенькое, но ей сказали, что ужъ другія ѣздили ко мнѣ, она боялась запоздать; что она пришла пѣшкомъ съ Петербургской стороны. На замѣчаніе мое, что она не въ такомъ же видѣ шла по улицѣ, она отвѣчала, что навидку оставила въ передней. Я просилъ ее надѣть сперва навидку и потомъ объяснить свое дѣло. Она рассказывала витіевато, что живетъ съ мужемъ бѣдно, но очень дружно, что они не знаютъ за что попали въ немилость, а вотъ такіе-то, называя двухъ по именамъ, постоянно кутятъ, а попали въ число 51-го; а этотъ, то же связавъ фамилію, еще вчерашнюю ночь всю прокутилъ, а попалъ въ число 33-хъ.

Изъ многихъ женщинъ, только одна, мужъ которой попалъ въ число 51-го, держала себя съ большимъ достоинствомъ; она

была беременна въ послѣднемъ періодѣ и говорила: „ваше превосходительство, умоляю васъ, какъ женщина, какъ мать, носящая первенца подъ сердцемъ, сжальтесь надо мной, оставьте мужа на службѣ; я не знаю его достоинствъ, какъ служащаго и сважу прямо, если онъ и будетъ уволенъ отъ службы, то мы не останемся безъ хлѣба: и онъ и я сумѣемъ заработать деньги; но у меня много родныхъ и знакомыхъ и самолюбіе мое будетъ жестоко оскорблено, если при новыхъ порядкахъ, о которыхъ теперь такъ много говорятъ въ городѣ, мужъ мой будетъ уволенъ отъ службы“.

И я буду говорить вамъ откровенно, отвѣчалъ я: мужъ вашъ попалъ въ списокъ 51-го, безъ всякой посторонней рекомендаціи, по личному моему указанію; во время ревизіи комисіи я обращался къ нему со многими вопросами и ни на одинъ вопросъ не получилъ удовлетворительнаго отвѣта; но уважая вашу просьбу, оставлю его въ интенданствѣ, только на годъ, а затѣмъ все будетъ зависѣть отъ него самаго.

Всѣхъ чиновъ, подлежавшихъ увольненію, перебывало у меня до 80-ти. Самое замѣчательное объясненіе было съ бывшимъ главнымъ смотрителемъ складовъ маіоромъ княземъ Друцкимъ-Соколинскимъ. Онъ явился ко мнѣ въ сильномъ возбужденіи, говорилъ высокопарно, очевидно. приготовивъ рѣчь свою; рѣчь его врѣзалась въ памяти моей, онъ говорилъ: „я осмѣлился явиться къ вашему превосходительству, чтобы покаяться передъ вами, какъ передъ духовною святынею, какъ передъ свѣтиломъ нашимъ. До сего времени я былъ великимъ комисаріатскимъ грѣшникомъ, скажу прямо, я былъ средоточіемъ здѣшнихъ прегрѣшеній; въ званіи главнаго смотрителя, я при двухъ послѣднихъ управляющихъ комисіей былъ, дѣйствительнымъ управляющимъ; ничто не дѣлалось безъ моего согласія, даже безъ моего разрѣшенія; я собиралъ со всего жатву и приносилъ плоды. Прежнихъ документовъ у меня не осталось, я боялся сохранять ихъ, чтобы они не попали въ руки при внезапномъ обыскѣ и описи бумагъ моихъ; я, какъ грѣшникъ, всегда боялся этого, но съ февраля 1863 г. по сентябрь 1864 г., за 20 мѣсяцовъ, въ представляемой вѣдомости изложенъ самый вѣрный отчетъ о доходахъ комисаріатскихъ и о распредѣленіи этихъ доходовъ:

1863 г.	С б о р ъ.		Плата въ департаментъ.		Чистый доходъ:	
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
Февраль	2,181	70 ³ / ₄	242	70	1,940	3 ³ / ₄
Мартъ	3,353	29	712	30 ¹ / ₂	2,640	98 ¹ / ₂
Апрѣль	3,264	93	1,044	12	2,220	81
Май	4,742	29	416	26	4,326	3
Юнь	5,046	51 ¹ / ₂	109	75	4,936	76 ¹ / ₂
Юль	6,807	43	355	59	6,451	84
Августъ	8 240	4 ³ / ₄	1,371	81 ¹ / ₂	6,868	23 ¹ / ₄
Сентябрь	7,009	77 ¹ / ₂	652	—	6,357	77 ¹ / ₂
Октябрь	7,327	28	1,283	8	6,042	34
Ноябрь	7,943	94	1,299	60	6,644	34
Декабрь	5,218	94 ¹ / ₂	938	87 ¹ / ₂	4,280	7
1864 г.						
Январь	6,773	86 ³ / ₄	2,758	35 ¹ / ₄	4,015	51
Февраль	6,318	54	2,674	4	3,644	50
Мартъ	4,055	5 ³ / ₄	3,240	30	814	75 ³ / ₄
Апрѣль	1,218	67 ¹ / ₄	792	2	426	65 ¹ / ₄
Май	2,444	20 ¹ / ₂	718	98	1,725	22 ¹ / ₂
Юнь	1,163	83	311	18 ¹ / ₂	852	64 ¹ / ₂
Юль	2,028	18 ¹ / ₂	648	6 ¹ / ₂	1,380	12
Августъ	2,496	96	510	48	1,986	48
Сентябрь	2,383	85	683	33	1,700	52
Итого	104,018	81 ¹ / ₂	20,764	9 ¹ / ₂	83,254	72

Въ примѣчаніяхъ къ этой вѣдомости значилось: большіе взносы въ департаментъ въ январѣ, февралѣ и мартѣ 1864 г. были по случаю ожидаемой награды въ Пасхѣ, или въ 17-му апрѣля, управлявшимъ комисіей.

Изъ денегъ, вносимыхъ въ департаментъ, половина шла директору Устрялову, а другая половина дѣлилась между чиновниками.

Изъ чистой прибыли 10%, или 8,325 р. удерживалъ въ свою пользу главный смотритель и 5 т. распределялись между чиновниками, по указанію управляющаго, такъ что управляющій получилъ въ личную свою пользу, въ 20 мѣсяцевъ, 70 т. рублей; но князь Друцкой полагалъ, что изъ этихъ 70 т. придется потратить 10—15 тысячъ на покупку недостающихъ или забракованныхъ вещей при сдачѣ склада.

Князь Друцкой говорилъ, что усиленному доходу помогло то обстоятельство, что по событіямъ 1863 года, поставка вещей была нѣсколько увеличена; что онъ навѣрное не знаетъ, какъ дѣлалось въ другихъ комисіяхъ, но въ петербургской нѣсколько лѣтъ существовала постоянная такса съ подрядчиковъ, въ пользу

управляющаго комиссіей: съ 1,000 аршинъ холста 2 р. 50 к.; со штуки мягкаго сапожнаго товара 2 к.; съ подошвы и подметки по $\frac{1}{2}$ к.; съ аршина сукна 3 к.; съ металлическихъ и другихъ вещей по 3⁰/₀.

Выслушавъ князя Друцкаго я сказалъ ему, что вѣрю его раскаянію и убѣжденъ, что на будущее время онъ будетъ служить иначе но все-таки не могу принять его теперь же въ интендантство; да и ему самому полезно побыть нѣкоторое время не у дѣлъ, чтобы успокоиться отъ тревоженій.

При формированіи интендантскаго управленія чаще всѣхъ сходилса со мной секретарь, штабсъ-капитанъ Викторъ Ивановичъ Бунинъ, тогда молодой офицеръ, кончившій курсъ въ академіи генеральнаго штаба. Это была превосходная личность и вѣрно навсегда останется таковою, онъ и нынѣ служить въ интенданствѣ полковникомъ. Большую часть разсказовъ, слышанныхъ мною отъ заштатныхъ чиновниковъ, я передавалъ Бунину, онъ навѣрное многое помнитъ лучше меня и помнитъ фамиліи чиновниковъ.

Въ это время я получилъ десятка два писемъ отъ высокопоставленныхъ лицъ, съ ходатайствами за чиновниковъ, увольняемыхъ за штатъ, въ томъ числѣ было 5 писемъ отъ князя Суворова, тогдашняго с.-петербургскаго генераль-губернатора, и ни одно ходатайство не могло быть удовлетворено.

Князь Друцкой въ сущности не сообщилъ мнѣ ничего новаго; приблизительно я зналъ и всѣ цифры, да и кто же ихъ не зналъ; въ публикѣ ихъ еще преувеличивали, но я берегъ записку Друцкаго, какъ полуофіціальныи документъ, который, однако, никому не предъявлялъ.

Кромѣ меня, во всѣхъ округахъ интендантами были назначены управлявшіе комиссаріатскими комиссіями, получавшими въ годъ, кромѣ жалованья, по меньшей мѣрѣ по 20 тысячъ и во главѣ надъ ними поставлена была комиссаріатская душа, привыкшая каждый годъ собирать со всѣхъ ихъ, по меньшей мѣрѣ, 50 т. Удивительно: полагали, что съ переменною названіемъ лицъ, переменятся и дѣйствія ихъ!

В. Д. Кренке.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ АРКАДІЕВИЧЪ СУВОРОВЪ.

V¹⁾.

Воспоминанія профессора М. Е. Андреевскаго.

Что вызвало въ 1861 г. университетскіе безпорядки, заарестованіе 500 студентовъ и затѣмъ закрытіе университета?

Причины этихъ явленій, во всякомъ случаѣ печальныхъ по многимъ невыгоднымъ послѣдствіямъ, стали создаваться гораздо ранѣе 1861 г. Историкъ С.-Петербургскаго университета, покойный профессоръ В. В. Григорьевъ, не бывшій очевидцемъ этихъ событій и, вѣроятно, за поспѣшностію работы, не посоветовавшись съ ихъ свидѣтелями, удѣлилъ въ своемъ изслѣдованіи²⁾ только одну страничку (314) съ нѣсколькими примѣчаніями, мало разъяснившую дѣло. Фактическую сторону этого событія стремился представить съ возможною точностію В. Д. Спасовичъ³⁾. Не находя умѣстнымъ разбирать здѣсь самихъ причинъ этого явленія со всею подробностію, какой оно конечно заслуживаетъ, я могу, въ подтвержденіе выказаннаго уже г. Спасовичемъ и въ пополненіе сообщаемыхъ имъ указаній, засвидѣтельствовать, что тутъ дѣйствовали причины троякаго рода: вытекавшія изъ самаго склада университета, изъ явленій, нарождавшихся въ самомъ обществѣ и изъ метода дѣятельности полицейскихъ властей.

¹⁾ См. „Русская Старина“, изд. 1882, томъ XXXIII, книга III, мартъ, стр. 828—838.

²⁾ Импер. Спб. университетъ въ теченіи первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Историч. записка, составл. В. В. Григорьевымъ. Спб. 1870.

³⁾ Въ статьѣ, „Пятидесятилѣтіе Петерб. университета“, въ сборникѣ его изслѣдованій, изданномъ въ 1872 г., подъ заглавіемъ: „За много лѣтъ“.

Уже въ 1856 году въ университетѣ создались существенныя перемены. Съ удаленіемъ отъ должности попечителя, дѣйствовавшаго все послѣднее десятилѣтіе царствованія императора Николая I, М. Н. Мусина-Пушкина и назначеніемъ на его мѣсто князя Г. А. Щербатова, должны были родиться весьма существенныя измѣненія. Честный служака, добрый въ душѣ, по свѣдѣму сильно любившій университетъ, по свѣдѣму понимавшій и высокія его задачи, но воспитавшій въ себѣ чрезвычайно грубыя формы отношеній къ подчиненнымъ, величественный Мусинъ-Пушкинъ, руководясь уставомъ 1835 г. и значительно его пополняя своими распоряженіями, почиталъ себя полнымъ и безъапелляціоннымъ начальникомъ студентовъ, ревниво охраняя ихъ отъ всякаго другаго вліянія и только по необходимости допуская профессоровъ къ ихъ обученію и экзаменованію. Поддержкѣ такихъ его воззрѣній на необходимость начальствованія надъ студентами содѣйствовало и небольшое число студентовъ: хотя количество ихъ всегда превышало назначенную въ 1849 г. цифру 300, но въ общемъ число ихъ всегда было менѣе тысячи. Рѣзкая перемена получилась отъ назначенія въ 1856 г. преемникомъ ему кн. Г. А. Щербатова, представлявшаго полную противоположность своему предшественнику. Исполненный отъиной вѣжливости, несомнѣнно желавшій процвѣтанія университету, онъ однако давно желѣялъ въ душѣ желанію полной его реформы. Въ необходимости таковой онъ вполне убѣдился, когда, за ослабленіемъ требованія объ ограниченіи числа студентовъ, двери университета гостепрѣимно распахнулись и масса молодежи, давно ждавшая переступить порогъ этого святилища наукъ, хлынула въ него живою и сильною волной. Уставъ останаеся дѣйствующимъ и имъ коллегія профессоровъ совершенно устранялась отъ наблюденія за студентами: оно всецѣло лежало на попечителѣ и подчиненной ему инспекціи. Попечитель мечталъ о созданіи студенческой корпораціи, и весьма многіе сочувствовали его мечтѣ. Онъ самъ сталъ созывать студентовъ на совѣщанія съ нимъ; сначала студенты шли неохотно на такія совѣщанія, скоро получившія названіе сходокъ. Потомъ эти сходки, напротивъ, стали получать развитіе по поводу трехъ обстоятельствъ: во первыхъ, нашли удобнымъ отобрать отъ инспектора (Фицтума-ф.-Экстето) распоряженіе концертами, такъ какъ выручка отъ нихъ должна итти въ пользу бѣдныхъ студентовъ, и этимъ пожелали распоряжаться сами студенты; во вторыхъ, затѣялось изданіе студенческаго сборника; въ третьихъ, устройство библиотеки и кассы для бѣдныхъ студентовъ. Для всѣхъ этихъ дѣлъ требовались распорядители, которыхъ надобно было избирать, а для возможности избранія нужны были уже фактически и установленныя

попечителемъ сходки. Всѣ эти цѣли, по поводу которыхъ создавались сходки, сами по себѣ были весьма высокія, къ нимъ весьма сочувственно относились и профессора. Самый безпристрастный наблюдатель развитія студенчества въ концѣ 1850-хъ годовъ выведетъ два положенія: первое, что стремленія къ достиженію этихъ высокіхъ, товарищески-добрыхъ цѣлей значительно подняло студенчество, стало проявляться почти незамѣтный до тѣхъ поръ корпоративный духъ, стали создаваться стойкіе характеры, крѣпнуть убѣжденія. Этимъ недолгимъ періодомъ можно было бы воспользоваться, чтобы помочь образоваться правильнымъ студенческимъ обществамъ, корпораціямъ,—но этого не случилось. Второе, столь же несомнѣнное положеніе—что эти безформенныя, неорганизованныя сходки пожирали напрасно много золотаго времени, мѣшали занятіямъ, къ которымъ дѣйствительно стремилось большинство университетской молодежи. Это сдѣлалось особенно чувствительно когда преемникъ кн. Щербатова, не раздѣливъ его политики содѣйствовать созданію элементовъ студенческой корпораціи, но, дѣйствуя правда весьма мягко, выражалъ свое неодобреніе развивающимся сходкамъ. Такъ какъ коллегія профессоровъ, согласно дѣйствовавшему тогда уставу 1835 г., никакой власти не имѣла, ограничена была исключительно учебными занятіями, а справляться съ порядкомъ и начальствовать надъ студентами долженъ былъ попечитель съ инспекціею, то уже въ теченіе 1860 г. ему пришлось испытывать немало затрудненій, хотя еще всѣ хлопоты были дѣломъ совершенно домашнимъ, въ которое полиція еще вовсе не вторгалась.

Между тѣмъ, въ теченіе этого пятилѣтія (съ 1856 по 1861 г.), когда по этимъ внутреннимъ чисто причинамъ измѣнялся складъ студенчества вообще и студентовъ Петербургскаго университета въ особенности, происходили сильныя перемены и во всемъ интеллигентномъ русскомъ обществѣ. Новое царствованіе пробудило цѣлую массу новыхъ стремленій и надеждъ. Крымская война вызвала критику и анализъ неустройствъ и слабости. Начали помышлять о глубокихъ реформахъ. Созванные комитеты для работъ по освобожденію крестьянъ были вопросомъ дня: масса восторженныхъ реформаторовъ сталкивалась и съ недовольными, крѣпостники пророчествовали о распаденіи Россіи; начавшія разгараться въ Царствѣ Польскомъ надежды на лучшее будущее создавали и въ русскомъ обществѣ критиковъ существующаго; печать, особенно повременная, проснулась и захлебывалась въ массѣ ежедневно ставившихся все новыхъ и важныхъ вопросовъ; цензура потеряла совершенно почву; никто не зналъ о чемъ можно и о чемъ нельзя говорить; что казалось разъясненнымъ недо-

статочнo, то договаривалось и толковалось въ чрезвычайно распространенномъ «Колоколѣ» изд. А. И. Герцена. Все это живое, дѣйствовавшее, надѣявшееся, исполнявшееся энергiи неотразимо вліяло на молодежь вообще и университетскую въ особенности. Къ этому моменту относятся и рѣзкая перемѣна во всемъ складѣ подроставшаго женскаго поколѣнія — реформа внутренняя, общественная, создававшаяся отъ множества причинъ, накопившихся въ прошедшее время. Не совѣмъ приглядная со стороны внѣшней, она заключала въ своемъ существѣ два глубокия основанія: стремленія молодого женскаго поколѣнія пріобрѣтать свѣдѣнія и желаніе поставить дальнѣйшую свою жизнь на инныя экономическія основы, объявивъ непримиримую войну роскоши и находя чарующую красоту въ образованіи и простотѣ. Это явленіе опять имѣло немалое значеніе для учащейся молодежи, особенно когда въ 1861 г., въ университетскихъ аудиторіяхъ стали являться стремившіяся къ пріобрѣтію знаній дѣвушки.

Безпристрастно наблюдавшіе этотъ новый складъ университетскаго студенчества могутъ констатировать, что ничего дурнаго или преступнаго не было; напротивъ, что возникало много высокаго и свѣтлаго; но какъ броженіе умовъ было весьма сильное, то отсутствіе какой либо организаціи въ массѣ молодежи, значительно превысившей тысячу человекъ, среди которыхъ дѣйствовало множество постороннихъ, вовсе не принадлежавшихъ къ учащимся, не могло не вызывать безпорядковъ. Особенно замѣтными они сдѣлались въ началѣ 1861 г., когда Россія праздновала величайшій изъ историческихъ актовъ—актъ освобожденія крѣпостныхъ. Всѣ, и студенты и попечитель, чувствовали потребность вытти изъ такихъ невозможныхъ условій. И тогда впервые, въ мартѣ 1861 г., попечитель обратился къ профессорамъ, и то не къ цѣлому совѣту университета, а написалъ письмо къ профессору К. Д. Кавелину, пользовавшемуся большою популярностію въ университетѣ, предоставивъ ему составить проектъ правилъ, которыми бы упорядочилась студенческая община. Образовалась маленькая коммисія изъ 4-хъ профессоровъ, пригласившая и 8 выборныхъ депутатовъ отъ студентовъ. Эта коммисія добросовѣстно трудилась, создала проектъ правилъ, на основаніи которыхъ можетъ устроиться студенческая корпорація. Депутатамъ эти правила казались чрезмѣрно строгими, но все таки они съ ними согласились и надѣялись выполнить. Но этотъ проектъ не пошелъ далѣе попечителя, такъ какъ въ то же время правительство рѣшило поставить новыя начала, утвержденныя 31-го мая 1861 г., по утвержденіи которыхъ министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій оставилъ свой постъ, а за нимъ вышелъ изъ

попечителей и И. Д. Деляновъ. Эти начала 31-го мая провели то положеніе, которое осуществить въ тотъ моментъ было чрезвычайно трудно, а именно, что ни о какой организаціи студенческой корпораціи не можетъ быть рѣчи; форменная одежда студентовъ уничтожена и внѣ зданія университета они подчиняются общей полиціи; всякія сходки воспрещены; освобожденіе отъ платы за слушаніе лекцій должно быть ограничено двумя студентами, на каждую изъ губерній, входящихъ въ составъ округа.

Понятно, что эти правила ставились совершенно въ разрѣзъ съ ожиданіями и надеждами молодежи. Не думая подвергать эти правила критикѣ, можно съ увѣренностію сказать, что выполнить ихъ, и то конечно не безъ затрудненій, могли бы только умѣлыя, опытные руки. Между тѣмъ, за уходомъ министра и попечителя, явились совершенно новые люди, незнакомые ни съ персоналомъ университетской коллегіи, ни съ положеніемъ студентовъ. Министромъ былъ назначенъ гр. Путятинъ, попечителемъ генераль Филиппсонъ. Безъ всякаго сомнѣнія, тотъ и другой желали наилучшимъ и наилучшимъ способомъ привести новыя начала въ исполненіе, но затрудненіе явилось отъ совершеннаго незнакомства съ почвою. Родилось возрѣніе, которое потомъ долго (до Суворова) и поддерживалось, будто студенты—бунтари, противники правительственныхъ интересовъ. Между тѣмъ въ 1861 г. дѣло студенческое было чисто внутреннее, никакой политической окраски не имѣвшее. Только черезъ годъ, въ мартъ 1862 г., когда появились первыя прокламаціи, въ студенчество была пущена политическая пропаганда.

Между тѣмъ этому возрѣнію содѣйствовала и полиція, получившая съ мая 1861 г. функцію вести надзоръ за студентами внѣ университетскаго зданія. Лѣтомъ никакого надзора вести не пришлось: студенты стали съѣзжаться къ сентябрю, а начало лекцій было отложено до 17-го сентября. Между тѣмъ новыя начала, утвержденныя 31-го мая, и новые руководители внушали всѣмъ опасеніе, какъ откроется учебный годъ. Прозорливая полиція завела уже 14-го августа (въ канцеляріи оберъ-полиціймейстера) дѣло о беспорядкахъ въ университетѣ.

Особая коммисія отъ совѣта университета въ теченіе лѣта работала надъ составленіемъ правилъ, которыя повелѣно было основать на началахъ 31-го мая. Опытная и знавшая положеніе дѣлъ, она предположила въ этихъ правилахъ такія приспособленія, которыя не ставили бы ихъ прямо въ разрѣзъ съ ожиданіями молодежи, и проектированныя правила изложила въ особой книжкѣ, матрикулѣ, которая должна была быть выдана каждому студенту. Но съ этими пра-

вилами не согласилось министерство: потребовало нѣкоторыхъ перемѣнъ. Въ переговорахъ прошло много времени, напечатать ихъ не успѣли къ моменту открытія лекцій, съ чѣмъ вообще запоздали, и по распоряженію попечителя лекціи открылись 18-го сентября, безъ правилъ. По старымъ порядкамъ, студенты стали составлять сходки. Попечитель въ концѣ недѣли распорядился запереть всѣ пустыя аудиторіи, въ которыхъ могли собрать сходку. Въ субботу, найдя всѣ пустыя аудиторіи запертыми, студенты попробовали обратиться въ большой залѣ, дверь въ которую, хотя была заперта, но отъ напора легко открылась, при чемъ одно стекло этой двери разбилось. Это—моментъ, сочинившій всѣ послѣдующія явленія. На другой день министр (принимавшій въ этотъ день представлявшіеся ему профессоры) приказалъ временно прекратить лекціи до напечатанія новыхъ правилъ. Ничего незнавшіе объ этомъ студенты явились въ понедѣльникъ, какъ обыкновенно, на лекціи, но всѣ входныя двери оказались запертыми. Выставленное на главной входной двери объявленіе объ этомъ скоро исчезло; прибывавшіе вновь ничего не могли себѣ объяснить; порѣшили тутъ же отправиться за разъясненіемъ къ попечителю, и всѣ гурьбою, хотя чинно, пошли въ Колокольную улицу, гдѣ жилъ попечитель. Попечитель же въ то время былъ въ университетѣ и узнавъ, что вся толпа студентовъ отправилась къ нему, поспѣшилъ домой и засталъ въ Колокольной немного толпу студентовъ, но и полицію съ ротою стрѣльковаго баталіона, требовавшую, чтобы толпа разошлась. Попечитель разъяснилъ причину недоразумѣнія и не находя удобнымъ объясняться съ толпою въ Колокольной, повелъ студентовъ по Невскому къ университету, около котораго уже была полиція. Попечитель, не находя возможности объясняться со всѣми, просилъ выбрать трехъ депутатовъ, которымъ изложилъ причину прекращенія лекцій, указалъ, что будутъ выданы матрикулы и что лекціи начнутся черезъ недѣлю, 2-го октября. Студенты разошлись. Ночью полиція нашла необходимымъ заарестовать до 30 студентовъ, направивъ свой выборъ на тѣхъ, которые въ теченіе 1861 г. были избираемы въ распорядители по дѣламъ кассы, бібліотеки, изданія сборника и т. д. Эти аресты значительно ухудшили дѣло, тѣмъ болѣе, что попечитель чрезвычайно затруднился методомъ, какъ роздать поспѣвшія уже правила, напечатанныя въ матрикулахъ. Послѣ разныхъ плановъ, остановились на разсылкѣ ихъ по почтѣ тѣмъ изъ студентовъ, которые до назначеннаго и объявленнаго въ газетахъ срока подадутъ по городской же почтѣ прошеніе о выдачѣ имъ матрикулы; неподавшіе до этого срока не будутъ считаться студентами. Это возбудило, ко-

нечно, разладъ между студентами: треть изъ нихъ (до 500 человекъ) послали прошенія и имъ были доставлены матрикулы. Въ разныхъ мѣстахъ въ городѣ собирались студенты на совѣщанія, брать или не брать матрикулы; многія изъ такихъ совѣщаній накрывала полиція, заарестовывала и отправляла въ крѣпость, въ которую въ эти первые дни было помѣщено уже около ста студентовъ. Между тѣмъ для взявшихъ матрикулы положено было возобновить лекціи 11-го октября. Профессора явились читать лекціи, но студентовъ почти не было. Стала разыгрываться внутри студенчества понятная трагедія: взявшіе матрикулы сѣдились укоромъ совѣсти, что лишили $\frac{2}{3}$ своихъ товарищей возможности быть студентами. 12-го октября возлѣ параднаго входа въ университетъ стояла большая толпа прежнихъ студентовъ—нематрикулистовъ, которыхъ не пускали въ дверь, такъ какъ требовалось предъявить матрикулу. Большинство объясняло, что нужно войти на минуту, въ библіотеку, въ кабинетъ и пр., но безъ матрикулы никого не пропускали. Приходившіе съ матрикулами не хотѣли быть счастливыми сравнительно съ прежними товарищами, тоже не входили, а нѣкоторые рвали свои матрикулы. Скоро полиція привела войско, оцѣпили всю толпу, загнали чрезъ ворота (выходящія на биржу) въ университетскій дворъ, и оттуда повели въ крѣпость. Многіе студенты, подходившіе въ тотъ моментъ къ университету, и видя, какъ арестуютъ ихъ товарищей, по ихъ мнѣнію неповинныхъ, ходатайствовали, чтобы и ихъ присоединили къ заарестованнымъ; ихъ ходатайство уважили, включили въ цѣпь и всѣхъ отвели въ крѣпость, гдѣ уже заключено было болѣе 80 студентовъ. Размѣстить въ крѣпости оказалось невозможнымъ; сдѣлали разборъ; всѣхъ, у которыхъ оказались матрикулы, освободили, остальныхъ заключили въ крѣпости, изъ коихъ 320 на другой день отправлены въ Кронштадтъ, гдѣ и заключены въ Николаевскомъ госпиталѣ. По распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ назначены были двѣ слѣдственныя комиссіи: одна для разслѣдованія проступковъ студентовъ, заключенныхъ въ крѣпости, другая—по отношенію къ заключеннымъ въ Кронштадтѣ. Послѣдняя, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Н. И. Пущина, отправилась туда 24-го октября. Я былъ назначенъ въ эту комиссію депутатомъ отъ Университета. Здѣсь не мѣсто говорить о работахъ этой комиссіи, вполне убѣдившейся, что все дѣло не представляло большой важности и не заключало въ себѣ ничего политическаго. Можетъ быть мнѣ удастся впоследствии, на страницахъ «Русской Старины», ближе коснуться всей этой исторіи, между прочимъ, и для того, чтобы обрисовать замѣчательную личность Н. И. Пущина,—личность, по благород-

ству характера и возвышенности помысловъ, не часто встрѣчаемую на свѣтѣ.

Слѣдственная Кронштадтская комиссія къ концу ноября 1861 г. окончила свои работы, признавъ, что проступокъ заключенныхъ предусмотрѣнъ 1280 ст. Улож. (изд. 1857) и влечетъ за собою арестъ на время отъ 3 до 7 дней.

Пока дѣйствовали слѣдственные комиссіи, въ обществѣ, въ городѣ ходили разные слухи, возбуждались безпокойства, слышалось участіе къ заключеннымъ, высказывались сѣтованія о разрушающемся университетѣ. Недоумѣвали, куда это все идетъ, можно ли найти какія нибудь средства для успокоенія...

Но 4-го ноября данъ былъ Высочайшій приказъ о назначеніи князя А. А. Суворова Петербургскимъ генераль-губернаторомъ: 7-го ноября онъ вступилъ въ должность. Какъ слышно было, новый генераль-губернаторъ 7-го ноября ѣздилъ въ крѣпость, чтобы увидѣть заключенныхъ студентовъ; тамъ онъ обратился къ нимъ съ такимъ оригинальнымъ и вмѣстѣ теплымъ словомъ (благодаря ихъ, между прочимъ, что они напумѣли и тѣмъ самымъ содѣйствовали его переводу въ Петербургъ и что онъ понимаетъ энергію молодости и уважаетъ горячія молодья головки); тотчасъ почувствовался коренной переломъ въ пріемахъ администраціи, повѣяло другимъ воздухомъ, вдругъ стало легче, спокойнѣе...

Я не видѣлъ новаго свѣтлѣйшаго генераль-губернатора до 7-го декабря. Какъ и всѣ, знакомился съ его біографіею, съ его прошедшимъ. Различно толковалось обстоятельство быстрого возвышенія его въ молодости тотчасъ вслѣдъ за грозившею ему опасностію. Дѣйствительность этого факта не подлежитъ сомнѣнію. Съ біографіею кн. Суворова можно было тогда ознакомиться по весьма сочувственной ему статьѣ, помѣщенной въ Рижскомъ альманахѣ за 1859 г. ¹⁾. Обстоятельства его юности конечно повліяли и на складъ его характера и на методы его дѣятельности, какъ генераль-губернатора.

Внукъ знаменитаго русскаго полководца, Александръ Аркадіевичъ лишился отца еще въ дѣтствѣ: на седьмомъ году. Весною 1811 г. отецъ его, — любопытное совпаденіе историческихъ данныхъ — утонулъ въ той самой рѣкѣ Римникѣ, на берегахъ которой его отецъ, знаменитый полководецъ, одержалъ блистательную побѣду, давшую фамиліи Суворовыхъ присоединеніе громкаго титула Римникскихъ. Онъ утонулъ, желая спасти утопавшаго своего кучера, но переломилъ себѣ при этомъ руку и не могъ выплыть. Малютка Суворовъ (на

¹⁾ Rigascher Almanach, für 1859 г. 18 страницъ, съ прилож. его портрета.

8-мъ году) былъ помѣщенъ матерью (рожденною Нарышкиною) въ существовавшій тогда въ Петербургѣ іезуитскій пансіонъ, гдѣ онъ отлично учился и пробылъ три года. Дядя его, Кириллъ Александровичъ Нарышкинъ, опасаясь вреднаго вліянія іезуитскаго ордена на воспримчиваго мальчика, взялъ его оттуда и думалъ воспитывать у себя дома, для чего и пригласилъ къ нему наилучшихъ преподавателей. Но мать его, отправившаяся во Флоренцію, желала имѣть сына поближе къ себѣ. Это было причиною переѣзда его первоначально въ Италію и помѣщенія его затѣмъ (на 13-мъ году) въ учебное заведеніе Гофвилъ, возлѣ Берна въ Швейцаріи, гремѣвшее славою въ Европѣ и вполнѣ заслуженною, такъ какъ эту школу велъ знаменитый въ исторіи педагогій Фелленбергъ. Суворовъ пробылъ тутъ пять лѣтъ, и приобрѣлъ отличное образованіе: онъ и въ старости поражалъ не только глубокимъ знаніемъ многихъ языковъ, но исторіи и естеств. наукъ. Послѣ того Суворовъ занимался въ Парижѣ и въ 1822 г. сдѣлался студентомъ Геттингенскаго университета. Въ 1824 г. вернулся въ Петербургъ и 12 декабря 1824 г. вступилъ юнкеромъ въ Конно-гвардейскій полкъ. Отлично образованный, пылкій, исполненный любви къ человѣчеству и весьма либеральныхъ воззрѣній онъ скоро дѣлается любимцемъ полка и вступаетъ въ близкую дружбу съ корнетомъ, кн. А. И. Одоевскимъ. Эта дружба и была причиною заподозрѣнія кн. Суворова въ обществѣ декабристовъ. О томъ, какъ это разъяснилось, рассказываютъ двояко. Одни говорятъ почти тоже, что высказалъ въ третьей книгѣ «Русской Старины» изд. 1882 г. А. И. Веригинъ, именно, «что будто бы вечеромъ 14-го декабря самъ князь Суворовъ, движимый упрекомъ совѣсти, добровольно явился къ Государю и съ полнымъ чувствомъ раскаянія принесъ повинную голову», (стр. 829). Но рассказываютъ это обстоятельство и нѣсколько иначе. Я слышалъ объ этомъ отъ покойнаго князя Витгенштейна, бывшаго адъютантомъ у кн. Суворова, — рассказъ, весьма схожій съ тѣмъ, который помѣщенъ въ біографіи князя въ Рижскомъ альманахѣ. Именно, Суворовъ не самъ явился къ Государю съ повинною, такъ какъ онъ ни въ чемъ виноватъ не былъ, кромѣ дружбы съ кн. А. И. Одоевскимъ. Напротивъ, вечеромъ 22-го декабря онъ былъ заарестованъ и приведенъ на гауптвахту Зимняго Дворца. Утромъ его потребовалъ къ себѣ Государь. Когда онъ проходилъ чрезъ залу, наполненую сановниками, всѣ съ негодованіемъ отъ него отвертывались. Государь въ кабинетѣ встрѣтилъ Суворова такимъ укоромъ: «развѣ ты забылъ, Суворовъ, какое имя ты носишь?» Когда кн. Суворовъ, прямо смотря въ глаза Императору, съ сознаніемъ полной невинности высказалъ, что онъ ничѣмъ не заслу-

жилъ гнѣва Его Величества, заплакалъ и сталъ утирать глаза платкомъ, Государь вырвалъ у него платокъ, сказавъ: «это добрыя слезы, и я буду хранить этотъ платокъ, какъ свидѣтельство, что внукъ знаменитаго Суворова не можетъ быть измѣнникомъ». Этотъ рассказъ, кажется, ближе къ истинѣ. Съ этого дня и началось расположеніе государя Николая Павловича къ кн. Суворову, не прерывавшееся до самой кончины государя. 1-го января уже онъ произведенъ въ офицеры, былъ при государѣ во время коронаціи, и потомъ началъ свою боевую карьеру на Кавказѣ и потомъ въ Турецкой кампаніи. Его военная дѣятельность довольно извѣстна. Не будемъ слѣдить за нею, замѣтивъ только общимъ образомъ, что она содѣйствовала сложиться вполне его характеру, открытому и честному, такъ много обезпечившему для кн. Суворова успѣховъ на поприщѣ генераль-губернатора.

Я впервые встрѣтился съ нимъ 7-го декабря 1861 г., по слѣдующему поводу.

Студенты, заключенные въ Кронштадтѣ, которыхъ я въ качествѣ депутата отъ университета былъ защитникомъ въ слѣдственной комиссіи, были освобождены 6-го декабря, и при освобожденіи были обязаны подпискою такого рода: что не могутъ пребывать въ Петербургѣ долѣе 24-хъ часовъ, если не представляютъ за себя поручителей, и если не надѣнуть платья, которое бы не отличало ихъ отъ другихъ гражданъ. Большинство освобожденныхъ, не имѣя въ Петербургѣ ни родителей, ни родственниковъ, которые могли бы ихъ взять на поруки, не имѣя и денегъ, чтобы обзавестись платьемъ (большинство было въ высокихъ сапогахъ и простыхъ тулупахъ) — всѣ, въ числѣ болѣе 200, пришли ко мнѣ 7-го декабря около 12 часовъ утра. Понявъ затруднительность ихъ положенія, я предложилъ имъ отправиться вмѣстѣ со мною къ новому генераль-губернатору, котораго, хотя я не зналъ, но отъ котораго, по слухамъ, можно ожидать справедливости. Я предполагалъ просить прежде всего отсрочки, по крайней мѣрѣ, на недѣлю для выполненія этой подписки. Я предложилъ раздѣлиться на нѣсколько партій, чтобы не идти гурьбою по улицѣ, и составивъ предварительно имянной списокъ, уговорился быть въ канцеляріи генераль-губернатора въ 2 часа. Я явился ровно къ двумъ часамъ вмѣстѣ со всѣми студентами; объяснилъ адъютанту, въ чемъ дѣло и просилъ доложить его свѣтлости. Не прошло и двухъ минутъ, какъ вышелъ кн. Суворовъ въ полномъ блестящемъ мундирѣ. Я представился ему и сталъ объяснять въ чемъ дѣло. Онъ былъ весьма удивленъ, что отъ студентовъ взяли такую подписку, что онъ этого вовсе не зналъ, но если подписка ими дана, то ее нужно выполнять.

Обратился къ студентамъ съ весьма теплымъ словомъ, въ которомъ хотѣлъ разъяснить, что вся ихъ каша заварена безъ него, что ему нужно расклебывать, что онъ постарается это сдѣлать, потому что онъ любитъ молодежь, и вѣрить ей. Впечатлѣніе произвелъ на студентовъ самое выгодное. Затѣмъ обратясь ко мнѣ сказалъ: «приказывайте а я буду исполнять». Я изложилъ ему, что въ 24 часа студентамъ нельзя найти поручителей, что у нихъ знакомыхъ теперь не только мало, но у нѣкоторыхъ и совсѣмъ нѣтъ.

«Ну, это не такъ трудно, какъ вы думаете, г. прокуроръ», обратился онъ къ находившемуся тутъ губернскому прокурору, теперь уже умершему, Ю. Г. Богуславскому, «какая отвѣтственность возлагается по закону на поручителей? Впослѣдствіи объяснялъ мнѣ кн. Суворовъ, что онъ ежедневно находится въ большемъ затрудненіи отъ незнанія законовъ; масса просителей является ежедневно, всѣхъ хочется удовлетворить, а не знаешь въ правѣ ли по законамъ,—потому онъ пригласилъ губернскаго прокурора, который, по мнѣнію Суворова, долженъ знать всѣ законы, всегда присутствовать при приѣмѣ просителей, и прежде какого либо обѣщанія онъ всегда обращался къ прокурору за справкою о законѣ. Ю. Г. Богуславскій, коротко мнѣ знакомый (готовясь къ магистерскому экзамену, я для ознакомленія съ практикою судобною и административною состоялъ болѣе года на службѣ въ его прокурорской камерѣ), человѣкъ весьма умный отъ природы и добрый, хотя не былъ свѣдущимъ юристомъ, но полезныя совѣты всегда могъ предложить кн. Суворову, который весьма его цѣнилъ и уважалъ¹⁾. Прокуроръ ему отвѣтилъ, что отъ меня онъ точнѣе это можетъ узнать. Когда я ему сообщалъ, что теперь по закону поручитель въ подобныхъ случаяхъ никакой юридической отвѣтственности не подлежитъ, Суворовъ спросилъ, есть ли у меня списокъ всѣхъ этихъ студентовъ, и получивъ отъ меня списокъ, сталъ по списку тотчасъ отчеркивать: первыхъ тридцать предложилъ мнѣ взять на поруки, пятьдесятъ взялъ самъ, двадцать пять записалъ на прокурора, столько же на своего правителя канцеляріи. Однимъ словомъ въ полчаса времени поручители были устроены. Далѣе, онъ самъ пошелъ на встрѣчу моимъ вопросамъ и ходатайствамъ. «Хорошо», говоритъ онъ, «поручители теперь имѣются, но какъ они будутъ знать, гдѣ найти своихъ друзей-студентовъ. Нельзя ли, чтобъ они выбрали своихъ старость или депутатовъ, съ которыми можно было бы сноситься? Я въ шутку замѣтилъ, что за это желаніе имѣть своихъ депутатовъ, т. е.

¹⁾ Въ „Русской Старинѣ“ были помѣщены рассказы и замѣтки прокурора Ю. Г. Богуславскаго, см изд. 1379 г., томъ XXVI, стр. 103—124; 231—240; 545—561.

корпорацію, они и попали въ крѣпость, но что дѣйствительно безъ депутатовъ и поручителямъ будетъ очень трудно. Онъ объ этомъ дѣлѣ сталъ говорить съ студентами, и они ему объяснили, что у нихъ уже имѣются выборные старосты или депутаты, безъ которыхъ и въ тюрьмѣ имъ нельзя было обойтись, и теперь тѣ же самые могутъ остаться депутатами. Онъ тотчасъ же ихъ всѣхъ утвердилъ депутатами, прося, чтобы они собирались у меня, и что онъ съ ними будетъ сноситься чрезъ мое посредство. Относительно другаго пункта подписки, онъ попросилъ, чтобы я вечеромъ ему представилъ записку, какъ относительно ихъ одежды, такъ и относительно другихъ вопросовъ, которые окажутся неотложными. Такихъ вопросовъ дѣйствительно и явилось немало. Прежде всего, у большинства студентовъ, потерявшихъ вслѣдствіе заарестованія всѣ связи и средства къ жизни, уроки, корректуры и пр., не было возможности преобрѣсти платье, которое требовалось данною ими подпискою. Въ тотъ же вечеръ я представилъ кн. Суворову мои предположенія, какъ обезпечить такую массу выбитыхъ изъ обычной колеи молодыхъ людей. На другой день онъ нашелъ нужнымъ устроить особое совѣщаніе изъ нѣкоторыхъ чиновъ своей канцеляріи, въ которое, кромѣ меня, пригласилъ и профессора К. Д. Кавелина. Послѣдній имѣлъ съ нимъ отдѣльную бесѣду и многое разъяснилъ изъ существенныхъ потребностей. Оказалось, что многіе изъ студентовъ пожелали отправиться на родину, нѣкоторые думали поступить въ другіе университеты, такъ какъ петербургскій 20-го декабря былъ закрытъ. Потребовались и значительныя денежные средства и самое теплое отношеніе администраціи по этому дѣлу. Кн. Суворовъ исходатайствовалъ (посредствомъ отпуска изъ III-го отдѣленія) значительную сумму, которая распредѣлялась такимъ образомъ: избранный имъ чиновникъ его канцеляріи выдавалъ пособіе, размѣръ котораго я долженъ былъ выставить въ особомъ свидѣтельствѣ на основаніи тѣхъ справокъ и того рѣшенія, которые сообщали мнѣ депутаты, избранные студентами.

Хлопотъ по этому дѣлу было не мало. Мнѣ всякій день приходилось видѣться съ кн. Суворовымъ и я не могу не засвидѣтельствовать, что относится постоянно такъ радушно къ интересамъ молодаго поколѣнія могъ только сановникъ, дѣйствительно любившій родину.

Послѣ того, какъ университетъ былъ закрытъ 20-го декабря, матрикулированные студенты оцѣль смѣшались съ прежними своими товарищами, не пожелавшими брать матрикулъ. Всѣ они очутились въ одинаково незавидномъ положеніи: безъ лекцій. Общее было желаніе устроить какимъ-нибудь способомъ продолженіе университетскихъ лекцій. У депутатовъ-студентовъ возникла мысль, нельзя ли устроить

вольный университетъ, и эта мысль скоро осуществилась въ видѣ цѣлаго ряда публичныхъ лекцій, открытію которыхъ много посодѣйствовалъ опять князь Суворовъ. Главное ходатайство со стороны депутатовъ было направлено къ нему. Онъ совершенно соглашался съ тѣмъ, что такой значительной массѣ молодыхъ людей, бывшихъ студентовъ, оставаться безъ лекцій будетъ пагубно, и помогъ осуществить созданный депутатами проектъ. Именно они получили согласіе отъ городского головы, Н. И. Погребова, дать въ распоряженіе студентовъ-депутатовъ обѣ большія залы Городской Думы, если генералъ-губернаторъ это разрѣшитъ, и разрѣшеніе было получено. Къ этимъ двумъ заламъ присоединилась третья, предоставленная въ распоряженіе студентовъ директоромъ училища св. Петра, профессоромъ Штейнманомъ. Студенты-депутаты пригласили профессоровъ университета (больше половины всего наличнаго числа) и нѣкоторыхъ преподавателей, не бывшихъ до того времени профессорами университета: гг. Сѣченова, Годолина, Калиновскаго, Лохвицкаго. Изъявившіе на чтеніе лекцій согласіе представили программы, которыя были рассмотрѣны въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и всѣ одобренны: уже дѣйствовалъ новый министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головинъ. Вся совокупность этихъ публичныхъ лекцій («вольнаго университета», какъ тогда говорилось), читавшихся за плату, шедшую въ пользу недостаточныхъ студентовъ, имѣла прямую связь съ обыкновенными университетскими курсами и имѣла въ виду возможность открытія экзаменовъ въ университетѣ, чего желалъ новый министръ. Успѣхъ этихъ публичныхъ лекцій чрезвычайно радовалъ кн. Суворова: онъ часто требовалъ къ себѣ студентовъ-распорядителей, чтобы разспросить о всѣхъ подробностяхъ и удалять встрѣчающіяся затрудненія. Извѣстно, что этимъ лекціямъ не суждено было продолжаться долго: начались съ февраля и прекратились 7-го марта 1862 г. Прекратились по такому поводу: профессора, согласившіеся читать лекціи, поставили одно условіе: студенты-распорядители должны отвѣтствовать за порядокъ, почему къ каждому профессору и приставленъ былъ студентъ-распорядитель, всѣмъ завѣдывавшій относительно администраціи на лекціи. 6-го марта студенты-распорядители подали заявленіе профессорамъ, что они болѣе за порядокъ отвѣтствовать не могутъ, вслѣдствіе чего профессоры отказались продолжать чтеніе лекцій, за исключеніемъ Н. И. Костомарова, желавшаго не смотря на это, продолжать начатыя лекціи; но шумъ, помѣшавшій продолжать эту лекцію въ его думской аудиторіи, засвидѣтельствовалъ, что безъ ручательства студента-распорядителя за порядокъ, трудно вести такой родъ публичныхъ лекцій. Лекціи тогда прекратились, къ боль-

шому огорченію князя Суворова и всѣхъ дѣйствительно желавшихъ успѣха молодежи.

Съ марта 1862 г. вообще положеніе дѣлъ много стало измѣняться къ худшему. Разыгравшійся ли польскій вопросъ, начавшіе ли создаваться собственные агитаторы, мутившіе общественное спокойствіе и разсылавшіе разнаго рода прокламаціи, но все въ совокупности дѣлало положеніе общественное весьма смутнымъ, для многихъ невыносимымъ. Въ эти тяжелые мѣсяцы, закончившіеся лѣтними сильными пожарами, и достойнъ особаго вниманія методъ дѣятельности кв. Суворова, какъ генералъ-губернатора, — методъ, основанный на принципѣ успокоенія. Сознывая конечно, что появляются враги общественнаго порядка и власти, и содѣйствуя всѣми зависѣвшими отъ него средствами, чтобы предать бунтарей въ руки правосудія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не соглашался на принятіе мѣръ, которыя, будучи недѣйствительными для захвата виновныхъ, могли бы стѣснять жизнь остальнаго населенія, ни въ чемъ неповиннаго. Много было дѣлаемо нареканій тогда на кв. Суворова за его слабость и снисходительность, но дальнѣйшая исторія послѣдующихъ грустныхъ годовъ, когда нельзя было усумниться въ энергіи распорядителей, проводившихъ самыя стѣснительныя, тяжкія мѣры для спокойнаго населенія, оказавшіяся совершенно бесполезными для достиженія цѣли, — ярко выступаетъ въ защиту гуманной, справедливой политики кв. Суворова.

Тяжелы воспоминанія о лѣтнихъ мѣсяцахъ 1862 года, когда страшныя пожарища въ городѣ, очевидно производимыя поджогами, лишили спокойствія населеніе. Чья преступная рука зажгла въ Духовъ день Апраксинъ дворъ, пустившая въ нищету тысячи небогатыхъ торговцевъ? чьи руки поджигали городъ въ разныхъ мѣстахъ, въ слѣдующіе за этимъ пожарищемъ дни и недѣли? Какія побужденія были къ такимъ подвигамъ? Какіхъ цѣлей думали достигнуть? Вотъ вопросы, которые всѣми ставились тогда, какъ ставятся и теперь потому что и до сихъ поръ причины этихъ пожаровъ остались не разслѣдованными. Какъ тогда, такъ и теперь, существуютъ предположенія, что дѣйствовала шайка корыстныхъ поджигателей, начавшихъ поджоги Апраксина двора съ корыстною цѣлію и что будто бы, воспользовавшись такими поджогами, и политическіе агитаторы начали дѣлать поджоги, для увеличенія общественнаго безпокойства и смуты. Но это только предположенія, а не доказанные факты. Тогда, какъ извѣстно, въ Петербургѣ была устроена особая коммисія для изслѣдованія поджоговъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора Жданова, посланнаго потомъ и для изслѣдованія поджоговъ въ городѣ Симбирскѣ, возвращаясь откуда Ждановъ и окончилъ жизнь. Для изобли-

чаемыхъ въ поджогахъ, назначено было тогда особое судопроизводство военного суда и для поджигателей объявлена смертная казнь и утверждение смертныхъ приговоровъ возложено было на генераль-губернатора. Дѣятельность кн. Суворова, которую мнѣ пришлось близко видѣть, исполнена была огмѣнной энергіи и вмѣстѣ съ тѣмъ достоинства. Онъ лично распоряжался въ установленіи полицейскаго наряда для соблюденія карауловъ и осторожности въ каждомъ домѣ, и это мало по малу и привело къ уничтоженію поджоговъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сохранялъ замѣчательную твердость, которою дѣйствовалъ и на другихъ, относительно огражденія крайней подозрительности и обуявшаго всѣхъ панического страха. Такъ какъ со всѣхъ сторонъ твердили, что это—политическіе поджоги, то Ждановской комиссії указывалось именно къ открытію этого приложить всѣ старанія и всѣ обширныя политическія средства. И князь Суворовъ нѣсколько дней находился подъ сильнымъ давленіемъ этой мысли, что это — политическіе поджоги. Вспоминаю не лишнюю интереса съ нимъ бесѣду. Однажды рано утромъ, часовъ въ восемь, я тянулся на извозикѣ по Каменноостровскому проспекту изъ Лѣснаго института, гдѣ жилъ на дачѣ, съ цѣлю поспѣть къ 9 часамъ въ городъ на экзамень. Вдругъ слышу сзади сильный крикъ: «стой, стой». Обращиваюсь и вижу жандармовъ, конвоирующихъ карету кн. Суворова, который, поспѣвая въ городъ, увидѣлъ меня и велѣлъ жандармамъ догнать и остановить. Пригласивъ меня пересѣсть къ нему въ карету, на что я согласился, заключивъ предварительно договоръ, чтобы онъ завезъ меня къ мѣсту, гдѣ мнѣ пушно отправлять экзамень и не заговоривъ (что было, какъ извѣстно, въ его обычаѣ) меня долѣе 9 часовъ, времени начало экзамена. Чрезвычайно озабоченный, даже взволнованный, князь Суворовъ мнѣ говорилъ: «вы знаете, какъ я люблю и всегда защищаю молодежь, но посмотрите на чтоже это похоже, вѣдь весь городъ въ пламени?» Я съ ужасомъ его спрашиваю, развѣ захваченъ кто-либо изъ нашей молодежи въ такомъ гнусномъ дѣлѣ?—«Да нѣтъ, какъ можно захватить, когда это политическій поджогъ, но всѣ говорятъ объ этомъ, и что, если это правда?»

Я ему отвѣчалъ: «знаете ли, ваша свѣтлость, мнѣ положительно извѣстно, потому что многіе говорятъ, что черезъ нѣсколько дней будетъ въ Петербургѣ наводненіе и что его сдѣлаютъ наши студенты».

— «Ну вотъ вы всегда шутите, и въ такомъ важномъ дѣлѣ, и критикуете нашего брата, а чтобы вы сдѣлали?»

Я сталъ ему доказывать, почему я люблюсь на его дѣятельность, какъ генераль-губернатора, что онъ предпринялъ все, что въ его власти, для того, чтобы укараулить и уличить поджигателя, и ули-

ченный такимъ образомъ долженъ подвергнуться самой строгой казни, установленной закономъ; но разводить подозрѣнія и клеймить именемъ тяжкихъ преступниковъ людей, вовсе неповинныхъ, не только несправедливо, но и въ политическомъ отношеніи опасно.

Между тѣмъ, какъ въ подобныхъ обстоятельствахъ легко, по подозрѣнію, обвинить невиннаго, доказываетъ любопытный весьма случай, поставившій вскорѣ затѣмъ кн. Суворова въ великое затрудненіе, изъ котораго онъ вышелъ однако побѣдителемъ, и самая побѣда эта можетъ занять въ его біографіи весьма блестящее мѣсто.

Во время этихъ пожаровъ, въ одно злосчастное утро, по деревянному мосту чрезъ рѣчку Таракановку (Нарвской части) проходитъ господинъ, прилично одѣтый; зажигаетъ на срединѣ моста спичку, чтобы закурить папиросу, папироса не закуривается, онъ бросаетъ спичку, и едва перешелъ мостъ, какъ мостъ загорается; его схватываетъ городовая, онъ даетъ ему пять или десять р., чтобы тотъ его отпустилъ, тотъ на это не согласился, и онъ попадаетъ въ военно-судную комиссію. Онъ оказывается коллежскимъ или надворнымъ совѣтникомъ К. Его допрашиваютъ. На вопросъ, для чего онъ попалъ на этотъ мостъ, и откуда шелъ, онъ отказывается отвѣчать. Утверждая при томъ, что не повиненъ въ поджогѣ моста, объясняетъ, что предлагалъ городовому деньги, чтобы не быть привлеченнымъ къ судебному разбирательству, на которомъ онъ ничего разъяснить не можетъ. Экспертиза относительно причины загорѣвшагося моста, тотчасъ потушеннаго, ничего яснаго не представила. Военный судъ прасудилъ его къ смертной казни, и приговоръ былъ представленъ кн. Суворову на утверженіе. Существенною уликою казалось суду заирательство подозрѣваемаго относительно объясненія, гдѣ онъ былъ и по какой причинѣ попалъ на мостъ. Казалось, что здѣсь и кроется весь узелъ опасной политической шайки, принявшей за поджоги. Какъ-то вечеромъ, довольно поздно, я получилъ приглашеніе отъ кн. Суворова навѣстить его, какъ оказалось, для совѣщанія по этому дѣлу. Я засталъ князя, обыкновенно спокойнаго, въ чрезвычайномъ волненіи: онъ не могъ сидѣть, все ходилъ, закидалъ меня цѣлою массою мотивовъ, по которымъ онъ ни за что не подпишетъ этого смертнаго приговора. Сказавъ, что уже онъ переслалъ этотъ приговоръ на предварительное заключеніе двухъ коронныхъ юристовъ, какъ онъ выразался, военнаго и морскаго генераль-аудиторовъ, гг. Философова и Глѣбова, онъ просилъ меня вдуматься въ рѣшеніе и откровенно высказать мнѣніе. Мои мысли совпали съ его воззрѣніями: мнѣ казалось, что преступленіе вовсе не доказано; что въ рукахъ правительства, путемъ наблюденія за подсудимымъ, есть

много средствъ удостовѣриться, принадлежитъ ли К* къ какому либо обществу заговорщиковъ и т. д., что подписать по такому рѣшенію смертный приговоръ—такой актъ, который никогда не дозволить примириться съ своею совѣстью. На другой день я узналъ, что мнѣніе г. Глѣбова совпадало съ воззрѣніями кн. Суворова, не подписавшаго приговора. Сколько нареканій, сколько насмѣшекъ пришлось по этому поводу выслушать кн. Суворову! А лѣтъ черезъ тринадцать послѣ того, кажется въ 1875 г., явился къ нему-же этотъ бывшій подсудимый, послѣ того за уничтоженіемъ пожарныхъ страховъ скоро и вовсе освобожденный, и добродушно разсказалъ причину своего упорнаго молчанія на судѣ тринадцать лѣтъ тому назадъ: «теперь уже умерла, говоритъ онъ, та дама, имени которой я не позволилъ себѣ компрометировать на судѣ, а во всемъ этомъ поджогѣ я былъ совершенно невиненъ». Долго не могъ говорить объ этомъ кн. Суворовъ безъ слезъ, замѣчая: «всѣ мои выходки и плохія способности должны мнѣ простить за это дѣло: я не загубилъ невиннаго человѣка!»

Не ограничиваясь мѣрами наблюденій и преслѣдованій относительно поджигателей, кн. Суворовъ позаботился тогда и объ оказаній дѣйствительной помощи потерпѣвшимъ отъ пожаровъ. Его ходатайству торговцы Апраксина двора были обязаны полученіемъ дозволенія открыть торгъ на Семеновскомъ плацу, а потомъ и постройкою новаго Александровскаго рынка, одна линія котораго (по Вознесенскому проспекту), въ увѣковѣченіе его памяти, получила наименованіе Суворовской. Не буду говорить здѣсь о всѣхъ хлопотахъ кн. Суворова по этому довольно трудному дѣлу, представлявшему много препятствій, равно какъ и о работахъ его по возвышенію одной части Галерной гавани, получившей названіе Суворовскаго квартала: объ этомъ, вѣроятно, скажутъ лица, точнѣ меня эти дѣла знающія, сносившіяся по достиженію этихъ важныхъ для города предпріятій съ самимъ Суворовымъ.

Не удивительно, что популярность князя Суворова росла съ каждымъ днемъ: тысячи нуждающихся и угнетаемыхъ находили у него защиту и покровительство. Небогатые и тѣсными болѣе другихъ въ состояніи цѣнить администратора, воспитавшаго въ себѣ уваженіе къ личности, и жившаго великимъ принципомъ любви къ человѣку.

Заключу мои воспоминанія грустнымъ моментомъ 1866 г. Когда совершилось страшное покушеніе 4-го апрѣля, поразившее ужасомъ цѣлую Россію, рѣшили весьма скоро преобразовать весь строй управленія исполнительной полиціи въ Петербургѣ, съ уничтоженіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ должности генераль-губернатора. Толки объ этомъ

ходили уже въ городъ черезъ нѣсколько дней послѣ грустнаго событія; не зналъ объ этомъ только князь А. А. Суворовъ.

Если не измѣняетъ мнѣ память, кн. Суворову объявилъ объ этомъ самъ государь, 15-го апрѣля 1866 г., въ пятницу, въ Царскомъ селѣ. Въ тотъ день, съ утреннимъ поѣздомъ мнѣ случилось ѣхать въ Царское вмѣстѣ съ княземъ Суворовымъ; онъ былъ, хотя грустенъ, но вполне спокоенъ, очевидно не подозрѣвая рѣшенія. Въ два часа я возвращался назадъ, возвращался и князь Суворовъ, блѣдный, неузнаваемый. Здѣсь повторилась сцена, живо напомнившая прежній эпизодъ его жизни, 22 декабря 1825 г.: блестящее общество, собравшееся къ поѣзду, прямо отъ него отворачивалось; онъ быстро прошелъ къ вагону (какъ генералъ-губернаторъ, онъ не бралъ никогда билета), но кондукторъ загородилъ ему входъ, потребовавъ билетъ; не выдержавъ хладнокровія князь Суворовъ: «и ты, анаема, туда же!» сказалъ онъ кондуктору, и обратившись къ рядомъ стоявшему офицеру, просилъ взять ему въ кассѣ билетъ.

Кому изъ любившихъ Россію и государя не отравило существованія покушеніе 4-го апрѣля 1866 г., какими грустными послѣдствіями не сопровождалось оно на всемъ ходѣ дальнѣйшаго политическаго развитія и примѣненія великихъ реформъ 1860-хъ годовъ,—но каково было пережить это время князю А. А. Суворову!

И. Е. Андреевскій.

ПАМЯТИ О. О. ЭВАЛЬДА.

† 3-го октября 1879 г.

В О П Р О С Ъ

О

НАЧАЛЬНЫХЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ

ВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМѢ.

10 марта 1882 г.

[Посвящается памяти Федора Федоровича Эвальда].

ВОПРОСЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУМѢ О НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

10-го марта 1882 г.

Память **Ф. Ф. Эвальда** [+ 3 октября 1879 г.], сочлена нашего по Училищной Комисіи при С.-Петербургской Городской ДумѢ, дорога всѣмъ, кто только интересуется вопросомъ о народномъ образованіи въ С.-Петербургѣ; его просвѣщенной энергіи и преданности этому дѣлу Петербургъ много обязанъ въ дѣлѣ учрежденія, упроченія и устройства нѣсколькихъ десятковъ — первыхъ по времени, городскихъ школъ, Думою на городскія средства учрежденныхъ.

Въ XI-й книгѣ „Русской Старины“ изд. 1880 г. по случаю годовщины кончины **Ф. Ф. Эвальда**—мы почтили память этого достойнаго общественнаго дѣятеля сообщеніемъ данныхъ какъ о его заслугахъ народному образованію, такъ—и о состояніи городскихъ школъ къ тому времени.

Памяти **Ф. Ф. Эвальда** посвящаемъ настоящій сборникъ данныхъ по тому же, при жизни его столь дорогому его сердцу, вопросу,—за истекшій в т о р о й годъ послѣ его кончины.

Р е д.

I.

НАЧАЛЬНЫЯ ГОРОДСКІЯ УЧИЛИЩА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

въ 1881 году.

А. Число училищъ:

Для мальчиковъ. . .	67
Для дѣвочекъ . . .	38

Училища эти распредѣляются по частямъ города слѣдующимъ образомъ:

	Муж.	Жен.
Адмиралтейская часть	2	— 1
Казанская	4	— 3
Спасская	6	— 2
Коломенская.	5	— 2
Нарвская	7	— 5
Московская	12	— 5
Алекса́ндро-Невская	8	— 5
Литейная.	4	— 2
Рождественская	6	— 3
Васильевская	4	— 3
Петербургская	4	— 4
Выборгская, (съ охтенскимъ участкомъ).	4	— 3

Общее число училищъ для дѣтей обоюго пола сто пять—105.

Въ томъ числѣ два училища, содержимыя на средства Гласнаго Думы—Франца Карловича Санъ-Галли.

Воскресныхъ школъ: 8, изъ нихъ мужскихъ 7 и женскихъ 1.

Б. Учащихся обоюго пола въ декабрѣ 1880 г. было въ 90 училищахъ 3,974, т. е. 44 среднимъ числомъ на каждое училище.

Въ декабрѣ 1881 г. учащихся было въ 105 училищахъ 4,866, т. е. среднимъ числомъ на каждое училище по 46.

Плата за обученіе два руб. въ годъ. Отъ этой платы освобождаются, по заявленіямъ о бѣдности, провѣреннымъ учащими и членами комиссій.

В. Учащіе въ начальныхъ городскихъ училищахъ:

Учителей 25, учительницъ 80.

Всѣ эти лица получили образованіе:

Въ высшихъ педагогическихъ курсахъ	37
Въ учительской земской школѣ и другихъ учительскихъ семинаріяхъ	60
Въ учительскомъ институтѣ	2
Въ мужскихъ гимназіяхъ.	2
Въ женскихъ гимназіяхъ	1
Въ институтахъ: педагогическомъ	1
” ” технологическомъ	1
Въ Духовной семинаріи	1
Запасныхъ учительницъ 3 съ аттестатомъ земской учительской школы.	

Кандидатовъ на вакансіи учащихъ 123, изъ нихъ мужчинъ 35, женщинъ 88. Всѣ они получили спеціальное педагогическое образованіе и имѣли практическую дѣятельность въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Г. Содержаніе начальныхъ городскихъ училищъ въ 1881 г.

Ассигновано по постановленіямъ Думы:

а) На содержаніе училищъ	192,590 р.
[На каждое училище: жалованье учителю 600 р., наемъ квартиры 600 р., отопленіе 120 р., прислуга 120 р., учебныя принадлежности и библіотека 100 р., ремонтъ мебели 100 р., мелкіе расходы (полотерь, дворникъ и пр.)—50 р].	
б) Жалованье двумъ экспертамъ при Училищной Коммисіи.	4,000 р.
в) Канцелярія Коммисіи, типографскіе расходы и пр.	5,944 р.
г) Жалованье двумъ запаснымъ учительницамъ	1,000 р.
д) Содержаніе и устройство библіотеки при Училищной Коммисіи	1,200 р.
е) Санитарный надзоръ и врачебная помощь въ училищахъ	3,500 р.
ж) Экстраординарныя нужды училищъ	5,000 р.
	213,234 р.

Д. Личный составъ Училищной Городской Коммисіи:

Ө. П. Базилевскій, Н. А. Варгунинъ, В. И. Иваньковъ, И. С. Китнеръ, А. А. Краевскій [предсѣдатель], Н. В. Лашкинъ, Г. В. Лермонтовъ, В. П. Лихачевъ, М. П. Митковъ, А. Н. Неустроевъ, П. А. Потѣхинъ, В. А. Ратьковъ-Рожновъ, М. И. Семевскій, гр. Н. Е. Сиверсъ и гр. П. Ю. Сюзоръ.

Эксперты по учебной части: А. Я. Гердъ и І. Н. Паульсонъ.

Дѣлопроизводитель, М. А. Берманъ.

Окончившихъ курсъ въ 1880—1881 учебномъ году:

262 мальчика и 84 дѣвочки, всего 346.

II.

10-го марта 1882 г. въ С.-Петербургской Городской Думѣ разсматривался докладъ Училищной Коммисіи, испрашивавшей разрѣшеніе Думы на ассигнованіе кредита на учрежденіе двадцати новыхъ начальныхъ городскихъ училищъ.

Докладъ этотъ вызвалъ продолжительныя пренія.

Гласный М. Н. Михельсонъ сказалъ: «Если я скажу нѣсколько словъ, то, конечно, не съ тѣмъ, чтобы возражать противъ открытія школъ; я полагаю нѣтъ ни одного среди насъ, который бы не желалъ постепеннаго открытія городскихъ школъ, чтобы всѣ желающіе учиться могли найти школу; я только имѣю возразить противъ нѣкоторыхъ данныхъ, которыя теперь сообщены. Финансовая коммисія имѣла въ виду открыть не 20, а только 6 школъ и тогда же сказала, что послѣ, когда статистическія данныя будутъ извѣстны и окажется нужнымъ еще открыть школы, то коммисія не встрѣтитъ къ этому препятствія. Между тѣмъ, послѣ этого получается заявленіе Училищной коммисіи о томъ, чтобы еще открыть 20 школъ. Мотивами къ этому приводятся статистическія свѣдѣнія, изъ которыхъ, хотя и не совсѣмъ опредѣленно, видно, что 17 т. дѣтей отъ 7 до 16 лѣтнаго возраста нигдѣ не обучаются; но, по моему, эта цифра еще не означаетъ, чтобы 17 т. дѣтей нуждались въ школахъ, потому что у насъ школьный возрастъ считается отъ 7 до 11, а не до 16 лѣтъ. Затѣмъ, въ числѣ этихъ дѣтей есть, конечно, не мало такихъ, которыя желаютъ получить образованіе не въ нашихъ, а въ другихъ школахъ; такъ что контингентъ дѣтей, которыя, можетъ быть, желаютъ получить образованіе въ нашихъ школахъ, далеко не 17 т. Если уже основываться на чемъ въ этомъ отношеніи, то скорѣе на числѣ отказовъ въ приѣмѣ дѣтей въ городскія училища за неимѣніемъ въ оныхъ мѣстъ. Если многимъ отказываютъ, ясно, что многія желаютъ учиться, но негдѣ. Но я обращаю вниманіе Думы на то, на сколько число отказовъ можетъ служить поводомъ къ открытію новыхъ училищъ. Число отказовъ очень пугаетъ публику. Такъ, о большихъ, напримѣръ, говорятъ: столько-то получили отказовъ; но это не значить, чтобы дѣйствительно было столько отказовъ, потому что если больнаго привезутъ въ одну больницу, — его не принимаютъ; дѣлаютъ помѣтку объ отказѣ, затѣмъ этого же больнаго везутъ въ другую больницу; тамъ тоже получается отказъ; дѣляется отпѣтка, больнаго везутъ въ 3-ю, 4-ю больницу и т. д., такимъ образомъ одинъ больной представляетъ собою три, четыре отказа. Въ школъ слу-

чается это еще болѣе, потому что у насъ школъ не 10, а болѣе 100. Представьте то же самое: ученикъ является въ нѣсколько школъ и получаетъ отказъ, между тѣмъ этихъ учениковъ въ каждой школѣ записываютъ, слѣдовательно, одинъ ученикъ изображаетъ собою до 10 и 12 отказовъ. Такимъ образомъ, если намъ заявляютъ, что было 1200 отказовъ, то это значитъ, что отказовъ въ дѣйствительности было можетъ быть 100, 200, 300, положимъ 400, наконецъ 500, а никакъ не 1200. Теперь если положимъ на каждую школу 50 учениковъ, то, имѣя въ виду 500 отказовъ, намъ придется всего только 10 новыхъ школъ открыть; слѣдовательно, намъ нѣтъ никакой надобности разомъ открывать 20 школъ. Это было бы хорошо, если бы у насъ было обязательное обученіе, тогда конечно надо, чтобы было, школъ столько, чтобы онѣ могли принять всѣхъ желающихъ учиться; но такъ какъ у насъ нѣтъ подобнаго обязательнаго обученія, то мы должны устраивать школъ столько, насколько приблизительно можемъ рассчитывать, что онѣ будутъ заняты. Въ виду этого, я полагаю, на первый разъ, что нисколько не повредить дѣлу учебному ограничиться числомъ 10 школъ; на слѣдующій годъ можно сдѣлать то же самое. Затѣмъ, если намъ приводятъ то, что въ нынѣшнемъ году у насъ имѣется до 300 т. лишняго дохода, то вѣдь это фиктивная сумма. Но допустимъ, что эта цифра вѣрная, то имѣйте въ виду, что если разъ школу открыли, то ее уже нельзя въ слѣдующемъ году закрыть, а между тѣмъ можетъ случиться, что этихъ излишнихъ суммъ дохода у насъ не будетъ и тогда мы будемъ крайне стѣснены. Мы должны дѣйствовать съ осторожностью, тѣмъ болѣе, что у насъ есть много школъ, которыя не имѣютъ надлежащаго числа учениковъ. Такимъ образомъ 10 новыхъ школъ будетъ вполне достаточно для успѣшнаго веденія школьнаго дѣла; затѣмъ уже въ будущемъ году Училищная коммисія опять представитъ объ открытіи новыхъ школъ, зная, что ко всякому ея представленію въ этомъ родѣ гласные отнесутся весьма сочувственно».

Гласный М. Ив. Семевскій сказалъ: «Въ виду важности разсматриваемаго нынѣ вопроса объ увеличеніи числа начальныхъ училищъ въ Спб., я попрошу у гг. гласныхъ вниманія на нѣсколько минутъ. Въ дѣлѣ, каково настоящее, требующее заботъ, трудовъ и сопряженнаго съ издержками, необходимо полное уясненіе и установленіе цѣли, къ которой должно стремиться общественное управленіе Петербурга при учрежденіи и развитіи школъ для народнаго образованія.

Цѣль эта — предоставить возможность всему дѣтскому

населенію столицы, школьнаго возраста (отъ 7 до 13 лѣтъ), нынѣ не посѣщающему школы, явиться подъ сѣнь начальныхъ училищъ, когда явится законъ правительства объ обязательномъ обученіи.

Цѣль эта, достигаемая постепенно, въ разныхъ городахъ и государствахъ Европы и, между прочимъ, въ Англіи, гдѣ по округамъ уже введенъ законъ обязательнаго обученія,—указана и у насъ правительствомъ, хотя пока только какъ предположеніе; она была указана въ октябрѣ 1875 года, когда вопросъ объ обязательномъ обученіи былъ переданъ министерствомъ народнаго просвѣщенія на заключеніе Петербургской Городской Думы. Многие изъ гласныхъ Думы, конечно, помнятъ, что вслѣдствіе этого предложенія въ 1876 году была учреждена особая коммисія, которая обязана была посредствомъ статистическихъ изысканій выяснить количество дѣтскаго населенія въ Петербургѣ, состоящаго въ школьномъ возрастѣ, отъ 7 до 13 лѣтъ, и не посѣщающаго училища. Былъ ассигнованъ даже кредитъ, на напечатаніе потребнаго количества бланковъ для этой работы, но вскорѣ начавшіеся выборы новаго состава Думы въ 1877 году, а затѣмъ передача Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія начальныхъ школъ (16) въ ближайшее завѣдываніе общественнаго управленія столицы и послѣдовавшая затѣмъ энергическая дѣятельность учрежденной Думою училищной коммисіи по устройству, упроченію и весьма значительному увеличенію числа школъ, отложило это дѣло на нѣкоторое время. Теперь, благодаря четырехъ лѣтней заботливости Думы о развитіи начальнаго образованія въ Петербургѣ, мы имѣемъ 105 школъ, считая въ томъ числѣ и двѣ школы, учрежденныя однимъ изъ почтенныхъ нашихъ гласныхъ на свое иждивеніе; благодаря Думѣ и притекшему на помощь ей правительству, мы имѣемъ громадный статистическій матеріалъ, собранный при производствѣ однодневной переписи населенія столицы. Матеріалъ этотъ еще не разработанъ и разработка его потребуетъ не менѣе года времени; но уже теперь выясняется, по приблизительной выборкѣ данныхъ, относящихся до нѣсколькихъ частей города, что дѣтей школьнаго возраста въ Петербургѣ, считая отъ 7 до 16 лѣтъ, не посѣщающихъ училища, не менѣе 17,000 и изъ нихъ уже конечно нѣсколько тысячъ дѣтей возраста отъ 7 до 13 лѣтъ, и это тѣмъ болѣе вѣрно, что въ одномъ первомъ участкѣ С.-Петербургской части, какъ видно изъ ходатайства предъ Думою домовладѣльцевъ того участка (отъ 11-го февраля 1882 г.) объ открытіи у нихъ училищъ, находится 603 мальчика и 388 дѣвочекъ, вовсе не посѣщающихъ школы.

Въ виду этого представляется весьма важный вопросъ: продолжать ли намъ идти по тому же пути возможно быстрого увеличенія числа школъ, по которому шли наши предѣстники, гласные прежняго состава Думы, открывшіе въ теченіи четырехъ лѣтъ, въ среднемъ выводѣ, по 26 училищъ въ годъ; и на каковомъ пути мы, какъ это дѣлается очевиднымъ, все болѣе и болѣе вызываемъ сочувствіе населенія Петербурга?

Мой отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ для cadaго изъ здѣсь присутствующихъ.

Общественное управленіе столицы должно идти неуклонно по этому пути и своею энергическою на немъ дѣятельностью, т. е. возможно быстрымъ увеличеніемъ числа училищъ, вполне соотвѣтственно числу нуждающагося въ немъ дѣтскаго населенія столицы, ускорить появленіе со стороны правительства столь давно желаннаго и благаго закона о введеніи обязательнаго обученія въ Петербургѣ.

На этомъ пути не можетъ и не должно быть остановки; не можетъ и не должно быть перерыва.

И, между прочимъ, вотъ почему. Каждая отсрочка или даже вялое отношеніе къ школамъ, выражаемое въ учрежденіи въ теченіи года немногихъ училищъ, когда настаетъ крайняя надобность въ открытіи десятковъ ихъ, лишаетъ низшіе, бѣднѣйшіе классы петербургскихъ жителей, не только грамотности, лишеніе само по себѣ уже крайне тяжкое, но и самыхъ ближайшихъ вашихъ, гг. гласные, заботъ о нравственномъ воспитаніи дѣтей, даже лишаетъ заботъ о сохраненіи здоровья дѣтей наибѣднѣйшихъ классовъ населенія.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое училища, Петербургской Думою учрежденныя и ею содержимыя?

Это не только вполне хорошія школы грамотности, благодаря нынѣшнему отличному составу учителей и учительницъ, души свои полагающихъ въ дѣло; это не только, повторяю, школы начальнаго обученія, но и то, могу сказать, священное мѣсто, въ которомъ ребенокъ, взятый нерѣдко изъ логовищъ и трущобъ Петербурга, встрѣчаетъ заботы по развитію его нравственной природы; здѣсь же онъ встрѣчаетъ и самую предупредительную заботу о его здоровьи. Здѣсь, подлѣ учителя или учительницы стоитъ женщина-врачъ, Думою приглашенная; здѣсь является возможность предотвратить заражающуюся въ ребенкѣ болѣзнь, безвозмездно получить средства и лекарства для уврачеванія. Подлѣ Училищной Коммисіи, Думою учрежденной, бокъ-о-бокъ стоитъ Общество для пособія бѣднымъ учащимся въ начальныхъ школахъ города Петербурга. Поэтому мате-

рѣальная, вопіющая нужда ребенка устраняется своевременно оказаннымъ ему пособіемъ. Вотъ каково положеніе дѣтей, имѣющихъ счастье быть принятыми въ школы, заботливостью и вниманіемъ С.-Петербургской Думы учрежденныхъ и учреждаемыхъ.

И неужели, въ виду столь святаго дѣла, ео исполняемаго, возможна пріостановка, перерывъ, или хотя бы только крайне медленный ходъ въ дѣлѣ увеличенія числа народныхъ въ Петербургѣ училищъ?

Пріостановка не возможна; да и сама Дума оградила себя отъ таковой пріостановки, единогласно утвердивъ въ 1879 году предложеніе тогдашней финансовой комисіи, о ежегодномъ внесеніи въ смѣту, на открытіе новыхъ училищъ особаго кредита и Думою тогда же, въ 1879 году, при утвержденіи бюджета даны средства на четыре новыя школы; въ 1880 году въ бюджетъ Петербурга внесены и Думою утверждены 8 училищъ; въ 1881 внесено и утверждено въ бюджетъ Петербурга кредитъ на 12 новыхъ школъ и ни одинъ голосъ въ прошломъ году, ни въ составѣ бюджетной комисіи, ни въ составѣ Думы, не поднялся противъ этихъ цифръ: при этомъ, независимо отъ упоминаемаго мною числа увеличенія школъ при утвержденіи смѣты, Дума въ теченіе каждаго изъ протекшихъ четырехъ годовъ учреждала еще по нѣсколько школъ, такъ что всего, въ среднемъ выводѣ, открыто ею до 26 училищъ въ годъ.

Въ разсматриваемую смѣту на 1882-й годъ, городская управа внесла только двѣ школы и лишь въ виду производимой тогда (въ декабрѣ 1881 г.) переписи населенія, когда ожидалось выясненіе цифры дѣтскаго населенія столицы, непосѣщающаго школы, число предположенныхъ управою двухъ школъ оставлено бюджетною комиссіею безъ измѣненія. Но вотъ предъ нами и наименьшее число—17,000 (отъ 13 до 16 л.), какое представляется, по выводу статистическаго при Думѣ отдѣла, число дѣтскаго населенія, пребывающаго въ Петербургѣ въ безграмотности; возраста же отъ 7 до 13 лѣтъ является въ этой суммѣ нѣсколько тысячъ. Отсюда неоспоримо то положеніе, что мы, покрайней мѣрѣ, не должны идти типе по тому пути въ открытіи школъ, по которому шла Дума прежняго состава ¹⁾.

¹⁾ Одинъ изъ Гласныхъ Думы и постоянный съ 1878 г. сочленъ нашъ по бюджетной Комисіи—Н. В. Латкинъ, горячо поддерживая мысль о необходимости возможно быстро увеличенія числа училищъ въ С.-Петербургѣ, для достиженія соответствія въ ихъ числѣ съ количествомъ дѣтей въ столицѣ, не посѣщающихъ школы—доказываетъ, на основаніи статистическихъ данныхъ, что къ 105 школамъ, Думою содержимымъ нынѣ, надо будетъ прибавить только 125 новыхъ училищъ и тогда вполне можетъ явиться законъ объ обязательномъ обученіи. (См. „Голосъ“ 1882 г. 24-го февраля № 50).

Намъ предлагаетъ училищная комиссія открыть нынѣ 20 новыхъ училищъ и эту цифру я вполне поддерживаю.

Если кто замѣтитъ, что въ нынѣшнихъ 105 школахъ не во всѣхъ есть полные комплекты учащихся, то я долгомъ считаю заявить, что такой не большой недочетъ встрѣчается лишь въ школахъ не многихъ, и только недавно открытыхъ. А до какой степени быстро увеличивается приливъ учащихся и въ эти школы, свидѣтельствомъ тому служатъ многіе примѣры. Въ одной изъ школъ на Офицерской улицѣ, вѣреннаго мнѣ отдѣла, въ 1879 году, при ея открытіи, было всего 13 дѣтей; въ 1880 году ихъ оказалось 32, а уже съ 1881 г.—дѣтей насчитывается въ этой школѣ болѣе 50, именно 52; затѣмъ начинаются отказы и отказы въ приемѣ, доходящіе къ 1 ноября текущаго учебнаго года (1881—1882 гг.) въ городскихъ школахъ, какъ видно изъ доклада, всего до 1200 дѣтей.

Въ среднемъ выводѣ въ настоящій моментъ, при включеніи въ общій выводъ и школъ недавно открытыхъ, учится въ училищахъ по 46 дѣтей ¹⁾. Кто сколько нибудь знаетъ тяжкій трудъ, какой предстоитъ учителю, съ самымъ разнообразнымъ составомъ начальной школы, когда предъ нимъ находятся дѣти отъ 7 до 13 лѣтъ, всѣхъ степеней развитія, отъ полной безграмотности до неумѣнья почти говорить, тотъ согласится съ нами, что болѣею цифрой дѣтей въ училищахъ, безъ вреда для школьнаго дѣла, и желать невозможно.

Могутъ сказать намъ здѣсь, что развитіе школьнаго дѣла со стороны Думы парализируетъ частный починъ въ этомъ дѣлѣ. Но общественному управленію смотрѣть на это не зачѣмъ и не для чего; оно должно исполнять свою обязанность: оно даетъ почти даровое образованіе, взимая лишь, и то съ достаточныхъ, по 2 р. въ годъ за ребенка. При такой полной почти бесплатности даваемого въ городскихъ школахъ образованія, уже конечно, никакой частный починъ состязаться съ дѣятельностью общественнаго управленія не можетъ.

Гораздо важнѣе тѣ указанія, которыя дѣлаютъ нѣкоторые изъ нашихъ гласныхъ, что издержки школьнаго дѣла тяжело ложатся на нашъ бюджетъ; что расходъ на училища долженъ идти въ равновѣсіи съ удовлетвореніемъ прочихъ потребностей города. Но на это можно отвѣтить, что издержки на общественное образованіе, городомъ Петербургомъ предоставляемыя, почти только начались съ 1877 года и даже

¹⁾ Въ декабрѣ 1880 г. въ 98 училищахъ, Думою содержимыхъ, было—3974 учащихся, т. е. 44 среднимъ числомъ на школу; а въ декабрѣ 1881, въ 105 училищахъ—4866 учащихся, т. е. уже по 46 учащихся на каждую школу.

въ настоящее время не достигаютъ и двадцать пятой части общей суммы бюджета С.-Петербурга; что невольное равнодушіе городского общественнаго управленія до 1877 г. къ святому дѣлу введенія и упроченію въ столицѣ начальнаго образованія, продолжавшееся многіе десятилетия, должно быть сколько нибудь возмѣщено теперь болѣе усиленною дѣятельностію и пожертвованіемъ. Что средства наши и теперь не только не хуже предыдущихъ годовъ, но замѣтно улучшаются по мѣрѣ болѣе внимательнаго отношенія къ источникамъ городскихъ доходовъ, при болѣе заботливомъ уясненіи нашихъ правъ и обязанностей по отношенію къ охраненію городского имущества, зачастую доселѣ оставшагося или въ неизвѣстности, или въ пользованіи лицъ и учрежденій, правъ на него не имѣющихъ, это очевидно для каждаго изъ здѣсь присутствующихъ. Наконецъ, никто не можетъ здѣсь сказать, что въ ходатайствѣ объ учрежденіи въ 1882-мъ году 20 школъ, содержаніе которыхъ въ теченіи послѣднихъ пяти мѣсяцевъ смѣтнаго года, съ августа по декабрь, не потребууетъ болѣе 10,000 тысячъ руб., кромѣ единовременнаго расхода (10,000 руб.) на ихъ устройство, испрашивались бы какія либо суммы, непосильныя съ нашими средствами.

Въ заключеніе скажу, что чѣмъ усерднѣе мы будемъ открывать и упрочивать школы народнаго образованія, тѣмъ болѣе сохранимъ мы средствъ на борьбу съ нищенствомъ и порокомъ, т. е. на поддержку тюремъ и разныхъ исправительныхъ заведеній; тѣмъ болѣе оправдаемъ мы надежды и довѣріе правительства, предоставившаго общественнымъ управленіямъ городскимъ и земскимъ, заботы о святомъ дѣлѣ начальнаго образованія».

А. А. Краевскій: «Я хотѣлъ возразить гласному Михельсону относительно фиктивности отказовъ, — они вовсе не фиктивны: если къ 1-му ноября 1882 г. отказовъ было 1200, то они были дѣйствительно потому, что школы были переполнены. Обыкновенно здравая логика требуетъ, чтобы въ училищѣ съ однимъ учителемъ было не болѣе 40 учащихся. Это число принято и въ Германіи; а между тѣмъ у насъ въ декабрѣ 1881 г. средняя цифра учащихся была 46. Такимъ образомъ, замѣчаніе о томъ, что отказы были фиктивные въ томъ отношеніи, будто одному и тому же ученику, желающему попасть въ школу, были дѣланы отказы въ одной, другой, третьей школѣ и что такимъ образомъ одно лицо двоилось, троилось и даже учетверилось — совершенная неправда».

Гласный М. И. Михельсонъ съ чрезвычайною горячностью заявилъ, что опроверженіе гласнаго Краевскаго голословно, а все, что

сказалъ гласный Семевскій, давно ему, Михельсону, извѣстно и онъ, Михельсонъ, «никогда не позволитъ себѣ говорить противъ школъ, противъ образованія, но также не будетъ говорить, что открытіемъ школъ мы будемъ противоdѣйствовать наполненію тюремъ».

Ц. А. Кавось: Но вѣдь это правда!»

Гласный М. И. Михельсонъ: «А я говорю, что это не ново; затѣмъ намъ ставятъ вопросъ: угодно-ли Думѣ, въ новомъ своемъ составѣ, идти тѣмъ же путемъ, которымъ шли прежніе гласные; т. е. такъ какъ прежняя Дума, въ теченіи 5 лѣтъ, открыла 100 училищъ, т. е. по 20 въ годъ, то угодно-ли тѣмъ же порядкомъ открывать школы и новой Думѣ? на это я скажу, что если черезъ 10—20 лѣтъ гласнымъ скажутъ, угодно ли продолжать также dѣйствовать, какъ dѣйствовали предшественники, открывая въ годъ по 20 школъ, то они, конечно, отвѣтятъ: «нѣтъ, не угодно; потому что на все есть свое время, что въ этомъ уже нѣтъ такой надобности, что мы съ каждымъ днемъ будемъ открывать все меньше и меньше школъ. Я полагаю, мы отлично будемъ dѣйствовать, если будемъ не по 20, а только по 10 школъ открывать и такимъ образомъ мы пойдемъ впередъ, нисколько не разоряя нашей городской казны, которая требуетъ, чтобы средства употреблялись равномерно на удовлетвореніе разныхъ городскихъ нуждъ, а не на одну какую-нибудь отрасль?»

Гласный Ф. К. Санъ-Гали: «Совершенно вѣрно сказалъ М. И. Семевскій, что образованіе противоdѣйствуетъ нищенству и преступленіямъ. Совершенно правильно сказалъ М. И. Михельсонъ, что это старая истина, но вотъ потому-то, что эту истину долженъ каждый знать, мы и должны открывать побольше и побольше школъ. Вѣдь если мы и откроемъ излишнее число школъ, то лучше ошибиться въ ту сторону, чтобы открыть больше, а не меньше; въ этомъ дѣлѣ какая-нибудь тысяча другой рублей для города почти ничего не значать; между тѣмъ для насъ имѣетъ большое значеніе, если множество дѣтей безграмотныхъ бѣгаютъ безъ дѣла и потомъ попадаютъ въ тюрьмы, какъ сказалъ М. И. Семевскій. Когда я путешествовалъ по Америкѣ, то видѣлъ, что тамъ желѣзныя дороги, газъ, школы имѣются вездѣ; а у насъ даже школъ не хватаетъ. И кто же не желаетъ учредить въ достаточномъ числѣ эти школы! Тотъ, кто постоянно говоритъ, что онъ опытный въ дѣлѣ народнаго образованія человѣкъ. Дѣйствительно, г. Михельсонъ былъ инспекторомъ народнаго просвѣщенія при попечителѣ С.-Петербургскаго учебнаго округа, и онъ долженъ знать, что въ то время, когда онъ служилъ въ этомъ

званіи и учебный округъ завѣдывалъ школами—Петербургъ имѣлъ только 16 школъ; между тѣмъ Дума, принявъ въ свое вѣдѣніе начальное образованіе, въ короткое время, эти 16 школъ превратила въ 100, которыя всѣ и переполнены! У насъ, среднимъ числомъ, приходится на школу 46 учениковъ; между тѣмъ по комплекту должно быть только 40 въ каждой школѣ. Г. Михельсонъ говоритъ, что число отказовъ считать нечего, потому что одному и тому же ученику приходилось получать отказы въ нѣсколькихъ школахъ; но я долженъ сказать, что у насъ есть мѣстности, въ которыхъ школъ вовсе нѣтъ и въ которыхъ ученикамъ, поэтому, не зачѣмъ было справляться будутъ ли приняты они въ училище или нѣтъ; а если бы въ этихъ мѣстностяхъ были школы, то можетъ быть число отказовъ дошло бы до 4-хъ тысячъ. Когда я открылъ 2 школы въ моей мѣстности, гдѣ до того времени не было ни одной школы, то черезъ какую-нибудь недѣлю обѣ школы были наполнены и приходилось дѣлать отказы; поэтому намъ скупиться на учрежденіе новыхъ училищъ нечего. Дума всегда относилась къ этому дѣлу сочувственно и это дѣло есть такое наше дѣтище, которымъ мы должны дорожить и развивать его все болѣе и болѣе для противодѣйствія всякому злу, которое въ городѣ у насъ существуетъ; поэтому надо всецѣло утвердить предложеніе училищной комисіи».

Гласный Н. В. Латкинъ сказалъ: «Гг. гласные! Чтобы вы сказали, если бы слышали, что у насъ существуетъ въ Россіи городъ съ 25,000 жителей, въ которомъ нѣтъ ни одной начальной школы? чтобы вы сказали, слышавъ, что существуетъ городъ съ 40,000 жителей, въ которомъ также не существуетъ ни одного начального училища? Вы удивились бы такой неслыханной вещи! У насъ же, здѣсь въ столицѣ, можно сказать въ центрѣ ея, такіе города существуютъ. Въ 3-мъ участкѣ Литейной части, на 25,000 жителей нѣтъ ни одного городского начального училища, а въ четвертомъ полицейскомъ участкѣ также Литейной части, гдѣ хотя на 20,000 жителей и существуетъ одна начальная школа, но находясь на границѣ съ Рождественской частью, на 4-й участокъ Литейной части никакого существеннаго вліянія не имѣетъ. Вся западная и средняя часть этого участка лишена школъ. Тоже и на Петербургской сторонѣ, гдѣ на 70,000 жителей всего четыре начальныя школы. Между тѣмъ, въ 3-мъ полицейскомъ участкѣ неграмотныхъ дѣтей школьнаго возраста около 400; въ 4-мъ участкѣ почти столько же; а во всей Литейной части до 1,600 дѣтей обоого пола. Здѣсь говорятъ, что частныя начальныя школы могутъ доставлять дѣтямъ обученіе; но обученіе это не для тѣхъ дѣтей, ко-

торня ходять въ наши школы. Тамъ за обученіе грамотѣ взимають отъ 2 р. 50 к. до 3 р. въ мѣсяцъ, а наши дѣти съ трудомъ уплачивають и тѣ жалкіе два рубля за годъ, которые взимають въ нашихъ школахъ; даже тѣ, которые и платяють эти деньги, не въ состояніи иногда купить книгъ и тетрадокъ. Въ частныя школы дѣти бѣдныхъ и недостаточныхъ родителей не пойдуть. Говорять, что отказовъ у насъ въ школахъ не столько, сколько сказано въ докладѣ училищной комисіи; я могу удостовѣрить, что въ моемъ Литейномъ попечительствѣ было до 400 отказовъ; было бы и болѣе, если бы не сказано было: болѣе не приводить дѣтей въ школы. Можно сказать до зарѣзу надобно въ Литейной части въ будущемъ году четыре новыя школы; вѣроятно столько же надо и на Петербургской сторонѣ, и стоить ли говорить о 20 училищахъ, когда намъ надо имѣть нынѣ же, по настоящему, 125 начальныхъ школъ! У насъ въ городѣ такая масса дѣтей школьнаго возраста неграмотныхъ и необучающихся, о чемъ, вѣроятно, многіе изъ васъ прочли въ «Голосѣ» въ моей статьѣ и что 125 школъ есть только еще очень скромная цифра,—почему я настаиваю передъ Думой утвердить докладъ комисіи и дать ей просимыя ею деньги на 20 новыхъ начальныхъ училищъ, тѣмъ болѣе, что и финансовая комисіа, которой я членомъ, вовсе не потому отказала въ учрежденіи 6 начальныхъ школъ, что не желала дать на нихъ денегъ, а потому лишь только, что дожидалась результата народной переписи, чтобы сказать болѣе вѣрную цифру, а по переписи оказалось, что намъ надо не 20, а сто двадцать пять школъ».

Гласный П. В. Жуковскій: «Если бы можно было удовлетворить всѣ 17 т. дѣтей и помѣстить ихъ въ школы разомъ, конечно, я первый скавалъ-бы: сдѣлаемте, у насъ есть на это средства, это есть нашъ долгъ удовлетворить этой потребности; но, мнѣ кажется, въ такомъ дѣлѣ, какъ дѣло народнаго образованія, какъ и во всякомъ другомъ, лежащемъ на обязанности городского управленія, требуется извѣстная постепенность: дѣло, которое было въ застоѣ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, нельзя устроить разомъ. Едва ли возможно, такъ сказать, по мановенію волшебнаго жезла, сдѣлать, чтобы весь городъ разомъ покрылся сѣтью училищъ и чтобы эта часть процвѣла. Мнѣ кажется, кто идетъ не такъ поспѣшно, но вѣрно, тотъ скорѣе достигнетъ цѣли. Мнѣ могутъ возразить, что только 25-я часть нашего бюджета употребляется на народное образованіе, тогда какъ другіе европейскіе города употребляютъ на это гораздо болѣе; но за то они гораздо богаче насъ. Мнѣ кажется, соотносить удовлетвореніе потребности съ своими финансовыми средствами есть первая

обязанность города. Имѣйте въ виду, что независимо отъ первоначальнаго образованія, у насъ разрабатывается вопросъ объ учрежденіи новаго типа среднихъ учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ, если вы 20 школь разрѣшите, въ такомъ случаѣ остановитесь же на одной этой мысли и совершенно откажитесь отъ учрежденія среднихъ учебныхъ заведеній. Между тѣмъ я могу точно также доказать необходимость и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и высшихъ техническихъ, слѣдовательно. гдѣ же предѣлъ? Говорять, всего нужно 125 школь. Н. В. Латкинъ говоритъ, что Литейная часть особенно нуждается въ школахъ; это вѣрно, но мнѣ кажется распространеніе дароваго образованія охлаждаетъ до нѣкоторой степени инициативу частныхъ лицъ. Ф. К. Санъ-Гали говоритъ, что во время путешествія по Америкѣ онъ видѣлъ массу школь, что каждая мѣстность имѣетъ свои школы, свои госпитали, желѣзныя дороги и проч., это правда. Вы и въ Англии видите массу школь, но тамъ вы видите починъ не городского управленія, а частныхъ лицъ; тамъ правительство и муниципалитетъ приходятъ лишь на помощь частнымъ лицамъ въ этомъ дѣлѣ, мы же хотимъ вынести всю тяжесть на своихъ плечахъ».

Гласный В. И. Лихачевъ: «Мнѣ кажется ясно, что для города съ населеніемъ 800 т. даже 125 школь, предполагаемыхъ къ открытію, въ будущемъ мало, объ этомъ и спорить нечего. Говорять, что школы составляютъ одну изъ потребностей городского населенія, которыя должны быть удовлетворяемы всѣ одинаково. Я согласенъ, и въ Думѣ была вѣрно выражена мысль, что первый признакъ общины, которая организуется человѣческимъ образомъ, есть церковь, школа и больница. Церковь въ нашихъ рукахъ не находится; больницы до сихъ поръ къ намъ не поступили; при томъ есть огромная разница между больничнымъ и школьнымъ дѣломъ. Городская школа до настоящаго времени есть единственное дѣло, порученное городскому управленію, и притомъ школа начальная. Не среднія учебныя заведенія должны содержать городъ и земство, а начальныя школы въ потребномъ количествѣ. Было бы странно говорить, что мы исполнили свою обязанность, заведя столько-то школь, когда кругомъ видимъ массу безграмотнаго люда. Обязанность города прежде всего дать обывателямъ возможность быть христіаниномъ и гражданиномъ, а для этого надо умѣть читать, а чтобы выучиться читать—нужны школы. С.-Петербургская городская дума принялась за это дѣло (съ 1877 г.) горячо, ни разу не отказывала въ назначеніи средствъ для распространенія школь, и я глубоко убѣжденъ, что и сегодня состоится такой же приговоръ по вопросу, въ настоящемъ засѣданіи окончательно исчерпанному».

Предсѣдатель собранія, городской голова И. И. Глазуновъ предложилъ собранію вопросъ: угодно ли согласиться съ докладомъ управы и училищной комиссіи объ открытіи въ нынѣшнемъ же 1882 году, въ дополненіе къ существующимъ уже ста пяти городскимъ училищамъ и независимо отъ двухъ таковыхъ же школъ, предложенныхъ недавно Думою къ открытію ¹⁾, учредить еще двадцать новыхъ училищъ и ассигновать на это потребную сумму?

С.-Петербургская дума единогласно отвѣчала утвердительно.

III.

Въ виду того глубокаго сочувствія, съ которымъ С.-Петербургская Городская Дума и въ новомъ своемъ составѣ, обновившемся въ 1881 году, какъ видно изъ предыдущаго изложенія бывшихъ въ ней преній и ея рѣшенія, относится къ дѣлу народнаго образованія, является возможнымъ, въ близкомъ будущемъ, внести въ нее слѣдующее предложеніе:

Гласный С.-Петербургской Городской Думы—М. И. Семейскій, исходя изъ того основнаго положенія, что число городскихъ училищъ въ С.-Петербургѣ должно быть, въ невозможно ближайшемъ будущемъ, доведено до той цифры, которая бы вполне соотвѣтствовала количеству дѣтей школьнаго возраста отъ 7 до 13 лѣтъ, нынѣ не посѣщающихъ никакихъ училищъ, предлагаетъ:

I. Поручить Училищной при Думѣ Комиссіи выработать, вмѣстѣ съ завѣдывающимъ Статистическимъ Отдѣломъ, соображенія: сколько именно въ каждой части города должно быть училищъ, дабы достигалась вышеуказанная цѣль? и

II. Поручить той же Училищной Комиссіи, вмѣстѣ съ Городскою Управою, обсудить: сколько именно городъ могъ бы расходывать ежегодно на открытіе возможно большаго числа новыхъ училищъ, съ цѣлью дать тѣмъ возможность правительству въ скорѣйшемъ времени ввести законъ обязательнаго въ С.-Петербургѣ обученія.

¹⁾ Два училища учреждены въ память А. П. Заблоцкаго. (См. „Русскую Старину“ изд. 1882 г., февраль, стр. 558.)

IV.

Въ апрѣлѣ 1881 г. учреждено „Общество для пособія бѣднымъ учащимся въ городскихъ начальныхъ училищахъ“; къ концу года состояло въ немъ 344 членовъ; общество владѣло капиталомъ свыше 10,000 р., выдало пособій на сумму 896 р. 40 к. и въ теченіе года удовлетворяло бѣдняковъ пожертвованными вещами. Дабы ознакомить многочисленныхъ читателей „Русской Старины“ съ тѣми нуждами, удовлетворенію которыхъ должно служить новое „Общество“, мы считаемъ вполне здѣсь умѣстнымъ привести выдержку изъ отчета за 1881-й годъ.

Ред.

Отчетъ общества для пособія бѣднымъ учащимся въ городскихъ начальныхъ училищахъ, за вторую половину 1881 года.

Этотъ отчетъ обрисовать страшную бѣдность нѣкоторыхъ учащихся.

Первое общее собраніе общества призвало правленіе къ дѣятельности 5-го апрѣля, прошлаго года. 16-го же апрѣля, правленіе избрало изъ своей среды предсѣдателемъ барона П. Л. К о р ф а, товарищемъ предсѣдателя М. П. Миткова, казначеемъ А. Д. Воденикова и секретаремъ М. А. Бермана ¹⁾ По приѣмѣ дѣлъ и капитала отъ учредителей, правленіе нашло, что къ тому времени всѣхъ членовъ общества было 302; изъ нихъ 28 почетныхъ, 22 пожизненныхъ и 252 дѣйствительныхъ. Капитала было 9,791 руб. Согласно устава общества, отчислены въ неприкосновенный капиталъ всѣ взносы почетныхъ и пожизненныхъ членовъ и 10% изъ годичныхъ взносовъ дѣйствительныхъ членовъ, и весь неприкосновенный капиталъ обращенъ въ процентныя бумаги и внесенъ въ государственный банкъ на храненіе.

Вскорѣ по открытіи правленія, наступили каникулы въ городскихъ училищахъ и дѣйствія правленія прекратились до осени. Осенью, какъ только установились занятія въ училищахъ, правленіе увѣдомило учащихся, что они могутъ ходатайствовать о наиболѣе нуждающихся въ пособіи, причомъ, въ виду ограниченности средствъ общества, правленіе вынуждено было значительно сѣздить програму своихъ дѣйствій и предупредить учащихся что на полученіе пособій могутъ рассчитывать только: а) круглыя сироты; б) дѣти, родители или воспитатели которыхъ совершенно неспособны къ работѣ по болѣзни или по преклонности лѣтъ; в) дѣти, родители или воспитатели кото-

¹⁾ Правленіе, кромѣ поименованныхъ лицъ, имѣетъ въ своемъ составѣ: г-жу Лихачеву, гласныхъ Думы: М. И. Семейскаго и А. Н. Неустрова, проес. В. И. Модестова, учителя А. Ф. Кузьмина и друг.

рыхъ потеряли мѣсто или заработокъ по болѣзни; г) пострадавшіе отъ пожара или другихъ случайныхъ причинъ и д) особенно нуждающіеся въ теплой одеждѣ и обуви.

Снабженіе книгами и учебными пособіями правленіе отъ себя отстранило, такъ какъ книги и учебныя пособія выдаются городскою училищною комисіей бѣднѣйшимъ дѣтямъ насчетъ суммъ, асигнуемыхъ думою. Просьбъ о снабженіи платьемъ, бѣльемъ и обувью подано было 167. удовлетворено ходатайствъ 134, на сумму 896 р. 40 к., и тремъ дѣтямъ вещами; отказано было 33-мъ дѣтямъ. Съ рхъ того, о положеніи многихъ дѣтей, заявившихъ о своихъ нуждахъ, собираются дополнительныя свѣдѣнія. Правленіе отказывало въ пособіи не потому, что эти дѣти имѣютъ достаточныя средства, а единственно только по той причинѣ, что, по недостатку средствъ, пособія выдавались бѣднѣйшимъ изъ бѣдныхъ. А какова бѣдность учениковъ, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

1) „Обращаюсь въ общество для пособія учащимся оказать помощь ученикамъ коломенскаго 5-го мужского городскаго училища, Николаю и Александру, такъ какъ родители ихъ находятся въ крайней бѣдности. Отецъ, дворянинъ, числится на службѣ, но жалованья не получаетъ, находится въ послѣднемъ градусѣ чахотки, вслѣдствіе чего зарабатывать содержаніе для семьи не можетъ. Содержитъ всю семью жена его, зарабатывая поденно шитьемъ, но работу имѣетъ не ежедневно. Семья состоитъ изъ пяти человекъ, включая сюда трехъ дѣтей, изъ которыхъ двое приняты на городской счетъ въ 5-е коломенское мужское городское училище. Въ началѣ учебнаго года оба ученика ходили въ училище въ старыхъ башмакахъ своей матери, надѣвая ихъ по очереди, такъ что, когда приходилъ въ училище одинъ братъ, другой оставался дома; съ наступленіемъ же холодовъ, обувь оказалась настолько неудовлетворительною, что посѣщать училище дѣти не могли, такъ какъ пальцы ногъ торчали изъ башмаковъ и дѣти рисковали потерять здоровье. Сверхъ того, не имѣя теплой верхней одежды, оба ученика ходили въ училище въ холодныхъ короткихъ пальто“.

2) 4-го петербургскаго мужскаго училища: „Отецъ учащагося лежитъ уже второй годъ, разбитый параличомъ; мать, кромѣ этого сына, осталась еще съ четырьмя дѣтями на рукахъ, малъ-мала-меньше, вслѣдствіе чего не можетъ вѣяться ни за какую работу. Василій (имя ученика), мальчикъ, восьми лѣтъ, получилъ мѣсто при выдачѣ билетовъ на мытнинской пароходной пристани, зарабатываетъ 10 руб. въ мѣсяцъ и, кромѣ этихъ грошей, доставляемыхъ семьѣ восьмилѣтнимъ работникомъ, они ничего не имѣютъ. Ребенокъ нуждается во всемъ: и въ одеждѣ, и въ обуви, а главное—въ обученіи, котораго онъ лишился вотъ уже четвертый мѣсяцъ. Учиться онъ желаетъ сильно и плачетъ, что отсталъ отъ товарищей; еслибъ можно было платить семьѣ хоть сколько-нибудь, чтобъ только его не эксплуатировали за эти два года, то это было бы всего лучше. Въ крайнемъ случаѣ, даже и теплая одежда, крѣпкая обувь и т. д. будутъ для него благодѣяніемъ“.

3) 4-го петербургскаго женскаго: „Александра—дочь солдата. Отецъ ея, столяръ, содержалъ семью, состоящую изъ жены и четырехъ дѣтей: дочери 11-ти лѣтъ, сына 10-ти, второго сына семи лѣтъ и третьяго по третьему году. До настоящаго времени я ничего не знала о положеніи этой семьи—дѣвочка аккуратно вносила деньги за ученіе—но мать ея пришла надняхъ съ просьбой освободить дочь и сына отъ уплаты за ученіе и рассказала о своемъ несчастіи“.

сти. Событіе 1-го марта такъ сильно повліяло на ея мужа, что онъ потерялъ рассудокъ—помѣшался на мысли спасать всѣхъ отъ убійствъ и подкоповъ. Съ августа онъ помѣщенъ въ „пріютъ душевнобольныхъ“. Семья осталась безъ средствъ къ существованію: мать дѣлаетъ напирснныя гильзы, старшій сынъ и дочь, по возвращеніи изъ школы, помогаютъ ей въ этомъ трудѣ; но заработка ихъ не хватаетъ на содержаніе всей семьи“.

4) 1-го петербургскаго женскаго: „Отецъ одной изъ учащихся служить писаремъ въ синодѣ, получаетъ 25 руб. въ мѣсяцъ, большая часть которыхъ удерживается для уплаты долга, сдѣланнаго до поступленія на службу, когда онъ не имѣлъ никакого заработка. Теперь семья ужасно бѣдствуетъ. Зайдя къ нимъ, я застала ужасную сцену: умирающаго ребенка и всю семью въ слезахъ, безъ копейки денегъ“!

Всѣмъ четверемъ пособіе было оказано.

Пособія выдавались не свыше 10 р. на каждого изъ просящихъ; одному, въ видѣ исключенія, выдано 12 р.; но и при такомъ незначительномъ размѣрѣ пособій правленіе боялось, что наличныхъ средствъ будетъ недостаточно, а потому обратилось, чрезъ посредство газетъ, за помощью къ обществу, въ той надеждѣ, что въ средѣ столичнаго населенія найдутся благотворители, которые не откажутся помочь бѣднымъ дѣтямъ снабженіемъ ихъ платьемъ и обувью, хотя бы и не новыми. До настоящаго времени поступили пожертвованія вещами отъ четырехъ лицъ для пяти дѣтей. Сверхъ того, для увеличенія средствъ общества правленіе предполагаетъ устроить въ скоромъ времени концертъ.

Въ настоящее время почетныхъ членовъ 33, пожизненныхъ 27, дѣйствительныхъ 284; всего 344.

По приходорасходной книгѣ значится на приходѣ 11,740 р. 74 к., въ расходѣ 896 р. 40 к., въ остаткѣ 10,844 р. 34 к., изъ которыхъ въ процентныхъ бумагахъ 3-го восточнаго займа на 10,000 р. н.; городского кредитнаго общества на 100 р. н. и наличными 744 р. 34 коп.

Замѣтки къ статьѣ «Орденъ возстановленія».

I.

Торопясь съ выправкою корректуры статьи объ „Орденѣ Возстановленія“, чтобы отослать ее, согласно данному мною обѣщанію, на другой же день, я не могъ въ скорости отыскать одного документа, чтобы сдѣлать полную выписку изъ него, содержащую свидѣтельство Лазарева обо мнѣ, и сослался въ примѣчаніи, что оно напечатано въ „Древ. и Нов. Россіи“. Между тѣмъ, и потому что не всѣ читали этотъ журналъ, и потому что не всякій захочетъ и отыскивать его, необходимо было бы привести упомянутое свидѣтельство и для читателей „Русс. Старины“, такъ какъ оно составляетъ важное свидѣтельство того, какъ я относился и къ служебнымъ обязанностямъ, не будучи никогда тѣмъ лже-либераломъ, которые либеральничаютъ языкомъ, и ничего не исполняютъ изъ своихъ обязанностей. Поэтому, если это возможно, я желалъ бы, чтобы въ примѣчаніи, содержащемъ обличеніе какого-то В. И. въ „Русс. Архивѣ“, который свидѣтельство Лазарева обо мнѣ отнесъ уммышленно къ П. С. Нахимову, послѣ словъ, что это свидѣтельство напечатано въ „Др. и Нов. Россіи“, прибавить слѣдующее:

„Считаю впрочемъ не лишнимъ привести это свидѣтельство и здѣсь; вотъ что писалъ мнѣ многолѣтній сослуживецъ Лазарева, адмиралъ А. П. Арбузовъ, которому, какъ онъ пишетъ, лично удавалось слышать что онъ, Лазаревъ, говаривалъ о васъ, что сохранилось свѣжо въ памяти: „Жаль Дмитрія Иринарховича Завалишина, поѣхалъ далеко въ Сибирь. Пылкая голова, огнедышащая натура. Я ему предсказывалъ этотъ путь. Я любилъ его; онъ былъ всегда быстрѣйшій исполнитель, славный мичманъ! Безъ искательства и униженія; служилъ безукоризненно честно въ должности ревизора, и выторговывалъ для матросъ каждую копейку. Голова его была полна реформъ и я предостерегалъ его отъ увлеченія, зная, что онъ душею былъ чистъ и любилъ море!“

Да! Лазаревъ лучше, нежели кто либо зналъ до какой степени я былъ чистъ отъ всякихъ личныхъ побужденій и цѣлей! Объ этомъ, о важной заслугѣ моей относительно самаго Лазарева, можетъ быть будетъ рассказано въ другомъ мѣстѣ.

II.

Желательно было бы исправить опечатку въ моей статьѣ, затемняющую смыслъ.

Въ январской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1882 г., въ статьѣ объ „Орденѣ возстановленія“ напечатано на стр. 61 на строкѣ 23:

Н а п е ч а т а н о: „Остановитесь на той или другой ступени къ произволу“.

С л ѣ д у е т ъ с к а з а т ь: „п о произволу“.

Д. И. Завалишинъ.

Поэма А. И. Одоевскаго: „Василько“.

[Изъ письма А. П. Бѣляева къ Ред.].

Москва 20-го февраля 1882 г.

«Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ! Какъ я радъ былъ увидѣть на страницахъ «Русской Старины» поэму А. И. Одоевскаго, сочиненную имъ еще въ Читѣ и переписанную Иваномъ Ивановичемъ Пущинымъ. Хотя это произведеніе не выдающееся, но за то ярко изображаетъ старину русскую и отличается несомнѣнно красотой языка, вполне простаго, лѣтописнаго. Содержаніе поэмы, конечно, не богато увлекательнымъ интересомъ: это простая картина эпохи, и только въ послѣдней, то-есть четвертой, пѣсни выдается одинъ эпизодъ, нѣсколько интересный. Третія пѣсня должно быть выпала какъ нибудь изъ моихъ бумагъ при переѣздахъ съ квартиры на квартиру, потому что до сихъ поръ не нашелъ ее. Въ ней заговоръ Давида о погубленіи Василько, разговоръ съ Святополкомъ, вступленіе Василько съ дружиной въ Кіевъ, посѣщеніе имъ храма, раздача милостыни, наконецъ явленіе его во дворецъ къ Святополку и по клеветѣ Давида, напугавшаго Святополка, его арестованіе и отправленіе за городъ, гдѣ въ какой то теплушкѣ совершается ослѣпленіе. Мнѣ тѣмъ болѣе досадна эта потеря, что другаго списка поэмы «Василько» не было и, значить, она пропала безвозвратно».

«Съ истиннымъ уваженіемъ остаюсь душевно преданнымъ вамъ Александръ Бѣляевъ».

Портретъ М. А. Бестужева.

† 1871 г.

Приложенный при этой книгѣ портретъ Михаила Александровича Бестужева исполненъ съ акварели, писанной его талантливымъ братомъ Николаемъ въ бытность въ Сибири, въ Петровскѣ. Подлинникъ сообщенъ намъ ихъ сестрами М. А. и О. А. Бестужевыми.

Михаилъ Александровичъ—одинъ изъ пяти братьевъ Бестужевыхъ и въ ихъ числѣ знаменитаго романиста Александра Бестужева (Маринскаго), человекъ весьма даровитый, преимущественно къ техническимъ производствамъ, сообщилъ намъ весьма интересные Записки, многія главы изъ которыхъ были напечатаны въ „Русской Старинѣ“ изд. 1870, 1871 и 1881 гг.

Ред.

ОПЕЧАТКИ.

Въ мартовской книгѣ «Русской Старины» сказано на стр. 784, что В. К. Марія Михайловна скончалась въ Вѣнѣ, а на стр. 799, что она скончалась въ Канѣ (вѣроятно думалось въ Каниѣ).

На стр. 602 «Dalambert» читай «d'Alambert».

Рига.

И. Рудницкій.

РѢЧЬ В. И. СЕМЕВСКАГО,

произнесенная имъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ предъ диспутомъ на степень магистра русской исторіи.

17-го февраля 1882 г.

Милостивыя государыни и милостивые государи! Въ настоящемъ публичномъ засѣданіи историко-филологическаго факультета мнѣ предстоитъ защищать первый томъ моего изслѣдованія о крестьянахъ при Еватеринѣ II, представленный мною какъ диссертация на степень магистра русской исторіи. Не смотря на то, что отрывки изъ моего труда печатались въ теченіе послѣднихъ лѣтъ во многихъ повременныхъ изданіяхъ, я не смѣю рассчитывать на знакомство съ ними большинства здѣсь присутствующихъ и потому принужденъ нѣсколько утомить ваше вниманіе изложеніемъ общаго плана моего изслѣдованія. Если я не сумѣю дать вамъ почувствовать важность и интересность избранной мною темы, то, прошу васъ, объясните это не свойствомъ самаго предмета, а слабостію моихъ ораторскихъ способностей, для которыхъ архивныя и кабинетныя занятія были слишкомъ плохую школою.

Сравнительно съ нынѣшнимъ, почти совершенно однороднымъ составомъ крестьянскаго населенія, въ прошломъ столѣтіи крестьянское сословіе состояло изъ весьма разнообразныхъ элементовъ; главнѣйшими изъ нихъ были: крестьяне государственные, или такъ называемые черносошные, однодворцы, дворцовые, государевы и конюшенные, крестьяне духовнаго вѣдомства, приписанные къ фабрикамъ и заводамъ, поссессіонные и, наконецъ, вѣрнопостные. Скажемъ по нѣсколькѣ словъ о положеніи каждаго

изъ этихъ разрядовъ крестьянъ, не касаясь болѣе мелкихъ группъ.

При изученіи положенія совершенно свободныхъ государственныхъ или черносопныхъ крестьянъ, населявшихъ весь сѣверъ европейской Россіи и Сибирь, должно обращать главное вниманіе на поземельныя отношенія. Отсутствіе передѣловъ пахотныхъ земель и право отчуждать поземельные участки приводило здѣсь къ сильному развитію имущественнаго неравенства. Въ крестьянскую общину вни́дрялись лица, ей совершенно постороннія, такъ называемые „деревенскіе владѣльцы“ изъ купцовъ, мѣщанъ, духовенства и приказныхъ служителей, которые путемъ покупки или заклада пріобрѣтали отъ крестьянъ значительные земельные участки и такимъ образомъ уменьшали и безъ того небольшое количество земель, удобныхъ для обработки. Къ числу „деревенскихъ владѣльцевъ“ изъ другихъ сословій присоединялись и разбогатѣвшіе крестьяне, такъ называемые міроѣды или мірососы. Съ другой стороны въ крестьянской общинѣ являлось не мало людей совершенно безземельныхъ, которыхъ нужда заставляла иной разъ переселяться на земли „деревенскихъ владѣльцевъ“ и дѣлаться тамъ половниками, находившимися отъ своихъ хозяевъ въ такой зависимости, что тѣ подвергали ихъ даже тѣлесному наказанію ¹⁾. Единственнымъ выходомъ изъ такого положенія могло быть: запрещеніе отчужденія земельныхъ участковъ и введеніе передѣловъ земли; первое и было постановлено правительствомъ при Екатеринѣ, о необходимости второй мѣры заявляли и нѣкоторые администраторы, и крестьяне въ наказахъ ихъ депутатамъ въ комиссію уложенія.

Другой отдѣлъ совершенно свободныхъ государственныхъ крестьянъ — однодворцы, потомки прежнихъ служилыхъ людей, населяли центральную Россію. Существованіе у нихъ подворнаго, участковаго землевладѣнія приводило къ еще болѣе печальнымъ результатамъ, чѣмъ отсутствіе передѣловъ земли у черносопныхъ крестьянъ сѣверной Россіи. Если въ нѣкоторыхъ черносопныхъ волостяхъ восьмая, шестая часть, даже четверть крестьянъ ока-

¹⁾ Въ Сибири крестьяне были иногда въ такой кабалѣ у тамошнихъ міроѣдовъ, что тѣ распоряжались по своему усмотрѣнію цѣлою волостію, называли крестьянъ и даже отдавали ихъ въ рекруты. В. С.

зываются безземельными, то неблагоприятное положеніе одной волости вознаграждается болѣе выгодными отношеніями въ другихъ волостяхъ. Между тѣмъ среди однодворцевъ мы видимъ такое печальное явленіе, что около четверти ихъ въ Курской губерніи были людьми совершенно безземельными. Кромѣ того, раздробленіе и череполосица земельныхъ участковъ вызывали у однодворцевъ постоянные споры и тяжбы, доставившіе имъ совершенно заслуженное названіе сутягъ и ябедниковъ, а съ другой стороны это полное отсутствіе согласія между ними дѣлало ихъ совершенно беззащитными отъ насилій людей постороннихъ и давало возможность сосѣднимъ помѣщикамъ произвольно захватывать однодворческія земли. И здѣсь необходимо было запретить отчужденіе земельныхъ участковъ, и здѣсь чувствовалась полезность введенія передѣловъ земли.

Гораздо благоприятнѣе было положеніе собственно дворцовыхъ крестьянъ. Ко времени вступленія на престолъ императрицы Екатерины II, натуральныя повинности у нихъ были замѣнены денежнымъ оброкомъ, одинаковымъ съ тѣмъ, каковой платили въ казну государственные крестьяне; кромѣ того, они пользовались весьма значительными надѣлами: одной пахотной земли у нихъ было въ различныхъ губерніяхъ Россіи отъ 2 до 6 десятинъ на душу, и при томъ гораздо лучшаго качества, чѣмъ у черносошныхъ такъ какъ дворцовые крестьяне населяли болѣе центральныя губерніи. У крестьянъ государевыхъ и конюшенныхъ еще существовала барщина; но и тѣхъ, и другихъ было немного.

Тяжелѣе было положеніе крестьянъ духовныхъ вотчинъ, численность которыхъ, при общемъ количествѣ сельскаго населенія въ Великороссіи и Сибири въ 7 слишкомъ милліоновъ, доходила въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія почти до одного милліона душъ м. п. Около трехъ четвертей всего этого количества принадлежало монастырямъ, въ томъ числѣ одна Троице-Сергиевская лавра владѣла 106,000 душъ м. п. Въ духовныхъ вотчинахъ не существовало такого строгаго раздѣленія на барщинныя и оброчныя, какое мы находимъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ; хотя мѣстами духовные крестьяне и состояли на одномъ оброку, но по большей части они несли въ пользу своихъ властей и натуральныя, и денежныя повинности, иной разъ весьма обременительныя. Къ тому же монастырскія власти и ихъ прикащики под-

вергали иногда крестьянъ тяжелымъ истязаніямъ, брали съ нихъ взятки, подъ вліяніемъ лихоимства сдавали въ рекруты не тѣхъ людей, за которыми была очередь. Все это вызывало неудовольствіе крестьянъ, усилившееся со времени совершеннаго устраненія контроля свѣтскихъ властей надъ духовными вотчинами въ царствованіе императрицы Елизаветы. Съ 1752 по 1764 г. мы видимъ цѣлый рядъ волненій духовныхъ крестьянъ, которыя сдѣлались особенно частыми съ 1762 г., со времени отмѣны императрицею Екатериною II указа Петра III объ отобраніи въ казну духовныхъ имѣній. Тутъ мы видимъ одновременно волненія въ 11 губерніяхъ Великороссіи въ одной или нѣсколькихъ духовныхъ вотчинахъ. По свидѣтельству самой императрицы Екатерины, въ это время волновалось около 100,000 духовныхъ крестьянъ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что эти волненія отличались довольно мирнымъ характеромъ: крестьяне убрали въ свою пользу хлѣбъ съ монастырскихъ запашекъ, скашивали монастырское сѣно, вылавливали рыбу въ прудахъ, но рѣдко вымѣщали свое неудовольствіе на духовныхъ властяхъ и ихъ прикащикахъ, всячески угнетавшихъ крестьянъ.

Изъ всѣхъ разрядовъ сельскаго населенія въ самомъ тяжеломъ положеніи, не исключая даже и крѣпостныхъ, находилась особая группа государственныхъ крестьянъ, приписанная для отработыванія податей въ заводамъ, преимущественно горнымъ. Безпристрастные свидѣтели—академики, искрестившіе въ началѣ царствованія Екатерины II всю Россію и Сибирь, самыми мрачными красками рисуютъ ихъ экономическій бытъ. Не смотря на то, что они оставались людьми свободными, заводчики и ихъ прикащики могли подвергать ихъ тѣлеснымъ наказаніямъ, и они настолько широко пользовались своимъ правомъ, что напримѣръ на двухъ уральскихъ заводахъ Нивиты Демидова было въ теченіи одного года подвергнуто тѣлеснымъ истязаніямъ около ста чело-вѣкъ. Кромѣ того, эти крестьяне принуждены были проходить на заводы огромныя, почти невѣроятныя разстоянія (до 600 верстъ въ одинъ конецъ), не получая никакого вознагражденія за время, употребляемое ими на путешествіе. За свой трудъ на заводахъ они получали плату по весьма низкой оцѣнкѣ, установленной еще въ царствованіе императора Петра В. Жалобы крестьянъ на всевозможныя злоупотребленія заводчиковъ оставались горнымъ на-

чалъствомъ безъ всякихъ послѣдствій. Естественно, что такое ужасное положеніе и здѣсь должно было вызвать волненія, тѣмъ болѣе сильныя, что горнозаводскіе крестьяне жили не такъ разсѣянно по всей Россіи, какъ крестьяне духовныхъ вотчинъ, а группировались преимущественно въ нынѣшнихъ губерніяхъ Казанской, Пермской, Уфимской и Оренбургской. Дѣйствительно съ 1760 по 1764 г. волненіе охватываетъ почти все горнозаводское населеніе приуральскаго края и крестьяне иногда въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ оказывали энергическое сопротивленіе правительственнымъ отрядамъ. Въ концѣ концовъ волненіе было усмирено кн. Вяземскимъ и А. И. Бибиковымъ и многіе крестьяне подверглись суровымъ наказаніямъ, но это народное движеніе принесло свои плоды. Изучая подлинное слѣдственное дѣло со всѣми жалобами крестьянъ на вопіющія злоупотребленія заводскаго начальства, мы начинаемъ понимать, почему манифесты Пугачева читались съ такимъ восторгомъ уральскимъ населеніемъ, которое поставило значительный контингентъ для его полчищъ, почему здѣсь на заводахъ отливались для него пушки, почему горные рабочіе съ распростертыми объятіями встрѣчали самого Пугачева и его генераловъ.

Особую группу крестьянъ составляли такъ называемые посессионные, т. е. составлявшіе неотъемлемую принадлежность фабрикъ и заводовъ. Этотъ разрядъ крестьянъ образовался въ царствованіе императора Петра В., дозволившаго, для развитія промышленности, и лицамъ недворянскаго происхожденія покупать населенныя имѣнія къ фабрикамъ и заводамъ. Кромѣ купленныхъ людей, въ составъ посессионныхъ вошли такъ называемые „вѣчноотданные“—разные гулящіе люди, незаконнорожденные, бѣглые, иногда солдатскіе дѣти и затѣмъ казенные мастеровые, отданные съ казенныхъ фабрикъ для обученія мастерствамъ остальныхъ рабочихъ. Къ сожалѣнію, въ XVIII в. правительственныя учрежденія иногда смѣшивали этихъ крестьянъ съ крѣпостными, тогда какъ между тѣми и другими было существенное различіе: 1) посессионныхъ крестьянъ нельзя было продавать отдѣльно отъ фабрикъ или даже переводить съ одной фабрики на другую; 2) они могли принадлежать и кущамъ; 3) лишь извѣстную часть ихъ можно было употреблять на работу; 4) они могли жаловаться на притѣсненія фабрикантовъ; 5) они могли выдавать замужъ сво-

ихъ дочерей за людей постороннихъ, безъ уплаты выводныхъ денегъ, не спрашивая согласія фабриканта. Недостаточное различіе въ XVIII в. крестьянъ посессионныхъ и крѣпостныхъ приводило къ тому, что первымъ приходилось иной разъ вести упорную борьбу противъ заводчиковъ, пытавшихся нарушить ихъ права.

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ быта крѣпостныхъ крестьянъ во второй половинѣ XVIII в., посмотримъ, что сдѣлано было въ царствованіе императрицы Екатерины II для измѣненія быта всѣхъ перечисленныхъ нами разрядовъ сельскаго населенія. Крестьянамъ черносопнымъ и однодворцамъ было запрещено отчуждать свои поземельные участки не только людямъ постороннимъ, но и между собою (у однодворцевъ впрочемъ это запрещеніе касалось лишь тѣхъ земель, на которыхъ они были положены въ подушный окладъ); однодворцы были окончательно уравнены въ отбываніи натуральныхъ и денежныхъ повинностей съ крестьянами государственными, наконецъ, всѣ свободные крестьяне получили весьма важное право — отправить своихъ депутатовъ въ комиссію для составленія новаго уложенія. У значительной части конюшенныхъ крестьянъ барщина была замѣнена денежнымъ оброкомъ. Относительно приписныхъ горнозаводскихъ крестьянъ не было принято мѣръ, радикально измѣнявшихъ ихъ бытъ, но всетаки ихъ положеніе было нѣсколько облегчено. Тотчасъ послѣ усмиренія волненія 1760—64 гг., дѣла, введенныя кн. Вяземскимъ, упорядочили отправленіе работъ, и были установлены выборныя власти надъ рабочими. Вскорѣ послѣ того была возвышена плата за трудъ и опредѣлено небольшое вознагражденіе за время, употребляемое ими на путешествіе. Затѣмъ съ 1779 г. имъ стали платить вдвое болѣе того, сколько зачиталось имъ въ счетъ взноса податей въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II. Бытъ горнозаводскихъ крестьянъ былъ радикально измѣненъ лишь въ царствованіе императора Александра I, когда посредствомъ набора изъ нихъ была выдѣлена небольшая группа постоянныхъ заводскихъ рабочихъ, вошедшихъ въ составъ посессионныхъ, а остальные по прежнему сдѣлались совершенно свободными государственными крестьянами.

Изъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ императрицею Екатериною относительно сельскаго населенія Россіи, несомнѣнно самая важная пала на долю крестьянъ духовныхъ вотчинъ. Убѣдившись изъ

цѣлаго ряда волненій, послѣдовавшихъ за отмѣною указа Петра III объ отобраніи въ казну духовныхъ имѣній, что прежній порядокъ долѣе существовать не можетъ, императрица въ 1764 г. издала знаменитый указъ о секуляризаціи духовныхъ имѣній. Мѣра эта была въ высшей степени полезна для крестьянъ: избавившись отъ притѣсненій со стороны духовныхъ властей, они вмѣстѣ съ тѣмъ получили весьма значительные земельные надѣлы. Всѣ пашни, обрабатываемыя прежде крестьянами на своихъ владѣльцевъ, перешли теперь къ нимъ; имъ же досталось и огромное количество угодій, такъ какъ только земли, отстоявшія далѣе 20 верстъ отъ селеній, вѣрно было взять въ казну для отдачи въ аренду, за монастырями же оставлено лишь ничтожное количество земель. Правда, въ губерніяхъ, столь густо населенныхъ, какъ Тульская и Калужская, крестьяне получили лишь по 5 и 6 десятинъ на душу, но въ 6 губерніяхъ они имѣли во время генеральнаго межеванія отъ 7 до 10 дес., въ Псковской болѣе 10, въ Орловской 15, въ Нижегородской и Костромской по 20, въ Петербургской 28, въ Нижегородской даже 34 дес. на одну ревизскую душу. Относительно размѣра государственныхъ повинностей эти крестьяне, получившіе названіе экономическихъ, очень скоро сравнялись съ остальными свободными крестьянами. Императрицу Екатерину обвиняли въ томъ, что она отобрала въ казну духовныя вотчины лишь съ цѣлію раздать ихъ своимъ приближеннымъ. Это совершенно несправедливо. Дѣйствительно, раздача населенныхъ имѣній при Екатеринѣ II приняла громадныя размѣры, такъ что всего, по нашимъ вычисленіямъ, было роздано въ то время болѣе 800,000 д. обоого пола, но раздача производилась преимущественно въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, отчасти въ Малороссіи и Остзейскомъ краѣ, и въ небольшомъ количествѣ изъ дворцовыхъ и государевыхъ вотчинъ. Было только три случая пожалованія крестьянъ бывшихъ духовныхъ вотчинъ Орловымъ, но одновременно соотвѣтственное количество душъ было причислено изъ дворцоваго въ экономическое вѣдомство. Императрица Екатерина какъ будто предвидѣла возможность того упрека, который ей дѣлали впоследствии, и оставляла неприкосновенными экономическія имѣнія. Въ этомъ отношеніи она держалась гораздо болѣе разумной политики, чѣмъ императоръ Павелъ, начавшій въ значительномъ количествѣ раз-

давать экономическія вотчины, и императоръ Николай, при которомъ болѣе 300,000 душъ государственныхъ крестьянъ, а въ томъ числѣ, конечно, не мало и бывшихъ экономическихъ, было обращено въ удѣльное вѣдомство и дальнѣйшее переименованіе было остановлено лишь энергическимъ протестомъ гр. Киселева. Нужно замѣтить также, что Екатерина не согласилась на одну, крайне гибельную для крестьянъ, мѣру, которую предлагали нѣкоторые дворяне. Со времени секуляризаціи духовныхъ имѣній нѣкоторые члены нашего высшаго сословія стали кричать объ упадкѣ земледѣлія среди экономическихъ крестьянъ, о томъ, что результатомъ этого будетъ сильное увеличеніе цѣнъ на хлѣбъ и т. п. Какъ рѣшительное средство противъ этого зла рекомендовалась отдача въ аренду или даже продажа дворянамъ всѣхъ экономическихъ крестьянъ. Къ счастью эти предложенія не были исполнены. Однимъ словомъ слѣдуетъ признать, что если въ настоящее время мы имѣемъ не на однѣхъ сѣверныхъ окраинахъ Россіи значительное число государственныхъ крестьянъ, владѣющихъ относительно большими земельными надѣлами, то этимъ мы обязаны разумнымъ и благопріятнымъ для крестьянъ мѣрамъ Екатерины II при секуляризаціи духовныхъ имѣній.

Подробно указавъ на то, что было сдѣлано при Екатеринѣ II на пользу некрѣпостныхъ крестьянъ, мы должны однако напомнить, что ихъ денежныя государственныя повинности въ то время чрезвычайно возросли (оброчный сборъ былъ увеличенъ въ три раза), а весьма частые рекрутскіе наборы отвлекли массу людей отъ производительнаго труда.

Относительно посессионныхъ крестьянъ не было принято въ это время никакихъ новыхъ существенныхъ мѣръ. Императрица Екатерина лишь подтвердила указъ Петра III, запретившій впредь покупать населенныя имѣнія къ фабрикамъ и заводамъ; затѣмъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ борьба посессионныхъ мастеровыхъ противъ закрѣпощенія оканчивалась или приобрѣтеніемъ фабрики въ казну, или установленіемъ, подъ давленіемъ администраціи, договора между рабочими и фабрикантомъ, настолько гарантировавшаго права первыхъ, что ему могли бы позавидовать и современные рабочіе.

Переходимъ къ характеристикѣ положенія при Екатеринѣ II крестьянъ крѣпостныхъ, которые составляли болѣе половины

(53%) всего сельскаго населенія Великороссіи и Сибири. Мы полагаемъ, что настало наконецъ время для совершенно безпристрастнаго, объективнаго отношенія къ крѣпостному праву, и потому укажемъ и свѣтлыя, и мрачныя стороны въ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ. Прежде всего крайне благоприятнымъ для нашихъ крѣпостныхъ обстоятельствомъ мы считаемъ весьма значительное развитіе оброчной системы, такъ какъ помѣщичьи крестьяне, состоявшіе на оброкѣ, значительно приближались по своему быту къ крестьянамъ государственнымъ. По нашимъ вычисленіямъ, основаннымъ на результатахъ генеральнаго межеванія, оброчная система преобладала въ нечерноземной полосѣ Великороссіи, напротивъ того въ черноземной—большинство имѣній состояло на барщинѣ, въ среднемъ же выводѣ было почти одинаковое количество оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ (44% первыхъ и 56% вторыхъ). Это развитіе оброчной системы представляетъ значительное преимущество нашихъ крѣпостныхъ сравнительно съ крѣпостнымъ населеніемъ Остзейскаго края, Польши и Германіи. Вторымъ, весьма благоприятнымъ для нихъ обстоятельствомъ была обширность земельныхъ надѣловъ; въ оброчныхъ вотчинахъ крестьяне, по свидѣтельству современниковъ, обыкновенно пользовались всею помѣщичьею землею, такъ что тамъ на одну душу приходилось отъ 5 до 30 дес. Въ среднемъ выводѣ количество земли, находившееся въ пользованіи крѣпостныхъ крестьянъ, было приблизительно въ 3½ раза болѣе земельного надѣла бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ настоящее время. Весьма важно также, что хотя помѣщикъ могъ совершенно лишити своихъ крѣпостныхъ земли и обратить ихъ въ такъ называемыхъ мѣсячниковъ, подобные случаи составляли явленіе совершенно исключительное. Существованіе поземельной общины съ передѣлами земли, обыкновенно по тягламъ, устанавливало въ извѣстной степени имущественное равенство и устраняло возможность тѣхъ печальныхъ явленій, съ которыми мы встрѣтились при изученіи быта государственныхъ черносошныхъ крестьянъ. Но рядомъ съ этими свѣтлыми сторонами быта крѣпостныхъ мы находимъ много самыхъ мрачныхъ явленій: крѣпостной былъ совершенно беззащитенъ какъ относительно своей личности, такъ и въ имущественномъ отношеніи. Помѣщикъ могъ оторвать крестьянина отъ земли и сдѣлать его своимъ дворовымъ, могъ пересел-

лить его въ другую вотчину, могъ продать его отдѣльно отъ земли и по одиночкѣ. Дѣйствительно, мы видимъ, что торговля рекрутами принимаетъ, не смотря на нѣкоторыя ограничительныя постановленія, самыя постыдныя размѣры; дѣвушки, по свидѣтельству путешественниковъ, толпами выводятся для продажи на рынокъ. Помѣщикъ могъ налагать на своихъ крестьянъ какія угодно повинности; впрочемъ и въ этомъ отношеніи положеніе оброчныхъ, хотя они платили помѣщикуе оброка вдвое-втрое болѣе, чѣмъ государственные крестьяне въ казну, было благопріятнѣе барщинныхъ, обыкновенно отдававшихъ господину половину своего рабочаго времени. Помѣщикъ могъ подвергать своихъ крѣпостныхъ всевозможнымъ наказаніямъ; въ царствованіе императрицы Елизаветы имъ даже было разрѣшено отправлять своихъ людей на поселеніе въ Сибирь, и это повело къ страшнымъ злоупотребленіямъ: помѣщики отправляли въ ссылку старыхъ и увѣчныхъ для того только, чтобы получить за нихъ зачетную рекрутскую квитанцію. Даже въ такомъ интимномъ дѣлѣ, какъ женитьба, крестьянинъ зависѣлъ отъ барскаго произвола; впрочемъ и тутъ оброчные были въ болѣе выгодномъ положеніи: имъ обыкновенно предоставлялось вступать въ бракъ по своему усмотрѣнію, лишь бы только брачная повинность была исполнена до извѣстнаго времени; въ противномъ случаѣ одни помѣщики своею властію составляли брачныя пары, другіе налагали на холостыхъ и дѣвушекъ ежегодный значительный сборъ до вступленія ихъ въ бракъ.—Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что фактическое положеніе большинства крѣпостныхъ было лучше, чѣмъ можно было бы ожидать въ виду ихъ юридическаго безправія, и крестьяне обыкновенно безпрепятственно пользовались своимъ имуществомъ (нѣкоторые изъ нихъ даже приобрѣтали на имя барина значительное число холоповъ).

Между тѣмъ какъ мы могли указать не мало мѣръ, принятыхъ въ царствованіе императрицы Екатерины II на пользу некрѣпостнаго населенія Россіи, для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ и ослабленія крѣпостнаго права не было сдѣлано почти ничего. Было запрещено продавать людей за 3 мѣсяца до рекрутскаго набора, но это не прекратило торговли рекрутами; было временно приостановлено дозволеніе ссылатъ своихъ людей

на поселеніе, но скоро это право было вновь возвращено помѣщикамъ; прекращено было закрѣпощеніе незаконнорожденныхъ. военноплѣнныхъ, уничтожено правило „по рабѣ холопъ“, нѣсколько ограничено правило „по холопу раба“; было запрещено разлучать семьи при продажѣ съ аукціону. Мѣры эти тѣмъ болѣе ничтожны, что рядомъ съ ними шли указы, еще болѣе ухудшавшіе положеніе крѣпостныхъ, какъ то: разрѣшеніе помѣщикамъ отдавать своихъ людей въ ваторжную работу и брать назадъ по своему желанію и окончательное запрещеніе крѣпостнымъ жаловаться на помѣщиковъ.— А между тѣмъ въ то время уже была признана потребность ограниченія помѣщичьей власти. Мы назовемъ тѣ мѣры, которыя высказывались не какимъ нибудь отдѣльнымъ лицомъ, а такія, которыя мы встрѣчаемъ въ нѣсколькихъ проэктахъ по крестьянскому вопросу, поданныхъ въ вольное экономическое общество, въ комиссію для составленія новаго уложенія и проч. Лица, желавшія улучшенія быта крѣпостныхъ, требовали точнаго опредѣленія закономъ ихъ повинностей, дозволенія крестьянамъ жаловаться на помѣщика, запрещенія разлучать семьи при продажѣ, дозволенія выкупаться на свободу за опредѣленную плату, предоставленія крестьянамъ права собственности на движимое имущество, предоставленія имъ наслѣдственного пользованія своими земельными надѣлами подъ условіемъ исправнаго отбыванія повинностей въ пользу помѣщика. Мы не обвиняемъ императрицу Екатерину въ томъ, что она не уничтожила совершенно крѣпостнаго права: подобная мѣра была бы вовсе не желательна, такъ какъ въ то время не назрѣла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ съ землею, но необходимо было ограничить власть помѣщиковъ, а между тѣмъ ни одна изъ предложенныхъ въ этомъ направленіи мѣръ не была осуществлена. Тѣмъ не менѣе за императрицею Екатериною остается та заслуга, что она бросила въ общество мысль о необходимости улучшенія быта крѣпостныхъ, и эта мысль черезъ сто лѣтъ принесла свои плоды.

Въ то время, когда освободительныя стремленія все болѣе назрѣвали въ обществѣ, фактическое положеніе крестьянъ дѣлалось все болѣе и болѣе печальнымъ. Быть крѣпостныхъ крестьянъ въ половинѣ XIX вѣка не былъ еще подвергнутъ подробному научному изученію, но все таки свидѣтельства современниковъ да-

ютъ намъ возможность опредѣлить, въ какомъ направленіи пло его измѣненіе. Прежде всего нерѣдка замѣна чистой оброчной системы—смѣшанною, при которой въ одной вотчинѣ были и барщинныя, и оброчныя крестьяне, должна была вообще неблагопріятно отразиться на положеніи крѣпостныхъ и въ частности уменьшить ихъ земельныя надѣлы. Въ барщинныхъ вотчинахъ господствія запашки все увеличивались, а вмѣстѣ съ тѣмъ должно было уменьшиться количество крестьянской пашни. Съ развитіемъ фабричной промышленности въ помѣщичьихъ имѣніяхъ увеличился самый тяжелый видъ барщиннаго труда—работа на фабрикахъ и заводахъ. Къ тому же помѣщики пользовались трудомъ своихъ крѣпостныхъ не только на собственныхъ фабрикахъ, но и отдавали ихъ въ наемъ заводчикамъ изъ купцовъ за извѣстную плату. Мы видѣли, что въ прошломъ столѣтіи полное обезземленіе крестьянъ было явленіемъ совершенно исключительнымъ; напротивъ того въ половинѣ XIX в. помѣщики стали все чаще и чаще обращать своихъ крѣпостныхъ въ такъ называемыхъ мѣсячниковъ, т. е. безземельныхъ батраковъ; рядомъ съ этимъ число дворовыхъ со времени 8 ревизіи (въ 30-хъ годахъ) до 10-й—(въ концѣ 50-хъ) возросло съ 4 почти до 7% всего крѣпостнаго населенія въ Россіи. Наконецъ стало развиваться, вмѣсто прежняго патріархальнаго, совершенно хищническое отношеніе къ своимъ вотчинамъ: помѣщики-спекулянты приобрѣтали имѣнія, продаваемыя съ аукціону, и затѣмъ спѣшили всевозможными средствами выручить затраченныя деньги: они продавали крестьянъ на свозъ, вымогали большіе оброки истязаніями и угрозою отдачи въ рекруты, отпускали на волю за громадный выкупъ и т. п. Такое ухудшеніе быта крѣпостныхъ должно было все болѣе увеличивать ихъ недовольство. Дѣйствительно мы видимъ, что поджоги помѣщичьихъ имѣній, убійства владѣльцевъ, крестьянскія волненія становятся все чаще и чаще. Наконецъ, по свидѣтельству Ю. О. Самарина, крестьяне начинаютъ подвергаться помѣщиковъ тѣлесному наказанію. Надо было найти выходъ изъ такого положенія, по меньшей мѣрѣ неудобнаго для обѣихъ сторонъ. Благодаря гуманитарному вліянію литературы, все болѣе и болѣе распространялась мысль о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права, а съ другой стороны люди прозорливые начи-

нали понимать, что экономическая зависимость можетъ связывать крѣпче юридической.

Навонецъ насталь день 19-е февраля, принесшій народу великое счастье свободы, но было бы неправдой сказать, что это чувство было безъ примѣси горя. Наблюдательный англичанинъ, посвятившій нѣсколько лѣтъ на изученіе нашего внутренняго быта, на вопросъ, „лучше ли стало жить послѣ освобожденія“, получаль типическій отвѣтъ: „какъ вамъ сказать: и лучше, и хуже“. Мы знаемъ, почему стало „лучше“: потому, что уничтоженъ помѣщичій произволь, „хуже“, потому что отрѣзано значительное количество земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, а за остальную приходится тяжело расплачиваться. Обременительность выкупныхъ платежей признана самимъ правительствомъ; недостаточность земельныхъ надѣловъ вызываетъ необходимость серьезныхъ мѣръ для организаціи переселеній. Крестьянинъ, сидящій на однодесятинномъ, такъ называемомъ нищенскомъ надѣлѣ, крестьянинъ безлошадный, крестьянинъ совершенно безземельный—все это явленія, почти вовсе неизвѣстныя помѣщичьей вотчинѣ прошлаго столѣтія.

Итакъ тяжелое положеніе крестьянъ требуетъ серьезныхъ мѣръ для улучшенія ихъ быта. Что же должны дѣлать мы, не призванные вязать и рѣшить? Мы прежде всего должны изучать народный бытъ, указывать мѣры, нужныя для подъема народнаго благосостоянія. Необходимость изученія современнаго народнаго быта признана въ значительной степени, и въ этомъ направленіи предпринимаются весьма почтенные труды. На мнѣ, какъ на историкѣ, лежитъ обязанность указать, что не менѣе необходимо изученіе и прошлой народной жизни. Какъ мало сдѣлано въ этомъ отношеніи, видно уже изъ того, что мнѣ пришлось употребить десять лѣтъ самаго усидчиваго труда на изученіе одной эпохи въ исторіи крестьянъ. У нашего народа есть прекрасный обычай созывать помочи въ тяжелую страдную пору; позвольте же и мнѣ влѣкнуть влччъ о помощи въ моей тяжелой работѣ. Стоитъ только сознать, что изученіе прошлаго не менѣе необходимо, чѣмъ знакомство съ настоящимъ; что настоящее правильно понимается только при яркомъ свѣтѣ исторіи, что лишь при строгомъ критическомъ отношеніи къ прошлому и настоящему

создается хорошее будущее—стоитъ это понять, и, мы увѣрены, найдутся самоотверженные работники, готовые положить свою жизнь на изученіе прошлаго народнаго быта,—безъ этой вѣры, для меня лично, не стоило бы работать, не стоило бы даже жить; для успѣха же этихъ работъ пожелаемъ одного—полной свободы научнаго изслѣдованія!

Василій Изв. Семевскій.

17-го февраля 1892
Москва

ДИСПУТЬ В. И. СЕМЕВСКАГО

въ Московскомъ университетѣ.

Настоящій рефератъ, самый подробный и обстоятельный изъ всѣхъ, помѣщенныхъ въ газетахъ, былъ напечатанъ въ газетѣ „Русскія Вѣдомости“ 1882 г., № 65; отсюда мы его и перепечатаемъ, считая такую перепечатку особенно умѣстною вслѣдъ за сообщенною выше рѣчью молодого ученаго, магистра Русской Исторіи, В. И. Семевскаго. Ред.

17-го февраля въ актовомъ залѣ университета В. И. Семевскій защищалъ диссертацию на степень магистра русской исторіи. Г. Семевскій уже давно извѣстенъ въ нашей литературѣ многочисленными изслѣдованіями по исторіи крестьянъ въ XVIII вѣкѣ, помѣщавшимися въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Эти изслѣдованія, обыкновенно основанныя на самостоятельной разработкѣ архивныхъ свѣдѣній, имѣли то важное преимущество сравнительно съ предшествующими трудами по исторіи крестьянъ, что сосредоточивались главнымъ образомъ на бытовой, особенно экономической, сторонѣ крестьянской жизни. Представленная авторомъ диссертация «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II-й» сводитъ въ одно цѣлое часть прежнихъ изслѣдованій автора, конечно въ значительно переработанномъ и дополненномъ видѣ. Въ обширномъ томѣ, г. Семевскій излагаетъ исторію двухъ разрядовъ крестьянъ, крѣпостныхъ въ Великороссіи и такъ называемыхъ поссессионныхъ. Подобно прежнимъ работамъ, диссертация съ особенной подробностью рисуетъ экономическую обстановку крестьянина XVIII вѣка. Въ отдѣлѣ о крѣпостныхъ крестьянахъ г. Семевскій знакомитъ читателей съ распределеніемъ крѣпостныхъ — оброчныхъ и барщинныхъ, съ количествомъ земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, съ размѣрами повинностей, съ порядками тогдашней земельной общины, съ положеніемъ класса дворовыхъ, съ отношеніями помѣщиковъ къ крестьянамъ. Этотъ отдѣлъ заканчивается интересными свѣдѣніями о побѣгахъ и волненіяхъ крѣпостныхъ крестьянъ. Подобная же программа проведена и въ той части книги, которая касается поссессионныхъ крестьянъ. Кромѣ исторіи прикрѣпленія крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ и ихъ борьбы противъ закрѣпощенія, г. Семевскій рассматриваетъ въ этомъ отдѣлѣ отношеніе фабрикантовъ къ крѣпостнымъ рабочимъ, лежавшія на рабочихъ повинности, количество дней и часовъ ихъ труда, ихъ бытовую обстановку.

Литературная извѣстность В. И. Семевскаго и высокій интересъ его

ислѣдованія привлекли на диспутъ огромную массу посѣтителей; обширная актовая зала была почти биткомъ наполнена слушателями. Засѣданіе началось въ 2 часа вступительнымъ словомъ диспутанта. Въ небольшой, превосходно произнесенной рѣчи, г. Семевскій ознакомилъ слушателей съ главными результатами своихъ десятилѣтнихъ работъ по исторіи крестьянъ.... (Рѣчь его см. въ этой же книгѣ «Русской Старины» стр. 565—578).

Первымъ оппонентомъ былъ проф. Н. А. Поповъ. Г. Поповъ началъ съ критики отзывовъ г. Семевского о предшествующей литературѣ по исторіи крестьянъ. Г. Семевскій, по мнѣнію оппонента, недостаточно оцѣнилъ заслуги покойнаго С. М. Соловьева. Приведа въ своемъ введеніи безъ оговорокъ отзывъ К. Аксакова по поводу седьмого тома «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», онъ какъ будто соглашается съ выраженнымъ въ отзывѣ рѣзкимъ мнѣніемъ, что «въ исторіи Россіи читатель не найдетъ земли и народа». Для оцѣнки такого отзыва прежде всего нужно имѣть въ виду, что онъ былъ написанъ въ періодъ самой острой борьбы между такъ называемыми славянофилами и западниками, и естественно отразилъ на себѣ воззрѣнія извѣстнаго литературнаго кружка. С. М. Соловьевъ, занимаясь русской исторіей въ ея цѣломъ, конечно, не могъ съ монографической подробностью останавливаться на отдѣльныхъ сторонахъ народнаго быта; но несправедливо было бы утверждать, что эти стороны вовсе были упущены имъ изъ виду. Въ очеркахъ внутренняго быта, которыми заключалось въ «Исторіи Россіи» изложеніе каждаго періода, находится множество свѣдѣній по всѣмъ главнымъ отраслямъ народной жизни, въ томъ числѣ и по исторіи крестьянъ.

Г. Семевскій замѣтилъ на это, что ученое достоинство автора «Исторіи Россіи» не нуждается въ новыхъ доказательствахъ; если въ введеніи онъ не касался этого труда, то единственно потому, что собственно для исторіи крестьянъ въ XVIII вѣкѣ онъ даетъ немного.

Другое замѣчаніе г. Попова касалось историческихъ сравненій, къ которымъ нерѣдко прибѣгаетъ г. Семевскій для оцѣнки положенія русскихъ крестьянъ. Охотно привлекая для своихъ сопоставленій западно-европейскихъ крестьянъ, судьба которыхъ существенно отличалась отъ нашихъ, магистрантъ почти не пользуется свѣдѣніями о крестьянскомъ бытѣ въ Польшѣ, тогда какъ здѣсь онъ могъ бы найти цѣлый рядъ весьма поучительныхъ аналогій.

Отвѣтъ г. Семевского заключался въ указаніи на то, что предметомъ его труда было изученіе исторіи собственно русскихъ крестьянъ, а не сравнительно историческое изслѣдованіе положенія сельскихъ классовъ въ разныхъ странахъ. Ссылки на другія страны приводятся

въ его книгѣ единственно для иллюстраціи выводовъ, построенныхъ на изученіи фактовъ русской жизни; въ этихъ видахъ, насколько было нужно для его цѣлей, онъ воспользовался въ III главѣ книги и исторію Польши.

Въ своемъ послѣднемъ возраженіи Н. А. Поповъ указалъ на то, что у г. Семевского недостаточно выясненъ вопросъ о происхожденіи дворовыхъ людей. Нѣкоторыя мѣста диссертациі даютъ право предположить, что, по мнѣнію автора, этотъ классъ образовался единственно изъ крестьянъ, оторванныхъ отъ земли; между тѣмъ, кромѣ этого источника, классъ дворовыхъ издавна вербовался изъ потомковъ кабалныхъ людей и приписныхъ по ревизіямъ.

Г. Семевскій отвѣтилъ, что онъ не касался въ своей книгѣ исторіи происхожденія класса дворовыхъ; во второй же половинѣ XVIII вѣка способы пополненія этого класса, указанные г. Поповымъ, не имѣли значенія. Притомъ какимъ бы способомъ ни образовались дворовые, характернымъ ихъ признакомъ всегда оставалось то, что они были оторваны отъ земли.

Второй официальный оппонентъ, проф. В. О. Ключевскій, первое свое возраженіе направилъ противъ опредѣленія крѣпостныхъ крестьянъ, принятаго въ диссертациі. Г. Семевскій причисляетъ къ разряду крѣпостныхъ однихъ помѣщичьихъ крестьянъ; а между тѣмъ, по мнѣнію г. Ключевского, есть всѣ основанія относить къ этой категоріи также крестьянъ, приписанныхъ къ церквамъ и монастырямъ, равно какъ къ фабрикамъ и заводамъ. Тѣ признаки, которыми авторъ отличаетъ посессионныхъ крестьянъ отъ крѣпостныхъ, не существенны. Такъ, покупать крѣпостныхъ купцы могли и до образованія класса посессионныхъ крестьянъ; право жалобы на притѣсненія владѣльцевъ принадлежало не однимъ посессионнымъ, но и помѣщичьимъ крестьянамъ. Если на этомъ основаніи причислить церковныхъ и посессионныхъ крестьянъ къ классу крѣпостныхъ, то численность этого класса въ Россіи во второй половинѣ XVIII вѣка будетъ не въ 45 проц. всего населенія, какъ полагаетъ авторъ, а гораздо больше, такъ что благоприятное для Россіи сравненіе съ Западною Европою должно будетъ сильно измѣниться.

Въ отвѣтъ на это возраженіе г. Семевскій указалъ на важныя различія, какія провель самъ законъ между посессионными и крѣпостными крестьянами. Посессионные крестьяне были прикрѣплены не къ лицу владѣльца, а къ фабрикѣ, и не могли быть продаваемы отдѣльно отъ послѣдней, или переводимы съ одной фабрики на другую; права фабрикантовъ по отношенію къ посессионнымъ крестьянамъ были по закону гораздо болѣе ограничены, нежели права по-

мѣщиковъ относительно крѣпостныхъ. Поссессионнымъ крестьянамъ по закону предоставлялось право жалобы на притѣсненія фабрикантовъ, послѣдствіемъ которыхъ могло быть отобраніе приписанныхъ рабочихъ въ казну; тогда какъ помѣщичьимъ крѣпостнымъ указомъ 27-го августа 1767 года было формально запрещено подавать челобитныя на своихъ владѣльцевъ, и за нарушение этого указа установлены строгія наказанія. На основаніи всѣхъ этихъ отличій г. Семевскій считалъ себя въ полномъ правѣ выдѣлить поссессионныхъ крестьянъ въ особый классъ и не включать ихъ въ счетъ крѣпостнаго населенія Россіи. Подобнымъ же образомъ существованіе крупныхъ юридическихъ различій въ правахъ церковей и монастырей надъ приписанными къ нимъ крестьянами сравнительно съ правами помѣщиковъ на ихъ крѣпостныхъ, далѣе секуляризація церковныхъ вотчинъ въ началѣ царствованія Екатерины II послужили основаніемъ для исключенія церковныхъ крестьянъ изъ категоріи крѣпостныхъ.

Продолжая свои возраженія, г. Ключевскій оспаривалъ мнѣніе автора диссертации о неподвижности процента крѣпостнаго населенія въ длинный періодъ, протекшій между 2-й и 4-й ревизіями (1742—1781 г.). Изъ цифръ, приводимыхъ г. Семевскимъ, выходитъ, что крѣпостные крестьяне, какъ по 2-й, такъ и по 3-й и 4-й ревизіямъ, составляли 53% всего сельскаго населенія. Эти цифры могутъ приводить къ заключенію, что крѣпостное право не росло въ Россіи въ XVIII в.; тогда какъ эта кажущаяся неподвижность просто объясняется тѣмъ, что въ періодъ между 3-й и 4-й ревизіями крѣпостные крестьяне изъ Великороссіи усиленно переводились помѣщиками во вновь приобрѣтенныя крайнія мѣстности. Это объясненіе упущено авторомъ изъ виду.

Г. Семевскій отвѣтилъ, что цифры, приведенныя въ его книгѣ, и вытекающій изъ нихъ выводъ, относятся не къ цѣлой Россіи, а къ однимъ великороссійскимъ губерніямъ. Что же касается до вліянія колонизаціи, то оно не могло быть значительно въ эпоху до 4-й ревизіи, такъ какъ заселеніе Новороссіи, повлекшее особенно крупныя передвиженія крѣпостныхъ крестьянъ, началось лишь къ концу царствованія Екатерины II.

Дальнѣйшія замѣчанія г. Ключевскаго относились къ вопросу объ относительномъ распространеніи оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ въ Великороссіи. Г. Семевскій на основаніи разработки огромнаго архивнаго матеріала, преимущественно «экономическихъ примѣчаній» къ документамъ генеральнаго межеванія, пришелъ къ выводу, что въ нечерноземныхъ губерніяхъ Великороссіи въ разсматриваемый имъ періодъ преобладали оброчные крестьяне (55%), а въ черноземныхъ

барщинные (74⁰/₁₀₀); въ среднемъ же выводъ для цѣлой Великороссіи оброчныхъ было 44⁰/₁₀₀, а барщинныхъ 56⁰/₁₀₀ всего числа крѣпостныхъ. Такой выводъ противорѣчитъ свидѣтельствамъ императрицы Екатерины II и Шторха, по которымъ въ большинствѣ имѣній крестьяне были отпущены на оброкъ. Такъ какъ трудно предположить, что современники, и притомъ столь компетентные, могли такъ сильно ошибаться относительно близко знакомаго имъ явленія, то г. Ключевскій счелъ нужнымъ подвергнуть внимательному анализу выкладки г. Семевского, и выводитъ, что выводы его, по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ губерній черноземной полосы, основаны на недостаточномъ количествѣ данныхъ. Такъ, по Курской губерніи г. Семевскій имѣлъ въ своемъ распоряженіи свѣдѣнія лишь о 39⁰/₁₀₀, по Пензенской о 57⁰/₁₀₀ всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ. Если бы свѣдѣнія объ остальныхъ помѣщичьихъ крестьянахъ были разработаны, то распредѣленіе крѣпостныхъ между оброчными и барщинными, по всей вѣроятности, оказалось бы ближе подходящимъ къ приведенному выше показанію современниковъ.

Диспутантъ возразилъ, что онъ воспользовался всѣмъ, что можно было извлечь изъ документовъ генеральнаго межеванія; онъ распредѣлил 3¹/₂ милліона изъ 4¹/₂ милліоновъ человѣкъ, т. е. 73⁰/₁₀₀ всего крѣпостнаго населенія...

Въ заключеніе проф. Ключевскій высказалъ гипотезу, объясняющую, приводимыя въ диссертациі цифры крѣпостныхъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ. Онъ полагалъ, что эти цифры находятся въ связи съ условіями военной защиты стараго Московскаго государства. Крѣпостныхъ всего больше въ губерніяхъ, которыя составляли окраины Московскаго государства, и потому постоянно нуждались въ защитѣ. Такъ какъ помѣстья и вотчины давались государями преимущественно въ видахъ обезпеченія военной службы, то неудивительно, что на окраинахъ, составлявшихъ военный оплотъ государства, помѣстья раздавались особенно щедрою рукою, вслѣдствіе чего тамъ и образовывалось большее скопленіе крѣпостныхъ.

Послѣ officialныхъ оппонентовъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній проф. А. И. Чупровъ. Одинъ изъ важнѣйшихъ выводовъ въ книгѣ г. Семевского состоитъ въ томъ, что въ XVIII вѣкѣ помѣщичьи крестьяне имѣли въ своемъ пользованіи втрое больше земли, чѣмъ теперь (11 десятинъ противъ 3¹/₂ дес. въ настоящее время). Этотъ выводъ основанъ относительно оброчныхъ крестьянъ на томъ предположеніи, что они пользовались всею землею, находившеюся въ имѣніи. Между тѣмъ это предположеніе, весьма существенное для вѣрности вывода, основано только на свидѣтельствахъ двухъ современ-

никовъ, Шторха и Елагина. Что же касается барщинныхъ крестьянъ, то для вычисленія количества земли, находившейся въ ихъ пользованіи, допущенъ въ сочиненіи пріемъ, съ которымъ едва ли можно согласиться. Г. Семевскій, на основаніи свидѣтельства Татищева и Волгина о томъ, что крестьяне пахали господской пашни по 1½ десятины на душу, принимаетъ эту норму для всѣхъ барщинныхъ крестьянъ во всѣхъ губерніяхъ, вычитая рассчитанную по этой нормѣ помѣщичью запашку изъ общей площади барщиннаго имѣнія. Онъ считаетъ остатокъ находившимся въ пользованіи крестьянъ. Г. Чупровъ находилъ, что такой расчетъ, будучи вѣренъ относительно губерній, о которыхъ имѣлись свидѣтельства, не могъ быть распространенъ на всѣ великороссійскія губерніи уже вслѣдствіе различія господствующихъ въ нихъ земледѣльческихъ системъ. Трудно предположить, чтобы помѣщичья запашка, по расчету на душу, имѣла одну и ту же величину въ Тульской губерніи при трехпольной системѣ съ удобреніемъ, въ Воронежской при залежной системѣ, и въ Вологодской при огневомъ хозяйствѣ.

Въ отвѣтъ на слова г. Чупрова, диспутантъ указалъ на то, что свидѣтельства Шторха и Елагина относительно оброчныхъ крестьянъ весьма авторитетны, такъ какъ оба эти лица были близко знакомы съ господствовавшимъ тогда хозяйствомъ; притомъ эти свидѣтельства совпадаютъ съ цѣлымъ рядомъ позднѣйшихъ показаній, по которымъ оброчные пользовались всею помѣщичьею землею. По вопросу о нормѣ господской запашки въ барщинныхъ имѣніяхъ г. Семевскій не отрицалъ возможности вліянія различныхъ земледѣльческихъ системъ на величину запашки, но по свойству имѣющихся историческихъ матеріаловъ признавалъ невозможнымъ опредѣлить это вліяніе. Поэтому онъ вынужденъ былъ основать свой расчетъ на тѣхъ, хотя немногихъ, но положительныхъ данныхъ, которыя ему удалось отыскать въ источникахъ.

Диспутъ затянулся до 6 часовъ и окончился чтеніемъ факультетскаго отзыва о диссертациі. Провозглашеніе Василія Ивановича Семевскаго магистромъ Русской исторіи было привѣтствовано публичкой дружными рукоплесканіями, которыя возобновлялись нѣсколько разъ и прекратились только съ выходомъ г. Семевскаго изъ зала засѣданія.

вѣдомостей. А. А. Кіевъ. 1882. 211 стр. въ м. 8 д. л. Цѣна 50 коп.

По сознанию составителя — «болѣе искусный ловецъ архивный» могъ-бы найди въ горахъ глѣющихъ старыхъ дѣлъ много любопытнаго; онъ печаталъ «скудная крупицы историческаго матеріала» въ виду того, что скоро вся масса бумагъ придетъ въ совершенную негодность. Въ 16-ти главахъ напечатано нѣсколько интересныхъ документовъ, относящихся исключительно до Кіева. Они въ разное время были напечатаны въ губернскихъ вѣдомостяхъ, а потому и могли ускользнуть отъ изысканій историка. Надѣемся, что печатаніе не ограничится однимъ первымъ выпускомъ, что было-бы прискорбно.

А. А. Титовъ. Охранный каталогъ славяно-русскихъ рукописей. Выпускъ первый. Ростовъ. 1881. II+214+11 въ 16 д. л.

Этотъ каталогъ, отпечатанный въ 100 экземплярахъ, есть подготовительное пособіе къ ученому описанію рукописей, которое современемъ желаетъ издать собиратель. Всѣхъ манускриптовъ и старопечатныхъ книгъ въ каталогъ показано 828, изъ нихъ многіе принадлежали покойному О. М. Бодянскому. Самая драгоценная рукопись въ собраніи «Греко-латино-славянскій лексиконъ» Епископія Славянецкаго (№№ 67 и 68—2 тома на 1320 листахъ), знаменитаго «дидакакала» XVII вѣка, бывшаго справщика книгъ печатнаго двора.

Балетъ, его исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. Балетомана. Спб. IV+280 стр. въ 8 д. л.

Вполнѣ оправдывая свой псевдонимъ, авторъ отнесся къ предмету своей книги не только какъ страстный любитель, но и знатокъ хореографіи. Мы тѣмъ охотѣе даемъ мѣсто исторіи балета въ исторической библиографіи, что эта отрасль изящныхъ искусствъ имѣла въ Россіи вліяніе на развитіе и успѣхи театра вообще. Изъ девяти главъ своей исторіи, первый четыре авторъ посвятилъ всестороннему изслѣдованію балета. Столь серьезныя воззрѣнія на предметъ, въ глазахъ многихъ строгихъ аристарховъ—ничтожный и малозначущій, изобличаетъ въ авторѣ, пре-

де всего близкое изученіе литературы хореографическаго искусства. Иностранная библиографія обилуетъ спеціальными сочиненіями о предметахъ несравненно ничтожнѣе хореографіи—но тамошніе рецензенты относятся и къ этого рода произведеніямъ съ должнымъ вниманіемъ. Бриллея Саваренъ писалъ о кухнѣ, но его Physiologie du goût признана сочиненіемъ образцовымъ и не одними гастрономами. Во второй половинѣ историческій интересъ книги Балетомана не оспоримъ. Въ трехъ послѣднихъ главахъ изложена исторія балета въ Россіи съ 1736 по 1881 годъ. Умѣвъ воспользоваться всеми матеріалами, донынѣ напечатанными о русскомъ балетѣ (въ особенности Записками П. А. и А. М. Каратыгиныхъ), авторъ, не утомляя вниманія читателя, легкимъ разговорнымъ языкомъ повѣствуетъ о началѣ, постепенномъ развитіи и совершенствованіи балета, приводитъ массу анекдотовъ и біографическихъ свѣдѣній о балетмейстерахъ, танцовщикахъ и балеринахъ, какъ восхищавшихъ прадѣдовъ, такъ и восхищающихъ правнуковъ. Изданіе весьма изящно.

Н. Макаровъ. Мои семидесятилѣтніи воспоминанія и съ тѣмъ вмѣстѣ моя полная предсмертная исповѣдь. Часть первая. Спб. 1881. XII+195. стр. Часть вторая 150+59 стр. Часть третья 235 стр. въ 8 д. л.

Воспоминанія эти, писанныя и прозою и стихами, на русскомъ и на французскомъ языкахъ, при нѣкоторой излишней «разговорчивости» почтеннаго автора, имѣютъ мѣстами несомнѣнный интересъ; авторъ, родившійся въ 1810 году, проживалъ попеременно въ провинціи и въ столицахъ, служилъ въ военной службѣ—и, наконецъ, лично знавалъ многихъ замѣчательныхъ людей различныхъ сферъ общественной дѣятельности въ царствованія Александра I и Николая Павловича. Полнѣйшая беззавѣтная откровенность воспоминаній служить порукою за ихъ правдивость. Интересу чтенія иногда вредитъ избытокъ субъективности разсказовъ, доходящій до злоупотребленія мѣстоимѣніемъ я. Недостатокъ, впрочемъ, вполне извинительный преклонному возрасту автора; повторяемъ книга интересна.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1882 г.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за двѣнадцать книгъ, четыре большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей,

ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, Большая Садовая, подлѣ Публичной Библиотеки, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова**, д. № 12. Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, статьи, обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ. — III. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр. — IV. Очерки и статьи изъ исторіи русской литературы и искусства и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники. — V. Библиографическіе отзывы о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе рассказы, преданія и замѣтки. — Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. VII. Народная русская словесность. — VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 17 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн., съ порт. и Зап. Порошина 8 руб.

Издатель-редакторъ **М. И. Семевскій**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ тринадцатый.

І Ю Н Ъ.

1882 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки Д. И. Ростиславова о духовенствѣ. Гл. XV	585	IX. Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ. Гл. XXXVII—XXXVIII: Гарибальди въ Англии.	755
II. Амвросій Протасовъ, архіепископъ Тверской, 1762—1831 гг. Состав. В. П. Жмакинъ	615	X. Очерки, матеріалы и замѣтки: Русскіе писатели въ 1796—1800 гг. (775).—Моршанскіе скопцы, очеркъ. Сообщ. П. Дубасовъ (777).—Нѣмцы на святой Руси. Замѣтки. Сообщ. Н. Х-й (786).—Къ Зап. Сельск. Священника, заявленіе А. Гусева (792).—Ив. Паллов. Брюловъ. Сообщ. Ѳ. Ѳ. Львовъ (793).—Медвѣдь и Вобры, басня. Сообщ. В. К. Шульцъ (795).	
III. Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, 1754—1829 гг.	641	XI. Дворянскій полкъ, 1807—1859. Празднованіе семьдесятъ пятой годовщины его основанія. Сообщ. Г. М. Гольмдорфъ.	
IV. Князь А. Н. Голицынъ и архимандритъ Фотій, 1822—1825 гг. Сообщ. съ предисловіемъ профессоръ Н. П. Барсовъ.	683	XII. Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ [на оберткѣ].	
V. Воспоминанія и замѣтки А. Ф. Фролова (декабриста). Окончаніе.	701		
VI. Записки генер.-лейтенанта В. Д. Кренке: первые годы С.-Петербургскаго окружнаго интендантства, 1864—1866 гг. Гл. III—V.	715		
VII. На рѣкѣ Черной, 4-го августа 1855 г., въ Крыму. Разказъ. Сообщ. А. Полторацкій.	739		
VIII. Иванъ петровичъ Келеръ, профессоръ живописи. Его автобіографія, 1826—1882 гг. Главы I—II.	743		

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Указатель личныхъ именъ въ XXXIII и XXXIV томахъ «Русской Старины» изд. 1882 г. II. Портретъ Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго († 1829 г.) Гравировалъ И. И. Матюшинъ, ученикъ Академика Л. А. Сѣрякова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, № 90—1.

1882.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1882 г.

А. А. Навроцкій. Картины минувшаго. Стихотворенія и драматическіе отрывки. Спб. 1881. 328 стр. въ 8 д. л. Цѣна 2 руб.

Шестнадцать стихотвореній А. А. Навроцкаго посвящены народнымъ преданіямъ изъ далекой старины, а четыре отрывка изъ драматическихъ произведеній посвящены эпохамъ Боярщины, Стѣнки Разина, Царевны Сосяи, Петра Великаго. Стихотворенія—подобіе «думъ» К. Ѳ. Рыльева и хотя написаны гладкимъ, изящнымъ стихомъ, но нѣсколько уступаютъ «думамъ» въ теплотѣ и страстности. Драматическіе отрывки свидѣтельствуютъ о дѣрованіи автора и знаніи имъ сценальныхъ условій—но Шуйскіе, Разинъ, Сосяи и «европейцы» Петровской эпохи говорятъ одинаковымъ языкомъ—чистымъ, русскимъ, правда!—но языкомъ нашего времени. Въ немъ нѣтъ приправы, колорита и отбѣговъ русской рѣчи XVI, XVII вѣговъ и начала XVIII. Изъ стихотвореній г. Навроцкаго «Памяти Царя-Освободителя» написано особенно искренно тепло и прочувствовано. Изданіе весьма красиво и, по вѣдшему изяществу, недорого. К.

Архивъ князя Воронцова, книга XXIV. М. II. 2 р.

Настоящій томъ имѣетъ сѣшанный характеръ, такъ какъ въ него вошли матеріалы самаго разнообразнаго содержанія; но они имѣютъ большой интересъ по тѣмъ вопросамъ, которыхъ они касаются. Здѣсь можно найти и официальные записки, и частную переписку, и болѣе или менѣе любопытныя черты нравовъ. Изъ болѣе крупныхъ и заслуживающихъ вниманія матеріаловъ назовемъ записку объ управленіи Россіею, гр. А. И. Остермана; автобіограф. записку Бирона съ отвѣтомъ на нее; записку канцлера Б. Рюмина по дѣлу Лестока; письмо Волкова о русской торговлѣ при Елисаветѣ; двѣ записки объ Индіи; автобіографич. бумаги В. В. Пассека. Рядомъ съ ними находимъ свѣдѣнія о полякахъ при дворѣ импер. Елисаветы; о сношеніи Россіи съ Франціей при Елисаветѣ, о чемъ, кстати замѣтимъ, недавно появилась отдѣльная монографія въ Парижѣ, по документамъ французскихъ архивовъ; о родителяхъ Екатерины II; о Дашковой; первомъ русскомъ санскритологѣ Лебедевѣ; о первыхъ сношеніяхъ съ Японіей; о Радищевѣ и Голиковѣ; объ отношеніяхъ Суворова къ Потемки-

ну; письмо Костюшки къ импер. Павлу и друг.

Семейство Разумовскихъ. Т. III. Свѣтлѣйшій князь Андрей Кирилловичъ. Ч. I. 530.

Весь интересъ настоящаго тома сосредоточивается, главнымъ образомъ, на дипломатической исторіи второй половины царств. Екатерины II и царств. Павла I и Александра I. Отправляя важныя дипломатическія порученія, въ качествѣ представителя Россіи, въ Неаполь, Копенгагенъ, Стокгольмъ и Вѣнъ, кн. А. К. Разумовскому пришлось быть участникомъ въ такихъ событіяхъ, имѣющихъ общео-историческій интересъ, какъ сближеніе Россіи съ Австріею и Пруссіей, по вопросу объ окончательномъ раздѣлѣ Польши, и образованіе коалиціи противъ Франціи еще при Екаторинѣ II, а затѣмъ походъ Суворова въ Италію и Швейцарію; политика Тугута; очеркъ вѣднейшей политики Россіи въ началѣ царств. Александра I.

Главное достоинство этого тома, какъ и предъидущихъ, заключается въ массѣ интересныхъ матеріаловъ, сообщенныхъ авторомъ изъ семейныхъ и правительственныхъ архивовъ, которые для исторіи дипломатіи въ этотъ періодъ представляютъ незамѣнимый источникъ. Въ настоящемъ томѣ авторъ воспользовался архивомъ Разумовскаго, бумагами архивовъ берлинскаго и парижскаго національной бібліотеки; но особенную важность имѣютъ депеши и рескрипты до 1800 года, почерпнутые имъ изъ Московскаго архива минист. иностранныхъ дѣлъ и помѣщаемые, какъ и другіе матеріалы, въ весьма обширныхъ извлеченіяхъ.

Въ ряду другихъ эпизодовъ, описанныхъ авторомъ, заслуживаетъ вниманія рассказъ о политическихъ замыслахъ въ пользу вел. князя Павла Петровича, совпадающихъ съ его первымъ бракомъ, и отношеніяхъ стараго и молодого дворовъ, вызванныхъ этими интригами. Для освѣщенія ихъ авторъ воспользовался парижскимъ архивомъ, такъ какъ гр. А. К. Разумовскій стоялъ въ это время въ особенно близкихъ отношеніяхъ къ членамъ французскаго посольства въ Петербургѣ, которое не было чужды самой интриги. Имѣетъ съ тѣмъ эти матеріалы дополняютъ намъ характеристику первой супруги вел. кн. Павла Петровича (22—60 стр.). За эти планы молодой гр. А. К. Разумов-

ДМИТРИЙ ПРОКОФЬЕВИЧЪ ТРОШИНСКІЙ,
дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ
р. 1754 † 1829 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» изд. 1882 г.

ЗАПИСКИ Д. И. РОСТИСЛАВОВА,

ПРОФЕССОРА СПБ. ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

† 18-го февраля 1877 г.

Глава XV ¹⁾.

О томъ, гдѣ, кто и какъ насъ учили и надзирали за нами въ Насимовскомъ приходскомъ духовномъ училищѣ.

Приступая къ описанію моего ученія въ этомъ училищѣ, нужнымъ нахожу предварительно немного поговорить объ училищномъ домѣ. Онъ расположенъ былъ на углу обширной площади и одной изъ улицъ, имѣлъ довольно обширный дворъ, обстроенный почти со всѣхъ сторонъ большимъ, главнымъ, такъ сказать, корпусомъ, двумя флигелями, конюшнею, каретнымъ сараемъ, банею, ледниками и пр. По носившимся тогда слухамъ, онъ прежде принадлежалъ повойному священнику Успенской церкви и будто бы нашимъ смотрителемъ, при помощи какого-то мошенничества, отнять былъ у жены покойника, жившей по сосѣдству съ училищемъ въ домикѣ, на дворъ котораго отъ насъ была калитка, показывавшая, что оба дома принадлежали нѣкогда одному хозяину. Слухъ этотъ подтверждался снисходительностію, которую выказывалъ нашъ смотритель въ сосѣдкѣ-попадкѣ. Онъ, какъ увидимъ послѣ, былъ человекъ гордый, самолюбивый, пользовался большимъ уваженіемъ и, по русской поговоркѣ, никому не поз-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XVII, стр. 1—38; 545—572; 681—704; т. XXVIII, стр. 35—68; 179—218; 385—408; изд. 1882 г., т. XXXIII, стр. 67—86; 657—672.

волялъ ступать себѣ на ногу. А между тѣмъ старуха-попадья, встрѣтится ли съ нимъ, увидитъ ли его на крыльцѣ своего домика на училищномъ дворѣ, принималась громко называть его разбойникомъ, грабителемъ, мошенникомъ, напоминала объ отнятіи у нея дома; это мы слышали иногда цѣлымъ училищемъ и достоуважаемый отецъ протоіерей смиренно переносилъ всѣ эти ругательства.

Большой домъ занятъ былъ квартирою смотрителя; каждый флигель состоялъ, если просто выразиться, изъ двухъ избъ, отдѣлявшихся другъ отъ друга большими сѣнями съ однимъ или двумя чуланами. Въ одномъ флигелѣ помѣщались высшее и низшее отдѣленія, а въ другомъ приходское училище и кухня. Аудиторіи наши не отличались изящною отдѣлкою. Въ каждой изъ нихъ близъ самой двери стояла голландская кирпичная печь, даже никогда не бѣлившаяся; на стѣнѣ, противоположной съ дверью, висѣла плохенькая зачернѣвшая икона, подъ которою гвоздочками прибиты были списоetzъ учениковъ класса и перечень праздниковъ, въ которые не должно быть ученья. Ко всѣмъ стѣнамъ придѣланы были лавки, какія обыкновенно находятся въ деревенскихъ избахъ, такъ что сами учителя сиживали не на стулѣ, а на лавкѣ. Передъ ними стоялъ, разумѣется, столикъ, а для учениковъ вдоль двухъ продольныхъ сторонъ избы находились столы, но не той формы, какая принята для учебныхъ заведеній, а столы изъ трехъ скрѣпленныхъ между собою толстыхъ досокъ и утвержденныхъ на четырехъ толстыхъ ножкахъ; все это было самой простой, грубой работы. Одна часть учениковъ сидѣла на лавкѣ вдоль стѣны, а другая на скамьѣ, стоявшей по другую сторону стола; послѣдніе спиною къ срединѣ класса и къ учителю. Случалось впрочемъ, что скамьи иногда не было; тогда нѣкоторымъ нужно было стоять. Случалось также, что для половины или значительной части учениковъ не доставало и столовъ, тогда они сидѣли на лавкахъ, а если нужно было что нибудь писать, то становились на колѣна на полъ и, обратившись лицомъ къ лавкѣ, клали на нее бумагу.

Нечистота въ нашихъ аудиторіяхъ доходила чуть ни до самаго крайняго предѣла. Я даже не припомню, чтобы полы въ нихъ хоть когда нибудь мыли. Между тѣмъ, каждый изъ насъ на своихъ ногахъ приносилъ въ классъ или пыль, или снѣгъ,

или уже готовую грязь; все это, разумѣется, оставалось главнымъ образомъ на полу, утаптывалось нашими ногами, постепенно наслоивалось, и составляло, такъ сказать, особую покрывку сверхъ полу, на которой по мѣстамъ возвышались затвердѣвшіе бугорки изъ грязи. Если же время было сырое, то составлялась болѣе или менѣе густая грязь, полъ дѣлался скользкимъ, такъ что, разыгравшись, мы падали прямо въ классическую грязь, которую съ полу ни смыть, ни даже соскрести не было возможности. По лавкамъ и столамъ мы ходили тѣми же самыми ногами, которыя и на улицахъ и въ классѣ были загрязнены. Отъ этого, садясь на лавку или опираясь руками на столъ, бывало рискуешь замарать свое платье. Стѣны и потолокъ не были конечно столько же грязны, какъ полъ, но и не могли назваться чистыми. На нихъ ложилось множество пыли; но у насъ прибавлялся къ ней новый элементъ. Когда классы были холодны и мы нагрѣвали ихъ своимъ дыханіемъ, то водяные пары на потолокъ и стѣнахъ осаживались мало по малу и составляли капли. Часть этихъ капель съ потолка падала на насъ, а другая оставалась тамъ, и, смѣшавшись съ пылью, составляла особаго рода мастику, которая, просохнувъ, покрывала потолокъ. На стѣнахъ происходило тоже самое, съ тѣмъ только различіемъ, что капли не падали на насъ, а соединившись между собою текли внизъ, отчего стѣны разрисовывались затѣйливыми іероглифами.

Описаніе мое прилагается ко всѣмъ классамъ, но приходское училище имѣло еще нѣкоторыя особыя качества. Здѣсь дверь плохо притворялась и была съ порядочными щелями; наружный холодный воздухъ, втекая чрезъ нихъ и смѣшавшись съ менѣе холоднымъ комнатнымъ, производилъ близъ двери нѣчто въ родѣ тумана. Полъ былъ еще чернѣе, нежели въ прочихъ классахъ отъ кухни, имѣвшей общія сѣни съ классомъ. Кромѣ того, нѣкоторыя половыя доски въ классѣ по мѣстамъ сгнили и проломились, такъ что чрезъ составившіяся отверстія мы могли спускаться въ подполье. Классы не имѣли каменнаго фундамента и нижнія бревна ихъ лежали на столбахъ въ порядочномъ разстояніи отъ земли. На зиму они обваливались, такъ называемыми завальнями, но лѣтомъ завальни отбрасывались и такимъ образомъ оставалось свободное пространство, чрезъ которое открывалась дорога въ подполье. Отъ этого въ приходскомъ училищѣ можно было, спустив-

пись сквозь отверстіе въ полу въ подполье, выйти на площадь и послѣ прогулки возвратиться тою же дорогою въ классъ.

Въ этой-то аудиторіи помѣщались и первый и второй классъ приходскаго училища, хотя каждый изъ нихъ долженъ былъ существовать отдѣльно отъ другаго и имѣть особаго учителя. Но въ нашемъ училищѣ было не одно это отступленіе относительно учителей. По уставу ихъ должно бы быть шесть: два въ высшемъ, два въ низшемъ отдѣленіяхъ уѣзднаго училища и два въ приходскихъ классахъ; между тѣмъ какъ всего было только три учителя и четвертый смотритель, который впрочемъ считался преподавателемъ одной географіи. Такая экономія въ учителяхъ не вліяла на экономію въ деньгахъ; жалованье, слѣдовавшее шести учителямъ, раздѣлялось между тремя и смотрителемъ.

Описавши классическія комнаты, теперь приступлю къ описанію людей, которые въ нихъ временно помѣщались; начну съ должностныхъ лицъ, которые раздѣлялись на два разряда: низшій и высшій. Къ первому принадлежали аудиторы, цензора или старшіе и дневальные изъ учениковъ, а ко второму смотритель и учителя.

Въ то время, какъ я поступилъ въ приходское училище, на оба его класса было только два аудитора: Соловьевъ и Веселвинъ. Обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобы узнать каково приготовлены мальчиками уроки; это выражалось техническимъ словомъ слушать или прослушать, слушаться или прослушаться. Хорошая или дурная подготовка урока отмѣчалась въ нотатѣ. Это была тетрадка въ листъ или два: на первой ея страницѣ красовались крупными буквами слова: нотата учениковъ такого-то отдѣленія или класса за такой-то мѣсяць или треть; аудиторъ такой-то и такой-то. На слѣдующихъ страницахъ писались имена и фамиліи учениковъ; и противъ каждаго изъ нихъ на двухъ страницахъ квадратикъ, въ которыхъ аудиторъ отмѣчалъ степень знанія или незнанія уроковъ учениковъ. Въ приходскомъ училищѣ мы латинскаго языка вовсе не знали, и только къ концу втораго года насъ учили читать по латыни и еще начаткамъ грамматики, а между тѣмъ, по заведенному издавна обыкновенію, отмѣтки дѣлались начальными буквами латинскихъ словъ, которыя мы произносили по своему. Знаки эти и слова были слѣдующія: sc — sciens (знающій), ns — пе-

sciens (ничего не знающій), nt — non totum (знающій часть урока), nr — non recitabat (отказался или не успѣлъ прослушаться), er — errans (не твердо знающій); кромѣ того, были еще отмѣтки: ag — aegrotus (боленъ), ab — absens (не пришелъ въ классъ по лѣности, или по неизвѣстной какой-либо причинѣ). Но мы эти слова произносили: ссиенсъ, нессиенсъ, нонтотъ, нонресценсъ, ѳрансъ, ѳгеръ; только одинъ absens былъ говариваемъ правильно.

Аудиторы, будучи такими-же мальчиками, какъ и прочіе ученики-дѣти, не имѣли никакого педагогическаго такта. Для нихъ знать урокъ тоже значило, что прочитавъ его слово въ слово, безъ всякихъ опущеній и прибавленій; прочитавшій такимъ образомъ былъ ссиенсъ. Но если мальчикъ что-либо пропустить, прибавить, замѣнить одно слово другимъ совершенно съ нимъ сходнымъ, напр. вмѣсто итакъ, скажетъ слѣдовательно, или есть вмѣсто находится; если въ перечнѣ словъ, помѣщенныхъ въ какомъ-либо правилѣ или исключеніи изъ него, перестановить ихъ, напр. вмѣсто шея, веревя, прочитаетъ: веревя, шея, то уже онъ ѳрансъ. Авдатору можно было даже знающаго записать незнающимъ, потому что учителя большею частію считали необходимымъ имѣть въ немъ довѣріе и поддерживать ихъ авторитетъ. Если бы ученикъ, который записанъ нонтотъ, ѳрансъ, нессиенсъ, и прочитавъ хорошо учителю урокъ, то аудиторъ въ свое оправданіе говаривалъ: да онъ послѣ уже выучилъ, а когда я слушалъ его, онъ не зналъ; и оправданіе это принималось безъ апелляціи, но отмѣтка въ нотатѣ оставалась неизмѣнною и если подобные случаи повторятся на недѣлѣ два три, то ученикъ будетъ все-таки лѣнливимъ и его не только поставятъ на колѣни, но даже и высѣкутъ. Съ другой стороны, если учитель, прослушавъ самъ учениковъ, найдетъ, что какой-либо ссиенсъ не знаетъ урока, тогда и аудатору достанется; можетъ быть иногда ученика и простятъ или легко накажутъ, но большею частію велятъ высѣчь; а аудатора почти всегда сбъкали на славу, только не тѣ ученики, которые у него слушались, а другіе; да и учитель, опасаясь, чтобы не было пристрастія, строго самъ слѣдилъ за сѣченьемъ и при малѣйшемъ послабленіи побрякивалъ на сѣкущаго; иные же учителя сами бирали въ руки лозу и стегали ею чиновнаго ученика. Аудиторы, понимая и свои права и опасности,

имъ грозяція, были не только чрезвычайно придирчивы, но и требовали отъ своихъ подчиненныхъ вознагражденія за свои труды. Принесешь-ли въ классъ ломоть хлѣба, пышку или купишь кашачь, грѣчушникъ и пр., надобно непременно подѣлиться съ аудиторомъ; онъ и самъ подойдетъ и попроситъ, но лучше уже подойти къ нему и угостить его безъ просьбы. Иначе услышишь:

— Эй смотри, братъ; ты знать меня не хочешь; припомню тебѣ.

Если же кто ничего изъ снѣденнаго не носитъ въ классъ, то ему напомнятъ о его невнимательности къ начальству:

— Ты, братъ, давно уже мнѣ ничего не давалъ, вотъ я подѣвну тебя; узнаешь меня.

А то, не говоря ни слова, начнетъ писать фразъ, нонтотъ, хотя бы мальчикъ и зналъ урокъ, и въ этомъ случаѣ, какъ я уже сказалъ, послѣдствія бывали неприятыя. Чтобы отомстить за невниманіе къ себѣ, аудиторы употребляли и экстренныя средства. Обыкновенно положено было слушать только прежде, нежели звонокъ пробьетъ. Теперь аудиторъ подходящему мальчику говорить:

— погоди, я сейчасъ тебя прослушаю.

А между тѣмъ время уходитъ и вотъ зазвенѣлъ колокольчикъ, — тогда и пишется нонресценсъ. Въ другихъ случаяхъ, когда мальчикъ задумался, заигрался, или занялся зубреніемъ урока, аудиторъ подбѣгаетъ къ нему сзади, беретъ его за плечи и говоритъ:

— Ну, читай скорѣе, читай, вотъ скоро звонокъ.

Мальчикъ отъ неожиданности не вдругъ припомнитъ первыя слова урока, остановится на минуту, а аудиторъ, обратившись къ окружающимъ, скажетъ:

— Вотъ, братцы, смотрите, ничего не знаетъ, — и пишетъ несценсъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ мы, бывало, прихаживали какъ можно ранѣе въ классъ, за часъ, даже за полтора часа до срока, чтобы успѣть прослушаться, а потомъ до самаго нельзя боялись и старались всѣми средствами умиловить аудитора; а онъ, понимая свою важность, могъ тиранствовать надъ нами.

Другая начальственная должность въ каждомъ изъ классовъ духовныхъ училищъ была должность цензора или старшаго. Для

нея избирался самый лучший, первый ученикъ, но иногда не лучший, но за то здоровый и сильный молодецъ. Это былъ нѣчто въ родѣ гувернера, или помощника инспектора. До звонка ученики большею частію мало сидѣли на своихъ мѣстахъ, а ходили по свободнымъ мѣстамъ класса, бѣгали по партамъ; слушались у аудитора, играли, шумѣли и пр. Впрочемъ и тутъ придиричивый и осторожный старшій имѣлъ право усмирять слишкомъ уже разрѣзвившихся своихъ сотоварищей. Но вмѣстѣ съ звонкомъ, возвѣщавшимъ казенное начало класса, власть цензора являлась во всей уже силѣ. Заслышавъ его, онъ важно и громко кричить:

— Эй вы, по мѣстамъ! Что же не садитесь? Въ записку запишу.

Запискою назывался небольшой клочекъ бумаги, въ которую вписывались имена и фамиліи тѣхъ учениковъ, которые оказались виновными въ какомъ-либо проступкѣ, напр.: шумѣли, подрались, убѣгали изъ класса, оказали неповиновеніе старшему, и пр. Начинались обыкновенно они крупными словами: ученики такого-то класса, потомъ писались имена и фамиліи учениковъ, а внизу описывался ихъ проступокъ; напр. относительно шумѣвшихъ писали такъ: сіи ученики шумѣли, или очень громко шумѣли. Если же кто-либо отличался особенною шаловливостію или повторилъ свой проступокъ, то подъ его фамиліей проводилась черта, или двѣ и три,—это называлось подчеркнуть. Ученики, слышавъ грозное: запишу въ записку, старались поскорѣе занять свои мѣста. Старшій въ это время большею частію стоялъ на своемъ мѣстѣ или похаживалъ по классу, посматривалъ на всѣхъ, на того прикрикнетъ, другому пригрозитъ, а случалось и потреплетъ за волосы или сдѣлаетъ какую-либо другую ручную расправу. Когда уже все утихнетъ, старшій все таки посматриваетъ на своихъ подчиненныхъ; при строгой дисциплинѣ считалось преступленіемъ не только шептать съ сосѣдомъ, но даже минами и жестами переговаривать съ кѣмъ-либо, даже повертываться на своемъ мѣстѣ.

— Эй ты, что ты тамъ вертишься, или шепчешь; вотъ я тебя сейчасъ въ записку.

Послѣ звонка никто изъ учениковъ не смѣлъ выходить изъ класса безъ дозволенія цензора, который слѣдилъ, чтобы отпросившійся

отпросился въ свое время. Даже и при учителѣ надзорѣ старшаго не прерывался; замѣтивъ какую-либо неисправность или неприличіе, онъ сейчасъ о томъ докладывалъ учителю. Нами командовалъ сначала Соловьевъ, а потомъ Добромысловъ; они случайно соединяли оба качества, необходимыя для старшихъ, т. е. превосходили насъ по успѣхамъ, по росту и силѣ.

Аудиторы и цензоры избирались на неопредѣленное время и увольнялись отъ своихъ должностей по какимъ-либо причинамъ, которыя показывали ихъ неспособность. Кромѣ этихъ двухъ аристократическихъ должностей, была третья—плебейская, которую исправляли по очереди всѣ ученики, кромѣ высшихъ должностныхъ лицъ; это должность дневальнаго. Онъ обязанъ былъ запереть классъ и держать ключъ у себя въ то время, когда ученики не сидѣли въ классахъ. Поэтому утромъ и послѣ обѣда онъ долженъ былъ приходиться въ училище ранѣе всѣхъ, чтобы ученикамъ не приходилось стоять въ сѣняхъ или на дворѣ. Отступление отъ этого закона, особенно очень значительное, влекло за собою не только неудовольствіе отъ товарищей, но и наказаніе отъ учителя. Затѣмъ съ вечера, или по утру, но во всякомъ случаѣ ранѣе прихода учителя дневальный обязанъ былъ заготовить достаточное количество розогъ. Въ благоустроенныхъ, такъ сказать, училищахъ, но очень немногихъ, розги запасались служителями преимущественно на кухнѣ, соблюдались у нихъ и забирались въ классъ, смотря по надобности, и потомъ опять относились къ служителямъ, которыхъ усмотрѣнію предоставлялось обсудить, можно ли было ихъ еще назначить для новаго употребленія. У насъ все лежало на дневальномъ и если онъ не приготовлялъ розогъ, понадѣявшись на то, что учитель никого не высѣчетъ, или розги окажутся въ недостаточномъ количествѣ или съ качествами, несоотвѣтственными ихъ спеціальному назначенію, тогда дневальный былъ почти всегда наказываемъ и очень больно.

Розги же у насъ большею частію состояли изъ гибкихъ, не очень тонкихъ, но и не толстыхъ ветловыхъ или березовыхъ прутьевъ; отдѣльно по одному ихъ не употребляли для сѣченья, развѣ только иногда ветловый, но уже довольно толстый пруть, и то для маленькихъ мальчиковъ, шоль за лозу; обыкновенно же связывали пучокъ изъ нѣсколькихъ, никакъ не менѣе 3-хъ. Догадливые учителя приказывали связывать пучки только вверху—на концѣ, гдѣ

ихъ брали въ руку. Это дѣлалось съ особою цѣлью. Когда нужно было сѣчь, то лозу расправляли, т. е. на нижнемъ концѣ ея, который долженъ былъ падать на тѣло, раздвигали прутья такъ, чтобы каждый по возможности отдѣлялся отъ другаго, чтобы всякій, такъ связать, самостоятельно дѣйствовалъ, не ослабляя удара своего сосѣда. Связывать надобно было крѣпко, чтобы при самомъ сильномъ размахѣ ни одинъ пруть не отдѣлялся отъ пучка, иначе съ дневальнымъ могла случиться непріятность за небрежность.

Послѣ звонка, возвѣщавшаго начало класса, дневальный отправлялся къ учителю съ докладомъ о томъ, приносилъ иногда оттуда какія-либо книги, нужныя для учителя во время класса, или ученическія тетради, бывшія на разсмотрѣніи у учителя. Иногда въ экстренномъ какомъ-либо случаѣ получалъ приказъ приготовить какъ можно лучше и побольше розогъ,—ну тогда, бывало, у всѣхъ мурашки бѣгаютъ по тѣлу. Далѣе онъ обязывался, когда это было удобно, но, разумѣется до прихода учителя, вымести классъ. Ни щетокъ, ни метель, ни вѣнниковъ казенныхъ у насъ не полагалось. Поэтому наши дневальные иногда брали какой-либо вѣнникъ у своей хозяйки, и имъ подметали классъ, т. е. соръ съ незанятыхъ учебными столами мѣстъ сметали подъ нихъ, отчего у насъ подъ лавками иногда накоплялась не только пыль, а груды песку, обломковъ розогъ и пр. За недостаткомъ вѣника отправлялъ его обязанность кушакъ или полы платья ученика; нѣкоторые даже снимали съ себя тулупъ, халатъ или сибирку и ими выметали классъ. Впрочемъ у насъ на зиму не рѣдко запасались нами же самими голики или метлы, изъ длинныхъ березовыхъ прутьевъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ служили матеріаломъ и для розогъ. Наконецъ дневальные же обязывались въ зимнее время не только истопить печь въ классѣ, но и нарубить дровъ для этого. Начальство и здѣсь не давало ни топора, ни кочерги; мы ихъ приносили съ квартиръ. Занятый столь многими обязанностями, дневальный долженъ былъ получать за то хоть какое-либо вознагражденіе. Оно почти вездѣ состояло въ томъ, что онъ уже не прочитывалъ урока предъ аудиторомъ, отличался въ нотатѣ только дневальнымъ, во многихъ мѣстахъ стоялъ или сидѣлъ поближе къ двери или къ тому мѣсту, гдѣ хранились розги и производились экзекуціи, чтобы тотчасъ по востребованію быть на готовѣ. Тамъ, гдѣ дневальный

исправлялъ должность экзекутора, ученики, ожидавшіе, что ихъ въ тотъ день высѣкутъ, старались задобривать его и упрашивали, чтобы онъ былъ посписходительнѣе къ нимъ.

Выше классическихъ старшихъ и аудиторовъ была, кромѣ учителей, еще очень важная начальственная особа для всего училища, именно старшій выспаго отдѣленія. Онъ былъ старшимъ не только своего класса, но и всего училища,—нѣчто въ родѣ помощника инспектора. Онъ имѣлъ право входить въ каждый классъ въ отсутствіе учителя и принимать мѣры къ прекращенію беспорядковъ, т. е. оттаскать за волосы, надавать пощечинъ, подзатыльниковъ и пр. или донести смотрителю и инспектору; смотрѣлъ, чтобы всѣ мы ходили въ церковь въ воскресенье и праздничные дни къ заутренѣ и обѣднѣ, и вели тамъ себя благоговѣйно; былъ нашимъ предводителемъ и командиромъ, когда мы отправлялись за травами, о чемъ будетъ сказано въ другой главѣ, и пр. и пр.; повторю опять—чѣмъ-то въ родѣ помощника инспектора, хотя въ случаѣ неисправности, сѣкли его также, какъ и прочихъ, едва ли даже не больнѣе.

Высшее наше начальство,—учителя въ приходскомъ нашемъ училищѣ,—сосредоточивалось въ одномъ лицѣ, соборномъ священникѣ Михаилѣ Яковлевичѣ Миртовѣ. Ростомъ онъ былъ чрезвычайно малъ, развѣ верхкомъ болѣе двухъ аршинъ; не зная слова: варликъ, мы его звали капсюкомъ. Это былъ почти типъ учителей духовныхъ училищъ того времени. О разъясненіи уроковъ онъ почти вовсе не заботился. Лекціи его по русской грамматикѣ и катехизису ограничивались только словами: выучить отъ такого-то до такого-то слова, или выучить еще два стиха, два-три примѣра, остальную полстраницу и т. п. Я рѣшительно не помню, чтобы онъ когда-либо хоть что-нибудь по этимъ предметамъ изъяснялъ. Если дѣло касалось ариметики, то онъ обыкновенно спрашивалъ: — Не знаетъ ли кто впередъ? И если кто-либо отвѣчалъ: я знаю, то Михаилъ Яковлевичъ ставлялъ его на доскѣ дѣлать одинъ или два примѣра, помѣщенные въ ариметикѣ Куминскаго. Но такъ какъ импровизированный математикъ подвергался опасности быть высѣченнымъ, если плохо дѣлалъ задачку, то и охотниковъ временно принимать на себя эту должность было немного. И потому Михаилъ Яковлевичъ большую часть ариметическихъ лекцій ограни-

чивалъ словами: выучите правило, напр. умноженія, и о томъ какъ дѣлать умноженіе, спросите низшеклассныхъ или высшеклассныхъ. Когда онъ приказывалъ намъ дѣлать грамматическіе разборы, то и тутъ разсматривалъ онъ только одну или двѣ тетрадки,—разумѣется старшаго или аудиторовъ и потомъ уже имъ поручалъ находить ошибки въ прочихъ разборахъ. Но относительно обученія нотному пѣнію и письму Михаилъ Яковлевичъ отступалъ отъ описанныхъ педагогическихъ пріемовъ, можетъ быть, потому что онъ хорошо зналъ церковное пѣніе и писалъ очень хорошимъ почеркомъ. Каждый урокъ изъ нотнаго пѣнія онъ въ классѣ напередъ пропѣвалъ одинъ или вмѣстѣ съ нами. Тетрадки же наши съ чистописаніемъ разсматривалъ самъ всѣ безъ исключенія, давалъ рекомендацію, исправлялъ инныя буквы, назначалъ, сколько страницъ нужно было написать клѣ слѣдующему классу, означая это написанными словами: къ N числу, потомъ починавалъ иногда перья тѣмъ, которые говорили, что они не могутъ ихъ починавать, и вмѣсто прописей, которыхъ у насъ не было, давалъ каждому изъ насъ списокъ, т. е. имъ самимъ исписанную страницу, которая должна была служить образчикомъ. Наконецъ иногда заставлялъ мальчика писать при себѣ и даже водилъ его рукою; только это было для насъ скорѣе вредно, нежели полезно; мы такъ боялись Михаила Яковлевича, что когда онъ заставлялъ насъ при себѣ писать, то у насъ дрожали руки и мы не только дурно писали, но и препятствовали ему хорошо водить нашу руку; часто этотъ педагогическій опытъ оканчивался таскою, оплеухою, или розгою за непонятливость.

Исправительныя мѣры въ Касимовскомъ училищѣ были тѣ же самыя, какія въ то время употреблялись въ низшей и высшей степени во всѣхъ почти училищахъ, съ нѣкоторыми развѣ отступленіями. Самую слабою исправительною мѣрою, даже не наказаніемъ, считалось, если учитель подеретъ за волосы или за ухо, употребляя для этого только большой и увазательный палецъ своей руки. Михаилъ Яковлевичъ особенно любилъ драть, или щипать насъ за волосы. Довольно щедръ онъ былъ на оплеухи, подзатыльники и вообще удары въ голову: они намъ казались почувствительнѣе пощечинъ, которыя нарумянивали наши лица лучше всякихъ косметическихъ средствъ. Бывали по временамъ таски или трепки, когда г. педагогъ,

взявши всѣми пальцами одной или обѣихъ рукъ за волосы, сообщалъ головѣ нашей разностороннее движеніе, которое иногда передавалось всему тѣлу, такъ что наказываемый не устывалъ на ногахъ и все его тѣло, касаясь пола только пальцами ногъ, переносилось изъ одной стороны въ другую; въ этомъ случаѣ, при особенномъ усердіи наказывающаго, иногда бывало закружится голова и потеряется сознание. Но странно, что и на такія даже таски, когда не досчитывалось на головѣ много волосъ, мы смотрѣли не очень серьезно, и ставили ихъ ниже многихъ другихъ наказаній, вѣроятно потому, что они скоро ованчивались и не требовали никакихъ приготовленій.

Къ настоящимъ наказаніямъ принадлежало, по нашему мнѣнію, стояніе столбомъ или на колѣнахъ какъ на своемъ мѣстѣ, такъ и на срединѣ (такъ называли мы мѣсто, не занятое учебными столами), или у печки, у дыры. Эта мѣра была у насъ въ самомъ обширномъ употребленіи; рѣдкій классъ не стояло столбомъ или на колѣнахъ нѣсколько учениковъ; дѣло доходило иногда до пятой части и болѣе; хоть и очень рѣдко, а ставимы были и всѣ. Стоя на мѣстѣ, можно было опереться на столъ, наклониться и положить руки на скамью. Но на срединѣ другое уже дѣло. Тамъ надобно было стоять и на ногахъ, и на колѣнахъ прямо, чуть не въ вытяжку; а если кто, стоя на колѣнахъ, присаживался на свои пятки, и это узнавалъ учитель, то немедленно доставалось той части тѣла, которая, забывъ училищную дисциплину, опускалась и касалась пятокъ. На срединѣ, обыкновенно ближе къ двери, иногда набиралось такъ много народу, что вошедшему не легко было пробраться сквозь стоящихъ, и какъ мы говорили, сидящихъ на колѣнахъ. Кромѣ виновныхъ, которые туда посланы были самимъ учителемъ, тутъ стояли всѣ, явившіеся въ первый разъ послѣ болѣзни, послѣ какой либо отлучки вонъ изъ училища, напр. даже въ церковь во время именинъ своихъ и пр.; всѣ должны были стоять и ждать, пока учитель или самъ собою или по докладу старшаго не догадается спросить: что ты стоишь? и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, не позволить сѣсть на мѣсто. Отъ этого иногда приходилось быть высѣченнымъ, какъ мы выражались, по-напрасну. Къ стоящимъ на срединѣ Михаилъ Яковлевичъ былъ строже, нежели къ сидящимъ на своихъ мѣстахъ; послѣднихъ ставилъ столбомъ или

на колѣни за такой проступокъ, за который первыхъ непременно сѣкъ. И вотъ частенько только что за выздоровѣвшимъ или возвратившимся изъ дома или пришедшимъ именинникомъ замѣчалась какая либо неисправность и проступокъ. Учитель, полагая, что виновный уже за что-то въ наказаніе стоитъ на срединѣ, тотчасъ приказываетъ его высѣчь; разумѣется это живо исполняется. По робости и застѣнчивости многіе боялись, по поговоркѣ, и ротъ разинуть, ложились и терпѣли; но за то другіе по смѣлѣе, особенно старшій и аудиторы, докладывали учителю:

— Вѣдь онъ стоитъ тамъ по такой-то причинѣ;—и дѣйствительно большею частію наказаніе розгами замѣнялось чѣмъ-либо другимъ. Замѣчательно, что выздоровѣвшаго больного сейчасъ же выручали изъ бѣды; но объ именинникѣ и пріѣхавшемъ изъ дома мало заботились. Всѣмъ очень правилось, если именинника высѣкутъ. Это считалось предзнаменованіемъ, что его цѣлый годъ часто, пречасто стануть сѣчь.

— Вотъ-те именинникъ! съ именинами поздравляемъ,—говорять бывало наказанному по выходѣ учителя. О причинѣ, почему всѣмъ нравилось, когда сѣкли только что пріѣхавшаго изъ дома, будущіе мои читатели едва ли догадаются. Вслѣдствіе какого-то дикаго настроенія ученикамъ особенно пріятно было, когда подвергался розгамъ давно не сѣченный, у котораго никакихъ нѣтъ рубцовъ и другихъ багровыхъ или синихъ знаковъ на извѣстной части тѣла; всѣ, кому можно было видѣть, съ какимъ-то отвратительнымъ злорадствомъ смотрѣли, какъ на обнаженное, совершенно чистое, бѣлое или слегка зарумяненное тѣло падала лоза и рисовала на немъ красные и синіе рубцы, а экзекуторъ, бывало, съ удовольствіемъ говаривалъ:

— Ухъ какъ любо было сѣчь его; ни пятнышка не было, ну ужъ я за то разрисовалъ ему!

Потомъ еще правилось, когда наказываемый одѣтъ былъ въ чистое бѣлье, которое ручалось почти всегда за то, что тѣло вымыто хорошо. При такомъ дикомъ и отвратительномъ настроеніи, что же удивительнаго, если нравилось, чтобы высѣкли только что возвратившагося изъ дома? Вѣдь его, разумѣется, при отправленіи въ дорогу, мать вымыла отлично въ банѣ, надѣла на него лучшую рубаху и подштанники;—вѣдь вѣрно его дома и не сѣкли. Ну какъ же не порадоваться, что такого нѣжоночку тотчасъ срав-

няють съ прочими, у которыхъ и бѣлье зачернилось, и известную часть тѣла поразрисовали? По тѣмъ же самымъ побужденіямъ весьма нравилось, когда приходилось сѣчь того, кто былъ въ банѣ въ тотъ же самый день. Неприятно даже вспоминать, что когда бывало доложить учителю о томъ, что высѣченный есть именинникъ, или только что возвратился изъ отцовскаго дома, то всѣ обыкновенно принимались смѣяться; самъ учитель улыбался и потомъ прибавлялъ:

— Ну, ничего, пройдетъ, зачту когда-нибудь тебѣ это послѣ.

Кромѣ того, по забывчивости или намеренно, учитель продерживалъ иныхъ на колѣнахъ на срединѣ не только цѣлый клаеся, или день, а недѣлю, даже мѣсяць. И такъ какъ становились на колѣни не со времени прихода учителя, а съ самаго начала класса, тотчасъ послѣ звонка,—за чѣмъ строго слѣдилъ старшій, то почти всякій ужасно утомлялся къ концу класса; а отъ нѣсколько дневнаго, недѣльнаго, особенно мѣсячнаго стоянья на колѣнахъ протиралось бѣлье и появлялись синяки, тѣмъ болѣе, что иногда требовалось изъ подъ колѣнъ даже полы платья вынуть. Тутъ уже, по моему мнѣнію, лучше бы высѣчь, нежели держать на колѣнахъ; впрочемъ иногда и сѣкли, но все-таки оставляли на колѣнахъ, но у другихъ учителей было уже принято, чтобы высѣченный, если онъ до того стоялъ столбомъ, или на колѣнахъ, уже садился на свое мѣсто. Не было ли тутъ адскаго расчета, чтобы наказанный сидѣлъ на той части, на которой, можетъ быть, отъ послѣдствій сѣченья трудно сидѣть прямо? Пожалуй возможно.

Было у насъ еще наказаніе, которое можно назвать спеціальнымъ, потому что ему подвергали почти только за проступки по части письменности. Оно называлось палями (именительный падежъ единственнаго числа — палѣ). Для этого брали не широкую досечку въ $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ аршина длины; на одномъ концѣ выдѣлывали кругъ въ вершокъ въ діаметрѣ, такъ чтобы одна поверхность имѣла небольшую выпуклость; остальная часть досечки обдѣлывалась въ видѣ рукоятки. Когда нужно было дать палю ученику, то онъ вытягивалъ свою которую либо руку ладонью вверхъ, а учитель, держась за конецъ черенка, съ большею или меньшею силою, ударялъ выпуклостію кружка въ средину ладони; самый ударъ назывался тоже палею. Но у насъ вмѣсто пали

употреблялась толстая, широкая и довольно длинная линейка; Михаилъ Яковлевичъ бралъ одинъ конецъ ея въ свою руку, а другимъ съ полнаго размаха ударялъ по пальцамъ и ладони руки. Педагогъ наказывалъ палями преимущественно въ томъ случаѣ, когда былъ дурно написанъ заданный урокъ по части чистописанія; онъ, вѣроятно, полагалъ, что такъ какъ для письма употребляется правая рука, то ее и надобно наказывать за не-исправности по этой части; впрочемъ, позволялось намъ подставлять и лѣвую руку подъ линейку, когда давалъ не одинъ ударъ. Да и дѣйствительно болѣе двухъ ударовъ къ ряду вынести почти было невозможно, но ихъ иногда отпускалось по три и по четыре; отъ большаго количества палъ на ладонѣ и пальцахъ появлялась такая опухоль, что уже вовсе нельзя было ничего писать. Если мальчикъ, по чувству инстинктивнаго самосохраненія, особенно при второмъ и такъ далѣе ударѣ, отстранялъ свою руку и такимъ образомъ размахъ пропадалъ даромъ, то приказывалось вновь подставить руку, и если и послѣ того она отодвигалась, то уже приходилось отплачивать за то другой части тѣла подъ розгою. Употреблялись нами и другія средства для ослабленія силы удара. Между нами было убѣжденіе и, кажется, основательное, что сильно разгоряченная ладонь бываетъ не такъ чувствительна къ ударамъ; поэтому мы, ожидая палю, старались натирать ладонь свою объ одежду, особенно суконную. Иногда подерживали правую руку лѣвою (что не запрещалось); мы предъ самымъ ударомъ старались на начало кисти надвигать кончикъ рукава: чрезъ это ударъ ослаблялся. Но увы! за тотъ и другой маневръ, если они были подмѣчены, наказаніе увеличивалось или замѣнялось другимъ болѣе чувствительнымъ.

Но самымъ грознымъ для насъ наказаніемъ были, разумѣется, розги, на которыя Михаилъ Яковлевичъ былъ весьма щедръ. Печальная процедура начиналась обыкновенно словомъ: лозу, которое произносилось г. педагогомъ. Разумѣется у тѣхъ, которые тотчасъ же послѣ этого должны были подвергнуться наказанію, или, по своимъ расчетамъ, ожидали его въ теченіи того-жъ класса, голова печально опускалась внизъ и появлялись иногда заранѣе слезы; прочіе же ученики не только были спокойны, но даже какъ будто довольны предстоящею сценою. Едва только произносилось слово: лозу, какъ тишина въ классѣ нарушалась,

показывалось какое-то воодушевление; сидящіе на скамьѣ къ срединѣ класса поворачивались назадъ, сидящіе на лавкѣ приподнимались съ мѣсто, чтобы видѣть наказаніе во всѣхъ подробностяхъ. Но послѣднимъ рѣдко удавалось это; и потому они завидовали первымъ, которые любили даже похвалиться своею привиллегіею...

— Намъ все прекрасно видно, говаривали они, не то что вамъ.

Если виновный сидѣлъ еще на мѣстѣ, то ему давали самый свободный выходъ. Если онъ медлил отправляться на лобное мѣсто, то ему говорили:

— Ступай, ступай, что-жъ ты нейдешь?—а то и подталяли его.

Для экзекуціи требовалось не менѣе трехъ человѣкъ, одинъ сѣлъ, а двое держали, но число это увеличивалось, когда сѣкли, какъ мы выражались, въ двѣ лозы, и наказываемаго не надѣялись удержать двое; тутъ иногда требовалось 6—7 человѣкъ; двое сѣкли, двое держали за ноги, двое за руки, одинъ опускался надъ головою. Должность экзекутора собственно лежала, какъ я уже сказалъ, на дневальномъ; но слабосильные не только от нея увольнялись, а даже и не были къ ней допускаемы. Но затѣмъ много было аматеровъ сѣченья, которые бирали лозу въ руки не въ свое только дневальство, даже вступая въ споръ другъ съ другомъ и съ дневальнымъ. Кромѣ того, было нѣсколько уже, такъ сказать, экспертовъ-экзекуторовъ, которые вызывались самимъ Михаиломъ Яковлевичемъ, когда ему хотѣлось высѣчь кого-нибудь особенно больно. У насъ въ приходскомъ училищѣ къ такимъ молодцамъ принадлежали Евсей Петровъ, братъ мой Ваня и особенно Иванъ Смирновъ, котораго мы звали палачомъ и чрезвычайно боялись. Обязанность держать наказываемаго ни на кого не возлагалась исключительно, но исполнять ее было слишкомъ много охотниковъ или лучше соперниковъ; вмѣсто двухъ являлся къ услугамъ хотъ цѣлый десятокъ. Если держали только двое, то человѣка два-три стояли тутъ же на готовѣ, чтобы помочь тѣмъ въ случаѣ надобности; даже присаживались на полъ у головы и ногъ; и если наказываемый начиналъ вырываться изъ рукъ держателей, тотчасъ оказывалось послѣднимъ пособіе.

При такомъ усердіи неудивительно, что осужденному не уда-

валось на срединѣ сдѣлать 3—4 шага, какъ уже являлось около него требуемое количество исполнителей наказанія. Если онъ шелъ медленно, или рѣшался на какое-либо сопротивленіе, или старался испросить прощеніе, то его подхватывали подъ руки, подталкивали сзади, наклоняли за голову, даже валяли подъ ножку, и не проходило 5—10 секундъ, какъ онъ уже лежалъ растянутый на полу; одинъ держатель сидѣлъ у него на головѣ, а другой на ногахъ. Тогда съ быстротою начинали обнажать ту часть тѣла, которая въ дѣтяхъ должна отвѣчать за всѣ шалости головы, и рукъ, и ногъ, сама въ нихъ нисколько не участвуя; шутники, разумѣется, уже не дѣти, ее называли педагогическою частію тѣла. Сидѣвшій на ногахъ откидывалъ подолъ платья и рубахи къ сидѣвшему на головѣ, и тотчасъ же снималъ инекспрессибли, какъ выражаются англичанки; сидѣвшій надъ головою заворачивалъ платье и рубаху на спину; имъ помогалъ и экзекуторъ, котораго мы звали секуторомъ. Иной, ожидая наказанія, затягивалъ инекспрессибли такъ крѣпко, что ихъ снять становилось трудно, или даже невозможно; тогда принимались за работу и оба держателя и секуторъ; кто хватался за нихъ снизу, кто сверху, кто съ боковъ, а если усилія не удавались, то пускали въ ходъ ножичекъ. Во всякомъ случаѣ педагогическая часть тѣла обнажалась, но не одна. Чтобы вся лоза или какая-либо часть ея, съ намѣренія или безъ намѣренія секутора, не попала на платье и бѣлье, то инекспрессибли спускались до колѣнъ, а платье и рубаха поднимались почти до пояса какъ снизу, такъ и сверху; такимъ образомъ у виновнаго пробѣгала дрожь по тѣлу не только отъ ожидаемаго наказанія, но и отъ того, что значительная часть его тѣла отъ колѣнъ до пупа, а иногда и груди, касалась холоднаго пола. Послѣ того держатели брали мѣры, чтобы наказываемый не вывернулся у нихъ; сидѣвшій на ногахъ упирался обѣими руками въ колѣна наказываемому, а своими колѣнами сжималъ лапы ногъ, или даже придавливалъ ихъ сверху. Сидѣвшій на головѣ руками упирался въ спину, а ногами плотно сжималъ плечи. Въ экстренныхъ случаяхъ двое держали ноги, раздѣляя ихъ, такъ сказать, по одной, и каждый доставшуюся ему часть придавливалъ къ полу колѣнами и руками съ боку; другіе двое растягивали руки крестомъ и на

нихъ также усаживались, какъ тѣ на ногахъ; пятый иногда у головы становился на колѣни, положивъ ее между ими, а руками упирался въ плечи или спину наказываемаго, и особенно заботясь о томъ, чтобы платье или рубаха не спустились и не прикрывали тѣхъ частей, на которыя падала лоза; тутъ не было возможности не только вывернуться, но и повернуться, даже пошевелиться какою-либо частію тѣла; только головѣ давали небольшой просторъ для удобства при дыханіи.

Когда всѣ приготовленія оканчивались, то для начинанія экзекуціи нужно было еще дожидаться особеннаго знака, который выражался Михайломъ Яковлевичемъ или киваньемъ головы, или словомъ: ну. Но еще прежде этого расположенный, какъ мы говорили, на полу имѣлъ уже удовольствіе ощущать прикосновеніе лозы. Секунторъ, въ ожиданіи приказа начать свою работу, примѣривался, такъ сказать, къ ней, клалъ лозу на обнаженную часть тѣла; и если былъ золъ на лежавшаго, то водилъ легонько ею по тѣлу, — это называлось у насъ пощекотать. Конечно, такое щекотанье не производило боли, но, между тѣмъ, отъ него пробѣгала бывало невольная дрожь по всему тѣлу и замирало сердце. Томленье это большею частію быстро смѣнялось другимъ уже физически болѣзненнымъ чувствомъ отъ лозы, но нерѣдко продолжалось не мало времени, даже долго. Иногда почтенный педагогъ бывалъ чѣмъ-либо занятъ за своимъ столикомъ, рассматривалъ чье-либо письмо, чинилъ перо, писалъ списокъ, или кого-либо допрашивалъ; поэтому не произносилъ своего ну, и не кивалъ головою; тогда совсѣмъ уже приготовленный къ сѣченю, съ лежавшею уже на его обнаженномъ тѣлѣ лозою, лежи и ощущай, какъ эта лоза щекочетъ его. Иногда, какъ виновный ужъ совсѣмъ былъ приготовленъ и оставалось сказать ну, или кивнуть головою, вдругъ кто-нибудь вызывалъ Михаила Яковлевича въ сѣни. Если, отворивши дверь, Михаилъ Яковлевичъ при взглядѣ на посѣтителя догадывался, что ему придется не мало времени съ нимъ потолковать, то, обратившись, говаривалъ: пустите пока. — Пускали, но такъ сказать, на половину; лоза снималась съ тѣла, держатели слѣзали съ ногъ и плечъ, но присаживались на полу же; виновный вставалъ тоже, но не смѣлъ надѣть подштанниковъ, ни опустить рубахи и платья, а садился

тоже на полъ голымъ своимъ тѣломъ. Платье и рубаха иногда сами собою опускались; но держатель у головы почти всегда старался предотвратить это или запустивши часть подола рубахи за галстухъ виновнаго, или даже поддерживая ее своею рукою; а если виновный былъ нелюбимымъ человѣкомъ, поповскимъ сыномъ или баричемъ (ниже объяснимъ это слово), то платье и рубаха заворачивались даже на голову и нерѣдко закрывали ее;—это называлось надѣть чепчикъ, или шапку, или влобукъ монашенки. Иногда-жъ Михаилъ Яковлевичъ уходилъ за дверь, не приказывая пустить; хорошо, если онъ скоро возвращался, тогда томиться еще не долго было. Но иногда онъ заговаривался нѣсколько минутъ, даже болѣе четверти часа; и просто только лежать совсѣмъ подготовленнымъ къ сѣченью не очень было пріятно, но тутъ еще являлись разные аксессуары. Если лежавшій былъ поповскій сынъ, баричъ, или не любимъ старшимъ, секуторомъ и держателями, то начинались шуточки. Секуторъ учащалъ щекотанье, или поднимая и опуская лозу, какъ бы примѣрно сѣкъ, только безъ боли; держателямъ тоже не хотѣлось оставаться безъ дѣла; поглаживали по обнаженнымъ частямъ руками, легонько пощипывали ихъ, даже, гадко сказать, плевали на нихъ и потомъ размазывали слюну;—это называлось наводить лоскъ; посмѣлѣе же держатель легонько похлопывалъ ладонью по обнаженному мягкому тѣлу, или натиралъ ихъ рукою,—это называлось порумянить ж—у; много дѣлали и другихъ глупостей; публика, разумѣется, хихикала, смотря на эти гадости. Но вотъ дверь вновь отворяется, входитъ Михаилъ Яковлевичъ; замѣтивъ, что виновный во все время лежалъ на полу, онъ съ улыбкою приговаривалъ:

— А, лежалъ все,—отдохнулъ,—ну-ка за дѣло.

Если же мальчикъ сидѣлъ на полу, то держатели торопливо клали и растягивали его на полу.

Когда, такъ или иначе, скоро или медленно, наконецъ производилось ну, или кивала голова,—то лоза быстро упала на тѣло. Секутору, даже если бы онъ желалъ щадить наказываемаго, опасно было дѣлать это. Михаилъ Яковлевичъ рѣдко не слѣдилъ своими глазами за экзекуціей, иногда подходилъ къ лежавшему на полу, или усаживался вблизи него на скамьѣ. При-

томъ и безъ того сейчасъ бы сдѣлалось ему извѣстнымъ, если бы секаторъ ударилъ не сильно, или лоза и даже кончикъ ея коснулись платья или пола; изъ желанья отличиться кто-нибудь изъ державшихъ наказываемаго или имѣвшихъ возможность видѣть, куда падаетъ лоза, доложилъ бы немедленно о томъ Михаилу Яковлевичу; кромѣ того всѣ мы по одному звуку умѣли уже различать на платьѣ или на обнаженное тѣло падала лоза. Если случалось первое, то начиналось довольно громкое шептанье: по рубахѣ, по рубахѣ ударилъ. За всякое снисхожденіе секаторъ почти всегда подвергался розгамъ, которыя иногда бралъ въ руки уже самъ Михаилъ Яковлевичъ, или приказывалъ взять заслуженному секатору. Такимъ образомъ всякій по чувству самосохраненія не могъ сѣчь не больно, и большая часть считала обязанностію угодить Михаилу Яковлевичу и работала руками съ полнымъ усердіемъ. И потому рѣдкій ударъ не производилъ на тѣлѣ знака, даже издали замѣтнаго. Полосы, производимыя ветловыми прутьями, у насъ извѣстны были подъ названіемъ лентъ, отъ березовыхъ прутьевъ назывались кумачными узорами, отдѣльныя капли крови, показывавшіяся на тѣлѣ, красными блестками или звѣздочками. Были у насъ молодцы, особенно Евсей Петровъ, которые, наказывая лозою изъ одного крѣпкаго ветловаго прута, такъ вели дѣло, что ленты располагались въ порядкѣ параллельно другъ другу и по нимъ можно было сосчитать число данныхъ ударовъ, если только ихъ было 10—15. Еслибъ на обнаженномъ тѣлѣ наказываемаго былъ вередъ или чесоточный чирей, то секаторъ непременно постарается направить въ средину его самый сильный ударъ и разсѣчь его пополамъ; это считалось молодечествомъ, а между тѣмъ ощущалась боль ужасная, отъ которой даже слабый мальчикъ вырывался изъ рукъ держателей, если напередъ не противопоставляли сильнаго противодѣйствія.

Слишкомъ рѣдко случалось, чтобы наказываемый получилъ 5—6 ударовъ; это почти не считалось наказаньемъ.

— Эко великое дѣло, говорили такъ наказанному, ты не успѣлъ лечь и вскрикнуть, какъ уже пришлось встать.

Большую частію отпускалось по 10—15 ударовъ; это уже считалось наказаніемъ; тутъ нарисовывалось и лентъ и узоровъ

уже порядочное количество на педагогической части. Но за важныя провинности, какъ мы говаривали, напр. за нотное пѣніе, за то, что въ запискѣ былъ кто-либо подчеркнуть разъ или два, за открытое неповиновеніе, за грубость старшему или аудитору, за продолжительное незнаніе уроковъ и пр. и пр., число ударовъ возвышалось до 20—50; тогда уже отдѣльныхъ лентъ и и узоровъ нельзя было отличить другъ отъ друга; все сливалось между собою; появлялись черныя пятна при употребленіи ветловыхъ прутьевъ, а при лозѣ изъ березовыхъ прутьевъ не только звѣздочки, но и полоски, ручейки, какъ мы говаривали, крови. Но Боже сохрани попасться въ важнѣйшихъ преступленіяхъ, напр. избить кого-нибудь до крови, хотя бы она пошла только изъ носу отъ одного удара, даже не очень сильнаго,—или разругать и особенно ударить старшаго, или аудитора, скрываться или убѣгать отъ наказанія, такъ что нужно было отыскивать или ловить бунтовщика и пр., ну тогда уже не жди никакого милосердія; число ударовъ доходило до 100 и болѣе; розги не одинъ разъ замѣнялись свѣжими; секуторъ не могъ давать болѣе 30—40 ударовъ и уступалъ мѣсто другому; тутъ вся педагогическая часть съ ближайшими частями поясницы и ногъ чернѣли или покрывались кровью, брызги отъ которой въ большомъ количествѣ падали на бѣлье наказываемаго и на полъ, и даже на держателей. Такія сѣченья составляли нѣчто въ родѣ эпохи въ нашей училищной жизни; объ нихъ мы долго говорили и помнили. Но никого при мнѣ въ приходскомъ такъ больно не высѣли, какъ моего брата Ваню и ученика Карамышева. Близъ нашей квартиры былъ домъ Троицкой попады, гдѣ квартировало множество семинаристовъ; мы вмѣстѣ съ ними по вечерамъ играли за дворами своихъ квартиръ. Ваня, какъ порядочный озорникъ, однажды поссорился съ Карамышевымъ и, не надѣясь съ нимъ сладить, ударилъ его по лицу попавшеюся палкою, отчего на лѣвой щекѣ показались и долго оставались багровыя полосы. На слѣдующій день Ваня увеличилъ свою виновность споромъ со старшимъ, шумомъ, такъ что его записали въ записку и подчеркнули. За все это такъ высѣкли, что у него знаки оставались на тѣлѣ недѣли три. Карамышевъ былъ сынъ дьячка, но чрезвычайно красивый мальчикъ, еротій характеромъ и вовсе не забіяка, хотя и былъ очень си-

лень и росль для своихъ лѣтъ; любилъ въ классѣ до звонка побѣгать, порѣзвиться, поводить себя, какъ мы говаривали. Однажды, схватившись съ однимъ изъ малосильныхъ мальчиковъ, онъ безъ всякаго злаго намѣренія, по одной неосторожности, ударилъ его лицомъ, объ острый край скамейки; отъ этого сдѣлалась на щекѣ довольно глубокая и длинная рана, изъ которой кровь полилась ручьемъ, такъ что на полу составились даже большія кровавыя пятна; ихъ, разумѣется, сберегли, какъ матеріальныя доказательства преступленія. Карамышевъ перепугался, сталъ просить и умаливать обиженнаго и старшаго, клялся всѣми святыми, что онъ сдѣлалъ это невзначай, т. е. ненамѣренно, неожиданно, хотѣлъ было стереть кровавыя на полу пятна, но ему не позволили. Старшій приставилъ къ нему карауль и когда онъ хотѣлъ выйти на дворъ для нужды, то часовые провожали его, держась за платье. Между тѣмъ Ваня, помня какъ его изъ-за Карамышева высѣкли, вызвался съ кѣмъ-то другимъ сбѣгать за лучшими розгами, и вскорѣ принесли, кажется, три или четыре пучка березовыхъ самыхъ гибкихъ и жидкихъ прутьевъ. Ваня, показавши ихъ Карамышеву, говорилъ:

— Вотъ теперь попробуй-ка самъ, каково лежать подъ лозами.

Жалко было смотрѣть на красавца Карамышева, свѣжаго, полнаго, румянаго мальчика, заливавшася слезами. Наконецъ явился и Михаилъ Яковлевичъ; ему подана была записка, въ которой было описано преступленіе Карамышева словами: избилъ до многой крови, и потомъ указано на вещественныя доказательства, на лице избитаго и на кровавыя пятна на полу. Судъ былъ кратокъ. Прочитавъ записку, посмотрѣвъ на вещественныя доказательства и выслушавъ словесное объясненіе старшаго, Михаилъ Яковлевичъ вовсе не обратилъ вниманія на оправданіе Карамышева, схватилъ его за волосы, далъ ему порядочную таску и потомъ, поваливши на полъ, закричалъ: лозу. Разумѣется и секуторы и держатели были на готовѣ; четыре человека сѣли на руки и ноги; обнажили тѣло до самыхъ колѣнъ, а на спинѣ выше пояса; Михаилъ Яковлевичъ сѣлъ вблизи на скамьѣ и далъ знакъ. Ваня былъ первымъ сѣкуторомъ; за нимъ слѣдовалъ другой, третій (Петровъ и Смирновъ); тутъ дѣйствительно на

Карамышевѣ исполнилось Моисеево законодательство: кровь за кровь; мнѣ очень было жалко его, какъ моего пріятеля.

Михаилъ Яковлевичъ при экзекуціи никогда напередъ не назначалъ числа ударовъ, кромѣ тѣхъ, впрочемъ весьма рѣдкихъ, случаевъ, когда онъ за недосугомъ поручалъ ее исполнить старшему. Обыкновенно же наблюдая самъ за дѣйствіемъ розогъ, Михаилъ Яковлевичъ останавливалъ сѣченье словомъ: будетъ. Тогда секиторъ, иногда остановленный уже на полуразмахѣ, обращивался и относилъ лозу на мѣсто; держатели вставали и отрясали приставшую къ ихъ платью пыль съ пола; приподнимался медленно, или быстро вскакивалъ наказанный. Если наказаніе было не сильно, не отшибало, какъ мы говаривали, памяти; то онъ отправлялся на мѣсто, приводя въ надлежащій порядокъ свое платье, продолжая плакать, а иногда всхлипывать, или утирая свои слезы; а потомъ минутъ черезъ десять уже старался самъ посмотрѣть какъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ сейчасъ былъ растянуть на полу, другаго сѣбли. Но часто наказаніе отшибало память у наказаннаго; тогда онъ, приподнявшись, въ полузабытій, шолъ къ небольшимъ свободнымъ частямъ лавокъ около двери и печки, становился колѣнами на полъ, и положивъ руки на лавку, а на нихъ и голову, долго еще тутъ плакалъ и собирался съ силами. Но въ этихъ случаяхъ происходили сцены, которыя, по видимому, должны бы пробуждать сожалѣніе и непріятное чувство, а между тѣмъ всегда производили общій смѣхъ. Обезпамятѣвшій отъ боли мальчикъ, вставши съ лобнаго мѣста, забывалъ надѣть на себя инекспрессибли; бѣда бы еще небольшая; но лѣтомъ мы ходили безъ обуви; поэтому инекспрессибли, и безъ того уже снятые до колѣнъ, совершенно спадали съ ногъ, когда наказанный дѣлалъ нѣсколько шаговъ, или запутывали его ноги, а иногда, оставшись на одной только ногѣ, тапились за нимъ. Къ этому нерѣдко присоединялось новое обстоятельство; подолъ платья заворачивался на плечи наказываемаго; въ экстренныхъ же случаяхъ подолъ рубахи запускался за галстухъ, чтобы чрезъ это ни рубаха; ни платье, во время сѣченья, отъ сильныхъ движеній наказываемаго не спускались на тѣ части тѣла, которыя должны быть обнаженными. Въ такихъ-то случаяхъ, если обезпамятѣвшій наказанный не поправлялъ своего платья, то задъ его, начиная

съ пояса до колѣнъ, оставался обнаженнымъ, какъ во время сѣченья; присоедините сюда когда на босоногомъ спадали совсѣмъ или до пятокъ инекспрессибли. Въ этомъ безобразномъ видѣ бѣдняга присѣдалъ къ лавкѣ у двери, оставляя обнаженною большую часть своего тѣла. Иногда же останавливался самъ собою или услышавъ крикъ: подними портки, спусти рубаху; но рубаха, задѣтая за галстухъ, не вдругъ слушалась его; инекспрессибли иногда совсѣмъ свалились и спутались ужъ; надобно было наклониться за ними и расправить ихъ, а тутъ еще оставалась не опущенная рубаха. И повѣрьте, почти всегда поднимался въ такихъ случаяхъ общій хохотъ; рѣдео кто либо помогаль несчастному привести все въ порядокъ, а иногда у лавки онъ долго оставался въ такомъ отвратительномъ положеніи; и развѣ по приказанію Михаила Яковлевича кто нибудь спускалъ его платье съ плечъ. Слишкомъ же жестоко наказанный не доходилъ до лавки, а ложился у печки на полу и по полчаса и часу оставался въ этомъ положеніи отдыхая, какъ выражались, послѣ бани.

Въ Касимовскомъ училищѣ лоза прикладывалась только къ педагогической части тѣла. Но во многихъ духовныхъ училищахъ она замѣняла иногда пали. Учитель, скучая довольно продолжительною подготовкою къ сѣченью, или полагая, что изъ за 5—10 ударовъ не зачѣмъ класть виновнаго на полъ, обнажать его и проч., приказывалъ ему вытянуть руку и ладонь, какъ это дѣлалось для пали, или даже всю часть руки до самого локтя; и потомъ или самъ учитель, или дневальный и сеуторъ отпускалъ нѣсколько ударовъ по ладони, или по всей рукѣ до локтя. Боль, особенно въ послѣднемъ случаѣ, была также сильна, какъ и при сѣченіи, но ученики соглашались лучше ее выдерживать, нежели сѣченье, потому что число ударовъ было не болѣе 5—10, для розги брался только одинъ ветловый пруть, при наказаніи нието не держалъ, не обнажалось такихъ частей, которыя изъ приличія всегда закрываются, а послѣ наказанія все живо поправлялось, а иногда и нечего было поправлять; наказанье это даже и не называлось сѣченьемъ.

Чтобы уже составить полное понятіе о педагогической дѣятельности Михаила Яковлевича и едва ли не большей части тогдашнихъ учителей духовныхъ училищъ, съ нѣкоторыми, разу-

мѣется, измѣненіями, опишу нашъ учебный день. Относительно Михаила Яковлевича учебные дни раздѣлялись на два рода: когда онъ служилъ, или не служилъ поздней обѣдни. Въ первомъ случаѣ онъ приходилъ поранѣе, но не надолго, а потомъ отправлялся въ соборъ для совершенія литургіи, а намъ приказывалъ заняться чтеніемъ. Занятіе это состояло въ томъ, что каждый изъ насъ приносилъ съ собою какую-либо книгу, большею частію напечатанную церковными буквами, и читалъ ее. Чтобы каковои-нибудь молодець не водилъ по строкамъ книги глазами, а самъ мысленно леталъ за облаками, намъ приказывалось читать вслухъ и громко, а старшій, стоя на мѣстѣ, или похаживая по классу, зорко смотрѣлъ не остановился ли кто, не сидитъ ли кто нибудь не читая; впрочемъ развѣ рѣдкій сосѣдь, замѣтивъ то же самое, не доложить старшему: „а вотъ такой-то вовсе не читаетъ“. Виновный тотчасъ вносился въ записку, въ которой за именами и фамиліями виновныхъ слѣдовали слова: сіи ученики не читали. Въ обоихъ классахъ приходскаго училища бывало въ одинъ годъ до 40, а въ другой до 55—60 человѣкъ; поэтому можно представить весь шумъ, который мы производили, читая всѣ вмѣстѣ, при томъ громко; въ лѣтнее время при открытыхъ оконныхъ рамахъ шумъ этотъ разносился далеко по цѣлой площади и сосѣднимъ съ нею улицамъ. Если же Михаилъ Яковлевичъ не служилъ обѣдни, то приходилъ попозже, почти къ концу девятаго часу; звонокъ былъ обыкновенно въ восемь часовъ.

Когда онъ входилъ въ классъ, то мы всѣ, разумѣется, вставали съ своихъ мѣстъ; старшій читалъ вслухъ молитву: Царю Небесный, и мы кивали своими головами и крестились; потомъ мы кланялись Михаилу Яковлевичу, который почти никогда намъ не отвѣчалъ никакимъ привѣтствіемъ. Положивъ трость на лавку, а шапку или шляпу на столикъ, онъ приказывалъ намъ садиться, подходилъ къ старшему и бралъ у него нотату и записку, если кто-нибудь былъ виновенъ въ чемъ-либо, кромѣ незнанія урока. Сначала разсматривалась записка и внесенные въ нее почти всегда тотчасъ же вызывались на средину къ столу. Шумѣвшій или шумачъ, какъ мы говаривали, если оказывался знающимъ урокъ, не былъ подчеркнутъ и не стоялъ уже на колѣнахъ, или столбомъ, осуждался на которое либо изъ этихъ наказаній, или на

лишеніе обѣда; въ противномъ случаѣ оставался у столика въ ожиданіи болѣе чувствительнаго наказанія. Не читавшіе чтенія почти всегда осуждались подъ розги. Если при разсмотрѣніи нотаты оказывался кто-либо ѣбранъ или нонтотъ, то его ставили на колѣна па мѣстѣ или у печки, смотря потому, въ первый или во второй и пр. разъ онъ былъ такъ записанъ; нессіенсъ же и особенно нонресценсъ большею частію осуждался на сѣченье или лишался обѣда. Такимъ образомъ виновные одинъ за другимъ поднимались съ своихъ мѣстъ и если Михайль Яковлевичъ, выслушавъ отвѣтъ на вопросъ: почему ты не знаешь урока, или не слушался — не приказывалъ садиться на мѣсто, или становиться на колѣна, то это было вѣрнымъ признакомъ того, что неисправнаго высѣкутъ. Когда же наконецъ получены объясненія и отъ незнающихъ, и отъ записанныхъ въ запискѣ, то произносилось грозное лозу; стоявшіе у столика кучею отправлялись къ лобному мѣсту, туда же одинъ за другимъ выходили изъ-за партъ тѣ, которые не получили позволенія сѣсть послѣ своихъ объясненій. Иной шолъ молча, другой утиралъ показавшіяся слезы, тотъ говорилъ: простите, Михайль Яковлевичъ и пр. И вотъ соберутся всѣ они у двери и печки нерѣдко въ числѣ 5—15 человекъ, обратившись къ образу, и смотрятъ, какъ одного изъ нихъ положили, раздѣли и сѣкутъ уже. Съ этимъ покончили, держатели въ такомъ случаѣ не встаютъ съ полу, а присаживаются на немъ на колѣнахъ и ждутъ, когда другой между ими растянется, садятся на него, раздѣваютъ, а секуторъ отсчитываетъ одинъ за другимъ удары. Замѣтивъ, что лоза уже сдѣлалась плоховатая, онъ беретъ новую. Такимъ образомъ сначала около получаса у насъ проходило въ допросахъ виновнымъ и въ сѣченьѣ ихъ; только и слышны были умаливанья, пискъ, визгъ, крикъ, свистъ розги, слова: ей-Богу не буду, помилуйте, буду стараться, не стану лѣниться; ой, ой, ой, больно, ей-Богу больно и пр. Но иногда расправа длилась гораздо болѣе часа, напр. въ томъ случаѣ, когда она отдѣльно производилась надъ каждымъ, и особенно когда незнающіе доказывали, что они знаютъ, что ихъ записали незнающими напрасно и пр., Михайль Яковлевичъ тогда самъ принимался слушать. Если дѣйствительно ученикъ оказывался знающимъ, то сѣченье, или другое

наказанье отлагалось; въ противномъ же случаѣ усиливалось зато, что осмѣлился виновный клеветать на аудитора; тутъ вмѣсто стоянья на колѣнахъ приходилось лечь на полъ, вмѣсто 5—10 получить 20 и болѣе самыхъ горячихъ ударовъ. По окончаніи расправы, начавшейся по случаю разсмотрѣнія нотаты и записки, Михаилъ Яковлевичъ принимался слушать знающихъ;—прочоль,—дѣло сходило благополучно; а если не прочель, то и ему и аудитору доставалось. Много тратилось времени на ариметику. Судя потому, какъ она у насъ преподавалась, можно уже ожидать, что ученики долго не могли усвоить себѣ умѣнья хоть механически разрѣшать ариметическія задачи. Иногда одну задачу дѣлали часъ и болѣе нѣсколько человекъ и все таки не могли ее кончить. Чтобы писать на доскѣ цифры, мы становились на лавку; Михаилъ Яковлевичъ бывало стоитъ тоже тутъ, кричитъ, бранится, называетъ лѣнтяемъ, мерзавцемъ, пощиплетъ за ухо, за волосы, дастъ подзатыльникъ, потомъ заставитъ прочитать правило,—его часто прочитываетъ мальчикъ слово въ слово, какъ нельзя тверже, и все-таки задача въпередъ не подвигается; тогда раздается грозное: лозу; иногда въ азартѣ самъ Михаилъ Яковлевичъ стащитъ виновнаго съ лавки, задастъ ему трепку и отдастъ въ руки держателямъ и секутору. Ступаетъ на лавку новый математикъ,—и его тоже подъ лозу. Особенно же ариметика страшна была для тѣхъ, которые почему либо стояли у двери, потому что ихъ болѣе всего Михаилъ Яковлевичъ заставлялъ дѣлать задачки и сѣкъ за неудовлетворительное рѣшеніе ихъ. Наконецъ дотягивали дѣло до 12 часовъ, билъ звонокъ, надобно было выходить изъ класса; читали: Достойно есть, но тутъ иногда старшій, аудиторъ, или даже какой нибудь плебей, замѣтивъ, что кто либо изъ заслужившихъ наказаніе еще не наказанъ, говорилъ:

— Михаилъ Яковлевичъ! Что-же дѣлать съ такимъ-то, или такимъ-то; они не знали урока; не оставить ли ихъ безъ обѣда?

Резолюція почти всегда была: ну, безъ обѣда.

Въ послѣобѣденные классы Михаилъ Яковлевичъ почти только и занимался письмами, т. е. разсматриваніемъ нашихъ тетрадокъ, въ которыхъ мы, по его приказанію, писали къ этому классу одну или двѣ страницы, да еще рѣшеніемъ участи тѣхъ, которые, будучи оставлены безъ обѣда, все-таки не вьучили

урока; ихъ въ такомъ случаѣ уже большею частію сѣкли. Чистописаніе и нотное пѣніе, какъ я уже сказалъ, были любимыми предметами Михаила Яковлевича; поэтому за нихъ онъ взыскивалъ гораздо строже, нежели за прочіе учебные предметы. Чтобъ кто нибудь не ускользнулъ отъ осмотра его тетради, обыкновенно подходили вереницею къ учительскому столу, въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ сидѣли по лавкамъ и скамьямъ; тутъ и стоявшіе у двери и печки сходили съ своихъ мѣстъ и вступали въ рядъ. Каждый по очереди съ поклономъ подавалъ тетрадку Михаилу Яковлевичу, который, нашедши письмо удовлетворительнымъ, отдавалъ въ руки или молча, или съ словами и даже надписью: не худо, хорошо и пр., а если письмо находилъ дурнымъ, то бралъ въ руку линейку и давалъ одну или нѣсколько палъ. За письмо рѣдко сѣкли кого-нибудь изъ насъ; но если кто терялъ свой списокъ, или не написывалъ назначеннаго числа страницъ, то непременно розги. Не желая исписать данное число страницъ, мы прибѣгали къ слѣдующему плутовству. Я уже сказалъ, что Михаилъ Яковлевичъ отмѣчалъ задаваемый урокъ на бѣлыхъ страницахъ словами: въ числу такому-то, напр. въ 11-му, 13-му и пр. Мы теперь и переправляли 11-е на 17-е, 13-е на 15-е и пр., т. е. письмо старое, рассмотрѣнное уже за нѣсколько дней, показывали за вновь написанное и если была письменная рекомендація, то смѣльчаки рѣшались ее выскабливать. Иногда предъидущій мѣсяцъ шолъ за послѣдующій. Но если кто-нибудь былъ уличаемъ въ этомъ плутовствѣ, то наказывался безъ всякаго милосердія; а между тѣмъ все таки отъ времени до времени мы рѣшались на эти штуки, которыя частенько сходили съ рукъ. Нотнымъ пѣніемъ Михаилъ Яковлевичъ, какъ знатокъ его, любилъ заниматься съ особеннымъ усердіемъ; не смотря на то, слишкомъ немногіе изъ насъ были искусными пѣвчими, притомъ преимущественно тѣ, которые выучены были дома отцами. Приписывая это не своей безтолковой методѣ, а нашей лѣни, Михаилъ Яковлевичъ постоянно насъ наказывалъ. Ни одного класса нотнаго пѣнія, если только былъ урокъ къ нему, не проходило безъ того, чтобы половина или двѣ трети не стояли на колѣнахъ; иногда же изъ всего класса сидѣли, какъ надобно,

только 4—5 человѣкъ, а все прочее стояло на колѣнахъ. Разумѣется, не забывались и розги, но имъ преимущественно подвергались тѣ ученики, которые по другимъ предметамъ оказывали хорошіе успѣхи, такъ что третій нашъ ученикъ Феофанъ Смирновъ часто наказывался только почти за одно потное пѣніе.

Самымъ страшнымъ днемъ для насъ была суббота. По какому-то древнему обычаю намъ къ субботѣ нужно было приготовить всѣ уроки, выученные нами въ теченіи всей недѣли; совокупность ихъ называлась субботивою. Если въ каждый день было немалое количество незнающихъ, то сколько жъ ихъ набиралось, когда нужно было слушаться, по нашему выраженію, изъ цѣлой субботивы. Тутъ даже и тѣ, которые знали по частямъ всѣ уроки въ теченіи недѣли, могли оказаться брансами, или нонтотами. Но такіе получали прощеніе, развѣ заставляли ихъ постоять немного столбомъ. Могъ также надѣяться на снисхожденіе и тотъ, кто кромѣ субботивы не зналъ въ теченіи недѣли одного или двухъ уроковъ. Но если кто-нибудь въ теченіи недѣли записанъ былъ незнающимъ урока не менѣе 3—4 разъ, и особенно если за то не былъ еще высѣченъ, а только стоялъ на колѣнахъ, то ему почти навѣрняка грозила лоза, хотя бы даже онъ и зналъ субботиву. Поэтому въ субботу приготовлялся богатый запасъ розогъ и чуть ни весь классъ проходилъ въ томъ, что одного за другимъ выкликали; кто зналъ всѣ уроки и субботиву, тому спасибо и похвала. Потомъ начинался допросъ прочимъ:

— Ты вотъ сколько не зналъ уроковъ,—почему это?—Ну-ка читай.

Читалъ и получалъ выговоръ и другое легкое наказаніе, или осуждался на сѣченье. Виновныхъ иногда набиралось такъ много, что это самое спасало если не всѣхъ, то многихъ отъ розги.

— Эка, сколько васъ мерзавцевъ? бывало говаривалъ Михаилъ Яковлевичъ.

Но отъ розги въ субботу спасались въ такихъ случаяхъ преимущественно худшіе ученики, которыхъ въ теченіи недѣли уже сѣкли, притомъ иногда не одинъ разъ, именно за незнаніе урока. Но тѣхъ, которые не лежали подъ лозою и значить были исправнѣе предыдущихъ, за субботиву сѣкали. Хоть рѣдко, а случа-

лось въ этотъ день до половины, даже до двухъ третей учениковъ вертѣлись и кричали подъ лозою. И мы хотя по неволѣ, а дѣйствительно исполняли въ буквальный смыслъ начало пятой заповѣди изъ Моисеева десятисловія т. е. помнили день субботній. Такъ какъ въ этотъ день бывала большею частію баня на квартирахъ, то мы другъ про друга и про себя говаривали: нынѣ было у тебя, или у меня двѣ бани. И дѣйствительно иному менѣ жарко было даже на банномъ полѣѣ, нежели на полу въ классѣ.

Д. И. Ростиславовъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

АМВРОСІЙ ПРОТАСОВЪ, АРХІЕПИСКОПЪ ТВЕРСКОЙ.

. 1762—1831 гг.

I.

Преосвященный Амвросій Протасовъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ проповѣдниковъ не только царствованія Александра I, но и вообще всего настоящаго столѣтія. Его мало-извѣстность, при всѣхъ его рѣдкихъ ораторскихъ талантахъ, зависѣла главнымъ образомъ отъ неособенно счастливой карьеры, какая выпала на его долю. Онъ не былъ, какъ чаще случается въ мірѣ, столько счастливъ, сколько заслуживалъ по своему таланту. — Впрочемъ, преосвященный самъ не хотѣлъ заботиться о славѣ своего имени и даже весьма часто сознательно дѣйствовалъ наперекоръ собственной извѣстности.

Преосвященный Амвросій, въ мірѣ называвшійся Алексѣемъ Протасовымъ, родился въ 1762 году въ г. Боровскѣ Московской губерніи (нынѣ Калужской). Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ Перервинской семинаріи, а потомъ въ Троицкой Сергіевой, гдѣ онъ при своихъ счастливыхъ природныхъ дарованіяхъ заявилъ себя блестящими успѣхами по всѣмъ предметамъ обученія. Особенно ему легко досталось знаніе греческаго и латинскаго языковъ, на которыхъ онъ, еще будучи въ семинаріи, писалъ стихи съ необыкновенною легкостію и искусствомъ. Дальнѣйшее свое образованіе Протасовъ получилъ въ Московской славяно-греко-латинской академіи. Здѣсь обширныя способности Протасова обратили на него вниманіе извѣстнаго современнаго покровителя духовнаго просвѣщенія, московскаго

митрополита Платона. Знаменитый іерархъ старался покровительствовать молодому даровитому ученику. Въ славяно-греко-латинской академіи Протасовъ дополнилъ свое образование изученіемъ новѣйшихъ языковъ—особенно французскаго и нѣмецкаго. Знаніе французскаго языка дало ему возможность обстоятельно ознакомиться съ французской богословской литературой, особенно съ французскими проповѣдниками. Въ 1790 году Протасовъ окончилъ курсъ академіи. Покровитель его митрополитъ Платонъ оставилъ его при той же академіи учителемъ сначала поэзіи, а потомъ краснорѣчія и исторіи. Въ 1794 году Протасовъ, по совѣту и вліянію своего покровителя м. Платона, принялъ монашество съ именемъ Амвросія и одновременно получилъ новое назначеніе на существовавшую тогда должность проповѣдника въ академіи, а вмѣстѣ съ нею соединилъ и должности учителя философіи и префекта академіи. Должность проповѣдника, самая почетнѣйшая въ академіи, доставила ему первый случай заявить свой природный даръ краснорѣчія и тѣмъ остановить на себѣ вниманіе общества. За ревностное прохожденіе возложенныхъ должностей Амвросій, 9 января 1799 года, былъ произведенъ св. синодомъ въ санъ архимандрита Троицкой Сергіевой пустыни (петербургской епархіи) и одновременно съ тѣмъ вызванъ былъ на чреду священнослуженія и проповѣданія слова Божія въ С.-Петербургѣ. Здѣсь на него возложено было кромѣ того преподаваніе богословія въ Петербургской александровской академіи. Въ Петербургѣ Амвросія оцѣнили скоро и въ томъ же самомъ 1799 году онъ получилъ высокое назначеніе на должность ректора Петербургской академіи. Какъ проповѣдникъ, Амвросій получилъ въ первый разъ извѣстность въ Петербургѣ въ 1799 году, когда онъ, 13 апрѣля, выступилъ съ надгробною рѣчью при отпѣваніи въ лаврѣ свѣтлѣйшаго князя Александра Андреевича Безбородки ¹⁾. Въ 1800 году, вмѣстѣ съ ректорствомъ въ академіи, Амвросій получилъ званіе намѣстника Невской лавры и настоятеля первокласснаго Новгородскаго Юрьева монастыря. Въ 1801 году Амвросій высочайше награжденъ былъ орденомъ Анны второй степени, а въ концѣ 1803 года онъ уже получилъ назначеніе на епархі-

¹⁾ Рукопись „Лѣтопись Александровской лавры“.

альную кафедру въ Тулу. 14 февраля 1804 года преосвященный Амвросій явился въ свой епархіальный городъ и привѣтствовалъ свою паству блестящею рѣчью, которая послужила для него счастливымъ началомъ для его двѣнадцати-лѣтней проповѣднической дѣятельности въ Тулѣ, получившей громадную извѣстность не только въ Россіи, но даже и за границей. Дѣятельность Амвросія въ Тулѣ—это самое золотое время какъ его собственной жизни, такъ и въ частности его проповѣднической дѣятельности. Амвросія, не смотря на то, что онъ умеръ архіепископомъ Тверскимъ, чаще всего въ литературѣ называютъ епископомъ Тульскимъ и Бѣлевскимъ, потому что большую и самую лучшую часть своихъ проповѣдей онъ дѣйствительно произнесъ въ Тулѣ. Да это и понятно. Онъ явился сюда въ полномъ разцвѣтѣ физическихъ силъ (ему было тогда не болѣе сорока лѣтъ отъ роду) и съ выработанными приемами уже довольно развитаго проповѣдническаго и ораторскаго таланта.

Особенно громкую и, можно сказать, европейскую извѣстность получило Слово епископа Амвросія на случай присяги судей въ Тульской губерніи, сказанное имъ въ Спасопреображенской церкви 11 января 1815 года ¹⁾. Въ немъ знаменитый проповѣдникъ въ мастерскомъ, ораторскомъ изображеніи обличалъ мѣстныхъ правительственныхъ лицъ въ недѣятельности и нравственной распушенности. Въ свое время эту проповѣдь многіе знали наизусть, ее изучили на память даже люди свѣтскіе. Въ Тулѣ, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ, долгое время и послѣ Амвросія любили повторять колкія и рѣзкія обличительныя выраженія изъ его Слова на избраніе судей. Текстъ, часто повторяющійся въ этомъ словѣ, — «ввергохъ злато во огнь и изліяся телець» (Исх. XXXII, 24), въ то время сдѣлался извѣстнымъ во многихъ краяхъ Россіи и ходилъ какъ пословица, примѣнявшаяся къ лицамъ, неоправдавшимъ собою довѣрія правительства. Слово Амвросія на выборъ судей въ Тулѣ было переведено и на иностранныя языки, напр. французскій. А въ Россіи оно получило всеобщую извѣстность отчасти и по тому вниманію, какое оказалъ ей императоръ Александръ. На просьбу

¹⁾ Слова и рѣчи Амвросія, бывшаго епископа Тульскаго и Бѣлевскаго. С.-Петербургъ 1856 г. Изданіе В. А. Терскова. 268—278.

одного изъ вновь опредѣленныхъ губернаторовъ снабдить его инструкціею, императоръ Александръ далъ ему, вмѣсто инструкціи, Слово преосвященнаго Амвросія ¹⁾). По другой народной молвѣ, дѣло представлялось нѣсколько иначе. По рассказамъ другихъ современниковъ, преосвященный Амвросій весь обличительный смыслъ своего Слова главнымъ образомъ направлялъ противъ самаго начальника Тульской губерніи,—человѣка дѣйствительно за свои нравственные недостатки не отвѣчавшаго своему высокому положенію. Губернаторъ увидѣлъ въ Словѣ епископа изображеніе или по крайней мѣрѣ очень прозрачные намеки на себя самаго и сильно оскорбился на архіерея. Въ порывѣ своего негодованія противъ архіерея, онъ рѣшился принести на него жалобу самому императору и въ подтвержденіе ея представилъ даже одинъ изъ печатныхъ экземпляровъ Слова. Императоръ, прочитавши Слово Амвросія, отослалъ его обратно тульскому губернатору и приказалъ ему руководствоваться имъ въ своей дѣятельности какъ начальнику губерніи. — Слово Амвросія на судей въ свое время заслужило удивленіе современниковъ. Оно появлялось въ печати даже въ такихъ чисто свѣтскихъ журналахъ, какъ «Вѣстникъ Европы» ²⁾). Его ставятъ и до сихъ поръ образцомъ русскаго церковнаго краснорѣчія (Избранныя поученія двѣнадцати архипастырей Русской церкви. Москва. 1860 г.) и даже въ свѣтской литературѣ (Галаховъ. Русская хрестоматія, часть I.) оно признается классическимъ произведеніемъ русскаго словесности. Дѣйствительно, помимо своихъ ораторскихъ достоинствъ и силы обличительнаго тона, Слово Амвросія на судей любопытно и въ историческомъ отношеніи, какъ картина нравовъ тогдашней гражданской администраціи, какъ нравственная характеристика русскаго аристократическаго общества первой четверти XIX вѣка. Поэтому я считаю неизлишнимъ представить изъ получившаго громадную классическую извѣстность Слова преосвященнаго Амвросія одно болѣе характерное мѣсто:

«Въ свѣтѣ больше занимаются наружностію,—такъ между прочимъ разсуждаетъ Амвросій въ своемъ словѣ,—тѣми знаме-

¹⁾ Бантышъ-Каменскій: Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, часть I, 39.

²⁾ 1816 годъ № 1.

нитыми отличіями, кои ослѣпляютъ очи; тѣми блестящими украшеніями, кои привлекаютъ взоры; тѣми очаровательными величаніями, кои поражаютъ воображеніе; мечтами величія, нежели исполненіемъ долга, чести и добродѣтели».

«Что слышимъ мы? Чтобъ поддержать свое мѣсто, чтобъ сдѣлать значительнымъ свой чинъ, чтобъ гремѣть своимъ именемъ, чтобы быть чиновначальникомъ по сердцу свѣта, надлежитъ имѣть, говорить, пышный столъ, избранными яствами уставленный, надлежитъ имѣть великолѣпную колесницу, надлежитъ облачаться въ блестящую златомъ одежду, надлежитъ быть украшену отличіями, привлекающими взоры народныя, надлежитъ окружать себя ласкателями раболѣпными, кои бы непрестанно воскуряли кадило самоугодію, надлежитъ обиловать серебромъ и златомъ, надлежитъ богатѣть, роскошествовать, веселиться!—А добродѣтель? О! вооруженному мечомъ власти не нуженъ утлый посохъ добродѣтели! А попеченіе о благѣ сущихъ подъ рукою нашею? О! когда ими заниматься тамъ, гдѣ все призываетъ къ удовольствію, къ забавамъ, къ разсѣянности! Довольно исполнить и обязанности свѣта, быть во всѣхъ собраніяхъ, предсѣдательствовать за всѣми столами, не опускать ни одной игры, сдѣлать всѣмъ знаемымъ посѣщеніе! А дѣла служенія общественнаго? О! ихъ можно утверждать именемъ власти, и—не читавши! А творить судъ и милость? Можно, когда сіе входитъ въ расчетъ власти, выгодъ жизни или уваженія свѣта»!

«Но обиженные вопіютъ о правосудіи? Пусть вопіютъ они; вопли ихъ можно заглушить силою власти! Но притѣсненные неправдою проливаютъ слезы горести, страданія,—слезы, отъ коихъ каменная душа должна растаять, яко воскъ? Пусть проливаютъ они слезы, яко воду, только бѣ намъ было весело, говорить въ свѣтѣ. Но прозорливое правительство обниметъ наконецъ неправды твои, и востребуетъ отчета въ дѣлахъ власти твоея? Пусть требуетъ оно; можно все выставить глазамъ правительства въ привлекательныхъ краскахъ, можно всему дать иной видъ, можно и неправду украсить цвѣтами правды! Но совѣсть, яко стражъ, недремлющій на стражѣ своей, будетъ угрызать душу твою? О! совѣсть есть страшилище простодушныхъ, а не приставникъ дѣламъ нашимъ...¹⁾».

¹⁾ Слово на случай присяги избранныхъ по Тульской губерніи судей—272.

Это характеристика начальствующихъ лицъ. А вотъ положеніе ихъ подчиненныхъ:

«Ты утопаешь въ утѣхахъ, мы утоаемъ въ слезахъ, — такіа слова влагаетъ проповѣдникъ въ уста людей подчиненныхъ, съ которыми они обращаются къ своимъ властителямъ, — ты пресыщаешься, мы гибнемъ голодомъ; вѣтръ разсѣянiя восхищаетъ тебя отъ предмета къ предмету, отъ забавъ къ забавамъ, отъ суеты къ суетѣ, и сей вѣтръ разсѣянiя твоего есть для насъ буря зельная, потопляющая насъ въ волнахъ бѣдъ и страданiй! У тебя то столы, то собранiя, то веселiя, то праздность; а намъ столы твои стоятъ послѣднихъ крупицъ нашихъ; а веселiя твои наполняютъ чашу жизни нашей и плачемъ, и стenanіемъ! Ты празденъ, а приставники, поставленные тобою или тобою управляемые, не праздны; они бдять, неусыпно бдять, еже восхитити нищаго, обогатиться на счетъ безпомощнаго, умножить сокровища свои корыстію неправедною!»¹⁾

1815 годъ въ проповѣднической дѣятельности Амвросія можетъ быть названъ самымъ замѣчательнымъ въ его жизни, когда его имя было у всѣхъ на устахъ, когда его словами восхищалась большая часть Россiи. Слово Амвросія на новый 1815 годъ точно такъ же, какъ и слово на судей, производило поражающее впечатлѣніе блескомъ своего краснорѣчiя. Мысль слова, очень сама по себѣ обыкновенная, мысль о скоротечности человѣческой жизни и ничтожествѣ и неустойчивости всѣхъ земныхъ благъ, воплощена въ немъ въ такого рода образы и картины, которые производили на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Изображеніе непрочности здоровья, молодости, красоты, богатства, почести и т. д., всегда находящихся себѣ послѣдній пріютъ во гробѣ, дѣйствительно поразительно и непремѣнно должно было глубоко западать въ каждого слушателя. И безспорно первое впечатлѣніе Слова было таково, что оно приводило въ трепеть слушателей. Въ Словѣ особенно часто повторялось одно сильное и многозначительное для человѣка выраженіе, — выраженіе «надлежитъ умереть». Среди блестящихъ и яркихъ картинъ земнаго непостоянства проповѣдникъ каждую свою новую

¹⁾ Тамъ же—273 стр.

мысль, каждую новую тираду одинаково начинается съ магическаго восклицанія: «надлежит умереть!» Эти два слова, являвшіяся какъ бы неизбѣжной эпитафіей для каждаго человѣка, дѣйствовали на слушателей, какъ грозные и могучіе раскаты грома. Слово на новый 1815 годъ замѣчательно по своему началу, которое отличается поэтическимъ вдохновеніемъ и скорѣе можетъ быть приписано самому восторженному поэту, чѣмъ проповѣднику-моралисту. «Мы входимъ, братіе, вѣщаль проповѣдникъ, въ поприще новаго лѣта! Гдѣ жъ годъ протекшій? Пролетѣлъ, какъ молнія, на крылахъ времени скоротечнаго, и скрылся въ вѣчности. Протекъ, какъ быстрый потокъ, и погрузился въ необозримое морѣ вѣковъ. Пронесся, яко быстрый орелъ въ воздухъ, и воспарилъ въ предверіе престола Вѣчнаго. Сокрылся отъ насъ, яко знаемый нашъ, во страну далекую; но—не уничтожился» ¹⁾. Съ рѣдкимъ поэтическимъ вдохновеніемъ описываетъ проповѣдникъ и призрачныя преимущества юношескаго возраста, который одинаково склоняется предъ неумолимымъ рокомъ смерти: «ты, цвѣтушій въ веснѣ лѣтъ юноша! пріятный румянецъ играетъ на ланитахъ твоихъ, удовольствія жизни улыбаются тебѣ на всѣхъ путяхъ жизни: ты спѣшишь утѣшаться! играй, веселый юноша! но время летитъ, и—старость наконецъ положить печать свою на челѣ твоемъ. Веселись! — но жизнь течетъ, какъ рѣка быстрая, и крѣпкій составъ твой обветшаетъ наконецъ яко риза, и—время убѣлить главу твою, и—тяжесть лѣтъ слячетъ выю твою. Среди утра жизни ты не зришь заката дней твоихъ, и жизнь кажется тебѣ безконечною... Но едва успѣемъ обозрѣть окрестъ себя, какъ неожиданно ударяемъ ногою напею о прагъ гроба.... Но ктожъ дастъ и тебѣ, цвѣтушій, яко красная весна, юноша,—говорилъ далѣе проповѣдникъ,—право рещи, что ты не прежде старца снидешь во страну мертвыхъ? Можетъ быть рука художника исцѣкаетъ уже камень, который покрыть тебя долженствуетъ! Можетъ быть смертный колоколь готовъ ударить часъ твой: можетъ быть елико, елико мало, и погребальный свѣтильникъ для тебя возгорится!» ²⁾.

¹⁾ Слово Амвросія на новый 1815 годъ, стр. 194—195.

²⁾ Тамъ же—стр. 196 и 198.

Преосвященный Амвросій счастливый годъ своей проповѣднической дѣятельности ознаменовалъ еще третьею блестящею проповѣдью, сказанною имъ въ день Успенія Божіей Матери. То была проповѣдь о вѣчности, которая по своему характеру напоминала болѣе вдохновенную пѣснь поэта, воспѣвающего въ ней красоты міра и величіе Творца его. Слово о вѣчности не мало имѣеть сходнаго съ извѣстной одой нашего знаменитаго поэта Державина, подъ названіемъ «Богъ». Особенно это нужно сказать относительно опредѣленія вѣчности: «Вѣчность,—такъ говорилъ ораторъ,—слово непостижимое для ума ограниченнаго: тоію умъ вѣчный можетъ объять все пространство ея! Я поставляю вѣки на вѣки, я слагаю тысячи на тысячи лѣтъ, я считаю времена и лѣта всего сотвореннаго подъ солнцемъ; и все еще не вѣчность. Это неизмѣримое море, котораго предѣловъ не объемлетъ око смертное; это бездна, которую не пронцаетъ взоръ сотворенный. Когда обветшаетъ и свѣтса небо, яко риза; когда солнце померкнетъ, яко уголь угасшій; когда преидеть земля; когда время, утрудившись въ полетѣ своемъ, престанетъ и падетъ предъ престоломъ Вѣчнаго, сотворшаго время: все сіе не составитъ и единыя капли въ необъемлемомъ океанѣ вѣчности. Она есть начало безъ конца, пространство безъ предѣловъ, время безъ времени, жизнь безъ смерти. Тамъ тысячи лѣтъ—день единъ, и день единъ—тысячи лѣтъ. Тамъ едино мгновеніе есть вѣчность, и вѣчность—едино мгновеніе. Тамъ протекутъ вѣки; и она тожде будетъ, и лѣта ея не оскудѣють!»¹⁾ Слово о вѣчности, какъ образецъ замѣчательнаго краснорѣчія, помѣщено было въ свое время въ собраніи образцовыхъ произведеній русскихъ писателей²⁾.

Въ 1814 году преосвященному Амвросію представился случай сказать одно краткое глубоко-прочувствованное привѣтствіе цѣлымъ десяткамъ новобрачныхъ. Случай былъ такого рода. Въ Тулѣ проживалъ одинъ изъ богатѣйшихъ московскихъ купцовъ Ѳ. В. Ливенцовъ, который, желая ознаменовать благотвореніемъ счастливое окончаніе войны Россіи съ Франціей, положилъ вы-

¹⁾ Слово Амвросія въ день успенія пресв. Богородицы, стр. 29.

²⁾ Изд. 1821 и 1822 года. Слово на успеніе Б. М. напечатано также въ христоматіи Пенинскаго.

дать на собственные средства въ замужество сорокъ самыхъ бѣднѣйшихъ дѣвицъ г. Тулы изъ мѣщанскаго сословія. Но бѣдныхъ дѣвицъ оказалось шестьдесятъ семь и онѣ всѣ были выданы замужъ, благодаря щедрой благотворительности купца Ливенцова. Для того, чтобы больше придать торжественности такому рѣдкому и своеобразному виду благотворенія, гражданское начальство, по предварительному соглашенію съ духовнымъ, постановило всѣ шестьдесятъ семь паръ повѣнчать въ одинъ день. Днемъ вѣнчанія избранъ былъ день св. Іліи пророка, 20-го іюля 1814 года. Желаящіе брачиться разбиты были на четыре группы и повѣнчаны были почти одновременно въ четырехъ городскихъ церквахъ. Преосвященный Амвросій рѣшился самъ лично ознаменовать такое рѣдкое событіе въ общественной жизни города Тулы и приказалъ всѣмъ повѣнчаннымъ парамъ немедленно послѣ вѣнчанія собраться въ кафедральный соборъ, гдѣ онъ и привѣтствовалъ ихъ ораторскимъ словомъ.

Преосвященный Амвросій не мало своихъ проповѣдей посвятилъ и обсужденію тогдашнихъ военныхъ и политическихъ событій, вызванныхъ нашествіемъ французовъ на Россію. Ревностные пастырскіе труды преосвященнаго, особенно способствовавшіе образованію пасомыхъ въ бѣдственные для нашего отечества времена войны съ Франціей, постоянно удостоивались вниманія высшаго начальства. Во время своего архипастырства въ Тулѣ преосвященный Амвросій высочайше пожалованъ былъ орденомъ св. Анны 1-й степени (въ 1806 году) и св. Владимира 2-ой степени большого креста (въ 1814 году).

II.

4-го февраля 1816 года св. синодъ, въ видахъ іерархическаго возвышенія Амвросія, возвелъ его въ санъ архіепископа и предоставилъ ему въ управленіе одну изъ обширнѣйшихъ епархій въ Россіи, именно Казанскую и Симбирскую. Казань, новое мѣсто служенія Амвросія, стояла во всѣхъ отношеніяхъ выше Тулы. Одно уже то, что это былъ городъ университетскій, весьма много возвышало его въ ряду другихъ губернскихъ городовъ. Но лично для Амвросія переводъ въ Казань не былъ

особенно счастливъ и не оправдалъ на себѣ тѣхъ надеждъ, какія возлагалъ на него преосвященный. Казанская епархія оказалась очень распущенной: казанское духовенство отличалось грубостью и невѣжествомъ, епархіальная администрація страдала отъ систематическаго взяточничества. Преосвященный Амвросій рѣшился ввести порядокъ во всѣхъ частяхъ епархіальнаго управленія и обратился къ мѣрамъ строгости. Это не понравилось нѣкоторымъ членамъ высшаго казанскаго духовенства, особенно членамъ консисторіи, развившимъ въ себѣ, при слабости прежнихъ представителей епархіальной власти, склонность къ самому широкому произволу. Рѣшительныя мѣры новаго архіерея сильно раздражали нѣкоторыхъ консисторіаловъ, искусившихся во всевозможныхъ клаузахъ. На Амвросія полетѣли въ Петербургъ доносы за доносами, наполненные самыми безсовѣстными и безцеремонными хитросплетеніями относительно образа дѣйствій казанскаго архіепископа. Синодъ почти по каждому доносу требовалъ отъ преосвященнаго Амвросія подробныхъ объясненій. Амвросій на всѣ запросы отвѣчалъ съ достоинствомъ, отписывался и отписывался. А доносы между тѣмъ не прекращались и все летѣли и летѣли въ синодъ. Наконецъ св. синодъ рѣшился назначить ревизію казанской епархіи и ревизоромъ ея назначилъ присутствующаго въ синодѣ архіепископа Іону ¹⁾, какъ оказалось послѣ, личнаго недоброжелателя Амвросія. Не смотря на всѣ свои старанія очернить казанскаго архіепископа, Іона въ его дѣятельности не могъ найти ничего предосудительнаго и долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ ни съ чѣмъ. Когда же въ синодѣ поднятъ былъ вопросъ о результатахъ произведенной имъ ревизіи казанскаго епархіальнаго управленія, то онъ далъ синоду очень наивное и совершенно неудовлетворительное объясненіе, открыто заявивъ, что у него похитили всѣ документы, относящіеся до произведенной имъ ревизіи. Какъ бы то ни было, но послѣ подобнаго рода событій преосвященный Амвросій значительно утратилъ въ глазахъ высшаго духовнаго управленія свой авторитетъ и ува-

¹⁾ Это былъ Іона Павинскій, архіепископъ Тверской и членъ синода, какъ извѣстно послѣ Амвросія самъ сдѣлавшійся въ 1826 году казанскимъ архіепископомъ. Іона умеръ въ 1833 году.

женіе, для поднятія котораго онъ не хотѣлъ прибѣгать ни къ какимъ мѣрамъ, что впрочемъ было совершенно въ духѣ его независимаго характера. Однако непріятности, съ какими ему пришлось встрѣтиться въ Казани, оказали въ высшей степени неблагоприятное дѣйствіе на общій характеръ его дѣятельности въ этомъ городѣ, особенно на его проповѣдничество.

Извѣстно, что въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ 1824 года государь Александръ Павловичъ предпринималъ длинную поѣздку по Россіи, и между прочимъ посѣтилъ нѣкоторые приволжскіе города, какъ наприм. г. Симбирскъ. Преосвященный Амвросій для встрѣчи государя выѣхалъ въ Симбирскъ и 5-го сентября привѣтствовалъ его въ Симбирскомъ-Троицкомъ соборѣ краткою рѣчью. Черезъ два дня (7-го сентября) преосвященный въ томъ же соборѣ напутствовалъ государя новою рѣчью, не смотря на свою краткость произведшую сильное впечатлѣніе на всѣхъ. Во время пребыванія императора въ Симбирскѣ преосвященный Амвросій очень понравился государю Александру Павловичу, который не замедлилъ выразить ему свое расположеніе пожалованіемъ ему, въ томъ же 1824 году, ордена св. Александра Невскаго ¹⁾. Но то было и послѣднею наградою для Амвросія, вслѣдъ за которою ему пришлось испить, какъ это было видно раньше, горькую чашу многихъ огорченій и непріятностей.

Въ Казани преосвященный Амвросій сталъ во главѣ проsvщенія того захолустнаго края. Онъ взялъ на себя руководство мѣстнымъ отдѣломъ библейскаго общества и заботился о разширеніи его полезной дѣятельности. Какъ непремѣнный членъ отдѣла, онъ, помимо ординарной дѣятельности, сдѣлалъ предложеніе главному комитету библейскаго общества въ Петербургѣ о необходимости перевода св. писанія на одинъ изъ инородческихъ языковъ, именно на мордовскій, и указывалъ даже для этого средства — это участіе въ переводѣ знающихъ мордовскій языкъ священниковъ собственной епархіи, при чемъ онъ самъ на себя бралъ трудъ окончательнаго редактированія и разсмотрѣнія перевода. Кромѣ того, преосвященный каждое

¹⁾ Расположеніе Александра I къ Амвросію такъ осязательно высказывалось въ Симбирскѣ, что народная молва назначала его даже въ митрополита. Воспоминанія Панаева. „Вѣстникъ Европы“ 1867 г., т. IV. 119.

событіе въ жизни мѣстнаго библейскаго отдѣла непременно отличалъ своими рѣчами. 20-го января 1818 года онъ говорилъ рѣчь при открытіи казанскаго комитета библейскаго общества; то же самое онъ дѣлалъ и при ежегодныхъ генеральныхъ собраніяхъ казанскаго отдѣленія библейскаго общества. Нѣкоторыя изъ рѣчей Амвросія, говоренныхъ имъ въ библейскомъ отдѣлѣ, настолько оказались превосходными, что прославили его имя не только въ Россіи, но и за границей.

Особенно громкую извѣстность получила рѣчь преосвященнаго Амвросія, сказанная имъ въ генеральномъ собраніи казанскаго отдѣленія русскаго библейскаго общества 5-го февраля 1822 года и трактовавшая о пользѣ чтенія св. писанія. Она была переведена на иностранные языки и, между прочимъ, на французскій. Эта рѣчь Амвросія подробно по частямъ разбиралась въ свѣтскихъ парижскихъ журналахъ и французы отзывались о ней какъ объ одномъ изъ замѣчательныхъ произведеній современнаго краснорѣчія. Имя Амвросія, какъ оратора, стало извѣстно и Западной Европѣ; объ немъ съ уваженіемъ отзывались даже въ заграничной періодической печати.

Преосвященный Амвросій отличался самымъ всестороннимъ образованіемъ. Кромѣ древнихъ языковъ, онъ зналъ и нѣкоторые изъ новѣйшихъ и отлично владѣлъ французскимъ языкомъ. Произведенія древнихъ классическихъ писателей ¹⁾, равно какъ и творенія всѣхъ отцовъ древней вселенской церкви ему извѣстны были въ совершенствѣ. Кромѣ того, не было науки, въ области которой онъ не имѣлъ бы обширныхъ свѣдѣній. Амвросій считался хорошимъ знатокомъ исторіи, географіи, естествознанія, статистики и др. Въ бытность его въ Казани въ степени своей учености Амвросій могъ поспорить съ самыми извѣстными профессорами университета. Амвросій, любя науку, посѣщалъ и мѣстное святилище ея — казанскій университетъ. Онъ находился притомъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ почетителемъ казанскаго учебнаго округа, столь извѣстнымъ Магницкимъ. Тогда казанскій университетъ весьма часто встрѣчалъ въ своихъ стѣнахъ представителя мѣстной церкви. Амвросій не

¹⁾ Извѣстна латинская грамматика Амвросія, долгое время считавшаяся классическою.

только аккуратно посѣщаль всѣ годичные экзамены въ университетѣ, но даже весьма часто бываль и на третнихъ экзаменахъ. Амвросій не любилъ сидѣть молчаливымъ свидѣтелемъ. Сначала онъ обыкновенно прерываль экзаменующагося, поясняя самъ помимо профессора то, что было сказано, выражено не точно или неудовлетворительно, потомъ все больше и больше входилъ въ разговоръ, воодушевлялся, начиналь говорить по тому или другому возбужденному вопросу уже одинъ, иногда говорилъ по часу и по полутора часа. Тогда въ экзаменаціонной залѣ все умолкало и присутствующіе съ благоговѣніемъ внимали рѣчи ученаго архіерея и съ замираніемъ сердца ловили, всѣ до послѣдняго, его слова. Нѣкоторые изъ тогдашнихъ студентовъ университета, подъ вліяніемъ увлеченія рѣчью архіерея, называли его рѣчь ангельскою, а его мысли божественными. И замѣчательно,—это говорили молодые свѣтскіе люди, всегда съ предубѣжденіемъ относящіеся ко всему духовенству. Въ присутствіи на университетскихъ экзаменахъ ученаго и всестороннеобразованнаго Амвросія профессора иногда чувствовали себя не совсѣмъ въ хорошемъ положеніи. Они стѣснялись, боясь быть скомпрометированными въ своихъ научныхъ доводахъ архіереемъ. Былъ такой довольно забавный случай. Въ 1821 году возвратился въ Казань изъ кругосвѣтнаго путешествія профессоръ астрономіи Симоновъ (впослѣдствіи ректоръ университета). Между прибывшимъ путешественникомъ и Амвросіемъ завязался очень оживленный разговоръ и оказалось, что преосвященный Амвросій зналь всѣ страны, гдѣ былъ Симоновъ, гораздо лучше и основательнѣе, чѣмъ этотъ путешественникъ. При такой глубокой и разнообразной учености длинныя разсужденія Амвросія на экзаменахъ не только не утомляли слушателей, но казались для нихъ въ высшей степени увлекательными и интересными. Только одно дѣйствовало не особенно пріятно въ ученыхъ бесѣдахъ архіепископа: онъ часто въ порывѣ увлеченія не могъ удерживаться отъ колкости въ выраженіяхъ, которая выработалась въ его характерѣ, какъ результатъ, какъ слѣдствіе его служебной карьеры, не особенно блестящей,—сравнительно съ тою, какой онъ заслуживаль по своимъ талантамъ. Но казанцы хорошо понимали характеръ своего владыки и многое извиняли ему.

Въ Казани всегда находился многочисленный кружокъ почитателей Амвросія и его таланта. Члены кружка по временамъ собирались у преосвященнаго и здѣсь въ интимномъ обществѣ друзей иногда подолгу текла рѣчь краснорѣчиваго архіерея. Въ числѣ почитателей Амвросія находились и студенты университета. Директоръ университета, отобравъ иногда нѣсколько чело-вѣкъ изъ старшихъ студентовъ, отправлялся съ ними къ архіепископу. Подобныя поѣздки чаще всего предпринимались въ день именинъ Амвросія. Почитатели казанскаго архіепископа собирались къ нему то въ городской архіерейскій домъ, но нерѣдко являлись они и въ лѣтней резиденціи казанскихъ архіепископовъ, въ живописномъ и роскошно обстроеномъ «Іерусалимѣ». Такъ назывался казанскій загородный архіепископскій домъ, расположенный не подалеку отъ озера Кабанъ и основанный любимцемъ Екатерины II, архіепископомъ казанскимъ Амвросіемъ Подобѣдовымъ, который при щедромъ пособіи императрицы построилъ тамъ себѣ настоящій дворецъ и жилъ въ немъ съ роскошью католическаго прелата, задавая пиры чуть ни для всей казанской знати. Въ тѣнистомъ обширномъ саду знаменитаго Іерусалима Амвросій иногда велъ бесѣды съ своими поклонниками и увлекалъ ихъ силою своего краснорѣчія. Чаще предметъ его разговоровъ вращался около религіозныхъ вопросовъ. Какое сильное, глубокое впечатлѣніе производили на собесѣдниковъ Амвросія его рѣчи, объ этомъ можно судить на основаніи нѣкоторыхъ сохранившихся до настоящаго времени отзывовъ. Такъ одинъ изъ почитателей преосвященнаго Амвросія, выслушавъ живое краснорѣчивое описаніе имъ творенія Богомъ міра, оказался въ восторгѣ отъ него, не смотря на то, что предметъ былъ слишкомъ извѣстный и обыкновенный. «Всю сію картину (міротворенія), сообщаетъ этотъ современникъ, онъ (Амвросій) представилъ въ такомъ величественномъ видѣ, изобразилъ ее такъ осязательно, живо и ярко, что, казалось, видѣли Бога... Мы изумлены были величію картины его (Амвросія) и въ немъ самомъ видѣли что-то божественное. Никогда я никакого сочиненія не читывалъ съ такимъ восторгомъ, съ какимъ его слушалъ. Какъ жалко, что слова сіи безпримѣрныя исчезли въ воздухѣ и произнесены въ уединенной комнатѣ, а не въ услышаніе всего міра!» — «Въ памяти моей

навсегда остались,—такъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ одинъ изъ современниковъ Амвросія, бывшій въ его время студентомъ казанскаго университета и въ числѣ другихъ посѣщавшій архіепископа,—двѣ бесѣды преосвященнаго Амвросія. Разъ онъ говорилъ о провидѣніи, которое все видитъ въ мірѣ и въ чело-вѣкѣ, и которое иногда открывало самыя тайныя преступле-нія. До сихъ поръ, къ чему бы я ни приступалъ, я боюсь Бога и вижу, какъ Онъ на меня смотритъ, потому что вотъ и те-перь предо мною живо стоитъ то, что говорилъ Амвросій»...

III.

Въ бытность свою въ Казани, гдѣ онъ вынесъ не мало не-пріятностей и разошелся почти со всѣмъ духовенствомъ, пре-освященный Амвросій значительно измѣнился. Въ Тулѣ главною стихіею его жизни была проповѣдь, которую тамъ цѣнили по достоинству высоко и предъ нимъ благоговѣли всѣ, какъ предъ гениальною личностью, предъ знаменитостью. Въ Казани было не то. Дрязги житейскія и интриги не давали покоя архіепи-скопу. Онъ былъ постоянно въ худомъ расположеніи духа, а потому и говорилъ проповѣди рѣдко, по крайней мѣрѣ, сравни-тельно съ Тулою. Онъ не хотѣлъ во всемъ блескѣ развернуться со своимъ проповѣдническимъ талантомъ предъ обществомъ, ко-торое его не цѣнило и которое отравляло его спокойствіе ме-лочами и интригами своей частной жизни. вмѣсто обществен-ной публичной проповѣди, Амвросій сосредоточился самъ въ себѣ и былъ краснорѣчивъ и увлекателенъ болѣе всего въ стѣ-нахъ своего кабинета и архіерейской гостиной, въ кругу избран-ныхъ лицъ и излюбленнаго общества. Здѣсь вдохновенная, не-обыкновенно убѣдительная и пріятная рѣчь его часто лилась живымъ неудержимымъ потокомъ, самъ Амвросій тогда весь обращался въ воодушевленіе. Въ такіе часы его замѣчательный и иногда долгое время сдерживаемый ораторскій талантъ про-рывался съ силою бующаго потока и приводилъ въ восторгъ и изумленіе кружокъ его гостей. Отсюда происходило то, что въ частной бесѣдѣ, въ кабинетномъ разговорѣ, Амвросій, по край-ней мѣрѣ такъ было въ Казани, казался выше и пріятнѣе, чѣмъ даже въ проповѣди. Поэтому совершенно правъ одинъ изъ

хорошо знавшихъ преосвященнаго, который однажды выразился объ Амвросіѣ: «потомки наши, читая однѣ проповѣди его, не будутъ въ половину знать, что былъ вдохновенный Амвросіѣ». — То отзывы свѣтскихъ людей. Изъ духовныхъ писателей очень оригинальный и вѣрный взглядъ на проповѣди Амвросія высказалъ знаменитый Платонъ, митрополитъ московскій, самъ принадлежащій къ числу извѣстныхъ проповѣдниковъ своего времени: «Если бы я писалъ такъ, какъ онъ (Амвросіѣ), то вся Россія сходилась бы меня слушать», такъ однажды сказалъ съ свойственнымъ ему добродушіемъ Платонъ, разумѣя здѣсь съ одной стороны свой неподражаемый даръ произношенія и даръ необыкновеннаго краснорѣчія Амвросія съ другой ¹⁾).

Одна изъ причинъ обаятельнаго вліянія проповѣдей Амвросія заключалась въ самомъ ихъ внутреннемъ характерѣ. Амвросіѣ отказался отъ рабства старымъ риторическимъ требованіямъ, не писалъ по риторическимъ хріямъ и фигурамъ, а предоставлялъ себѣ полную свободу въ формѣ изложенія. Проповѣди его отличаются вдохновеніемъ самаго первостатейнаго поэта, обилуютъ картинами, которыя нерѣдко просто поражаютъ живостью и рельефностью своихъ красокъ. Но главное достоинство проповѣдей Амвросія скрывалось въ его чувствѣ. Его слово было всегда плодомъ одного его сердца, изліяніемъ пламеннаго, ревнующаго по вѣрѣ чувства. Соединеніе глубокаго чувства съ поэтическимъ талантомъ — составляетъ самое главное достоинство проповѣдей Амвросія, которое всегда увлекало умъ и сердце слушателей и всегда придавало особенную силу и трогательность его рѣчи.

Амвросіѣ, прекрасно владѣвшій французскимъ языкомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ подражалъ французскимъ проповѣдникамъ и по ихъ примѣру заботился о блескѣ и рельефности картинъ. Болѣе другихъ онъ имѣлъ сходство съ Массиньеномъ, но отличался отъ него тѣмъ, что у Массиньена за картиною наказаній всегда обыкновенно слѣдовала картина милосердія Божія, а преосвященный Амвросіѣ, напротивъ, оставляетъ своего слушателя съ одною мыслию о карѣ, о наказаніи Божіемъ и

¹⁾ Начертаніе жизни митрополита Платона. Снегирева, часть II, стр. 71.

вселяетъ въ его сердце боязнь и ужась за свою загробную участь.

Любимыми предметами для проповѣдей Амвросія служили: мысли о будущей жизни, о вѣчности, о скоротечности земной человѣческой жизни и призрачности всѣхъ земныхъ благъ и отличій. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ живыхъ чертахъ описываетъ Амвросій внутреннее состояніе человѣка, все время служившаго міру и его удовольствіямъ и теперь готовящагося къ смерти: «Взираетъ поклонникъ разума на міръ, исчезающій въ очахъ его. Онъ говоритъ: и такъ завѣса опускается и мраки смерти сокрываютъ отъ очей моихъ вся красная міра сего. Земля, ты теряешься во взорахъ моихъ! Лучезарное солнце, ты въ послѣдній разъ озаряешь зѣницы мои! Природа! мрачный покровъ закрываетъ отъ меня навсегда красоты твои! Жизнь скоротечная! ты уже на закатѣ своемъ! Гдѣ радости, украшавшія дни мои?—исчезли, какъ сонъ утренній. Гдѣ удовольствія, которыя растворяли чашу жизни моей веселіемъ?—лежатъ непримѣтны въ нѣдрахъ времени протекшаго. Гдѣ времена злата, кои провелъ я на лонѣ блаженства и забавъ?—они протекли, яко рѣка, пролетѣли, какъ молнія, на крилахъ времени, и никогда не возвратятся ко мнѣ. Титла мои знаменитыя, вы уже для меня не существуете; вы украсите гробъ мой; но сердце, прилегшее къ персямъ земнымъ, не утѣшится вами! Богатства мои, для которыхъ перенесъ я толико трудовъ, толико безпокойства, вы перейдете въ руки чуждыя! Ближніи мои, къ которымъ привязано сердце мое столь нѣжными узами, я различаюсь съ вами навсегда, навсегда! Можетъ быть, теплая слеза ваша падетъ на гробъ мой; но хладная персть не согрѣется отъ нея! Можетъ быть, томный вздохъ вашъ будетъ воззывать меня паки изъ нѣдръ земли, но неумолимая смерть не возвращаетъ добычъ своихъ»¹⁾).

Тонъ проповѣдей Амвросія въ значительной степени изображаетъ на себѣ внутренній міръ его души. Невзгоды, вынесенныя имъ во вторую половину его жизни, сильно сказались на его характерѣ, который сдѣлался меланхоличнымъ, мрачнымъ.

¹⁾ Слова и рѣчи преосвященнаго Амвросія. Стр. 43, 252.

Тоже самое иногда отражалось и въ его проповѣдяхъ, въ которыхъ онъ, напримѣръ, нерѣдко проводитъ слишкомъ аскетическіе взгляды на міръ и высказываетъ слишкомъ мало вѣры въ нравственныя силы человѣка. «Что есть человѣкъ, такъ говорилъ Амвросій въ своей рѣчи при вступленіи на тверскую паству. Человѣкъ—это слѣпецъ, который ищетъ свѣта и, между тѣмъ, добровольно возлагаетъ на очи свои завѣсу мрака; это рабъ страстей, который воздыхаетъ подъ оковами ихъ и непрестанно лобызаетъ оковы сіи; хвалится смысломъ и разумомъ предъ безсловесными, а между тѣмъ, поставленный въ чести сей, прилагается часто, какъ говоритъ слово Божіе, скотомъ несмысленнымъ и уподобляется имъ, носить въ груди своей скрижали закона естественнаго и въ пылу страстей сокрушаетъ скрижали сіи предъ кумиромъ порока, изваяннымъ растлѣніемъ его сердца; чувствуетъ, что сотворенъ онъ для добродѣтели, для святости, и приноситъ кадило пороку; любить добро и отрѣцается оно; ненавидитъ злое и лобызаетъ его»¹⁾).

Преосвященный Амвросій, какъ проповѣдникъ, имѣлъ и недостатки. Его внѣшность не соответствовала внутреннимъ достоинствамъ и высотъ его таланта. Онъ отличался маленькимъ ростомъ, былъ толстъ, имѣлъ далеко некрасивое лицо и, главное, имѣлъ слабый голосъ. Невыгодное впечатлѣніе, получаемое отъ его фізіономіи, сглаживалось только его живыми, свидѣтельствовавшими объ его глубокомъ умѣ, глазами. Заранѣ написанныя проповѣди онъ читалъ въ церкви по тетради и чтеніе его отличалось монотонностью, однообразіемъ. Слабость голоса лишала его дара отличной декламации. Когда преосвященный Амвросій говорилъ проповѣдь безъ приготовления, экспромтомъ, тогда рѣчь его была живая, увлекательная, лицо воодушевлялось и получало болѣе симпатичный и пріятный видъ. Другой недостатокъ заключался въ языкѣ проповѣдей, который казался для того времени довольно устарѣлымъ и много содержалъ въ себѣ славянскихъ оборотовъ. Впрочемъ это былъ общій недостатокъ всѣхъ нашихъ проповѣдниковъ того времени, которые считали чуть ни за грѣхъ говорить живымъ, общепон-

¹⁾ Слова и рѣчи преосвященнаго Амвросія. Стр. 247.

нятымъ языкомъ. Большая часть проповѣдей того времени нуждается въ переводѣ на современный языкъ. Впрочемъ, относительно проповѣдей Амвросія нужно сказать, что онѣ, не смотря на присутствіе въ нихъ старыхъ славянскихъ оборотовъ рѣчи, отличаются сравнительною простотою и доступностью. Это объясняется отчасти тѣмъ, что Амвросій не любилъ писать длинными періодами, а выражался въ большинствѣ случаевъ коротко, отрывочно. Строгіе критики могутъ подмѣтить еще одинъ недостатокъ въ произведеніяхъ преосвященнаго Амвросія. Дѣйствительно, картинность и живость словъ Амвросія иногда не находятся въ гармоніи съ логическою послѣдовательностію. Въмѣсто того, чтобы развить мысль логически, отчетливо, онѣ достаточнымъ иногда считаетъ облечь ее въ картины, но здѣсь оказывается, что одно не вполне доказано, другое оставлено безъ поддержки; иное выражено слишкомъ рѣзко, другое — слабо ¹⁾).

Въ заключеніе своего очерка о проповѣднической дѣятельности архіепископа Амвросія, я приведу отзывъ о ней одного изъ хорошо извѣстныхъ его современниковъ. «Проповѣди преосвященнаго Амвросія, пишетъ этотъ современникъ, необыкновенны, достойны Бога, Котораго онѣ восхваляетъ, невозможны для человѣка. Какую ни разверните вы проповѣдь, вездѣ онѣ великъ. Возьмите на усненіе Божіей Матери (о вѣчности): какія мысли глубокія, какая возвышенность для души; онѣ такъ изображаетъ ее, что душа, кажется, разливается и дѣлается безпредѣльною и отъ изумленія останавливается. Это Державина ода «Богъ»! Возьмите на скоротечность всего земнаго (на Новый Годъ 1815-й): кто не почувствуетъ ничтожности земной, кто не содрогнется отъ столь живительныхъ и разительныхъ противоположностей славы міра съ ничтожествомъ ея? Или когда онѣ говорятъ о гибели нечестивыхъ: кто не ужаснется грѣховъ своихъ и не дастъ себѣ (хотя мгновенно) рѣшительнаго обѣщанія не только исправиться, но даже совсѣмъ отрѣшиться міра? Описываетъ ли онѣ смерть христіанина — надобно содрогаться;

¹⁾ Филаретъ черниговскій. Обзоръ русской духовной литературы. 1863 г., изданіе 2-е, стр. 220—221.

описываетъ великолѣпіе міра Божія: какое величіе, какое славословіе Господу! Наконецъ, негодуешь ли онъ (въ словѣ на избраніе судей), тогда никто съ нимъ не сравнится. Это пророкъ ветхозавѣтный, который ничего не щадить. Это Державина ода: «Вельможа». Въ другихъ проповѣдяхъ его слышатся стоны, какъ въ одѣ на смерть Мещерскаго. Я видѣлъ его, я слышалъ его и въ бесѣдѣ, и говорящаго проповѣди. Никогда не забуду сего счастья. Когда еще былъ я студентомъ, онъ часто навѣщала университетъ. Съ отеческою нѣжностью онъ экзаменовалъ насъ, но не надолго: возбужденный какимъ-нибудь предметомъ, онъ приходилъ въ состояніе божественности, лицо его оживлялось, глаза блистали необыкновеннымъ свѣтомъ, онъ забывалъ и говорилъ о Богѣ съ такимъ усладительнымъ, необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, что, не смотря на нашу молодость, которая не любитъ заниматься подобными предметами, мы пожирали слова его, боялись, что перестанетъ говорить и забывали гдѣ мы, казалось, видѣли самаго Бога, въ трепетѣ благоговѣли и чувствовали что-то небесное. А онъ! Въ немъ, кажется, самъ Богъ дѣйствовалъ. Это не человѣкъ, это существо высшее. Нѣтъ, не слыхивалъ я подобнаго краснорѣчія! Не видывалъ, кто-бы могъ производить надъ слушателями подобныя впечатлѣнія!... Въ Россіи совсѣмъ не знаютъ Амвросія. Ни одного намека не удалось мнѣ читать о проповѣдяхъ его. Амвросія или не знаютъ, или считаютъ проповѣдникомъ хорошимъ, но не настолько важнымъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ. Но, не смотря на мою неизвѣстность, по собственному чувству скажу, что Амвросій первый изъ русскихъ проповѣдниковъ, какіе когда-либо были. Не унижаю другихъ іерарховъ нашихъ, чтобы высить Амвросія, но смѣло отдаю ему первое между ними мѣсто. Во многихъ изъ нихъ много богословской учености, ума, но ни въ одномъ нѣтъ столько генія, чувствованія. Непонятно, какимъ образомъ русскіе, которые имѣютъ столь великія творенія, — и не восхищаются ими. Ихъ (русскихъ) можно сравнить съ тѣми жалкими греками, которые жили во время Омира и не знали, что онъ первый поэтъ, — съ тѣми англичанами, современниками Мильтона, которые не знали его «Потеряннаго Рая». Проповѣди Амвросія не только безъ всякаго спору первыя на русскомъ, но и во всемъ ученомъ мірѣ единственныя. Умъ не-

обыкновенный! Но что всего дороже—чувство. Это не тѣ чувствованія, которыя описываются умомъ, наблюдающимъ сердце человѣческое; это чувствованія, истекающія изъ самаго сердца. Русскіе могутъ хвалиться и стать наравнѣ со всѣми народами и всѣхъ временъ: побѣдами полководцевъ, одами Державина, баснями Крылова, исторіей Карамзина и проповѣдями Амвросія.

Представленный отзывъ объ Амвросіѣ, конечно, отзывается нѣкоторыми преувеличеніями, но въ немъ есть весьма значительная доля правды. На основаніи этого отзыва можно судить о томъ, какъ высоко смотрѣли современники на проповѣдническій талантъ преосвященнаго Амвросія.

Преосвященный Амвросій по своему характеру не былъ способенъ ни къ заискиванію передъ высшими, ни къ потворству своимъ подчиненнымъ. Строгое служеніе правдѣ составляло его призваніе. Прямодушіе его отклоняло отъ него всякое покровительство, а колкость и рѣзкость его характера нерѣдко прямо наживали ему враговъ. Да и самъ онъ не особенно заботился о своей популярности, особенно это нужно сказать относительно Казани, которой онъ вообще не любилъ и не жаловалъ. Амвросій, живя въ Казани, считалъ себя обиженнымъ и загнаннымъ человѣкомъ. Дѣйствительно, его обходили и повышеніями, и наградами. Однако онъ не скорбѣлъ объ этомъ, всегда казался спокойнымъ, но на лицѣ его все-таки замѣчались слѣды грусти, печали, а его унылый, какъ бы сквозь слезы, голосъ, особенно когда онъ говорилъ поученія, напоминалъ его слушателямъ о томъ, какъ много перенесъ горя и обидъ ихъ знаменитый архипастырь.

IV.

6-го ноября 1826 года преосвященный Амвросій былъ перемѣщенъ на Тверскую, хотя и древнюю, но низшую епархію. Переводъ въ Тверь былъ послѣднею чашею горя, испитою Амвросіемъ, такъ какъ этотъ переводъ состоялся для него какъ наказаніе, которое онъ понесъ по слѣдующему обстоятельству. При вступленіи на престолъ императора Николая Павловича, извѣстный М. Л. Магницкій немедленно былъ высланъ изъ Петербурга, какъ человѣкъ дерзкій и безпокойный, и сосланъ

подъ надзоръ въ Казань. Казанскій губернаторъ, баронъ Розень, въ донесеніи отъ 11 октября 1826 году нижегородскому, казанскому, симбирскому, саратовскому и пензенскому генераль-губернатору, генералу Бахметову, сообщая о связяхъ Магницкаго съ ничтожными и безпокойными людьми, каковы бывшій прокуроръ Херувимовъ, чиновники Губовъ и Уманецъ, присовокупляя: «не могу также скрыть отъ вашего высокопревосходительства, что Магницкій съ епархіальнымъ архіереемъ находится въ хорошихъ связяхъ, часто у него бываетъ, просиживая иногда и до полуночи». Бахметевъ сообщилъ объ этомъ начальнику главнаго штаба графу Дибичу, вслѣдствіе чего, по Высочайшему повелѣнію, объявленному Дибичемъ 23 ноября 1826 г., Магницкій былъ переведенъ въ Ревель. Очень вѣроятно, что Дибичъ о содержаніи донесенія казанскаго губернатора сообщилъ синодальному оберъ-прокурору, послѣдствіемъ чего и былъ переводъ Амвросія на Тверскую низшую епархію¹⁾.

Въ Тверь преосвященный Амвросій прибылъ 15-го декабря 1826 года и управлялъ тверской епархіей около четырехъ съ половиною лѣтъ. Умеръ онъ отъ эпидеміи. Лѣтомъ 1831 года въ Твери открылась холера. Болѣзнь уносила много жертвъ. Императоръ Николай Павловичъ, всегда являвшійся лично раздѣлять бѣдствія своего народа, самъ пріѣхалъ въ Тверь. Преосвященный Амвросій встрѣтилъ героя-государя въ соборѣ и говорилъ ему привѣтственную рѣчь. Страшныя опустошенія, производимыя холерою, при слабой помощи и ограниченности медицинскихъ средствъ, привели народъ въ панику. Всѣ обратились къ помощи Неба. Преосвященный Амвросій, по желанію своей бѣдствующей паствы и по собственному усердію къ вѣрѣ, прибѣгнувъ къ покровительству патрона мѣстнаго города св. Михаила Ярославича, князя тверскаго, открылъ крестный ходъ и носилъ во время его мощи св. князя вокругъ всего города. Это было 24-го іюня. Жаръ стоялъ невыносимый. Преосвященный подъ тяжестью архіерейскихъ облаченій утомился до изнеможенія. Для возстановленія своихъ силъ онъ разоблачился и вынужденъ былъ отдыхать на открытомъ мѣстѣ (за рѣкою Тьма-

¹⁾ Воспоминанія В. И. Панаева «Вѣстникъ Европы». 1867 года. Томъ IV, 120.

кою, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь проходитъ городской валъ, устроенный для предупрежденія наводненій). Вслѣдъ затѣмъ въ немъ открылись признаки холеры, которая перешла въ нервную горячку и на осьмой день утромъ 1-го іюля прекратила жизнь знаменитаго тверскаго архіепископа. Амвросій умеръ на 69 году отъ рожденія. Тѣло его погребено въ Желтиковѣ (въ двухъ трехъ верстахъ отъ Твери) монастырѣ, и что всего страннѣе и удивительнѣе, не въ самой церкви, а на общемъ монастырскомъ кладбищѣ, близъ главнаго храма, по правую сторону алтаря. Такое отступленіе отъ общаго правила, по которому всѣхъ архіереевъ погребаютъ непременно въ самыхъ соборахъ и церквахъ, можно объяснить развѣ характеромъ болѣзни, которая принадлежитъ къ числу заразительныхъ. Рассказываютъ, что самый гробъ преосвященнаго былъ засыпанъ глубокимъ слоемъ извѣсти. Долгое время могила архіепископа оставалась безъ надгробнаго памятника. Въ настоящее время надъ могилою архіепископа Амвросія устроенъ скромный, въ видѣ небольшогоobeliska, памятникъ изъ темнаго гранита съ краткимъ указаніемъ погребеннаго лица и года его смерти. Особыя обстоятельства смерти преосвященнаго Амвросія послужили поводомъ къ тому, что въ Твери нѣкоторое время ходила поговорка о томъ, что «тверской губернаторъ... уморилъ Амвросія крестными ходами».

Изъ частной жизни преосвященнаго Амвросія сохранилось извѣстнымъ очень немногое. Извѣстно, напимѣръ, что онъ отличался строго монашескою жизнію и всегда обнаруживалъ строгую умѣренность во всемъ. Столъ его состоялъ изъ самыхъ простыхъ блюдъ, каковы супъ съ грибами, сухая рыба и даже рѣдька съ квасомъ. Однажды Амвросій случайно узналъ, что у его келейниковъ готовили вафли. Призвавъ къ себѣ одного изъ нихъ, онъ шутя сказалъ ему: «спросите у повара архіерейскаго, что онъ готовилъ своему владыкѣ». Оказалось, что къ обѣду архіерея въ тотъ день были приготовлены супъ съ грибами и гречневая каша. Большая часть средствъ, какія приходилось получать Амвросію по службѣ, шли на милостыню, которую онъ раздавалъ щедрою рукою и при томъ не самъ, а чрезъ особыхъ довѣренныхъ лицъ. Часто его шкатулка до того пустѣла, что въ ней не оставалось даже и пяти рублей.

При жизни преосвященнаго Амвросія какъ въ Тулѣ, такъ

равно въ Казани и наконецъ въ Твери, всегда находилось много почитателей его проповѣдническаго таланта. Между почитателями его встрѣчались такіа лица, которыя собирали какъ проповѣди его, такъ и всѣ случаи болѣе или менѣе касающіеся какъ его общественной дѣятельности, такъ и частной жизни. Въ числѣ такихъ почитателей были и духовныя, и свѣтскія лица. Во время архипастыретва Амвросія въ Казани, настоятель Раифской казанской пустыни архимандритъ Амвросій предпринялъ составленіе біографіи архіепископа Амвросія и уже, какъ ходили настойчивыя слухи, успѣлъ закончить ее. Дѣло остановилось на печатаніи. Архимандритъ Амвросій, какъ почитатель и поклонникъ архіепископа Амвросія, конечно свою любовь и привязанность къ нему обнаружилъ и въ составленной имъ біографіи. Автору біографіи, конечно, приходилось имѣть дѣло съ явленіями и событіями, происходившими въ Казани, и такимъ образомъ нужно было касаться и современныхъ гражданскихъ властей и духовныхъ особъ г. Казани, съ которыми въ свое время боролся архіепископъ во имя правды и своего долга. Поэтому, біографъ Амвросія, какъ человекъ не особенно высокаго ранга, опасался подъ своимъ собственнымъ именемъ издавать свой трудъ, въ которомъ обнаруживались многія несправедливыя дѣйствія нѣкоторыхъ сильныхъ гражданскихъ и духовныхъ особъ, изъ которыхъ нѣкоторыя находились еще въ живыхъ и сильно могли повредить архимандриту Амвросію. Опасенія о. Амвросія шли еще дальше. Въ числѣ присутствующихъ въ св. синодѣ находился и ревизоръ преосвященнаго Амвросія, личный врагъ и недоброжелатель его, архіепископъ Іона. Архимандритъ Амвросій за свой панегирикъ соименному себѣ архіепископу и отъ синода опасался нажать себѣ неблаговоленіе. Для того, чтобы приготовленный трудъ не пропалъ даромъ, о. Амвросій поступилъ очень благоразумно, передавъ его, для изданія, другому лицу, также почитателю архіепископа Амвросія. Это было въ 1846 году. Кто такой былъ получившій трудъ о. Амвросія, и какаа судьба постигла этотъ самый трудъ, остается совершенно неизвѣстнымъ.

Въ бытность Амвросія архіепископомъ въ Казани, родной племянникъ его Александръ Сергѣевичъ Протасовъ, бывшій адъюнктъ-профессоромъ въ Казанскомъ университетѣ, вель по-

дробныя записки о своемъ знаменитомъ дядѣ. Но онъ въ 1830 году скоропостижно умеръ въ Казани отъ холеры, и оставшіяся послѣ него бумаги, въ томъ числѣ несомнѣнно и записки объ архіепископѣ Амвросіѣ, отосланы были въ Москву къ одному изъ его племянниковъ, оставшихся послѣ его родного брата, бывшаго священникомъ въ Рогожской части. Преосвященный Амвросіѣ такъ холодно и не сочувственно относился къ Казани, что не хотѣлъ оставить никакихъ своихъ бумагъ даже и племяннику своему, профессору университета, а всѣ ихъ забралъ съ собою въ Тверь. Тамъ застигнутый неожиданно смертью, Амвросіѣ не успѣлъ распорядиться своими бумагами и что съ ними сдѣлалось въ Твери—неизвѣстно. Очень вѣроятно, что и онѣ отправлены были въ Москву къ его внучатымъ племянникамъ.

Въ Казани, въ числѣ почитателей Амвросія, находились и женщины. Извѣстно имя Марьи Ивановны Юшковой, которая занималась тщательнымъ собираніемъ проповѣдей Амвросія.

При жизни Амвросія проповѣди его печатались въ современныхъ свѣтскихъ журналахъ, на примѣръ въ «Вѣстникѣ Европы», въ «Сынѣ Отечества», въ «Казанскомъ Вѣстникѣ» и др. Въ Тулѣ проповѣди его весьма часто печатались въ губернской типографіи, въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ, подобно издающейся въ настоящее время отдѣльными выпусками «каедрѣ Исакиевскаго собора». Изъ духовныхъ журналовъ проповѣдей Амвросія много напечатано въ христіанскомъ чтеніи, когда оно находилось подъ редакціею ректора С.-Петербургской академіи епископа Аѳанасія (впослѣдствіи епископа Саратовскаго), а въ болѣе ближайшее къ намъ время въ «Душеполезномъ чтеніи». Болѣе всего Амвросіѣ говорилъ проповѣдей въ Тулѣ. Въ Казани, по свидѣтельству современниковъ, онъ проповѣдывалъ не болѣе двадцати-тридцати разъ въ теченіи своего здѣсь десятилѣтняго архипастырства. Это отъ того, что онъ не любилъ Казани и не съ охотою печаталъ здѣсь свои проповѣди по непріятнымъ отношеніямъ съ губернскимъ начальствомъ и даже съ болѣею частью духовенства. Не смотря на многочисленныя къ нему обращенія, Амвросіѣ въ Казани почти никому не давалъ списывать своихъ проповѣдей, отзываясь, что, по его неразборчивому почерку, все исказятъ. Дѣйствительно, преосвященный Амвросіѣ писалъ очень связно и скоро, другія рѣчи

даже карандашемъ. Впрочемъ, другіе указываютъ болѣе глубокія причины нежеланія Амвросія видѣть въ печати свои проповѣди, а отсюда являются и другія причины малоизвѣстности послѣднихъ. «Одною изъ причинъ неизвѣстности проповѣдей преосвященнаго Амвросія, такъ писалъ одинъ изъ его современниковъ, должно полагать собственное его смиреніе. Онъ смиренъ и не искателенъ. Можетъ быть, онъ считаетъ неприличнымъ сану монашескому издать свои сочиненія, считая сіи данію грѣху—честолюбію; или, привыкнувъ считать себя предъ Богомъ ничтожнымъ рабомъ Его, онъ, по глубокому смиренію, считаетъ свои сочиненія ничтожными; или наконецъ потому, что великимъ умомъ своимъ и знаніемъ откровенія постигнувши все величіе Божіе, столько пораженъ имъ, что свои изображенія Его предъ Нимъ считаетъ не достаточными. Такъ для него, но не для насъ»...

Въ 1856 году П. А. Терсковъ издалъ въ С.-Петербургѣ слова и рѣчи архіепископа Амвросія, гдѣ общее число проповѣдей не восходитъ выше сорока. Это число, можно сказать, составляетъ ничтожную часть того, что оставилъ послѣ себя Амвросій. Изданію Терскова предшествуетъ біографія Амвросія, которая представляетъ изъ себя почти простую перепечатку формулярнаго его списка. При изданіи находится портретъ преосвященнаго и снимокъ съ почерка его руки.

В. И. Жмакинъ.

ДМИТРІЙ ПРОКОФЬЕВИЧЪ ТРОЩИНСКІЙ.

1754—1829.

I.

Къ числу особенно даровитыхъ русскихъ служилыхъ людей, подвизавшихся на гражданскомъ поприщѣ и дошедшихъ до высшихъ государственныхъ должностей прямымъ путемъ добросовѣстнаго и энергическаго труда, принадлежитъ скончавшійся въ 1829 году дѣйствительный тайный совѣтникъ Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій. Безъ связей, безъ громкаго имени, онъ сумѣлъ поставить себя въ близкія отношенія къ престолу, удержать за собою это положеніе въ продолженіи трехъ царствованій и, главное—сохранилъ при этомъ славу чловѣка вполнѣ честнаго, прямодушнаго и безкорытнаго.

Фамилія Трощинскихъ принадлежитъ малороссійскому дворянству; предки ихъ, еще въ XVI столѣтіи, перешли въ Запорожскую Сѣчь, а затѣмъ состояли въ гетманскомъ казачествѣ. Первый изъ нихъ, коего имя сохранилось въ семейной хроникѣ, былъ Матвѣй Трощинскій, который въ царствованіе Петра Великаго атаманствовалъ на Запорожьѣ и погибъ, благодаря своему близкому родству съ Мазепой; заподозрѣнный въ сообщничествѣ съ измѣнчившимъ царю гетманомъ, онъ былъ схваченъ и умеръ въ заключеніи, а имѣніе его конфисковано.

Вдова его, съ малолѣтнимъ сыномъ Иваномъ, переселилась въ Полтавскую губернію, гдѣ Иванъ Матвѣевичъ, дослужившись вполслѣдствіи до чина полковаго писаря, приобрѣлъ себѣ хуторъ, составлявшій часть мѣстечка Ярески, Миргородскаго повѣта.

Одинъ изъ сыновей его, Иванъ, постригся въ монахи, подъ именемъ Амфилохія, и былъ впоследствии архимандритомъ въ Кіевѣ, а затѣмъ епископомъ переяславскимъ; другой-же сынъ, Прокофій, состоя въ званіи войскового товарища, женился и устроилъ въ прибрѣтенномъ отцемъ его имѣніи полную господскую усадьбу. Эта-то усадьба и была мѣстомъ рожденія его четырехъ сыновей, изъ которыхъ одному суждено было потомъ играть столь видную роль въ государственной дѣятельности и прославить неизвѣстную дотолѣ фамилію Троцинскихъ.

По примѣру предковъ своихъ, Прокофій Ивановичъ отправилъ старшаго своего сына Андрея на Запорожье, гдѣ послѣдній и состоялъ нѣкоторое время сотникомъ. Туда же предназначались и остальные сыновья: Ефимъ, Демьянъ и Дмитрій; но судьба рѣшила иначе. Сѣчь Запорожская, въ эту эпоху, уже доживала свои послѣдніе дни; Андрей вернулся на родину. Онъ и братья его Ефимъ и Демьянъ пережили на сосѣднихъ помѣщичахъ, обзавелись собственнымъ хозяйствомъ и удовольствовались скромною, неизвѣстною долею.

Иною дорогою пошелъ младшій сынъ, Дмитрій Прокофьевичъ, родившійся въ 1754 году. Рано уже стали въ немъ обнаруживаться выдающіяся способности и влеченіе къ наукамъ, соединенныя съ характеромъ возвышеннымъ и благороднымъ. Эти качества обратили на него особое вниманіе роднаго дяди его, архимандрита Амфилохія; благодаря настояніямъ послѣдняго, юный Дмитрій помѣщенъ былъ въ Кіевскую духовную академію, бывшую въ то время расадникомъ образованія южной Россіи ¹⁾.

¹⁾ Упомянемъ здѣсь вкратцѣ о тѣхъ лицахъ, именъ которыхъ будутъ встрѣчаться въ дальнѣйшемъ ходѣ этого біографическаго очерка и которыя были связаны болѣе или менѣе близкимъ родствомъ съ Дмитріемъ Прокофьевичемъ

Самъ онъ, не имѣвъ, повидимому, возможности жениться на любимой имъ дѣвушкѣ изъ очень хорошей фамиліи, оставался всю свою жизнь холостымъ, но имѣлъ вѣнчанную дочь Надежду, вышедшую замужъ за уланскаго офицера князя Ивана Хилкова; плодомъ этого брака была дочь Прасковья, выданная за барона Станислава Карловича Остенъ-Сакена.

Братъ Дмитрій Прокофьевича, Андрей, женатъ былъ на помѣщицѣ Аннѣ Матвѣевнѣ Косяровской (родной теткѣ Маріи Ивановны Гоголь-Яновской, матери нашего гениальнаго писателя). Единственный сынъ ихъ Андрей Андреевичъ служилъ въ военной службѣ, участвовалъ въ сф. мн. о-

Окончивъ блистательно курсъ наукъ, Дмитрій Прокофьевичъ поступилъ въ гражданскую службу. Патентъ на первый чинъ (полковаго писаря) данъ былъ ему изъ Малороссійской коллегіи 21-го іюня 1773 года; но служебную дѣятельность свою онъ, вѣроятно, началъ нѣсколько ранѣе, поступивъ для занятія письменными дѣлами въ штабъ корпуса, занимавшаго Молдавію. — такъ какъ еще въ маѣ того-же года онъ писалъ матери своей изъ Яссы:

„Нечаянной случай завелъ меня въ Молдавское Княжество, а недовѣдомая судьба опредѣлила мнѣ, въ столичномъ онаго городѣ Яссахъ, и надолго жилище. Разлучивъ съ кровными, удаливъ отъ друзей и оставя между иноязычными, ни пріятности дружбы ощущать не умѣющими, ниже свойства благодарности не знающими. Въ такомъ-то обществѣ, милостивая родительница, долженъ я теперь проводить дни жизни моей. При всемъ однако томъ, щасливѣйшимъ себя почту, если не буду забвенъ вами. Основаніе моего здѣсь пребыванія откроетъ списокъ, кой у сего препровождаю. Есть и всегда пребуду, по долгу, съ неограниченною преданностію, вашъ всепослушнѣйшій сынъ и низайшій слуга Дмитрій Трощинскій.—Яссы. Маія 8-го, 1773 г.“

Должно полагать, что уже съ этого времени онъ обратилъ на себя вниманіе находившагося тогда въ Молдавіи генераль-аншефа князя Николая Васильевича Репнина, который, будучи назначенъ (въ 1775 г.), чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Константинополь, взялъ Дмитрія Прокофьевича къ себѣ въ секретари.

Съ этихъ поръ и до начала 2-й турецкой войны Д. П. Трощинскій уже не разлучался съ кн. Репнинымъ, управлявшимъ,

ванымъ имъ милиціоннымъ баталіономъ (впослѣдствіи переформированнымъ въ 1-го Финляндскій полкъ) въ войнѣ 1807 г. и, въ чинѣ генераль-майора, вышелъ въ отставку, въ 1811 году. Онъ былъ женатъ на Ольгѣ Дмитріевнѣ Кудрявцевой (мать коей считалась дочерью послѣдняго польскаго короля Станислава Понятовскаго и оставила по себѣ любопытныя записки, имѣющія быть помѣщенными въ „Русской Старинѣ“). Дѣтей у нихъ было трое: Анна, Софія и сынъ Дмитрій (живущій понынѣ).

Ефимъ Прокофьевичъ имѣлъ одного сына, Ивана Ефимовича, который (уже въ чинѣ генераль-лейтенанта) устраивалъ Новомиргородскія военныя поселенія, и дочь Прасковью, вышедшую замужъ за полковника Карла фонъ-Шлихтинга.

по возвращеніи въ Россію, различными губерніями и намѣстничествами. Завѣдуя канцелярією этого замѣчательнаго по способностямъ вельможи, онъ усовершенствовался въ письмоводствѣ и приобрѣлъ опытность и особое искусство въ дѣлахъ. Здѣсь же дослужился онъ до чина коллежскаго совѣтника, пожалованнаго ему 12 февраля 1786 года.

Незадолго передъ началомъ второй войны съ Турцією, въ 1787 г., императрица Екатерина II, сопровождаемая блестящею свитою военныхъ и гражданскихъ сановниковъ, посѣтила — какъ извѣстно — вновь приобретенный Новороссійскій край. Это путешествіе было зарею счастья для Дмитрія Прокофьевича. При остановкѣ государыни въ Кіевѣ, онъ, въ числѣ прочихъ лицъ, былъ представленъ ей и, въ это же время, кн. Репнинъ передалъ его — какъ чиновника надежнаго и опытнаго — графу Безбородѣ.

Даровитость и усердіе его скоро были оцѣнены и новымъ начальникомъ, такъ какъ, по прошествіи недолгаго времени, онъ награжденъ былъ чиномъ статскаго совѣтника (1790 г. 8 сентября), назначенъ членомъ главнаго почтоваго управленія и возведенъ императрицею въ званіе статсъ-секретаря (1793 г.). Последняя награда послужила началомъ его сближенія съ царственными лицами.

Отъ проникательнаго взгляда Екатерины II не могли ускользнуть выдающіяся достоинства Д. П. Троцинскаго; онъ пользовался ея особенною довѣренностію и награждаемъ былъ щедрою рукою. Кромѣ пожалованнаго ему ордена св. Владиміра 2-й ст. (1794 г. 22 сентября) и производства въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (4-го ноября 1796 г., т. е. за два дня до кончины Екатерины), онъ получилъ отъ императрицы такой подарокъ, который его — бѣднаго чиновника — сразу сдѣлалъ весьма состоятельнымъ человекомъ. О пожалованіи этого подарка сохранился въ семьѣ Троцинскихъ слѣдующій рассказъ:

„Статсъ-секретарь Троцинскій, сидя однажды въ кабинетѣ императрицы Екатерины, занимался составленіемъ какой-то важной бумаги; въ комнатѣ царствовала глубокая тишина; вдругъ государыня прервала молчаніе:

— Слушай, Троцинскій, вѣдь я о сию пору не знаю, какое у тебя есть состояніе.

— У меня, отвѣчалъ онъ, есть небольшое имѣніице въ Малороссіи.

— Сколько же ты получаешь дохода съ этого имѣнія?

— Да я, ваше величество, никакого съ него дохода не получаю, потому что все отдалъ роднымъ.

— Такъ чѣмъ же ты живешь? допрашивала удивленная государыня.

— Милостями в. в—ства, отвѣчалъ Дмитрій Прокофьевичъ.

Императрица замолчала и оба они снова принялись за работу. Нѣсколько минутъ спустя, государыня приказала подать себѣ планы западныхъ губерній.

— Выбирай себѣ что нибудь, сказала она Троцинскому.

Взволнованный этою неожиданностію, онъ, бросивъ взглядъ на карту, указалъ на мѣстечко Кагорлыкъ ¹⁾. Государыня ничего не сказала, но приказала ему сѣсть и писать подъ ея диктовку: „Не Кагорлыкъ, а все Кагорлыцкое староство, да еще староство Вербовецкое и Хрептьевское, Подольской губерніи“ ²⁾.

Легко себѣ представить, съ какимъ чувствомъ Троцинскій упалъ на колѣни передъ августѣйшей благодѣтельницей“.

Поощряемый подобными знаками высочайшаго вниманія, Дмитрій Прокофьевичъ, конечно, прилагалъ всѣ свои силы и усердіе къ исполненію возлагаемыхъ на него порученій; но ставъ близкимъ челоувѣкомъ къ императрицѣ Еватеринѣ уже въ послѣдніе годы ея царствованія, онъ не долго могъ пользоваться ея милостями. Съ восшествіемъ на престоль императора Павла, звѣзда Троцинскаго однако не закатилась — подобно многимъ другимъ. Возвышенный не въ силу тѣхъ условій, которыя многихъ лицъ возводили тогда изъ ничтожества на высшія ступени власти и почета, Дмитрій Прокофьевичъ не лишился довѣрія къ себѣ и въ новое царствованіе и назначенъ былъ въ число почетныхъ лицъ, сопровождавшихъ государя на коронацію, въ Москву. Вотъ какъ, между прочимъ, описываетъ онъ (въ письмѣ къ одной, близкой ему особѣ) торжественный вѣздъ въ первопрестольную столицу:

....„Въ прошедшую субботу имѣли мы торжественный вѣздъ въ Москву. Невозможно изобразить той картины, которую составляли зрители, по обѣ стороны улицы, на амфитеатрахъ, увѣщенныхъ

¹⁾ Киевской губерніи, въ нѣсколькихъ в. стахъ отъ Днѣпровской пристани Ржищевъ.

²⁾ Кагорлыцкое староство пожаловано было Д. П. Троцинскому 8 августа 1795 г.

коврами и разными матеріями. Изъ оконъ домовъ также спущены были шолковыя и золотыя матеріи, пребогатыя; а нѣкоторые дома съ парчей убиты были готелясами (?). Словомъ сказать, превеликолѣпной праздникъ москвичи представили. Мы проѣзжали черезъ семь триумфальныхъ воротъ, изъ коихъ при каждомъ стояло то дворянство, то купечество съ дарами. Я ѣхалъ съ Обресковымъ въ парадной каретѣ, — той самой, что князь Зубовъ подъ качелями и въ другихъ публичныхъ выѣздахъ изволилъ величаться. Вотъ суета суетствъ! думалъ-ли онъ когда, что меня въ сей каретѣ повезутъ съ такою пышностью! По обѣ стороны кареты шло нѣсколько придворныхъ лакеевъ въ богатой ливреѣ. Шествіе продолжалось семь часовъ и многіе отъ сей церемоніи занемогли, а я только простудился и кашляю пребезмѣрно, такъ что всю грудь разбило. Государь, пріѣхавши въ свою квартиру, былъ чрезвычайно доволенъ домомъ графа Ал. Андр.; подобнаго богатства и отдѣлки никто во всей Европѣ не видывалъ. Государь въ тотъ-же вечеръ пожаловалъ графу свой портретъ, который онъ и носить на голубомъ бантѣ, и весьма ему сія прикраса пристала. На другой день былъ во дворцѣ куртагъ, на которомъ представлялись дамы и мужчины 6-го класса, т. е. полковничьяго чина. Удивительно какъ много нарядныхъ женщинъ, богато одѣтыхъ, и такъ-то много, что куртагъ продолжался три часа, а еще многіе пріѣзжали и не могли попасть, за тѣсною, во дворецъ. Я бы никогда не кончилъ письма моего, ежели-бъ все то описывать, что здѣсь происходитъ. Скоро наступитъ день коронаціи, для которой государь переѣзжаетъ въ Кремлевскій дворецъ. Тутъ-то будетъ множество милостей; можетъ быть и мы забыты не будемъ“....

Д. П. Троцинскій не былъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ. Императоръ Павелъ, въ самый день вѣнчанія на царство, собственноручно возложилъ на него командорскіе знаки ордена св. Анны 1-й степени и затѣмъ, почти ежегодно, удостоивалъ его новыми наградами, или знаками своего довѣрія и расположенія. Въ 1797 г. Дмитрій Прокофьевичъ произведенъ въ чинъ тайнаго совѣтника (25 августа), въ 1799 г. (8 апрѣля) пожалованъ ему орденъ св. Александра Невскаго, а въ 1800 г. (10 ноября)—командорственный крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго; кромѣ того, при сохраненіи званія статсъ-секретаря, онъ наименованъ сена-

торомъ и присутствующимъ въ совѣтахъ, учрежденныхъ при Воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ и училищъ св. Екатерины. Этими почетными наградами не ограничились щедроты императора Павла; по примѣру своей державной матери, онъ одарилъ Трощинскаго и „вещественными“ благами — и притомъ, въ размѣрахъ чрезвычайно широкихъ. Семейная хроника Трощинскихъ гласить, будто проявленіе этой царской милости вызвано было слѣдующею совершенно необычайною выходкою Дмитрія Прокофьевича:

„Однажды, пріѣхавъ въ сенать, онъ увидалъ подписанный государемъ указъ о какомъ-то новомъ, особенно тягостномъ налогѣ. Живо представивъ себѣ, какой ропотъ будетъ этимъ вызванъ противъ горячо любимаго имъ монарха, онъ не могъ удержать порыва своихъ чувствъ, разорвалъ указъ царскій и уѣхалъ домой. Здѣсь онъ приказалъ уложить всѣ свои драгоценности въ карету, одѣлся въ дорожное платье и сталъ ожидать приказа отправляться въ Сибирь. Приказа этого, однако, не послѣдовало; а вмѣсто того явился посланный изъ дворца звать Трощинскаго къ государю. Подобный вызовъ, послѣ вышеописаннаго поступка, не предвѣщалъ ничего хорошаго, но—дѣлать нечего—надо было предстать передъ очи грознаго царя. Трощинскій, хотя и блѣдный, но твердою походкою вошелъ къ нему въ кабинетъ.

— Что ты сдѣлалъ?... что ты сдѣлалъ? грозно закричалъ на него государь.

Дмитрій Прокофьевичъ упалъ на колѣни и, въ краткихъ словахъ, объяснилъ причину своего поступка.

Государь успокоился, приказалъ ему встать и, обнимая его горячо, сказалъ, со слезами на глазахъ: „Дай мнѣ Богъ побольше такихъ людей, какъ ты!“

И въ память этого событія пожаловалъ ему мѣст. Верхнюю Тишанку и село Искорець, съ 30 т. десятинъ земли и 2 т. душъ Воронежской губерніи (25 апрѣля 1797 г.).

Приведенное здѣсь преданіе до того напоминаетъ рассказъ объ извѣстномъ поступкѣ князя Якова Долгорукова при Петрѣ Великомъ, что невольно возбуждаетъ сомнѣніе и наводитъ на мысль, что кто нибудь изъ многочисленныхъ почитателей Д. П. Трощинскаго, желая еще болѣе возвысить добрую славу, которою онъ пользовался, приписалъ ему и этотъ подвигъ гражданскаго

мужества. Фактъ, подобный выше сказанному, былъ бы явленіемъ слишкомъ выдающимся, — особенно при такомъ государѣ, каковъ былъ Павелъ, и о немъ конечно сохранились бы свидѣтельства другихъ, безпристрастныхъ современниковъ; между тѣмъ, таковыя свидѣтельства намъ неизвѣстны.

Сомнѣніе, выраженное нами, отнюдь не клонится къ умаленію гражданскихъ заслугъ и личныхъ достоинствъ Д. П. Троцинскаго, а равно и пользы, которую онъ приносилъ на службѣ отечеству, горячо и искренне имъ любимому. Польза эта была вполне оцѣнена и преемникомъ Павла: императоръ Александръ I-й, вступивъ на престолъ назначилъ его членомъ государственнаго совѣта и главнымъ директоромъ почтъ, а 15-го сентября 1801 г. произвелъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и, черезъ годъ вслѣдъ за симъ, наименовалъ министромъ удѣловъ. Помимо чиновъ и назначенія въ важныя государственныя должности, Дмитрій Прокофьевичъ пользовался въ это время и другими знаками монаршей благосклонности. Старшій племянникъ его, Андрей Андреевичъ Троцинскій, въ письмѣ къ матери своей (отъ 14 января 1804 г.), изъ Петербурга, пишетъ между прочимъ слѣдующее:

.... „Поспѣшаю при семъ сообщить вамъ пріятныя вѣсти, относящіяся къ общему нашему благодѣтелю. Онъ, по случаю совершившагося въ первый день новаго года торжественнаго обрученія великой княжны Маріи Павловны съ наследнымъ принцемъ Саксъ-Веймарскимъ, удостоился получить въ подарокъ (въ числѣ прочихъ знатнѣйшихъ придворныхъ чиновниковъ) отъ государя брильянтовый перстень, который цѣнятъ въ семь тысячъ, а отъ вдовствующей императрицы золотую, брильянтами осыпанную табакерку съ ея вензелевымъ именемъ, кою также оцѣниваютъ не менѣе какъ въ пять тысячъ рублей. Сверхъ того, минувшаго 12-го числа, государь повелѣлъ производить ему слѣдующее по мѣсту министра удѣльнаго департамента жалованье, по 3000 р. въ годъ, съ выдачею ему и за прошедшіе полтора года. Дай Богъ, скажете вы, единогласно со мною и со всѣми, исполненными къ нему чувствами почтенія и благодарности, — чтобы сей знаменитой сотрудникъ на истинную пользу отечества впредь болѣе и болѣе еще пріобрѣталъ, по достоинству своему, монаршихъ вознагражденій...“

Не смотря на свои еще не старые года, Д. П. Трощинскій въ эту эпоху началъ уже чувствовать упадокъ здоровья. Непрерывно труженическая жизнь, которую онъ велъ въ продолженіи тридцати лѣтъ, требовала хотя бы временнаго отдыха. „...Благодѣтель нашъ (пишетъ тотъ же Андрей Андреевичъ къ матери своей), со стороны государственныхъ заботъ противъ прежняго болѣе обремененъ, отъ чего нерѣдко привлекаются ему сильныя болѣзненные припадки, и отъ чего и въ характерѣ своемъ, отъ природы горячемъ и вспыльчивомъ, теряетъ нѣкоторую пріятность. Д. П. часто вспоминаетъ о намѣреніи своемъ оставить службу, его изнуряющую, и о своей отчизнѣ, то есть любезной нашей Малороссіи, съ великою похвалою, относящеюся до выгодъ жизни, добронравія и простосердечія нашихъ обитателей; и тамъ, по его намѣренію, желаетъ онъ проводить остатокъ дней своихъ...“

Какъ ни прельщала стараго служаку мысль объ отдыхѣ и объ удаленіи на благодатную свою родину, онъ продолжалъ тянуть служебную лямку еще до половины 1806 года; но тутъ, вслѣдствіе сильнаго ослабленія здоровья, принужденъ былъ просить государя объ увольненіи отъ службы, — которое и было ему даровано 9-го іюня. Полезная дѣятельность его за послѣднее время признана была государемъ въ слѣдующемъ рескриптѣ на имя Трощинскаго (отъ 6 февраля 1806 года):

„Разсмотрѣвъ донесенія ваши о состояніи ввѣренныхъ вамъ департаментовъ, Удѣльнаго и Почтоваго, съ удовольствіемъ вижу, по первому изъ нихъ соблюденіе хозяйственной бережливости и пользы казенной во всѣхъ оборотахъ денежныхъ суммъ и капиталовъ, ему принадлежащихъ, рачительную дѣятельность въ управленіи подвѣдомыхъ оному крестьянъ, неусыпное попеченіе о ихъ благѣ, доброе устройство и полезныя успѣхи въ заведеніяхъ, оному подчиненныхъ; а по второму знатное и въ прошломъ 1805 году приращеніе противу прежнихъ лѣтъ почтоваго дохода и неупустительную точность въ важномъ обращеніи суммъ, переходящихъ на почтѣ и простирающихся на многіе милліоны“.

Награжденный щедрымъ пенсіономъ, Д. П. Трощинскій отправился на родину, гдѣ Полтавское дворянство, гордясь подобнымъ представителемъ, избрало его въ губернскіе маршалы ¹⁾.

¹⁾ Кромѣ прочихъ своихъ занятій по государственной службѣ, Трощин-

II.

Объ общественной дѣятельности его въ этомъ новомъ званіи у насъ не достаетъ свѣдѣній, но мы имѣемъ право думать, что она отличалась тѣмъ же умнымъ и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ, какимъ и прежняя его дѣятельность на поприщѣ государственной службы.

Восемь лѣтъ провелъ Дмитрій Прокофьевичъ на родинѣ, проживая, преимущественно, въ любимомъ своемъ селѣ Кибенцы (Миргородскаго уѣзда), въ кругу ближайшихъ родственниковъ. По минованіи этого времени, когда замолкли громы войны, въ теченіи многихъ лѣтъ тревожившіе всю Европу, когда опять выступило на первый планъ занятіе внутреннимъ благоустройствомъ отечества—тогда вспомнили и о Дмитріѣ Прокофьевичѣ. Лѣтомъ 1814 года онъ вызванъ былъ въ Петербургъ (повидимому, въ качествѣ депутата отъ Полтавскаго дворянства) и принять тамъ весьма благосклонно,—о чемъ свидѣлствуютъ нижеприводимыя мѣста изъ писемъ его къ своему племяннику Андрею Андреевичу.

(Августа 8). „Съ удовольствіемъ поспѣваю извѣстить васъ, любезный другъ, что въ минувшую среду не только принять я былъ государемъ императоромъ на приватной аудіенціи, въ кабинетѣ его, весьма милостиво; но въ тотъ же день приглашенъ былъ къ столу его величества, въ маломъ числѣ избранныхъ. А вчера отправилъ и другую публичную аудіенцію, въ качествѣ уже депутата, и тоже удостоился особенныхъ знаковъ высочайшаго благоволенія“ . . .

скій, въ началѣ царствованія Александра 1-го, предсѣдательствовалъ въ комитетѣ, разработавшемъ проектъ инструкціи для межеванія Малороссійскихъ губерній. Проектъ этотъ, оконченный къ лѣту 1804 г., заслужилъ одобреніе государя, выраженное слѣдующимъ рескриптомъ:

„Дмитрій Прокофьевичъ. Разсмотрѣвъ проектъ инструкціи для межеванія Малороссійскихъ губерній, составленный въ комитетѣ, для сего учрежденномъ, и находя, что всѣ предложенія онаго основаны на истинныхъ видахъ благоустройства и общей пользы, пріятною обязанностію поставлю изъяснить вамъ, яко первому члену сего комитета, мою особенную признательность, поручая вамъ засвидѣтельствовать оную и прочимъ членамъ комитета сей составляющимъ, господамъ сенаторамъ: Алексѣеву, Неплюеву и Козадавлеву. Пребываю вамъ благосклонный“.

С. П. Б. Юня 24, 1804 г. .

(Августа 14)... „Въ Павловскѣ я принятъ былъ весьма милостиво, какъ государынею императрицею, такъ великими князьями и великою княжною. Приглашенъ прїѣзжать туда во всякое время, когда я захочу, и на сей конецъ не только назначены мнѣ во дворцѣ комнаты, но даже и придворный, для тамошнихъ разъѣздовъ, экипажъ. Теперъ осталось токмо мнѣ сдѣлать церемониальный визитъ государю цесаревичу, отъ коего сегодня получилъ позывъ въ Стрѣльну, въ будущій понедѣльникъ, послѣ чего кончатся всѣ публичныя мои представленія. Въ день бытности моей въ Павловскѣ изволилъ тамъ быть и государь императоръ, изъявлявшій и тутъ мнѣ особенное свое всемилостивѣйшее благоволеніе“...

(Августа 18)... „Вчера былъ въ Стрѣльнѣ и принятъ хозяиномъ съ отминою ласкою и милостію. Его высочество изволилъ спрашивать и объ васъ“...

Не смотря на всѣ эти знаки вниманія и радушный прїемъ со стороны царственныхъ особъ, Д. П. Трощинскій не ожидалъ, какъ кажется, того высокаго назначенія, которое ему готовили; онъ рассчитывалъ вскорѣ вернуться въ деревню, чего требовалъ и его организмъ, отвыкшій отъ петербургскаго климата. „Вседневные мои выѣзды (пишетъ онъ Андрею Андреевичу, въ письмѣ отъ 8-го авг. 1814 г.), перемѣна во времени обѣдовъ и, вообще, въ образѣ здѣшней жизни разстраиваютъ весьма слабое мое здоровье, котораго поддерживаніе поручилъ я старому знакомому Ос. Кир. Каменецкому, чловѣку весьма доброму и способному. Съ помощію его, а паче милосердаго Бога, надѣюсь я оправиться отъ моей слабости, дабы въ состояніи былъ скорѣе возвратиться къ вамъ, чего я отъ всей души моей желаю“...

Желанію Дмитрія Прокофьевича не суждено было осуществиться. Благосклонный прїемъ, оказанный ему всею царскою фамиліею, служилъ лишь преддверіемъ вступленію его на новую—важную и почетную—должность. Государь, давно уже знакомый съ талантами, трудолюбіемъ и добросовѣстностію Трощинскаго, назначилъ его министромъ юстиціи. Сколь ни отвѣтственна и ни многотрудна была эта новая должность,—особенно при тогдашнемъ, запутанномъ состояніи нашего законодательства—старый служака рѣшился посвятить ей остатокъ силъ своихъ и, съ свойственною ему энергію, принялся за дѣло, надолго отрывавшее его

отъ милой родины и многихъ милыхъ сердцу людей. „Жалѣйте обо мнѣ—пишетъ онъ Андрею Андреевичу (12 сент. 1814)—не пеняйте на меня, естли случится пропустить почту, другую, а можетъ быть и нѣсколько, и въ молчаніи моемъ находите ту отраду, что занятія мои посвящаются долгу службы и пользѣ угнетаемыхъ, воихъ голосъ проникаетъ мою душу“.

Попатнувшееся здоровье Дмитрія Прокофьевича не соответствовало уже, однако, его рвенію къ труду. Кромѣ мучительныхъ геморроидальныхъ припадковъ и другихъ тѣлесныхъ недуговъ, онъ долженъ былъ страдать и нравственно, глядя на жившую съ нимъ въ Петербургѣ единственную дочь его княгиню Надежду Хилкову, крайне несчастливую въ брачной жизни и чахнувшую отъ изнурительной болѣзни. Не прошло и года со времени назначенія въ министры юстиціи, какъ уже нервы его совершенно разстроились, а состояніе духа сдѣлалось сильно угнетеннымъ. Любезный другъ и братъ—пишетъ кн. Хилкова Андрею Андреевичу, въ апрѣлѣ 1815 г.—вы не повѣрите, какъ всѣ праздники мнѣ грустно. Папенька видѣлъ что-то во снѣ и очень груститъ. Ежели взойдешь къ нему и негромко застучишь, то онъ пугается. Я не знаю право, что это значить и крайне боюсь за него. Онъ никого не принимаетъ и самъ никуда не выѣзжаетъ; такъ грустенъ, что ничто не можетъ его хотя немного разсѣять“...

Вопреки всѣмъ этимъ, физическимъ и нравственнымъ недугамъ, Трощинскій крѣпился и продолжалъ работать, пока схваченная имъ, въ апрѣлѣ 1816 года, сильная простуда окончателно не сложила его въ постель. Болѣзнь была не шуточная и вызвала искреннее участіе, какъ самаго императора, такъ и всей царской фамиліи. Пользовали его извѣстные въ то время доктора: Крейтонъ и Рожерсонъ, посѣщавшіе больнаго по два раза въ день, а старый пріятель-врачъ, Осипъ Кирилловичъ Каменецкій, почти не отходилъ отъ него. Благодаря этимъ ли усиліямъ людей науки, или благоприятной переměнѣ температуры, но Дмитрій Прокофьевичъ сталъ по немногу оправляться, окончательному же выздоровленію его, вѣроятно, не мало посодѣйствовалъ новый знакъ особаго высочайшаго вниманія, выразившагося въ посѣщеніи его самимъ императоромъ. Вотъ что пишетъ объ этомъ посѣщеніи находившійся тогда при Д. П. Трощинскомъ второй племянникъ его, Иванъ Ефимовичъ:

„Вчерашняго числа (19 мая), въ исходѣ втораго часу былъ у дядюшки императоръ и просидѣлъ съ четверть часа; совѣтоваль, какъ за лучшее лѣкарство—успокоиться въ мысляхъ, пользоваться воздухомъ; нѣсколько разъ желалъ ему скорѣйшаго выздоровленія; потомъ шутилъ, что старикъ ничего не перемѣнился, но сталъ лучше; на счетъ медиковъ было сказано нѣсколько... Удивительно!—не позже, какъ часа черезъ два, какъ уже вездѣ было извѣстно посѣщеніе знаменитаго гостя“...

По совѣту докторовъ, Дмитрій Прокофьевичъ посвятилъ два лѣтніе мѣсяца отдохновенію на нанятой имъ дачѣ, но къ началу августа почувствовалъ себя снова довольно крѣпкимъ, чтобы приняться за дѣла. Передъ возвращеніемъ на занимаемый имъ высокій постъ, онъ удостоенъ былъ слѣдующимъ высочайшимъ рескриптомъ:

„Дмитрій Прокофьевичъ! По настоящемъ выздоровленіи вашемъ отъ болѣзни, я желаю, чтобы вы, скорѣе занявъ прежнее свое мѣсто, продолжали съ прежнею дѣятельностію отправлять должность вашу. Я въ полной къ вамъ довѣренности поручаю вамъ усугубить надзоръ, дабы дѣла, какъ въ правительствующемъ сенатѣ, такъ и во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ имѣли успѣшнѣйшее теченіе, чтобы законы и указы повсюду исполнялись неизмѣнно, чтобы бѣдные и угнетаемые находили въ судахъ защиту и покровительство, чтобы правосудіе не было помрачено ни пристрастіями къ лицамъ, ни мерзкимъ лихоимствомъ, Богу противнымъ и мнѣ ненавистнымъ, и чтобы обличаемые въ семь гнусномъ пороѣ не терпимы были въ службѣ и преслѣдуемы всею строгостію законовъ: въ чемъ вы, по долгу званія вашего, неослабно наблюдать и о послѣдствіяхъ меня въ откровенности извѣщать не оставьте, донося равномѣрно и о тѣхъ отличныхъ чиновникахъ, которыхъ, за усердную и безпорочную службу найдете достойными особеннаго моего воздаянія.

Пребываю впрочемъ вамъ всегда благосклонный, Александръ“.
5 августа 1816 г.

Репутация, которую стяжалъ себѣ Трощинскій, даетъ право думать, что онъ дѣйствовалъ совершенно въ духѣ вышеприведеннаго рескрипта. Недаромъ современники называли его „бичемъ справедливости“ и „покровителемъ бѣдныхъ“. Благосклонность къ нему высочайшихъ особъ не ослабѣвала. „Вы не повѣ-

рите (пишетъ кн. Хилкова Андрею Андреевичу Троцинскому)—какъ папеньку здѣсь всё ласкаютъ. Императрица не знаетъ какъ бы ему угодить и отличіе принять“¹⁾).

Недолго, однако, пришлось Д. П. Троцинскому управлять министерствомъ юстиціи. Самые знаки особаго высочайшаго вниманія—къ тому же оказываемыя челобѣу, вовсе не принадлежавшему къ высшей придворной аристократіи—должны были породить многихъ завистниковъ; а независимости своего характера

¹⁾ Живя въ Петербургѣ, съ отцемъ, княгиня Хилкова часто писала Андрею Троцинскому. Приведемъ здѣсь двѣ выдержки изъ нѣболѣе интересныхъ ей писемъ:

(Изъ письма отъ 12 апрѣля 1815 г.)... „Проклятый Бонапартъ опять заварилъ кашу Сколько надо потерять головъ, чтобы расхлебать ее!—Изъ штатской службы не велѣно принимать въ военную; наши молодые люди и такъ уже испортились Парижомъ, а теперь, какъ въ другой разъ побываютъ, такъ и Богъ знаетъ, что будетъ. Вы не повѣрите, любезный другъ, что нынче молодежь считаетъ за тягость быть въ порядочныхъ домахъ, а все таскаются по рестораціямъ, т. е. по трактирамъ, бредютъ Парижомъ, обходятся съ дамами нахально и увѣряютъ, что нѣтъ ни одной, которая бы не согласилась на предложенія подлыя мушны, ежели только мушнина приметъ на себя трудъ нѣсколько дней поволочиться за ней И этому всему мы одолжены мерзкому Парижу. Правда, что есть и у насъ дамы, которыя тщеславятся тѣмъ, что въ поведеніи не уступаютъ Парижскимъ“

(Изъ письма отъ 29 янв. 1816).... „Вы мнѣ пишете, чтобъ я вамъ сказала о вѣздѣ государя и объ праздникахъ: но ничего нѣтъ замѣчательнаго. Государь пріѣхалъ сюда такъ, что никто не зналъ; праздниковъ никакихъ не было; но, по случаю свадьбы Екатерины Павловны и обрученія Анны Павловны—неминуемыя церемоніальные обѣды и балы, которые совершенно замутили папеньку, хотя онъ и рѣдко ѣздитъ. Вотъ вамъ всё наши веселія. Государь страхъ какъ занимается военными, поминутно арестуетъ, такъ что они крехтять; а про штатскихъ забылъ, и еще не принимаетъ съ докладами министровъ, отговариваясь праздниками. Такъ какъ терпѣніе большая добродѣтель, то всё стараются ею вооружиться; а вѣдь терпѣніемъ можно царство небесное заслужить,—и такъ, государь хочетъ сдѣлать милость: спасти души министровъ. Признаюсь, что всё имѣютъ они нужду въ покаяніи; но кажется папеньку можно бы было выключить изъ сего числа. Но видно онъ рѣшился и спасенныхъ спасать. Ежели бы это письмо пошло по почтѣ, то я бы не рѣшилась писать такъ вольно. Еще было забыла: Аракчеевъ теперь у насъ: Мужичекъ вездѣ и нигдѣ;—вы, я думаю, читали эту повѣсть: или романъ? право забыла. Онъ управляетъ всѣмъ, рѣшаетъ, докладываетъ; министръ надъ министрами, а ни за что не отвѣчаетъ. Не правда ли, что это очень покойно?—Вотъ вамъ милый другъ, какія у насъ чудеса: ужъ и романы хотятъ превратиться въ истинныя повѣсти! Всѣ министры ѣздютъ къ нему съ поклономъ, исключая нашего“.

онъ обязанъ былъ пріобрѣтеніемъ многихъ и сильныхъ недоброжелателей и, во главѣ ихъ—Аракчеева, вліяніе коего на дѣла все болѣе и болѣе возрастало. Въ то время мало кто не низкопоклонничалъ передъ „полудержавнымъ“ временщикомъ; Д. П. Троцинскій принадлежалъ къ числу сихъ рѣдкихъ исключеній, и это ему, конечно, отозвалось ¹⁾. Можетъ быть, однако, онъ совладалъ бы и съ служебными дразгами и съ физическими недугами, но послѣдовавшая въ лѣто 1817 года кончина единственной дочери его, княгини Надежды Дмитріевны Хилковой, окончательно подкосила старика. „Богомъ посланная горестъ потерей Надежды Дмитріевны (пишетъ Иванъ Ефимовичъ Троцинскій двоюродному своему брату Андрею) чрезмѣрно разстроила нашего благодѣтеля; а зависть и недоброжелательство многихъ лицъ его званія заставили его рѣшиться просить увольненія“...

Чувствуя, что пѣсня его спѣта, Дмитрій Прокофьевичъ, 18-го августа 1817 г., написалъ государю:

„Старость и слабость здоровья моего часто препятствовали мнѣ исполнять съ соразмѣрнымъ вѣрноподданническому рвенію успѣхомъ, обязанности званія, вашимъ императорскимъ величествомъ на меня возложеннаго. Чувствительнѣйшая горестъ, кою постигъ меня Богъ, истощаетъ послѣднія силы мои. Благоволи всемилостивѣйшій государь снисходительно принять всенижайшую просьбу о увольненіи меня отъ должности, въ которой, по важности ея, за самонамалѣйшее упущеніе подвергнуся я жесточайшимъ угрызеніямъ совѣсти, негодованію правдолюбиваго монарха и строжайшему суду всевышняго Судіи“.

Вслѣдствіе этой просьбы, Д. П. Троцинскій, высочайшимъ указомъ отъ 25 августа 1817 года, уволенъ былъ въ отставку, съ пенсіономъ по 10 т. руб. въ годъ.

Симъ и закончилась служебная карьера этого замѣчательнаго русскаго человѣка. Затѣмъ—какъ обыкновенно бываетъ съ людъ-

¹⁾ Княгиня Н. Д. Хилкова, въ письмѣ отъ 4 марта 1815 г. къ Андрею Андр. Троцинскому, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

„На папенькино мнѣніе о законахъ есть возраженіе, но его не печатаютъ и никакъ нельзя достать; говорятъ, что ужасъ какъ глупо. Весь городъ негодуетъ на сочинителей; а изъ нихъ главный—молодой Салтыковъ и, кажется, Алексѣевъ тутъ же помогаль. Хотя унижить папеньку, тѣмъ болѣе его возвысили...“

ми, обреченными къ переходу отъ вишней дѣятельности къ совершенной праздности — началось медленное угасаніе. Дмитрій Прокофьевичъ не тотчасъ, однако, по выходѣ въ отставку уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе, а оставался въ Петербургѣ еще около пяти лѣтъ; какъ видно, онъ уже втянулся въ столичную жизнь и не вдругъ могъ рѣшиться окончательно уйти въ деревенское захолустье, тѣмъ болѣе, что о хозяйственныхъ занятіяхъ, повидимому, имѣлъ весьма слабое понятіе и потому онѣ не могли интересоваться его.

Въ 1822 году онъ удалился въ свои любимыя Кибенцы. Тамъ постигла его тихая кончина, 26 февраля 1829 года, на 76 году отъ рожденія. За шесть дней до смерти онъ приобщился св. таинъ, на другой день объявилъ собственноручное свое духовное завѣщаніе, черезъ два дня соборованъ елеемъ, и съ того времени просилъ священника попеременно читать отходныя молитвы и Евангеліе. Зрѣніе, слухъ, память и совершенное присутствіе разсудка онъ сохранилъ до самой кончины.

Состояніе, оставленное имъ, было весьма значительно: около 70 т. десятинъ земли и болѣе 6-ти тыс. душъ крестьянъ (большею частію высочайше пожалованныхъ), домъ въ Петербургѣ и Кіевѣ; движимость его цѣнили въ 1 миліонъ р. сер. Значительнѣйшая часть сихъ богатствъ завѣщана имъ была старшему племяннику, Андрею Андреевичу.

III.

О служебной дѣятельности Дмитрія Прокофьевича Троцинскаго мы не могли сообщить болѣшихъ подробностей, такъ какъ всѣ бумаги, ея касавшіяся, пересланы были племянникомъ его государю Николаю Павловичу, еще въ 1833 году. И. В. Лопухинъ, въ запискахъ своихъ, отзываясь о Троцинскомъ, какъ о министрѣ, отличною твердостію и рѣдкимъ въ дѣлахъ государственныхъ искусствомъ одаренномъ. По тому, что выше сего изложено, — по размѣрамъ наградъ и знаковъ высочайшаго вниманія можно заключить, что помянутый отзывъ едва ли преувеличенъ.

Относительно личныхъ качествъ Дмитрія Прокофьевича, какъ

человѣка, мы нашли много указаній въ семейномъ архивѣ Троцинскихъ, заключающемъ обширную частную переписку. Человѣкъ этотъ далеко не принадлежалъ къ разряду сухихъ карьеристовъ, которые, вознесясь на высоту почестей и богатства, сплосъ и рядомъ начинаютъ чуждаться тѣхъ, которые прежде имъ были близки, но которыхъ судьба оставила приниженными и бѣдными. „Благодѣтель нашъ (пишетъ Андрей Троцинскій своей матери), со стороны доброты души его и сердца, а равно и расположенія къ роднымъ своимъ и пріятелямъ, такъ же непремѣненъ какъ былъ и прежде; въ гордости же, или къ чувствуванію къ кому либо презрѣнія онъ отнюдь не склоненъ“.

Щедрую рукою разсыпалъ Дмитрій Прокофьевичъ тѣмъ земныя блага, которыя достались ему, цѣною тридцатилѣтней, трудовой жизни. Всѣ родственники, дальніе и близкіе, пользовались его участіемъ и помощію, согласно нуждамъ каждаго, и не изъ одной только угодливости могли называть его благодѣтелемъ. Но не на нихъ лишь однихъ изливались его благодѣянія: каждый бѣднякъ, каждый несчастливецъ, заслуживавшій вниманія, имѣлъ доступъ къ его любвеобильному сердцу и находилъ въ немъ поддержку.

Не говоря уже о родныхъ племянникахъ Дмитрія Прокофьевича, которыхъ онъ воспитывалъ, какъ собственныхъ дѣтей,—болѣе десяти пансіонеровъ содержалось на его счетъ въ разныхъ училищахъ. Въ числѣ дѣтей, пользовавшихся его особеннымъ покровительствомъ, находился и будущее свѣтило нашей словесности, гениальный Николай Васильевичъ Гоголь, родители котораго были люди весьма бѣдные. „Къ Василию Афанасьевичу (пишетъ Андрей Тр. своей матери, 23 марта 1822 г.) я также посылаю теперь изрядной подарокъ, чрезъ ходатайство Дмитрія Прокофьевича молодымъ графомъ Куселевымъ-Безбородко ему дѣлаемый,—включеніемъ его сына Никоши въ число воспитанниковъ, содержащихся въ Нѣжинской гимназіи на его иждивеніи; и слѣдовательно, на будущее время Василій Афанасьевичъ освобождается отъ платежа въ оную гимназію, за своего сына, въ годъ по 1200 рублей. Онъ съ прошедшей масляницы не успѣлъ составить и подать Дмитрію Прокофьевичу записки, по коей должно было просить кн. Безбородко о помѣщеніи его сына на гимназіальное содержаніе, а между тѣмъ и безъ оной записки Дмитрій Прокофьевичъ успѣлъ удовлетворить въ томъ его писаніе.

Вотъ черта, изображающая благодѣтельное къ нему Дмитрія Прокофьевича расположеніе. Сей подарокъ вѣрно лучше всякихъ лѣкарствъ пособитъ Василию Афанасьевичу въ облегченіи его припадковъ“ ...

Помощь эта, дѣйствительно, оказана была весьма своевременно. Отецъ Гоголя, тяжело страдавшій грыжею, былъ почти лишень возможности работать, а сестра—сильно больна. Удрученная горемъ и работами, мать въ теплыхъ выраженіяхъ благодарила Д. П. Троцинскаго: „Почтеннѣйшій благодѣтель мой—писала она—покуда мужъ въ силахъ будетъ принести вамъ чувствительную благодарность за оказанное вами намъ столь великое благотвореніе, ходатайствомъ вашимъ объ опредѣленіи нашего сына въ число воспитанниковъ Нѣжинской гимназіи,—примите, безпримѣрный благодѣтель, отъ меня таковую благодарность въ семь слабомъ выраженіи, омоченномъ слезами, проистекающими отъ чувствъ моего сердца, исполненнаго безпредѣльной къ вамъ преданности и совершеннѣйнаго почтенія, каковое свидѣтельствуя вамъ отъ всего нашего семейства, имѣю честь быть вашей всепокорнѣйшей слугой—Марья Гоголь Яновская“.

Мы привели здѣсь эти два письма потому, что все касающееся нашего великаго писателя должно быть дорого сердцу русскаго человѣка, и не можемъ при этомъ не обратиться съ благодарностію къ памяти Д. П. Троцинскаго, содѣйствію котораго Гоголь былъ обязанъ своимъ образованіемъ.

Дмитрій Прокофьевичъ, при безграничной добротѣ сердца, имѣлъ характеръ пылкій, энергическій; умъ, жаждущій познаній, и вкусъ ко всему изящному и рѣдкому. Послѣ него осталась значительная коллекція старинныхъ монетъ и медалей, обширная бібліотека въ нѣсколько тысячъ томовъ, коллекція оружія и табатерокъ, много разныхъ произведеній искусства и картины великихъ мастеровъ; замѣчательныя рѣдкости, какъ напр. бюро королевы Маріи Антуанеты и ей же принадлежавшіе великолѣпные фарфоровые часы и подсвѣчники, и т. п.

Обоючительно переселившись въ Кибенцы, Д. П. Троцинскій предался тихой семейной жизни, теченіе которой, впрочемъ, нерѣдко нарушалось прїѣздомъ гостей, всегда радушно встрѣчаемыхъ хлѣбосольнымъ и тароватымъ хозяиномъ. Постоянною сожителницею его была внучка, княжна Прасковья Ивановна Хилкова,

съ ея штатомъ воспитателей; у него же оставались и малолѣтніа дѣти Андрея Андреевича, (который самъ, съ женою, долженъ былъ больше прожить въ Кагорлыкѣ, по хозяйственнымъ дѣламъ); часто также наѣзжала въ Кибенцы и подолгу гащивала тамъ Марья Ивановна Гоголь, носившая названіе „бѣлянки“ (вѣроятно, влѣдствіе бѣлизны ея замѣчательно красиваго лица) и пользовавшаяся особенною любовью почти всѣхъ членовъ семейства Трощинскихъ. Въ домашнихъ привычкахъ своихъ, Дмитрій Прокофьевичъ придерживался старины; онъ былъ глубоко религіозенъ, и церковные праздники и посты чествовались въ домѣ его по издавна установившимся въ Малороссіи обычаямъ; такъ напр. въ Рождественскій сочельникъ былъ всегда постный ужинъ, на которомъ предлагались пшеничная кутья и узваръ, а въ углу, возлѣ иконъ, ставились снопы ржи и пшеницы. Подобные же ужины (только безъ кутьи и пшеницы) предлагались въ Крещенскій сочельникъ и великій четвергъ. Въ продолженіи всей четырехдесятницы подавалось постное кушанье; а на первой недѣлѣ оной, Дмитрій Прокофьевичъ самъ иногда читывалъ канонъ св. Андрея Критскаго, при чемъ служба продолжалась около 4-хъ часовъ и присутствующимъ приходилось класть болѣе сотни земныхъ поклоновъ. Пасху праздновали особенно торжественно и приготовляли массу различныхъ яствъ, которыя цѣлую недѣлю не сходили со стола. Храмовой праздникъ въ Кибенцахъ и именины членовъ семьи чествовались всегда очень парадно: стѣзжались всѣ родные и пріатели, званные и незванные; устраивались домашніе спектакли, танцы и т. п. О характерѣ этихъ празднествъ могутъ дать понятіе слѣдующія письма:

„Приближается 26-е число октября—день рожденія и именинъ его высокопревосходительства (такъ пишетъ одинъ изъ гостей, нѣкто Антонъ К—скій); уже вижу большія приготовленія: тамъ суетятся учтивые дворецкіе, чтобы заготовить квартиры для большихъ баровъ; здѣсь толпа избалованныхъ офиціалистовъ чистятъ люстры, канделябры, фонари, и бѣгъ часовъ сокращаютъ смѣшными разговорами; тутъ зрятся, въ облакахъ пыли, подобно привидѣніямъ, длинные лакеи, которыхъ вся работа состоитъ въ томъ, чтобъ чистить полъ щетками; далѣе отдается звукъ пробной музыки, чтобъ лучше приготовиться къ танцамъ“.

„Къ вечеру общество стало многочисленнѣе и вся гостинная

занята была особами разнаго рода... Всѣ флигеля и даже многія крестьянскія хаты были заняты, или приготовлены для гостей“.

„На другой день, прежде восхода солнца я уже былъ одѣтъ. Спѣшу во дворецъ къ его высокопревосходительству, ибо стукъ экипажей и ржаніе лошадей возвѣстили, что первоклассная знать пріѣхала.Дошедши до огромнаго крыльца, едва могъ протиснуться сквозь толпу обшитыхъ галунами лакеевъ; ... скидываю га-лоши и смиренно вхожу въ лакейскую. Сапожный громъ спѣсивыхъ модниковъ и брясканіе шпоръ наряженныхъ въ парадные мундиры военныхъ куволь, почти оглушили меня. Пройдя наполненную уже залу, взошелъ наконецъ въ великолѣпную, увѣшанную дорогими картинами и уставленную золоченой, покрытой ма-линовымъ штофомъ мебелью, гостинную...“

„Спустя нѣсколько времени, Дмитрій Прокофьевичъ вышелъ и принялъ поздравленія отъ всѣхъ; затѣмъ всѣ гости пошли въ придворную церковь и, выслушавъ литургію и трогательную рѣчь преосвященнаго пастыря, возвратились обратно въ гостинную; иные изъ нихъ прохаживались въ портретной, другіе въ бильярдной, а прочіе, развалившись спѣсиво въ креслахъ, съ нетерпѣніемъ ожидали обѣда“.

„Но вотъ, избалованный камердинеръ доложилъ, что столъ накрытъ. Первостепенныя дамы шли съ лучшими кавалерами, по-парно; обѣдъ былъ роскошный, шампанское лилось рѣкою, венгерское наполняло длинные бокалы, янтарный виноградъ таялъ во рту и услаждалъ вкусъ; однихъ вареніевъ было 30 сортовъ; во время обѣда, пѣвчіе пѣли концерты“.

„Когда подали шампанское, то князь Николай Григорьевичъ Репнинъ всталъ, съ бокаломъ въ рукахъ, и сказалъ громкимъ голосомъ: „Господа, выпьемте за здоровье почтеннаго мужа, который оказалъ много пользы нашему отечеству!“ Вслѣдъ за нимъ всѣ встали и съ замѣтною радостію на лицахъ всѣ пили за здоровье именинника“.

„Обѣдъ, начавшійся въ 4-мъ часу, окончился въ 6-ть. Всѣ гости разошлись, или лучше сказать, разбрелись лѣниво по комнатамъ, а дамы пошли переодѣваться“.

„Наступилъ вечеръ; всѣ комнаты освѣщены великолѣпными люстрами, оркестръ помѣщается на хорахъ. Князь Репнинъ открылъ балъ польскимъ, съ молоденькою и прелестною генераль-

шею Трощинскою ¹⁾, которая была одѣта въ бѣломъ креповомъ платьѣ съ цвѣтами. За польскимъ наступилъ вальсъ, экосезъ и другіе танцы, продолжавшіеся до 4-хъ часовъ утра. Княгиня Хилкова много танцевала съ молодымъ полковникомъ, барономъ Саженомъ ²⁾; также отличались: генераль Бехлеръ, генераль Ушаковъ, графъ Бутурлинъ, но лучше всѣхъ Бибииковъ. Всѣхъ гостей было 110 душъ, а лошадей, которыя всѣ были на господскомъ кормѣ, было болѣе 200. На третій день всѣ разъ-хались, кромѣ самыхъ близкихъ друзей, оставшихся на болѣе продолжительное время“.

Другое письмо—отъ вышеназванной генеральши Трощинской къ ея родителямъ (Кудрявцевымъ):

„... Опишу вамъ день здѣшняго храмоваго праздника, св. Архангела Михаила, въ который дяденька пригласилъ къ себѣ на обѣдъ живущихъ здѣсь, мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, коихъ собралось къ обѣду больше 20 душъ; а для крестьянъ своихъ и прочихъ прихожанъ былъ приготовленъ завтракъ около самаго дома. Мы всѣ ѣздили въ приходскую церковь къ обѣднѣ, которую служилъ Миргородскій благочинный съ семью священниками, изъ которыхъ одинъ говорилъ своего сочиненія, очень хорошее поучительное слово“.

„Дяденька въ сей день принарядился въ ордена свои, со звѣздами; за столомъ пѣли пѣвчіе и мы пили шампанское за здоровье вел. кн. Михаила Павловича, за всѣхъ російскихъ кавалеровъ и, наконецъ, за всѣхъ здѣшнихъ помѣщиковъ“.

„Дяденька чрезвычайно какъ всѣхъ обласкалъ, особливо одного старичка, самаго бѣднѣйшаго здѣшняго помѣщика, имѣющаго только шесть душъ, которому онъ мнѣ велѣлъ, за закуской, поднести водки и самъ ввелъ его въ комнату и посадилъ на стулѣ. Въ сей день, почтеннѣйшій нашъ старичокъ уподобился существу ангелу: онъ былъ веселъ и ласковъ ко всѣмъ... Обѣдъ нашъ окончился въ 4 часа, послѣ коего дяденька пошелъ немного отдохнуть, а мы съ своими гостями пошли къ себѣ и я имъ немного поиграла на арфѣ. Вечеръ же мы провели въ танцахъ“.

Хлѣбосольный хозяинъ, вообще, любилъ общество и, при

¹⁾ Жена Андрея Андреевича.

²⁾ Будущій мужъ ея.

отсутствіи гостей, становился мраченъ. Въ такіе дни, проживавшіе при немъ родственники старались чѣмъ бы то ни было развлекать свучающаго старика. Обычнымъ развлеченіемъ служили прогулки, послѣобѣденная игра въ бостонъ, а иногда и дружества какого-то Романа Ивановича, исправлявшаго въ домѣ Трощинскаго роль шута (шуты, въ то время, считались непремѣнною принадлежностію обстановки богатыхъ баръ). Кромѣ того, разные мелкія домашнія событія, чѣмъ нибудь нарушавшія однообразие деревенской жизни, служили предлогомъ для увеселеній и развлеченій. „...Того же дня, въ вечеру вѣнчался поваръ Василій (такъ пишетъ М. И. Гоголь-Яновская женѣ Андрея Андреевича, въ Кагорлыкѣ), и въ домѣ былъ балъ; Дмитрій Прокофьевичъ самъ открылъ оній съ молодой, а я съ молодымъ. Потомъ всѣ танцовали здѣшнія дѣвицы и люди разніе танцы, малороссійскіе и рускіе. Болѣе всѣхъ отличался Сашка со Орькой. Дмитрій Прокофьевичъ очень много смѣялся и оборотясь ко мнѣ сказалъ: можно ли на нашихъ балахъ имѣть столько удовольствій, какъ мы теперь имѣемъ?—12-го, за обѣдомъ, Сашка просилъ позволенія танцовать, въ вечеру, балетъ съ Орькой; ему позволили—и опять былъ балъ. Въ балетѣ онъ отличался чрезвычайно и, когда заиграла его сочиненія музыка, надъ которой онъ трудился нѣсколько дней и дѣлалъ репетицію нѣсколько разъ, то онъ выскочилъ изъ бухвета съ палочкой въ рукѣ, одѣтъ петиметромъ, и вдругъ палъ на колѣни предъ Орькой, дѣлалъ разніе странности, поднимался и опять падалъ, и кончилось тѣмъ, что онъ увелъ ее, при необыкновенномъ звукѣ музыки, изъ столовой, сопровождаемъ аплодированіемъ.—Послѣ начались обыкновенніе танцы; Дм. Прокофьевичъ велѣлъ людямъ танцовать мазурку, и они танцовали ее въ карикатурномъ видѣ.—Я забыла тебѣ написать мой милый другъ, что у насъ, скоро послѣ вашего выѣзду, играли дѣти на фортопіаннѣ, въ столовой: прежде Маня, потомъ Шарлота; а тамъ Прасковья Ивановна, съ своимъ учителемъ давала концертъ; одинъ разъ былъ квартетъ...”

Должно, впрочемъ, полагать, что Д. П. Трощинскому не часто приходилось скучать безъ гостей. Добродушіе, щедрость и хлѣбосольство владѣтеля Кибенцовъ должны были постоянно привлекать въ его усадьбу окрестныхъ помѣщиковъ и чиновниковъ, прославлявшихъ его на всѣ лады, особенно въ бытность Дмитрія

Прокофьевича полтавскимъ губернскимъ предводителемъ. Изъ этой эпохи сохранились въ семейномъ архивѣ разныя стихотворенія Миргородскихъ Пиндаровъ, воспѣвавшихъ добродѣтели и славу своего соотечественника. Приведемъ здѣсь нѣкоторыя образчики этихъ поэтическихъ произведеній:

(1808 г.).

Дерзаю, съ музою моею,
Тебѣ, Димитрій, такъ звать:
О ты! — чей мудрая царица
Умѣла гений пронипать,
Рекла — п яркая денница
На горизонтъ вдругъ востекла;
Стоитъ она жежду звѣздами
Ясна, блистательна, свѣтла
Багряновидными лучамп. —
Всегда довѣріе ся
Вездѣ тебя сопровождало:
Шипѣла ль злобная змѣя —
Въ ней жало съ ядомъ умирало
Ты прямой шествовала стезей,
Со славою, какъ другъ народа;
Нестрашна для судьбы твоей
Премѣнчива судьбы погода;
Лишь благомъ къ царству ты дышала,
При Савской ¹⁾ будучи царицѣ;
За то Эола, кой все сражалъ ²⁾,
Главу вознесши во столицѣ.
Сѣдня пощадѣлъ власы,
Россійскаго чти Аристида
Которому свои вѣсы
Вручила мудрая Фемида;
Свирѣность бурну увротила
И надъ тобой остановился,
Не Богъ вѣтровъ — то былъ Зефиръ.
Онъ мудростью твоей плѣнился.
Когда же тучи протекли
И послѣ тихи дни настали,
Ты зрѣлъ валявшихся въ пыли,
Которы нѣкогда блистали,
Простеръ десницу къ нимъ свою
И падшихъ — съ кротостью возставилъ....
.....
..... ты теперь покой вкушаешь

¹⁾ Савская царица упоминается въ св. писани.

²⁾ Намекъ на императора Павла.

Въ семействѣ нѣжный другъ, отецъ,
И счастье тутъ обрѣтаешь
Гдѣ нѣтъ ни всякой суеты,
Ни шуму и смятеній мира;
Души твоей тутъ красоты
Постъ моя смиренна лира.
Пѣснь искренною, въ день именинъ.
Когда вниманьемъ удостоишь,
То тѣмъ, Россіи вѣрный сынъ,
Достоинство ея удвоишь!

Другая ода, написанная Семеномъ Капнистомъ, отличается особенно затѣйливымъ заголовкомъ; вензель Троцинскаго Т (тврдо)вставлено въ Д (добро), съ слѣдующею подписью:

„То, что зришь здѣсь—онъ творить:
Тврдо на Добрѣ стоитъ“.

Все это окружено эмблемою вѣчности: зміемъ, держащимъ конецъ хвоста въ пасти. Затѣмъ слѣдуютъ стихи, въ тогдашнемъ (1812 г.) вкусѣ:

.... Такъ, мужъ почтенный! совершая
Служенью царства трудный путь,
Ты, въ милой родинѣ желая
Отъ шумной славы отдохнуть,
Когда оставилъ градъ столицный —
Разстройство спутники обычны:
Корысть, самоуправствъ развратъ,
Крамора, смуты и раздоры
Лишенной твердыя подпору
Державѣ гибелью грозятъ. —
На цѣпь сихъ золь, всемѣстно зримыхъ
Ты съ горестью негодовалъ;
Но взоръ отъ бѣдъ неотвратимыхъ.
Сжавъ сердце, отвратить желая
Въ родимый край уединяся
И пышнымъ титуломъ не гордяся,
Отъ блеска скрылъ ты жизнь свою.
Не ача въ родинѣ быть славнымъ,
Но каждому являясь равнымъ,
Составилъ съ ней одну семью. —
Вдругъ бури брани заревѣла. .

.
Въ бѣдахъ сихъ, съ царствомъ сострадая,
Ты вновь на поприще вступилъ;
Любовь отца къ птенцамъ являя,
Воскрыльемъ насъ своимъ покрылъ
Храня отъ пагубна навѣта,
Внушенемъ опытна совѣта
Ты велъ насъ мудростью своей:

На истинну стезю наставилъ,
 Противу козней щитъ поставилъ,
 И—свѣтъ блеснулъ средь мрачныхъ дней.
 Твоимъ усердьемъ оживленны,
 Мы плугъ перековали въ мечъ:
 Любовью къ родинѣ возженны,
 На саму смерть готовы течь:
 Отецъ копьё вручаетъ сыну
 И, въ вѣрну ополча дружинну,
 Противъ врага его стремить;
 Сестра здѣсь брата вооружаетъ;
 Тамъ мать дѣтей благословляетъ;
 Съ весельемъ воинъ въ путь спѣшитъ... и т. д.

IV.

Деревенская жизнь, при всемъ ея привольѣ, не могла удовлетворять Дмитрія Прокофьевича, привыкшаго къ широкой, плодотворной дѣятельности, а теперь обреченнаго на совершенную праздность. Учиться хозяйничать было уже поздно; да къ тому же, всѣми имѣніями его давно уже завѣдывалъ старшій племянникъ Андрей Андреевичъ. Послѣдній трудился надъ этимъ до совершеннаго разстройства здоровья и хотя, вопреки мошенничествамъ разныхъ подчиненныхъ ему прикащиковъ и официалитовъ, доходы съ имѣній были весьма велики, по—въ уровень съ широкою натурою и нестоимую благотворительностію ихъ обладателя они не всегда могли стоять. Дмитрій Прокофьевичъ, особенно живя въ Петербургѣ, нерѣдко оставался безъ денегъ и принужденъ бывалъ прибѣгать къ займамъ весьма почтенныхъ размѣровъ (иногда до нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей), вторые, впрочемъ, всегда аккуратно уплачивались. Да и деревенскія затѣи, въ особенности, устройство жалованнаго Екатериною Кагорлыка, поглощали значительныя суммы; тамъ исправлялись старья и возводились новыя зданія, устраивался одинъ изъ первыхъ въ Малороссіи винокуренныхъ заводовъ, дѣйствующихъ паровикомъ и т. п.

Изобразить полную картину жизни Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго и точно опредѣлить характеръ его государственной дѣятельности, мы, по недостатку матеріала, не имѣли возможности; а потому, въ представленномъ нами очеркѣ встрѣчаются,

конечно, большіе пробѣлы. О пользѣ, приносимой имъ на службѣ отечеству, мы могли свидѣтельствовать, лишь указывая на тѣ исключительныя награды и знаки высочайшаго вниманія, которыхъ онъ удостоивался въ продолженіи трехъ, совершенно разнохарактерныхъ царствованій. О службѣ же обществу, въ званіи предводителя дворянства Полтавской губерніи, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Потому желательно было бы, чтобъ лица, имѣющія данныя для пополненія указанныхъ пробѣловъ, не оставляли ихъ подъ снудомъ. Къ точнымъ характеристикамъ достопамятныхъ людей своей земли—характеристикамъ, одинаково далекимъ, какъ отъ панегирика, такъ и отъ забрасыванія грязью—не слѣдуетъ относиться равнодушно. Намъ, въ предложенномъ здѣсь очеркѣ, приходилось руководствоваться такими свидѣтельствами, которыя, истекая отъ людей, стоявшихъ болѣе или менѣе близко къ Д. П. Троцинскому, или же вполне ему преданныхъ,—нерѣдко имѣютъ тонъ слишкомъ панегирической. Для точной оцѣнки этого человѣка, необходимо слѣдовало бы свидѣтельства эти сопоставить съ другими, имѣющими иную окраску.

Въ предшествовавшемъ біографическомъ очеркѣ часто встрѣчаются упоминанія о старшемъ племянникѣ Дмитрія Прокофьевича, Андреѣ Андреевичѣ Троцинскомъ. Хотя личность эта не представляетъ собою ничего особенно выдающагося, но въ оставшейся послѣ него обширной перепискѣ, есть нѣкоторыя интересныя мѣста, имѣющія связь съ событіями начала нынѣшняго столѣтія. Кромѣ того, заслуживаютъ вниманія и сего отношенія къ семейству Гоголя, которое въ немъ, по смерти Д. П. Троцинскаго, находило постоянную поддержку. Изъ нѣкоторыхъ писемъ къ Андрею Андреевичу и женѣ его отъ Маріи Ивановны Гоголь мы приведемъ, ниже сего, извлеченія, имѣющія отношеніе къ ея знаменитому сыну.

Андрей Андреевичъ Троцинскій, родившійся въ 1774 г., былъ, по обычаю той эпохи, чуть ни въ колыбели записанъ солдатомъ въ гвардію; въ 1784 г. онъ уже пожалованъ сержантомъ, а въ 1792 г. выпущенъ въ армію капитаномъ, съ назначеніемъ во 2-й кадетскій корпусъ; вскорѣ послѣ того онъ былъ переведенъ въ артиллерию. Въ началѣ царствованія императора Павла, будучи уже подполковникомъ, онъ, своимъ знаніемъ службы, обратилъ на себя вниманіе взыскательнаго царя и получилъ отъ него коман-

дворственный крестъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Затѣмъ онъ снова перешелъ во 2-й кадетскій корпусъ и начальствовалъ надъ нимъ до второй войны съ французами, въ царствованіе Александра І-го.

30-го ноября 1806 г. послѣдовалъ высочайшій манифестъ о наборѣ милиціи изъ принадлежащихъ императорской фамиліи вотчинъ. Ратники, поставленные удѣльными имѣніями въ окрестностяхъ Петербурга (большею частію чухны), должны были составить одинъ батальонъ, съ назначеніемъ при немъ полуроты полевой артиллеріи¹⁾. Сформировать этотъ батальонъ государь поручилъ цесаревичу Константину Павловичу, предоставивъ ему избрать, изъ состоявшихъ подъ его начальствомъ, 1-го и 2-го кадетскихъ корпусовъ и военно-сиротскаго дома, одного штабъ-офицера и необходимое число оберъ-офицеровъ. По особенному вниманію цесаревича къ А. А. Трощинскому, онъ назначенъ былъ командиромъ этого вновь-образуемаго батальона („чухонскаго“, какъ выражался о немъ великій князь). Строевое образованіе ратниковъ, вопреки незнакомству большинства ихъ съ русскимъ языкомъ, пошло настолько успѣшно, что уже 9-го марта 1807 г. батальонъ могъ выступить въ походъ, въ Пруссію. Передъ выступленіемъ онаго А. А. Трощинскій, допущенный во внутренніе покои императрицы-матери, получилъ отъ нея перстень и благословеніе на счастливый путь.

Во время движенія къ границѣ, при проходѣ черезъ Митаву, всѣ офицеры милиціоннаго батальона представлялись, проживавшей тогда въ семь городѣ, французской королевской фамиліи. Вотъ какъ описываетъ А. А. Трощинскій представленіе это, въ письмѣ своемъ къ дядѣ, отъ 23-го апрѣля:

... „Не могу оставить, также, въ молчаніи и того, что въ бытность мою здѣсь я, не столько по долгу, сколько изъ любопытства, представлялся со всѣми моими офицерами, въ первый день прошлаго праздника, къ мнимому королю французскому, который принялъ меня съ отличною вѣжливостію, оказалъ мнѣ

¹⁾ Изъ Ораніенбаумской вотчины государя императора взято 222 чел.; изъ Гатчинской и Красносельской вотчинъ императрицы Маріи Теодоровны — 411 чел.; изъ Стрѣльнинской вотчины цесаревича Константина Павловича — 159; а всего 792 человекъ.

честь приглашеніемъ въ тотъ же день къ обѣденному столу, бывающему обыкновенно въ 4 часа пополудни. За $\frac{1}{4}$ часа предъ тѣмъ временемъ я представленъ былъ къ королевѣ (которой качествъ и наружнаго вида не стану вамъ описывать, предполагая, что вамъ о томъ давно уже лучше меня извѣстно), и потомъ, въ общемъ залѣ—къ герцогу Ангулемскому и его супругѣ, несчастной дочери покойнаго короля. Я чрезвычайно тронуть былъ ея видомъ и привѣтливостію, при разговорахъ со мною. Мнѣ показалось, что всѣ несчастія, ею претерпѣнныя, остались запечатлѣнными на ея лицѣ, отмѣнно пріятной наружности, и что даже при самой улыбкѣ ея не изглаживаются черты глубокой меланхоли, соединенной съ нѣжною чувствительностію. Въ продолженіи стола и послѣ онаго, весь придворный штатъ, купно съ несчастнымъ семействомъ (кромя королевы), попеременно осыпали меня учтивостями и похвалами моей милиціи, объ устройствѣ коей имъ извѣстно уже было чрезъ великаго князя, который, какъ говорили мнѣ, иначе въ разговорахъ служащихъ въ оной не называлъ, какъ дѣтьми своими; почему и желали они, а наипаче Duc d'Angoulême, видѣть весь батальонъ, въ полномъ его видѣ, съ артиллеріею. Я, чрезъ день послѣ того, сдѣлалъ имъ это удовольствіе; но король самъ при осмотрѣ онаго не присутствовалъ, приславъ ко мнѣ сказать, что по нездоровью своему онъ быть не можетъ, принцесса же не только что избѣгаетъ такихъ военныхъ позорницъ, но даже не можетъ слышать и самой пріятнѣйшей музыки, а всякой барабанный бой, военная музыка и пальба приводятъ ее всегда въ содроганіе, какъ мнѣ о томъ сказывали...

5-го мая, милиціонный батальонъ переправился черезъ Нѣманъ, а на слѣдующій день двинулся далѣе, на присоединеніе къ арміи; 24-го и 25-го онъ былъ при взятіи г. Гутштадта и при преслѣдованіи непріятели до рѣки Пасарги; 29-го и 30-го участвовалъ въ сраженіи при Гейлсбергѣ, а 2-го іюня—при Фридландѣ. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого несчастнаго для русскихъ побоища, за которое Андрей Троцинскій получилъ орденъ св. Георгія 4-й степ.,—онъ писалъ дядѣ своему Дмитрію Прокофьевичу, слѣдующее:

16-го іюня 1807 г., Юрбургъ.

„Я надѣюсь, что вы получили, почтеннѣйшій благодѣтель, отправленное къ вамъ отсюда, черезъ почту, на сихъ дняхъ, увѣ-

домленіе мое, по скорости и въ чужой квартирѣ хотя и дурно написанное, но послужившее удостовѣреніемъ, что какъ я, такъ и братъ мой Иванъ Ефимовичъ ¹⁾ послѣ достопамятнѣйшаго кровопролитнѣйшаго сраженія, бывшаго во 2-й день сего мѣсяца при Фридрихсбургѣ, по благодати Божіей остались живы. Братъ только получилъ въ ногу контузію ядромъ, поразившимъ насквозь его лошадь, а я остался ничѣмъ невредимъ, при всемъ томъ, что во весь тотъ день, съ 5 часовъ утра до 11 часовъ вечера находился подъ самыми непріятельскими, батарейными, а напоследокъ и подъ ружейными выстрѣлами. Я теперь смѣло могу сказать, что прошелъ сквозь огонь и воду; ибо при отступленіи войскъ, когда мосты чрезъ рѣку Алле, у Фридрихсбурга протекающую, были сожжены, довелось и мнѣ, на ряду съ прочими, въ одно время и вмѣстѣ съ кавалеріею, пѣхотою и артиллеріею, плыть черезъ оную рѣку. По счастью, что за нѣсколько червонцевъ удалось мнѣ достать къ тому лошадь; а безъ сего средства гибель въ глубинѣ рѣки была неминуемая. Многие и тутъ пожертвовали своею жизнью. Послѣ таковой переправы, сопровождаемой сзади непріятельскими бомбами и бранскутелями, я долженъ былъ (не взирая на слабость здоровья и опухоль ногъ и лица, отъ пребыванія въ продолженіи 10 дней на бивакахъ) маршировать во всю ночь, нѣсколько миль пѣшкомъ, за неимѣніемъ своей лошади, каковой, какъ равно и вещей моихъ съ походнымъ моимъ экипажемъ, я не имѣлъ при себѣ, до самаго прибытія въ Юрбургъ; а между тѣмъ, кой какъ я путешествовалъ сюда черезъ Инстербургъ и, по требованію великаго князя, черезъ Тильзитъ. Изъ сего можете себѣ представить, до какой степени я былъ разслабленъ и изнуренъ, не имѣвши при себѣ, изъ принадлежащаго мнѣ, никого и ничего, кромѣ нѣсколько червонныхъ въ карманѣ, за которые ничего тогда нельзя было достать. При всемъ таковомъ страдательномъ положеніи моемъ, я тысящекратно почиталъ себя счастливымъ при видѣ въ пути многихъ тысячъ страдальцовъ нашихъ, израненныхъ, изувѣченныхъ, безъ всякихъ пособій, безъ дневнаго пропитанія и безъ надежды лучшаго состоянія, въ числѣ коихъ множество находилось и офицеровъ. Я безъ слезъ и содроганія и теперь не могу представить себѣ

¹⁾ Иванъ Ефимовичъ Трошинскій служилъ въ кавалеріи.

всего, тогда мною видѣннаго. Позорище, и здѣсь, не менѣе разительнѣйшее было. Въ 4 дни выпровожено отсюда далѣе до 13 тысячъ раненыхъ и больныхъ нижнихъ чиновъ, а такого же состоянія офицеровъ, сими же днями отпущено отсюда, по пашпортамъ, въ Россію болѣе 1000. Въ сіе время находится еще здѣсь до 4,000 больныхъ раненыхъ; въ томъ числѣ болѣе 100 офицеровъ. Всѣ относящіяся къ сему подробности—самыя разительнѣйшія для сострадательнаго сердца, тѣмъ мнѣ сдѣлались теперь извѣстнѣе, что начальствующій здѣсь по внутренней военной части, генералъ-маіоръ баронъ Маркловскій убѣдилъ меня вспомоществовать ему во всемъ, по его части, въ качествѣ дежурнаго при здѣшнихъ войскахъ. И такъ, вмѣсто отдохновенія и пользованія себя, я съ утра до ночи хлопочу съ несчастными, наипаче офицерами, не имѣющими почти дневнаго пропитанія. Маркловскій, однако-жъ, входитъ въ ихъ состояніе и вспомоществуетъ по возможности, въ ожиданіи, на неоднократныя его государю представленія, доставленія лучшихъ способовъ

Пользуясь нѣкоторою свободою, хочу, къ любопытству вашему, сообщить нѣчто относительно послѣдне-бывшихъ, военныхъ происшествій. Послѣ славнаго и также кровопролитнѣйшаго гейльсбергскаго сраженія, въ которое дѣло не доходило до резервнаго корпуса нашего, непріятель, при всемъ своемъ пораженіи будучи въ превосходныхъ силахъ, ретируясь, двинулъ въ ту же ночь большую часть своихъ войскъ къ Фридланду, въ намѣреніи обойти нашъ правый флангъ, а остальными, подъ защитою сильныхъ батарей и выгоднаго въ лѣсахъ закрытія, обезпечивалъ только, на другой день, наши войска, производя неоднократно фальшивыя атаки. Вслѣдствіе таковыхъ маневровъ, уже ночью 29-го числа, и наша вся армія слѣдовала къ Фридланду, въ параллель непріятельской, а на послѣдоеъ, послѣ томительныхъ переходовъ, къ разсвѣту 2-го числа, обѣ арміи расположены были въ окрестностяхъ Фридланда. Непріятельская армія, по обыкновенной хитрости своей и искусству, скрывалась въ лѣсахъ, а наша, защищая Фридландъ, по мѣстоположенію довольно невыгодному, занимала поля и окрестные берега рѣки Алле. Въ 4 часа утра началась перепалка, а вслѣдъ за оною и дѣйствіе съ обѣихъ сторонъ батарей. Я съ батальономъ, въ сіе время, изъ центра резервнаго

корпуса, вслѣдствіе повелѣнія главнокомандующаго, отряженъ былъ на лѣвый флангъ, для прикрытія батарей отъ нечаяннаго непріятельскаго на оныя, изъ лѣсу, нападенія (гдѣ и находился въ продолженіи двухъ или трехъ часовъ, хотя безъ дѣйствія, но подъ непріятельскими выстрѣлами), до прибытія въ подкрѣпленіе нѣсколькихъ пѣхотныхъ и егерскихъ батальоновъ. Послѣ чего обращенъ я былъ въ прежнюю позицію. Къ полудню, усилившійся непріятель, прибытіемъ новаго къ нему сикурса, открылъ сильныя со всѣхъ сторонъ батареи и подъ защитою оныхъ начали изъ лѣсу выходить густыя непріятельскія колонны, каковыя обыкновенно заключаютъ въ себѣ отъ 2 до 3 тысячъ оруженосцевъ. Но подоспѣвшія къ сему времени нѣсколько нашихъ батарей, въ подкрѣпленіе прежнихъ, принудили непріятеля къ поспѣшному отступленію опять въ лѣсъ; однако-жь, непріятельскія батареи, наиболѣе дѣйствуя навѣсными выстрѣлами, силою бросаемыхъ бомбъ и брансугелей паносили, особенно несчастному нашему резервному гвардейскому корпусу большой вредъ. Въ продолженіи дня непріятель неоднократно покушался атаковать, но безуспѣшно; а между тѣмъ, продолжалъ—сколько дѣйствіемъ изъ лѣсу навѣсными выстрѣлами изъ своихъ закрытыхъ батарей, столько и тиральерами беспокоить и ослаблять наши линіи. Къ вечеру тиральеры ихъ, къ правому нашему флангу еще болѣе усилились. Въ сіе-то время батальонъ мой по частямъ туда отряжаемъ былъ, въ подкрѣпленіе передней цѣпи стрѣлковъ и егерей; а когда, подъ непріятельскими выстрѣлами, съ остальною частію моего батальона я туда же прибылъ, то по не состоянію егерскихъ штабъ-офицеровъ, отъ командующаго онымъ флангомъ генерала ввѣрено мнѣ было командованіе и распоряженіе всей цѣпи стрѣлковъ, изъ рядовыхъ разныхъ полковъ составленныхъ.

„Между тѣмъ, непріятель, въ одиннадцати сильныхъ колоннахъ выстроился передъ лѣсомъ, не взирая на сильную съ нашей стороны канонаду; съ удивительнымъ порядкомъ и устройствомъ двинулся къ нашему центру впередъ, предшествуемъ будучи сильными батареями; въ надлежащей потомъ дистанціи открылъ и ружейный огонь, а напоследокъ дѣло дошло и до ручнаго бою,—что происходило уже въ самыя сумерки, въ одиннадцатомъ часу вечера. Это изображало такую ужаснѣйшую картину, которую невозможно описать. Адское пламя огнестрѣль-

ныхъ орудій освѣщало кучу жертвъ, съ обѣихъ сторонъ пораженныхъ; а между тѣмъ повторяемыя съ обѣихъ сторонъ нападенія и отступленія войскъ показывали видъ волнующагося, пламеннаго моря. Напослѣдокъ повелѣно было всѣмъ войскамъ нашимъ отступать черезъ рѣку, за городъ, также весь въ пламени бывшій. И по истинѣ сіе сраженіе, продолжавшееся около 18 часовъ, уподоблялось болѣе съ ожесточеніемъ производимой бойнѣ, въ истребленію только рода человѣческаго, нежели сраженію по общему понятію, между просвѣщенными народами разумѣмому. Въ семъ жестокомъ и упорномъ сраженіи, потеря съ нашей стороны, ранеными и убитыми, велика, но со стороны непріятеля, вонечно, несравненно было болѣе, не взирая на то, что войска наши принуждены были отступить. И такъ, и я, съ моей стороны, на поляхъ фридландскихъ исполнилъ долгъ, коимъ всѣ тамъ бывшіе обязаны были государю и отечеству изъ всѣхъ, бывшихъ до меня въ передней линіи стрѣлковъ, штабъ-офицеровъ ни одинъ, кромѣ меня, не остался безъ пораженія. И дѣйствительно, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ сряду, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я находился, смерть или увѣче каждую секунду казались неизбѣжными; ибо подобно сильному рою пчелъ, со всѣхъ сторонъ съ свистомъ жужжали пули, а напослѣдокъ посыпались и картечи.... Впрочемъ, испытавши всю тягость теперешняго служенія, не по трудамъ тѣлеснымъ, но по страданіямъ душевнымъ, имѣя дѣло съ такими начальниками, которые¹⁾), но лучше предоставлю о семъ изустно съ вами объясниться, когда Богъ дастъ мнѣ удовольственнѣйшій случай въ моей жизни опять съ вами увидѣться. Все то отвращаетъ меня теперь отъ службы на такомъ основаніи, какъ теперь нахожусь, и когда увижусь съ великимъ княземъ, то смотря по обстоятельствамъ, буду просить одной милости—о увольненіи меня въ Петербургъ, для поправленія разстроенаго моего здоровья, и о назначеніи меня никуда шефомъ полка,—какъ мнѣ здѣсь нѣкоторые проповѣдуютъ, что будто государю угодно меня въ сіе званіе помѣститъ, по случаю открывшихся многихъ вакансій..“

Таковы были впечатлѣнія, вынесенныя Андреемъ Троцинскимъ (и, вѣроятно, не имъ однимъ) изъ этой злополучной войны,

¹⁾ Точки въ подлинникѣ.

въ ужасамъ которой присоединялось еще тяжкое сознание поражения и полное разочарование въ способностяхъ своихъ начальниковъ. Желаніе покинуть опостывленную ему службу онъ, однако, еще не скоро могъ осуществить. По возвращеніи въ Петербургъ, ратники его батальона, оставшіеся цѣлыми и здоровыми, не были, вопреки общему ожиданію, отпущены домой ¹⁾, но послужили ядромъ для составленія новаго резервнаго батальона, причисленнаго, за отличія въ мипувшую войну, къ войскамъ лейбъ-гвардіи (22-го января 1808 г.) и затѣмъ, указомъ 8-го апрѣля, наименованнаго батальономъ Финляндской гвардіи ²⁾. А. А. Троицкій (еще въ декабрѣ 1807 г., произведенный въ генераль-майоры) командовалъ онымъ до 1809 г. и, въ теченіи этого времени, по порученію Аракчеева, долженъ былъ, какъ человекъ, уже искусившійся въ дѣлѣ организаціи строевыхъ частей, формировать еще нѣсколько новыхъ батальоновъ, предназначавшихся къ отправленію въ Финляндію. Только въ декабрѣ 1811 г. удалось ему, по разстроенному здоровью, выйти въ отставку. Съ этихъ поръ онъ посвятилъ себя управленію обширными имѣніями дяди, значительнѣйшая часть которыхъ должна была перейти къ нему. Въ 1821 г. онъ женился на Ольгѣ Дмитріевнѣ Кудрявцевой (внучкѣ, по матери короля Станислава Понятовскаго). Бракъ этотъ былъ весьма счастливъ: молодая Троицкая заслужила привязанность всей семьи; сама же, повидимому, была въ особенно хорошихъ отношеніяхъ съ Марьей Ивановной Гоголь-Яновской. Последняя часто переписывалась съ нею и съ мужемъ ея; переписка эта, съ которою мы имѣли случай подробно ознакомиться, имѣетъ совершенно интимный характеръ и, для постороннихъ, мало интересна. Приведемъ здѣсь изъ нея лишь нѣкоторыя мѣста, касающіяся сына Марьи Ивановны, которому суждено было обезсмертить фамилію Гоголь.

Изъ письма къ О. Д. Троицкой. 3-го сентября 1821 г. ³⁾.

„Возвратившійся изъ Нѣжина посланный нѣсколько успокоилъ

¹⁾ За исключеніемъ взятыхъ изъ вотчины императрицы Маріи Теодоровны, которыхъ она пожелала отпустить въ первобытное состояніе: изъ прочихъ отпущены лишь неспособные къ службѣ, вслѣдствіе ранъ, или болѣзней.

²⁾ Изъ него, въ 1811 г., сформированъ л.-гв. Финляндскій полкъ.

³⁾ Всѣ письма М. И. Гоголь писаны съ хутора ея „Васильевка“.

меня на счет моего Николеньки; онъ затосковалъ было, а теперь началъ привыкать и сдѣлался веселѣе...”

Изъ письма А. А. Трошницкому, 11-го мая 1826 г.

„Чувствительнѣйше благодарю васъ, любезнѣйшій братецъ, за доставленіе мнѣ, отъ сына моего, письма, хотя самаго безтолковаго; но слава Богу, что онъ живъ, и я надѣюсь, что въ другой разъ онъ не напишетъ мнѣ такихъ глупостей, получа отъ меня строгой и справедливой выговоръ. Что онъ не извинялся въ долгомъ молчаніи, то это оттого, что онъ вѣрно не одно письмо писалъ бо мнѣ, но я не получала; такъ же, какъ и онъ отъ меня изъ шести ни одного не получилъ—и 2 были съ деньгами, положенными ему отъ покойнаго отца его ¹⁾: получать столько десятковъ рублей, сколько классовъ пройдетъ. Теперь онъ получаетъ 70 руб. въ годъ, полагая къ каждому празднику и къ масляной по 10 руб., по о которыхъ онъ пишетъ, что два раза онъ долженъ былъ получать, и не получалъ. Я не могу понять, гдѣ бы дѣваться тѣмъ письмамъ. А что онъ пустяки такіе пишетъ, то воображаетъ, что этимъ меня можетъ развеселить, зная, что дома я горюю, или хлопочу по хозяйству и не имѣю отрадной минуты...”

Изъ письма А. А. Трошницкому, 20-го декабря 1826 г.

... „Своихъ лошадей я посылаю въ Нѣжинъ, по обѣщанію моему, за Никшей. Въ эти праздники онъ всегда бываетъ дома. До октября я получала отъ него по нѣсколько писемъ въ мѣсяцъ, и во всѣхъ убѣдительно просить меня прислать за нимъ, и я рѣшилась ему, также и себѣ, сдѣлать сіе удовольствіе, а болѣе для того, чтобы узнать, что съ нимъ дѣлается. Знаю, что не лѣность и нерадѣніе сему причиною, а развѣ такъ сильно углубился въ науки, что и не помнить, какъ пролетѣлъ мѣсяцъ (что съ нимъ случается), или нездоровъ. Когда же новый директоръ не позволитъ ученикамъ развѣзжаться по домамъ, такъ какъ при старомъ было, то нужды нѣтъ, что лошади мои проѣзятся даромъ...”

¹⁾ Отецъ Гоголя умеръ весной 1825 г.

Изъ письма О. Дм—нѣ Трощинской, 11 марта 1827 г.

„Не нахожу словъ выразить мою благодарность тебѣ, мой ангель, за доставленіе мнѣ писемъ моего сына, въ которыхъ онъ всегда говоритъ о тебѣ и Андреѣ Андреевичѣ, что онъ никогда не забываетъ вашего къ нему вниманія, и досадуетъ, что не знаетъ чѣмъ доказать благодарность свою (собственныя его слова въ теперешнемъ письмѣ).. Николлай описываетъ мнѣ, какъ весело онъ проводилъ мяслянную: играли въ театрѣ всѣ отмѣнно удачно; 2 французскія пьесы изъ Мольера и Флоріана, одну нѣмецкую изъ Коцебу, русскія: Недоросль, фонъ-Визина, Неудачный примиритель, Княжнина, Лукавинъ, Писарева и Береговое право, соч. Коцебу. Декораціи были отмѣнныя, освѣщеніе великолѣпное; посѣтителей много пріѣзжихъ и всѣ съ отличнымъ вкусомъ, и всѣ единогласно сказали, что ни одинъ изъ провинціальныхъ театровъ не можетъ сравниться съ ихъ. Это все онъ, хвастунишка, мнѣ описываетъ. Музыка состояла изъ своихъ 18-ти учениковъ; Вертнеръ, Россини, Вебера и другихъ были разыграны превосходно“...

Изъ письма А. А. Трощинскому, 23 ноября 1830 г.

...„Я получила отъ Никоши письмо отъ 10 октября, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня о днѣ выѣзда вашего изъ С.-Петербурга и о грусти, съ которой разстался съ вами и отъ которой онъ въ совершенной бездѣйственности паходится, ни за что не хочетъ приняться, все сдѣлалось ему тамъ чуждо... Онъ мнѣ 3 раза писалъ число денегъ, отъ васъ имъ полученныхъ: первый разъ 300 рублей и платье теплое и все, что было нужно ему; во второй разъ 150 руб.; третій — то, что слѣдовало отъ меня получить за 3 мѣсяца съ половиною — я полагаю, 280 или 300 рублей. О прочихъ вспомошествованіяхъ вашихъ не именовалъ числа денегъ, а писалъ всегда, что опять получилъ вновь отъ рѣдкаго благотворителя моего помощь; и заключилъ, что онъ цѣлый годъ отъ васъ однихъ получалъ содержаніе и не имѣлъ ни въ чемъ нужды; и прибавлялъ: „чтобы я дѣлалъ, не имѣя такого благодѣтеля? вы мнѣ, маменька, не высылаете денегъ; видно ваши обстоятельства слишкомъ трудны“. Я полагаю, что онъ, всякій

разъ, когда получалъ отъ васъ помощь, писалъ ко мнѣ, потому что почти въ каждомъ письмѣ хвалился мнѣ новыми, вашими ему милостями, а я не думаю, чтобы онъ что утаилъ отъ меня; и потому съ меня половину только просить изъ прежде назначаемой ему суммы за сей годъ,—чѣмъ много меня облегчилъ по вашей благотворительности; и на будущій годъ просить высылать половину, надѣясь съ новаго года прибавки жалованья; а на предбудущій годъ надѣется уже мнѣ помогать. Но я никакъ не надѣюсь на сіе обѣщаніе; только пріятно мнѣ его намѣреніе. Остающіеся за сей годъ 100 рублей я ему пошлю въ концѣ мѣсяца. Я также вижу, что онъ не выучился еще расчетливо жить. Главный его расходъ—на книги, для которыхъ онъ въ состояніи лишиться и пищи. Когда выйдетъ новая книга, по названію много обѣщающая, то онъ готовъ выписывать ее изъ чужихъ краевъ—что онъ и дѣлалъ, будучи въ Нѣжинѣ, изъ выпрошенныхъ у меня для платя денегъ; послѣ признался мнѣ, что когда онъ начитаетъ о новой книгѣ, то дрожить, какъ бы ее выписать скорѣе — и за это получилъ отъ меня репримандъ. Я называю сію охоту страстью; хотя она и не постыдна, какъ карточная, но тоже можетъ раззорять. Теперь онъ меня увѣряетъ, что отъ всего отказался, видя недостаточное свое положеніе; а человекъ, который былъ при немъ въ Нѣжинѣ (родъ дядьки), говорилъ мнѣ, по секрету, что баринъ его не умѣетъ беречь денегъ и себя же обижаетъ,—говоря, что когда я дамъ ему денегъ по праздникамъ на конфеты, до которыхъ онъ большой охотникъ, то когда не успѣетъ еще купить и встрѣтится ему бѣдной, то такъ и старается, какъ бы увильнуть отъ меня и отдать ему свои деньги, думая, что я не видалъ, но я всегда такъ и слѣжу за нимъ и, когда другіе дѣти ѣдятъ лакомства, то я его спрашиваю: что же онъ не ѣстъ? то онъ мнѣ отвѣчаетъ, что уже съѣлъ; но обманываетъ меня, старика; и заключаетъ: не давайте ему денегъ; пропадутъ ни за что. Я уже ничего не говорила Никошѣ; онъ послѣ и самъ увидитъ, приходя въ разсудокъ болѣе, что надобно дѣлиться съ бѣдными благоразумно, не лишая и себя необходимаго; и онъ вѣрно теперь сдѣлался благоразумнѣе и осторожнѣе въ издержкахъ своихъ, претерпя иногда и нужду. Я васъ покорнѣйше прошу, благодѣтельный другъ, если вы удостоите иногда отвѣтами Николая моего письма, продолжать строгія ваши ему

поученія, чтобы онъ ни на минуту не выпускалъ изъ виду получавшія (ся) имъ изустныя отъ васъ наставленія; а я, съ своей стороны, буду продолжать ему свои морали; и тогда, съ помощію Божіею, можно ожидать, что онъ будетъ истинный христіанинъ и добрый гражданинъ“...

Изъ письма А. А. Трощинскому, 15 янв. 1831 г.

„Письмо, полученное мною отъ Николая моего, 20-го декабря отпущенное, совершенно успокоило меня на счетъ опасенія моего, о которомъ я къ вамъ писала, почтеннѣйшій братецъ. Холеры, благодаря Бога, въ С. Петербургѣ нѣтъ; сынъ мой продолжаетъ службу счастливо, его начинаютъ замѣчать съ хорошей стороны и любятъ, и онъ надѣется въ новомъ годѣ получить для себя больше выгодъ и не столько будетъ нуждаться“....

Изъ письма О Д. Трощинской, 3 апр. 1831 г.

...„Отъ сына моего я очень рѣдко получаю письма, но за то, благодаря Бога, все пріятныя; и я не сѣтую на него за несчастное писаніе, во первыхъ потому, чѣтбы не мѣшать ему заниматься по должности, и такъ какъ онъ еще положилъ на себя занятіе въ Академіи художествъ, желая усовершенствоваться въ любимомъ своемъ искусствѣ, рисованіи; а во вторыхъ, что въ его состояніи немножко и наглядно часто писать изъ С. Петербурга“...

Изъ письма А. А. Трощинскому, 8 октяб. 1831 г.

...„Сынъ мой посвящаетъ всю свою жизнь службѣ, стараясь быть намъ полезнымъ; но покуда я дождусь сего счастья, то много еще должна буду терять здоровья въ трудахъ... На дняхъ я получила отъ сына моего письмо, съ поздравленіемъ меня съ именинами, и при ономъ посылаетъ мнѣ книгу своего сочиненія; пишетъ: она есть плодъ отдохновенія досужныхъ часовъ отъ трудовъ моихъ; она понравилась здѣсь всѣмъ, начиная отъ госуда-

рыни, надѣюсь, что и вамъ она принесетъ сколько нибудь удовольствія, и тогда я буду счастливъ. Книга сія подъ названіемъ Вечера на хуторѣ близъ Диканьки; сочинителемъ подписалъ пасѣчника Рудаго Панько“...

Изъ письма О. Д. Трощинской. 20 октяб 1831.

...„Книгу сына моего при семъ посылаю и прошу васъ, при случаѣ, когда будете посылать въ Кибенцы, прислать мнѣ. Здѣсь всѣ просятъ ее прочесть. Николай мой все стремится быть полезнымъ для своего края и я нѣсколько понимаю его цѣль; въ сей книгѣ онъ коснулся ея; но въ продолженіи болѣе будетъ; и обыкновенно, въ такомъ родѣ, какъ онъ пишетъ, болѣе нравится публикѣ“....

Изъ письма О Д Трощинской, 24 марта 1835 г.

... „Мой сынъ старается утѣшать меня, какъ только можетъ. Благодарю Бога, на сихъ дняхъ я получила отъ него книги, Арабски, подъ собственнымъ уже его именемъ изданныя“...

Изъ письма А. А. Трощинскому, 4 июня 1838 г.

...„Сынъ мой все еще въ Италіи; избѣгая жаровъ, выѣзжаетъ изъ Рима въ прекрасныя окрестности его. Я недавно получила отъ него письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что тамъ проживала княгиня Волконская, съ которой душа его любила бесѣдовать; но по выѣздѣ ея, природа замѣняетъ ему все. Я писала ему, почему не пишетъ о монаршихъ ему милостяхъ, и я слышу только отъ другихъ? Не знаю, что онъ мнѣ напишетъ въ отвѣтъ. Недавно я слышала, что онъ писалъ къ г. Жуковскому, занять ему донегъ 3 тысячи рублей, что онъ ему скоро возвратитъ,—и въ такомъ смѣшномъ видѣ написалъ, что тотъ показывалъ многимъ изъ придворныхъ и наконецъ дошло до государя! Онъ изволилъ потребовать письмо, много смѣялся читая его и велѣлъ послать ему 4 тысячи рублей!—и притомъ сказалъ:„ пусть

еще напишеть такое письмо, и я еще ему пошлю денегъ“. Не знаю, правда ли это; потому что отъ него я ничего о семъ не имѣю“...

Изъ письма А. А. Трощинскому, 7 апрѣля 1846 г.

...„Послѣ того, какъ я къ вамъ писала, получила отъ сына моего коротенькое письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что все нездоровъ; и главная его болѣзнь, что онъ жестоко забнетъ въ такомъ тепломъ климатѣ, въ Римѣ,—бѣгаетъ, а не ходитъ, чтобъ согрѣться, и никакъ не помогаетъ ничто; даже писать не можетъ—руки коченѣють отъ холода. Видно онъ изнурилъ себя большими трудами, въ которыхъ проводитъ жизнь. Нѣтъ счастья на землѣ!“...

Изъ письма А. А. Трощинскому, 1 января 1847 г

...„На сихъ дняхъ я получила убійственныя письма отъ моего сына; первое, отъ 14-го декабря пущенное, съ приложеніемъ завѣщанія своего, при отъѣздѣ въ Палестину, куда онъ намѣревался отправиться въ половинѣ настоящаго января; а другое, 19-го того же мѣсяца, гдѣ онъ отлагаетъ еще свою поѣздку и общается написать, когда выѣдетъ. Онъ что-то издаетъ до отъѣзда своего, чтобъ могъ поклониться гробу Господню, такъ какъ онъ желаетъ; полагая выѣхать прежде, онъ издалъ какое-то сочиненіе, гдѣ есть и его исповѣдь, и воображаетъ, что я уже имѣю въ рукахъ его книги—одинъ экземпляръ вамъ, другой мнѣ и тѣмъ, кто молился о его выздоровленіи; но я о сю пору не имѣю этихъ книгъ. Онъ пишетъ, что онѣ пришлются изъ Петербурга и распоряжается такъ, какъ будто никогда не увидится съ нами. Завѣщаніе его раздираетъ мое сердце, тѣмъ болѣе, что онъ не пишетъ „на случай моей смерти“, а просто, по его смерти что должно намъ дѣлать. Видно тяжкіе труды, которые онъ всегда несъ для пользы неимущихъ, изнурили бѣдное его здоровье. Онъ приготовилъ много, назначая печатать послѣ смерти. Я слышала, что въ бытность свою въ Римѣ, государь спросилъ моего сына, почему онъ не печатаетъ своихъ сочиненій, и онъ отвѣчалъ, что цензура не пропускаетъ, а (онъ) не желаетъ ничего перемѣнить;

и онъ ему оказалъ: „я буду твоимъ цензоромъ“; но онъ самъ никогда никому ничего такого не пишетъ въ такомъ родѣ. Я полагаю, онъ и попросилъ государя напечатать по смерти своей; и еще на этихъ дняхъ я слышала отъ того человѣка, который читалъ княжны Варвары Репниной письмо, писанное ей петербургскимъ профессоромъ, который получилъ отъ сына моего письмо, чтобъ не считали сочиненій прежнихъ за его, а что только по возвращеніи изъ Іерусалима онъ будетъ издаваться“...

Изъ письма А. А. Трощинскому, 29 марта 1852 г., написаннаго вскорѣ послѣ извѣстія о смерти Н. В. Гоголя:

... „Горе меня снѣдаетъ, хотя я и стараюсь не показывать передъ дѣтьми моими, которыя и такъ неутѣшны: Аннинька горько плакала и слезы облегчали ее, но мы съ Олинкой не могли плакать и остаемся полубольныя. Получа это роковое извѣстіе пріѣхавши въ Полтаву, я не спала, не ѣла и не плакала нѣсколько дней, да и теперь не могу плакать, или, лучше сказать, душевно плачу, безъ слезъ, но остаюсь жить. Боже мой! чего не можетъ человѣкъ перенести!—Ко мнѣ начинаютъ писать изъ Москвы и разныхъ мѣстъ; прежде боялись отзывать, не будучи увѣрены, знаю ли я о моемъ несчастіи. Богъ и въ смерти прославилъ моего сына: онъ отошелъ въ лучшей міръ, какъ истинный христіанинъ; вся Москва плакала объ немъ, какъ одно семейство, и къ намъ они очень расположены, для того только, что мы его родные. Все бы это должно нѣсколько угѣшать, но скорбь матери невыносима. 10 мѣсяцевъ, какъ я его не вижу, и второй мѣсяць, какъ его нѣтъ на землѣ. Иногда мнѣ покажется, что онъ за границей, или гдѣ нибудь въ отлучеѣ, и когда вспомню, что его нѣтъ, то точно, какъ варомъ обдасть меня; или когда благодѣтельный сонъ иногда посѣтитъ меня, то какое ужасное пробужденіе!—Я не роптала на Бога, узнавъ о ударѣ, меня поразившемъ, а только умоляю Его, не отлучаться отъ моего сына ни на минуту, окружить его Своими ангелами и дать ему радости неизглаголанная“....

Кромѣ этихъ писемъ М. И. Гоголь, въ семейномъ архивѣ Трощинскихъ сохранилось слѣдующее письмо, написанное сыномъ ея, въ 1850 году, одному изъ полтавскихъ дворянъ, Алек-

сѣю Михайловичу. . . (?) и касающагося Дмитрія Андреевича Трощинскаго:

„Думалъ было еще съ вами повидаться, добрѣйшій Алексѣй Михайловичъ, и не удалось. А между тѣмъ имѣю къ вамъ убѣдительноѣйшую просьбу. Дѣло вотъ въ чемъ: не слѣдуетъ намъ, Миргородскимъ дворянамъ, выпустить изъ нашего уѣзда молодого Трощинскаго, котораго переманиваютъ въ Киевскую губернію и съ которымъ совѣтую вамъ познакомиться, какъ съ юношей, подающимъ добрыя надежды. Говорю это не вслѣдствіе какихъ нибудь родственныхъ отношеній, но потому что это мнѣ въ самомъ дѣлѣ такъ кажется. Намъ такіе дворяне нужны. Употребите всѣ усилія, и сами собою, и чрезъ знакомыхъ, и чрезъ Лувьяновича ¹⁾—словомъ: употребите всѣ добрыя движенія души вашей и всѣ отъ васъ зависящія способы, что бы въ наступающіе выборы избрать его въ депутаты по Миргородскому уѣзду, или иную должность по выборамъ, ему приличную, не связанную съ большими хлопотами и разъѣздами, что бы ему имѣть возможность быть, хотя въ началѣ, при больномъ отцѣ. Не забудьте, что онъ, какъ бы то ни было, внучъ того знаменитаго мужа, которому много обязана Полтавская губернія; по крайней мѣрѣ въ трудное время 1812-го года, когда дворянству нужно было сильное представительство, онъ не отказался принять на себя званіе губернскаго предводителя, не смотря на то, что, находясь въ должности министра, обремененъ былъ кучею дѣлъ и обязанностей ²⁾. Поэтому самому и намъ уже слѣдуетъ споспѣшествовать всѣми мѣрами его внуку въ благородномъ желаніи служить по выборамъ.

„Во всякомъ случаѣ, наша общая польза и выгода въ томъ, если должности по выборамъ будутъ заняты нашими лучшими фамиліями. Переговорите обо всемъ этомъ съ Лувьяновичемъ, подумайте сами и дайте мнѣ отвѣтъ въ Одессу. Весь вашъ Н. Гоголь“.

Въ заключеніе настоящаго очерка, редакція „Русской Ста-

¹⁾ Миргородскій предводитель.

²⁾ Очевидная ошибка. Съ 1809 по 1814 г. Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій не состоялъ на государственной службѣ.

рины“ долгомъ считаетъ выразить глубочайшую благодарность внучатному племяннику Д. П. Троцинскаго—Дмитрію Андреевичу Троцинскому за весьма обязательное сообщеніе фамильныхъ бумагъ и превосходнаго портрета достопамятнаго его дѣда; а Софіи Цезаріевнѣ Лопацкой за ту любовь и вниманіе, съ какими приведены ею въ порядокъ и заботливо обставлены замѣтками помянутыя бумаги.

Изъ этихъ бумагъ нѣкоторыя представляютъ несомнѣнно общій, историческій интересъ, а потому и будутъ помѣщены на страницахъ „Русской Старины“.

КНЯЗЬ А. Н. ГОЛИЦЫНЪ И АРХИМАНДРИТЪ ФОТІЙ

въ 1822—1825 гг. ¹⁾.

XXXIII ²⁾.

6 апрѣля. С.-Петербургъ.

Высокопреподобный отецъ Фотій, любезнѣйшій сердцу моему! что такъ долго не вижу писанія вашего? здоровы ли вы или можетъ занятія по постройкамъ мѣшаютъ. Я привыкъ часто получать пищу, вами приготовленную, то и голодаетъ душа моя, а ее надобно поддержать—мірскія суеты и занятія бумагами сушатъ оную, то и прошу не оставлять землю мою дурную воздѣлывать и отрывать въ ней источники живота, чтобъ она приближаясь къ днямъ страстей Господа нашего Иисуса Христа не столько суха была. Мнѣ хочется на страстной сей недѣли сподобиться причаститься Святыхъ Таинъ; помолитесь, да Господь очиститъ сердце мое и изведетъ изъ плѣна душу мою. Здоровье мое изрядно, но дѣла много. По отъѣздѣ директора департамента просвѣщенія еще болѣе на мнѣ легло: его послали доктора лѣчиться въ чужіе края; помолитесь за него, да Господь помилуется и исцѣлитъ его ³⁾. Спѣшу, чтобъ не опоздать на почту и для того коротко

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ изд. 1882 г., т. XXXIII, мартъ, стр. 765—780; т. XXXIV, апрѣль, стр. 205—222; май, стр. 427—442.

²⁾ Въ 1-й руц. № 29.

³⁾ В. М. Поповъ былъ особенно любимъ Голицынымъ. Когда, послѣ отставки Голицына, и онъ долженъ былъ оставить министерство Нар. Просвѣщенія, то князь далъ ему видное мѣсто въ почтовомъ департаментѣ, завѣдываніе которымъ было поручено Голицыну. Отданный подъ судъ по дѣлу Госнера, несмотря на то, что обвиненіе противъ него въ Сенатѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ велъ самъ новый министръ просвѣщенія, Шишковъ, Поповъ былъ оправданъ и дослужился до чѣна тайнаго совѣтника. Въ царствованіе Николая Павловича, вслѣдствіе дошедшихъ до Государя слуховъ объ истязаніяхъ, которымъ подвергалъ своихъ дочерей изъ побужденій хлыстов-

пишу, хотѣлось только о себѣ вамъ напомнить. Прося благословенія пребуду навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и любовію вамъ преданный слуга князь Александръ Голицынъ.

XXXIV ¹⁾.

С. Петербургъ. 13 апрѣля.

Христосъ посреди насъ есть и будетъ, сказалъ мнѣ отецъ Фотій много разъ, а я ему отъ всего сердца сказалъ: аминь, и тоже скажу и нынѣ.

Со всѣмъ тѣмъ не пишетъ ко мнѣ отецъ Фотій давно;—не знаю получу ли на сегодняшней почтѣ, желаю, ибо давно уже не имѣлъ сообщенія, къ которому ваше высокопреподобіе меня приучило. Сегодня молясь поутру пожелаю сердце мое послать къ вамъ одну изъ тѣхъ ваій, которыя мнѣ присланы были изъ Іерусалима и стоятъ въ моей молитвенной. Послѣ освященія моей домашней церкви всякій годъ къ вербной суботѣ кто нибудь приносилъ мнѣ таковую ваю—иногда богомолецъ, пришедшій назадъ изъ Іерусалима, иногда монахъ изъ Афонской горы,—иногда женщина, однимъ словомъ, у меня много было таковыхъ; желаю, чтобъ почта успѣла вамъ привезти сію ваю; въ субботу, въ воскресенье, кажется, можетъ поспѣть. Примите ее отъ меня въ любви, поздравляя ваше высокопреподобіе съ праздникомъ шествія Господа нашего Іисуса Христа въ Іерусалимъ; помолитесь, чтобъ Онъ вошелъ и въ мое сердце, но не для того, чтобъ я Его распиналъ, но чтобъ Онъ кровію Своею меня очистилъ и Духъ правый обновилъ во утробѣ моей, ибо я przygotowляюсь въ великій четвертъ приступить къ Божественной трапезѣ; помолитесь о мнѣ, въ сей день вѣроятно, вы священнодѣйствовать будете. Посылаю при семъ крестикъ Іерусалимскій. Благословенія испрашивая пребуду навсегда вамъ преданный сердцемъ князь Александръ Голицынъ.

Р. С. Если ваія руки ваши замараютъ копотью, то оное оттого, что стоя нѣсколько лѣтъ въ моей молитвенной отъ ладону она такова, но сія копоть есть чистая, яко отъ ладона происшедшая.

Я думалъ, что вы нездоровы и посылаю къ Портершѣ спросить не знаетъ ли чего она объ васъ, и она мнѣ сказала, что вы ей писали письмо, которое даже я и видѣлъ и сіе меня успокоило, но грустно мнѣ было, что я долженъ по городу собирать объ васъ свѣдѣнія, а самъ не получаю.

скаго изувѣрства, Поповъ былъ уволенъ отъ службы и высланъ изъ столицы. (См. Сушкова Записки о Филаретѣ стр. 78; Записки Панаева въ „Вѣсти Европы“ 1867 г. кн. 4, стр. 85).

Н. В.

¹⁾ Въ 1-й рукоп. № 30.

XXXV 1).

19 апрѣля. С. Петербургъ.

Высокопреподобне отче Фотіе! Я благодарю Господа, что у меня съ вами есть духовное сношеніе, уже нѣсколько разъ сіе случалось. 13 числа нынѣшняго мѣсяца на молитвѣ пришло мнѣ чувство, что надобно къ вамъ послать вѣтвь Іерусалимскую, которую у нихъ употребляютъ вмѣсто нашихъ вербъ, и съ коими и Спасителя встрѣчали. Итакъ, я послалъ по почтѣ въ тотъ же день, думая, что ежели ко всеобщей, то можетъ въ вербное воскресеніе получите; въ субботу же получаю отъ васъ письмо, именно о вѣяхъ вы ко мнѣ пишете; и потомъ получилъ еще письмо отъ 15-го о свидѣтельствѣ воскресенія чрезъ ваи, но изъ сего письма не видно, чтобъ получили вы мою Іерусалимскую ваю, ибо шли уже служить Божественную литургію, а объ моей посылкѣ ни слова. Дорога не хороша и почты опаздываютъ. Нужнымъ считаю вамъ сообщить, что со мною происходило при окончаніи сего письма съ четвертой недѣли въ воскресенье и потомъ я званъ былъ на освященіе церкви, а одну митрополитъ Серафимъ освящалъ въ институтѣ слѣпыхъ и такъ подѣйствовалъ на меня, что я былъ очень тронутъ и чувствовалъ, что онъ былъ силенъ благодатью Божіею. Послѣ присутствія на сихъ освященіяхъ я прошенъ былъ въ отцы крестные къ тремъ лицамъ, принявшимъ наше православное исповѣданіе: къ одному лютеранину, потомъ къ жиду молодому, нѣмому и глухому въ институтѣ у императрицы Маріи Феодоровны, а послѣ къ женщинѣ римскаго исповѣданія; мнѣ показалось сіе примѣчательнымъ; а страстную недѣлю говѣлъ и сегодня въ великій четвертокъ усподобился причаститься Божественнаго тѣла и крови Спасителя моего,—когда принялъ я сіе пречистое тѣло скверными устами моими, возвалъ сердцемъ моимъ къ Богу о царѣ и васъ, любезнѣйшій отецъ Фотій,—и молитва моя была къ Отцу, надѣясь на Сына Его единосущнаго, Который снизшелъ въ меня грѣшника и тѣломъ Своимъ и кровію во мнѣ пребывалъ и просилъ, чтобъ Онъ всегда меня не оставлялъ и оживлялъ для дѣла его Божественнаго и моего спасенія. Сестру мою духовную, а чадо ваше вспоминаю тутъ же и радость мою съ вами раздѣляю. Усопшихъ родственниковъ помню такъ же. О коль Господь милосердъ ко мнѣ, такъ утѣшительно было на сердцѣ моемъ и покойно внутри меня; коль возлюбленна селенія Твоя Господи! днесъ скончается душа моя въ дворы Господни—умереть захотѣлось тутъ, но да будетъ воля Господня. Созрѣть хочется и исполнить волю Его. Я къ вамъ пишу въ радости и веселіи—желаю и вамъ сего во времени и въ вѣчности

и да Господь исполнитъ васъ полнотою Духа Святаго, такъ чтобъ потоки благодати и на насъ грѣшныхъ и на всѣхъ ищущихъ спасенія пролились.

Когда получите мое письмо, то уже будетъ Свѣтлое Христово воскресенье, съ коимъ васъ поздравляю и прошу благословенія всѣмъ сердцемъ преданный князь Александръ Голицынъ.

P. S. Государю императору все прочелъ, что до него касалось, какъ то, что вы велѣли ему пересказать отъ васъ, такъ ж то, что вы мнѣ о царѣ писали; государь принялъ все милостиво и благодарить за ваше благословеніе; ему пріятно было видѣть и чувства, коими вы преисполнены.

P. S. Я писалъ къ графинѣ Орловой и спрашивалъ ее: начала ли она сбираться сюда; я знаю, что она долго готовится къ дорогѣ; она было обѣщала сего лѣта, кажется, пріѣхать, а какъ она пріѣдетъ, то и вамъ надобно будетъ тогда пріѣхать. Я чрезъ то выиграю для себя, ибо нигдѣ не такъ способно и столько время можно имѣть, какъ у чады вашей любезной. Какое-то особенное благословеніе бывало въ ея домѣ: тишина и спокойствіе какъ въ иноческой обители.

XXXVI 1).

Христосъ воскресъ! Высокопреподобный отецъ Фотій, да возрадуется душа ваша о Господѣ и возвеселится во вѣки!

Пѣнія сей недѣли, столь радостныя, слушавъ вчера у Божественной литургіи, мнѣ пришло на сердце, что чѣмъ началась сія радость: смертью Господа, надобно было Ему пострадать и умереть, а тамъ уже воскреснуть. Тоже и послѣдователямъ Его предлежитъ; сколько смертей надобно пройти, чтобъ достигнуть воскресенія. Человѣку трудно, но Богу все возможно, на него надѣюсь и на молитвы тѣхъ, кои любятъ меня о Господѣ и имѣютъ дерзновеніе молиться о грѣшникахъ. Въ семь чиселъ считаю я на васъ и прося благословенія пребуду на всегда вамъ всѣмъ сердцемъ преданнымъ въ Господѣ князь Александръ Голицынъ.

P. S. При семь посылаю къ вамъ Кіевскую службу на день преславнаго воскресенія Господня и вся седмицы на память обо мнѣ. Прошу мнѣ истолковать, что вы разумѣте о директорѣ департамента просвѣщенія, это точно Василій Михайловичъ Поповъ, онъ поѣхалъ лечиться и, кажется, много я писалъ вамъ, что мнѣ больше хлопотъ безъ него, но въ вашемъ отвѣтѣ я не выразумѣлъ, что вы хотите сказать.

1) Въ 1-й рукоп. № 32.

XXXVII ¹⁾.

1 мая. С. Петербургъ.

Во истину воскресел! воистину воскресел! Воистину воскресел! Коль радостно мнѣ привѣтствіе ваше преподобный отче Фотій! Коль любезно мнѣ цѣлованіе ваше о имени сладчайшаго Исуса Христа воскресшаго, коль утѣшительно мнѣ было получить писаніе ваше, что помянули меня отъ души въ столь великій день на литургіи. Господь къ вамъ милостивъ и, конечно, всегда слышитъ молитву вашу; а въ сей радостный день воскресенія, гдѣ небеса и земля радуются и веселятся, кажется мнѣ, что Господь Богъ еще, коли сказать можно смѣть, еще милостивѣе принимаетъ молитвы церкви и слугъ, Его любящихъ и ликующихъ, молящихъ о спасеніи рода человѣческаго; благодарю васъ сердечно за воспоминаніе меня въ столь тягостное для тѣла вашего служеніе, ибо послѣ седмицы страстей, длинныхъ молитвъ, поста и потомъ утрени и литургіи, меня грѣшнаго не забыли и воскресшему Спасителю поручили.

Господь да воздастъ вамъ сторицею Своею милостію и да обогатитъ васъ изъ вѣчной Своей сокровищницы. Благодарю и за яйцо бѣлое съ цвѣтами, яко знаменіе мира; ваши цвѣты у меня сохраняются какъ бѣлые съ маленькими розовыми головками и два розана, на которые излились многія ваши чувства для меня прелюбезныя и кои я вспоминаю съ удовольствіемъ и благодарностью; изъ живыхъ цвѣтовъ двухъ горшковъ: одинъ, гдѣ былъ розанъ, пропалъ, а гортенсія, большой цвѣтокъ съ розовой шапкою, тотъ пустилъ новые всѣ листья и теперь готовится распускаться цвѣтъ.

Мнѣ жаль, что податель письма вашего съ яйцемъ г-изъ Павловъ меня не засталъ дома, но я надѣюсь, что заѣдетъ на другой разъ. Предоброму и пресладкому (какъ вы назвали его) владыкѣ нашему Серафиму сказалъ, что вы отъ трудовъ не успѣли ему написать; онъ васъ очень любитъ, слѣдовательно и извинитъ. Такъ какъ вы мнѣ о немъ написали, то хочу вамъ по секрету сказать, что съ души его свалился большой камень; только прошу, чтобъ сіе осталось между нами: Пермскіе раскольники просили себѣ поповъ православныхъ съ тѣмъ, чтобъ они архіереями отпускались не возбранно и чтобъ даже могли выбирать кого захотятъ. По гражданскому правительству придумана была мѣра къ сему та, чтобы архіереи подъ видомъ миссіонеровъ, по требованію губернаторовъ, посылали поповъ, а раскольники ихъ бы оставляли у себя для исправленія требъ, ибо имъ бѣглые попы надоѣли по ихъ разврату и потому что не увѣрены были ихъ у себя сохра-

¹⁾ Въ 1-й рукоп. № 33.

нить. Сіе возложено было на митрополита исполнить; онъ долженъ бы былъ и съ архіереемъ Пермскимъ снестись и наставленіе дать. Преосвященный Серафимъ, увидя, что изъ сего послѣдствія будутъ гибельны для православія, а торжество для раскольниковъ и что все основаніе мѣры сей должно было основаться на тайнѣ,—какъ же могло сіе тайною сохраниться, когда черезъ губернатора бы пошла сія переписка и 150,000 раскольниковъ въ Сибири могли ли сохранить тайны да и пожелали ли бы? напротивъ разглашать бы стали, что церковь согласилась на какой-то изворотъ. Наконецъ, я примѣтилъ, что митрополитъ груститъ и мнѣ не открываетъ свое горе и въ одинъ день въ олтарѣ дворцовой церкви я къ нему приступилъ съ просьбою, чтобъ онъ мнѣ открылъ причину его огорченія и даже болѣзни, отъ того ему причинившейся. Онъ мнѣ тогда сказалъ, что онъ рѣшился ничего такого не дѣлать, что можетъ сдѣлать соблазнъ или вредъ церкви и что онъ лучше пойдетъ прочь, но не напишетъ къ архіерею Пермскому. Я его подкрѣпилъ въ его расположеніи, сказавъ ему, чтобъ онъ написалъ свое мнѣніе и что я покажу государю, увѣренъ будучи, что онъ согласится на его причины и избавитъ его отъ сего бремени. Такъ и случилось: государь вглялъ его бумагѣ и все дѣло было кончено, а министру внутреннихъ дѣлъ велѣно было объявить раскольникамъ, что они коли хотятъ, то могутъ просить на единовѣрческихъ правилахъ церквей, но не иначе. Слѣдовательно, дѣло сіе кончилось гражданскимъ образомъ, а митрополитъ и въ виду не остался, но вы не можете представить какъ онъ радъ былъ, ибо онъ свою совѣсть бережетъ, чтобы не проступить предъ Богомъ по занимаемому имъ высокому мѣсту; напишите мнѣ на сіе ваше мнѣніе.

Слухи о перемѣнахъ въ столицѣ дошли до васъ, но они до меня не касаются и состоятъ въ слѣдующемъ: министръ финансовъ просился въ отставку и уволенъ отъ министерства финансовъ; онъ оставленъ надъ кабинетомъ и министромъ удѣловъ. Министръ юстиціи, говорятъ, просился, то нѣтъ еще отвѣта. Князь Волконскій, начальникъ штаба, просился къ водамъ въ чужіе края и уволенъ до излѣченія, но онъ подлжно болѣвъ и возвратиться хочетъ въ сентябрѣ; его должность отправляетъ генералъ-адъютантъ Дибичъ. Министръ военный въ водяной и ѣдетъ въ водамъ, а мѣсто его занимаетъ генералъ комисаръ Татищевъ.

Мнѣ прибавилось болѣе дѣла отъ отъѣзда начальника главнаго штаба князя Волконскаго. Государь приказалъ мнѣ докладывать по придворнымъ вѣдомствамъ до его возвращенія; я хотя отговаривался, ибо истинно времени нѣтъ, но государь хотѣлъ непремѣнно и что только на время. Видно воля Божія, ибо я какъ ни желаю поменьше имѣть дѣла и охотно уступилъ бы большую половину своихъ дѣлъ, но напротивъ дѣлается. Я иногда думаю, что Господь что нибудь во мнѣ творитъ, да не хочетъ, чтобъ я то

видѣлъ и для того заставляетъ меня черную работу дѣлать; ибо я такъ ее называю противъ духовныхъ занятій, коимъ бы я желалъ болѣе предаться. Надѣюсь на Него премилосерднаго, что когда надобно будетъ, то можетъ и снять время мірское, чтобъ болѣе Ему послужить. Отъ сестры моей о Господѣ получилъ письмо изъ Ростова; она и не думаетъ въ Петербургъ; говоритъ, что нынѣшнее лѣто вы благословили ее на житіе въ Островѣ, а на зиму будущую что Богъ дастъ. Какое доброе письмо она мнѣ пишетъ; я всегда съ особымъ чувствомъ отъ нее получаю писанія: чистота сердца и смиреніе необыкновенное!..

Я уже записался и вамъ надобно; прощайте и благословите преданнаго вамъ сердцемъ покорнѣйшаго слугу князь Александръ Голицынъ.

XXXVIII ¹⁾.

Царское Село. 8 мая.

Высокопреподобне отче Фотіе! вчера уѣхавъ изъ С. Петербурга въ Царское Село, не знаю почта Новгородская привезла ли мнѣ отъ васъ письмо; но я имѣю нужду съ вами сообщиться сегодня, ибо хотя я всегда люблю васъ, но сего утра что-то сердце мое особенно съ вами соединено. Я читалъ маленькую псалтырь, которою вы меня благословили предъ отъѣздомъ своимъ въ лаврѣ августа 30-го дня, и такіе псалмы открылись мнѣ утѣшительныя и милосердыя, что разыгрался я сердцемъ своимъ и возлюбилъ васъ, прочтя надпись вашу на сей псалтырь: имъ же образомъ желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже. Съ симъ пѣніемъ святымъ цѣлуетъ тебя святымъ цѣлованіемъ о Христвъ Исусъ, чадо отца небеснаго навсегда убогій Фотій 1822 г. августа 30-го дня. И потомъ раскрылъ я псалтырь сію, начавъ письмо мое, чтобъ оттуда вамъ написать и открылось: Да возвеселятся и да возрадуются языцы, яко судиши людемъ правотою и языки на земли наставиши. Да исповѣдятся тебѣ людіе Боже, да исповѣдятся тебѣ людіе вси. Земля даде плодъ свой, благослови ны Боже, Боже нашъ. Благослови ны Боже и да убоятся Его вси концы земли. Аминь. Духъ псалтырный возбудилъ меня и писаніе изъ него почерпнулось, молитве Господа да укрѣпить меня силою Своею и да завладѣетъ совершенно волею моею, чтобъ я послушенъ былъ Ему, какъ овца Его, что бы зналъ я гласъ Его и на Него бы бѣжалъ, а чтобъ иногда, какъ слабую и хромую овцу, и на рамена Свои пречистыя взялъ. Теперь пришло мнѣ въ голову какой сегодня день—св. Іоанна Богослова—праздникомъ праздникъ ученика Христова возлюбленнаго, которой весь лю-

¹⁾ Въ 1-й рукоп № 34.

бовъ былъ и на персяхъ Спасителя удостоился лежать; въ сей день любовный духъ меня объѣмлетъ и заставляетъ къ вамъ писать. Царь нашъ слава Богу здоровъ. Прошайте и благословите вамъ преданнаго всѣмъ сердцемъ князь Александръ Голицынъ.

XXXIX 1).

С. Петербургъ. 29 мая.

Высокопреподобный отче Фотіе! Давно не писалъ я къ вамъ, истинно оттого, что лѣтомъ болѣе хлопотъ; дѣлъ у меня прибавилось, какъ я васъ извѣщалъ, послѣ отъѣзда князя Пѣтра Михайловича Волконскаго; придворныя дѣла ко мнѣ приступили до его возвращенія, т. е. бумажныя по всѣмъ частямъ дворскимъ, а къ тому переѣзды въ Царское Село, въ городъ съ Каменнаго Острова и обратно. Боюсь только, чтобъ суету сію не впускать въ сердце; молитвами вашими и тѣми, кои меня любятъ слуги Божіи, надѣюсь, что Господь поможетъ мнѣ.

Царю докладывалъ я въ прошедшую субботу и была у меня бумага о Юрьевскомъ монастырѣ, но до нее еще не доходило дѣло; я ему читалъ другія бумаги, какъ вдругъ онъ спросилъ,—что слышно объ архимандритѣ Фотіи? Я ему сказалъ, что я съ вами въ перепискѣ, а что вы теперь занимаетесь устройеніемъ погорѣвшія обители, и что я принесъ бумагу о испрошеніи милости для ея обители по представленію митрополита Серафима и потомъ когда прочелъ ему бумагу велѣлъ написать министру финансовъ, чтобъ съ будущаго 1824 года отпускалось на вѣчныя времена четыре тысячи рублей въ годъ Юрьеву монастырю. Я еще не успѣлъ написать къ митрополиту и васъ прошу къ нему не писать, что я васъ уже увѣдомилъ; ибо ему пріятно будетъ самому къ вамъ о семъ писать.

Возвращаю къ вамъ письмо прелюбезное моему сердцу господина, живущаго въ варваринѣ домѣ близъ Казанской;—мнѣ жаль, что я съ нимъ не познакомился; какъ нарочно все послѣднее воскресенье передъ переѣздомъ загородъ я долженъ былъ слушать обѣдню во дворцѣ, а онъ былъ безъ меня; ибо я по воскресеньямъ всѣхъ принимаю; однако я постараюсь его отыскать и назначу ему время. Благословенія прошу и пребываю на всегда сердцемъ вамъ преданный слуга князь Александръ Голицынъ.

XL 2).

Царское Село 8 іюня.

Высокопреподобный отецъ Фотіе! Давно не имѣлъ я удовольствія и на-

1) Въ 1-й рукоп. № 35.

2) Въ 1-й рукоп. № 36.

зиданія получать отъ васъ писемъ; занятія ваши и труды конечно тому причиню, и я также давно къ вамъ не писалъ за недосугами; но вы безъ моихъ писемъ можете обойтись, развѣ по любви вашей ко мнѣ пожелаете оныхъ, а я въ вашихъ писаніяхъ нахожу пищу духовную столь нужную для души, какъ яствы для тѣла. Сіи дни приготавлиаясь къ Троицыну дню и къ празднику Святаго Духа, въ который ежели Господь сподобитъ, желаю приобщиться Святыхъ Тавнъ, прошу васъ въ сіи дни попросить Милосерднаго Спасителя да отъ трапезы Своей святыя меня недостойнаго и грѣшнаго напитаетъ Своею кровію и тѣломъ оживитъ и любовь къ Нему единому направить.

Митрополитъ вѣрно вамъ далъ знать, что государь подписалъ уже указъ министру финансовъ, чтобъ съ 1824 года вѣчно отпускать по четыре тысячи на Юрьевъ монастырь; но и я долгомъ счелъ васъ о семъ извѣстить. Я государю сказалъ, что покуда вы въ Юрьевѣ монастырѣ, то недостатка по Божіей милости не будетъ, но для будущаго времени нужно сдѣлать нѣкоторый постоянный доходъ, такъ какъ монастырь по всѣмъ отношеніямъ знатный.

Поручая себя молитвамъ вашимъ и прося благословенія пребуду навсегда съ сердечною любовію о Господѣ вамъ преданный князь Александръ Голицынъ.

XLI.

Высокопреподобный отче Фотіе! Не видя изъ послѣдняго вашего письма, что вы отпраиваетесь въ Москву, я писалъ на прошедшей почтѣ къ вамъ въ Юрьевъ; вѣроятно письмо мое, ежели не возвратятъ назадъ, пошлется въ Москву; но вчера узналъ я отъ княгини Софіи Сергѣевны Мещерской, что вы уѣхали къ ней. Герардша пріѣхала изъ Москвы и сказала, что она заѣзжала въ Юрьевъ и не нашла васъ уже тамъ.

Надѣюсь, что и въ Москвѣ меня вспомните, хотя чадо духовное и займетъ васъ, но хотя коротенькое письмо напишите о здоровьи вашемъ и благополучно ли доѣхали до Москвы; также желаю знать къ которому времени будете обратно въ Юрьевъ, чтобъ я могъ такъ расположиться куда посылать мои письма. Послѣдній разъ, что я видѣлъ государя третьяго дня, я ему прочелъ то привѣтствіе и благословеніе, которое вы ему препосылаете; я отодралъ отъ письма и что до государя касалось ему прочелъ. Онъ велѣлъ очень благодарить васъ, а прежде того за день у меня спрашивалъ о васъ. Не смѣю болѣе васъ занимать собою, сестра моя о Господѣ чтобъ на меня не пѣняла, чего я не желаю, ибо люблю ее въ Господѣ очень.

Проя благословенія, пребуду на всегда вашего высокопреподобія усердный и преданный слуга ¹⁾.

XLII.

Каменный островъ 16 іюня.

Высокопреподобный отче Фотіе! Поспѣшаю обрадовать васъ—отецъ Апологъ изъ Казани будетъ переведенъ въ Новгородскую семинарію въ инспекторы. Мы сегодня имѣли засѣданіе въ комиссіи Духовныхъ училищъ и сіе положили, но еще журналъ не подписанъ. Я тайну канцелярскую выношу, но думаю, что не грѣхъ. Я очень радъ, что вы любимаго человѣка будете имѣть у себя часто, а и для него радъ, что онъ можетъ отъ васъ и чрезъ васъ получить. Господь все устрояетъ, Ему слава, честь и благодареніе.

Познакомился я наконецъ съ Павловымъ ²⁾, онъ былъ у меня и не заставлялъ дома; потомъ былъ нездоровъ, наконецъ уже условаясь во днѣ, я его просилъ пріѣхать на Каменный Островъ. Онъ мнѣ показался благочестивъ, и ежелибъ въ (немъ) и ничего другого не было, какъ любовь большая и уваженіе къ вамъ, то и сего для меня достаточно, чтобъ я его любилъ.

Письмо ваше тронуло меня несказанно и жаль васъ было человѣчески помышляя, но вы лучше знаете, что Богу угодно отъ васъ, и онъ конечно и пошлетъ силъ для перенесенія подвиговъ, которые Господь возложить на васъ. Опять что вы пишете о послѣднѣйшихъ изъ послѣднихъ временъ, въ коиъ мы живемъ, отдается мнѣ живо въ сердцѣ, и страшусь какъ мало мы думаемъ о семь. Господи помоги, аще и воздремлю, только чтобъ елея былъ, когда вопль услышенъ будетъ, что Женихъ грядетъ; о семь елея надѣюсь, что и вы мнѣ молитвами своими достанете онаго прежде пришествія Жениха, и одежду хочется чистую получить и изъ грѣшника окаяннаго и блуднаго сдѣлаться дѣвой обновленною и невѣстою Жениху сему. Надежда меня не оставляетъ, вѣра подкрѣпляетъ и оживляетъ, а любви прошу отъ всего сердца моего; сердце чисто созижди во мнѣ Боже и духъ правъ обнови во утробѣ моей, отъ тайныхъ моихъ очисти и грѣхъ юности не по-

¹⁾ Письмо это писано въ 1823 г. Въ этомъ году Фотій ѣздилъ въ Москву къ графинѣ Аннѣ Алек. Орловой-Чесменской просить у ней денежнаго вспоможенія на возобновленіе Юрьева монастыря и получилъ 30,000 р. деньгами, кромѣ разныхъ драгоценностей.

²⁾ Одинъ изъ близкихъ друзей Фотія, чиновникъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ св. Синодѣ. Существоютъ письма къ нему Фотія, наиболее интимныя и наиболее простыя по изложенію. Мы ихъ помѣщаемъ вслѣдъ за симъ.

Н. В.

мнѣ. Господу Иисусу Христу все возможно, Онъ меня создалъ, то и возсозиждеть, Онъ меня искупилъ безцѣнною кровію Своею, не ужали меня Онъ не услышитъ; а ежели и молитва не такъ чиста, то соединю ее со всѣми молитвами на небеси и на земли, она дойдетъ и Господь поможетъ мнѣ, и очиститъ и обмоетъ банею паки бытія. О коль пресладкое писаніе ваше было послѣднее, коль много въ немъ любви и помазанія. Елея у васъ много, сообщите мнѣ покуда время еще есть, да не придется Женихъ и не обрящеть мя унывающа.

Господь посреди насъ есть и будетъ во вѣки вѣковъ, аминь.

Владыкѣ я сказалъ, такъ какъ и онъ мнѣ поручалъ васъ уговаривать, чтобъ себя берегли, какъ вы объѣдаетесь зеліемъ—онъ засмѣялся, и что за зеліе, я чаю какіе нибудь огурцы. Господь да питаетъ васъ бранномъ Своимъ. Пришлите и мнѣ просвирку при первой оказіи, вынутую во время вашего литургисанія. Прощайте, благословите.

Р. С. Я не знаю, но хошу васъ спросить: просфора, изъ коей агнецъ вынимается для литургіи, дается ли когда мірянамъ и могутъ ли ее вкушать; ежели можно, то пришлите мнѣ оную, ежели нельзя, то пришлите такую, которую можно.

XLIII ¹⁾.

Каменный Островъ. 21 іюля.

Высокопреподобный отче Фотіе! благодарю васъ за послѣднее писаніе, изъ коего вижу, что послужа Господу въ безмолвіи, постѣ и молитвѣ, тотчасъ вспомнили послѣ и о мнѣ многогрѣшномъ.

Ваше предпослѣднее письмо было мнѣ нѣкоторымъ урокомъ, я все не привыкну любить людей сердцу моему любезныхъ духовнымъ образомъ и въ Господѣ,—я долженъ уже увѣренъ быть въ васъ и что основаніе нашей связи есть Господь нашъ Иисусъ Христосъ; но не получая отъ васъ писемъ, мнѣ что-то грустно было и для того я вамъ мѣшалъ въ томъ безмолвіи, которое драгоцѣнно для тѣхъ счастливецъ, которыхъ Господь къ себѣ призываетъ. Итакъ вы меня простите, видя мои побужденія, которыя съ помощію Божіей и молитвами вѣрныхъ слугъ Его очистятся отъ грубости своей и сдѣлаются духовные. Я такъ радъ былъ, получа то письмо, въ которомъ я ощущалъ по описанію вашему коль сладостное состояніе Господь вамъ послалъ за претерпѣніе разныхъ страданій, кои извѣстны одному Ему; только позвольте васъ при семъ попросить, чтобъ вы себя не столько

¹⁾ Въ 1-й рукоп. № 37.

изнуряли. Я вамъ пишу по словамъ владыки нашего и онъ скорбитъ, что вы плоть свою безъ милосердія ослабѣваете. Не осмѣлился бы я васъ уговаривать, чтобъ вы плоть вашу ублажали, ибо тогда вы мнѣ сказали бы: прочь отъ меня плотскій человѣкъ, не о горнемъ ты думаешь, но о земномъ; нѣтъ, не то я хочу сказать, и сохрани меня Господь, ибо хотя я не умѣю еще на дѣлѣ, но сердцемъ радуюсь о жизни отвлеченной отъ міра и суеты его; но все въ мѣру, чтобъ не остановить теченіе жизни отнятіемъ нужной пищи, нужнаго сна и нѣкотораго отдохновенія тѣлу, изнуренному всячески; простите меня, еще разъ васъ прошу, но примите мою просьбу ради Христа, который есть и будетъ посреди насъ.

Царю я сказалъ, что вы за него молились, благодаря Господа за посланное Имъ чрезъ Царя нашего пособіе обители вашей; онъ очень былъ тѣмъ доволенъ и къ вамъ благорасположенъ. Сестра моя о Господѣ пишетъ мнѣ, что дубъ и вѣтви шлетъ мнѣ по почтѣ, но еще ихъ не получалъ; однако благодарю отъ всего сердца;—у меня было желаніе послать къ вамъ цвѣты, надъ коими по милости Господней поплакалъ я о грѣхахъ своихъ въ Троицынъ день, и остановился, думая, что по почтѣ не дойдутъ и букетъ сей оставилъ у себя подъ образами. Благослови владыко! а я мысленно цѣлую вашу руку, пребуду навсегда вамъ преданный въ Господѣ усердный слуга князь Александръ Голицынъ.

Р. С. О Апостолѣ мы говорили съ владыкою и при нынѣшнихъ перемѣщеніяхъ совокупно будемъ стараться.

XLIV ¹⁾.

Царское Село. 10 августа.

Высокопреподобный отецъ Фотій! Не успѣлъ я получить ваше писаніе, чтобъ я не скорбѣлъ о неполученіи отъ васъ писемъ и чтобъ я потерпѣлъ, какъ получилъ отъ васъ пространное письмо, за которое благодарю какъ за все, что пишете, но когда не пишете я уже не стану пѣнять послѣ того, что вы мнѣ написали, что иногда въ молчаніи вы еще болѣе со мною соединяетесь и моленіемъ вашимъ польза мнѣ бываетъ болѣе, чѣмъ на письмѣ. Съ начала я пѣнялъ истинно по любви человѣческой, а васъ надобно любить въ Бозѣ какъ и всѣхъ и вся. О да будетъ Имя Господне благословенно, что Онъ мнѣ посылаетъ такихъ молитвенниковъ. Но влеченіе, которое я почувствовалъ съ перваго дня моего съ вами знакомства, доселѣ не измѣняясь, есть такого особаго рода, котораго у меня никогда ни съ кѣмъ до васъ не было. Я надѣюсь, что Господь Иисусъ Христосъ, который по-

¹⁾ Въ 1-й рукоп. № 38.

среди насъ есть и будетъ, еще часъ отъ часу очистить мою любовь къ вамъ и пошлетъ намъ единеніе твердое въ Немъ. Прочтя ваше письмо объ отступленіи отъ вѣры болѣзненно было моему сердцу и о себѣ и о братіяхъ моихъ христіанахъ; куда бы нужно, чтобъ пастыри наши думали и искали дѣлаться святыми, тогда Духъ Святой научилъ бы ихъ какъ и паству направлять на путь спасенія. Но сего (спасенія) слова нынѣ какъ бы боятся и что будто въ прежнія времена бывшіе святыя пастыри должны быть на иконахъ написаны, а живые считаютъ себя все недостойными. Кто можетъ быть достоинъ? Но Господь ищетъ желающихъ и просящихъ принять Духъ Его святой для исполненія Его воли и спасенія міра. Скорбь ваша объ уменьшеніи вѣры есть уже молитва, авось Господь услышитъ ее и разогрѣетъ сердца пастырей охладѣвшихъ и овецъ заснувшихъ, имѣющихъ нужду въ пажити духовной, а ихъ кормить дурманомъ, отъ котораго сонъ и болѣзнь. Господи Иисусе Христе, помози мнѣ и всѣмъ. Письмо ваше связано написано, но я его прочелъ, нѣсколько словъ не разобралъ, но разберу впередъ перечитавъ, а духъ письма сообщился и принять съ сердечнымъ чувствомъ желанія да исправить все Господь. Единъ Онъ можетъ исправить, ибо человѣчески судя, кажется, какъ невозможно все вывихнулось изъ своихъ мѣстъ на выворотъ и о спасеніи душъ понятія такія холодныя и сухія, что все сіе разогрѣть и оплодотворить Единъ Духъ святой можетъ. Но надобно его принять, а не отговяты. Буда трудно и въ дѣлахъ государственныхъ оставаться для спасенія; но вижу, что Господь меня не пускаетъ изъ нихъ выйти. Его воля свята и Онъ премудръ, можетъ сіи дѣла нужны мнѣ для очищенія и воспитанія моего. О да будетъ Его воля и да содѣлаюсь я чрезъ воспитаніе Его младенцемъ, способнымъ для царствія Его Небеснаго, молитвами вашими, коихъ прося, такъ какъ и благословенія, пребуду навсегда вамъ преданный сердечно во Господѣ покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

Р. S. Меня удивляетъ, что вы ничего мнѣ не отвѣчали о переводѣ Апологоса въ Новгородъ; я вамъ изъ Петергофа поспѣшимъ сообщить, думая, что васъ обрадую.

XLV ¹⁾.

С. Петербургъ. 17 августа.

Высокопреподобный отче Фотій! Последнее дѣйствіе ваше вчера при врученіи мнѣ цвѣтовъ было для меня примѣчательно и проникнуло въ глубину моего сердца. Я поѣхалъ, сохраняя слова ваши, что вы произнесли

¹⁾ Въ 1-й рукоп. № 39.

надъ цвѣтами и наконецъ, помогясь, легъ уснуть. Во время ночи просыпаясь нѣсколько разъ и все о томъ цвѣтѣ, который графиня вамъ принесла, не то что размышляя, но мысль сія какъ стрѣла влетѣла въ меня въ то время, какъ я только что просыпался. И все мнѣ отдавалось въ сердце, что сей цвѣтъ и съ плодами, о коихъ вы молились, долженъ я сохранить и вручить Христу Спасителю, кого я возлюблю болѣе Господа моего, а вы велѣли отдать цвѣтъ сей тому, кого я полюблю больше всѣхъ. Вы рекли между прочимъ: цвѣтъ облагодухая мя,—сіе говорится въ акафистѣ Спасителю. Однимъ словомъ залогъ сей драгоцененъ мнѣ; вы велѣли отъ пыли его сохранить, желаю и буду просить Господа да ми поможетъ, и васъ да употребить сдуть пыль, ежели нападетъ мнѣ несмотрѣніемъ. Я положилъ оба свертка съ цвѣтами въ шкафъ подъ образа; сего утра усмотрѣлъ я странное: хотя бумага была чистая, въ которую графиня положила цвѣты, но на томъ сверткѣ, гдѣ розаны лежали, вышло какъ бы начертаніе такое по крайней мѣрѣ похоже на А. и подлѣ слѣдуетъ Г., какъ бы глаголю.

Мое сердце пылаетъ ко Господу; поддержите молитвами вашими сей огонекъ и да просвѣтитъ Спаситель нашъ свѣтомъ лица Своего и во свѣтѣ Его да пойду.

Благословенія вашего высокопреподобія прося и цалуя вашу руку пребуду навсегда вамъ преданный во Господѣ всѣмъ сердцемъ князь Александръ Голицынъ.

Р. С. Сейчасъ поѣду въ Царское Село, а по возвращеніи просить буду свиданія нашего тройственного да Христось посреди насъ будетъ.

XLVI.

Каменный Островъ ¹⁾).

Высокопреподобный отче Фотіе! благодарю васъ за писаніе ваше въ день вашего Ангела, а меня простите, что васъ не поздравилъ, и память немного причиною и суеты передъ отъѣздомъ государя. Мнѣ тоже пришлось къ вамъ писать въ день моего Ангела; впрочемъ всѣ дни для меня равны и я васъ люблю и пишу охотно во всякое время, а не для праздниковъ. Писалъ я къ графинѣ, чтобъ она прислала бумаги списанныя, которыя вы хотѣли, исправя, мнѣ прислать.

Надѣюсь, что сестра моя духовная съ радостью то сдѣлаетъ. Я радъ буду ее видѣть здѣсь, только признаюсь, что желалъ бы лучше ее видѣть

¹⁾ Письмо безъ даты. Вѣроятно писано въ концѣ августа. Въ рукоп. № 1 оно стоитъ подъ № 40.

здѣсь лѣтомъ. У меня болѣе времени, чѣмъ зимою, но я надѣюсь, какъ прійдетъ, то проживеть и лѣто. Приписку вашу царю показывалъ или лучше сказать послалъ въ слѣдъ за нимъ въ дорогу для напутствія и благословенія.

Благословите и меня, пребывающаго навсегда во Господѣ вамъ вѣрнаго слугу князь Александръ Голицынъ.

XLVII ¹⁾.

11 сентября. Каменный Островъ.

Высокопреподобный отецъ Фотій! Давно не бесѣдовалъ я съ вами и не имѣлъ удовольствія получать отъ васъ пищи духовныя; но я не пѣняю, знаю, что не отъ недостатка источника, но отъ избытка иногда безмолвствую-емъ, и что иногда молчаніе сіе мнѣ полезнѣе глаголанія. Да будетъ имя Господне благословенно за вся; Христосъ посреди насъ есть и будетъ, чего мнѣ больше? а во время благопотребно надѣюсь, что не оставите меня голодати и жаждати. Каково здоровье ваше? строеніе ваше идетъ ли къ концу и чрезъ то суетъ вамъ меньше будетъ. Я переѣзжаю въ городъ 13-го сего мѣсяца; ежели Господь благословитъ молитвами вашими; лѣто протекло скоро въ суетахъ и заботахъ; въ декабрѣ 12-го числа и 50 лѣтъ стукнетъ, а въ духовномъ возрастѣ сколько-то лѣтъ? Мало кажется куда бы хотѣлось въ младенчество попасть, а ветхій мой человѣкъ молиться не хочетъ, а все рости; только и надежда на молитвы любящихъ меня Христа ради. О царѣ нашемъ извѣстіе имѣли послѣднее изъ Серпухова: слава Богу здоровъ и въ Москвѣ былъ доволенъ, сегодня въ Могилевской онъ губерніи въ Нов. Быховѣ. Прощайте намилосердѣйшій; благословите меня грѣшнаго и много васъ любящаго. Князь Александръ Голицынъ.

XLVIII ²⁾.

С. Петербургъ. 25 сентября.

Благодарю сердечно васъ, высокопреподобный отецъ Фотій! за утѣшеніе и миръ, мнѣ препосланный вами въ послѣднемъ вашемъ письмѣ. Я совершенно успокоился на счетъ присланныхъ мнѣ образовъ и мысль совѣмъ для меня новая, но вѣрная, ибо гдѣ по святому Евангелію не видно, чтобъ Господь сдѣлалъ въ темницѣ и нѣкогда было по писанію о страстяхъ Его,— я точно такъ сдѣлаю, какъ вы мнѣ совѣтовали: оба образа отдамъ въ бѣдноприходскую церковь. Тотъ же образъ, который я самъ заказалъ написать, представляетъ Господа не въ темницѣ, но довольно въ большемъ видѣ ниже

¹⁾ Въ 1-й рукоп. подъ № 41.

²⁾ Въ 1-й рукоп. № 42.

пояса въ терновомъ вѣнцѣ, со связанными руками, съ поникшею главою и хотя не въ темницѣ, но я послѣдую вашему совѣту и сей образъ отдалъ и именно той особѣ, по причинѣ которой я его велѣлъ списать; но надобно вамъ объяснить причину сего написанія мною образа: узналъ я, что Господь чудесно излѣчилъ одну дѣвицу и хотѣлъ я отъ самой исцѣлившей слышать повѣствованіе, и она мнѣ такъ рассказывала: дѣвица очень молодая, честная и живущая въ домѣ благочестивомъ въ отношеніи къ господѣ сего дома, которая дѣвицу сію по бѣдности взяла на воспитаніе. Дѣвица занемогла болѣзнію довольно чудною, лѣкаря не могли помочь, наконецъ сдѣлалась летаргія, въ которой лежала она кажется болѣе недѣли: ни пила, ни ѣла и глаза закрывши; вдругъ видитъ она у постели своей Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, лицо прекрасное, но въ страдательномъ видѣ съ поникшею главою и руки связаны веревкою; Господь взглянулъ на нее такимъ взоромъ милосердымъ, что она никакъ описать не можетъ и видѣніе сиемъ кончилось. Когда дѣвица пришла въ обыкновенное состояніе, открыла глаза и сказала хозяйкѣ дома, что она видѣла и съ сего дня здоровье въ ней было возвращено; дѣвица пожелала написать образъ согласно ея видѣнію и рассказавъ живописцу, поручила написать оный; живописецъ, занятый другою работою, замедлилъ принесеніемъ сей картины, такъ что прошло послѣ того болѣе мѣсяца. Дѣвица опять занемогла, но другимъ образомъ: нога ея стала сохнуть, потомъ начала вести ей ногу, такъ что ее должно было положить въ постель и потомъ до того сведена была у нее нога, что пяткою касалась до лядви, нога вся высохла и дѣвица пришла въ большое расслабленіе, многіе самовидцы мнѣ то рассказывали. Въ одинъ день она, закрывъ глаза, говоритъ хозяйкѣ дома: подайте образъ—спрашиваютъ: какой? Она отвѣчаетъ только: подайте образъ,—все забыла, что она заказала образъ ея видѣнія—она повторяетъ только: подайте образъ; наконецъ по нѣсколькимъ вопросамъ она выговорила: тотъ образъ, который велѣла она написать—посылаютъ къ живописцу, но къ огорченію всѣхъ находятъ у живописца одну доску, но ничего еще не было написано, и онъ извинялся недосугами. Возвращается посланный съ сиемъ извѣстіемъ, ей сказываютъ, и она повторяетъ, что ежели образъ не будетъ къ вечеру, то она должна умереть: примѣчали въ ней, что во весь день кровь поднялась у ней въ голову, краснота въ лицѣ и волненіе крови необыкновенное. Что дѣлать? написать маслянными красками какъ заказанъ былъ образъ не возможно въ нѣсколько часовъ: рѣшаются послать карету за живописцемъ, чтобъ его привести въ домъ и заставить на приготовленной доскѣ написать хотя углемъ, ежели только онъ помнитъ, какъ она ему рассказывала о своемъ видѣніи. Привозятъ живописца, онъ сказалъ, что помнитъ, и что ежели угодно углемъ онъ сдѣлаетъ образъ скоро,—когда такимъ образомъ готовъ былъ образъ, его поставили въ постель болящей предъ ея глазами. Она

тотчасъ начала молиться и при всѣхъ присутствующихъ начала чувствовать облегченіе отъ волненія крови, которая начала опускаться изъ головы ея, потомъ нога начала отходить (при семъ нужно сказать, что такъ сведена нога была, что нельзя было плотно пропустить между ногой и лядви) по немногу и наконецъ совсѣмъ выпрямилась и дѣвица стала здорова: нога пришла въ такое же состояніе, какъ и другая тѣломъ,—сухость прошла и теперь совершенно здорова; я ее видѣлъ: цвѣтъ лица самой здоровый и ходитъ безъ усталы. Я ее видѣлъ и слышалъ, какъ она все вышеописанное рассказывала съ большею простотою и чувствительностію; я ее спросилъ о чувствѣ, которое она должна была ощущать, видя Спасителя въ видѣніи и находила ли она какой образъ похожій на тотъ ликъ, который ей былъ показанъ,—она отвѣчала мнѣ, что въ вѣкъ не изгладится сей ликъ изъ ума ея и что она могла бы его нарисовать, ежели бы умѣла, но что ни одинъ ликъ изъ писанныхъ она не находитъ похожимъ и что почти не возможно по Божественности и красотѣ, но что немного похоже положенія тѣла и главы въ соборѣ Николы Морского. Я тотчасъ пожелалъ списать сей образъ по чувству любви—и человекъ любилъ такъ желаешь его портретъ имѣть, а Господа моего, Котораго ликъ нерукотворенный желалъ бы въ сердцѣ и вокругъ себя видѣть въ изображеніяхъ и во всемъ, въ чемъ можно. Вотъ причина, что сей образъ написанъ не въ темницѣ; со всѣмъ тѣмъ, получа вашъ совѣтъ, и расположился отдать сей послѣдний описанный мой образъ самой дѣвицѣ, отъ болѣзни исцѣлившейся, ей сіе будетъ пріятно. Забылъ еще вамъ сказать, что образъ, о которомъ я вамъ писалъ, что углемъ былъ обрисованъ, обложили серебряннымъ окладомъ и сохраненъ въ домѣ, а другой она написала съ того маслянными красками. Такъ какъ митрополитъ Серафимъ мнѣ сказалъ: кто ко мнѣ прислалъ два образа Спасителя въ темницѣ и хотѣлъ меня утѣшить тѣмъ, что человекъ сей не могъ быть значителенъ; то я митрополиту сказалъ, что вы ко мнѣ пишете въ отвѣтъ о томъ, что Спаситель никогда въ темницѣ не сидѣлъ,—сія мысль найдена имъ справедливою, но только онъ признался, что сіе ему никогда не приходило въ голову. Радуюсь, что отецъ Аполлосъ съ вами виѣстѣ; попросите и его обо мнѣ помолиться, хотя и лично незнакомъ съ нимъ.

Пролу благословенія пребывая на всегда вамъ преданный сердцемъ князь Александръ Голицынъ.

Р. С. Государь слава Богу здоровъ и ѣдетъ на свиданіе съ императоромъ австрійскимъ въ Буковину.

XLIX ¹⁾.

6 ноября С. Петербургъ.

Благодареніе воздавъ Господу, ибо всякій даръ свыше есть сходяій, а благословеніе есть великій даръ, которое мнѣ посылается чрезъ васъ, отецъ высокопреподобный, ликомъ Спасителя нашего Иисуса Христа. Господинъ Павловъ привезъ мнѣ сей ликъ въ день воскресенья, на другой день приѣзда царя въ день Іоаннікія великаго 4-го ноября, который былъ въ ереси иконоборческой и потомъ сдѣлался по благодати Господней великимъ святымъ: ликъ Спасителя нерукотвореннаго очень искусно написанъ и милостивый взоръ изображенъ, и вы мнѣ присылаете, взявъ въ темницу посаженнаго; благодарю васъ покорно. Павловъ рассказывалъ мнѣ о вашихъ строеніяхъ и порадовалъ меня, что процвѣтаетъ обитель ваша и виѣшно, ибо о внутренней ея красѣ я не сомнѣваюсь, ибо настоятель по известной любви его ко Господу, а слѣдовательно и къ душамъ ему ввѣреннымъ, готовъ положить душу свою за нихъ. Трудно такому пастырю, но труды таковыя пастырь любить, ибо то по волѣ Божіей, и плоды трудовъ такихъ есть рай на землѣ. О, счастливъ тотъ, кто живетъ только для Господа; даждь и мнѣ, Господи, узнать волю Твою и по ней жить. Сердце чисто созижди во мнѣ Господи и духъ правъ обнови во утробѣ моей; къ вамъ пишу, но вмѣстѣ и молюсь Господу; всегда почти писавъ къ вамъ нахожусь какъ-бы въ молитвѣ, ибо Христось среди насъ есть и будетъ: слава ему и благодареніе и поклоненіе во вѣки. Я къ вамъ образцовъ не пошлю; у васъ ихъ довольно, но позвольте-ли мнѣ прислать въ одинъ изъ новосозданныхъ храмовъ вашихъ, мнѣ присланный изъ Афонской горы крестъ рѣзной съ животворящимъ древомъ, и ежели вы согласны, то я не замедлю по полученіи отвѣта къ вамъ прислать. Я бы хотѣлъ, чтобы для памяти о мнѣ въ вашей обители былъ бы какой видимый даръ. Каково здоровье ваше? я слышалъ, что вседневная ходьба изъ обители къ умирающему архіерею дала вамъ простуду; но говорятъ согрѣла умирающаго любовью и молитвами вашими: хорошо съ вами и жить и умирать. Прося молитвъ и благословенія пребуду на всегда вамъ преданный сердцемъ князь Александръ Голицынъ.

Р. С. Царь приѣхалъ 3-го ноября въ Царское Село, а къ намъ въ городъ еще и не прибылъ.

Сообщ. Н. И. Барсовъ.

[Окончаніе слѣдуетъ]

¹⁾ Въ 1-й рукоп. № 43.

ВОСПОМИНАНІЯ АЛЕКСАНДРА ФИЛИПОВИЧА ФРОЛОВА

ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ Д. И. ЗАВАЛИШИНА.

VI 1).

Первое время пребыванія въ Читинскомъ острогѣ помѣщеніе наше по истинѣ было ужасно: въ небольшой сравнительно комнатѣ съ нарами помѣщались 16 человекъ, такъ что когда ложились спать, то на каждого не приходилось и аршина ²⁾. Нельзя было перевернуться съ одного бока на другой, не разбудивъ товарища. Если къ этой тѣснотѣ прибавить говоръ и бряцаніе цѣпей при малѣйшемъ движеніи, то будетъ очевидно, что занятій, а тѣмъ болѣе серьезныхъ, въ это время не могло быть. Такъ оно и было. Единственнымъ развлеченіемъ были шахматы, а по вечерамъ увлекательные рассказы Корниловича (издателя «Русской Старины» въ 1825 г.), изъ русской исторіи.

Въ сентябрѣ 1827 года, по окончаніи устройства временнаго помѣщенія (постоянное строилось въ Петровскомъ заводѣ) насъ размѣстили болѣе удобно. Нары замѣнились кроватями и только тутъ явилась нѣкоторая возможность чѣмъ либо заняться, хотя шумъ и бряцаніе цѣпей не уменьшились, но, по крайней мѣрѣ, каждый имѣлъ свой уголокъ. Пребываніе въ этомъ острогѣ оставило, вѣроятно, въ каждомъ самое отрадное воспоминаніе. Въ средѣ нашихъ товарищей были люди высокообразованные, дѣйствительно ученые, а не желавшіе называться только такими и имъ-то мы были обязаны, что время

¹⁾ См „Русская Старина“ изд. 1882 г. т. XXXIV, май, стр. 465—482.

²⁾ Подтверженіе въ Запискахъ Е. И. Якушкина, Басаргина и барона Розена. А. Ф.

заточенія обратилось въ лучшее, счастливѣйшее время всей жизни. Нѣкоторые, обладая обширными спеціальными знаніями, охотно дѣлились ими съ желающими. Такъ что получившіе воспитаніе въ тогдашнихъ кадетскихъ корпусахъ или дома на мѣдные гроши, имѣли полную возможность пополнить свои пробѣлы. Какъ на особенно выдающихся укажу на П. И. Борисова, работавшаго не менѣе 16 часовъ въ сутки. Онъ ложился въ одно время съ другими, но раньше его никто не вставалъ. Какъ бы рано не проснулся, а онъ уже сидитъ и работаетъ при огнѣ (исторія, философія). Безчасновъ, не знавшій французскаго языка, не только изучилъ его, но на поселеніи былъ преподавателемъ этого предмета въ Иркутскѣ и преподавалъ съ успѣхомъ.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи назвать тѣхъ дорогихъ соузниковъ, которые, дѣлясь своими знаніями, своимъ искусствомъ, не только учили, доставляли удовольствіе, но и были спасителями отъ всѣхъ пороковъ, свойственныхъ тюрьмѣ. Никита Мих. Муравьевъ, обладавшій огромной коллекціей прекрасно исполненныхъ плановъ и картъ, читалъ по нимъ лекціи военной исторіи и стратегіи. П. С. Бобринцевъ-Пушкинъ—высшую и прикладную математику. А. И. Одоевскій—исторію русской литературы. Ф. Б. Вольфъ—физику, химію и анатомію. Спиридовъ свои записки (Исторіи средн. вѣковъ) и многія другія какъ свои собственныя, такъ и переводныя статьи.

Музыканты наши Ѳ. Ѳ. Вадковскій (1-я скрипка), П. Н. Сви-стуновъ (виолончель), Н. А. Крюковъ (2-я скрипка), А. П. Юшневскій (альтъ) были вполнѣ артистами; они-то доставляли намъ по временамъ пріятное развлеченіе. Кромѣ ихъ были еще очень хорошіе музыканты: Ивашевъ, Одоевскій, Юшневскій (фортепіано). Игельштромъ (флейта).

Н. А. Бестужевъ снялъ почти со всѣхъ акварельные портреты, Н. П. Рѣпинъ и И. В. Кирѣевъ снимали виды, а Андреевичъ рисовалъ масляными красками.

Узнавши изъ записокъ Д. И. Завалишина о его профессорской дѣятельности и обширныхъ познаніяхъ по всѣмъ отраслямъ, приходится пожалѣть, что онъ не подѣлился своими познаніями съ товарищами, съ такою благодарностію принимавшими всякое сообщеніе, которое расширяло ихъ умственный кругозоръ.

Чтобы чище держать свое помѣщеніе, мы лѣтомъ въ хорошую погоду обѣдали во дворѣ. Д. И. Завалишинъ съ нами не обѣдалъ (пищу его составляли кедровые орѣхи по преимуществу), а гулялъ на томъ-же дворѣ съ отпущенной бородой, что было тогда диковиной, въ шляпѣ съ широкими полями и съ библіей въ рукахъ, чѣмъ

и обратилъ на себя вниманіе горнаго унтеръ-офицера, приносившаго намъ обѣдъ, который, передавая о жизни заключенныхъ женъ горнаго чиновника Смольяниновой, сообщилъ ей, что въ числѣ узниковъ есть святой человѣкъ, который не ѣстъ никогда скромнаго и всегда читаетъ душеспасительныя, божественныя книги. Г-жа Смольянинова, будучи сама женщиной религіозной, познакомилась съ Д. И. Завалишинымъ и тутъ же предложила ему невѣсту, свою младшую любимую дочь (свадьба состоялась черезъ 12 лѣтъ). Этотъ эпизодъ намъ рассказывалъ покойный И. А. Анненковъ, который пользовался особеннымъ расположеніемъ г-жи Смольяниновой, считавшей себя въ родствѣ съ нимъ. Упоминаю объ этомъ обстоятельстве, потому что оно имѣло огромное вліяніе на послѣдующую казематскую жизнь Д. И. Завалишина. Пока мы оставались въ Читѣ, онъ очень часто подъ разными предлогами уходилъ изъ тюрьмы и навѣщалъ свою невѣсту. Это было еще въ то время, когда насъ держали очень строго, а потому непонятно, почему Д. И. Завалишинъ нападаетъ на почтеннаго, всѣми любимаго и уважаемаго коменданта С. С. Лепарскаго. Если онъ посѣщалъ Смольяниновыхъ съ его разрѣшенія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что комендантъ давалъ льготы только тѣмъ, которые имѣли голосъ въ Петербургѣ. Если-же безъ его разрѣшенія, то это показываетъ, что снисходительностію Лепарскаго въ значительной мѣрѣ и болѣею, чѣмъ другіе, пользовался Д. И. Завалишинъ.

Кстати не могу умолчать и о себѣ. Я никогда не имѣлъ никакой руки, ни голоса не только въ Петербургѣ, но даже въ Иркутскѣ, и не смотря на это Лепарскій разрѣшилъ мнѣ устроить мастерскую внѣ каземата, гдѣ я и работалъ. Правда, при мнѣ постоянно былъ часовой, который болѣею частію спалъ. Однажды комендантъ вошелъ неожиданно въ мастерскую; я бросился будить часового, но онъ остановилъ меня, сказавъ:

— «Оставьте его, я знаю, что не онъ, а вы его караулите. Онъ усталъ, не спавши ночь».

Въ 1828 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ поступили въ нашу Читинскую тюрьму трое молодыхъ офицеровъ изъ Оренбурга. Они военнымъ судомъ приговорены были на каторжную работу какъ принадлежавшіе къ тайному политическому обществу. Мы отъ нихъ узнали, что нѣкто Ипполитъ Завалишинъ, младшій братъ того, который съ нами находился, 17 лѣтній юноша, воспитывавшійся въ инженерномъ корпусѣ и сдѣлавшій ложный доносъ на брата своего, по Высочайшему повелѣнію былъ разжалованъ въ солдаты въ Оренбургскій корпусъ. Прибывъ туда, онъ распустилъ слухъ между юнкер-

рами и молодыми прапорщиками, что разжалованъ и сосланъ за участіе въ дѣлѣ 14-го декабря, увѣрялъ, что существованіе тайнаго общества не прекратилось, и что онъ уполномоченъ вербовать членовъ въ тайное общество. Нѣсколько человекъ изъ нихъ уговорилъ онъ вступить въ вымышленный заговоръ, и взявъ съ нихъ росписку въ согласіи на его предложеніе, донесъ генераль-губернатору Эссену о существованіи тайнаго общества и представилъ списокъ всѣхъ членовъ, имъ же замеченныхъ. При допросахъ тотчасъ же обнаружилась злостная и безумная продѣлка Ипполита Завалишина. Его сослали на каторгу въ Нерчинскіе заводы на 20 лѣтъ, въ которыхъ на Кавказъ, а молодыхъ Дружинина, Колесникова и Тапикова въ работу на короткіе сроки, и по Высочайшему повелѣнію помѣстили въ нашу тюрьму. Какъ-же обидно намъ было узнать въ 1830 году, что этотъ несчастный Ипполитъ Завалишинъ, по просьбѣ брата своего, переводится изъ Нерчинскихъ заводовъ въ нашъ Петровскій казематъ. Личность его подъ именемъ Z подробно описана въ весьма интересномъ разсказѣ Василія Колесникова, изложенномъ В. И. Штейнгейлемъ и помѣщенномъ въ декабрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1881 года и въ январьской книгѣ изд. 1882 года.

Онъ велъ себя среди насъ также, какъ и въ описанномъ походѣ, пѣлъ и посвистывалъ проходя мимо насъ, не выказывая ничѣмъ ни малѣйшаго раскаянія, ни стыда, ни хоть сожалѣнія о молодыхъ людяхъ, которыхъ онъ погубилъ. Я шесть лѣтъ пробылъ съ нимъ въ одной оградѣ и при встрѣчѣ съ нимъ проходилъ, не обращая на него вниманія; также и всѣ поступали.

Нѣкоторые изъ насъ, изъ жалости къ его положенію, С. П. Трубецкой, И. Д. Якушкинъ, Е. П. Оболенскій, познакомились съ нимъ, выказали ему участіе, въ надеждѣ привести его къ сознанию его нравственнаго паденія, но безуспѣшно.

Находясь потомъ на поселеніи въ городѣ Курганѣ, онъ опять отданъ былъ подъ судъ и посаженъ въ острогъ за ложный доносъ, о чемъ Фонъ-деръ-Бригенъ извѣстилъ Ив. Ив. Пущина въ сохранившемся письмѣ. Неисправимая склонность къ доносамъ объяснима не иначе какъ особымъ родомъ монаманіи.

Впослѣдствіи я слышалъ, что онъ подвизался на литературномъ поприщѣ. Московское общество распространенія полезныхъ книгъ издало три тома его сочиненій подъ заглавіемъ «Описаніе Сибири». Кромѣ того появились въ печати «Эпопея тысячелѣтія Россіи» и другія произведенія его плодовитаго, хотя не искусства пера. Одна знакомая мнѣ дама, прочитавъ кое что изъ его сочиненій.

ній, говорила мнѣ, что въ нихъ выражается любвеобильная душа автора. Я не почелъ нужнымъ выводить ее изъ заблужденія, но заключилъ изъ этого случая, что еще труднѣе судить о сердцѣ чело-вѣка по его печатному, чѣмъ по устному слову.

Впрочемъ, почему знать, ему должно быть теперь 75 лѣтъ, если онъ только живъ. Опытъ жизни, съ помощію Божіею, можетъ быть неузнаваемо измѣнилъ его. Дай Богъ!

VII.

Въ 1830 году насъ перевели наконецъ въ постоянную тюрьму, въ Петровскій заводъ. Тутъ у каждаго была своя комната и можно было устроиться по своему желанію.

Въ Петровской тюрьмѣ общежитіе наше кончилось. Обѣдали мы по отдѣленіямъ въ своихъ корридорахъ, а потому и вмѣстѣ собирались гораздо рѣже. Здѣсь-же былъ выработанъ уставъ артели, какъ большой, такъ и малой. Еще въ Читинскомъ острогѣ Е. П. Оболенскій предложилъ всѣ деньги, которыя получались, какъ отъ казны, такъ и нѣкоторыми изъ дому, вносить въ общую кассу и расходовать на нужды всѣхъ, и сдѣлать такимъ образомъ всѣхъ равноправными собственниками общаго достоянія. Предложеніе это, не смотря на братскую готовность имущихъ дѣлиться съ неимущими, не могло осуществиться и было отвергнуто, такъ какъ между нами были женатые, семейства которыхъ жили отдѣльно на квартирахъ или въ собственныхъ домахъ. Но оно было первымъ поводомъ къ устройству артели въ Петровскомъ. Желаніе устроить нашъ бытъ возможно лучше и независимѣе по прибытіи въ Петровскій заводъ и просьба нѣкоторыхъ неимущихъ о пособіи правительства ускорили дѣло.

Комендантъ, всегда и вездѣ старавшійся о поддержаніи нашего достоинства, отнесся къ этой просьбѣ не благосклонно, но какъ лицо официальное прислалъ плацъ-маіора провѣрить заявленіе личнымъ опросомъ всѣхъ заявившихъ просьбу. Какъ только слухъ объ этой просьбѣ пронесся по каземату, то всѣ возмутились и до прихода плацъ-маіора уговорили отказаться отъ своего заявленія, а когда онъ пришолъ, то его просили передать генералу Лепарскому общую просьбу оставить это дѣло безъ послѣдствій, что очень порадовало старика коменданта. Тотчасъ-же И. И. Пущинъ, А. В. Поджіо и Ѳ. Ѳ. Вадковскій ¹⁾ взялись за составленіе устава артели,

¹⁾ Записки И. Д. Якушкина изд. 1870 г.

который и былъ ими выработанъ при общемъ содѣйствіи всѣхъ участниковъ, изъ которыхъ каждый могъ дѣлать свое предложеніе. Полный уставъ помѣщенъ въ запискахъ Басаргина («Девятнадцатый вѣкъ» томъ I стр. 149—161). Входить въ подробности этого устава не буду; желающіе могутъ прочесть его въ Запискахъ Басаргина. Уставъ большой артели дѣлалъ каждому неимущаго собственникомъ известной суммы, которой онъ могъ безотчетно располагать на свои нужды. На каждого въ годъ отчислялось 500 руб.; изъ нихъ приблизительно около половины назначалось въ хозяйственную сумму и расходовалось на продовольствіе, а остальные перечислялись въ частную (личную каждому) сумму и расходовались по усмотрѣнію владѣльца. Для тѣхъ, которые не пользовались общимъ столомъ, какъ напр. Д. И. Завалишинъ, всѣ 500 руб. зачислялись въ частную сумму. На образованіе всей суммы поступали деньги, отпускаемая на наше содержаніе и получаемая отъ продажи экономическаго провіанта, но главнымъ образомъ отъ взносов участниковъ. Всѣ холостые, получавшіе изъ дому до 500 руб., отдавали все сполна, а болѣе 500 р. по желанію, но не менѣе, какъ въ полтора раза больше того, что получали изъ артели. Многіе давали значительно больше. Нѣкоторые женатые, не пользуясь ни чѣмъ отъ артели, усиленно помогали этому учрежденію; такъ Муравьевъ и Трубецкой жертвовали отъ 2 до 3 тысячъ. Нарышкинъ, Ивашевъ, фонъ-Визинъ и Волконскій до 1,000 ежегодно.

Вообще какъ человѣкъ неимущій и пользовавшійся плодами этого благого учрежденія, съ полною благодарностію вспоминаю братское, истинно христіанское раздѣленіе богатыми товарищами своего имущества съ бѣдными, причемъ предлагалось все такъ простодушно, родственно, что отказаться значило оскорбить. Эти же чувства высказаны и въ запискахъ моихъ добрыхъ товарищей: Якушкина, барона Розена, Басаргина и А. П. Бѣляева.

Я помню, что разъ передъ годичною верхнеудинской ярмаркой оскудѣлъ въ Петровскомъ запасъ сахара; нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и я, въ виду установившейся дороговизны, отказались отъ чаю. С. П. Трубецкой, узнавъ объ этомъ, принесъ цѣлую голову сахару и чуть ни со слезами упрашивалъ насъ не подвергать себя лишенію, которое можетъ вредно повліять на наше здоровье. Онъ былъ олицетворенная доброта. Я понялъ, сколько бы его огорчилъ отказъ съ нашей стороны. Вотъ какъ вели себя у насъ богатые.

¹⁾ Якушкинъ, стр. 1599 „Русск. Арх.“ 1870 г., бар. Розенъ стр. 228: „Рѣшительно все дѣлили между собою: и горе и колѣйку“. Басаргинъ въ „Сборникѣ XIX-й вѣкъ“.

Конечно, не можетъ быть и рѣчи о томъ, что мысль устроить артель и осуществленіе этой идеи могло принадлежать только кому либо изъ богатыхъ, такъ какъ для этого требовалось дѣлать довольно значительныя ежегодныя вклады, что возможно было только имущимъ. Требовать же отъ нихъ этого никто не могъ, а если бы и нашелся такой, то едва ли бы его коммунистическія наклонности могли встрѣтить сочувствіе. Поэтому заявленіе Д. И. Завалишина, что онъ предложилъ, осуществилъ и даже былъ первымъ хозяиномъ—далеко отъ дѣйствительности. Хозяиномъ его избрали только въ 1835 году. Многіе отказывались отъ этой хлопотливой и неблагодарной должности, тѣмъ болѣе, что хозяинъ, добросовѣстно относящійся къ дѣлу, долженъ былъ отказаться отъ всякаго другого дѣла и занятія, что для многихъ было лишеніемъ и заставляло уклоняться отъ избранія. Д. И. Завалишинъ былъ избранъ по просьбѣ Е. П. Оболенскаго и А. В. Поджіо, желавшихъ сблизить его съ обществомъ.

Малая артель, имѣвшая цѣлью помощь отъѣзжающимъ на поселеніе, также возникла, благодаря старанію покойнаго И. И. Пущина, который управлялъ ею не только по выходѣ изъ каземата, но даже по возвращеніи въ Россію. Артель эта существуетъ и до сихъ поръ, подъ управленіемъ оставшихся въ живыхъ и дѣтей умершихъ и посильно помогаетъ нуждающимся какъ отцамъ, такъ и дѣтямъ. Основаніемъ для нея также были добровольныя вклады имущихъ и только въ незначительной степени каждаго изъ неимущихъ участниковъ, вносившихъ извѣстный процентъ участковой суммы. Но такъ какъ каждый отправляющійся на поселеніе получалъ больше, чѣмъ было имъ внесено, считая даже сложныя проценты въ жидовскихъ размѣрахъ, то очевидно, что избытокъ этотъ былъ возможенъ только при добровольныхъ взносахъ. Что было въ послѣдніе три года пребыванія въ Петровскомъ—не знаю, такъ какъ въ 1836 году выѣхалъ на поселеніе. Живыхъ свидѣтелей этого времени нѣтъ, а оставленныя записки пока не опубликованы.

Авторъ говоритъ (430), что онъ «артелью не пользовался, потому что вносилъ деньги полностью и пищу себѣ готовилъ на свои личныя средства».—Не бывши казначеемъ ни подтверждать, ни оспаривать этого факта не могу. Замѣчу только, что онъ не согласуется съ тѣмъ, что всеѣмъ извѣстно было о помощи, доставляемой С. П. Трубецкимъ брату его Ипполиту, когда послѣдній отказался отъ пособія изъ артели, потому что лишенъ былъ права голоса, какъ не причисленный къ членамъ ея. Изъ дома Трубецкихъ приносили ему каждый день обѣдъ и ужинъ. Если были у Д. И. Завалишина собственныя средства, то пользовался бы вѣроятно такими же и братъ

его и не нуждался бы въ помощи посторонней. Тутъ же сказываетъ авторъ, что отправляясь на поселеніе онъ не взялъ ничего изъ малой артели. Объ этомъ знали только товарищи наши, принадлежавшіе къ 1-му разряду и пробывшіе въ тюрьмѣ 12 лѣтъ, которыхъ уже нѣтъ на свѣтѣ.

По окончаніи срока въ 1839 году Д. И. Завалишинъ, по его просьбѣ, былъ назначенъ на поселеніе въ Читу, гдѣ и женился на дочери Смольяниновой.

VIII.

Въ 1869 году въ «Отечественныхъ Запискахъ» появились статьи С. В. Максимова: «Сибирь и каторга», въ которыхъ, между прочимъ, описана и наша жизнь. Но такъ какъ жизнь нашего каземата была искажена, то П. Н. Свистуновъ написалъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1870 года опроверженіе, указавъ источникъ, изъ котораго черпалъ свѣдѣнія г. Максимовъ. Та же необычайная дѣятельность одного изъ декабристовъ теперь появилась въ запискахъ Завалишина. Опровергать его поэтому я не буду, но пожалѣю только, что назначенный моимъ почтеннѣйшимъ товарищемъ П. Н. Свистуновымъ 10 лѣтній срокъ для печатанія ошибочныхъ свѣдѣній казематной жизни оказался недостаточенъ, и хотя Д. И. Завалишинъ выждалъ ровно 10 лѣтъ для печатанія своихъ записокъ, но Богу угодно было, чтобы мы, современники и соузники его, могли еще сказать слово, какъ объ авторѣ, такъ и объ его произведеніи.

Выходка противъ П. Н. Свистунова (вѣроятно за то, что онъ первый выступилъ съ обличеніемъ противъ увлеченій автора), не дѣлаетъ чести Д. И. Завалишину. Угрозы его и пятнадцать строкъ точекъ, замѣнившихъ вѣроятно бездоказательныя поношенія, недопускаемыя въ печати, изобличаютъ въ авторѣ непомѣрную злобу и жажду мести, столь несвойственныя христіанину, глубоко изучившему догматы вѣры и потратившему столько труда на свое нравственное воспитаніе.

Невольно приходитъ на память рассказъ братьевъ Крыловыхъ, ѣхавшихъ въ Сибирь въ одной партіи съ П. Н. Свистуновымъ и Д. И. Завалишинымъ. Изъ всѣхъ ихъ, только одинъ П. Н. Свистуновъ имѣлъ съ собой 1000 руб., остальные ѣхали ни съ чѣмъ и даже плохо для зимы одѣтыми. Утомленные непрерывной скачкой день и ночь, они просили фельдъегеря дать имъ нѣсколько часовъ на отдыхъ, но онъ не соглашался; тогда П. Н. предложилъ ему 200

руб. и фельдъегерь нашолъ возможнымъ остановиться ночью для отдыха на 4 часа ¹⁾). Опасаясь, что ихъ разъединять по разнымъ заводамъ, П. Н. раздѣлилъ оставшіеся 800 руб. на четыре равныя части и три изъ нихъ отдалъ спутникамъ, оставивъ четвертую себѣ. Это ли, Дмитрій Иринарховичъ, не христіанскій подвигъ любви! Онъ подѣлился по братски съ людьми, которыхъ до отъѣзда изъ Петербурга не зналъ, имѣя въ перспективѣ продолжительную каторгу, при неизвѣстности возможно ли будетъ получать что либо изъ дому! П. Н. и теперь не желаетъ подтвердить этотъ похвальный, достойный подражанія поступокъ, говоря, что «не помнить». Не за это ли братское чувство награжденъ онъ темными намеками и точками! Вѣроятно, опомнившись, самъ авторъ раскается въ недобромъ поступкѣ.

Стараюсь объяснить себѣ, почему авторъ, имѣя, по словамъ его, готовый матеріалъ для записокъ своихъ уже въ 1839 году, столько медлилъ печатаніемъ ихъ и почему на опроверженіе статьи Максимова, столь огорчившее его, болѣе 10 лѣтъ не отвѣчалъ? Не потому ли, что тогда многіе еще были живы, имѣли зрѣніе и рука ихъ послушно излагала мысли?

Теперь, конечно, всѣ стали стары, да и осталось насъ уже мало, а авторъ можетъ быть полагалъ, что никого нѣтъ въ живыхъ. Сообщу ему, что изъ I-го разряда въ живыхъ П. Н. Свистуновъ и я, IV-го—А. П. Бѣляевъ, V-го—баронъ Е. А. Розень, VII-го—Н. А. Загорѣцкій и VIII-го—М. А. Назимовъ.

Изъ I-го разряда живъ только одинъ М. И. Муравьевъ-Апостоль, который въ казематѣ не былъ. Изъ упомянутыхъ семи чело-вѣкъ, пять постоянно и давно живутъ въ Москвѣ и, насколько позволяетъ старость, навѣщаютъ другъ друга.

Одинъ Д. И. Завалишинъ ни у кого не бываетъ. Не могу обойти молчаніемъ разсказа его о посѣщеніяхъ жившихъ въ Москвѣ декабристовъ. Во время его прибытія въ Москву жили здѣсь: П. Н. Свистуновъ и Н. Д. Пущина. У перваго онъ не былъ, а второй сдѣлалъ лишь одинъ визитъ, но никогда не обѣдалъ. Подтвердить это можетъ бывшая воспитанница Пущиной П. Я. Мирбахъ, которая Д. И. Завалишина ни разу не видѣла, хотя находилась при покойной безъотлучно.

У сестеръ Бестужевыхъ бывалъ, и очень часто, но, задолго до возвращенія М. А. Бестужева, прекратилъ свои посѣщенія и при немъ

¹⁾ Изъ Тобольска повезъ ихъ полицейскій чиновникъ, но вскорѣ нагналъ фельдъегерь, чтобы взять Д. И. Завалишина и везти его одного.

не былъ ни разу ¹⁾, даже на похоронахъ его не былъ. П. С. Бобринцевъ-Пушкинъ, такъ много хлопотавшій о принятіи Д. И. Завалишина въ казематское общество, прожилъ почти годъ въ домѣ Пушкиной, у ней и умеръ, но Д. И. Завалишинъ живаго не навѣстилъ ни разу, а мертваго его не провожалъ. На похоронахъ Н. Д. Пушкиной такжѣ не былъ. У дочери Ник. Мих. Муравьева, Соф. Н. Бибиковой всего былъ разъ съ визитомъ. Наконецъ въ теченіи безъ малаго 20-ти лѣтъ пребыванія своего въ Москвѣ ни съ кѣмъ не видѣлся изъ казематскихъ товарищей, хотя пятеро изъ насъ давно поселились въ Москвѣ.

Не буду доискиваться причины, побудившей его прекратить всякое сношеніе съ тѣми, горькую судьбу которыхъ раздѣлялъ столько лѣтъ. Это его тайна. Но дивиться можно тому, что при его смѣтливости, онъ не подумалъ, что такое устраненіе себя отъ людей, коротко его знающихъ, могутъ истолковать не въ его пользу.

IX.

Не хватить у меня ни духа, ни силъ подробно перебирать всѣ показанія Д. И. Завалишина, требующія опроверженія; такой трудъ тѣмъ болѣе тягостенъ, что приходится высказывать человѣку на каждомъ шагѣ, что онъ вымыселъ выдаетъ за дѣйствительный фактъ; мягче этого я выразиться не умѣю. Не могу допустить преднамѣреннаго искаженія истины, систематически поддержаннаго въ продолженіи цѣлаго разказа. Несомнѣнно, что страсти помрачаютъ нашъ разумъ и бываютъ не безъ вліянія на память, но я того мнѣнія, что необузданное пылкое воображеніе, тревожившее автора, по его же сказанію, съ юныхъ лѣтъ, и въ старости не охладѣло и не улеглось. Оно одарено способностію превращать невидимое въ видимое, фантазію въ дѣйствительность и вывести человѣка изъ нормальнаго психическаго состоянія.

Никто не повѣритъ, что юноша двадцати съ чѣмъ-то лѣтъ, вступившій въ кругъ людей, незнакомыхъ ему и по извѣстнымъ причинамъ не довѣрившихъ ему, получилъ бы вдругъ право: «требовать отъ нихъ сохраненія нравственнаго достоинства» (421) и «чтобъ они не теряли время на пустыя занятія», обращаясь при томъ къ лицамъ многимъ старше его, снискавшимъ общее уваженіе и знавшимъ

¹⁾ Хотя Михаилъ Александръ Бестужевъ пять лѣтъ прожилъ въ Москвѣ.
Аф.

его прошлое колебаніе, или точнѣе сказать—отсутствіе убѣжденій. Между ними нѣсколько лицъ участвовали въ бородинскомъ дѣлѣ, многіе дѣлали кампанію 13-го и 14-го года, а М. С. Дунинъ былъ даже въ строю подъ Аустерлицомъ. Если бы онъ точно отважился на заявленіе подобнаго требованія, отвѣтомъ ему былъ бы взрывъ смѣха или совѣтъ обратиться съ увѣщаніями къ брату своему Ипполиту, который въ томъ очень нуждался. Если же бы вздумалъ выступить въ качествѣ наставника передъ лицами одного возраста съ нимъ, ему бы вѣроятно сказали: врачу, изцѣлился самъ,—но все это немислимо (стр. 419).

Комендантъ Лепарскій не могъ разрѣшить письменныхъ занятій, воспрещенныхъ намъ по данной ему инструкціи (430). Обыска на этотъ счетъ ни разу не производилось; но онъ сквозь пальцы смотрѣлъ на это отступленіе отъ инструкціи и при случаѣ говорилъ: «я не вижу». Писемъ и записокъ никому изъ насъ не писалъ. Имѣя право требовать насъ къ себѣ для объясненія и навѣщая насъ часто въ казематѣ, онъ, 80-ти лѣтній старикъ, не имѣлъ надобности утруждать себя письмомъ напрасно. Единственный случай, побудившій его взяться за перо—былъ отъѣздъ на поселеніе Ф. Б. Вольфа, искусству и попеченіямъ котораго онъ обязанъ былъ, какъ выражался, сохраненіемъ нѣсколькихъ лишнихъ лѣтъ земной жизни. На первой станціи отъ Петровскаго Ф. Б. Вольфа нагналъ посланный съ запиской отъ коменданта, въ которой онъ заявлялъ ему о своей признательности и дружбѣ. Непонятны ни мнѣ, ни кому либо изъ насъ выходки автора противъ коменданта Лепарскаго, который снискалъ нашу общую любовь и оставилъ по себѣ добрую память посреди жителей Читинскихъ и Петровскихъ. Никто изъ насъ въ казематѣ не подозревалъ скрытую ненависть автора къ Лепарскому, которой онъ никогда не высказывалъ. Проявленіе этой ненависти, въ настоящей его статьѣ, скорбно поразило насъ всѣхъ.

Касательно перевода всей библіи съ еврейскаго языка (426)—это такой подвигъ, которымъ бы онъ увѣковѣчилъ свое имя. Алтайскій миссіонеръ, прославившійся архимандритъ Макарій, посвятилъ 20 лѣтъ своей жизни на этотъ колоссальный трудъ. Когда св. Синодъ отказалъ ему въ просьбѣ напечатать свой переводъ, онъ отнесъ его къ москов. митрополиту Филарету съ просьбою сохранить его. Предположивъ въ Д. И. Завалишинѣ надлежащую ученую подготовку для такого труда и пользованіе благоприятными для того обстоятельствами, какъ то: надлежащею окружающею обстановкою, спокойствіемъ духа и удаленіемъ отъ житейскихъ заботъ и волненій, чтобъ всецѣло посвятить себя такому благому предпріятію въ продолженіи многихъ

лѣтъ и тогда, чтобы удостовѣриться въ совершеніи такого подвига, я бы желалъ услышать отъ человѣка свѣдущаго и достойнаго довѣрія, что онъ переводъ этотъ имѣлъ въ рукахъ, просматривалъ и убѣдился, что это не копія, а оригинальный переводъ съ еврейскаго. Такой простой способъ къ исцѣленію самаго упорнаго недоувѣрія всегда доступенъ автору и ему слѣдовало бы имъ воспользоваться, потому что всеобщее недоувѣріе въ этомъ случаѣ роняетъ его авторитетъ касательно всего имъ повѣствуемаго.

Во всей статьѣ, и особенно на стр. 428, онъ даетъ понять, что высокое его нравственное достоинство возбудило противъ него вражду его союзниковъ. Онъ не довольствуется этимъ огульнымъ осужденіемъ своихъ товарищей, но выставляетъ ихъ на поселеніи какъ утратившихъ свое нравственное достоинство и вслѣдствіе того погибшихъ. Что къ нему никто вражды не питалъ и что по сію пору никто изъ оставшихся въ живыхъ не злобствуетъ на него, я смѣло могу поручиться, но что онъ въ теченіи 12-ти лѣтняго пребыванія въ тюрьмѣ не приобрѣлъ ни одного друга — не съ кого ему взыскивать, какъ только съ самаго себя. Самый его рассказъ достаточно показываетъ, какъ авторъ мало способенъ испытывать или внушать дружеское чувство. Онъ упрекаетъ всѣхъ въ неблагодарности къ его заслугамъ. «Все, что касается до обезпеченія въ настоящемъ и по возможности въ будущемъ, всецѣло принадлежало мнѣ». Какъ бы онъ рѣшился сказать это нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда еще живы были нѣсколько десятковъ товарищей, которыхъ онъ пережилъ для того только, чтобъ ихъ позорить? И какъ это согласить съ тѣмъ отзывомъ о его союзникахъ, какъ «о людяхъ высшаго уровня тогдашняго образованія» (433) и что «всѣ науки имѣли въ казематѣ своихъ живыхъ представителей» (434). Неужели они для устройства казематной жизни, не головоломнаго кажись труда, не могли обойтись безъ содѣйствія Д. И. Завалишина и вынуждены были отрывать его отъ ученыхъ занятій, вымаливая у него пожертвованіе драгоцѣннаго времени, по неспособности самихъ къ малѣйшему занятію? Какъ этому повѣрить? Надо правду сказать: ни злобы, ни признательности не было никакого повода къ нему питать, потому что не имѣлъ онъ случая ни вредить кому либо, ни благодѣтельствовать.

Онъ говоритъ, что докторъ товарищъ Вольфъ (431) никому кромѣ его не довѣрялъ ночного дежурства при трудно больныхъ. Всѣ товарищи могутъ засвидѣтельствовать, что ни съ кѣмъ не былъ Ф. Б. Вольфъ такъ близокъ, какъ со мною. Мы въ одномъ корридорѣ и въ смежныхъ нумерахъ жили. Онъ мнѣ поручилъ завѣдываніе своей аптекой и составленіе лекарствъ по его указанію. Дружбу его я вы-

соко цѣнилъ, потому что, бывши многимъ моложе его, я пользовался добрыми совѣтами человѣка, высоко образованнаго и пріобрѣвшаго общую любовь попеченіемъ своимъ о всѣхъ нуждавшихся въ его помощи. При мнѣ опасно хворали всего пятеро изъ насъ: Пестовъ, который умеръ, П. С. Бобринцевъ, Пушкинъ, Арбузовъ, Швейковскій и Безчасновъ. Вольфу не нужно было призывать кого либо для ухода за ними, потому что всякій изъ нихъ имѣлъ друзей, которые сами на то вызывались, а Д. И. Завалишинъ не былъ изъ числа ихъ. Прибавлю мимоходомъ, что Ф. В. Вольфъ на поселеніи прославился своимъ искуснымъ и безмезднымъ леченіемъ въ Иркутскѣ и Тобольскѣ. Въ послѣднемъ городѣ, по просьбѣ преосвященнаго, читалъ лекціи о гигиенѣ въ тамошней семинаріи.

Что сказать мнѣ о письмѣ П. А. Муханова къ махихъ автора (426)? Желая утѣшить ее, онъ передаетъ ей слышанное имъ отъ ея пасынка объ изученіи еврейскаго и всѣхъ западныхъ и восточныхъ языковъ, сознавая при томъ, что онъ не судья въ этомъ дѣлѣ; но авторъ, вѣроятно, чтобъ придать болѣе авторитета лестному о немъ отзыву, возводитъ его въ ученую степень и провозглашаетъ замѣчательнымъ археологомъ. П. А. Мухановъ былъ добрый и умный человекъ, но простодушный, скромный, безъ тщеславія. Отъ почетнаго званія археолога онъ бы вѣрно отказался. Какъ литераторъ, онъ выказывалъ несомнѣнный талантъ. Повѣсти его, съ описаніемъ русскаго быта и правовъ нашихъ, представляли увлекательный разговоръ, но онъ себя за ученаго не выдавалъ. Не знаю въ чьихъ рукахъ остались произведенія его легкаго и даровитаго пера, но онѣ были бы цѣнной находкой для любого журнала.

Д. И. Завалишинъ, намѣреваясь опровергнуть все сказанное въ появившихся воспоминаніяхъ товарищей нашихъ и возбудить сомнѣніе въ ихъ достовѣрности, предупреждаетъ читателя (419), что онъ едва ли не одинъ вѣдь современныя записки. Положимъ, что дѣйствительно велись и сохранились эти записки; нельзя еще заключить изъ этого, чтобы его разговоръ былъ правдивѣе всѣхъ прочихъ. Выраженія, выставленныя имъ: «не помню», «кажется», «не могу съ достовѣрностію сказать»—касаются лишь мелкихъ подробностей и служатъ порукой добросовѣстности повѣствователя, не желающаго ручаться за то, что могло ускользнуть изъ памяти. Баронъ А. Е. Розенъ, повѣривши на слово Д. И. Завалишину, въ своихъ запискахъ поминаетъ о 13 языкахъ, имъ изученныхъ, не предполагая никакого хвастовства, будучи самъ въ высшей степени правдивымъ. Г. Максимовъ, напротивъ, въ статьѣ своей насчиталъ 8 языковъ.

Ни тотъ, ни другой не виноваты, почерпнувъ разнорѣчивыя свѣдѣнія изъ одного и того же источника.

Выскажу при этомъ мнѣніе мое о запискахъ товарищей моихъ, и въ чемъ расходятся онѣ съ воспоминаніями г. Завалишина. Во всѣхъ ихъ есть какъ бы сходственныя черты и нѣчто вселяющее довѣріе: никто изъ нихъ не выставляетъ себя на показъ въ ущербъ другимъ: рассказъ ихъ простъ и чуждъ всякой натяжки и лицепріятія. Не скрывается въ немъ никакой предвзятой мысли и тенденціозности; не обнаруживается ни малѣйшаго слѣда какого либо враждебнаго чувства, что составляетъ достоинство, всѣми цѣнимое и присвоивающее имъ характеръ истины.

Пора отдохнуть мнѣ отъ тоскливаго, скажу даже, скорбнаго труда. Тяжело на каждомъ шагѣ противорѣчить, обличать. Если бы самовосхваленіе Д. И. Завалишина не сопровождалось осужденіемъ моихъ товарищей, я бы почелъ неумѣстнымъ ему возражать; но мнѣ дорога память добрыхъ моихъ товарищей усопшихъ и потому безгласныхъ; я исполнилъ лишь, какъ умѣлъ, долгъ совѣсти и дружбы. А затѣмъ, когда настанетъ роковой часъ разлуки съ видимымъ міромъ и наступитъ время предстать передъ вѣчнымъ Судьею, отъ искреннаго сердца желаю Д. И. Завалишину, какъ и самому себѣ, покинуть земную жизнь безъ скорби, съ твердой надеждой на лучшую долю и съ чувствомъ любви и всепрощенія.

Александръ Филип. Фроловъ.

Москва.

12 февраля 1832 года.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ИНТЕНДАНТСТВА

ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ВОЕННОМЪ ОКРУГѢ

1864—1866.

II').

15-го сентября 1864 года открыло дѣйствіе окружное интендантское управленіе петербургскаго военнаго округа.

Послѣ обычнаго молебна, обратясь къ чинамъ окружнаго интендантства, въ присутствіи почти всѣхъ чиновъ, подлежащихъ отчисленію за штатомъ, я сказалъ:

— «Прошу васъ, господа, имѣть постоянно въ виду, что не армія существуетъ для интендантства, а интендантство для арміи; что первая и священная наша обязанность состоитъ въ заботѣ о томъ, чтобы армія никогда и ни въ чемъ не нуждалась. Мы должны стараться заслужить любовь, довѣріе и уваженіе арміи. Съ другой стороны, мы должны дѣйствовать только по закону; никто изъ насъ, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ дозволить себѣ отступленіе отъ закона».

Въ первые дни было такъ хлопотливо, такъ трудно, что мои сподвижники отчаявались, вынесутъ ли они это бремя. Дѣйствительно, за нѣсколько недѣль до упраздненія комиссаріатской комисіи и управленія оберъ-провіантмейстера, тамъ не дѣлалось, или почти не дѣлалось никакихъ исполненій по бумагамъ и по требованіямъ войскъ; сотни конвертовъ оставались не рас-

') См. „Русскую Старину“ изд. 1882 г., томъ XXXIV, май, стр. 499—524.

крытыми; дѣла велись въ страшномъ безпорядкѣ; намъ сдавали не дѣла, а груды неразобранныхъ бумагъ. Бухгалтерія была номинальна, разность между денежными счетами бухгалтерскими и казначейскими доходила до 880,000 рублей, а по вещевой бухгалтеріи разность между дѣйствительнымъ и бухгалтерскимъ состояніемъ вещей простиралась до 100,000 арш. холста и т. п.

Разборъ всего этого и въ то же время удовлетвореніе текущихъ потребностей войскъ требовали большой дѣятельности и усердія всѣхъ чиновъ. Присутствіе наше начиналось въ 10 часовъ утра и оканчивалось въ 3 часа дня. Скоро установился порядокъ, къ 10-ти часамъ никто не опаздывалъ и долѣе 3-хъ часовъ никто не оставался въ присутствіи; въ комнатахъ присутствія водворилась тишина, постороннимъ посѣтителямъ запрещенъ былъ входъ въ отдѣленія, а помѣщеніе приемныхъ комнатъ увеличено. Самъ я, въ первое время, кромѣ занятій въ интендантствѣ, занимался дома съ 5 до 11, до 12 часовъ и даже до 2-хъ часовъ ночи, а по утрамъ съ 6-ти, съ 5-ти и даже съ 4-хъ часовъ былъ уже за дѣломъ. Въ первое время самъ вскрывалъ всѣ конверты и это было необходимо, потому что случались странныя явленія: бумаги съ отмѣтками въ упрямственной комисіи или въ управленіи оберъ-провіантмейстера, вновь являлись въ интендантство, въ запечатанныхъ конвертахъ, или мнѣ попадались конверты отъ войскъ, въ самой столицѣ расположенныхъ, спустя два мѣсяца по ихъ отправленіи.—Въ первое время ежедневно поступало до 300 бумагъ, а съ разборомъ бумагъ, полученныхъ до 15-го сентября и не внесенныхъ даже въ журналъ, каждый день приходилось прочитывать до 500 входящихъ бумагъ; исходящихъ бумагъ было до 200 въ день. Спустя нѣкоторое время, когда дѣла пришли въ нормальное положеніе, всѣхъ входящихъ и исходящихъ бумагъ въ день было отъ 300 до 350 и рѣдко доходило до 400. По приведеніи въ извѣстность всѣхъ отдѣльныхъ управленій, учреждений и командъ, получавшихъ довольствіе отъ петербургскаго окружнаго интендантства, ихъ оказалось всего 501, кромѣ отдѣльныхъ лицъ, получавшихъ содержаніе изъ интендантства.

Усиленный трудъ не былъ бы тягостенъ, еслибы онъ совершался при спокойномъ состояніи духа, но, къ сожалѣнію, первое время моихъ занятій въ интендантствѣ было отравляемо

съ трехъ сторонъ: со стороны главнаго интендантскаго управленія, со стороны войскъ, и чиновниками, уволенными за штатъ.

Генераль-интендантъ Устряловъ умышленно или по привычкѣ писалъ ко мнѣ постоянно дерзкія бумаги, стариннымъ подъяческимъ тономъ; его вице-директоры или помощники подражали ему; каждая бумага, оттуда полученная, возмущала меня. Чиновники, оставленные въ главномъ интендантскомъ управленіи изъ прежнихъ комиссаріатскаго и провіантскаго департаментовъ, желали подчинить окружное управленіе своему вліянію, какъ бывало комиссаріатскую комиссію или управленіе оберъ-провіантмейстера, но это имъ не удавалось; я не только не обращалъ на нихъ вниманія, но запретилъ имъ доступъ въ отдѣленія моего управленія, безъ личнаго моего разрѣшенія, и они стали интриговать; они интриговали еще болѣе и потому, что сознали невозможность получать второе жалованье изъ подчиненной инстанціи; они видѣли, что часть ихъ пробилъ, что уже и комиссаріатскіе подрядчики и провіантскіе поставщики отшатнулись отъ нихъ, что и эти лица стали опираться на окружнаго интенданта.

Личная же моя переписка съ Устряловымъ обострилась до того, что надобно было рѣшиться на чтонибудь одно: или просить сторонняго посредничества, или самому сдѣлать уступку, и хотя, по буквальному смыслу положенія объ округахъ, окружной интендантъ лично не подчинялся генераль-интенданту, а только окружное управленіе административно подчинялось главному управленію, и я съ полнымъ авторитетомъ своего права могъ возражать на бумаги, обращенныя лично ко мнѣ, но предпочелъ испробовать мирное, домашнее, разрѣшеніе возникшихъ письменныхъ пререканій, и послалъ Устрялову частное письмо. Ни копіи своего письма, ни отвѣта Устрялова я не сохранилъ; я не берегъ ни одной записки, которая, попавъ мнѣ въ руки, лишній разъ напоминала бы Устрялова, но хорошо помню содержаніе обѣихъ писемъ: я писалъ ему мягко, дружески, употребляя эпитетъ въ срединѣ письма: почтеннѣйшій Федоръ Герасимовичъ, и говорилъ: «переписка въ такомъ тонѣ, какъ нынѣ ведется между нами, не можетъ продолжаться: она должна будетъ выйти наружу и потребуеть разбирательствъ со

стороны. Къ чему же это поведеть: если вы будете оправданы съ дисциплинарной точки зрѣнія, то много потеряете въ общемъ мнѣніи, что пользуясь правомъ старшаго, умышленно раздражали кандидата на свое мѣсто; если я буду оправданъ съ дисциплинарной стороны, то заслужу упрекъ въ малодушіи, въ не-терпѣіи скорѣе спихнуть то лицо, которое стоитъ мнѣ на дорогѣ. Я говорилъ, что ежеминутной опеки надъ собой ни въ какомъ случаѣ не допущу; докажу, что окружной интендантъ можетъ дѣйствовать самостоятельно, и меня болѣе всего удивляетъ то, что вы же сами составляли новое положеніе, не безъ душевнаго же участія къ дѣлу, и конечно вамъ, болѣе чѣмъ кому бы то ни было, желательно, чтобы духъ положенія осуществился, а я только и стремлюсь къ тому».

Устряловъ отвѣчалъ мнѣ въ тонѣ моего письма, что онъ съ своей стороны не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія огорчать меня въ служебной перепискѣ, что я рѣзкимъ тономъ своихъ бумагъ чрезвычайно увеличилъ его занятія, что онъ принужденъ былъ приказать, чтобы всѣ бумаги, идущія ко мнѣ, даже и тѣ, которыя должны идти за подписью только его помощниковъ, предварительно представлялись ему для просмотра; что онъ очень благодаренъ мнѣ, что я не отрицаю того, что успѣхъ интендантскаго дѣла близокъ его сердцу, болѣе чѣмъ кому бы то ни было, и что личная, откровенная бесѣда можетъ скорѣе и лучше выяснитъ дѣло.

Свиданіе состоялось въ половинѣ октября 1864 года.

Я, вечеромъ, пришелъ къ Устрялову; онъ очевидно притворился больнымъ, изнеможеннымъ, говорилъ отрывисто и самая бесѣда далеко не была задушевною, если не считать задушевностью высказанное Устряловымъ желаніе скорѣе добиться званія статсъ-секретаря и тогда засѣсть въ военный совѣтъ. Слова эти произнесены были съ обыкновенною оговоркою, чтобы онѣ остались между нами, но понятно, что задняя мысль въ нихъ и была та, чтобы я довелъ о томъ до свѣдѣнія Кауфмана или Милютина, чего однако я не сдѣлалъ. Это было первымъ и послѣднимъ частнымъ посѣщеніемъ моимъ Устрялова, въ его квартирѣ, а въ главное интендантское управленіе я и не заглядывалъ отъ учрежденія его до настоящаго времени; съ Устряловымъ же часто сходилъ, въ 1865 году, на пароходѣ; и онъ

и я въ томъ году имѣли дачи подъ Петергофомъ. Послѣ октябрьскаго свиданія служебныя отношенія наши пошли сноснѣе; въ бумагахъ изъ главнаго интендантскаго управленія измѣнился тонъ, но онѣ все-таки отзывались приказными, или старинными комиссаріатскими замашками.

Хотя Устряловъ и почитался творцомъ новаго положенія объ интендантскомъ вѣдомствѣ, но онъ видимо не хотѣлъ выпустить изъ своихъ рукъ исполнительную часть хозяйства: изъ 20 бумагъ, ежедневно получавшихся изъ главнаго интендантскаго управленія, по крайней мѣрѣ 5 поступало съ такими требованіями, которыя, по новому положенію, вовсе не касались до главнаго интендантскаго управленія и которыя могли парализовать дѣйствія окружнаго управленія, и это получалъ я, т. е. тотъ интендантъ, относительно котораго главное управленіе старалось держать себя какъ можно осторожнѣе; прочіе же интенданты, какъ мнѣ было положительно извѣстно, подобраны были къ рукамъ главнаго интендантскаго управленія точно также, какъ бывшіе управляющіе комиссаріатскими комиссіями и оберъ-провіантмейстеры. На борьбу съ Устряловымъ я смотрѣлъ, не какъ на личную вражду Устрялова съ Кренке, но какъ на столкновеніе старыхъ комиссаріатскихъ и провіантскихъ продѣлокъ съ новыми идеями интендантства. Борьба эта привела по крайней мѣрѣ къ тому, что Устряловъ и всѣ подчиненные ему по главному интендантскому управленію перестали смотрѣть на меня, какъ на бывшаго управляющаго комиссаріатскою комиссіею и, въ этомъ отношеніи, я сдѣлалъ большую пользу интендантскому дѣлу.

Столкновеніе съ войсками началось тоже изъ-за переписки; полки и команды обращались въ интендантство, какъ къ прежнему оберъ-провіантмейстеру; многіе отзывы отъ войскъ я возвращалъ начальникамъ дивизій съ указаніемъ статей закона, въ которыхъ сказано, что полки и команды не сносятся съ окружнымъ интендантскимъ управленіемъ, а доносятъ или представляютъ ему. Я имѣлъ въ виду возвысить въ войскахъ значеніе интенданта; хотѣлъ поставить себя такъ, чтобы воинскіе начальники уважали званіе интенданта. Эта борьба началась очень круто, но она велась съ людьми честными, благородными, которые скоро убѣдились, что я добиваюсь только законности

дѣйствій, что я не прикрываю старые грѣхи, не потакаю плутнямъ, а напротивъ, ищу помощи въ начальникахъ войскъ, ихъ дружнаго содѣйствія къ скорому и прочному водворенію новаго порядка, и потому наши, сначала какъ бы враждебныя, столкновенія скоро приняли самый дружескій тонъ, и личный и письменный.

Въ этой борьбѣ я очень много обязанъ Великому Князю Николаю Николаевичу. Его Высочество видимо и истинно поддерживалъ меня. Прежде всего я указалъ начальникамъ дивизій и доложилъ Великому Князю, что если попадаютъ въ войска дурныя мука и крупа, то въ этомъ виноваты сами войска. Вопреки закона, за пріемомъ провіанта офицеры-пріемщики не являются въ магазины; они пріѣзжаютъ только росписаться въ книгахъ, а провіантъ принимается ротными каптенармусами. Каптенармусы, прибывъ въ магазинъ, вступаютъ въ сдѣлку съ магазинными вахтерами—изъ какого стабеля принимать хлѣбъ, и тутъ начинаются торги; вахтера, смотря по достоинству хлѣба, предлагаютъ каждому каптенармусу отъ 1½ до 3 рублей и это повторяется каждый мѣсяць. Войска посылали въ магазинъ, за пріемкой провіанта, когда вздумается; чрезъ это въ иной день въ магазинѣ никого нѣтъ, а иногда сталкиваются пріемщики отъ разныхъ полковъ, всѣ безъ офицеровъ; тутъ дѣло доходитъ чуть ни до драки, кому прежде принимать; когда одинъ полкъ принимаетъ, то пріемщики отъ другихъ частей бродятъ по окрестнымъ харчевнямъ; иногда, прождавъ весь день, къ вечеру возвращаются въ казармы безъ провіанта и является ропотъ на интендантство.

Къ декабрю 1864 г. уже были объявлены въ приказѣ по войскамъ правила для пріема провіанта изъ магазиновъ и росписание войскъ и управленій по магазинамъ, съ обозначеніемъ дней и часовъ пріема. При этомъ я добился, чтобы какъ лично мнѣ, такъ и довѣренному отъ меня лицу, дозволено было пробовать въ войскахъ хлѣбъ и кашу и повѣрять качество провіанта, сложеннаго въ полковыхъ хранилищахъ. Изъ многихъ тогда личныхъ столкновеній, приведу нѣкоторыя:

Начальникъ артиллеріи генераль-адъютантъ Виладовъ вытребовалъ прогонныя деньги одному офицеру, куда-то командированному; затѣмъ пишетъ, что тотъ офицеръ заболѣлъ, вмѣсто

него назначенъ другой и на этого другаго требуетъ опять прогонныя деньги. Я конечно отвѣчаю, что на одну и ту же командировку двумъ лицамъ нельзя выдавать прогонныя деньги, когда одно лицо ѣдетъ взамѣнъ другаго. Вилямовъ обидѣлся, рѣзко пишетъ мнѣ, что интендантство само можетъ взыскать прогонныя деньги съ заболѣвшаго офицера, что бывшая комиссаріатская коммисія никогда не возражала ему, что, наконецъ, если онъ, ген.-адъютантъ Вилямовъ, требуетъ деньги, то требованіе законно, онъ самъ и отвѣчаетъ за свое требованіе. На эту бумагу, въ томъ же тонѣ, я отвѣчалъ, что если будетъ предъявлена мнѣ такая статья закона, которая повелѣвала бы выдавать ген.-адъютанту Вилямову все, что вздумается ему требовать, то я выдамъ все, что только находится въ моемъ распоряженіи. Вилямовъ сильно осерчалъ; въ пріемный день, съ этою перепискою, поѣхалъ во дворецъ жаловаться на меня Великому Князю, но его вразумили.

Бывшій начальникъ окружнаго штаба генераль-адъютантъ гр. Бревернъ Делагарди прислалъ мнѣ на бланкѣ форменную записку, въ которой назначилъ мнѣ день и часъ, когда я долженъ явиться къ нему, для объясненій по дѣламъ службы. Я собственноручно сдѣлалъ надпись на этой запискѣ, что въ назначенный часъ быть не могу, а если его сіятельству угодно видѣть меня, то онъ можетъ застать меня въ такіе-то часы въ интендантствѣ, а въ такіе-то часы на квартирѣ. Вскорѣ послѣ этого Великій Князь спросилъ меня, подчиненъ ли я начальнику штаба, по новому положенію? Я отвѣчалъ, что нисколько не подчиненъ, что въ командномъ отношеніи и онъ и я стоимъ на правахъ начальника дивизіи, а въ административномъ отношеніи я имѣю гораздо болѣе полномочій, чѣмъ онъ. Великій Князь ни слова не сказалъ.

Гнѣвъ генераль-адъютантовъ и особенно помощника Великаго Князя, по званію командующаго войсками въ округѣ, генераль-адъютанта Бюллера, который какъ предсѣдатель военно-окружнаго совѣта, былъ какъ бы начальникомъ моимъ. Дѣло было въ томъ, что при бывшемъ провіантскомъ вѣдомствѣ генераль-адъютанты получали фуражныя деньги отъ оберъ-провіантмейстера, но по цѣнамъ придворнаго заготовленія фуража. Изъ главной императорской квартиры ко мнѣ поступило требованіе на фу-

важныя деньги генераль-адъютантамъ почти за весь 1864 годъ; я отвѣчалъ, что могу отпустить деньги только по заготовительнымъ цѣнамъ интендантства; по интендантской цѣнѣ пудъ сѣна обходился тогда около 27 коп., а по придворной заготовкѣ около 48 к. Главная квартира возражала мнѣ, что генераль-адъютанты получали фуражныя деньги по придворной цѣнѣ не только во все нынѣшнее царствованіе, но еще и при Николаѣ I; я отвѣчалъ, что въ дѣйствіяхъ своихъ не могу основываться на преданія, а долженъ руководствоваться только прямымъ закономъ и просилъ, чтобы мнѣ доставили копію съ того высочайшаго повелѣнія, на основаніи котораго деньги слѣдуетъ выдавать по придворной цѣнѣ. Такого повелѣнія не оказалось, а Бюллеръ, при каждой встрѣчѣ, полушутя, пилилъ меня словами, что я охотникъ наживать себѣ непріятности. Это прекратилось при заявленіи моемъ, также полушутя, что слѣдовало бы войти съ представленіемъ о взысканіи вдвойнѣ всѣхъ денегъ, неправильно выданныхъ за прошлое время.

Чиновники, отчисленные за штатъ, а можетъ быть и состоявшіе тогда на службѣ въ главномъ интендантскомъ управленіи, распускали въ городѣ множество нелѣпныхъ слуховъ на мой счетъ. Приведу нѣкоторые:

Тогда интендантскій сюртукъ былъ одного покроя съ офицерскимъ и чиновникъ не могъ явиться по службѣ къ генералу въ растегнутомъ сюртукѣ. Одинъ чиновникъ изъ главнаго интендантскаго управленія явился ко мнѣ въ присутствіе по какому-то дѣлу въ форменномъ сюртукѣ на-распашку; понятно, я предложилъ ему выйти, оправиться и тогда уже доложить о своемъ дѣлѣ. И вотъ пошла молва, что я всякій день осматриваю всѣхъ своихъ чиновниковъ, выстрижены ли у нихъ волосы, въ порядкѣ ли платье и проч.

Передъ всѣмъ зданіемъ интендантства была дурная мостовая; я приказалъ ее поправить. Наняли подрядчика, сообщили въ полицію и, приступая къ ломкѣ старой мостовой, поставили рогатки, для прекращенія ѣзды по той сторонѣ улицы. Объ этомъ событіи, бывшій генераль-губернаторъ, въ пріемный день у себя, говорилъ такъ: «а вотъ до меня дошли интересные слухи: новый здѣшній интендантъ, чтобы его не развлекалъ

шумъ отъ ѣзды по мостовой, прекратилъ ѣзду мимо интендантства, приказавъ поставить рогатки, и тѣмъ стѣснилъ движеніе экипажей при театральныхъ сѣздахъ; надобно изслѣдовать это дѣло».

Однако я никакого запроса не получалъ.

Въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ Новгородѣ, въ разныхъ мѣстахъ прибита была пасквили, крупно написанная, печатнымъ шрифтомъ, слѣдующаго содержанія:

«Окружной интендантъ петербургскаго военнаго округа генераль-маіоръ Кренке, за 2,000 рублей, предоставилъ Устинову мѣсто окружнаго интенданта финляндскаго военнаго округа. Вы, Викторъ Даниловичъ, и генераль-маіора Брискорна называете многоуважаемымъ, это подло, низко».

При этомъ фамилія моя была написана крупнѣе, курсивомъ, чтобы рѣзче бросалась въ глаза.

Я мелькомъ слышалъ о ходящей пасквили, но содержаніе ея передалъ мнѣ Кауфманъ въ самыхъ послѣднихъ числахъ декабря 1864 года. Объ этой пасквили военному министру сообщилъ шефъ жандармовъ и Д. А. Милютинъ писалъ князю Долгорукову, что хотя это такая низкая клевета, на которую не стоитъ обращать вниманія, но необходимо прослѣдить откуда она вышла. Результата жандармскихъ изслѣдованій я не узналъ. И Милютинъ, и Кауфманъ полагали, что пасквили составлена однимъ изъ чиновниковъ, удаленныхъ за штатъ; оба они хорошо знали, что я не принималъ никакого участія въ назначеніи Устинова и никогда не интересовался этимъ. Слова же пасквили относительно Брискорна не имѣли никакого смысла; Брискорнъ былъ тогда московскимъ интендантомъ.

III.

1-го января 1865 года, на балу въ Зимнемъ Дворцѣ, военный министръ очевидно былъ доволенъ, что имѣлъ случай видѣться со мной и высказаться, что ему хорошо извѣстны всѣ мои дѣйствія, что онъ постоянно сочувствовалъ мнѣ, что онъ сознаетъ, что я на настоящемъ своемъ посту уже принесъ интендантству гораздо болѣе пользы, чѣмъ могъ бы сдѣлать въ званіи помощника Устрялова, что въ самомъ важнѣйшемъ ок-

ругѣ въ Россіи, я поставилъ интенданта на такую высоту, что остается только желать, чтобы преемники мои удержались на этой высотѣ; что мнѣ, конечно, очень много помогли отношенія мои къ Великому Князю, но что другой не сѣумѣлъ бы ими воспользоваться съ такою пользою для дѣла и въ такое короткое время.

Д. А. Милютинъ вообще былъ очень доволенъ началомъ моего интендантскаго поприща, а я, понятно, еще болѣе былъ доволенъ, что успѣлъ заслужить одобреніе не только военнаго министра, но и лично Милютина; я всегда былъ и останусь почитателемъ Д. А. Милютина и впоследствии истинно радовался пожалованію ему графскаго титула; но, отдавая дань уваженія гр. Милютину, долженъ буду отдать и дань правдѣ.

Вyslушавъ похвалу себѣ, я скромно отвѣчалъ, что по мѣрѣ ознакомленія съ интендантскимъ дѣломъ, болѣе и болѣе убѣждаюсь, что интендантству еще многого недостаетъ; что прежде всего надобно уничтожить канцелярскія тайны; уничтожить секретныя цѣны, которыя служатъ секретомъ только для честныхъ людей, а для продувныхъ мошенниковъ онѣ не составляютъ секрета, и освѣжить составъ интендантскихъ чиновъ въ высшемъ управленіи; но на придворномъ балу бесѣда не можетъ быть продолжительна, особенно когда между разговаривающими былъ военный министр, и слѣдовательно развитіе идей объ интендантствѣ пришлось отложить до другаго болѣе удобнаго случая.

Ободренный словами министра въ самомъ началѣ 1865 года, я въ этомъ году былъ утѣшаемъ съ другихъ сторонъ, болѣе мнѣ близкихъ и болѣе дорогихъ, чѣмъ похвала начальства. Мои ближайшіе сослуживцы постепенно переставали смотрѣть на меня, какъ на волка, пришедшаго изъ лѣсу, стали понимать меня и сочувствовать мнѣ, стали открывать мнѣ глаза на такіе уголки, куда я и не заглядывалъ, стали объяснять мнѣ заднія мысли многихъ бумагъ, получаемыхъ изъ главнаго интендантскаго управленія; я болѣе и болѣе ознакомливался съ интендантскими трущобами, съ интендантскими уловочками. Въ публикѣ я также нашелъ большое сочувствіе и содѣйствіе; не только знакомые, но и видѣвшіе меня въ первый разъ изъясляли мнѣ сочувствіе и передавали, что было имъ извѣстно и что мнѣ было полезно знать; я сталъ получать множество пи-

семь, въ которыхъ указывались разныя злоупотребленія по подвѣдомымъ мѣстамъ; хотя въ письмахъ указывались только одни факты и письма были очевидно благонамѣренныя, но къ сожалѣнію, я не многими указаніями могъ воспользоваться, большинство писемъ были безыменныя, которыя я уничтожалъ безъ всякаго разслѣдованія по нимъ.

Только четыре письма были именные, и странно—письма отъ разныхъ лицъ и съ разныхъ мѣстъ, но почти одинаковаго содержанія: сочувствуя моимъ стремленіямъ и желая пособить мнѣ въ искорененіи зла, указывается то и то, а въ заключеніе говорилось, что если всѣ показанія оправдаются, то просятъ уничтожить письмо; если же показанія не оправдаются, то предоставляютъ дѣйствовать по моему усмотрѣнію, или вызвать составителя письма для личнаго объясненія, или потребовать письменнаго объясненія. Всѣ четыре указанія оправдались, именно:

Купецъ съ Калашниковой пристани, никогда не имѣвшій дѣла съ казной, но со стороны наблюдавшей за казенными поставками, указывалъ, что смотритель Рожковскаго провіантскаго магазина дѣлаетъ ужъ черезъ чуръ непозволительныя вещи: онъ продавалъ на сторону лучшій овесъ изъ магазина, а скупалъ на Калашниковой пристани овсянную мякину и эту мякину прибавлялъ на $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ на каждый кулъ овса. Эта смѣсь складывалась въ тѣ стабелы, на самое видное мѣсто, гдѣ обыкновенно лежитъ лучшій овесъ. Все оправдалось и смотритель былъ отданъ подъ судъ.

Почтенный новгородскій помѣщикъ писалъ, что новгородскій провіантскій магазинъ раздѣлялся на двѣ неровныя части рогоженной занавѣской или перегородкой, что въ передней, болѣе-шей, половинѣ находится провіантъ и хорошій, и полухорошій; а въ задней половинѣ, за рогоженной перегородкой, сложенъ самый дурной провіантъ, но кули съ хлѣбомъ прикрыты пустыми кулями и все то отдѣленіе, при ревизіяхъ, слыветъ за складъ пустыхъ кулей, а между тѣмъ войскамъ выдаютъ провіантъ только изъ того задняго отдѣленія. И это оправдалось; смотритель былъ уволенъ отъ службы.

Отставной офицеръ, жившій въ Литейной части, указывалъ, что въ такой-то батарее 1-й гвардейской артиллерійской бригады

постоянно хлѣбъ и каша бывають отвратительны, особенно дурной провіантъ принять такого-то числа изъ Воскресенскаго магазина, изъ такихъ-то стабелей. И это оправдалось.

Офицеръ изъ Царскаго Села писалъ, что въ такомъ-то эскадронѣ л.-гв. гусарскаго полка провіантъ особенно не хорошъ; послѣдняя пріемка была изъ такого-то стабеля. И это оправдалось.

Въ первыя три мѣста я посылалъ довѣренныхъ лицъ, а въ Царское Село самъ ѣздилъ. Всѣ четыре письма, по желанію авторовъ, были уничтожены, но передъ тѣмъ, признаюсь, справлялся, дѣйствительно ли живутъ такія лица по указаннымъ адресамъ, и это оправдалось. По послѣднимъ двумъ указаніямъ выяснилось, что не столько были виноваты смотрители провіантскихъ магазиновъ, какъ войсковые каптенармусы, входившіе въ сдѣлки съ магазинными вахтерами. И тутъ обнаружилось новое вѣяніе; въ былое время провіантское вѣдомство желало какъ нибудь потушить ропотъ или жалобу войскъ на дурной провіантъ, а при мнѣ, частные начальники войскъ, напротивъ, просили интенданта не доводить до высшей власти обнаружиться злоупотребленіямъ по продовольствію солдатъ; частные начальники обѣщали мнѣ, что сами искореняютъ зло.

А Устряловъ зорко слѣдилъ за мной. Расскажу забавный случай: одинъ изъ старшихъ чиновниковъ главнаго интендантскаго управленія, при докладѣ Устрялову своего дѣла, между прочимъ жаловался на своего младшаго, подчиненнаго чиновника, отбивающагося отъ его рукъ. Устряловъ отвѣчаетъ: «ну, вашего-то подчиненнаго можно подтянуть, а вотъ у меня есть подчиненный, указывая на меня; такъ тотъ не только отбивается отъ рукъ, но вовсе не признаетъ меня своимъ начальникомъ, и некому жаловаться на него». Докладчикъ указываетъ на военнаго министра и Великаго Князя. Устряловъ говоритъ: «да, хорошо говорить жаловаться военному министру, когда министр на балу во Дворцѣ самъ подходитъ къ Кренке, — мнѣ положительно извѣстно, что Кренке стоялъ въ тѣни; что министр самъ отыскалъ его и долго бесѣдовалъ съ нимъ, — а во Дворецъ Великаго Князя, да мнѣ и дороги туда нѣтъ, а Кренке тамъ принимаютъ; мнѣ вѣдь извѣстно, что мѣсяца два назадъ, былъ какой-то тамъ семейный праздникъ; всѣ поѣхали съ по-

здравленіемъ и всѣмъ отвѣтъ: «нѣтъ, говорятъ, приѣма, только Кренке, да Кауфмана принимаютъ». Это послѣднее показаніе Устрялова дѣйствительно справедливо: 10-го января, въ день рожденія Великаго Князя Петра Николаевича, я, по обычаю, пришелъ во Дворецъ съ поздравленіемъ, въ 10 часу утра; со мной вошли въ сѣни еще генераловъ пять и швейцаръ сказалъ намъ, что Ихъ Высочества не изволятъ принимать, только Ея Высочество приказала принять меня и К. П. Кауфмана. Кауфманъ, какъ бывшій начальникъ штаба Его Высочества, былъ какъ бы домашній человѣкъ, а меня Великая Княгиня стала знать съ первыхъ дней своего супружества, когда я былъ командиромъ учебнаго сапернаго баталіона и начальникомъ канцеляріи Его Высочества. Но какъ Устряловъ узналъ объ этомъ приѣмѣ, не понимаю. Я же узналъ о настоящемъ разсказѣ Устрялова совершенно случайно: докладчикъ Устрялова начиналъ тогда ухаживать за одною особою, ухаживаніе кончилось впоследствии счастливымъ бракомъ, а та особа дружески была знакома съ однимъ родственнымъ мнѣ семействомъ.

2-го апрѣля назначено было собраніе комисіи, учрежденной военнымъ министромъ, подъ предсѣдательствомъ Кауфмана; членами комисіи назначены были: Устряловъ, я, вице-директоръ канцеляріи военнаго министерства генераль-майоръ Мордвиновъ, профессоръ Китарры и состоявшій при военномъ министрѣ генеральнаго штаба полковникъ Аничковъ. Комисія должна была рассмотретьъ два вопроса: о военныхъ мастерскихъ и предложеніе Китарры о назначеніи въ приемныя комисіи при интендантскихъ складахъ молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ университетѣ по физико-математическому факультету.

По военнымъ мастерскимъ подлежало рассмотрѣнію заявленіе француза Годилье, предложившаго военному министру устроить въ Россіи мастерскую, на подобіе парижской, для постройки платья на армію. Въ числѣ условій по этому предмету Годилье просилъ, чтобы контрактъ съ нимъ былъ заключенъ на 12 лѣтъ, чтобы ежегодный заказъ былъ не менѣе 600,000 крупныхъ штукъ платья, чтобы въ его распоряженіи постоянно находились 300 солдатъ мастеровыхъ, чтобы онъ считался начальникомъ заведенія и проч. Устряловъ на это замѣтилъ только,

что 12-тилѣтній срокъ великъ, что достаточно назначить 10 лѣтъ и что Годилюе нельзя считать какъ бы состоящимъ на службѣ въ званіи начальника заведенія, а слѣдуетъ признавать контрагентомъ. Я же, какъ состоявшій уже съ 5-го февраля членомъ спеціального комитета, называющагося нынѣ главнымъ комитетомъ по устройству и образованію войскъ, заявилъ, что этотъ вопросъ уже обсуждался въ спеціальномъ комитетѣ, 13-го марта, и что весь комитетъ единогласно согласился съ моимъ мнѣніемъ, а я говорилъ тамъ то, что изложено въ прилагаемой запискѣ и самъ прочелъ записку, именно:

„Рано или поздно, мы должны будемъ придти къ тому, чтобы армія наша получала готовые платье и обувь. Солдатъ долженъ быть солдатомъ, а не портнымъ или сапожникомъ; армія не всегда имѣетъ возможность построить для себя обмундированіе: привожу въ примѣръ полки 32-й и 33-й пѣхотныхъ дивизій, которые почти цѣлый 1863 годъ ходили оборванными, безъ мундировъ, безъ сапоговъ, хотя за полками возились тысячи аршинъ сукна, холста и шугъ сапожнаго товара; комиссаріатъ считалъ свое дѣло конченнымъ, матеріалы были отпущены въ полки, но полки не могли остановиться на одномъ мѣстѣ, даже на мѣсяцъ, чтобы открыть свои мастерскія. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы французъ основалъ у насъ военныя мастерскія; мы можемъ обойтись и безъ него; мы лучше его знаемъ свои потребности, сами можемъ устроить военныя мастерскія, можемъ примѣнить ихъ и къ военнымъ тюрьмамъ. Начать можно съ небольшого, напримѣръ, приготовить платье на одну дивизію и для большаго успѣха шитья необходимо измѣнить нѣсколько покроевъ мундировъ, особенно воротникъ, сдѣлавъ его откиднымъ“.

К. П. Кауфманъ тогда уже зналъ о предстоящемъ ему назначеніи на постъ виленскаго генералъ-губернатора, торопился скорѣе покончить всѣ дѣла, сопряженныя съ настоящимъ его званіемъ; по прочтеніи мною записки, сказалъ, что если спеціальнѣйшій комитетъ единогласно согласился съ изложеннымъ мнѣніемъ, то вопросъ этотъ уже не можетъ подлежать дальнѣйшему обсужденію и онъ полагаетъ записку мою въ подлинникъ представить военному министру.

Когда перешла рѣчь на второй вопросъ, на предложеніе Китарры о техникахъ, то я сказалъ, что мнѣніе мое изложено въ запискѣ и прочиталъ слѣдующее:

„Не раздѣлю мнѣнія профессора Китарры о необходимости готовить для интендантства молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ университетахъ по физико-математическому факультету. Эта идея могла бы имѣть мѣсто въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, еслибы тамъ учреждались какіе-нибудь склады, а ужъ никакъ ни при военномъ министерствѣ.“

„Интендантство надобно сближать съ арміей, а не водворять въ немъ

элементовъ, чуждыхъ для арміи. Интендантскій офицеръ долженъ принадлежать арміи, долженъ знать духъ арміи, ея нужды, условія ея жизни. Интендантство тогда только займетъ почетное мѣсто въ арміи, когда оно заслужитъ довѣріе арміи. Довѣріе же къ цѣлому учрежденію основывается на довѣрїи къ отдѣльнымъ личностямъ. Армія довѣряетъ прежде всего тому, кого она знаетъ, кто вышелъ изъ среды ея. Привожу въ примѣръ здѣшняго главнаго смотрителя интендантскаго склада полковника Губина. Всѣ гвардейскіе полки, зная личность Губина, принимаютъ вещи, не смотря ихъ, если Губинъ скажетъ „принимайте“. Слово Губина гарантируетъ доброту вещей.

„Я того мнѣнія, что въ интендантство вновь не должны поступать гражданскіе чиновники; интендантство должно формировать непременно изъ военныхъ офицеровъ, чиномъ не ниже штабсъ-капитана и преимущественно изъ тѣхъ офицеровъ, которые получили академическое образованіе, или прошли спеціальныя курсы по одному изъ отдѣловъ военнаго образованія. Изъ такихъ офицеровъ есть много охотниковъ поступить въ интендантство; у меня въ спискѣ отмѣчено до 50 кандидатовъ, преимущественно офицеровъ генеральнаго штаба, инженерныхъ, артиллерійскихъ, саперныхъ и много гвардейскихъ. Я мечтаю о томъ, чтобы со временемъ былъ образованъ какъ бы корпусъ интендантскихъ офицеровъ, чтобы была особая линія для производства на ваканціи до полковника включительно, чтобы интендантскіе штабъ-офицеры и генералы могли получать назначенія въ арміи. Эти мечты отдаленныя, но я вѣрю въ возможность ихъ осуществленія.

„Кончившіе полный курсъ въ артиллерійской или инженерной академіи не уступятъ въ познаніяхъ кандидатамъ по физико-математическимъ наукамъ. Да я и не признаю, чтобы для интендантства необходимы были глубоко ученые техники. Для интендантства гораздо полезнѣе практическіе люди, при нѣкоторыхъ только необходимыхъ познаніяхъ по техникѣ, т. е. весьма достаточно тѣхъ познаній въ физико-математическихъ наукахъ, которыя требуются вообще отъ образованнаго офицера. Въ прежнемъ комисариатѣ было множество людей, не получавшихъ никакого образованія, но такихъ великихъ практиковъ въ сукнѣ, холстѣ, сапожномъ товарѣ и проч., что съ ними не выдержать соперничества ученые техники теоретики“.

Когда я кончилъ чтеніе, настало общее молчаніе, всѣ сидѣли съ опущенными глазами. К. П. Кауфманъ первый заговорилъ, сказавъ, что сочувствуетъ моей идеи; конечно, въ частности можно во многомъ возражать, но общая, главная мысль вѣрна и если она будетъ принята, то уже не можетъ быть и рѣчи о гражданскихъ техникахъ и потому ген. Кауфманъ полагалъ представить и эту записку въ подлинникѣ военному министру и затѣмъ ожидать рѣшенія, разработывать ли мою идею, или приняться за гражданскихъ техникувъ. Мордвиновъ согласился съ мнѣніемъ Кауфмана; Аничковъ сказалъ что-то такое, что нельзя было понять; Устряловъ и Китарра промолчали и коммисія, собравшись всего одинъ разъ, окончила свои занятія менѣе, чѣмъ въ часъ времени.

Впервые упоминаются Китарры и Аничковъ; они въ то время играли нѣкоторую роль и о нихъ необходимо сказать кое-что.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ профессоръ Китарры былъ представителемъ технического комитета въ главномъ интендантскомъ управленіи. Д. А. Милютинъ до конца вѣровалъ въ Китарры, какъ въ честнѣйшаго человѣка и великаго техника, и ученаго и практика. Китарры былъ рекомендованъ г. Милютину г. Кауфманомъ, но К. П. Кауфманъ въ послѣднее время сталъ разочаровываться Китарры, а все-таки признавалъ, что на указанномъ мѣстѣ онъ можетъ быть полезенъ, а я все-таки твердилъ г. Кауфману, что если буду главнымъ интендантомъ, то Китарры сойдетъ со сцены. Въ первое время открытія интендантства, Китарры былъ предсѣдателемъ московской приѣмной комисіи, но часто пріѣзжалъ въ Петербургъ и по пріѣздѣ въ Петербургъ, считалъ обязанностью оставить у меня свою карточку. Тогда интенданты и старшіе интендантскіе чиновники всѣхъ округовъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, явившись Устрялову, считали обязанностью сдѣлать визитъ и мнѣ. Въ концѣ 1864 года я еще смотрѣлъ на Китарры, какъ на великаго техника и, пользуясь пріѣздомъ его въ Петербургъ, пригласилъ его къ себѣ въ интендантство, для рѣшенія спора, возбужденнаго въ нашей приѣмной комисіи о достоинствѣ сапожнаго товара. Въ присутствіе принесено было нѣсколько сортовъ товара и собрались: я, помощникъ мой Комаровскій, предсѣдатель приѣмной комисіи ген.-маіоръ Штокмаръ, членъ приѣмной комисіи со стороны интендантства, состоявшій тогда при мнѣ по особымъ порученіямъ, полковникъ Плеске, начальникъ вещеваго отдѣленія полковникъ Еремѣевъ; кажется, былъ и главный смотритель склада полковникъ Губинъ и знатокъ сапожнаго товара, состоявшій тогда при интенданствѣ, поручикъ Максимовъ, когда-то бывшій при мнѣ батальоннымъ капитан-армусомъ въ учебномъ саперномъ батальонѣ. До прибытія Китарры Максимовъ объяснилъ намъ всѣ достоинства и недостатки принесеннаго товара, показалъ наглядные признаки, по которымъ можно отличить воловій товаръ отъ конины, дубильную выдѣлку отъ купоросной и когда явился Китарры, то онъ поразилъ насъ полнымъ своимъ невѣжествомъ; онъ не могъ отли-

читать купоросную выдѣлку отъ дубильной, недостатками считалъ такія пятнышки, на которыя не слѣдовало и вниманія обращать, а въ чистомъ бражѣ находилъ достоинства. Тутъ я уже потерялъ всякое довѣріе и уваженіе къ Китарры, какъ къ технику, но въ подтвержденіе своего мнѣнія, пользуясь тѣмъ, что полковникъ Плеске имѣлъ обширное знакомство въ городѣ, просилъ его собрать свѣдѣнія о Китарры въ ученыхъ кружкахъ, особенно между профессорами технологическаго института, и Плеске привезъ мнѣ общіе отзывы о Китарры, что это личность словъ, а не дѣла.

Въ майской книжкѣ «Военнаго Сборника» 1865 года Китарры помѣстилъ фантазіи свои о приѣмѣ и раздачѣ сапожнаго товара въ нашихъ войскахъ. Въ іюльской книжкѣ того же журнала я опровергалъ предположенія Китарры. Въ сентябрьской книжкѣ Китарры раздражительно возражалъ мнѣ; тогда въ декабрьской книжкѣ я привелъ такіе доводы, что Китарры замолчалъ; только декабрьская статья была не за моею подписью: я не хотѣлъ вступать въ журнальную полемику съ Китарры и статья та была за подписью пріятеля моего генераль-маіора Дихеуса. Московскій интендантъ Брискорнъ не то что говорилъ, а какъ бы жаловался мнѣ, что Китарры, какъ предсѣдатель московской приѣмной комиссіи, держалъ себя безтактно, а живетъ роскошно, на какія средства—неизвѣстно. Изъ Динабурга тогда передавали мнѣ, что командированный туда Китарры, для осмотра интендантскаго склада, цѣлые дни бражничалъ съ главнымъ смотрителемъ склада. При первомъ знакомствѣ со мной, Китарры говорилъ мнѣ, что не можетъ уважать Устрялова, зная его недавнія комиссаріатскія продѣлки, а потому заискивалъ въ Устряловѣ и сдружился съ нимъ.

Состоявшій при военномъ министрѣ генеральнаго штаба полковникъ, въ послѣдствіи ген.-маіоръ, Аничковъ выдавалъ себя за человѣка вліятельнаго; многіе вѣрили ему и ухаживали за нимъ; онъ дѣйствительно почти каждый день бывалъ у Д. А. Милютина и могъ найти случай замолвить о комъ-нибудь доброе или злое слово; но самъ Д. А. Милютинъ говорилъ мнѣ, что Аничковъ мастеръ редактировать данныя ему матеріалы, но своего мнѣнія онъ не имѣетъ и никакого дѣла самостоятельно вести не можетъ. Аничковъ постоянно нуждался въ деньгахъ....

IV.

Высочайшимъ приказомъ, въ 1-й день апрѣля 1865 года, К. П. Кауфманъ назначенъ виленскимъ генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками виленскаго военного округа.

Порадовавшись назначенію Кауфмана за него самаго, за край, и вообще за русское дѣло, я подумалъ и о себѣ; я хорошо понималъ, что съ отъѣздомъ Кауфмана интриги Устрялова усилятся; я зналъ, что въ интендантскомъ вѣдомствѣ число сторонниковъ Устрялова возрастаетъ; я зналъ, что многіе изъ тѣхъ, которые въ первое время, боясь новыхъ порядковъ, дѣйствовали робко, а теперь, видя падъ собою только Устрялова и никого другаго, будутъ дѣйствовать рѣшительнѣе, по старой комисаріатско-провіантской системѣ, и утромъ 19-го апрѣля послалъ Кауфману записку слѣдующаго содержанія:

„Прошу васъ, Константинъ Петровичъ, передать военному министру, что я не могу служить кое-какъ; куда служу, я всею душою преданъ службѣ и, по мѣрѣ силъ и способностей своихъ, желаю быть полезнымъ для службы; но я совершенно парализованъ и въ настоящемъ положеніи рѣшительно не могу оставаться.

„Годъ назадъ, мнѣ объявлено было, что второстепенное мѣсто въ интенданствѣ мнѣ дають только до 17-го апрѣля; это не было секретомъ, въ доказательство привожу то, что меня болѣе всего мучитъ, это возгласы всѣхъ меня знающихъ, при каждой встрѣчѣ: „Когда же будетъ ваше назначеніе?“ Какъ зажать пизъ рты?

„Нынѣшніе окружные интенданты всѣ были повышены настоящимъ назначеніемъ, а я скорѣе на оборотъ, даже содержаніе получаю сравнительно менѣе, чѣмъ прежде получалъ, а усилить содержаніе, частнымъ трудомъ, какъ прежде дѣлывалъ, не могу, за недостаткомъ времени, слѣдовательно, я долженъ былъ подвергнуться нѣкоторымъ лишеніямъ и семейство свое.

„Если не признаютъ меня способнымъ къ высшему назначенію, или имѣють въ виду другаго, то прошу прямо объявить; я никого, ни одной минуты не буду тяготить собою и уйду. Повторяю, не могу выносить долѣе настоящаго положенія, особенно въ виду нашего отъѣзда“.

Съ тѣмъ же посланнымъ К. П. Кауфманъ прислалъ записку, что вечеромъ увидится съ Д. М. Милютинымъ, но какъ отвѣтъ можетъ быть длиненъ, а писать ему некогда, то онъ проситъ зайти къ нему завтра утромъ. На другой день я засталъ у Кауфмана чиновника канцеляріи министерства, котораго и прежде часто видѣлъ и, кажется, Мордвинова, хорошо не помню; ген. Кауфманъ, не стѣняясь ихъ присутствіемъ, какъ и всегда любилъ говорить на распашку, сказалъ мнѣ: «ваша записка осталась у

Д. А. Милютинъ; онъ подтвердилъ мнѣ, что осенью, по открытіи 4-хъ военныхъ округовъ на окраинахъ Россіи, вы будете назначены генераль-интендантомъ и при этомъ г. Милютинъ особенно просилъ, чтобы съ отъѣздомъ моимъ, вы обращались къ нему, точно также, какъ до сего времени обращались ко мнѣ».

1-го мая, по случаю 20-го дня кончины наслѣдника цесаревича Николая Александровича, въ Исаакіевскомъ соборѣ было торжественное служеніе. Выходя изъ собора, на паперти, военный министръ сказалъ мнѣ, что желаетъ переговорить со мной и просилъ, чтобы я когда-нибудь зашелъ къ нему.

2-го мая, въ воскресенье, я явился къ Д. А. Милютину; онъ очень любезно встрѣтилъ меня; онъ давно обращался ко мнѣ по имени и отчеству, и сказалъ, что новое назначеніе мое можетъ состояться къ осени, что ранѣе этого нельзя, потому что скоро должны открыться четыре новые округа и пусть Устряловъ докончить эти преобразованія, иначе неуспѣхъ въ этомъ дѣлѣ онъ будетъ приписывать тому, что не умѣли взяться за дѣло. Потомъ г. Милютинъ сказалъ: «вы вѣроятно слѣдите за всѣмъ, что дѣлается въ интендантствѣ; пожалуйста, подѣлитесь со мной всѣмъ, что вы знаете, какъ вы дѣлились съ Константиномъ Петровичемъ». Я прямо и началъ рассказывать, что Устряловъ, вопреки цѣли учрежденія округовъ, вопреки духа положенія объ интендантствѣ, не только не заботится о децентрализаціи, но, напротивъ, усиленно, настойчиво поддерживаетъ централизацію; онъ даже стѣсняетъ интендантство въ выборѣ чиновниковъ, отсюда указывается кого и на какую должность назначить; въ округѣ соблюдается формальность, оттуда идетъ представленіе и чиновники, болѣе чѣмъ сомнительные, получаютъ въ провинціи видныя мѣста; что въ самомъ главномъ интендантскомъ управленіи дѣла ведутся въ страшномъ безпорядкѣ; Устряловъ тамъ не бываетъ, а чиновники являются туда, какъ кому вздумается; виленскій интендантъ жаловался мнѣ, что по 3 мѣсяца не отвѣчаютъ на самые обыкновенные запросы; московскій интендантъ говорилъ, что только названіе перемѣнилось, а дѣла идутъ по старому; изъ Кіева друзья мои пишутъ, что темныя дѣла въ интендантствѣ далеко превзошли старыя грѣхи, да тамъ и не вѣрятъ въ возможность перемѣны».

Д. А. Милютинъ отвѣчалъ, что очень прискорбно слушать все это и къ сожалѣнію онъ долженъ сказать, что въ родѣ этого есть

беспорядки и по другимъ отдѣламъ управленія министерствомъ, даже по медицинскому департаменту.

И на это я напрямикъ отвѣтилъ, что вѣдь не секретъ, въ публикѣ давно извѣстно, что въ обоихъ медицинскихъ департаментахъ, и въ военномъ и въ гражданскомъ, всѣ мѣста на откупъ: не только значительное мѣсто, но и второстепенное, безъ денегъ трудно получить.

Ген. Милютинъ подтвердилъ словами: «да, да». Затѣмъ г. Милютинъ повторилъ просьбу свою, чтобы я дѣлился съ нимъ своими мыслями, какъ дѣлился съ ген. Кауфманомъ и чтобы я былъ къ нему точно въ такихъ же отношеніяхъ, какъ былъ къ Кауфману. При уходѣ моемъ онъ сказалъ: «когда вы вздумаете побывать у меня, то, чтобы знать навѣрное время, когда удобнѣе намъ переговорить, пришлите записочку наканунѣ; я знаю, что вамъ время дорого, также какъ и мнѣ».

V.

Весь 1865 годъ и начало 1866-го я велъ дѣла своего интендантства и готовился быть генераль-интендантомъ.

Собственно по окружному интендантству ежедневно обра- щающихся бумагъ стало не болѣе 200, почти по ровну, по сотнѣ, входящихъ и исходящихъ бумагъ; добрая половина бумагъ прямо прикладывалась къ дѣлу; это были или увѣдомленія о полученіи денегъ и вещей, или препроводительныя бумаги съ напечатаннымъ текстомъ. Во время присутствія, съ 10 часовъ утра до 3 часовъ дня, можно было оканчивать всѣ дѣла по интендантству; чиновникамъ не было надобности брать съ собой дѣла на квартиру и это было запрещено. Я тогда же пришелъ къ убѣжденію, что штаты окружнаго управленія составлены слишкомъ широко, не въ отношеніи окладовъ содержанія, но по числу чиновъ, и что внослѣдствіи можно будетъ понемногу сокращать штаты и чрезъ то увеличить содержаніе чиновъ. Но пользуясь правомъ своимъ, держалъ тогда большой контингентъ сверхштатныхъ чиновъ, или чиновниковъ для усиленія штатовъ; они, не получая содержанія, числились на службѣ; ихъ было при мнѣ 20 человекъ, 10 военныхъ офицеровъ и 10 чиновниковъ. Въ то время еще числилось у меня 86 кандидатовъ для поступленія въ интендантство; я самъ никого изъ

нихъ не обнадеживалъ, но они вѣровали въ то, что я приму ихъ, когда буду генераль-интендантомъ. Въ числѣ 86 кандидатовъ было: офицеровъ: генеральнаго штаба 8, инженерныхъ 11, артиллерійскихъ 7, пѣхотныхъ и кавалерійскихъ, гвардейскихъ и армейскихъ 25 и чиновниковъ 35.

Забываясь о подготовленіи интендантскихъ чиновъ для военнаго времени, я ввелъ такое распредѣленіе занятій между чиновниками интендантства, которое давало возможность, во всякое время, отдѣлить отъ интендантства въ дѣйствующую армію, безусловно, третью часть чиновъ и не по личному выбору интенданта, а по списку: перваго, втораго или третьяго.

При мнѣ всѣ дѣла раздѣлены были на два главные отдѣла: на дѣла по довольствію войскъ и на дѣла общаго производства. Для дѣлъ по довольствію войскъ введена была одна общая опись по всему окружному интендантскому управленію. Описью служила печатная вѣдомость всѣмъ полкамъ, командамъ и управленіямъ, получавшимъ довольствіе отъ окружнаго интендантства. Дѣло о довольствіи каждаго полка велось подъ однимъ и тѣмъ же № во всѣхъ отдѣленіяхъ интендантства и въ интендантскомъ складѣ. Въ случаѣ перехода полка въ другой округъ, или по окончаніи года, для сдачи дѣла въ архивъ, изъ всѣхъ трехъ отдѣленій составляется одно дѣло подъ тѣмъ же №, о полномъ довольствіи полка за такой то годъ. Полкамъ и командамъ сообщено было подъ какимъ № ведется въ интендантствѣ дѣло о довольствіи ихъ, и въ случаѣ справокъ они прямо спрашивали № своего дѣла.

Къ дѣламъ общаго производства относилось: заготовленіе вещей и продовольственныхъ продуктовъ, подряды, торги, перевозка и проч. Описи этимъ дѣламъ велись по отдѣленіямъ. Въ каждомъ отдѣленіи, всѣ столы имѣли однородныя занятія, т. е. каждый столоначальникъ имѣлъ определенное число дѣлъ по довольствію войскъ и общаго производства. Такимъ образомъ, въ округѣ состояло на довольствіи 501 команда, изъ нихъ, напримѣръ, въ 3-мъ денежномъ отдѣленіи, въ каждый столъ поступило на довольствіе по 167 командъ и столоначальникъ завѣдывалъ довольствіемъ определеннаго числа командъ, по всѣмъ денежнымъ отпускамъ, жалованьемъ, столовыми, прогонными, квартирными, суточными, на канцелярскіе расходы и проч.; всѣ три столоначальника и три ихъ помощника занимались однимъ и тѣмъ же дѣломъ, только съ разными командами. Въ 1-мъ вещевомъ отдѣленіи и во 2-мъ продовольственномъ отдѣленіи, каждый столоначальникъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи определенное число командъ по довольствію ихъ вещами или продуктами и определенное число подрядныхъ и другихъ дѣлъ. Каждый столоначальникъ знакомился со всѣми дѣлами, производимыми въ отдѣленіи и со временемъ могъ сознательно управлять цѣлымъ отдѣленіемъ.

Въ упраздненномъ комисаріатско-провіантскомъ вѣдомствѣ каждый столоначальникъ имѣлъ отдѣльное, определенное занятіе, каждый столъ имѣлъ особое названіе, жалованный, прогонный, заготовительный, перевозочный и проч.; по каждой отрасли тѣхъ вѣдомствъ выработывались чиновники спеціалисты. Это ставило цѣлое управленіе или начальника его въ зависимость отъ чиновника спеціалиста; начальникъ, дорожа чиновникомъ спеціалистомъ,

могъ задержать дальнѣйшій ходъ его по службѣ, или могъ терпѣть на службѣ чиновника съ нравственными недостатками, если онъ въ то же время дѣлецъ и если съ удаленіемъ его могло остановиться дѣлопроизводство.

Дальнѣйшее развитіе моей системы заключалось въ томъ, чтобы чиновники, послѣ нѣкотораго времени занятія въ одномъ отдѣленіи, были переводимы въ другое отдѣленіе; были командируемы по разнымъ порученіямъ, были назначаемы смотрителями вещевыхъ и провіантскихъ магазиновъ и проч. Этимъ средствомъ можно вѣрнѣе опредѣлить способности чиновника, избѣгнется однообразіе въ занятіяхъ, доводящее до апатическаго состоянія и въ мирное время будутъ вырабатываться свѣдущіе интендантскіе офицеры для полеваго интендантства.

Это скромное нововведеніе, противурѣчившее принципамъ комиссаріатскимъ, не нравилось Устрялову, но онъ не могъ помѣшать ему, оно не выходило изъ внутреннихъ распоряженій окружнаго управленія, а чтобы сильнѣе убѣдить Устрялова и главное управленіе, что окружное интендантство составляетъ часть войскъ округа, а не часть министерства, я выхлопоталъ, что интендантству назначили опредѣленное мѣсто на выходахъ во дворцѣ, рядомъ съ окружнымъ штабомъ, и объявлено было приказаніе, чтобы интендантскіе чины представлялись великому князю во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда представлялись строевые офицеры.

Въ первый годъ своего интендантствованія я былъ такъ счастливъ, что на себѣ вынесъ первыя нападенія татариновскаго контроля. Первыя проявленія дѣятельности новаго контроля нельзя назвать иначе, какъ нападеніемъ на петербургское интендантство; я не преувеличиваю; десятки лицъ, подвергшіяся одной участи со мной, подтвердятъ слова мои. Единство кассы и новый контроль въ 1865 году введены были только въ Петербургѣ, а съ 1866 года должны были войти въ дѣйствіе и повсемѣстно въ Россіи, и потому въ 1865 году, при петербургской контрольной палатѣ учреждена была какъ бы школа для контрольныхъ чиновниковъ. Старательные ученики, желая скорѣе получить аттестатъ зрѣлости и мѣсто въ провинціи, проявляли свое усердіе на сосѣдѣ своемъ петербургскомъ интендантствѣ. Контроль сначала присылалъ мнѣ десятки протестованныхъ имъ статей, я отписывался; онъ сталъ высылать сотни статей, и отъ сотенъ я отписывался, но по мѣрѣ усиленія контрольной школы, приливомъ туда новыхъ лицъ, жаждавшихъ службы по контролю, — увеличивалось число получаемыхъ мною протестованныхъ статей. Получивъ ихъ въ одну недѣлю болѣе

тысячи, я пересталъ отвѣчать. Контроль жаловался на меня военному министру, министръ потребовалъ отъ меня личнаго объясненія и тутъ, впервые, мое мнѣніе раздѣлили Устряловъ, чтобы вмѣсто переписки съ контролемъ, допустить контрольныхъ чиновниковъ въ интендантство, чтобы они сами дѣлали нужныя имъ справки въ дѣлахъ. Этимъ я достигъ двухъ цѣлей: избавился отъ бесполезной переписки и придалъ дѣламъ своимъ нѣкоторую гласность, чего я постоянно усердно добивался.

Множество изъ опротестованныхъ контролемъ статей заключалось въ слѣдующемъ: законъ указывалъ, чтобы при выдачѣ увеличеннаго содержанія лицу, къ ассигновкѣ прикладывалась копія съ высочайшаго повелѣнія, на основаніи котораго производится усиленное содержаніе. Но къ чинамъ военнаго вѣдомства это не примѣнимо: въ одномъ приказѣ, 17-го апрѣля или 30-го августа, сотни офицеровъ повыпались въ чинахъ и, слѣдовательно, надобно было прилагать сотни копій съ одного и того же приказа, и потому интендантство ссылалось только на тотъ приказъ, а новички контрольные чиновники требовали буквального исполненія закона.

Было много и весьма дѣльныхъ замѣчаній со стороны контроля, но, къ сожалѣнію, замѣчанія не принесли пользы; они влекли за собой общій пересмотръ законоположеній, къ чему еще не прикасались.

Былъ еще сосѣдъ, болѣе близкій чѣмъ контроль, за то и болѣе надоѣдавшій—это военно-окружной совѣтъ. Предсѣдателемъ совѣта былъ тогда помощникъ великаго князя генералъ-адъютантъ Бюллеръ; членами—начальники въ округѣ: штаба, послѣ графа Бреверна де-Лагарди, — генералъ-адъютантъ Альбединскій, артиллеріи — генералъ-адъютантъ Виламовъ, инженеровъ, послѣ генералъ-маіора Тилло, — генералъ-маіоръ Васильевъ, мѣстныхъ войскъ — генералъ-лейтенантъ Швобъ; окружной военно-медицинскій инспекторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Ритеръ; членъ отъ военнаго министерства дѣйствительный статскій совѣтникъ Саломе, я и дѣлопроизводитель статскій совѣтникъ Кастень. Совѣтъ собирался разъ въ недѣлю, а иногда и два раза въ недѣлю, всегда въ мундирахъ, не знаю почему; засѣданіе начиналось въ 11 часовъ утра и продолжалось два, три и даже четыре часа. Не помню ни одного засѣданія, въ которомъ были бы всѣ члены на лицо; рѣже всѣхъ являлись начальникъ штаба и медикъ; постоянно были:

предсѣдатель, Саломе и я, не потому, что совѣтъ собирался въ зданіи интендантства, а потому что я не хотѣлъ ничѣмъ манкировать, тянулъ лямку до конца. Обыкновенно въ одномъ засѣданіи разсматривались два, три доклада, но въ послѣднихъ двухъ засѣданіяхъ въ моемъ присутствіи, на прощаніе со мной, 20-го и 21-го іюля 1866 года, разсмотрѣно по 10 докладовъ.

Послѣ первыхъ мѣсяцовъ своего существованія, военно-окружной совѣтъ потерялъ значеніе; всѣ члены его считали одною изъ тяжелейшихъ своихъ обязанностей являться въ совѣтъ, а когда стали выходить кассированія постановленій окружнаго совѣта, то обидно было приходиться въ совѣтъ. Вмѣсто того, чтобы постановленіе окружнаго совѣта непосредственно разсматривать въ военномъ совѣтѣ, приглашая туда того начальника главнаго управленія, по вѣдомству котораго шелъ докладъ, постановленіе окружнаго совѣта передавалось на предварительное заключеніе подлежащаго главнаго управленія, и коллегіальное рѣшеніе представителей власти въ округѣ подвергалось разсмотрѣнію столоначальника и начальника отдѣленія въ главномъ управленіи. При составленіи положенія объ округахъ, главное достоинство окружной системы находили въ децентрализаціи управленія и военная газета тогда на всѣ лады распѣвала, что основная мысль децентрализаціи вполнѣ осуществилась военно-окружнымъ совѣтомъ, а на самомъ дѣлѣ совѣтъ этотъ былъ приниженъ, поставленъ какъ бы въ подчиненное отношеніе къ каждому главному управленію; онъ обратился въ лишнюю канцелярную станцію, въ лишній тормазъ для окружнаго управленія. Собственною властью окружной совѣтъ сталъ разрѣшать только то, что начальникъ отдѣла окружнаго управленія долженъ бы былъ приводить въ исполненіе своею властью, но изъ боязни отвѣтственности, прикрывался коллегіальнымъ учрежденіемъ, а все то, что превышало власть начальника отдѣла въ округѣ, не бралъ на свою отвѣтственность и окружной совѣтъ и дѣла тормозились: я могъ бы привести доказательство тому, что при обыкновенныхъ моихъ докладахъ въ окружной совѣтъ, отъ моего подписанія доклада до окончательнаго рѣшенія окружнаго совѣта проходилъ мѣсяць, затѣмъ докладъ залеживался въ главномъ интендантскомъ управленіи мѣсяца два, три и столько же въ военномъ совѣтѣ.

В. Д. Кревке.

(Окончаніе слѣдуетъ).

На рѣкѣ Черной въ Крыму

4-го августа 1855 г.

Въ статьѣ «Иванъ Петровичъ Голевъ», «Русская Старина», апрѣль 1881 г., вкралась ошибка зачисленіемъ въ число нынѣ живущихъ севастопольцевъ, бывшаго командира Украинскаго егерскаго полка Бельгарда.—Съ полковникомъ Бельгардомъ я познакомился наканунѣ сраженія при рѣкѣ Черной, у бывшаго командира Одесскаго егерскаго полка полковника Скюдери, стоявшаго наканунѣ боя на Мекензиевыхъ горахъ, гдѣ былъ собранъ мостовой паркъ, порученный мнѣ по служенію моему тогда въ саперахъ во 2 мѣ саперномъ баталіонѣ, командуемомъ полковникомъ Шестаковымъ. Какъ къ старому своему знакомому, прибывши въ полдень на Мекензиеву гору, часу въ 7-мѣ, пришелъ я къ Скюдери; передъ палаткою его играла музыка и сидѣло много офицеровъ на походныхъ стульяхъ.—Скюдери представилъ меня Бельгарду.—Общій разговоръ безъ сомнѣнія былъ о будущемъ днѣ 4-го августа. За нѣсколько дней передъ моимъ съ Бельгардомъ знакомствомъ, онъ только что принялъ Украинскій полкъ; кто то изъ присутствовавшихъ обратился къ Бельгарду со словами: «а вѣдь, полковникъ, съ васъ надобно было бы стаяуть калымъ, за ново назначенное полководство?» Бельгардъ отвѣчалъ: «охотно, охотно исполню; задамъ пиръ на весь міръ, когда побьемъ французовъ завтра; я крѣпко увѣренъ, что сядемъ имъ на шею и протуримъ ихъ во свояси».—Скюдери, всегда говорливый, молча приподнялъ фуражку, поправилъ свои густые курчавые волосы, едва сквозь зубы проговорилъ: «давай-то Богъ!» и, промолчавъ нѣсколько, обратился къ намъ, говоря: «кому пиръ, а кому миръ, сыграйте музыканты что либо изъ «Фенелы». Я былъ позванъ къ своему командиру и, прощаясь съ компанією, пожелалъ всѣмъ быть на пиру Бельгарда.

Миновавъ подробности о дѣлѣ 4-го августа 1855 г., при рѣкѣ Черной, дорого намъ стоющее, объясняющее устами французовъ двуфразно—«дурно поведено и дурно исполнено» — перейду прямо со своимъ мостовымъ матеріаломъ къ рѣкѣ Черной, гдѣ мнѣ слѣдовало снять съ телѣгъ матеріалъ, перенести черезъ рѣку Черную и за нею устроить мосты на доковомъ каналѣ для провоза артиллеріи.—Командиръ мой, пожелавъ участвовать въ дѣлѣ лично съ выступленія въ бой, со взводомъ моей саперной роты и частью мостового матеріала присоединился къ 7-й дивизіи, пошедшей вправо, я же остался въ центрѣ позиціи, слѣдуя по пятамъ 12-й дивизіи. Приказавъ людямъ снять мостовой матеріалъ, самъ перешелъ по трактирному каменному мосту р. Черную, направился вдоль доковаго канала, чтобы высмо-

трѣтъ мѣста, удобныя къ постройкѣ мостовъ чрезъ доковый каналъ. Обстоятельство это меня беспокоило тѣмъ, что я, имѣя на своей отвѣтственности такое важное въ бою дѣло, положительно не снабженъ былъ никакими свѣдѣніями: ни въ отношеніи пространства, отдѣляющаго доковый каналъ отъ рѣки Черной, ни въ отношеніи крутостей за нимъ Ѳедюхиныхъ высотъ, ни въ отношеніи даже пройденной рѣчки Черной: ея ширины, глубины—отпущенъ былъ съ совершенными потемками. — Простительно это въ странѣ чужой, но непростительно въ своей, въ особенности, когда проводя доковый каналъ, строители его должны были не только выходить всякое мѣстечко, но и узнать сосѣдство.

Лишь только я съ двумя унтеръ-офицерами подошелъ къ доковому каналу, тотчасъ налетѣлъ на меня какой то пѣхотный всадникъ, не важнаго чина, съ словами: «вотъ ваши мостики, взгляните! это насмѣшка, это позоръ! Видите, какъ гибнуть люди!» Пораженный неистовымъ нападеніемъ, не зная причины, поспѣшилъ взглянуть, какіе это мостики внезапно перелетѣли и меня опозорили. Оказалось: въ виду переправы пѣхоты чрезъ доковый каналъ артиллерійскимъ генераломъ Кишинскимъ предложены были лѣстницы, употребляемыя въ войнѣ кавказской. — Лѣстницы эти розданы были въ полки съ приказаніемъ, подойдя къ доковому каналу, установивъ одинъ конецъ ея на берегу, перебросить другой на противоположную сторону, затѣмъ переходить чрезъ этотъ ажурный мостикъ въ виду продольнаго огня съ сардинскихъ батарей! Для удобства ихъ переноски они сдѣланы были весьма деликатно. Столпившіеся солдаты представляли удобную мишень неприятелю. Пѣхотный всадникъ не попалъ на виновнаго. Взглянувъ на это несчастное событіе, отвѣчалъ ему: «вполнѣ раздѣляю съ вами тяжелое чувство, но вина ко мнѣ не относится: я пирожникъ, свои пироги долженъ испечь единственно для артиллеріи, вполнѣ убѣжденъ, что они будутъ переваримы артиллеріею; теперь же совѣтую, освободя инженерное вѣдомство, ни въ чемъ здѣсь неповинное, поискать того сапожника, который напекъ вамъ пироги несваримые».

Осмотрѣвъ позицію, возвратился къ своему дѣлу; на пути встрѣтилъ уже весь свой отрядъ, несшій на головахъ своихъ щиты толщиной въ 4 вершка и длиною въ ширину канала, натурально длиннѣе его ширины. Разместивъ мосты по мѣстамъ удобнымъ, гдѣ соображалась отлогость высотъ Ѳедюхиныхъ и весьма важныя при переправахъ площадки за переправою, занялся своимъ дѣломъ. Учащенные выстрѣлы рѣдѣли, крики ура! доносились до слуха, вдали было видно какъ обсыпаны были сардинскія батареи нашими солдатами,

предводимыми своими храбрыми командирами. Одесцы и украинцы взяли батарею и стихла свинцовая мятель, уложившая на пути слѣдованія къ ней, груды тѣлъ егерской бригады 12-й дивизіи. Мимо меня пронесли раненаго картечью Скюдери; рука переломленная висѣла съ носилокъ, глаза были безжизненны. Полковникъ Бельгардъ палъ на мѣстѣ; вскорѣ прошелъ окровавленный начальникъ 12 пѣхотной дивизіи, генераль Мартинау; тутъ же сигнальный рожокъ проигралъ отступление; я, приложась рукою къ козырку, спросилъ генерала о столь поспѣшной развязкѣ. Генераль отвѣчалъ мнѣ: «отступайте». Какъ же быть съ мостовымъ матеріаломъ? «Оставьте его здѣсь!» Подъ генераломъ Мартинау убита была лошадь. Впослѣдствіи, какъ говорить, отступление проигралось намъ французами, съ отчетливымъ исполненіемъ. По всему было видно, что они придумали всѣ способы, зная напередъ о неминуемой нашей атакѣ.

Лучшимъ тому доказательствомъ было то, что я встрѣтилъ свѣжежовкое мостовое укрѣпленіе впереди каменнаго моста, у котораго не былъ еще оконченъ одинъ эполементъ—дорога завалена зря толстыми деревьями. Затѣмъ рѣка Черная, выше моста и ниже, была углублена, и переходящіе солдаты чрезъ нее, идя въ атаку, имѣя сумы патронныя сзади — полагаю, что не были предупреждены приподнять ихъ на голову. Но это не утверждаю, на вопросы же оставшимся въ живыхъ—не получалъ отчетливаго сказанія.

Поневоли вспомнишь напечатанную въ «Русской Старинѣ» пѣсеньку графа Л. Н. Толстаго:

Какъ 4-го числа
Нашъ нелегкая чesла
Горы забирать!
Отправлялись князья, графы,
А за ними топографы
Горы обзирать! и т. д.

Много протекло времени, многого не перескажешь, но 4-го августа смело со свѣта чуть ли не девять тысячъ, а кого винить?—Вини Реада, виною которому отнести можно то только, что онъ повелъ во вторичную атаку, по полкамъ, 5 пѣхотную дивизію, сначала егерскую бригаду, а послѣ дополнилъ атаку Вологодскимъ полкомъ.—Что это значило въ виду того, что повсемѣстно всюду уже по всей линіи сдѣлано было отступление? одна 5-я дивизія оставалась въ долину Волчьяго яра, 4-я дивизія не подошла съ Мекензиевыхъ высотъ. Возможно ли было требовать отъ 3-хъ полковъ того, что было въ первую атаку едва ли достаточнымъ для 2-хъ дивизій?—Послѣ перваго отступленія, я со своею командою, найдя начальство, обратился къ

нему съ вопросомъ къ генералу Веймарну: какъ мнѣ быть? нужно ли слѣдовать за 5-ю дивизію? рассказавъ ему причину моего вопроса. Генералъ Веймарнъ, начальникъ штаба г. Реада, отвѣтилъ мнѣ: «будьте на готовѣ, наблюдайте за ходомъ атаки». — Вскорѣ и этой благородной личности не стало, онъ повелъ Галицкій полкъ и погибъ сраженный штуцерною пулею. — Дѣйствительно, мнѣ пришлось не только наблюдать, но и видѣть многое. Въ недалекѣ отъ меня стоялъ весь штабъ генерала Реада. Подскакавшій къ нему квартирмейстеръ 5-й дивизіи генеральнаго штаба капитанъ Кузьминъ—вида перебитыхъ три полка своей дивизіи—произнесъ генералу Реаду: — «Прикажете, ваше высокопревосходительство, израсходовать послѣдній полкъ Владиміра Александровича?» Не успѣлъ докончить послѣднихъ словъ своихъ Кузьминъ, какъ лопнула граната между головою лошади генерала Реада и сняла генералу Реаду черепъ, ранивъ тутъ же лошадь капитана Кузьмина, всадивъ и ему кусокъ кости черепа генерала Реада—на память.

Главный олицетворитель чернорѣченскаго дѣла, генералъ баронъ Вревскій, закончилъ всю эту печальную драму своею смертію; затѣмъ ударили отбой.

А. Полторацкій.

Р. С. Украинскій, Одесскій полки составляли егерскую бригаду 12-й дивизіи; Азовскій и Днѣпровскій—мушкатерскую бригаду той же дивизіи.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ КЁЛЕРЪ,

ПРОФЕССОРЪ ЖИВОПИСИ.

1826—1882.

Четырнадцать лѣтъ тому назадъ, при составленіи программы „Русской Старины“, мы посвятили въ ней особый отдѣлъ запискамъ, автобіографіямъ и жизнеописаніямъ отечественныхъ художниковъ, приглашая потомковъ или близкихъ знакомыхъ таковыхъ о сообщеніи намъ, какъ подлинныхъ записокъ самыхъ дѣятелей, такъ и біографическихъ о нихъ свѣдѣній. Нашъ призывъ не остался безъ отголоска и въ теченіе тринадцати лѣтъ отдѣлъ программы, на который мы рассчитывали, можетъ быть, менѣе нежели на прочіе, образовалъ цѣлую литературу. Заботясь о сохраненіи въ памяти потомства біографическихъ подробностей о русскихъ художникахъ, уже окончившихъ земное свое поприще, мы обращались и къ дѣтелямъ живымъ, уже снискавшимъ себѣ болѣе или менѣе громкую извѣстность, прося ихъ сообщать намъ ихъ автобіографическіе рассказы, хотя бы въ наброскахъ или даже—устные. Какъ ни трудно было, въ послѣднемъ случаѣ, одолѣть скромность—чуть ни застѣнчивость, свойственную истинному дарованію вообще, русскому—въ особенности, однако же нѣкоторые изъ нашихъ именитыхъ художниковъ, сдаваясь на наши просьбы, украсили наше изданіе рассказами объ ихъ юности и первыхъ шагахъ на прославившемъ ихъ поприщѣ. Не говоря о цѣломъ рядѣ отечественныхъ композиторовъ и сценическихъ артистовъ, мы только

напомнимъ читателямъ о біографахъ замѣчательнѣйшихъ представителей русской живописи, зодчества, гравировальнаго и медальернаго искусствъ. Въ теченіе первыхъ тринадцати лѣтъ на страницахъ „Русской Старины“ были напечатаны записки и автобіографіи: графа Ѳ. П. Толстаго, Ѳ. Г. Солнцева, А. В. Витберга, И. К. Айвазовскаго, Л. А. Сѣрякова, И. П. Пожалостина, И. А. Голышева; біографіи: П. А. Ѳедотова, А. Г. Венеціанова, Т. Г. Шевченки; очеркъ „Русскіе художники въ Римѣ“ и др. Русскій художественный міръ далъ представителей изъ всѣхъ сословіи общества—отъ графа до простолюдина. Повинуясь голосу истиннаго призванія, покойный графъ Ѳ. П. Толстой отрекся отъ служебной карьеры и отъ большого свѣта, которому принадлежалъ по происхожденію и образованію и посвятилъ себя всецѣло искусству, возвысивъ въ своемъ лицѣ какъ искусство, такъ и самое званіе художника. То же призваніе и талантъ вызываютъ изъ темной народной семьи Л. А. Сѣрякова, И. П. Пожалостина, И. А. Голышева... Въ сынѣ небогатаго, скромнаго торговца является И. К. Айвазовскій; въ бѣдномъ, загнанномъ кантонистѣ воскресаетъ нашъ единственный есилографъ—Сѣряковъ; самоучка Голышевъ, академикъ Пожалостинъ—дѣти народа! Жизнь cadaго изъ нихъ, помимо общечеловѣчнаго и культурнаго интереса—назидательна, какъ руководство для cadaго, сознающаго въ себѣ божественную искру художественнаго дарованія, влекущаго его на поприще блестящее, хотя и тернистое.

Теперь мы представляемъ читателю біографическій очеркъ, на собственныхъ разсказахъ самаго художника основанный и подъ его руководствомъ и редакціею нами изложенный. Этотъ художникъ—уважаемый профессоръ Иванъ Петровичъ Келеръ. Уроженецъ Лифляндіи, мастерски владѣющій кистью,—Иванъ Петровичъ вполне нашъ, русскій художникъ, членъ русской семьи, по духу и чувствамъ, какъ его родина—неотъемлемая часть Россіи, припаянная къ имперіи кровью борцовъ великой Сѣверной войны; кровью мученика Паткуля; службою Россіи цѣлаго сонма мужей государственныхъ, уроженцевъ Лифляндіи, между которыми находимъ многихъ сподвижниковъ Петра, Екатерины, Александра и Николая. Имя Келера, какъ художника, безъ сомнѣнія, займетъ страницу въ исторіи русской живописи; но, помимо того, оно за-

служиваетъ мѣста въ исторіи Прибалтійскихъ окраинъ Россіи, какъ имя поборника и защитника тамошней младшей братіи....

Нѣтъ сомнѣнія, что имя Кёлера, не только какъ наилучшаго въ современной Россіи портретиста-художника, но и какъ общественнаго эстонскаго дѣятеля, не угаснетъ безслѣдно.

— „Закончу мой рассказъ“, говорилъ покойный Л. А. Сѣряковъ ¹⁾— „повтореніемъ непреложной истины, извѣданной опытомъ всей моей жизни, что трудомъ, терпѣніемъ и энергіей всегда можно достигнуть разъ предполагаемой цѣли, въ особенности, если эта цѣль—служеніе на поприщѣ художествъ и искусства“.

Жизнь Ивана Петровича Кёлера, до настоящей минуты, можно назвать подтвержденіемъ этихъ словъ, которыя должны быть лозунгомъ cadaго истиннаго художника.

Р е д.

I.

Дѣтство и отрочество.—Характеристика отца и матери.—Школа.—Жизнь на мызѣ.—Первые художественные опыты.

1826—1839.

Иванъ Петровичъ Кёлеръ родился 24-го февраля 1826 года въ крестьянской семьѣ, на казенной мызѣ близъ Феллина (Лифляндской губерніи). Семейство, кромѣ его, состояло изъ четырехъ сыновей и двухъ дочерей; отецъ и мать—честные, терпѣливые, трудолюбивые люди, въ цвѣтѣ лѣтъ и жизненныхъ силъ, довольствуясь немногимъ, не домогались бѣльшаго—а потому и не вѣдали нищеты и крайности. Въ курной избѣ, въ грубомъ одѣяніи, питаясь плохимъ хлѣбомъ—родителямъ и дѣтямъ жилось не худо; трудъ въ перемежку съ отдыхомъ развивалъ въ нихъ тѣлесныя силы, не нагнетая на развитіе умственное. Грамотные родители, обучивъ чтенію старшихъ дѣтей, возлагали на нихъ обязанность передавать свое знаніе младшимъ. Старшая сестра Ивана Петровича, до пятилѣтняго его возраста, была его нянею и учительницею; на седьмомъ году онъ самъ былъ пѣстуномъ и учителемъ младшаго по себѣ ребенка. Черезъ годъ, тѣ-же обязанности

¹⁾ „Русская Старина“, изд. 1875 г. томъ XIV, стр. 515.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, ТОМЪ XXXV. 1882 Г., ІЮНЬ

мальчиѣ исполнялъ въ отношеніи къ своей малютѣ-племянницѣ. Ни отъ кого изъ дѣтей своихъ отецъ и мать не требовали непосильныхъ работъ и никогда ни одинъ изъ нихъ не слышалъ отъ родителей грубаго слова. Отецъ не противорѣчилъ приказаніямъ матери; она, въ свою очередь, не выгораживала и не оправдывала дѣтей передъ отцомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они навлекали на себя, за какую-либо оплошность, или выговоръ, или замѣчаніе. Помня себя съ шестаго года, Иванъ Петровичъ за все время пребыванія своего въ родительскомъ домѣ не слышалъ, что бы отецъ или мать когда нибудь сердились, или возвышали голосъ на дѣтей. Глубоко уважая память покойнаго своего отца, Иванъ Петровичъ съ особеннымъ чувствомъ благоговѣнія вспоминалъ и о своей доброй, безукоризненно нравственной и всегда справедливой матери. Строгая къ дѣтямъ, она не расточала безъ толку своихъ ласкъ и не часто наказывала дѣтей. Поэтому дѣти знали цѣну первымъ и сознавали значеніе вторыхъ. Шлепки, толчки и щипки были имъ невѣдомы; наказаніямъ тѣлеснымъ они почти не подвергались. Съ Иваномъ Петровичемъ эта неприятность случилась однажды за то, что онъ, вопреки запрещенію матери, откусилъ незрѣлый яблочъ, не срывая его, впрочемъ, съ дерева. Не въ оправданіе себѣ, а въ уясненіе сыну, добрая мать растолковала ему и нравственный вредъ непослушанія, и физическій вредъ отъ незрѣлыхъ плодовъ. А въ другой разъ этому-же наказанію подверглась и сестра Ивана Петровича, восьмилѣтняя дѣвочка. Здѣсь наказаніе имѣло въ основѣ мысль здравую и вполне основательную. Дѣвочка купила себѣ у прохожаго разносчика за полторы копѣйки наперстокъ, хотя бывшій у нея былъ еще цѣль и годечъ. „Зачѣмъ же ты купила себѣ новый?“ спросила мать. „Цѣна твоей обновки ничтожна, правда; но приучая себя къ бесполезнымъ, грошовымъ затратамъ, ты, непримѣтно для себя самой, втянешься въ глупое мотовство... Трудовымъ грошемъ слѣдуетъ дорезить болѣе, нежели сотней рублей избалованной праздности“.

Тихо, мирно, однообразно, текла жизнь малютки Келера. Любя отца и мать, онъ полюбилъ трудъ и возненавидѣлъ праздность. Въ домашнемъ быту семейства Келеровъ соблюдался старинный, мѣстный обычай, садясь за трапезу читать молитву Господню и пѣть духовные гимны. Малѣйшая кроха хлѣба, уроненная на полъ, поднималась и, какъ бы для очищенія, прикладывалась къ

губамъ. Трудовая кроха имѣла какое-то религиозное значеніе въ глазахъ эстонцевъ-поселянъ. „Человѣкъ, который въ силахъ работать, никогда не смѣетъ назвать себя нищимъ“: это правило, вынесенное Иваномъ Петровичемъ изъ скромной, родимой избы—служило и служить ему руководствомъ во всю его послѣдующую жизнь.

Въ зимніе вечера все наличное семейство (старшая дочь была уже замужемъ, а старшій сынъ жилъ въ городѣ) собиралось въ тѣсный кружокъ и при свѣтѣ лучины занималось пряжею, тканьемъ, выдѣлкою деревянной посуды и чтеніемъ. Семейная библіотека, за исключеніемъ календаря, состояла изъ трехъ книгъ, на эстонскомъ языкѣ: библии, евангелія и собранія духовныхъ пѣсень. Особенно сильное впечатлѣніе на малолѣтняго Кёлера производило чтеніе о разрушеніи Іерусалима.

Изъ отраднхъ воспоминаній дѣтскихъ лѣтъ Иванъ Петровичъ разсказалъ слѣдующее:

— Однажды, въ Троицынъ день, старшій братъ, жившій въ Феллинѣ подмастерьемъ у столяра, идучи къ намъ въ деревню, вздумалъ потѣшить насъ, братьевъ и сестеръ, пріятнымъ подаркомъ. Накупивъ крендельковъ изъ пшеничной муки, онъ обвѣшала ими вѣтви молоденькой березки, срѣзанной имъ дорогою и принесъ ее къ намъ. Конечно, самая изящная рождественская елка, украшенная блестящими бомбоньерками и конфетами, не радуется такъ дѣтей родителей достаточныхъ, какъ порадовала насъ эта березка съ крендельками. Чтобы дать понятіе объ этой радости, я долженъ объяснить, что насущный нашъ хлѣбъ былъ съ мякиною; чистый мы ѣдали только по праздникамъ, но пшеничный, бѣлый былъ, поистинѣ, лакомствомъ. Табакъ, водка, пиво, сахаръ, чай и кофе не были въ употребленіи, какъ въ нашемъ семействѣ, такъ и у сосѣдей; кабака по близости не было. Строгая нравственность, какъ я полагаю, была оттого, что мы жили вдали не только отъ города, но даже отъ мызы, почти въ лѣсахъ“.

По девятому году молодаго Ивана снарядили на житье въ городъ. Старшій братъ, съ дозволенія хозяина своего, пріютилъ мальчика въ уголокъ мастерской. Въ досужіе часы онъ училъ брата нѣмецкому языку и ариѳметикѣ. Въ свою очередь, Иванъ, не желая оставаться въ долгу у брата, помогалъ ему по мѣрѣ силъ своихъ. Разлука съ родительскимъ домомъ въ первые года

нѣжнѣйшаго отрочества имѣла огромное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благотвѣтельное вліяніе на характеръ Ивана. Она развила въ немъ самостоятельность, пробудила энергію, сообразительность, расширила кругозоръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приучила къ практическому взгляду на жизнь. Терпѣніе, трудолюбіе, честность и добрая нравственность—на нихъ основывалась моральная гигиена молодаго Келера. Воспитаніе въ родительскомъ домѣ—прозябаніе роста въ теплицѣ; воспитаніе общественное и вообще жизнь вдали отъ роднаго очага—эта пересадка на открытую почву и на вольный воздухъ. Натура слабая, безхарактерная можетъ пропасть; но твердая и богатая нравственными запасами—крѣпнетъ, мужаетъ, закаливается...

Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куеть булатъ!

Пробывъ нѣсколько времени въ городѣ у брата, Келеръ поступилъ въ элементарное Феллинское училище. Здѣсь онъ оставался не долго: учитель умеръ, а новаго на его мѣсто въ скорости не нашлось. Около этого же времени братъ уѣхалъ изъ Феллина. Молодой Иванъ, поступившій изъ элементарнаго въ уѣздное училище, переселился на житье къ эконому купеческаго собранія Дорбеку, которому родители Ивана Петровича платили ежегодно по 20 р. сер., доставляя кромѣ того, иногда, въ дополненіе платы, яйца, масла и другіе продукты. Жизнь въ домѣ купеческаго собранія не мало способствовала ознакомленію нашего художника съ основами общежитія; вліяла, безъ сомнѣнія, и на развитіе его эстетическихъ инстинктовъ. Зала собранія замѣняла и городской театр; въ ней давали представленія заѣзжіе нѣмецкіе актеры, драматическіе и оперные, съ антрепренеромъ Келеромъ, однофамильцемъ нашего художника. Плохо понимая нѣмецкій языкъ, Келеръ менѣе восхищался драмами и комедіями, нежели операми. Изъ нихъ у него особенно осталась въ памяти „Преціоза“ К. М. Вебера. Переселеніе Келера изъ деревни въ городъ повліяло на его здоровье, и безъ того не особенно крѣпкое; умственное и физическое развитіе, довольно медленное, осложнялось болѣзненною нервозностью. Такъ, однажды, у мальчика былъ припадокъ лунатизма... Однако-же, возвращаясь на каникулярное время къ отцу, въ деревню, Келеръ, проводя цѣлыя дни на воздухѣ, занимаясь пастъбою и полевыми работами, запасался здо-

ровѣемъ и въ двѣнадцать лѣтъ былъ свѣжимъ, крѣпкимъ и сильнымъ мальчикомъ.

Въ училищѣ онъ провелъ три года, за которые добрый, заботливый отецъ переплатилъ сто рублей, прикопленные бережливостью и многими лишеніями. Кёлеръ принадлежалъ къ числу старательныхъ и прилежныхъ учениковъ. Къ сожалѣнію преподаваніе шло исключительно на нѣмецкомъ языкѣ, съ которымъ мальчикъ нивагъ не могъ сладить. Онъ „задалбливалъ“ уроки на память, прекрасно отвѣчалъ ихъ, не понимая и половины того, что говорилъ. Хотя за прилежаніе молодой Кёлеръ бывалъ награждаемъ книгами и въ томъ числѣ русскою грамматикою, тѣмъ не менѣе его перевели изъ старшаго въ младшій классъ ¹⁾. Расположенный къ нему инспекторъ Кризе предлагалъ ему отъ себя бесплатные уроки латинскаго и греческаго языковъ для приготовленія въ гимназію. Но Кёлеръ-отецъ, въ три года истощившій послѣдній рубль на воспитаніе сына, не имѣлъ средствъ, даже и при бесплатномъ ученіи, покупать ему бумагу, книги и другія учебныя пособія. Взятый изъ училища, молодой Кёлеръ былъ отданъ родителями къ управляющему мызою Фаберу, у котораго Иванъ Петровичъ занимался письмоводствомъ и бухгалтерією: переписывалъ бумаги, сводилъ счета и т. д. Въ это же время въ юношѣ обнаружилиясь первые проблески способности къ рисованію. Однимъ изъ первыхъ опытовъ будущаго художника былъ рисунокъ растенія, скопированный имъ изъ сочиненія Линнея: *Genega plantagum*. Желая воспользоваться способностями Кёлера, управляющій поручалъ ему срисовывать заторные чаны,

¹⁾ Вслѣдствіе слабого знанія нѣмецкаго языка Кёлеръ часто не понималъ сущности преподаваемыхъ предметовъ въ старшемъ классѣ, почему учителя и были вынуждены, къ великому огорченію Кёлера, перевести его обратно въ младшій классъ. И такъ И. П. Кёлеръ на себѣ испыталъ, какъ мало пользы отъ ученія на чужомъ языкѣ. Межъ у тѣмъ мальчикъ жилъ еще въ нѣмецкомъ семействѣ, а каково же было тѣмъ ученикамъ эстонцамъ, которые только въ школѣ слышали нѣмецкій языкъ и должны были на немъ давать учителямъ отвѣты.

„Достоиню вниманія до чего нѣмцы упорно противодѣйствуютъ эстамъ во введеніи въ ихъ школы роднаго эстонскаго языка; въ университетскомъ городѣ Дерптѣ до сихъ поръ нѣтъ народныхъ школъ и потому бѣдное эстское населеніе въ городѣ менѣе грамотно и менѣе развито, чѣмъ эстское крестьянское населеніе, живущее въ лѣсахъ и обучающее своихъ дѣтей въ эстскихъ водостныхъ и приходскихъ школахъ“. примѣч. И. К.

кубы и другія части аппаратовъ винокуреннаго завода. Эти рисунки были исполнены настолько отчетливо, что добрый управляющій Фаберъ, угадывая въ молодомъ человѣкѣ несомнѣнное дарованіе, задумалъ серьезно позаботиться о его будущности. Занятія Келера по письмоводству окончились и тогда управляющій сказалъ ему:

— Теперь надобно тебѣ подумать о будущемъ: чѣмъ тебѣ жить и чѣмъ быть?

— Этого я и самъ не знаю, простодушно отвѣчалъ мальчикъ.

— Ты изрядно рисуешь... Не хочешь ли быть живописцемъ?

— Нѣтъ, не хочу. Живописцы—грязные.

— Живописцы въ Феллинѣ простые; но ты можешь быть живописцемъ-художникомъ, такимъ-же какъ и мой братъ. Живописцы не грязные; они хорошія картины пишутъ.

— Тогда я съ удовольствіемъ буду живописцемъ.

Этотъ отвѣтъ, почти бессознательный, рѣшилъ судьбу Келера. Начавъ съ ремесла, онъ достигъ до художества, точно также какъ посредственность или бездарность—начиная художествомъ кончаетъ ремесломъ... Родители безъ малѣйшихъ противорѣчій приняли совѣтъ управляющаго и рѣшили отправить Ивана на выучку, въ Венденъ. Крестьянинъ взялся доставить туда мальчика и въ четвергъ, на Өоминой недѣлѣ, 6-го апрѣля 1839 года, Келеръ надолго выѣхалъ изъ родительскаго дома.

II.

Ученіе у маляра.—Нисаніе декорацій.—Церковь въ имѣніи графа Сиверса.—Окраска куполовъ.—Древніе замки и ихъ окрестности.—Картинная галлерей князей Ливенъ—Экзекуція у крестьянъ-латышей.—Смерть Фабера.—Отъѣздъ въ Петербургъ.

1839—1846.

Въ Венденѣ Келеръ поступилъ въ ученіе къ „живописцу“ Фаберу. Напоминаемъ читателю, что съ этимъ званіемъ Фаберъ соединялъ мастерство маляра и лакировщика. По части писанія вывѣсокъ практика Фабера въ Венденѣ была не велика; за то онъ росписывалъ стѣны, потолки, паркеты; красилъ и лакировалъ экипажи. Эта школа—азбука живописи ознакомила молодого Келера съ составленіемъ красокъ и набила ему руку. Че-

резь три года онъ уже настолько успѣлъ въ „мастерствѣ“, что получилъ отъ хозяина порученіе написать декораціи для забъзжей труппы актеровъ. Для молодаго человѣка это было дѣломъ новымъ и незнакомымъ. На первый случай, по собственному разсказу Ивана Петровича, ему припало написать нѣсколько деревьевъ и пушку—игравшую хотя и нѣмую, но очень эффектную роль въ драмѣ: „Карлъ XII передъ Рюгеномъ“. Деревья нашъ пятнадцатилѣтній декораторъ изобразилъ совершенно своеобразно: листья, обращенные къ низу, висѣли какъ бы на ниточкахъ; но зелены они были какъ бы настоящія деревья; самъ Фаберъ и антрепренеръ труппы не судили строго этого перваго опыта Кёлера. За то пушка вышла изъ-подъ его ученической кисти очень удачно и на разстояніи, если не пушечнаго, то ружейнаго выстрѣла „имѣла видъ“ совсѣмъ какъ настоящая... Любуясь ею, снисходительный директоръ театра говорилъ, что изъ юноши выйдетъ настоящій художникъ. Эта похвала, которой суждено было оправдаться, много порадовала скромнаго юношу. Отданный къ Фаберу на семь лѣтъ, онъ прилежно занимался работою, льстясь далекою, скромною надеждою быть, со временемъ, художникомъ.

Послѣ перваго опыта въ декоративной живописи, молодому Кёлеру представился новый случай заявить о задаткахъ своего дарованія. Владѣлецъ имѣнія, называемаго Венденскаго замка (Schloss Wenden), сенаторъ, графъ Сиверсъ строилъ въ своемъ паркѣ православную церковь въ русскомъ стилѣ, украшенную внутри живописными орнаментами и изображеніями херувимовъ. Заказъ на стѣнную живопись взялъ на себя Фаберъ, нарочно для того выписавшій искуснаго живописца изъ Риги. Но сколько ни старались художники изъ уѣзднаго и губернскаго города — головки херувимовъ выходили у нихъ будто сердитые. Наконецъ, Фаберъ предложилъ „своему Ивану“ сдѣлать хоть попытку и работа Кёлера была настолько удачна, что заслужила похвалу не только учителя, но и самаго графа Сиверса. Почтенный сановникъ удостоилъ юношу ласковаго разговора и одобренія. Взявъ его подъ руку, не смотря на красками испачканный халатъ мальчика, графъ вмѣстѣ съ нимъ осматривалъ херувима, имъ написаннаго и по образцу котораго всѣ остальные были переписаны Кёлеромъ. Можно себѣ представить, что происходило въ юной душѣ счастливца при такомъ вниманіи и поощреніи со стороны знатнаго вельможи. Эти почести, однако, не вскружили

ему голову. По порученію Фабера, тотъ же Келеръ расписывалъ снаружи куполь — и на другой день висѣлъ между небомъ и землею, любуясь золотистымъ тономъ пейзажа, отражавшагося въ золоченомъ шарѣ надъ куполомъ храма, который пришлось ему красить, такъ какъ другаго смѣльчака на это дѣло не нашлось. Не долго думая, онъ запасся надежною веревкою, въ одномъ концѣ которой сдѣлалъ петлю. Опираясь одною ногою въ петлю, онъ держался лѣвою рукою за веревку, другой конецъ которой онъ, по мѣрѣ надобности, перекидывалъ съ крючка на крючокъ, придвѣланные въ куполу.

Любимѣйшимъ единственнымъ развлеченіемъ Ивана Петровича въ праздничные дни были прогулки по окрестностямъ города, завлекавшія его иногда за много верстъ. Особенную прелесть и красоту-то таинственность придавали загороднымъ мѣстностямъ развалины старинныхъ рыцарскихъ замковъ, каковы, кромѣ Венденскаго, Зегевольдъ, Трейденъ, Кременъ; послѣдній находится отъ Вендена въ 35-ти верстахъ. По его словамъ, только по воскресеньямъ и по праздникамъ, онъ чувствовалъ себя человекомъ, членомъ гражданской семьи, отъ которой въ остальные дни былъ какинъ-то отщепенцемъ. Ребяческое опасеніе быть „грязнымъ маляромъ“, къ крайнему его огорченію, оправдалось. Въ будни, съ утра до ночи, ученики были облачены въ тиковые халаты, до такой степени перемазанные и пропитанные красками, что онѣ образовывали толстый слой, чуть ни въ палецъ толщиною. Пересыхая и трескаясь, эта скорлупа крошилась и отставала пластами. Чистота рукъ, а иногда и лица вполне гармонировала съ одеждою, пропитанною, кромѣ красокъ, тяжелымъ запахомъ скипидара, олифы и лака. Какъ быть: у всякаго ремесла своя атмосфера! Весною и лѣтомъ работы бывало гораздо болѣе, нежели зимой, съ 4 часовъ утра до 9 вечера. Келеръ расписывалъ стѣны, потолки, паркетъ, красилъ и лакировалъ экипажи; въ зимнее время, на досугѣ, копировалъ съ гравюръ, карандашомъ и красками, а къ Пасхѣ раскрашивалъ и разрисовывалъ яички. Первый его опытъ рисунка акварелью обратилъ на себя вниманіе одной жительницы Вендена, дѣвицы фонъ-Гагельстромъ, очень доброй, милой, образованной. Ея похвалы не льстили самолюбію юнаго художника, но онѣ не мало способствовали къ поддержанію въ немъ склонности къ настоящей живописи.

Разъ, въ Троицынъ день, Иванъ Петровичъ вмѣстѣ съ то-

варищемъ отправился въ Кремень, гдѣ кромѣ замка находится великолѣпный барскій домъ князей Ливенъ, а въ немъ прекрасная картинная галерея. Здѣсь-то онъ впервые увидѣлъ картины знаменитыхъ художниковъ разныхъ школь и не могъ передать словами произведеннаго на него впечатлѣнія... Точно его перенесли въ какой-то сказочный міръ. По его словамъ, еслибы ему тогда предложили провести въ этой галереѣ двѣ недѣли, безъ ѣды и безъ питья, онъ согласился бы охотно, довольствуясь исключительно этой духовной пищей.

Пламенная, загорѣвшаяся въ немъ любовь къ живописи не поглотила, однако же, прочихъ общечеловѣческихъ чувствъ. Такъ одинъ эпизодъ изъ тогдашняго, роднаго его сердцу крестьянскаго быта, произвелъ на него тяжелое впечатлѣніе. Тогда объ этомъ событіи говорилъ весь Венденъ... Это было дѣло вопіющее

Крестьяне-латыши, неустанно проливавшіе потъ и кровь на тощую, неблагодарную мѣстную почву, задумали переселиться на болѣе благодарную „теплую“ (сильто-зелес), именно въ Россію. Хотя со стороны латышей не было и тѣни желанія рѣшать вопросъ о переселеніи ихъ какимъ-нибудь незаконнымъ—и еще того менѣе—насильственнымъ путемъ, однако же дворяне-помѣщики сумѣли придать этому дѣлу въ глазахъ губернскихъ властей видъ настоящаго бунта, и съ мечтавшими о переселеніи распорядились жестоко: нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Вессельсгофѣ прогнали сквозъ строй, прочихъ высѣли. Русскій лавочникъ, похвалившій имъ житье въ Россіи, былъ увезенъ въ Ригу, гдѣ, послѣ цѣлыхъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію. Вотъ когда Иванъ Петровичъ понялъ и созналъ всю силу и значеніе помѣщичьяго права. Больно ему было за несчастныхъ жертвъ жестокой расправы; онъ чувствовалъ, что подъ шпирутенами проливалась кровь невинная и ему не чуждая... Смутно понялъ онъ также, что и самое состраданіе къ нимъ могло быть истользовано въ смыслѣ противуправительственномъ!...

Прошло шесть лѣтъ со времени его поступленія къ Фаберу и хозяинъ предложилъ ему прпписаться подмастерьемъ къ венденскому малярному цеху и онъ удостоился этого званія по исполненіи задачи, состоявшей въ копіи тушью какой-то мифологической фигуры. Но представленіе въ цехъ произошло по ошибкѣ Фабера: онъ обчелся на цѣлый годъ, такъ какъ Келеръ поступилъ къ нему на семь лѣтъ. Съ дѣтства, еще въ родительскомъ

дому, привыкнувъ свято и ненарушимо соблюдать всякое обѣщаніе и условіе, Келеръ предложилъ хозяину оставить его въ своей мастерской еще на годъ. Фаберъ, разумѣется, согласился, положивъ ему жалованья по 75 коп. въ недѣлю.

На Фабера, кромѣ другихъ общественныхъ обязанностей, возложена была должность „маршъ-коммиссара“. Она состоитъ въ размѣщеніи по вольнымъ квартирамъ приходящихъ на постой военныхъ командъ. Къ составу таковой принадлежалъ одинъ юнкеръ, заболѣвшій пятнистымъ тифомъ. Добрый Фаберъ, жалѣя одинокаго молодого человѣка въ дорогѣ, ходилъ за нимъ—заразился, и, пріѣхавъ домой, самъ слегъ—и скончался во цвѣтѣ лѣтъ, оставивъ жену и троихъ дѣтей, изъ которыхъ младшему было 10 лѣтъ. Не могъ Келеръ покинуть этой семьи, не приведя въ порядокъ дѣлъ по мастерской и, по мѣрѣ силъ, не позаботясь о ней, хотя бы на первыхъ порахъ.

Къ числу значительныхъ работъ покойнаго хозяина принадлежали заказы въ домѣ частной гимназіи въ „Биркен-ру“ (въ 3-хъ верстахъ отъ Вендена). Явись къ директору. Иванъ Петровичъ сказалъ, что хотя Фаберъ и умеръ, но работы по мастерской его не прекращаются и будутъ продолжаться по прежнему. „Это посѣщеніе (разсказывалъ Иванъ Петровичъ) памятно мнѣ потому, что я въ квартирѣ директора Голландера видѣлъ портреты, писанные съ него и его семейства художникомъ Петцольдомъ. Картины въ галлерей князя Ливена—произведенія древнихъ мастеровъ—казались мнѣ, по ихъ совершенству, недосыгаемыми для подражанія. Здѣсь же я видѣлъ произведенія художника современнаго, живаго, который можетъ передать ученику великую тайну умѣнія владѣть кистью. „Если бы мнѣ когда удалось научиться писать такіе портреты!“ думалъ я, любуясь работою Петцольда. Мысль о переселеніи въ Петербургъ, посѣщавшая меня еще ранѣе, теперь окончательно во мнѣ созрѣла. Приведя въ порядокъ дѣла по мастерской покойнаго Фабера, я имѣлъ возможность похлопотать о себѣ и рѣшился ѣхать въ столицу, гдѣ проживалъ мой старшій братъ столяръ. Продавъ пальто и кое-какіе изъ моихъ вещей, я собралъ деньжонокъ на мѣсто на пароходѣ изъ Риги въ Петербургъ, и отплылъ“.

Въ октябрѣ 1846 г. Келеръ, съ 75 копѣйками въ карманѣ, прибылъ благополучно въ Петербургъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ ТАТЬЯНЫ ПЕТРОВНЫ ПАСЕКЪ.

XXXVII¹⁾.

Сонъ въ весеннюю ночь.

Ступай, великое дѣя, великая сила,
великая простота. Ступай на свою
скалу, плебей въ красной рубашкѣ и
король Лиръ! — у тебя есть бѣдная
Корделія.

— Это совершилось предъ нами въ Англии, говорилъ мнѣ Никъ²⁾, когда я была у него въ Женевѣ, въ 1873 году, въ августѣ мѣсяцѣ, — это былъ одинъ изъ фантастическихъ сновъ Шекспира; какъ въ твореніяхъ Шекспира, это было сліяніе высокаго съ мелочнымъ, возвышающаго душу съ раздражающимъ слухъ. Рядомъ съ святой простотой человѣка — закулисные разговоры, интриги, ложь.

— Въ обществѣ и журналахъ, замѣтила я, говорили, что Гарибальди пріѣзжалъ въ Англию по приглашенію англійскаго правительства?

— Англійское правительство никогда не приглашало и не

¹⁾ См. „Русскую старину“ изд. 1876 г., томъ XV, стр. 805; т. XVI, стр. 89, 309, 511, 649; т. XVII, стр. 537. Изд. 1877 г. т. XVIII, стр. 665; т. XIX, стр. 431; т. XX, стр. 277. Изд. 1878 г. т. XXI, стр. 205; т. XXII, стр. 93 и 369. Изд. 1879 г. т. XXVI, стр. 241—258.

²⁾ Николай Платоновичъ Огаревъ, извѣстный поэтъ писатель, умершій за границей.

вызывало Гарибальди. Англичане, приглашавшіе его, не имѣли ничего общаго съ министерствомъ. Когда спросили Пальмерстона, не будетъ ли непріятенъ пріѣздъ Гарибальди правительству, — онъ отвѣчалъ: почему же правительству можетъ быть непріятно, чтобы генераль Гарибальди пріѣхалъ въ Англію, — нисколько, оно съ своей стороны не отклоняетъ его пріѣзда, но и не приглашаетъ его.

Гарибальди пріѣзжалъ въ Англію съ цѣлю итальянскаго вопроса. Ему хотѣлось собрать столько денегъ, чтобы имѣть возможность начать походъ въ Адриатикѣ — онъ надѣялся, что, когда дѣло будетъ сдѣлано, то увлечетъ Виктора Эмануила.

— И только? спросила я.

— И только, — отвѣчалъ Никъ. Всѣ, кто желалъ его пріѣзда, всѣ приглашавшіе его знали, что Гарибальди будутъ оваціи, но того характера овацій, какой принялъ его пріѣздъ въ народѣ — никто не ожидалъ.

Англійскій народъ, при вѣсти, что къ нему ѣдетъ въ гости человекъ красной рубашки, встрепенулся.

Англійской аристократіи это показалось непріятно; но ей и въ голову не приходило изгонять Гарибальди; напротивъ, ей хотѣлось утянуть его въ себя, закрыть отъ народа; она собиралась заласкать его, закормить, запоить, не дать опомниться, не давать придти въ себя, не дать ему ни минуты остаться одному. Ему надобно денегъ — дать ему полмилліона, милліонъ франковъ, купить ему остальную часть Капреры, всю скалу; купить ему удивительную яхту, — онъ такъ любитъ катанья по морю, — лишь только бы онъ не бросалъ деньги на вздоръ, — на освобожденіе Італіи.

— И кажется ни чьи планы не удались, спросила я, даже и отчасти?

— Не только отчасти — нисколько, несмотря на то, что они проводились съ самой блестящей обстановкой. Гарибальди выходилъ изъ всего, точно ясный мѣсяцъ изъ-за тучъ. Съ условіями, поставленными англійской аристократіею, онъ не сошелся, и отказался отъ всѣхъ даровъ ея, — вѣдь онъ просилъ не для себя.

Это стало смущать аристократію, — ее выручили дѣловые люди, пошли толки, перешептыванія, переписка, безпокойство за здоровье Гарибальди, потому вѣсть, что онъ ѣдетъ на-дняхъ

на Капреру, не заѣзжая ни въ одинъ городъ. Законодательное собраніе рѣшило, что Гарibaldi боленъ, государственные люди стали тревожиться за здоровье челоуѣка, который не просилъ ихъ объ этомъ, стали прописывать ему, не спросивши его, Атлантический океанъ.

— Я читала въ нѣкоторыхъ журналахъ, сказала я, какъ пріѣзжалъ генераль Гарibaldi въ Лондонъ, и что, по болѣзни, неожиданно уѣхалъ; а ты мнѣ подробнѣе журналовъ писалъ объ этомъ времени, особенно о томъ, какъ у васъ въ Теддингтонѣ, гдѣ вы тогда жили, Гарibaldi обѣдалъ вмѣстѣ съ Маццини и потому долженъ былъ уѣхать изъ Англїи, нежданно, негаданно, не только для васъ, но и для него самаго; а Саша ¹⁾ по поводу этой неожиданности называетъ пребываніе Гарibaldi въ Англїи: «сонъ въ весеннюю ночь».

— Дѣйствительно, все это можно назвать сномъ, продолжалъ Никъ, такъ оно было фантастично и мелькнуло какъ сновидѣніе. Видится—звучать трубы, раздается громъ пушекъ, звонъ колоколовъ, корабли покрыты флагами. Вотъ величественная личность изъ народа, какая когда-либо появлялась, выступаетъ въ полномъ блескѣ славы. Лондонъ семь часовъ на ногахъ ждетъ великаго челоуѣка въ красной рубашкѣ. Онъ возбуждаетъ упоительный восторгъ. Тысячи челоуѣкъ провожаютъ его экипажъ отъ Ковенгарда въ Сень-Джемсъ; тысячи ждутъ его отъ семи часовъ утра передъ Стаффордъ-Гаузомъ. Рабочіе и герцоги, перы и слуги, прачки и дамы, старшій сынъ королевы Викторїи и гаменъ въ лохмотьяхъ, безъ отца и безъ матери,—все тѣсняется, чтобы позвать ему руку. Ньюкестель, Ньюіоркъ, Глазговъ, Толь,—вся Шотландїя горитъ желаніемъ принять его у себя, а онъ... онъ исчезаетъ какъ тѣнь Гамлета, онъ ступилъ на западню и скрылся... гдѣ онъ? Онъ сейчасъ былъ тутъ!... тамъ!... и нѣтъ его..., только парусъ надувается вѣтромъ.

¹⁾ Александръ Ивановичъ Герценъ † въ Парижѣ, въ январѣ 1870 г., погребенъ въ Ниццѣ. На могилѣ его, на высокой горѣ, на старинномъ городскомъ кладбищѣ, стоитъ на небольшомъ пьедесталѣ, во весь его ростъ, бронзовая статуя. Герценъ изображенъ въ пиджакѣ, съ сложенными на груди руками и обнаженною головою. Бюстъ довольно схожъ съ известными портретами Герцена. На пьедесталѣ нѣтъ никакой надписи. Художникъ М* сдѣлалъ для нашего альбома довольно хорошій рисунокъ этого памятника.

— Ты не можешь себѣ представить, говорилъ Никъ,—что за пріемъ сдѣланъ былъ Гарибальди! Монархи не имѣли такого, и вдругъ въ палатахъ, въ журналахъ, во многихъ салонахъ, въ письмахъ говорятъ, что человѣкъ — наканунѣ совсѣмъ здоровый — болѣнь до того, что ему необходимо на яхтѣ переплыть вдоль Атлантическій океанъ, и поперекъ Средиземное море.

— А какъ торжественно принимали его! замѣтила я,—обѣды, рѣчи, гирлянды, украшенія, костюмы, балеты, волшебства, арлекинады!

— Да, все это было,—иллюминировано, раскрашено, продавалось по пени,—это было, дѣйствительно, «сонъ въ весеннюю ночь». Ты знаешь подробности?

— Не думаю; впрочемъ, объ этомъ такъ много говорили, писалъ мнѣ ты, писалъ объ этомъ Саша, такъ общее болѣе или менѣе знаю.

— Александръ (Герценъ) очень любилъ Гарибальди, говорилъ Никъ,—онъ познакомился съ нимъ въ 1854 году, когда Гарибальди приплылъ, изъ южной Америки, капитаномъ корабля и сталъ на Вестъ-Индскихъ докахъ; узнавши это, Александръ отправился къ нему съ однимъ изъ его товарищей по римской войнѣ. Гарибальди встрѣтилъ ихъ съ своей обычной простотой и радушіемъ. Онъ былъ одѣтъ въ свѣтло-сѣрое толстое пальто, на шеѣ у него былъ повязанъ шарфъ яркихъ цвѣтовъ, на головѣ фуражка. Ничто не напоминало славнаго предводителя римскаго ополченія, портреты, статуетки котораго продавались во всемъ свѣтѣ. Это былъ простой морякъ, добродушный, привѣтливый съ полнымъ отсутствіемъ претензій. Но несмотря на любовь и гордость, съ какой смотрѣли на него всѣ составлявшіе его экипажъ, видно было, что онъ власть.

Гарибальди пригласилъ посѣтившихъ его въ свою каюту и угощалъ устрицами южной Америки, сушеными фруктами, порвейномъ, и вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то, велѣлъ матросу принести какую-то бутылку, съ любовью ее откупорилъ и налилъ всѣмъ по рюмкѣ. Это былъ беллетъ изъ Ниццы — изъ его родины. Онъ привезъ его изъ Америки въ Лондонъ.

За завтракомъ разговоры были просты, безцеремонны, безъ фразъ, но мало по малу въ Гарибальди становилось чувствительно присутствіе силы, присутствіе пароднаго вождя, неустрашимость

котораго дивила старыхъ солдатъ. Говоря о Маццини, Гарибальди высказалъ свое мнѣніе о его дѣйствіяхъ, значительно расходившееся съ мнѣніемъ Маццини; несмотря на то, что высоко уважалъ его и признавалъ въ немъ путеводителя своей юности, друга и наставника; не смотря на то, что и въ это время былъ съ нимъ въ теплыхъ отношеніяхъ: «Зачѣмъ они дразнятъ Пьемонтъ—это вредно, говорилъ Гарибальди, дѣло въ томъ, чтобы освободить Италію отъ Австріи; нечего и не зачѣмъ думать о республикѣ; сомнѣваюсь, чтобы они и нуждались въ ней». Гарибальди вообще былъ противъ всѣхъ опытовъ возстанія. Время и послѣдствія доказали какъ онъ былъ правъ.

Когда онъ отплывалъ за углемъ въ Нью-Кестль на Теймсѣ и оттуда въ Средиземное море, Саша сказалъ, что ему чрезвычайно нравится его морская жизнь, и что, по его мнѣнію, онъ избралъ себѣ самую благую часть изъ всѣхъ эмигрантовъ.

— Кто-жъ имъ не велить сдѣлать тоже, отвѣчалъ Гарибальди. Явилась бы плавающая эмиграція. Меня въ Америкѣ знаютъ, я могъ бы имѣть три, четыре корабля подъ моимъ начальствомъ—и взялъ бы на нихъ эмиграцію; матросы, лейтенанты, работники, повара, все были бы эмигранты. Въ Европѣ дѣлать нечего—развѣ ходить по міру въ Англии. Въ Америкѣ еще хуже—Америка страна забвенія родины. Тамъ все другое; другіе интересы. Чего же лучше, какъ собраться около нѣсколькихъ мачтъ и носиться по океану—независимые, недосыгаемые, готовые пристать къ тому или другому берегу. Это было когда-то моей мечтой.

Вечеромъ того же дня Александръ встрѣтился съ Гарибальди въ одномъ домѣ, гдѣ былъ и Маццини. Маццини вынулъ изъ кармана листъ *Italia del popolo* и показалъ Гарибальди какую-то статью. Гарибальди прочиталъ ее и сказалъ: «да, написано бойко, а статья превредная; я скажу откровенно, за такую статью стоитъ журналиста или писателя сильно наказать. Раздувать всѣми силами раздоръ между нами и Пиемонтомъ, въ то время, какъ у насъ только и есть одно войско, войско сардинскаго короля. Это опрометчивость и ненужная дерзость, доходящая до преступленія».

Маццини отстаивалъ журналъ.

Гарибальди былъ грустенъ и сдѣлался еще грустнѣе. Было

поздно, онъ не хотѣлъ возвращаться на ночь на доки и сбирался идти въ гостинницу. Александръ предложилъ ему ночевать у него. Онъ согласился.

Присутствующіе на вечерѣ такъ осаждали Гарибальди, что онъ, едва выпутавшись кой-какъ, подошелъ къ Александру и спросилъ: «долго ли онъ тутъ пробудеть?»

— Отправимтесь хоть сейчасъ.

— Сдѣлайте милость.

Они уѣхали. По дорогѣ Гарибальди сказалъ:

— «Жаль, Маццини увлекается, съ чистѣйшими намѣреніями дѣлаеть страшныя ошибки. Тѣшится тѣмъ, что выучилъ своихъ учениковъ дразнить Піемонтъ; послѣдняя опора пропадетъ. Республика! дѣло не въ республикѣ. Маццини знаетъ Италію образованную, и владѣетъ ея умами; но изъ нихъ не составится войска, чтобы выгнать изъ Италіи австрійцевъ, и отдѣлить папу. Я знаю итальянскія массы; для массы, для народа итальянскаго одно знамя—единство и изгнаніе чужеземцевъ.

— «Можно ли этого достигнуть, опрокидывая на себя единственное сильное королевство въ Италіи, которое хочетъ стать за Италію, да боится; надобно его звать, а не отталкивать, не обижать».

На другой день Гарибальди, рано утромъ, пошелъ гулять, съ маленькимъ сыномъ Александра; зашелъ въ фотографію, снялъ съ ребенка портретъ, принесъ въ подарокъ отцу и остался у нихъ обѣдать. Во время обѣда явился присланный отъ Маццини; онъ хотѣлъ говорить съ Гарибальди наединѣ, но Гарибальди сказалъ, что у него нѣтъ никакихъ секретовъ, да и чужихъ тутъ нѣтъ никого и въ продолженіи разговора повторилъ, что Маццини знаетъ только одну сторону жизни, но до народа, до этого фундамента общества, идущаго до грунта, т. е. до полей и плуга, до пастуховъ и лодочниковъ, никогда не доходилъ, а что онъ, Гарибальди, не только въ Италіи, но и вездѣ жилъ съ народомъ. зналъ его силу и слабость, горе и радости, зналъ его среди битвъ и среди океана и народъ въ него вѣрить.

Маццини не вѣрилъ ему.

Уѣзжая, Гарибальди сказалъ: «ѣду, а на душѣ тяжело; онъ что-нибудь да предприметь вредное».

И угадалъ.

Не прошло года какъ двѣ, три неудачныя вспышки доказали, какъ онъ былъ правъ. Далѣе Гарибальди не вытерпѣлъ и разразился извѣстнымъ письмомъ.

«Въ этихъ возстаніяхъ, писалъ онъ, могутъ участвовать или сумасшедшіе, или враги итальянскаго дѣла».

— Прошло около десяти лѣтъ, я жилъ въ Англіи вмѣстѣ съ Александромъ, миляхъ въ десяти отъ Лондона, въ Тедлингтонѣ, продолжалъ свой рассказъ Никъ. Въ 1864 году ждали Гарибальди въ Англіи. 3-го апрѣля онъ пріѣхалъ въ Судгамптонъ. Александръ тотчасъ отправился туда. Ему хотѣлось видѣть Гарибальди, прежде чѣмъ его опутаютъ, утомятъ, хотѣлось потому, что онъ любилъ его, что давно смотрѣлъ на него, какъ на лице, взятое изъ Плутарха, а теперь, писалъ о немъ Александръ: «онъ переросъ этихъ героевъ, сталъ легендарнымъ отъ береговъ Испаніи до Украины, отъ Шотландіи до Сербіи. Съ тѣхъ поръ онъ побѣдилъ цѣлое государство съ горстью волонтеровъ, и какъ отпустили его! съ тѣхъ поръ онъ былъ побѣжденъ и, какъ ничего не приобрѣлъ отъ побѣды, такъ ничего не потерялъ отъ пораженія, напротивъ, послѣднее усилило обаяніе и новый ореолъ осіялъ лавры его». Александръ хотѣлъ видѣть тотъ ли это капитанъ корабля, котораго онъ видѣлъ на Индіанъ-догахъ, который мечталъ объ эмиграціи на океанъ; онъ хотѣлъ видѣть его и для того, чтобы сообщить о нелѣпостяхъ, которыя дѣлала партія его поклонниковъ; о томъ, какъ воздвигая ему триумфальныя арки, унижали Маццини. Онъ былъ увѣренъ, что Гарибальди не имѣетъ настоящаго понятія о томъ, какъ Станфильдъ, съ которымъ онъ былъ друженъ, пострадалъ за то, что, находясь на службѣ королевы, не разорвалъ дружбы съ Маццини.

Александръ пріѣхалъ въ Судгамптонъ, спустя нѣсколько минутъ, по отъѣздѣ Гарибальди на островъ Вайтъ, гдѣ онъ намѣренъ былъ провести нѣсколько дней у одного изъ членовъ парламента Сити.

На улицѣ видѣлись остатки торжества въ честь Гарибальди, флаги украшали суда. Вездѣ толпилися народъ. Александръ пріѣхалъ на первомъ пароходѣ въ Коузъ. Въ гостинницахъ, на

пароходѣ, только и слышалось, что о Гарибальди. Рассказывали какъ онъ, сходя съ парохода, пожалъ руку каждому матросу, когда они выстроились рядами по пути, по которому онъ долженъ былъ пройти. Однимъ этимъ поступкомъ онъ покорилъ себѣ сердца англійскихъ моряковъ.

Рассказывали какъ вышелъ онъ на палубу, опираясь на герцога Сутерландскаго.

Въ Коузъ Александръ пріѣхалъ поздно вечеромъ, и, заказавши себѣ къ утру коляску, пошелъ пройтись по взморью. «Вечеръ былъ тихій, теплый, писалъ Александръ, вспоминая это время; море едва колыхалось, мѣстами по немъ пробѣгали фосфорическія блески и струи,—пахло морскими испареніями, изъ какого-то клуба доносилась музыка, на всемъ лежалъ свѣтлый праздничный видъ. За то на другой день лилъ частый мелкій дождь. Небо, земля, даль все слилось въ сѣрую массу». Подъ этимъ дождемъ Александръ пріѣхалъ въ полузакрытой коляскѣ въ Брокъ-Гаузъ, гдѣ находился Гарибальди, и послалъ свою карточку къ его секретарю Гверцони.

Гверцони пригласилъ его въ свою комнату, а самъ пошелъ сказать о немъ Гарибальди. Спустя минуту, послышалась его походка и стукъ его палки; онъ шелъ, спрашивая: «гдѣ онъ, гдѣ онъ?» Александръ отворилъ дверь, выходящую въ широкій корридоръ; предъ нимъ стоялъ Гарибальди, съ своимъ яснымъ, кроткимъ взоромъ—и протягивая руки говорилъ: «какъ радъ васъ видѣть, какъ радъ, что вижу васъ полнымъ здоровья и силъ», и обнялъ его. «Куда хотите? вотъ комната Гверцони, а вотъ тамъ моя».

На Гарибальди былъ надѣтъ всѣмъ извѣстный его костюмъ—его *camici rossa*, красная рубашка. Сверхъ нея оригинальнаго покроя плащъ, застегнутый на груди, а на шеѣ былъ повязанъ платокъ по матросски. Все вмѣстѣ шло къ нему необыкновенно.

Александръ нашелъ, что Гарибальди мало измѣнился.

Портреты его не даютъ о немъ понятія, всѣ они старѣе, и нигдѣ не схвачено выраженіе его лица, въ чемъ и содержится вся сила и вся тайна влекущаго къ нему; все очарованіе, которое онъ разливаетъ вокругъ себя, какъ на рыбаковъ

въ Ниццѣ, на экипажъ корабля, такъ и на армію волонтеровъ въ Италиі, на народныя массы всѣхъ континентовъ.

Черты лица его напоминаютъ скорѣе типъ славянскій, нежели итальянскій.

Въ его взорѣ, улыбкѣ, въ звукѣ голоса, во всемъ выражается доброта, простодушіе и такая трогательная прिवѣтливость, что нѣтъ возможности противиться ихъ притягательной силѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ не опредѣляютъ вполнѣ характера его. Въ этой добротѣ чувствуется неразрушимая сила нравственная, возможность преданности до отданія себя—въ глубинѣ же всего какая-то печаль, отбрасывающая на все свой грустный отбѣнокъ. Мысли быстро пробѣгаютъ по чертамъ лица его;—страхъ ли это передъ судьбою, отъ которой нельзя отречься? сомнѣніе ли при видѣ измѣнъ, паденій, слабостей?—быть можетъ. Не величіе-ли искушало его?—нѣтъ, величіе не могло искушать Гарибальди,—онъ весь былъ свое дѣло.

Въ разговорѣ съ Александромъ онъ вспоминалъ подробности ихъ свиданья въ 1854 году; вспоминалъ какъ онъ опоздалъ возвратиться на доги, какъ ночевалъ у него, какъ снялъ фотографію его ребенка.

Между прочими разговорами Александръ сказалъ ему: я долженъ вамъ признаться, что поторопился васъ видѣть не безъ задней мысли; я боялся, чтобы мрачная атмосфера Англии не помѣшала вамъ увидать интереснаго, закулиснаго механизма пьесы, которая дается на подмосткахъ парламента.

— Могу ли говорить все, что хочу?

— Пожалуйста, отвѣчалъ Гарибальди. Мы старые друзья.

Тогда Александръ разсказалъ ему нелѣпныя выходки противъ Маццини и чему подвергали за него Стансфильда — челоуѣка, который своимъ личнымъ достоинствомъ, трудомъ и умомъ достигъ еще въ довольно молодыхъ лѣтахъ мѣста лорда въ адмиралтействѣ.

— На васъ прямо нападать не смѣютъ, продолжалъ онъ, но посмотрите, какъ безцеремонно васъ трактуютъ. И подалъ ему послѣдній листъ «Standart'a»; тамъ было сказано: мы увѣрены, что генераль Гарибальди пойметъ настолько обязанности, возлагаемыя на него гостепріимствомъ Англии, что не будетъ имѣть сно-

шеній съ прежнимъ товарищемъ своимъ и настолькоъ такта, чтобы не ѣздить въ № 35 Thourley Square ¹⁾).

— Я слышалъ кое-что, сказалъ Гарибальди, объ этой интригѣ. Разумѣется, одинъ изъ первыхъ визитовъ моихъ будетъ къ Стансфильду.

Гарибальди всталъ; Александръ, думая, что онъ хочетъ окончить свиданіе, сталъ прощаться. — «Нѣтъ, нѣтъ, пойдемте теперь ко мнѣ», сказалъ Гарибальди; они пошли. Прихрамывалъ Гарибальди сильно, но вообще его организмъ вышелъ со славою изъ нравственныхъ и политическихъ операцій, не смотря на двѣ глубокія раны—одну въ ногу, другую въ сердце, какъ выразился Александръ.

Идя рядомъ съ Гарибальди, Александръ всматривался въ его одежду и находилъ, что это самый простой и самый удобный костюмъ, а отсутствіе афектаціи, съ которой онъ его носитъ, не допускаетъ общество имъ оскорбляться, не допускаетъ и щепетильныхъ пересудовъ; но врядъ ли найдется въ Европѣ другой человѣкъ, кромѣ Гарибальди, который бы могъ безнаказанно появляться во дворцахъ англійской аристократіи въ своей красной рубашкѣ. Нѣкоторые изъ газетъ выдумали, что это мундиръ монтевидейскаго волонтера. Да вѣдь Гарибальди съ тѣхъ поръ былъ пожалованъ въ генералы королемъ, которому даль двѣ короны. Отчего же онъ носитъ мундиръ монтевидейскаго волонтера?

Принадлежность мундира оружіе; Гарибальди ходитъ безъ оружія, не боится никого и никого не страшаетъ. «Я не солдатъ, говорилъ онъ итальянцамъ, предлагавшимъ ему почетную саблю, и не люблю военное ремесло. Я взялся за оружіе, когда на мой родительскій домъ напали разбойники, чтобъ защищать его. Я работникъ и происхожу отъ работника».

Не смотря на это, въ Гарибальди нѣтъ и тѣни плебейской необразованности, манеры его чрезвычайно кротки и благородны. Его плащъ въ широкихъ складкахъ, застегнутый на груди, походитъ скорѣй на плащъ великаго жреца, нежели на плащъ воина.

Разговоръ продолжался еще нѣсколько минутъ, какъ въ

¹⁾ Квартира Стансфильда.

дверяхъ начали показываться англійскія фізіономіи, шуршать дамскія платья,—Александръ всталъ, чтобы выйти.

— Куда вы торопитесь? спросилъ Гарибальди.

— Не хочу васъ врать у Англіи.

— До свиданья, въ Лондонѣ,— не правда ли?

— Непремѣнно буду. Правда, что вы остановились у герцога Сутерландскаго?

— Да, сказалъ Гарибальди и прибавилъ, какъ бы извиняясь: не могъ отказаться.

XXXVIII.

Въ Стаффордъ-Гаузѣ.

Въ день пріѣзда Гарибальди въ Лондонъ, рѣки народа запружали улицы и площади; гдѣ былъ карнизъ, балконъ, окно—вездѣ были люди; все это ждало въ иныхъ мѣстахъ слишкомъ шесть часовъ. Гарибальди пріѣхалъ въ половинѣ третьяго на станцію Ней-Эльбсъ и только въ половинѣ девятаго подѣхалъ къ Стаффордъ-Гаузу. У подѣзда его ждалъ герцогъ Сутерландскій съ своей женою.

Порядокъ былъ удивительный. Народъ какъ бы понялъ, что онъ привѣтствуетъ одного изъ своихъ.

У Минстерскаго моста, близъ парламента, народъ такъ стѣснился, что коляска Гарибальди, ѣхавшая шагомъ, остановилась; а процессія, тянувшаяся на версту, ушла впередъ съ знаменами, музыкою и пр. Съ криками ура, народъ облѣпилъ коляску; все, что могло продраться, жало руку, цѣловало края плаща Гарибальди, кричало Welcome; народъ хотѣлъ отложить лошадей и везти его на себѣ, но его уговорили. Овація продолжалась около часа, одна толпа передавала гостя другой, — коляска то двигалась шагомъ, то снова останавливалась.

Англія дворцовъ, Англія милліоновъ шла на встрѣчу Гарибальди, вмѣстѣ съ Англіей мастерскихъ.

Принявши предложеніе герцога Сутерландскаго поселиться у него, Гарибальди помогъ интригѣ, затѣянной еще до его пріѣзда, цѣль которой была удалить его отъ народа, и отрѣзать

отъ друзей и знакомыхъ, а пуще всего отъ Маццини. Благородство и простота Гарибальди уничтожила ее, отчасти, но затрудненіе говорить съ нимъ безъ свидѣтелей помогало.

Въ мірѣ не было человѣка, котораго было бы видѣть легче, чѣмъ Гарибальди и съ которымъ было бы труднѣе говорить. По счастью онъ вставалъ въ пять часовъ утра, принималъ въ шесть, а интрига шла съ десяти. Только въ день отъѣзда его, дамы стали вторгаться къ нему часомъ раньше.

Въ домѣ герцога Гарибальди занималъ одну комнату, а другую его слуга; два сына его и секретарь помѣщались на свой собственный счетъ въ гостинницѣ. Церемонимейстеры, буфетчики, наблюдатели, слуги непрерывно сновали при Гарибальди, и бросалось въ глаза, какъ принимались мѣры, чтобы предупредить и пресѣчь его сближеніе съ близкими ему людьми. Тогда мы съ Александромъ пригласили Гарибальди, вмѣстѣ съ Маццини, къ намъ въ Теддингтонъ отобѣдать. Гарибальди согласился. На слѣдующій день мы поѣхали къ Гарибальди, чтобы условиться на счетъ поѣздки; Гарибальди не было дома; мы остались ждать его вмѣстѣ съ Саффи и Гверцини въ приемной залѣ. Въ двухъ шагахъ отъ насъ шелъ оживленный разговоръ, который обратилъ наше вниманіе, такъ какъ въ немъ часто упоминался Теддингтонъ.

Одинъ изъ говорившихъ, повидимому итальянецъ, съ жаромъ повторялъ: это невозможно, невозможно, до Теддингтона 16 или 17 миль.

— Не больше 11-ти, спокойно замѣтилъ я.

Итальянецъ тотчасъ обернулся ко мнѣ — говоря: и это страшное разстояніе; генералу придется отложить поѣздку въ Теддингтонъ. Въ три часа ему надобно быть въ Лондонъ.

— Генераль хочетъ ѣхать и поѣдетъ, сказалъ Гверцини.

Споръ продолжался еще, какъ дверь отворилась — вошелъ Гарибальди.

— Позвольте мнѣ окончить вашъ споръ, замѣтилъ Александръ, и подойдя къ Гарибальди сказалъ:

— Вы велѣли передать мнѣ, что пріѣдете къ намъ въ Теддингтонъ. Это мнѣ очень дорого; но если пріѣздъ къ намъ соединенъ съ затрудненіями — я не настаиваю.

— Что за затрудненія? спросилъ Гарибальди, — какія?

Спорившій итальянецъ подбѣжалъ къ нему, говоря:

— Ъхать въ Тедлингтонъ въ 11 часовъ и возвратиться въ Лондонъ въ три невозможно.

— Значить надобно ъхать въ десять—просто и ясно.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Александръ, позвольте мнѣ съ Никомъ пріѣхать къ вамъ въ десятомъ часу съ экипажемъ и поѣдемте вмѣстѣ.

— Очень радъ, буду васъ ждать, отвѣчалъ Гарибальди.

Ъхавши отъ Гарибальди, мы завернули къ Ледрю Ролленю и пригласили его къ намъ; но онъ отказался, говоря, что ему, какъ представителю французской республики, какъ пострадавшему за папу, нельзя видѣться съ Гарибальди въ первый разъ не у себя.

На слѣдующій день, мы взяли карету съ отличными лошадьми и пріѣхали за Гарибальди въ Стафордъ-Гаузь.

— Итальянецъ кричить, говорилъ Гверцини, что лошади герцога не выдержатъ поѣздки.

— Ихъ и не надобно. У насъ карета готова, сказалъ я.

— Не успѣетъ генераль возвратиться на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ.

— Устанутъ—впрягутъ другихъ.

— Скоро-ли кончится эта каторга? сказалъ Гверцини, обращаясь къ намъ, — всякая дрянь распоряжается.

— Не пора-ли? говорилъ Гарибальди, входя въ комнату, — только доставьте меня къ тремъ часамъ въ Лондонъ.

Саффи и Мордини, бывшіе въ числѣ приглашенныхъ, отправились въ Тедлингтонъ по желѣзной дорогѣ.

— Поѣдемте и мы, сказалъ Гарибальди. Мы вышли. Густая толпа стояла передъ Стаффордъ-Гаузомъ. Громкія продолжительныя ура—встрѣтили и проводили нашу карету.

.....

Я пробыла въ Женевѣ у Ника (Н. П. Огарева) трое сутокъ, и въ этотъ день, когда у насъ шелъ разговоръ о Гарибальди, хотѣла ъхать обратно въ Интерлакенъ, гдѣ проводила лѣто съ своимъ семействомъ, не смотря на дождь, который лилъ всю ночь какъ изъ ведра, а днемъ продолжалъ сѣяться точно сквозь сито. Но Никъ такъ просилъ меня остаться у

него еще на сутки, и такъ былъ грустенъ и страдалъ отъ боли въ ногѣ, что я не могла отказать ему и осталась. Дождь и сѣрое небо навели насъ на разговоръ объ Англии и на Гарибальди; рассказъ свой Никъ пополнялъ чтеніемъ замѣтокъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, и о его посѣщеніи Лондона, какъ своихъ, такъ и Александра; съ чувствомъ прочиталъ онъ написанные имъ стихи къ Гарибальди и далъ ихъ мнѣ, вмѣстѣ съ прелестными отрывками, въ стихахъ, изъ своей жизни; да сверхъ того, зная, что и у меня есть записки, изъ дальнихъ лѣтъ, для пополненія ихъ, далъ мнѣ письма Саши (А. И. Герцена), написанныя имъ къ нему въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ его жизни, которыя онъ съ семействомъ своимъ провелъ путешествуя; послѣднее изъ этихъ писемъ писано за десять дней до его неожиданной кончины изъ Парижа, гдѣ онъ располагалъ устроиться на постоянное житье. Письма Саши и стихи Ниеа — изъ его жизни — я сохранила, а стихи къ Гарибальди, къ моему большому сожалѣнію, никакъ не могу отыскать; при воспоминаніи о немъ слѣдовало бы ихъ помѣстить.

Къ вечеру дождь пересталъ; быстро расходились тучи, мѣстами вырѣзывалось небо, горизонтъ просвѣтлѣлъ, солнце закатывалось. Мы вышли на балконъ — тихо, ароматно, благодать. Алѣли снѣжная вершина Монъ-блана, Монъ-салевъ, каштаны, озеро, кустъ розононь противъ балкона, въ чьемъ-то палисадникѣ, — алѣлъ весь воздухъ. Мы вынесли на балконъ кресла и помѣстились тамъ. Вдали кто-то игралъ на флейтѣ, въ противоположномъ домѣ раскрылось окно, показалась прелестное личико кудрявой дѣвочки лѣтъ четырнадцати, и очень молодого человѣка; они улыбались, повидимому о чемъ-то весело разговаривали и воскресили въ насъ воспоминанія, изъ нашихъ дальнихъ лѣтъ: — видится Москва, — слышатся знакомые голоса; сквозь вѣтки душистаго тополя свѣтитъ звѣздочка въ небольшой кабинетъ; все въ этомъ кабинетѣ просто: диванъ, столъ, изрѣзанный мѣстами перочиннымъ ножичкомъ; у стола два мальчика лѣтъ по тринадцати, передъ ними нѣсколько книгъ и тетрадей, на всемъ слѣды жизни разцвѣтающей, на всемъ слѣды сердечной теплоты и поэзіи. Воскресъ передъ нами и другой кабинетъ — кабинетъ въ Лондонѣ, обширный, роскошный. Вечеръ. Мы съ Никомъ сидимъ подлѣ

великолѣпнаго письменнаго стола, заваленнаго книгами, журналами, бумагами. Противъ насъ, надъ небольшимъ столикомъ, большая картина, изображающая колоколь. Картину освѣщаетъ стоящая на столикѣ лампа, — мы вспоминаемъ далекое прошлое, вспоминается маленькій кабинетъ въ Москвѣ, и онъ — чей это кабинетъ; вспоминается кругъ друзей, надежды, дѣятельность, — и все, во что Никъ вноситъ свой кроткій, примиряющій взглядъ.

— А знаешь-ли ты, Таня, говоритъ Никъ, — что я виноватъ передъ Вадимомъ. Прости мнѣ за него. Онъ просилъ меня помочь ему въ его литературномъ дѣлѣ, — я былъ богатъ и отказалъ, потому что не сходился съ нимъ въ нѣкоторыхъ взглядахъ. Я отказалъ и до сихъ поръ страдаю своимъ отказомъ.

— Все это прошло, Никъ, не будемъ и вспоминать.

— Нѣтъ и Вадима, продолжалъ Никъ грустно. Теперь и у меня нѣтъ ничего, нѣтъ и силы, нѣтъ и здоровья, нѣтъ и средствъ къ жизни. Дѣти Александра содержатъ меня.

У него навернулись слезы.

— Квартира у меня невелика — но мнѣ достаточно.

Кромѣ небольшой столовой, у Ника была комната, гдѣ жилъ юный англичанинъ Ганри, и гостиная съ балкономъ, она же была спальней и кабинетомъ; два кресла, диванъ, замѣнявшій кровать, незатѣйливый письменный столъ, почти пустой, да старое бюро составляли всю обмѣблировку этого бѣднаго кабинета третьяго изъ вспомнившихся намъ кабинетовъ, и въ немъ Никъ одинъ одиноконекъ. Этой обстановкѣ представляла странную противоположность прекрасное роялино; Наташа брала его на прокатъ для Ника — онъ былъ музыкантъ, въ томъ же идеальномъ родѣ, какъ и поэтъ.

— Много лѣтъ прошло съ того времени, продолжалъ Никъ, — а точно вчера. Невольно страхъ беретъ передъ временемъ.

Я замѣтила, что воспоминанія сильно волнуютъ его и мало по малу перевела разговоръ на тему, бывшую предметомъ нашей бесѣды почти весь день.

— Что же это, Никъ, сказала я, — мы остановились съ тобой на томъ, какъ Гарибальди ѣдетъ къ вамъ въ Теддингтонъ обѣдать, да такъ до сихъ поръ и не обѣдаемъ. Удался-ли вашъ праздникъ?

— Какъ нельзя лучше, отвѣчалъ Никъ, — это былъ одинъ

изъ самыхъ свѣтлыхъ дней послѣднихъ лѣтъ нашей жизни. Ясно, полно, всему эстетическая мѣра и законченность. Это былъ первый моментъ распутившагося цвѣтка.

Какъ только мы выѣхали, на душѣ посвѣтлѣло — и такъ до той минуты, какъ Гарибальди, тѣсный и цѣлуемый народомъ, уѣхалъ обратно въ Лондонъ. Въ дорогѣ говорили о разныхъ предметахъ, между прочимъ и о нѣмцахъ. Неужели вы думаете, замѣтилъ я, что нѣмцы хотятъ отдать Венецію и Триестъ? Венецію еще можетъ быть, но Триестъ имъ необходимъ для торговли.

Мы передали Гарибальди нашъ разговоръ съ Ледрю Ролленомъ.

— Онъ правъ, сказалъ Гарибальди, — я готовъ къ нему ѣхать.

Минутами Гарибальди, смотря въ даль — глубоко задумывался. Смотря на него, невольно рождалась мысль: нѣтъ, это не солдатъ, это просто человѣкъ, готовый отдать душу свою за свой народъ.

— «Это-то и повали народы, повали плебеи, говорилъ Саша, тѣмъ ясновидѣніемъ, которымъ нѣкогда римскіе рабы поняли тайну пришествія Христа, и толпы страждущихъ и обремененныхъ, женщинъ и старцевъ молились кресту Распятаго. Понять — значить увѣровать, увѣровать — значить молиться».

Оттого-то плебейскій Тендлингтонъ и толпился у рѣшетки нашего дома съ утра, поджидая Гарибальди. Когда мы подъѣхали, толпа бросилась къ нему, жали ему руки, кричали God bless you, Garibaldi!! цѣловали его руки, края плаща, поднимали къ нему дѣтей, плакали. Когда онъ вошелъ въ домъ, крики до того усилились, что онъ принужденъ былъ выйти. Онъ вышелъ и, положа руки на грудь, кланялся во всѣ стороны.

Народъ затихъ, но простоялъ у дома, до тѣхъ поръ, пока онъ уѣхалъ.

И этотъ царственный пріемъ — моряку изъ Ниццы!

Маццини пріѣхалъ тотчасъ послѣ насъ.

Праздникъ нашъ былъ скромень, на немъ не было и двадцати человѣкъ. За обѣдомъ пили разные тосты.

Всѣ были глубоко тронуты, когда Гарибальди, съ рюмкой марсалы въ рукахъ, послѣ дружескаго предисловія, сказалъ: пью за здоровье Джузеппе Маццини, моего друга,

моего наставника!—Маццини протянулъ ему руку и взволнованнымъ голосомъ два раза сказалъ: «это слишкомъ».

Когда мы переходили въ другую комнату, въ корридорѣ старикъ итальянецъ, эмигрантъ, дѣлавшій мороженое, продрался сквозь толпу, наполнившую корридоръ, схватилъ Гарибальди за полу, и заливаясь слезами сказалъ: ну, теперь могу умереть, я его видѣлъ, а вы живите долго для нашей родины, да благословить васъ Богъ!—и покрылъ его руки поцѣлуями. Гарибальди, взволнованный, сѣлъ на диванъ говоря: «мнѣ иногда страшно и до того тяжело, что я боюсь потеряться. Помню, когда я изгнанникомъ возвращался изъ Америки въ Ниццу,—когда опять увидалъ родительскій домъ, нашелъ свою семью, родныхъ, знакомыя мѣста, знакомыхъ людей—я былъ удрученъ счастьемъ — а что было потомъ? — рядъ бѣдствій. Я не ждалъ такого приѣма отъ народа Англій,—что же дальше, что впереди?»

Уѣзжая, Гарибальди крѣпко обнялъ насъ, со всѣми дружески простился и карета умчалась при громкихъ крикахъ «ура» и God bless you, Garibaldi, for ever!!

Князь П. В. Долгорукій взялъ листъ бумаги, записалъ все и тосты.

Когда уѣхали послѣдніе гости — мы остались одни.

Тихо наступили сумерки.

Такіе дни хорошо помнить годы.

Что будетъ? сказалъ Гарибальди; будущее было недалеко.

Въ то время, когда онъ повѣрялъ намъ свой тайный ужасъ передъ будущимъ, рѣшено было отдѣлаться отъ него во что бы ни стало.

На другой день послѣ нашего праздника поѣхали мы въ Лондонъ. Беремъ на желѣзной дорогѣ вечернюю газету — читаю — большими буквами напечатано:

«Болѣзнь генерала Гарибальди» — далѣе, что онъ ѣдетъ на Капреру, не заѣзжая ни въ одинъ городъ.

Не трудно было догадаться — что это значить.

Ѣхать къ Гарибальди было поздно; мы заѣхали къ одной знакомой дамѣ, отъ которой узнали главныя черты министерскаго отношенія къ болѣзни Гарибальди.

17-го апрѣля вечеромъ Гарибальди спокойно сидѣлъ, ничего не зная, и ѣлъ виноградъ, а возлѣ его комнаты сговаривались что дѣлать. Гладстонъ взялся сообщить ему принятое рѣшеніе; онъ вошелъ къ нему въ комнату и заговорилъ о его здоровьи; Гарибальди отвѣчалъ, что онъ здоровъ; но министръ финансовъ сталъ доказывать ему, что онъ болѣнъ. Гарибальди догадался и прямо спросилъ: «значитъ желаютъ, чтобы я уѣхалъ»? Гладстонъ не скрылъ, что этого хотятъ.

— Такъ я ѣду.

Гладстонъ испугался скорого успѣха и предложилъ ему побывать въ двухъ, трехъ городахъ, и потомъ отправиться на Капреру.

— Выбирать между городами не умѣю, отвѣчалъ Гарибальди, — и даю слово уѣхать черезъ два дня.

На другой день мы узнали, что Гарибальди переѣхалъ къ Силли и отправились къ нему. Говорить съ нимъ не было возможности. Человѣкъ двадцать посѣтителей ходило, сидѣло, молчало, по залу, по кабинету.

«Вы ѣдете», сказали мы Гарибальди, пожавъ ему руку; онъ отвѣчалъ печально: *je plie aux nécessités* (покоряюсь необходимости).

Друзья Гарибальди пришли внѣ себя отъ его отъѣзда.

Послѣдніе два дня были смутны и печальны. Гарибальди избѣгалъ говорить о своемъ отъѣздѣ, и ничего не говорилъ о своемъ здоровьи... во всѣхъ близкихъ онъ встрѣчалъ печальный упрекъ. На душѣ у него было тяжело, но онъ молчалъ.

Наканунѣ отъѣзда мы сидѣли у него, какъ пришли сказать, что въ пріемной уже тѣсно отъ желающихъ его видѣть. Представлялись члены парламента съ семействами и разные nobility, всего до 2,000 человѣкъ. Это былъ царскій выходъ.

Гарибальди всталъ и спросилъ: пора?

Еще пять минутъ, отвѣчали ему; онъ вздохнулъ и сѣлъ на свое мѣсто. Мы хотѣли уйдти, но онъ удержалъ насъ. Фактумъ распорядился гдѣ помѣстить диванъ, въ какую дверь входить, въ какую выходить.

Отворили дверь. Въ дверяхъ сталъ церемонимейстеръ, съ

листомъ бумаги въ рукахъ, и началъ громко читать: *the right honorable so and so lady esquire, ladship* и пр. При каждомъ словѣ отворялась дверь и входили леди, лорды, молодые, старые, всѣ подходили по очереди къ Гарибальди, мужчины жали, трясли ему руку, иные при этомъ что-то говорили, бѣльшая часть молча откланивалась. Дамы также молчали, бросали на него восторженные взоры, откланившіеся выходили въ противоположную дверь—въ залу, и спускались по лѣстницѣ, къ экипажамъ.

Гарибальди вначалѣ стоялъ, потомъ садился, вставалъ, наконецъ сѣлъ.

Нога не позволяла ему стоять долго и ждать конца приѣма дамъ. Кареты все подъѣзжали, церемонимейстеръ все читалъ.

Грянула музыка *horse-guard'овъ*, мы постояли постояли и вошли въ залу, потомъ въ комнату, гдѣ обыкновенно сидѣли Саффи и Мордини; тамъ никого не было; на душѣ было тяжело, не хорошо; эта комедія царскаго приѣма возмущала.

Въ окно видѣлся рядъ каретъ—музыка гремитъ, кареты подъѣзжаютъ, мнѣ представлялся Гарибальди измученный, усталый, по лицу пробѣгаютъ тучи.

Мы ночевали въ Лондонѣ. Утромъ пришли къ Гарибальди. Онъ былъ мраченъ, отрывистъ—видна была желѣзная воля и привычка повелѣвать.

Затѣмъ явились аристократическія дамы.—Не такъ важныя ожидали въ залахъ.

Послѣ приѣма Гарибальди собирался ѣхать на свиданье съ герцогомъ Вельскимъ въ Стаффордъ-Гаузъ.

Мы съ Александромъ подошли къ нему проститься. «Прощайте», сказали мы, «прощайте и до свиданья на Капрерѣ!»

Гарибальди обнялъ насъ, сѣлъ и, протянувъ намъ обѣ руки, сказалъ разстроеннымъ голосомъ: «простите меня, простите меня, у меня голова кругомъ идетъ, пріѣзжайте на Капреру»,—и еще крѣпко обнялъ насъ.

Оставшись одинъ, я перебиралъ подробности этого «сновидѣнья въ весеннюю ночь».

Никъ замолчалъ и задумался.

Я не прерывала его.

Небо осыпали звѣзды, какъ это бываетъ въ августѣ.

Вдругъ яркая звѣзда сорвалась съ темно-синей высоты, покатила, черкнула по небу сверкнувшей струей — и скрылась въ мировомъ океанѣ... гдѣ она?... она сейчасъ была тутъ!... тамъ!... и нѣтъ ея.... наступала тихая, глубокая ночь.

Татьяна Пасекъ.

С.-Петербургъ.
1882 г.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Русскіе писатели въ царствованіе Павла.

1796.

- Воейковъ, Ювеналій.—Родословная Лопухиныхъ.
Карамзинъ, Н.—Ода на присягу Павлу I Московскихъ жителей.
Петровъ, Василій.—Плачь и утѣшеніе Россіи, императору Павлу I.
Поспѣлова, Марья.—Ода Павлу I на возшествіе.
Хвостовъ, А.—Ода Павлу I въ возблагодареніе за милость.

1797.

- Карамзинъ, Н.—Бѣдная Лиза.
— — Письма русскаго путешественника.
Кондратовичъ.—Ода на отшествіе Павла I для коронованія.
Корбелецкій, Ѳеодоръ.—Ода на прибытіе изъ Москвы Павла I.
Люценко.—Ода на то же.
Микулинъ.—Двѣ оды, на прибытіе въ Москву на день коронованія.
Нартовъ, А.—Рѣчь президента вольно-эконом. общества.
Николевъ, Н.—Ода Павлу I на прибытіе въ Москву.
Озерецковскій, Николай.—Пѣснь Павлу I на новый годъ.
Петровъ, Василій.—Вѣнчаніе торжества Павла I.
Пухинскій.—Двѣ оды, Павлу I и в. к. Константину Павловичу.
Руссовъ, Степанъ.—Ода на день возшествія на престолъ.
Терново-Орловскій.—Описаніе первой свадьбы царя Алексѣя Мих.
Тучковъ, С.—Собраніе сочиненій и переводовъ.
Фоминъ, А.—Описаніе Бѣлаго моря, острова Соловки.
Чашниковъ.—Малиновка, или меланхолическій вечеръ.
Чеботаревъ.—Гласъ радованія на коронованіе Павла I.
Шаликовъ, кн. П.—Ода на прибытіе Павла I въ Москву.

1798.

- Бобровъ, Семень.—„Таврида“, поэма.
Глинка, Сергій.—Собраніе новыхъ романсовъ, пѣсенъ и пр.
— — Селимъ и Роксана, восточная повѣсть.
Голиковъ.—Анекдоты о Петрѣ Великомъ.
Голицынъ, кн. А.—Мелкія стихотворенія.
— — „Новые чудачки“, комедія.
Державинъ.—Ода на рожденіе в. к. Михаила Павловича.
— — Собраніе сочиненій, I часть.
Захарьинъ.—Новый Синописисъ.
— — Приключеніе Клеандра.
Каннистъ.—„Ябеда“, комедія.
Лопухинъ, Иванъ.—О внутренней церкви.
Лохвицкій.—Пѣснь на рожденіе в. к. Михаила Павловича.

Львовъ, Николай.—Лѣтопись до Полтавской битвы.
 Марковичъ, Яковъ.—О Малороссіи.
 Николаевъ, Н.—Вѣнчаніе на царство, стихотвореніе.
 Осиповъ, Н.—,Что нибудь отъ бездѣля на досугѣ“.
 Поспѣлова, Марья.—Лучшіе часы моей жизни.
 Правиковъ.—Памятникъ изъ законовъ.
 Севергинъ.—Минералогія.
 Урусова, кн. К.—Сердечныя чувства благодарности Павлу I.
 Хвостова, г-жа.—Каминь и ручеекъ.
 Херасковъ.—,Освобожденная Москва“ т агеція.
 Хованскій, кн. Григ.—Мое праздное время.
 Шаликовъ, кн. П.—Плодъ свободныхъ чувствованій.

1799.

Андреевъ, П.—Торжество амура.
 Благодаревъ, Як.—Изображеніе ремесленниковъ Петербурга
 Голищевъ-Кутузовъ, П.—Ода на покореніе Италиі.
 Голицынъ, кн. Ал.—,Отецъ невидимка“, комедія.
 Державинъ.—Переходъ Рос. войскъ чрезъ Сень-Готаръ.
 Дмитриевъ, Ив.—Басни и сказки.
 Долгоруковъ, кн. Ив.—,Любовное волшебство“, опера.
 Измайловъ, А.—Евгеній.
 Ильинскій, Ник.—Жизнь Козмы Минина.
 Корбелецкій.—Ода на побѣды въ Италиі.
 Лабзинъ, А.—Исторія ордена Іерусалимскаго.
 Левшинъ, Василій.—Утренники влюбленнаго.
 Мурзина, А.—Распускающаяся Роза.
 Нарѣжный, Василій.—,Дмитрій Самозванецъ“, трагедія.
 Николаевъ, Н.—Ода Павлу I на взятіе крѣпости Бресція.
 Плавильниковъ.—,Сговоръ Кутейкина“, комедія.
 Поспѣлова, Марья.—Ода на разбитіе Массены.
 — — Услажденіе моей жизни.
 Теряевъ, А.—Стихи на кончину кн. А. А. Безбородко.
 Титовъ, П.—,Наслѣдники“, комедія.

1800.

Бобровъ, С.—Домашнія жертвы, или семейств. удовольствія—Николаевъ.
 Городчаниновъ, Григ.—,Митрофанушка въ отставкѣ“, комедія. — М.
 Глушинъ, Александръ —,Худо быть близорукимъ“ комедія.
 — — „Американцы“, опера, съ хоромъ и балетомъ.
 Мальгинъ, Тимофей.—Исслѣдованіе старинныхъ судебныхъ мѣстъ, Спб
 Мещерскій, кн.—Ода императору Павлу на начало XIX вѣка. Спб.
 Поспѣлова, Марья.—Нѣкоторыя черты природы и истины.
 Сумароковъ, Панкратій.—Источникъ здравія, изд. Москва.
 Херасковъ.—,Царь, или спасенный Новгородъ“, поэма.

Помѣщены здѣсь однѣ только оригинальныя сочиненія. Извлечено мною изъ библіографіи Сопкиова.

(Мною же составленъ хронологическій каталогъ, изъ Сопкиова, съ 1760 г. по 1796 г.).

Князь Николай Никол. Туркестановъ.

МОРШАНСКІЕ СКОПЦЫ

въ 1812—1869 гг.

Ни наука, ни общество, ни администрація никогда не знали даже и приблизительно численности Тамбовскихъ сектантовъ и раскольниковъ. Причина этого кроется, конечно, въ томъ обстоятельствѣ, что у насъ всегда слишкомъ много было заинтересованныхъ сторонъ, которымъ выгодно было держать въ потемкахъ отвлеченно-религіозную жизнь нашего народа, въ особенности тѣ факты этой самобытно-народной жизни, которые строго и положительно преслѣдовались закономъ. Поэтому всѣ наши официальные отчеты, касавшіеся развитія сектантства, неизмѣнно представляютъ самыя скромныя цифры, отмѣчая единицы и пропуская сотни и тысячи. Даже въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія, во время систематическаго гоненія правительства на расколъ и ереси, всеподданнѣйшія донесенія Тамбовскихъ губернаторовъ показывали едва ли сотую часть отщепенцевъ нашей религіозно-народной жизни. Въ настоящую минуту передъ нами лежитъ всеподданнѣйшій отчетъ Тамбовскаго губернатора Корнилова за 1838 годъ, въ которомъ всѣхъ раскольниковъ и сектантовъ по губерніи значится 8694 человекъ, а скопцовъ отмѣчено только 36 человекъ.

«Въ городѣ Тамбовѣ, сказано въ отчетѣ,—скопцовъ 5; въ Моршанскѣ скопцовъ мужчинъ 21 человекъ, женщинъ 7 человекъ; въ Усманскомъ уѣздѣ—3 человекъ».

Для бѣльшей правдоподобности, къ отчету губернатора Корнилова приложенъ былъ именной списокъ раскольниковъ и сектантовъ, при чемъ относительно нѣкоторыхъ Тамбовскихъ городовъ и уѣздовъ сдѣланъ былъ слѣдующій, довольно поспѣшный, похвальный отзывъ: «въ городахъ Лебедяни, Липецкѣ, Усманѣ и Темниковѣ, а равно въ уѣздахъ Липецкомъ и Лебедянскомъ—никакихъ сектъ и раскольниковъ не находится».

Между тѣмъ въ Тамбовской епархіи было множество такихъ приходоу, въ которыхъ неизмѣнная народная молва считала сектантовъ сотнями, и въ то же время почти всѣ присутственныя мѣста Тамбовской губерніи безпрерывно занимались разборомъ раскольничьихъ и сектантскихъ процессовъ, вслѣдствіе чего еще въ 1805 году масса

нашего престо­на­ро­дья прину­ж­де­на была пере­се­лять­ся въ Са­ра­тов­скую и Оренбургскую губерніи и на Молочныя Воды..

Въ настоящей статьѣ я обращаю внима­ніе на однихъ только скопцовъ и буду пользо­ваться въ своемъ очеркѣ исклю­чительно Тамбовскими архивными источниками.

Скопчество въ первый разъ съ особенною силою обнаружилось въ Тамбовской губерніи въ 1812 году. Губернія и безъ того уже взволнована была извѣстными событіями отечественной войны. Между обывателями городовъ и сель шли тревожные разговоры о чрезвычайныхъ непріятельскихъ успѣхахъ. Надворный совѣтникъ Рубецъ однажды говорилъ въ Тамбовѣ передъ многочисленнымъ обществомъ: «Французы Вильну взяли и народъ встрѣчалъ Наполеона съ колѣно­преклоненіемъ и тотъ полководецъ французскій обѣщалъ всѣмъ русскимъ вольность». Слушалъ простой народъ рассказы про эту французскую вольность и невольное недоумѣніе овладѣло имъ. Губернская администрація, съ губернаторомъ Ниловымъ во главѣ, напуганная слухами о французскихъ и польскихъ шпіонахъ, изъ которыхъ нѣкоторые дѣйствительно проникли въ Тамбовскую глушь, распечатывала на почтѣ всѣ частныя письма, ловила на улицахъ и площадяхъ неосторожныхъ собесѣдниковъ, учреждала усиленные полицейскіе и военные караулы и въ то же время была крайне смущена и въ сущности не знала что дѣлать. Нѣкоторыя письма, обнаруженныя перлюстраціею, особенно тревожили городъ Тамбовъ таинственнымъ своимъ содержаніемъ. Таковы были письма надворному совѣтнику Рубцу отъ нѣкоего поляка Дробышевскаго. «Градъ Могилевъ, писалъ онъ, — засыпалъ и дальніе около него города, а нашего дожда не слышно. Надивиться тому не можно, что все сіе значить. Слышно, что ничего дурнаго не дѣлаетъ, но много и много есть слуховъ дурныхъ».

Такия письма въ 1812 году получались въ Тамбовѣ не рѣдко и такимъ образомъ обнаруживается въ извѣстномъ смыслѣ довольно сильное польское участіе въ смутахъ нашей отечественной войны. Общая увѣренность въ дѣйствительности этого участія получила фактическое основаніе въ іюлѣ того же года, когда въ предѣлахъ Тамбовской губерніи поймали французскаго шпіона, полковника польской службы графа Плятера.

Во второмъ своемъ письмѣ Дробышевскій сообщалъ своему корреспонденту военно-политическія новости въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «извѣстная туча разсыпала свои дожди уже около Борисова. День въ день идутъ обыватели чрезъ Оршу до Смоленска. Мы еще ничего опаснаго не слышимъ. А жена моя не пишетъ оттого, дабы въ этомъ письмѣ не было ничего русскаго».

Надворный совѣтникъ Рубецъ, повидимому, былъ весьма дѣятельнымъ польскимъ агентомъ и велъ съ своими польскими корреспондентами нѣкоторымъ образомъ шифрованную переписку. Это видно изъ слѣдующихъ словъ письма, полученнаго имъ отъ сестры изъ Стародуба: «читаю твои письма очень внятно, а моихъ писемъ ты не понимаешь»¹⁾).

Тревога въ Тамбовской губерніи по поводу событій отечественной войны еще болѣе увеличивалась отъ той неизвѣстности, въ которой находились наши внутреннія провинціи относительно военныхъ событій. Такъ, Пензенскій губернаторъ князь Г. С. Голицынъ спрашивалъ у Тамбовскаго губернатора Нилова: что дѣлается въ арміи?..

Ниловъ не успѣлъ еще отвѣтить Голицыну, какъ получилъ отъ него увѣдомленіе о такъ наз. Инзарскомъ бунтѣ, съ требованіемъ военной помощи для его укрощенія. Въ Инзарѣ собраны были Пензенскіе ополченцы въ количествѣ 2,400 человекъ, которыхъ почему-то долго не приводили къ присягѣ; тогда они сами потребовали присяжной церемоніи. Это принято было за бунтъ. Начались экзекуціи. Послѣ этого ополченцы поднялись поголовно, городничаго маіора Бахметьева избили, полковаго своего командира Дмитріева и офицеровъ посадили въ тюрьму, дворянскіе дома разграбили. Въ это время Пензенскій гарнизонъ состоялъ только изъ 50 человекъ казаковъ и калмыковъ, и слѣдовательно Инзарскія событія естественно предоставлялись собственному ихъ теченію. Когда же и въ Саранскѣ произошло по тѣмъ же причинамъ волненіе тамошнихъ ополченцевъ, то въ Пензенскую губернію вступилъ генералъ-лейтенантъ Толстой и оружіемъ усмиривъ волненіе. Вслѣдъ за тѣмъ Пензенскіе ополченцы двинуты были на Ромны чрезъ Тамбовъ. Здѣсь они присягали и, успокоенные, двинулись далѣе.

Въ это-то тревожное время неожиданно и съ особенною силою обнаружилось въ Тамбовской губерніи скопчество. Въ городѣ Моршанскѣ, получившемъ обширную и печальную извѣстность по развитію въ немъ самой фанатической русской секты, разомъ скопились семейства купцовъ Платицына, Попова, Кудинова и Загороднаго, за исключеніемъ жены послѣдняго Екатерины, которая и донесла объ этомъ произшествіи губернатору Нилову. «Ради самаго Бога и пречистой его матери, писала она между прочимъ, — скройте имя доносчицы, да не останется въ потомкахъ нашего родства порочность на мнѣ несчастной, и не оставьте предписать городскому головѣ имѣть меня въ своемъ покровительствѣ».

¹⁾ Арх. Тамб. губ. правл. № 77-й.

Переписка Діобышевскаго съ Рубцомъ ведена была на польскомъ языкѣ.

Впечатлѣніе отъ этого событія было тѣмъ сильнѣе, что всѣ оскопившіеся моршанскіе купцы служили по выборамъ и занимали довольно вліятельныя должности бургомистровъ и ратмановъ ¹⁾. Все это были люди болѣе или менѣе богатые и не жалѣли денегъ на распространеніе своего, по ихъ словамъ, голубинаго ученія. Но вѣроятно не одними деньгами вербовали они прозелитовъ въ свою мрачную секту. Была въ нихъ странная и непонятная сила убѣжденія... Поэтому ихъ рабски и добровольно слушались даже такіе люди, которые ничего уже не могли ждать отъ жизни, наприм. колодникъ моршанской тюрьмы Михайлъ Ивановъ. «Назадъ тому два мѣсяца, объяснялъ онъ моршанскому суду въ концѣ 1812 года,—вздумалъ я оскопить себя для прекращенія плоти и вчера въ полночь, когда всѣ спали, найденнымъ въ канавкѣ ножомъ самъ себя порѣшилъ и отрѣзалъ ключи ада» ²⁾.

Дѣятельность моршанскихъ сектантовъ съ особенною силою распространилась по двумъ уѣздамъ, Моршанскому и Козловскому, преимущественно въ селахъ: Стежкахъ, Правыхъ и Лѣвыхъ Ламкахъ, Сосновкѣ и Крюковѣ. Нѣкоторые крестьяне, подъ вліяніемъ скопческихъ наставниковъ, цѣлыми и многочисленными семьями уродовали себя, царствія ради небеснаго, пользуясь при этомъ обмкновеными тупыми ножами. Такъ поступили однодворцы Фатѣй, Прокофій, Сазонъ, Илья и Савостьянъ Ефремовы. Послѣ операции они сами же довели на себя земскому суду. «И то мы сдѣлали, писали они,—къ спасенію душъ нашихъ простыми ножами». Оскопивъ себя, фанатики тоже сдѣлали съ малыми дѣтьми Савостьяномъ (сыномъ Прокофія) и Павломъ (сыномъ Фатѣя). Мальчики сначала не давались операторамъ и отчаянно кричали, но отцы въ полѣ на работѣ чѣмъ-то опоили ихъ. Тогда Савостьянъ и Павелъ заснули и проснулись уже невольными скопцами.

Братьевъ Ефремовыхъ приговорили къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Судили ихъ съ особенною и весьма понятною строгостью и до окончательнаго рѣшенія ихъ участи держали въ цѣняхъ, прибитыхъ къ тюремнымъ стѣнамъ ³⁾. А что случилось съ моршанскими скопцами Платицынымъ, Поповымъ, Кудиновымъ и Загороднымъ—мы не знаемъ. Кажется, по своимъ капиталамъ они были освобождены отъ суда и слѣдствія, потому что ихъ фамиліи и потомъ части фигурировали въ скопческихъ процессахъ.

¹⁾ Арх. губ. правл. № 583 л.

²⁾ Ibid. № 66-л.

³⁾ Ibid. № 1068.

Послѣ того дѣла о скопцахъ не возобновлялись Тамбовскою администраціею до 1830-хъ годовъ. Мирно люди Божіи совершали свои радѣнія, наружно исполняли православные обряды, отличались трезвою и скромною жизнію, ласково принимали въ домахъ своихъ православныхъ священниковъ, щедро расплачивались съ чинами земской полиціи и другими властями и вслѣдствіе строго организованной своей солидарности богатѣли.

Въ 1838 году началось дѣло Моршанскаго купца Егора Иванова Платицына, извѣстнаго богача и главнаго наставника всѣхъ Тамбовскихъ скопцовъ. Передъ судомъ явился 70-лѣтній старикъ, увѣщанный медалями и на всю губернію прославленный щедрыми пожертвованіями и значительными частными благодѣяніями. Платицына оправдали. Между тѣмъ улики противъ него были такого положительнаго свойства, что только прежніе суды могли оставить ихъ безъ вниманія. Къ числу такихъ уликъ мы относимъ письмо Егора Платицына къ его племяннику Максиму Кузьмину Платицыну, герою извѣстнаго Моршанскаго процесса 1868 года.

«Поклонись отъ меня, писалъ Егоръ Платицынъ,— комиссіонеру Шеметову, да поблагодари его за хлопоты по дѣлу Аристова. Хотя я по слѣдствію и не доказанъ былъ, но ты самъ знаешь: я съ нимъ поддерживалъ нашу секту. А теперь меня тревожитъ Моршанскій уѣздный судъ на счетъ вновь открытыхъ скопцовъ—дѣвокъ, которыя живутъ въ Моршанскѣ у Кунавина. Всѣ онѣ осклоплены по нашему обряду, мною, придуманному. Попроси освободить ихъ отъ суда, иначе всѣ мы пропали и нашей секты больше не будетъ въ Моршѣ».

Въ то же время Платицынъ писалъ своему комиссіонеру Шеметову: «назадъ тому годъ окастрачены дѣвка Анисья, моя работница, Татьяна да Матрона. И я прошу васъ: похлопочите за нихъ, когда дѣло будетъ у министра, а деньги возьмите у племянника, сколько вамъ будетъ нужно. Спасибо нашему стряпчему Григорію Васильевичу. Онъ меня и прочихъ освободилъ. Да смотри хлопочи—не жалѣй насъ».

Для формы сдѣлали обыскъ въ домѣ Егора Платицына. Нашлись и тамъ серьезныя улики противъ скопческаго начальника, а также и противъ нѣкоторыхъ чиновниковъ, нагрѣвавшихъ руки около такой доходной статьи, какъ общество бѣлыхъ голубей. Такъ, на примѣръ, въ письменномъ ящикѣ у Платицына оказалось письмо къ нему Тамбовскаго купца Мандрыкина съ слѣдующею припискою: «чиновникъ Борисовъ велѣлъ тебѣ прислать 1000 рублей и ты это письмо скрой на огнѣ»¹⁾.

¹⁾ Арх. губ. правл. № 46.

Въ 1841 году Егоръ Ивановъ Платицынъ умеръ, передавъ свои капиталы и свое значеніе въ скопчествѣ Максиму Кузмину Платицыну. И опять началась подпольная работа и снова появились массы прозелитовъ дикаго ученія. Самъ Платицынъ болѣе и болѣе богатѣлъ, украшался золотыми медалями и орденами, строилъ церкви, съ гордостію носилъ пріютскій мундиръ, благодѣтельствовала чиновникамъ и втихомолку обдѣлывалъ свои дѣла, не пренебрегая при случаѣ и грубымъ насиліемъ. Такъ дѣло шло до конца 1868 года. Въ это время нѣкто чиновникъ Боголюбовъ, послѣ неоднократныхъ доносовъ на Платицына и его скопческую пропаганду, добился наконецъ до знаменитаго Платицынскаго процесса.

«Съ 1862 года, писалъ Боголюбовъ,—началъ я подавать прошенія на высочайшее имя, но просьбы мои пропадали и все это были хлопоты Платицына. Сидѣлъ я по своему дѣлу 11 мѣсяцевъ въ острогѣ и въ это время Платицынъ оскотпалъ многихъ насильно, наприм. мѣщанъ Котельникова и Холопова, и то дѣлалъ онъ, не боясь судей и начальниковъ по своему богатству».

По приказанію тамбовскаго губернатора Н. М. Гартинга, 24-го декабря 1868 года въ домѣ Платицына сдѣланъ былъ обыскъ. Моршанскій полицмейстеръ Тришатный и жандармскій офицеръ Шкотъ подошли къ Платицынскимъ воротамъ въ 8 часовъ вечера. Всѣ пять домовъ скопческаго главы стояли на соборной площади, точно какіе-нибудь редуты — мрачныя и съ заложеными кирпичемъ окнами. Только въ одномъ деревянномъ флигелѣ, гдѣ жилъ самъ Максимъ Платицынъ, слабо свѣтился огонекъ... Слѣдователи начали громко стучать въ калитку и именемъ закона приказывали поскорѣе впустить ихъ. Тогда за стѣнами началась усиленная бѣготня, темныя фигуры зачѣмъ-то бѣгали по широкому двору отъ дома къ дому и отъ подвала къ подвалу. Только въ 10 часовъ государственная полиція могла проникнуть въ апартаменты Платицына, который въ это время лежалъ въ постели и протестовалъ, по адресу своихъ неожиданныхъ гостей, во имя своего почетнаго гражданства, старости и медальныхъ украшеній ¹⁾. Старикъ-скопѣцъ, повидимому, былъ застигнутъ слѣдственной комиссіею врасплохъ и изображалъ изъ себя угнетенную невинность. Между тѣмъ правительственные планы извѣстны были ему давно, такъ какъ предупредительно и своевременно его увѣдомили обо всемъ нѣкоторые чиновники, которымъ эта измѣна служебному долгу была не безвыгодна. А моршанскій судебный слѣдователь, получивъ телеграмму о произведеніи немедленнаго обыска въ Пла-

¹⁾ Въ 1868 году Максиму Платицыну было 63 года.

тицынскомъ домѣ, къ удивленію всего города, сказался большимъ, хотя въ здоровьи его никто не сомнѣвался. Правда, всѣ эти Моршанскіе дѣльцы, по распоряженію губернатора, были удалены отъ мѣстъ, но легка для нихъ была сытая ихъ отставка и долго на своихъ лаврахъ стараго чиновничьяго режима почивали они, тихонько подсмѣваясь надъ официальною суровостію губернской администраціи.

Окончательный обыскъ въ домѣ Платицына сдѣланъ былъ въ январѣ 1869 года. Въ это время нашли у него слѣдующія подозрительныя вещи: портретъ Петра III съ кружкомъ надъ головой, какъ изображаютъ это иконописцы на иконахъ, и съ сіяющими звѣздами. Внизу портрета представлены перекрещенныя трубы съ дымомъ и пламенемъ. Надъ постелью Платицына нашли портреты Кондратія Селиванова и Александра Шилова. Тутъ же висѣла фотографическая карточка нѣкоей Анны Сафоновны—Сосновской крестьянки, которую скопцы считали за Богородицу. Скопческая Богородица изображена въ видѣ простой деревенской женщины съ платкомъ на головѣ и груди и съ цвѣткомъ въ рукѣ. Библіотека богатаго Моршанскаго коммерсанта оказалась въ самомъ скромномъ составѣ, именно въ видѣ календаря за 1840 годъ, при чемъ на поляхъ книжки слѣдователи прочитали такую подозрительную надпись Максима Платицына: «я дождусь трехъ государей и новаго словесника». А черезъ нѣсколько страниць его же рукою на поляхъ написано: «мягкая постель оказалась подлѣющею; кажется—теперь намъ конецъ. А впрочемъ курская партія во 104 человекъ опрошена и оставлена пока безъ слѣдованія».

Стали послѣ того опечатывать въ кладовыхъ сундуки съ деньгами, при чемъ наличнаго капитала насчитали, къ общему удивленію, только 400,000 рублей. Куда же дѣвались несомнѣнно существовавшіе Платицынскіе милліоны—это и доселѣ неизвѣстно. Вѣроятно же всего, самъ Платицынъ заблаговременно помѣстилъ ихъ въ вѣрныя руки своихъ единовѣрцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые впоследствии вдругъ и чрезвычайно разбогатѣли. По крайней мѣрѣ въ этомъ именно смыслѣ высказывались многіе свидѣтели по дѣлу Платицына и то же писали слѣдователямъ неизвѣстные авторы въ анонимныхъ письмахъ. Наконецъ и доселѣ еще сохраняются у насъ преданія о томъ, какъ въ домахъ нѣкоторыхъ Моршанскихъ обывателей-скопцовъ въ дровяныхъ складахъ были находимы толстыя пачки серій и кредитныхъ билетовъ.

Въ таинственныхъ кладовыхъ Моршанскаго скопца-банкира въ особомъ мѣшечкѣ нашли также рубли и полтинники съ изображеніемъ Петра III. Всѣ они отдѣлены были особо и пользовались у хо-

зяна очевиднымъ предпочтеніемъ передъ монетами другихъ чекановъ. Была заарестована въ спальнѣ Платицына и еще одна скопческая святыня, именно разнаго цвѣта головные волосы въ пяти бумажкахъ. Повидимому, это были сувениры отъ различныхъ скопческихъ святыхъ: Селиванова, Шилова и другихъ.

Всѣхъ подсудимыхъ въ Моршанскомъ процессѣ оказалось 40 человекъ. Изъ этого числа 9 женщинъ разнаго возраста жили въ Платицынскомъ домѣ на полномъ его содержаніи. Между ними находилась 70-лѣтняя родственница знаменитаго сектанта Татьяна Платицына. Всѣ эти фанатическія женщины, какъ это подтвердила медицинская экспертиза, подвергнуты были полному оскотленію, т. е. порчи груди и половыхъ органовъ, и составляли священную свиту скопческаго наставника. Между тѣмъ самъ Платицынъ, какъ человекъ весьма осторожный и дальновидный, не былъ оскотленъ и повидимому былъ ревностнымъ сыномъ православной церкви. Онъ аккуратно посѣщалъ церковныя службы, 30 лѣтъ ежегодно исповѣдывался и приобщался, и въ царскіе дни, украшенный многочисленными медалями и орденомъ и шитымъ пріютскимъ мундиромъ, стоялъ въ соборѣ впереди народа, вмѣстѣ съ городскими властями, и благоговѣйно подходилъ ко кресту.

Самое тяжелое впечатлѣніе на слѣдователей по Платицынскому дѣлу, между которыми видную роль игралъ чиновникъ Дураковъ, произвело слѣдующее открытіе. Подъ домомъ Платицына нашли обширный и глухой подвалъ съ массивною желѣзною дверью. Здѣсь производились скопческія операціи. По словамъ Боголюбова, давашаго ходъ Платицынскому процессу, — крику изъ того подвала было не слышать, а умиравшихъ отъ неискуснаго рѣзанія хоронили тихонько по ночамъ тутъ же на дворѣ или въ подпольѣ.

Когда всѣ улики противъ Платицына были собраны, сдѣлали о скопцахъ повальный обыскъ. Но всѣ данныя о таинственной сектѣ оказались слишкомъ краткими, неопредѣленными и въ сущности выразились только въ слѣдующихъ показаніяхъ: «скопцы мяснаго не ѣдятъ, пѣсень не играютъ, водки не пьютъ, а чай пьютъ часто и съ бѣлымъ хлѣбомъ».

Самъ Платицынъ упорно отказывался отъ всякаго участія въ скопческихъ радѣніяхъ и ереси. «Откуда всѣ улики явились, говорилъ онъ, — не знаю. Женщинъ при себѣ держалъ я для домашней услуги, а что онѣ были оскотлены — не зналъ я. Портреты скопцовъ Селиванова и Шилова и инныя подобныя вещи какъ очутились у меня тоже не помню и не знаю».

Платицынское дѣло повели, вслѣдствіе рѣшительныхъ приказаній

изъ Петербурга, съ такою энергією, что всѣ скопческіе капиталы оказались въ этомъ случаѣ безсильными. Самъ Максимъ Платицынъ, по высочайшей конфирмаціи отъ 16-го октября 1869 года, лишился былъ отличій и всѣхъ правъ и сосланъ на поселеніе въ восточную Сибирь. Той же участи подверглись Татьяна Платицына, девять женщинъ, составлявшихъ Платицынскій штатъ, и главные помощники скопческаго ересіарка, между которыми особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующіе фанатики: мѣщанинъ Іовъ Зыкинъ—79 лѣтъ, мѣщанинъ Ефимъ Кунавинъ—69 лѣтъ и крестьянка Василиса Жданова—84 лѣтъ.

Въ настоящее время Платицына нѣтъ уже на свѣтѣ. Капиталы его, воротившіе скопческой пропагандой, куда то исчезли, но скопчество въ Тамбовской губерніи, по своему алчущей и жаждущей религиозной правды, не исчезло еще и ждетъ оно разумной и доброй христіанской проповѣди, да болѣе нормальныхъ нравственныхъ условій нашей общественной жизни, чтобы сгинуть и такимъ образомъ очистить русскую религиозно-народную жизнь отъ самыхъ мрачныхъ и фанатическихъ ея осложненій.

— Много ли же въ Тамбовской губерніи скопцовъ? естественно возникаетъ у насъ вопросъ.

— Много, отвѣчаемъ мы, а сколько именно—не знаемъ и пока не можемъ знать. Несомнѣнно только то, что ихъ надо считать не единицами и не десятками, а сотнями.

Скопчество, безъ сомнѣнія, есть фанатическая и вредная секта и никакой самый опытный діалектикъ не въ состояніи оправдать его. Между тѣмъ въ потемкахъ русской религиозно-народной жизни бывали факты еще возмутительнѣе скопчества. Объ одномъ изъ такихъ фактовъ въ 1773 году доносилъ св. Синоду Устюжскій епископъ Іоаннъ: «въ Устюжской епархіи, писалъ владыка,—проявились чародѣи и тѣ мнимые чародѣи сами учились чародѣйству и другихъ учили и при тѣхъ чародѣйствахъ отрицались отъ самаго Бога и отъ христіанской вѣры, крестъ снявъ съ себя бросали, отца и мать, мѣсяцъ и солнце, землю и воду проклинали»¹⁾.

И. Дубасовъ.

¹⁾ Арх. Тамб. конс. № 3 (синод. указы).

НѢМЦЫ НА СВЯТОЙ РУСИ.

Замѣтки.

I.

Какой-то острословъ сказалъ, что въ Россіи нѣмцы родятся—одинъ съ петелькой, а другой съ крючкомъ, и потомъ на жизненномъ, а главное, на служебномъ поприщѣ, цѣпляясь другъ за друга, неразрывной цѣпью идутъ впередъ и, при обоюдной поддержкѣ, доходятъ до степеней извѣстныхъ.

Во время своей продолжительной службы я замѣтилъ, что въ нѣмецкой сѣдѣ, въ противоположность русскимъ, всегда идущимъ вразбродъ (не даромъ наши простолудины сами себя называютъ разсѣянами), дѣйствительно сильно развиты чувство солидарности и радѣнье родному человѣчку. Стоить только нѣмцу занять какой-либо вліятельный служебный постъ и онъ тотчасъ же начинаетъ окружать себя родными человѣчками... Выбить ихъ изъ разъ занятой ими позиціи и даже втереться въ ихъ кружокъ—нечего и думать русскому человѣку. Кружки эти своего рода средневѣковые замкнутые цехи. Излюбленныя и, конечно, теплыя служебныя мѣста передаются дѣтямъ, внукамъ, родственникамъ и такимъ образомъ нѣкоторыя дистанціи въ російской администраціи представляются какъ бы нѣмецкими колоніями.

Припоминается мнѣ по этому поводу одинъ разсказъ. Въ Варшавѣ, высокій сановникъ, изъ нѣмцевъ, давалъ однажды вечеръ, на который, въ числѣ прочихъ чиновныхъ гостей, былъ приглашенъ генералъ К—ій. На другой день кто-то спросилъ К—го, кто былъ на вечерѣ у сановника. „Да все свои,—отвѣчалъ К—ій,—изъ иностранцевъ были только я, да г. Ивановъ“.

II.

Кстати о цехахъ. Существуютъ-ли еще таковыя въ нашей кульминированной (по мнѣнію, конечно, только нѣмцевъ) Остзейской провинціи? Въ 1850-хъ годахъ цехи процвѣтали тамъ во всей своей силѣ.

Въ 1854 году я жилъ въ Ригѣ, у своего дяди NN, много поработавшаго для русскаго дѣла въ Остзейскомъ краѣ и не мало потерпѣвшаго отъ нѣмецкихъ культургерровъ. Однажды дядя мой, занимавшійся въ то время перестройкой своего домика, идя со мною по улицѣ, бросился догонять какого-то господина и затѣмъ сталъ почтительнѣйше просить его о чемъ-то. Собесѣдникъ дяди, элегантно убранный, надушенный, съ физиономією и позою чуть ни министра, съ важностію выслушивалъ просьбу дяди и что-то бормоталъ въ отвѣтъ, не выпуская изъ зубъ сигары. Въ простотѣ сердечной я еще издали снялъ шапку предъ важнымъ собесѣдникомъ дяди, а, по окончаніи разговора, спросилъ дядю, съ кѣмъ онъ имѣлъ честь бесѣдовать? Можете представить себѣ мое изумленіе, когда дядя сообщилъ мнѣ, что важный собесѣдникъ его былъ, ни болѣе ни менѣе, какъ трубочистъ, у котораго онъ испрашивалъ разрѣшенія на поправку камина. Изъ разсказа дяди я въ первый разъ услышалъ тогда, что въ Ригѣ существуютъ зам-

внутренне ремесленные цехи, въ которыхъ право на извѣстное мастерство, чуть ни съ крестовыхъ походовъ, передается отъ отца къ сыну, изъ рода въ родъ. Эти привилегированные мастера давнымъ-давно не прикладываютъ и рукъ къ своему ремеслу, великодушно предоставляя работу и трудъ русскимъ мастерамъ, густо населявшимъ бѣдный Московскій форштадтъ, но безъ ихъ разрѣшенія, утвержденнаго ихъ подписью, никто не смѣлъ нанять русскаго мастера, а послѣдній—взять на себя хотя бы самую ничтожную работу. За свою разрѣшающую подпись цеховой баринъ бралъ себѣ половину задѣльной платы русскаго мастера. Легко понять, почему остзейскіе нѣмцы такъ горячо отстаиваютъ свои старые порядки и противятся русскимъ нововведеніямъ.

III.

Предъ минувшимъ польскимъ возстаніемъ, во время всяческихъ манифестацій и демонстрацій со стороны поляковъ и уступокъ съ нашей стороны, въ видахъ примиренія съ ними, всѣ служебныя мѣста въ Привислинскомъ краѣ были предоставлены полякамъ и русскіе чиновники съ крайнею послѣдностію были удалены отъ своихъ должностей. Забравъ въ свои руки бразды правленія, польскіе чиновники дѣятельно принялись за организацію возстанія и, въ благодарность за оказанное имъ довѣріе, преподнесли вооруженный мятежъ. Въ виду такого сюрприза, администрація наша переимѣнила фронтъ и такъ же послѣдно стала замѣщать служебныя должности чиновниками не польскаго происхожденія. Запросъ на служилыхъ людей былъ великъ, но и предложеніе услугъ было громадно. Увеличенное содержаніе, разныя льготы и, главное, упрощенный способъ приема на службу, безъ всякихъ справокъ о прошломъ кандидата и безъ руководства установленными закономъ правилами для поступающихъ на службу, привлекли въ Привислинскій край массу дѣятелей, къ крайнему сожалѣнію, весьма нерѣдко не только бездѣльныхъ, но и совершенныхъ бездѣльниковъ. Въ принятіи на службу, конечно, нервенствующую роль играла „протекція“, но на первыхъ порахъ—извѣстная русская поговорка: „на безрыбьи и ракъ рыба“. Укажу при этомъ на одно странное и крайне прискорбное явленіе. На нашихъ окраинахъ, среди чуждыхъ народностей, нерѣдко крайне враждебно къ намъ расположенныхъ, представителями правительственной власти должны бы быть лучшіе русскіе люди, способные съ честію и высоко держать русское знамя. У насъ почему-то всегда дѣлалось наоборотъ. Заварилась какая нибудь каша въ нашихъ окраинахъ, потребовались русскіе дѣятели и ихъ набираютъ чуть ни съ улицы, безъ всякаго разбора и подбора (то же сдѣлало и наше общество во время сербской войны). Замотался какой нибудь благородный отпрыскъ знатной фамиліи, запутался въ долгахъ, надѣлалъ скандаловъ—и его, чтобы дать время забыть о его грѣхахъ, а можетъ быть, и дать ему время переобъситься, зачисляють въ ряды дѣятелей на нашихъ окраинахъ. Таими ссыльными колоніями для служилыхъ людей былъ когда-то Кавказъ, потомъ Туркестанскій край, давшій возможность гениальному нашему сатирику М. Е. Салтыкову создать особой типъ „Ташкентцевъ“, а иногда и Привислинскій край. Дѣятели эти, конечно, не приносили никакой пользы и въ нашихъ полудикихъ азиатскихъ окраинахъ,—въ Привислинскомъ же краѣ, среди образованнаго народа, они приносили неисчислимый вредъ русскому дѣлу.

Изъ періода наплыва въ Привислинскій край служилыхъ людей припоминается мнѣ одинъ случай. Какой-то отставной капитанъ ...овъ, прозябавшій гдѣ-то въ глухой провинціи, послѣ Севастопольскаго геройскаго сидѣнья, узнавъ объ огромномъ количествѣ служебныхъ вакансій въ Привислинскомъ краѣ, но забывъ вѣроятно, что служебныя мѣста у насъ рѣдко доступны безъ протекціи, отправился въ Варшаву и явился къ упоминаемому мною въ первомъ разсказѣ сановнику.

— „Такъ и такъ, — говоритъ, — проливалъ кровь за отечество, лишился нѣкоторыхъ членовъ, но не лишился, къ сожалѣнію, потребности ѣсть, а потому и притащился изъ дальнихъ странъ искать и просить службы“.

Сановникъ, не усматривая въ рукахъ просителя никакого рекомендательнаго манускрипта, а въ фамиліи его — ничего имѣющаго какое-либо отношеніе къ сильнымъ міра сего, сухо отвѣтилъ: „напрасно безпокоились, мѣстъ нѣтъ“.

— „Какъ же, ваше—ство, — заволновался проситель, — я слышалъ“...

— „Для васъ я не имѣю мѣста“, — оборвалъ его сановникъ.

Проситель, вѣроятно обладавшій натурою капитана Копѣйкина, а, можетъ быть, просто только больною печенью, вспылилъ и отрѣзалъ:

— „Это отъ того, ваше—ство, что моя фамилія оканчивается на ...овъ, а еслибы я былъ какой нибудь фонъ-деръ-ховъ, то, конечно, и для меня нашлось бы мѣсто“...

Послѣ таковой выходки проситель тотчасъ же получилъ мѣсто... на гауптвахтѣ.

IV.

Заговоривъ о фамиліяхъ, я вспомнилъ одинъ разсказъ. Какого-то бѣднаго малаго судья, обойдя всеми дарами, наградила только громкою историческою фамиліею, по случаю которой ему часто приходилось выслушивать отъ своихъ знакомыхъ вопросы: не родственникъ-ли онъ такому-то важному сановнику? На такіе вопросы онъ обыкновенно отвѣчалъ шуткой: „какъ же, наши отцы на одномъ солнышкѣ обучен сушили“. Однажды, въ погонѣ за кускомъ хлѣба, ему пришлось обратиться къ одному начальнику съ просьбою о мѣстѣ.

— Ваша фамилія? спрашиваетъ начальство.

— „Такая-то“.

— Не родственникъ-ли вы...

— „Какъ же, — торопится, по привычкѣ, отвѣчать проситель, — наши отцы“... но тотчасъ же прикусилъ языкъ, понявъ всю неумѣстность своего обычнаго шуточнаго отвѣта.

Начальство, не ожидая разъясненія степени родства просителя съ важнымъ сановникомъ, благосклонно объявило ему о принятіи его на службу.

Хоть разъ принесла пользу бѣднягѣ его громкая фамилія, надъ которой обыкновенно только потѣшались его пріятель.

V.

Люди нѣмецкой національности, съ давняго времени поступавшіе на русскую службу, съ честію и славою служили своему новому отечеству. Нѣко-

торымъ изъ нихъ русская исторія отдастъ свои лучшія страницы, а государство воздвигаетъ монументы. Но въ семьѣ не безъ урода, и среди честныхъ нѣмцевъ попадаются такіе дѣятели, которые, по своимъ свойствамъ и качествамъ, совсѣмъ не дѣлаютъ чести своей національности. Объ этихъ-то послѣднихъ, на неприглядныя стороны которыхъ мнѣ приходилось наталкиваться во время службы, я и хочу сказать нѣсколько словъ. Считаю не лишнимъ напомнить, что я беру матеріалы изъ своей старой записной книжки и говорю о томъ, что было и чего теперь, быть можетъ, совсѣмъ и нѣтъ.

Первое, что слишкомъ часто бросалось мнѣ въ глаза, это сильно развитое чувство стяжательности въ нѣмецкихъ служилыхъ людяхъ, возведенное нѣкоторыми изъ нихъ въ принципъ, въ руководящее начало всей своей служебной дѣятельности. Дозвано мною лично, горькимъ опытомъ, что на службѣ нельзя нажить достатка. „Служилъ семь лѣтъ,—говаривалъ одинъ армейскій офицеръ,—выслужилъ семь рѣпъ и ни одной красненькой нѣтъ“. Я не говорю уже о нашихъ аристократахъ, которые не только не наживались на службѣ, а проживали и собственныя свои наслѣдственныя достоянія. Помню я этихъ баръ, которые съ благородною гордостью говорили, что „мы служимъ изъ чести“ и, росписываясь въ полученіи слѣдующаго имъ жалованья, предоставляли таковое въ пользу казначейскихъ писарей¹⁾. Такихъ господъ среди нѣмецкихъ служилыхъ людей я не встрѣчалъ, а вотъ такихъ, которые, повидавъ отчій домъ какого нибудь пастора въ бѣдной латышской деревнѣ и поступая на службу на благородное поприще вонна, оставляли въ наслѣдство своимъ дѣтямъ милліонъ.—я видѣлъ. Прослѣдивъ по послужному списку такого дѣятеля за полученіемъ имъ казеннаго содержанія во время службы, легко убѣдиться, что еслибы онъ, въ теченіе всей своей жизни, питался однимъ только воздухомъ и прикрывался однимъ только лавровымъ листикомъ, то и тогда не могъ бы оставить послѣ себя и десятой доли своего наслѣдства.

Какъ же наживались такіа богатства—казнокрадствомъ, взяточничествомъ? Конечно да, но не грубымъ первобытнымъ способомъ, неизбежно влекущимъ за собою судъ и путешествіе въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста, но путями хитрыми, дипломатическими и для поверхностнаго наблюдателя quasi-легальными. Ловкіе люди умѣютъ загребать деньги, если не на точномъ

¹⁾ Невольно припоминается мнѣ одинъ мой начальникъ, генералъ изъ нѣмцевъ. Казначейскій писарь, разнося жалованье и книгу для росписокъ по квартирамъ служащихъ и дѣлая этимъ намъ услугу, конечно, получалъ отъ каждаго изъ насъ соответственное вознагражденіе, окупавшее по крайней мѣрѣ затрату писаря на предполагаемаго извозчика. Генералъ получалъ крупный кушъ ассигнацій, съ добавленіемъ какихъ-то 2½ коп. Пересчитавъ пукъ ассигнацій и росписавшись въ книгахъ, генералъ обыкновенно отодвигалъ рукою на столѣ 2½ к., говоря писарю: «это мелочь ужъ твоя». Писарь очень оскорблялся этимъ нищенскимъ подаваніемъ и разъ, желая провести генерала, принесъ ему на цѣлый рубль мѣдныхъ пятаковъ, рассчитывая, что генералъ, по обыкновенію, забереть себѣ ассигнаціи и отодвинетъ къ нему всю мелочь. Какъ же бѣдняга сконфузился, когда генералъ, пересчитавъ ассигнаціи и съ такой же точностію мѣдные пятаки, отодвинулъ къ нему опять тѣ же несчастныя 2½ к., съ своими обычными словами: «это мелочь ужъ твоя».

основаніи закона, то примѣняясь только къ нему, по смыслу закона, руководствуясь духомъ токоваго. а въ крайнемъ случаѣ и бывшими примѣрами. Удивительно богатъ и казуистиченъ нашъ канцелярскій языкъ!

Беру факты, первые, какіе попадутся мнѣ на глаза въ моей записной книжкѣ и довольно старые, чтобы годиться для страницъ „Русской Старины“.

На одной изъ нашихъ окраинъ было время смутное, но развеселое для разныхъ любителей ловить рыбу въ мутной водѣ и обжорливыхъ акулъ. Денегъ была масса и всяческихъ названій: ординарныхъ и экстраординарныхъ, дабавочныхъ и на усиленіе содержанія, фуражныхъ даже для тѣхъ, которые не имѣли понятія о верховой ѣздѣ и которымъ при томъ и некуда было ѣздить, штрафныхъ и контрибуціонныхъ, отпускавшихся въ безотчетное распоряженіе, и такихъ, о которыхъ забыли вести отчеты. Было къ чему приложить руки ловкимъ людямъ, съ покладливою совѣстью—ну, и прикладывали...

Одно начальствующее лицо, изъ нѣмцевъ, занимавшее видный служебный постъ, также приложило свою заgreбистую лапу къ золотоносному источнику. По закону, чиновникамъ, отправляющимся на службу на наши дальнія окраины, выдаются на подъемъ деньги, въ размѣрѣ не свыше впрочемъ годоваго оклада жалованья. Примѣняясь къ этому закону, упоминаемое мною начальствующее лицо заполучило, вѣроятно изъ какого нибудь безотчетнаго источника, крупный кушъ денегъ (для простыхъ смертныхъ—цѣлый капиталъ) также на подъемъ при переѣздѣ изъ одной квартиры на другую на одной и той же улицѣ. Впрочемъ, въ то время совершались такіе подъемы, дѣлались такія карьеры, что я пришелъ къ заключенію, что и люди могутъ создавать и создаваться изъ ничего. Nil mortalibus arduum est.

VI.

А вотъ два случая изъ исторіи лихой памяти военныхъ поселеній.

Одно время, во главѣ этихъ поселеній стояла особа важная, натуры деспотической, а силы и значенія огромныхъ. Проекты этой особы, какъ бы ни были они странны, никогда и никакимъ измѣненіямъ не подвергались, а представленія его отказовъ не знали. Однимъ изъ подручныхъ у этой особы былъ генералъ, изъ нѣмцевъ, личность весьма умная, дѣятельная, но, къ сожалѣнію, дѣятельная и въ дѣлѣ наживы. Безропотно подчинялся всѣмъ капризамъ, а подчасъ и дикимъ выходкамъ важной особы, безпрекословно исполняя велѣнія этой особы, подручный генералъ, на поверхностный взглядъ, казался только простымъ орудіемъ въ рукахъ важнаго сановника, но на самомъ дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ и случаевъ интересныхъ, онъ водилъ за носъ важнаго сановника и настраивалъ его отдавать тѣ или другія приказанія, позволяя себѣ даже дѣлать почтительнѣйшія представленія противъ желательныхъ приказаній. Такія явленія не рѣдкость въ служебномъ мірѣ. Иной начальникъ со стороны кажется грознымъ, какъ труба архангела въ послѣдній день міра, а между тѣмъ трубу эту ловко надуваютъ разными прислѣшники и извлекаютъ изъ нея нужные имъ аккорды. Для такой игры на грозной трубѣ, требуются со стороны игрока сначала огромное терпѣніе и выносливость и всегда ловкость и изворотливость ума; особенно способными оказывались люди нѣмецкой и польской національностей.

Однажды подручный генералъ, составилъ въ тайникѣ своей души хитро-

умный планъ богатой наживы, представилъ своему принципалу проектъ постройки въ нашихъ стенахъ дворцовъ, на случай прїѣзда высокнхъ особъ, выставивъ на видъ и украшеніе степенъ, которымъ такъ прославился когда-то великолѣпный князь Тавриды, и улучшеніе экономическаго быта военныхъ поселенъ при предстоящихъ заработкахъ, и то, что проектируемыя монументальныя сооруженія прибавятъ свѣтлую страницу въ исторіи славнаго начальствованія его принципала. Фигурировать въ исторіи въ связи съ монументами, конечно, очень лестно и потому послѣдовала резолюція: „представить“.

Представленіе, можетъ быть и поморщившись, утвердили и подготовительныя работы закипѣли: инженеры дѣлали чертежи и смѣты, громоздили цифры на цифры ит.. глотали слюнки въ чайникъ великой наживы. Подручный генералъ стоитъ себѣ въ сторонѣ безучастнымъ зрителемъ, какъ бы совсѣмъ не интересуясь смѣтами и цифрами, но когда эти цифры и смѣты были утверждены, въ одно прекрасное утро (не для инженеровъ, конечно, и подготовленныхъ подрядчиковъ) онъ заявилъ о послѣдовавшемъ распоряженіи возвести постройки хозяйственнымъ способомъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ и по указаніямъ самой сановной особы. Строители-инженеры смекнули, конечно, въ чей ротъ попадетъ лакомый кусъ, который они съ такимъ усердіемъ утучняли и на который уже раззѣвали ротъ, и готовы были живьемъ проглотить подручнаго генерала, особенно при ревизіи возведенныхъ имъ зданій, но при этихъ постройкахъ такъ было все замазано и закрашено, такъ оформлено и озакононено (чуть ни каждый кирпичъ и доска опирались если не на законъ, то на какойнибудь циркуляръ), что и комаръ носа не могъ подточить, а, главное — около зданій были поставлены неприступныя ширмы: самъ. Между тѣмъ подручный генералъ, какъ мнѣ рассказывалъ приближенный къ нему человекъ, по возведеніи монументальныхъ построекъ ¹⁾, положилъ въ свой карманъ громадный капиталъ. Забудьте, что объ этомъ случаѣ было рассказано мнѣ вовсе не въ укоръ или осужденіе упомянутаго дѣятеля, а только въ доказательство его гениальныхъ способностей

VII.

Другой случай изъ жизни того же лица.

Командиръ одного полка, личность весьма богатая, но безалаберная, что-то набѣдокурилъ и могъ ожидать довольно скверныхъ послѣдствій. Надо было заручиться, пока дѣло не получило еще полной огласки, благорасположеніемъ подручнаго генерала, и вотъ является къ нему ловкій посредникъ и заявляетъ, что такой-то полковой командиръ, обремененный имѣніями, рѣшился во что бы то ни стало отдѣлаться отъ одного изъ этихъ имѣній, на весьма выгодныхъ для покупателя условіяхъ. Условія оказались дѣйствительно слишкомъ выгодными, такъ какъ подручный генералъ, продавъ запасный хлѣбъ и часть дѣса въ благопріобрѣтенномъ имѣніи, уплатилъ продавцу назначенную имъ за имѣніе дѣву. О неприятномъ дѣлѣ, висѣвшемъ надъ головою полковаго командира, конечно, не было сказано ни одного слова, ни

¹⁾ Эти сооруженія, какъ я слышала, по упраздненіи военныхъ поселеній, были отданы на сломъ, не знаю только, съ приплатою или безъ приплаты со стороны казны.

со стороны продавца имѣнія, и со стороны покупателя, но когда дѣло по-
ступило на разсмотрѣніе, то ему было дано направленіе, вполне благопріятное
для своевременнаго продавца своего имущества. (Прежніе дѣльцы, если не
отличались бойкимъ краснорѣчіемъ нынѣшнихъ адвокатовъ, то такіе же были
мастера дѣлать изъ чернаго бѣлое). Такимъ образомъ и невинность была со-
блюдена, и капиталъ нажить!

Прошли года и упоминаемый мною дѣятель, промѣнивъ положеніе под-
ручнаго на постъ главноначальствующаго, сдѣлался грозою для всѣхъ мел-
кихъ стяжателей и въ ловлѣ ихъ, по своей опытности, считался незамѣни-
мымъ. Объ немъ, а можетъ быть, и о другомъ такомъ же дѣятелѣ рассказы-
вали, что когда въ казенныхъ-то комиссаріатскихъ или провіантскихъ складахъ,
по отчетамъ, слишкомъ расплодился мыши и стали наносить значительный
ущербъ казенному имуществу, то высокая особа сказала: «я пошлю туда
кота», подразумевая подъ котомъ упоминаемаго дѣятеля.

Мыши en masse могутъ надѣлать много вреда и, по преданію, даже съѣли
какого-то польскаго короля (о чемъ, вѣроятно, онъ нисколько не сожалѣлъ,
разставаясь съ своимъ безпокойнымъ подданными), но я всетаки думаю, что
еслибы не было большихъ хищниковъ, то не было бы и этихъ звѣрьковъ,
обыкновенно составляющихъ только свиту крупныхъ грызуновъ.

Н. X.

г. Варшава.

Къ «Запискамъ Сельскаго Священника».

Въ статьѣ достоуважаемаго „Сельскаго Священника“, имѣющей своимъ
предметомъ разборъ получившей прискорбную извѣстность книги г. Елагина,
сказано, между прочимъ, будто бы и я печатно высказывался объ этой книгѣ—
произведеніи недруговъ блага духовенства.

По обстоятельствамъ нѣкоторымъ, считаю нужнымъ заявить, что о пре-
словутой книгѣ г. Елагина я до сихъ поръ не обмолвился ни однимъ печат-
нымъ словомъ.

Но, само собою разумѣется, подобно другимъ разумѣющимъ и безпри-
страстнымъ людямъ, не могу относиться къ появленію такого рода книгъ
иначе, какъ съ глубокимъ сожалѣніемъ и тревожнымъ недоумѣніемъ...

Позвольте надѣяться, милостивый государь, что вы дадите мѣсто на стра-
ницахъ вашего уважаемаго изданія этимъ строкамъ.

А. Гусевъ.

Казань.

7 марта 1882 года.

Иванъ Павловичъ Брюлловъ,

художникъ.

У извѣстныхъ художниковъ братьевъ Карла и Александра Павловичей Брюлловыхъ былъ третій братъ Иванъ, гораздо ихъ моложе, (родился въ 1817 году).

Еще ребенкомъ онъ проявлялъ себя рисовальщикомъ и старшіе его братья, будучи учениками академіи, видя его несомнѣнныя способности къ художествамъ, опредѣлили его также въ число учениковъ.

Въ то время, воспитательное заведеніе въ академіи было закрытымъ; когда въ 1832 году, при введеніи новаго устава, предоставлено было бывшимъ академистамъ право остаться въ академіи по новому уставу—то въ числѣ желающихъ остаться записанъ Иванъ Павловичъ Брюлло.

Иванъ Павловичъ не особенно хорошо занимался науками; но за то успѣхи его въ художественныхъ классахъ постоянно обращали вниманіе какъ профессоровъ, такъ и его товарищей. Онъ былъ отличный рисовальщикъ, никто какъ онъ не умѣлъ выполнять рисунокъ слѣдка или кисти руки. Въ его время, строго требовалось въ рисовальныхъ классахъ академіи точное исполненіе натуры; это требованіе создало ту извѣстность хорошихъ рисовальщиковъ, которой пользовались русскіе художники за границею.

Получая постоянно высшіе нумера на экзаменахъ рисованія, онъ пріобрѣлъ такое вліяніе на своихъ сверстниковъ, что явилось много подражателей его пріемамъ исполненія рисунковъ—подражать Иванъ Михайловичу, «Вани Брюллову», какъ звали его всѣ, было даже въ модѣ.

Не смотря на такіе успѣхи, старшіе его два брата, бывшіе тогда за границею, продолжали совѣтовать ему не братья за живопись прежде чѣмъ не достигнетъ совершенства въ рисунокѣ, что было причиною, почему Иванъ Брюлловъ, не будучи еще въ этюдномъ классѣ живописи, постоянно участвовалъ въ конкурсахъ сочиненія эскизовъ на заданныя темы, какъ отличный рисовальщикъ натурнаго класса и постоянно получалъ первые нумера конкурса.

По темпераменту и по характеру онъ былъ очень впечатлительный и живой юноша; одаренный симпатичною наружностію и веселымъ нравомъ, онъ былъ общимъ любимцемъ. Какъ горячій художникъ въ душѣ, онъ восторгался всѣмъ, что отвѣчало его любви къ изящному.

Тогда на театрѣ давали оперу Фенеллу по нѣмецки; Иванъ Павловичъ старался не пропускать возможности видѣть и слышать Фенеллу; въ восторгѣ отъ нея, онъ заучивалъ ея мотивы и часто въ спальнихъ академіи устраивались импровизированные спектакли, гдѣ онъ исполнялъ всякія роли, подражая видѣннымъ имъ актерамъ.

Увлечаться музыкою было недостаточно для страстной натуры Ивана Павловича—онъ влюбился безъ ума въ актрису Новицкую, исполнявшую тогда роль нѣмой въ оперѣ Фенелла; въ его рисункахъ женскихъ головокъ легко узнается постоянное намѣреніе сдѣлать портретъ Новицкой. Вообще онъ очень любилъ театральныя представленія, очень охотно рисовалъ сцены изъ оперы, балетовъ и въ особенности Фенеллы.

Въ сохранившихся у его почитателей рисункахъ, мастерски черченыхъ перомъ или карандашемъ, видѣнъ отличный талантъ и наблюдательность,—все обѣщало въ Ванѣ Брюлловѣ художника. Къ сожалѣнію, всѣ рисунки его разбирались на расхватъ и не могутъ быть собраны; но всѣ они доказываютъ даровитость художника, который обѣщалъ быть еще сильнѣе своихъ братьевъ.

Но ожиданіямъ не суждено было осуществиться: въ 1834 году Иванъ Павловичъ занемогъ, чахотка развилась быстро въ 17-лѣтнемъ юношѣ и когда была выставлена въ академіи знаменитая картина его брата «послѣдній день Помпей»—то его почти умирающаго вынесли изъ лазарета, чтобы показать ему ее;—Андрей Ивановичъ Крутовъ, бывший тогда инспекторъ академіи, не могъ отказать въ томъ общему любимцу; его снесли на креслахъ въ залу, гдѣ стояла картина Карла Павловича.—Еще живы свидѣтели трогательной сцены восхищенія умирающаго юнаго Вани Брюллова передъ картиной его брата.

Въ тотъ же годъ его не стало,—онъ умеръ въ домѣ своихъ родственниковъ, куда его перевезли изъ лазарета академіи, искренно оплакиваемый всѣми, кто его зналъ.

Иванъ Павловичъ носилъ фамилію Брюлло только до того времени, пока императору Николаю было угодно приказать братьямъ Александру и Карлу Брюлло измѣнить фамиліи Брюлло на Брюловъ,—тогда и онъ началъ подписываться Брюловымъ.

Е. Е. Львовъ.

16 го января 1882 г

Медвѣдь и Бобры.

Давно у насъ твердятъ въ народѣ,
 Что Мишка простъ, и добръ, и не лукавъ;
 Но я смотрю не на породу,
 Хотя, быть можетъ, я не правъ.
 Чтобъ доказать мое предположенье
 Примѣръ представлю я на ваше разсужденье.

Не помню гдѣ,

Лукавый Мишка жилъ и кажется близъ моря;
 Онъ выросъ на суши,—кажись бы о водѣ
 Ему нѣтъ ни заботъ, ни горя;
 Да случай иначе привелъ,
 За тѣмъ, что Мишенька съ бобрами дружбу свелъ.
 Случайно какъ то онъ вдоль берега слоняясь,
 Открылъ селеніе бобровъ,
 И хотъ смотрѣлъ на все какъ, будто, улыбаясь,
 Да замысль его давно ужъ былъ готовъ:
 Взять въ лапы добрыхъ простяковъ,
 Возвысится,—а тамъ и былъ таковъ.
 Поближе подойдя, онъ съ ними рѣчь заводитъ
 О томъ,

Что трудъ ихъ въ удивленіе его приводитъ;
 Потомъ,

Что будто бы ему и странно, и смѣшно
 Зачѣмъ они лишь попусту трудятся,
 Что воздаянія никакъ имъ не дождатся
 И даже имъ роптать ни сколько ни грѣшно;
 Что впрочемъ близкое со Львомъ сосѣдство,
 Подастъ ему конечно средство
 Довестъ до свѣдѣнія царя,
 Какъ пламенно къ нему усердіемъ горя,
 Вполнѣ они достойны награжденій
 За тяжкіе труды и множество лишеній.

Бобры

И просты и добры,
 Тотчасъ къ нему явились съ предложеньемъ,
 Взять попеченіе надъ бѣднымъ ихъ семействомъ,
 И убѣдить верховну власть,
 Привести въ порядокъ ихъ разстроенную часть.

И тотчасъ Мишенька, по волѣ

Царя лѣсовъ,

Министромъ сдѣланъ у бобровъ.
 И знатенъ, и счастливъ въ своей сталъ новой долѣ,

Но ихъ не зная нуждъ,
 Потребностей и горя,
 Какъ звѣрь гѣсной, всегда былъ чуждъ
 Онъ моря,
 И думая лишь о себѣ самомъ,
 Прослыть у Льва полезнымъ онъ вельможей.

Теперь вы согласитесь въ томъ
 На Мишеньку кто въ баснѣ здѣсь похожъ?
 Слыхалъ я будто бы не только у звѣрей,
 Но даже у людей,
 Министровъ видимъ мы подобныхъ
 Ко благу ввѣренной имъ части не способныхъ.

Примѣчаніе. Эту шутку-басенку сочинилъ морской офицеръ Д о в о д-
 ч и к о в ъ (нынѣ покойный) на князя А. С. Меншикова по случаю его на-
 значенія главнымъ начальникомъ морскаго штаба.

Сообщ. 1 апрѣля 1873 г. В. К. Шульцъ.

Замѣтка по поводу книги о Шереметьевыхъ.

Я очень жалѣю, что книга „Родъ Шереметьевыхъ“ попала ко мнѣ поздно, когда статья о картинѣ рода Шереметьевыхъ была къ вамъ уже отправлена, иначе я бы прибавилъ въ ней слѣдующее: Въ книгѣ „Родъ Шереметьевыхъ“, наполненной большимъ количествомъ выписокъ изъ гѣтописей, на страницѣ 5 ой и 6-ой значится: „Изъ повѣствованія Колычева видно, что прусской король Прутенковъ въ 273 году по Рождествѣ Христовѣ отдалъ свое королевство брату своему Вейдеуту“ (на картинѣ же написано Видивито король Борусскій).

Что касается догадокъ откуда взялась фамилія Ш е р е м е т ь е в ъ — тогда какъ родоначальникъ ихъ былъ К о б ы л а, полагаю, что нечего отыскивать этого въ рѣдкахъ турецкой арміи, а скорѣй можно найти въ названіи Б о г а, бывшаго у Ватичей: К и р и м ѣ т ь, о чемъ Шереметьевъ могъ узнать, когда по приказанію князей ходилъ войною на Ватичей и на другихъ дикихъ народовъ, населяющихъ сѣвѣро-востокъ Россіи.

И. В. Селивановъ.

ДВОРЯНСКІЙ ПОЛКЪ.

1807—1859.

Празднованіе LXXV годовщины дня его основанія.

14-го марта 1882 г., въ большой залъ Демута, собралось болѣе 150 человекъ бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полка и Константиновскаго корпуса для празднованія 75 лѣтней годовщины дня учрежденія этого заведенія. Вывѣщенный при входѣ въ залу аншлагъ возвѣщалъ, что въ собраніи этомъ имѣютъ быть: за фельдфебеля — воспитанникъ выпуска 1823 г. М. И. Богдановичъ и задневальныхъ два воспитанника, 1854 и 1855 годовъ.

Ровно въ 5 часовъ, собраніе встрѣтило своего фельдфебеля, причемъ оркестръ исполнилъ маршь Дворянскаго полка. Видимо тронутый торжественностію встрѣчи, Модестъ Ивановичъ сказалъ: «Я не ожидалъ, что на склонѣ моей жизни буду участникомъ въ собраніи товарищей, на обѣдѣ въ честь заведенія, въ которомъ я воспитывался. Считаю себя за честь быть фельдфебелемъ такой прекрасной роты, какая здѣсь собралась». Затѣмъ одинъ изъ дневальныхъ, М. Г. Гольмдорфъ, обратился къ собранію съ слѣдующею рѣчью:

«Товарищи! Однополчане! Сегодня минуло 75 лѣтъ съ того дня, когда императоръ Александръ I учредилъ военно-подготовительное заведеніе для дворянъ, сдѣлавшееся разсадникомъ офицеровъ нашей славной арміи.

Убѣжденный, что каждому изъ бывшихъ питомцевъ этого заведенія дороги воспоминанія о немъ, позволяю себѣ напомнить въ краткихъ чертахъ его минувшее.

Военныя событія начала настоящаго столѣтія потребовали усиленія скорого пополненія войскъ сфицерами и Александръ I, рескриптомъ 14 марта 1807 г. министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею, повелѣлъ: «молодыхъ дворянъ отъ 16 лѣтъ и болѣе, желающихъ вступить въ военную службу, вмѣсто опредѣленія прямо въ полки унт.-офицерами, присылать въ П.-Бургскіе кадетскіе корпуса, гдѣ, оставляя ихъ самое короткое время для ознакомленія съ порядкомъ службы, производить въ полки прапорщиками и корнетами».

Извѣщенные о дарованномъ правѣ, дворяне слѣзали на службу и въ столицѣ стекается масса, въ которой оказывается много слабыхъ, болѣзненныхъ и даже одинъ нѣмой. Вполнѣ годныхъ и возмужалыхъ, но въ большинствѣ безграмотныхъ, помѣстили въ деревянныхъ строеніяхъ полотняной фабрики на Петербургской сторонѣ, въ

сосѣдствѣ со 2-мъ корпусомъ и поручили корпусному маіору Гольтгоеру, а въ помощь ему назначили подпоручиковъ Брайко, Кнаппа и Вилькена.

Заведеніе это получило названіе корпуса волонтеровъ, а въ 1808 году переименовано въ Дворянскій полкъ.

Въ 1809 г. полку жалуютъ знамена, въ 1810 — гладкіе желтые погоны, въ 1811—при полку образуются Дворянскій кавалерійскій эскадронъ. Въ 1812 г. число воспитанниковъ, не превышавшее 700, возрастаетъ до 2 т., а къ концу 1815 г. доходить до 3 т. человекъ.

Въ то же время состоялось распоряженіе о присылкѣ въ Дворянскій полкъ изъ столичныхъ корпусовъ кадетъ дурной нравственности и лѣнтяевъ.

Небольшой комплектъ офицеровъ употребляется для неотложныхъ командировокъ, а возмужалые юноши, прозванные тюками, оставаясь безъ надлежащаго присмотра, поселяютъ дурную о себѣ славу въ обитателяхъ Петербургской стороны.

Во главѣ завѣдыванія полкомъ и эскадрономъ стоялъ тогда полковникъ Маркевичъ. Въ 1816 г. утвержденъ штатъ, по которому: комплектъ ограниченъ 2 т., прекращенъ пріемъ дворянъ свыше 20 л. и назначено на преподаваніе 6 т. р. ассигн. въ годъ.

Суровая дисциплина тогдашняго времени въ полку практикуется во всей силѣ. Строй занимаетъ 1-е мѣсто въ обученіи, дворянъ муштруютъ по пяти часовъ ежедневно; въ 1820 году для этого отстроены обширный манежъ, рядомъ съ которымъ столовый залъ и кухня, произведенія коей не отличаются вкусомъ и опрятностію.

Каждая изъ 8 ротъ имѣла отдѣльную казарму; воспитанники спали по 5 на 2-хъ сдвинутыхъ кроватяхъ. Печи, не смотря на холодъ, топились по одному разу въ сутки. Полы въ комнатахъ не мылись, а воспитанники сами вытирали ихъ кирпичемъ и посыпали пескомъ. Бѣлье мѣнялось разъ въ недѣлю ¹⁾.

Какъ трудно жилось въ то время, доказываетъ то, что нѣкоторые не выдерживали и бѣжали изъ заведенія.

Выпуски были частые, напр. въ 1812 г. было 17 выпусковъ. Вообще же до 1831 г. заведеніе дало свыше 8 т. офицеровъ, между которыми были: Сельванъ, Соймоновъ, Огаревъ, Хрулевъ, Лабинцовъ, Модестъ Ив. Богдановичъ и друг.

Такъ было до 1831 г., когда обновитель бывшихъ и создатель новыхъ кадетскихъ корпусовъ императоръ Николай Павловичъ,

¹⁾ См. интересныя воспоминанія объ этой эпохѣ, 1815—1820 гг., изъ жизни Дворянскаго полка Е. И. Топчиева въ „Русской Стаинѣ“ изд. 1880 г., т. VXXIII, августъ, стр. 639—650.

назначилъ главнымъ начальникомъ ихъ вел. кн. Михаила Павловича. Съ этихъ поръ Дворянскій полкъ вошелъ въ составъ любимыхъ Государемъ корпусовъ и въ стѣнахъ его примѣнялись во всей силѣ указанія монарха объ основаніяхъ военнаго воспитанія.

Напомню эти основанія:

— «Христіанинъ, вѣрноподанный, русскій, добрый сынъ, надежный товарищъ, скромный и образованный юноша; исполнительный, терпѣливый и расторопный офицеръ,—вотъ качества, съ которыми воспитанникъ военно-учебнаго заведенія долженъ переходить со школьной скамьи въ ряды русской арміи, съ чистымъ желаніемъ, отблагодарить за данное воспитаніе честною службою, честною жизнью и честною смертію».

Подъ вліяніемъ этихъ началъ, воспитанники сплотились въ одно военное товарищество, лозунгомъ котораго было: «не выдадимъ своихъ».

Нельзя не сказать, что наши бывшіе воспитатели не могли претендовать на званіе педагоговъ въ настоящемъ значеніи этого слова; нѣтъ, но многіе изъ нихъ были изъ арміи и приносили съ собою традиціи ея. Понятно, какія это были традиціи: преданность государю, любовь къ отечеству готовность умереть, но не сдать, любовь къ военному дѣлу и глубокое почитаніе военнаго мундира.

Съ 1832 г. Дворянскій полкъ совершенно отдѣленъ отъ 2-го корпуса; усилены средства образованія; съ 1834 г. назначенъ командиромъ полковникъ Пущинъ; учебная часть ввѣрена Форсману, а за смертію его Павловскому 6-му; учреждены 4 общихъ и 2 специальныхъ класса. По указаніямъ Я. И. Ростовцева разработаны учебники и полкъ ни въ чемъ не отличается отъ остальныхъ корпусовъ, когда въ 1837 г. перемѣщенъ въ существующее и теперь красное зданіе на Спасской улицѣ, Петербургской стороны.

Задачею полка сдѣлалось: «довершать воспитаніе кадетъ корпусовъ губернскихъ», которые и начинаютъ прибывать въ полкъ съ 1838 г., принося освѣжающіе благотворные элементы, и сродняются съ «корнями».

Съ этихъ поръ, можно сказать, полкъ вполне основался. Перемѣна состояла въ усовершенствованіи по образованію, но духъ оставался тотъ же и подъ вліяніемъ такихъ людей, какъ отецъ Рождественскій, Дихеусъ и труженикъ науки Иринархъ Ивановичъ Веденскій и др. скромныхъ, но незабвенныхъ дѣятелей, полковая семья окрѣпла и получила свою особенную вѣщность.

Вспомнимъ эти счастливыя, давно прошедшія, минуты. Вспомнимъ царскіе смотры, походы въ лагерь, тревоги, маневры, прогулки въ Александріи, вспомнимъ отеческія ласки и вниманіе роднаго нашего монарха... Какъ смотрѣлъ Государь на своихъ питомцевъ-дѣтей, ука

зываютъ слова его, сказанныя выпускнымъ 1854 г. послѣ смотра на Царяцкомъ лугу: «время теперъ тяжелое, но съ такими, какъ вы, я никого не боюсь!»

Какъ оправдались слова монарха,—свидѣтельствуютъ черныя мраморныя доски, испещренныя именами героевъ, павшихъ за честь и славу дорогой Отчизны!

Намъ не перечислить всѣхъ истинно счастливыхъ минутъ прошедшей кадетской жизни,—онѣ въ памяти и сердцѣ каждого...

Настоящее собраніе бывшихъ «дворянъ» служить лучшимъ доказательствомъ привязанности ихъ къ своему воспитательному гнѣзду. Здѣсь между нами воспитанники почти всѣхъ выпусковъ; здѣсь исторія полка въ лицахъ.

Воспитанникъ 1823 г. и 1859 года! Слишкомъ $\frac{1}{4}$ столѣтія разделять ихъ! Что же ихъ связываетъ? Товарищество, въ высшемъ значеніи этого слова.

1859 годомъ закончилось существованіе роднаго намъ Дворянскаго полка. Переименованный въ 1855 г. въ Константиновскій кадетскій корпусъ, онъ перемѣщенъ съ Петербургской стороны на Обуховскій проспектъ.

Тогда директоромъ былъ Воронежъ, говорившій, что: «всѣ мы братья, всѣ мы друзья».

Воспоминаніемъ и свидѣтелями былой жизни полка остались: стѣны краснаго зданія, старыя знамена и черныя доски съ именами павшихъ товарищей, да живое воспомызаніе въ сердцахъ тѣхъ, которые провели въ немъ свою юность...

Перенесемъ же въ былое и начнемъ наше собраніе, какъ бывало, молитвою за царя и памятью о павшихъ товарищахъ».

Музыка заиграла народный гимнъ, подхваченный всѣми присутствовавшими и затѣмъ оркестръ перешелъ къ молитвѣ за павшихъ, слившейся въ общій аккордъ съ голосами пѣвшихъ ее бывшихъ воспитанниковъ.

Повѣстка, пробитая барабанщикомъ, пригласила къ закускѣ, а затѣмъ бой къ столу перемѣстилъ всѣхъ къ сервированному, по образцу какъ было въ заведеніи, т. е. въ нѣсколько рядовъ, обѣденнымъ столамъ. По сигналу барабанщика, пропѣта передъ-обѣденная молитва и всѣ заняли мѣста, гдѣ при кувертахъ лежалъ складной желтый погонъ бывшаго дворянскаго полка, на внутренней части котораго помещенъ былъ составъ кушаній обѣда, приготовлявшихся кухнею Пинчера. Супъ съ пентюхами, рыба по волонтерски, говядина Нестеровская, пуншъ Литкова и исполнявшіеся во время обѣда марши, были родными воспоминаніями участникамъ обѣда; закипѣла дру-

жеская бесѣда, собраніе перенеслось въ прошедшее и слилось въ одну товарищескую семью. По временамъ, выражалось общее удовольствіе, когда замѣчалось исполненіе во время обѣда нѣкоторыхъ бывшихъ кадетскихъ обрядностей.

Сказанное М. Г. Гольмдорфомъ стихотвореніе прерывалось дружными возгласами восторженнаго привѣта всѣмъ упоминаемымъ въ немъ лицамъ:

Дворянскій полкъ не существуетъ:
 Въ училище онъ обращенъ,
 А въ жизни время все тухнетъ,
 Боль слѣдъ ея не сохраненъ.
 Такъ вспомнимъ же, какъ въ полкъ собирали.
 Изъ неучей, дворянъ толпой,
 Наукой въ немъ не просвѣщали:
 Тогда задачей былъ—строй.
 Всѣ корпуса въ полкъ нашъ ссылали
 Кадетъ испорченныхъ своихъ.
 Порядки въ немъ тогда внушали:
 Одинъ чтобъ стоялъ бы двоихъ.
 Но времена перемѣнились:
 Гольтгоеръ, Щенинъ, Кнаппъ ушли.
 Въ полку науки появились,
 „Дворянъ“ всѣхъ въ классы повели.
 Инспекторъ Форсманъ—просвѣтитель—
 Къ труду и пользѣ ободрялъ,
 А Пущинъ—строгій обновитель—
 „Дворянъ“ къ порядку приучалъ.
 Отецъ Рождественскій трудился
 Добро и честь въ сердца вселять.
 Затѣмъ ужъ Воронецъ гордился
 „Дворянъ“ кадетами назвать.
 Лишь четверть вѣка протекаетъ,
 Для нашей полковой семьи
 Кадетъ отборныхъ присылаютъ
 Со всѣхъ концовъ родной земли.
 Съ корнями въ ней они роднятся,
 Имъ совершенство придаютъ,
 Въ бояхъ герои въ нихъ рождаются,
 Врага, съ корнями вмѣстѣ, бьютъ.
 Такъ сѣмя чести и добра
 На почвѣ юношей всходило,
 Безъ лишней траты серебра
 Плоды Отчизнѣ приносило.
 Хрулевъ нашъ—штурмы отбиваетъ,
 Черняевъ—въ Азіи гремитъ.
 Нашъ Огаревъ врага сбиваетъ,
 Героимъ, Щеголевъ стоитъ.
 Тютрюмовъ нашъ—портреты пишетъ,

Стихами—Курочкинъ дарить,
 Сатирою Минаевъ дышетъ,
 Семевскій—Старину живить.
 Нашъ Драгомировъ научаетъ
 Къ побѣдѣ какъ должно идти.
 Онъ самъ Дунай переплываетъ,
 Дорогу къ Шипевъ чтобъ найти.
 А сколько пало въ бранномъ полѣ
 Дворянскаго полка сыновъ?
 Легли они, по доброй волѣ,
 Русь защищая отъ враговъ.
 Въ рѣкѣ Стрѣльбицкѣй утопаютъ,
 Въ ущелья Шрейбергъ нашъ сожженъ,
 Булыгинъ въ схваткѣ погибаетъ,
 Нашъ Сельванъ пулею сраженъ.
 Но всѣхъ „Дворянъ“ не перечислить.
 Полка кто славой дорожилъ
 Пускай Исторія исчислитъ,
 Отчизнѣ кто полезенъ былъ.
 А мы, храня нашъ духъ „Дворянскій“,
 Мы станемъ всѣ за Русь стѣной;
 На всѣхъ ступеняхъ службы Царской
 Потомцы мы—семьи одной.
 И будемъ впредь въ семью сбираться,
 Родной нашъ полкъ не забывать,
 И шалостямъ былымъ смѣяться,
 И все бывшее освѣжать.
 Теперь бокалы поднимаемъ:
 За здравье пить уже пора.
 Мы первый тостъ провозглашаемъ—
 Царю! кадетское ура!

По окончаніи вновь пропѣтаго народнаго гимна, провозглашено было много тостовъ: за государыню императрицу, наследника цесаревича и за нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся дѣятелей, присутствовавшихъ на обѣдѣ; равно не забыты были товарищи, павшіе на полѣ брани, и въ воспоминаніе о нихъ повторена была пѣснь: «Братья! всѣ въ одно моленъ». Прочитано до 30 полученныхъ во время обѣда привѣтственныхъ телеграмъ изъ разныхъ концовъ Россіи, а бывший воспитанникъ полка, Д. Д. Минаевъ, сказалъ составленный имъ экспромтъ.

По окончаніи обѣда и молитвы, всѣ участвовавшіе въ обѣдѣ военные построились въ общую роту и прошли тихимъ шагомъ, мимо своего фельдфебеля.

Г. М. Гольмдорфъ.

14-го марта 1882 г. Спб.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ
 ВЪ XXXIII—XXXIV ТОМАХЪ
 „РУССКОЙ СТАРИНЫ“
 1882 г.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

- Абаза**, Алексд. Алексѣев., гофмейстеръ, т. XXXIV, 130, 131.
- Абдурахманъ-паша**, 1829 г., т. XXXIV, 164, 167, 169.
- Аделунгъ**, 1827 г., т. XXXIV, 336.
- Адлербергъ**, гр., Влди. Фодор., ген.-адъют., мн-ръ двора, 1858 г., т. XXXIII, 227—232, 238, 535.
- Адлербергъ**, Юлія Фодор., рожд. фонъ-Багговугъ, начальница Смольнаго ин-стит., р. 1760†1839 г., т. XXXIII, 122; т. XXXIV, 382.
- Адолфъ - Вильгельмъ**, герцогъ Нассаускій, 1845 г., т. XXXIII, 784.
- Айвазовскій**, Иванъ Конст., проф., художн.-маринистъ, р. 1817 г., т. XXXIV, 744.
- Авинфievъ**, ген., 1829 г., т. XXXIV, 161.
- Аксаковъ**, Ив. Серг., писат., 1855 г., т. XXXIII, 482, 489, 492, 607; т. XXXIV, 129, 181, 456, 458.
- Аксамитовскій**, бригадн. генер. польс. армии, 1826 г., т. XXXIV, 269.
- Алабинъ**, П. В., ссылка на его біографическій очеркъ: «Иванъ Петровичъ Голевъ», т. XXXIII, 821—823.
- Албедиль**, (Albedyll), 1826 г., т. XXXIII, 123; т. XXXIV, 385.
- Алдуевскій**, полк., 1770 г., т. XXXIV, 315.
- Александра Николаевна**, вел. кнг., въ замужест. принцесса Гессенъ-Кассельская, р. 1825†1844 г., т. XXXIII, 795, 796, 798; т. XXXIV, 359.
- Александра Павловна**, вел. кнг., въ супруж. палатина Венгерская, р. 1783†1801 г., т. XXXIII, 117; т. XXXIV, 357, 373.
- Александра Петровна**, вел. кнг., (принцесса Ольденбургская) р. 1838 г. т. XXXIV, 518, 519, 727.
- Александра Фодоровна**, имп-ца, (принцесса прусская) р. 1798 † 1860 г., т. XXXIII, 118, 119, 130, 131, 642, 643, 778, 789, 795, 801, 832; т. XXXIV, 159, 164, 166, 175, 206, 275, 356, 359, 422.
- Александровъ**, Іоаннь, о. протоіер., 1773 г., †1784 г., т. XXXIII, 293, 302.
- Александръ I**, импер., р. 1777†1825 г. Рескрипты Дм. Прок. Трошнскому 1804 и 1806 г.г., т. XXXIV, 649, 650; письмо

- ген. Костюшко 9 апр. 1814 г. 242—243; всепод. донесение ген.-адъют. Чернышева 4 апр. 1815 г. 243—245; два письма генер. Костюшко 13 июня 1815 г. 245—247; рескрипт Д. П. Трошинскому 5 авг. 1816 г. 653; пребывание и сеймы въ Варшавѣ 1820—1826 г., 253—258; проектъ объ устройствѣ военной полиціи при гвардейскомъ корпусѣ, 1821 г., т. XXXIII. 217—219; записки и повелѣнія 1823 г., т. XXXIV. 232; всеподд. рапортъ цесар. Константина Павловича, 6 янв. 1824 г., 277—278; пребывание въ Таганрогѣ 1825 г. т. XXXIII. 199—202; письмо къ архиманд. Фотію 3 окт. 1825 г. 773. Упом: т. XXXIII. 13, 39—43, 54, 69, 109—111, 129, 130, 137, 169, 192, 194, 203, 213—215, 474—478, 533, 765—794, 839. т. XXXIV. 252, 280, 353, 388, 407, 428—442, 449, 464, 479, 480, 615—625, 648, 651, 655, 667, 672, 683—700, 744, 797.
- Александръ II**, импер., р. 1818 † 1 марта 1881 г. Крестьянское дѣло 1857—1859 г., т. XXXIII. 228—250, 562—596; объясненія съ С. С. Ланскимъ по крест. дѣлу 5 авг. 1858 г., 587—592; т. XXXIV. 105—150; 389—410; путешествіе по губерніямъ и рѣчи къ дворянамъ 1858 г., 411—425. Упом. т. XXXIII. 340, 363, 593, 603, 613, 642, 702, 781, 795, 802, 820, 821, 835; т. XXXIV. 193, 287, 358, 470, 508, 512, 542, 577.
- Александръ II**, Кахетин. царь, 1586 г., т. XXXIII, 169.
- Александръ Виртембергскій** принцъ, † 1790 г., т. XXXIV, 288.
- Алексѣевъ**, майоръ, 1769 г., т. XXXIII, 183—186.
- Алексѣевъ**, сенат. 1804 г., т. XXXIV, 650.
- Алексѣевъ**, прапорщикъ, 1828 г., т. XXXIII, 159.
- Алексѣевъ**, камеръ-фурьеръ, 1827 г., т. XXXIV, 388.
- Алексѣй Михайловичъ**, царь, р. 1629 † 1676 г. Списокъ съ указа 18 мая 1651 г. т. XXXIV, 277; упом. т. XXXIII, 2, 3.
- Алимпіевъ**, Александръ Петр., учитель словестности, т. XXXIII, 19.
- Али-паша**, турец. мн-ръ иност. дѣлъ, 1816 г., т. XXXIII, 345, 351, 354.
- Альбедиксій**, ген.-адъют., начальн. окружн. штаба, 1866 г., т. XXXIV, 737.
- Альбертрадди**, аббатъ и учен. т. XXXIV, 189, 191.
- Амвросій**, (Подобѣдовъ) архіеп. казанскій, 1791 г., т. XXXIV, 628.
- Амвросій**, (въ мѣрѣ Алексѣй Протасовъ) архіеп. казанск., 1816 г., вполнѣд. архіеп. тверск., 1826 г., р. 1762 † 1831 г. Биографическій его очеркъ, т. XXXIV, 615—640.
- Амвросій**, архимандр., настоят. Равфской Казанской пустыни, 1824 г., т. XXXIV, 638.
- Андреевичъ**, Яковъ Максимов., подпоруч. 8-й артилл. бриг., декабр., † 1840 г., т. XXXIV, 702.
- Андреевскій**, И. Е., проф. Сообщ: свои «Воспоминанія о свѣтл. кн. А. А. Суворовѣ-Рымнинскомъ», т. XXXIII, 833—838, т. XXXIV, 525—542
- Андреевъ**, штыкъ-юнкеръ, 1769 г., т. XXXIII, 184.
- Андреевъ**, П., писатель, 1799 г., т. XXXIV, 776.
- Андреевъ**, А. Ѳ., учредит. рязанск. сиротск. пріюта, т. XXXIII, 402.
- Анна Иоанновна**, имп-ца, р. 1693 † 1740 г. т. XXXIII, 7, 170, 747, 749.
- Анна Павловна**, вел. кнг., въ супруж. королева Нидерландская, р. 1795 † 1865 г. т. XXXIII, 115; т. XXXIV, 357, 370, 654.
- Аничковъ**, полковн., 1865 г., вполнѣд. ген.-майоръ, т. XXXIV, 727—731.
- Анненковъ**, Мих. Дмитр., т. XXXIII, 22.
- Анненковъ**, ген.-адъют., команд. войсками кievск. округа, 1863 г., т. XXXIV, 507, 508.
- Анрепъ**, генер., начальн. Черноморск. береговой линіи, т. XXXIII, 523.
- Антингъ**, майоръ, 1797 г., т. XXXIII, 446.
- Аполдосъ**, священ., 1823 г., т. XXXIV, 694, 695, 699.
- Апраксинъ**, гр., В. В., орловск. губернс. предвод. дворянс., 1858 г., т. XXXIII, 608, 609.

Аправсинъ, гр., Степ. Федор., ген. адъют. 1820 г., т. ХХХІІІ, 642.

Аракчеевъ, гр., Алексѣй Андр., ген. отъ кавал., воен. мн-ръ, р. 1769 † 1834 г., т. ХХХІІІ, 16, 41, 42, 48, 479, 770—773; т. ХХХІV, 195, 200, 201, 261—267, 281, 284.

Арбузовъ, Алексд. Павл., адмиралъ, т. ХХХІV, 563.

Арбузовъ, Антонъ Петр., лейт. гвардейск. экип., декабр., † 1866 г., т. ХХХІV, 713.

Аржевитниковъ, сибирск. помѣщ., 1825 г., т. ХХХІІІ, 58.

Аристовъ, офицеръ, 1855 г., т. ХХХІV, 50.

Арнольди, Михаилъ Петр., т. ХХХІІІ, 824, 825.

Арнольди, Нина Александр., т. ХХХІІІ, 824, 825.

Арсеній, митропол., т. ХХХІІІ, 691.

Арсеньевъ, ген., 1827 г., т. ХХХІV, 384.

Арцимовичъ, В. А., тобольск. губернат., 1858 г., вполн. калужск. губернат., т. ХХХІІІ, 578, 579, 617.

Астраковъ, Сергѣй Ив., т. ХХХІІІ, 606.

Ахвердовъ, ген.-лейт., воспитат. при вел. кн. Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ, т. ХХХІІІ, 123.

Ахмедъ-паша, турец. сераскиръ, 1712 г., т. ХХХІІІ, 433.

Афанасій, бывш. еписк. саратовск., вполн. архіеп. астраханск., т. ХХХІІІ, 379—384, 700; т. ХХХІV, 639.

Бабость, 1857 г., т. ХХХІV, 122.

Вадеръ, ученый и писат., т. ХХХІV, 185.

Вайшовъ, А. М., ст. сов., контрагентъ кавказскихъ минеральн. водъ, 1861 г., т. ХХХІІІ, 259—261.

Ванаева, рожд. Рытова, 1826 г., т. ХХХІІІ, 128.

Важунинъ, П., президентъ Акад. Наукъ, 1796 г., † 1801 г., т. ХХХІІІ, 194.

Балашевъ, ген.-адъют., ген.-губернаторъ рязанскій, 1826 г., т. ХХХІІІ, 582.

Вальвицъ, премьеръ-маіоръ елецк. полка, † 1770 г., т. ХХХІV, 299, 314.

Вантышъ-Камонскій, Дмитр. Никол., тн. сов., тобольскій, потомъ виленск. гражданск. губернат., р. 1787 † 1850 г.

Ссылка на его «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», т. ХХХІV, 618.

Варановъ, бывший правитель колоній, 1824 г., т. ХХХІІІ, 46.

Барантъ, посолъ, 1841 г., т. ХХХІV, 186.

Варатынскій, Евгений Абрамов., поэтъ, † 1844 г., т. ХХХІІІ, 453, 454, 459, 810.

Варсовъ, Никл. Ив., проф. Сообщ. Письма кн. А. Н. Голицына къ архиманд. Фотію, 1822—1825 г., съ предисловіемъ, т. ХХХІІІ, 765—780; т. ХХХІV, 205—222, 427—442, 683—700.

Варсуновъ, Н. П. Сообщ. Примѣчанія къ «Письмамъ А. И. Тургенева къ К. С. Сербиновичу, 1827—1845 г.», т. ХХХІV, 177—194, 443—462.

Варятинскій, кн., Алсд. Ив., намѣстн. Кавказ. 1856—1861 гг., вполнѣдствіи фельдмарш., р. 1814 † 1879 г., т. ХХХІІІ, 169, 337—348, 351, 362, 525.

Васаргинъ, Никл. Вас., поруч. 16-гв. егерскаго полка, декабристъ, † 1861 г., т. ХХХІV, 474, 701, 706.

Ватениновъ, инженер.-капит., † 1770 г., т. ХХХІV, 311.

Ватениновъ, Гавр. Степ., подполк. корп. инженер. путей сообщ., декабр., † 1863 г., т. ХХХІІІ, 31, 42, 55.

Ватяновъ, подполковникъ, 1864 г., т. ХХХІІІ, 360.

Вахметевъ, генер., нижегородск., казанск., симбирск., саратовск. и пензес. ген.-губернат., 1826 г., т. ХХХІV, 636.

Вахметьевъ, маіоръ, пензенск. городничій, 1812 г., т. ХХХІV, 779.

Везбородко, кн., Алсдр. Андреев. госуд., канцл., дс. тн. сов., сенат., р. 1747 † 1799 г., т. ХХХІІІ, 420, 421, 422; т. ХХХІV, 616, 644, 646.

Везсоновъ, ссылка на «Бѣлорусскія пѣсни», т. ХХХІІІ, 737.

Веклешовъ, генераль-инфант., 1797 г., т. ХХХІІІ, 445, 446.

Веклешовъ, Алсд. Андр., ген. прокур. Сената, 1801 г., т. ХХХІІІ, 211.

Вель, А. Х., секрет. русской миссіи въ Гагъ, 1842 г., т. ХХХІV, 447, 448.

Веллинггаузенъ, Ф. Ф., адмиралъ, т. ХХХІІІ, 29.

- Вельгардъ**, Алсд. Алсд., командиръ Украинскаго егерск. полка, † 1855 г., т. XXXIII, 823; т. XXXIV, 739, 741.
- Вельгардъ**, Валеріанъ Алсд., нынѣ членъ комит. о раненыхъ, т. XXXIII, 823.
- Вельгардъ**, Карлъ Алсд., командующій Калининскимъ отдѣломъ, † 1868 г., т. XXXIII, 823.
- Вель** (Bell), эмиссаръ англійскаго правит-ва, 1836 г., т. XXXIII, 173.
- Вемъ**, артистъ-музыкантъ, 1840 г., т. XXXIII, 644.
- Вендерскій**, бывш. камердин. имп-цы Маріи Теодоровны, т. XXXIII, 127, 128.
- Венедиктовъ**, Владим. Григор., дс. ст. сов., писатель, р. 1807 † 1873 г., т. XXXIII, 530.
- Венкендорфъ**, гр., Алексдр. Христоф., ген.-адъют., шефъ жандармовъ, р. 1783 † 1844 г., т. XXXIII, 121, 122, 221, 230; т. XXXIV, 233, 381.
- Венкендорфъ**, гр., Констант. Христоф., ген.-лейт., † 1828 г., т. XXXIII, 121, 444, 448; т. XXXIV, 381.
- Венкендорфъ**, Софья Иванов., рожд. Левенштернъ, воспитат.—ца вел. кн. Александра Павловича и Константина Павловича, † 1783 г., т. XXXIII, 121; т. XXXIV, 380.
- Вергъ**, ген.-лейт., 1769 г., т. XXXIV, 299, 318.
- Вергъ**, гр., Фед. Фед., намѣстн. Царства Польскаго, фельдмарш., р. 1794 † 1874 г., т. XXXIII, 618; т. XXXIV, 156, 158.
- Верже**, Адольфъ Петр., дс. ст. сов., предсѣдат. Кавказской Археографич. комисіи. Статья его: «Выселеніе горцевъ съ Кавказа», гл. I—IV, т. XXXIII, 161—176; 337—363.
- Верманъ**, М. А., дѣлопроизводит. училищной комисіи, 1882 г., т. XXXIV, 547, 560.
- Вертекоозъ**, Іосифъ Васил., докт. медицины, смысла на его біографію Н. И. Пирогова, т. XXXIII, 801.
- Верхманъ**, ген.-маіоръ, 1824 г., т. XXXIV, 280, 281.
- Вершовъ**, маіоръ, баталіон. командиръ, † 1855 г., т. XXXIV, 26.
- Вестужевъ-Рюминъ**, Констант. Никол., проф., т. XXXIV, 458.
- Вестужевъ-Рюминъ**, Мих. Павл., подпоруч., декабр., † 1826 г., т. XXXIV, 274.
- Вестужева**, Екат. Алсдр., † 1873 г., т. XXXIV, 472.
- Вестужевъ**, Алсд. Алсд. (Маринскій) штабсъ-капит., декабристъ, писатель, † 1837 г., т. XXXIII, 20, 60, 449—456, 462, 808; т. XXXIV, 564.
- Вестужевъ**, Мих. Алсдр., штаб.-капит. лб.-гв. московск. пол., декабр., р. 1800 † 1871 г., т. XXXIV, 471—476, 564, 709, 710.
- Вестужевъ**, Никл. Алсдр., капит.-лейт. декабр., † 1855 г., т. XXXIII, 55—57, 453; т. XXXIV, 471—476, 481, 564, 702.
- Вехлеръ**, генераль, т. XXXIV, 661.
- Вечасновъ**, Влад. Алсдр., прапорщ. 8-й Артилл. бриг., декабр., † 1859 г., т. XXXIV, 702, 703.
- Вибинова**, Софья Никит., рожд. Муравьева, т. XXXIV, 710.
- Вибиновъ**, 1824 г., т. XXXIV, 661.
- Вибиновъ**, Дмитр. Гавр., кievск. военн. губернат., 1844 г., т. XXXIII, 582, 583.
- Вибиновъ**, 1849 г., т. XXXIII, 521.
- Влагодаревъ**, Яковъ, писатель, 1799 г., т. XXXIV, 776.
- Влудовъ**, гр., Дмит. Никл., дс. ст. сов., чл. госуд. сов. и предсѣдат. деп-та законовъ, р. 1785 † 1864 г., т. XXXIII, 228, 229, 690, 802; т. XXXIV, 447.
- Влумеръ**, бригадн. генер. польск. арміи, 1826 г., т. XXXIV, 273.
- Вобрищевъ-Пушенинъ**, Пав. Серг., порч. генеральн. штаба, декабр., † 1865 г., т. XXXIV, 702, 710, 713.
- Вобровъ**, Семень, писат., 1798 г., т. XXXIV, 775, 776.
- Вогдановичъ**, Модестъ Иванов., воспит-къ фельдфебель дворянс. полка, 1823 г., нынѣ генер., военн. историкъ, т. XXXIV, 797—802.
- Воголюбовъ**, чиновникъ, 1868 г., т. XXXIV, 782, 784.
- Вогуславскій**, Н. Г., дс. ст. сов., спб. губернс. прокуроръ, 1861 г., т. XXXIV, 535, 536.

Возю, итальянс. консулъ въ Константинополѣ, 1864 г., т. XXXIII, 358.

Воже, ген. франц. службы, т. XXXIII, 32.

Волтинъ, нижегород. губернс., предвод. дворянс., 1858 г., т. XXXIV, 400.

Вонтанъ, (Bontemps) бригадн. генер., нач. матеріалн. части артил. польс. армія, 1826 г., т. XXXIV, 274.

Воржесъ, Петръ Ив., подпоруч. 8-й артил. бриг., декабр., † 1854 г., т. XXXIV, 702.

Воржесъ, чиновн., 1838 г., т. XXXIV, 781.

Воръ, е-жа, гувернантка вел. кн. Маріи Феодоровны, бывшей принцессы Виртембергской, т. XXXIV, 366.

Воровиковскій, Влад. Лукичъ, проф. акад., художн. - портрет., 1798 г., т. XXXIII, 639.

Ворцовъ, полковн., 1797 г., т. XXXIII, 446.

Вошнявъ, Алсдр. Конст., участков. миров. судья перектск. судебн. окр. Собщ. «Разказы стараго лаза», т. XXXIII, 212—216.

Вошнявъ, Карлъ Ив., преміеръ-маіоръ, 1794 г., т. XXXIII, 212.

Вошнявъ, Конст. Карлов., Костромс. губернс. предводит. дворянс., 1848 г., р. 1790 † 1863 г., т. XXXIII, 212.

фонъ-Брадше, Егоръ Егор., директоръ деп-та народнаго просвѣщ., 1881 г., т. XXXIII, 544.

Враунъ, полковн., 1770 г., т. XXXIV 302.

Вревертъ-Деллагарди, гр., ген.-адъют., бывш. начальн. окружн. штаба, 1864 г., т. XXXIV, 721, 737.

Брикнеръ, Адольфъ Густавов., проф., т. XXXIII, 471.

Брисвортъ, ген.-маіоръ, московс. окружн. интендант., 1864 г., т. XXXIV, 508, 511, 723, 731.

Броди, ген., австр. комендантъ въ Воккъ-дв-Батаро, 1798 г., т. XXXIII, 421, 425, 437—441.

Броуъ, П. Ф., мн-ръ финансовъ, 1858 г., т. XXXIII, 228, 229.

Броневскій, ген.-губернат. Восточной Сибири, т. XXXIII, 16.

Бруевкчъ, дѣлопроизводит. слѣдственн. комисіи, 1825 г., т. XXXIII, 60.

Бруховецкій, малоросс. гетманъ, томъ XXXIII, 2, 3.

Брызгалова, камеристка имп-цы Маріи Феодоровны, 1826 г., т. XXXIII, 125, 126; т. XXXIV, 388.

Брюлковъ, Алсд. Павл., проф. акад. худож., 1859 г., т. XXXIII, 641; т. XXXIV, 793.

Брюлковъ, Иванъ Павлов., художн., р. 1817 † 1834 г., т. XXXIII, 641; т. XXXIV, 793, 794.

Брюлковъ, Карлъ Павл., проф. акад. худож., † 1852 г., т. XXXIII, 641; т. XXXIV, 793, 794.

Брюлло, Пав. Ив., 1820 г., т. XXXIII, 641.

Брюлло, Юлія Павловна, въ замуж. Соколова, 1820 г., т. XXXIII, 641—644.

Будагосскій, ген., 1864 г., т. XXXIV, 472.

Будбергъ, бар., чл. государств. сов., † 1881 г., т. XXXIII, 552.

Буксгевденъ, ген.-лейт., 1797 г., т. XXXIII, 446.

Булгаковъ, маіоръ, 1829 г., т. XXXIV, 174.

Булгаковъ, Алсд. Яковл., моск. почт-директ., 1841 г., т. XXXIV, 178, 449, 452, 462.

Булгаковъ, Яковъ Ив., тн. сов., послан. въ Польшу, р. 1743 † 1809 г., т. XXXIII, 443; т. XXXIV, 191.

Булгаринъ, Оадей Венедиктов., писат., р. 1789 † 1859 г., т. XXXIII, 453—460, 680, 690.

Бужинъ, Викторъ Иванов., штаб.-капит., 1864 г., т. XXXIII, 524.

Буржикотровъ, Алексѣй, сообщникъ Пугачева, 1773 г., т. XXXIII, 293, 294.

Бурніанъ, ген. маіоръ, 1770 г., томъ XXXIV, 303.

Бутеневъ, Аполлиарій Петр., русс. посолъ въ Константинополѣ, т. XXXIII, 52, 53.

Бутеневъ, Иванъ Петр., морской офиц. т. XXXIII, 22, 52.

Бутковъ, Влад. Петр., государств. секрет., 1858 г., вносл. членъ государств. сов.,

- † 1881 г., т. XXXIII, 229, 236—244, 250, 552, 587; т. XXXIV, 106—109, 120, 125, 389, 392, 411.
- Вутурлинъ**, гр., ген.-маюръ, ген.-квартирмейст., 1824 г., военн. писат., т. XXXIV, 661.
- Вутурлинъ**, ген.-маюръ, 1829 г., томъ XXXIV, 158.
- Вутурлинъ**, гр., Дмит. Петр., р. 1763 † 1829 г., ссылка на его библиотеку т. XXXIV, 180, 182.
- Вутурлинъ**, генералъ-квартирмейстеръ 1855 г., т. XXXIV, 26.
- Вухостовъ**, маюръ, 1770 г., т. XXXIV, 303, 313.
- Вухольцъ**, 1715 г., т. XXXIII, 170.
- Вужоровъ**, маюръ, казачій войсковою старшина, 1830 г., т. XXXIII, 822.
- Выстрицкий**, бывш. офиц. черниговск. полка, 1827 г., т. XXXIII, 159.
- Вычовъ**, Аванасій Федор., акад., т. XXXIV, 464.
- Вѣгажскій**, бригадн. генер., нач. комиссаріата польс. арміи, 1826 г., томъ XXXIV, 269.
- Вѣлаго**, офицеръ, † 1855 г., т. XXXIV, 38.
- Вѣлинь**, штб.-капит., † 1855 г., т. XXXIV, 69, 70.
- Вѣлинокій**, Виссаріонъ Григор., писатель, р. 1810 † 1848 г., т. XXXIV, 129, 225.
- Вѣлопольскій**, Ив. Григор., надворн. совѣтн., 1863 г., т. XXXIV, 516, 517.
- Вѣлаевъ**, есаулъ, 1769 г., т. XXXIV, 298.
- Вѣлаевъ**, Алсд. Петр., р. 1803 г. Сообщ. поэму кн. А. И. Одоевскаго: «Василько», т. XXXIII, 313—336, 647—656; письмо его въ Ред. «Русской Старины» по поводу поэмы «Василько», т. XXXIV, 564; упом. т. XXXIII, 60—62; т. XXXIV, 479, 480, 706, 709.
- Вѣлаевъ**, Иванъ Ефимов., повѣтчикъ касимовс. духовн. правленія, т. XXXIII, 666—671.
- Вѣлаевъ**, Петръ Петр., мичманъ гвард. экип., декабр., † 1865 г., т. XXXIV, 480.
- Вюдлеръ**, ген.-адъют., предсѣд. военно-окружн. сов., 1864 г., т. XXXIV, 721, 722, 737.

- Вадковскій**, Фед. Федоров., прапорщ., декабр., † 1844 г., т. XXXIV, 702, 705.
- Валуевъ**, поруч., 1770 г., т. XXXIV, 304.
- Варунъ Секретъ**, Сообщ. замѣтку къ воспоминанію П. В. Алабина о Голевѣ, т. XXXIII, 821—823.
- Васенковъ**, 1826 г., т. XXXIII, 126.
- Васильева**, Дарья, камеристка имп-цы Маріи Федоровны, 1826 г., т. XXXIII, 126.
- Васильевъ**, Иванъ, младш. фельдшеръ, 1828 г., т. XXXIV, 283, 284.
- Васильевъ**, о. Іосифъ Васильевичъ, протоіереѣ, бывш. настоятель православной церкви въ Парижѣ съ 1858 года, предсѣдат. учебн. комит. при св. синодѣ, р. 1819 † 27 декаб. 1881 г. Некрологъ его, т. XXXIII, 527—530.
- Васильевъ**, М. И., морс. офиц., томъ XXXIII, 27.
- Васильевъ**, Петръ, шталмейст., 1827 г., т. XXXIV, 385.
- Васильевъ**, ген.-маюръ, 1866 г., т., XXXIV, 737.
- Васильчикова**, княж., Татьяна Васил., въ замуж. кн. Голицына, р. 1781 † 1841 г., т. XXXIII, 626.
- Васильчиковъ**, кн. Алсд., Иларіон. писатель, т. XXXIII, 261, 814.
- Васильчиковъ**, кн., Дмитрій Вас., началн. уланской дивизіи, впослед. обергермейст. и членъ госуд. сов.; р. 1778 г., т. XXXIII, 15.
- Васильчиковъ**, кн., Иларіонъ Вас., ген.-адют., предсѣдат. госуд. сов., р. 1776 † 1847 г., т. XXXIII, 16, 217—219, 472, 473.
- Вассерманъ**, полковн., 1770 г., т. XXIV, 310, 312, 314.
- Введенскій**, Иринархъ Иванов., проф., † 1856 г., т. XXXIV, 799.
- Веберъ**, капитанъ, † 1770 г., т. XXXIV, 307.
- Вежелнъ**, Алсд. Ив., декабр., т. XXXIV, 274.
- Ведемейеръ**, сенаторъ, 1824 г., т. XXXIII, 50, 53.
- Вейдемейеръ**, Ив. Андр., дс. ст. сов.,

- предсѣдат. юстицъ Коллегіи, 1800 г., т. ХХХІІІ, 209, 210.
- Веймарнъ, генералъ, 1855 г., т. ХХХІV, 741, 742.
- Вейсенгофъ, бригадн. генер. польс. арміи, начальн. уланс. дивизіи, 1826 г., т. ХХХІV, 270.
- Вейсъ, Давидъ, художн. - граверъ, 1823 г., т. ХХХІІІ, 783.
- Венеціановъ, Алексѣй Гаврил., акад., первый русск. бытовой живописецъ, р. 1780 † 1846 г., т. ХХХІV, 744.
- Венюковъ, Мих. Ив. Сообщ. Некрологъ: Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій † 18 нояб. 1881 г., т. ХХХІІІ, 523—526.
- Венцель, начальн. Ижевскихъ заводовъ † 1774 г., т. ХХХІІІ, 301.
- Вердеръ, проф. берлинск. унив., 1841 г. т. ХХХІV, 188.
- Веригинъ, помѣщ., 1827 г., т. ХХХІІІ, 145.
- Веригинъ, А. И. Сообщ. «Воспоминанія о свѣтл. кн. А. А. Суворовѣ-Рымникскомъ», т. ХХХІІІ, 828—831; упом. т. ХХХІV, 533.
- Вернесь, ген.-лейт., 1769 г., т. ХХХV, 293, 294, 297.
- Вершинскій, о. Дмитрій, священ. православл. церкви въ Парижѣ, ученый, философъ и богословъ, † 1859 г., т. ХХХІІІ, 527.
- Веселкинъ, восп.-къ Касимовс. приходо. духовн. училища, т. ХХХІV, 588.
- Вешняковъ, В. И., ссылка на «Сборникъ русскаго историческаго общества», т. ХХХІV, 286.
- Вигель, Ф. Ф., дс. тн. сов., управл. департ. духовн. дѣлъ иностран. исповѣданій, р. 1786 † 1856 г., т. ХХХІІІ, 765.
- Викторова, камеристка имп-цы Маріи Ѳеодоровны, 1826 г., т. ХХХІІІ, 126.
- Видлячю, капит., адъют. генер. Красинскаго, † 1816 г., т. ХХХІV, 250, 251.
- Вилламовъ, Григорій Иванов., ст.-секрет. имп-цы Маріи Ѳеодоровны, 1826 г., т. ХХХІІІ, 123—131; т. ХХХІV, 281, 386.
- Вилламовъ, ген.-адъют., начальн. артилл., 1864 г., т. ХХХІV, 720, 721, 737.
- Видліе, баронетъ, Яковъ Вас., дс. тн. сов., лб.-медикъ, т. ХХХІІІ, 490, 515, 519, 787.
- Вильсонъ, завѣдующ. Александровскимъ заводомъ, 1826 г., т. ХХХІІІ, 384.
- Виржевичъ, поруч. гусарс. полка, 1770 г., т. ХХХІV, 304.
- Виртембергскій принцъ, Адамъ, бригадн. генер. польс. арміи, 1826 г., т. ХХХІV, 273.
- Виртембергскій принцъ, Павелъ-Карль-Фридрихъ-Августъ (отецъ вел. кнг. Елены Павловны) р. 1785 † 1852 г. т. ХХХІІІ, 783, 790.
- Висковатовъ, Конст. Алсд., проф. Дерптск. унив. Сообщ. въ 1876 г. «Указы, повелѣнія и распоряженія импер. Павла 1796—1801 г., т. ХХХІІІ, 443—448; письма Ѳедора Горемыкина къ Я. И. Ростовцену, послѣдніе дни жизни вел. кн. Михаила Павловича, 1849 г., 515—522; упом. т. ХХХІІІ, 260.
- Висковатый, Пав. Алсдр. Сообщ. копию съ дворянской грамоты, выданной Юрію Петровичу Лермонтову, отцу поэта, т. ХХХІІІ, 469—470.
- Витбергъ, Алсдр. Лаврентьев., акад., р. 1787 † 1855 г. т. ХХХІV, 744.
- Витгенштейнъ, гр., Петръ Христофоров., фельдмарш., р. 1768 † 1843 г. т. ХХХІІІ, 823.
- Витгенштейнъ, кн., бывший адъют. кн. А. А. Суворова-Рымникскаго, т. ХХХІV, 533.
- де-Виттъ, гр., корпуса. команд., 1829 г., т. ХХХІV, 165.
- Виттъ, докторъ, 1829 г., т. ХХХІV, 174.
- Вихиревъ, Алексѣй Ив., свящ., т. ХХХІІІ, 73, 284.
- Віарасъ, въ замуж. Тургенева, 1833 г., т. ХХХІV, 183, 185.
- Віельгорскій, гр., Мих. Юрьев., об.-шенкъ, р. 1787 † 1858 г., т. ХХХІІІ, 644, т. ХХХІV, 385.
- Водковскій, ген.-л., 1797 г., т. ХХХІІІ, 445.

- Воеводская**, въ замуж. Кузьминская, бывш. горничная имп-цы Маріи Ѳеодоровны, 1826 г., т. XXXIII, 128.
- Воейкова**, Прасковья Ѳеодор., въ замуж. кнг. Гагарина, т. XXXIII, 196.
- Воейковъ**, Алсд. Ѳеодор., писат., р. 1779 † 1839 г., т. XXXIII, 452, 810; т. XXXIV, 449, 775.
- Войцеховичъ**, А. И., чл. госуд. сов., † 1881 г., т. XXXIII, 552.
- Волковъ**, шталмейстеръ, 1827 г., т. XXXIV, 385.
- Волконская**, княгиня, 1838 г., т. XXXIV, 678.
- Волконскій**, кн., М. С., т. XXXIII, 546.
- Волконскій**, кн., Петръ Мих., мнръ двора и фельдмарш., р. 1776 † 1853 г. т. XXXIII, 40, 129, 131, 473, 643; т. XXXIV, 156, 200, 202, 260, 264, 265, 275, 451, 688, 690.
- Волконскій**, кн., Сергій Абрамовичъ, ген.-маіоръ, † 1790 г., т. XXXIV, 288.
- Волконскій**, кн., Серг. Григор., ген.-маіоръ, декабр., † 1865 г., т. XXXIV, 706.
- Вольфъ**, пасторъ, 1800 г., т. XXXIII, 209, 211.
- Вольфъ**, 1826 г., т. XXXIII, 123.
- Вольфъ**, Фердинандъ Богданов., штаб-лекаръ при главной квартирѣ 2-й арміи, декабр., † 1854 г., т. XXXIV, 702, 711—713.
- Воробьевъ**, Дмитрій, прапорщ.-штурман. 1768 г., т. XXXIII, 181, 186.
- Воронецъ**, директ. Константиновскаго кадетс. корпуса, 1859 г., т. XXXIV, 800, 801.
- Воронихинъ**, архитект., 1800 г., т. XXXIII, 201.
- Воронцова**, кам. имп-цы Маріи Ѳеодоровны, 1826 г., т. XXXIII, 125, 126.
- Воронцовъ**, гр., Мих. Семенов., наѣстн. кавказ., генер.-фельдмарш., р. 1781 † 1856 г., т. XXXIII, 221, 222, 238, т. XXXIV, 171, 174, 195—202.
- Воронцовъ**, гр., Семень Романов., рус. посолъ при Лондонск. дворѣ, р. 1744 † 1832 г., т. XXXIII, 11, 12.
- Ворцель**, 1800 г., т. XXXIII, 200.
- Востокъ**, Алсд. Христофор., академ. 1841 г., т. XXXIV, 178.
- Врангель**, премьерь-маіоръ, 1769 г., т. XXXIV, 290, 299.
- Врангель**, бар., главный правитель русско-амер. колоній. 1824 г., т. XXXIII, 54, 55.
- Вревскій**, баронъ, генер., † 1855 г., т. XXXIV, 742.
- Всеволожская**, въ замуж: Жюль-вежуръ, т. XXXIV, 190, 191.
- Всеволожскій**, Никита Всеволод., впослед. дс. ст. сов. и егермейстеръ, т. XXXIII, 455.
- Всеволожскій**, Никл. Серг., извѣстн. путешественникъ, т. XXXIV, 191.
- Вяткинскій**, К. И., св. т. XXXIII, 530.
- Вяткинскій**, 1827 г., т. XXXIII, 145.
- Вяземская**, кнж., Надежда Петр., р. 1822 † 1841 г., т. XXXIV, 177, 181, 185.
- Вяземскій**, кн., Петръ Андр., писат., р. 1792 † 1878 г., т. XXXIII, 455, 462, 484, 690; т. XXXIV, 171, 181—192. 444—462.
- Вязмитиновъ**, А. А. Сообщ. изъ своихъ «Воспоминаній» отрывокъ «Севастополь отъ 21 марта по 28 августа, 1855 г.», т. XXXIV, 1—70; замѣтка его: «Александрійс. гусар. полкъ въ 1829 г.». 286.
- Гавриловъ**, Д. П., 1858 г., т. XXXIV, 132, 144, 145.
- Гагарина**, кнж., Анна Мих., рожд. Леонтьева, 1745 г., т. XXXIII, 196.
- Гагарина**, кнж., Анна Петр., рожд. кнж. Лопухина, ст.-дама, 1800 г., р. 1777 † 1805 г., т. XXXIII, 192, 196.
- Гагарина**, кнж., Прасковья Ѳед., рожд. Воейкова, т. XXXIII, 196.
- Гагаринъ**, кн., московс. предвод. дворянства, т. XXXIII, 64.
- Гагаринъ**, кн., 1827 г., XXXIV, 385.
- Гагаринъ**, кн., Гавр. Петр., дс. тн. сов., гофмейст., 1797 г., р. 1745 † 1808 г., т. XXXIII, 196.
- Гагаринъ**, кн., Иванъ Сергѣев., поступившій въ орденъ Іезуитовъ въ Парижѣ, въ 1843 г., т. XXXIII, 529; т. XXXIV, 454—456.

- Гагаринъ, кн., Пав. Григор., ген.-адъют., 1799 г., т. XXXIII, 192, 196.
- Гагаринъ, кн., Пав. Пав., чл. госуд. сов., 1858 г., † 1872 г., т. XXXIII, 227, 228, 234; т. XXXIV, 421.
- Гагаринъ, кн., Петръ Ив., 1745 г., т. XXXIII, 196.
- Галаховъ, Алексѣй Дмт., 1879 г., т. XXXIII, 541, 542.
- Галкинъ-Враскій, М. Н., бывш. саратовс. губернат., т. XXXIII, 708.
- Гарibaldi, генер. итальянс. службы, 1863 г., т. XXXIV, 755—773.
- Гартигъ, Н. М., тамбовс. губернат., 1868 г., т. XXXIV, 782, 783.
- Гау, худ.-портр., 1850 г., т. XXXIII, 638.
- Гаузе, дивизион. генер., начальн. артил. польс. арміи, исполняющ. должность военн. мн-ра, 1826 г., т. XXXIV, 269.
- Гебгардтъ, Иванъ Карловичъ, артистъ, нѣмец. группы, 1814 г., т. XXXIII, 530.
- Гейденъ, гр., адм., 1829 г., т. XXXIV, 174.
- Гейманъ, генер., 1864 г., т. XXXIII, 351, 352.
- Геймаръ, бар. Ѳеодоръ Климентьев. ген.-адъют., р. 1783 † 1848 г., т. XXXIII, 511—514; т. XXXIV, 175.
- Гельгудъ, бригадн. генер. польс. арміи, 1826 г., т. XXXIV, 273.
- Георгъ-Августъ, герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій, р. 1827 † 1876 г. т. XXXIII, 784, 802.
- Гербель, нѣж.-ген., 1770 г., т. XXXIV, 311.
- Германъ, генер., 1800 г., т. XXXIII, 12, 13.
- Герценъ, Алсл. Алсдр., проф., т. XXXIV, 760.
- Герценъ, Алсл. Ив., писат. † 1870 г., т. XXXIII, 600; т. XXXIV, 528, 757—773.
- Геттэ, бывший аббатъ, нынѣ православный свящ. при русс. церкви въ Парижѣ, т. XXXIII, 528.
- Гильфердингъ, Алсл. Ѳеодор., помощн. ст.-секрет., предсѣдат. славянс. благотворит. Комитета, р. 1831 † 1872 г., т. XXXIV, 463.
- Гладовъ, спб. об.-полицмейст., 1824 г., т. XXXIII, 772.
- Гладстонъ, первый мн-ръ Англии. т. XXXIV, 772.
- Глазовъ, поруч., † 1770 г., т. XXXIV, 310.
- Глазуновъ, И. И., сиб-ій городс. голова, т. XXXIV, 559.
- Глинва, г-жа, 1826 г., т. XXXIII, 128.
- Глинка, ст. сов., професс. русс. яз. въ Дерптс. университет., т. XXXIV, 449.
- Глинва, Серг. Никл., писат., р. 1775 † 1847 г., т. XXXIV, 775.
- Глѣбовъ, Иванъ Ѳеодор., пвспект. костромс. семия., т. XXXIII, 283, 287.
- Глѣбовъ, Никл. Ѳеодоров., наставн. рязанс. семинарія, т. XXXIII, 283.
- Глѣбовъ, морск. ген.-аудиторъ, 1861 г., т. XXXIV, 540, 541.
- Гнейзенау, гр., фельдмарш., прусс. ген.-губернат. въ Познани, 1831 г., т. XXXIII, 839—840.
- Гнѣдичъ, Никл. Ив., писат., т. XXXIII, 452, 453.
- Говенъ, г-жа, 1827 г., т. XXXIV, 382.
- Городъ-Яновская, Марія Ив. (мать писат. Н. В. Гоголя) т. XXXIV, 642, 658—680.
- Гоголь, ген.-маюръ, 1824 г., т. XXXIV, 279.
- Гоголь, Василій Аванасьев., отецъ писателя, † 1825 г., т. XXXIV, 657, 658, 666, 674.
- Гоголь, Николай Васил., писат., р. 1809 † 1852 г., т. XXXIII, 482, 483, 810; т. XXXIV, 129, 287, 642, 657—681.
- Голевъ, Ив. Петр., командиръ Камчатс. егерс. полка 1853—1856 г., впослѣд. ген.-маюръ, р. 1805 † 1880 г. т. XXXIII, 821—823; т. XXXIV, 739.
- Голенищевъ - Бутузовъ - Смоленскій, кн. Мих. Илар., фельдмарш., р. 1745 † 1813 г., т. XXXIV, 449.
- Голенищевъ-Бутузовъ, гр., Пав. Вас., ген.-кав., р. 1772 † 1843 г., т. XXXIII, 784; т. XXXIV, 776.
- Голицовъ, писат., 1798 г., т. XXXIV, 775.
- Голицина, кнг., Татьяна Васил., рожд. кнж. Васильчикова, р. 1781 † 1841 г., статсъ-дама, 1826 г., т. XXXIII, 626.
- Голлицынъ, кн., Алсдр., писат. 1798 г., т. XXXIV, 775, 776.
- Голицынъ, кн., Александръ Никол., об.-

- прокур. синода, р. 1773 † 1844 г. Письма его въ архимандриту Фотию, 1822—1825 г., т. XXXI, 765—780; т. XXXIV, 205—222, 427—442, 683—700. Упом.: т. XXXIII, 60, 61, 127—131, 784, 785; т. XXXIV, 179—193, 443—447.
- Голицынъ, вн.,** Дмт. Влад., ген. отъ кав., москвс. ген.-губернат., р. 1771 † 1844 г., т. XXXIII, 636; т. XXXIV, 179, 182.
- Голицынъ, вн.,** Г. С., пензенс. губернат., 1812 г., т. XXXIV, 779.
- Голицынъ, вн.,** И. О., 1830 г., т. XXXIII, 644.
- Голицынъ, вн.,** Никл. Серг., ген.-лейт., военн. историкъ, ссылка на его «Записки», т. XXXIII, 829.
- Голицынъ, князь, Сергѣй,** 1826 г., т. XXXIII, 127.
- Головинскій, митропол.** римско-катол. церк. въ Росс., 1839 г., т. XXXIV, 191.
- Головинъ, адмир.,** 1824 г., т. XXXIII, 50, 53.
- Головинъ, ген.-адъют.,** начальн. отряда, 1828 г., т. XXXIII, 523; т. XXXIV, 174.
- Головинъ, Алсд. Вас.,** бывш. мн-рь народн. просвѣщ., 1861—1866 г., нывѣ дс. тн. сов., статья-секрет. и чл. госуд. сов., т. XXXIII, 559; т. XXXIV, 129, 537.
- Головцынъ, Егоръ** Андр., арханг. губернат., 1767 г., т. XXXIII, 177—186.
- Голохвастовъ, Дмт. Павл.,** проф. москвс. унив., 1845 г., т. XXXIII, 604.
- Голубцовъ, В. В.** Сообщ. замѣтку «Къ перечню гравюръ акад. Л. А. Стрелкова», т. XXXIII, 364.
- Голышевъ, Иванъ** Алсдр., литографъ-археологъ, т. XXXIV, 744.
- Гольмдорфъ, Г. М.,** бывший восп-къ Дворянс. полка. Рѣчь его и стихотвореніе, сказанное имъ на 75-лѣтнемъ юбилеѣ Дворянскаго полка, 14 марта 1882 г., т. XXXIV, 797—801.
- Гольтгофъ, маіоръ,** 1807 г., т. XXXIV, 798, 801.
- Гомзяковъ, предсѣдат.,** т. XXXIII, 189.
- Гончаровъ, И. А.,** писат.-романистъ, т. XXXIV, 129, 182.
- Горбунковъ, К. А.,** художникъ, 1843 г., т. XXXIII, 826, 827.
- Гордонъ, ген.-лтн.,** 1800 г. т. XXXIII, 12.
- Горемыкинъ, Фед. Ив.,** полковн., адъют. вел. кн. Михаила Павловича, † 1850 г., т. XXXIII, 515—522, 800.
- Горизонтовъ, священн.,** т. XXXIII, 381.
- Горчаковъ, вн.,** Дмт. Петр., членъ Рос-сійской акад., писат., т. XXXIII, 807.
- Горчаковъ, вн.,** Петръ Дмт., ген.-губернат. Западн. Сибири, 1839 г., р. 1789 † 1868 г., т. XXXIII, 524; т. XXXIV, 474, 476.
- Гофманъ, проф. моск. унив.,** 1845 г., т. XXXIII, 603.
- Граббе, генер.,** 1864 г., т. XXXIII, 351.
- Грабовскій, гр.,** Степанъ, бригадн. ген., мн-рь, статья-секрет. Царства Польск., 1826 г., т. XXXIV, 270.
- Градовскій, Г. К.** Сообщ. изъ своихъ воспоминаній: «Материалы и замѣтки къ исторіи русской печати, т. XXXIII, 491—510; 673—690.
- Градовскій, Тимоф. Никол.,** профессоръ москвс. унив., т. XXXIII, 600—604; т. XXXIV, 129, 287, 461.
- Гревеницъ, г-жа,** 1826 г., т. XXXIII, 122, т. XXXIV, 383.
- Грейгъ, Алексѣй Самуилов.,** адмир. черноморс. флота, 1829 г., т. XXXIV, 164, 167, 175.
- Грековъ, полковн. войс. донс.,** 1798 г., т. XXXIII, 446.
- Грессеръ, маіоръ,** 1797 г., т. XXXIII, 446.
- Гречъ, Никл. Пв.,** писатель, р. 1787 † 1867 г., т. XXXIII, 453, 454, 459, 680.
- Грибоѣдовъ, Алсд. Серг.,** ст. сов., полномочн. мн-рь при персидс. дворѣ, писатель, р. 1795 † 1829 г., т. XXXIII, 56, 57, 457, 458, 462, 489, 803, 808, 814.
- Григоровичъ, Дмт. Васил.,** писатель, секрет. общ-ва поощренія художниковъ, 1862 г., р. 1822 г., т. XXXIV, 129.
- Григорьевъ, Вас. Вас.,** проф. слб. уни-верс., вполнѣд. начальн. главн. упр. по дѣламъ печати, т. XXXIII, 495—499, 509, 510, 677; т. XXXIV, 525.
- Гриммъ, камердин. имп-цы Маріи** Тео-

- доровны, 1826 г., т. XXXIII, 126, т. XXXIV, 387.
- Громницкій**, Петръ Ѳедор., поруч., декабр., † 1851 г., т. XXXIII, 160.
- Гротъ**, К. Карл., ссылка на его диссертацию: Моравія и Мадыары съ половины IX до начала X вѣка, 1881 г., т. XXXIII, 729—736; упом. 550.
- Гротъ**, Яковъ Карл., акад., т. XXXIII, 539.
- Губинъ**, полковн., главный смотрит. интендантск. склада, 1864 г., т. XXXIV, 518, 723, 730.
- Губовъ**, чиновн., 1826 г., т. XXXIV, 636.
- Гудовичъ**, гр., Иванъ Васил., ген.-фельдмарш., 1807 г., р. 1741 † 1821 г., т. XXXIII, 14, 443, 444.
- Гумбольдъ**, Александръ, естествоиспытатель, 1842 г., т. XXXIV, 444, 451.
- Гусевъ**, А. Сообщ. замѣтку: «Къ Запискамъ Сельскаго Священника», т. XXXIV, 792; упом. т. XXXIII, 713.
- Давыдовъ**, Степ. Ив., композит., † 1825 г., т. XXXIII, 644.
- Даль**, Влад. Ив., лейтен., докт. медицины и писатель, † 1872 г., т. XXXIII, 26, 52, т. XXXV, 112.
- Даможировъ**, 1827 г., томъ XXXIII, 625, 632.
- Даревскій**, бригадн. генер., главн. директ. воен. комм. Царс. Польс., 1826 г., т. XXXIV, 274.
- Дашкова**, кнг., Екат. Романов., рожд. Воронцова, статск.-дама, р. 1743 † 1810 г., т. XXXIII, 194.
- Дверницкій**, генер. польс. служ., 1831 г., т. XXXIII, 511, 512.
- Дедевитенъ**, майоръ, 1770 г., т. XXXIV, 304, 306.
- Деливронъ**, Ф. И., штабъ-офицеръ, томъ XXXIII, 19.
- Делянговъ**, Иванъ Давыдов., дс. тн. сов. ст.-секрет., вынѣ мн-ръ народн. про-свѣщ., т. XXXIV, 529.
- Дельвицъ**, бар., Антонъ Антонов., писатель, р. 1789 † 1831 г., томъ XXXIII, 452—454, 680, 689, 690, 803, 814.
- Державинъ**, Гавр. Романов., ген.-прокур., писат., р. 1743 † 1816 г., томъ XXXIII, 459—461, томъ XXXIV, 633, 635, 775, 776.
- Дешанъ**, Эмиль, франц. писатель, ссылка на его переводъ стихотворенія Лермонтова «Воздушный Корабль», т. XXXIV, 230—235.
- Дибичъ**, поруч., 1799 г., т. XXXIII, 447.
- Дибичъ-Забалканскій**, графъ Ив. Ив. фельдмарш., р. 1735 † 1831 г., томъ XXXIII, 221, 471, 477, 839, т. XXXIV, 155—176, 200, 204, 267, 268, 278—284, 636, 688.
- Дивова**, камеристка имп-цы Маріи Ѳеодоровны, † 1827 г., т. XXXIII, 121; т., XXXIV, 381.
- Дивовъ**, мичманъ гвардейск. ээип., декабр., † 1839 г., т. XXXIV, 481.
- Дистерловъ**, генер.-адъютантъ 1769 г., т. XXXIV, 298.
- Дихеусъ**, ген.-майоръ, 1865 г., т. XXXIV, 731, 799.
- Дичъ**, камеристка имп-цы Маріи Ѳеодоровны, 1826 г., т. XXXIII, 125, 126.
- Дмитріевъ**, полковн., 1812 г., т. XXXIV, 779.
- Дмитріевъ**, Ив. Ив., дс. тн. сов., писат., р. 1760 † 1837 г. т. XXXIV, 776.
- Дмитріевъ**, М., 1824 г., т. XXXIII, 455.
- Дмитріевъ**, М. А., т. XXXIV, 458.
- Добжинскій**, штб.-капит., 1865 г., т. XXXIII, 166.
- Добромысловъ**, восп-къ Елисиновс. прихос. духовн. училища, т. XXXIV, 592.
- Доброхотовъ**, Евг. священ., т. XXXIII, 74.
- Довголевскій**, Яковъ Ив. Сообщ. замѣтку къ родословнѣ фамилинъ Заблоцкихъ-Десятковскихъ, т. XXXIII, 548.
- Долгорукій-Крымскій**, кн., Вас. Мих., ген.-анп., главнокоманд. арміей, 1770 г., р. 1722 † 1782 г., т. XXXIV, 318.
- Долгорукій**, кн., П. В., авторъ «Русской Родос. книги», т. XXXIV, 771.
- Долгоруковъ**, князь Вас. Андр., ген.-адъют., бывш. воен. мн-ръ, щэф. жандарм., 1858—1863 г., т. XXXIII, 228, 231, 232, 238, 586; т. XXXIV, 125, 144, 500, 723.

- Долгоруковъ, кн., Георгій Владим., 1769 г., т. XXXIII, 435.
- Долгоруковъ, кн., Иванъ, писат., 1799 г., т. XXXIV, 776.
- Долгоруковъ, кн., Николай, 1827 г., т. XXXIV, 385.
- Долгоруковъ, кн., Юрій Владим., ген.-инфант., род. 1740 † 1830 года, томъ XXXIII, 435.
- Донской, Петръ Павл., рязанс. окружн. начальн., 1853 г., т. XXXIII, 402.
- Дорбежъ, экономъ Купеческ. собранія, 1840 г., т. XXXIV, 748.
- Достоевскій, Фед. Мих., писат. романистъ, † 1881 г., т. XXXIII, 497; т. XXXIV, 475.
- Драгоймовъ, бывший восп.-къ Дворянск. полка, вѣстъ генер., т. XXXIV, 802.
- Дробышевскій, 1812 г., томъ XXXIV, 778, 779.
- Дружининъ, Хрисанфъ Мих., портупей-прапорщ., 1827 г., т. XXXIII, 141—148, 158; т. XXXIV, 704.
- Дружининъ, Яковъ Александр., директ. деп-та вѣдѣній торгвли, т. XXXIII, 50, 53.
- Друцкой-Соколинскій, кн., маіоръ, 1864 г., т. XXXIV, 522—524.
- Дубасовъ, Н. Сообщ. изслѣдованіе «Моршанскіе скопцы въ 1812—1869 г.»., т. XXXIV, 777—785.
- Дубельтъ, Леонтій Васил., начальн. штаба корп. жанд., 1849 г., т. XXXIII, 520.
- Дунаевъ, Алсд. Ив., таганрогс. градо-начальн., 1825 г., т. XXXIV, 196—203.
- Дундасъ, статсъ-секрет., 1800 г., томъ XXXIII, 12.
- Дураховъ, чиновн., 1868 г., т. XXXIV, 784.
- Дурова, Марса, путивльскія помѣщица, 1730 г., т. XXXIII, 6—10.
- Дуровъ, Сергій Федоров., 1848 г., т. XXXIV, 475.
- Дѣденевъ, поруч., 1769 г., т. XXXIV, 290.
- Дѣва, Юлія Мих., въ замуж. гр-ня де. Ламбертъ, т. XXXIII, 200.
- Дюваль, семейство, 1826 г., т. XXXIII, 128.

- Дюма, Александръ, франц. писатель-романистъ, т. XXXIV, 238—240, 483—487, 496.
- Дюфуръ, Карлъ, камердинеръ императ. Павла, т. XXXIII, 128.
- Евгеній**, (Болховитиновъ) митрополитъ Кіевс., 1834 г., т. XXXIV, 182, 431.
- Евгеній Виртембергскій**, принцъ, ком. 7 корп. русск. арміи, 1828—1829 г., р. 1788 † 1857 г. Ссылка на его «Записки», т. XXXIV, 286.
- Евдокимовъ**, гр. Никл. Ив., ген.-лейт., начальн. гвѣ. крыла Кавказс. лин., 1856 г., т. XXXIII, 176, 337—347, 350, 363.
- Евксевичъ**, прапорщикъ, 1770 г., томъ XXXIV, 310.
- Екатерина II**, имп-ца, р. 1729 † 1796 г. Именной патентъ на чинъ капитана, данный Густаву фонъ Штрандману, 29 нояб. 1766 г., т. XXXIV, 290; указъ арханг. губернатору Головцину 17 апр. 1767 г. о построеніи въ гор. Колѣ трехъ обсерваторій, т. XXXIII, 177; рескриптъ премьеръ-маіору Штрандману 1 нояб. 1770 г., т. XXXIV, 317; пріѣздъ въ Могилевъ 1780 г., т. XXXIII, 189. Упом. т. XXXIII, 87, 114, 129, 178—187, 197, 203, 305, 306, 338, 419, 471, 743, 765. Т. XXXIV, 226—289, 316, 371, 384, 407, 567—583, 628, 644, 645, 744.
- Екатерина Михайловна**, вел. кнг., въ супруж. герцогиня Мекленбург-Стрелицкая, р. 1827 г. т. XXXIII, 379, 520, 521, 784, 794, 795, 800, 802; томъ XXXIV, 363.
- Екатерина Павловна**, вел. кнг., въ перв. супруж. принцесса Ольденбургская, во второмъ королева Виртембергская, р. 1788 † 1818 г. т. XXXIII, 14, 15, 115, 117; т. XXXIV, 369, 654.
- Елагинъ**, секундъ-маіоръ, 1770 г., т. XXXIV, 300.
- Елагинъ**, генер.-лейт., 1797 года, томъ XXXIII, 444.
- Елагинъ**, авторъ книги: «Бѣлое духовенство и его интересы». Критическій

- разборъ его книги, т. XXXIII, 365—401; 691—716; т. XXXIV, 71—104.
- Элеътъ**, ген.-лейт., 1770 г., т. XXXIV, 303, 313, 316.
- Елена Павловна**, вел. кнг., въ супруж. принцесса Мекленбургъ-Шверинская, р. 1784 † 1803 г. т. XXXIII, 115, 117; т. XXXIV, 357, 363, 373.
- Елена Павловна**, вел. кнг. (принцесса Виртембергская) р. 1806 † 1873. Биографическій о ней очеркъ, т. XXXIII, 781—802. Упом. 111, 516—521, 537, 576, 593, т. XXXIV, 129—131, 362.
- Елисавета Алексѣевна**, имп-ца, (принцесса Баденская) р. 1779 † 1826 г. т. XXXIII, 478, 642, 787, 794; т. XXXIV, 199—202, 360, 654.
- Елисавета Михайловна**, вел. кнг., въ супруж. герцогиня Нассауская, р. 1826 † 1845 г. т. XXXIII, 784, 794, 795—798; т. XXXIV, 363.
- Елисавета Петровна**, имп-ца, р. 1709 † 1761 г. т. XXXIII, 749.
- Еремѣвъ**, полковн., 1865 года, томъ XXXIV, 730.
- Ермоловъ**, Алексѣй Петр., ген.-лейт., р. 1777 † 1861 г., т. XXXIII, 13, 817, 829; т. XXXIV, 203, 204, 496.
- Ефремовъ**, Данилъ Степ., атам. войска донс., 1769 г., т. XXXIV, 294.
- Ефремовъ**, Петръ Александр. Сообщ. Письма А. С. Пушкина къ А. А. Бестужеву и Рылѣву, 1822—1825 гг., томъ XXXIII, 449—464; объявленіе рѣшенія по дѣлу объ элегіи Андрея Шенье, 1827—1831 г., 465—469; очеркъ о его двадцатипятилѣтней литературной дѣятельности съ 1857—1882 г., 803—814; упом. томъ XXXIII, 336, 826; томъ XXXIV, 223.
- Ждановъ**, С. Р., 1858 г., т. XXXIV, 148.
- Ждановъ**, сенаторъ, 1862 г., т. XXXIV, 538, 539.
- Жербиниъ**, полковн., 1770 г., томъ XXXIV, 300.
- Жеребцовъ**, Дмитрій, секундъ-майоръ, 1769 г., т. XXXIV, 290, 307.
- Живво-Драговичъ**. Составилъ и сообщ.

- историч. очеркъ: «Черногорія и ея отношенія къ Россіи, въ царствованіе императора Павла I», т. XXXIII, 419—442.
- Жимирскій**, бригадн. генер. польс. арміи, 1826 г., т. XXXIV, 272, 273.
- Жировъ**, генералъ, 1829 г., т. XXXIV, 161, 169.
- Жихаревъ**, Степанъ Петр., 1826 г., т. XXXIII, 479.
- Жмакинъ**, В. И. Статья его: «Амвросій Протасовъ, архіеп. Тверской, 1762—1831 г., т. XXXIV, 615—640.
- Жолтовскій**, бригадн. генер. польс. арміи 1826 г., т. XXXIV, 269.
- Жужовская**, Елисавет. Алексѣевна, рожд. Рейтернъ, т. XXXIV, 184, 185.
- Жужовскій**, Вас. Андр., писатель, р. 1788 † 1852 г., т. XXXIII, 456, 462, 486, 803, 807, 811; т. XXXIV, 181—187, 226, 449—462, 678.
- Жужовскій**, П. В., гласный спб-кой городс. думы, т. XXXIII, 559—560; т. XXXIV, 555.
- Жузовскій**, Степ. Мих., ст.-секрет., 1857 г., р. 1818 † 1877 г., т. XXXIII, 229; т. XXXIV, 106, 132.
- Журавлевъ**, подштурманъ, 1768 г., т. XXXIII, 181.
- Журавлевъ**, Петръ Никл., главный управ. имѣніями Столыпинныхъ, т. XXXIII, 469.

- Заблоднѣй-Десятовскій**, Андрей Пареевичъ, ст.-секретарь, дс. тн. сов., чл. государ. сов., писатель, † 24 декабр. 1881 г. Некрологъ его — критическій разборъ его сочиненія—Рѣчи гласныхъ въ Спб. Городской Думѣ, 15 января 1882 г., т. XXXIII, 533—460; упом. 790; т. XXXIV, 286, 559.
- Завадскій**, прапорщ., 1855 г., т. XXXIV, 29.
- Завалишина**, Екатерина Иринарховна, т. XXXIV, 471.
- Завалишина**, рожден. Смольянинова, т. XXXIV, 708.
- Завалишинъ**, Дмг. Иринарх., р. 1805 г. Записки его: «Вселенскій Орденъ Возстановленія и отношенія мои къ «Съверному Тайному Обществу». Гл. 1—V., т. XXXIII, 11—66; сообщ. замѣтки

- въ статьѣ: «Орденъ Возстановленія», т. XXXIV, 563; упом. т. XXXIII, 525; т. XXXIV, 465—482, 701—714.
- Завалишинъ, Ипполитъ**, воспитанникъ въ инженерн. корп., декабр., т. XXXIII, 57, 63; т. XXXIV, 702—707.
- Завалишинъ, Иринархъ Иван.**, генерал-инспект. путей сообщенія, т. XXXIII, 11—17, 26.
- Загорѣцкій, Никл. Алсдр.**, поруч. генералъ штаба, декабр., т. XXXIV, 709.
- Загородная, Екатерина**, жена моршанс. купца, т. XXXIV, 779.
- Загородный, моршанс. купецъ-себтантъ**, 1812 г., т. XXXIV, 779, 780.
- Зайцевъ, пажъ**, 1801 г., т. XXX, 215.
- Заиончевъ, ген.-инф., намѣстн. польс. королевс.**, 1826 г., XXXIV, 268.
- Замрезовскій, гр., Арсеній Андр.**, генерал-адъют., мн—ръ внутр. дѣлъ 1828 г., вносилъ. московс. ген.-губерн., 1854 г., р. 1783 г., т. XXXIV, 284, 420.
- Зайскій, офиц.**, † 1855 г., т. XXXIV, 50.
- Замятинъ, Григорій Мих.**, священникъ, 1774 г., т. XXXIII, 305.
- Замятинъ, Д. Н.**, чл. государст., сов., † 1881 г., т. XXXIII, 552.
- Запольскій, Пав. Ив.**, губернт. Забайк. Обл. и наказн. атам. забайк. казач. войска, 1853 г., т. XXXIV, 473, 477.
- Заревичъ, І. Г.**, протоіерей, т. XXXIII, 530.
- Захарьинъ, писатель**, 1798 г., т. XXXIV, 775.
- Зейдериъ, Фридрихъ**, докт. философин, пасторъ, р. 1771 † 1834 г., т. XXXIII, 206—211.
- Зеленый, А. А.**, мн—ръ госуд. имущ., 1863 г., т. XXXIII, 64.
- Зоринъ, т. XXXIV, 475.**
- Зоричъ, Семень Гавр.**, ген.-лейт., 1775 г., основатель кадетс. корпуса въ Шкловъ, т. XXXIII, 420.
- Зотовъ, отст. маіоръ**, 1800 г., т. XXXIII, 199.
- Зубкова, г-жа**, 1821 г., т. XXXIII, 475.
- Зубовъ, вв.**, 1797 г., т. XXXIII, 433, 444.
- Зубовъ, гр., Платонъ Алсдр.**, офиц., 1855 г., т. XXXIV, 27, 35, 61.
- Зуровъ, полковн.**, 1829 г., т. XXXIV, 168.
- Зыбйна, Еват. Ив.**, 1826 г., XXXIII, 477.
- Ибнъ-Фадланъ, арабскій писатель въ X в.**, т. XXXIII, 737, 738.
- Ибрагимъ-паша, Виддинскій сераскиръ**, 1829 г., т. XXXIV, 168.
- Иванова, камеристка имп—цы Маріи Феодоровны**, 1826 г., т. XXXIII, 125, 126; т. XXXIV, 388.
- Ивановъ, Антонъ**, 1827 г., т. XXXIV, 386.
- Ивановъ, 1857 г.**, т. XXXIV, 112—115.
- Ивашевъ, Василій Петр.**, ротмст., адъют. гр. Витгенштейна, декабр., † 1840 г., т. XXXIII, 56, 160.
- Ивашевовъ**, 1826 г., т. XXXIII, 126.
- Игельстромъ, Конст. Евстаф.**, декабр., т. XXXIV, 274.
- Игельстремъ, бригадиръ**, 1770 г., т. XXXIV, 315.
- Игнатъевъ, Павелъ Никол.**, ген.-адъют., † 1879 г., т. XXXIII, 20.
- Изабелъ, (Isabes)** художн.-портретистъ, т. XXXIV, 355.
- Измайловъ, Алсд. Ефимов.**, писатель-баснописецъ, р. 1779 † 1831 г., XXXIV, 776.
- Иконниковъ, Владим., Степан.**, проф. кievс. унив. Критическій разборъ соч. А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго «графъ Киселевъ и его время», т. XXXIII, 533—538. Собщ. Библиографическій листокъ; отзывы о новыхъ книгахъ (на оберткѣ книгъ, т. XXXIII, кв. I—III, т. XXXIV, кв. IV—VI).
- Илюдоръ, ректоръ рязанс. семинаріи**, т. XXXIII, 663.
- Иловайскій, Дм. Иван.**, проф. московс. унив. Статья его: «Пересмотръ вопроса о Гуннахъ», т. XXXIII, 717—736.
- Ильинскій, Николай**, писат., 1799 г., т. XXXIV, 776.
- Ильинъ, маіоръ**, 1769 г., т. XXXIV, 296.
- Инноцентій, (Ив. Алксѣев. Борисовъ)**, архіеп. херсонс. и таврич., р. 1800 † 1857 г., т. XXXIII, 774, 775, 790, 791; т. XXXIV, 185.
- Инноцентій, (Иванъ Веніаминов.)**, арх. камчатс. съ 1841 г., вносилъ. митропол.

- москвс. съ 1868 г., р. 1797 † 1879 г., т. XXXIV, 179, 182.
- Иринеи**, (Нестеровичъ) еписк. пензенск. впослѣд. Иркутс., 1831 г., † 1864 г., т. XXXIII, 372.
- Исаевъ**, Андрей Серг., домашній секрет. Н. К. Рутцена, 1863 г., т. XXXIII, 616.
- Лавровъ**, (Вечерковъ), архіеп. саратовс., 1840 г., т. XXXIII, 372, 382—386.
- Іоаннъ**, о. священ., 1769 г., т. XXXIII, 188—185.
- Іоаннъ**, епископъ Устюжскій, 1773 г., т. XXXIV, 785.
- Іовъ**, іеромонахъ, законоучит. морскаго корпуса, 1815 г., т. XXXIII, 65.
- Іонъ**, (Павинскій) архіеп. тверс. и членъ Синода, 1822 г., впослѣд. архіеп. казанс. 1826 г., † 1833 г., т. XXXIV, 624, 638.
- Іорданъ**, Ѳеодоръ Ів., проф., граверъ на мѣди, нынѣ ректоръ Акад. худож., т. XXXIII, 826.
- Іосифъ II**, императ. австр., † 1790 г., т. XXXIII, 189, 190.
- Іосифъ**, эрц.-герц. австрійскій, палатинъ Венгерскій, 1799 г., т. XXXIV, 377.
- Кавелинъ**, Конст. Дмит., проф. спб. унив. т. XXXIII, 539, 542, 548, 549, т. XXXIV, 122—129, 528, 536.
- Кадецкий**, гр., 1800 г., т. XXXIII, 199.
- Казановъ**, Иванъ Михайлов., т. XXXIII, 601, 602.
- Казиміровскій**, Яковъ Дмитр., плацъ-маіоръ, впослѣд. генералъ, т. XXXIV, 474, 475.
- Кайверъ**, камерднеръ им-цы Маріи Ѳеодоровны, 1826 г., т. XXXIII, 126, т. XXXIV, 387.
- Кайсаровъ**, Авдр. Серг., бывший штб. капит., проф. русскаго языка въ дерпт. универс., т. XXXIV, 449, 450.
- Кайсаровъ**, Никл. Серг., ген.-инф., 1844 г., т. XXXIV, 449.
- Калайдовичъ**, Конст. Ѳеодор., проф. моск. унив., писатель, р. 1792 г., т. XXXIII, 810.
- Калитновскій**, преподават. спб. универс., 1861 г., т. XXXIV, 537.
- Калугина**, Ларисса, 1858 г., т. XXXIV, 472.
- Каменецкій**, Осипъ Бирилл., докт., 1814 г., т. XXXIV, 650—653.
- Каменскій**, гр., Мих. Ѳеодот., ген.-маіоръ, впослѣд. фельдмарш., р. 1738 † 1809 г., т. XXXIV, 303, 318.
- Камеронъ**, арх., 1800 г., т. XXXIII, 201.
- Камчатовъ**, о. Александръ, протоіерей, 1881 г., т. XXXIII, 546, 547.
- Капнистъ**, Семенъ, писатель, 1798, т. XXXIV, 664, 775.
- Капустинскій**, капитанъ, 1797 г., т. XXXIII, 446.
- Карамзинъ**, Алсд. Никл., 1845 г., т. XXXIV, 460.
- Карамзинъ**, Андрей Никол., бывш. студ. Дерптск. универс., впослѣд. полковн., † 1854 г., т. XXXIV, 460.
- Карамзинъ**, Николай Мих., историогр., р. 1766 † 1826 г., т. XXXIII, 486, 785, 814; т. XXXIV, 191, 458, 461, 635, 785.
- Карамышевъ**, восп-еъ касимовс. приходск. духовн. учил., т. XXXIV, 606—607.
- Карновичъ**, Евгеній Петр., писат., ссылка на его біографію архиманд. Фотія, т. XXXIII, 767.
- Карповъ**, Аркадій Дмит., чл. орловс. присудс. по крест. дѣл., 1861 г., т. XXXIII, 614—617.
- Карповъ**, К. I., пятигорскій городской голова, 1831 г., т. XXXIII, 259—261.
- Карташевъ**, Н. В., депутат. орлов. дворян., 1858 г., т. XXXIII, 611, 613.
- Карцовъ**, офицеръ, 1821 г., т. XXXIII, 475.
- Карцовъ**, Ів. Петр. адмиралъ, 1823 г., т. XXXIII, 785.
- Карцовъ**, генер., начальн. штаба кавказ. арміи, 1863 г., т. XXXIII, 169, 175, 176, 337—359.
- Карѣвъ**, офицеръ, 1855 г., т. XXXIV, 37.
- Кастень**, ст. сов., 1866 г., т. XXXIV, 737.
- Катенинъ**, Алсд. Алсдр., ген.-адъют., товарищъ военн. мн-ра, впослѣд. оренб. военн. ген.-губернат., р. 1800 г., т. XXXIII, 797, 798.

- Катенинъ**, Пав. Алдр., драмат. писат. р. 1792 † 1853 г., т. XXXIII, 460.
- Катковъ**, Михаилъ Никифоров., проф., московск. унив., редакт. журн. «Русскіи Вѣстникъ», т. XXXIII, 486, т. XXXIV, 122, 188.
- Кауровъ**, офиц., † 1855 г., т. XXXIV 50.
- фонъ-Кауфманъ**, Конст. Петров., директор. канцел. военн. мн-ра, 1862 г., виленскій ген.-губернат. съ 1865 г., затѣмъ туркестанск. ген.-губернат. съ 1867 г., р. 1818 † 4 мая 1832 г., т. XXXIV, 501,—517, 717—734.
- Каховскій**, Петръ Андр., отст. гвард. поруч., дек., † 1826 г., т. XXXIII, 56.
- Кедровъ**, офицеръ, † 1855 г., т. XXXIV, 55, 56.
- Кекуатовъ**, кн., лейтенантъ, † 1855 г., т. XXXIV, 20.
- Келеръ**, Иванъ Петр., проф. живописи, р. 1826 † 1882 г. Биографическій очеркъ его, т. XXXIV, 743—754.
- Кеннеди**, г-жа, камеръ-фрау им-цы Маріи Θεодоровны, 1826 г., т. XXXIII, 125, 126; т. XXXIV, 388.
- Керъ**, привождивикъ франц., 1841 г., т. XXXIV, 178.
- Кширенскій**, худ.-порт. т. XXXIV, 369.
- Кирѣевскій**, И. В., собиратель русск. народн. бытовыхъ и историческ. пѣсенъ, т. XXXIII, 482, 489.
- Кирѣевъ**, Иванъ Васил., прапорщ. 8-й артилл. бриг., декабр., т. XXXIV, 702.
- Киселевъ**, гр., Пав. Дмитр., ген.-адъют., мн-ръ госуд. имущ., р. 1783 † 1872 г., т. XXXIII, 239, 533—549, 559, 790—792, 822; т. XXXIV, 156, 162, 170, 171, 286.
- Китарры**, дс. ст. сов., проф., 1865 г. т. XXXIV, 727—731.
- Кишинскій**, ген., 1855 г., т. XXXIV, 740.
- Кишинъ**, Прокофій Васил., лейтен., 1769 г., т. XXXIII, 183—187.
- Клавдианъ**, латинск. писат. въ V вѣкѣ—ссылка на его описаніе о Гуннахъ, т., XXXIII, 717, 718.
- Кламмеръ**, полиц. инспект., 1800 г., т. XXXIII, 198.
- Клингенбергъ**, К. Ф., директ. Павловскаго вадетск. корпуса, т. XXXIII, 213.
- Клицикій**, бригадн. генер., начальн. дивизіи конн. егерей польск. арміи, 1826 г., т. XXXIV, 271.
- Клозенбергъ**, порт. 1800 г., т. XXXIII, 194.
- Клопанисъ**, капитан.-лейтен., 1799 г., т. XXXIII, 440.
- Клушинъ**, Александръ, писатель, 1800 г. т. XXXIV, 776.
- Ключевскій**, В. О., нынѣ проф. моск. универс., т. XXXIV, 581—583.
- Княжевичъ**, Алдр. Максимов., мн-ръ финансовъ, т. XXXIII, 229.
- Ковалевскій**, Е. П., мн-ръ народн. просвѣщ., 1860 г., т. XXXIV, 528, 529.
- Ковалевскій**, М. Е. Сообщ. чрезъ посредство Г. К. Рѣпинскаго, копію съ документа: «Дѣло объ учрежденіи надзора за поведеніемъ извѣстнаго поэта, титул. совѣтн. Пушкина», 1833 г., т. XXXIII, 223—226.
- Ковальчукъ**, комендоръ, † 1855 г., т. XXXIV, 45.
- Ковницкій**, подполковн., 1800 г., т. XXXIII, 193.
- Ковадавлевъ**, сен. 1804 г., т. XXXIV, 650.
- Коварскій**, 1829 г., т. XXXIV, 168.
- Козляиновъ**, казанск. губернат., 1858 г., т. XXXIV, 145, 146.
- Козьминъ**, Гаврилъ, прапорщ. - штурманъ, 1768 г., т. XXXIII, 181.
- Кожоревъ**, откуп., 1857 г., т. XXXIV, 122.
- Кожошинъ**, Серг. Алесдр., ген.-майоръ, сиб. об.-полицмейст., 1830 г., впослед. черниговск., харьковск. и полтавск. ген.-губ., р. 1785 г., т. XXXIII, 468, 469.
- Колесникозъ**, Василій Павл., португей-прапорщ., 1827 г., т. XXXIII, 133—160; т. XXXIV, 704.
- Колосовскій**, майоръ, 1864 г., т. XXXIII, 360.
- Колтборнъ**, премьеръ-майоръ, датскій волонтеръ, 1770 г., т. XXXIV, 308.
- Комаровскій**, 1865 г., т. XXXIV, 730.
- Кондратовичъ**, писатель, 1797 г., т. XXXIV, 775.
- Коновалова**, 1826 г., т. XXXIII, 125, 126.

Коноплевъ, чиновн. 10-го класса, 1827 г., т. XXXIII, 467, 468.

Константи́нъ Николаевичъ, Вел. Кн., р. 1827 г. т. XXXIII, 112, 228—232, 483, 516, 533, 576, 586, 783, 795; т. XXXIV, 109, 129, 283.

Константи́нъ Павловичъ, вел. кн. цар. р. 1779 † 1831 г. Событія въ Варшавѣ 1816 г. т. XXXIV, 250—253; переписка его въ 1816—1828 гг., 258—275; упом.: т. XXXIII, 112, 116, 130, 480, 787—795; т. XXXIV, 197, 355—361, 373, 667.

Коньяръ, зубной лекарь, 1800 г., т. XXXIII, 198.

Корбелецкій, Федоръ, писатель, 1797 г. т. XXXIV, 775.

Коргановъ, капит.—лейт., 1864 г., т. XXXIII, 360.

Корниловичъ, издатель «Русской Старины», 1825 г., т. XXXIV, 701.

Корняловичъ, Алсдр. Осипов., штб.-капит. генеральн. штаба, девабр., † 1835 г., т. XXXIII, 453.

Корниловъ, ген.-лейт. 1823 г., т. XXXIII, 823.

Корреть, полковн. елецк. полка, 1769 г. т. XXXIV, 299, 315.

Корсаковъ, Мих. Семен., военн. губерн. ат. Забайкальс, Обл., 1857 г., т. XXXIV, 470—477.

Корсаковъ, Никл. Ив., полковн., строитель Херсовс. крѣпости, † 1790 г., т. XXXIV, 288.

Корфъ, полковникъ, † 1770 г., т. XXXIV, 312, 314.

Корфъ, бар. Модестъ Андр., вполсѣд. графъ, чл. государств. сов., р. † 1800 1876 г., т. XXXIII, 228.

Коссецкій, бригадн. генер. польс. арміи, 1826 г. т. XXXIV, 270.

Костомаровъ, Никл. Ив., дс. ст. сов., проф. и историкъ. Статья его: «Козачья Дуброва», т. XXXIII, 1—10; упом. т. XXXIV, 537.

Костюшко, І., ген. польс. службы, 1798 г., т. XXXIV, 241—250.

Косаровская, Анна Матв., въ замуж. Трошинская, т. XXXIV, 642.

Кочубей, гр. Викт. Павл., мн-ръ внутр. дѣл., 1807 г., вполсѣд. госуд. канцл., р. 1768 † 1834 г., т. XXXIII, 13; т. XXXIV, 797.

Кочубей, кн., 1844 г. т. XXXIV, 451.

Кожанскій, бывш. об.-секрет. сената, помѣщ. Владимірс. губерніи, 1858 г., т. XXXIV, 132, 143—145, 417.

Копелевъ, Алексдр. Ив., 1855 г., т. XXXIII, 484—489.

Краевскій, Андр. Александр., дс. ст. сов., нынѣ предсѣдат. спб. училищн. коммисіи, т. XXXIV, 188, 547, 554.

Крапивинъ, подпоруч., смотрит. тюрем. замка, 1827 г., т. XXXIII, 135, 140—144.

Краповичъ, Рафаилъ, бригадиръ венеціанс. служ., 1769 г., т. XXXIII, 435, 436.

Красильниковъ, Семень Тихоновъ., заводчикъ, 1774 г., † 1809 г., т. XXXIII, 302, 303.

Красинскій, гр., Викентій, дивиз. генер. польс. арміи, 1826 г. т. XXXIV, 269.

Красинскій, Исидоръ, дивизион. генер. польс. арміи, 1826 г. т. XXXIV, 250, 251, 269.

Красноперовъ, Н. Сообщ. Археологическую замѣтку: «Къ вопросу о Русахъ» т. XXXIII, 737, 738.

Красовскій, Аванасій Ив., ген.-лейт. 1829 г. † 1843 г., т. XXXIV, 155—171.

Крашенинниковъ, 1858 г., т. XXXIII, 609, 610.

Крейтонъ, докторъ, 1816 г., т. XXXIV, 652, 653.

Кремпина, г-жа, 1826 г., т. XXXIII, 122; т. XXXIV, 382.

Кренке, Викт. Данилов., ген.-лейт. Сообщ. свои записки: «Первые годы спб.—окружнаго интенданства, 1861—1864 гг. Гл. I—II, т. XXXIV, 499—524, 715—738.

Кривъ, инспект. училища XXXIV, 749.

Кристопова, камеристка имп-цы Маріи Теодоровны, 1826 г., т. XXXIV, 388.

Крихтонъ, 1826 г., т. XXXIII, 128.

Крузенштернъ, офиц., адъют. гр. Толля, 1829 г., т. XXXIV, 164, 165.

- Брузовецкій**, бригадн. генер. польс. армія, 1826 г., т. XXXIV, 271.
- Брутизовъ**, 1827 г., т. XXXIII, 136, 137, 141.
- Брутовъ**, Андрей Ив., инспект. Акад. Худож., 1834 г., т. XXXIV, 794.
- Брыловъ**, Иванъ Андр., баснописецъ, р. 1768 † 1844 г., т. XXXIII, 808; т. XXXIV, 229, 230, 635.
- Брыловъ**, камеръ-фурьеръ, 1827 г., т. XXXIV, 385.
- Брюзовъ**, Никл. Александр., поруч. генералъ. штаба, декабр., † 1854 г., т. XXXIV, 702.
- Будиновъ**, моршанск. купецъ-сектантъ, 1812 г., т. XXXIV, 779, 780.
- Будрявцева**, Ольга Дмитр., въ замуж. Троициская, т. XXXIV, 643, 661—679.
- Будрявцевъ**, восп.-къ рязанс. семина., т. XXXIII, 666—672.
- Бузьминъ**, генер., 1829 г., т. XXXIV, 168.
- Бузьминъ**, капит. генер. штаба, 1855 г., т. XXXIV, 742.
- Булыгинскій**, П. М. священ., 1845 г., Очеркъ его: «Пугачевцы и Пугачевъ въ Тресвятскомъ-Елабугъ въ 1773—1774 г.», т. XXXIII, 291—312.
- Бунавинъ**, Ефимъ, моршанс. купецъ-сектантъ, т. XXXIV, 781, 785.
- Бурбатовъ**, Яковъ Петр., Касимовс. купецъ, т. XXXIII, 69.
- Бурнатовскій**, бригадн. генер. польс. армія, 1826 г., т. XXXIV, 271.
- Бурочкинъ**, Николай Захаров., священ., ссылка на очеркъ священн. Кулыгинскаго: «Пугачевъ въ Тресвятскомъ Елабугъ въ 1773—1774 г.», т. XXXIII, 312.
- Бурута**, гр., Дмит. Дмит., ген.-лейт., 1816 г., † 1838 г., т. XXXIV, 252, 259, 275, 282.
- Бутайсовъ**, гр., Иванъ Павл., об.-штаб-мейст., † 1834 г., т. XXXIII, 191.
- Бучевскій**, бывший майоръ астрх. полка, т. XXXIII, 159.
- Бущелевъ-Везбороджо**, гр., Никл., Андреев., основат. Нѣжинской гимназій, т. XXXIV, 657.
- Бювье**, (George-Léopold, baron Cuvier), натуралистъ, ученый, р. 1769 † 1832 г. т. XXXIII, 790.
- де-Кюстинъ**, маркизъ (de Custines) 1838 г., т. XXXIII, 791; т. XXXIV, 450, 452, 455.
- Кюхельбеверъ**, Вильгельмъ Карлов., писат., декабр., р. 1797 † 1846 г., т. XXXIII, 454, 462, т. XXXIV, 472.
- Кюхельбеверъ**, Карлъ, первый директоръ гор. Павловска, р. 1748 † 1809 г., т. XXXIII, 128.
- Кюхельбеверъ**, Мих. Карлов., лейт. гвард. экип., декабр., † 1859 г., т. XXXIV, 472.
- Лабзинъ**, Алсд. Фодор., вице-президентъ акад. худож., мартинистъ, т. XXXIII, 766; т. XXXIV, 776.
- Лавровъ**, офиц. конво-артил., † 1855 г., т. XXXIV, 26.
- Ладыженскій**, губернат., т. XXXIV, 474.
- Лазаревъ**, Мих. Петр., адмир., р. 1788 † 1851 г., т. XXXIII, 22—29, 39, 48; т. XXXIV, 479, 563.
- Лазордеръ**, проповѣдникъ, 1841 г., т. XXXIV, 178—180.
- де-Ламбертъ**, гр., Карлъ Карл., намѣстн. царс. Польс., † 1865 г., т. XXXIII, 200.
- де-Ламбертъ**, графъ Карлъ Осиповичъ, отставн. ген.-майоръ, 1860 г., вполс. ген.-адъют. и сенат., р. 1773 † 1843 г., т. XXXIII, 199, 200.
- де-Ламбертъ**, гр-ня, Юлія Мих., рожд. Дѣва, т. XXXIII, 200.
- Лампій**, худож.-портр., т. XXXIII, 639.
- Ламодорфъ**, гр., генер., 1826 г., томъ XXXIII, 122, 123; т. XXXIV, 384.
- Ланжеронъ**, ген.-лейт., 1799 г., томъ XXXIII, 447.
- Ланжеронъ**, гр., главн. началн. войскъ въ дунайск. княжест., 1829 г., томъ XXXIII, 222.
- Ланскоя**, Серг. Степ., мн-рь внутр. дѣлъ 1855—1862 г., т. XXXIII, 227—249, 251, 561—596, 609, 610; т. XXXIV, 105—150, 389—425.
- Лантинскій**, 1863 г., т. XXXIII, 175.

- Ларионовъ, бригадиръ, 1770 г., томъ XXXIV, 315.
- Латкинъ, Никл. Васил., гласный спб. Думы и чл. училищ. комм., т. XXXIV, 547, 552, 556.
- Лауницъ, генералъ, т. XXXIV, 501.
- Лауренсъ, худож. порт., т. XXXIII, 639.
- Лачиновъ, полковн., 1829 г., т. XXXIV, 168, 169, 174.
- Лашкаревъ, Серг. Лазарев., 1800 г., т. XXXIII, 425, 441.
- Лебедевъ, Петръ Семенов., ген.-лейт., проф. Николаевской военн. академіи, † 1875 г. Ссылка на монографію о граф. Паниныхъ, т. XXXIII, 403.
- Лебелъ, ген.-майоръ, начальн. траншеи, † 1770 г., т. XXXIV, 307.
- Левашевъ, гр. Вас. Вас., ген.-адъют., † 1848 г., т. XXXIII, 535.
- Левашовъ, Иванъ Алексдр., помѣщ., и московс. домовладѣл., 1827 г., томъ XXXIII, 625, 633—635.
- Левашевъ, гр., Никол. Вас., орловс. губернат., 1861 г., т. XXXIII, 603, 614—617.
- Левицкій, художн. портрет., 1796 г., т. XXXIII, 639.
- Левицкій, Алексѣй Осипов., 1857 г., т. XXXIII, 608.
- Левшина, Прасковья Ив., въ замуж. кнг. Лопухина, т. XXXIII, 192.
- Левшинъ, Алексѣй Иракліев., бывш. одесс. градоначальн., чл. госуд. сов., товари. мн-ра внутр. дѣлъ, 1857 г., т. XXXIII, 227—251, 609; т. XXXIV, 106, 117, 119, 132, 143, 402, 405, 415.
- Левшинъ, Василій, писатель, 1799 г., т. XXXIV, 776.
- Леонидъ, архіепископъ, т. XXXIII, 24, 25; т. XXXIV, 473.
- Леонтьева, Анна Мих., въ замуж. кнг. Гагарина, 1745 г., т. XXXIII, 196.
- Леонтьевъ, генер., директ. Николаевск. военн. академіи, 1864 г., т. XXXIV, 514.
- Леопольдовъ, Андрей, кандидатъ моск. универс., 1827 г., т. XXXIII, 466, 467.
- Лепарскій, Степ. Романов., ген.-майоръ, компаньятъ Нерчинск. рудниковъ съ 1826—1837 г., р. 1754 † 1837 г., т. XXXIII, 21, 60; т. XXXIV, 702, 705, 711.
- Лепехинъ, секрет. акад. наукъ, † 1802 г., т. XXXIII, 194.
- Лермонтовъ, Мих. Юрьевичъ, писат., р. 1814 † 1841 г., т. XXXIII, 259—261, 469, 470, 803. 803, 810, 826, 827; т. XXXIV, 483—498.
- Лермонтовъ, Юрій Петр., капит., помѣщ. тульс. губерніи, 1829 г., т. XXXIII, 469, 470; т. XXXIV, 223—240.
- Либинъ, Ѳедоръ Ив., уфимскій помѣщ., 1827 г., т. XXXIII, 137, 143.
- Ливенцовъ, Ѳ. В., тульс. купецъ, 1814 г., т. XXXIV, 622, 623.
- Ливень, князья, т. XXXIV, 753, 754.
- Ливень, кнг., Доротея Христоф., рожд. Бенкендорфъ, т. XXXIV, 379, 380.
- Ливень, кнг., Шарлотта Карл., рожд. Поссе, статсъ-дама, воспитат-ца вел. княженъ, дѣтей императ. Павла, р. 1743 † 1828 г., т. XXXIII, 121, 214.
- Литинская, камеристка имп-цы Маріи Ѳеодоровны, 1826 г., т. XXXIII, 123.
- Литке, гр., Ѳедоръ Петр., ген.-адъют., адмир., р. 1797 г., т. XXXIII, 55.
- Лихачевъ, Владим. Ив., гласный спб. городс. Думы, рѣчь его, сказанная въ засѣданіи городс. думы, 15 янв. 1882 г., т. XXXIII, 553—557; упом. 547, 558, 559.
- Лобановъ-Ростовскій, кн., Алексѣй Борисов., русс. повѣренн. въ дѣлахъ въ Константинополѣ, 1859 г., вынѣ русс. посоль при великобританс. дворѣ, т. XXXIII, 341, 342.
- Лобановъ, кн., 1829 г., т. XXXIV, 159.
- Ловицъ, кнг. Жанета Антоновна (Юанна Грузинская) супруга цесарев. Константина Павловича, р. 1795 † 1831 г., т. XXXIII, 112, 789, 797; т. XXXIV, 361.
- Лоде, ст. сов., чл. ученаго комит. мн-ва госуд. имущ., т. XXXIII, 572.
- Лонгиновъ, Мих. Никл., начальн. глав. управл. по дѣламъ печати, † 1875 г., т. XXXIII, 494, 495, 503, 504, 674.
- Лонгиновъ, Никол. Мих., предсѣдат. комит. для принятія прошеній, 1826 г., т. XXXIV, 200.
- Лопадкая, Софія Цезаріевна, ссылка на

- сообщ. ею замѣтки къ фамильн. бумагамъ Дмит. Прокоф. Трошинскаго, т. XXXIV, 641—682.
- Допухина**, внж. Анна Петр., въ замуж. вѣг. Гагарина, р. 1777 † 1805 г., т. XXXIII, 192, 196.
- Допухина**, вѣг., Прасковья Ив., рожд. Левшина, т. XXXIII, 192.
- Допухинъ**, Ив. Влѣд., отставн. бригадиръ † 1816 г., т. XXXIV, 188, 189, 656, 775.
- Допухинъ**, вѣг., Петръ Вас., дс. тв. сов., ген.-прокур., р. 1753 † 1827 г., т. XXXIII, 13, 15, 192.
- Дорисъ-Мелижовъ**, гр., Мих. Таріел., ген.-майоръ, 1860 г., нынѣ ген.-адъют., т. XXXIII, 341, 681.
- Дохвицкій**, писатель, 1798 года, томъ XXXIV, 775.
- Дохвицкій**, преподават. слб. унверс., 1861 г., т. XXXIV, 537.
- Лукачевичъ**, Иванъ, 1711 года, томъ XXXIII, 432.
- Лукинъ**, полковой докт., 1830 г., томъ XXXIII, 822.
- Лукьяновичъ**, миргородс. предвод. дворянс., 1850 г., т. XXXIV, 661.
- Лундъ**, офицеръ, 1855 г., т. XXXIV, 70.
- Лукинъ**, Мих. Серг., подполковн. декаб. † 1845 г., т. XXXIII, 65, 160; томъ XXXIV, 711.
- Лутковскій**, Θεопемтъ Степ., морской офид., т. XXXIII, 52, 453.
- Львовъ**, ген.-лейт., 1799 г., т. XXXIII, 447.
- Львовъ**, Алексѣй Феодор., инженер., композ., директ. придворной пѣвчес. капеллы, 1854 г., т. XXXIII, 644.
- Львовъ**, Николаѣ, писатель, 1798 г., т. XXXIV, 776.
- Львовъ**, Феод. Никл., чиновн. въ иркутс. правл., 1861 г., вполсѣд. секрет. слб. техническ. общ-ва, т. XXXIV, 472.
- Львовъ**, Феод. Феод., дс. ст. сов., бывш. конфер. секрет. акад. худож., архитек. и художн. пейзажистъ. Сообщ. замѣтку: «Художникъ Иванъ Панловичъ Брюдловъ», т. XXXIV, 793—794.
- Любимовъ**, Н. И., т. XXXIII, 544.
- Любовичъ**, бегъ, 1716 г., т. XXXIII, 433.
- Любошчинскій**, полодкій прокур., 1797 г., т. XXXIII, 444.
- Люценко**, писатель, 1797 г., т. XXXIV, 775.
- Мавринъ**, об.-прокуроръ, 1820 г., т. XXXIII, 472.
- Магницкій**, Мих. Леонт., дс. ст. сов., ст. секрет., попечит. казанс. учебн. округа, р. 1787 † 1844 г., т. XXXIV, 635.
- Мадатовъ**, вѣг., Валеріанъ Григор., ген.-лейт., р. 1782 † 1829 г., т. XXXIV, 286.
- Маевскій**, Никл. Серг. Сообщ. очеркъ: «Время и сподвижники императора Александра I», т. XXXIV, 195—204.
- Маевскій**, Серг., Ив., ген.-лейт., р. 1779 † 1848 г., т. XXXIV, 195—204.
- Мазаражи**, ген. майоръ, управл. слб. комисариатс. комис., 1864 г., т. XXXIV, 512, 513, 517.
- Мазепа**, Иванъ С., малоросс. гетманъ, т. XXXIV, 641.
- Майборода**, поруч. черноморс. казач. войска 1829 г., т. XXXIV, 155.
- Майковъ**, В. И., писатель, т. XXXIII, 451.
- Майковъ**, Леонидъ Никл., писат., т. XXXIII, 805.
- Магарій**, архимандр., алтайскій миссіонеръ, т. XXXIV, 711.
- Магарій** (Михаилъ Булгаковъ), бывш. архіеп. Литовскій, нынѣ митропол. московс., съ 1879 г., р. 1816 г., ссылка на его «Исторію Русской церкви», т. XXXIV, 75, 83, 84.
- Макаровъ**, Алсд. Семенов., ст. сов., чл. тайн. экспед., 1800 г., вполсѣд. сенаторъ, т. XXXIII, 207.
- Макаровъ**, Петръ Макаров., настоятель-священн.; сообщ. историческій очеркъ сваящ. П. Н. Кулыгинскаго: «Пугачевъ и Пугачевцы въ Тресвятскомъ Елабугѣ въ 1773—1774 гг.», т. XXXIII, 291—312.
- Маковскій**, Е. И., 1830 г., т. XXXIII, 644.
- Максимовичъ**, Петръ Семенов., полковн. † 1790 г., т. XXXIV, 289.
- Максимовъ**, регистрат., 1800 г., томъ XXXIII, 194.
- Максимовъ**, С. В., ссылка на его соч.

«Сибирь и каторга», т. XXXIII, 23, т. XXXIV, 708, 709, 713, 714.
Мавсимовъ, поручикъ, 1865 г., томъ XXXIV, 730.
Маленковъ, лейтен., 1768 года, томъ XXXIII, 182.
Малиновскій, т. XXXIV, 451.
Маллетскій, бригадн. генер., нач. инж. польс. армій, 1826 г., т. XXXIV, 272.
Маллетъ, астрономъ, 1769 года, томъ XXXIII, 183.
Мальтицъ, бар., русс. посолъ въ Гагъ, 1842 г., т. XXXIV, 447.
Мандрыжинъ, тамбовс. купецъ, 1838 г., т. XXXIV, 781.
Маркловскій, ген.-маіоръ, тверс. комендантъ, 1799 г., т. XXXIII, 447.
Марія Александровна, имп-ца (принцесса Дармштатская) р. 1824 † 1880 г. т. XXXIII, 593; т. XXXIV, 109, 130, 401, 412—414, 418, 422, 491.
Марія Михайловна, вел. княж., р. 1825 † 1846 г., т. XXXIII, 784, 794—799; т. XXXIV, 363.
Марія Николаевна, вел. кнг., въ супр. герцогиня Лейхтенбергская, р. 1819 † 1876 г., т. XXXIII, 358, 359.
Марія Павловна, вел. кнг., въ супруж. вел. герцогиня Саксенъ-Веймарская, р. 1786 † 1859 г., т. XXXIII, 115, 116; т. XXXIV, 357, 365, 366, 373, 648.
Марія Теодоровна, имп-ца (принцесса вуртембергская) р. 1759 † 1828 г. Завѣщаніе ея 1-го нояб. 1826 г., т. XXXIII, 87—132; замѣтки къ завѣщанію 21 янв. 1827 г., т. XXXIV, 319—388, упом. т. XXXIII, 193, 214, 215, 237, 478, 784—787, 793, 795, т. XXXIV, 211, 281, 288, 667, 673, 685.
Марія Теодоровна, Имп-ца, (принцесса Датская) р. 1847 г. т. XXXIII, 811.
Марьевичъ, полковн., 1816 года, томъ XXXIV, 798.
Маркловскій, бар., ген.-маіоръ, 1807 г., т. XXXIV, 670.
Марковичъ, Яковъ, писатель, 1798 г., т. XXXIV, 776.
Марковичъ, Ома, сербъ-переводчикъ, 1775 г., т. XXXIII, 420, 441.

Марковъ, ген.-маіоръ, 1797 года, томъ XXXIII, 446.
Марковъ, Евгений, публицистъ и романистъ. Сообщ. Предисловіе къ біографическому очерку: «Николай Карловичъ Рутценъ», т. XXXIII, 597—624.
Марошевичъ, Ома, отставн. полковн., 1800 г., т. XXXIII, 431, 441.
Мартинау, генер., начальн. 12-й пѣх. дивизіи, 1855 г., т. XXXIV, 741.
Мартыновъ, Дмт. Петр., полковн., † 1790 г., т. XXXIV, 288.
Мартыновъ, офицеръ, 1841 года, томъ XXXIII, 260.
Мартыновъ, русс. ученый, нынѣ братъ іезуитск. ордена въ Парижѣ, томъ XXXIV, 456.
Масловъ, Алексѣй Мих., ген.-лейт., воронежс. губернат., 1769 года, томъ XXXIV, 291.
Масловъ, жалдармс., полковн., 1827 г., т. XXXIII, 143.
Матюшинъ, Ф., адмир. и сенат., 1860 г. т. XXXIV, 472.
Мауреръ, артистъ, 1840 г., т. XXXIII, 644.
Мегметъ - Бушатлія, албанск. паша, 1774 г., т. XXXIII, 436, 437.
Межовъ, В. И., ссылка на его бібліографію, т. XXXIV, 223.
Мезенцовъ, ген.-адъют., † 1878 г., т. XXXIII, 689.
Мейендорфъ, баронъ, 1827 года, томъ XXXIV, 386.
Медлартъ, г-жа, инспектриса московс. Александровс. институт., 1826 г., томъ XXXIII, 122; т. XXXIV, 383.
Медлеръ-Замоельскій, бар. Ив. Ив., ген. артил., † 1790 г., т. XXXIV, 288.
Медлинъ, подполковн., 1770 г., томъ XXXIV, 307.
Меншиковъ, кн., Алсд. Серг., адмир., р. 1787 † 1839 г., т. XXXIII, 549, 614; т. XXXIV, 277, 282—284, 418—421.
Меньшовъ, Петръ Конст., ген.-лейт., бывшій редакт. журн. „Военный Сборникъ“ и „Русскій Инвалидъ“, томъ XXXIV, 472.
Мерлинъ, капит., 1797 г., т. XXXIII, 443.

- Мещерская**, кн., Софія Серг., 1823 г., т. XXXIV, 691.
- Мещерскій**, кн., т. XXXIV, 498.
- Мещерскій**, кн., писатель, 1800 г., т. XXXIX, 776.
- Мещерскій**, кн., Э., ссылка на его статью: «Русскіе поэты, переведенные французскими стихами», т. XXXIV, 228—235.
- Мещерскій**, кн., Фед. Фед., 1797 г., т. XXXIII, 445.
- Микулинъ**, писатель, 1797 г., томъ XXXIV, 775.
- Миллеръ**, полковн., † 1770 г., т. XXXIV, 312, 314.
- Милорадовичъ**, Михаилъ, 1711 г., т. XXXIII, 432.
- Милорадовичъ**, гр., Мих., Андр., спб. военн. губернат., † 1825 г., т. XXXIII, 785, 829; т. XXXIV, 258.
- Милюнова**, Елисанета Дмитр., рожд. Якушкина, т. XXXIII, 23.
- Милюновъ**, Мордарій Васил., старш. лейтен., 1817 г., т. XXXIII, 22.
- Милютинъ**, гр., Дмит. Алексѣев., воен. мн-рь и писат., т. XXXIII, 337, 348, 351, 533; т. XXXIV, 472, 500—518, 717—734.
- Милютинъ**, Никл. Алексѣев., товар. мн-ра внутр. дѣлъ, чл. редакц. комм. 1859 г., затѣмъ чл. госуд. сов., р. 1818 † 1872 г., т. XXXIII, 544, 549, 550, 597, 617; т. XXXIV, 120, 129—132, 401, 421.
- Мимаковъ**, М. В., мезенс. уѣздн. предвд. дворянс., 1858 г., т. XXXIII, 609, 610.
- Минаевъ**, бывш. восп-къ дворянс. полка, писатель, т. XXXIV, 802.
- Мирбахъ**, П. Я., т. XXXIV, 709.
- Мироновскій**, штабсъ-капит., 1800 г., т. XXXIII, 199.
- Миронъ Андреевичъ**, заштатн. пономарь, т. XXXIII, 70—72.
- Миропольскій**, ссылка на его биографію архимандр. Фотія, т. XXXIII, 767—774.
- Миртовъ**, Мих. Яковл., соборный свящ., препода. касимовс. приходе. духовн. учил., т. XXXIV, 594—614.
- Митусовъ**, дс. ст. сов., 1797 г., т. XXXIII, 446.
- Митъковъ**, Мих. Фотіев., полковн. лб.-гв. финляндс. пол., декабр., † 1849 г., т. XXXIII, 160.
- Михаилъ Павловичъ**, вел. кн., р. 1798 † 1849 г. Послѣдніе дни его жизни, 1849 г., т. XXXIII, 515—522. Упом.: 109—116, 124—131, 235, 466, 781—802; т. XXXI, 162, 190, 282, 355, 362, 363, 371, 373, 385, 661, 799.
- Михельсонъ**, Ив. Ив., полковн., 1774 г., вполсѣд. ген.-инфаят., р. 1740+1807 г., т. XXXIII, 300—311; т. XXXIV, 300, 315.
- Михельсонъ**, М. И., гласный сб. думы и чл. училищ. комм., т. XXXIV, 548, 554, 555.
- Михѣевъ**, подштурм., 1768 г., т. XXXIII, 181.
- Мицкевичъ**, Адамъ, польскій писатель, т. XXXIII, 143; т. XXXIV, 178, 193.
- Многогрѣшный**, Демьянъ Игнатов., малоросс. гетманъ, 1672 г. т. XXXIII, 1—3.
- Моллеръ**, адмир., морск. мн-рь, 1823 г., т. XXXIII, 30.
- Монжосъ**, управ. удѣльн. конт., 1858 г., т. XXXIV, 399.
- Моравскій**, бригадн. генер. польс. арміи, 1826 г., т. XXXIV, 273, 274.
- Мордвиновъ**, Алед. Алед., учит. Нерчинс. уѣздн. учил., 1839 г., вполсѣд. вице-губернат. Забайк. Обл., т. XXXIV, 472, 473.
- Мордвиновъ**, гр., Никл. Семенов., адм., р. 1753 † 1845 г., т. XXXIII, 30, 41—53, 814.
- Мордвиновъ**, ген.-маіоръ, вице-директ. канцел. военн. мн-ра, 1865 г., т. XXXIV, 727—732.
- Моренгеймъ**, докт.-авуш., т. XXXIII, 128.
- Морошкинъ**, Мих. Яковл., свящ. писатель. † 1870 г., т. XXXIII, 390—398, 691—695.
- Мосгеймъ**, ученый, теологъ и историкъ, 1755 г., т. XXXIV, 305.
- Мосгеймъ**, премьеръ-маіоръ, † 1770 г., т. XXXIV, 305.
- Мосевичъ**, поруч., 1855 г., т. XXXIV, 50.

Моховиковъ, Василий Никитичъ, офиц., † 1855 г., т. XXXIV, 38.
Мошинскій, графъ, т. XXXIV, 274.
Мошинъ, русс. консулъ въ Трейзондѣ, 1863 г., т. XXXIII, 175, 350—359.
Муравьевъ-Амурскій, гр. Никл. Никл., бывший тульс. губернат., вполнѣд. ген.-губернат. Восточной Сибири, 1848—1861 гг., † 18 нояб. 1881 г. Некрологъ его: т. XXXIII, 523 — 526; упом. 552; т. XXXIV, 468—477.
Муравьевъ-Апостолъ, Матв. Ив., подполковн., декабр., т. XXXIV, 474, 476, 709.
Муравьева, Ж. А., жена декабр., т. XXXIV, 476.
Муравьевъ, Алсдр. Никл., полковн. генеральн. штаба, декабр., † 1863 г., т. XXXIII, 232.
Муравьевъ, Алсд. Никл., Иркутс. городничій, 1828 г., вполнѣд. нижегородс. губернат., † 1862 г., т. XXXIII, 159; т. XXXIV, 400—415.
Муравьевъ, А. Н., 1839 г., ссылка на его сочин.: «Правда Вселенск. церкви о Римской каведрѣ»; т. XXXIV, 191.
Муравьевъ, гр., Мих. Никл., мн-ръ государств. имущ., 1858 г., вполнѣд. виленс. ген.-губернат., р. 1796 † 1866 г., т. XXXIII, 227—258, 537, 549, 562—568, 572—576; т. XXXIV, 106—120, 130, 145, 392—411.
Муравьевъ, Никита Мих., корнетъ кавалергардс. пол., декабр., † 1854 г., т. XXXIV, 702, 706, 710.
Муравьевъ, рязанс. губернат., 1858 г., т. XXXIV, 145.
Мурзавичъ, Н. Н. Сообщ. замѣтку къ Азбучному Указателю Записокъ С. А. Порошина «И. М. Синельниковъ», т. XXXIV, 288.
Мусинъ-Пушкинъ-Врюсъ, гр. Васил. Валентинов., тн. сов., р. 1775+1836 г., т. XXXIII, 789.
Мусинъ-Пушкинъ, Мих. Никл., попочит. слб. учебн. округа, 1855 г., т. XXXIV, 526.
Мустафа-паша, 1770 г., т. XXXIV, 313.
де-Мутье, маркизь (Marquis de Mous-

tier), франц. послани. въ Константинополѣ, 1864 г., т. XXXIII, 345.
Муфель, маіоръ, 1770 г., т. XXXIV, 315, 316.
Мухаммедъ, турец. комиссаръ, 1863 г., т. XXXIII, 176.
Мухаковъ, Пав. Александр., чл. госуд. сов., предсѣдат. археографич. комм., р. 1798 † 1871 г., т. XXXIII, 192; т. XXXIV, 179, 181, 268, 478.
Мухаковъ, Петръ Алсдр., штб.-кап. лб.-гв. измайл. пол., декабр., † 1854 г., т. XXXIII, 160; т. XXXIV, 713.
Мухаковъ, Серг. Ильичъ, дс. ст. сов., об.-штабн., р. 1762+1842 г., т. XXXIII, 123; т. XXXIV, 385.
Мухранскій, вн., бывш. начал. войскъ въ Мингрелии, т. XXXIII, 174.
Мѣшковъ, матросъ-комендоръ, † 1855 г., т. XXXIV, 18, 45.

Набель, генералъ, 1829 г., т. XXXIV, 167.
Нагель, лифляндс. ген.-губерн., 1799 г., т. XXXIII, 206, 207.
Надаржанская, Н. Никол., рожд. Тютчева, т. XXXIII, 41, 42.
Назимовъ, генер.-цейхмейстеръ флота, т. XXXIII, 26.
Назимовъ, Влад. Ив., ген.-адъют., печат. москвс. учебн. округа 1853—1855 гг., вполнѣд. виленс. ген.-губернат., р. 1802 † 1874 г. Ходатайство его объ изданіи сочиненій Гоголя безъ цензурныхъ урѣзокъ и мнѣніе его о славянофилахъ, т. XXXIII, 481—490; упом. 537; т. XXXIV, 287.
Назимовъ, Мих. Алсдр., штб.-кап., декабр., т. XXXIII, 336; т. XXXIV, 709.
Наймаковская, директриса Маринск. институт., 1826 г., т. XXXIII, 122; т. XXXIV, 338.
Наполеонъ I, императ. французовъ, т. XXXIII, 39, 197, 839; т. XXXIV, 269, 272—274, 654, 778.
Наполеонъ III, императ. французовъ, т. XXXIII, 173, 175, 344; т. XXXIV, 48.
Наржиновой, старш. совѣтн. самарс. пал. госуд. имущ., 1858 г., вполнѣд.

- вице-директ. мн-ва финан., т. XXXIV, 399, 402.
- Нартовъ**, Андрей Андр., дс. тн. сов., президентъ акад. наукъ, писатель, р. 1737 † 1813 г., т. XXXIII, 11, 12, 194; т. XXXIV, 775.
- Нарушевичъ**, писат.-истор., т. XXXIV, 191.
- Нарышкина**, Марія Александр., статья-дама, † 1822 г., т. XXXIV, 428.
- Нарышкинъ**, 1800 г., т. XXXIII, 205.
- Нарышкинъ**, Алсд. Львов., об.-камерг., 1822 г., р. 1760+1826 г., т. XXXIV, 428.
- Нарышкинъ**, Алексѣй Ив., чл. орловс. присуг. по кр. дѣл. 1861 г., т. XXXIII, 614, 617.
- Нарышкинъ**, Дмит. Львов., об.-егермейст., р. 1764 † 1838 г., т. XXXIII, 441, 442.
- Нарышкинъ**, Бярилъ Алсдр., об.-гофмарш., 1820 г., т. XXXIV, 533.
- Нарышкинъ**, Мих. Мих., полковн., декабр., † 1863 г., т. XXXIV, 706.
- Наръзый**, Василій Трофимов., романистъ-сатирикъ, р. 1780 † 1825 г., т. XXXIV, 776.
- Наумовъ**, офиц., 1821 г., т. XXXIII, 475.
- Нахимовъ**, Акимъ Никол., писат.-сатирикъ, р. 1782 † 1814 г., т. XXXIII, 454.
- Нахимовъ**, Павелъ Степ., адмир., р. 1803 г., † 1855 г., т. XXXIII, 22, 52, т. XXXIV, 46, 563.
- Нахимовъ**, Платовъ Степ., впеспект. студент. московс. универс., 1846 г., т. XXXIII, 602—604.
- Началинъ**, полковн., 1769 г., т. XXXIV, 20, 295.
- Нащонинъ**, полковникъ-волонт., 1770 г., т. XXXIV, 316.
- Небольсина**, Надежда, 1826 г., т. XXXIII, 477.
- Неведомскій**, Геннадій Ив., адмиралъ, 1857 г., т. XXXIV, 468.
- Негошъ**, Василій Тетр., червогорск. митропол., 1755 г., т. XXXIII, 434.
- Негошъ**, Петръ Петров., бывш. архим. червогорс., 1775 г., вполсѣд. митропол. черног., 1798 г., т. XXXIII, 419—442.
- Нейдгардтъ**, Павелъ, ген.-адъют., нач. штаба гв. корп., 1828 г. т. XXXIV, 158.
- Нейманъ**, полк., 1770 г., т. XXXIII, 306.
- Некрасовъ**, Никл. Алексѣевичъ, поэтъ, писат., р. 1821+1877 г., т. XXXIV, 129.
- Нелединская-Мелецкая**, Софья Юрьев., въ замуж. Самарина, 1823 г., т. XXXIII, 784—786.
- Нелединскій-Мелецкій**, Юрій Алсдр., дс. тн. сов., ст.-секрет. имп. Павла, писат., р. 1752 † 1829 г., т. XXXIII, 784—786, т. XXXIV, 188, 384.
- Нелидова**, Варвара Аркад., камеръ-фрейлина имп-цы Маріи Θεодоровны, 1826 г., т. XXXIII, 121; т. XXXIV, 380, 381, 387.
- Неплюевъ**, сенат., 1804 г., т. XXXIV, 650.
- Непокойчицкій**, ген.-адъют., чл. госуд. сов., † 1881 г., т. XXXIII, 552.
- Непорожневъ**, фельдъегерь, 1829 г., т. XXXIV, 156.
- Неранчичъ**, ген., 1775 г., т. XXXIII, 420.
- Нессельроде**, гр. Карлъ Вас., канцл., р. 1780 † 1862 г., т. XXXIII, 41, 49, 50; т. XXXIV, 172, 179, 193, 286, 445, 447, 457—460.
- Нефедова**, Алсд. Ильинишна, 1841 г., т. XXXIV, 178, 461.
- Никитинъ**, Д. Я., протоіер., т. XXXIII, 530.
- Никифоръ** Мионов., свящ., т. XXXIII, 70—78; 269, 272.
- Николаи**, бар., секрет. русск. миссін въ Гагъ, 1842 г., т. XXXIV, 447.
- Николай I**, императ., р. 1796 † 1855 г. Завѣщаніе имп-цы Маріи Θεодоровны 1826 г., т. XXXIII, 109—132; резолюціи въ мартъ и сентябрь 1826 г., т. XXXIV, 280, 285; замѣтки имп-цы Маріи Θεодоровны къ ея духовному завѣщанію, 21 янв. 1827 г., 319—388; записка гр. Дибичу 8 сентября 1827 г., 283; высочайшій выговоръ ген.-адъют. Закревскому, 20 авг. 1828 г., 284; переписка съ гр. Дибичемъ 1829 г., 155—176; рескриптъ фельдмарш. гр. Сажеву, 29 окт. 1831 г., 276; посланіе Якин-Могаммеда, туркменскаго старшины, 1846 г., т. XXXIII, 815—818; послѣд-

- нѣ дни жизни вел. кн. Михаила Пав-
 ловича, 1849 г., 515—520. Упом.: т.
 XXXIII, 64, 141, 172, 173, 196, 220,
 230—233, 476—480, 523, 533—539, 642,
 643, 773, 774, 781—802, 829—834, 839;
 т. XXXIV, 123, 143, 146, 179, 190, 198,
 202—211, 286, 407, 422, 444, 474, 475,
 480, 533, 534, 635, 656, 678, 722, 744,
 794, 798.
- Николай Александровичъ**, наследн.
 цесарев. и вел. кн., р. 1843 † 1865 г.,
 т. XXXIV, 733.
- Николай Николаевичъ Старшій**, Вел.
 Кн., р. 1831 г., т. XXXIV, 502, 512—
 518, 720—727.
- Николевъ, Н.**, писатель, 1797 г., т.
 XXXIV, 775.
- Никольскій, В. В.**, ссылка на портр.
 М. Ю. Лермонтова, т. XXXIII, 826.
- Никольскій, Иванъ**, свящ., т. XXXIII, 74.
- Ниль, си. Огаревъ.**
- Нильовъ**, тамбовс. губернат., 1812 г.,
 т. XXXIV, 778, 779.
- Новиковъ, Никл. Ив.**, мартинистъ, пи-
 сат., р. 1744 † 1818 г., т. XXXIII, 803.
- Новиковъ**, русск. повѣрени. въ Констан-
 тинополь, 1863 г., т. XXXIII, 175,
 342—359.
- Новицкая**, артистка, т. XXXIV, 794.
- Новицкій**, бригадн. генер., главный секр.
 военн. коми. Царс. Польс., 1826 г.,
 т. XXXIV, 273.
- Новосильцевъ, гр., Никл. Никл.,** дс. тн.
 сов., ст.-секрет., сенат., попечитель
 Виленс. универс., р. 1761 † 1838 г.,
 т. XXXIII, 121—131; т. XXXIV, 260,
 386, 449.
- Нолькенъ**, прапорщ. гвардіи, 1770 г.,
 т. XXXIV, 304, 306.
- Норовъ, Абрамъ Серг.**, мн-ръ народн.
 просвѣщ., писат., т. XXXIII, 481—482,
 523; т. XXXIV, 287.
- Ностицъ, ген.-майоръ**, 1829 г., т. XXXIV,
 286.
- Оболенскій, кн. Дмит. Александр.,** чл.
 государств. сов., т. XXXIII, 483; т.
 XXXIV, 129.
- Оболенскій, кн., Евгеній Петр.,** поруч.,
- декабр., † 1865 г., т. XXXIII, 65, 235,
 250, 251, 256; т. XXXIV, 474, 704—707.
- Обольяниновъ, Петръ Хрисанф.,** ген-
 прокур., 1800 г., † 1841 г., т. XXXIII,
 192, 197—200, 206—210.
- Обручевъ, Владиміръ**, 1826 г. т. XXXIII,
 480.
- Обручевъ, Николай**, 1826 г., т. XXXIII,
 480.
- Обрѣзовъ**, 1798 г., т. XXXIV, 646.
- Огаревъ, генер.,** 1849 г., т. XXXIII, 519.
- Огаревъ, Никл. Платонов.,** писат., т.
 XXXIV, 755—774.
- Огородниковъ, Степ. Ѳеодор.** Сообщ.
 историческую замѣтку: «Три астроно-
 мическія обсерваторіи въ Лапландіи
 въ 1767—1769 гг.», т. XXXIII, 177—187.
- Одинцовъ, лейтен.,** 1768 г., т. XXXIII,
 182, 187.
- Одоевскій, кн., Алсд. Ив.,** корнетъ 1б.
 гв. коннаго полка, поэтъ, декабр., р.
 1804 † 1839 г. Поэма его «Василько»,
 т. XXXIII, 313—336; 647—656, 829;
 упом. т. XXXIV, 538, 564, 702.
- Одоевскій, кн., Владим. Ѳеодор.,** сенат. и
 писатель, † 1875 г., т. XXXIII, 544,
 550, 680.
- Озерцовскій, писатель**, 1797 г., т.
 XXXIV, 775.
- Олсуфьевъ, ген.,** 1770 г., т. XXXIV, 311.
- Ольга Николаевна**, вел. кнг., въ за-
 мужест. королева Вартембергская, р.
 1822 г., т. XXXIII, 519, 642, 795; т.
 XXXIV, 167, 359.
- Ольга Павловна**, вел. кнг., р. 1792 †
 1795 г., т. XXXIV, 371.
- Ольденбургскій принцъ, Петръ-Фри-
 дрихъ-Георгъ**, генераль-директоръ пу-
 тей сообщенія, † 1812 г., т. XXXIII, 14, 15.
- Ольденбургскій принцъ, Петръ Геор-
 гиевичъ**, р. 1812 † 1881 г. т. XXXIII,
 552; т. XXXIV, 369.
- Ольденбургъ, инж.-генер.,** комендантъ
 крѣп. Силистрии, 1830 г., т. XXXIII, 822.
- Опочининъ, Ѳед. Петр.,** дс. тн. сов.,
 об.-гофмейстеръ, † 1852 г., т. XXXIV, 263.
- Орбелиани, кн.,** команд. армією на Кав-
 казѣ, 1862 г., т. XXXIII, 342, 343,
 350, 351.

- Орлова-Денисова, гр-ня, Н. А., 1846 г., т. XXXIII, 645.
- Орлова-Чесменская, гр-ня, Анна Алексеевна, † 1848 г., т. XXXIII, 767—780; т. XXXIV, 205—220, 433, 686, 692, 696.
- Орловъ, кн., Алексѣй Ѳеодор., ген.-ад., предсѣдат. государств. сов., 1858 г., т. XXXIII, 228—237, 250, 576, 586, 587; т. XXXIV, 175, 410.
- Орловъ, гр., Владим. Григор., ген.-поруч. президентъ акад. наукъ, р. 1743 г., † 1831 г., т. XXXIII, 177—180, 186.
- Орловъ, Мих. Ѳеодор., фл.-адъют., полк., 1812 г., † 1842 г., т. XXXIII, 230; т. XXXIV, 193.
- Осиповъ, Н., писат., 1798 г., т. XXXIV, 776.
- Осиповъ, писат., 1823 г., т. XXXIII, 451.
- Османъ паша, тур. военнач., 1756 г., т. XXXIII, 434.
- Османъ-паша, нисемврѣйс. комендантъ, 1829 г., т. XXXIV, 167.
- Остенъ-Сажень, гр., Дмит. Ероф., нач. Севастопольск. гарниз., 1854 г., вполн. чл. госуд. сов., † 3 мар. 1881 г., т. XXXIII, 552.
- Остенъ-Сажень, бар., Станиславъ Карлов., полковн., т. XXXIV, 642.
- Остенъ-Сажень, гр., Фабіанъ Вильгельм., фельдмарш., р. 1752 † 1837 г., т. XXXIV 276—279.
- Остенъ-Сажень, бар-са, Прасковья Ив., рожд. кнж. Хилкова, т. XXXIV, 642, 658, 661.
- Остерманъ, гр., Иванъ Андр., госуд. канцл., р. 1725 † 1811 г., т. XXXIII, 15, 20.
- Очаковский, крестникъ импер. Павла, 1826 г., т. XXXIII, 127.
- Павелъ I**, императоръ, р. 1754 † 1801 г., Переписка съ гр. Петромъ Иванович. Панинымъ въ 1778—1779 гг., т. XXXIII, 403—418, 739—764; указы, повелѣнія и рескрипты 1796—1801 гг., 443—448; Черногорія и ея отношенія къ Россіи 1798 г., 419—442; письмо генер. Костюшко 4-го авг. 1798 г., т. XXXIV, 241; казнь и ссылка пастора Зейдера

- 1800 г., т. XXXIII, 206—211; высочайшія повелѣнія и указы сиб. военнымъ губернаторамъ 1800—1801 гг., 191—205; русскіе писатели въ царствованіе Павла съ 1796—1800 гг., т. XXXIV, 775—776. Упом. т. XXXIII, 12, 13, 87, 114, 118, 128, 129, 130, 212—215, 765; т. XXXIV, 262, 289, 354—388, 571, 645—648, 663, 666.
- Павловскій, Д. М., ген.-лейт., инспект. дворянскаго полка, 1849 г., † 1875 г., т. XXXIV, 799.
- Пальмерстонъ, лордъ, англійск. мн-ръ, т. XXXIV, 755.
- Павловъ-Сильванскій, бывшій оренбургск. прокур., т. XXXIII, 688.
- Павловъ, Алексѣй А., чпновн. св. Синода, 1824 г.; ссылка на письма къ нему архимандр. Фотія, т. XXXIII, 768—774; упом. т. XXXIV, 687, 692, 700.
- Павловъ, Иванъ Вас., 1857 г., XXXIII, 607.
- Павловъ, Никл. Филипп., писат., 1857 г., т. XXXIV, 123.
- Павскій, Герасимъ Петр., протоіерей, законоучит. вел. кн. Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича и вел. кнж. Ольги Николаевны и Александръ Николаевны въ 1826—1835 гг.; р. 1787 † 1863 г., т. XXXIV, 187, 188.
- Паленаръ, маіоръ, 1770 г., т. XXXIV, 308.
- Паленъ—см. Фонъ-деръ-Паленъ.
- Палецъ, гр. К. И., 1876 г., т. XXXIII, 494.
- Памфиловъ, бывш. духовникъ имп-цы Маріи Ѳеодоровны, т. XXXIII, 127.
- Панаевъ, Владим. Иванов., писатель, т. XXXIII, 765—767.
- Панинъ, гр., Викт. Никит., мн-ръ юстиціи, 1858 г., т. XXXIII, 227—244, 561—586; т. XXXIV, 106, 109, 130, 147.
- Панинъ, гр., Никита Ив., дс. тн. сов., сенат., воспитатель вел. кн. Павла Петровича, р. 1718 † 1783 г., т. XXXIII, 414; т. XXXIV, 384, 385.
- Панинъ, гр., Никита Петр., дс. тн. сов., вице-канц., р. 1771 † 1837 г., т. XXXIII, 441.

- Панинъ**, гр., Петръ И., ген.-анш., сенаторъ, р. 1721 † 1789 г. Переписка его съ вел. кн. Павломъ Петровичемъ въ 1778 г., т. XXXIII, 403—418; 739—764; т. XXXIV, 299—317.
- Пантелѣевъ**, Семенъ Романов., 1841 г., т. XXXIII, 261.
- Папа-Христо**, адмир., команд. корабля, 1828 г., т. XXXIII, 830.
- Парротъ**, проф., членъ Акад. Наукъ, т. XXXIII, 535.
- Паревскій**, архимандр., бывш. настоят. монастыря въ нижегородск. епархіи, т. XXXIV, 438.
- Паскевичъ**, кн. Варшавскій, Ив. Ѳеодор., фельдмарш., † 1856 г., т. XXXIII, 213, 512, 519, 818; XXXIV, 165.
- Пассежъ**, Вадимъ Васильев., писатель, † 1843 г., т. XXXIV, 769.
- Пассежъ**, Петръ Богданов., могилевскій губернат., 1780 г., т. XXXIII, 189.
- Пассежъ**, Татьяна Петр., рожд. Кучина. Воспоминанія ея, гл. XXXVII, т. XXXIV, 755—774; упом. т. XXXIII, 497.
- Паткуль**, ген.-маіоръ, 1824 г., т. XXXIV, 280.
- Пахотинскій**, В. Ф., полицмейст. пятигорскій, 1881 г., т. XXXIII, 259.
- Пашковъ**, ген.-маіоръ, 1831 г., т. XXXIII, 511, 512.
- Пеланъ**, преподават. франц. языка въ москвс. Екатерининск. институтъ, 1865 г., т. XXXIV, 490—492.
- Пермскій**, маіоръ, † 1774 г., т. XXXIII, 295—300, 311.
- Перовскій**, гр., Борисъ Алексѣев., чл. госуд. сов., † 1881 г., т. XXXIII, 552.
- Перовскій**, гр., Левъ Алексѣев., мн—ръ внутр. дѣлъ, т. XXXIII, 238.
- Перро**, (Jules-Joseph Verreaux), лекторъ франц. словесности въ Ярославскомъ Демидовс. лицей, т. XXXIV, 233, 236.
- Пестель**, Иванъ Борисов., почтъ-директ., 1790—1795 г., т. XXXIII, 471.
- Пестель**, Пав. Ив., полковн., декабр., † 1826 г., т. XXXIII, 535, 537.
- Пестовъ**, Алекс. Семенов., подпоручикъ 9-й артилл. бригады, декабр., † 1832 г., т. XXXIV, 713.
- Петрашевскій**, Мих. Васил., 1848 г., т. XXXIV, 475.
- Петровъ**, Алсд. Семенов., засѣдат. земскаго суда, 1827 г., т. XXXIII, 146, 147.
- Петровъ**, Василій, писатель, 1796 г., т. XXXIV, 775.
- Петровъ**, Вас. Петр., учит. математики, т. XXXIII, 600, 601.
- Петровъ**, Евсей, восп—къ касимовскаго прихода. духовн. училища, т. XXXIV, 600, 604, 606.
- Петровъ**, Матвѣй, камердин. имп—цы Маріи Ѳеодоровны, 1826 г., т. XXXIII, 126; т. XXXIV, 387.
- Петръ I**, императоръ, р. 1672 † 1725 г., т. XXXIII, 170, 407, 424, 432, 746—749; т. XXXIV, 641, 647, 744.
- Петръ III**, императоръ, 1728 † 1762 г., т. XXXIII, 292, 305, 308, 418, 424, 748; т. XXXIV, 783.
- Петръ Николаевичъ**, Великій князь, р. 1864 г., т. XXXIV, 727.
- Петцольдъ**, худ.-живоп., т. XXXIV, 754.
- Пещуровъ**, сенат., 1803 г., т. XXXIII, 640.
- Пикеттъ**, астрон., 1769 г., т. XXXIII, 183.
- Пильникова**, камеристка имп—цы Маріи Ѳеодоровны, 1826 г., т. XXXIII, 125, 126; т. XXXIV, 387.
- Пироговъ**, Никл. Ив., профес. медико-хирургич. Академіи, р. 1810 † 1881 г., т. XXXIII, 801.
- Писаревъ**, А., писатель, 1824 г., XXXIII, 455.
- Питтъ**, англійскій мн—ръ, 1800 г., т. XXXIII, 197.
- Плавильщиковъ**, писатель, 1799 г., т. XXXIII, 776.
- Платицынъ**, моршанскій купецъ-сектантъ, 1812 г., т., XXXIV, 779, 780.
- Платицынъ**, Егоръ Ив., моршанс. купецъ-сектантъ, 1838 г., † 1841 г., т. XXXIV, 781, 782.
- Платицынъ**, Максимъ Кузьм., моршанс. купецъ-сектантъ, 1868 г., р. 1805 г., т. XXXIV, 781—785.
- Платонъ**, (Петръ Левшинъ,) преподаватель богословія вел. кн. Павлу Петровичу съ 1760—1766 г., впослед. митропол. москвс. съ 1787—1794 г., р.

- 1737 † 1812 г., т. XXXIII, 374—377; т. XXXIV, 616, 630.
- Плеске, полковникъ, 1865 г., т. XXXIV, 730, 731.
- Плетневъ, Петръ Алексѣев., акад., писатель, т. XXXIII, 450—456, 462; т. XXXIV, 194, 444.
- Плещеева, Анна Ив., рожд. гр-ня Чернышева, † 1817 г., т. XXXIV, 195.
- Плещеева, г-жа, 1827 г., т. XXXIII, 382.
- Плещеевъ, Алсдр. Алексѣев., тн. сов., 1800 г., т. XXXIII, 195.
- Плуталовъ, ген.-маіоръ, 1799 г., т. XXXIII, 447.
- Плятеръ, гр., полковн. польс. службы, 1812 г., т. XXXIV, 778.
- Повало-Швейковскій, Ив. Семен., полк., декабр., † 1845 г., т. XXXIV, 274, 713.
- Погодинъ, Мих. Петр., акад., р. 1800 г., † 1875 г., т. XXXIV, 122, 287, 454—462.
- Погребовъ, Никл. Ив., сиб. Городе. Голова, 1861 г., т. XXXIV, 537.
- Поджіо, Іосифъ Алсдр., подполков., декабр., † 1848 г., т. XXXIV, 705, 707.
- Пожалостинъ, Ив., Петр., акад., граверъ на мѣди, р. 1837 г. Сообщ. замѣтку къ своей автобіографіи, т. XXXIII, 402; упом. 811; т. XXXIV, 744.
- Повенъ, М. П., полтавс. помѣщ., 1858 г., т. XXXIII, 245, 250—257.
- Полевой, Никл. Алексѣев., писат., издат. «Телеграфа», 1825 г., т. XXXIV, 444, 447.
- Полетика, бывш. русс. посолъ въ соедин. Штатахъ, т. XXXIII, 50—53.
- Полонскій, поруч., 1824 г., т. XXXIV, 279.
- Полторацкій, А. Сообщ. замѣтку «Бельгардъ, участникъ въ дѣлѣ при рѣкѣ Черной, 4 августа 1855 г.», т. XXXIV, 739—742.
- фонъ-Поль, 1841 г., т. XXXIV, 179.
- Пономаревъ, С. И. Составилъ и сообщ. очеркъ: Литературная дѣятельность П. А. Ефремова съ 1857—1882 г., т. XXXIII, 803—814.
- Попова, Александра Ив., 1827 г., т. XXXIII, 139, 141, 144.
- Половицкій, А. И., редакт. журнала «Церк.-Вѣстн», т. XXXIII, 713; т. XXXIV, 88.
- Поповъ, моршанс. купецъ-сестянтъ, 1812 г., т. XXXIV, 779, 780.
- Поповъ, таможенн. чиновн., 1827 г., т. XXXIII, 139.
- Поповъ, Алсд. Никол., ученый, писат. и историкъ, † 1877 г., т. XXXIV, 459—464.
- Поповъ, Васил. Михайлов., тн. сов., директор. деп-та мин-ва народн. проsv., 1822 г., т. XXXIV, 217, 442, 683—686.
- Поповъ, Гавріилъ Степ., 1841 г., т. XXXIV, 180, 193, 194, 443.
- Поповъ, Н. А., инвѣ проф. моск. универ., т. XXXIV, 580.
- Порошинъ, Семенъ Андреев., воспитатель вел. кн. Павла Петровича въ 1764—1765 гг., р. 1741, † 1739 г., ссылка на его «Записки», т. XXXIII, 403.
- Поспѣлова, Марія, писат-ца, 1796 г., т. XXXIV, 775.
- Потемкинъ Таврическій, кн., Григоръ. Алсдр.; ген.-фельдмарш., р. 1738 † 1791 г., т. XXXIII, 420, 447; т. XXXIV, 288.
- Потемкинъ, генералъ, 1816 г., т. XXXIV, 258.
- Потемкинъ, генер., нижегородс. депутатъ, 1858 г., т. XXXIV, 415.
- Потоцкій, Антоны, бригадн. генер. польс. арміи, 1826 г., т. XXXIV, 272.
- Потоцкій, гр., Северинъ, т. XXXIII, 50.
- Потоцкій, Станиславъ, дивиз. генер. польс. арміи, 1826 г., т. XXXIV, 266.
- Потудовъ, капитанъ, † 1770 г., т. XXXIV, 311.
- Похвисневъ, М. Н. Сообщ. документы, относящіяся до ходатайства В. И. Назимова объ изданіи сочиненій Гоголя безъ цензурныхъ урѣзокъ и мнѣніе его о славянофилахъ, 1853—1855 гг., т. XXXIII, 481—490.
- Правиковъ, писатель, 1798 г., т. XXXIV, 776.
- де-Преисъ, юнк., 1855 г., т. XXXIV, 58.
- Пренъ, камердин. имп-цы Маріи Θεодоровны, 1826 г., т. XXXIV, 387.
- Проворовскій, кн., Ив. Андр., ген.-анш., 1770 г., † 1786 г., т. XXXIV, 302, 303, 312.
- Прожоній, византийскій историкъ въ IX

- в., ссылка на его сочин. о Гунвахт, т. ХХХІІІ, 723—727.
- Промофьевъ, И. В.**, директ. российск. американск. компаниі, 1824 г., т. ХХХІІІ, 31, 55.
- Протасовъ, полковн.**, 1770 г., т. ХХХІV, 312.
- Протасовъ, Алсд. Серг.**, бывш. адъютантъ-проф. казанск. унив., † 1830 г., т. ХХХІV, 638, 639.
- Протасовъ, гр., Никл. Алсд.**, об.-прокур. синода, 1841 г., т. ХХХІV, 192, 194, 445—460, 636.
- Протопоповъ, Д. С.**, управл. смоленск. палатой госуд. имущ., 1857 г., † 1872 г., т. ХХХІV, 398.
- Проценко, офиц. артилл.**, 1855 г., т. ХХХІV, 38, 44, 45.
- Прудковъ, восп.-къ рязанск. семина., т. ХХХІІІ, 666—672.**
- Прянискиноуъ, Фод. Ив.**, слб. почтъ, директ., т. ХХХІV, 443—446.
- Прянискиноуъ, чиновникъ,** 1820 г., т. ХХХІІІ, 766.
- Пугачевъ, Емельянъ Ив.**, самозванецъ, † 1775 г., т. ХХХІІІ, 291—312.
- Пузыревскій, Алсдр. Казиміров.**, полк. генералъ. штаба. Сообщ. замѣтку: «**Ф. К. Гейсмаръ, въ битвѣ подъ Сточекомъ 2 фев. 1831 г.**», т. ХХХІІІ, 511—514.
- Путатинъ, гр., мн-ръ народн. просвѣщ.** 1861 г., т. ХХХІV, 529.
- Пуфсонъ, подполковн. елецк. пол.,** 1769 г., т. ХХХІV, 299.
- Пушкиновъ, писат.,** 1797 г., т. ХХХІV, 775
- Пушкинниноуъ, чл. орловск. присутс.** покрест. дѣламъ, 1861 г., т. ХХХІІІ, 615.
- Пушкинъ, ген.-маіоръ,** 1770 г., т. ХХХІV, 312, 318.
- Пушкинъ, Алсдр. Серг.**, писатель, р. 1798 † 1837 г., т. ХХХІІІ, 161, 212, 223—226, 292, 301.— Письма его къ А. А. Бестужеву и Рылѣву 1822—1825 гг., т. ХХХІІІ, 449—464; упом. 465—469, 489, 680, 689, 803, 808; т. ХХХІV, 224, 228—236, 456, 458, 486—497.
- Пушкина, Н. Д.**, жена декабриста, т. ХХХІV, 709, 710.
- Пушкинъ, Иванъ Иванович.**, колл. ассес., декабр., † 1859 г., т. ХХХІІІ, 57, 456, 457; т. ХХХІV, 472—475, 564, 704—707.
- Пушкинъ, Мих. Ив.**, бывш. декабр., чл. мнвск. комит. покрест. дѣл., 1858 г., впослѣд. бобруйскай коменд., † 1869 г., т. ХХХІV, 423.
- Пушкинъ, Никл. Ив.**, тв. сов., 1861 г., т. ХХХІV, 531, 532.
- Пушкинъ, полковн.**, команд. дворянск. полка, 1834 г., т. ХХХІV, 799, 801.
- Пшебендовскій, бригадн. генер. польск. арміи,** 1826 г., т. ХХХІV, 212.
- Пыжачевъ, прапорщикъ,** 1770 г., т. ХХХІV, 304.
- Пыпинъ, Алсд. Никл.**, писат. и ученый, р. 1833 г., т. ХХХІІІ, 805, 809; т. ХХХІV, 225.
- Пѣвцова, начальница москвск. Екатерининск. институт.,** 1827 г., т. ХХХІІІ, 122; т. ХХХІV, 383.
- Пѣшковъ, ген.,** 1829 г., т. ХХХІV, 161.
- Пятницкій, ирк. губернат.,** т. ХХХІV, 475.
- Пятовъ, секрет. вижегородск. комм. покрест. дѣламъ,** 1858 г., т. ХХХІV, 400, 409, 414, 415.
- Радзивилъ, кнг., Елисавета,** 1827 г., т. ХХХІV, 379, 381.
- Радищевъ, Алсдр. Никл.**, писат., р. 1749 † 1802 г., т. ХХХІІІ, 451, 803—805.
- Раевскій, Никл. Никл.**, ген.-маіоръ, 1829 г., т. ХХХІІІ, 451.
- Растопчина, гр-ня, Евдокія Фодор.**, рожд. Сушкова, писат.-ца, † 1858 г., т. ХХХІІІ, 184, 483, 486.
- Растопчинъ, гр., Фод. Вас.** об.-камерг., ген.-инф., р. 1765 † 1826 г., т. ХХХІІІ, 441; т. ХХХІV, 180.
- Ратынскій, чл. орловск. присутс.** покрест. дѣламъ, т. ХХХІІІ, 617.
- Ратьковъ-Роженковъ, В. А.**, гласный слб. Думы и чл. учил. комм., т. ХХХІV, 547.
- Раутенштраухъ, бригадн. генер., главн. директ. военн. комисіи Царст. Польск.,** 1826 г., т. ХХХІV, 270, 271.
- Редъ, генераль,** † 1855 г., т. ХХХІV, 741, 742.

- Ребиндеръ, шталмейстеръ, 1788 г., т. XXXIII, 122.
- Ребиндеръ, г-жа, 1826 г., т. XXXIII, 122.
- Ребиндеръ, Григорій Максимов, комендантъ Нерчинс. рудниковъ, 1838 г., т. XXXIII, 60, 61.
- Ребиндеръ, Кяхтинс. градонач., 1853 г., в послѣд. сенат., т. XXXIV, 472.
- Ределъ, бригадн. генер., нач. пѣшей арт. польс. арм., 1826 г., т. XXXIV, 272.
- Резановъ, об.-прок., 1800 г., т. XXXIII, 192.
- Рейнбольтъ, пасторъ, 1800 г., т. XXXIII, 209, 211.
- Рейтернъ, генер., 1829 г., т. XXXIV, 161.
- Рейтернъ, Елисавет. Алексѣевна, въ замуж. Жуковская, т. XXXIV, 184, 185.
- Рейтернъ, Мих. Христофор., чл. Редакц. Коми., 1859 г., нынѣ ст.-секрет., дс. тн. сов., т. XXXIV, 130.
- Рейненикампфъ, ген.-лейт., 1770 г., т. XXXIV, 300, 313.
- Ренъ-Сентъ-Жанъ-д'Анжели, начальн. франц. гвардіи, 1855 г., т. XXXIV, 31.
- Решинъ, подполк., 1770 г., т. XXXIV, 304, 313, 315.
- Решинъ, кн., Никл. Вас., ген.-анш., чрезвыч. полномоч. посолъ въ Константинополь, 1775 г., р. 1734+1801 г., т. XXXIII, 404, 409, 410; т. XXXIV, 643, 644.
- Решинъ, кн., Никл. Григор., малоросс., военн. гев.-губерн., т. XXXIV, 680.
- Ридигеръ, ген.-лейт., 1829 г., т. XXXIV, 157—173.
- Ризордъ, Петръ Ив., адмиралъ, † 1855 г., т. XXXIV, 174.
- Римскій-Борсаковъ, генер., 1799 г., т. XXXIII, 13.
- Ритеръ, дс. ст. сов., окружн. военно-медиц. инспект., 1866 г., т. XXXIV, 737.
- Ритмейстеръ, 1827 г., т. XXXIV, 385.
- Ровинскій, Д. А., ссылка на его сборникъ портретовъ, т. XXXIII, 783, 812, 813.
- Родзянко, Аркадій, 1823 г., т. XXXIII, 452—454.
- Рождественскій, о. протоіерей, законоучит. въ дворянс. полку, т. XXXIV, 799, 801.
- Рожееронъ, лейбъ-медикъ, 1788 г., т. XXXIV, 652, 653.
- Роженецкій, дивизион. генер. польской арміи, 1826 г., т. XXXIV, 268.
- Роженъ, вице-адмир., Кронштадтс. военн. губернат., 1830 г., т. XXXIV, 286.
- Розавенъ, преподават. философіи въ спб. іезуитс. благородн. пансіонѣ, † 1851 г., т. XXXIV, 191.
- Розенбергъ, ген.-няф., 1799 г., т. XXXIII, 447.
- Розенбергъ, плацъ-адъютантъ, 1828 г., т. XXXIII, 160.
- Розенъ, бар., Казанс. губернат., 1826 г., т. XXXIV, 635.
- Розенъ, бар. Андрей Евгеніевъ, бывшій декабр., ссылка на его «Записки», т. XXXIV, 478, 701—714.
- Розенъ, бар. Григ. Владим., ген.-адъют., главноупр. Закавказс. краемъ, 1831 г., † 1837 г., т. XXXIII, 818; т. XXXIV, 274, 275.
- Романюсъ, г.-м., 1769 г., т. XXXIV, 299.
- Романовъ, С. И. Сообщ. замѣтку: Знаменательное число восемь въ жизни императора Александра II, т. XXXIII, 820—821.
- Романовъ, Ѳедотъ, священн., 1773 г., т. XXXIII, 293.
- Ромодановскій, князь-кесарь, Ѳедоръ Юрьевичъ, генералиссимусъ, † 1718 г., т. XXXIII, 2.
- Россети, Эммануилъ, молдавс. господарь, 1789 г., т. XXXIV, 288.
- Россовъ, Илья, смотрит. скопинс. духовн. учил., т. XXXIII, 663.
- Ростиславовъ, Дмит. Ив., проф. спб. духовн. акад., р. 1809 † 1877 г. Записки его, гл. XI—XV, т. XXXIII, 67—86, 263—290, 657—672; т. XXXIV, 585—614; упом., т. XXXIII, 392, 397, 398.
- Ростиславовъ, Иванъ, воспит-къ Касямов. приходс. духовн. учил., т. XXXIV, 600, 605, 606.
- Ростовцевъ, гр., Яковъ Ив., ген.-адъют., начальн. штаба воен. учебн. завед., р. 1803 † 1860 г., т. XXXIII, 64, 65,

- 227—258, 515—522, 561—595; т. XXXIV, 106—109, 130, 799.
- Ротъ**, генер.-лейт., команд. 6-го корп. русс. арміи, 1829 г., т. XXXIV, 156—173, 196, 277—279.
- Роячловъ**, подполковн., об.-квартирм., † 1770 г., т. XXXIV, 311.
- Ртищевъ**, ген.-лейт., главнокоманд. на Кавказъ, 1812 г., т. XXXIII, 817.
- Рубецъ**, надворный совѣтникъ, 1812 г., т. XXXIV, 778, 779.
- Руднецкий**, И. Сообщ. поправку къ биогрaфическому очерку: «Великая княгиня Елена Павловна», т. XXXIV, 564.
- Румавинъ**, генер. австр. службы, т. XXXIII, 424.
- Румовской**, Степ. Яковл., островомъ, 1769 г., т. XXXIII, 183—187.
- Ру мянцевъ-Задунайскій**, гр., Петръ Алдр., фельдмарш., р. 1725 † 1796 г., т. XXXIII, 171, 189; т. XXXIV, 298, 305—317.
- Рупшертъ**, генер., комендантъ крѣп. Си-листрия, 1830 г., вполнѣд. Иркутс. ген.-губернат., т. XXXIII, 821, 822.
- Руссовъ**, Степанъ, писатель, 1797 г., т. XXXIV, 775.
- Рутценъ**, г-жа, рожд. Потемкина, т. XXXIII, 605.
- Рутценъ**, Александра Карл., въ замуж. Татаринова, т. XXXIII, 624.
- Рутценъ**, Никл. Карлов., мировой посредн. Малоархангельс. уѣзда, 1861 г., почетв. попечит. уѣздн. Ревельскаго училища и основатель Курской учительской школы, р. 1826 † 1880 г. Биогрaфическій его очеркъ, т. XXXIII, 597—624.
- Рушвовскій**, московс. почтъ-директоръ съ 1820—1826 г., т. XXXIII, 471.
- Рылѣва**, Наталья Михайлов., 1820 г., т. XXXIII, 472.
- Рылѣвъ**, Кондратій Ѳеодор., отставн. конно-артил. подпоруч., секрет. Русс. Американс. компаніи, декабр., писат., р. 1795 † 1826 г., т. XXXIII, 31, 45, 55—63, 449—464, 471, 803, 808, 809; т. XXXIV, 480, 481.

- Рычловъ**, Петръ Ивановичъ, писатель, т. XXXIII, 303.
- Рѣшнѣ**, Никл. Петр., штб.-кап. лб.-гв. финл. пол., декабр., † 1832 г., т. XXXIV, 702.
- Рюль**, лб.-медикъ, 1826 г., т. XXXIII, 124; т. XXXIV, 386.
- Рябининъ**, Т. Г., пѣвецъ былинъ, ссылка на его портр., гравирован. акад. Л. А. Сѣраковымъ, т. XXXIII, 364.
- Савичъ**, Евгений Алдр., артил. полковн., 1859 г., вполнѣд. исправл. должность воен. губернат. Амурск. Обл., 1861 г., т. XXXIV, 471, 473.
- Савановъ**, Гаврилъ, т. XXXIII, 74.
- Савоновъ**, подполковникъ, † 1770 г., т. XXXIV, 314.
- Савенъ**, гр., см. Остенъ-Савенъ.
- Савонинъ**, тульс. предводит. дворянс., 1829 г., т. XXXIII, 470.
- Саломе**, дс. ст. сов., 1866 г., т. XXXIV, 737, 738.
- Салтыковъ**, Мих. Евграф. (Щедринъ), писатель, р. 1826 г., т. XXXIII, 562; т. XXXIV, 797.
- Салтыковъ**, гр., Никл. Ив., ген.-фельдмарш., р. 1736 † 1816 г., т. XXXIII, 444—446.
- Сальниковъ**, Ив. Савельев., шутъ, 1827 г., т. XXXIII, 625, 626, 632.
- Самарина**, Софья Юрьевна, рожд. Нелединская-Мелецкая, 1823 г., т. XXXIII, 784—786.
- Самаринъ**, Юрій Ѳеодор., писатель-публицистъ, чл. самарс. Комит. по крестьянс. дѣламъ, 1859 г., р. 1819 † 1876 г., т. XXXIII, 431, 538, 545, 597; т. XXXIV, 185, 421.
- Самойловичъ**, Иванъ, малорос. гетманъ, 1672 г., т. XXXIII, 1—5.
- Самоевасовъ**, Д. Я., ссылка на его раскопки, т. XXXIII, 728.
- Сафоновъ**, камердин. нип-ци Маріи Ѳеодоровны, 1826 г., т. XXXIII, 126; т. XXXIV, 387.
- Свербѣва**, Екатерина Алдр., рожд. кня. Шербатова, 1841 г., т. XXXIV, 177, 178, 181.

- Свербѣевъ, вадв. сов., главный сборщикъ при соляныхъ Перекопс. озерахъ, 1778 г., т. XXXIV, 288.
- Свиштуновъ, А. П., ген.-адъют., нынѣ начальникъ Терской Обл., 1881 г., т. XXXIII, 259—261.
- Свиштуновъ, Петръ Никл., корнетъ кавалергард. полка, декабр., т. XXXIV, 702, 704, 709.
- Свѣчинъ, Никл. Серг., ген.-вѣф., спб. военн. губернат., 1800 г., т. XXXIII, 195—200.
- Сгибневъ, Алд. Степ., команд. первого Амурск. парохода «Аргунъ», † 1881 г., т. XXXIV, 471.
- Севергинъ, писат., 1798 г., т. XXXIV, 776.
- Северинъ, Андрей Ив., дирек. Русско-Американс. компани, т. XXXIII, 53.
- Селивановскій, Никл. Сем., т. XXXIII, 636.
- Селивановъ, Илья Васил. Сообщ. свон «Записки», главы XII—XIII, т. XXXIII, 625—636; замѣтка его по поводу книги о Шереметевыхъ, т. XXXIV, 796; упом. 420.
- Сельванъ, бывш. восп.—къ дворянскаго полка, т. XXXIV, 802.
- Семеновскій, Васил. Ив., кандидатъ спб. универс., нынѣ магистръ Русской Исторіи, писатель, р. 1848 г. Рѣчь его въ московс. университ. при защитѣ диссертациі на званіе магистра Русской Исторіи, 17 февраля 1882 г., т. XXXIII, 565—584.
- Семеновскій, Мих. Ив., дс. ст. сов., Гласный спб.—ой Городской Думы, редакт. журнала «Русская Старина». Рѣчь, сказанная имъ въ засѣданіи Городс. Думы 15 января 1882 г., т. XXXIII, 557—559; упом. 11; т. XXXIV, 88, 547, 549—554, 560, 802.
- Семенова, Прасковья, камеристка императрицы Маріи Ѳеодоровны, † 1826 г., т. XXXIII, 125.
- Семеновъ, Петръ Николаев., писатель, т. XXXIII, 807.
- Семеновъ, П. П., предсѣдат. Императ. Географ. Общ.—ва, т. XXXIII, 546.
- Сенковскій, Осипъ Ив., профессоръ спб. унив., писатель, † 1858 г., т. XXXIII 453, 680.
- Сенявинъ, Алексѣй Наумов., вице-адм., 1769 г., т. XXXIV, 297.
- Серафимовичъ, 1800 г., XXXIII, 200.
- Серапионъ, (Александровскій), кievс., митропол. съ 1803—1822 г., XXXIV, 431.
- Серафимъ (Степанъ Глаголевскій), митропол. спб., р. 1759 † 1843 г., т. XXXIII, 770—779; т. XXXIV, 432, 433, 442, 685—699.
- Сербиневичъ, Ков. Ст., тв. сов. Сообщ. въ 1872 г. письма къ нему А. И. Тургенева, 1827—1845 гг., т. XXXIV, 177—194, 443—462.
- Серно-Соловьевичъ, секрет. калужс. Комитета по крест. дѣламъ, 1858 г., т. XXXIV, 389, 409, 410.
- Сестренцевичъ-Вогущъ, Станиславъ, митропол. римско-католич. церквей въ Россіи, 1796 г., р. 1731 † 1826 г., т. XXXIII, 202—204.
- Сиверсъ, генер., 1829 г., XXXIV, 161.
- Сиверсъ, графъ, сенат., 1844 г., т. XXXIV, 751.
- Сидоній, Аполливарій, латинс. писат. въ V вѣкѣ; ссылка на его сочиненіе о Гуннахъ, т. XXXIII, 717—725.
- Сидонскій, священн., т. XXXIII, 601.
- Сидоровъ, камердин. имп.—цы Маріи Ѳеодоровны, XXXIII, 128.
- Симбулатовъ, премьеръ-маіоръ, † 1770 г., т. XXXIV, 314.
- Симоновъ, профес. астрономіи, 1821 г., в послѣд. рект. универс., т. XXXIV, 627.
- Синельниковъ, Ив. Максимов., ген.-маіоръ, 1785 г., † 1790 г., т. XXXIII 288.
- Синявинъ, см. Сенявинъ.
- Сиръ-Вульверъ, (Sir Bulwer), англійс. посланн. въ Константинополь, 1863 г., т. XXXIII, 175.
- Симова, митропол. московс., р. 1492 г., † 1508 г., т. XXXIV, 83.
- Сипягинъ, Никл. Мартыанов., генер., 1816 г., т. XXXIV, 258—260.
- Сквартинъ, орловс. предвод. дворянс., т. XXXIII, 616.
- Сколовъ, генералъ-адъютантъ, 1870 г. т. XXXIV, 471.

- Серженецкій**, главноначальст. польскою армією, 1831 г., т. XXXIII, 840.
- Скюдери**, полковн., 1855 г., т. XXXIII, 739, 741.
- Смагинъ**, офицеръ, † 1855 г., т. XXXIII, 27, 32—38.
- Смирновъ**, Иванъ, восп.—къ каспмовс. приходс. духовн. училища, т. XXXIV, 600, 606.
- Смирновъ**, Феофанъ, восп.—къ каспмовс. приходс. дух. учил., т. XXXIV, 613.
- Смоленскій**, кн., см. Голенищевъ-Бутузовъ-Смоленскій.
- Смолянинова**, въ замуж. Завалишина, т. XXXIV, 702, 708.
- Смоляниновъ**, чиновн. горнаго вѣдомс., т. XXXIV, 702.
- Смѣкаловъ**, капит. генеральн. штаба, 1864 г., т. XXXIII, 362.
- Собко**, Никл. Пегр., ссылка на сообщ. имъ списокъ гравюръ ак. Л. А. Сѣрякова, т. XXXIII, 364.
- Соболевскій**, гр., 1826 г., т. XXXIV, 270.
- Соколова**, во втор. замуж. фонъ-Гильднеръ, т. XXXIII, 640.
- Соколовъ**, Алсдр. Петров. Составилъ и сообщ. біографическій очеркъ: «Пегръ Ѳедоровичъ Соколовъ, основатель портретной акварельной живописи въ Россіи», т. XXXIII, 637—646.
- Соколовъ**, М. П., священ., т. XXXIII, 530.
- Соколовъ**, Петръ Ѳедоров., основатель портретной акварельной живописи въ Россіи, р. 1787 † 1848 г. Біографическая о немъ замѣтка, т. XXXIII, 637—646.
- Соколовъ**, П., секрет. Акад. Наукъ, 1802 г., т. XXXIII, 194.
- Солдцевъ**, Ѳедоръ Григор., профессоръ художн., т. XXXIV, 744.
- Соловьевъ**, Серг. Мих., акад., профес., историкъ, р. 1820 † 1879 г., т. XXXIII, 287, 461, 580.
- Соловьевъ**, Яковъ Алсдр., тн. сов. сенат, чл. Редакціи. ком., † 1876 г. Записки его о крестьянс. дѣлѣ, 1858—1859 гг., т. XXXIII, 227—258; 561—597, 608—619, т. XXXIV, 105—154, 389—426.
- Соловьевъ**, восп.—къ каспмовс. приходс. духовн. учил., т. XXXIV, 588, 592.
- Солицевъ**, маіоръ, † 1770 г., т. XXXIV, 310.
- Сошниковъ**, ссылка на его бібліографію, т. XXXIV, 775, 776.
- Сорицъ**, генер., 1770 г., т. XXXIV, 303.
- Сорокинъ**, прапорщ., смотрит. Бирскаго острога, 1827 г., т. XXXIII, 145.
- Соткинъ**, Ив. Семенов., старшина волостн. банка, т. XXXIII, 615.
- Спасовичъ**, В. Д., ссылка на статью его: «Пятидесятилѣтіе Петерб. Университета», т. XXXIII, 535.
- Сперанскій**, гр., Мих. Мих., чл. госуд. сов., р. 1772 † 1839 г., т. XXXIII, 50, 53, 192; т. XXXIV, 128.
- Спиридовъ**, Ив. Матв., маіоръ, декабр., † 1854 г., т. XXXIV, 702.
- Спицынъ**, Михайлъ, секретарь, 1820 г., т. XXXIII, 472.
- Спѣшневъ**, Никл. Алсд., † 1882 г., т. XXXIV, 475.
- Ставицкая**, директриса Сиротс. Инстит., 1826 г., т. XXXIII, 122; т. XXXIV, 383.
- Стадлеръ**, С., ст. сов., 1848 г., XXXIV, 471.
- Станиславъ-Августъ** (Лещинскій), король польскій, т. XXXIV, 191.
- Станиславъ-Понятовскій**, послѣдн. король польскій, т. XXXIV, 643, 673.
- Станкевичъ**, писатель, 1857 г., XXXIV, 122.
- Старовъ**, т. XXXIII, 713.
- Старчевскій**, А. В., писатель, составит. энциклопед. словаря, XXXIV, 449.
- Стасовъ**, В. В., ссылка на его статью: «Замѣтки о Русахъ», т. XXXIII, 737, 738.
- Стенгеръ**, полк., 1826 г., т. XXXIII, 124.
- Стеніусъ**, поруч., 1855 г., т. XXXIV, 47.
- Степановъ**, подпоручикъ, † 1855 г., 54, 55.
- Стефанъ-Малый**, самозванецъ въ Черногорѣи, подъ именемъ имп. Петра III, въ 1767 г., т. XXXIII, 419, 423, 434, 435.
- Столыпинъ**, офиц., 1841 г., т. XXXIII, 261.
- Сторожевскій**, Алсдк. Пегр., чиновн., т. XXXIII, 63, 70.
- Стратимировичъ**, Стефанъ, глава правосл. дух. въ Венгріи, т. XXXIII, 449.

- Строганова, гр-ня, 1825 г., т. XXXIII, 201.
- Строганова, гр-ня Юлія-Петр., статсъ-дама, попечительница дѣтскихъ прію-товъ, р. 1783 † 1864 г., т. XXXIII, 799.
- Строгановъ, гр., Алсд. Серг., об.-камер-геръ, презид. Акад. Худож., р. 1733, 1811 г., т. XXXIII, 201, 214.
- Строгановъ, гр., Сергѣй Григорьев., ген.-адъют., попечит. москов. учебн. окр., 1845 г., впослед. сенаторъ, чл. госуд. совѣта, р. 1794 † 27 марта 1882 г., т. XXXIII, 604; т. XXXIV, 418—421.
- Строцкая, камеристка имп.—цы Маріи Феодоровны, 1826 г., т. XXXIII, 125, 126; т. XXXIV, 388.
- Стрѣльбицкій, бывш. восп.—въ дворянс. полка, т. XXXIV, 802.
- Стурдза, Алсд. Скарлатов., т. XXXIII, 765—767; т. XXXIV, 454, 457.
- Суворинъ, А. С., редакт. газеты «Новое Время», т. XXXIII, 497, 498.
- Суворовъ-Рымнинскій, кн. Италійскій, Алсд. Аркадiev., ген.-адъют., † 31 янв. 1882 г. Воспоминанія о немъ, т. XXXIII, 823—838; упом. т. XXXIII, 483, 486, 524—542
- Суворовъ-Рымнинскій, кн., Алсд. Вас., генерал-симусъ, р. 1728 † 1800 г., т. XXXIII, 11, 12, 171, 443, 446, 448; т. XXXIV, 288.
- Судяново, I. M. Сообщ. Письмо П. Б. Пассека къ П. А. Румянцеву, 1780 г., т. XXXIII, 189—190.
- Сумароковъ, Пайкратій, писат., 1800 г., т. XXXIV, 776.
- Сутгофъ, дирек. повпвального института, 1827 г., т. XXXIV, 385.
- Сухозанетъ, Никл. Онуфриев., военный мн—ръ, впослед. памѣстникъ Царства Польскаго, т. XXXIV, 501.
- Сухоржевскій, бригадн. генер. польск. арміи, 1826 г., XXXIV, 273.
- Сущевъ, С. П., бывш. редакт. «Пра-вительств. Вѣстника», т. XXXIII, 528.
- Сысоевъ, Вас. Алексѣев., наказной атам. черноморск. войска, 1825 г., т. XXXIV, 199, 203, 204.
- Сѣравскій, бригадный генер. польской арміи, 1826 г., т. XXXIV, 270.
- Сѣряковъ, Лаврентій Авксентьев., акад., граверъ на деревѣ, р. 1824 † 1881 г., т. XXXIII, 364, 515; т. XXXIV, 744, 745.
- Сѣченевъ, Иванъ Мих., преподаватель спб. универс., 1861 г., нымъ профес., т. XXXIV, 537.
- Талтиковъ, портупей-прапорц., 1827 г., т. XXXIII, 134—159; т. XXXIV, 704.
- Тарасовъ, Дмит. Климентьев., почетн. лб.-хирургъ, р. 1792 † 1866 г., т. XXXIII, 787, 788, 793.
- Татарнинова, Александра Карл., рожд. фонъ-Рутценъ, т. XXXIII, 624.
- Татарниковъ, вице-губернат., 1800 г., т. XXXIII, 205.
- Татищевъ, Алсд. Ив., ген.-инф., воен. мн—ръ, р. 1763 † 1833 г., т. XXXIV, 688.
- Татищевъ, Алексѣй Ив., генер., 1823 г., т. XXXIII, 785.
- Телепневъ, поручикъ, 1858 г., томъ XXXIII, 610.
- Теляковскій, А. З., учнт. фортифика-ціи, т. XXXIV, 24.
- Тенишевъ, подпоручикъ, 1769 г., томъ XXXIV, 296.
- Теребеневъ, художникъ-портрет., томъ XXXIII, 59.
- Терново-Орловскій, писатель, 1797 г., т. XXXIV, 775.
- Терсковъ, П. А., ссылка на изд. «Слова и рѣчи архіепископа Амаросія», 1856 г., т. XXXIV, 640.
- Тизенгаузенъ, Алсдр. Егор., восп.—къ кадетс. корп., 1821 г., т. XXXIII, 475.
- Тизенгаузенъ, Вас. Карл., полковн., декабр., † 1858 г., т. XXXIV, 474.
- Тизенгаузенъ, Фед. Егоров., 1821 г., т. XXXIII, 475.
- Тилличевъ, губернат. владимирс., 1858 г., т. XXXIV, 145.
- Тилло, ген.-майоръ, т. XXXIV, 737.
- Тиль, В. Л., ст. сов., 1840 г., т. XXXIV, 471.
- Тимашевъ, А. Е., мн—ръ внутр. дѣлъ, т. XXXIII, 497, 679—685; т. XXXIV, 125.
- Тимковскій, ценсоръ, т. XXXIII, 206.
- Титовъ, П., писат., 1799 г., т. XXXIV, 776.

- Толль**, бар., Карлъ Ѳедор., ген.-адъют., начальн. штаба арміи, 1829 г., р. 1777 † 1842 г., т. ХХХІV, 158—175.
- Толь**, гр., маюратн. владѣлецъ, 1864 г., т. ХХХІІІ, 618.
- Толстая**, Екатерина Львовна, въ замуж. Тютчева, т. ХХХІІІ, 41.
- Толстой**, полковн., 1774 г., т. ХХХІІІ, 301.
- Толстой**, ген.-лейт., 1812 г., т. ХХХІV, 779.
- Толстой**, гр., Алексѣй Конст., писатель, т. ХХХІІІ, 824, 825.
- Толстой**, гр., Дмит. Алексѣев., мн—ръ народн. просвѣщ. и об.-прокур., 1876 г., члннѣ сенат., члн. государств. совѣта и президентъ Акад. Наукъ, т. ХХХІІІ, 494, 496, 530.
- Толстой**, гр., Ив. Никл., сенат., 1840 г., вполсѣд. харьковс. и московс. губернк., т. ХХХІV, 471.
- Толстой**, гр., Никл. Матв., ген.-адъют., 1849 г., т. ХХХІІІ, 516, 519, 522.
- Толстой**, гр., Петръ Алсдр., ген.-инфант. слб. главнокомандующ., 1828 г., р. 1769 † 1844 г., т. ХХХІІІ, 452; т. ХХХІV, 284.
- Толстой**, гр., Ѳедоръ Петр., тв. сов., президентъ акад. худож., медальеръ, р. 1783 † 1873 г., т. ХХХІV, 744.
- Топильскій**, М. И., директ., деп.—та минист. юстиціи, 1858 г., т. ХХХІІІ, 564, 575.
- Тормасовъ**, генер.-лейтенантъ., 1799 г., т. ХХХІІІ, 447.
- Торсовъ**, Кост. Петр., старш. адъют. начальника морскаго штаба, декабр., † 1851 г., т. ХХХІІІ, 55.
- де-Траверсе**, маркизъ, И. И., морской мн—ръ, р. 1754 † 1830 г., т. ХХХІІІ, 28.
- Трескинъ**, Никл. Ив., бывш. иркутскій гражд. губернк., 1818 г., т. ХХХІІІ, 479.
- Трескинъ**, Н. Сообщ. замѣтку къ статьѣ П. В. Алабина, о герояхъ Севастопольской обороны, 1855 г., «Бельгардъ», т. ХХХІІІ, 823.
- Триполи**, учитель франц. языка, 1815 г., т. ХХХІІІ, 19.
- Тришатиный**, моршавск. полицмейстеръ, 1868 г., т. ХХХІV, 782.
- Троцинская**, Анна Матв., рожд. Косаровская, т. ХХХІV, 642.
- Троцинская**, Ольга Дмитр., рожд. Кудрявцева, т. ХХХІV, 643, 661—679.
- Троцинская**, Прасковья Ефимонна, въ замуж. фонъ-Шлихтингъ, т. ХХХІV, 643.
- Троцинскій**, Андр. Андр., ген.-маюръ, 1808 г., р. 1774 г., т. ХХХІV, 642—680.
- Троцинскій**, Андр. Прокоф., сотникъ Запорожс. Сѣчи, т. ХХХІV, 642.
- Троцинскій**, Демьянъ Прокофьевичъ, т. ХХХІV, 642.
- Троцинскій**, Дмит. Андр. Сообщ. фамилныя бумаги и портретъ дс. тв. сов. Дмитрія Прокофьевича Троцинскаго, т. ХХХІV, 641—682.
- Троцинскій**, Дмит. Прокоф., дс. тв. сов., ст.-секрет., сенат., мн—ръ удѣловъ и юстиціи, р. 1754 † 1829 г. Біографическій его очеркъ. т. ХХХІV, 644—682.
- Троцинскій**, Ефимъ Прокоф., т. ХХХІІІ, 642, 643.
- Троцинскій**, Иванъ Ефимов., ген.-лейт., 1816 г., т. ХХХІV, 643, 652—655, 669.
- Троцинскій**, Иванъ Ив. (въ монашествѣ Амфилохій), вполсѣд. архимандр. Кіевс., затѣмъ еписк. переясл., т. ХХХІV, 642.
- Троцинскій**, Иванъ Матв., полковой писарь, т. ХХХІV, 641.
- Троцинскій**, Матвѣй, атаманъ Запорож. Сѣчи, 1720 г., т. ХХХІV, 641.
- Троцинскій**, Прокофій Ив., войсковоі старшина, т. ХХХІV, 642.
- Троянскій**, Григоръ Яковл., священникъ, 1773 г., т. ХХХІІІ, 293.
- Трубецкой**, князь, адъютантъ, 1829 г., т. ХХХІV, 168.
- Трубецкой**, кв., Серг. Петр., полковн. 16. гв. преобр. полка, декабр., † 1860 г., т. ХХХІV, 705—707.
- Тулинскій**, генер., 1816 г., т. ХХХІV, 251—253.
- Туманскій**, писат., 1824 г., т. ХХХІІІ, 453.
- Тургенева**, рожд. Віарась, 1833 г., т. ХХХІV, 183, 185.
- Тургеневъ**, Алсд. Ив., писат. Письма его къ К. С. Сербиновичу, 1827—1845 гг., т. ХХХІV, 177—194, 443—462; уном. т. ХХХІІІ, 479, 821; т. ХХХІV, 129, 463, 464.

Тургеневъ, Ив. Серг., писат., р. 1818 г., т. XXXIII, 605.

Тургеневъ, Никл. Ив., дс. ст. сов., декабр., писат., † 1872 г., т. XXXIII, 537.

Туржестановъ, кн., Никл. Никл. Сообщ. «Перечень русскихъ писателей въ царствованіе имп. Павла съ 1796—1800 г., т. XXXIV, 775—776.

де-Туро, графъ, т. XXXIII, 424.

Тутолминъ, Ив. Вас., дс. тв. сов., чл. государ. сов., 1823 г., т. XXXIII, 785; т. XXXIV, 381, 387.

Тутолминъ, 1849 г., т. XXXIII, 521.

Тучковъ, Пав. Алексѣев., ген.-адъют., бывш. московс. военн. ген.-губернат., 1858 г., р. 1803 † 1864 г., т. XXXIII, 525.

Тучковъ, С., писат., 1797 г., т. XXXIV, 775.

Тышневичъ, рожд. Рытова, 1826 г., т. XXXIII, 128.

Тютрюмовъ, бывш. восп.—къ дворянс. полка, художн.-портрет., т. XXXIV, 802.

Тютчева, Екат. Львовна, рожд. Толстая, т. XXXIII, 41.

Тютчева, Н. Никл., въ замуж. **Надарженская**, т. XXXIII, 41, 42.

Тютчевъ, Феоdorf Ив., писатель, † 1873, т. XXXIII, 20, 41.

Тютчевъ, Иванъ Никол., т. XXXIII, 41.

Уваровъ, начальн. гвардіи, 1824 г., т. XXXIII, 772.

Уваровъ, гр., Серг. Семенов., мвр-рь народн. просв., т. XXXIV, 128, 178, 457.

Удомъ, ген., 1826 г., т. XXXIV, 204.

Уволловъ, ген.-маіоръ, 1800 г., т. XXXIII, 202.

Ульрихъ, отставн. маіоръ, 1800 г., т. XXXIII, 199.

Уманецъ, чинов., 1826 г., т. XXXIV, 636.

Урсова, княжна, 1827 г., т. XXXIII, 137.

Устиновъ, полковн., об. провіантмейст. сб-ой и псковс. губерній, 1864 г., т. XXXIV, 513, 519, 723.

Устряловъ, Никл. Герасимов., писат.-историкъ, † 1870 г., т. XXXIV, 457.

Устряловъ, Фед. Герасимов., директ. комиссаріата, 1864 г., т. XXXIV, 502—523, 717—733.

Ушаковъ, Иванъ Яковл., об.-секрет., 1820 г., т. XXXIII, 472.

Ушаковъ, Феоdorf, адмир., 1799 г., т. XXXIII, 421, 425, 439, 440; т. XXXIV, 661.

Ушаковъ, ген., 1827 г., т. XXXIV, 386.

Фабержъ, управл. имѣніемъ, 1839 г., т. XXXIV, 749, 750.

Фабержъ, живописецъ, 1839 г., т. XXXIV, 750—753.

Фадѣевъ, полковн., 1865 г., т. XXXIII, 167, 360.

Фалкенштейнъ, гр., см. Іосифъ II.

Фалло, чинов. канцеляріи имп-цы Маріи Феоdorfовны, † 1827 г., т. XXXIII, 123.

Фарнгагенъ-фонъ-Энзе, 1843 г., т. XXXIV, 181.

Федотовъ, секунд-маіоръ, † 1770 г., т. XXXIV, 314.

Фелькверамъ, полк., 1770 г., т. XXXIV, 302—304.

Фехнеръ, А. Сообщ. документы, относящіяся къ казни и ссылкѣ пастора Зейдера, 1800 г., т. XXXIII, 206—211.

Филаретъ, (Гумилевскій—въ мірѣ Дмитрій Григор.), епископъ рязс. съ 1841—1858 г., вполѣд. архіеп. черниговскій, р. 1805 † 1866 г., т. XXXIII, 774; т. XXXIV, 191, 633.

Филаретъ, (Василій Дроздовъ), митропол. московс. съ 1826—1867 г., р. 1782 † 1867 г., т. XXXIII, 24, 374—380, 394; т. XXXIV, 178, 181, 191, 454, 461, 473, 711.

Филиповъ, Тертій Ив., 1855 г., т. XXXIII, 484, 486, 489.

Филипсонъ, генер., понечит. сб. учебн. окр., 1861 г., т. XXXIV, 529, 530.

Философовъ, военн. аудиторъ, 1862 г., т. XXXIV, 540.

Фоменчукъ, матросъ-комендоръ, 1855 г., т. XXXIV, 6—19.

Фоминъ, А., писатель, 1797 г., т. XXXIV, 775.

Фонъ-деръ-Вригенъ, Алсд. Фед., отстав. полков., декабр., т. XXXIV, 704.

Фонъ-Визина, Н. Д., жена декабрста, т. XXXIV, 476.

Фонъ-Визинъ, Мих. Алсдр., отст. ген.-маіоръ, декабр., † 1854 г., т. XXXIV, 706.

Фонъ-дерь-Паленъ, гр., Петръ Алсдр., ген.-лейт., р. 1745 † 1824 г., т. XXXIII, 444.

Фонъ-дерь-Паленъ, гр. Петръ Алексѣев., ген. отъ кавал., спб. ген.-губернат., 1796 г., р. 1745 † 1826 г., т. XXXIII, 191—210.

Фонъ-дерь-Паленъ, гр., Францъ, команд. 2-го корп. русс. арміи, 1829 г., вполсѣд. рижс. ген.-губернат., 1830 г., т. XXXIV, 156—175.

Форманъ, инсп. дворянс. полка, 1834 г., т. XXXIV, 799—801.

Фотій, архимандр., настоят. новгородс. Юрьева монастыря, † 1838 г. Письма къ нему кн. А. Н. Голицына, 1822—1825, гг., т. XXXIII, 765—780, т. XXXIV, 205—222, 427—442, 683—700; упом. т. XXXIII, 690.

Франческо-Долчи-де-Видеовичъ, римскій аббатъ, 1775 г., т. XXXIII, 420.

Фредерици, генер., 1826 г., т. XXXIII, 124; т. XXXIV, 385.

Фроловъ, купецъ, 1800 г., т. XXXIII, 200.

Фроловъ, Алсд. Филипов. (бывшій декабристъ). Воспоминанія его по поводу статей Д. И. Завалишина, т. XXXIV, 465—482, 701—714.

Фуадъ-паша, 1864 г., т. XXXIII, 357.

Хаджаевъ, отставн. маіоръ, 1800 г., т. XXXIII, 199.

Ханжогло, Дмт. Спиридонов., лейтен., 1855 г., т. XXXIV, 38, 46.

Харитоновскій, правитель канцел. морс. мин-ва, т. XXXIII, 54.

Хастатовъ, помѣщ., 1841 г., т. XXXIII, 261, 262.

Хвостовъ, А., писатель, 1796 г., т. XXXIV, 775.

Хвостовъ, гр. Дмт. Ив., писат., р. 1757 г., † 1835 г., т. XXXIII, 464.

Хвоцинскій, Владм. Наркызов., 1826 г., т. XXXIII, 476, 477.

Хеліусъ, докторъ, 1844 г., 452.

Херасковъ, Мих. Матв., писат., р. 1733 † 1807 г., т. XXXIV, 776.

Херувимовъ, бывш. прокур., 1826 г., т. XXXIV, 636.

Хилкова, кнж., Надежда Дмитр., † 1817 г., т. XXXIV, 642, 652—655.

Хилкова, княг. Прасковья Ив, въ замуж. бар—са Остенъ-Сакенъ, т. XXXIV, 642, 658, 661.

Хилковъ, кн., 1826 г., т. XXXIII, 123.

Хилковъ, кн. бриг. команд., т. XXXIII, 15.

Хилковъ, кн., Иванъ, офиц. уланс. полка, т. XXXIV, 642.

Хитрово, ген.-маіоръ, 1800 г., т. XXXIII, 448.

Хлѣбниковъ, малоархангельс. помѣщ., 1861 г., т. XXXIII, 616.

Хмыровъ, Мих. Дмитр., писат., † 1872 г. Состав. въ 1871 г. примѣчанія къ высочайш. повелѣніямъ и указамъ импер. Павла, 1800—1801 гг., т. XXXIII, 191—205, 810, 813.

Хованскій, кн., писатель, 1798 г., т. XXXIV, 776.

Ховенъ, ген.-маіоръ, 1798 г., т. XXXIII, 447.

Хозревъ-Мирза, персидс. принцъ, р. 1813 † 1875 г., т. XXXIV, 175.

Хоминскій, ковенец. губернат., 1858 г., вполсѣд. вологодс. съ 1862 г., т. XXXIV, 424.

Комяковъ, Алексѣй Степ., поэтъ, философъ и богословъ, † 1860 г., т. XXXIII, 481, 489, 529, 811.

Хоренскій, Моисей, армянс. историкъ въ V в., т. XXXIII, 727.

Храповицкій, Матв. Евграф., генер., 1822 г., т. XXXIV, 198, 199.

Христолеври, австр. генеральн. консулъ въ Зантъ, 1799 г., т. XXXIII, 439.

Хрулевъ, Степанъ Алсд., ген.-лейт., т. XXXIV, 802.

Хрущевъ, Д. П., 1858 г., т. XXXIV, 129—131.

Цеймаркъ, полк., 1770 г., т. XXXIV, 307.

Цельтнеръ, бывш. швейцарс. посолъ во Франціи, 1814 г., т. XXXIV, 243.

Цисеровъ, маіоръ, 1770 г., т. XXXIV, 308.

Циціановъ, кн. Пав. Дмт., главнокоманд. на Кавказѣ, † 1806 г., т. XXXIII, 13, 14.

Цыкоговскій, бригадн. генер. польс. арміи, 1826 г., т. XXXIV, 272.

Чаадаевъ, Петръ Яковл., 1821 г., т. XXXIII, 472.

Чавчавадзе, кн., капит., 1865 г., т. XXXIII, 166.

Чаловъ, Евграфъ Никитинъ, пятигорск. мѣщанинъ, 1881 г., т. XXXIII, 259—262.

Чарторійскій, князь, Адамъ-Казиміръ, польс. посолъ въ Петербургъ, 1815 г., р. 1733 † 1823 г., т. XXXIV, 245.

Чашнижовъ, писат., 1797 г., т. XXXIV, 775.

Челобаревъ, писатель, 1797 г., т. XXXIV, 775.

Чебышевъ, Пафнуцій Львов., математикъ, проф. слб. универс., р. 1821 г., т. XXXIII, 605.

Чевкинъ, Конст. Владим., ген.-адъют., мн-ръ путей сообщ., р. 1803 † 1875 г., т. XXXIII, 228, 229, 471, 480, 544, 545, 819.

Ченгичъ-Вежиръ-паша, 1727 г., т. XXXIII, 433.

Черкасскій, кн., 1715 г., т. XXXIII, 170.

Черкасскій, кн. Владим. Александр., предсѣдат. варшавск. комм. для упраздненія монастырей, 1863 г., т. XXXIII, 597, 617.

Черноевичъ-Давидовичъ, гр., Николай Петров., об.-воевода Черногорс., 1798 г., т. XXXIII, 420—432, 440.

Чернышева, гр-ня, Анна Яв., въ замуж. Плещеева, † 1817 г., т. XXXIII, 195.

Чернышева, камеристка имп-цы Маріи Феодоровны, 1826 г., т. XXXIII, 125, 126; т. XXXIV, 388.

Чернышевъ, гр., Алсд. Ив., ген.-адъют., военн. мн-ръ, р. 1786 † 1852 г., т. XXXIII, 221, 251, 830, 839; т. XXXIV, 200, 205, 243—245, 282, 285.

Чернышевъ, гр., Захаръ Григор., ген.-фельдмарш., р. 1722 г., † 1784 г., т. XXXIII, 189.

Чернышевъ, гр., Ив. Григор., ген.-фельдмарш. по флоту, † 1797 г., т. XXXIII, 195.

Черняевъ, Иванъ Петр., 1845 г., т. XXXIV, 460.

Черняевъ, Мих. Григор., бывш. восп-къ

дворянс. полка, нынѣ ген.-адъют., т. XXXIV, 802.

Чесновичъ, унт.-офиц., † 1855 г., т. XXXIV, 56.

Четвертинскій, маіоръ, 1797 г., т. XXXIII, 446.

Чижовъ, Фед. Вас., изд. и редакт. журн. «Вѣстникъ Промышленности», 1861 г., т. XXXIV, 472.

Чиркинъ, А. Д., орловск. миров. посредн., 1864 г., т. XXXIII, 616.

Чистовичъ, И. А.; ссылка на его мнѣніе о кн. А. И. Голицынѣ, т. XXXIII, 768.

Чичачева, вос-ца Общяны, т. XXXIII, 124.

Чичаговъ, адмир., 1812 г., т. XXXIII, 13.

Чубаровъ, капит., ротн. команд., † 1855 г., т. XXXIV, 49, 50.

Чупровъ, А. И., нынѣ проф., московск. универс., т. XXXIV, 583, 584.

Чухнинъ, Иванъ Андреев., пятигорск. мѣщанинъ, 1881 г., т. XXXIII, 259—262.

Шаликовъ, кн., писат., 1797 г., т. XXXIV, 775.

Шалинъ, камердинеръ имп-цы Маріи Феодоровны, 1826 г., т. XXXIII, 126; т. XXXIV, 387.

Шалфеевъ, Ив. Ив., директ. курск. учительск. школы, т. XXXIII, 621.

Шамилъ, имаѣмъ Чечни и Дагестана, † 1871 г., т. XXXIII, 340, 347.

Шарлеманъ, А. А., проф. акад. худож., т. XXXIII, 827.

Шафарикъ, чешскій ученый, 1839 г., т. XXXIII, 728.

Шаховской, князь, морской офицеръ т. XXXIII, 27.

Шварцъ, М. П., командиръ редута, 1855 г., т. XXXIV, 38, 40, 44.

Швачкинъ, Т. Гр., Пятигорскій комендантъ, 1881 г., т. XXXIII, 259.

Швебъ, г.-лейт., 1866 г., т. XXXIV, 737.

Швейговскій, см. Пovalo-Швейговскій.

Шевичъ, Марія Христофор., рожден. Бенкендорфъ, т. XXXIV, 381.

Шевченко, Тарасъ Григор., малоросс. поэтъ-художн., р. 1814 † 1861 г., т. XXXIV, 744.

- Шевыревъ**, Степ. Петр., проф. московс. унив., 1850 г., т. XXXIV, 185, 450, 454, 455.
- Шеллингъ**, проф., 1841 г., т. XXXIV, 182, 183, 188.
- Шельтингъ**, ген.-маіоръ, команд. арханг. порта, 1767 г., т. XXXIII, 178.
- Шеметевъ**, комисіонеръ Егора Платицына, 1838 г., т. XXXIV, 781.
- Шеншинъ**, депут. отъ дворянс., 1858 г., т. XXXIII, 609, 610.
- Шепелевъ**, секундъ - маіоръ, 1770 г., т. XXXIV, 307.
- Шереметьевъ**, генер., 1829 г., т. XXXIV, 169.
- Шереметевъ**, генер., нижегородс. депутатъ, 1858 г., т. XXXIV, 415.
- Шестаковъ**, полк., 1855 г., т. XXXIV, 739.
- Шеферъ**, франц. консулъ въ Тризондѣ, 1864 г., 359.
- Шидловскій**, 1858 г., т. XXXIV, 421.
- Шидлингъ**, г.-маіоръ, 1799 г., т. XXXIII, 447.
- Шильдеръ**, Карлъ Андреев., ген.-адъют., р. 1785 † 1854 г., т. XXXIV, 162, 170.
- Шильдеръ**, Никл. Карл., ген.-адъют. Сообщ. Письмо прусскаго фельдмарш. гр. Гнейзенау къ гр. А. И. Чернышеву, 12 июня 1831 г., т. XXXIII, 839—840.
- Шимановскій**, т. XXXIV, 496.
- Ширинскій-Шихматовъ**, кн. Платонъ Алсдр., министръ народн. просвѣщ., 1850 г., т. XXXIII, 607; т. XXXIV, 178.
- Ширинскій-Шихматовъ**, кн. Сергѣй Алесдр., акад., 1817 г., т. XXXIII, 22, 690.
- Шиховъ**, Алсд. Семенов., адмир., писат., мн-ръ народн. просвѣщенія, р. 1763 † 1841 г., т. XXXIII, 40—43, 59, 195, 455, 462; т. XXXIV, 184.
- Шюотъ**, жандармск. офицеръ, 1868 г., т. XXXIV, 782.
- Шлецеръ**, проф., ученый, т. XXXIV, 449, 459.
- фонъ-Шлихтингъ**, Карл., полковникъ, т. XXXIV, 643.
- фонъ-Шлихтингъ**, Прасковья Ефимовна, рожд. Трощинская, т. XXXIV, 643.
- Шприггеръ**, штабъ - леваръ, 1828 г., т. XXXIV, 283, 284.
- Шредеръ**, ротм., 1770 г., т. XXXIV, 306.
- Шрейбергъ**, бывш. восп.-къ дворянс. полка, т. XXXIV, 802.
- Шрейнцеръ**, художн.-портрет., 1850 г., т. XXXIII, 638.
- Штанферъ**, ученый и писат., † 1841 г., т. XXXIV, 182.
- Штейнгейль**, бар., Влад. Иванов., отст. подполковн., декабр., р. 1784 † 1862 г. Записки Несчастнаго, написанныя со словъ Вас. Павл. Колесникова въ Петровск. заводѣ въ Сибири въ 1835 г., т. XXXIII, 183—160; уюм. т. XXXIV, 474, 704.
- Штейнманъ**, проф., директ. спб.-аго училища св. Петра, 1861 г., т. XXXIV, 537.
- Штейнъ**, баронъ, офиц.-воломт., † 1770 г., т. XXXIV, 314.
- Штеггеръ**, полк., 1827 г., т. XXXIV, 385.
- Штокмаръ**, ген.-маіоръ, предсѣд. приемной комисіи, 1865 г., т. XXXIV, 780.
- Шторжъ**, Андрей, 1826 г., т. XXXIII, 124; т. XXXIV, 386.
- Шторжъ**, Никл. Андр., ссылка на доставл. имъ документъ: «Завѣщаніе императрицы Маріи Ѳеодоровны», т. XXXIII, 87.
- фонъ - Штрандманъ**, Густавъ-Эрнестъ, ген.-ивфант., р. 1742 † 1803 г. Дневникъ его съ 1769—1803 г., т. XXXIV, 289—318.
- фонъ-Штрандманъ**, Никл. Карл., ген.-маіоръ. Сообщ. Записки своего дѣда, ген.-ивф. Густава фонъ-Штрандмана, съ 1769—1800 г., т. XXXIV, 289—318.
- Шубертъ**, ученый-астрономъ, т. XXXIII, 25, 26.
- Шульгинъ**, спб. об.-полковмест., 1821 г., т. XXXIII, 475.
- Щульцъ**, В. К. Сообщ. Четвероститіе Вл. Бенедиктова: «Къ портрету Ивана Карловича Гебгардта», т. XXXIII, 530; замѣтка его: «Портреты М. Ю. Лермонтова, изданныя въ 1842—1856 г., 826—827; статья его: «Лермонтовъ въ переводѣ французск. писат., 1842—1875 г.», т. XXXIV, 223—240, 483—498;

0
.
7:
,
o
l,
+
7,
05.
p-
in
5,
-
:
.
-
:
-
-

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. **1882** года.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

стр.

- I.** Записки Густава фонъ-Штрандмана 1742—1803. Переводъ съ нѣмецкой подлинной рукописи. Сообщ. Н. К. фонъ Штрандманъ: годы 1742—1770. 289—318
- II.** Записки Дмитрія Ивановича Ростиславова, профессора Спб. духовной академіи, о православномъ духовенствѣ. Глава XV. 585—614
- III.** Первые годы С.-Петербургскаго оружнаго интендантства, 1861—1866 гг. Записки ген.-лейтенанта В. Д. Бренке. Главы I—V. 499—524; 715—738
- IV.** Севастополь съ 21-го марта по 28 августа 1855 г. Воспоминанія А. А. Вязмитинова. Гл. I—IV. 1—70
- V.** Воспоминанія и замѣтки Александра Филипповича Фролова (декабриста): Вопросъ о занятіи Амурскаго края.—Декабристы въ Читѣ и въ Петровскѣ. Главы I—IX. 465—482; 701—714
- VI.** Записки сенатора Якова Александровича Соловьева о крестьянскомъ дѣлѣ въ 1857—1858 гг. Глава пятая 105—154; 389—426
- VII.** Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ. Главы XXXVII—XXXVIII: Гарibaldi въ Англии. 755—774

	стр.
VIII. Записки Сельскаго Священника: бѣлое духовенство и его интересы. Главы XVII—XXIV	71—104
Замѣтка къ „Запискамъ Сельскаго Священника“. Сообщ.	
А. Гусевъ	792
IX. Вселенскій орденъ Возстановленія. Записки Д. И. Завалишина.	
Замѣтка къ статьѣ, напечатанной въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г. т. XXXIII, кн. 1. Сообщ. Д. И. Завалишинъ.	563

Исслѣдованія и біографическіе очерки.

I. Амвросій Протасовъ, архіепископъ Тверской, 1762—1831. Біографическій очеркъ. Гл. I—IV. Статья В. И. Жмакина.	615—640
II. Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, 1754—1829 г. Біографическій очеркъ. Главы I—IV	641—682
III. Моршанскіе скопцы въ 1812—1869 гг. Исслѣдованіе. Составилъ и сообщ. И. Дубасовъ.	777—785
IV. Князь Александръ Аркадіевичъ Суворовъ. Воспоминанія о немъ проф. И. Е. Андреевскаго.	525—542
V. Великая Княгиня Елена Павловна † 1873 г. Попроба къ ея жизнеописанію, напечатанному въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г. т. XXXIII, кн. 3. Сообщ. И. Рудницкій.	564
VI. Иванъ Петровичъ Голевъ 1805—1880 гг. Біографическій очеркъ, напечат. въ „Русск. Стар.“ изд. 1881 г. т. XXX, кн. 4. Замѣтка къ нему: „Бельгардъ“. Сообщ. А. Полторацкій.	739—742

Акты, указы, переписка, рассказы, очерки, замѣтки.

Время до Петра I.

I. Списокъ съ указа царя Алексѣя Михайловича, 18 мая 1651 г.	277
--	-----

Царствованіе Павла I.

- стр.
- I. Русскіе писатели въ царствованіе императора Павла.
Сообщ. кн. Н. Н. Туркестановъ 775—776
- II. Письмо генерала Костюшко императору Павлу, 4 августа
1798 г. 241

Царствованіе Александра I.

- I. Дворянскій полкъ, основаніе его въ 1807 г.—Празднованіе
75-лѣтней годовщины дня основанія 14 марта 1882 г. 797—802
- II. Письмо генерала Костюшко императору Александру I,
9 апр. 1814 г. 242—243
- III. Письмо импер. Александра I ген. Костюшкѣ 3 мая 1814 г. 243
- IV. Всепод. донесеніе ген.-адъют. Чернышева 4 апр. 1815 г. 243—245
- V. Два письма ген. Костюшко императору Александру I,
13 июня 1815 г. 245—247
- VI. Событія въ Варшавѣ въ 1816 г. Разсказъ Эрдберга. Перев.
съ нѣмецкаго 250—253
- VII. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ Варшавѣ въ 1816—
1828 гг. 258—275
- VIII. Императоръ Александръ I и сеймы въ Варшавѣ 1820—
1825 гг. 253—258
- IX. Бнязь А. Н. Голицынъ и архимандритъ Фотій, въ 1822—
1825 гг. Переписка. Сообщ. съ предисловіемъ профессоръ
Н. И. Барсовъ 205—222; 427—442; 683—700
- X. Записки и повелѣнія имп. Александра I. 1823 г. 282
- XI. Всеподданнѣйшій рапортъ цесаревича Константина Пав-
ловича, 6 янв. 1824 г. 277—278
- XII. Императоръ Александръ I и его военные сподвижники:
гр. М. С. Воронцовъ, С. Маевскій, Храповицкій, Ермо-
ловъ. Сообщ. Н. С. Маевскій 195—204

Царствованіе Николая I.

- I. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ Варшавѣ въ 1816—
1828 гг.
(См. выше).
- II. Резолюція импер. Николая въ мартѣ и сентябрѣ 1826 г. 280—285
- III. Императрица Марія Ѳеодоровна: собственноручныя ея за-
мѣтки къ духовному завѣщанію, 21 янв. 1827 г. Сообщ.
въ 1877 г. Н. А. Шторхъ 319—388

	стр.
IV. Записка имп. Николая гр. Дибичу, 8 сент. 1827 г.	283
V. Высочайшій выговоръ ген.-адъют. Закревскому 20 авг. 1828 г.	284
VI. Императоръ Николай Павловичъ и графъ Дибичъ-Забалканскій. Переписка во время Русско-Турецкой войны, 1829 г.	159—176
VII. Александрійскій гусарскій полкъ въ 1829 г. Замѣтка къ «Запискамъ принца Евгенія Виртембергскаго», напеч. въ «Русс. Стар.» изд. 1880 г. т. XXIX стр. 43—56. Сообщ. А. А. Вязмитиновъ.	286
VIII. Предписаніе графа Чернышева кронштадтскому военному губернатору вице-адмиралу Рожнову, 5 августа 1830 г. и отвѣтъ нослѣдняго, 7 августа 1830 г.	285—286
IX. Рескриптъ фельдмаршалу гр. Сакену 29 окт. 1831 г.	276
X. Нѣмцы на Святой Руси. Замѣтки.	786—792
XI. Басня: «Медвѣдь и Бобры». Сообщ. въ 1871 г. В. К. Шульдцъ	795—796

Царствованіе Александра II.

Б. I. Замѣтка къ письму В. И. Назимова, напечат. въ «Русск. Стар.» изд. 1882 г. т. XXXIII, кн. февраль. Сообщ. Н. Щеховской.	287
--	-----

I. Замѣтка къ азбучному «Указателю» Записокъ С. А. Порошина, 1764—1766, приложенному къ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г. т. XXXIII: И. М. Синельниковъ. Сообщ. И. И. Мурзакевичъ.	288
---	-----

Исторія русской литературы.

I. Александръ Ивановичъ Тургеневъ:

I. Письма его къ К. С. Сербиновичу, 1827—1845 гг. Сообщ. въ 1871 г. Конст. Степ. Сербиновичъ. 177—194; 443—462	
II. Примѣчанія къ письмамъ А. И. Тургенева 1827—1845 гг. Сообщ. Н. П. Барсуковъ. . . 177—194; 443—462	

СТР.

- II. Кн. Александръ Ивановичъ Одоевскій † 1839 г.
Замѣтка къ поэмѣ его «Василько». Письмо въ редакцію
А. П. Бѣляева. 564
- III. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ:
Критическій обзоръ стихотвореній Лермонтова въ пере-
водѣ французскихъ писателей 1842—1875 гг. Составилъ
и сообщ. В. К. Шулъцъ. 223—240; 483—498
- IV. Михаилъ Александровичъ Бестужевъ † 1871 г.
Замѣтка къ портрету его, приложенному къ «Русской
Старинѣ» изд. 1882 г. т. XXXIV, кн. 5 564
- V. Александръ Николаевичъ Поповъ † 1877 г.
Биографическая о немъ замѣтка 463—464
- VI. Андрей Парфеновичъ Заблоцкій-Десятовскій:
Поправка къ книгѣ «Графъ Киселевъ». Сообщ. профес-
соръ. В. С. Иконниковъ 286
- VII. Посвящено памяти Ѳедора Ѳедоровича Эвальда.
1. Вопросъ въ С.-Петербург. Городской Думѣ о начальныхъ
народныхъ училищахъ 10 марта 1882 г. 543—562
2. Рѣчь Гласнаго М. И. Семевского 549—554
3. Рѣчь Гласнаго Н. В. Латкина. 556—557
4. Рѣчь Гласнаго В. И. Лихачева 558—559
- VIII. Василій Ивановичъ Семевскій.
1. Рѣчь, произнесенная имъ въ Императорскомъ Москов-
скомъ Университетѣ предъ диспутомъ при защитѣ диссер-
таціи на степень магистра Русской Исторіи, 17 февраля
1882 г. 565—578
2. Диспутъ его въ Императорскомъ Московскомъ Универ-
ситетѣ 17 февраля 1882 г. 579—584

Къ исторіи художествъ.

СТР.

- I. Иванъ Петровичъ Келеръ, профессоръ живописи,
1826—1882 гг. Біографическій очеркъ. Главы I—II .
743—754
- II. Иванъ Павловичъ Брюлловъ, художн. 1817—1834 гг.
Біографическая замѣтка. Сообщ. Э. Э. Львовъ. 793—794

Портреты.

- I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 гг.
Рисунокъ составилъ проф. А. Шарлеманъ, рисоваль К. О.
Брожъ, гравироваль академикъ Л. А. Сѣряковъ.
(См. заглавную вивѣтку).
- II. Портретъ Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго (р. 1754 †
1829 г.) Гравироваль И. И. Матюшинъ, ученикъ академика
Л. А. Сѣрякова.
(См. стр. 585).
- III. Портретъ поэта кн. Александра Ивановича Одоевскаго †1839 г.
Гравироваль Г. И. Грачевъ, ученикъ Академика Сѣрякова.
(См. стр. 1).
- IV. Портретъ Михаила Александровича Бестужева, род. 1800
†1871 г. Гравироваль Г. И. Грачевъ, ученикъ Академика Сѣ-
рякова.
(См. стр. 289).

- I. Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ XXXIII
и XXXIV томахъ „Русской Старины“ изд. 1882 года. 1—80
- II. Систематическое оглавленіе XXXIV-го тома „Русской
Старины“ изд. 1882 года I—VII
- III. Поправки и опечатки V—III

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Архивъ князя Воронцова. Книга XXII. М. 1881. 558 стр. (На оберткѣ 4-й книги „Русской Старины“ 1882 г.).
2. Историческіе матеріалы. Изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія. В. I. Изд. ред. Кіев. Губ. Вѣд. К. 1882 г. 211. (Тамъ-же)
3. Н. В. Гербель: гимназія высшихъ наукъ и лицей князя Безбородко. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1881 г. 474 + CLXXXVIII стр. въ 8 д. л. (десять литографій). (Тамъ-же).
4. Рейссеръ. Исторія реформаціи. Подъ редакцію Виктора Михайловскаго. Изданіе Н. И. Мамонтова. Москва и Петербургъ 1882 г. LXXXIII+274 стр. въ 8 д. л. (Тамъ-же).
5. М. Н. Петровъ. Изъ всемірной исторіи очерки. Изд. 2-ое просмотрѣнное и дополненное Харьковъ, 1882 г. 497 стр. въ 8 д. л. (На оберткѣ 5-й книги „Русской Старины“ 1882 г.).
6. И. Иванюковъ. Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи. Спб. 1882. 404 стр. въ 8 д. л. (Тамъ-же).
7. Матеріалы для родословія Леонтьевыхъ и Петрово-Соловьевыхъ. Казань. 1881. 47 стр. безъ оборота въ 8 д. л. и родословная таблица. (Тамъ-же).
8. Ф. Орловъ. Очеркъ исторіи С.-Петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха Вильгельма III полка (1726—1880). Спб. 1881. XII+VI+800 стр. въ 6. 8 д. л. (Тамъ-же).
9. Историческіе матеріалы. Изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія, вып. I. Издалъ редакторъ неофициальной части Кіевскихъ губернскихъ вѣдомостей А. А. Кіевъ. 1882. 211 стр. въ м. 8 д. л. (Тамъ-же).
10. А. А. Титовъ. Охранный каталогъ славяно-русскихъ рукописей. Выпускъ первый. Ростовъ 1881. II+214+11 въ 16 д. л. (Тамъ-же).
11. Балетъ, его исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. Балетомана. Спб. IV+280 стр. въ 8 д. л. (Тамъ-же).
12. Н. Макаровъ. Мои семидесятилѣтнія воспоминанія и съ тѣмъ вмѣстѣ моя полная предсмертная исповѣдь. Часть первая. Спб. 1881. XII+195 стр. Часть вторая 150+59 стр. Часть третья 235 стр. въ 8 д. л. (Тамъ-же).
13. А. А. Навроцкій. Картины минувшаго. Стихотворенія и драматическіе отрывки. Спб. 1881. 328 стр. въ 8 д. л. (На оберткѣ 6 й книги „Русской Старины“ 1882 г.).
14. Архивъ князя Воронцова, книга XXIV. М. 1880. (Тамъ-же).
15. Семейство Разумовскихъ. Т. III. Свѣтлѣйшій князь Андрей Кирилловичъ. Ч. I. 530. (Тамъ-же).
16. Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года. Соч. П. Знаменскаго. Казань. 1881. 806 стр. (Тамъ-же).
17. Сборникъ Московскаго главнаго архива минист. иностран. дѣлъ. Вып. II. Изд. комисіи печатанія грамотъ и договоровъ М. 1881. 133+XX. (Тамъ-же).

Поправка. Т. XXXIV, апрѣль:

Стр. 181. На пятой строкѣ сверху напечатано:
 «Жуковскій въ письмѣ своемъ къ Великому Князю Константину
 Николаевичу отъ 10 декабря 1840 г. между прочимъ писалъ»...
 Слѣдуетъ читать: «...къ Великому Князю Наслѣднику Цесаре-
 вичу Александру Николаевичу.

О п е ч а т к и .

Томъ XXXIII.

		напечатано:	читай:
Февраль. стр.	472—373	на верху	472—473.
"	474—275	на верху	474—475.
"	511	2-я стр. снизу: обѣ колонны	обѣ колонны
"	537	14 " снизу: соейства	семейства
Мартъ.	638	13 " снизу: въ работахъ	въ работахъ
"	644	15 " сверху: послѣдніе годы	послѣдніе годы.

Томъ XXXIV.

Апрѣль.	"	284—852	на ве; ху	284—285.
Май.	"	535	2-я " снизу: Ю. Г. Богуславскій; Н. Г. Богуславскій.	

Въ біографіи Рутцена (т. XXXIII, мартъ) раза три напечатано: М е з е н-
 с к і й уѣздъ; читай: М ц е н с к і й (Орловск. губерніи).

„РУССКАЯ СТАРИНА“

третье издание „Русской Старины“, годъ первый, 1870 г., двѣнадцать книгъ, въ трехъ томахъ.

Въ третьемъ изданіи «Русской Старины» 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генераль-фельдмаршала кн. **Н. Ю. Трубецкаго**;—Записки исторіографа кн. **М. М. Щербатова** о поврежденіи нравовъ въ Россіи;—сенатора **П. С. Рунича** о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ;—Записки придворнаго бриллианщика **Позье** (1729—1764 гг.);—Отчеты **Лагарпа** о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей;—Петербургъ въ 1781 году, замѣтки **Пинара**;—Записки Михаила Александровича **Бестужева** (1824—1826 гг.);—Разказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.;—Записки творца русской оперы **Михаила Иван. Глинки** (1804—1854 гг.);—Записки императора **Николая Павловича** о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.);—Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г., записки **Я. П. Баиланова**;—Оборона Камчатки въ 1854 г.—разказъ контръ-адмирала **Арбузова**, и проч., и проч.—Болѣе сотни сообщеній, разказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII-го вѣка—біографическіе очерки **П. Ѳ. Карбанова**.—Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: **И. А. Крылова**, **Батюшкова**, **Пушкина**, **Гоголя**, **Рылѣва**, **А. Одоевскаго**, **Кюхельбекера**, **Баратынскаго**, **Н. Полеваго**, **Вигеля**, **Я. И. Ростовцева** и другихъ.

Приложеніе къ третьему изданію «Русской Старины» 1870 г. составляетъ первый томъ Записокъ **Болотова**, вновь пересмотрѣнный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированныхъ академикомъ **Л. А. Стряковымъ** рисунковъ.

Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

[Въ хоѳошемъ переплетѣ 11 руб.].

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд 1876 г.

второе изданіе, съ портретами: Лжедмитрія I, полководца Михельсона, кн. Платона Зубова, А. П. Ермолова—всѣ эти гравюры на мѣди исполнены акад. И. П. Пожалостинымъ. Портреты Екатерины II и графа Аракчеева—гелиографическіе снимки. Портреты—Емельяна Пугачева, кавказ. генерала Клугенау и В. Г. Бѣлинскаго—гравюры акад. Л. А. Сѣрякова.—Снимокъ съ указа о смерти Петра Великаго, 1725 г.

Содержаніе: Записки Гарновскаго, одного изъ ближайшихъ лицъ къ кн. Потемкину-Таврическому: дворъ императрицы Екатерины II въ 1786—1790 гг. Подлинная переписка Екатерины II съ кн. Потемкинымъ, 1782—1791 гг.—Бесѣды Екатерины II о дѣлахъ государственныхъ, 1772—1777 гг.—Домашній памятникъ, г. е. Записки Н. Г. Левшина о событіяхъ начала царствования Александра I.—Записки А. С. Стурдзы о судьбѣ православной церкви русской въ царствование Александра I.—Автобіографія и переписка академика А. Л. Витберга, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.—Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ: очерки жизни московскаго общества и университетской молодежи, 1835—1842 гг.—Записки Ивана Степановича Жиркевича: порядки военнаго управленія, 1827—1837 гг.—Моя жизнь и художественно-археологическіе труды, рассказы профес. Фёдора Григорьевича Солнцева: академія художествъ до 1820-хъ гг.; поѣздки по Россіи съ а; геологическою цѣлью; возстановленіе древностей въ кіевскихъ соборахъ; посѣщенія кіевскихъ святынъ императоромъ Николаемъ I; рассказы о нѣкоторыхъ іерархахъ; рассказы о художникахъ (К. П. Брюлловъ) и проч. дѣятелях.—Воспоминанія артиста П. А. Каратыгина, вдовы адмирала Л. И. Рикордъ и друг.—Митрополитъ Ростовскій Арсеній Мацѣвичъ—историческій очеркъ профес. Н. И. Барсова.—Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II, очеркъ изъ историческаго изслѣдованія В. И. Семевского.—Бунтъ Беневскаго въ Камчаткѣ въ 1771 г.—Москва въ 1770—1771 гг.—статья академика С. М. Соловьева.—Павелъ Полуботокъ—статья Н. И. Костомарова.—Главные пособники Емельяна Пугачева—въ ихъ собственныхъ показаніяхъ на судѣ (по подлинному о нихъ дѣлу). Михельсонъ, побѣдитель Пугачева—біографическій очеркъ.—Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ (1767—1822 гг.)—историко-біографическій очеркъ.—Самсонъ-ханъ Макинцевъ и русскіе бѣглецы въ Персіи въ 1806—1855 гг.—статья ад. Берже.—Профессоръ Илья Васильевичъ Буяльскій его біографія, составленная проф. Я. А. Чистовичемъ.—Г. О. Осиповскій, ректоръ Харьковскаго университета.—Холерный бунтъ въ 1831 г., рассказъ очевидца.—Артемій Волинскій, М. М. Сперанскій, А. П. Ермоловъ, М. И. Глинка, архимандритъ Новгородскаго Юрьева монастыря Фотій, протоіерей Самборскій, А. С. Грибоѣдовъ—въ ихъ неизданныхъ, вновь открытыхъ письмахъ. Письма, планы и предначертанія императора Николая Павловича, а также записки и донесенія кн. М. Д. Горчакова и кн. И. Ѳ. Паскевича о войнѣ съ Турціей въ 1853—1854 гг.—Кромѣ перечисленныхъ статей и матеріаловъ—въ „Русской Старинѣ“ 1876 г. помѣщено до 100 историческихъ рассказовъ, анекдотовъ, біографическихъ и генеалогическихъ замѣтокъ.—По исторіи отечественной словесности—„Русская Старина“ 1876 г. представила новыя данныя о В. Г. Бѣлинскомъ (двѣ большія статьи); Н. В. Гоголь— по неизданнымъ письмамъ (1827—1828 гг.) и проч. и проч.

Цѣна „Русской Старины“ 1876 г., 12 книгъ съ портретами.

8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

ИЗД. 1877. г.

съ портретами: кн. Е. Дашкова, графъ А. Мамоновъ, кн. Голенищевъ-Бутузовъ-Смоленскій, московскій митрополитъ Филаретъ, М. Ѡ. Орловъ, княгиня Жаннета Ловичъ—супруга цесаревича Константина Павловича, кавказскій имамъ Шамиль, Н. Н. Муравьевъ (Карскій), К. В. Чевингъ, И. А. Яковлевъ.—Рисунки: галера императрицы Екатерины II и памятникъ Архипу Осипову. Снимки съ рѣдкихъ медалей и снимокъ съ подлиннаго письма императора Александра I, 1812 г.

Въ 12-ти книгахъ „Русской Старины“ за 1877-й годъ, восьмой годъ изданія, между многими другими статьями, напечатаны: Турецкая неволя—историческій очеркъ.—Ирпостыль престяно при Екаторинѣ II.—Сельскій священникъ—въ Россіи въ половинѣ XVIII-го вѣка.—Россія сто лѣтъ назадъ—путешествіе англійскаго историка Кокса.—Записки берлинскаго профес. академика Гьёбо о встрѣчахъ и знакомствахъ съ замѣчательными русскими людьми въ 1765—1785 гг.—Герцогиня Мингтонъ въ Россіи.—Бракоразводное дѣло Евдеи Гаммибаль.—Екатерина II и Густавъ III.—Невѣсты цесаревича Павла Петровича.—Русское войско въ царствованіе Павла Петровича.—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—историко-біографическій очеркъ.—Отечественная война 1812 года—историко-критическое изслѣдованіе по новымъ источникамъ.—Посольство Ермолова въ Персію въ 1817 году.—Записки Шуазель-Гуфье объ императорѣ Александрѣ I и его времени.—Уничтоженіе масонскихъ ложъ въ Россіи—по вновь открытымъ матеріаламъ.—Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848—1849 гг.—Записки П. А. Каратыгина.—Воспоминанія Г. П. Пассенъ.—Дневникъ барона А. П. Николая: война Россіи съ Венгріей въ 1849 г.—И. Мещниковъ въ Крымскую войну, по разсказамъ его адъютанта А. А. Панаева.—Воспоминаніе о Г. И. Грановскомъ—Селиванова, одного изъ товарищей его по воспитанію, и проч.—Россія и Турція въ 1853—1855 гг.: письма императора Николая Павловича и донесенія его полководцевъ.—Федоръ Карловичъ Затлеръ, біографическій очеркъ и переписка.—Воспоминанія о Восточной войнѣ 1853—1855 гг., доктора А. Генрици.—Шамиль и его семья въ Калугѣ, записки пристава при имамѣ въ 1862—1865 гг., полковника П. Г. Пржецлавскаго.—И. В. Чевингъ: первая главы его біографіи и проч.—Вообще въ двѣнадцати книгахъ изданія „Русской Старины“ 1877 г., между многими другими статьями, напечатаны: изслѣдованія, очерки и статьи: профес. Н. И. Барсова, А. П. Берже, М. И. Богдановича, проф. М. И. Герчикова, акад. Я. И. Грота, И. Е. Забѣлина, профес. В. С. Мюшкетера, Д. И. Иловайскаго, Е. П. Карновича, Н. И. Костомарова, П. А. Кушнина, П. С. Лебедева, И. И. Ореуса, А. Н. Попова, Д. Д. Рябинина, В. И. Семевскаго, проф. В. И. Сергѣевича, акад. С. М. Соловьева, В. В. Стасова, А. Н. Строва, И. И. Шамшова, Н. К. Шмидера и многихъ другихъ.

Цѣна „Русской Старины“ 1877 г., 12 книгъ съ портретами, —
8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1880 г.

Издание второе. Цѣна—восемь рублей съ пересылкой.

При „Русской Старинѣ“ 1880-го года приложены портреты: Императора Александра II; — императрицъ Екатерины I и Елисаветы Петровны; — императора Петра II; — А. С. Пушкина (въ гробу, 29-го января 1837 г.); — протоіерея Г. П. Павскаго, — И. С. Тургенева; — И. А. Гончарова; — гр. Л. Н. Толстаго; — А. Н. Островскаго; — Д. В. Григоровича; — А. В. Дружинина; — поэта Тараса Шевченко; — графа П. Д. Киселева, — фельдмаршала кн. А. М. Барятинскаго; — С. Р. Лепарскаго и А. Н. Сѣрова.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1880-го года, [однанадцатый годъ изданія], между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки Д. М. Ростиславова (одиннадцать главъ). — Записки Толчева: Дворянскій полкъ въ царствованіе Александра I. — Записки А. П. Бѣлаева (декабриста, восемь главъ). — Записки принца Евгения Вюртембергскаго о войнѣ 1828 г. и событіяхъ, за нею слѣдовавшихъ. Подлинная переписка императора Николая Павловича съ Дибичемъ. — Записки И. В. Селванова: губернаторъ Панчулидзева и смьлка въ Вятку. — Генералъ-губернаторы Закревскій и П. А. Тучковъ. — Записки Сельскаго Священника; — Записки Я. М. Неетрова: схимникъ Серафимъ въ Саровѣ. — Записки сенатора Я. А. Соловьева: крестьянское дѣло въ 1856 1859 гг. — Записки М. Я. Ольшевскаго: Кавказъ и кавказцы въ 1856—1860 гг. — Историческіе рассказы и анекдоты изъ Записокъ Богуславскаго и Е. Н. Львовой († 1864 г.). — Воспоминаніи артистки Я. А. Петровой, рожденной Воробьевой. — Переходъ русской арміи черезъ Балканы зимою 1877 г. — историческій очеркъ А. И. Пузыревскаго. — Великій Новгородъ — статья М. И. Костомарова. — Герасимъ Петровичъ Павскій: его жизнь и ученая дѣятельность — историко-біографическій очеркъ профес. Н. И. Барсова. — Рѣчь Императора Александра II въ Государственномъ Советѣ 23-го января 1861 г. — Историческія и историко-біографическія статьи и очерки по поводу двадцатипятилѣтней годовщины дня востества на престолѣ Александра II. — Очеркъ профессора И. Е. Андреевскаго: Ходъ распространенія политическихъ знаній въ Россіи въ 1855—1880 гг. — Русская историческая наука въ двадцатипятилѣтіе 1855—1880 гг. — статья профессора В. С. Иконникова. — Присоединеніе Грузіи къ Россіи, — историческое изслѣдованіе Ад. П. Берже и проч. — Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, замѣтки, относящіяся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: Н. В. Бергъ, П. А. Ефремовъ, А. Д. Крыловъ (къ исторіи отъѣзду питейныхъ откуповъ въ Россіи), — кн. В. И. Барятинскій (письма Шамиля), — профес. О. Э. Миллеръ, — В. А. Панаевъ (біографическій очеркъ атамана М. Г. Хомутова), М. Н. Кучаевъ (біографія Лепарскаго), В. Г. Триоговъ, В. И. Лѣствицынъ, Н. К. Богусевскій и многихъ другихъ. — По исторіи русской словесности въ „Русской Старинѣ“ 1880 г. особенно много напечатано статей и матеріаловъ, относящихся до А. С. Пушкина (окончаніе біографіи, его письма и стихотворенія, рассказы и воспоминанія о немъ и проч.). А также помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: В. А. Жуковскій (его планъ воспитанія Наслѣдника 1826 г.); — Г. П. Павскій (его переводъ „Слова о полку Игоревѣ“); — В. Г. Бѣлинскій, (воспоминанія о немъ товарища по университету); — Т. П. Грановскій (воспоминаніе о немъ Я. М. Невѣрова); Т. Г. Шевченко (воспоминаніе о немъ профессора Н. И. Костомарова). — П. А. Каратыгинъ (собраніе стиховъ и проч.).

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7, въ редакцію „Русской Старины“.

скій полатился ссылкой. Съ другой точки зрѣнія эти обстоятельства были переданы въ книгѣ Лебедева: «Графы Панины» (Спб. 1863).

Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года. Соч. П. Знаменскаго. Казань. 1881. 806 стр. Ц. 4 р.

Обращаемъ вниманіе на этотъ цѣнный вкладъ, сдѣланный въ исторію русской школы и просвѣщенія авторомъ извѣстныхъ трудовъ по исторіи русской церкви. Исторію духовныхъ школъ онъ разсматриваетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) начальное заведеніе духовныхъ школъ при Петрѣ I: а) духовныя школы до учрежденія св. синода; б) дух. школы послѣ учрежденія синода. 2) Состояніе духовныхъ школъ при преемникахъ Петра: а) новыя духовныя школы и открытіе духовныхъ семинарій; б) управленіе и содержаніе духовныхъ школъ; в) ученики духовныхъ школъ; г) учебная воспитательная часть духовныхъ школъ. 3) Состояніе духовныхъ школъ съ восшествія на престолъ Екатерины II. Предположенія касательно реформы духовныхъ школъ: а) штатныя оклады, открытіе новыхъ школъ, внѣшняя организація школьнаго образованія; б) сословное значеніе духовныхъ школъ; в) содержаніе духовныхъ школъ; г) состояніе учебно-воспитательной части.

Почтенный трудъ автора составленъ на основаніи массы источниковъ первой руки, по спеціальнымъ изслѣдованіямъ о нѣкоторыхъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и матеріаламъ, помѣщеннымъ въ разныхъ мѣстныхъ, малодоступныхъ, изданіяхъ (наковы еварх. вѣдомости и т. п.). Вообще, трудъ этотъ впервые представляетъ полную и живую картину духовнаго просвѣщенія въ Россіи.

Сборникъ московскаго главнаго Архива минист. иностр. дѣлъ. Вып. II. Изд. комисіи печатанія грамотъ и договоровъ. М. 1881. 137+XX. Ц. 75 к.

Первое мѣсто въ настоящемъ выпускѣ должно быть, безъ сомнѣнія, отведено изслѣдованію В. А. Ульяницкаго: «Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ», представляющему очеркъ дипломатической исторіи восточнаго вопроса. Во введеніи къ нему помѣщенъ историческій

обзоръ политическаго значенія Чернаго моря съ древнѣйшихъ временъ до завоеванія Константинополя; затѣмъ прилагается исторія вопроса въ отдѣльныхъ главахъ: до турецкихъ войнъ Петра В.; до Кучукъ-Кайнарджійскаго мира 1779 г., но заканчивается въ этомъ выпускѣ лишь первой половиной XVIII стол. Въ концѣ помѣщены приложенія матеріаловъ. Помимо обширной литературы, которою воспользовался авторъ, главными источниками для него служили матеріалы москов. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ. Остальныя статьи Сборника представляютъ перепечатку изъ другихъ изданій и принадлежатъ служащимъ въ томъ же архивѣ, но важны по своему историческому интересу. Это—неизданныя письма Вольтера, письма кн. Д. А. Голицына (друга энциклопедистовъ, рус. послан. въ Парижъ и Гагъ) къ кн. А. М. Голицыну, важныя какъ для исторіи литературныхъ отношеній съ представителями франц. просвѣщенія, такъ и для исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи, (извѣстно, что и Вольтеръ писалъ проектъ о немъ). Наконецъ въ Сборникѣ помѣщены статьи объ Архивѣ (историч. очеркъ) и объ участіи его въ IV и V археологич. и III географич. съѣздахъ. Пожелаемъ скорѣйшаго выхода дальнѣйшихъ книжекъ этого полезнаго изданія, для которыхъ обѣщаны новыя очерки изъ исторіи русской дипломатіи и между прочимъ письма исторіографа Миллера къ вице-канцлеру кн. А. М. Голицыну 1768—73 г., еще нигдѣ не напечатанныя.

Упомянувъ выше объ изслѣдованіи г. Ульяницкаго, замѣтимъ, что недавно появился другой трудъ, въ значительной степени посвященный тому же предмету. Это—«Черное море, роль моря въ разныя историческія эпохи, современное экономическое и военное значеніе Чернаго моря»,— г. Литвинова (Спб. 1881), военно-статистическое разсужденіе. Къ сожалѣнію, не смотря на всю важность этого вопроса, мы должны сказать здѣсь тоже, что было нами уже высказано по поводу другаго военно-историческаго труда (Исторія второй турец. войны), а именно, что наши военные историки какъ-то произвольно пользуются историческими источниками, не обращая вниманія на ихъ относительное достоинство, а иногда и вовсе не считая нужнымъ обращаться къ непосредственнымъ источникамъ.

В. И.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1882 г.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за двѣнадцать книгъ, четыре большіе тома, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей,

ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, Большая Садовая, подлѣ Публичной Библиотеки, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова**, д. № 12. Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, статьи, обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ. — III. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр. — IV. Очерки и статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники. — V. Библиографическіе отзывы о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе рассказы, преданія и замѣтки. — Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. VII. Народная русская словесность. — VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 17 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн., съ порт. и Зап. Порошина 8 руб.

Издатель-редакторъ **М. И. Семеновъ**.